ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1872.

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи Катковъ и К
на Страстномъ бульварѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, января 16 дня 1872 г.

Цензоръ Протоіерей *С Зерновъ.*

СЛОВО

НА 12 ЯНВАРЯ 1872 ГОДА

ГОВОРЕННОЕ ВЪ ЦЕРКВИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФЕССОРОМЪ БОГОСЛОВІЯ ПРОТОІЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ.

Основанія иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ (1 Кор. III, 11).

Эти возвышенныя слова объ Основаніи всѣхъ основаній прилично воспомянуть на праздникѣ храма въ высшемъ училищѣ, которое празднуя воспоминаетъ и освящаетъ и день своего основанія.

Основаніе всяческихъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Въ Немъ изначала имѣетъ свое основаніе всякое Божіе созданіе: *вся́ческая Тѣмъ и о Немъ создашася, и всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. I, 16—17). Въ Немъ не только *начало созданія*, но и совершеніе возсозданія рода человѣческаго. Слѣдственно это не случайное основаніе человѣческой жизни, но и нѣтъ другаго основанія, на которомъ бы была возможна жизнь человѣческая: *основанія иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ.*

А нынѣ нѣкоторые думаютъ, что можно найти и будто нашли иное основаніе для жизни; и будучи увѣрены въ своемъ

изобрѣтенія, иные готовы даже силою разорять Христово созиданіе.

Это Христово созиданіе есть христіанская Вѣра, христіанская мысль, христіанская жизнь, однимъ словомъ Христова Церковь, дѣйствующая уже почти 2000 лѣтъ къ просвѣщенію и освященію всего міра. Неужели на такомъ пространствѣ исторіи Церкви не довольно ясно показано и доказано, что это есть твердо стоящее Божіе основаніе, и что Божія созиданія человѣку разорить не возможно?

Еще тогда, когда міръ думалъ стоять на своемъ старомъ языческомъ основаніи; еще тогда, когда только-что первые камни Церкви Христовой были полагаемы, враждующія силы всего міра устремились-было на разореніе. Но кто не знаетъ, чѣмъ кончилась слѣпая и грубая попытка, продолжавшаяся на немаломъ пространствѣ трехъ столѣтій? Такъ какъ Самъ Христосъ, полагая Себя въ основаніе, благоволилъ положить оное на землѣ, омочивши кровію Своею въ вѣчное утвержденіе: то кровь св. мучениковъ за Христа оказалась самою благопотребною связію для созиданія, какъ бы однородною со связію самого основанія; и ихъ безчисленные сонмы, какъ ряды *живыхъ камней* непрестанно полагаемые въ зданіе, только способствовали скорѣйшему возведенію столпостѣнъ Церкви. Не ясно ли, что основаніе Божіе твердо стоитъ, и что духознаго Божія созиданія грубая человѣческая сила разорить не можетъ, и даже—когда она *мнитъ* разорять, созиданіе идетъ еще скорѣе?

Но, можетъ быть, *духовная* сила міра сильна на дѣйствительное разореніе?—И сіе было испытано вслѣдъ за напрасною попыткою силы грубой. Она какъ бы утончилась, явилась какъ сила ума, и всеоружіемъ древней мудрости старалась не только извнѣ, но особенно извнутри разрушить, по ея мнѣнію, безумное крестное построеніе, на крестѣ утвердившееся. Это время ересей, чрезъ которыя, можетъ быть невѣдомо для нѣкоторыхъ изъ самихъ еретиковъ, враждебная Христіанству сила ухищрялась въ

изысканіи различныхъ умственныхъ противорѣчій въ Лицѣ и дѣлѣ Христовомъ, чтобъ производить смуту и раздоръ на разореніе Церкви.— Но кто не знаетъ, чѣмъ окончилась и эта попытка, продолжавшаяся также на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ? Такъ какъ Христосъ есть вѣчная Божія премудрость, Единое вѣчное Откровеніе всей полноты истины, посему-то и не можетъ быть никакого другаго основанія для истиннаго созиданія: то всѣ многоразличныя и многоизысканныя *открывшіяся о Немъ помышленія* многихъ умовъ—многихъ вѣковъ оказались только пробными камнями истиннѣйшаго Основанія и созиданія на ономъ; и открылось христіанскому разуму ясно и опредѣлительно уже *на всѣ вѣка*, что во Христѣ нѣтъ противорѣчій, что Христосъ не есть *да и нѣтъ*, но твердое истинное *да*, и что Церковь Его есть *столпъ и утвержденіе истины*.

Казалось бы, этихъ опытовъ довольно?—Но сего довольно для Вѣры, а видно еще мало для невѣрія. То дѣло, которое пришелъ разрушить Христосъ, должно разрушиться только лишь истощившись въ напрасной борьбѣ противъ новаго творенія, то есть Церкви Христовой. Посему: ничего не успѣвъ и внутри Церкви, враждебная сила тотчасъ устремилась къ внѣшнему раздѣленію христіанскаго міра. Внѣшность — это пока ея область, и здѣсь она успѣла. Однако и въ этой отторженной части, не смотря на дальнѣйшее ея раздробленіе, — и въ этихъ отдѣлившихся какъ бы храминахъ отъ великаго Дома Божія, пока въ нихъ еще тверда вѣра въ истину Основанія,— вотъ уже десять вѣковъ злая сила не можетъ произвести совершеннаго разрушенія.

Что же далѣе?—Далѣе какъ бы въ послѣднихъ своихъ попыткахъ, она видимо оставила напрасное преслѣдованіе внѣшняго раздробленія христіанскихъ общинъ; теперь она хочетъ какъ бы свести свой конецъ съ своимъ началомъ. Она обольщаетъ болѣе или менѣе всюду къ рѣшительному антихристіанству и злоупотребляетъ для этого мудростію, знаніемъ, наукою

Неужели христіанская наука, возрощенная и воспитанная христіанскою Церковію, опорочитъ себя союзомъ съ невѣріемъ?— Да не будетъ! — Впрочемъ знаменательно, что нынѣ думаютъ объосновать невѣріе тѣмъ самымъ знаніемъ, которое отъ созданія міра по преимуществу руководило человѣчество къ Вѣрѣ: ибо *невидимая Бога, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество.* Это знаніе и нынѣ совершаетъ свое служеніе Богу, и можетъ и должно приносить болѣе и болѣе *жертву чистую, благоугодную Господу* въ разумномъ служеніи. Но почему же къ этому знанію такъ пріютилось невѣріе?.

Не дивитеся сему. Тутъ главное — не наука; она берется только въ орудіе обольщенія. Въ продолженіи немногихъ десятковъ лѣтъ разныя науки брались въ орудіе этого обольщенія. Обольщеніе же это старѣе всякой науки; и оно есть самое злое обольщеніе. Нѣкогда оно именно сдвинуло съ Божественнаго Основанія все человѣчество, и погубило бы его, еслибъ не было предвидѣно и предъопредѣлено въ вѣчномъ совѣтѣ Божественное возсозданіе человѣчества.

Первый человѣкъ въ самомъ сотвореніи былъ поставленъ и долженъ былъ возрастать на томъ же Основаніи и подобнымъ же образомъ, на которомъ и какъ поставлена и растетъ теперь Церковь. Какъ же и куда же онъ низпалъ съ этого основанія; и на какомъ другомъ основаніи онъ утвердился къ своему бѣдствію? Человѣкъ могъ пребывать тамъ, гдѣ онъ былъ поставленъ, не иначе, какъ твердо вѣруя, что это есть истинно—высшее мѣсто его жизни, и что эта жизнь постоянно должна поддерживаться собственно черезъ пріобщеніе Божественнаго непреходящаго естества *подъ видомъ плодовъ древа жизни.* Или же — человѣкъ былъ воленъ сойдти съ этой вышемірной высоты въ подвластный ему міръ и жить одною съ нимъ жизнію, жизнію только естественною, съ которою онъ связанъ, но которой ему мало, — которая хотя и блага, ибо ей въ сотвореніи преподана мѣра отъ благости Хри-

стовой, но которая по сей мѣрѣ не безпредѣльно блага и не можетъ сообщить человѣку того, чего сама не имѣетъ, — чего однако человѣческое существо требуетъ, то-есть жизни Божественной, безсмертной. Человѣку было открыто, что если онъ сойдетъ съ Божественнаго Основанія, тогда самъ сдѣлается творцемъ своего бѣдствія и смерти. Вкушеніе отъ преходящей жизни естественной было предъизображено подъ видомъ тоже особеннаго древа, которое названо *древомъ познанія добра и зла*. Человѣку предстало искушеніе: неужели нельзя жить безъ Христа? Неужели умрешь живя видимо изобильною жизнію міра?—Человѣкъ вкусилъ роковаго древа и опытомъ дозналъ, чего онъ лишился; человѣкъ волею своею изначала ступилъ на *естественное* основаніе, оставивъ Божественное основаніе, и — съ собою поколебалъ саму природу: вотъ видимый источникъ зла, вотъ причина бѣдствія и смерти.

Скажите, не тоже ли самое проповѣдуетъ нынѣ невѣріе: то-есть вседовлѣемость для человѣка одной естественной жизни притомъ уже поврежденной, возможность жить безъ Христа, безъ Вѣры въ Него, безъ пріобщенія Его въ Его церкви? Какая старая неоправдавшаяся мудрость! и думаютъ, что *нынѣ* открыли новое вѣрное основаніе жизни. Защищаются наукою; а наука тутъ лишь орудіе къ обольщенію, притомъ злоупотребляемое. Нѣтъ; наукѣ лучше уподобляться древу жизни, нежели древу познанія добра и зла! Иного же основанія жизни, кромѣ положеннаго, *еже есть Христосъ*, никакая наука изобрѣсти не можетъ. Христіанство есть именно поднятіе человѣчества съ колеблющагося естественнаго основанія, не естественнаго для человѣка; равно какъ—воздвиженіе и утвержденіе самой природы. Другаго Искупленія не изобрѣтутъ и другаго возсозданія не будетъ!

Братія! Мы знаемъ, что возсозданіе человѣчества на Христовомъ Основаніи еще продолжается, еще не всѣ камни положены въ зданіе,—Божественное домостроительство еще не

окончено, и къ совершенію идетъ путемъ какъ бы медлительнымъ. Но эта медлительность не есть *косность* дѣла, какъ нѣкоторые *мнятъ*, — это есть долготерпѣніе Божіяго промышленія о спасеніи всѣхъ человѣковъ, изначала опредѣлившее Себѣ полноту мѣры. Эта медлительность есть дѣло Святой Любви, которая ожидаетъ Себѣ свободной любви человѣковъ и хочетъ спасти ихъ не безъ нихъ, но *свободою* ихъ *вѣры* въ Спасителя. Эта медлительность есть совѣтъ вѣчной Премудрости, которая опредѣлила, падшее созданіе возсоздать не погубляя его первозданной природы, но — въ ея предѣлахъ и силахъ и областяхъ; посему-то и человѣки и все человѣческое и самый міръ постепенно возводятся на Божественное Основаніе. Самая же вражда противъ Церкви Христовой только *повидимому* задерживаетъ ея созиданіе.—Когда же конецъ? *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи въ Своей власти*, — сказалъ Господь Спаситель; однако, Онъ открылъ Своей церкви, что наконецъ, когда враждебная сила, употребя послѣднее и ужаснѣйшее усиліе, возмнитъ рѣшительно разорить дѣло Христово въ основаніи; тогда Онъ Самъ уже творчески завершитъ все Свое созданіе. *Въ смотрѣніе исполненія времень возглавятся всяческая о Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли въ Немъ.* (Еф. I, 10). Аминь.

ИЗЪ ПУБЛИЧНЫХЪ АПОЛОГЕТИЧЕСКИХЪ ЧТЕНІЙ

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ИСТИНАХЪ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ

I. О ЦЕРКВИ.

Существо христіанской церкви. — Созиданіе церкви: ея цѣлость. — Средства созиданія — таинства. — Единство церкви и различіе вѣроисповѣданій. — Латинство и протестантство въ ихъ заблужденіи и въ ихъ отношеніи къ церкви. — Значеніе раздѣленія церковнаго въ отношеніи къ истинѣ церкви. — Уничиженіе церкви и будущая слава. — Существо жизни церкви, выражаемое въ ея священнослуженіи и особенно въ литургіи. — Отношеніе церкви ко внѣшнимъ кругамъ жизни.

Все твореніе премудрости Божіей представляетъ въ себѣ такую стройную цѣлость, такое живое единство, раскрывающееся извнутри и съ такою строгою послѣдовательностію, что наше разумѣніе, сколько-нибудь уловляя хотя лишь внѣшнее очертаніе этого цѣлостнаго единства, или хотя нѣкоторыя связи этой божественной послѣдовательности, находитъ себѣ уже и въ этомъ невыразимое удовлетвореніе. Кажется, мы погрузились въ глубину, хотя мы еще не доходимъ, да и не можемъ *нынѣ* дойдти до послѣдней глубины дѣлъ Божіихъ. — Обозримъ наше познаніе: мы *отчасти познаемъ* тайну внутренней Едино-Тройческой жизни Божіей какъ жизни любви тріипостаснаго Существа. Мысль о Богѣ какъ о любви, мысль о Сынѣ Божіемъ какъ вѣчномъ проявленіи Отца невидимаго открываютъ намъ перспективу творенія съ человѣкомъ во главѣ,—образомъ Сына Божія, какъ бы богомъ на землѣ. Всѣ противоположно-

сти мысли и жизни, какія отсюда возникаютъ, всѣ онѣ примиряются въ той же вѣчной любви Божіей. Она отъ вѣка неизмѣнно любитъ Свое твореніе, и всѣ временныя противорѣчія его примиряетъ вѣчнымъ искупленіемъ. Противорѣчія эти грѣхъ и смерть: Сынъ Божій является Сыномъ человѣческимъ, — Творецъ принимаетъ на Себя злобу грѣха творенія, и въ Своемъ святѣйшемъ человѣчествѣ, являя осужденіе грѣха и побѣду надъ смертію, представляетъ Богу — человѣка для жизни вѣчной — какъ Сына вѣчно достойнаго Отчей святѣйшей любви. — Таковъ стройный самъ въ себѣ образъ познанія нашей Вѣры, который мы старались изобразить [1]). Но цѣлость изображенія еще не завершена.

Искупленіе грѣха человѣческаго *совершено* воплотившимся Сыномъ Божіимъ; и въ Его лицѣ предстоитъ Богу уже святое человѣчество. Такъ человѣческое существо не только нравственно, но существенно воспріемлется въ Едино-тройческую жизнь Божію. Но Божественной любви нѣтъ предѣла. Сынъ Божій, соединивъ Себѣ человѣческое естество, *хощетъ, чтобы и всѣ* человѣки *были едино съ Нимъ*, чтобы всѣ сдѣлались Его *стѣлесниками и сопричастниками* Его естества, чтобы всѣ, будучи едино съ Нимъ, *были* также какъ и Онъ *едино съ Богомъ Отцемъ*. Такъ внутренняя жизнь Божія какъ бы расширяется, не тѣсно вмѣщая въ Себѣ всѣхъ спасаемыхъ сыновъ человѣческихъ въ ихъ единствѣ съ Господомъ Христомъ.—Но совершеніе этого единенія людей съ ихъ Спасителемъ есть дальнѣйшее *продолженіе* дѣла Христова, которое Онъ *дѣлаетъ доселѣ*. *Въ своемъ лицѣ Онъ искупилъ человѣчество*, представивъ *Себя* въ жертву за грѣшный родъ; но теперь должно быть совершено и уже совершается по образу Искупителя *новотвореніе* въ родѣ человѣческомъ,—дѣло новаго нерукотворнаго созданія человѣковъ, которое Господу угодно было наименовать Своею *Церковію: созижду Церковь Мою*. Предметъ настоящаго чтенія есть уразумѣніе существа Церкви.

---

[1]) См. *Прав. Обозр.* 1871 г. №№ 6 — 12.

Повторяемъ: человѣчество искуплено, и въ лицѣ Искупителя человѣческое существо прославлено. Но надлежитъ самому роду человѣческому сдѣлаться новымъ святымъ человѣчествомъ, создаться въ церковь Христову для достиженія прославленія.

Какъ же можетъ совершиться такое созданіе церкви, или новаго святаго человѣчества? — Мы знаемъ созданіе ветхаго Адамова человѣчества; отъ одной первосотворенной четы оно размножилось путемъ естественнаго рожденія, вмѣстѣ съ жизнію разливая первый грѣхъ во весь родъ рождаемыхъ. *Новое* же *человѣчество* должно быть не какое-либо вновь привходящее созданіе къ древнему роду, но самый этотъ древній родъ, только освобожденный отъ ветхаго начала грѣха. Разумѣется, это начало не можетъ быть просто уничтожено, ибо такое уничтоженіе было бы равносильно уничтоженію самого человѣчества, которое носитъ въ себѣ начало грѣха уже какъ основу своего существованія. Но человѣчество ветхое должно возсоздаться въ новое *духовнымъ* принятіемъ въ себя и *духовнымъ продолженіемъ* въ своей средѣ—новаго святаго начала, положеннаго во Христѣ. Итакъ новое Христово начало должно входить въ Адамово человѣчество инымъ и высшимъ порядкомъ, нежели каковъ порядокъ естественный. Это есть *творческій порядокъ Духа Божія:* духовное рожденіе и духовное возрастаніе жизни. Какъ въ первое твореніе *Духъ Божій носился надъ водами:* такъ и при второмъ твореніи, при созданіи церкви, въ день Пятидесятницы Духъ Святый ниспосланъ на первенцевъ ея, и въ лицѣ ихъ на всѣ послѣдующія ея поколѣнія до скончанія вѣка,—Богу извѣстныя отъ вѣка. Впрочемъ Духъ Божій въ церкви паитствуетъ уже въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ въ первомъ твореніи. Ибо по совершеніи дѣла искупленія, по Вознесеніи къ Богу Отцу прославленнаго человѣчества Христова, Духъ Отца, почивая въ Сынѣ Божіемъ, вмѣстѣ почиваетъ и въ сынѣ человѣческомъ—безъ мѣры или въ полнотѣ, и отъ сего-то источника присно полнаго Онъ изливается въ преизобиліи на Христову церковь, которая по апостолу есть тѣло Его. Итакъ вотъ сред-

ство нашего освященія къ прославленію нашему: Духъ Божій по благодати отъ Христа творчески вноситъ въ испорченное существованіе ветхаго человѣчества новое начало святыни, какъ бы новый зародышъ, который, раскрываясь, долженъ уничтожить мало-по-малу старую естественность и возсоздать новую природу. Здѣсь надлежитъ только попять, что это новое начало вносится не вообще въ среду стараго человѣчества не знающаго, или не желающаго знать спасенія отъ грѣха, но собственно въ среду тѣхъ, которые возжелали спасенія отъ грѣха и вѣруютъ въ Господа Спасителя: Духъ Святый дѣйствуетъ и созидаетъ въ предѣлахъ Церкви, врата которой открыты впрочемъ для всего человѣчества.

Такъ мы уразумѣваемъ *Церковь* въ ея вѣчной цѣли преобразить грѣшное наше естество въ образъ святаго Христова человѣчества, дабы намъ быть въ истинномъ единствѣ съ Нимъ; уразумѣваемъ и въ ей глубочайшемъ основаніи, которое есть самъ Богочеловѣкъ, какъ глава новаго человѣчества; уразумѣваемъ наконецъ въ ея творческомъ дѣйствіи, которое есть дѣйствіе Духа Святаго, ниспосланнаго ея полнотѣ какъ *исполненію Самого Христа Господа*.

Одно понятіе еще не выведено у насъ на свѣтъ мысли, хотя оно внутреннѣйшимъ образомъ присуще во всѣхъ понятіяхъ уже изъясненныхъ, какъ и въ самомъ наименованіи церкви. Если Христосъ Богъ есть Глава церкви, которая есть тѣло Его, то церковь есть самый тѣсный *союзъ* въ своихъ членахъ. Если Духъ Святый ниспосланъ *полнотѣ* церкви: то всякое выдѣленіе изъ этой полноты, всякое обособленіе, всякая рознь гордости въ ея членахъ противны существу церкви; она есть полное общеніе святой любви. Если конечная цѣль церкви быть ей едино съ самимъ Христомъ, который восхотѣлъ быть едино со всѣми спасаемыми Имъ; то единство между ними самими есть необходимое условіе ихъ единства съ Господомъ, какъ ясно говоритъ и слово Его: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы* (Іоан. XV, 12). Итакъ, когда церковь опредѣляется, въ нашемъ ка-

тихизисѣ, какъ *общество вѣрующихъ;* здѣсь надлежитъ усмотрѣть глубочайшую мысль, что церковь есть святое общеніе, есть цѣлость тѣла, связуемаго *любовію* членовъ и Главы также какъ и *взаимною любовію* членовъ другъ къ другу. Кто говоритъ напримѣръ, что церковь есть единство въ любви, тотъ лишь въ другихъ словахъ, притомъ отвлеченно, выражаетъ то же самое, что̀ сказываетъ живое выраженіе: Церковь есть *общество* человѣковъ во Христѣ, Духомъ Его созидаемое.

Итакъ въ единомъ составѣ Церкви надлежитъ мыслію различать: вѣчную и всесовершенную Главу ея — Богочеловѣка; Духа Святаго созидающаго исполненіе ея; и человѣчество въ союзѣ взаимной любви, возсозидаемое въ святыню Христову. Созиданіе церкви, какъ *продолжающееся* и еще *не оконченное* дѣйствіе, есть собственно возсозданіе ветхаго нашего рода въ новое человѣчество, которое однако само въ себѣ не составляетъ Церкви безъ созидающаго Духа и безъ своей Главы, въ мѣру Которой оно возсозидается. Глава же церкви есть *всесовершенная* и вѣчная, и Духъ церкви есть вѣчный и *всесовершенный*.

Созиданіе новаго человѣчества началось со дня Пятидесятницы, и нынѣ уже великой мѣры или великаго *исполненія* достигло это созиданіе. Мы живущіе видимъ сіе исполненіе церкви въ земномъ и временномъ образѣ, но это не есть *все* ея исполненіе. Первые Христовы Апостолы, мученики, всѣ святые, и святѣйшая всѣхъ Матерь Господа, которую церковь знаменательно называетъ *началомъ мысленнаго созданія*, — всѣ христіане скончавшіеся въ вѣрѣ и благочестіи, вмѣстѣ съ живущими на землѣ,—вотъ цѣлое нераздѣльное исполненіе Церкви, которое въ той же нераздѣльности имѣетъ еще восполняться всѣми будущими поколѣніями, какія призоветъ Господь ко спасенію. Такъ для Христовой церкви нѣтъ предѣла между небомъ и землею, и нѣтъ ограниченія ни мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ. Такъ отъ дня Пятидесятницы до кончины вѣка — въ ней непрерывное продолженіе новаго начала

жизни положеннаго Христомъ и совершаемаго Духомъ и хранимаго любовію. И это есть всеобъемлющее *единство* церкви, единство общенія во Христѣ какъ чистое отображеніе единства Троическаго и какъ священный залогъ конечнаго единства всего церковнаго тѣла въ Богѣ чрезъ Христа.

Духъ Божій созидаетъ церковное тѣло священнотаинственно—словомъ благодати и благодатными дѣйствіями въ таинствахъ. Въ Словѣ и Таинствахъ церковь тьмами темъ очей св. любви постоянно зритъ ко своему Вѣчному Основанію, къ своей Главѣ, и единымъ сердцемъ постоянно устремляется къ своей вѣчной цѣли.

Дѣйствія Духа въ таинствахъ церкви суть какъ бы особые творческіе акты, совершаемые надъ каждымъ человѣкомъ, приходящимъ къ церкви и живущимъ въ ней.

Прежде всего, каждый *крещается* въ покаяніе и въ желаніе спасенія даруемаго отъ Отца и Сына и св. Духа.—Таково начало спасенія: человѣкъ погружается въ воду какъ въ гробъ, волею своею умирая грѣху; и восходя отъ воды, вѣрою возраждается любить святость. Грѣхъ искупленъ жертвою Богочеловѣка, и потому *вина* грѣха оставляется человѣку въ *таинствѣ крещенія*.

Теперь, непостижимо возрожденный благодатію Св. Духа, тѣмъ же Духомъ—запечатлѣвается, въ таинствѣ *муропомазанія*, уже какъ наслѣдникъ Христовъ, какъ участникъ Его святыни, какъ членъ Его церкви, какъ усыновленный Богу. Таковъ начатокъ единенья человѣка, чрезъ церковь, съ Единотройческою жизнію: Духъ Св. усвояетъ муропомазаннаго церкви Христа и въ ней Богу Отцу, дѣйственно именуя его чадомъ Божіимъ, и въ опредѣленную мѣру почивая въ немъ, какъ безъ мѣры почиваетъ въ Вѣчномъ Сынѣ Божіемъ и во всей Его церкви. Для цѣлой церкви это самое совершено изліяніемъ Духа въ день Пятидесятницы; посему муропомазаніе, по духовенному слову отцевъ, есть даръ Пятидесятницы.

Въ крещеніи вина грѣха отпущена; въ муропомазаніи, ради сей святой минуты, по неизреченному Божьему милосердію,

человѣкъ уже пріемлется въ святыню Христа. Но грѣхъ при всемъ томъ остается въ человѣкѣ какъ сила, какъ внутреннее начало его ветхой природы, изъ которой дѣйствуетъ-такъ сказать органически, даже противъ лучшаго желанія человѣка. Посему человѣкъ, хотя и членъ церкви, во всю жизнь свою до смерти долженъ бороться съ злою силою грѣха и очищаться отъ ея прираженій вольныхъ и невольныхъ. Въ этомъ-то подвигѣ церковь вспомоществуетъ своимъ членамъ чрезъ *таинство покаянія*.—Такова любовь Господа церкви, Который не хощетъ, чтобъ грѣхи немощи во грѣхѣ рождающихся стали какъ первый грѣхъ рѣшительною преградою между Его людьми и Его святынею. И такова любовь Духа, по благодати Христа, что готова семьдесятъ разъ седмирицею освящать приходящихъ къ покаянію, не отнимая у нихъ перваго своего запечатлѣнія. Такъ путь обновленія человѣчества уже *не прерывается* въ церкви.

Но поелику это освященіе Духа есть невидимое, а прираженія грѣха видимы и идутъ изъ ощущаемой естественной основы; то дабы не истомился человѣкъ на житейскомъ пути постоянной борьбы со грѣхомъ, которая должна простираться до смерти: Господу церкви угодно было даровать ей, и въ ней каждому вѣрующему, еще на землѣ *таинство причащенія* Его святѣйшаго, прославленнаго Тѣла и Крови, какъ ощутимый залогъ будущаго полнѣйшаго нашего единенія съ Нимъ и—вмѣстѣ какъ подобно-естественное святое противодѣйствіе грѣховному естественному началу, гнетущему насъ. Видите, нѣтъ предѣла любви Божіей, которая съ правдою и мудростію *неизмѣнно и всецѣло* ведетъ человѣка къ конечному его прославленію.

Посему-то благодатныя дѣйствія Церкви объемлютъ всю земную жизнь человѣка отъ колыбели до гроба, поражая грѣховную естественность въ самомъ корнѣ ея и во всѣхъ злыхъ дѣйствіяхъ ея.—Ветхое начало грѣха распространяется путемъ рожденія и питается вліяніями естественной жизни: въ *таинствѣ брака* предосвящается самый этотъ путь и жизнь человѣческой семьи, дабы мужъ и жена—христіане въ самой су-

пружеской любви приносили уже плодъ вѣры и въ христіанской семьѣ воспитывались чада не грѣха, но святыни, отъ самаго ихъ младенчества.

Наконецъ—ветхое начало грѣха имѣетъ свое видимо-разрушительное проявленіе въ трудныхъ болѣзняхъ и достигаетъ полноты этого проявленія въ болѣзняхъ смертныхъ: *таинство елеосвященія* извнутри врачуетъ болѣзни тѣлесныя, ослабляя силу и дѣйствія грѣха; когда же болѣзнь знаменуетъ конецъ злобы грѣха, когда т.-е. болѣзнь къ смерти: тогда елеосвященіемъ какъ послѣднимъ великимъ благословеніемъ Церкви напутствуется умирающій человѣкъ, пріемля въ таинствѣ конечное освященіе всей своей земной жизни.

Такъ, отъ начала до конца, христіанинъ очищается отъ грѣха и освящается въ святыню Искупителя Духомъ Его въ церкви. И такова божественная система спасенія, въ которой нѣтъ ничего излишняго, ничего случайнаго или произвольнаго, но все составляетъ премудрый *союзъ совершенства* Божественной любви. Мы не сказали еще о *таинствѣ священства,* но вы чувствуете, что всѣ прочія таинства требуютъ этого, совершающаго ихъ таинства. Господу церкви и Духу Его угодно было установить въ церкви сначала чрезвычайное служеніе апостольства, потомъ въ непрерывномъ преемствѣ отъ апостоловъ постоянное пастырство или священство къ служенію созиданія Церкви. Здѣсь таинство церкви достигаетъ какъ бы своей вершины именно въ томъ, что посвященный на служеніе таинствъ, хотя и недостойный, дѣйствуетъ уже благодатію даже *къ освященію другихъ,* слѣдственно дѣйствуетъ не отъ себя, но отъ лица Церкви, — въ мѣру сообщенную ему отъ полноты Духа, живущаго въ церкви. Таково величіе любви Господней въ устроеніи таинства *священства.* При такомъ значеніи сего таинства понятно, что если нѣтъ священства,—нѣтъ и прочихъ таинствъ. А нѣтъ таинствъ, нѣтъ и церкви на землѣ (небесный порядокъ намъ не открытъ). Нѣтъ церкви, нѣтъ и усвоенія живущими человѣками вѣчнаго Искупленія. Такова божественная система!

Во все продолженіе нашихъ чтеній мы не касались вѣроисповѣдныхъ различій; но здѣсь это необходимо къ уясненію истины Церкви. Истинная Церковь *Едина*.—

Протестантизмъ отрицаетъ священство какъ таинство; и отсюда является у него неизбѣжнымъ слѣдствіемъ или отрицаніе другихъ таинствъ, или непониманіе таинствъ признаваемыхъ. Крещенье есть единственное церковное таинство, которое свобода Церкви искони дозволяла священнодѣйствовать по нуждѣ—даже каждому христіанину, не священнику: но это потому, что въ церкви есть священство, совершающее надъ каждымъ христіаниномъ тайну *мѵропомазанія*, которая дѣлаетъ его причастнымъ дара Духа Пятидесятницы, Коимъ дѣйствуются всѣ тайны церкви, и отъ мѣры Котораго каждому удѣлено, чтобъ онъ могъ настолько священнодѣйствовать, чтобъ отворить дверь церкви извнутри ея всякому поспѣшающему къ ея святынѣ изъ міра грѣха. Въ церкви это разумно, но неразумно въ протестантизмѣ, который вмѣстѣ съ таинствомъ священства, не позналъ т.-е. отвергъ и тайну мѵропомазанія.—Богу одному извѣстно, *какъ* дѣйственно въ протестантской общинѣ и таинство причащенія которое оно думаетъ сохранять?—Кромѣ сего, отрицая покаяніе какъ таинство, разумѣетъ ли эта община, что такъ она приводитъ людей грѣха къ святынѣ Господней, неочищенныхъ священнотаинственно?—Отрицая таинство брака, не отрицаетъ ли она, хотя безъ вѣдома, самую семью христіанскую, какъ доброе сѣмя на нивѣ церкви,—семью, которая у апостола знаменительно называется даже *церковію домашнею*?—Наконецъ отрицая *елеосвященье*, не оставляетъ ли она немощнаго человѣка, во время особенно тяжкихъ приражепій грѣха къ нему, — безъ церковной помощи?

Своего рода заблужденіе и въ римскомъ католицизмѣ.—Служеніе священства—не различествуетъ ли отъ того служенія, которое подобаетъ Единому Христу Господу и которое Онъ совершилъ *единожды* навсегда? Священство церковное не искупляетъ, оно только служитъ усвоенію искупленія для искупленныхъ. Итакъ Христа въ церкви замѣстить никто не

можетъ. Епископъ есть первый служитель Христа, но не наместникъ Его. Гордость папства не видитъ своей страшной ереси.—Заблуждаясь въ одномъ, трудно пребывать въ истинѣ въ прочемъ. Такъ латинство погрѣшаетъ и въ разумѣніи и другихъ таинъ церкви. Такъ оно заблуждается и въ томъ, что первое и необходимѣйшее запечатлѣнье Духа—таинство муропомазанія отдаляетъ отъ крещенія на неопредѣленное время, такъ что иные его члены остаются всю жизнь безъ муропомазанія. Но въ этомъ случаѣ, очевидно, пріобщаются и прочимъ церковнымъ таинствамъ такіе, которые не пріобщены первѣе самому составу церкви. Такъ латинство погрѣшаетъ еще и въ разумѣніи тайны елеосвященія, будто бы *только* какъ предсмертнаго священнодѣйствія.

Но церковь Христова *едина*, и истинный образъ ея проявленія на землѣ *единъ*. И это единство должно быть видимо, чтобъ желающій спасенія — живущій на землѣ зналъ, гдѣ на землѣ кивотъ спасенія, гдѣ вѣрно правится слово истины, гдѣ истинно совершаются таинства Христовы отъ самаго перваго времени назданія Его церкви. Итакъ, истинная церковь одна и въ земномъ ея образѣ. И мы знаемъ его; и по нему мы называемъ Церковь *православною церковію*, въ отличіе отъ общинъ, отдѣлившихся отъ нея и носящихъ въ себѣ иные образы. Какъ же теперь смотрѣть намъ на эти общины отдѣлившіяся? Какъ онѣ относятся къ церкви? — Глава церкви и Его Духъ знаютъ это всесовершенно. Мы знаемъ одно, что истина у насъ, и знаемъ это внутреннимъ знаніемъ, поколику св. Истина живетъ въ насъ, или что тоже—поколику мы чувствуемъ себя живыми членами церкви. Намъ это знаніе наше — нынѣ еще свидѣтельствуется самими общинами отпадшими: ибо онѣ явно начинаютъ чувствовать свою неполноту и порываются къ полнотѣ или правильнымъ путемъ ведущимъ ихъ въ общеніе церкви, или неправильнымъ путемъ собственнаго внутренняго само-переустройства, какъ будто Христово зданіе можетъ быть въ существѣ переустроиваемо по произволу человѣческому. Итакъ мы знаемъ истину Единой церкви въ образѣ церкви Пра-

вославной. Но сама же Церковь постоянно молится о соединеніи *церквей;* итакъ мы не потрѣшимъ, если будемъ видѣть въ прочихъ общинахъ христіанскихъ какъ бы храмины, отпадшія и отдалившіяся въ разной мѣрѣ отъ видимаго на землѣ истиннаго Единаго Дома Божія. Поколику въ нихъ еще жива вѣра въ Единосущную Троицу, вѣра въ Искупителя, вѣра въ необходимость Церкви, постольку и въ нихъ идетъ еще Божіе созиданье, хотя мы не можемъ сказать, какъ оно относится къ созиданію церкви Христа. Довольно того, что Церковь *имѣетъ ихъ* постоянно *въ виду;* и сіе, конечно, не безъ внушенія Духа Божія. Можетъ быть и тамъ, въ отчужденіи какъ бы внѣ святой земли, обтесываются живые камни, приготовляются негніющія древа, чтобы тѣмъ и другимъ, рано или поздно, благочестно быть положенными въ истинное созиданіе Божіе. Можетъ быть, тамъ вдали совершается необходимое, хотя суровое или мятущееся, подготовленье,—дабы близь самаго святилища по возможности не былъ слышенъ нестройный шумъ работы и чтобы около Дома Божія не было грудъ мусора человѣческихъ страстей. Вѣруемъ, что будетъ Едино стадо, какъ Единъ Пастырь; вѣруемъ, что Ему дороги овцы заблудшія, что Онъ съ любовію взыскиваетъ даже едину изъ нихъ, итакъ вѣруемъ, что *придетъ время и нынѣ есть,* когда доброе готовое гдѣ бы оно ни сокрывалось будетъ или видимо еще на землѣ воспріемлено въ Христово зданіе, или же невидимо *на небесныхъ* будетъ къ Нему пріобщаемо,—какъ угодно Его любви и какъ вѣдомо Его премудрости.

Пытливая мысль хотѣла бы *вполнѣ* дознаться, за чѣмъ это, хотя временное, раздѣленіе въ Единомъ царствѣ спасенія? Отвѣтъ одинъ: церковь въ ея членахъ, или обновляемое человѣчество еще *зиждется,* но не всецѣло созиждена. Въ продолженіи сего созиданія, *нужда належитъ придти и соблазнамъ:* ибо новое человѣчество возсозидается изъ ветхаго. Единая истинная Церковь видима довольно для существа вѣры, однако видима не какъ какая-либо неотразимо, и безъ вѣры,

дѣйствующая внѣшность. Какъ слава Христова неотразимо явится только въ концѣ временъ, такъ полная слава Церкви не можетъ предварить славы своей Главы.

Какъ мы видимъ церковь въ настоящемъ земномъ ея образѣ? Мы видимъ *членовъ* церкви, но болѣе какъ людей принадлежащихъ еще къ ветхому Адамову человѣчеству, нежели какъ членовъ принадлежащихъ къ новому Христову человѣчеству. Мы видимъ *общеніе* членовъ церкви, но видимъ это общеніе болѣе въ явленіи союзовъ временныхъ, нежели въ образѣ союза вѣчнаго. Мы видимъ *дѣйствія Божія* въ церкви, но видимъ эти дѣйствія не въ собственномъ ихъ существѣ, а болѣе въ орудіяхъ подлежащихъ нашимъ чувствамъ. Глава церкви невидимъ; Духъ дѣйствующій въ церкви невидимъ; Слово Божіе въ церкви также невидимо: чувственно-воспріемлемы только народный языкъ, звукъ, буква, въ которыя оно облечено. Невидимы по существу ихъ и благодатныя средства, дѣйствующія въ церкви: невидимо дѣло Божества, полагающее въ крещеніи начало новой жизни, ибо мы видимъ только воду; — невидимы тѣло и кровь Христовы, укрѣпляющія новую жизнь таинствомъ причащенія, ибо внѣшними очами мы видимъ только хлѣбъ и вино;—такъ невидимо во всѣхъ таинствахъ внутреннее начало новой жизни и сокровенное ея возрастаніе, ибо видимы только внѣшнія посредства. — Такъ церковь еще не открывается, ибо не можетъ открыться во всей подобающей ей славѣ: ибо нынѣ она должна проявляться во внѣшности, чуждой ей и неоднородной съ нею. Нынѣ ея дѣйствія не только не имѣютъ полнаго, соотвѣтственнаго ея существу проявленія; они еще необходимо воспящаются и уничижаются естественностію, принадлежащею настоящему міру, поврежденному грѣхомъ,—естественностію, о которой говоритъ апостолъ: *мы носимъ небесное сокровище въ земныхъ сосудахъ* (2 Кор. IV, 7). Такъ въ сообщеніи Бога съ обществомъ вѣрующихъ и въ сообщеніи вѣрующихъ съ Богомъ, и между собою, и съ міромъ—повсюду естественное составляетъ неизбѣжную среду; а эта среда заражена всѣми послѣдствіями

грѣха и смерти. Вотъ почему церковь въ земномъ ея образѣ не являетъ торжественно и неотразимо всей славы своего существа,—вотъ почему возможно приходить и соблазнамъ,—вотъ почему неизбѣжно въ ней человѣческое раздѣленіе,—вотъ почему она и въ единствѣ своего образа носитъ черты уничиженія и смиренія. Это для нея — богоизволенный путь къ имѣющей открыться славѣ, которая еще не открылась; это путь пройденный Ея Главою; это Его уничиженіе и смиреніе — восполняемыя въ Его тѣлѣ, тѣлѣ церковномъ. Что было съ нимъ, то же есть и съ Его церковію. Не всѣ признали Его въ земномъ Его явленіи; не всѣ вѣруютъ въ явленіе Его Воскресшаго, не всѣ разумѣваютъ Его прославленіе. Тоже и съ Его церковію, *исполненіемъ тѣла* Его. Когда Онъ придетъ во славѣ, тогда и церковь Его проявится въ образѣ вполнѣ славномъ. Живые члены церкви, пріявшіе отъ нея вѣрою начало внутренней жизни и возращающіе въ себѣ это начало постояннымъ общеніемъ съ Нею и въ Ней,—тѣмъ самымъ, т.-е. собственными внутренними опытами ощущаютъ ея истину даже и въ настоящемъ ея образѣ, не смотря на соблазны, не смотря на раздѣленіе, не смотря на уничиженіе: ибо каждый вѣрующій прежде всего въ себѣ самомъ—знаетъ, что онъ носитъ небесное, нетлѣнное, славное, нераздробляемое сокровище, хотя носитъ его въ сосудѣ земномъ, тлѣнномъ, разбитомъ и только приготовляемомъ къ цѣлости и прославленію. Внутренній человѣкъ возрожденъ и обновляется; внѣшній же продолжаетъ жить въ тлѣніи даже до смерти. А внутренняго человѣка и его прославленія не видно; такъ точно не видно славное существо и Церкви, ибо оно внутренно; хотя внутренній человѣкъ знаетъ и о существѣ Церкви, познавая подобное подобнымъ. Понятно ли теперь, почему для людей внѣшнихъ церкви она непостижима и почему возможны всяческія о ней недоумѣнія? Такъ должно быть по существу дѣла; однако каждый можетъ, если только захочетъ, не быть церкви внѣшнимъ и тогда еще здѣсь на земли познать ея истину въ спасеніе свое. Невѣріе во всѣхъ его образахъ и особенно—не-

вѣрію поклоняющееся только чувственно-осязательной дѣйствительности, находится въ страшномъ невѣдѣніи о церкви. Что̀ прежде мы сказали о невѣріи въ отношеніи къ славѣ Христа, то самое и теперь просимъ вспомнить для уразумѣнія положенія невѣрующихъ въ отношеніи къ церкви Христа.

Здѣсь позвольте мнѣ, въ видѣ вводнаго заключенія, попытаться представить вамъ существо жизни церкви, какъ оно сосредоточенно проявляется по преимуществу въ совершеніи средоточнаго ея таинства, которое есть столько же таинство земной преходящей церковной жизни, сколько будетъ и есть таинствомъ небесной, вѣчной ея жизни. Ибо вы знаете стихъ пасхальнаго канона, торжественно воспѣваемый, въ которомъ Духъ Божій устами высокаго церковнаго богослова, открывая тайну, провозглашаетъ: «о пасха вели́я и священнѣйшая, Христе! О мудросте и Слове Божій и Сило! Подаваи намъ *истье* Тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего.» Да будетъ вѣдомо, что этотъ стихъ неизмѣнно произносится священникомъ послѣ каждаго причащенія.—Выше изъяснено, что созиданіе церкви есть продолженіе дѣла Христова, которое Онъ дѣлаетъ доселѣ; что въ созданіи церкви зиждется новое святое человѣчество; что это — *мы* въ своемъ естествѣ возсозидаемся въ святыню нашего Искупителя; что цѣль этого возсозданія есть прославленіе и нашего человѣческаго естества въ мѣру прославленія Христова; что въ этомъ состояніи прославленія мы будемъ едино съ Нимъ, а въ Немъ и едино со Отцемъ, что такъ наконецъ наше человѣчество пріемлется въ саму́ внутреннюю Единотройческую жизнь. Такова послѣдняя цѣль церкви. *Не у явися, что будемъ.* Но посмотрите, какъ еще здѣсь на землѣ намъ дано испытывать неизреченное будущее блаженство, испытывать въ церкви еще на пути ея созиданія; и какъ слѣдовательно самый этотъ путь является путемъ внутренняго шествія, неудобоизмыслимаго никакимъ человѣческимъ, ниже ангельскимъ измышленіемъ, но только Гос-

подомъ всѣхъ удобоустановимаго, Господомъ Церкви, котораго всѣ пути праведны и живы, и который Самъ въ существѣ Своемъ есть Путь всяческихъ.

Всё богослуженіе церкви есть не просто только благоговѣйное славословіе, или благоговѣйная молитва. Это есть постоянная переживаемая вѣрою Церкви исторія или *путь* человѣческаго спасенія. Съ вечера церковь начинаетъ свой день, и ея вѣра прежде всего зритъ къ творенію міра: *Благослови, душе моя, Господа, сотворившаго тя.* Такъ начинается вечернее служеніе, на которомъ воспоминается потомъ скорбное событіе паденія человѣческаго, и вслѣдъ за нимъ засвѣтившаяся первымъ людямъ, и свѣтившая всему Ветхому Завѣту надежда искупленія. Утреннее богослуженіе — это утро Христіанства, открывшееся ангельскимъ славословіемъ, при рожденіи Спасителя Бога, которымъ начинается и завершается утреня: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* Но всё это есть приготовленіе къ лучезарному дню Литургіи — вотъ день церкви; въ литургіи — вся тайна искупленія и вся тайна самой церкви. Кто разумѣетъ литургію церкви, тотъ разумѣетъ всё христіанство и всё существо Церкви. Въ литургіи не воспоминается только хладнымъ воспоминаніемъ, но именно священнодѣйствуется, т. е. тайно-совершается какъ бы вновь: явленіе Христа міру, посланничество данное Имъ апостоламъ, Его божественное проповѣданіе Евангелія, Его крестный путь, тайная вечеря, Его смерть и Воскресеніе и наконецъ божественное Вознесеніе съ вѣчнымъ благословеніемъ Церкви: *всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.* Такъ, говорю, тайно-совершается въ литургіи вся тайна искупленія, т. е. какъ бы повторяется священнотаинственно для вѣры Церкви Духомъ Святымъ; повторяется для вѣры, т. е. для воспріятія; слѣдственно воистинну переживается.—Въ святое время первой христіанской любви это ежедневно переживалъ каждый вѣрующій: каждый сердцемъ встрѣчалъ явленіе Господа міру, какъ бы явленіе собственнымъ его очамъ; каждый сердцемъ слушалъ евангельское проповѣданіе какъ бы изъ устъ самого

Господа; сердцемъ слѣдилъ по Его крестному пути, вѣруя, что Спаситель тутъ, съ нимъ, ибо Онъ Самъ неложно сказалъ: *буду съ вами въ вѣкъ*; и эта вѣра тутъ же для каждаго осуществляла вѣруемое; ибо *каждый* приступалъ къ тайной вечери, пріемля св. дары какъ бы изъ рукъ Самого Господа,—освящаясь отъ грѣховности, укрѣпляясь отъ немощи естественной, становясь *стѣлесникомъ* прославленнаго Христа; и такимъ образомъ каждый уже извнутри собственнаго существа, воистину исполняемаго существомъ Христовымъ, зрѣлъ въ живой радости и Его Воскресеніе и Вознесеніе Его, вѣчно благословляющаго зрящихъ въ Его путь. И такъ было—нынѣ и завтра и по вся дни, до самой кончины вѣрующаго, котораго такимъ образомъ вся жизнь была истинно живымъ шествіемъ къ прославленію. Нынѣ не такъ; нынѣ народъ церковный едва разъ въ годъ приступаетъ къ жертвеннику. Однако Церковь, въ ежедневномъ совершеніи литургіи, и въ настоящее время сохраняетъ и благовѣствуетъ идеалъ апостольской жизни, въ которомъ истинно отражается все существо церкви. И сіе будетъ *дондеже Господь пріидетъ*. Кто понимаетъ литургію, тотъ понимаетъ все въ Христіанствѣ. Въ таинствѣ причащенія Христіанинъ еще на землѣ испытываетъ пріобщеніе блаженства внутренней жизни Божіей.

Этимъ можно бы кончить. Съ нашею цѣлію несообразно вообще входить въ подробности. По существу нашей апологіи, свидѣтельствовать только объ основныхъ истинахъ спасенія, и объ нихъ самихъ свидѣтельствовать только главное, существенное, мы не можемъ удаляться отъ существеннаго въ область дробнаго разсмотрѣнія, каково напр. разсмотрѣніе отношеній Церкви къ разнообразнымъ внѣшнимъ кругамъ жизни, отношеній болѣе или менѣе лишь касающихся существа Церкви. Но здѣсь мы можемъ не оставить совсѣмъ въ сторонѣ этотъ предметъ, потому что для его освѣщенія мы имѣемъ довольно мыслей въ выше изъясненномъ. Всѣ внѣшніе круги жизни, какъ бы они ни назывались,—общество, государство, или какъ иначе,—всѣ они стоятъ на совершенно иной почвѣ и дѣйствуютъ иными средствами, нежели какъ стоитъ и дѣй-

ствуетъ Церковь. Они стоятъ на почвѣ творенія и природы, и дѣйствуютъ ветхими естественными средствами; а Церковь утверждается на искупленіи и дѣйствуетъ благодатными, свышними средствами. Итакъ въ существѣ Церкви и въ существѣ внѣшнихъ круговъ жизни, какъ самостоятельныхъ естественныхъ союзовъ, непоступающихся своею самостоятельностію,— нѣтъ мѣста, въ которомъ бы они соприкасались съ Церковію, или въ которомъ бы Церковь могла соприкасаться съ ними. Это—царства разныхъ міровъ.—Но поелику Церковь необходимо проявляетъ свое существо въ мірѣ естественномъ, и дѣйствуетъ къ освященію этого міра; то для нея не можетъ быть безразличнымъ, когда естественные союзы жизни отчуждаются отъ нея, совлекаясь своего уже христіанскаго характера. Равно какъ для самихъ этихъ союзовъ не можетъ оставаться безнаказаннымъ, когда они волею затрудняютъ Церкви и безъ того не легкое движеніе въ испорченной грѣхомъ естественности. *Нужда належитъ придти и соблазнамъ; но горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ.*—Церковь по существу своему есть уже и теперь бьющееся сердце будущаго нераздѣльнаго царства жизни, въ цѣлой ея всеобъемлемости. Въ этомъ разумѣ, стремленіе естественныхъ союзовъ жизни проникаться въ своихъ путяхъ духомъ Христовой Церкви есть нѣкоторый путь къ ихъ прославленію; обратное же стремленіе есть рѣшительный путь къ ихъ истлѣнію. Во всякомъ случаѣ, до времени они свободны: устроятся такъ или иначе,— въ согласіи съ цѣлію Церкви, или противно ей; на то есть ихъ воля. Церковь дѣлаетъ и будетъ дѣлать свое дѣло въ терпѣніи, и въ постоянной молитвѣ къ своему Главѣ, да совершитъ наконецъ Онъ Самъ въ полной славѣ Своей то, чего не можно совершить Церкви Его, какъ по ея существу, такъ по условію ея жизни и дѣйствованія въ мірѣ непрославленномъ. Иначе будетъ, когда явятся новое небо и новая земля, въ которыхъ будетъ жить правда.—Это конечное совершеніе міра и человѣчества, какъ полнѣйшее осуществленіе цѣли творенія и искупленія, должно быть предметомъ послѣдняго нашего чтенія.

II. О ПОСЛѢДНЕЙ СУДЬВѢ ЧЕЛОВѢКА И МІРА.

Понятіе о послѣднихъ вещахъ.—Безсмертіе послѣ смерти.—Существо смерти и частный судъ. — Знаменія втораго пришествія Сына Божія: Евангеліе во всемъ мірѣ, обращеніе Израиля, великое отпаденіе въ церкви; Антихристъ.— Всеобщее воскресеніе умершихъ и преображеніе живущихъ. Преображеніе міра. — Послѣдній судъ. — Заключеніе апологіи.

Въ послѣдній часъ будемъ свидѣтельствовать *о послѣднихъ вещахъ*, то-есть собственно о послѣднемъ, окончательномъ совершеніи цѣлей творенія и искупленія, имѣющемъ открыться со вторымъ пришествіемъ Сына Божія.

Но прежде всеобщаго совершенія дѣлъ Божіихъ есть частное совершеніе для отдѣльнаго человѣка. Кромѣ всеобщихъ послѣднихъ вещей есть *послѣдняя* для каждаго: это—смерть и загробная жизнь до общаго великаго дня. Итакъ прежде — слово о смерти и ближайшей ожидающей насъ жизни послѣ смерти.

Утвердившись на высотѣ разумѣнія жизни Божіей и жизни Божія созданія,—жизни человѣка, ради спасенія которой Самъ Сынъ Божій сталъ человѣкомъ; ради приведенія которой къ сопрославленію съ Сыномъ Божіимъ совершается великое домостроительство Его Церкви; взирая теперь уже къ самой вершинѣ исполненія цѣлей творенія и искупленія,—странно было бы намъ спускаться въ сравнительно низменную область частныхъ мыслей о безсмертіи человѣка. *Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ:* такими немногими словами удовольствовалъ Христосъ вопрошавшихъ Его о безсмертіи. А намъ Его явленіе и Его Церковь сказываютъ болѣе: Богъ есть Искупитель;—мертвыхъ ли Искупитель?—Человѣчество есть Его Церковь, тѣло Его;—изъ мертвыхъ ли тѣлъ слагающееся? Не довольно ли сего? — Развѣ злоба времени, обольщающаго христіанъ, можетъ побуждать насъ, хотя мимоходомъ, выставить на видъ и частныя мысли о безсмертіи.

Вѣра въ безсмертіе столь же всеобща въ человѣчествѣ, какъ и вѣра въ Бога. Уже самое существованіе въ насъ мысли о безсмертіи есть увѣреніе въ ея истинности: она не наше измышленіе; опытъ нашъ показываетъ намъ тольно смерть и тлѣніе; откуда же въ насъ мысль о безсмертіи? Еслибы нашъ духъ не носилъ *въ себѣ* непреходящаго существа, тогда онъ не имѣлъ бы и мысли о непреходящей жизни. Сіе-то непосредственно присущее человѣку сознаніе о своемъ существѣ раскрывается обыкновенно въ такъ-называемыхъ доказательствахъ безсмертія, о которыхъ то же должно замѣтить, что было сказано о доказательствахъ бытія Божія. Они не раждаютъ вѣры въ безсмертіе, но опровергаютъ софизмы невѣрія. Вѣра въ безсмерстіе лежитъ глубоко въ душѣ, — даже у самого невѣрующаго, который лишь затмѣваетъ ее софизмами.

Объ истинѣ безсмертія обыкновенно умозаключаютъ изъ существа души—простаго, несложнаго, слѣдственно не подлежащаго разложенію; или лучше—изъ существа личности человѣка, какъ бытія въ себѣ утвержденнаго и самоутверждающаго, слѣдственно не исчезающаго. Такъ далѣе о безсмертіи умозаключаютъ изъ безкопечности стремленій, или изъ совершенства идеаловъ человѣка, никогда неудовлетворяемыхъ въ здѣшней жизни и выводящихъ его сознаніе за предѣлы этой жизни. Такъ наконецъ о безмерстіи умозаключаютъ изъ дисгармоніи добра и счастія въ этомъ мірѣ, противной даже существу человѣка, и противорѣчивой существу Божію, которая и требуетъ необходимаго примиренія въ другихъ условіяхъ жизни, т.-е. въ будущей жизни каждой человѣческой личности. Для желающихъ остановиться на этомъ предметѣ можемъ указать добрую книгу: *Вѣчная Жизнь* Э. Навиля во французскомъ подлинникѣ или въ русскомъ переводѣ.

Но одна увѣренность въ безсмертіи или просто въ продолженіи нашего существованія немного еще значитъ для нашего совершенія; главное дѣло состоитъ въ томъ, *какъ* мы будемъ продолжать существованіе, *что* насъ ожидаетъ *послѣ настоящей жизни?*

Человѣку положено однажды умереть, а потомъ судъ, говоритъ Духъ Божій чрезъ апостола (Евр. IX, 27).—Смерть и сама по себѣ есть судъ, приговоръ Божій надъ человѣкомъ за удаленіе отъ Бога—источника жизни; но сей судъ, какъ приговоръ послѣ перваго грѣха, есть вмѣстѣ судъ и *милость*. Любовь Божія, провидя грѣхъ, создала человѣка въ такомъ составѣ, чтобы духу и тѣлу была возможность идти особыми, отличными путями. Смерть, *оброкъ грѣха*, рѣшительно поражаетъ только тѣло, расторгая его связь съ духомъ; но такимъ образомъ собственно поражается лишь естественная основа грѣха: *умерый свободися отъ грѣха* (Рим. VI, 7). И вотъ духу есть возможность возрожденія, и возрожденному возможность шествія новымъ особеннымъ путемъ.—Но какой судъ ожидаетъ человѣка послѣ смерти? Проникнуть въ существо этого суда значитъ проникнуть въ существо самого *событія* смерти. Возможно ли это пребывающимъ еще въ жизни? — Нѣчто изъ сего предоткрыто намъ и въ Словѣ Божіемъ, и въ духовныхъ опытахъ людей Божіихъ, и въ общемъ чувствѣ истины. Попытаемся собрать эти откровенія во едино.

Какъ ни различны образы тѣлесной смерти человѣковъ, но—не должно обольщаться—существо смерти какъ одинаковаго оброка для всѣхъ требуетъ и одинаковости основныхъ фактовъ, чрезъ которые долженъ проходить всякій, *испытывая*, что̀ называется смертію — оброкомъ грѣха.— Иные думаютъ, что существо ея исчерпывается мгновеніемъ видимаго прекращенія жизни. Нѣтъ; испытываніе жала смерти съ этого мгновенія только еще начинается. Три момента можно предразличать въ существѣ смерти: 1) отрѣшеніе души отъ тѣла и вмѣстѣ отъ міра, оставляемаго съ тѣломъ; 2) необходимо слѣдующее за симъ обнаженное состояніе души, со страхомъ изображаемое апостоломъ, — то состояніе, въ которомъ душа, лишенная тѣлеснаго облаченія, является сама собою въ своемъ существѣ; 3) наконецъ появленіе ея какъ духовной личности предъ лице Бога Творца, Искупителя и Судіи. Такимъ образомъ не три ли акта предстоитъ пройдти душѣ. въ прохожденіи

которыхъ каждымъ неизмѣнно должно быть испытываемо существо того, что̀ называется смертію? Покровъ непроницаемой тайны лежитъ надъ тѣмъ, почему именно *три дня* Христосъ былъ во гробѣ; но сей тридневности, конечно, нельзя иначе представлять, какъ внутренно необходимою продолжительностію дѣла. Не даетъ ли это свѣта къ уразумѣнію отредѣленной послѣдовательности въ испытываніи смерти каждою человѣческою душею? Мысль о трехъ дняхъ принимайте только какъ указаніе на возможную аналогію. Нужно оставить въ сторонѣ всѣ опредѣленія времени тамъ, гдѣ начинается вѣчность съ ея тысячелѣтними днями и съ ея мгновеніями, превосходящими по своему содержанію продолжительность цѣлой жизни.

Итакъ надлежитъ представлять, что испытываніе существа смерти только начинается въ отрѣшеніи души отъ тѣла. Скорбь души въ тѣлесныхъ смертныхъ страданіяхъ есть скорбь весьма напряженная, но еще земная скорбь, подобная той, какую мы болѣе или менѣе чувствуемъ у смертнаго одра близкихъ намъ; душа страдаетъ, видя *себя* поставленною у смертнаго одра своего самого близкаго спутника жизни. Но послѣ соучастія въ страданіи тѣла, когда тѣло уже подверглось смерти, наступаетъ, безъ сомнѣнія, *внутреннее,* уже не земное, дѣло души,—внутреннее ея отношеніе къ совершившемуся факту смерти. Что̀ именно бываетъ тогда съ душою человѣка, никто сказать опредѣлительно не можетъ; но нѣчто можно предчувствовать безъ обольщенія при руководствѣ духа Писанія и преданія Церкви. Душа, отрѣшившись отъ тѣла, еще взираетъ на обычную ей, только-что оставленную родину жизни; и въ эти-то мгновенія должно обнаружиться рѣшительно, *гдѣ наше сердце имѣло свое сокровище* (Мѳ. VI, 21). Тѣ, которые здѣсь положили истинное и твердое начало освященію жизни,—отрѣшившись отъ міра, конечно, всею силою воли признаютъ этотъ міръ міромъ суеты, грѣха. Но это—первый опытъ воли въ новомъ мірѣ, гдѣ она должна выдержать строгое испытаніе. Тутъ потребна, и вѣруемъ, что дается осви-

щенной душѣ помощь духовная, ангельская. Ангелы укрѣпляли Самого Сына человѣческаго. Что̀ у Христа Спасителя предшествовало смерти, въ Геѳсиманіи, — внутреннее преодолѣніе смерти; то нашей душѣ предлежитъ только послѣ страданій выдержанныхъ въ смерти тѣла. *Ангелы несли душу Лазаря на лоно Авраамово,* по непреложному слову Господа.— Что̀ же будетъ тогда съ душею неосвященною? Какъ удобно ей погрузиться въ совершенную печаль по мірѣ, которая можетъ сдѣлаться для души во мгновеніе огнемъ неугасающимъ и червемъ неумирающимъ, не перестающимъ глодать сердце обманувшееся въ грѣховной привязанности къ преходящему. Помощь дается только желанію помощи. — Итакъ внѣшнее отрѣшеніе должно сопровождаться внутреннимъ отрѣшеніемъ не безъ высшей помощи: вѣтви обрублены, но корни еще въ душѣ, отъ которыхъ она въ подвигѣ должна очищать себя. Вотъ глубокая строгость рѣшенія или суда личнаго, заключающагося въ смерти, — но не въ тѣлесной смерти самой по себѣ, а въ испытываніи душою существа смерти, испытываніи послѣ совершившагося факта тѣлесной смерти. Съ какою благодарностію должны здѣсь воспомянуться всѣ тѣ горькіе опыты жизни, которые давно служили душѣ къ внутреннему расторженію узъ ветхой естественности! Таковъ первый актъ смерти и начало суда! *Однажды человѣку надлежитъ умереть, потомъ судъ.*

Далѣе. Писаніе говоритъ о *наготѣ* души, являющейся вслѣдствіе смерти (2 Кор. V, 3). Душа совлеклась одежды тѣла; но тѣло для души болѣе, чѣмъ только облаченіе. Тѣло было основою и органомъ дѣятельности души въ этомъ мірѣ. Теперь-то, въ этомъ обнаженіи отъ существеннаго элемента своей жизни, душѣ ясно становится, что она имѣетъ жизнь не въ себѣ самой. Въ самой широтѣ свободы, уже не ограничиваемой тѣломъ, какая теперь связанность для души; въ самомъ проницаніи ею всей глубины своего существа—какой источникъ горькаго сознанія своей нищеты, своей слабости, своей виновности, своего всяческаго обнаженія. Кто въ состояніи будетъ вынести это обнаженіе? Только тотъ, кто уже здѣсь

въ тѣлѣ волъ жизнь духа, кто уже въ этомъ преходящемъ мірѣ роднился съ міромъ вѣчности. Но сего мало: *къ сему довольно* только благодатное, здѣсь воспріемлемое возрожденіе духовное, покаяніе сердечное, освященіе таинственное, и паче всего пріобщеніе неизрѣченное непреходящей св. тѣлесности Христовой, которую христіанская душа уноситъ съ собою какъ залогъ новаго тѣла, какъ новую свою ризу, при совлеченіи отъ ризы своего тѣла. Что дѣлаетъ человѣкъ на землѣ, когда онъ, сокрушаясь въ смиренномъ сознаніи о своей бѣдности и наготѣ, обращается къ благодати Христа, какъ къ силѣ и праведному одѣянію,—то же самое *для такого* человѣка можетъ повторяться тамъ, уже въ послѣднемъ своемъ завершеніи и истинѣ. Но къ чему не пріобщилась душа здѣсь, то не придетъ ей на сердце и тамъ. Какое испытаніе, братія, въ этотъ великій часъ рѣшительной бѣдности и одиночества души! Ужасно представленіе, что въ этотъ часъ душа можетъ погрузиться въ саму себя какъ во гробъ,—въ безнадежность отчаянія, если не приготовлена вѣра ея къ великому дѣлу оправданія чрезъ Спасителя.

Такимъ представляется ходъ суда въ смерти,—но все еще какъ бы только собственнаго суда души надъ самой собою.

Но наконецъ—всякая душа является предъ Бога—предъ Его судъ: *всѣмъ намъ подобаетъ явитися предъ судище Христово.* Какое это будетъ явленіе? Тутъ всякое земное помышленіе должно умолкнуть въ немощи: душа — предъ Богомъ, своимъ Творцомъ, Искупителемъ и Судіею! Между душею и Богомъ уже нѣтъ никакихъ посредствъ! Душа предъ Богомъ такъ, какъ она есть,—не какою она казалась другимъ, не какою она хотѣла казаться себѣ, но — въ истинной своей дѣйствительности!—Какое будетъ это явленіе? Одно намъ открыто: это будетъ блаженнымъ приближеніемъ къ Богу для тѣхъ, которые здѣсь на Его спасеніе надѣялись, — приближеніемъ къ Небесной Церкви—въ смиренной радости, исполняющей *видѣніемъ* земныя вѣру и надежду христіанина; но для другихъ, увы, это будетъ мучительнымъ удаленіемъ отъ Него и Его

Церкви, если они здѣсь Его отвергали. *Никтоже пріидетъ ко Отцу токмо Сыномъ Божіимъ.* Иного пути нѣтъ: спасеніе на землѣ въ церкви Христа; блаженство за гробомъ въ общеніи той же Церкви въ ея небесномъ образѣ, видящей уже лице самого Христа Господа. Такова надежда христіанъ, дѣлающая и смерть не страшною, и самый судъ въ смерти преображующая въ совершенную милость.

Таково совершеніе каждаго отдѣльнаго человѣка, но еще—не на послѣдней степени! Душа—безъ тѣла грѣха; и потому небесный человѣкъ уже блаженнѣе земнаго. Но душа безъ тѣла, и потому человѣкъ—неполный человѣкъ. Знаменательно выраженіе Церкви, молящей для умирающихъ во Христѣ о поданіи имъ блаженнаго *покоя* отъ Господа. Этимъ словомъ не выражается ли все существо состоянія человѣка по смерти? Душа его упокоена, т.-е. освобождена отъ плоти грѣха; но она должна быть упокоена въ лишеніи тѣла, бывшаго основою ея жизни; и она можетъ быть упокоена, какъ бы утверждена въ себѣ *только* особенною благодатію—до времени, когда Господь воскреситъ душѣ и тѣло сообразное ея славѣ. Въ такомъ премудромъ союзѣ—всѣ пути Господни.

•

Обращаемся теперь къ истинѣ общаго совершенія Церкви Христовой и всего человѣчества и міра, которое откроется со вторымъ пришествіемъ Сына-Божія. Міръ не имѣетъ другой исторіи, кромѣ исторіи связанной съ исторіею человѣка; и какъ міръ вовлеченъ въ слѣдствія грѣха человѣческаго, такъ на немъ отпечатлѣется и преображеніе человѣчества. Равнымъ образомъ исторія цѣлаго человѣчества не имѣетъ другой цѣли, кромѣ цѣли Церкви или царства Христова. Посему-то послѣдняя судьба всего, судьба человѣковъ и міра поставляется въ ближайшее отношеніе съ собственною судьбою Церкви. Какова же будущность Церкви предъ вторымъ пришествіемъ ея Господа?

Два предшествующія событія ясно изображаются въ Писаніи. Одно, что *Евангеліе будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ*

и въ Церковь войдетъ полнота язычниковъ, а затѣмъ и народъ израильскій. Другое есть—имѣющее открыться великое *отпаденіе*, изъ котораго разовьется послѣдній, все бывшее злое превосходящій видъ грѣха. Внимательно различая знаменія предъуказанныя, кажется, мы должны сказать: и то и другое находится на пути къ исполненію.

Ибо прежде всего, *близъ есть*, что Христіанство сдѣлается Вѣрою всего міра. Знающіе говорятъ, что чрезъ всѣ языческія религіи уже проходитъ предчувствіе, что дни ихъ сочтены. Исламъ — полуживой; да и вообще онъ есть іудейство остановившееся на полдорогѣ къ христіанству. Миссіонерство—во всемъ мірѣ. Само внѣшнее господство христіанскихъ народовъ, какъ бы оно ни удалялось отъ цѣлей Церкви, есть орудіе въ рукахъ Божіихъ къ собранію всѣхъ народовъ въ лоно Церкви, чтобъ концы земли стали наконецъ и предѣлами Церкви. Что касается Израиля,—уже существованіе этаго чуднаго народа показываетъ, что Богъ бережетъ его для будущаго времени. По пророчеству, не отдѣльныя только личности, но весь народъ обратится. И связь, въ которой еще находится между собою этотъ народъ, по видимому разбитый на атомы, должна дать понять, что лишь только въ немъ возникнетъ религіозное движеніе, оно легко сдѣлается всеобщимъ. Теперь у нихъ очи закрыты. Когда же войдетъ въ Церковь полнота язычниковъ, тогда ослѣпленіе Израиля пройдетъ: такъ открываетъ апостолъ. И чѣмъ больше этотъ народъ изначальнаго Божія избранія пренебрегалъ Тѣмъ, Который однако былъ и есть исполненіемъ его надеждъ; тѣмъ благоговѣйнѣе будетъ его поклоненіе въ вѣрѣ и любви.

Но съ будущностію обращенія Израиля къ Церкви совпадаетъ, по слову пророчества, время страшнаго *отпаденія* въ церкви. Исторія въ концѣ концовъ идетъ навстрѣчу времени, когда христіанскій міръ рѣшительно раздѣлится на два стана христіанскій и нехристіанскій. Когда это совершится, извѣстно одному только Богу. Но процессъ раздѣленія уже не начался ли? Имѣющій очи видѣти, да видитъ! Когда отпаденіе

достигнетъ послѣдней степени, тогда оно воплотится въ человѣкѣ отпаденія, котораго пророчество называетъ антихристомъ. Церковь будетъ въ гоненіи, какъ бы на крестѣ. Ея конецъ совпадаетъ съ ея началомъ.

Но со креста на Голгоѳѣ изглаголано: *совершишася*. И Тотъ же гласъ, но уже въ шествіи съ неба съ знаменіемъ креста изречетъ Своей церкви въ ея послѣднемъ крестномъ подвигѣ: *совершишася*. Се, второе пришествіе Сына Божія, Богочеловѣка и уже не въ уничиженіи, оставляющемъ свободу невѣрію, но въ славѣ преклоняющей всякую свободу. И тогда откроется послѣдній судъ.—Пророческое слово подъ различными образами описываетъ это будущее время побѣды Церкви Христовой надъ ея врагами. Трудно разграничить здѣсь то, что составляетъ образъ, отъ того, что есть нынѣ неизобразимая дѣйствительность: ибо она выходитъ изъ предѣловъ понятныхъ отношеній настоящаго времени. И намѣреніе пророчества заключается, конечно, не столько въ томъ, чтобы вполнѣ раскрыть намъ извѣстныя событія будущаго времени, сколько въ томъ, чтобы быть словомъ вразумленія и утѣшенія. Вразумленіе: *будь вѣренъ въ страданіяхъ*, хотя бы путь, повидимому, велъ тебя въ ночь смерти. Утѣшеніе: *ради избранныхъ прекратится скорбь* и обратится въ радость высшей жизни въ истиннѣйшемъ общеніи со Христомъ Спасителемъ. Ветхозавѣтныя пророчества предсказываютъ съ ясностію и въ подробностяхъ: ибо предметъ ихъ — первое пришествіе Господа должно было совершиться въ тиши и уединеніи, слѣдственно долженствовало быть ясно предъуказаннымъ. А второе Христово пришествіе будетъ столь очевидно, что его узнаютъ даже и враги Его; посему Новозавѣтное пророчество прикровеннѣе: оно есть *апокалипсисъ*.

Послѣднему, всеобщему, *страшному* суду будетъ предшествовать всеобщее воскресеніе мертвыхъ и преображеніе тѣлъ живущихъ. *Мертвіи о Христѣ возстанутъ первѣе, и вси неуспѣвіи измѣнятся: се, глаголю тайну,* предваряетъ апостолъ. Итакъ отдавая свое тѣло въ смерти, мы отдаемъ

въ надеждѣ, что получимъ его обратно въ воскресеніи; но—не такимъ, чтобъ оно снова могло подвергнуться смерти, а такимъ, которое навсегда будетъ изъято отъ умиранія; — не такимъ, чтобы оно могло быть снова грѣховнымъ ограниченіемъ для нашего духа, а такимъ, которое будетъ вполнѣ соотвѣтственнымъ органомъ освященнаго духа, послушнымъ орудіемъ его проявленія въ его высшемъ настоящаго совершенствѣ. Настоящее тѣло душевно, а то духовно; это тлѣнное, а то нетлѣнно; это уничиженное, а то славно. Изъ словъ самого Господа Спасителя и изъ событія Его Воскресенія мы усвояемъ себѣ съ радостною и твердою увѣренностію вѣру въ воскресеніе и будущія свойства нашего тѣла. Не знающіе Писанія и силы Божіей вопрошаютъ насъ о воскресеніи тѣла совершенно такъ же, какъ саддукеи вопрошали Господа: *семь братьевъ имѣли одну жену; въ воскресеніи котораго будетъ жена?*—«Тѣло разлагается на атомы, атомы входятъ въ новыя сочетанія; въ воскресеніи — какъ разберутся эти части безъ спора между ихъ обладателями»?—Не знаютъ Писанія, ни силы Божіей. Пусть читаютъ разрѣшеніе у апостола Павла: «сѣмя бросаемое въ землю хотя сгниваетъ, однако воскресаетъ», то-есть воскресаетъ не то самое тѣло, которое опускается въ нѣдра земли и истлѣваетъ, а что̀ есть въ немъ неистлѣннаго, то Божіею силою возсоздастся нѣкогда въ лучшее тѣло.— Какъ и гдѣ сберегается это неистлѣнное, вѣдаетъ Богъ; и *какъ* оно возсоздастся, вѣдаетъ сила Божія. Мы знаемъ творческое: *да будетъ;* и сіе знаніе выше всѣхъ земныхъ познаній.— Воскреснетъ тѣло наше, и упокоенный до времени духъ возчувствуетъ наконецъ полноту своего существованія.

Но Слово Божіе возвѣщаетъ не только о воскресеніи нашего тѣла, но и конечномъ преображеніи міра: ибо для прославленнаго тѣла и міръ долженъ быть соотвѣтственнаго естества. Что созданіе Божіе не исключаетъ возможности другаго высшаго образа міра, это довольно ясно намъ уже изъ хода перваго творенія, которымъ на положенной однажды основѣ

міръ былъ возводимъ отъ низшаго порядка къ высшему, какъ бы отъ естественнаго къ вышеестественному. Ибо каждая степень міротворенія могла казаться завершеннымъ міромъ; но онъ былъ завершенъ лишь тогда, когда Божіе творчество положило ему предѣлъ. Знающіе, хотя немногіе, и въ нынѣшнемъ состояніи міра изощряются усматривать уже нѣкоторое измѣненіе условій его существованія; и это знаніе сближается съ истиной Божіей. *Новаго небеси и новой земли чаемъ, въ нихъ же правда живетъ.* Если знаніе познаетъ измѣненіе условій жизни міра, не обѣщающихъ безконечности настоящаго его существованія; то вѣра знаетъ и причину этихъ измѣненій—грѣхъ человѣка, вліяющій и на вселенную, и въ нее вносящій смерть; и знаетъ также силу имѣющую побѣдить грѣхъ и смерть, силу Святыни Христа, прославляющей и человѣка и человѣческій міръ.

Но *слава* откроется *въ судѣ*; и объ этомъ болѣе всего намъ надлежитъ знать. Въ потрясающихъ образахъ описываетъ Писаніе этотъ послѣдній судъ. Мысль объ осужденіи сама въ себѣ есть потрясающая мысль. Мы едва можемъ вынести уже одно представленіе о вѣчности мученія осужденныхъ. Однако Слово Божіе не напрасно устрашаетъ. Вѣчное осужденіе не есть желаніе Бога, Который истощилъ Себя за насъ даже до креста и по выраженію Церкви вѣчно закалается, освящая причащающихся; оно есть дѣло самой твари, если она до конца противится и отвергаетъ предложеніе Божіей любви: *и смерти Богъ не сотвори*, она есть дѣло нашего грѣха. Никто не погибнетъ, кто желаетъ спастись, и кто идетъ на гласъ спасающаго милосердія. Желаніе Божіе есть,—чтобъ *всѣ* пришли къ покаянію и *всѣ* спаслись.—Примѣтимъ здѣсь существенное, что дѣло суда будетъ дѣломъ Единаго и Того же Сына Божія, нашего Творца, Искупителя и Судіи. Таковъ божественный порядокъ.

Чѣмъ же будетъ отличенъ всеобщій послѣдній судъ отъ суда частнаго, личнаго, которому каждый подвергается уже послѣ

смерти?—«*Дѣла ихъ идутъ въ слѣдъ за ними*», сказано въ Откровеніи о почившихъ. Эти слова не указываютъ ли на послѣдній судъ? Человѣкъ умираетъ; лицо отрѣшается отъ дѣятельности на землѣ, но оно продолжаетъ жить въ мірѣ въ своихъ дѣлахъ: это—наше личное наслѣдство, сѣмя остающееся отъ насъ въ мірѣ для будущихъ временъ и поколѣній. Въ воскресеніи, въ откровеніи всѣхъ вещей снова сойдутся между собою душа и тѣло, лицо и дѣла. Мы увидимъ наши дѣла со всѣми плодами — хорошими или худыми, какіе они между тѣмъ успѣли принести въ мірѣ. Многія человѣческія произведенія, прославлявшіяся здѣсь какъ духовныя произведенія, но окруженныя тогда плотскими плодами, подвергнутся суду святости Божіей. Въ дѣлахъ заключается отношеніе человѣка къ міру; поэтому всемірный судъ будетъ имѣть своимъ основаніемъ дѣла въ ихъ всемірномъ значеніи. Такимъ образомъ по слову Самого Господа въ послѣднемъ судѣ приговоръ основывается на дѣлахъ, особенно на плодахъ вѣры въ любви и милосердіи.

Безъ сомнѣнія, кто доживетъ до втораго пришествія Христова, для тѣхъ судъ частный и общій совпадутъ въ единый страшный судъ.

Какъ будетъ происходить сей судъ?—Слово Божіе изображаетъ его такъ, что съ наступленіемъ великаго дня отчёта, народы уже стоятъ по правую и лѣвую сторону прежде произнесенія приговора. Предшествовавшее этому воскресеніе облекло уже всякаго въ свойственное ему тѣло чести или позора. Итакъ правда суда ясна людямъ прежде приговора. Таково полное *откровеніе* въ концѣ временъ, и полное извнутри исходящее, слѣдственно *всеправедное рѣшеніе* въ послѣднемъ судѣ.

Мы дошли до конца. Послѣднее совершеніе дѣлъ Божіихъ мы могли изобразить только въ отдѣльныхъ чертахъ; мы не осмѣливаемся составлять цѣлаго образа тамъ, гдѣ намъ не все открыто. Довольно, что мы можемъ себѣ представить вразумительно, или поставить въ уразумѣваемую связь всѣ *открытыя*

намъ пути Божіи, пути нашего спасенія. Въ самомъ дѣлѣ — Вѣчный Совѣтъ Божій исполняется въ премудрѣйшемъ святомъ порядкѣ.

Первѣе, въ Богочеловѣческомъ лицѣ Искупителя даруется твердое основаніе всего: въ Его лицѣ явлено освященіе, оправданіе и прославленіе человѣческаго естества. Поелику же для прославленнаго человѣчества и человѣческій міръ долженъ быть соотвѣтственнаго естества: то силою Господа Спасителя, уже во время Его обитанія на землѣ, чудодѣйственно были проявлены и силы будущаго прославленнаго міра. Чудесныя дѣйствія Христа на землѣ суть не что́ иное, какъ движенія будущаго міра посреди настоящаго.

Но явленное въ лицѣ и дѣлѣ Искупителя долженствуетъ быть усвоено всему роду человѣческому, а чрезъ него внѣдряемо и въ самый міръ;—человѣчество должно составить Духомъ Божіимъ — *исполненіе Тѣла Христова*, или Его Церковь, а Церковію долженъ святиться и міръ. Такъ нынѣ *въ Церкви* совершается духовное возрожденіе и освященіе человѣка, равно предначинается обоженіе и самой тѣлесности его, и дѣйственно предзнаменуется преображеніе даже видимой природы,—по крайней мѣрѣ поколику ея первыя жизненныя вещества, вода, елей, хлѣбъ и вино, пріемлются и освящаются въ служебныя орудія величайшихъ таинствъ.

Но этимъ дѣло Божіе еще не завершается. Въ человѣкѣ, хотя и членѣ Церкви, грѣхъ еще живетъ какъ основа естественнаго существованія; и существо міра, отчасти освящаемаго Церковію, еще несродно и чуждо ея существу,—*міръ въ злѣ лежитъ*, какъ и человѣкъ въ рабствѣ грѣха и тлѣнія пребываетъ. И вотъ, по откровенію Божію, мы ожидаемъ жизни будущаго вѣка, ожидаемъ постепенной полисты нашего освященія и оправданія, первѣе — въ покоѣ загробной жизни, въ жизни личной свободы отъ грѣха и въ общеніи Церкви небесной, которая уже не испытываетъ креста земной Церкви; еще же—въ блаженномъ ожиданіи полнаго прославленія всей Цер-

кви, воскресенія тѣла и преображенія самаго міра, который уже будетъ вполнѣ соотвѣтственнымъ вмѣстителемъ Церкви во всей ея цѣлости, безъ раздѣленія.—Все же сіе будетъ тогда, когда Сынъ Божій снова придетъ и Самъ *совершитъ* дѣло рукъ Своихъ, и откроется какъ Богочеловѣкъ во всей Своей славѣ. Ибо только тогда въ прославленномъ мірѣ и очамъ преображеннаго человѣчества сдѣлается возможнымъ такое откровеніе. — И вотъ завершеніе Христіанства или дѣла Христова! —

Не довольно ли сего для его *апологіи?* Кто хочетъ судить о Христіанствѣ, тотъ долженъ обнимать его во всей его цѣлости. Если нынѣ, въ земномъ образѣ Церкви, оно движется среди міра ветхой естественности, если проявляется въ образѣ какъ бы только *привходящаго* закона въ среду иныхъ видимо господственныхъ законовъ; то это есть временный образъ его проявленія, необходимый *во исполненіе всякой правды*—до лѣтъ Божія устроенія. *Въ пакибытіи*—такъ Христосъ называетъ будущее Церкви и міра—Христіанство проявится во всемъ своемъ существѣ, и его законъ будетъ видимо *господственнымъ* во всѣхъ другихъ законахъ бытія; то есть тогда жизнь Христа и человѣковъ во Христѣ сдѣлается *единымъ всеобъемлющимъ закономъ человѣчества и міра.* Нынѣ еще созидаемая Церковь будетъ вполнѣ созиждена; предѣлы міра и Церкви совпадутъ; внѣшній человѣкъ будетъ полнымъ проявленіемъ внутренняго; и естественная жизнь и свышняя жизнь будутъ едино. Какъ теперь въ Божіемъ Словѣ мы читаемъ исторію нашего искупленія, такъ тогда весь совершенный міръ Божій будетъ ясно говорящимъ памятникомъ великихъ дѣлъ вѣчной любви. Все человѣчество непрестанно будетъ прославлять токмо эту любовь. Посреди же его неотлучно будетъ Самъ Тотъ, Который соединилъ въ Своемъ лицѣ Божество и человѣчество, чтобъ примирить міръ Богу. Тогда дѣло Его будетъ завершено, и Онъ предастъ искупленный міръ въ руки Отца и Богъ Духомъ Своимъ *будетъ все во всемъ:* ибо отъ Отца

все исходитъ, Сынъ все совершаетъ, Духъ все запечатлѣваетъ. Тогда-то болѣе откроется и нашему *познанію*, и всю вѣчность будетъ возрастать это откровеніе — *полноты покоя Единотройческой любви въ Себѣ и — во святомъ созданіи Своемъ неизрѣченно почивающей.* — Христіанство, уразумѣваемое въ его полнотѣ, само себѣ есть *апологія.*

Прот. Н. Сергіевскій

МОРМОНЫ

(РЕЛИГІОЗНАЯ СЕКТА ВЪ АМЕРИКѢ).

Секта мормоновъ впервые появилась въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Казалось бы, такое обстоятельство должно было много обѣщать историку. Свѣжесть событій и присутствіе свидѣтелей и очевидцевъ, само собою разумѣется, составляютъ первое условіе къ вѣрному и полному изображенію факта и оцѣнкѣ его истиннаго значенія. Если мы прибавимъ еще къ этому то обстоятельство, что мормонизмъ развился въ половинѣ XIX вѣка и притомъ въ средѣ цивилизованнѣйшей націи, то этимъ, мы думаемъ, исчерпываемъ всю сумму возможныхъ благопріятныхъ условій для историка. Въ самомъ дѣлѣ, такой фактъ, какъ появленіе мормонизма, въ такое время, какъ XIX вѣкъ, и среди такой націи, какъ сѣверо-американцы, не могъ пройти незамѣченнымъ въ литературномъ мірѣ. Особенности внутренняго строя и внѣшнихъ отношеній секты и ея стремленіе оправдать свое существованіе путемъ литературнымъ какъ нельзя болѣе благопріятствовали выясненію вопроса о происхожденіи и значеніи мормонизма. И дѣйствительно, въ короткій сорокалѣтній періодъ существованія секты, о ней было такъ много писано и говорено, особенно въ американской литературѣ, что съ этой стороны историкъ не можетъ пожаловаться на скудость извѣстій и недостаточность фактовъ *).

*) Кромѣ разнаго рода извѣстій и статей, помѣщавшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, большею частію принадлежащихъ самимъ мормонамъ

Но всматриваясь ближе въ характеръ и направленіе этой литературы, нельзя не замѣтить, что дѣло представляется далеко не такъ легкимъ и удобнымъ, какимъ оно можетъ показаться на первый взглядъ. Литература эта принадле-

---

и спеціально назначенныхъ для литературнаго оправданія вѣрованій и поведенія секты, уже давно появились сначала въ Америкѣ, а потомъ и въ западной европейской литературѣ, цѣлыя исторіи мормоновъ и системы ихъ вѣроученія. Мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторые источники того и другаго рода, которые частію были у насъ подъ руками, частію извѣстны намъ по разнаго рода ссылкамъ и выпискамъ, находящимся у другихъ писателей. Сюда относятся: а) на англійскомъ языкѣ: 1) The Book of Mormon; 2) Doctrines and Covenants. 1836 г.; 3) The Evening and Morning Star editet by W. W. Phelps. 1832—3 г.; 4) Times and Seasons (Haybo 1843 г.); 5) The Seer, edited by Orson Pratt (Вашингтонъ); 6) Deseret News; 7) Millenial Star (Ливерпуль 1853 г.); 8) Patriachal Order, or Plurality of Wives, by Orson Spenser. (1853 г.); 9) Voice of Warning to all Nations, by Parly P: Pratt; 10) Reports of the Scandinavian, Italian, Prussian Missions of the Latter Day Saints (Ливерпуль 1853 г.); 11) History of Mormonism by E. D. Howe (Пенсильванія 1840 г.); 12) The Mormons, by the Kane (Филад. 1850 г.); 13) The Mormons, illustrated by forty Engravings (Лондонъ 1852 г.); 14) The Mormons, or Latter Day Saints in the Walley of the Gread Salt Lake, by J. W. Gunnison (Филад. 1852 г.); 15) Uthahand the Mormons etc. by B. G. Ferris (Нью-Іоркъ 1854 г.); 16) Female Life amongst the Mormons 1855 г.; 17) Mormonisme. Hyde (Нью-Іоркъ 1857 г.) и др. b) на французскомъ языкѣ сочиненіе Жюля Реми, ученаго натуралиста, у котораго особенно подробно описана мѣстность и климатическія условія страны мормоновъ. с) На нѣмецкомъ языкѣ: 1) M. Buch. Die mormonen (1855 г.); 2) Die Mormonen, ihr Prophet, ihr Staat und ihr Glaube (1855 г.); 3) Olshausen. Geschichte der Mormonen (1855 г.); 4) Mormonism nach Morm. Quellen von d-r Overbek. Deutsche Vierteljahrschrift (1861 г. кн. 1 и 2); 5) Geschichte der mormonen etc. von d-r Moriz Busch. (Лейпц. 1870 г.) и др. Въ русской литературѣ нѣтъ отдѣльныхъ изслѣдованій о мормонахъ, тѣмъ не менѣе и у насъ было въ различныхъ журналахъ нѣсколько статей о мормонахъ, по большей части составленныхъ по указаннымъ нами сочиненіямъ Жюля Реми, Гуннисона, Диксона и др. Таковы: „Мормонизмъ и Соединенные штаты“ (Время 1861 г. кн. X); „Исторія, бытъ и нравы мормоновъ“ (Отечеств. Записки 1857 г. т. 115, кн. ноябрь и декабрь); „Секта мормоновъ“ (Библіотека для чтенія 1859 г. т. 157); „Сѣверо-американское сектаторство“ (Отеч. Записки 1868 г. кн. 8). Кромѣ того довольно подробное описаніе нѣкоторыхъ событій изъ исторіи мормоновъ и нѣкоторыхъ сторонъ ихъ внутренней жизни мы находимъ въ „Новой Америкѣ“ Диксона и въ запискахъ капитана Буртона, лично посѣщавшихъ долину Соленаго озера и сообщившихъ много весьма интересныхъ свѣдѣній.

житъ частію самимъ мормонамъ, частію постороннимъ лицамъ и притомъ по большей части враждебнымъ сектѣ; отъ того она видимымъ образомъ распадается на два противоположныя направленія, помирить и сблизить которыя иногда нѣтъ никакой возможности. Само собою разумѣется, что всѣ усилія писателей мормоновъ направлены къ тому, чтобы по возможности выставить въ наилучшемъ свѣтѣ и, гдѣ нужно, философски и исторически обосновать ученіе секты и оправдать ея историческую жизнь; стремленія противниковъ, конечно, совершенно противоположныя. Отсюда объясняется то противорѣчіе во взглядахъ и разность въ выводахъ, которыя встрѣчаются у новѣйшихъ писателей о мормонахъ, составляющихъ свои сочиненія по тѣмъ или другимъ источникамъ. Многіе изъ новѣйшихъ историковъ мормоновъ, не считая себя въ правѣ прямо отвергать подлинность благопріятныхъ отзывовъ о мормонахъ, ограничиваются тѣмъ, что, приводя текстъ этихъ извѣстій, стараются заподозрить тѣ изъ нихъ, которыя кажутся имъ наиболѣе сомнительными, остальныя же стараются сгладить и насколько возможно сблизить съ свидѣтельствами враждебныхъ мормонамъ лицъ. Конечно, это единственно возможный способъ дать сочиненію единство плана и послѣдовательность изложенія. Но такъ какъ разность извѣстій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того велика, что помирить или сблизить ихъ нѣтъ никакой возможности, а слѣдовать однимъ изъ нихъ было бы несправедливо, то мы поставлены были въ необходимость нѣкоторые факты изъ исторіи мормоновъ передавать по двумъ разнороднымъ извѣстіямъ, чтобы дать точное понятіе объ исторіи и вѣрованіяхъ секты. Наконецъ, такъ какъ мормоны не безъизвѣстны нашей читающей публикѣ, особенно по сочиненію Диксона «Новая Америка,» гдѣ довольно подробно описаны современное состояніе и внутренняя жизнь мормоновъ, то мы сочли за лучшее обратить преимущественное вниманіе на тѣ стороны дѣла, которыя мало или вовсе почти неизвѣстны въ нашей литературѣ, касаясь извѣстнаго тамъ и настолько, гдѣ и насколько это нужно для лучшаго выясненія другихъ сторонъ дѣла.

Къ этому не лишнее будетъ сказать еще слѣдующее. Въ послѣднее время, по поводу новыхъ преслѣдованій возбужденныхъ въ Америкѣ противъ мормоновъ и ихъ верховнаго пророка Бригама Юнга, въ Европѣ и между прочимъ у насъ въ Россіи распространился слухъ о совершенномъ будто бы паденіи этой секты. Вслѣдствіе этого и самый интересъ изслѣдованія о сектѣ долженъ какъ будто утратить свое значеніе. Но вопервыхъ, самая исторія мормонства покажетъ намъ, что и прежде въ жизни этой секты бывали такіе кризисы, когда подъ вліяніемъ внутренняго разстройства и внѣшнихъ преслѣдованій она какъ будто совершенно падала и уничтожалась, и на самомъ дѣлѣ на нѣкоторое время исчезала неизвѣстно куда съ прежняго мѣста своего поселенія,—но потомъ черезъ нѣсколько времени вновь появлялась и распространялась на новомъ мѣстѣ еще въ болѣе цвѣтущемъ состояніи. Вовторыхъ, еслибы мормонству, какъ самостоятельной религіозной и политической сектѣ, въ настоящее время и дѣйствительно положенъ былъ конецъ, все-таки изслѣдованіе о ней не теряетъ своего интереса, какъ изслѣдованіе о весьма характеристическомъ явленіи въ религіозной и соціальной исторіи XIX вѣка.

I.

Конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія особенно плодовиты были разнаго рода новыми религіозными ученіями. Гонимыя въ Европѣ, эти религіозныя ученія нашли для себя самую лучшую почву въ Америкѣ, гдѣ неустановившіяся еще формы общественной жизни давали каждому возможность смѣло и безпрепятственно развивать свои убѣжденія и проводить ихъ въ жизнь. Практическій взглядъ американца на вещи положилъ свою неизгладимую печать и на эти религіозныя ученія, сообщивши имъ характеръ по преимуществу практическій. Отъ того мало значительныя въ теоретическомъ или догматическомъ отношеніи,—они имѣютъ весьма важное значеніе соціальное или политическое, такъ что ихъ послѣдователи пред-

ставляютъ изъ себя полурелигіозныя, полуполитическія общины и даже политическія болѣе, чѣмъ религіозныя. Это послѣднее замѣчаніе, идущее ко всѣмъ новѣйшимъ сектамъ Америки, по преимуществу приложимо къ мормонамъ.

Основателемъ, распространителемъ и потомъ первымъ мученикомъ и главнымъ святымъ этой секты былъ нѣкто Іосифъ Шмидтъ,—личность весьма характерная для ближайшаго знакомства съ мормонизмомъ, такъ какъ исторія и судьба его самымъ тѣснымъ образомъ связана съ исторіею всей секты и развитіемъ ея вѣроученія и нравоученія.

Іосифъ Шмидтъ былъ сынъ небогатаго американскаго фермера, все вниманіе котораго занято было исключительно заботами о прокормленіи своего довольно значительнаго семейства. Съ дѣтства не получивши хорошаго воспитанія и потомъ во всю жизнь занятый исключительно физическимъ трудомъ. отецъ Шмидта и самъ не имѣлъ и дѣтямъ своимъ не могъ дать правильнаго нравственнаго и умственнаго образованія. Отъ природы мечтательный, онъ склоненъ былъ къ разнымъ предразсудкамъ и суевѣріямъ. Вѣра въ разнаго рода видѣнія, въ существованіе кладовъ и т. п. была наслѣдіемъ доставшимся молодымъ Шмидтамъ отъ ихъ отца; во всемъ остальномъ онъ оставилъ ихъ свободно развиваться подъ вліяніемъ дикой, величественной природы американской. Суевѣрія Шмидта нашли для себя самую благопріятную почву въ его дѣтяхъ. Поставленные въ болѣе благопріятныя жизненныя условія, они тѣмъ съ большимъ успѣхомъ имѣли возможность проводить въ жизнь и прилагать къ дѣлу тѣ истины, которыя стояли у ихъ отца только на степени теоретическихъ вѣрованій. «Въ каждомъ ничтожномъ случаѣ они видѣли вліяніе злаго духа, въ блуждающихъ огонькахъ они представляли себѣ души убитыхъ людей, ищущихъ своихъ убійцъ. Фосфорическій свѣтъ, показывающійся по ночамъ, казался имъ геніями, стерегущими въ землѣ богатыя сокровища,—отсюда желаніе у нихъ умилостивить этихъ геніевъ и найти сокровища.» Гористая, возвышенная мѣстность страны, всегдашнее обращеніе среди

дикой природы и разнаго рода разсказы и преданія о несмѣтныхъ сокровищахъ, скрытыхъ будто бы въ этихъ мѣстахъ,—все это еще болѣе разжигало воображеніе Шмидтовъ и поддерживало въ нихъ намѣреніе достать кладъ. «Цѣлыя ночи проводили они въ раскопкахъ земли, гдѣ, казалось имъ, лежитъ кладъ» [1]). Само собою разумѣется, что подобнаго рода бродяжническая жизнь имѣла самое сильное вліяніе на развитіе умственныхъ способностей молодыхъ Шмидтовъ. Живя по преимуществу въ фантастической области воображенія, они мало были знакомы съ дѣйствительной жизнью; оттого умъ ихъ полный разнаго рода предразсудковъ и иллюзій, въ то же время былъ необычайно воспріимчивъ къ разнаго рода широкимъ планамъ, и они мало думали или по крайней мѣрѣ не стѣснялись при построеніи своихъ плановъ невозможностію выполненія. Всѣмъ этимъ по преимуществу отличался младшій изъ четырехъ Шмидтовъ Іосифъ, отъ природы обладавшій слишкомъ живымъ воображеніемъ и необыкновенно дѣятельнымъ характеромъ. Онъ родился въ мѣстечкѣ Харонѣ 23 декабря 1805 года и уже въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ умъ, честолюбіе и необыкновенную самоувѣренность. Несмотря на то, что его семейство не пользовалось уваженіемъ сосѣдей, молодой Іосифъ умѣлъ внушить уваженіе къ себѣ товарищамъ своего дѣтства, которые разсказывали о немъ необыкновенныя вещи. Его частыя экспедиціи для отыскиванія кладовъ, и разсказы о разнаго рода видѣніяхъ и чудесахъ, о «зрячемъ камнѣ», который указывалъ будто бы ему подземныя сокровища,—очень рано возбуждали къ нему вниманіе сосѣдей, хотя на первыхъ порахъ далеко не въ его пользу. Надъ нимъ по большей части смѣялись и въ насмѣшку прозвали его «копателемъ денегъ» [2]). Когда ему исполнилось 16 лѣтъ, онъ со-

---

[1]) The Profets or Mormonisme unveiled. London. 1855 г., стр. 19 и 20.

[2]) Враги Шмидта разсказываютъ, что исканіе кладовъ у него связано было съ разнаго рода заклинаніями и жертвоприношеніями. Обыкновенно онъ требовалъ отъ охотника получить кладъ черную овцу, выводилъ ее куда-либо въ

вершенно развился физически, былъ средняго роста, пріятной наружности, силенъ, ловокъ и способенъ къ сельской работѣ. Въ обращеніи съ другими онъ привлекалъ своею ласковостію и обходительностію; отъ природы былъ надѣленъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, при посредствѣ котораго легко могъ склонять другихъ на свою сторону [1]). По мѣрѣ возраста и развитія физическихъ и душевныхъ силъ, Шмидтъ съ большею энергіею продолжалъ свое дѣло, только разсказы о разнаго рода видѣніяхъ и чудесахъ, бывшихъ будто бы съ нимъ въ пустыняхъ и лѣсахъ, постепенно увеличивались; при чемъ холодное равнодушіе къ безчисленнымъ насмѣшкамъ надъ нимъ на этотъ счетъ ясно показывало, что сознаніе себя чѣмъ-то великимъ, имѣющимъ связь съ высшимъ міромъ духовъ, развивалось и крѣпло въ Іосифѣ все болѣе и болѣе, и въ разсматриваемый нами періодъ было уже достаточно сильно, чтобы не смущаться отъ остротъ и насмѣшекъ со стороны другихъ, не только сосѣдей, но и своихъ домашнихъ. Друзья и послѣдователи Шмидта увѣряютъ, что «онъ съ самаго ранняго возраста отличался набожностію; будто бы еще съ 15-лѣтняго возраста Іосифъ сталъ готовить себя къ будущему служенію и большую часть времени проводилъ въ постѣ, молитвѣ и другихъ религіозныхъ занятіяхъ.» Это конечно весьма вѣроятно. Но исключительная привязанность къ отыскиванію кладовъ показываетъ, что до извѣстнаго времени религіозность Іосифа не была главнымъ предметомъ его думъ. Въ скоромъ времени обстоятельства измѣнили юношескіе планы и мечты Іосифа и сообщили его дѣятельности другое направленіе и

лѣсъ или въ пустыню и тамъ съ различными заклинаніями и таинственными обрядами умерщвлялъ животное; причемъ пролитая кровь шла, по его объясненію, на умилостивительную жертву духамъ, а мясо и шкуру онъ оставлялъ себѣ. Въ народѣ говорили поэтому, что его клады богаты не золотомъ и серебромъ, а полушубками. The Profets, or Mormonisme unveiled, стр. 19, ср. Geschichte der Mormonen von M. Busch, ст. 22—23.

[1]) Исторія, бытъ и нравы мормоновъ. Отеч. Зап. 1857 г. кн. 11 (ноябрь) стр. 4.

характеръ. Между сосѣдями Шмидтовъ существовали тогда послѣдователи всевозможныхъ религіозныхъ сектъ. Фанатическіе проповѣдники этихъ сектъ употребляли всевозможныя усилія распространить и возвысить свое вѣроисповѣданіе въ ущербъ другимъ, сама мать Шмидта нѣсколько разъ переходила отъ одного исповѣданія къ другому. Отсюда сама собою возникала ожесточеннѣйшая борьба между проповѣдниками различныхъ вѣроисповѣданій, борьба до того упорная и ожесточенная, что исключала всякую возможность примиренія враждующихъ сторонъ путемъ хладнокровнаго убѣжденія и доказательства. Само собою разумѣется, въ пылу гнѣва и борьбы противники вовсе выпускали изъ вниманія главные пункты, отличающіе ихъ другъ отъ друга; притомъ же всѣ эти дробныя секты расходились между собою иногда въ самыхъ незначительныхъ пунктахъ; а потому неудивительно, что для такихъ простыхъ людей, какъ Іосифъ, вся эта борьба казалась не болѣе, какъ простымъ капризомъ, происходившимъ главнымъ образомъ отъ недостатка благочестиваго чувства и непомѣрной привязанности къ теоретическимъ спорамъ въ дѣлѣ религіи. Подъ вліяніемъ такого положенія дѣлъ, какъ мы увидимъ послѣ, сложился у Іосифа индифферентный и даже нѣсколько враждебный взглядъ на разнаго рода догматическія убѣжденія и значеніе ихъ въ дѣлѣ спасенія. «Вражда и распри между различными вѣроисповѣданіями были до того велики, говоритъ Шмидтъ въ своей автобіографіи, что для такого молодаго и незнакомаго съ жизнію человѣка, какимъ былъ тогда я (Іосифу шелъ тогда 15-й годъ), совершенно не возможно было узнать, кто изъ враждующихъ правъ и кто виноватъ. Среди безпрерывныхъ криковъ и суматохи мой духъ *неоднократно приходилъ въ сильнѣйшее религіозное возбужденіе. Пресвитеріанцы* находились въ совершенной противоположности съ баптистами и методистами и употребляли всевозможныя усилія, не пренебрегая чистыми и нечистыми средствами, изобличить ихъ во лжи, или по крайней мѣрѣ убѣдить другихъ въ томъ, что они заблуждаютъ Съ своей

стороны баптисты и методисты всѣми силами старались оправдать свое вѣроученіе и унизить всѣ другія. Среди такой борьбы и путаницы мнѣній, я часто предлагалъ себѣ вопросъ: что мнѣ дѣлать? Какая изъ всѣхъ этихъ партій справедлива или быть можетъ и всѣ онѣ несправедливы?! И если какая-либо изъ нихъ дѣйствительно справедлива, то какая же именно, и какъ я могу узнать это?»

II.

«Находясь подъ гнетомъ вопросовъ, возбужденныхъ во мнѣ борьбою вѣроисповѣданій, я читалъ однажды посланіе Іакова, 1 гл. 5 ст., гдѣ говорится: «если же у кого изъ васъ недостанетъ мудрости, да проситъ у Бога, дающаго всѣмъ просто и безъ упрековъ, и дастся ему.» Кажется, никогда еще слова Писанія не проникали такъ глубоко въ душу человѣка, какъ теперь они проникли въ мою,—до того они соотвѣтствовали настроенности души моей. Снова и снова перечитывалъ я ихъ, и чувствовалъ, что если кому, то мнѣ по преимуществу нужна мудрость отъ Бога, потому что я совершенно не зналъ тогда, что мнѣ дѣлать и не имѣлъ никакой надежды узнать объ этомъ при своемъ настоящемъ положеніи. Религіозные проповѣдники до того различно толковали текстъ Библіи, что не было никакой возможности рѣшить спорный вопросъ на основаніи мѣстъ Писанія. Мнѣ оставалось послѣ этого одно изъ двухъ: или оставаться попрежнему во мракѣ и нерѣшительности, или, слѣдуя совѣту ап. Іакова, просить мудрости у Бога. Я рѣшился конечно на послѣднее, размышляя, что если Богъ дѣйствительно подаетъ премудрость просящимъ у Него, и притомъ просто и безъ упрековъ, то почему же и мнѣ не просить ее у Бога?»

«Не долго медля, я, согласно съ этимъ рѣшеніемъ, удалился въ лѣсъ, чтобы тамъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Это было утромъ въ одинъ прекрасный день наступавшей весны 1820 года. Это было въ первый разъ въ моей жизни, потому что прежде этого среди скорбей и напастей, окру-

жавшихъ меня, я ни разу еще не пытался помолиться Господу отъ всего моего сердца.»

«Пришедши на предназначенное мѣсто, осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что около меня никого нѣтъ, я палъ на колѣна и началъ изливать предъ Господомъ скорби моего сердца. Едва только успѣлъ я сдѣлать это, какъ вдругъ меня охватила какая-то невидимая, непостижимая сила, появленіе которой до того потрясло и изумило меня, что я лишился языка и не могъ произнести ни одного слова. Глубокая тьма окружила меня и нѣкоторое время казалось мнѣ, будто бы я вдругъ подвергся внезапному уничтоженію. Между тѣмъ какъ я напрягалъ всѣ мои силы произнести молитву къ Богу о спасеніи меня отъ этой силы вражіей, въ то самое мгновеніе, когда я находился уже въ отчаяніи и желалъ скорѣйшаго уничтоженія, вокругъ далеко на небѣ какъ разъ надъ моею головою я увидѣлъ цѣлый столпъ свѣта, яснѣе солнечнаго, который, спускаясь мало-по-малу, палъ наконецъ на меня. Едва только онъ приблизился ко мнѣ, какъ я въ то же мгновеніе почувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ давившаго меня врага; въ то же самое время я увидѣлъ два свѣтлыхъ образа, стоявшихъ надо мною въ воздухѣ, красота и величіе которыхъ выше всякаго описанія. Одинъ изъ нихъ, назвавши меня по имени, сказалъ, указывая на другаго: «Это мой возлюбленный Сынъ, слушайся Его.»

«Моимъ намѣреніемъ, когда я шелъ вопросить Господа, было узнать, какая изъ всѣхъ религій истинная, чтобы я могъ исповѣдывать ее. Поэтому какъ скоро я оправился отъ удивленія и овладѣлъ собою, такъ что могъ говорить, я спросилъ у явившихся мнѣ, какая изъ всѣхъ враждующихъ сектъ справедлива (потому что въ то время я не зналъ еще, что всѣ онѣ несправедливы), и къ какой изъ нихъ я долженъ принадлежать? Въ отвѣтъ на это они запретили мнѣ присоединяться къ какой бы то ни было изъ нихъ, потому что всѣ онѣ несправедливы. Лице, разговаривавшее со мною, сказало, что «всѣ ихъ вѣроисповѣданія мерзость предъ лицемъ Моимъ и

слушающіе ихъ наслѣдуютъ погибель. Они приближаются ко Мнѣ устами своими, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня; учрежденія человѣческія они выдаютъ за заповѣди божественныя, имѣя только форму благочестія и отвергшись силы его.» Оно снова запретило мнѣ присоединяться къ нимъ и потомъ говорило мнѣ еще многое другое, чего я не могу пересказать теперь.»

«Когда я снова пришелъ въ себя, я нашелъ себя лежащимъ на землѣ съ обращеннымъ къ небу взоромъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого видѣнія, я встрѣтился случайно съ однимъ методистомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ упомянутыхъ выше религіозныхъ спорахъ. Разговаривая съ нимъ о религіи, я упомянулъ къ случаю и о бывшемъ мнѣ видѣніи. Его поведеніе при этомъ сильно удивило меня. Онъ не только совершенно равнодушно выслушалъ мой разсказъ, но и высказывалъ величайшее презрѣніе, говоря, что все это было мнѣ отъ діавола, что наше время не таково, чтобы возможны были подобныя видѣнія и откровенія, что все это навсегда закончилось вмѣстѣ съ апостолами, такъ что впредь въ нашей жизни не можетъ повториться ничего подобнаго. Вскорѣ я узналъ, что разсказъ мой возбудилъ противъ меня сильнѣйшее негодованіе у всѣхъ послѣдователей различныхъ вѣроисповѣданій и сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и ожесточенныхъ преслѣдованій, такъ что, несмотря на то, что я въ то время былъ еще совершенно неизвѣстнымъ мальчикомъ 14—15 лѣтъ, безъ всякихъ претензій на значеніе между людьми,—несмотря на все это, люди значительные, поставленные высоко въ обществѣ, сочли нужнымъ возбуждать противъ мемя общественное мнѣніе и подвергать меня жестокимъ преслѣдованіямъ. Такъ произошло, что всѣ секты соединились въ одно, чтобы преслѣдовать меня. Это причинило мнѣ большія огорченія, но въ то же время послужило для меня лучшимъ доказательствомъ того, что я дѣйствительно видѣлъ видѣніе. Съ этихъ поръ я наглядно убѣдился, что со мною происходитъ то же самое, что было нѣкогда съ апостоломъ Павломъ,

когда онъ держалъ свою защитительную рѣчь предъ царемъ Агриппою и разсказывалъ о бывшемъ ему видѣніи, въ которомъ онъ «видѣлъ свѣтъ и слышалъ голосъ.» Я припомнилъ, что весьма немногіе повѣрили ему тогда. Напротивъ одни называли его безчестнымъ, другіе бѣснующимся, и потому поносили и осмѣивали его, хотя все это нисколько не опровергало дѣйствительности ето видѣнія. Онъ имѣлъ видѣніе, онъ твердо былъ увѣренъ въ этомъ, и всѣ преслѣдованія въ мірѣ не могли разувѣрить его въ этомъ. И еслибы весь міръ преслѣдовалъ его даже до смерти, то и тогда онъ былъ бы твердо убѣжденъ въ этомъ и до послѣдняго издыханія не переставъ бы проповѣдывать, что онъ дѣйствительно видѣлъ видѣніе и слышалъ голосъ, говорившій къ нему,—и весь міръ не могъ бы разубѣдить его въ этомъ. Такъ было и со мною. Я дѣйствительно видѣлъ свѣтъ и въ срединѣ этого свѣта двухъ лицъ, и они дѣйствительно говорили ко мнѣ, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ. И хотя меня всѣ ненавидѣли и презирали за то, что я разсказывалъ о своемъ видѣніи, тѣмъ не менѣе это дѣйствительно такъ было. И въ то время, когда меня преслѣдовали, злословили и самымъ безчестнымъ образомъ приписывали мнѣ всевозможныя преступленія за то только, что я говорилъ это,—я не однократно задавалъ себѣ вопросъ: для чего преслѣдовать меня, если я возвѣщаю истину? Я дѣйствительно видѣлъ видѣніе, какъ же я могу отказаться отъ этого, и кто я такой, чтобы противиться Богу? И зачѣмъ міръ заставляетъ меня отречься отъ того, что я дѣйствительно видѣлъ? Я былъ твердо убѣжденъ въ этомъ и потому не могъ, какъ и теперь не смѣю, отрицать этого; иначе я оскорбилъ бы самого Бога и заслужилъ бы себѣ наказаніе. Впрочемъ теперь я былъ уже спокоенъ, потому что зналъ, что я не долженъ слѣдовать никакой сектѣ, а оставаться долженъ впредь до дальнѣйшихъ указаній въ томъ положеніи, въ какомъ я находился» [1]).

---

[1]) Millennial Starr, vol. III. № 2, p. 21. Въ статьѣ „Remarquable Visions.“ Busch. Geschichte der Mormonen, стр. 2—6.

Такимъ образомъ безпрерывная вражда различныхъ сектъ, пылкія рѣчи фанатическихъ проповѣдниковъ и преслѣдованія ихъ послѣдователей очень рано заронили въ головѣ Іосифа мысль о неудовлетворительности существующихъ религій. Увлеченное въ общій круговоротъ безпрерывныхъ религіозныхъ распрей острое вниманіе молодаго Іосифа зорко слѣдило за всѣми совершающимися около него религіозными событіями, инстинктивно предчувствуя важность и значеніе ихъ въ жизни. Между тѣмъ религіозное воодушевленіе не только не слабѣло съ теченіемъ времени, а напротивъ усиливалось и становилось часъ отъ часу все болѣе и шире, охватывая цѣлыя селенія и отъ одного селенія переходя на другія, смежныя съ нимъ, — пока наконецъ, охвативши цѣлую область, нашло себѣ исходъ въ религіозныхъ ревиваляхъ [5]). Между другими

---

[5]) Въ короткихъ словахъ трудно передать ясное понятіе о религіозномъ ревивалѣ. Въ нашей жизни это явленіе не имѣетъ ничего аналогичнаго. Въ Европѣ это явленіе встрѣчается только въ нѣкоторыхъ протестантскихъ странахъ, — въ Англіи и въ Швеціи, — гдѣ оно сказывается, какъ періодическое религіозное воодушевленіе, охватывающее цѣлыя селенія и области. Подверженные этому воодушевленію съ особенною силою сознаютъ свою грѣховность, чувствуютъ близкое присутствіе Божіе и пророчествуютъ, по большей части на тему о близкой кончинѣ міра и скоромъ страшномъ пришествіи Христовомъ. Это воодушевленіе продолжается иногда мѣсяцъ и болѣе, а послѣ люди, подвергшіеся ему, снова приступаютъ къ обыкновенной жизни и забываютъ все бывшее. Какъ на причину этого явленія въ Европѣ, можно указать на отсутствіе въ протестантскихъ церквахъ обрядности, вслѣдствіе чего религіозное чувство, не имѣя возможности выразиться во внѣ, сосредоточивается въ душѣ вѣрующаго, сильно напрягаетъ его воображеніе и приводитъ его въ изступленное состояніе. Начинается оно обыкновенно какимъ нибудь болѣе другихъ фанатическимъ проповѣдникомъ одной изъ крайнихъ мистическихъ сектъ. Въ Америкѣ, по свидѣтельству Диксона, это явленіе періодически повторяется съ правильностію естественныхъ явленій. Тамъ существуютъ особые вожди религіозныхъ движеній, или, такъ называемые, „пробуждатели“. Они живутъ бѣдно, ѣдятъ скудно, странствуютъ по всевозможнымъ дикимъ мѣстамъ, спятъ на голой землѣ, окруженные волками и бобрами; они страдаютъ отъ краснокожихъ, отъ бѣлыхъ, отъ грубыхъ негровъ; они проникаютъ въ тюрьмы, въ кабаки, въ самыя презрѣнныя трущобы, отыскивая нищету, горе, преступленія. Это — по большей части фанатикъ какой-либо крайней секты; онъ говоритъ въ пылу страсти; его рѣчь — нѣчто судорожное; его краснорѣчіе — душев-

религіозными фанатиками въ лагеряхъ этихъ ревивалей были и братья Шмидты. Знакомому съ этимъ явленіемъ не трудно видѣть, какого рода впечатлѣніе должно было произвести оно на восторженнаго, мечтательнаго Іосифа. Отъ природы наблюдательный онъ не могъ не замѣтить, какое сильное вліяніе производятъ на умы фанатическія рѣчи религіозныхъ проповѣдниковъ. Нужно думать также, что и самъ онъ, увлеченный религіознымъ движеніемъ, раздѣлялъ общее настроеніе и подобно другимъ сознавалъ всю важность и высокое значеніе религіозныхъ проблеммъ для настоящей и будущей жизни че-

---

ний крикъ; но пока философы презрительно улыбаются, а судьи съ неудовольствіемъ мотаютъ головами,—смуглые рудокопы, дюжіе обитатели лѣсовъ и здоровенные фермеры ощущаютъ на себѣ вліяніе этого краснорѣчія. Мало-по-малу вокругъ проповѣдника собирается цѣлая толпа слушателей; жители окрестныхъ селеній бросаютъ свои ежедневныя работы и цѣлыми караванами тянутся къ проповѣднику. Вокругъ него устроляется цѣлый лагерь. Между дуплами и корнями старыхъ деревъ, посреди жужжащихъ насѣкомыхъ и щебещущихъ птицъ возвышается множество шалашей и палатокъ. Телѣги и фургоны стоятъ отложенные; лошади и волы лежатъ на землѣ или бродятъ, отыскивая пищу. Въ полдюжинѣ большихъ шалашей мужчины пьютъ, ѣдятъ, молятся. Молодежь занята играми; нѣкоторые лѣниво лежатъ на травѣ, другіе разводятъ огни, третьи стряпаютъ кушанья. Посреди лагеря блѣдный ораторъ „пробужденія,“ стоя на старомъ пнѣ, громовымъ голосомъ произноситъ пламенную рѣчь къ толпѣ столь же пламенныхъ, какъ онъ, слушателей, большею частію фермеровъ и ихъ женъ. Тутъ виднѣются и нѣсколько негровъ въ ихъ грязныхъ шаляхъ и нѣсколько краснокожихъ съ перьями на головѣ; вся эта толпа пылаетъ такимъ же религіознымъ огнемъ, какъ самъ ораторъ, вполнѣ раздѣляетъ его пылъ. Его огненныя фразы прерываются восклицаніями и всхлипываніями, его отчаянные жесты сопровождаются дикими криками и стонами. Не останавливаясь, не переводя духу, безъ удержу продолжаетъ онъ свою рѣчь, забрасываетъ слушателей цѣлымъ потокомъ словъ и восклицаній, окружающіе его мужчины сидятъ блѣдные, неподвижные, съ сжатыми губами, скрестивъ руки на груди и съ отчаяннымъ выраженіемъ лицъ, ясно говорящимъ, что имъ нѣтъ спасенія отъ грѣха; женщины дико мечутся по лагерю, размахивая руками, громко, вовсеуслышаніе каясь въ грѣхахъ и часто, бросаясь на землю съ пѣною у рта, катаются въ истерическихъ судорогахъ; трезвые индѣйцы съ презрѣніемъ смотрятъ на эти непонятныя для нихъ продѣлки *скво* (*скво*—жена); а негры отъ времени до времени съ криками и всхлипываніями судорожно взываютъ: „Слава! слава! аллилуія!“ В. Диксонъ. Новая Америка. Изданіе 2-е, стр. 272.

ловѣка. По крайней мѣрѣ съ этого же самаго мгновенія въ головѣ Іосифа твердо залегла мысль о необходимости скорѣйшей и притомъ коренной реформы религіозной. Еще тутъ же, непосредственно послѣ ревивалей онъ объявилъ окружавшимъ его, что онъ призванъ Господомъ преобразовать религію. «Я воздвигну, говорилъ онъ, новую религію, — такую, около которой соединятся и изъ которой безбоязненно будутъ заимствоваться всѣ другія религіи» [6]). Но пока на первыхъ порахъ предсказаніе новаго пророка не могло исполниться. Круглое невѣжество не только въ дѣлѣ религіи, но и въ научномъ отношеніи вообще, сказывалось въ головѣ Іосифа совершеннымъ отсутствіемъ всякаго положительнаго знанія, столь необходимаго въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого его возбужденныя силы не могли произвести ничего новаго; въ это время онъ ни себѣ ни другимъ не могъ уяснить еще ни содержанія, ни главнаго характера будущей религіи. Въ такомъ положеніи находился планъ будущей религіи, пока случай и стеченіе обстоятельствъ не пополнили то, чего не доставало Іосифу къ выполненію этого плана. Но для болѣе яснаго пониманія дѣла, мы должны прервать прямую нить нашего разсказа и обратить вниманіе на другія побочныя обстоятельства, необходимыя для уясненія главнаго предмета.

III.

Въ началѣ настоящаго столѣтія (1809—1816 гг.) ученый міръ особенно заинтересованъ былъ вопросомъ о происхожденіи первобытныхъ обитателей новаго свѣта. Нѣкоторыя части Америки (Нью-Салемъ и др.) славятся богатствомъ американскихъ древностей; здѣсь находятъ остатки насыпей, разрушенныя стѣны, различныя постройки, мебель, металлическія вещи и другіе предметы, доказывающіе существованіе населенія, которое должно было стоять на высшей степени цивилизаціи, чѣмъ туземные индійцы. Но совершенное отсутствіе

[6]) The Prophets, or Mormonisme unveiled. стр. 27—28.

всякихъ данныхъ, по которымъ можно было бы угадать, кто были эти первобытные обитатели, — было причиною, почему труды многихъ ученыхъ по разработкѣ указаннаго нами вопроса не могли увѣнчаться успѣхомъ. Болѣе ревностные изъ нихъ, не желая оставить свое дѣло ни съ чѣмъ, должны были прибѣгать къ разнаго рода натяжкамъ и гипотезамъ относительно этого факта. Всѣ эти гипотезы направлялись главнымъ образомъ къ тому, чтобы, возможно болѣе правдоподобнымъ образомъ, объяснить происхожденіе этихъ народовъ отъ тѣхъ же племенъ, потомки которыхъ населяютъ различные страны стараго свѣта. Этимъ путемъ выработалось нѣсколько мнѣній относительно происхожденія американцевъ, — изъ которыхъ большею распространенностію и популярностію пользовалось мнѣніе, производящее американцевъ отъ древнихъ евреевъ, переселившихся сюда при царѣ Седекіи. Это-то мнѣніе и послужило содержаніемъ извѣстнаго въ исторіи мормонизма сочиненія «Найденный манускриптъ.» Авторъ этого сочиненія былъ нѣкто Соломонъ Спаулдингъ, ученый богословъ, долго занимавшійся вопросомъ о происхожденіи американцевъ и въ концѣ концовъ пришедшій къ указанному выше мнѣнію. Желая дать возможно большее распространеніе своему мнѣнію, частію же по личнымъ практическимъ интересамъ — онъ изложилъ свое мнѣніе въ вымышленномъ разсказѣ, озаглавилъ свою рукопись: «Найденный манускриптъ», какъ будто бы она списана имъ съ какого-то древнѣйшаго, найденнаго имъ, манускрипта. Для большей правдоподобности, онъ принялъ въ своей рукописи, хорошо извѣстный ему, какъ богослову, библейскій тонъ и слогъ. Въ «Найденномъ манускриптѣ» Спаулдингъ описываетъ отъѣздъ одного іудейскаго семейства, состоящаго изъ отца Леи и 4-хъ его сыновей: Ламана, Ламуэля, Сама и Нефи съ ихъ женами изъ Іерусалима въ чужіе края во времена Седекіи. Далѣе слѣдуетъ описаніе ихъ переселенія въ Америку, гдѣ несогласія, происшедшія во время путешествія, разъединили семейство,—и каждый изъ сыновей избралъ себѣ отдѣльное поселеніе. Въ послѣдствіи, потомки

ихъ образовали различныя, непріязненныя другъ другу поколѣнія, изъ которыхъ ламаниты были могущественнѣе прочихъ. Безпрерывныя войны, заглушивъ первыя зерна цивилизаціи, увлекли народонаселеніе въ невѣжество; оно раздѣлилось на дикія кочующія племена и отъ нихъ-то произошла настоящая порода красныхъ американскихъ индійцевъ. Между именами героевъ, о подвигахъ которыхъ эта исторія передаетъ нѣкоторыя подробности, встрѣчаются имена Мормона и Морони» [7]). Спаулдингъ не ограничился однимъ чтеніемъ своей рукописи между друзьями и знакомыми; онъ вознамѣрился отпечатать ее и съ этою цѣлію отправился въ Питсбургъ къ извѣстному тамъ типографу и издателю Патерсону, съ которымъ онъ очень близко сошелся. По неизвѣстнымъ причинамъ печатаніе рукописи было отложено; а тѣмъ временемъ Спаулдингъ успѣлъ умереть и рукопись осталась у Патерсона. Этотъ послѣдній, самъ высоко цѣня содержаніе манускрипта, познакомилъ съ нимъ между прочимъ нѣкоего Сиднея Ригдона, своего бывшаго помощника по типографіи, а такъ какъ и Патерсонъ скоро умеръ, то рукопись досталась Ригдону [8]). Сидней былъ человѣкъ довольно образованный. Онъ родился въ Пенсильваніи 1793 года, сначала служилъ при типографіи, потомъ сдѣлался пасторомъ камбелитовъ, одной изъ дробныхъ американскихъ сектъ, выдѣлившейся изъ баптистовъ и получившей названіе по имени своего основателя Александра Камбелла. Религіозный фанатизмъ, характеризующій всю вообще секту камбилитовъ, былъ по преимуществу развитъ у Ригдона и побуждалъ его на самыя отчаянныя предпріятія. Отдѣлившись отъ камбелитовъ, онъ основалъ въ Мепторѣ свой собственный приходъ; не щадилъ средствъ и не пренебрегалъ никакими способами для усиленія и распространенія своего вліянія. Наслышавшись о высокихъ достоинствахъ рукописи и сознавая весь

---

[7]) Секта мормоновъ. „Библіотека для чтенія“ 1859 г., т. 157, стр. 4—5.

[8]) The Prophets, or Mormonisme unveiled. стр. 37. — Geschichte der Mormonen. Busch., стр. 26.

интересъ и новость ея содержанія, Ригдонъ задумалъ воспользоваться ею въ своихъ видахъ. Опасаясь, чтобы законные наслѣдники не предъявили на нее своихъ правъ, онъ поспѣшилъ удалиться изъ Питсбурга въ Ментор, находившійся недалеко отъ поселенія Іосифа Шмидта.

Но овладѣвши рукописью, Сидней никакъ не могъ придумать, что бы такое сдѣлать съ нею. Правда, онъ не разочаровался въ ней и время отъ времени втихомолку не переставалъ знакомить съ ея существованіемъ и содержаніемъ наиболѣе близкихъ своихъ знакомыхъ. Но до времени тѣмъ и ограничивалась его дѣятельность. Случай совершенно неожиданно свелъ его съ Іосифомъ Шмидтомъ и они познакомились. Первымъ дѣломъ Ригдона было познакомить своего новаго пріятеля съ рѣдкимъ манускриптомъ. Это было въ то время, когда, потрясенный религіознымъ пробужденіемъ, Іосифъ искалъ путей и средствъ къ выходу изъ того разлада между жизнію дѣйствительною и нравственнымъ идеаломъ, который былъ предметомъ громовой рѣчи проповѣдника «пробужденія» и впервые заронилъ въ головѣ Іосифа мысль о неудовлетворительности существующихъ религій и о необходимости коренной реформы въ религіозной области. Мистическій, таинственный ходъ рѣчи и смѣлый полетъ мысли въ объясненіи событій увлекли Іосифа. Нужно замѣтить также, что къ этому времени вопросъ объ освобожденіи негровъ и вообще объ уничтоженіи рабства, самымъ тѣснымъ и непосредственнымъ образомъ связанный съ вопросомъ о происхожденіи краснокожихъ и негровъ, уже занималъ собою умы американцевъ, и лучшіе люди, особенно не заинтересованные лично въ этомъ дѣлѣ, отъ всей души сочувствовали ему. Іосифъ по многимъ причинамъ имѣлъ побужденіе болѣе другихъ сочувствовать этому дѣлу. Какъ человѣкъ низкаго происхожденія, бѣдный, часто преслѣдуемый вліятельными людьми, онъ вообще враждебно относился къ существовавшимъ формамъ общественной жизни, и идея равенства по происхожденію и назначенію рабовъ и господъ, составляющая главное содержаніе манускрипта, казалась ему небесною,

святою истиною. Разсказами Ригдона заранѣе подготовленный видѣть въ манускриптѣ нѣчто необыкновенное, таинственное, Іосифъ вполнѣ увѣровалъ въ истинность его содержанія и съ тѣхъ поръ лучшимъ его удовольствіемъ сдѣлалось слушать чтеніе манускрипта [9]). Такая восторженная преданность и глубокое благоговѣніе къ тѣмъ мнѣніямъ, какія считалъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ своимъ Ригдонъ, еще тѣснѣе и крѣпче соединила дружбу этихъ двухъ личностей и заранѣе предъуготовила въ послѣднемъ наклонность видѣть въ Іосифѣ нѣчто великое. Ригдонъ счелъ своею обязанностію просвѣтить своего неученаго друга и съ этихъ поръ они были почти неразлучны. Въ этихъ видахъ Ригдонъ оставилъ даже на время свои пастырскія обязанности, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ занимается изученіемъ Библіи. Мало-по-малу онъ передавалъ Іосифу тѣ изъ своихъ, немногочисленныхъ впрочемъ, религіозно-богословскихъ свѣдѣній, которыя вовсе незнакомы были послѣднему. Подобные уроки нашли въ Іосифѣ самаго ревностнаго слушателя; цѣлые дни и ночи они проводили гдѣ-нибудь въ пустынныхъ пещерахъ и дикихъ лѣсахъ въ разнаго рода богословскихъ занятіяхъ и бесѣдахъ. По мѣрѣ расширенія свѣдѣній Шмидтъ обнаруживалъ такую жажду умственной дѣятельности, что Ригдонъ удивлялся и пришелъ къ убѣжденію, что Шмидтъ величайшій геній Америки, не признанный и потому гонимый народомъ [10]). Само собою разумѣется, что уроки Сидпея, вслѣдствіе неподготовленности его ученика и неполноты его собственныхъ библейскихъ богословскихъ свѣдѣній, не могли дать Іосифу полнаго, систематическаго знакомства съ религіею. По большей части они ограничивались чтеніемъ Библіи и объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея согласно съ воззрѣніями, выработ-

---

[9]) Историки нѣсколько расходятся во мнѣніяхъ относительно образованія Іосифа. Одни говорятъ, что онъ вовсе не умѣлъ читать, другіе—что онъ хотя плохо, но прошелъ курсъ преподаванія тогдашнихъ элементарныхъ американскихъ школъ.

[10]) The Prophets, or Mormonisme unveiled. стр. 44.

тавшимися въ Америкѣ подъ вліяніемъ послѣднихъ новѣйшихъ сектъ, кэмбеллитовъ, баптистовъ, квакеровъ и др. Эти то отрывочныя и безсвязныя свѣдѣнія и составляли всю сокровищницу религіозной образованности Іосифа, и они то впослѣдствіи легли въ основаніе вѣроученія и нравоученія будущей секты. Какъ бы то ни было, эти богословскія свѣдѣнія имѣли самое рѣшительное вліяніе на характеръ и направленіе дальнѣйшей дѣятельности Іосифа. По мѣрѣ ихъ накопленія Іосифъ болѣе и болѣе становился угрюмымъ, задумчивымъ; онъ избѣгалъ обращенія съ людьми и большую часть времени проводилъ въ уединеніи. При посредствѣ этихъ свѣдѣній, предъ его сознаніемъ болѣе и болѣе выяснялся теперь планъ новой религіи. Безпрестанная, напряженная мыслительность, направленная на одинъ предметъ, само собою разумѣется, усилила ту склонность къ эстатическимъ состояніямъ, которою и прежде отличался Іосифъ; ночныя и денныя видѣнія стали повторяться чаще и приняли болѣе ясный видъ и болѣе опредѣленную форму. Человѣку съ ранняго еще дѣтства привыкшему вѣрить въ свое необыкновенное призваніе и вполнѣ убѣжденному въ истинахъ, которыя были извѣстны только небольшому кружку его наиболѣе близкихъ знакомыхъ, да и тѣми по большей части или не признавались вовсе, или считались бреднями,—такому человѣку легко было придти къ убѣжденію, что онъ самимъ небомъ предназначенъ къ распространенію этихъ истинъ. Въ Іосифѣ такимъ образомъ вырабатывался и созрѣвалъ будущій реформаторъ религіи; но пока, до времени онъ не имѣлъ еще случая высказать открыто и публично свои мысли: до извѣстнаго времени его проповѣди имѣли значеніе только для Сиднея Ригдона, который, высоко цѣня ихъ, все еще не могъ освоиться съ мыслію видѣть въ Іосифѣ что-нибудь болѣе очень умнаго молодаго человѣка; его разсказы о видѣніяхъ и чудесахъ до сихъ поръ еще не были признаны за истину ни его домашними, ни тѣмъ болѣе сосѣдями. Напротивъ того, таинственность и уединенная скитальническая жизнь Іосифа внушала къ нему подозрительность въ сосѣ-

дяхъ; правительство подозрѣвало его въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ, а народъ въ разнаго рода преступленіяхъ, причины которыхъ не были ему извѣстны [11]). Эти нареканія нисколько не ослабляли стремленій Іосифа, а напротивъ еще болѣе развивали въ немъ намѣреніе, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе свою мысль. Взводимыя на него обвиненія даже возбуждали къ Іосифу особенное вниманіе людей еще не знакомыхъ съ нимъ. Несмотря на всѣ злословія и насмѣшки, Шмидтъ все съ большею смѣлостію объявлялъ о своихъ сношеніяхъ съ ангелами и самимъ Богомъ и о своемъ приготовленіи къ великому дѣлу.

IV.

Когда Іосифу исполнилось 16 лѣтъ (это относится къ 1822 г., времени его перваго знакомства съ Ригдономъ), онъ, по разсказамъ своихъ послѣдователей, особенно началъ думать о спасеніи души своей; часто уходилъ въ лѣсъ, становился на колѣна и «взывалъ ко Господу.» 21 сентября 1823 года, какъ передастъ Орсонъ Праттъ, одинъ изъ 12 мормонскихъ апостоловъ [12]), Господь снова услышалъ его молитву. Ему показалось, что весь домъ окруженъ былъ ужаснымъ пламенемъ. Это внезапное появленіе столь сильнаго пламени, какъ и нужно было ожидать, до того поразило Іосифа, что онъ отъ испуга трясся всѣмъ своимъ тѣломъ. Но вслѣдъ за этимъ испугомъ въ душѣ Іосифа водворилось невыразимо сладостное чувство спокойствія и мира, и въ тоже самое мгновеніе предъ нимъ предсталъ свѣтлый образъ ангела, посланнаго отъ Бога, который возвѣстилъ ему, что его грѣхи отпущены и его молитва услышана Богомъ. Затѣмъ ангелъ объяснилъ Іосифу, что обѣтованія Божіи Израилю относительно его потомства скоро исполнятся, что вскорѣ начнется великое приготовленіе ко второму пришествію Мессіи, что наступаетъ время, когда еванге-

[11]) The Prophets, or Mormonisme unveiled. стр. 47—57.

[12]) Въ ст. Remarkable Visions. Millennial Starr, vol. III. № 2, p. 21.

ліе царствія будетъ проповѣдано всѣмъ народамъ земли «во всей своей полнотѣ» и что проповѣдникомъ этого евангелія Господь избралъ его, Іосифа Шмидта. Наконецъ ангелъ сообщилъ Іосифу, что современные индѣйцы—потомки древняго Израиля, что при своемъ переселеніи въ Америку они во всей полнотѣ имѣли божественное откровеніе, что между ними существовали пророки и богодохновенные бытописатели, которые записывали важнѣйшія событія въ ихъ исторіи; что эти книги долго переходили изъ рода въ родъ, пока наконецъ были скрыты отъ нихъ за вечестіе, и теперь хранятся въ тайномъ мѣстѣ. Ангелъ изчезъ, но потомъ снова являлся Іосифу нѣсколько разъ и указалъ ему мѣсто, гдѣ хранились священныя письмена древнихъ евреевъ Америки. Письмена эти, по открытію ангела, были написаны на золотыхъ доскахъ за 1400 лѣтъ пророкомъ Мормономъ и зарыты сыномъ его Моропи въ холмѣ Кумора, куда по приказанію ангела и долженъ былъ отправиться Шмидтъ. Письмена хранились въ углубленіи, сдѣланномъ по видимому руками человѣка. На днѣ этаго углубленія лежалъ плоскій и гладко выполированный четырехъ угольный камень изъ мрамора. Къ четыремъ сторонамъ этого камня были весьма плотно приставлены четыре другихъ, тоже плоскихъ камня; швы такъ плотно и крѣпко были связаны цементомъ, что сырость никоимъ образомъ не могла проникнуть въ этотъ каменный ящикъ. Внутри ящика возвышались три небольшіе столбика, положенные на нижнюю плиту, на этихъ столбикахъ лежали самыя «скрижали.» Крышкою этому ящику служилъ снизу плоскій и сверху выпуклый большой камень. Когда Іосифъ пришелъ сюда въ первый разъ, углубленіе было засыпано землею и покрыто дерномъ, а окрестная мѣстность поросла густымъ лѣсомъ. Разрывши мѣсто, Шмидтъ увидалъ ящикъ и палъ на колѣна; въ тоже время невидимая сила открыла ящикъ и онъ увидалъ золотыя доски, исписанныя странными, непонятными ему знаками. Внезапный блескъ золота и притомъ въ такомъ большомъ количествѣ возбудилъ въ Іосифѣ корыстолюбивыя мысли, то-есть жадность къ зо-

лоту и желаніе воспользоваться имъ. Но въ тоже самое мгновеніе невидимая сила оттолкнула его прочь, а ящикъ снова скрылся. Вслѣдъ за этимъ Шмидтъ увидѣлъ сатану со всѣмъ его воинствомъ и въ испугѣ обратился къ Богу за помощію. Его молитва скоро была услышана и ему явился ангелъ, возвѣстившій, что за нечистые помыслы его онъ не можетъ теперь получить «скрижали,» но такъ какъ онъ покаялся и обратился къ Богу, то Богъ не лишаетъ его своей прежней милости и черезъ 4 года онъ получитъ «золотыя скрижали,» только не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ими для своихъ житейскихъ нуждъ, а чтобы возвѣстить ихъ всему міру. Въ теченіи этихъ четырехъ лѣтъ Іосифъ долженъ былъ, по наставленію ангела, изучать новоегипетскій языкъ, на которомъ написаны «скрижали.» Ангелъ изчезъ, а Іосифъ, грустный и задумчивый, отправился домой. Во все продолженіе послѣдующихъ 4 лѣтъ, Шмидтъ приготовлялся къ своему будущему служенію; большую часть времени проводилъ онъ въ постѣ, молитвѣ и другихъ религіозныхъ занятіяхъ; цѣлыя дни и ночи онъ находился гдѣ-нибудь въ уединеніи, въ пустыняхъ и лѣсахъ, обдумывая все видѣнное и слышанное, при чемъ ему неоднократно являлись ангелы и укрѣпляли его [13]).

Въ такомъ видѣ послѣдователи Іосифа представляютъ исторію его приготовленія къ пророческому званію. Какъ мы уже видѣли, въ эти годы «пророкъ» дѣйствительно готовился къ своему будущему служенію и весьма часто удалялся въ пустыни и лѣса, хотя былъ тамъ не одинъ, а вдвоемъ съ Ригдономъ, и проводилъ время не въ молчаливомъ созерцаніи, а въ оживленныхъ бесѣдахъ и спорахъ съ послѣднимъ. Что касается значительной продолжительности его четырехъ-лѣтняго приготовленія, то причиною этому было съ одной стороны совершеннѣйшее невѣжество Іосифа и его слишкомъ сильное увлеченіе разнаго рода научно-богословскими свѣдѣніями, которыя

[13]) Busch Geschichte der Mormonen. стр. 7—11. Исторія, бытъ и нравы Мормоновъ. Отеч. Зап. 1857 г. кн. 11.

передавалъ ему Ригдонъ, а съ другой разнаго рода житейскія дѣла, изъ которыхъ какъ на главное можно указать на случившуюся въ это время женитьбу его, — женитьбу довольно оригинальную и романтичную, на которую потребовалось съ стороны его довольно значительное время и большіе хлопоты, бывшіе, быть можетъ, главною причиною длиннаго четырехъ-лѣтняго приготовленія «пророка» [11]).

---

[11]) Прежніе знакомые Шмидте, сдѣлавшіеся впослѣдствіи его врагами, въ такомъ видѣ представляютъ это дѣло: „когда Іосифу исполнилось 18 лѣтъ, онъ влюбился въ одну молодую дѣвушку, дочь фермера, жившую неподалеку отъ Манчестера; звали ее Эмма Гель. На его любовь отвѣчали взаимностію и онъ рѣшился просить руки дѣвушки. Такъ какъ Іосифъ былъ весьма бѣденъ, его семейство не пользовалось хорошею репутаціею, да и самъ онъ пріобрѣлъ дурную славу, то отецъ дѣвушки съ перваго же раза отказалъ и даже запретилъ ему посѣщать домъ свой; а спустя нѣсколько времени переселился по своимъ обстоятельствамъ въ Пенсильванію, отстоявшую отъ селенія „пророка“ на большомъ разстояніи. Положеніе Шмидта было безвыходное; у него не было ни денегъ, ни друзей и не представлялось возможности добыть то или другое. Но Іосифъ рѣшился, во что бы то ни стало, жениться на Эммѣ. Чтобы достать денегъ для проѣзда въ Пенсильванію, онъ уговорилъ легковѣрнаго сосѣда Лауренса, коротко знакомаго съ семействомъ Гель, отправиться съ нимъ въ Пенсильванію, потому что онъ, Шмидтъ, нашелъ будто бы неподалеку отъ мѣста жительства Гель серебряную руду, которую готовъ уступить ему, если онъ поможетъ жениться ему на Эммѣ. Лауренсъ повѣрилъ, свезъ Шмидта на свой счетъ и представилъ его Гелю, какъ умнаго молодаго человѣка, подающаго большія надежды. Гель, знавшій Іосифа прежде только по слухамъ, принялъ его въ домъ. Что же касается серебряной руды, то оказалось, что Шмидтъ ошибся и Лауренсъ долженъ былъ возвратиться домой съ пустыми руками. Шмидтъ же вскорѣ увезъ свою возлюбленную въ Пальмиру, гдѣ ему удалось достать помѣщеніе, и обвѣнчался съ нею. Но чтобы обзавестись нужнымъ для хозяйства, требовались деньги, которыхъ у него не было. Онъ обратился къ одному добродушному нѣмцу Стовелю, одержимому страстію къ деньгамъ, по секрету сообщилъ ему, что открылъ золотую руду и готовъ подѣлиться съ нимъ, если онъ снабдитъ его теперь же всѣмъ нужнымъ для хозяйства. Нѣмецъ дался въ обманъ, несмотря на то, что Іосифъ сулилъ ему богатство уже не въ первый разъ.“ (American Whig-Review. Newyork, 1851. p. 544; Busch. Geschichte der Mormonen. s. 23—24; Ист., быть и нравы морм. От. Зап.). Этотъ разсказъ принадлежитъ противникамъ пророка и можетъ быть нѣкоторыя частности его не совсѣмъ правдоподобны, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть весьма важенъ для характеристики дѣятельности Іосифа до выступленія его въ качествѣ пророка и реформатора религіи.

Наконецъ 22 сентября 1827 года Іосифъ Шмидтъ получилъ сокровище. «Кромѣ скрижалей, по словамъ Прата [15]), Шмидтъ нашелъ въ каменномъ ящикѣ древнѣйшій панцырь, три стрѣлы и мечъ Лавана. Мечъ этотъ перенесенъ былъ въ Америку еще во времена царя Седекіи, сдѣланъ былъ изъ крѣпкой стали и имѣлъ золотую рукоятку. Законы были начертаны на доскахъ, которыя по виду казались золотыми. Всѣхъ досокъ было восемь, каждая имѣла 7 дюймовъ ширины и 8 длины и была не много толще обыкновенной оловянной посуды. Обѣ стороны каждой доски были исписаны египетскими іероглифами и всѣ доски были сшиты вмѣстѣ тремя кольцами, на подобіе книги. Вся связка была толщиною около 6 дюймовъ и одна часть ея была запечатана. Іероглифы или письмена въ незапечатанной части были дробны и написаны весьма искусно. Вообще вся работа носила въ своемъ строеніи слѣды глубокой древности и была исполнена съ большимъ искусствомъ. Внизу таблицъ висѣлъ особый инструментъ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ «урима» или «турима,» который состоялъ изъ двухъ прозрачныхъ пластинокъ чистѣйшаго кристала, соединенныхъ другъ съ другомъ металлическою проволокою, на подобіе очковъ. Этотъ инструментъ обладалъ такимъ свойствомъ, что глядя черезъ него можно было читать и понимать такой языкъ, который прежде того былъ совершенно неизвѣстенъ читателю, равно какъ распознавать прошедшее и провидѣть будущее. Подобный инструментъ употребляли древніе пророки, держа его въ рукѣ,—это означало ихъ власть передавать божескія откровенія; имъ же пользовались и древніе вѣщуны, чтобы при помощи его видѣть вдаль и читать прошедшее и будущее.»

Слухи о чудесной находкѣ Шмидта носились уже въ народѣ и прежде; поэтому, когда «пророкъ» вынулъ доски изъ углубленія и несъ ихъ по пустынѣ домой, его подстерегали два какихъ то негодяя, которые хотѣли отнять у него золотыя доски. Іосифъ съ большимъ трудомъ могъ спастись отъ этихъ

[15]) Busch Geschichte der Mormonen. s. 11—13.

разбойниковъ [*]). Но и благополучно прибывши домой, онъ не могъ оставаться спокойнымъ. «Молва о странной находкѣ, продолжаетъ Пратъ, быстро распространилась не только по всему селенію, но и въ окрестностяхъ. Ложныя извѣстія летѣли на крыльяхъ по всѣмъ направленіямъ. Домъ Шмидта вскорѣ былъ окруженъ толпою, желавшею видѣть «скрижали.» Сначала Іосифъ не обращалъ на это вниманія, но толпа по мѣрѣ накопленія становилась раздражительнѣе и настойчивѣе въ своемъ требованіи. Любопытство однихъ и злоба другихъ возрасли до того, что многіе начали стрѣлять въ Шмидта и употребляли всевозможныя хитрости и уловки, чтобы выманить у него «скрижали.» Видя, что неистовство народа возрастаетъ болѣе и болѣе и опасаясь даже за собственную жизнь свою, Іосифъ рѣшается на крайнюю мѣру,—внезапно является среди народа и своею пламенною, вдохновенною рѣчью обезоруживаетъ злобу однихъ и легкомысліе другихъ. «Четыре года назадъ,—говорилъ Шмидтъ своимъ грознымъ врагамъ,—когда я былъ одинъ, два свѣтлыхъ и прекрасныхъ юноши явились мнѣ, говоря, что они вѣстники, посланные отъ престола Божія открыть мнѣ, что я избранъ разсѣять религіозныя заблужденія народа и научить его истинному пути спасенія, который давно потерянъ по причинѣ людской злобы. Такая

---

[*]) Исторія, быть и нравы мормоновъ. „Отеч. зап.“ 1857 г. кн. 11. По другому, болѣе раннему извѣстію, Шмидта, когда онъ несъ скрижали, встрѣтилъ самъ діаволъ, покушаясь отнять сокровище у пророка. Но Іосифъ, уже знакомый съ нимъ изъ прежнихъ видѣній, не только не испугался, но вступилъ съ нимъ въ ожесточенную борьбу. Золотыя скрижали нѣсколько разъ переходили при этой борьбѣ изъ рукъ въ руки, пока наконецъ Іосифъ, напрягши всѣ свои силы, снова овладѣлъ ими, а явившійся вслѣдъ за тѣмъ ангелъ прогналъ сатану. За тѣмъ уже появились и другіе, вышеупомянутые враги; и такимъ образомъ, заключаетъ извѣстіе, исполнилось, что было предсказано ему ангеломъ еще при первомъ явленіи: „какъ скоро сдѣлается извѣстнымъ, что Господь открылъ тебѣ эти вещи, безбожники будутъ искать твоей погибели. Они будутъ клеветать, чтобы запятнать твое доброе имя и будутъ покушаться даже на жизнь твою. Но знай, если ты останешься вѣрнымъ и соблюдаешь заповѣди Господа, ты будешь невреднимъ.“ Geschichte d. Mormonen. Busch.

вѣсть смутила меня, потому что я чувствовалъ себя грѣшнымъ, но ангелы разрѣшили меня отъ грѣховъ и я почувствовалъ въ сердцѣ своемъ горячую любовь къ Богу. Въ послѣдствіи, такъ какъ я допустилъ гордость въ сердце свое, ангелы снова явились мнѣ, упрекнули меня за грѣховныя мысли, потомъ простили меня и объявили, что священныя книги погибшаго народа Израильскаго зарыты въ холмѣ Куморѣ, куда они положены за 1400 лѣтъ назадъ Моропомъ, сыномъ пророка Мормона, который написалъ ихъ на золотыхъ доскахъ и предсказалъ Морони, что черезъ 1400 лѣтъ язычники найдутъ ихъ и изъ нихъ научатся истинному богопочтенію. Ангелы указали мнѣ мѣсто, гдѣ были зарыты священныя книги, и я съ радостію отправился туда. Разрывъ указанное мѣсто, я нашелъ четырехъ-угольный мраморный ящикъ, такъ крѣпко закрытый, что ни вода, ни сырость не могли проникнуть въ него. При видѣ ящика я палъ на колѣна, поблагодарилъ великаго Іегову, и сердце мое исполнилось божественною любовію. Невидимая сила открыла ящикъ, и я увидѣлъ блестящія золотыя доски, покрытыя странными буквами. Видъ золота возбудилъ во мнѣ жадность, и я рѣшился воспользоваться имъ. Но прежде, чѣмъ такая мысль опредѣлилась во мнѣ, невидимая рука толкнула меня на землю, а ящикъ скрылся подъ землею. Тогда въ воздухѣ послышался какой-то шопотъ и облакоподобныя формы окружили меня. Огненныя змѣи со свистомъ разсѣкали воздухъ, солнце померкло. Но вдругъ являются ангелы на золотыхъ колесницахъ, окруженные множествомъ духовъ, патріарховъ, пророковъ, между которыми былъ и Мормонъ. Послѣдній остановился предо мною и сказалъ: «исправь Іосифъ свое сердце, потому что на тебѣ должно исполниться пророчество; если побѣдишь зло въ своемъ сердцѣ, будешь между нами.» Слова Мормона воодушевили меня. Но когда явленіе исчезло, снова распространилась тьма, рычаніе и крики наполнили воздухъ. Трепеща отъ страха, я оглянулся и увидѣлъ сатану со множествомъ бѣсовъ; я упалъ на землю и молился Іеговѣ. Черезъ минуту послышалось какъ бы колебаніе земли,

сатана низринулся въ преисподнюю и ангелъ явился предо мною, говоря:

«Встань Іосифъ, избранный пророкъ Господа, помогшаго тебѣ, потому что ты обратился къ Нему и поборолъ зло; встань и иди прочь, потому что ты согрѣшилъ, допустивъ въ сердце свое корыстолюбіе при видѣ священнаго золота. Ты долженъ прожить еще 4 года въ мірѣ, прежде чѣмъ получишь его. Иди своею дорогою и не грѣши болѣе.» Съ этими словами ангелъ оставилъ меня, и я со скорбію воротился домой. Еслибы вы знали, сколько скорбей и горестей перенспыталъ я въ эти 4 года, вы отнеслись бы ко мнѣ человѣколюбивѣе и великодушнѣе, потому что четырехъ лѣтъ довольно было для меня, чтобы оплакать свой грѣхъ и подумать о той великой миссіи, которой я лишился за него. Эти четыре года кончились сегодня, ангелъ сегодня явился мнѣ, когда я былъ въ полѣ на работѣ, и сказалъ: «встань, возлюбленный Господа, возьми Слово Божіе и возвѣсти его міру.» Когда я пошелъ по этому приказанію, небесный вѣстникъ остановился предо мною на томъ мѣстѣ, гдѣ было скрыто Слово Божіе. Когда я раскопалъ землю, крышка ящика открылась сама собою и прежняя драгоцѣнность явилась глазамъ моимъ. Въ это мгновеніе прежнее чувство заговорило во мнѣ; я съ трепетомъ упалъ на землю и капли пота, вызванныя страхомъ, полились съ меня. Я воскликнулъ: прочь темныя силы ада, я не знаю васъ! Тогда ангелъ повѣялъ на меня крыломъ своимъ и съ благосклонною улыбкою поднялъ сокровище и отдалъ мнѣ въ руки, говоря: «Иди и возвѣсти это міру, потому что ты теперь достоинъ этого. Посылающій тебя вложитъ въ уста твои силу и премудрость, при помощи которыхъ ты соберешь общество истинныхъ богопочитателей.» Сказавъ это, онъ скрылся и я остался одинъ по тѣлу, но не одинъ по духу, потому что онъ поддерживалъ и поддерживаетъ меня духовно. Богъ свидѣтель, что все это я говорю не отъ себя, а возвѣщаю вамъ только то, что мнѣ велѣно объявить всему міру. Кто же изъ васъ осмѣлится противиться повелѣніямъ самого Іеговы?!. Кто дерзнетъ загражд-

дать путь къ распространенію Его славы?!. У кого сердце чорствое, тотъ пусть первый начинаетъ ратовать противъ небеснаго голоса самого Всемогущаго; я же долженъ исполнить волю Божію и открыто возвѣщаю ее вамъ, какъ возвѣщу ее и предъ цѣлымъ міромъ!».. Сказавъ это громкимъ голосомъ, сопровождая слова сильными и выразительными жестами, Іосифъ поклонился народу и ушелъ въ комнату, а толпа народа осталась въ изумленіи и потомъ начала мало-по-малу, пораженная и озадаченная, расходиться по домамъ [17]).

Дѣйствительно, подобная рѣчь въ устахъ живаго, энергическаго человѣка, какимъ былъ Іосифъ Шмидтъ, могла не только обезоружить его враговъ, но и заронить въ нихъ искру вѣры въ его призваніе, особенно если мы возьмемъ во вниманіе уровень умственнаго развитія его слушателей и повальную наклонность американскаго населенія къ мистицизму и всему таинственному,—наклонность сказавшуюся главнымъ образомъ въ обиліи и разнообразіи сектъ чисто мистическаго направленія. Народъ, повѣрившій женскому воплощенію Христа въ лицѣ Анны Ли и выдѣлившій изъ себя послѣдователей для библейскихъ коммунистовъ, не могъ устоять противъ обаянія и нравственной силы неотразимыхъ доводовъ мормонскаго пророка. «Я никогда не слыхалъ подобной рѣчи, сказалъ Ригдонъ. Скажи же мнѣ, Іосифъ, дѣйствительно ли ты имѣлъ видѣніе, о которомъ сейчасъ говорилъ?» Но Шмидтъ ничего не отвѣчалъ и отправился домой, держа себя сообразно съ своимъ новымъ званіемъ.

Нѣкоторые признаютъ за вѣроятное, что Шмидтъ, занимаясь отыскиваніемъ кладовъ, могъ дѣйствительно найти старинныя плиты, которыя подобно другимъ американскимъ древностямъ были исписаны различными іероглифами; тѣмъ болѣе, что подобныя же плиты не разъ находимы были въ Америкѣ. Такъ въ началѣ настоящаго же столѣтія такія плиты были найдены въ Мексикѣ и описаны профессоромъ Рафанеси. Письмена

[17]) The Prophets, or Mormonisme unveiled. стр. 62—67.

на нихъ обыкновенно идутъ или сверху внизъ, или отъ одного бока къ другому; китайскія и египетскія рукописи имѣютъ съ ними большое сходство. Въ 1843 году подобныя же плиты были найдены въ штатѣ Иллиноисѣ; они состояли изъ 6 досокъ колокольнаго металла, каждая изъ нихъ имѣла дыру съ узкимъ концомъ, чрезъ которыя продѣты были кольца съ двумя крючьями, служившими связью плитамъ. Плиты имѣли цвѣтъ мѣди и были покрыты письменами, которыя стали видны послѣ того, какъ поверхность плитъ очистили купоросною кислотою [*]). Можетъ быть, подобныя же плиты могли быть найдены Іосифомъ,—что же касается дальнѣйшей исторіи, то ее можно объяснять различно.

V.

Послѣ приведенной нами рѣчи къ народу, Іосифъ, опасаясь за судьбу своей святыни, поспѣшилъ воспользоваться удобною минутою, чтобы избѣжать опасности. Онъ рѣшился переселиться въ Пенсильванію къ своему тестю и, не долго думая, началъ приготовляться въ путь. «Поспѣшно, говоритъ Пратъ, собралъ онъ свои пожитки, а таблицы положилъ въ бочку съ бобами. Два раза во время путешествія онъ останавливаемъ былъ мѣстными полицейскими чиновниками, но къ удивленію при обыскѣ таблицъ не оказалось. Дальнѣйшее путешествіе Шмидтъ совершилъ благополучно и поселился въ Пенсильваніи у своего тестя.»

Чтобы выгоднѣе воспользоваться возбужденнымъ любопытствомъ народа и молвою о своей находкѣ, Іосифъ долженъ былъ теперь прежде всего озаботиться переводомъ «золотыхъ скрижалей.» Для этого дѣла требовались средства и помощники, такъ какъ самъ Шмидтъ былъ весьма бѣденъ и очень плохо разумѣлъ грамоту. Чтобы достать денегъ, Іосифъ обратился къ нѣкоему Мартыну Гаррису. Гаррисъ былъ человѣкъ мягкій и уступчивый; онъ перемѣнилъ уже нѣсколько вѣро-

*) Секта мормоновъ. „Библіотека для чтенія,“ т. 157, стр. 6—7.

исповѣданій, былъ квакеромъ, универсалистомъ, баптистомъ, методистомъ и пресвитеріанцемъ. Іосифъ прямо объявилъ ему, что откровеніе свыше приказало ему, Гаррису, выдать 50 долларовъ на изданіе «золотой Библіи.» Заинтересованный новымъ ученіемъ, Гаррисъ выдалъ требуемую сумму и обѣщалъ всѣми мѣрами содѣйствовать дѣлу Іосифа. Съ Гаррисомъ Шмидтъ пріобрѣлъ не только матеріальныя средства, потому что Гаррисъ былъ весьма богатъ, но и большую нравственную поддержку, такъ какъ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и былъ извѣстенъ, какъ честный человѣкъ и почтенный гражданинъ. Но такъ какъ и Гаррисъ писалъ очень плохо, то они должны были посвятить въ тайну еще и другихъ. Выборъ пророка въ этомъ случаѣ палъ на Оливера Коудери, школьнаго учителя, жившаго неподалеку, человѣка весьма честнаго и уважаемаго, но не очень образованнаго. Въ тоже время къ нимъ присоединился нѣкто Давидъ Виттмеръ, человѣкъ довольно состоятельный и съ хорошею репутаціею, но вовсе безграмотный. При содѣйствіи этихъ помощниковъ Шмидтъ началъ переводъ «скрижалей.» Собственно дѣятельнымъ помощникомъ по переводу былъ одинъ только Оливеръ Коудери, остальныя же два лица присутствовали въ качествѣ свидѣтелей, или просто вѣрующихъ, не принимая никакого участія въ переводѣ. По словамъ Прата, «Іосифъ устроился за перегородкою и, держа «уримъ» въ своей шляпѣ, диктовалъ Коудери переводъ «Евангелія.» Работа по переводу длилась нѣсколько лѣтъ (болѣе трехъ) и шла благополучно; только однажды переводчикамъ сдѣлана была маленькая непріятность со стороны жены Гарриса, вообще враждебно относившейся къ новой религіи. Непріятность эта состояла въ томъ, что жена Гарриса, въ домѣ котораго работалъ пророкъ, наскучивъ незваными гостями, схватила часть перевода и бросила его въ печь, такъ что пророкъ снова долженъ былъ дѣлать переводъ, при чемъ, говорятъ, оказалось, что его «уримъ» способенъ дѣлать только вольный переводъ и не гоняется за бу-

квальною точностію подлинника [19]). Когда переводчики дошли до того мѣста, гдѣ Господь поучаетъ нефитовъ (потомковъ Нефи, одного изъ родоначальниковъ первобытныхъ американскихъ племенъ) единому истинному крещенію, Шмидтъ и Коудери возъимѣли сильное желаніе получить это истинное крещеніе; и такъ какъ они знали, что ни одинъ изъ священнослужителей существующихъ вѣроисповѣданій не можетъ совершить его, то они обратились съ молитвою къ Богу, прося Его ниспослать на нихъ особенную благодать, которая бы возстановила на землѣ истинное священство и истинныя таинства. «И вотъ 15 мая 1829 года,—говоритъ Шмидтъ въ своей автобіографіи,—во время усердной молитвы является въ легкомъ облакѣ небесный вѣстникъ и, возложивши на насъ свои руки, посвящаетъ насъ, говоря: «во имя Мессіи я низвожу на васъ, мои сослужители, священство Аарона, имѣющее ключи ангельскаго служенія (проповѣдываніе покаянія и крещенія чрезъ погруженіе въ отпущеніе грѣховъ); и это священство не прекратится на землѣ до тѣхъ поръ, пока сыны Левія снова будутъ приносить жертву Господу по справедливости.» Далѣе онъ сказалъ, что это Аароново священство не даетъ еще намъ силы низводить чрезъ рукоположеніе Святаго Духа, но эта сила будетъ дарована намъ въ послѣдствіи. Онъ велѣлъ намъ идти и креститься такъ, чтобы сначала я крестилъ Коудери, а потомъ Коудери меня. Мы пошли и крестились; сначала я его крестилъ, а потомъ онъ меня. Послѣ этого я возложилъ на него руки и посвятилъ его въ священство Аароново, потомъ онъ съ своей стороны сдѣлалъ то же самое со мною, потому что такъ намъ было заповѣдано. Небесный вѣстникъ, сопровождавшій насъ и передавшій намъ это священство, сказалъ, что его имя Іоаннъ, что онъ тотъ самый, который въ Новомъ Завѣтѣ называется Іоанномъ Крестителемъ и что онъ пришелъ къ намъ по порученію апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна, имѣющихъ ключи священства Мельхиседекова, ка-

[19]) Busch. Geschichte der Mormonen. s. 36.

ковое священство въ свое время перейдетъ и на насъ и притомъ такъ, что я буду первымъ, а Коудери вторымъ старѣйшиною [20]).»

Вмѣстѣ съ работами по переводу Іосифъ занимался также и распространеніемъ новой религіи. Прежде всего онъ крестилъ отца и двухъ братьевъ своихъ, потомъ крестилась и жена его Эмма, затѣмъ семейства Виттмера и Гарриса, такъ что къ концу перевода Шмидтъ имѣлъ уже 12 человѣкъ послѣдователей, которые представляли первоначальное ядро мормонскаго общества. Переводъ былъ оконченъ въ 1830 году и въ томъ же году изданъ былъ подъ названіемъ «Книга Мормонъ» въ Нью-Іоркѣ въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ. На Гарриса пала большая часть издержекъ по изданію; все изданіе обошлось около $2^1/_2$ тысячъ долларовъ.

Во время перевода «Библіи» помощники Шмидта и особенно Гаррисъ неоднократно просили его показать имъ золотыя доски. Шмидтъ вопросилъ объ этомъ Господа и въ отвѣтъ получилъ, что такъ какъ Гаррисъ подобными вопросами показываетъ недостаточность вѣры, то совѣтуется ему искупить прежде свои грѣхи постомъ и молитвою. Само собою разумѣется, что Гаррисъ не удовлетворялся такими отвѣтами и потому Шмидтъ утѣшилъ его тѣмъ, что сдѣлалъ вѣрнѣйшій снимокъ съ письменъ золотыхъ скрижалей и отдалъ ему. Съ этимъ снимкомъ Гаррисъ явился къ знаменитому тогдашнему филологу въ Нью-Іоркѣ, доктору Антону, прося его пересмотрѣть рукопись и произнести о ней свое сужденіе. Тотъ прямо объявилъ, что эта бумага поддѣльная. «Бумага, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, была испещрена всякими завитками, поставленными въ столбцы; здѣсь встрѣчались буквы всевозможныхъ древнихъ и новыхъ языковъ; въ концѣ находился правильный кругъ, раздѣленный на нѣсколько частей и покрытый различными странными знаками» [21]).

---

[20]) Millennial Starr. vol. III; p. 148. Busch. Geschichte der Mormonen. s. 38—39.

[21]) Busch. Geschichte der Mormonen. s. 32—35.

Самая «Книга Мормонъ» состоитъ изъ одного тома въ 8-ю долю листа, въ 571 страницу. (Первое изданіе ея въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость). Она содержитъ въ себѣ исторію эмиграцій и судебъ іудейскаго народа, поселившагося въ Америкѣ, отъ столпотворенія вавилонскаго до 424 года по Р. Хр., и подраздѣляется на 13 книгъ: 1-ю и 2-ю кн. Нефи, Іакова, Еноса, Іорома, Омни, Мозіа, Амна, Геламанъ, Нефи младшаго, Мормона, Эѳера и Морони. Вотъ въ короткихъ словахъ ея содержаніе.

Послѣ смѣшенія и разсѣянія языковъ при столпотвореніи вавилонскомъ, племя іаредитовъ, оставшееся послушнымъ Господу и потому сохранившее свой первоначальный языкъ, по повелѣнію Божію пошло на востокъ отъ долины Хинеаръ въ долину Нимвродъ; отсюда, двигаясь все далѣе и далѣе по направленію къ востоку, достигло береговъ Тихаго океана. Здѣсь Господь приказалъ имъ построить ковчеги, взять съ собою различныхъ звѣрей и сѣмена многихъ растеній и отправиться далѣе къ востоку. Они счастливо достигли береговъ сѣверной Америки, которая была тогда необитаемою пустынею. Поселившись тамъ, они обработали землю, построили большіе города и образовали великій и просвѣщеннѣйшій народъ. Но такъ какъ съ теченіемъ времени они все болѣе и болѣе забывали Бога и всѣ предостереженія Господа были тщетны, то наконецъ послѣ долгихъ войнъ между владѣтелями, оспаривавшими другъ у друга престолъ,— все племя іаредитовъ погибло; спасся только послѣдній ихъ пророкъ Эѳеръ. Онъ написалъ священныя преданія своего народа на золотыхъ доскахъ и скрылъ ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ ихъ нашли позднѣйшіе переселенцы іудейскіе. Весь материкъ Америки сталъ такимъ образомъ опять необитаемою пустынею. Вторая эмиграція іудеевъ снова населила его. Въ первый годъ правленія Седекіи, царя іудейскаго, вышли изъ Іерусалима, по указанію Іеговы, послѣдніе изъ колѣна Іосифова,—Леи съ женою Саріагъ и 4-мя женатыми сыновьями: Ламаномъ, Ламуелемъ, Симомъ и Нефи. Сначала они достигли восточнаго берега Кра-

снаго моря, потомъ странствовали по Азіи въ теченіи 8 лѣтъ и наконецъ пришли къ морю «Ирркантулѣ»; отсюда они переѣхали въ Америку, также какъ и іаредиты, но не въ сѣверную, а въ южную. Спустя 10 лѣтъ послѣ выхода Леи, когда іудеи были отведены въ плѣнъ вавилонскій, изъ Іерусалима вышли новые переселенцы, большею частію изъ колѣна Іудина; число ихъ было весьма значительно. Они также переправились чрезъ Тихій океанъ и вышли на западный берегъ сѣверной Америки. Потомки Леи оставались имъ неизвѣстными около 400 лѣтъ. Между тѣмъ потомки Леи размножились и раздѣлились на два враждебныя другъ другу племени: нефитовъ—праведныхъ, поселившихся въ центральной Америкѣ, и ламанитовъ—неправедныхъ, сдѣлавшихся идолопоклонниками и занявшихъ большую часть южной Америки. Нефиты имѣли у себя списокъ закона Моисеева и пророковъ до Іереміи, во времена котораго они оставали Іерусалимъ. Этотъ списокъ былъ изображенъ на золотыхъ таблицахъ, которыя хранились изъ рода въ родъ и по которымъ нефиты старались устроить свою жизнь. Такъ какъ они жили благочестиво и соблюдали заповѣди, то Господь воздвигалъ среди нихъ, также какъ и въ народѣ Израильскомъ, великихъ пророковъ, которые возвѣщали имъ волю Іеговы и побуждали народъ соблюдать Его заповѣди. Подъ руководствомъ этихъ пророковъ нефиты развивались и усовершенствовались во всѣхъ отношеніяхъ. Ихъ государственная жизнь стояла на высокой степени развитія; торговля и ремесла, науки и искусства процвѣтали между ними. Они имѣли весьма сильный флотъ, съ помощію котораго двигаясь все дальше и дальше на сѣверъ, прибыли въ сѣверную Америку, гдѣ нашли своихъ соплеменниковъ почти полудикими, забывшими Бога истиннаго. Нефиты благосклонно приняли ихъ, научили ихъ истинному богопочтенію и въ послѣдствіи слились съ ними въ одну великую націю, которая распространялась на всю центральную и сѣверную Америку. Прибывши въ сѣверную Америку, нефиты нашли ее совершенно пустынною, потому что всѣ лѣса ея были вырублены іаредитами. Вслѣд-

ствіе этого, дома и другія зданія они принуждены были строить изъ кирпича, но въ послѣдствіи они пересадили туда всевозможныя деревья изъ южной Америки. Руководимые своими пророками,—нефиты болѣе и болѣе преуспѣвали въ благочестіи; ихъ пророки и мудрецы изъ рода въ родъ вели записи всѣхъ важнѣйшихъ событій въ исторіи народа и особенныхъ благодѣяній Божіихъ этому народу. Въ скоромъ времени жители города Лимхи нашли золотыя доски Эѳера и перевели ихъ на языкъ нефитовъ съ помощію чудесныхъ камней «урима и тумима.» Сами пророки нефитовъ предсказывали о великихъ дѣлахъ Господа, они предвозвѣщали явленіе во плоти Мессіи, созерцали славу и величіе Его втораго пришествія на землю и тысячелѣтняго царства, веселились объ имѣющемъ быть искупленіи творенія отъ клятвы грѣха и въ радостныхъ пѣсняхъ воспѣвали грядущія времена. Самое служеніе Іосифа Шмидта было предвидѣно и предсказано ими [22]).

О рожденіи и смерти Спасителя американцы узнали по чудеснымъ явленіямъ въ природѣ, которыя во исполненіе древнихъ пророчествъ произошли въ эти дни. Къ этому времени нефиты, не смотря на великія благодѣянія Іеговы, впали въ различныя преступленія и пороки, изгнали и побили своихъ пророковъ, за что были наказаны Господомъ. Именно: въ день смерти Іисуса Христа глубокая тьма покрыла всю землю и продолжалась въ теченіи трехъ дней. Страшныя землетрясенія свирѣпствовали по всему материку, отъ одного края его до другаго; каменныя скалы разсѣлись, горы впали и образовали долины, а долины превратились въ горы. Великіе города, какъ Царагелма и Мокумъ, превратились въ развалины, а дробныя мѣстечки затоплены были водою. Огонь спалъ съ неба, и истребилъ многіе города, такъ что большая часть неправедныхъ нефитовъ и безбожныхъ ламанитовъ истреблена

---

[22]) „Книга Мормонъ.“ Нефи 2, 2. Іосифъ описывается здѣсь какъ пророкъ, подобный Моисею и объ немъ сказано, что „онъ не долженъ дѣлать ничего другаго, кромѣ того, что заповѣдывалъ ему Господь.“

была гнѣвомъ Господнимъ. Оставшимся въ живыхъ явился Самъ воскресшій Господь; показалъ раны Свои и гвоздиныя язвы, научилъ ихъ вмѣсто закона Моисеева слѣдовать Евангелію и избралъ Себѣ 12 апостоловъ, которыхъ послалъ во всѣ страны съ проповѣдію Евангелія. Имена же апостоловъ были: Нефи, Тимоѳей, Маѳони, Маѳонига, Кименъ, Кименоги, Іеремія, Хемнонъ, Іона второй, Седекія и Исаія. Далѣе Господь благословлялъ дѣтей нефитовъ, учредилъ истинныя таинства, совершалъ различныя чудеса, исцѣлялъ хромыхъ и слѣпыхъ, воскрешалъ мертвыхъ, поучалъ народъ священнымъ писаніямъ и предсказалъ ему всѣ событія, долженствующія случиться, прежде нежели настанетъ великій день Его втораго пришествія и обновленія неба и земли.

Всѣ эти рѣчи и дѣла І. Христа были записаны на скрижаляхъ и нѣкоторая часть изъ нихъ вошла въ составъ «Книги Мормонъ». Другая же и притомъ большая часть осталась до сихъ поръ неизвѣстною міру, впрочемъ съ теченіемъ времени будетъ открыта «святымъ».

Совершивши свое дѣло въ Америкѣ, Спаситель снова вознесся на небо, а избранные Имъ апостолы, проходя всѣ страны Америки, проповѣдывали Евангеліе, крестили кающихся во отпущеніе грѣховъ и обращали ко Христу не только нефитовъ, но и многихъ ламанитовъ. Но какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ христіане совратились съ истиннаго пути и погрузились въ язычество. Старинныя распри и междуусобія между нефитами и ламанитами возобновились опять. Въ 4 в. по Р. Хр. нефиты были опрокинуты ламанитами до холма Кумора. Здѣсь въ 384 году наступила рѣшительная битва, нефиты были разбиты на голову и непріятели въ своемъ неистовствѣ истребили почти весь народъ; остались только весьма немногіе. Въ числѣ спасшихся былъ пророкъ Мормонъ и сынъ его Морони. Мормонъ составилъ краткій очеркъ исторіи своего народа, пророчествъ и законовъ, бывшихъ у нефитовъ во времена ихъ славы и, изобразивъ все это на золотыхъ доскахъ, передалъ для храненія сыну своему

Морони. Этотъ послѣдній продолжилъ исторію своего отца еще на нѣсколько десятилѣтій. Отъ него мы узнаемъ, что свирѣпые ламаниты истребили вскорѣ послѣ смерти Мормона послѣдній остатокъ нефитовъ, кромѣ его Морони, потомъ между самими ламанитами начались ужасныя кровопролитныя междуусобія, такъ что вся Америка долгое время представляла изъ себя ужасное зрѣлище кровопролитныхъ войнъ, насилій, грабительствъ и т. п. Исторію свою онъ оканчиваетъ 424 годомъ по Р. Хр.; въ этомъ году, приближаясь къ смерти, онъ зарылъ золотыя доски въ холмѣ Куморъ, гдѣ они лежали неприкосновенными до времени явленія ангела пророку Іосифу Шмидту въ 1827 году [23]). Въ началѣ «Книги Мормонъ» напечатаны два свидѣтельства. Въ первомъ три первые сотрудника Шмидта, Давидъ Виттмеръ, Оливеръ Коудери и Мартинъ Гаррисъ, свидѣтельствуютъ подлинность перевода слѣдующимъ образомъ:

«Вѣдомо да будетъ всѣмъ націямъ, народамъ, языкамъ и племенамъ и всѣмъ людямъ, которые будутъ видѣть это произведеніе, что мы по благодати Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа собственными глазами видѣли тѣ доски, на которыхъ было написано содержащееся здѣсь, т. е. исторія нефитовъ, ламанитовъ и іаредитовъ, переселившихся въ Америку при столпотвореніи вавилонскомъ. Далѣе, мы знаемъ и свидѣтельствуемъ, что эти доски «переведены благодатію и силою Божіею, потому что это возвѣстилъ намъ божественный голосъ; вслѣдствіе чего мы твердо убѣждены, что это сочиненіе есть подлинное. Мы увѣряемъ также, что мы собственными глазами видѣли начертанныя на доскахъ письмена, и что они показаны были намъ не человѣкомъ, а силою Божіею. И мы *возвѣщаемъ*, что ангелъ Божій дѣйствительно, а не мнимо и призрачно, сошелъ съ неба, принесъ доски съ письменами и

---

[23]) Busch. Geschichte der Mormonen. s. 15—22. См. также: Mormonismus. Real-Encyclopaedie von Gerzog. Zehnter Band. s. 2; Исторія, бытъ и нравы мормоновъ. „Отеч. Зап.“ 1857 г. кн. 11 и 12.

положилъ ихъ предъ нашими глазами, чтобы мы могли разсматривать и распознать ихъ. И мы знаемъ, что все это даровано намъ по благодати Господа нашего І. Христа, который показалъ намъ доски и повелѣлъ засвидѣтельствовать ихъ подлинность. И хотя мы знаемъ, что все это удивительно, чудесно, тѣмъ не менѣе голосъ божественный заповѣдалъ намъ возвѣстить и засвидѣтельствовать это,—почему мы, желая исполнить заповѣдь Господа, предлагаемъ здѣсь наше свидѣтельство и письменное завѣреніе обо всемъ этомъ. И мы знаемъ, что если мы останемся вѣрными заповѣди І. Христа, то обрящемся чистыми и непорочными предъ Его судилищемъ и будемъ вѣчно жить съ Нимъ на небесахъ. Да будетъ слава и честь Богу Отцу, Сыну и Св. Духу, единому истинному Богу. Аминь.»

Въ другомъ свидѣтельствѣ, подписанномъ восемью другими лицами (Виттмеръ, Иванъ, Христіанъ, Іаковъ и Петръ, Гирамъ, Іосифъ Шмидтъ старшій, отецъ пророка и его два брата Хирумъ и Самуилъ Шмидты), говорится:

«Да будетъ вѣдомо всѣмъ націямъ, народамъ, племенамъ и языкамъ и всѣмъ людямъ, которые будутъ видѣть это произведеніе, что Іосифъ Шмидтъ младшій, переведшій это произведеніе, показывалъ намъ тѣ доски, съ которыхъ сдѣланъ этотъ переводъ и которыя имѣли видъ золотыхъ; всѣ доски, которыя переводилъ упомянутый Шмидтъ, мы имѣли въ своихъ рукахъ, равно какъ видѣли начертанные на нихъ знаки; какъ доски, такъ и письмена носили на себѣ слѣды глубокой древности и были исполнены съ необыкновеннымъ искусствомъ. И мы клятвенно завѣряемъ, что упомянутый Шмидтъ показывалъ намъ все это, что мы дѣйствительно видѣли и осязали и твердо убѣждены, что Шмидтъ дѣйствительно имѣлъ доски, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь; и мы свидѣтельствуемъ предъ цѣлымъ міромъ собственноручными подписями, что мы дѣйствительно видѣли все это и не лжемъ, Богъ нашъ свидѣтель.»

Есть разныя мнѣнія объ этихъ свидѣтельствахъ. Нѣкоторые изъ подписавшихся здѣсь личностей были извѣстны, какъ люди честные и правдивые, которыхъ трудно было бы подозрѣвать

въ намѣренномъ обманѣ. Поэтому большая часть историковъ стараются объяснить происхожденіе этихъ свидѣтельствъ путемъ обмана со стороны самого Шмидта и недальновидности и слѣпаго фанатизма свидѣтелей. Они представляютъ дѣло такъ, что будто бы все это подстроено было Іосифомъ до того искусно, что подписавшіеся свидѣтели дѣйствительно были убѣждены въ истинности своихъ показаній и не подозрѣвали обмана. Отказываясь отъ болѣе подробнаго описанія факта въ его истинномъ свѣтѣ, они указываютъ, какъ на аналогичный примѣръ, на записанный Фордомъ [24]) разсказъ слѣдующаго содержанія: «Нѣкоторые изъ послѣдователей Іосифа до того убѣдительно просили его показать имъ «золотыя скрижали», что пророкъ не могъ дальше отказывать имъ, хотя онъ прежде того неоднократно говорилъ имъ, что «скрижали» можно видѣть только духовными, а не плотскими очами. Въ назначенный день онъ собралъ въ своей комнатѣ нѣсколько вѣрующихъ, долго молился съ ними и потомъ подвелъ ихъ къ ящику, гдѣ лежало небесное сокровище. Когда крышка ящика была поднята, вѣрующіе заглянули въ ящикъ и не увидали тамъ ничего, потому что ящикъ былъ пустъ. Братъ Іосифъ, мы не видимъ скрижалей, сказали они. Пророкъ воскликнулъ при этомъ: о вы маловѣрные! Какъ долго еще будетъ терпѣть Богъ этотъ безбожный и испорченный родъ? Падайте, братья, на колѣна и прилежно просите Господа, чтобы Онъ отпустилъ вамъ ваши грѣхи и даровалъ вамъ священную и всеоживляющую вѣру, потому что вѣра подается свыше. Ученики послушали пророка, самымъ усерднѣйшимъ образомъ молились въ теченіи двухъ часовъ и потомъ снова посмотрѣли въ ящикъ. Теперь они убѣждены были, что видѣли скрижали» [25]).

---

[24]) History of Illinois, p. 257.

[25]) Едва ли впрочемъ и описанное здѣсь событіе могло случиться на самомъ дѣлѣ. Извѣстно всеобщее и древнее вѣрованіе мормоновъ, что ангелъ, когда скрижали исполнили свое назначеніе, унесъ ихъ съ собою на небо. Это вѣрованіе ясно говоритъ, что скрижали съ первыхъ же дней жизни секты пропали безслѣдно и показывать ихъ кому бы то ни было пророкъ не могъ, — тогда какъ описанное событіе относится уже къ довольно позднѣйшему періоду мормонскаго общества (1840—44 гг.).

Были ли такими же фанатиками и подписавшіе свидѣтельства подлинности «Книги Мормонъ» неизвѣстно; извѣстно только то, что Гаррисъ пожертвовалъ большую часть своего состоянія на изданіе золотой Библіи и никогда, ни предъ кѣмъ не раскаявался въ томъ.

О Давидѣ Виттмерѣ и Коудери извѣстно, что они неоднократно ссорились съ пророкомъ, а Коудери былъ даже отлученъ отъ церкви и въ теченіи 10 лѣтъ считался еретикомъ, и однакоже ни одинъ изъ нихъ не высказалъ ничего такого, что бы могло подорвать подлинность подписаннаго ими свидѣтельства.

Когда въ 1830 году вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу «Золотая Библія» и вѣрующіе и невѣрующіе прочли ее, то братъ и вдова Споулдинга объявили, что главная часть книги Мормонъ взята изъ «Найденнаго манускрипта.» Имена лицъ и мѣстностей, даже особенности слога остались весьма мало извѣстными, прибавлены были только нравственныя наставленія, заимствованныя изъ Библіи. Тоже самое подтверждено было и другими знакомыми Споулдинга, знавшими содержаніе манускрипта. Въ 1839 г., когда мормонизмъ распространился и нажилъ себѣ враговъ, вдова Споулдинга печатно заявила свои подозрѣнія въ «Бостонскомъ журналѣ.» Но такъ какъ кромѣ личныхъ подозрѣній не было другихъ доказательствъ, и такъ какъ самое заявленіе сдѣлано было по внушеніямъ враговъ мормоновъ, то Ригдону, отвѣчавшему на это объясненіе,—выходя только изъ тѣхъ побочныхъ побужденій, которыя руководили при этомъ заявленіи,— легко было доказать его подозрительность.

В. Семеновъ.

(Продолженіе впредь).

О СОЕДИНЕНІИ

ДУХОВНЫХЪ АКАДЕМІЙ СЪ УНИВЕРСИТЕТАМИ

(По поводу передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 25 декабря 1871 года).

Въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 25 минувшаго декабря проведена мысль о соединеніи духовныхъ академій съ университетами. Мысль эта мотивируется главнымъ образомъ тѣмъ, что настоящій составъ студенческихъ курсовъ въ академіяхъ не соотвѣтствуетъ затратѣ казенныхъ денегъ, употребляемыхъ на содержаніе академій, и не соразмѣренъ съ затратою умственныхъ силъ преподающей коллегіи. Въ четырехъ духовныхъ академіяхъ на 460 студентовъ имѣется 116 наставниковъ и около 28 разныхъ чиновниковъ (секретарей, библіотекарей, помощниковъ инспектора, экономовъ и т. д.). На четыре духовныя академіи съ означеннымъ числомъ студентовъ ежегодно отпускается изъ казны 420000 р. с. Слѣдовательно каждый студентъ академіи ежегодно стоитъ казнѣ около 1000 рублей, а за четыре года своего пребыванія въ академіи обойдется около 4000 руб. Находя такую затрату суммъ и умственныхъ силъ несоотвѣтствующею результатамъ получаемымъ отъ академій, статья предлагаетъ два исхода для приведенія настоящаго положенія академій къ соотвѣтствующей нормѣ. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы соединить существующія четыре духовныя академіи въ одну. При этомъ, по соображеніямъ статьи, расходъ по содержанію

академій сократился бы на 200000 рублей. «Но мы, говоритъ авторъ, не думаемъ настаивать на этомъ средствѣ, а намѣреваемся идти далѣе *къ иной цѣли.*» Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ уничтожить существующія духовныя академіи, какъ самостоятельныя учрежденія, и размѣстить находящихся въ нихъ студентовъ по университетамъ,—именно студентовъ *изучающихъ филологію* (классическіе языки и русскій языкъ съ церковно-славянскими нарѣчіями) присоединить къ филологическому факультету,—*историковъ* (т.-е. студентовъ церковно-историческаго отдѣленія академіи) къ историческому факультету университета, и *юристовъ* (т.-е. вѣроятно студентовъ *церковно-практическаго отдѣленія* академіи, на которомъ впрочемъ юридическая спеціальность далеко не занимаетъ главнаго мѣста) къ юридическому факультету университета. Для преподаванія же собственно богословскихъ предметовъ статья предлагаетъ тѣ изъ аудиторій университетскихъ, гдѣ и въ настоящее время преподается то же богословіе, только въ сокращенномъ видѣ. Въ заключеніе изложеннаго плана статья говоритъ о той пользѣ, какая можетъ произойти изъ предлагаемаго соединенія академій съ университетами для образованія университетскаго и собственно богословскаго,—для науки, для церкви, — и въ особенности для государственной казны, которая чрезъ соединеніе академій съ университетами освободится отъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ непроизводительнаго расхода.

При всей видимой убѣдительности изложенныхъ соображеній, нельзя однакожъ не замѣтить, что основанія, изъ которыхъ они выводятся, довольно шатки, и выводы, къ которымъ авторъ клонитъ свою рѣчь, сомнительны. И такъ какъ эти соображенія проводятся въ газетѣ очень серьезной и имѣющей значительное вліяніе въ нашемъ обществѣ, — такъ какъ вопросъ о соединеніи духовныхъ академій съ университетами или объ открытіи богословскихъ факультетовъ при университетахъ не только принадлежитъ къ числу такихъ вопросовъ, на которые въ настоящее время многіе падко набрасываются,

но и самъ по себѣ по существу дѣла имѣетъ весьма серьезное значеніе,—то мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на указанную статью, и разобрать тѣ основанія, которыми она мотивируетъ свои соображенія,—и тѣ выводы, къ которымъ она клонитъ дѣло,—присоединивъ въ заключеніе и свое собственное мнѣніе объ этомъ предметѣ, не совсѣмъ разнорѣчащее, но и во многомъ не сходящееся съ мнѣніемъ выражаемымъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Прежде всего намъ кажется, что когда идетъ рѣчь о высшихъ интересахъ вѣры, науки, искусства и т. под., руководиться въ сужденіяхъ исключительно или даже главнымъ образомъ денежными разсчетами едва ли умѣстно. Когда идетъ рѣчь объ учрежденіи, имѣющемъ цѣлью развитіе въ обществѣ высшихъ духовныхъ интересовъ, въ данное время можетъ быть недостаточно возбужденныхъ, но такихъ, которые важны для будущаго состоянія общества,—соразмѣрять матеріальныя издержки учрежденія съ ближайшими практическими результатами получаемыми отъ него, и на этомъ основаніи строить заключенія о пригодности или безполезности такого учрежденія—едва ли справедливо. Не пускаясь въ подробное раскрытіе этихъ положеній, вѣрность которыхъ, кажется, очевидна сама собою, достаточно указать въ настоящемъ случаѣ только на то, что во имя тѣхъ же самыхъ практическихъ соображеній, на основаніи которыхъ авторъ статьи *Моск. Вѣдомостей* приходитъ къ мысли о соединеніи четырехъ духовныхъ академій въ одну или о совершенномъ закрытіи ихъ, какъ самостоятельныхъ учрежденій,—во имя такихъ же точно соображеній можно едва ли не скорѣе прійти къ мысли о соединеніи въ одинъ или о совершенномъ закрытіи филологическихъ факультетовъ университетскихъ и о совершенной нерацiональности учрежденія еще особаго, кромѣ нихъ, филологическаго института. Въ самомъ дѣлѣ, студентовъ на филологическихъ факультетахъ во всѣхъ нашихъ университетахъ мало, а въ нѣкоторыхъ и весьма мало. Не лучше ли, не экономнѣе ли было бы всѣ эти факультеты соединить въ одинъ, а то пожалуй и сов-

сѣмъ закрыть, употребивъ затрачиваемыя ими средства на развитіе спеціальностей, болѣе привлекающихъ учащихся молодыхъ людей? И при маломъ числѣ студентовъ на существовавшихъ уже издавна филологическихъ факультетахъ, какой смыслъ можетъ имѣть открытіе еще новаго, особаго высшаго филологическаго заведенія? Зачѣмъ столько профессоровъ, аудиторій, учебныхъ пособій, библіотекъ, денежныхъ затратъ на филологическую спеціальность въ восьми или десяти мѣстахъ, когда всѣхъ существующихъ студентовъ нашихъ высшихъ филологическихъ учрежденій можно было бы соединить въ одномъ мѣстѣ? Это однакожъ такіе выводы, съ которыми конечно не согласились бы *Московскія Вѣдомости*. Нечего и говорить, что какіе-нибудь факультеты восточныхъ языковъ при нашихъ университетахъ съ указанной точки разсужденія еще менѣе могли бы имѣть смысла. Мало того, во имя тѣхъ же самыхъ соображеній можно пожалуй прійти къ мысли и о закрытіи нашихъ публичныхъ библіотекъ, музеевъ, разныхъ художественныхъ и археологическихъ собраній,—или по крайней мѣрѣ о сокращеніи расходовъ употребляемыхъ на нихъ въ десятую или двадцатую долю, такъ какъ у насъ людей серьезно пользующихся этими учрежденіями доселѣ еще очень мало, и непосредственной практической выгоды отъ нихъ въ тотъ или другой годъ государство и общество можетъ быть и совсѣмъ не получитъ. Но когда государство беретъ на себя обязанность заботиться объ умственномъ, нравственномъ или эстетическомъ развитіи народа, оно должно имѣть въ виду не одно настоящее состояніе общества, а и его желаемое будущее,—и соразмѣрять свои матеріальныя затраты не съ одними ближайшими практическими результатами, получаемыми отъ того или другаго учрежденія, а и съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ эти учрежденія сами въ себѣ.

Что касается до сожалѣній статьи *Московскихъ Вѣдомостей* о затратѣ умственныхъ силъ, расходуемыхъ на наши четыре академіи, т.-е. о томъ, что академіи имѣютъ слишкомъ много профессоровъ, этого сожалѣнія мы, признаемся, не можемъ

хорошо понять. Умственныя силы лицъ, въ настоящее время преподающихъ въ академіи, сами по себѣ въ наличности конечно существовали бы, еслибы число штатныхъ преподавателей въ академіяхъ было и гораздо менѣше; только тогда значительная часть этихъ силъ развивала бы конечно свою дѣятельность не на каѳедрѣ академической, а на должности преподавателей семинарій, приходскихъ священниковъ, чиновниковъ разныхъ министерствъ и т. д. Но мы не можемъ понять, почему бы дѣятельность этихъ силъ на академическомъ поприщѣ могла быть названа непроизводительною, сравнительно съ дѣятельностью ихъ на какомъ бы то ни было другомъ поприщѣ. Тѣ факты, которыми статья далѣе мотивируетъ свое сожалѣніе, т.-е. что въ четырехъ духовныхъ академіяхъ для науки библейско-екзегетической существуютъ не два, а 2 × 4 или 8 преподавателей, для науки церковно-исторической не три, а 3 × 4 или 12 преподавателей, для науки собственно богословскихъ не четыре, а 4 × 4 или шестьнадцать преподавателей, эти факты намъ кажется, заслуживаютъ не столько сожалѣнія, сколько сочувствія. Нужно къ тому же взять во вниманіе, что академіи наши не имѣютъ обыкновенія, при недостаткѣ собственныхъ силъ для высшей научной дѣятельности, обращаться къ выписыванію ученыхъ изъ заграницы,—т.-е. не затрачиваютъ предоставляемыхъ имъ средствъ на силы отвнѣ привлекаемыя, а находятъ возможнымъ приготовлять себѣ преподавателей и ученыхъ дѣятелей большею частію изъ среды своихъ же собственныхъ воспитанниковъ. Вопросъ здѣсь можетъ быть только о томъ, каковы преподаватели нашихъ духовныхъ академій, соотвѣтствуютъ ли они своему высокому положенію, значенію высшаго спеціальнаго заведенія, или можетъ быть дѣйствительно нѣкоторой части ихъ было бы приличнѣе развивать свою дѣятельность не на каѳедрѣ академической, а на другихъ поприщахъ, вообще имѣютъ ли духовныя академіи возможность наполнять штатное число своихъ преподавателей лицами достойными и полезными для такого дѣла? Если объ этомъ можетъ быть какое-ни-

будь сомнѣніе, о немъ и нужно прямо вести рѣчь. Но безотносительно къ этому, жалѣть просто о томъ, что у насъ слишкомъ много лицъ посвящающихъ свои силы высшимъ спеціальнымъ научно-богословскимъ занятіямъ, и желать, чтобы этихъ лицъ было меньше втрое или въ четверо меньше— это намъ представляется совершенно неумѣстнымъ.

Но, говоритъ статья, такой затратѣ умственныхъ сихъ и матеріальныхъ средствъ не соотвѣтствуютъ результаты, даваемыя академіями? Онѣ выпускаютъ слишкомъ малое число студентовъ? Не входя пока въ разсужденіе о численности студентовъ, выпускаемыхъ академіями, дадимъ сначала общій отвѣтъ о результатахъ существованія и дѣятельности академій. Не въ похвалу сказать, результаты даваемые академіями, даже при настоящемъ ихъ положеніи, которому конечно остается желать много лучшаго, все-таки таковы, что они едва ли могутъ быть поставлены ниже результатовъ, получаемыхъ отъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Прежде всего четыре духовныя академіи даютъ наставниковъ по всѣмъ предметамъ для пятидесяти семинарій, между-тѣмъ вдвое большее число высшихъ филологическихъ учрежденій не могутъ дать наставниковъ только по филологическимъ и историческимъ наукамъ нашимъ гимназіямъ, число которыхъ едва ли и въ настоящее время превышаетъ вдвое число духовныхъ семинарій. Затѣмъ изъ академій выходитъ образованнѣйшее наше духовенство; число духовныхъ лицъ получившихъ высшее образованіе въ академіяхъ становится въ настоящее время уже довольно значительнымъ не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ (хотя конечно нужно желать, чтобы ихъ было гораздо больше). Кромѣ того, академіи не мало даютъ преподавателей и для свѣтскихъ учебныхъ заведеній—для гражданскихъ и военныхъ гимназій, нерѣдко и для университетовъ. Не мало дали академіи полезныхъ дѣятелей и по другимъ родамъ государственной службы. Такіе результаты заслуживаютъ по крайней мѣрѣ того, чтобы о правѣ самостоятельнаго существованія академій было разсуждаемо съ большею внимательностью и осторож-

ностью, нежели какъ это дѣлается въ разбираемой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что на духовныя академіи точно такъ же, какъ и на университеты, нужно смотрѣть не только какъ на учебныя и воспитательныя, но и какъ на ученыя учрежденія. Ихъ назначеніе состоитъ не только въ томъ, чтобы каждый годъ образовывать и выпускать извѣстное число студентовъ, но и въ томъ, чтобы содѣйствовать разъясненію вопросовъ своей спеціальности, развивать интересъ къ нимъ и пониманіе ихъ въ обществѣ. Собственно научно-богословская спеціальность, при извѣстномъ состояніи религіознаго образованія въ нашемъ обществѣ, и при особенномъ положеніи нашей Церкви, какъ хранительницы древняго вселенскаго преданія, особенно нуждается въ такихъ дѣятеляхъ и такихъ учрежденіяхъ, которые бы помогали стать ей у насъ на надлежащую высоту. И нельзя сказать, чтобы наши духовныя академіи ничего не дѣлали въ этомъ отношеніи. Конечно можно пожелать духовнымъ академіямъ болѣе широкой и значительной научной литературной дѣятельности,—можно пожелать, чтобы разработка вопросовъ богословскихъ и церковно-историческихъ шла у насъ живѣе и солиднѣе,—чтобы журналы издаваемые академіями были серьезнѣе и издавались исправнѣе,—чтобы профессоры академій болѣе знакомили общество съ результатами своихъ научныхъ занятій въ публичныхъ лекціяхъ и печатныхъ изслѣдованіяхъ, чтобы скорѣе явились у насъ хорошія руководства и пособія по предметамъ семинарскаго и самаго академическаго курса, переводы древнихъ писателей церковныхъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній новой иностранной богословской литературы, богословскіе и церковно-историческіе словари и т. д. Но все это, конечно, и возможно подъ условіемъ большаго возбужденія и самостоятельнаго развитія академической дѣятельности, а не при сокращеніи или закрытіи академій. Съ другой стороны, если взять во вниманіе и настоящіе результаты нашей духовной научной и литературной дѣятельности, непосредственно выходящіе изъ академій, или по-

средственно отъ лицъ получившихъ образованіе въ академіяхъ, и сравнить эти—положимъ, не богатые—результаты также не съ очень богатыми результатами дѣятельности другихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій,—все-таки, кажется, нельзя сказать, чтобы духовныя академіи въ ряду этихъ учрежденій не имѣли права на самостоятельное существованіе.

Пусть не подумаетъ кто-нибудь, что мы намѣренно уклоняемся отъ главнаго вопроса поставляемаго статьею *Моск. Вѣд.*, о несоотвѣтствіи денежныхъ окладовъ, назначенныхъ на содержаніе академій, съ числомъ студентовъ, образующихся въ академіяхъ. Нѣтъ, мы хотимъ только указать на то, что при разсужденіяхъ о самостоятельномъ существованіи такихъ учрежденій, каковы духовныя академіи, нужно обращать вниманіе еще и на кое что другое, кромѣ денежныхъ окладовъ. Затѣмъ переходимъ и къ вопросу о денежныхъ окладахъ. И прежде всего—съ какого времени академіи получаютъ эти возбуждающіе въ настоящее время зависть оклады? Въ полномъ составѣ этихъ окладовъ академіи и доселѣ еще не получаютъ, а назначены они академіямъ съ мая 1869 года. Только съ этого времени жалованье наставниковъ академіи сравнено съ жалованьемъ университетскихъ наставниковъ, и содержаніе казенно-коштныхъ студентовъ академіи возвышено до 200 рублей. Прежде же того наставники академій получали меньше наставниковъ гимназій и другихъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній; ординарный профессоръ получалъ штатнаго содержанія отъ 600 до 800 рублей, экстраординарный профессоръ и доцентъ отъ 300 до 400 рублей. Вообще содержаніе академій почти съ тѣмъ же числомъ профессоровъ и студентовъ обходилось не 420000 р., а едвали болѣе полутораста тысячъ. И академіи, при такихъ небогатыхъ средствахъ, въ продолженіи полустолѣтія дѣлали свое дѣло не хуже другихъ, болѣе счастливыхъ по матеріальной обстановкѣ заведеній; на окладахъ меньшихъ средняго чиновническаго оклада десятки лѣтъ жили и кончали жизнь замѣчательнѣйшіе труженики науки. Въ то время не обращали вниманія на несоотвѣтствіе окладовъ ака-

демическихъ съ достоинствомъ и результатами дѣятельности этихъ заведеній, и не заботились о томъ, чтобы поставить ихъ ближе къ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, пользующимся болѣе щедрымъ обезпеченіемъ отъ правительства, чтобы и имъ дать нѣкоторое участіе въ этихъ щедротахъ. Теперь дѣйствительно на содержаніе академій положены оклады хорошіе,—на столько хорошіе, что такихъ окладовъ пожалуй не ожидали и сами служащіе въ академіяхъ... Но во-первыхъ, эти оклады идутъ не изъ особеннаго какого-нибудь источника, а изъ тѣхъ же самыхъ суммъ, какія вообще отчисляются на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, и которыя конечно и при закрытіи, академій и при сокращеніи числа ихъ должны были бы остаться въ распоряженіи того же духовно-учебнаго вѣдомства, и безъ нарушенія справедливости по отношенію къ церкви, часто помогавшей государству не только нравственными силами, но и матеріальными средствами, не могутъ быть перечислены въ какое-нибудь другое вѣдомство. Вовторыхъ еслибы за нѣсколько лѣтъ пользованія этими хорошими окладами, академіямъ, вскорѣ послѣ ихъ преобразованія, дѣйствительно пришлось поплатиться своимъ самостоятельнымъ существованіемъ,—мы увѣрены, и сами академіи скорѣе согласились бы пользоваться меньшими казенными окладами, и духовное правительство скорѣе согласилось бы поддерживать академіи какими-нибудь своими спеціальными средствами, нежели за нѣсколько лѣтъ усиленнаго вспомоществованія отъ казны поплатиться самостоятельнымъ существованіемъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Но при большихъ окладахъ академіи конечно должны образовывать и большее число студентовъ? Несоразмѣрное дѣло на 460 студентовъ тратить въ годъ 420000 казенныхъ денегъ! Съ этимъ конечно никто не станетъ спорить. Но при преобразованіи академій и не имѣлось въ виду, чтобы въ нихъ было 460 студентовъ. Эта норма полагается въ академіяхъ только для студентовъ казеннокоштныхъ. Но кромѣ того, по уставу предполагается, что академіи должны имѣть студентовъ своекошт-

ныхъ и вольнослушателей. Такихъ своекоштныхъ студентовъ и вольнослушателей въ академіяхъ пока очень мало, и не только въ одной московской академіи, гдѣ число ихъ и никогда не можетъ быть очень значительно до тѣхъ поръ, пока академія будетъ оставаться въ Сергіевскомъ посадѣ,—но и въ кіевской, и даже въ петербургской академіяхъ. Но прежде, чѣмъ приходить въ отчаяніе отъ этого явленія и склоняться къ мысли о прекращеніи самостоятельнаго существованія академій, справедливѣе конечно было бы обратить вниманіе на тѣ особенныя условія, которыя препятствуютъ въ настоящее время поступленію въ академіи большаго числа студентовъ, и поискать средствъ къ ихъ устраненію. Въ *Православномъ Обозрѣніи* еще въ ноябрьской книжкѣ 1870 года была напечатана статья, въ которой вопросъ этотъ разсмотрѣнъ всесторонне въ связи съ существующими условіями духовнаго быта, съ характеромъ совершающихся въ немъ реформъ, съ современными условіями общественной жизни, съ положеніемъ самыхъ академій и отношеніемъ ихъ къ другимъ учебнымъ заведеніямъ. Тамъ же предложена была и мѣра къ устраненію нѣкоторыхъ ненормальностей въ настоящемъ состояніи академій, мѣра состоящая въ томъ, чтобы дать доступъ въ академіи, также какъ и въ другія высшія заведенія, семинаристамъ прямо изъ IV класса семинаріи, т.-е. по окончаніи общеобразовательнаго курса. Польза и примѣнимость этой мѣры также разсмотрѣна тщательно со стороны интересовъ богословской науки, церкви, и самаго общества. Но въ свое время на это заявленіе недостаточно обращено вниманія, никто не потрудился ни разсмотрѣть его серьезно, но даже возразить противъ него. Теперь вопросъ, вытекающій изъ сущности дѣла, сталъ уже довольно настойчиво требовать себѣ разрѣшенія, и въ концѣ прошлаго года уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ высказана была мысль о допущеніи въ академіи воспитанниковъ семинаріи окончившихъ общеобразовательный курсъ. Пора бы, кажется, на эту мысль обратить болѣе и оффиціальнаго вниманія. Мы увѣрены, что еслибы

эта мысль была приведена въ исполненіе, число студентовъ академіи само собою увеличилось бы въ пять разъ и болѣе, и тогда не было бы надобности ни прибѣгать при отправленіи семинаристовъ въ академію къ тѣмъ репрессивнымъ мѣрамъ, къ какимъ въ настоящее время принуждено прибѣгать духовное правительство,—ни поднимать вопроса о томъ, стоитъ, или не стоитъ поддерживать самостоятельное существованіе академій. Вообще, прежде чѣмъ произносить приговоръ надъ существованіемъ учрежденій, имѣющихъ серьезныя историческія основанія и не лишившихся серьезнаго значенія въ настоящемъ, нужно конечно употребить всѣ мѣры и устранить всякія препятствія къ тому, чтобы эти учрежденія были поставлены правильно и развивались успѣшно.

Духовныя академіи только два года назадъ получили новый Высочайше утвержденный уставъ. Преобразованіе академій по новому уставу доселѣ даже еще не доведено до конца. Новый уставъ, хотя въ частностяхъ и можно желать ему нѣкоторыхъ поправокъ, о чемъ мы въ свое время говорили, обѣщаетъ академіямъ лучшее развитіе въ будущемъ. При болѣе точной спеціализаціи студенческихъ занятій и при большемъ возбужденіи дѣятельности самихъ профессоровъ, преобразованныя духовныя академіи, нужно надѣяться, въ скорое время дадутъ намъ—и лучшихъ наставниковъ для семинарій, и болѣе плодовъ научной дѣятельности изъ своей собственной среды. Слѣды такого возбужденія какъ будто уже замѣчаются въ нѣкоторыхъ академіяхъ и въ настоящее время. При такихъ обстоятельствахъ, когда академіи только-что начали устроиваться въ своемъ новомъ положеніи, и устроиваться къ лучшему, предлагать вновь не только совершенную перестройку академій, но и закрытіе ихъ, какъ самостоятельныхъ учрежденій, было бы кажется, по меньшей мѣрѣ несвоевременно. Нужно знать нѣкоторую мѣру въ реформаторскихъ экспериментахъ, когда они переносятся изъ области предположеній въ область живой дѣйствительности. Иначе люди, не сочувствующіе и добрымъ и самымъ серьезнымъ реформамъ, могутъ сказать, что у насъ

совершаются реформы только изъ одной страсти къ реформированію.

Разобравъ основанія статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, и указавъ, по своему разумѣнію, правильное положеніе вопроса о самостоятельномъ существованіи академій, мы, кажется, не имѣемъ надобности пускаться въ подробный разборъ самыхъ выводовъ, къ какимъ приходитъ упомянутая статья, — тѣмъ болѣе, что выводы ея отличаются еще большею шаткостію, чѣмъ самыя основанія, изъ которыхъ они выводятся.

Выводовъ этихъ, какъ мы выше сказали, два. Первый изъ нихъ тотъ, чтобы соединить существующія четыре академіи въ одну. Авторъ впрочемъ не останавливается долго на этомъ выводѣ, вѣроятно самъ сознавая его непримѣнимость въ настоящее время. И дѣйствительно, странно было бы въ настоящее время думать не объ увеличеніи и разширеніи, а о сокращеніи и уничтоженіи какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній. Странно было бы въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія приходить къ убѣжденію, что достаточно для насъ одного высшаго духовно-учебнаго учрежденія, когда даже въ десятыхъ годахъ признано было нужнымъ имѣть такихъ учрежденій четыре. И еслибы на самомъ дѣлѣ вопросъ о самостоятельномъ существованіи четырехъ духовныхъ академій такъ тѣсно связанъ былъ съ вопросомъ о положенныхъ на нихъ денежныхъ окладахъ, какъ представляется это въ статьѣ *Моск. Вѣдомостей*, все-таки, мы думаемъ, и при такой постановкѣ дѣла скорѣе можно было прійти къ разсужденію о нѣкоторомъ сокращеніи академическихъ окладовъ, нежели о сокращеніи самаго числа академій.

Авторъ болѣе склоняется къ другому исходу—къ соединенію духовныхъ академій съ университетами. Къ какому соединенію? Предполагаетъ ли онъ по крайней мѣрѣ учрежденіе при университетахъ особыхъ богословскихъ факультетовъ? Нѣтъ; хотя въ статьѣ и встрѣчается раза два упоминаніе о богословскомъ факультетѣ, но мысль автора другая. Онъ предлагаетъ распредѣлить богословскія науки и студентовъ духов-

ныхъ академій по существующимъ факультетамъ университетовъ. Именно, онъ предлагаетъ—студентовъ (академіи) филологовъ присоединить къ филологическому, историковъ — къ историческому, и юристовъ — къ юридическому факультетамъ университета; преподаваніе же собственно богословскихъ предметовъ оставить «въ тѣхъ аудиторіяхъ, гдѣ и въ настоящее время преподается тоже богословіе, только въ сокращенномъ видѣ.» Мы не будемъ обращать много вниманія на частныя невѣрности изложеннаго плана, изъ которыхъ однакожъ видно, что авторъ, взявшійся разсуждать о соединеніи академій съ университетами, какъ будто не совсѣмъ хорошо знаетъ существующее устройство академій и университетовъ. Мы не будемъ много говорить о томъ, что въ духовныхъ академіяхъ собственно говоря нѣтъ студентовъ-филологовъ и юристовъ, а есть три отдѣленія — богословское, церковно-историческое и церковно-практическое, по внутреннему устройству—по расположенію преподаваемыхъ предметовъ—далеко не совпадающія съ тремя университетскими факультетами. Обратимъ вниманіе на общую мысль проекта—распредѣлить преподаваемые въ академіяхъ предметы по разнымъ факультетамъ университетовъ. Мы думаемъ, что при такомъ распредѣленіи предметовъ научная богословская спеціальность могла бы скоро потерять у насъ и то значеніе, и ту самостоятельность, какими доселѣ пользовалась,—и у насъ можетъ быть почти совсѣмъ не стало бы своихъ спеціалистовъ-богослововъ, екзегетовъ и церковныхъ историковъ—точно такъ же, какъ вѣроятно не было бы ни филологовъ, ни юристовъ, ни медиковъ основательныхъ, еслибы предметы филологической, юридической или медицинской спеціальности не были сгруппированы въ особенные самостоятельные факультеты, а были бы разсѣяны по два-по три предмета по факультетамъ другихъ спеціальностей. У насъ издавна положено преподавать въ университетахъ богословіе, церковную исторію и церковное право; въ послѣднее время для этихъ трехъ предметовъ учреждены три особыя самостоятельныя каѳедры. И между тѣмъ едва ли можно сказать, чтобы

въ университетахъ богословская спеціальность поставлена была твердо и самостоятельно, чтобы въ университетахъ могли образовываться хорошіе спеціалисты по богословскимъ наукамъ. И это, кажется, не отъ того только зависитъ, что каѳедръ по богословскимъ наукамъ въ университетахъ мало, а и отъ того между прочимъ, что каѳедры эти стоятъ въ университетѣ изолированно, и имѣютъ какъ бы придаточное, а не самостоятельное значеніе (что конечно иначе и быть не можетъ при настоящемъ устройствѣ университетовъ, когда они вовсе и не задаются цѣлію образовывать спеціалистовъ богослововъ). Естественное дѣло, что на каждомъ университетскомъ факультетѣ студенты въ избраніи и направленіи своихъ спеціальныхъ занятій всегда болѣе поддаются вліянію преобладающаго строя предметовъ, и тої практической цѣли, которая прямо имѣется ими въ виду при поступленіи на извѣстный факультетъ, и гораздо менѣе обращаютъ вниманія на тѣ предметы, которые служатъ только дополненіемъ къ факультетскимъ предметамъ. И въ совѣтѣ университетскомъ представителямъ богословскихъ наукъ вѣроятно гораздо труднѣе поддерживать въ чемъ бы то ни было интересы своей спеціальности, нежели напр. филологамъ, юристамъ, медикамъ—представителямъ спеціальностей, имѣющихъ самостоятельное значеніе, образующихъ особенные факультеты. Въ настоящее время, при существованіи внѣ университетовъ особенныхъ высшихъ спеціально-богословскихъ заведеній, когда университеты не задаются цѣлями спеціальнаго служенія богословской наукѣ, и не считаютъ своею обязанностію образовывать спеціалистовъ-богослововъ, церковныхъ историковъ, екзегетовъ и т. д., въ такомъ расположеніи богословскихъ предметовъ по факультетамъ не представляется особенной ненормальности, такъ какъ предметы эти дѣйствительно служатъ только дополненіемъ къ спеціальнымъ курсамъ. Но еслибы, какъ предлагаетъ статья *Московскихъ Вѣдомостей*, сдѣлана была попытка существующія духовныя академіи совсѣмъ закрыть, и преподаваемые въ нихъ спеціальные предметы распредѣлить по разнымъ факультетамъ уни-

верситетскимъ, этимъ, мы полагаемъ, нанесенъ былъ бы научно-богословской спеціальности такой ударъ, послѣ котораго она стала бы падать болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока вновь не пришли бы къ сознанію необходимости—устроять особенныя самостоятельныя спеціально-богословскія учрежденія, въ видѣ ли особенныхъ *богословскихъ факультетовъ* при университетахъ, или въ видѣ отдѣльныхъ отъ университетовъ духовныхъ академій.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, какое мѣсто въ ряду университетскихъ предметовъ указываетъ авторъ статьи *собственно* богословскимъ, — т. е. теоретико-богословскимъ наукамъ. По этимъ наукамъ, говоритъ онъ, «мы предоставимъ читать и слушать лекціи въ тѣхъ аудиторіяхъ, гдѣ и въ настоящее время преподается въ университетахъ тоже богословіе, только въ сокращенномъ видѣ.» Принято ли авторомъ во вниманіе, что богословіе въ настоящее время преподается въ университетахъ студентамъ всѣхъ факультетовъ большею частію на первомъ курсѣ, и имѣетъ для себя три-четыре лекціи въ недѣлю?... Съ другой стороны, принято ли во вниманіе то, что *собственно богословскія* науки (за исключеніемъ церковной исторіи и церковнаго права, для которыхъ авторъ указываетъ особенное мѣсто), развѣтвляются въ академіяхъ на десять (или около того) спеціальныхъ каѳедръ (богословіе основное, догматическое, сравнительное, нравственное, пастырское, гомилетика, литургика, церковная археологія, библейская археологія, священное писаніе ветхаго завѣта, священное писаніе новаго завѣта). Можно ли такую массу спеціальныхъ предметовъ вдвинуть въ тѣ предѣлы времени, въ какихъ нынѣ преподается богословіе въ университетахъ? И можно ли всѣ эти предметы, не пріурочивая спеціально ни къ какому факультету читать, какъ нынѣ читается богословіе, студентамъ всѣхъ факультетовъ?... Это послѣднее предположеніе достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ представляется мало обдуманнымъ планъ новой постановки богословскаго образованія въ нашемъ отечествѣ, предлагаемой въ статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* вза-

мѣнъ существующихъ духовныхъ академій, присуждаемыхъ статьею къ уничтоженію.

Показавъ несостоятельность соображеній, излагаемыхъ въ статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, мы выскажемъ и свое собственное мнѣніе по серьезному вопросу, возбуждаемому этою статьею. Мы стоимъ за самостоятельное существованіе духовныхъ академій; такъ какъ въ нихъ однихъ въ настоящее время мы видимъ довольно твердыя, исторически образовавшіяся и уже достаточно зарекомендовавшія себя высшія учрежденія для поддержанія и развитія научно-богословской спеціальности въ нашемъ отечествѣ. Закрытіе духовныхъ академій при настоящихъ условіяхъ, по нашему мнѣнію, подвергало бы опасности крайняго упадка богословское образованіе въ Россіи. Но въ тоже время мы не только не отвергаемъ предлагаемаго *Московскими Вѣдомостями* расширенія преподаванія богословскихъ наукъ въ университетахъ, напротивъ считаемъ его совершенно необходимымъ, и притомъ не въ смыслѣ проектируемой авторомъ разобранной статьи прибавки нѣкоторыхъ богословскихъ предметовъ къ разнымъ факультетамъ университета,—а въ смыслѣ открытія особенныхъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ. Мы считали бы въ высшей степени полезнымъ сдѣлать опытъ такого рода, хотя при нѣкоторыхъ, хотя на первый разъ при одномъ изъ нашихъ университетовъ. Существованіе особаго богословскаго факультета при университетѣ, конечно, нисколько не противорѣчило бы самостоятельному существованію духовныхъ академій, какъ отдѣльныхъ отъ университета учрежденій. Существуютъ у насъ—особенная медицинская академія при медицинскихъ факультетахъ, особенный филологическій институтъ при филологическихъ факультетахъ университетовъ, и существуютъ конечно не безъ пользы. Точно также существованіе богословскихъ университетскихъ факультетовъ при духовныхъ академіяхъ не только не было бы излишнимъ, но было бы весьма полезнымъ какъ для интересовъ общаго университетскаго, такъ

и для интересовъ спеціальнаго, собственно богословскаго образованія.

Мы находимъ глубоко вѣрнымъ то высказанное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* замѣчаніе, что при отсутствіи богословскихъ факультетовъ наше университетское образованіе не представляетъ въ себѣ надлежащей полноты. Университетъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, тѣмъ и пріобрѣтаетъ себѣ особенное значеніе между ними, особенное предпочтеніе и сочувствіе отъ образованнаго общества, что онъ является представителемъ науки полной, науки общей (универсальной), — т.-е. обнимаетъ, соединяетъ въ себѣ всѣ существенныя научныя отрасли. Въ университетѣ стоятъ рядомъ одна подлѣ другой спеціальности: филологическая, историческая, юридическая, естественная, математическая, медицинская. Но и спеціальность научно-богословская представляетъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ весьма важную отрасль въ кругу другихъ наукъ и имѣетъ существенную связь со многими другими отдѣлами наукъ. Потому въ университетахъ заграничныхъ богословскій факультетъ въ соединеніи съ философскимъ, или отдѣльно отъ него, имѣетъ самостоятельное и значительное мѣсто въ ряду другихъ факультетовъ. У насъ нѣтъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ, и преподаваніе философскихъ наукъ ограничено не широкими предѣлами, и это весьма значительно отличаетъ наши университеты отъ заграничныхъ, и это можетъ быть даетъ и особенный характеръ нашему высшему общественному образованію. Нельзя не сознаться, что въ большинствѣ нашего свѣтскаго образованнаго общества уровень богословскаго образованія весьма не соотвѣтствуетъ уровню образованія общаго. Многіе изъ лицъ образованія высокаго, владѣющихъ послѣдними результатами науки въ разныхъ спеціальностяхъ, остаются съ совершенно дѣтскими, сохранившимися отъ гимназическаго изученія Закона Божія, понятіями и свѣдѣніями относительно важнѣйшаго предмета жизни и исторіи—относительно религіи. Оттого въ нашей свѣтской ли-

тературѣ часто такія странныя и наивныя сужденія, какъ скоро рѣчь коснется какихъ-либо религіозныхъ и церковныхъ предметовъ, или совершенное невниманіе къ этимъ предметамъ. Оттого въ обществѣ такая легкость увлеченій всякими крайними антирелигіозными идеями, часто даже безъ яснаго сознанія противорѣчія этихъ идей унаслѣдованнымъ отъ предковъ и не совсѣмъ оставленнымъ вѣрованіямъ. Въ наше время довольно обращено вниманія на печальныя послѣдствія увлеченій, распространяющихся между молодежью,—и въ значительной степени справедливо указывается многими корень зла въ недостаткахъ общественнаго образованія и воспитанія,—въ томъ, что наше образованіе и воспитаніе не даетъ достаточно крѣпости душевнымъ силамъ молодыхъ людей, — не даетъ имъ способности разумно воспринимать и усвоивать всякія прирастающіяся къ нимъ ученія,—критически провѣряя и осмысленно отвергая все, что въ идеяхъ извѣстнаго ученія бываетъ вреднаго и фальшиваго. Какъ на лучшее средство къ устраненію этихъ недостатковъ указываютъ на усиленіе классическаго образованія въ учебныхъ заведеніяхъ. Но при всемъ уваженіи къ классическому образованію, едва ли однакоже можно признать его панацеею отъ всякихъ золъ нравственныхъ и общественныхъ. При усиленіи классическаго образованія, кажется, слѣдовало бы болѣе позаботиться и объ усиленіи философскаго и богословскаго образованія въ обществѣ. Открытіе богословскаго факультета, съ расширеніемъ курса философскихъ наукъ въ университетахъ, дало бы много крѣпости, серьезности и полноты университетскому, а затѣмъ и общественному образованію, и значительно подняло бы умственное настроеніе молодежи надъ тѣмъ матеріальнымъ направленіемъ, которое въ настоящее время представляется такъ обольстительнымъ для неокрѣпшихъ умовъ. Конечно, не всѣ студенты университета стали бы слушать лекціи по богословскимъ и философскимъ предметамъ, и немного можетъ быть оказалось бы охотниковъ спеціально изучать эти науки. Но уже то самое, что этимъ наукамъ въ ряду другихъ универси-

тетскихъ спеціальностей дано было бы твердое и самостоятельное мѣсто,—то самое, что эти науки имѣли бы свою особенную группу представителей между университетскими профессорами и студентами,—уже это одно могло бы возвышать значеніе этихъ наукъ въ самыхъ университетахъ и въ общественномъ мнѣніи. Между университетскими профессорами и студентами всегда есть большее или меньшее общеніе интересовъ, живой обмѣнъ идей, взаимодѣйствіе вліянія, — и это очень много способствуетъ къ распространенію твердыхъ идей, вырабатывающихся въ кругѣ одной спеціальности, въ область другихъ спеціальностей. Оттого-то между прочимъ университетъ и даетъ особенный характеръ умственному складу людей, образующихся въ немъ, къ какимъ бы разнообразнымъ спеціальностямъ они ни принадлежали. Замѣчаютъ, что между медиками окончившими курсъ въ медицинской академіи, и медиками, университетскихъ факультетовъ есть разница въ томъ отношеніи, что первые хотя и владѣютъ болѣе солидными спеціальными знаніями, но не имѣютъ часто по своему общему развитію того духа и склада, какой отличаетъ людей прошедшихъ чрезъ университетъ. Университетъ совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько группъ различныхъ научныхъ спеціальностей конечно не съ цѣлью только экономическихъ сбереженій, но главнымъ образомъ съ цѣлью возможнаго приближенія высшаго общественнаго образованія къ идеалу знанія полнаго, знанія общаго, многосторонняго, слагающагося изъ существеннѣйшихъ результатовъ, вырабатываемыхъ спеціальными научными отраслями. И въ извѣстной мѣрѣ университетъ выполняетъ это свое назначеніе. И конечно, онъ выполнялъ бы его еще лучше, еще полнѣе, еслибы въ немъ въ ряду другихъ научныхъ спеціальностей имѣла свое твердое и самостоятельное значеніе спеціальность философско-богословская.

Съ другой стороны, учрежденіе особенныхъ богословскихъ или философско-богословскихъ факультетовъ при университетахъ было бы весьма полезно для интересовъ самой духовной науки, а затѣмъ и для интересовъ церкви. Извѣстное дѣло,

что наша духовная наука, духовная литература, самая наша духовная, т.-е. церковная жизнь весьма много страдаютъ отъ своей изолированности, отъ разобщенія съ наукою и литературою общей, съ движеніемъ жизни общественной. Кого нужно болѣе винить въ этомъ разобщеніи, откуда идетъ начало и въ чемъ заключается корень его, объ этомъ нѣтъ надобности здѣсь говорить подробно. Но несомнѣнно то, что это разобщеніе составляетъ большое зло и для церкви и для общества. Вслѣдствіе его наша духовная мысль и духовная жизнь не имѣетъ надлежащаго вліянія на мысль и жизнь общественную, и сама не можетъ развиваться съ надлежащею живостью и энергіею въ связи съ развитіемъ жизни общественной. Въ одномъ изъ самыхъ высшихъ пунктовъ соприкосновенія жизни церковной съ жизнію общественною—въ сферѣ науки это разобщеніе всего скорѣе могло бы быть ослаблено именно учрежденіемъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ. Когда наука богословская ближайшимъ образомъ была бы поставлена въ ряду другихъ наукъ, и поставлена твердо и самостоятельно, она и сама стала бы развиваться живѣе и энергичнѣе въ связи съ развитіемъ другихъ наукъ и съ потребностями жизни общественной, и на другія науки и на жизнь общественную стала бы имѣть гораздо больше вліянія, нежели теперь имѣетъ. Между представителями науки богословской и представителями другихъ научныхъ спеціальностей открылось бы то общеніе интересовъ, живой обмѣнъ идей, взаимодѣйствіе вліянія, о которыхъ мы выше говорили, и которыя въ такой же мѣрѣ были бы полезны для дѣятелей науки богословской, какъ и для дѣятелей другихъ наукъ. Изъ стѣнъ университета, изъ живаго общенія между профессорами и студентами-богословами и профессорами и студентами-филологами, историками, юристами, медиками, естественниками, это сближеніе интересовъ науки духовной съ интересами науки общей мало-по-малу стало бы проникать и въ среду общественную. Въ обществѣ мало-по-малу разсѣялись бы предубѣжденія противъ отвлеченности и безжизненности духовной

науки, противъ кастовой исключительности духовной среды, распространились бы болѣе основательныя понятія о предметахъ духовной науки, объ интересахъ церковной жизни, и мало-по-малу стало бы возрастать участіе къ нимъ. Съ другой стороны между дѣятелями духовной науки и служителями церковнаго дѣла мало-по-малу стало бы исчезать то отстраненіе отъ общества, заочно высокомѣрное или пугливое предубѣжденіе противъ людей другихъ общественныхъ классовъ, равнодушно вялое отношеніе къ общественнымъ вопросамъ и интересамъ, которыя въ настоящее время еще значительно распространены въ нашемъ духовенствѣ, и которыя весьма много препятствуютъ ему имѣть вліяніе на общество. Черезъ этихъ новыхъ своихъ представителей и остальное духовенство мало-по-малу стало бы болѣе сближаться съ обществомъ, и принимать живое участіе въ его интересахъ. Наконецъ, съ основаніемъ богословскаго факультета при университетѣ всего скорѣе можно конечно надѣяться и на привлеченіе свѣтскихъ людей къ спеціальному изученію богословскихъ наукъ и къ поступленію на церковное служеніе,—чего въ настоящее время такъ много желаютъ, и что доселѣ такъ мало удается въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ.

При такомъ сближеніи духовной науки и ея представителей съ другими науками и ихъ представителями, нѣтъ конечно никакого основанія опасаться какихъ-либо вредныхъ послѣдствій по отношенію къ вѣрному соблюденію духа и преданій Церкви, по отношенію къ твердости православія. Мало того, нужно ожидать противнаго. При болѣе живомъ соприкосновеніи съ общественною средою и другими научными спеціальностями,—въ виду того, съ какою ревностью представители другихъ спеціальностей относятся къ ихъ правамъ и интересамъ, можно думать, и представители богословскихъ наукъ будутъ гораздо тверже и самостоятельнѣе въ своихъ началахъ и убѣжденіяхъ, ревностнѣе и энергичнѣе въ защитѣ правъ и интересовъ своего дѣла противъ всякихъ непріязненныхъ ему началъ и тенденцій, чего въ настоящее время можетъ быть

не совсѣмъ достаточно замѣчается между представителями нашего духовнаго образованія. И главное, въ защитѣ интересовъ своего дѣла представители духовнаго образованія тогда менѣе будутъ бороться съ призраками, съ отвлеченностями, съ враждебными началами и тенденціями, имѣющими силу только въ ихъ собственномъ воображеніи, или вычитанными изъ книжекъ, имѣющихъ очень не близкое отношеніе къ жизни, и особенно къ окружающей насъ жизни. Находясь въ живомъ соприкосновеніи съ окружающею средою и ея наиболѣе интеллигентными представителями, представители духовнаго образованія тогда ближе будутъ знать, что въ этой средѣ дѣйствительно есть вреднаго и опаснаго для охраняемыхъ ими интересовъ, противъ чего имъ нужно главнымъ образомъ бороться и какимъ оружіемъ, и вѣрнѣе будутъ цѣнить достоинство собственныхъ силъ и средствъ для этой борьбы. Когда заходитъ рѣчь объ учрежденіи богословскихъ факультетовъ при университетахъ, у насъ нѣкоторые ревнители православія слишкомъ много пугаютъ себя примѣрами заграничныхъ богословскихъ факультетовъ, въ особенности такъ-называемымъ тюбингенскимъ богословскимъ направленіемъ, — призраками Штраусовъ, Бауровъ, Шенкелей и т. д. Но вонервыхъ, не нужно забывать, что и заграницей богословское направленіе тюбингенское было крайностью, которой далеко не сочувствовали другія богословскія школы. Вовторыхъ, нужно обратить вниманіе на то, что одностороннія и отрицательныя направленія въ западной богословской наукѣ, особенно протестантской, зависятъ не столько отъ вліянія какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ, сколько отъ сущности и характера самыхъ началъ церковной жизни, изъ которыхъ развилась эта наука. У насъ другія начала жизни церковной, и другіе должны быть результаты ихъ развитія въ наукѣ. Наконецъ всего болѣе нужно обратить вниманіе на то, что если на западѣ богословская наука производитъ не мало вреднаго, крайняго, отрицательнаго, то съ другой стороны, находясь въ живомъ соприкосновеніи съ другими науками, и съ самою

жизнью, она производитъ тамъ весьма много хорошаго, твердаго, полезнаго между прочимъ и для ослабленія всякихъ крайнихъ отрицательныхъ направленій. Этого послѣдняго нужно желать болѣе и нашей богословской наукѣ. И этого болѣе можно ожидать, когда богословская наука станетъ и у насъ въ живое соприкосновеніе съ другими науками и съ самою общественною жизнью въ стѣнахъ высшихъ питомниковъ нашей общественной мысли—въ стѣнахъ университетовъ.

Но найдутся ли при существованіи духовныхъ академій слушатели для богословскихъ факультетовъ при университетахъ, когда въ настоящее время и для однихъ духовныхъ академій оказывается ихъ такъ мало? Мы выше указали причину, отъ чего въ настоящее время такъ мало студентовъ и слушателей въ духовныхъ академіяхъ. Еслибы дать право семинаристамъ окончившимъ общеобразовательный курсъ съ хорошими успѣхами (по первому разряду) прямо поступать въ духовныя академіи (такъ же, какъ и въ университеты), мы увѣрены, число молодыхъ людей, желающихъ получать высшее богословское образованіе, увеличилось бы въ пятеро и можетъ быть болѣе. И этого вѣроятно было бы довольно и для существующихъ духовныхъ академій, и для нѣсколькихъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ. И въ настоящее время многіе изъ семинаристовъ, уклоняющихся отъ поступленія въ духовную академію, съ готовностью пошли бы на богословскій факультетъ при университетѣ. Въ университетахъ представляется дорога шире и свободнѣе, связь съ обществомъ ближе и живѣе, наконецъ, въ случаѣ надобности, переходъ къ другимъ спеціальностямъ, на другіе факультеты легче [1]). Кромѣ семинаристовъ, тогда конечно стали бы ско-

[1]) Первые курсы философско-богословскихъ факультетовъ при университетахъ по изучаемымъ въ нихъ предметамъ конечно близко совпадали бы, какъ нынѣ совпадаютъ и первые академическіе курсы, съ первыми курсами историко-филологическихъ факультетовъ. Это бы конечно открывало весьма важную для молодыхъ людей, еще не осмотрѣвшихся въ наукѣ и жизни возможность уже къ третьему курсу окончательно рѣшать себѣ вопросъ, какую избрать

рѣе находиться желающіе получать высшее богословское образованіе и изъ среды окончившихъ курсъ хорошихъ гимназистовъ. Быть же не можетъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы у насъ, кромѣ лицъ духовнаго происхожденія, ни въ комъ не могло оказаться склонности къ духовной наукѣ и духовному служенію. Только въ настоящее время поступленіе въ спеціальное духовное заведеніе представляется для свѣтскихъ людей едвали не совершеннымъ отреченіемъ отъ міра; да и по правдѣ сказать, быть имъ въ духовныхъ заведеніяхъ доселѣ оказывается не совсѣмъ удобно. Съ учрежденіемъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ, духовная спеціальность стала бы представляться молодымъ людямъ свѣтскаго происхожденія и первоначальнаго образованія менѣе чуждою и отрѣшенною отъ общественной жизни, и изъ нихъ безъ сомнѣнія стало бы болѣе находиться охотниковъ предназначать себя къ высшему богословскому образованію и духовному служенію. Наконецъ нельзя отрицать того, что у насъ въ обществѣ могли бы найтись люди, которые бы пожелали изучать богословскія и философскія науки, даже и безъ разсчетовъ на поступленіе въ духовное званіе, или въ наставники духовныхъ заведеній, просто по склонности къ этимъ наукамъ, по сознанію ихъ серьезнаго значенія. Такіе люди и теперь появляются въ нашемъ обществѣ. Только въ духовныя академіи поступать для философско-богословскаго образованія имъ все-таки представляется странно и неудобно. Они бываютъ поставлены

спеціальность—чисто богословскую, философскую, историческую или филологическую. И конечно, не было бы ничего дурнаго и вреднаго въ томъ, еслибы нѣкоторые изъ молодыхъ людей, поступившихъ въ университетъ съ намѣреніемъ изучать богословскую спеціальность, переходили въ высшихъ курсахъ на историческій или филологическій факультеты, и наоборотъ бывали бы конечно случаи перехода историко-филологовъ на богословскій факультетъ. Въ настоящее время, при разобщеніи духовныхъ академій съ университетами, такіе переходы, когда они дѣлаются и не по прихоти, а по необходимости и серьезному сознанію своего истиннаго призванія, бываютъ для студентовъ академіи весьма трудны,—а изъ студентовъ университета въ настоящее время весьма рѣдкіе приходятъ и къ самой мысли о переходѣ въ академію.

въ необходимость вырабатывать себѣ философско-богословское образованіе особенными путями — подъ чьимъ-либо личнымъ руководствомъ, чрезъ самостоятельныя одиночныя занятія, въ какихъ-либо заграничныхъ университетахъ и т. п. Съ учрежденіемъ философско-богословскихъ факультетовъ при русскихъ университетахъ открылась бы возможность для такихъ людей (а ими дорожить нужно) получать желаемое ими философско-богословское образованіе болѣе легкимъ и правильнымъ путемъ, не отрѣшаясь отъ своей среды, не поставляя себя въ стѣснительныя условія заведенія замкнутаго, и все-таки въ извѣстной степени проникнутаго сословнымъ характеромъ, и не находясь въ необходимости собирать себѣ крупицы знанія съ богатой и роскошной, но иногда не совсѣмъ пріемлемой и здоровой для насъ (въ своемъ чистомъ видѣ) трапезы заграничныхъ университетовъ.

Но съ учрежденіемъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ, при существованіи духовныхъ академій, потребовались бы на высшее духовное образованіе еще большіе расходы, нежели сколько ихъ теперь требуется? Конечно, такъ. Но еслибы только признана была польза этого дѣла (а ее, кажется, нельзя было бы не признать), дѣло изъ за прибавки нѣсколькихъ лишнихъ расходовъ едва ли бы остановилось. Не остановлено же за недостаткомъ средствъ открытіе новаго филологическаго института, Петровской земледѣльческоіі академіи и т. д... Высшее образованіе вообще, и между прочимъ высшее духовное образованіе, не такой предметъ, на который бы стоило жалѣть средствъ, въ виду другихъ гораздо большихъ государственныхъ расходовъ. Средства, издерживаемыя на этотъ предметъ, не затрачиваются непроизводительно, но возвращаются государству съ лихвою въ лучшихъ плодахъ общественнаго развитія. Притомъ средствъ, при открытіи богословскихъ факультетовъ въ университетахъ, потребовалось бы и не очень много. Какъ мы уже сказали, нѣтъ надобности открывать такихъ факультетовъ заразъ при всѣхъ университетахъ. Достаточно было бы пожалуй на первый разъ открыть

такой факультетъ при двухъ, или даже при одномъ университетѣ [1]), въ видѣ опыта для перехода отъ старой системы отдѣльнаго существованія высшихъ духовно-учебныхъ учрежденій къ совмѣстному развитію ихъ въ ряду другихъ научныхъ спеціальностей — въ стѣнахъ университета. При учрежденіи богословскаго факультета въ университетѣ конечно нѣтъ надобности ни открывать такого большаго количества новыхъ каѳедръ, какое существуетъ въ академіи, ни дробить богословскую спеціальность на нѣсколько еще спеціальнѣйшихъ отдѣленій. Для общихъ предметовъ академическаго курса (для древнихъ и новыхъ языковъ, для русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, для исторіи литературы, для всеобщей и русской исторіи) есть готовые профессоры въ университетѣ. Для философскихъ наукъ нужно было бы вновь открыть одну или двѣ каѳедры. Но это нужно, мы думаемъ, не для одного богословскаго, а и для другихъ факультетовъ университета; было бы весьма полезно не только расширить преподаваніе философскихъ наукъ для студентовъ историко-филологическаго факультета, но и ознакомить съ ними юристовъ, естественниковъ, даже медиковъ. За тѣмъ для преподаванія собственно-богословскихъ наукъ въ университетѣ есть уже три каѳедры — по богословію, церковной исторіи и церковному праву. Къ нимъ оказалось бы нужнымъ прибавить еще каѳедры три по богословію (догматическому, сравнительному и нравственному), каѳедры три по церковной исторіи (общей и

---

[1]) Конечно въ такомъ случаѣ прежде всего желательно было бы открытіе богословскаго факультета при московскомъ университетѣ. Въ московскомъ образованномъ обществѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, всегда было и въ настоящее время существуетъ расположеніе къ научно-богословскимъ и церковнымъ интересамъ. Между тѣмъ, за отсутствіемъ въ Москвѣ высшаго научно-богословскаго учрежденія, при разобщеніи съ Москвою духовной академіи, остающейся въ Сергіевскомъ посадѣ, эта потребность не можетъ получать правильнаго развитія и удовлетворенія себѣ. Отсутствіе высшаго научно-богословскаго учрежденія въ Москвѣ не можетъ не представляться своего рода аномаліей въ общественной жизни московской.

русской) и археологіи, и двѣ каѳедры по Священному Писанію. Нѣкоторыхъ предметовъ собственно церковно-практическаго отдѣленія академіи—напримѣръ пастырскаго богословія, гомилетики, литургики можно было бы не вводить на богословскомъ факультетѣ университета; наставники для семинарій нужные по этимъ предметамъ могли бы подготовляться въ академіи. Нѣкоторые предметы церковно-историческаго отдѣленія могли бы быть соединены съ другими—патристика съ общею церковною исторіею, исторія раскола съ исторіею русской церкви. Такимъ образомъ всего потребовалось бы прибавить для богословскаго факультета въ университетѣ восемь каѳедръ или около того. Польза, которую богословскій факультетъ могъ бы приносить самому университету и обществу, въ скоромъ времени покрыла бы издержки, необходимыя на открытіе этихъ каѳедръ. А тамъ пожалуй дальше видно было бы, гдѣ тверже станетъ богословская наука, и куда болѣе потянутся искатели высшаго богословскаго образованія — въ академіи (отдѣльно существующія) или на богословскій факультетъ при университетѣ. И еслибы оказалось послѣднее, тогда можно было бы, еслибы призналось нужнымъ, постепенно сокращать духовныя академіи, начиная съ тѣхъ изъ нихъ, которыя менѣе имѣютъ за собою правъ историческаго преданія, и менѣе приносятъ пользы въ настоящемъ,—и на суммы освобождаемыя отъ закрываемыхъ заведеній или открывать новые богословскіе факультеты при другихъ университетахъ, или учреждать какія-либо особыя необходимыя для церкви и для высшаго духовнаго образованія, спеціальныя учрежденія (напр. у насъ нѣтъ ни одного высшаго спеціально-миссіонерскаго учрежденія и т. д.).

Мы не находимъ серьезныхъ основаній стоять противъ соединенія богословской спеціальности съ другими научными спеціальностями—въ стѣнахъ университетовъ; мы считаемъ такое соединеніе во многихъ отношеніяхъ весьма полезнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ необходимымъ приступать къ

такому соединенію со всею внимательностію и осмотрительностью, ни въ какомъ случаѣ не начиная съ уничтоженія существующихъ и исторически сложившихся учрежденій для развитія научно-богословской спеціальности. Не слѣдуетъ сбивать богословскую спеціальность съ стараго пути и выживать съ стараго мѣста прежде, чѣмъ будутъ для ней твердо обезпечены и устроены новый путь и новое мѣсто. И предпринимать и развивать постепенно это дѣло, по нашему мнѣнію, нужно не во имя какихъ-либо внѣшнихъ (напр. финансовыхъ) соображеній, а единственно во имя высшихъ нравственныхъ интересовъ церкви, науки и общественнаго блага.

КЪ ВОПРОСУ О ДУХОВНО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ.

Г. Лавровъ въ своей статьѣ: «Новый вопросъ въ православной русской церкви» [1]) обвиняетъ г. Соколова въ покушеніи лишить епископа судной власти, принадлежащей ему якобы по божественному праву, и кромѣ того въ противорѣчіи собственнымъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ, высказаннымъ въ 1870 году въ «Православномъ Обозрѣніи.» Г. Соколовъ отвѣчаетъ, что онъ не противорѣчитъ себѣ нисколько, и не лишаетъ епископа судебной власти, но находитъ возможнымъ и необходимымъ отдѣлить духовную администрацію отъ духовнаго суда, устроивши для духовнаго суда 4 инстанціи, — по двѣ въ каждой епархіи для дѣлъ меньшей важности, независимыя отъ епархіальнаго архіерея, но подъ его прокурорскимъ надзоромъ, изъ лицъ пресвитерскаго сана,—и двѣ, внѣ епархіи, изъ епископовъ, для дѣлъ большей важности, слѣдовательно также внѣ прямой зависимости отъ епархіальнаго архіерея.

Не входя въ разбирательство системы духовнаго суда, предложенной г. Соколовымъ, и не придавая особенной важности тому, есть ли противорѣчіе между мнѣніями г. Соколова о духовномъ судѣ помѣщенными въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1870 и 1871 годы, посмотримъ, не противорѣчитъ ли г. Лавровъ, поучающій г. Соколова съ такою увѣренностію въ своей непогрѣшимости, самому себѣ въ одной и той же статьѣ, написанной въ обличеніе г. Соколова. Въ статьѣ г. Лаврова (на стр. 364,—47) читаемъ: «Что есть въ Св. Писаніи основаніе судной власти пресвитера,—этого мы не признаемъ

[1]) См. „Творенія св. Отцевъ“ въ рус. переводѣ за 1871 годъ кн. 2, а также отдѣльную брошюру. Мы будемъ указывать страницы по тому и другому изданію.

и конечно этого не укажетъ г. Соколовъ.» А на стр. (366,—49) онъ же г. Лавровъ говоритъ: «всѣ признаютъ, что судная власть въ церкви основана на божественномъ полномочіи, данномъ Спасителемъ своимъ ученикамъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси.* Власть эта передается отъ собора епископовъ одному епископу и отъ одного епископа въ таинственномъ рукоположеніи пресвитеру.» Итакъ изъ словъ самого же г. Лаврова оказывается, что судебная власть принадлежитъ не только членамъ духовно-судебныхъ учрежденій изъ пресвитеровъ, но и всѣмъ пресвитерамъ по благодати живущей въ нихъ возложеніемъ рукъ епископскихъ, и между тѣмъ основанія судной власти пресвитера будто нѣтъ въ Св. Писаніи и будто не укажетъ этого и г. Соколовъ. Неужели г. Лавровъ не признаетъ Евангеліе Св. Писаніемъ?

Не безъ противорѣчія у г. Лаврова и въ его мнѣніяхъ о принадлежности судебной власти епархіальному архіерею. На стр. 330,—3 онъ эту власть усвояетъ епархіальному архіерею, а на страницѣ 343,—16 и епископу, не управляющему епархіей; въ первомъ мѣстѣ судебная власть соединяется съ епископскою должностію, въ послѣднемъ — съ саномъ епископа. Приведемъ подлинныя слова г. Лаврова объ этомъ: на стр. 330,—3 говорится: «авторъ (Соколовъ) ведетъ полемику противъ какихъ-то непоименованныхъ имъ лицъ, которыя говорятъ, что *епархіальный* архіерей долженъ совмѣщать въ одномъ своемъ лицѣ и власть судебную и правительственную. Мы вполнѣ согласны присоединиться къ лицамъ, противъ которыхъ онъ полемизируетъ, и полагаемъ (если не ошибаемся), что всякій православный христіанинъ не можетъ иначе мыслить и говорить, чѣмъ какъ мыслятъ и говорятъ лица, противъ которыхъ направлена полемика статьи.» А на стр. 343,—16 у него же г. Лаврова читаемъ: «Апостолъ Павелъ Тимоѳею вручаетъ судную власть въ церкви. Но епархіальный ли былъ епископъ Тимоѳей? спроситъ г. Соколовъ. Говоря чистосердечно, въ разрѣшеніи этого вопроса мы не усматриваемъ ни малѣйшей важности. Для разрѣшенія спора совершенно достаточно имѣть несомнѣнное доказательство того, что апостолъ вручилъ судную въ церкви власть епископу, а не пресвитеру.» Итакъ, можно и иначе мыслить, чѣмъ какъ мыслитъ всякій православный христіанинъ?

Еще больше противорѣчія въ сужденіяхъ г. Лаврова о не-

прикосновенности, полнотѣ, важности и такъ сказать самодержавіи судебной власти епископа. По его словамъ, «архіерей jure-divino имѣетъ судную власть въ православной церкви» (стр. 328,—1); «епископъ есть цѣлая инстанція церковнаго суда, цѣлый судебный и притомъ обладающій самостоятельной юрисдикціей органъ»; епископъ церковно-судебною властію въ своей области обладалъ одинъ и нераздѣльно: для своей области онъ былъ такой же единственный судья, какъ императоръ для всего государства, и съ нимъ въ этомъ отношеніи, а не съ правителемъ провинціи епископъ имѣетъ аналогію»[2]) (стр.. 355,—28); «церковныя правила вообще и въ частности въ приложеніи о принадлежности судной власти епископу могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы только властію равною той, которою изданы, т.-е. властію вселенскаго собора» (стр. 363,—16); «идея принадлежности церковно-судной власти епископу даже столь существенна и столь широко развита и въ правилахъ и въ учрежденіяхъ церковныхъ, что съ отсѣченіемъ ея необходимъ радикальный переворотъ и въ правилахъ и въ учрежденіяхъ» (стр. 360,—13); «пусть попытается г. Соколовъ такъ для себя изъять тѣ правила, въ которыхъ прямо или косвенно говорится о судной власти епископа, и тогда онъ увидитъ, какое вслѣдствіе сего произойдетъ опустошеніе и въ правилахъ и въ учрежденіяхъ; вынута будетъ изъ церковныхъ учрежденій цѣлая инстанція церковнаго суда, цѣлый судебный и притомъ обладающій самостоятельной юридикціей органъ» (ibid.). А на стр. 375,—16 онъ же г. Лавровъ говоритъ: «при невозможности «отнять» у архіерея судную власть по каноническимъ основаніямъ,—тѣ *неудобства*, которыя могли бы произойти отъ соединенія въ лицѣ архіерея правительственной и судной власти, могли бы быть устранены: 1) выборнымъ порядкомъ назначенія членовъ духовнаго суда; 2) увольненіемъ ихъ не иначе, какъ по суду; 3) принятіемъ коллегіальнаго образа рѣшенія дѣлъ и наконецъ 4) гласностью судо-

---

[2]) Нельзя не указать здѣсь на полную невѣрность аналогіи, представляемой Лавровымъ. Еслибы епископъ для своей области былъ такой же единственный судья какъ императоръ для всего государства, тогда судъ его былъ бы окончательный, безаппелляціонный, какъ судъ императора. Между-тѣмъ по канонамъ церкви соборъ областный и затѣмъ большій окружный соборъ составляютъ инстанціи, въ которыя каждый недовольный судомъ епископскимъ могъ переносить свое дѣло. Значитъ соборы въ подобныхъ случаяхъ являются судьями по дѣламъ епархіальнымъ. Очевидно, судъ епископа не имѣетъ аналогіи съ судомъ императора. *Ред.*

производства. Всѣ эти средства намъ представляются достаточными и улучшеніе духовнаго суда совершенно возможнымъ и безъ отнятія у архіерея судной власти.» Итакъ, по мнѣнію г. Лаврова, есть и неудобство—въ divinum jus епископа соединять въ лицѣ своемъ правительственную и судную власть. Итакъ это divinum jus требуетъ улучшенія, измѣненія и ограниченія по способу, указываемому самимъ же г. Лавровымъ. Итакъ — церковно-судебная власть, которою епископъ обладалъ одинъ и нераздѣльно, должна и можетъ быть замѣнена коллегіальнымъ рѣшеніемъ дѣлъ; епископъ можетъ и не быть цѣлой судебной инстанціей, и притомъ «*единственнымъ*» обладающимъ самостоятельной юрисдикціей органомъ, такимъ же, полновластнымъ судьей, какимъ былъ греческій императоръ для всего государства; его divinum jus должно быть поставлено подъ контроль общественнаго мнѣнія чрезъ гласность и уравновѣшиваться голосами помощниковъ въ судѣ, которыхъ не онъ будетъ избирать, отъ которыхъ не иначе можетъ освободиться, какъ по приговору духовнаго суда. Итакъ правила, въ которыхъ не только косвенно, но и прямо говорится о судной власти епископа, могутъ, безъ опустошенія церковныхъ учрежденій, быть измѣняемы или отмѣняемы.

По нашему мнѣнію, что-нибудь одно изъ двухъ: пресвитеръ можетъ или не можетъ участвовать въ церковномъ судѣ; церковно-судебная власть соединена съ должностію или съ саномъ епископа; епископъ есть цѣлая судебная инстанція или только членъ коллегіальнаго суда, — епископъ епархіальный есть единственный и верховный судія для своей епархіи, какъ императоръ для всего государства, или есть еще духовный судъ высшій суда, принадлежащаго епархіальному епископу, и его ограничивающій извѣстною степенью власти судебной; церковныя правила, въ которыхъ прямо или косвенно говорится о принадлежности епископу судебной власти, могутъ или не могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы. Если правила эти не могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы ни прямо, ни косвенно, если, на основаніи этихъ правилъ, епископъ есть единственный и верховный судья, какъ греческій императоръ: то и въ св. Синодѣ не должно быть судебныхъ дѣлъ о лицахъ пресвитерскаго сана и о низшихъ лицахъ духовныхъ. Если епископъ—цѣлая судебная инстанція, то онъ не долженъ

участвовать въ коллегіальномъ рѣшеніи дѣлъ. Если онъ—инстанція суда, то не прокурорская власть; ему свойственно постановлять судебные приговоры, а не писать протесты; не онъ долженъ переносить дѣла въ высшую инстанцію своими протестами, напротивъ къ нему должны поступать судебныя дѣла, по отзывамъ и протестамъ, изъ низшей инстанціи. Если судебная власть принадлежитъ епархіальному епископу, то не принадлежитъ епископу, не имѣющему епархіи. Если въ Св. Писаніи и въ канонахъ нѣтъ основанія для судебной власти пресвитера, то пресвитеры, по этой теоріи, не могутъ быть ни судьями по проступкамъ меньшей важности, ни членами коллегіальнаго духовнаго суда. Но если, по другому мнѣнію г. Лаврова, судебная власть передается каждому пресвитеру отъ епископа при его рукоположеніи въ св. санъ,—если нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ—епархіальный епископъ или не епархіальный; то отсюда слѣдуетъ, что каждый пресвитеръ и каждый епископъ облечены духовно-судебною властію и могутъ проявлять ее, что въ каждой епархіи можетъ быть много инстанцій духовнаго суда, къ которымъ каждый можетъ обращаться по своему усмотрѣнію. Если неудобство соединенія въ лицѣ епархіальнаго архіерея правительственной и судебной власти требуетъ коллегіальнаго рѣшенія духовно-судебныхъ дѣлъ чрезъ выборныхъ судей, независимыхъ отъ архіерейской судебной власти, то епископъ епархіальный, не теряя участія въ судѣ, можетъ быть только старшимъ членомъ епархіальнаго суда, что̀ будетъ уже далеко не косвеннымъ измѣненіемъ тѣхъ правилъ, по которымъ онъ есть единственный судья и самостоятельный органъ суда. Согласить противорѣчія, встрѣченныя въ статьѣ г. Лаврова, мы никакъ не можемъ; предоставляемъ этотъ трудъ ему самому.

Противорѣча самъ себѣ въ сужденіяхъ о судебной власти епископа, г. Лавровъ несправедливъ, когда приходится ему встрѣчаться съ соборными правилами о церковномъ судѣ и съ началами судебныхъ уставовъ 1864 года. Такъ ссылаясь, въ вышеупомянутой статьѣ своей, на каноническія постановленія о судѣ надъ пресвитерами, діаконами и клириками, онъ въ подтвержденіе своей мысли о принадлежности только епископу суда надъ подвѣдомственными ему духовными лицами, приводитъ 9 правило халкидонскаго собора и 139 правило карѳагенскаго собора, которыя касаются дѣлъ гражданскихъ, тя-

жебныхъ объ имуществѣ, непринадлежащихъ нынѣ къ кругу церковной подсудности; еще приводитъ правило 32 апостольское, 4, 6 и 12 антіохійскаго собора, 13 и 14 сардикійскаго собора, въ которыхъ упоминается объ отлученіи епископскою властію отъ общенія церковнаго (которому подвергались епископомъ и міряне), объ извержении епископомъ пресвитера или діакона изъ своей церкви по раздраженію гнѣвомъ (14 сард. собора), т.-е. о такихъ дѣйствіяхъ, которыя тождественны съ временнымъ запрещеніемъ богослуженія и удаленіемъ отъ мѣста, могутъ быть примѣняемы и безъ суда, административною властію епархіальнаго архіерея; но игнорируетъ 12, 14 и 29 правила карѳаг. собора, по которымъ судъ надъ пресвитеромъ принадлежитъ 6-ти епископамъ, а надъ діакономъ 3-мъ епископамъ, «согласно съ опредѣленіями древнихъ соборовъ», какъ оговорено въ 12 правилѣ. Что въ приведенныхъ правилахъ идетъ рѣчь не объ апелляціонномъ судѣ по жалобамъ на рѣшенія мѣстныхъ епископовъ, а о судѣ въ качествѣ 1-й инстанціи формальнаго суда,—въ томъ не оставляетъ никакого сомнѣнія 29 правило, которое говоритъ: «*Аще пресвитеры или діаконы обвиняемы будутъ, то по собраніи узаконеннаго числа изъ ближнихъ мѣстъ избираемыхъ епископовъ... при обвиненіи на пресвитера 6-ти, а на діакона 3-хъ, вмѣстѣ съ сими собственный обвиняемыхъ епископъ изслѣдуетъ принесенныя на нихъ обвиненія, съ соблюденіемъ тѣхъ же дней и сроковъ (установленныхъ для суда надъ епископомъ), и изслѣдованія, и лицъ обвиняемаго и обвиняющаго; дѣла же по винамъ прочихъ клириковъ единъ мѣстный епископъ да разсмотритъ и окончитъ.*» Не упоминаетъ г. Лавровъ и о томъ, что соборнымъ правиломъ (141 карѳ. собора), предоставляется епарх. епископамъ, вмѣсто себя, въ члены коллегіальной инстанціи духовнаго суда, избрать по трое судей, подобно тому, какъ на высшій областной соборъ, при патріаршей каѳедрѣ, первенствующіе епископы, по 28 правилу того же карѳ. собора, имѣли право, вмѣсто себя, уполномочить по 2 епископа. Отъ чего бы профессору канонического права, упомянувъ о такомъ кажущемся противорѣчіи между соборными правилами, имъ приведенными, и другими, имъ умолчанными, не разъяснить, постановленіями ли вселен. соборовъ или практикою отмѣнены 12, 14 и 29 правила карѳаген. собора, и не противорѣчитъ ли этимъ правиламъ проводимое

имъ самимъ положеніе о принадлежности суда надъ пресвитерами и діаконами исключительно одному епархіальному ихъ епископу? Канонистъ, рѣшая важный вопросъ о судебной власти епископа, казалось, долженъ былъ при этомъ сказать и о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ «изверженіемъ пресвитера или діакона отъ своего сана епископомъ»—временное или всегдашнее лишеніе правъ священнослуженія и чести священства, принимая во вниманіе, что во 1-хъ, правило 4-е антіох. собора надежду возстановленія въ прежній чинъ отнимаетъ только у пресвитеровъ и діаконовъ, дерзнувшихъ совершить священную службу по изверженіи епископомъ, а правило 5-е того же собора «совершенное изверженіе отъ своего чина, съ недопущеніемъ впредь до служенія», усвояетъ только суду коллегіальному, соборному, которому и дѣйствительно по 12-му правилу принадлежитъ «*изслѣдованіе и окончательный судъ*» по проступкамъ, влекущимъ подобное наказаніе; во 2-хъ, что какъ древняя исторія свидѣтельствуетъ александрійскій епископъ не считалъ себя въ правѣ лишить свящ. сана Оригена собственною властію, и чтобы достигнуть этого, долженъ былъ собирать два собора епископовъ. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи не оказалось ли бы, что изверженіе отъ сана епископомъ пресвитера или діакона, упоминаемое въ канонахъ, не болѣе имѣло значенія, какъ предоставленное ст. 169 устава духов. консисторій усмотрѣнію мѣстнаго архіерея подобное же право, вытекающее изъ обязанности его «пещись, чтобы обвиняемые въ важныхъ преступленіяхъ священнослужители не приступали къ служенію алтарю Господню, коль скоро уже есть достаточныя причины предусматривать, что они обвиняются справедливо?» Усиливаясь отстоять нынѣшній порядокъ судопроизводства, изложенный въ уставѣ духов. консисторій, по которому духовно-судебныя дѣла рѣшаются или епархіальнымъ архіереемъ, по предварительномъ разсмотрѣніи въ консисторіи, или св. Синодомъ, г. Лавровъ утверждаетъ, что «апостольскія и соборныя правила и законы православныхъ государей признаютъ только два центра, въ которыхъ сосредоточена церковно-судебная власть: это епископъ и соборъ епископовъ» (стр. 18) и въ подкрѣпленіе этого положенія приводитъ, послѣ правилъ о судѣ епископа, правила 37, 117, 121 и 139 карѳаг. собора, въ которыхъ говорится объ апелляціяхъ къ собору епископовъ на рѣшенія мѣстнаго епи-

скопа, но при этомъ: а) 139 правило карѳагенскаго собора приводитъ не вполнѣ, выпуская вторую его половину, въ которой говорится, что дѣло изъ 2-й судебной инстанціи отъ собора сосѣднихъ епископовъ могло, по апелляціонпымъ отзывомъ подсудимыхъ, переноситься еще въ высшую инстанцію духовнаго суда—къ собору первенствующихъ епископовъ, который былъ 3-ю инстанціей для дѣлъ, рѣшенныхъ епископомъ и 2-ю и также окончательною для дѣлъ, вчинавшихся на помѣстномъ соборѣ сосѣднихъ епископовъ; и б) г. Лавровъ вовсе умалчиваетъ о 9 и 17 правилахъ 4 вселенскаго собора, подтвердившихъ вышеупомянутое 139 правило карѳагенскаго собора касательно перенесенія дѣлъ изъ помѣстнаго собора къ большему собору первенствующихъ епископовъ. Странно, что г. Лавровъ, ратуя за каноны церкви, не очень стѣсняется каноническими правилами, умалчивая объ одпихъ и урѣзывая другія по тому способу, который извѣстенъ изъ дѣяній папистовъ на флорентинскомъ соборѣ и который недавно примѣнялся на соборѣ римскомъ, провозгласившемъ непогрѣшимость папы.

Съ такою же безцеремонностію г. Лавровъ относится и къ судебнымъ уставамъ 1864 года, извращая прямой ихъ смыслъ. Г. Соколовъ говоритъ: «безъ этого (отдѣленія суда отъ администраціи) и выборное начало судей и гласность судопроизводства и все прочее будетъ лишь роскошнымъ украшеніемъ на непрочной постройкѣ.» Г. Лавровъ на это замѣчаетъ: «Ужъ не слишкомъ ли прозорливъ нашъ авторъ? Онъ читалъ судебные уставы и конечно усмотрѣлъ въ нихъ, что судебная реформа важными основными принципами новаго суда признаетъ не одно отдѣленіе суда отъ администраціи, а и другіе, не менѣе важные и существенные, принципы. Тамъ нѣтъ сравнительной разцѣнки основныхъ принциповъ судебной реформы и указанія, какой изъ принциповъ важнѣе и какой менѣе важенъ» (стр. 61). Мы спросимъ г. Лаврова: неужели онъ не читалъ слѣдующаго мѣста, приведеннаго и г. Соколовымъ, въ судебныхъ уставахъ 1864 года съ разъясненіемъ государственной канцеляріи изданія 1866 года, на стран. 24 2 тома: «Если одна и та же власть и предъявляетъ требованіе и сама же обсуждаетъ послѣдствія его неисполненія, то очевидно, что обвиняемые не могутъ имѣть *никакихъ* огражденій отъ неправильнаго преслѣдованія ихъ.» Неужели ему

неизвѣстно слѣдующее мнѣніе соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта, находящееся въ журналахъ его на стр. 164. «Устраненіе всякаго вмѣшательства властей административныхъ въ дѣла судебныя принадлежитъ къ первымъ условіямъ правильнаго устройства суда.» Насколько жъ послѣ этого оказывается прозорливымъ самъ г. Лавровъ, обвиняющій г. Соколова въ незнаніи судебныхъ уставовъ 1864 года? Впрочемъ здѣсь усматривается не недостатокъ прозорливости со стороны г. Лаврова, а можетъ быть — желаніе извращеніемъ смысла судебныхъ уставовъ достигнуть своей цѣли предъ читателями журнала «Твореній св. отцевъ», большинство которыхъ, вѣрно, мало знакомо съ основаніями новаго кодекса нашего законодательства.

Въ заключеніе посмотримъ, какія начала судоустройства и судопроизводства предлагаются самимъ г. Лавровымъ при руководствѣ идеи о принадлежности епархіальному епископу судебной власти по всѣмъ проступкамъ священно и церковнослужителей, подсуднымъ духовному суду. При этомъ предположимъ, что сказанное у г. Лаврова о соединеніи судебной власти съ саномъ пресвитера и епископа, а также объ ограниченіи судебной властие нархіальнаго епископа — коллегіей, не болѣе, какъ обмолвка.

«Два центра, въ которыхъ сосредоточивается церковносудная власть: это епископъ и соборъ епископовъ.»

«Епископъ самостоятельно, на основаніи божественнаго полномочія, пользуется судною властію въ ввѣренномъ ему округѣ, или, какъ у насъ этотъ округъ называется, въ епархіи.» Есть конечно въ этомъ важныя неудобства; «но неудобства отъ соединенія въ лицѣ архіерея правительственной и судной власти могутъ быть устранены: 1) выборнымъ порядкомъ назначенія судей; 2) увольненіемъ ихъ не иначе, какъ по суду; 3) принятіемъ коллегіальнаго образа рѣшенія дѣлъ, и наконецъ 4) гласностію судопроизводства.» Этотъ коллегіальный, выборный и гласный судъ состоитъ изъ пресвитеровъ; но «пресвитерамъ, по правиламъ соборнымъ и апостольскимъ, безъ воли епископа не дозволяется совершать ничего, слѣдовательно и суда.» «Еслибы были устроены епархіальные суды безъ епископа, то оказалось бы, что пресвитеръ, все получившій отъ епископа, имѣетъ власть судить, а епископъ ея не имѣетъ.» При устроеніи епархіальнаго суда изъ однихъ пресвитеровъ безъ

участія епископовъ, оказалось бы, что они отнимаютъ не ими данное, когда присуждаютъ къ лишенію священства, которое преподаютъ не пресвитеры, а архіерей.» Но «странно было бы, еслибы епископъ, предоставивъ пресвитерамъ право суда, уже не имѣлъ бы власти самъ лично воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ во всякое время, когда захотѣлъ бы.»

«Высшій судья во всякомъ церковномъ, духовномъ дѣлѣ есть архіерей, въ области котораго живетъ православный народъ.» Но все-таки есть судъ и высшій архіерейскаго: «Одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ созванія соборовъ есть произволство на нихъ суда въ качествѣ 2-й, апелляціонной инстанціи по отношенію къ суду епископа» (1 Всел. соб. пр. 5) [1]). «Дѣла восходятъ въ высшую инстанцію — только по апелляціямъ и протестамъ прокуроровъ; иначе значило бы войдти въ коренное противорѣчіе съ началами судеб. уставовъ 1864 года» (ibid).

Удобно или не удобно апеллировать на судъ, принадлежащій епископу jure divino, г. Лавровъ не рѣшаетъ, и кто будетъ прокуроромъ въ этомъ судѣ, не опредѣляетъ. Можно впрочемъ предполагать, что онъ оставитъ и прокурорскій надзоръ за архіереемъ, хотя въ этомъ случаѣ епархіальному архіерею придется писать протесты противъ самаго себя.

Такъ какъ г. Лавровъ не допускаетъ инстанціи духовнаго суда, средней между судомъ епархіальнаго архіерея и судомъ св. Синода, независимой отъ епарх. архіерея, соотвѣтствующей соборамъ, бывшимъ въ древности при каѳедрахъ митрополичьихъ, которой предшествовалъ дисциплинарный судъ епископа, то спрашивается: чѣмъ эта система судоустройства и судопроизводства отличается отъ той, которая изложена въ уставѣ духов. консисторіи и которая признана неудовлетворяющею цѣлямъ правосудія, и потому подлежащею преобразованію? Коллегіальнымъ рѣшеніемъ дѣлъ? Но дѣла и нынѣ рѣшаются въ консисторіи коллегіально. Несмѣняемостію судей по произволу епархіальнаго архіерея? Но и нынѣ члены духовныхъ консисторій увольняются отъ этой должности только св. Синодомъ, которымъ они и опредѣляются. Гласностію судо-

---

[1]) Правило это говоритъ о помѣстномъ соборѣ ближайшихъ епископовъ, а не о соборѣ первенствующихъ епископовъ, которому соотвѣтствуетъ у насъ св. Синодъ, служащій вторымъ центромъ церковносудебной власти и окончательнымъ.

производства консисторскаго? Но что она можетъ значить, когда дѣло окончательно рѣшаться будетъ не въ гласномъ судѣ, а въ безгласномъ кабинетѣ власти, производящей судъ jure divino. Остается одно—выборный порядокъ назначенія судей, которые сами по себѣ ничего не рѣшаютъ. Можетъ быть это средство и имѣло бы какое нибудь значеніе, еслибы оно простиралось не на однихъ судей, ничего окончательно не рѣшающихъ, а и на главнаго судію — епархіальнаго архіерея, какъ того несомнѣнно требуютъ каноны церковные не косвенно, а прямо (Правила ант. соб. 19; 1 Всел. 4; 7 Всел. 3; Апост. пр. 30; карѳ. соб. 61). Но и выборы судей все же не вносятъ никакого существеннаго измѣненія ни въ судоустройство, ни въ порядки судопроизводства: нужны не выборы только судей, а и судъ, такъ устроенный, чтобы цѣли правосудія въ немъ достигались вполнѣ достаточно.

Л. Б.

7 января 1871 г.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДА И ЗНАМЕНИТѢЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОСЛѢДНИХЪ ДВУХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ

ЦЕРКОВНАГО РУССКАГО НѢСНОПѢНІЯ.

Намъ Русскимъ, и особенно Москвичамъ, предстоитъ скоро большое празднество: празднество тѣхъ плодовъ, которые стяжала Россія изъ начинаній Петра I-го, изъ его мысли, слова и подвига. Одинъ изъ лучшихъ плодовъ этого рода, и самыхъ видныхъ, всего нагляднѣе связанныхъ съ корнемъ Петровымъ, безспорно есть наука. Но, какъ самый свѣжій плодъ и самыя послѣднія открытія науки вовсе не предполагаютъ одного только стремленія къ новизнѣ, напротивъ, и даже чаще, возвращаютъ насъ съ благодарностью къ далекому минувшему, къ оцѣнкѣ корня и къ постиженію перваго сѣмени: такъ и дѣло Петрово, тѣмъ лишь преимущественно и дорого, что даетъ намъ сознаніе своего древняго прошлаго, позволяетъ намъ ясно понимать всю цѣну и значеніе той жизни, изъ которой, богатой вѣками и опытомъ, какъ изъ обильнаго матеріала, творилъ и строилъ геній Великій. Какъ будто онъ оторвалъ насъ отъ почвы древней: на самомъ дѣлѣ, промежуткомъ двухъ вѣковъ и поприщемъ многоразличныхъ созданій или событій, увелъ насъ впередъ такъ далеко, что мы къ *собственной* истекшей жизни относимся уже *словно какъ древней*, что мы стали къ ней въ отношеніе предметное, обращаемся съ ней какъ предметомъ и, будучи вдали, очутились теперь всего къ ней ближе, съ глазу на глазъ, созерцая, изучая. Отношеніе спокойное, ровное, безпристрастное,

ясное: то самое, которое допускаетъ возможность знать и сознавать, располагать данными и творить изъ нихъ, изучать себя и собою властвовать, то самое, которое рождаетъ всякую науку и всякое искусство. Къ числу этихъ-то областей вѣковой Русской жизни, созрѣвшихъ до того высоко, что онѣ вновь могутъ послужить нынѣ матеріаломъ для зданія еще высшаго, принадлежитъ область нашего *Церковнаго Пѣнія*: основнаго—стало быть древняго, истиннаго—то есть подлиннаго и самобытнаго, творческаго — явившаго себя въ тысячахъ произведеній и образцовъ. Плодотворнѣйшія задачи для нашего времени: наука, постигающая наконецъ эту область до подробностей; искусство личное, къ ней, какъ давнему роднику своему, довѣрчиво притекающее.

Послѣ митрополита Евгенія, Сахарова и Ундольскаго, мы должны здѣсь назвать тѣхъ дѣятелей, которымъ всего болѣе обязана эта наука въ наши дни: кн. В. Ѳ. Одоевскаго, протоіерея Дм. В. Разумовскаго и Н. М. Потулова. Первый, старшій по времени и заслугамъ, первый же рѣшился оставить путь предшественниковъ, исключительно державшихся библіографіи или одного литературнаго подбора историческихъ данныхъ, и, прежде своихъ сверстниковъ, обратился къ живому изслѣдованію самой *музыки*, скрытой подъ древними знаками или въ свидѣтельствѣ уцѣлѣвшихъ памятниковъ: близкое знакомство съ музыкою Западной и тамошнею Церковной, обладаніе средствами вокальными и инструментальными (голосовъ и орудій), общая высокая образованность, живость воображенія и смѣлость догадки, теплота души впечатлительной и легко воспринимающей, наконецъ постоянный интересъ къ сравненію съ основами музыки народной-мірской, — все это дало ему возможность оцѣнить по достоинству типы нашего Пѣнія Церковнаго, до извѣстной степени воспроизводить ихъ въ примѣрахъ увлекательнаго исполненія, намѣчать особенности и указывать своеобразныя отличія. Какого ни будь цѣльнаго произведенія науки или музыки изъ этой области онъ намъ не оставилъ и не могъ создать, какъ предводитель энциклопедистъ: но онъ составилъ цѣлую библіотеку или музей классическихъ памятниковъ сего рода, цѣлую массу разбросанныхъ при этомъ замѣтокъ и цѣлый кругъ живыхъ дѣятелей, имъ одушевлявшихся, отъ него поучавшихся. Въ связи съ нимъ, но съ первыхъ же шаговъ путемъ строгой

спеціальной науки шелъ Дм. В. Разумовскій и успѣлъ даже отпечатать вполнѣ трудъ свой (сперва въ «Чтеніяхъ Общества Люб. Дух. Просв.,» потомъ особою книгой «Церковное пѣніе въ Россіи,» 1867—69): расшифровалъ историческій рядъ музыкальныхъ знаковъ начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, въ оттиснутыхъ образцахъ сопоставилъ ихъ и сличилъ съ нотою «церковной» и общеупотребительной, фактически освѣтилъ ими смыслъ памятниковъ и всѣхъ свидѣтельскихъ показаній; развернулъ ихъ передъ нами какъ одну книгу, чтобы читать по ней, и понимать, и пѣть, и воспроизводить въ слухъ за всю историческую нашу древность, какъ будто мы еще теперь живемъ въ ней, какъ будто никогда она не смолкала. Только развѣ современники, быть можетъ изъ уваженія къ личнымъ отношеніямъ, въ состояніи молчать объ этомъ трудѣ: за то при немъ никогда уже, скажемъ на вѣрное, не смолкнетъ самобытное пѣніе въ Русской Церкви. А чтобъ оно на практикѣ тотчасъ же воспользовалось уроками старины своей, на это положилъ всю силу своего практическаго музыкальнаго таланта Н. М. Потуловъ: какъ практикъ, по преимуществу, слѣдуя направленію обратному сравнительно съ Разумовскимъ, онъ сошелся съ нимъ послѣднимъ въ точкахъ приложенія основныхъ началъ къ современной дѣйствительности. Сроднившись со всею вокальною сферой блестящей музыки Западной и самъ нѣкогда дѣйствуя въ ней исполнителемъ, онъ весь этотъ блескъ, и громъ, и раннее увлеченіе принесъ въ жертву тому строгому и серьезному типу, который встрѣтилъ на пути любопытствующаго знакомства въ нотныхъ церковныхъ книгахъ, доселѣ дѣйствующихъ на практикѣ, по Синодскимъ изданіямъ. Когда же за ними, трудомъ ученыхъ, вскрылся выше и глубже цѣлый міръ пѣнія основнаго и древнѣйшаго, къ которому примыкаютъ они какъ звѣно послѣднее, Потуловъ уже не безотчетно предался имъ, напротивъ, повѣряя и дополняя ихъ первичными образцами, съ другой стороны уловилъ тайну примѣненія ихъ къ теперешнему употребленію, болѣе широкому, согласно съ развившимися требованіями нынѣшняго искусства, хотя бы самаго взыскательнаго, хотя бы передъ судомъ обще-Европейской музыки. Всѣмъ памятенъ тотъ годъ, когда, въ приходской церкви протоіерея Разумовскаго, съ благословенія Митрополита Филарета

и — прибавимъ — съ одобреній присутствовавшаго кн. Одоевскаго, хоромъ Синодальныхъ Московскихъ пѣвчихъ, при разученіи и управленіи Потулова, исполнены были пѣснопѣнія въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ церковныхъ службъ, предъ многочисленными, удивленными и умиленными слушателями. То были пѣснопѣнія собственно тѣ же, какія читаемъ мы въ изданіи Синода: но въ ихъ исполненіи мы съ отраднымъ изумленіемъ встрѣчали уже сочетавшійся духъ отдаленной древности съ условіями текущей нашей минуты. Образцы эти оцѣнилъ строгій умъ и высокій даръ почившаго Московскаго іерарха въ его домовой церкви: православное чувство встрѣчало ихъ неподдѣльными слезами самого простонародья при повтореніи въ Успенскомъ Соборѣ. Съ тѣхъ поръ мы еще, слава Богу, не лишены права хоть по временамъ, хоть Великимъ Постомъ, горячо молиться ихъ душею, словами и звуками; съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, больше и больше расширяясь по кругамъ пѣвческимъ, на всегда остались извѣстны и чтимы такъ называемыя «переложенія Потуловскія,» или, правильнѣе, подлинные образцы нашего храмоваго пѣнія въ условной ихъ гармонизаціи, какая только законна и возможна по своеобразнымъ особенностямъ нашей старины. Можно сказать: Филаретъ благословилъ, Одоевскій напутствовалъ, Разумовскій ввелъ насъ въ науку, Потуловъ продолжаетъ руководить на пути исполнительнаго искусства. Но, самъ продолжая практику свою постоянно оживлять изученіемъ и все шире простираясь въ него, Николай Михайловичъ до самаго послѣдняго времени не переставалъ посѣщать Западную Европу, для сравнительнаго изслѣдованія тамошней церковной музыки и особенно для сопоставленія съ православнымъ пѣніемъ Славянъ Южныхъ: монастыри, библіотеки и живучія преданія Сербовъ, черезъ посредство его опытности, обѣщаютъ много еще обогатить или, по крайности, дополнить насъ съ этой стороны. Наконецъ, благодаря содѣйствію Московскаго Общества Древне-Русскаго Искусства, мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ получить скоро въ печати и заключительные плоды этого рода дѣятельности, въ простѣйшей, но вполнѣ современной уже, грамотѣ нотной, въ первоначальномъ, но столь нужномъ для насъ, практическомъ руководствѣ, въ доступныхъ примѣрахъ, равно ручающихся и за подлинность, и за достоинство въ ны-

лѣшнемъ исполненіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ падутъ конечно тѣ фальшивыя произведенія, основанныя на музыкѣ Западной, частнѣе Нѣмецкой и Итальянской, которыхъ начало нѣкогда занесено къ намъ черезъ посредство Польши и которыхъ прискорбныя, хотя и сладкія испорченному уху, послѣдствія приходится вкушать намъ доселѣ въ кочевыхъ пѣвческихъ хорахъ Русскихъ, особенно Московскихъ, къ глубокому огорченію всѣхъ истинно-православныхъ и образованныхъ людей. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ недостаточно уже одинокихъ лицъ, хотя бы научныхъ и художественныхъ, какъ недостаточно было доселѣ усилій цѣлаго Православнаго Вѣдомства и цѣлаго круга изданій Синодскихъ, нерѣдко остающихся книгою безъ пѣнія, или встрѣчающихся съ пѣніемъ произвольнымъ безъ всякой книги и науки, безъ всякого канона или правила. Для рѣшенія вопросовъ *всей* Церкви необходимо извѣстная доля участія *всѣхъ* членовъ Церкви; для отправленій общественныхъ, тамъ, гдѣ они перекрещиваются съ церковными или, говоря иначе, осѣняютъ себя крестомъ и вступаютъ въ область «духовную» по преимуществу, нужно также соединеніе силъ общественныхъ, къ тому наклонныхъ, къ тому направленныхъ. Короче, для общества въ семъ случаѣ потребно извѣстное представительное «Общество:» и здѣсь мы возлагаемъ надежды на учреждаемое въ Москвѣ «Общество Любителей Русскаго пѣнія [1].» Уже по тому, что главный предметъ его—пѣніе народное по основнымъ началамъ своимъ вполнѣ родственно со всякимъ самобытнымъ пѣніемъ Русскимъ, а въ томъ числѣ и духовнымъ, церковнымъ, храмовымъ; и по тому, что, при богатствѣ средствъ его, въ библіотекѣ его и музеѣ сосредоточится большое количество всякихъ памятниковъ пѣвческихъ, письменныхъ, печатныхъ и вещественныхъ (въ орудіяхъ и подробностяхъ обстановки), для міра не только Русскаго, но и Славянскаго, единоплеменнаго и единовѣрнаго; наконецъ по тому, что въ составъ его учредителей входятъ почти всѣ извѣстнѣйшіе представители музыкальнаго искусства, не исключая и помянутыхъ выше: по всему этому должно съ полнымъ

---

[1] Нѣкоторыя подробности объ немъ въ „Современной Лѣтописи“ 1871 г. № 45 ноября 29.

правомъ ожидать, что, если не въ Храмовомъ (подъ вѣдѣніемъ Духовенства), то въ болѣе широкомъ церковномъ пѣніи и особенно въ духовномъ, изстари извѣстномъ и употребительномъ у нашего народа подъ именемъ «Стиховъ,» учреждаемое Общество сдѣлается посредникомъ для распространенія отчетливыхъ научныхъ понятій и для знакомства съ подлинными произведеніями Русскаго генія—между духовенствомъ и прочими членами церкви, между обществомъ и народомъ, между древностью и современностью, между законами искусства, историческими его видами и настоящею практикою. Если же присоединить сюда, въ наличной нашей Россіи, неистощимые запасы уцѣлѣвшихъ письменныхъ памятниковъ подлиннаго Церковнаго Пѣнія въ книгохранилищахъ духовенства и его учрежденій, въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ съ музеями, весь этотъ матеріалъ, столь ожидающій дыханія жизни, чтобы воскреснуть къ ней, а вокругъ высоко воздвигшіеся вопросы Церкви Православной вообще и готовность къ нимъ со стороны духовенства, все болѣе и болѣе образованнаго: тогда смѣло можно сказать, что вопросъ, насъ занимающій, рѣшенъ уже въ своемъ починѣ и обезпеченъ къ благому, безостановочному рѣшенію въ близкомъ будущемъ.

Однако, это положеніе дѣла не столько устремляетъ наши взоры къ будущему, хотя бы отрадному, сколько приглашаетъ научную пытливость прямо и искренно взглянуть въ глаза вѣковому прошедшему, столь разъясненному теперь, дабы въ немъ прочитать и назначеніе судебъ послѣдующихъ, и залоги къ нимъ, и указанія опыта, и предостереженіе упованіямъ, и ободреніе на трудъ предстоящаго пути. Притомъ, обращаясь къ минувшей исторіи, намъ нѣтъ надобности восходить здѣсь слишкомъ далеко и высоко, въ глубь вѣковъ, досягающихъ, какъ извѣстно, и до Ярослава, и до крещенія Руси, ознаменованнаго тотчасъ же введеніемъ опредѣленнаго Церковнаго Пѣнія, и, даже еще выше, — до нашихъ учителей Грековъ съ Дамаскинымъ и до Славянъ Подунайскихъ или Задунайскихъ, сообщившихъ намъ, вмѣстѣ съ грамотою и переводами книгъ христіанскихъ, своего рода систему музыкальныхъ начертаній, терминовъ, пріемовъ. По крайности семь вѣковъ длилась эта исторія, полная знаменательныхъ событій въ области, насъ занимающей, исторія непрерывная, поступательная, свидѣтельствующая объ успѣшномъ

широкомъ развитіи: ко второй половинѣ XVII вѣка завершился полный кругъ ея и, какъ сказано, мы получили съ той поры въ наслѣдство цѣлый своеобразный музыкальный міръ, который во всѣхъ отношеніяхъ имѣемъ полное право назвать совершенно Русскимъ, — не Славянскимъ уже, не Греческимъ, не просто Христіанскимъ, а именно нашимъ историческимъ дѣломъ и творчествомъ, на основѣ, преемственно къ намъ дошедшей, нами усвоенной и воспроизведенной къ оригинальному типу Русскому. А такъ какъ со словомъ «музыка,» по обычаю Западному и вопреки родоначальникамъ Грекамъ, соединяютъ нынче неправильно понятіе внѣшняго грубаго «орудія (инструмента),» именно того, чего вовсе не допускала Церковь Греческая, Славянская и Русская, отдавая на служеніе Божеству только лучшій и тѣснѣе связанный съ духомъ человѣческій органъ голоса (область вокальная, которой отвѣчаетъ лишь инструментъ «духовой»): потому еще ближе, для избѣжанія недоразумѣній, помянутый музыкальный міръ получаетъ имя «Русскаго Церковнаго Пѣснопѣнія» или просто «Пѣнія (въ отличіе отъ «Пѣсни» мірской).» Мы только желали бы при этомъ спросить: чѣмъ, если не скромностію нашего духовенства и не равнодушіемъ другихъ членовъ церкви, можно объяснить эту видимую странность, — никогда и никому еще доселѣ, ни въ нашъ вѣкъ, знающій цѣну торжествамъ историческимъ, не пришло въ мысль и ревность *праздновать церковнымъ праздникомъ одно изъ величайшихъ дѣлъ Русской Церкви*, семивѣковое твореніе ея высокаго пѣснопѣвческаго творчества?! На это впрочемъ есть своя уважительная причина. Тогда какъ богатая разнообразными явленіями типическаго творчества, послѣдовательная, но безмятежная, и безмятежная въ силу именно непрерывной творческой послѣдовательности, исторія Церковнаго Пѣснопѣнія совершалась и завершилась *сама собою* и *сама въ себѣ*, на прямыхъ основахъ своего развитія,—со второй половины XVII вѣка оказался въ ней поворотъ и даже переворотъ, вскрылись невѣданныя прежде стихіи борьбы, явились вліянія сторонніе, вступили на сцену событія небывалыя. Между тѣмъ, громъ и блескъ тогда же разыгравшихся переворотовъ государственныхъ, общественныхъ и народныхъ заглушилъ, отвелъ на дальній планъ и въ густую тѣнь внутреннѣйшія явленія области Церковной, а тѣмъ болѣе ея Пѣснопѣ-

ній, испытавшихъ на себѣ однаковую участь общихъ потрясеній эпохи: вспомнимъ, тогда вступало время Петрово, тогда выступала Новая Россія. Итакъ, подобно другимъ историческимъ сторонамъ Русской жизни, и съ этой нашей стороны мы непремѣнно встрѣчаемъ предъ собою имя и дѣло *Петра*: какъ будто имъ перервалось дѣло прежнее, какъ будто и въ исторіи Пѣснопѣнія Церковнаго остается намъ впечатлѣніе какого-то «перерыва» или, по крайности, наступившаго чего-то совершенно новаго. И вотъ естественная разгадка забвенію, особенно при незнаніи: къ чему и что торжествовать, когда слѣдуетъ забыть и живемъ мы совсѣмъ другою жизнью? Но — точно ли это такъ, и былъ ли тутъ дѣйствительный перерывъ, и какой смыслъ его, и каково здѣсь участіе дѣяній Петровыхъ, и, напротивъ, не ихъ ли память именно всего болѣе придаетъ побужденій для настоящаго торжества Церкви,—вотъ задача нашего краткаго очерка.

Возьмемъ занимающій насъ міръ въ томъ видѣ, какъ завершился онъ ко второй половинѣ XVII вѣка и назовемъ его сравнительно *древнимъ* или нашею *древностью*. — *Церковное* Пѣніе или Пѣснопѣніе для насъ нынче то же, что *Храмовое*, слышимое и употребительное въ храмѣ или изъ храма выносимое: для древности это было только часть, высшая и опредѣленнѣйшая часть общаго пѣнія *Духовнаго*, въ его отличіи отъ «мірскаго» или «свѣтскаго.» Духовное обнимало собою: 1) пѣніе *во Храмѣ*, главное по тексту и содержанію своему, по отношенію къ службѣ святой и по мѣсту употребленія, а вмѣстѣ—повторяемъ—опредѣленнѣйшее, ибо основывалось, и держалось, и развивалось на документальной исторіи, на письмѣ, книгахъ, письменныхъ знакахъ, ученіи, преданіи, школѣ, причтѣ, клирѣ и клиросѣ; 2) пѣніе *Церковное* въ смыслѣ болѣе обширномъ, принадлежавшее всѣмъ членамъ Церкви, которые только пѣли или могли пѣть при вопросахъ и событіяхъ Церкви внѣ Храма, лишь бы въ объемѣ церковной сущности, церковнымъ словомъ и напѣвомъ. Трудно услѣдить до подробностей соотношеніе того и другаго отдѣла, какъ между всякимъ учрежденіемъ, хотя бы съ такимъ всеобъемлющимъ зданіемъ, какъ храмъ, и между теченіемъ самой жизни, хотя бы учреждаемой. Причетъ и клиросъ выходилъ изъ Храма для служенія и участія среди житейскихъ событій, въ средѣ членовъ Церкви, къ рожденію, крестинамъ, свадьбѣ, похоронамъ,

со всякою святыней, молебномъ, для торжествъ въ широкомъ смыслѣ, публичныхъ и на открытомъ воздухѣ; сюда же возвращался и народъ, затвердивши пѣснопѣнія храмовыя, въ которыхъ онъ участвовалъ всегда посильно кромѣ клироса: и на оборотъ, весь народъ также точно вступалъ во храмъ съ нуждами и привычками семейными, общественными, государственными, со всѣмъ тѣмъ, что̀ видоизмѣняло его отъ клироса и причта мыслью, чувствомъ, словомъ, голосомъ, напѣвомъ, а хоры изъ прихожанъ и частныхъ мірскихъ людей достигали въ самомъ храмѣ до клироса и до аналоя. Знаемъ только на вѣрное, что кромѣ причта и клироса хоры «для церковныхъ пѣснопѣній» имѣла и содержала почти каждая сколько нибудь крупная единица нашей древней жизни,—приходъ, волость, городъ, войско, большой домъ, зажиточное семейство, богатый или знатный человѣкъ; въ XVII вѣкѣ, въ Московскомъ государствѣ, не только самъ царь, но и всѣ почти члены царской семьи и сколько ни будь представительныя лица имѣли у себя по особому хору сего рода пѣвчихъ, казалось бы не нужныхъ при одномъ храмовомъ пѣніи, еслибы не было для нихъ болѣе широкихъ задачъ церковной жизни; то же наблюдалось до нашихъ дней у многихъ помѣщиковъ по усадьбамъ, и доселѣ ведется, хотя «на произволящато,» по нѣкоторымъ приходамъ или держится при большихъ купеческихъ, даже крестьянскихъ домахъ, не смотря на то, что и въ храмѣ есть опредѣленные пѣвцы, и властію признанные для храма пѣвчіе, и хоры вольнонаемные для всѣхъ. Разумѣется, такія крупныя и долговременныя явленія могли быть вызваны только существенною, жизненною потребностью цѣлой Церкви. Знаемъ также, что въ этомъ вообще глубокое наше отличіе отъ церкви Западной, и особенно главной—Католической, гдѣ по принципу немыслимъ, кромѣ храмоваго, какой ни будь другой церковный хоръ, развѣ уже для свѣтскаго пѣнія или по временному найму свѣтскихъ пѣвцовъ для главныхъ торжествъ храма. Важнѣйшимъ слѣдствіемъ этого было то, что нашимъ церковнымъ хорамъ въ пѣснопѣніяхъ не требовалось «измышлять» себѣ текста, слова, напѣва, другаго, кромѣ «церковнаго» же, столь тѣсно связаннаго съ регулирующимъ храмовымъ: совсѣмъ не то, чѣмъ у католиковъ, гдѣ надъ сочиненіемъ пѣснопѣній, уже не храмовыхъ и даже не именуемыхъ церковными, а между тѣмъ все-таки практикуемыхъ «не

признанными» членами Церкви, мірянами, ей только «принадлежащими,» потрудились тысячи ученыхъ, поэтовъ и музыкантовъ; гдѣ, съ теченіемъ времени, Церковь - духовенство, по неволѣ уступивши, допустило какъ бы «ворваться» въ храмъ этой «толпѣ» съ тетрадками, книжками и партитурами, чтобы распѣвать «дополнительно» внѣ «основнаго» Богослуженія; гдѣ наконецъ Протестантизмъ и вовсе осилилъ, поставивши эту область въ совершенную уже независимость, переведя Богослуженіе просто въ Молитву всѣхъ и каждаго, въ чтеніе и пѣніе по любой печатной книжкѣ, болѣе или менѣе удачной или пинаровленной. Конечно, и у насъ перевѣсъ господствующаго типа оставался за пѣніемъ Храмовымъ или клировымъ; и у насъ, нужно прибавить, особенный вѣсъ ему придало Духовенство, преимущественно, когда оно болѣе и болѣе взяло подъ покровъ свой примѣненіе охранительныхъ началъ Церкви, являясь ея представителемъ и представительное свое значеніе развивши до патріаршества, столь сильнаго и могущаго, какимъ оно явилось къ половинѣ XVII вѣка (мы увидимъ еще, какой поворотъ дѣлу сообщило само патріаршество, достигши такого величія, именно съ вершины и въ слѣдствіе силы почти исключительной). Постепенно, къ завершенію древняго періода, Церковное Пѣснопѣніе обратилось въ дѣло Духовенства и симъ послѣднимъ всего больше соблюденъ здѣсь господствующій типъ, условленный Храмомъ и Богослуженіемъ. Тѣмъ не менѣе, пока до этого не дошло и симъ не завершилось, мы должны признать начало, практикованное во всей предыдущей исторіи Церковнаго Пѣснопѣнія, началомъ жизненнымъ, началомъ именно движенія и развитія, какое только возможно—въ ширь, и въ глубь, и по частямъ — въ нѣдрѣ Церкви на ея непреложныхъ основахъ. Отсюда же, изъ сего приснотекущаго источника, привтекли въ храмъ и на клиросъ: въ книги—Русскія своеобразныя начертанія грамоты, въ языкъ книгъ — особенности языка Русскаго, въ напѣвъ — отличія, создавшія пѣніе прямо Русское, въ науку пѣнія — обработка разнообразныхъ школъ мѣстныхъ и частныхъ, въ самыя «знамена,» въ знаки нотные, черты исключительно Русскія, отмѣнныя отъ Греческихъ и Юго-Славянскихъ, свои «помѣты» по Русской азбукѣ, свои термины и объясненія на ходячемъ языкѣ Русскомъ, свои «разводы,» варіаціи и уклоненія, нерѣдко совпадающія даже съ мірскими-народными.

Довольно сказать, что внѣ Храма и участія Духовенства, внѣ Богослуженія собственнаго и всякого служенія Церковнаго гдѣ бы то ни было, до сихъ поръ уберегліись въ народѣ самомъ простомъ, и дошли до насъ, пѣснопѣнія именно этого «рода,» но въ образцѣ «измѣненномъ,» по предмету и примѣненію, по тексту, языку, слову, напѣву. Образцы эти на лицо не многочисленны и не могли быть многочисленны въ древности, по причинамъ, выше изложеннымъ, по той живой связи, которая условливала собою не раздѣленіе, а именно скорѣе сліяніе области храмовой и клировой съ общею церковною: но они все-таки служатъ для насъ памятникомъ извѣстной церковной «свободы,» которую разсчитанно выставляемъ здѣсь на видъ въ отличіе отъ помянутой Католической «необходимости» и Протестантскаго «произвола.» Тамъ образовано два лагеря, съ промежуточнымъ пóприщемъ для борьбы, или же развитіемъ частныхъ образцовъ подорвана на всегда основа единаго и цѣлаго господствующаго типа пѣснопѣній церковныхъ: у насъ напротивъ плодъ этой силы развитія оказался не въ представительныхъ дробныхъ образцахъ успѣха личнаго, а въ томъ, что прадревняя основа Церковная трудомъ вѣковъ обращена въ твореніе чисто-Русское, если не «Народное,» которое отличимъ ниже, то, скажемъ такъ, въ «Національно-Церковное.» И здѣсь-то, можетъ статься, лежитъ тайна проявленія «общаго» Христіанства и «единой» Церкви въ образѣ «церквей нѣсколькихъ,» отличаемыхъ именемъ, временемъ, мѣстомъ, учрежденіемъ, а съ этимъ вмѣстѣ воплощеніе церковной жизни въ той или другой національности, такъ что въ наше время явилось соединеніе по видимому несовмѣстимыхъ понятій — «національная церковь.» Какъ бы то ни было, только изъ этого труднаго вопроса наша древняя Церковь вышла побѣдоносно въ дѣлѣ своихъ Пѣснопѣній, а простой народъ отличилъ ихъ доселѣ именованіемъ *Божественныхъ*, *Церковныхъ* или, короче, *Стихиръ*.

Но здѣсь же, въ этой относительной свободѣ, лежалъ путь для сближенія «Церковнаго» съ «Народнымъ,» «Храмоваго» съ «Домашнимъ:» посредствующимъ звѣномъ явились *Стихи*, такъ называемые постоянно доселѣ и строго всегда отличавшіеся отъ «Пѣсней,» то есть произведеній чисто-народныхъ съ ихъ разными отдѣлами и названіями; кромѣ того Стихи непре-

мѣнно — содержанія *духовнаго*, отнюдь не храмоваго и рѣже церковнаго въ значеніи помянутомъ, а если народнаго, то никакъ не пѣсеннаго—свѣтскаго или мірскаго, во всякомъ случаѣ нравственнаго и чѣмъ либо ближе прикосновеннаго къ области христіанскаго «духа.» Такимъ образомъ это *третій* отдѣлъ того же общаго пѣнія *Духовнаго*, если и связанный съ Церковнымъ, то по другую сторону столько же съ Народнымъ, но и отличный отъ сего послѣдняго, какъ не отъ міра и свѣта, а отъ духа. Если мы желаемъ уловить самыя первыя черты его происхожденія, то мы должны отдѣлиться отъ представленій созданнаго Храма, учрежденной Церкви и даже самаго общаго Христіанства, а по мѣрѣ сего взойти до той эпохи, основою которой была какая бы то ни была «вѣра,» какъ существенная потребность духа, вѣра же вырабатывалась по языкамъ и народамъ вмѣстѣ съ ними: то есть, короче, взойти ко временамъ язычества, хотя бы—и непремѣнно—вѣрующаго. Слѣды и воздѣйствія этой эпохи, чрезъ которую прошло все человѣчество и которой не миновалъ никакой народъ, хотя бы послѣ христіаннѣйшій и церковнѣйшій, проникли, какъ извѣстно, не только въ Церковь Ветхозавѣтную у Евреевъ, но и въ первое Христіанство, всего важнѣе у Грековъ, а всего ближе къ намъ—въ Церковь Православную у крестившихся Русскихъ: вотъ почему, на извѣстную долю, слѣды языческіе отозвались такъ ярко во всѣхъ произведеніяхъ этого рода, Стихахъ древнѣйшихъ и нашихъ. Вотъ почему у самихъ себя имѣли мы и имѣемъ, на примѣръ, Стихъ «Еврейскій» или «Ерусалимскій,» Стихъ «Цареградскій,» «Славянскій,» послѣ «Русскій;» то въ первобытномъ видѣ своемъ едва лишь только проникнутый самыми общими началами Христіанства, то уже связанный съ понятіями Церкви, то принадлежащій извѣстной Церкви мѣстной или племенной, на примѣръ Русской, то даже посвященный одному какому ни будь Храму, Иконѣ; то повѣствующій о цѣломъ явленіи міровомъ (космическомъ), то о крупномъ событіи Христіанскомъ или Церковномъ, то объ отдѣльномъ Святомъ или каждомъ знаменіи священномъ (чудѣ), то о всякомъ знаменательномъ случаѣ народномъ и личномъ, примыкающемъ къ области вѣры и условленной ею нравственности духа. Языкъ и народъ, первоначально одно и то же, единствомъ своимъ и связію сдѣлали то, что «языческое» смѣнилось

здѣсь именемъ и понятіемъ «народнаго,» хотя уже въ смыслѣ, который далеко ушелъ отъ «язычества;» а когда народная жизнь въ своемъ теченіи развила изъ себя и государство, и общество, и бытъ домашній-семейный среди новой гражданской обстановки, и наконецъ высвободила самую личность человѣка,—по мѣрѣ всего этого Стихъ являлся у насъ выразителемъ и государственной ступени, былъ свой и для воіиска, и при общественномъ публичномъ проявленіи жизни, и для домашняго обихода, и даже удѣломъ лица, сколько ни будь народнаго. Отъ того то и пѣніе Стиха, съ его словомъ, складомъ, размѣромъ, голосомъ, напѣвомъ и всею музыкой, то отзывается замѣтнымъ элементомъ въ составѣ самыхъ древнихъ пѣснопѣній Христіанскихъ, то, по утвержденіи Христіанства, стоя въ сторонѣ, родится однако же съ пѣснопѣніемъ Церковнымъ вообще, не поддается регулирующему канону Храма или съ нимъ споритъ, а иногда хранитъ въ себѣ отличія языческія, не принятыя въ Церковь, и сливается съ преемникомъ язычества—пѣніемъ чисто-народнымъ. Такимъ важнымъ элементомъ въ области пѣнія никогда и никто изъ образованныхъ знатоковъ не отваживался пренебрегать: въ сопоставленіи съ самыми священными явленіями и опредѣленнѣйшими правилами искусства, онъ часто заявляетъ въ себѣ сравнительно-глубочайшую древность, и, связуясь съ другими областями, уберегаетъ въ себѣ то, что̀ ими послѣдовательно утрачивается, а въ самой случайной новизнѣ своей или кажущейся неправильности даетъ все-таки объясненіе попеременному вліянію Храма на Церковь, Церкви на Народъ и обратно; съ этой стороны, какъ посредникъ осязательный, видимый и слышимый, между вѣрою и міромъ, словомъ и письмомъ, звуками и нотою, стихирою и пѣснею чисто-народною, онъ даже важнѣе иногда сей послѣдней. — Въ исторіи нашего Духовнаго пѣснотворчества *Стихи* представляютъ два главныхъ и крупныхъ отдѣла, наиболѣе успѣвшихъ развиться и тѣсно примыкающихъ къ двумъ вышепомянутымъ: 3) Стихи *Общественные*, исполняемые «публично,» на всемъ народѣ обществомъ и на открытомъ воздухѣ подъ небомъ; 4) Стихи *Домашніе* или *Семейные*, огражденные стѣнами жилища и предѣлами семьи.—Первые, несомнѣнно со временъ языческихъ, а ужь подавно христіанскихъ, имѣли у Славянъ и у насъ въ

особенности носителей, исполнителей и пѣвцовъ «постоянныхъ, неизмѣнныхъ, присяжныхъ и однообразныхъ,» извѣстныхъ по крайности подъ двумя стами разныхъ именъ (столь распространено было явленіе), а изъ именъ наиболѣе употребительны были и отчасти остались досель: «Калѣки Перехожіе, Старцы—Старчища (хотя часто и молодые), Странные—Странники — Пилигримы — Пилигримища — Паломники — Прохожіе — Путники, Слѣпцы (хотя въ числѣ ихъ бывали и зрячіе), Убогіе — Каженики—Боли—Недугіе—Недужные—Недолуги — Костоломы (хотя между ними находились ребята самые здоровые), Неимущіе — Нищіе—Бѣдные (хотя имѣли свой домъ и по большей части были зажиточны сравнительно съ прочею нисшею массою народа), и т. п. Ходили (какъ ходятъ частію до сихъ поръ) обыкновеннѣе по двое (чаще теноръ и басъ) съ подголоскомъ — мальчикомъ повадыремъ (чаще альтомъ), а равно съ отличіемъ уже «народнымъ,» не допускавшимся въ хорахъ храмовыхъ и церковныхъ, — съ женщиною (по большей части дискантомъ, дополнявшимъ альтъ мальчика); при извѣстныхъ случаяхъ соединялись въ «хоръ» или «кругъ,» и тогда достигали любимаго у насъ крупнаго числа, — «сорокъ,» соотвѣтственно «сорокамъ» церковнымъ и при разныхъ обрядахъ («сорокъ каликъ:» «со каликою» — какъ сто одинъ выстрѣлъ и подобный обычай, дававшій знать прибавкою «одного» лишняго, что число не закончено и можетъ повториться). Все ихъ призваніе, назначеніе, урокъ жизни, завѣтъ предковъ, достояніе и отличіе было — творчество народно-духовное или Стихъ: творить его, еще болѣе хранить сотворенное, разносить, пѣть, этимъ только питаться и этимъ жить; сохрани Богъ было запѣть «Пѣсню,» народную-мірскую, которая осквернила бы ихъ уста и служеніе: на то были соотвѣтственные имъ, совсѣмъ другіе, для Былинъ или Эпоса, столь же присяжные Пѣвцы, Старцы же и Слѣпые, сохранившіеся всего дольше въ Юго-западной Россіи, но на Сѣверѣ рано угасшіе или перешедшіе въ другія сочетанія и слившіеся съ народною массой. Но какъ эти послѣдніе отданы были «Пѣснѣ» начиная съ Былины, такъ пѣвцы Стиховъ, ихъ пережившіе и смѣнившіе съ XIII—XIV вѣка, отличались еще тѣмъ, что, согласно храмовому и церковному правилу, гнушались всякимъ орудіемъ внѣшнимъ или инструмен-

томъ, который сопровождалъ непремѣнно пѣвца мірскаго (и только опять въ Западной Россіи, по вліянію Запада, о которомъ скажемъ еще ниже, привилась къ нимъ «лира,» отличная впрочемъ отъ мірской кобзы и бандуры: «лырники» или «рыльники»). Пѣли они главнымъ образомъ въ праздникъ, общій, мѣстный или приходскій, при святилищахъ и святыняхъ, монастыряхъ, храмахъ, собиравшихъ толпу поклонниковъ: внѣ храма и при его порогѣ; собственно между храмомъ или церковью и остальнымъ народомъ; тотчасъ послѣ Богослуженія, между нимъ съ одной стороны и съ другой между ярмаркою, торгомъ и народнымъ хороводомъ, въ слѣдъ за тѣмъ начинавшимся; но, когда начиналось пѣніе мірское, Стихи уже смолкали. А за тѣмъ пѣли, будничнo, по пути къ святымъ мѣстамъ или на возвратѣ, вдоль улицы и подъ окнами, рѣже—въ особыхъ случаяхъ—зазываемые на домъ (тогда какъ мірскіе шли прямо въ хоромы и палаты, въ слѣдъ за храмовыми и церковными). Стихи были Міровые (Космологическіе и Космогоническіе), Былевые (о событіяхъ Церкви, Святыхъ, Праздникахъ), Библейскіе, Евангельскіе, Заповѣдные—Переходные — Хожденія (о чудесахъ, знаменіяхъ, явленіяхъ и т. п., начиная съ глубокой древности), Учительные, Покаянные, Душеполезные, Умиленные, Моленные и т. п. (послѣдніе переходили уже къ «Домашнимъ»). Общій характеръ содержанія, какъ сказано, переходилъ отъ опредѣленнаго понятія, утверждавшагося въ Храмѣ и при Богослуженіи, къ общимъ воззрѣніямъ Церкви или особенностямъ церкви мѣстной, отсюда къ древнѣйшимъ представленіямъ Христіанскимъ, къ началамъ Вѣры и даже вѣры Языческой, а отъ нея спускался снова ко всему міровоззрѣнію и творческому образу Народному. Языкъ представлялъ, какъ представляетъ доселѣ, середину между письменнымъ-книжнымъ и устнымъ, между храмовымъ-церковнымъ и народнымъ, между Церковно-Славянскимъ (даже Греческимъ) и чисто-Русскимъ. Складъ и размѣръ народный, но порою древнѣе многихъ мірскихъ Былинъ. Напѣвъ, также срединный, безъ поддержки инструмента и какихъ-либо письменныхъ знаковъ, долженъ былъ [illegible]падать и разлагаться, но, такъ какъ въ то же время одною стороной держался церкви и несъ ея вліяніе съ самыхъ раннихъ поръ, а по широтѣ своей явленіе это дожило даже до насъ, — по этому напѣвъ и весь способъ

пѣнія, при нѣкоторыхъ воздѣйствіяхъ народныхъ отзывается не только типомъ Церковнымъ и Храмовымъ, но даже пополняетъ его, разъясняетъ, а не рѣдко образцами своими возводитъ къ тому началу, гдѣ Церковное сближалось еще съ Народнымъ, и Народнымъ въ зернѣ — то есть Языческимъ. Даже въ нынѣшнемъ устномъ пѣніи Стиховъ не рѣдко слышимъ такія мѣста, такіе пріемы, обороты и переходы, которые чужды остальному пѣнію Народному мірскому, не вошли въ наше употребленіе Церковное, не попали въ книги Храмовыя, а занятые нѣкогда изъ общенія съ Греками, приняты и развиты на Западѣ тамошними Церковными музыкантами (на примѣръ напѣвы при Крестѣ о Распятіи, о Страшномъ Судѣ и т. п.). Явленіе это во всѣхъ главныхъ своихъ отличіяхъ дожило, повторяемъ, отчасти до нашихъ дней: съ XVII вѣка начали записывать изъ устъ цѣликомъ текстъ и даже звуки на нотахъ; современные археологи слóва и звука устремлены къ сему съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ. Въ старину же еще болѣе: въ мірѣ народномъ это былъ цѣлый особый міръ, равновѣсный и параллельный тому, что̀, при самомъ началѣ нашей исторіи, знаемъ мы въ другой половинѣ подъ именемъ Богатырства (вѣка героическаго), Эпоса, Былинъ, мірскихъ Былевыхъ слагателей и пѣвцовъ; сами богатыри-герои наши, даже съ историческими именами, въ силу претерпѣнныхъ несчастій и превратностей свѣта или же чаще подъ старость, слагали военные доспѣхи, снимали гусли, замолкали для мірской пѣсни и обращались въ Старцевъ Перехожихъ съ областью ихъ Стиховъ. Когда въ XIII и XIV вѣкѣ первоначальный порядокъ вещей смѣнился инымъ, Калѣки Перехожіе пережили его, замѣнили мірскихъ соперниковъ собою, примѣнились къ порядку новому, или, лучше къ тому, въ которомъ самъ народъ примѣнялся отчасти къ остаткамъ прежнихъ государственныхъ учрежденій, отчасти къ началамъ обновляемаго бытія политическаго. При Князьяхъ Удѣльныхъ они удержались и получили случай воспѣть Стихомъ ихъ мученическіе подвиги или святость, монастыри и церкви, ими основанные, иконы и знаменія чтимыя; въ Новгородѣ издревле составляли особую городскую «сотню («сто»);» въ другихъ, старыхъ же городахъ, занимали «слободу» или «улицу;» послѣ Богослуженія и Храма предначинали сходки всякихъ «братчинъ,» торжества

праздниковъ и общественныхъ обрядовъ; въ Западной Россіи, подъ государственной властью Литвы и Польши, въ цѣховомъ устройствѣ по образцу Западному, долго составляли по городамъ особый «Старечій цѣхъ,» сословіе «Дѣдовъ» или «Дзядовъ.» Когда возвысилось государство Московское, власть государственная собирала, какъ извѣстно, къ средоточію и столицѣ не только удѣлы, княженія, области, права, войско и регаліи, но и святыни мѣстныя изъ мѣстъ облежащихъ, и всѣ крупныя явленія или памятники жизни народной: она не могла не оцѣнить описаннаго нами могущественнаго орудія для посредства между жизнью церковною и народною, между храмомъ и домомъ. «Старцы» получили признаніе оффиціальное — по обычаю Московскому, опредѣленное «мѣсто,» куда примыкали на «службѣ,» частное именованіе «Соборныхъ (особенно при Московскихъ Соборахъ)» и государево «жалованье.» Алексѣй Михайловичь документально ихъ поддерживалъ, кормилъ, жаловалъ, приглашалъ къ себѣ по Богослуженіи, выслушивалъ. Тѣмъ болѣе нашла нужнымъ и съумѣла этимъ воспользоваться наша церковь въ смыслѣ представительнаго ея Духовенства. Самые первые «Уставы» поспѣшили отнести нашихъ дѣятелей, о коихъ повѣствуемъ, къ людямъ «церковнымъ,» взявши ихъ подъ опеку и управленіе церковнаго «суда.» «Школы,» которыя несомнѣнно у нихъ имѣлись, не въ смыслѣ конечно зданія съ вывѣской, а въ смыслѣ обученія предмету и подготовки людей для извѣстнаго опредѣленнаго дѣла, стали также подъ присмотръ духовенства. Когда же дѣятели перехожіе слишкомъ уже «расходились,» пользуясь льготою церковнаго суда и управленія, особенно по поводу разныхъ «знаменій,» а всего болѣе отъ образа «Пятницы,» доводя своихъ адептовъ, преимущественно женщинъ, вмѣсто вѣры до фанатическаго изступленія, а безкорыстное служеніе убожества своего обращая въ промыселъ постыднаго нищепитательства,—извѣстный соборъ, повѣствующій намъ Стоглавомъ, обратилъ сюда самое пристальное вниманіе, живописалъ явленіе во всей его яркости, принялъ мѣры, чтобы положить ему снова мѣру и границу, остановился особенно на водвореніи и пріютѣ всѣхъ этихъ разбродившихся силъ въ «Богадѣленныхъ» и «Убогихъ домахъ,» по приходскимъ общинамъ, въ завѣдываніи особыхъ «старостъ» (къ совершенно-параллельному

явленію приведена была и Православная, Уніатская, наконецъ Католическая церковь въ нашей Западной Россіи, когда практиковала богадѣленное устройство такъ называемыхъ нынѣ, отчасти уцѣлѣвшихъ, «косьцельныхъ дзядовъ,» по нашему Старцевъ церковныхъ или Соборныхъ, ибо они и тамъ всего обильнѣе были при «каѳедрахъ»). Устройство это получило самую представительную форму въ помянутыхъ Соборныхъ Старцахъ при Соборахъ Московскихъ: патріархи до Никона, а отчасти и послѣ него, соревновали здѣсь государю опекою, поддержкою, жалованьемъ, внимательнымъ слухомъ къ Стиху. Наконецъ наши сознательные церковные музыканты, какъ увидимъ, въ XVII вѣкѣ поспѣшили захватить остатки этаго Московскаго явленія въ свои рукописи, записанныя изъ устъ со словъ и нотою со звуковъ [1]).—Что касается до четвертаго отдѣла въ пѣніи Духовномъ, пѣнія *Домашняго* или *Семейнаго*, то оно питалось такими же Стихами, начинаясь тѣми, которыми кончалось Общественное, —Умиленными, Душеполезными и т. д. (нравственными), а въ постепенномъ развитіи отвѣчая всѣмъ событіямъ семейнымъ или частнымъ, вызывавшимъ духовное нравственное настроеніе, или что то же, передавая чувство свое и умиленіе душевное повѣстью Стиха. Оно отвѣчаетъ тому народному мірскому отдѣлу пѣсней, который изъ Былины сдѣлалъ Старину, изъ Сказанія Сказку, изъ Былевой пѣсни Бытовую, создалъ всю массу такъ называемыхъ пѣсней «Женскихъ,» усвоилъ и удержалъ пѣсни Дѣтскія, руководилъ всею «лирикой.» Но отъ Пѣсней мірскихъ оно отличалось опять тѣмъ, что исключительно въ извѣстное время и при извѣстной обстановкѣ держалось Стиха: Домашній Стихъ наступалъ тогда, когда смолкала Пѣсня, именно подъ праздники, постами и особенно въ теченіе всего Великаго Поста. А вмѣстѣ, такъ какъ оно было въ особенномъ, если не исключительномъ завѣдываніи женщинъ, равно какъ подроставшихъ при нихъ дѣтей,

---

[1]) Подробности объ этомъ въ нашихъ изданіяхъ, особенно такъ названномъ— „Калѣки Перехожіе (6 выпусковъ съ рисунками и нотами):“ не можемъ только не выразить сожалѣнія и удивленія, что, судя по всему, нынѣшнее духовенство вовсе почти не знакомо съ этимъ дѣломъ и оно безвѣстно даже изслѣдователямъ Церковнаго Пѣнія, тогда какъ послѣдніе нашли бы себѣ столько поучительнаго и разъясняющаго.

то оно еще болѣе переходило къ области чисто-народной, чуть замѣтными колебаніями почти сливаясь съ нею: это была своего рода домашняя церковь, храмъ хоромъ, вѣра внутренняго очага. Можно сказать съ увѣренностью, что каждый порядочный домъ нашей древности въ той или другой мѣрѣ обладалъ этимъ сокровищемъ; многія наши историческія княгини, княжны и боярыни въ письменности, а святыя въ житіяхъ, говорятъ явно Стихомъ или по Стиху; изъ семьи государевой мы знаемъ представительницъ этого рода отъ Ксеніи Годуновой до Евдокіи Лопухиной; когда женщины получили возможность своего рода общинъ внѣ семьи, въ мастерскихъ и на заводахъ мы знаемъ до послѣдняго времени тотъ же обычай Стиховъ Великопостныхъ; семьи старообрядцевъ всего шире и дольше удержали его до нашихъ дней, о чемъ еще скажемъ. Рано попали эти Стихи въ укописьі): тѣмъ самымъ, отъ слишкомъ частаго употребленія и параллельно такъ называемымъ «Пѣсенникамъ» мірскимъ, рукописи и книжки истрепались и истребились, а для мужчинъ и общаго употребленія съ конца XVII вѣка смѣнились заносными чужими, о которыхъ помянемъ ниже. Духовенство «бѣлое» подверглось сему же послѣднему искушенію: «черное» и власти меньше имѣли отношеній къ дому и семьѣ. Тѣмъ не менѣе, въ пору перваго яркаго сознанія, въ половинѣ XVII вѣка, дѣятели и знатоки музыки духовной обратили и сюда пристальный взоръ свой: записывали, передѣлывали, упорядочивали, приближая пѣніе къ церковному.

Такова вся эта полнота нашего Пѣснопѣнія «Духовнаго» въ древности: ей конечно отвѣчала полнота духовной жизни, служившая и вызовомъ, и отраженіемъ, и причиною, и послѣдствіемъ уцѣлѣвшихъ произведеній творческихъ. Не говоря о причинѣ и не дѣлая выводовъ, желаемъ только и просимъ на минуту оглянуться вокругъ себя: нѣтъ ли основаній пожалѣть объ утраченномъ, нѣтъ ли еще силъ пробудить заснувшее? По крайности, нѣтъ ли повода вспомнить, вспоминая торжествовать, торжествуя воскрешать вѣкъ, годы и часы, когда весь этотъ міръ завершил-

---

1) Къ числу ихъ, обдѣланныхъ по книжному, нужно отнести упоминаемые при требникахъ Кипріана и Макарія „мірстіи псальми.“

ся въ кругѣ своего развитія и пришелъ къ сознанію? Воскрешаемое сознаніе не въ силахъ ли воскресить насъ самихъ и въ насъ самихъ воскресить силы? Есть перерывы въ бытіи: ихъ нѣтъ въ сознаніи бытія, а сознаніе — самый сильный двигатель для бытія въ наше время.—Но, постепенно мы перешли ближе и ближе къ пѣнію Народному, или, въ противуположность духовнаго, къ пѣнію чисто-народному. Объ немъ слѣдуетъ сказать два слова, хотя бы для отличія.

Народное пѣніе въ его чистотѣ, отличаемое нами какъ Пѣсня, произведеніе мірскаго или свѣтскаго творчества, съ многочисленными его видами и отдѣлами, въ первобытныхъ и глубочайшихъ основаніяхъ своихъ, по времени и сущности, собственно одинаково съ Духовнымъ, даже Церковнымъ и Храмовымъ: доказательствомъ доселѣ однородность основной гаммы, въ употребленіи одинаковый унисонъ (единогласіе, одноголосность), одинакія условія для существующей при немъ гармонизаціи и партитуры (распредѣленія голосовъ), природной, творческой, первобытной, свободной. Отъ того для пѣнія Христіанскаго, усвоеннаго Церковью и окрѣпшаго въ Храмѣ, первобытно, а особенно въ Греціи, послужило основою и началомъ, хотя избранное и тѣмъ самымъ изящное, но то же пѣніе народное. Въ Греціи и подпадала эта область вліянію разныхъ періодовъ народности, сперва Эллинской языческой, потомъ Византійской, болѣе или менѣе смѣшанной, отчасти первобытной Славянской, позднѣйшей Малоазіатской и даже замѣтно Турецкой. У насъ, если Церковное и Храмовое пѣніе сдѣлалось съ теченіемъ времени, какъ сказано, не Греческимъ и Юго-Славянскимъ, а чисто-Русскимъ, то это по тому лишь и отъ того именно, что рядомъ, обокъ и постоянно шло пѣніе Народное, вліявшее со стороны своей на установку типа Русскаго: и на оборотъ, отъ того же, на примѣръ, не выработало своего самобытнаго типа Церковное пѣніе Руси Западной, особенно Бѣлой, при подавленномъ или отслоненномъ вліяніи народномъ, а Кіевское отчасти пріобрѣло мѣстныя отличія благодаря нахлынувшему народному пѣнію племени Малорусскаго, всего болѣе съ XVI вѣка и въ XVII-мъ. Какъ рѣзкій образецъ мы можемъ указать на то, что канонъ Пасхи (а по его вліянію послѣдовательно и Рожественскій, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ болѣе), извѣстно, не поется по Церковному,

Храмовому и книжно-нотному гласу, напротивъ совершенно народнымъ знакомымъ напѣвомъ, даже Дѣтскимъ по употребленію дѣтей: всего больше народъ стремится къ этому празднику, всего тѣснѣе наполняетъ тогда храмъ, всего чаще массами становится на клиросъ или подпѣваетъ всею толпою молящихся, всего полнѣе бываетъ проникнутъ въ эти минуты дѣтскимъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Народное пѣніе нынче отличается собственно самобытнымъ рисункомъ, то есть, пожалуй, «напѣвомъ (мелодіей, у иныхъ мотивомъ):» онъ совсѣмъ другой, онъ разошелся неизмѣримо, онъ развился далеко, и тѣмъ болѣе, что сдѣлался почти единственною собственностью, какая предоставлена была свободѣ народной и власти. Судьбы исторіи были здѣсь совсѣмъ иныя, и онѣ-то существенно измѣнили первобытное единое основаніе. Съ этой стороны Церковное пѣніе и представительнѣйшее Храмовое относится къ Народному крайне сходно съ тѣмъ, какъ письменность-литература къ словесности, языкъ книжный къ устному, сочиненіе къ пѣснѣ, музыка къ звукамъ, наука къ знанію, искусство изящное и художество къ первобытному творчеству, исторія, живущая послѣдовательнымъ преемствомъ и наслѣдствомъ началъ развитія, къ бытію, вновь и постоянно нараждающемуся. За однимъ было рѣшительно все, всѣ задатки, условія и преимущества къ послѣдовательному, постепенному, правильному и опредѣленному развитію въ исторіи до самой высшей вершины: наслѣдство того, что сдѣлано еще Евреями, тѣмъ больше Греками и Южными Славянами, и наслѣдство не въ летучемъ и зыбкомъ преданіи, не въ натурѣ только вещей, а въ искусствѣ и въ наукѣ съ памятниками наглядными; съ самаго начала письменность, «знамена»(звуковые знаки, пѣніе Знаменное,» знамена въ «Столпахъ» гласовъ (пѣніе Столбовое), самые «Гласы» въ опредѣленныхъ письменныхъ предѣлахъ, постепенное развитіе не въ одномъ матеріалѣ голоса или въ напѣвѣ, а въ самомъ начертаніи, въ переходѣ отъ знаменъ къ общимъ «Крюкамъ (пѣніе Крюковое)» съ сотнями объясненій сверху, снизу, съ поля, съ «помѣтами» внутри, выражавшими степень для звуковъ гаммы, съ размѣтами текста примѣнительно къ пѣнію, съ содержаніемъ въ точномъ, строго хранимомъ и осторожно лишь измѣняемомъ текстѣ, со «школами» пѣнія, не бездушными стѣнами, а живыми школами по областямъ и горо-

дамъ (Новгородская, Псковская, Усольская, Ростовская, Казанская, Московская, частнѣе—монастырскія, даже по извѣстнымъ лицамъ, напр. «Христіанинова»), съ намѣренно обученными тамъ людьми, отборными пѣвцами и знатоками, нарочитыми «хорами,» «головщиками» — регентами во главѣ, съ составленными «Азбуками,» «Граматиками» и прочими руководствами, съ подновлявшимся ученіемъ отъ пріѣзжихъ знатоковъ, съ покровительствомъ государства и бдительнымъ попеченіемъ духовенства, съ мѣстомъ служенія, жалованьемъ, доходами, средствами матеріальной жизни ради одного пѣнія, со спеціальностью занятій, срокомъ работъ, раздѣленіемъ труда, и т. д., и т. д. Ничего этого не имѣло пѣніе народное, текло внѣ всего этого: и осталось внѣ, и отдѣлилось неизмѣримо, предоставленное самому себѣ, устному слову, летучему — измѣняемому звуку, дрожащему воздуху, по коему летѣли звуки, подъ открытымъ небомъ вмѣсто крова школы и съ опытомъ среды народной вмѣсто намѣреннаго обученія, съ природою и наитіями первобытнаго творчества въ замѣнъ разсчитаннаго мастерства и искусства, съ талантливою отгадкою звуковыхъ сочетаній, тѣмъ болѣе талантливою, чѣмъ было менѣе положительнаго знанія. Рано и скоро оставили его инструменты —поддержка напѣва, и напѣвъ началъ измѣняться безъ границъ очертанныхъ; за разрушеніемъ напѣва терпѣлъ, распадался складъ, размѣръ, самый стихъ; съ истекшими періодами народнаго бытія зарастали былью цѣлыя его полосы и періоды, ускользало изъ жизни и памяти содержаніе; содержаніе съуживалось, чѣмъ уже становились предѣлы народности, пока народность, а съ нею самая пѣсня, перешла въ удѣлъ одного низшаго слоя, народа «простаго;» все, что̀ выше его, бросало и забывало пѣсню; пѣсня лишалась всякой помѣты вкуса образованнаго; собственныя порожденія народа, государство и общество, пошли «ихнимъ» путемъ, не производительно для отставшихъ назади родителей; соблазнъ жизни «иной» подрывалъ самыя корни жизни самобытной. Въ связи съ Церковью ещѐ могло быть отъ ней благодѣтельное вліяніе: оно поглощалось Стихами, въ чисто-народную область почти не достигало. Текстъ пѣсни еще попадалъ случайно въ письмо: цѣликомъ начали его записывать только съ XVII вѣка (и то по вызову иностранцевъ), когда уже зачинала подниматься главная соперница пѣсни—изящная литература, письменная

поэзія. Звуки пѣсни жили еще въ одномъ воздухѣ, когда въ письмѣ и печати разносились уже произведенія искусственной музыки на слова искусственной поэзіи. Взялись записывать изъ устъ на ноты—только въ XVIII вѣкѣ, а больше во второй его половинѣ: на ноты не свои, не Русскія, иностранныя, свычныя съ музыкой Западной. Слушало «образованное» ухо Нѣмецкое, Итальянское, Славянское, рѣже и позже Русское, а Русское занятое музыкою Западною, иныхъ основаній и сочетаній: за слухомъ уха писала и печатала рука, по печатному пѣлъ голосъ общества и, среди чуждой гармонизаціи, искажалось самое лучшее и послѣднее самостоятельное—напѣвъ пѣсни. Явились Русскія пѣсни, и встрѣчены рукоплесканіями, столь же похожія на Русскую Пѣсню, сколько концерты (не «херувимскія») Бортнянскаго и «переложенія» Турчанинова на подлинное наше Церковное пѣснопѣніе.

Итакъ по праву возстаетъ теперь передъ нами еще выше все величіе міра, созданнаго Пѣснопѣніемъ Духовнымъ, Церковнымъ и Храмовымъ: но, какъ бываетъ всегда въ дѣлахъ человѣческихъ, хотя бы они посвящены были на служеніе Богу, съ той же крайней вершины начинаются и потрясенія, перевороты, смуты и соблазны. Такъ случилось или неизбѣжно должно было совершиться и на Руси въ половинѣ XVII вѣка. —Москва, какъ и въ другихъ многихъ отношеніяхъ, успѣшно собрала къ себѣ областныя отличія, но не помирила ихъ. Разныя школы пѣнія только «заявляли» себя, но по прежнему распадались, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; адепты хвалились въ самой Москвѣ: «укоряющеся другъ друга поносятъ, себя кійждо величаетъ, и хваляся глаголетъ—Азъ есмь Шайдуровъ ученикъ (школы Шайдурова Новгородца), а инъ хвалится Лукошковымъ (другаго учителя) ученіемъ (Евфросинъ въ половинѣ XVII в.).» Постепенно, вслѣдствіе самого богатства, со временъ Стоглава установившіеся «пути» одного и того же основнаго пѣнія для одного и того же текста, или разные подборы и сочетанія способовъ пѣнія, «большой, средній и малый,» торжественный, праздничный и будничный; развитіе нотъ «Демественныхъ» и «Казанскаго знамени» въ разнообразіе и пополненіе простѣйшаго, болѣе строгаго, общаго «знаменнаго столповаго» пѣнія; обиліе отмѣнныхъ «напѣвовъ,» отсюда истекавшее и невольно завлекавшее, такъ что

уже гонялись за разнообразіемъ отличій: доходило до того, что знаменитый, на примѣръ, головщикъ времени Логгинъ училъ пѣть одно и то же «на семнадцать напѣвовъ разными знамены» или одинъ и тотъ же стихъ церковный по пяти-шести-десяти «переводамъ (редакціямъ пѣвческимъ)» и больше; очень естественно выходило,—«гдѣ ученики его ни сойдутся, тутъ и бранятся [1]);» наконецъ «роспѣвъ» одного и того же рода къ одной и той же темѣ прибавлялъ «разводы («ѳиты,» коими отличалось начало ихъ начертаній),» варіаціи. То, что̀ въ народномъ пѣніи, еслибы такъ записывалось, отвѣчало бы только природѣ, свидѣтельствуя о богатствѣ естества и не вызывая никакого раздумья кромѣ довѣрія и благодарности: то, въ пѣніи Церкви и Храма, которое все основывалось на канонѣ и правилѣ, вело сейчасъ и каждый разъ къ вопросу, — какъ же правильнѣе и лучше, какъ должно быть? Канонъ же и единство, теряясь въ разнообразіи, не вырабатывались вновь и для будущаго, не позволяли отгадывать, къ какому новому канону идемъ и прійдемъ. На вершинѣ искусства явилось уже такъ называемое искусство для искусства: «пѣніемъ нашимъ точію гласъ украшаемъ и знаменные крюки бережемъ (наблюдаемъ), а священныя рѣчи до конца развращенны противу печатныхъ, письменныхъ, древнихъ и новыхъ книгъ (Евфросинъ).» У мастеровъ являлась алчность и взаимная зависть, столь извѣстная міру искусства: брали «мзду велію и паче мѣры, и притомъ, какъ скоро замѣчали у себя ученика, остроумна естествомъ (талантливаго) и вскорѣ познающа пѣніе ихъ и знамя, тотчасъ скрывали отъ него добрые переводы (редакціи) или исправные списки..., и учили пѣть по перепорченнымъ и не съ прилежаніемъ, того ради, точію бы *единъ славенъ былъ отъ человѣкъ паче всѣхъ.*» Въ печати нотъ не было: а извѣстно, къ чему и къ какой порчѣ, при разнообразіи, доводила у насъ всегда переписка, въ настоящемъ случаѣ столь обширная и—даже дѣтская, ибо пѣли въ хорѣ мальчики, они же

---

[1]) Намъ попадались рукописи, большею частію подаренныя послѣ кн. Одоевскому, гдѣ, на примѣръ, въ одной книжкѣ помѣщалось до двадцати „Херувимскихъ“ и болѣе, съ названіями по монастырямъ, приходамъ, пѣвцамъ, даже „бархатная,“ „малиновая,“ „рыженькая“ и т. п. Пѣвцы обращались съ предметомъ уже по свойски и дружески, безъ церемоніи.

больше учились, и учили другъ друга, на нихъ же, какъ всегда, взваливали переписку тетрадокъ: «молодыя отрочата, учившеся пѣти у подобныхъ себѣ, а иныя писати, донынѣ списываютъ другъ у друга переводъ съ перевода, и тетрадки съ тетрадокъ, не зная добрѣ ни силу рѣчи, ни разумъ стиха, ни буквы вѣдая, и въ той перепискѣ, отъ ненаученія, или отъ недосмотра описываются (Евфросинъ).» Однимъ словомъ, та же самая картина, что̀ передъ нами въ многочисленныхъ пѣвческихъ хорахъ, при развившейся нынѣ Западной музыкѣ въ пѣніи разныхъ переложеній по тысячѣ тетрадокъ. При всколебавшихся основаніяхъ, при покачнувшихся столпахъ точнаго церковнаго «гласа,» разумѣется появилось «разгласіе (терминъ времени),» по нашему «розынь, рознить:» при партитурѣ легко ее тотчасъ остановить и возстановить, какъ только оказалась,—при тогдашнемъ унисонѣ она выдавалась еще рѣзче, но продолжительнѣе и съ упорствомъ, опиравшимся на свои права, безъ напоминаній нынѣшняго камертона. Въ противуположность тому, одновременно усилилась древняя и столь привычная язва нашего «служенія,»—«многогласіе:» то, на что̀ жаловался Соборъ Стоглавый, простиралось лишь на чтеніе, теперь же простерлось и на пѣніе. Если стали рознить церковные основные «гласы» вслѣдствіе измѣненій, сюда проникшихъ; если поющій «голосъ» начиналъ рознить отъ другаго: то естественно оставалось ему высвобождаться на особицу, однимъ голосомъ пѣть одинъ стихъ, а другимъ одновременно другой, особенно къ выгодѣ скорости, которая слишкомъ терпѣла отъ медленности всякихъ «разводовъ.» И вотъ, по свидѣтельству еще Гермогена, «вселися въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе..., голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ въ пять и въ шесть, и то нашего христіанскаго закона чуже.» Разумѣется, отъ того страдалъ и самый Богослужебный текстъ: при искусствѣ для искусства и порченномъ искусствѣ пѣнія, онъ дѣлился не по смыслу содержанія, не по внутреннимъ требованіямъ препинанія; удареніе отдѣльныхъ словъ совершенно измѣнялось и теряло свое мѣсто, ибо звукъ ударялъ или протягивался совсѣмъ на другомъ слогѣ; явилось непомѣрное растяженіе и повтореніе нѣкоторыхъ слоговъ или звуковъ, о которомъ сей часъ скажемъ и которое прямо извращало весь языкъ церковный, такъ что пѣвцамъ приходилось учиться тексту чтенія

особо, а нѣвческому тексту подъ нотами совсѣмъ другому; и это выдавалось тѣмъ рѣзче, что текстъ имѣлъ уже опредѣленныя, просмотрѣнныя, печатныя и однообразныя изданія. Помянутое растяженіе, въ первобытномъ происхожденіи своемъ, имѣло смыслъ того же «развода» или «попѣвки (по нынѣшнему модуляціи, трели, рулады, скорѣе фіоритуры, красные цвѣтки ad libitum),» когда, подобно теперешнимъ западнымъ солистамъ, можно было оставить тему, а подавно текстъ и, съ однимъ слогомъ слова или даже чистымъ музыкальнымъ звукомъ, совершать прогулку по области всевозможныхъ украшеній. Тамъ, гдѣ прекращался текстъ, при послѣднемъ его слогѣ, и гдѣ начиналось украшеніе одного звука, въ Болгарскихъ рукописяхъ, къ намъ перешедшихъ, ставилось слово Болгарское (древле-Славянское) «хубаво» или «хубевѣ,» сокращенно «ху,» то-есть—красиво, укрась, ударь на этомъ, отступи и блестящѣе разведи: слово это, какъ слово, извѣстно было и Русскому древнему, народному языку; какъ терминъ пѣвческій, оно утвердилось въ нотныхъ нашихъ рукописяхъ, но, сдѣлавшись уже непонятнымъ какъ слово, обратилось въ «хебоуве, хибоуви,» какую-то хитрую и роковую «хебую» или «хабуву,» какъ особое знамя нотное и знамя произвола, а между тѣмъ, въ сихъ формахъ, слово совпадало уже со словами неблаговидными въ народномъ говорѣ. По велительному знаку хабувы, начинали тянуть и разводить послѣдній слогъ слова (текста) или даже, бросивъ его, одинъ звукъ, впрочемъ все обзывая его опредѣленнымъ слогомъ, какъ нынче поютъ «а—а—а—э—э—э—о—о—о—ля—ля—ля—та—а—а,» а въ старину у насъ «э—э—э—не—и—не—не—не—на,» откуда явился еще новый способъ и терминъ—«Нейка, Найка, Нененайка.» Съ симъ вмѣстѣ естественно узаконялось право, по требованію лишней—противу слога—ноты и по произволу протягаемаго пѣвческаго звука, растягивать и удлинять самые слоги слова, цѣлое слово, цѣлый текстъ. Церковно-Славянскій и Болгарскій языкъ, по закону своему, читалъ, на примѣръ, «съгрѣшихъмъ—предъ тобою — не предаи насъ до конца» и т. п., произнося здѣсь и полугласныя, а слѣдовательно ставя и надъ ними извѣстную ноту, притомъ соблюдая долготу нѣкоторыхъ гласныхъ, стало быть ставя надъ двоегласными и ноту двойную, изъ двухъ музыкальныхъ единицъ: у насъ же полугласныя или не

произносились, или переходили ъ въ *о*, ь въ *е*, или двугласныя пропали, обратившись въ простую гласную, а во всякомъ случаѣ предстояло «огласить» вполнѣ эти полугласныя и собяюсти двойство другихъ гласныхъ, чтобы выдержать стоявшую надъ ними «лишнюю» ноту,—и вотъ явилось «согрѣшихомо—предо тобою—не предани насо до конеца,» или разводъ среди слоговъ—«я—а (протяженіе *а*, лежавшаго въ *я*)—ко—о—о—о (протяженіе долгаго *о*, о-мега) на—ча—а—а—а—а (протяженіе *а* двоегласнаго, изъ носоваго, и притомъ подъ удареніемъ) тъ—ъ (ъ произнесенный) кы—и—и—и—и—и—и (послѣднее *и* изъ долгаго ы (=яко начатки)» и т. п. Естественныя условія языка обратились въ условность ни съ чѣмъ несообразнаго пѣнія и обратно изуродовали у насъ текстъ. На языкѣ Русскомъ книжномъ и сознательномъ научномъ это явленіе, *со стороны текста*, получило имя «раздѣльно-рѣчія,» растяженія рѣчи по отдѣльнымъ слогамъ и звукамъ, противуположно «истинно-рѣчію» или «праворѣчію,» или «на правую рѣчь» и просто «на рѣчь,» то есть гдѣ бы каждый музыкальный звукъ отвѣчалъ бы каждому слогу и звуку рѣчи въ текстѣ; на языкѣ ходячемъ, въ употребительномъ всюду и наслѣдованномъ изстари терминѣ *пѣвческомъ*, называлось это пѣніемъ «хомовымъ;» при окончательномъ обрусѣніи и передѣлкѣ, съ насмѣшкою надъ уродствомъ, начали колоть приверженцевъ прозвищемъ «хомоніи» — какъ «симоніи» или пѣніемъ «Хамовымъ.» Въ самомъ же дѣлѣ, по происхожденію, это пѣніе «гаммовое» или «по гаммѣ,» то есть, безъ отношенія къ рѣчи текста, однимъ «голосомъ,» разводъ звуковъ по гаммѣ церковнаго «гласа,» въ какомъ пѣлась извѣстная рѣчь, по гаммѣ, господствующей въ немъ, или, какъ тоньше звали еще, «погласицѣ:» совпадающее съ обычаемъ Западной музыки, это явленіе и названіе—«гамма» вовсе, знаемъ, не Западное, а Греческое, усвоенное и Болгарами, вообще Славянами Южными, и намъ сначала очень хорошо извѣстное, по пріемѣ нотныхъ рукописей, такъ что въ «помѣтахъ,» употребившихъ при «знамени» или «крюкѣ» согласныя «буквы,» первою явился *г*, *глаголь*, то есть та же *гамма*, первая буква и особенность азбуки *нотной*, отличающая сію послѣднюю

отъ *азбуки* и *аза* рѣчи, слова [5]). При первомъ началѣ нашихъ рукописей нотныхъ или знаменныхъ, когда мы еще только переписывали принесенное и рабски ему слѣдовали, насъ не смущали лишніе противу рѣчи звуки и ноты, мы только списывали и приписывали пѣвческій значекъ «хухубаво—хубевѣ» или γ, ι, *γαμμα*, *гамма*, не вводя этихъ указаній въ само пѣніе и не измѣняя имъ текста, а потому старшія рукописи были «истиннорѣчныя,» «на рѣчь:» но, параллельно такой же точно исторіи самого языка и текста, *при обрусѣніи*, вопросъ долженъ былъ разрѣшиться, а указаніе музыкальное пришлось же по своему истолковать, осмыслить и выполнить. Такъ разрослись, вытѣснили прежнее и дошли до всего безобразія, руководимаго произволомъ, рукописи «хомовыя» съ пѣніемъ «хомовымъ,» именно съ XV-го до половины XVII-го вѣка. Извѣстно, ничто такъ не вводитъ въ заблужденіе, какъ терминъ, у другихъ сложившійся, наслѣдованный, на вѣру принятый, по своему—до науки—осмысленный, подлѣлываться по неволѣ принуждающій, въ полузнаніи развитый у себя домашнимъ искусствомъ. Писатели и знатоки XVII вѣка, не умѣя разъяснить источника и отдать себѣ отчетъ въ законности его начала, видѣли передъ собою только наличное уродство и въ негодованіи писали: «Безчисленно злая опись въ знаменныхъ книгахъ, рѣдко такой стихъ обрящется, который бы былъ не испорченъ въ рѣчахъ, во всякомъ знаменномъ пѣніи... Книги харатейныя были писанныя, и по нихъ было пѣто тако же, яко же глаголемъ—«на рѣчь,» а не яко же нынѣ многое обрѣтается: индѣ рѣчи, неприличныя послѣдующему разуму, приложены, а во иныхъ мѣстахъ нужнѣйшая гла-

---

Дм. В. Разумовскій въ своей исторіи, опустивъ изъ виду вопросы языка, съ которыми связано это явленіе, оставляетъ сущность сего послѣдняго безъ объясненій, „хомовое" производитъ отъ употребительнѣйшихъ слоговъ „хо" и „мо," а „хубаво," какъ испорченное, считаетъ „нотою, имѣвшею въ составѣ своемъ греческій слогъ χου" (во 2-мъ изд. онъ исправилъ это, но впалъ въ новыя неточности). Впервые высказывая въ печати выводъ нашъ, мы надѣемся, что онъ можетъ заинтересовать и филологовъ, ибо съ этой точки зрѣнія въ нотныхъ рукописяхъ имѣемъ документальное свидѣтельство, какъ произносились гласные и полугласные звуки у Болгаръ древнихъ и въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, какіе звуки имъ отвѣчали и образовались у насъ, и когда это произошло.

голанія разуму отъяты, и всякіе глаголы (рѣченія) буквами лишними (растянутыми) переломаны... Гдѣ бо обряшутся, въ Священномъ писаніи нашего природнаго языка, Словенскаго діалекта, сицевыя несогласныя рѣчи — *сопасо* (съпасъ), *во монѣ* (въ мънѣ), *вонуче* (вънуче; выходило «въ онучѣ»), *иземи* (изьми; выходило «и земи;» Евфросинъ).» Въ XVII вѣкѣ, самое, такъ сказать, богатство дома сведено было въ скорлупу: на вершинѣ искусства увидали просто невозможность пѣть — сознательно, добросовѣстно, отчетливо передъ искусствомъ. Кинулись снова исправлять «на рѣчь:» предстояло возстановить текстъ, знамена сократить (безъ ущерба гласу и напѣву), а это было уже не легко послѣ двухъ вѣковъ обратнаго, и широкаго, развитія. Москва, какъ всегда, пошла при этомъ впереди и, какъ прежде, изъ нея повсюду разносились собранныя разнорѣчія и разгласія, такъ теперь исправленныя единогласія и истиннорѣчія. Всѣмъ и по всей Россіи потребовалось отличное языковѣдѣніе, музыкальное знаніе, опытное искусство: разумѣется, очутились въ пучинѣ и пропасти—прямо съ самой вершины. «По тѣхъ же временехъ (хомоваго пѣнія),» говоритъ знаменитый современникъ, коего скоро встрѣтимъ, «начаша, царствующаго града Москвы, во всѣхъ градѣхъ и монастырѣхъ, и въ селѣхъ, знаменнаго пѣнія мало-искусніи мастеры, кійждо всякъ отъ себе, исправляти на правую рѣчь: и во единосогласіе не пріидоша. Ово же грубіи и зѣло мало ученіи на сіе великое (дѣло) дерзнуша: и, отъ того ихъ дерзновенія, вездѣ, во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, учинилось веліе разгласіе, (такъ) что и во единой церкви не токмо тріемъ или многимъ, но и двѣма пѣти стало невозможно.» Зашедши въ такое святилище, какъ Московскій Успенскій Соборъ, и въ такой праздникъ, какъ Благовѣщеніе, встрѣчали подобную сцену: «Одинъ говориль: *пой по новому* (на рѣчь). Другой отвѣчалъ: *не поемъ по новому, но по старому, како научихомся, тако и поемъ, а по новому не поемъ и не умѣемъ*. И опять говорилъ первый: *какъ ни будь пой, токмо не по старому, а по новому*. И долго потомъ они спорили, но одолѣли новолюбцы (Корнилій, случай 1657 года).»

Столь бѣдственна оказалась участь нашего Церковнаго Пѣснопѣнія, когда бы только торжествовать ему: частные или исключительные случаи, нами приведенные словами и выраженіями

современниковъ, при всей ихъ дробности, готовы были однако же подорвать основное достоинство творческаго типа, подкопать и ниспровергнуть все величавое зданіе. Важна была не порча, исторически закравшаяся, а закравшееся въ душу недоумѣніе, объявшій соблазнъ, мгновенно распространившійся трепетъ, эта «шатость,» которая мутитъ и мечетъ толпы. А между тѣмъ, какъ всегда почти бываетъ, къ бѣдѣ *домашней* подоспѣла бѣда *со стороны:* съ завоеваніемъ Руси Бѣлой и присоединеніемъ Малой, оттуда хлынулъ потокъ вліяній неожиданныхъ, событій небывалыхъ, притязаній и вопросовъ неслыханныхъ. То были колонизаторы Великой Россіи, искренно убѣжденные въ ея варварствѣ и невѣжествѣ, отважно несшіе съ собою свѣтъ и правду, готовые все передѣлать и переправить: ученые, писатели, пѣвцы, типографы, служаки, школяры и учители, представительныя духовныя лица для занятія высшихъ должностей, переводчики, секретари и т. д., со своими системами, школами, хорами, даже одеждами, выговоромъ, и т. д. Мы такъ часто говорили уже о громадномъ значеніи этой колонизаціи, и въ самомъ «Православномъ Обозрѣніи,» что для подробностей обращаемъ желающихъ къ прежнимъ статьямъ [6]): здѣсь же вкратцѣ, что касается пѣнія и нотъ. Церковнаго Пѣснопѣнія въ нашемъ смыслѣ, въ послѣдовательной и самобытной жизненной исторіи Русской, собственно не имѣла вовсе Западная Россія, ни въ Сѣверной (Бѣлой), ни въ Южной (Малой) половинѣ: какъ самая жизнь Русская подъ Литвою и Польшей, такъ пѣніе православное подъ католичествомъ, уніатствомъ и отчасти протестантствомъ, держалось только связью съ древностію отдаленной, а связь устнымъ лишь преданіемъ и привычкою; оторванное отъ Россіи Великой, оно испытало дѣйствительный перерывъ самостоятельной жизни; основное и лучшее появлялось здѣсь лишь случайно, какъ заемъ отъ насъ сосѣдей или наше вліяніе. Между тѣмъ, слой за слоемъ, волна за волной, вторгалось туда вліяніе музыки церковной Западной, именно музыки въ узкомъ смыслѣ, съ помощію «органа» и другихъ орудій, отъ

---

[6]) „Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ," „Юрій Крижаничъ;" „Типографская библіотека," „Кал. Перех." и др

Латинства чрезъ Унію, отъ Уніи чрезъ Православіе во всю жизнь и въ заведенныя съ XVI вѣка особыя Православныя Школы. Школярность вводила науку, но не свою, выросшую изъ жизни, а занятую съ чужи: для самаго успѣха обученію и для легкости, въ противуположность нашимъ знаменамъ «безлинейнымъ,» введена система западная «линейная,» съ западными же нотами или начертаніями звуковъ. «Кіевское знамя,» къ намъ перешедшее и такъ по нашему обычаю названное, есть Западная Церковная линейная нота съ именами «утъ, ре, ми» и т. д. Если подъ нее попалъ какой либо древній православный «гласъ,» то лишь по памяти преданія и привычкѣ укоренившейся, не по сознанію и руководству памятниковъ, а гораздо больше по воздѣйствію пѣнія «народнаго,» принесеннаго Малорусскимъ племенемъ, его народными Пѣснями и Стихами, его слѣпцами-пѣвцами-музыкантами, кобзарями-бандуристами-рыльниками. Такъ называемое «Греческое пѣніе,» тамъ же и въ ту же пору появившееся, основалось по вліянію на Братскія Школы пріѣзжихъ владыкъ, дидаскаловъ и ученыхъ Грековъ, удовлетворявшихъ возникшей жаждѣ общенія и необходимому стремленію, въ отпоръ врагамъ, связаться тѣснѣе съ патріархатомъ Константинопольскимъ: то не было вовсе пѣніе старо-Греческое, намъ нѣкогда черезъ преемство Славянъ усвоенное, а болѣе новое, съ помянутымъ Малоазійскимъ характеромъ. Съ другой стороны, тѣмъ сильнѣе перевѣшивали тамъ означенные Стихи, не Церковные, не Храмовые и Богослужебные, а допущенные наконецъ Католичествомъ и Уніей въ удовлетвореніе отверженныхъ мірянъ: Стихи не наслѣдованные отъ древности, не сложенные, какъ у насъ, въ средѣ народной по вызову духовнаго настроенія, а сочиненные писателями, положенные на музыку и пѣніе музыкантами; такіе же точно Стихи общественные и домашніе, пренебрегши храмовыми и церковными какъ—католическими, вводило усердно и Протестантство, столь сильное тамъ въ XVI—XVII вѣкѣ. Вмѣстѣ съ симъ, Протестантство вносило съ собою, въ отпоръ музыкѣ Церковной — Латинской, начала музыки Западной — свѣтской или общественной, тогда только начавшей разыгрываться въ Европѣ, искусственной — художественной — личной, не Народной, и не Церковной — Храмовой. Отсюда преимущественная гармонизація, отсюда партитура, дѣленіе на «parties,» на слажен-

ные голоса: съ тѣхъ поръ это постоянныя отличія пѣнія Западнорусскаго. Не худо это само по себѣ, въ сферѣ «общаго» искусства: а худо то, что это дѣло, при текстѣ Священномъ, Храмовомъ, Церковно славянскомъ, Русскомъ, совершалось по основаніямъ музыки совсѣмъ иной, не по тѣмъ, кои лежали въ нашемъ исконномъ типическомъ пѣніи Церковномъ и Народномъ. Самыя начертанія на тамошнихъ линейкахъ, если нѣсколько отличны отъ тогдашнихъ современныхъ Католическихъ [1]), то это не столько дѣло тамошнихъ Русскихъ, а тѣмъ болѣе не дѣло наше, ибо мы послѣ руководились здѣсь только выборомъ и улучшеніями, подавно не произведеніе древности мѣстной, а новое производство тогдашнихъ Западно-русскихъ Протестантовъ, въ области сочиненныхъ—книжныхъ духовныхъ Стиховъ. Не на что было православнымъ опереться въ противодѣйствіи потоку: напрасно Братскія Школы, водимыя православнымъ чувствомъ, «проклинали» пѣніе «искусное многоголосное (партесное и новую гармонизацію):» они сами постепенно, и скоро, его приняли. Кіевъ школами соревновалъ здѣсь Луцку, Луцкъ Вильнѣ, Вильна Несвижу, Слуцку, Гданску, и т. д. Не церковные и не народные, Стихи изъ общества и дома-семейства вынуты, сосредоточены больше всего въ школѣ: школа, школа православная, стала представителемъ и поборникомъ православныхъ и всякихъ духовныхъ началъ за народъ, за семью, за общество остальное. Школы, школяры и школьники подхватили достояніе Стиховъ, сочиняли, пѣли, составляли хоры, разносили по всему лицу Руси Западной: это знаменитые Псáльмы, Канты, Кантычки, многія тысячи тетрадокъ и книжекъ. Чудная смѣсь рѣчи священной, храмовой, народной, придуманной книжной; языковъ Церковнославянскаго, Русскаго, Бѣлорусскаго письменнаго, Малорусскаго народнаго, Польскаго, Латинскаго, немного Греческаго; Богъ, Христосъ, Святые рядомъ съ Аполлономъ, Музой, Граціями; педантизмъ съ вульгарностью; интеллигенція для мірянъ, профанація священнаго; линейки, ноты разныхъ начертаній, «партесъ,» осколки уцѣлѣвшихъ церковныхъ мелодій, отрывки народныхъ напѣвовъ, отзывъ мазурки, краковяка, мятелицы, козачка, вставки цѣликомъ

---

[1]) Что замѣтилъ и Дм. В. Разумовскій.

изъ всевозможныхъ композиторовъ; Stabat Mater—Стала Матка—Мать стояла—одного напѣва съ вымышленнымъ прощаніемъ, не Матери съ Сыномъ, а козака съ дѣвчиной — «Ихавъ козакъ за Дунай.» Здѣсь-то исходное начало и всѣмъ послѣдующимъ, такъ называемымъ «духовнымъ концертамъ.» Чрезъ Братскіе хоры и духовенство печать тѣхъ же школъ на пѣніи храмовъ: самыя старшія нотныя печатныя книги Львова и Кіева проникнуты болѣе или менѣе тѣмъ же господствующимъ характеромъ; поющіе практики, хотя бы съ клиросовъ, были уже полными его адептами во всѣхъ пріемахъ и привычкахъ.—Рано или поздно, все это съ колонизаціей должно было явиться и водвориться къ намъ: какъ всегда, ускорило вліятельное лицо, воздвигся Никонъ. Онъ засталъ минуту самаго рѣзкаго, помянутаго, нестроенія въ пѣніи церковномъ: по естественному православному чувству, видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ наличное безобразіе; по воспитанію своему и степени образованія, всего менѣе могъ распознать источникъ зла, отличить случайное отъ законовъ и основъ, указать путь самой сущности къ выходу изъ формъ непривлекательныхъ. Помимо личнаго характера, которому никто не судья, зная природные таланты, высокій умъ, искреннюю ревность, подручную начитанность патріарха, не скажетъ же, надѣемся, никто, что въ равной мѣрѣ доступны были ему свѣдѣнія науки, даже современной ему, или высокъ былъ очень уровень его образованности сравнительно съ окружавшимъ. Такія лица всегда и вездѣ, при встрѣчѣ путаницы, бросаются скорѣе къ ближайшему выходу, увлекаются скоростью рѣшенія, поддаются прелести готоваго, и бѣда, если еще оно носитъ видъ или титулъ науки, искусства, школы, столь внушительный, столь мало знакомый: несокрушимая энергія личной силы пособляетъ довершить крутой переворотъ. Такъ поступилъ онъ въ вопросахъ исправленія текста, такъ въ типографіи, совершившей при немъ поворотъ, такъ въ пѣніи и нотахъ: тѣ же, какъ тамъ и въ другихъ случаяхъ, колонизаторы, выходцы, пришельцы съ Руси Западной явились ему точными исполнителями. Съ 1651 года, въ 52-мъ, 56-мъ, 57-мъ и далѣе, партія за партіей, прибываютъ къ Москвѣ Западно-Русскіе, всего больше Кіевскіе пѣвчіе, «вспѣваки» и «спѣваки;» посылаютъ и туда учиться; и оттуда, и въ Москвѣ насъ учатъ; прибылъ и славный Коленда, и при Полоцкомъ, для его

стихотворной Псалтыри, подборъ своихъ дѣльцовъ, и, наконецъ, позднѣе, самъ знаменитый, слава вѣка, Дилецкій, Кіевлянинъ-Виленецъ, выученикъ «искуснѣйшихъ художниковъ,» въ томъ числѣ «церкви Римскія» и «творца» въ контрапунктѣ Замаревича, самъ учитель и творецъ всякихъ «мусикій.» Принесены, водворились тетрадки, книжки, линейныя ноты изъ Кіева, Могилева, Витебска, Вильны; въ Новгородѣ, Иверскомъ Монастырѣ, Московскихъ Соборахъ, Патріаршей церкви, въ хорѣ придворномъ, въ Новомъ Ерусалимѣ послышалось и процвѣло пѣніе «сладкогласное,» «одушевленное,» «избранное,» «предивное,» «многоусугубляемое,» «по партесу,» «во вся строки (parties, откуда въ слѣдъ за тѣмъ ноты и рукописи «строчныя,» гдѣ «строка» отвѣчала отдѣльному голосу),» подъ управленіемъ «регентовъ,» въ исполненіи отборныхъ, и самыхъ разнородныхъ художниковъ, ибо подъ покровомъ Никона «пребываху иноземцы, Греки и Поляки, Черкасы (Малоруссы) и Бѣлорусцы, и новокрещенные Нѣмцы и Жиды, въ монашескомъ чину и въ бѣлецкомъ (Шушеринъ).» Тщетно, послѣдуя Гермогену, не терпѣвшему этого «Латинскаго пѣнія,» патріархъ Іосифъ, услыхавши подобное, нарочито запрещалъ употреблять его своему преемнику; видимо колебался, хотя и допускалъ, благодушный царь Алексій: время брало свое, и Никонъ, къ чести его и въ заслугу, угадалъ симъ поворотную минуту, когда легко было привить къ намъ Западное искусство, дабы изъ борьбы выработалось что ни будь высшее впослѣдствіи; съ этой стороны онъ былъ передовымъ человѣкомъ эпохи, хотя и не сознавалъ того. А между тѣмъ во всякомъ случаѣ это прибавило новыя стихіи смятенія въ тогдашній водоворотъ соблазновъ.—Кромѣ сего для Никона же принесены первыя нотно-линейныя книги съ позднѣйшимъ «роспѣвомъ Греческимъ,» которому вообще и постоянно покровительствовалъ патріархъ, для котораго собралъ столько данныхъ изъ путешествія Суханова и который утвердили у насъ пережившіе патріарха пріѣзжіе враги его, всего болѣе въ ту пору усилившіеся. — Вопросы усложнились крайне, положеніе стало невыносимо: толчокъ къ выходу, сами еще впрочемъ не зная—куда, дали собственно тѣ же пришельцы. Переводя въ нынѣшнемъ смыслѣ или нашими словами, они гласили громко: Что въ вашемъ знаменитомъ и зна-

мѣномъ пѣніи? Посмотрите, дошло до какого безобразія! Бросьте невѣжество свое, поклонитесь нашему искусству!—А въ слѣдъ за ихъ словами и дѣломъ, вознегодовавъ еще раньше того на исправленія и новизны другія, тревожась толками объ исправленіи «на рѣчь,» смущенная теперь сладкогласіемъ партеса и даже Греческимъ роспѣвомъ, который поддерживали пріѣзжіе строгіе обличители, цѣлая масса недовольныхъ, столь однако дорогихъ для Церкви, отступала рѣзче и рѣзче «въ расколъ.» — Минута настала критическая; медлить больше нельзя было: созданный ею и всѣмъ вѣкомъ, явился спасителемъ и руководителемъ къ пристани передовой человѣкъ эпохи, къ которому доселѣ шли мы постепенно въ своемъ очеркѣ. Это былъ Александръ Мезенецъ, житель Москвы, скромный инокъ, музыкантъ въ душѣ, высокій ученый своего дѣла, знатокъ всего нашего пѣнія вообще и практикъ-пѣвецъ, поборникъ Православнаго пѣнія Церковнаго, возстановитель, преобразователь Храмоваго-Богослужебнаго, примиритель основъ досточтимой древности съ правами новой жизни. Когда не принесла практическаго успѣха окружная увѣщательная грамота царя, и *первая* коммиссія, имъ назначенная, изъ 14-ти «дидаскаловъ (музыкальныхъ ученыхъ), отлично знавшихъ церковное пѣніе,» была прервана въ дѣйствіяхъ своихъ послѣдовавшими войнами, тревожными вопросами политическими и моровою язвою, а существеннѣе, кажется, разногласіемъ разнородныхъ членовъ, тянувшихъ въ разныя стороны; когда самый соборъ 1666—7 года заповѣдалъ «гласовное пѣніе (пѣніе гласовъ) пѣти на рѣчь,» указавъ настоятельную необходимость поспѣшнаго исправленія: колебавшійся дотолѣ Алексій, убѣжденный по видимому всего больше и развязанный на свободу паденіемъ своего прежняго строптиваго любимца, стоявшаго за «партесъ,» рѣшился составить, по совѣту съ Іоасафомъ, «собраніе» или *вторую* коммиссію совершенно новую, особаго состава. Во главѣ ея сталъ извѣстный, просвѣщенный человѣкъ времени, соединявшій и любовь къ древности, и новыя начинанія въ подвластномъ ему Крутицкомъ Братствѣ, начальникъ и Типографіи Московской, и противуборецъ Никона, самъ державшій у себя большой Крутицкій пѣвческій хоръ, Митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ: онъ собралъ вокругъ себя только *шесть* чело-

внѣ, но «мастеровъ, добрѣ вѣдущихъ знаменное пѣніе.» Много было въ связи съ этимъ предпріятіемъ и другихъ Москвичей, образованныхъ и въ родной старинѣ, и въ наукѣ смысла болѣе широкаго, — довольно напомнить тогдашнихъ дѣятелей одной уже Московской Типографіи [*]): но душею всего явился Александръ Мезенецъ, по справедливости заслонившій прочихъ своимъ именемъ и дѣломъ. Невѣжественными выходками и тупой самоувѣренностью представителей «партеса,» опиравшихся единственно на гармонію и ноту въ линейкахъ, а между тѣмъ порочившихъ священнѣйшее дѣло нашихъ священныхъ пѣснопѣній, онъ былъ затронутъ до глубины души: какъ археологъ, ученый музыкантъ и практикъ, онъ зналъ очень хорошо, что не только линейки и начертанія въ нихъ, но и сама гармонія съ партесомъ есть собственно одна только внѣшность относительно внутренней музыкальной сущности и законовъ ея; что новая форма, при извѣстныхъ условіяхъ, легко осуществима въ нашей собственной области, но и прежняя, выработанная опытомъ, концепція нашего цѣлаго и, такъ сказать, нажитое творческое тѣло для выраженія православнаго духа въ звукахъ, не только не ниже принесенныхъ обновленій, но даже цѣлесообразнѣе въ примѣненіи ко внутренней жизни; наконецъ, что семь нашихъ вѣковъ въ исторіи этого дѣла, да десять или больше старшихъ, Славянскихъ и Греческихъ, съ которыми мы связаны непрерывнымъ преемствомъ и наслѣдствомъ, представляютъ собою міръ далеко глубже, шире, выше и полнѣе, чѣмъ скороспѣлая пересадка чужихъ стихій и пріемовъ, мелкая отрывочность собственныхъ началъ самобытныхъ, да измышленіе нѣсколькихъ сочинителей—композиторовъ, собранныхъ въ пеструю хрестоматію какими ни будь двумя вѣками,—то, что̀ принесла съ собою къ намъ Русь Западная. Вотъ достопамятныя, горькія и полныя достоинства, слова его: «И нынѣ нѣцыи, возникшіе отъ новѣйшихъ пѣсно-снискателей, круподушествующе и блазняцеся о семъ (дѣлѣ пѣснопѣній), кромѣ ученія, наше старо-россійское

[*]) См. объ нихъ въ „Прав. Обозр.“: „Юрій Крижаничъ.“

знаки, дерзающи, порицаютъ и укоряютъ, наипаче же реци, весьма охуждаютъ; глаголюще: яко неудобо-лѣпно, ниже вмѣстно сему нашему знамени, и сокровеннымъ лицамъ въ пѣніи, изящнымъ быти противо нотнаго знамени.» Мезенецъ писалъ книжнымъ языкомъ эпохи, со множествомъ [illegible]ловныхъ терминовъ своей науки, и въ добавокъ о дѣлѣ, знакомомъ близко и въ наше время для немногихъ: рѣчь его изслѣдованій весьма сходится, на примѣръ, съ современнымъ ему, столь же техническимъ, сочиненіемъ урядника о сокольничьемъ пути (si licet parva componere magnis, помимо содержанія). Потому не лишне перевести съ объясненіями: «И нынче нѣкоторые, появившіеся изъ числа новѣйшихъ «сочинителей» въ области пѣнія (иронія: не только композиторовъ самобытныхъ, но собственно «собирателей» чужаго, не вѣдающихъ творчества историческаго, церковнаго и народнаго), пускаются въ мелочи (мелкою душой своей) и, соблазнясь, заблуждаются въ семъ дѣлѣ, стоя внѣ науки. Они дерзко порицаютъ и укоряютъ, даже, можно сказать, совершенно охуждаютъ нашу старо-русскую «знаменную» систему искусства, говоря, будто наши знаменныя начертанія и скрытые въ нихъ (лежащіе подъ ними) внутренніе образы пѣнія (составляющіе сущность его) не годятся, не лѣпы, не совмѣстны, со стороны изящества, если приложить ихъ къ новой линейной системѣ и «нотамъ» ея, или сравнить съ сими послѣдними (сравнительно съ ними, наша область будто бы уступаетъ, въ дѣлѣ изящнаго искусства, до того, что является негодною, нелѣпою, неумѣстною).»—Итакъ, задачею Мезенца было: отстоять все достоинство нашего основнаго Церковнаго, и особенно Храмоваго, пѣнія; дать ему такой видъ, который бы отвѣчалъ сему достоинству, а для того очистить вкравшіеся недостатки, заблужденія, смѣшанности, и преобразовать въ новомъ порядкѣ; указать и опредѣлить возможность пользоваться впредь до безконечнаго развитія, употребляя основныя начала въ преобразованномъ видѣ, согласно всѣмъ текущимъ и новымъ потребностямъ жизни; а все это, разумѣется, какъ научно и убѣдительно для знанія, такъ и практически, легко и удобно для приложенія. Задача громадная, по видимому превышавшая всякую мѣру личныхъ силъ. Предъ собою, отъ прошлаго, имѣлъ онъ только груду матеріала,

въ тысячѣ памятниковъ, отчасти пострадавшихъ, да окружающее употребленіе — пошатнувшееся или искаженное, а теорію весьма слабую, руководства немногочисленныя и краткія, считая въ томъ числѣ и отличное, но не многостороннее и спеціальное въ своихъ частностяхъ, руководство (или граматику) Шайдурова, съ которымъ мы скоро еще познакомимся. Съ Мезенцемъ же, въ нашемъ дѣлѣ, мы привѣтствуемъ первый періодъ *сознательный*, первую ясную теорію и *науку въ истинномъ смыслѣ*.

П. Безсоновъ.

(До слѣдующей книжки).

ПАМЯТИ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО.

Въ день новолѣтія, 1 января 1872 года, Россія праздновала столѣтнюю годовщину со дня рожденія *графа Михаила Михаиловича Сперанскаго*. Кому изъ образованныхъ русскихъ людей (хотя еще не народу) неизвѣстно имя этого великаго государственнаго человѣка, подъявшаго столько трудовъ и оказавшаго столько заслугъ на пользу отечества, — имя слившееся съ двумя царствованіями и какъ бы вплетшееся въ два царственныхъ вѣнца!

Но намъ—*духовнымъ*—особенно должна быть близка и дорога память знаменитаго историческаго дѣятеля. По самому происхожденію, Сперанскаго можно причислить къ духовному сословію. Сынъ сельскаго священника, онъ былъ воспитанникомъ сначала владимірской, потомъ с.-петербургской (съ нѣсколько высшимъ курсомъ) Александро-невской семинаріи: въ первой любимый начальствомъ и товарищами, характеристично прозвавшими его за острыя способности «Спасовы очи», Сперанскій окончилъ курсъ ученія *первымъ*; въ послѣдней онъ прошелъ лишь старшіе классы, слушая науки богословскія и философскія, также высшую математику, въ которыхъ успѣлъ опять *больше всѣхъ* (отзывъ м. Гавріила), и приготовляясь самъ къ учительской должности [1]). Старая классическая *духовная* школа, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и схоластическомъ направленіи. имѣла и тогда великую образовательную силу, постепенно, незамѣтно для нихъ

[1]) Въ Александро-невскую „главную“ семинарію тогда были вызываемы лучшіе ученики изъ извѣстныхъ провинціальныхъ семинарій именно для приготовленія къ учительской должности въ высшихъ классахъ свое-епархіальныхъ семинарій.

самихъ развивая молодые таланты и приучая ихъ къ самодѣятельности и трудолюбію.

По окончаніи курса въ Невской семинаріи, Сперанскій, съ зачисленіемъ къ с.-петербургской епархіи, оставленъ былъ при этой же семинаріи и прослужилъ въ ней четыре съ половиной года учителемъ сначала математики, потомъ физики и краснорѣчія, наконецъ и философіи, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ еще префектомъ (инспекторомъ). Въ это время Сперанскому было около 25 лѣтъ. Богатыя природныя дарованія его развертывались всесторонне: благообразная наружность, даръ слова, пріятный голосъ, счастливая память, живое воображеніе, тонкій умъ, жадная любознательность, неутомимое прилежаніе, характеръ мягкій—вотъ достоинства, съ коими онъ готовился вступить въ свѣтъ. Какъ видно, молодой человѣкъ не мало задумывался надъ избраніемъ себѣ жизненнаго пути, и дѣлился своими думами въ особенности съ однимъ изъ своихъ друзей, товарищемъ и нѣкоторое время сослуживцемъ по семинаріи, Словцовымъ [2]). Митрополитъ Гавріилъ убѣждалъ Сперанскаго вступить въ духовное званіе, навѣрное — даже принять монашество, какъ видно изъ указаннаго стихотворенія С—ва, князь Куракинъ (къ которому онъ приглашенъ былъ въ качествѣ домашняго секретаря, а вскорѣ потомъ, вѣроятно, ему поручено было и занятіе съ дѣтьми князя) — выйдти въ свѣтское званіе, предлагая ему теперь же мѣсто въ генералъ-прокурорской канцеляріи. Благословившись у своихъ родителей, съ истинно-христіанскою преданностью Промыслу,—благороднѣйшая черта души, живо проявлявшаяся у него всегда, какъ на верху счастія, такъ и въ тягчайшихъ жизненныхъ испытаніяхъ,— Сперанскій послѣдовалъ второму пути,

---

[2]) П. А. Словцовъ, также одна изъ необыкновенныхъ личностей того времени, былъ— родомъ сибирякъ, по окончаніи курса —учителемъ въ тобольской и затѣмъ въ петербургской (философіи, краснорѣчія и математики) семинаріяхъ. Онъ писалъ дружеское стихотвореніе Сперанскому, въ которомъ отсовѣтовалъ ему идти въ монахи, хотя бы и манило его къ тому скорое архіерейство (оно напечатано въ январской книжкѣ *Русской Старины* за настоящій годъ, стр. 81): въ послѣдствіи и самъ онъ, получивъ уже разрѣшеніе на поступленіе въ монашество, передумалъ и вышелъ на гражданскую службу, не отличавшуюся впрочемъ особеннымъ счастьемъ.

и вотъ вмѣсто дѣятеля на духовно-церковномъ поприщѣ, въ родѣ напримѣръ Платона или Филарета, мы имѣемъ замѣчательнаго государственнаго мужа, графа росс. имперіи Сперанскаго. Пожалѣемъ ли объ этомъ? Нисколько,—тѣмъ болѣе, что М. М. Сперанскій сдѣлалъ очень много истинно добраго и полезнаго и для родственнаго ему духовенства, что навсегда увѣковѣчитъ его имя на страницахъ исторіи отечественной Церкви.

Да, между тѣмъ какъ свѣтское общество чествуетъ графа М. М. Сперанскаго, какъ геніальнаго реформатора и организатора разныхъ отраслей государственнаго управленія (опередившаго свой вѣкъ и потому не понятаго имъ), собирателя и огласителя русскихъ гражданскихъ законовъ, учредителя министерствъ и государственнаго совѣта, родоначальника нашихъ юристовъ и финансистовъ, въ идеяхъ и планахъ котораго коренятся многія, благословляемыя нами, современныя общественныя реформы [1]), мы, въ благодарное воспоминаніе о немъ, остановимъ свое вниманіе на тѣхъ чертахъ изъ его жизни и дѣятельности, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ духовному образованію и проводникамъ его—духовнымъ училищамъ.

Памятникомъ дарованій и трудовъ Сперанскаго на учительскомъ поприщѣ, въ немногіе и ранніе годы его жизни, остались «Правила высшаго краснорѣчія», изданныя уже послѣ его смерти (въ 1844 г.) и «Записки по физикѣ», начало коихъ напечатано было въ прошломъ (1871) году (въ 3 книгѣ *Чтеній* московскаго историч. общества, подъ заглавіемъ: «Физика, выбранная изъ лучшихъ авторовъ, расположенная и дополненная невской семинаріи философіи и физики учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ»). Для насъ весьма интересно хотя вкратцѣ прослѣдить, какъ смотрѣлъ на предметъ и задачу своего преподаванія учитель духовной семинаріи въ 1794—96 годахъ. «Надобно прежде исчерпать все посредственное, чтобы потомъ написать что нибудь истинно краснорѣчивое, пишетъ молодой ораторъ. Это потому,

---

[1]) Находясь уже въ опалѣ и изгнаніи, Сперанскій самъ писалъ изъ Перми Императору Александру: „*финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя*, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть вашимъ исполнителемъ, *все оправдается временемъ*."

что все наилучшее въ знаніяхъ всегда лежитъ, такъ сказать, на днѣ; это потому, что умъ нашъ утончевается постепенно, и утончевается соотвѣтственно своимъ упражненіямъ. Тысячи изображеній нравились намъ въ первыхъ опытахъ нашего пера. Они имѣли для насъ удовольствіе новости; они ласкали нашему самолюбію, ибо они были, такъ сказать, первенцы нашего ума. Но мы поступили далѣе, и теперь ихъ презираемъ; мы поднялись на высоту, съ которой, взирая на сіи первыя покушенія, смѣемся и себѣ и имъ... Напиши сто небольшихъ сочиненій; прочитай ихъ съ доброю критикой; брось ихъ потомъ въ огонь и продолжай дальше писать. Первое, послѣдующее за ними, твореніе положитъ эпоху твоего краснорѣчія и ты можешь быть увѣренъ, что совершилъ первый къ нему шагъ. Я знаю, что сіе правило покажется строго; я вѣрю, что это ударъ для самолюбія. Но не надобно себя обманывать, говоритъ Лонгинъ» (Прав. в. к., стр. 45, 48). М. М. Сперанскій, замѣчаетъ по этому поводу г. Чистовичъ, задаваясь вопросомъ, отъ чего самъ авторъ не издалъ свои «Правила» въ свѣтъ тогда же (въ статьѣ своей «Въ память графа М. М. Сперанскаго», въ декабр. кн. *Христ. Чтенія* за 1871 г.), былъ строгъ къ себѣ, можетъ быть — слишкомъ. Уроки его о краснорѣчіи во всякомъ случаѣ выше всего, что мы имѣли въ то время оригинальнаго по части теоріи краснорѣчія. Недостатки нѣсколько вычурнаго и переплетаемаго славянизмами языка, довольно тяжеловатая рѣчь и обращеніе къ образцамъ исключительно французскимъ—общее ему съ другими; но тонкость критики, чистота и изящество вкуса, глубокій психологическій анализъ, строгая логическая раздѣльность понятій, ясность и живость представленія, одушевленность изложенія и, наконецъ, пріемы, возвышающіе его, какъ настоящаго профессора, надъ учителями-риторами, составителями или собирателями рутинныхъ правилъ сочиненія, все это такія достоинства, которыя сдѣлали бы честь профессору краснорѣчія и въ другое время, знакомое съ лучшими теоріями и образцами краснорѣчія. Сперанскій и самъ, будучи еще семинаристомъ Невской семинаріи, говаривалъ, наравнѣ съ нѣсколькими другими — лучшими изъ своихъ товарищей, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, проповѣди въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Вотъ что свидѣтельствуетъ Словцовъ о произнесенномъ Сперанскимъ словѣ о *страшномъ судѣ*

въ мясопустную недѣлю 1791 г., не задолго до окончанія своего курса: «Проповѣдь эта была такъ увлекательна, что убѣжденіе видимымъ образомъ выражалось на лицахъ слушателей, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствовали одушевленныя черты юноши-проповѣдника, мелодическій его голосъ и изливавшееся въ его словахъ собственное сердечное умиленіе.» Есть указаніи еще на два слова его: въ недѣлю осьмуюнадесять, произнесенное тоже въ 1791 году 8 октября, на текстъ: *не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя*, которымъ авторъ «какъ бы предсказывалъ собственныя свои судьбы», остроумно замѣчаетъ извѣстный жизнеописатель его баронъ (теперь уже и самъ графъ) М. А. Корфъ («Жизнь гр. Сперанскаго, т. I, стр. 29, самое это слово недавно найдено было въ бумагахъ прот. Самборскаго) и *о воспитаніи*. Но если самъ Сперанскій любилъ блестящій, даже нѣсколько изысканный слогъ, и въ такомъ именно тонѣ изъяснялъ теорію церковнаго проповѣдничества своимъ слушателямъ; то, увлекая ихъ къ подражанію себѣ, онъ не успѣлъ передать имъ своего вкуса, который предохранилъ его отъ надутой высокопарности (*Чистовичъ*, въ «Исторіи с.-петерб. дух. академіи», стр. 81). «Сія наука, говорится во введеніи къ физикѣ, открываетъ намъ безконечное поле познаній, — паче тѣмъ болѣе расширяющееся, чѣмъ далѣе мы въ него проходимъ: итакъ не должно себя ласкать, что мы приступаемъ теперь измѣрить все его пространство. Нѣтъ, мы хотимъ только открыть путь, по коему надобно идти. Утвердивъ себя въ главныхъ началахъ и совершивъ обыкновенный кругъ сея науки, мы только поставимъ себя въ состояніе разумѣть творенія великихъ людей въ семъ родѣ; мы станемъ при дверяхъ: но чтобы войти въ самую внутренность, къ сему уже не требуется руководство, но собственная охота. Мы пойдемъ за Винклеромъ: его физика содержитъ въ себѣ всѣ начала сей науки. Если достоинство сего рода сочиненій состоитъ въ полнотѣ матеріи, сопряженной съ краткостію, то его твореніе предъ многими возьметъ преимущество. Но та же самая полнота и краткость не позволила ему остановиться и осмотрѣть раздѣльнѣе мѣста важнѣйшія; его долгъ былъ представить полное цѣлое, но никто не можетъ отъ него требовать всей подробности въ частяхъ. Приложите къ сему, что не проходитъ двадцати лѣтъ, чтобъ не сдѣлано было въ сей наукѣ нѣ-

которыхъ открытій вновь, или чтобъ не объяснены были нѣкоторыя изъ древнихъ; ибо физика сдѣлалась любимою наукою лучшихъ умовъ нашего вѣка, и потому естественно, что видъ ея, отъ безпрерывнаго тренія ихъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ перемѣняется. Утверждаясь на сихъ двухъ разсужденіяхъ, намъ должно будетъ дополнить свою физику въ нѣкоторыхъ статьяхъ, другія совсѣмъ перемѣнить и представить новѣйшія теоріи нѣкоторыхъ вопросовъ. Все сіе постараемся мы исполнить въ нѣкоторыхъ *примѣчаніяхъ*: въ нихъ я буду помѣщать все, что успѣю найти лучшаго въ новѣйшихъ писателяхъ, и если ничего не скажу своего, то выскажу посвоему.» Изъ приведенныхъ нами отрывковъ можно уже видѣть, что Сперанскій былъ учителемъ сколько талантливымъ безъ хвастовства, столько же старательнымъ безъ лицемѣрія, оставаясь болѣе или менѣе самостоятельнымъ въ своихъ лекціяхъ и постепенно измѣняя и расширяя программу своего предмета, насколько можно было дѣлать все это въ его время. Изъ философскихъ сочиненій Сперанскаго, относящихся ко времени пребыванія его въ семинаріи, напечатанъ былъ въ *Москвитянинѣ* 1842 г. (№ 1) отрывокъ: «о силѣ, основѣ и естествѣ»; затѣмъ въ январской книжкѣ *Русской Старины* напечатаны, между прочимъ, философскіе отрывки изъ сочиненія, надъ которымъ трудился Сперанскій, какъ замѣчаетъ редакція, въ 1830 годахъ [1]). При необыкновенной своей любознательности, охоту и, такъ сказать, вкусъ къ отвлеченнымъ и литературнымъ занятіямъ, даже къ изученію языковъ, М. М. Сперанскій сохранилъ въ себѣ на всю жизнь. Ознакомившись съ французскимъ языкомъ еще въ домѣ князя Куракина, при помощи гувернера его дѣтей, въ послѣдствіи въ своемъ Великопольи (деревнѣ нижегородской губерніи), онъ много времени посвятилъ на изученіе языковъ англійскаго (съ которымъ

---

[1]) Здѣсь сначала идетъ рядъ нравственно-психологическихъ положеній или опредѣленій, затѣмъ особо „афоризмы философскіе и юридическіе“ на русскомъ и французскомъ языкахъ, и наконецъ еще „афоризмы юридическіе и богословскіе“ также на русскомъ и французскомъ языкахъ. Собственноручные эти отрывки находятся теперь въ с.-петербургской Императорской публичной библіотекѣ, вмѣстѣ съ прочими бумагами Сперанскаго, въ числѣ коихъ есть опять и богословскіе отрывки (какіе—намъ неизвѣстно).

отчасти былъ знакомъ и прежде—отъ жены англичанки) и потомъ еврейскаго (которымъ, равно нѣмецкимъ, занимался и въ Перми) [5]); здѣсь онъ написалъ немало сочиненій о разныхъ предметахъ философскихъ, богословскихъ и юридическихъ, особенно отдался *патристикѣ*, дѣлая извлеченія изъ писаній святыхъ отцевъ, также изъ житій святыхъ, которыя онъ нашелъ въ сосѣдней библіотекѣ монастыря Саввы Вишерскаго. Наконецъ онъ перевелъ на русскій языкъ знаменитую книгу Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», начавъ этотъ переводъ еще въ 1805 году и дѣлая его по страницѣ, въ день, вмѣсто молитвы. Всѣ эти занятія, вполнѣ согласовавшіяся съ происхожденіемъ и первоначальнымъ воспитаніемъ, равно какъ и съ природнымъ душевнымъ расположеніемъ Сперанскаго, безъ сомнѣнія, были весьма спасительны для него въ тяжелые годы его опалы и уединенія; но нельзя не замѣтить, что Сперанскій довольно склоненъ былъ къ мистическому направленію (болѣе впрочемъ въ *практическомъ* отношеніи), въ то время, можно сказать, модному, котораго не чужды были наприм. оберъ-прокуроръ св. Синода князь Голицынъ и самъ Императоръ Александръ Павловичъ. (Это сторону въ жизни Сперанскаго очень хорошо прояснилъ И. А. Чистовичъ въ упомянутой нами статьѣ *Христ. Чтенія*).

Доселѣ мы говорили, такъ сказать, о *теоретическихъ* чертахъ личности Сперанскаго въ отношеніи къ духовному образованію: теперь перейдемъ къ изображенію *практической* его дѣятельности на пользу разсадниковъ духовнаго просвѣщенія—духовныхъ училищъ вообще и вмѣстѣ дѣйствительныхъ уже служителей церкви.

Чрезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ Сперанскій вышелъ за тѣсную, для его таланта, ограду Александро-невской обители, ему было предназначено снова явиться на прежнемъ поприщѣ, но уже не скромнымъ наставникомъ, а могущественнымъ преобразователемъ, пишетъ баронъ Корфъ («Жизнь гр. С—го» т. I, стр. 253). Дѣйствительно, для насъ—*духовныхъ* особенно важно, драгоцѣнно и навсегда незабвенно это дѣятельное и могуще-

---

[5]) По латыни онъ умѣлъ говорить, какъ многіе изъ старыхъ семинаристовъ, но гречески читалъ свободно.

ственное участіе М. М. Сперанскаго, въ званіи статсъ-секретаря, въ *комитетѣ* о преобразованіи духовныхъ училищъ 1807—9 годовъ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими (всѣмъ извѣстными лицами), занимался разработкой двойственной задачи «о усовершеніи духовныхъ училищъ», т.-е. чтобы устроить управленіе духовно-учебныхъ заведеній на твердыхъ и однообразныхъ началахъ, возвысить уровень духовнаго образованія и привесть его въ полное соотвѣтствіе съ высокими цѣлями духовно-церковнаго служенія, и, наконецъ, изыскать средства для возвышенія содержанія духовныхъ училищъ, равно и самаго «духовенства, при церквахъ служащаго.» Настоящая, переживаемая нами, реформа духовно-учебныхъ заведеній во многихъ хорошихъ сторонахъ своихъ обосновывается и оправдывается проектомъ первоначальнаго преобразованія ихъ; а вопросъ объ улучшеніи быта приходскаго духовенства, доселѣ разрѣшавшійся лишь по частямъ и по мѣстамъ, стоитъ теперь на ближайшей очереди.

Существенныя черты въ планѣ новаго (для того времени) устройства духовныхъ училищъ, это — отдѣленіе низшихъ училищъ отъ семинарій, раздѣленіе семинарій на округи и подчиненіе ихъ академіямъ, съ сосредоточеніемъ управленія въ высшемъ духовно-учебномъ установленіи—въ *коммиссіи духовныхъ училищъ*. По послѣдне-новому уставу духовныя семинаріи и училища выведены изъ-подъ вѣдомства окружныхъ академическихъ правленій и духовно-учебнаго управленія (*духовно-учебный комитетъ* при св. Синодѣ дѣйствуетъ на совершенно иныхъ началахъ) и поставлены въ живѣйшую связь съ самимъ духовенствомъ и мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при *коллегіальномъ* устройствѣ семинарскихъ и училищныхъ правленій, принятъ новый порядокъ въ замѣщеніи должностныхъ лицъ и наставниковъ—не по административному назначенію, а по выборамъ. Съ возвышеніемъ вообще уровня образованія въ духовныхъ училищахъ, строгимъ разграниченіемъ общаго образованія отъ спеціальнаго, съ характерной группировкой предметовъ преподаванія даже по классамъ (напр. въ семинаріи реторика, философія и богословія), комитетомъ особенно была возвышена и какъ бы спеціализирована (для духовной школы) классическая ученость. «Извѣстно, сказано въ журналѣ комитета, что въ Англіи, въ Германіи и въ прежней Франціи ду-

ховенство имѣло нарочитый степень учености. Въ оксфордскомъ университетѣ и нынѣ еще знаніе древнихъ языковъ составляетъ главнѣйшій предметъ. Греческій и латинскій языкъ, не только въ университетахъ, но и въ низшихъ училищахъ, пріемлется и понынѣ основаніемъ словесности. Для чего бы и въ Россіи духовенству не дать въ особенный удѣлъ сію часть просвѣщенія? Греческій языкъ особливо долженъ занимать, между прочими познаніями, важное мѣсто. Все призываетъ духовенство наше къ сему познанію — и начало нашей церкви и разумѣніе священныхъ книгъ, невозможное почти безъ знанія греческаго языка, съ коего онѣ не переведены, но, такъ сказать, сняты, и собственный нашъ языкъ, образованный совершенно по греческому: все дѣлаетъ изученіе сего языка, для духовныхъ нашихъ, не только полезнымъ, но совершенно необходимымъ и даже предпочтительнымъ предъ изученіемъ языка латинскаго. Можно быть увѣреннымъ, что отъ сего и вообще система народнаго просвѣщенія получила бы болѣе твердости и силы. Словесность наша, нынѣ пресмыкающаяся, такъ сказать, по слѣдамъ французскихъ и другихъ иностранныхъ писателей, можетъ быть, получила бы отъ сего собственный свой характеръ. Красоты самаго обильнѣйшаго и прекраснѣйшаго языка въ свѣтѣ перешли бы сами собою въ нашъ языкъ, древнимъ родствомъ и всѣми отношеніями уже съ нимъ сопряженный. Самая трудность ученыхъ изысканій лучше бы раскрыла въ нашихъ писателяхъ мысляція ихъ силы, цѣпенѣющія теперь въ одномъ непрерывномъ подражаніи. Изысканія сіи привели бы ихъ къ самымъ тѣмъ источникамъ, изъ коихъ образцы ихъ почерпали свои богатства, и отъ нихъ тогда бы зависѣло не подражать имъ, но съ ними поравняться.» Въ доказательство всей серьезности и вмѣстѣ широты взгляда на преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній приведемъ еще слѣдующія строки самаго Сперанскаго, которыми онъ сопровождалъ конспектъ философскихъ наукъ, составленный извѣстнымъ профессоромъ (с.-петербургской академіи) Фесслеромъ и представленный Сперанскимъ на разсмотрѣніе (послѣдующей) коммиссіи духовныхъ училищъ: «цѣль новаго устройства академіи, по моему мнѣнію, не въ томъ состоитъ, чтобъ перемѣнить названія, преобразить учителей въ профессоровъ, учениковъ наименовать студентами, а въ прочемъ оста-

вить все по прежнему, и напримѣръ въ философіи ограничить все познаніемъ Баумейстера и Винклера, коихъ имена, равно какъ и глубокомысленныя сочиненія, знаменитыя въ нашихъ семинаріяхъ, никогда въ ученомъ свѣтѣ не были примѣтны. Цѣль философскаго ученія, въ точномъ разумѣ устава академическаго, не въ томъ состоитъ, чтобъ продолжать мрачную систему матеріализма, на коей вся чувственная философія основана, но чтобъ, отвергнувъ всѣ сіи суесловныя блужденія разума, призвать его и приготовить къ христіанской философіи, къ той философіи, которая, по слову св. Павла, учитъ не по стихіямъ міра, но по началамъ вѣчной истины, которая есть едина, и коей источниковъ тщетно будемъ мы искать въ глазахъ, въ ушахъ, въ рукахъ и въ прочихъ чувствахъ. Начало премудрости есть страхъ Господень.» Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, на существовавшія тогда 4 академіи, 36 семинарій и 115 «малыхъ» училищъ, съ 29,000 учащихся, отпускалось изъ казны лишь 180,000 руб. асс. (съ 1807 года до 338,863 руб.) *). Положивъ оставить число академій и семинарій прежнее, комитетъ значительно увеличилъ число училищъ, именно для каждой епархіи до 10 уѣздныхъ и 30 приходскихъ (сельскихъ) училищъ, съ отпускомъ на эту часть изъ казны, вмѣсто 180,000, по 1,669,459 руб. въ годъ; для пополненія же этой суммы, и вмѣстѣ для улучшенія содержанія церковныхъ причтовъ, опредѣлено было возстановить право церквей на исключительную продажу восковыхъ свѣчъ (для церковно-богослужебнаго употребленія),—право дарованное имъ еще Петромъ Великимъ, но потомъ, съ теченіемъ времени, ослабѣвшее и наконецъ, отъ дозволенія, въ таможенномъ уставѣ 1755 г., крестьянамъ торговать церковными свѣчами, совсѣмъ утраченное: «пособіе для содержанія духовныхъ училищъ и причтовъ весьма важное, *на доброй волѣ основанное и народу ни мало не отяготительное.*» Мысль о возстановленіи упомянутаго права, въ существѣ столь простая и между тѣмъ никому не приходившая въ продолженіе полувѣка, принадлежала, по общему отзыву всѣхъ членовъ комитета, именно

*) По недостатку казенныхъ суммъ, большая часть этихъ училищъ состояла на содержаніи монастырей и самихъ же учащихся.

Сперанскому, говоритъ баронъ Корфъ [7]); но г. Чистовичъ выражается объ этомъ не такъ рѣшительно: кому принадлежитъ мысль о свѣчной продажѣ при церквахъ, какъ главномъ источникѣ содержанія духовныхъ училищъ, трудно сказать. Въ журналахъ комитета она идетъ въ двухъ проектахъ отъ Амвросія, Сперанскаго и Ѳеофилакта.

Въ высшей степени замѣчательны вообще соображенія комитета о способахъ содержанія приходскаго духовенства, которыхъ не слѣдуетъ забывать при рѣшеніи этого важнѣйшаго для церкви и общества вопроса въ настоящее время. «Содержаніе сіе можетъ быть производимо: или 1) платою за мірскія требы; или 2) назначеніемъ постояннаго оклада съ каждаго прихода въ пользу церковнаго его причта; или 3) отдѣленіемъ экономическихъ суммъ, церкви принадлежащихъ; или наконецъ 4) назначеніемъ постояннаго оклада изъ общихъ государственныхъ доходовъ»... Но, замѣчаетъ онъ относительно *перваго образа* содержанія, «самое существо сихъ доходовъ подвержено весьма важнымъ неудобствамъ. Сборъ за мірскія требы поставляетъ священника въ непрерывное состязаніе съ тѣми самыми лицами, коихъ любовь и уваженіе ему наиболѣе нужны. Упадая большею частію не на цѣлое селеніе въ цѣломъ его составѣ, но на нѣкоторыя только лица, сборъ сей распредѣляется не по мѣрѣ имущества, но по случайнымъ происшествіямъ жизни, и слѣдовательно весьма часто тяготитъ людей недостаточныхъ [8]). *Второй образъ* содержанія при первомъ воззрѣніи кажется простѣйшимъ и удобнѣйшимъ; но слѣдующія уваженія представляютъ

---

[7]) Сперанскимъ же, по словамъ барона Корфа, были написаны окончательный докладъ комитета и представленное при докладѣ „начертаніе правилъ о образованіи духовныхъ училищъ и о содержаніи духовенства“ („Жизнь гр. С—го“ т. 1, стр. 254).

[8]) „Сіи и другія многія уваженія давно уже заставляли помышлять объ отмѣнѣ платы за мірскія требы. Государь Петръ В. въ духовномъ регламентѣ (ч. III, §§ 13 и 22) именно предназначилъ ее уничтожить. Но поелику въ послѣдствіи не опредѣлено было никакихъ способовъ къ замѣнѣ сего дохода: то мысль сія по необходимости ограничена была только тѣмъ, чтобы постановить приличную мѣру сего сбора, мѣру, коея однакоже точное исполненіе никакимъ надзоромъ съ достовѣрностію не могло быть обезпечено.“

его затруднительнымъ. Приходы, нынѣ существующіе, не имѣютъ между собою никакого уравненія: одни, по количеству населенія ихъ и выгодамъ земли, пользуются содержаніемъ безбѣднымъ; другіе, и большая часть, и мало населены и скудны. Уравнять ихъ между собою нѣтъ возможности: къ сему надлежало бы передѣлить ихъ совершенно, — предпріятіе затруднительное, и, по разстоянію мѣстъ и по множеству другихъ уваженій, почти невозможное. Оставляя же приходы неравными, постоянные оклады, въ содержаніе духовенству съ нихъ назначаемые, для однихъ прихожанъ были бы легки, а для другихъ безмѣрно отяготительны. Въ той же губерніи и даже въ томъ же уѣздѣ на содержаніе церковнаго причта одно селеніе платило бы въ нѣсколько кратъ болѣе, нежели другое ему смежное, но лучше населенное. Очевидное неудобство сего расположенія привело бы къ той мысли, чтобъ сложивъ въ общій счетъ содержаніе всѣхъ церквей, потребную для сего сумму разложить налогомъ на всѣхъ вообще обывателей уравнительно. Нужно разсмотрѣть мысль сію подробнѣе. Налогъ сей, яко общій, долженъ бы быть устроенъ въ образѣ взиманія своего на общихъ правилахъ казеннаго сбора: слѣдовательно онъ долженъ бы былъ поступать въ казначейства, и, оттуда стекаясь въ казенную палату, отъ нея, по числу приходовъ въ каждой губерніи, быть распредѣляемъ. Такимъ образомъ сборъ сей имѣлъ бы всѣ тѣ же свойства, какъ и другіе налоги, и отъ прочихъ отраслей государственныхъ доходовъ онъ отличался бы тѣмъ только, что имѣлъ бы опредѣлительное свое назначеніе; но сіе то самое отличительное свойство его и представляетъ въ немъ два важныя неудобства. *Первое*, что подать сія была бы несовмѣстна съ тѣми отношеніями, кои соединяютъ духовенство съ народомъ, и въ коихъ должно стараться по всей возможности удалять всякое понятіе притязанія и отягощенія. *Второе*: каждая перемѣна въ количествѣ церквей и приходовъ, перемѣна отъ переселенія и другихъ происшествій часто быть могущая, потребовала бы перемѣны и новаго расположенія и въ самомъ налогѣ, или дополненія изъ другихъ государственныхъ доходовъ; а то и другое было бы соединено съ важными неудобствами. Впрочемъ и послѣ всѣхъ сихъ уваженій еще представлялся бы одинъ вопросъ къ разрѣшенію: удобнѣе ли подать, на содержаніе духовенства

потребную, взимать непосредственнымъ на народъ налогомъ, или извлечь ее изъ другихъ источниковъ общаго государственнаго налога?» Отъ рѣшенія этого вопроса, какъ прямо не подлежащаго его разсмотрѣнію, комитетъ осторожно уклонился. Затѣмъ останавливаясь на *третьемъ способѣ* содержанія духовенства—отдѣленіи разныхъ экономическихъ суммъ, въ церковный доходъ поступающихъ, и *четвертомъ* — отпускѣ на содержаніе духовныхъ училищъ и причтовъ ежегодной суммы изъ государственныхъ доходовъ, комитетъ проектировалъ: изъ перваго рода суммъ часть *наличнаго капитала*, количество котораго тогда простиралось до 5,600,000 руб., именно пятую (1,120,000 руб.), оставить въ теченіи 6 лѣтъ въ обращеніи банка, чтобы потомъ проценты съ нея, т.-е. 1,500,906 р., употреблять «на устройство училищъ и содержаніе духовенства;» изъ доходовъ (процентовъ) съ остальныхъ четырехъ частей его «производить постепенно устроеніе домовъ священно-церковно-служителямъ,» по существовавшему уже примѣру въ с.-петербургской епархіи [*]); остатки *ежегоднаго церковнаго дохода*, количество котораго съ точностью опредѣлить комитетъ находилъ для себя невозможнымъ, но который, съ возстановленіемъ права исключительной продажи при церквахъ восковыхъ свѣчъ, по примѣрному его разсчисленію, могъ возрасти до 3,000,000 руб. ежегодно,—остатки эти, «за внутреннимъ его на потребности церковныя употребленіемъ,» также обращать на содержаніе духовныхъ училищъ и причтовъ: оставленный въ банковомъ обращеніи въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ, капиталъ этотъ обѣщалъ дать 16,576,894 руб. Изъ втораго рода суммъ на устройство, прежде всѣхъ другихъ, с.-петербургскаго округа, съ академіею и училищами, предполагалось 1,353,000 р. къ ежегодному отпуску изъ казны, извѣстная часть коихъ, по мѣрѣ устройства училищъ, шла бы на ихъ содержаніе, а остальная часть—до 1,000,800 р., обращалась бы въ бан-

---

[*]) „Предположеніе сіе впрочемъ во всемъ согласно и силѣ прежнихъ узаконеній, коими постановлено изъ доходовъ церковныхъ строить таковые домы (указы: именный отъ 28 февраля 1718 г., синодскіе отъ 29 октября 1722 г. и 29 января 1768 г.). Архіереямъ же дозволено, въ случаѣ недостатка доходовъ одной церкви, заимствовать отъ другихъ, въ епархіи той существующихъ“. Кормч. кн. ч. I, 38 прав. св. апост. и 25 прав. пом. антіох. соб.).

кѣ и въ концѣ 6 лѣтъ составила бы 6,871,218 р. Такимъ образомъ, по предположеніямъ комитета, въ теченіи шести лѣтъ (срокъ необходимый для того, «чтобъ *новый* кругъ ученія академическаго совершился и всѣ училища воспріяли свое дѣйствіе,» а затѣмъ могло бы «учредиться уже и распредѣленіе мѣстъ духовныхъ» *на новыхъ началахъ*,—см. ниже) постепенно долженъ былъ составиться, для содержанія всѣхъ духовныхъ округовъ, капиталъ около 24,949,918 р., а съ того времени ежегодные способы къ содержанію ихъ должны были находиться въ слѣдующемъ положеніи: 1) доходъ съ вышесозначеннаго капитала 24,949,918 р.= 1,247,450 р.; 2) ежегодное отдѣленіе церковныхъ доходовъ, за внутреннимъ ихъ употребленіемъ, 3,000,000 р. и 3) въ пособіе къ тому отъ казны ежегодно 2,000,000 р., итого=6,247,450 р.: «сумма близкая къ тому, что, по предварительнымъ исчисленіямъ, на содержаніе всѣхъ духовныхъ академій, училищъ (съ семинаріями конечно) и причтовъ (?) во всѣхъ округахъ можетъ быть потребно.» Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ полагалъ «всѣ мѣста духовныя при церквахъ раздѣлить на четыре класса, назначивъ каждому изъ нихъ соразмѣрное содержаніе, такъ, чтобы отъ 300 р., въ низшемъ классѣ на весь причтъ полагаемыхъ (остальные же бѣднѣйшіе приходы предполагалось сдѣлать приписными къ церквамъ первыхъ четырехъ классовъ, по удобности мѣстнаго положенія), окладъ сей возрасталъ, и въ первомъ простирался бы до 1000 р. (при готовомъ помѣщеніи для священно- и церковно-служителей и отводѣ имъ извѣстнаго количества земли, усадебной и полевой). Постановленіе сіе нужно не только для того, чтобы сохранить необходимыя различія, нынѣ въ приходахъ существующія; но и чтобы открыть духовенству путь пріобрѣтать успѣхами благонравія и ученія постепенныя въ кругѣ званія своего выгоды и отличія... такъ, чтобы ученіе академическое всегда сопровождаемо было выгодами и отличіями преимущественными предъ ученіемъ семинарскимъ, и чтобы докторъ богословіи, если впрочемъ поведеніе его будетъ безпорочно, удостовѣренъ былъ, что никакимъ образомъ онъ не можетъ быть лишенъ предпочтенія предъ другими, низшими его въ степеняхъ духовнаго просвѣщенія. Сей порядокъ опредѣленія послужитъ не только учащимся къ соревнованію, но и священникамъ, при церквахъ служащимъ, доставитъ побужденіе упраж-

неніями ихъ пріобрѣтать высшія степени благонравія и знанія, когда всякой другой путь къ выгодамъ ихъ состоянія преградится.» Все количество назначенія на содержаніе церковныхъ причтовъ, по разсчисленіямъ комитета, должно было простираться до 7,101,400 р.; но чтобы эта, дѣйствительно «знатная цифра,» не показалась уже слишкомъ громадною и, такъ сказать, запугивающею, комитетъ присовокупляетъ слѣдующее объясненіе: 1) «что количество ея уменьшится съ пресѣченіемъ окладовъ, отпускаемыхъ изъ казны на нѣкоторые причты, и составляющихъ до 245,432 р.; 2) сумма сія производима будетъ не вдругъ, но постепенно, по мѣрѣ открытія учебныхъ округовъ и устроенія духовныхъ мѣстъ по настоящему предположенію; 3) наконецъ, знатное ея количество и нынѣ дѣйствительно съ народа поступаетъ, но съ расположеніемъ для духовенства неудобнымъ, а для обывателей, особливо для поселянъ, весьма тягостнымъ и неуравнительнымъ. Доходы церковныхъ причтовъ, въ видѣ платы за мірскія требы [10]), по уменьшительному ихъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ исчисленію, составляютъ болѣе 3,532,000 р., а по заключенію комитета они простираются до 6,000,000 р. Сіе бремя, тяготящее нынѣ прихожанъ безъ различія состояній, и часто упадающее на людей бѣдныхъ, спадетъ вмѣстѣ *съ положеніемъ духовенству постоянныхъ окладовъ*, и слѣдовательно оклады сіи въ существѣ своемъ не будутъ составлять издержки для государства новой, но одно преложеніе и лучшій распорядокъ повинности, нынѣ существующей, съ нѣкоторымъ только въ столь знатной суммѣ немного значущимъ и необходимымъ возвышеніемъ.»

Такъ въ планѣ комитета объ устройствѣ духовныхъ училищъ и вмѣстѣ объ устройствѣ положенія приходскаго духовенства (правда, волей неволей спеціализировавшемъ *сословіе*) проходитъ тѣсная связь между школою и самою церковію, и справед-

---

[10]) При этомъ комитетъ счелъ нужнымъ различить мірскія требы необходимыя отъ тѣхъ, кои зависятъ единственно отъ произвола прихожанъ. Первыя (это, кромѣ таинствъ, молитва родильницѣ, отпѣваніе и усопшихъ погребеніе и присоединеніе иновѣрныхъ къ православной церкви) полагалось „исправлять безмездно, а послѣднія оставлять на добрую волю прихожанъ, безъ всякаго однакоже со стороны духовенства притязанія и домогательства.«

ливо дастся мѣсто соревнованію и достойному поощренію дарованій и образованія на поприщѣ духовно-церковнаго служенія... Преобразованіемъ духовно-учебныхъ заведеній по послѣдне-новому уставу, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки и жизни, произведены въ нихъ многія измѣненія и усовершенствованія: будемъ надѣяться, что и въ *практическомъ* церковно-общественномъ быту нашего духовенства, въ недалекомъ будущемъ, произойдетъ такое же преобразованіе, — улучшится не только собственно матеріальное содержаніе его, но расширятся юридически-гражданскія права, и чрезъ то откроется большій просторъ для его дѣятельности въ интересахъ и церкви и общества. М. М. Сперанскій, который былъ «душою» вышеописаннаго комитета, дѣйствительно «не остался въ долгу передъ сословіемъ, въ которомъ родился, и передъ мѣстами, въ которыхъ образовался» (слова барона Корфа). Въ воздаяніе своихъ трудовъ по комитету онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени, при слѣдующихъ замѣчательно-лестныхъ словахъ царской грамоты: «отличные труды ваши въ комитетѣ о усовершенствованіи духовныхъ училищъ, въ коемъ вы столь много содѣйствовали къ окончанію дѣла, полезнаго для духовенства, насъ удостовѣряютъ еще болѣе, что всякаго рода порученія вы исполняете всегда къ удовольствію нашему.» А мы всѣ—безразлично духовные и свѣтскіе—отъ сердца скажемъ: вѣчная благодарная ему память!

П. Б—въ.

ИДЕАЛЪ

НРАВСТВЕННО-ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ ХРИСТОВЫХЪ О БЛАЖЕНСТВѢ.

(Матѳ. V, 3—12).

Одно изъ драгоцѣнныхъ наслѣдій, переданныхъ древнимъ міромъ новому и уцѣлѣвшихъ среди всеобщаго крушенія, которому подверглась древняя жизнь, сохранившихъ свое первоначальное значеніе среди новыхъ людей и новой жизни,— это синайское законодательство. Какъ произведеніе ума божественнаго, величавое въ своей простотѣ, ясное и опредѣленное въ своихъ требованіяхъ и въ указаніи предмета нравственной дѣятельности,—оно стоитъ несравненно выше всѣхъ другихъ законодательствъ древности, всѣхъ кодексовъ моральныхъ предписаній, всѣхъ нравственныхъ системъ дохристіанскихъ. Сущность этого законодательства изложена въ десятословіи.

Гораздо позднѣе Тоже божественное Существо, явившись въ мірѣ, для совершенія всесторонняго обновленія природы человѣческой принявши образъ человѣка и Своею жизнію и смертію истребивши грѣхъ въ самомъ существѣ, указало человѣчеству новый путь къ совершенству и блаженству, дало человѣку новое законодательство, превосходящее собою и синайское законодательство. Сущность его кратко изложена въ 9 изреченіяхъ о блаженствѣ. Изреченія о блаженствѣ—осно-

ваніе христіанскаго нравоученія, внутреннее начало христіанской жизни и дѣятельности; они были сѣменемъ, которое, нашедши для себя удобную почву въ сердцахъ принявшихъ христіанскую вѣру, принесло плодъ въ тридцать, шестьдесятъ и во сто кратъ, что̀ подтвердила впослѣдствіи сама исторія христіанской нравственной жизни и дѣятельности.

Предлагаемый обзоръ изреченій о блаженствѣ имѣетъ задачею раскрыть требованія, заключающіяся въ этихъ изреченіяхъ, выяснить идеалъ нравственно-христіанской дѣятельности, очерчиваемой ими, указать тѣ явленія, которыя какъ въ зернѣ заключены въ изреченіяхъ о блаженствѣ и которыя потомъ пышнымъ цвѣтомъ распустились въ жизни церкви Христовой.

I.

Одно изъ важнѣйшихъ различій новаго христіанскаго законодательства отъ древняго ветхо-завѣтнаго, прежде всего останавливающихъ на себѣ вниманіе, представляетъ различіе въ тѣхъ *обстоятельствахъ*, которыми предваряется и сопутствуется объявленіе воли верховнаго Законодателя въ Ветхомъ Завѣтѣ и Новомъ Завѣтѣ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ это объявленіе предваряется грозными и величественными явленіями и знаменіями, внушающими трепетъ и ужасъ; люди, въ слухъ которыхъ изрекаются заповѣди, отдаляются на извѣстное разстояніе отъ того мѣста, съ котораго возвѣщается воля Законодателя, и подъ страхомъ смертной казни воспрещается имъ приближеніе къ этому мѣсту; у подошвы горы народъ внимаетъ заповѣдямъ, которыя изрекаетъ съ высоты Синая Существо невѣдомое, сокрытое въ грозномъ величіи мрака (Исх. XIX, 10—25. XX, 1—18); по всему видно, что страхомъ и ужасомъ, внушаемымъ этою грозною обстановкою, Законодатель желаетъ утвердить уваженіе къ законодательству и удержать народъ заранѣе отъ легкомысленнаго отношенія къ заповѣдямъ и отъ нарушенія ихъ (XX, 20). Совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ изрекаются новыя заповѣди о блажен-

ствахъ. Ученики и народъ окружаютъ Законодателя какъ дѣти отца, и Онъ изрекаетъ заповѣди голосомъ небесной кротости; величественная простота, отсутствіе всего того, что сильно дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, что поражаетъ и ужасаетъ человѣка,—вотъ та обстановка, среди которой произнесены 9 изреченій о блаженствахъ.

При сравненіи двухъ законодательствъ усматривается значительное различіе между ними и въ самомъ *предметѣ* требованій. Не то это значитъ, что новозавѣтнымъ законодательствомъ требуется что либо противоположное ветхозавѣтному законодательству, или что первымъ отмѣняются требованія послѣдняго, — но то, что, оставляя неприкосновенными высказанныя требованія его и не повторяя ихъ вновь, Законодатель Новаго Завѣта здѣсь предъявляетъ особенныя высшія требованія, указываетъ высшій идеалъ нравственной жизни.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ требуются болѣе *отрицательныя* добродѣтели, въ Новомъ Завѣтѣ болѣе положительныя. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Законодатель настаиваетъ на простомъ воздержаніи отъ извѣстныхъ, указываемыхъ имъ преступленій и пороковъ: *не сотвори* себѣ кумира, *не пріемли* имени Господа всуе, *не убій*, *не прелюбы сотвори*, *не укради*, *не лжесвидѣтельствуй*, *не пожелай*. Законодатель Новаго Завѣта учитъ развивать *положительныя* добродѣтели, каковы напримѣръ кротость, милосердіе, чистота сердца, миролюбіе и миротворство и т. д.

Ветхозавѣтный законодатель упорядочиваетъ болѣе *внѣшнюю* жизнь и внѣшнія отношенія человѣка, старается предохранить отъ нарушеній этихъ внѣшнихъ отношеній тѣмъ или другимъ образомъ; запрещается убійство, кража, лжесвидѣтельство, какъ внѣшнее нарушеніе добрыхъ отношеній къ другому, запрещается кумирослуженіе, какъ внѣшнее нарушеніе истиннаго благоговѣнія къ Богу. Новозавѣтный Законодатель заботится о *внутреннемъ* благоустроеніи нравственной жизни человѣка, указываетъ тѣ душевныя свойства и состоянія, ко-

торыя служатъ украшеніемъ внутренняго міра человѣческой жизни, каковы: кротость духа, чистота сердца и т. п.

Ветхозавѣтный законодатель указываетъ тѣ *частные* случаи, въ которыхъ человѣкъ долженъ быть осторожнымъ; внѣ этихъ случаевъ дѣятельность человѣка не регламентируется никакими правилами; говорится—*не убивай*, но не говорится о преступности другихъ случаевъ немилолюбиваго отношенія къ другимъ, не сопровождающихся ущербомъ для здоровья и жизни другаго. Новозавѣтный Законодатель не указываетъ никакихъ частныхъ случаевъ, а воспитываетъ *общее* настроеніе; достоинство всякаго частнаго случая при этомъ само собою опредѣляется качествомъ общаго направленія; внушается *кротость*, *миролюбіе*, а изъ этого само собою выходитъ, какъ нужно смотрѣть на ссору, раздраженіе и т. д.

Обращая вниманіе на то, чѣмъ мотивируется въ томъ и другомъ законодательствѣ необходимость исполненія предписаній, какія *побужденія* выставляются въ томъ и другомъ случаѣ для того, чтобы заставить слѣдовать имъ, мы замѣчаемъ слѣдующее.

Въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ почти ничего не говорится о внутреннихъ побужденіяхъ къ нравственной дѣятельности. Приказанія что-либо дѣлать и запрещенія чего-либо не дѣлать отдаются съ такою короткостію и ясностію, что Законодатель какъ бы не хочетъ упоминать даже о томъ, что ожидаетъ нарушителя этихъ заповѣдей и чѣмъ награждается повиновеніе имъ; Онъ какъ будто и не предполагаетъ даже возможности этихъ нарушеній, и не хочетъ знать ихъ; а соблюденіе этихъ заповѣдей не хочетъ ставить въ какую либо заслугу. Не говорится *не убій* потому-то, *не укради* потому-то, а прямо и коротко приказывается: не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ собою V заповѣдь, но и здѣсь обязанность уважать родителей мотивируется указаніемъ на благо неопредѣленное (да благо ти будетъ) и ограничивается обѣщаніемъ только земнаго долголѣтія. Ново-

завѣтный Законодатель каждое свое внушеніе сопровождаетъ указаніемъ на то, почему именно хорошо слѣдовать тому или другому изъ Его наставленій и въ чемъ заключаются награды, ожидающія того, кто располагаетъ свою внутреннюю жизнь сообразно съ наставленіями Его.

Наконецъ важнѣйшее различіе, которое скорѣе всего бросается въ глаза при взаимномъ сравненіи того и другаго законодательства, это — различіе въ *тонѣ*, если можно такъ выразиться, различіе *въ голосѣ*, которымъ отдаются приказанія. Положительность, не допускающая колебаній, безусловность, не предполагающая даже и возраженій со стороны тѣхъ, кому отдаются приказанія, вотъ характеристическая особенность ветхозавѣтныхъ заповѣдей. Не такъ высказываются изреченія новозавѣтнаго Законодателя. Онъ болѣе какъ бы приглашаетъ или проситъ своихъ слушателей къ послѣдованію Его наставленіямъ. Не говоритъ Онъ: будьте нищими, плачьте, будьте кротки, будьте милостивы,—а *блаженны* нищіе, *блаженны* плачущіе, *блаженны* кроткіе, т. е. хорошо кто будетъ кроткимъ, хорошо кто будетъ милостивымъ и т. п.

Вотъ существенныя черты различія между обоими законодательствами. Гдѣ причины этого различія, и не имѣетъ ли оно какого-либо отношенія къ степени обязательности ихъ исполненія? Не значитъ ли это, что послѣдованіе заповѣдямъ новозавѣтнаго Законодателя не есть непремѣнная обязанность христіанина, что несоблюденіе этихъ заповѣдей не подвергаетъ его никакой отвѣтственности, и не дѣлаетъ его особенно виновнымъ?

Ветхозавѣтный законъ былъ *пѣстуномъ*, дядькою, *дѣтоводителемъ*, и ветхозавѣтные люди жили подъ пѣстунствомъ закона; съ пришествіемъ Христовой благодати христіане находятся не подъ дѣтоводительствомъ, но подъ благодатію (Гал. III, 24—25. IV, 1—4). Всякій, кто хотя нѣсколько знакомъ съ дѣтскою жизнію и хотя отчасти наблюдалъ законы ея развитія, конечно, знаетъ, съ какою легкостію и быстротою возникаютъ быстрыя и порывистыя чувствованія въ душѣ ребен-

ка и юноши и въ какой тѣсной связи находятся они со внѣшними дѣйствіями человѣка въ этомъ возрастѣ, — какъ вѣрно отражается внутренняя жизнь человѣка въ его внѣшнемъ поведеніи. Можно сказать, вся тайна педагогическаго вліянія на человѣка въ этомъ возрастѣ заключается въ умѣньи управлять внѣшними дѣйствіями человѣка, а чрезъ нихъ и тѣми внутренними состояніями, которыя въ нихъ находятъ исходъ; потому педагогическія дѣйствія въ отношеніи къ этому возрасту заключаются въ упорядоченіи внѣшнихъ дѣйствій человѣка, въ ограниченіи тѣхъ изъ нихъ, которыя по чему-либо считаются нехорошими; чрезъ то само собою до извѣстной степени упорядочивается и внутренняя жизнь человѣка. Сказанное здѣсь объ отдѣльномъ человѣкѣ имѣетъ полное приложеніе къ народу въ его младенческомъ и юношескомъ состояніяхъ. Поэтому и законъ, взявшій на себя обязанность быть воспитателемъ народа въ эту пору его развитія, естественно долженъ былъ имѣть цѣлію—упорядочить внѣшнюю жизнь народа, дабы чрезъ то до извѣстной степени устроить и его внутреннюю жизнь. Въ такомъ именно состояніи находились люди временъ синайскаго законодательства. Отсюда и понятно, почему заповѣди, изреченныя съ высоты Синая, требуютъ осторбжности во внѣшнихъ дѣйствіяхъ человѣка и ограничиваютъ возможность нарушенія внѣшнихъ добрыхъ отношеній. Жизнь взрослаго человѣка въ отношеніи къ указаннымъ явленіямъ представляетъ нѣкоторыя особенности; въ ней не трудно замѣтить не только несогласіе, но нерѣдко и положительное противорѣчіе между внѣшними дѣйствіями и внутренними состояніями человѣка. Потому нравственныя цѣли достигались бы въ слабой степени, еслибы законодательство дѣйствовало только на внѣшнее поведеніе человѣка; оно не въ силахъ было бы устранить внутреннее безобразіе при внѣшнемъ благоприличіи, уничтожить развратъ мысли и сердца при внѣшней цѣломудренности. Значитъ здѣсь требуется упорядочивать внутреннюю жизнь человѣка, чрезъ что само собою упорядочивается и его внѣшняя жизнь. Люди временъ

появленія христіанства и послѣдующихъ временъ находятся въ состояніи взрослаго человѣка. Возможность разлада между внутреннею и внѣшнею жизнію человѣка, возможность внутренняго безобразія при внѣшнемъ благоприличіи ясно показывало фарисейство съ его своеобразною праведностію. Поэтому и новозавѣтный Законодатель начертываетъ иной идеалъ нравственной жизни и предлагаетъ иной кодексъ нравственныхъ понятій и правилъ, гдѣ по преимуществу упорядочивается внутренняя жизнь человѣка, гдѣ внѣшняя дѣятельность человѣка поставляется въ точное соотвѣтствіе съ внутреннею, гдѣ она является необходимымъ и вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ и выводомъ изъ посылокъ, доставляемыхъ внутреннею жизнію.

Другія явленія, которыя представляетъ дѣтская и отчасти юношеская жизнь человѣка, заключаются въ слѣдующемъ. Не умѣніе самостоятельно, къ своему же благу, распоряжаться своими поступками, неспособность самостоятельно опредѣлять качество тѣхъ или другихъ поступковъ, словомъ — ненадежность человѣка идти безъ внѣшней поддержки по тому или другому пути оправдываетъ постоянное вмѣшательство руководителя даже и въ частные случаи его жизни, регламентированіе частныхъ поступковъ. Было бы странно—человѣка, начинающаго только ходить, оставлять безъ внѣшней поддержки или по крайней мѣрѣ безъ присмотра, не предупреждать о тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему угрожаетъ опасность споткнуться и убиться. Напротивъ человѣку, умѣющему ступать по землѣ твердою ногою и ходить безъ внѣшней поддержки, достаточно указать путь, по которому онъ долженъ идти, и мѣсто, куда онъ долженъ придти, чтобы онъ пошелъ самъ, не требуя нарочитыхъ и особенныхъ указаній, гдѣ онъ долженъ поберечься, какія мѣста обходить и т. п. И эти соображенія въ извѣстной степени объясняютъ различіе между двумя законодательствами. Народу и человѣку — ребенку, постоянно спотыкавшемуся и падавшему на нравственномъ пути, нужно было постоянное руководство въ частныхъ случаяхъ его жизни

со стороны закона, постоянный присмотръ закона; отсюда—это регламентированіе закономъ частныхъ случаевъ жизни, характеризующее духъ и направленіе синайскаго законодательства. Народу дѣтски-шаткому въ своихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ нужно было сообщить первоначальныя и элементарныя свѣдѣнія о томъ, что считать добромъ и что зломъ, чѣмъ объясняется стремленіе синайскаго законодательства регламентировать такія простыя и непосредственно очевидныя истины, практическое примѣненіе которыхъ, повидимому, не должно было составлять особеннаго труда. Иначе и быть не могло. Всякая попытка внести болѣе возвышенное содержаніе въ законодательство не сообразовалась съ наличными силами и способностями человѣка, съ общимъ состояніемъ его, а потому оказалась бы бездѣйственною. Христіанство не только является при болѣе высокомъ развитіи человѣка, но и само имѣетъ цѣлію поставить человѣка на высшую степень развитія, или, лучше сказать, имѣетъ цѣлію создать для человѣка такія благопріятныя условія нравственной жизни, при которыхъ онъ имѣлъ бы возможность не останавливаясь идти по пути нравственнаго развитія, *идти отъ силы въ силу, дондеже достигнетъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV. 13),—цѣль достижимая не въ предѣлахъ земнаго бытія. Поэтому идеалъ христіанской нравственности не могъ быть обрисовываемъ съ отрицательныхъ, частныхъ сторонъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ не могъ стать животворнымъ началомъ для прогресивнаго развитія нравственной жизни, источникомъ *воды живой, текущимъ въ жизнь вѣчную*. Въ такомъ случаѣ легко могли быть обходимы высшія явленія нравственной жизни, и нравственность должна была бы по необходимости выродиться въ сухую, узкую, черствую мораль, ограничивающуюся внѣшнею порядочностію и услаждающуюся соблюденіемъ всего написаннаго въ законѣ. Подобная опасность устраняется изреченіями о блаженствѣ, которыя даютъ вѣковѣчное, не изживаемое содержаніе для нравственнаго развитія человѣка, ставятъ цѣли человѣку на

пути нравственнаго совершенствованія постоянно близкія къ человѣку и постоянно удаляющіяся по мѣрѣ приближенія его къ нимъ, и тѣмъ самымъ побуждаютъ человѣка стремиться всегда далѣе и далѣе, не успокоиваясь и не удовлетворяясь достиженіемъ какой либо опредѣленной нравственной ступени какъ конечной цѣли совершенствованія, за которою прекращается возможность дальнѣйшаго совершенствованія. Такое состояніе человѣка христіанина въ его нравственной дѣятельности изображаетъ св. апостолъ Павелъ въ слѣдующемъ мѣстѣ одного изъ своихъ посланій: «Говорю такъ *не потому, чтобы я уже достигъ* или усовершился, но стремлюсь, не достигну ли и я, какъ достигъ меня Христосъ Іисусъ. Братія, я *не почитаю себя достигшимъ*; а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ.... Впрочемъ *до чего мы достигли*, такъ и должны мыслить, и *по тому правилу жить*» (Филипп. III. 12—16). Если человѣку даже на высотѣ апостольскаго служенія цѣль нравственной дѣятельности представляется еще не достигнутою, то этимъ всего лучше доказывается неисчерпаемость началъ, руководствующихъ дѣятельностію христіанина. Новозавѣтный Законодатель, не регламентируя частныхъ случаевъ человѣческой дѣятельности, предначертываетъ общія цѣли; не ограничиваясь однимъ отрицаніемъ недобрыхъ *дѣлъ*, указываетъ *сущность* доброй *дѣятельности*.—Вмѣстѣ съ этимъ само собою открывается и все различіе между праведностію ветхозавѣтнаго человѣка и праведностію христіанина. Первая измѣрялась *количествомъ* добрыхъ дѣлъ или лучше, количествомъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ человѣкъ уберегся отъ дурныхъ поступковъ, которые могли быть у него всѣ на-перечетъ и которые при случаѣ онъ съ самодовольствомъ и самоуслажденіемъ могъ высчитать предъ Богомъ, какъ свою заслугу, какъ фарисей въ извѣстной евангельской притчѣ. Праведность христіанина измѣряется внутреннимъ достоинствомъ, *качествомъ*, при чемъ одинъ по счету добрый поступокъ можетъ отворить человѣку

врата въ царство небесное и множество дѣлъ не можетъ быть сочтено полнымъ достиженіемъ требуемаго. Израиль, искавшій праведности закона, не достигъ до закона праведности. Почему? потому, что искалъ ее не въ вѣрѣ, а въ дѣлахъ закона (Рим. IX. 31, 32).

Тоже самое обстоятельство, что законъ былъ пѣстуномъ, можетъ служить къ объясненію причинъ различія въ изложеніи и тонѣ обоихъ законодательствъ. Всякій, кто имѣетъ цѣлію дать хорошее воспитаніе малолѣтнему, малосмысленному, неразвитому ребенку,—будетъ ли то отецъ, воспитатель, опекунъ, знаетъ, что воспитываемый имъ нуждается въ прямыхъ, ясныхъ, категорически выраженныхъ указаніяхъ, что дѣлать и чего не дѣлать; здѣсь безусловное подчиненіе волѣ воспитателя требуется пользою воспитанника и самою цѣлію воспитанія. Было бы странно, еслибы воспитатель свои необходимыя указанія малолѣтнему воспитаннику сообщалъ въ формѣ условной: хорошо, если ты сдѣлаешь то или это. При незрѣлости ума, неспособнаго еще оцѣнить пользу и вредъ чего-либо, при слабости воли, неспособной съ рѣшительностію остановиться на чемъ-либо, при непривычкѣ владѣть своими чувствами и сдерживать ихъ частыя и порывистыя въ этомъ возрастѣ обнаруженія,—подобный способъ воспитанія давалъ бы просторъ разнузданности увлеченій, не въ состояніи былъ бы управлять воспитанниками, и вмѣсто пользы принесъ бы вредъ. Совсѣмъ не то, когда рѣчь о воспитаніи почти взрослаго, почти созрѣвшаго юноши; тутъ требуются иные пріемы: категоричность приказаній противорѣчила бы всему внутреннему строю, не сообразовалась бы ни съ пробудившимися потребностями ума, требующаго указанія основаній, ни съ потребностями воли, начавшей сознавать свою свободу и т. п.; здѣсь не только она не принесла бы пользы, но сопровождалась бы прямымъ вредомъ для воспитываемаго. Такому воспитаннику свои указанія, что нужно дѣлать и чего не дѣлать, воспитатель выражаетъ не въ категорической формѣ, не допускающей такъ сказать альтернативы дѣйствія, но въ услов-

ной, предоставляющей полную свободу дѣйствія. Не угодно ли вамъ сдѣлать то и то, вотъ обыкновенная, усвоенная современною разговорною рѣчью форма выраженія приказаній въ такихъ случаяхъ. Категоричность требованія здѣсь исчезаетъ; не требуется слѣпое повиновеніе волѣ воспитателя, а внушается изволеніе. Но тѣмъ не менѣе, кто же не знаетъ, что ослушаніе въ такомъ случаѣ не есть дѣйствіе безнаказанное, не заслуживающее порицанія и осужденія? Напротивъ, чѣмъ вѣжливѣе и деликатнѣе дѣлается указаніе, тѣмъ хуже нарушеніе его, тѣмъ большее причиняется оскорбленіе воспитателю, тѣмъ достойнѣе наказанія ослушникъ. Эти замѣчанія всего лучше объясняютъ причину разсматриваемой нами разности въ выраженіи между десятословіемъ и изреченіями о блаженствахъ. Десять заповѣдей изречены народу, повторимъ опять, ребенку и въ тотъ періодъ развитія жизни человѣчества, когда оно находилось въ состояніи дѣтской незрѣлости и неразвитости. Грубому чувству, слабой неразвитой волѣ нужно было категорически указать, что дѣлать и чего не дѣлать. Всякое смягченіе въ приказаніяхъ, всякое колебаніе не въ силахъ было бы овладѣть чувствомъ тогдашняго человѣка, не въ состояніи было бы сдѣлаться руководительнымъ началомъ нравственной дѣятельности человѣка, получить значеніе болѣе или менѣе крѣпкаго стимула въ дѣйствіяхъ человѣка. Предположимъ, что нравственныя требованія десятословія выражены бы были подобнымъ образомъ: блаженъ кто не убиваетъ, блаженъ кто не крадетъ, блаженъ кто не прелюбодѣйствуетъ; важность нарушенія этихъ предписаній не была бы осязательна для человѣка, случаи нарушенія ихъ встрѣчались бы чаще, да и вообще они скоро должны были бы потерять свою силу. Поэтому, дѣтская незрѣлость народа въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ условливала эту форму десятословія и для большаго внушенія подобающаго ему уваженія требовала той грозно-величавой обстановки, при которой произнесены десять заповѣдей. Законъ былъ пѣстунъ, дѣтоводитель, какъ назвалъ его св. апостолъ Павелъ; онъ

смотрѣлъ и долженъ былъ смотрѣть на человѣка какъ на ребенка, долженъ былъ указывать, что дѣлать и чего не дѣлать, долженъ былъ или приказывать или запрещать, если желалъ дать своему воспитаннику доброе направленіе, и долженъ былъ сразу поставить человѣка въ должное отношеніе къ себѣ, чтобы въ будущемъ не имѣть надобности обращаться къ энергическимъ мѣрамъ. Изъ этого состоянія дѣтской неразвитости человѣкъ вышелъ къ тому времени, когда является въ мірѣ христіанство. Законъ перестаетъ быть пѣстуномъ, дѣтоводителемъ; опека закона снимается Христомъ и человѣкъ уже не подъ закономъ, а подъ благодатію. Поэтому Законодатель Новаго Завѣта уже не предписываетъ исполнить то или другое, а предлагаетъ руководствоваться въ дѣятельности Его изреченіями, не выражаетъ своихъ требованій въ категорической формѣ приказа, а въ условной формѣ совѣта; не говоритъ: будьте нищими, плачьте, а блажени нищіи, блажени плачущіе. И въ этомъ случаѣ божественный Законодатель сообразуется съ состояніемъ человѣка, котораго прежняя категоричность не могла уже удовлетворять, а пожалуй въ нѣкоторой степени была бы и вредна. Говоримъ, вредна — ибо извѣстно, что всякое законодательство, приспособляясь къ состоянію и потребностямъ народа, въ тоже время имѣетъ воспитывающее, т.-е. облагороживающее или огрубляющее вліяніе; законодательство, которое приспособлено было къ потребностямъ народа младенческаго и дѣйствовало на него облагораживающимъ образомъ, потеряетъ свою облагораживающую силу, будетъ дѣйствовать обратно, если оно останется у народа и тогда, когда народъ выйдетъ изъ состоянія младенческаго. Но несмотря на эту смягченность новозавѣтнаго законодательства, выражаемаго изреченіями о блаженствахъ, обязательность его чрезъ то нимало не умаляется, а напротивъ еще болѣе возвышается; при иныхъ условіяхъ развитія человѣка оно говоритъ человѣку иначе; тѣмъ большей винѣ и осужденію подлежитъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ или не хочетъ понимать истиннаго смысла предписаній, выражен-

наго мягко, съ устраненіемъ всякой грозной обстановки, внушающей трепетъ и ужасъ.

Если въ извѣстныхъ отношеніяхъ ветхозавѣтный человѣкъ былъ ребенокъ и тѣмъ самымъ оправдывалъ указанныя отношенія къ нему законодательства, то тѣ же самыя отношенія къ нему законодательства онъ оправдывалъ и еще нѣкоторыми другими условіями своей жизни. Подзаконное состояніе ветхозавѣтнаго человѣка было состояніемъ *рабства*, которое снято съ человѣка Іисусъ Христомъ и замѣнено состояніемъ сыновства (Гал. IV, 1—8. Рим. VIII, 14—15). Рабъ обязанъ безпрекословно исполнять волю своего господина, не дерзая и думать оставить эту волю безъ исполненія; господинъ отдаетъ рабу приказанія что-либо сдѣлать, не предоставляя ему никакого права поступать по своему собственному усмотрѣнію и не считая себя обязаннымъ входить въ какія-либо объясненія относительно важности своихъ приказаній. Рабъ исполняетъ волю своего грознаго господина не потому, что это есть желаніе его сердца, а по рабскому безотчетному чувству самосохраненія. Господинъ смотритъ на исполненіе рабомъ его приказаній не какъ на добровольный подвигъ, заслуживающій похвалы или награды или благодарности, а какъ на дѣло необходимости. Въ такомъ отношеніи стоялъ къ человѣку Ветхаго Завѣта законъ. *Не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь* и т. д. говоритъ господинъ, сдерживая дурныя привычки своего раба, и родившагося и воспитаннаго въ рабствѣ Рабъ исполняетъ эти приказанія изъ страха предъ грознымъ владыкою его жизни и смерти. Будь эти приказанія выражены со стороны господина мягче, ласковѣе, рабъ счелъ бы это позволеніемъ со стороны господина жить какъ ему угодно и могъ бы дать просторъ своимъ грубымъ инстинктамъ, не оцѣняя доброты господина. Рабскія отношенія человѣка къ Богу Іисусъ Христосъ замѣнилъ отношеніями сыновства, даровалъ людямъ право называть Бога своимъ Отцомъ. «Возлюбленные, мы теперь дѣти Божіи. Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божіими» (1 Іоан. III, 2. 1).

Этимъ духомъ сыноположенія отличаются и изреченія о блаженствѣ. Сыну предоставляется свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, ему указываются основанія, почему исполненіе желанія отца будетъ съ его стороны дѣломъ хорошимъ. Добрый сынъ безпрекословно исполняетъ желаніе отца, но не изъ страха, а по влеченію сердца, изъ уваженія къ волѣ отца, которая для него священна, хотя не выражена категорически. Отецъ цѣнитъ это совершенно свободное выраженіе сыновней покорности и какъ свободное обѣщаетъ наградить. Тѣмъ не менѣе при полной повидимому свободѣ, предоставляемой отцомъ сыну—исполнить или не исполнить его желаніе, послѣднее обязательно для него, и всякое прекословіе, всякое уклоненіе отъ исполненія было бы признакомъ непокорности, заслуживающимъ порицанія со стороны огорченнаго отца. «Станемъ ли грѣшить, потому что мы не подъ закономъ, а подъ благодатію? Никакъ!» Въ такія именно отношенія поставляются христіане къ Богу изреченіями о блаженствахъ; отсюда понятно, насколько обязательно для христіанина послѣдованіе этимъ изреченіямъ. «Вы, друзья мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ. Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его, но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего» (Іоан. XV, 15—16). Точно также и апостолы, раскрывая въ своихъ посланіяхъ понятіе о томъ духѣ христіанской свободы, который сталъ характеристическою особенностію христіански-нравственной дѣятельности, не разъ указывали, что этому духу не только нимало не противорѣчитъ неуклонное послѣдованіе заповѣдямъ Христовымъ, а напротивъ принадлежитъ даже къ естественнымъ проявленіямъ ея. «Господь есть Духъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода» (2 Кор. III, 17), говоритъ одинъ изъ апостоловъ, высказывая основной характеръ христіански-нравственной дѣятельности. Это основное начало, будучи правильно понято, приводитъ къ дѣятельности согласной съ заповѣдями Божіими. «Кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ, тотъ,

будучи не слушателемъ забывчивымъ, но исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи» (Іак. I, 25). Поэтому, наставляетъ другой апостолъ, «такъ говорите и такъ поступайте, какъ имѣющіе быть судимы по закону свободы» (Іак. II, 12); «какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи,» поясняетъ третій апостолъ (1 Петр. II, 16).

Наконецъ, строгость, суровость ветхозавѣтнаго законодательства, выступающая ясно при сравненіи его съ мягкостію новозавѣтнаго законодательства, до извѣстной степени объясняется еще и нѣкоторыми другими состояніями ветхозавѣтнаго человѣка. Законъ смотрѣлъ на человѣка не только какъ на ребенка и раба, но и какъ на *преступника*, и этимъ оправдывались его извѣстныя отношенія къ человѣку. Преступникъ, пока не снята съ него подсудность и отвѣтственность за преступленіе, пока не будутъ считать его по суду оправданнымъ, не можетъ разсчитывать на особенно мягкое отношеніе къ нему закона. Пока, на основаніи уже содѣланныхъ имъ преступленій, въ немъ предполагается возможность дѣлать новыя преступленія, законъ не желаетъ по отношенію къ нему достигать другихъ цѣлей кромѣ ограниченія и удержанія отъ грубыхъ проявленій преступной воли и не требуетъ отъ него какихъ либо высокихъ подвиговъ, лишь бы только не сдѣлалъ онъ чего-либо дурнаго. Напротивъ, человѣку, не запятнавшему себя преступленіемъ и не подозрѣваемому въ преступленіи, предоставляется закономъ широкое поле для обнаруженія и развитія положительныхъ свойствъ, указываются многочисленные случаи засвидѣтельствовать свою преданность закону; при чемъ не столько внушается уваженіе къ суровой дисциплинѣ и удерживается человѣкъ отъ нарушеній дисциплины страхомъ дисциплинарныхъ взысканій, сколько желается свободное со стороны человѣка принятіе тѣхъ или другихъ обязанностей и свободное исполненіе ихъ. Нужно ли говорить, что пока искупительною заслугою Христа Спасителя не снята была съ человѣка подсудность и отвѣтственность за древнее прароди-

тельское преступленіе, онъ находился въ положеніи преступника (Рим. III, 19. 23. V, 1—2, 6, 8—11, 16—19. 2 Кор. V, 18—20. Гал. III, 19. Кол. 1. 21—22), и тѣмъ оправдывалъ суровое отношеніе къ нему закона, стремившееся сдержать его преступную волю и удержать его въ предѣлахъ дисциплины. Искупительною заслугою Христа Спасителя снята съ него подсудность и онъ поставленъ въ положеніе человѣка свободнаго развивать свои внутреннія доблести въ кругу обязанностей, предначертываемыхъ волею Законодателя, не желающаго, впрочемъ, стѣснять личныхъ наклонностей человѣка. Но при всей свободѣ дѣйствій и выбора рода занятій, предоставляемой человѣку закономъ, уклоненіе отъ обязанностей было бы дѣломъ безчестнымъ съ его стороны, заслуживающимъ тѣмъ большаго осужденія, чѣмъ большая предоставляется ему свобода: такъ точно и новозавѣтный Законодатель предоставляетъ полную свободу слѣдовать или не слѣдовать его наставленіямъ, развивать или не развивать указываемыя имъ добродѣтели, тѣмъ не менѣе уклоненіе отъ нихъ было бы дѣломъ безчестнымъ и заслуживающимъ особеннаго порицанія.

Отсюда видно, что изреченія о блаженствѣ заключаютъ въ себѣ не менѣе обязательности для христіанина, чѣмъ сколько заключали для ветхозавѣтнаго человѣка десять заповѣдей, и напрасно думалъ бы кто оправдать свое уклоненіе отъ послѣдованія имъ тѣмъ, что по внѣшнему виду они предоставляютъ человѣку полную свободу слѣдовать имъ не слѣдовать, и какъ бы не подвергаютъ человѣка отвѣтственности въ случаѣ, еслибы почему-либо онъ не сталъ слѣдовать имъ.

Свящ. М. Воздвиженскій.

(Продолженіе впредь).

СЛОВО

ПРЕДЪ ПОГРЕБЕНІЕМЪ ТѢЛА Н. А. МИЛЮТИНА, БЫВШАГО ЧЛЕНА КОММИССІИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ, СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ ПО ДѢЛАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, И ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ЦЕРКВИ СЕГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФЕССОРОМЪ БОГОСЛОВІЯ, ПРОТОІЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ, 29 ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.

Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отнынѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ ихъ. (Апок. XIV, 13).

При гробѣ имснитаго мужа, послужившаго Отечеству къ совершенію великихъ въ немъ дѣлъ, послужившаго благоуспѣшно и, можно сказать, даже до пожертвованія самою жизнію,—при гробѣ такого мужа достойно быть похвалѣ: *память его съ похвалою праведною.*

Но когда эта похвала провозглашается съ мѣста Священнаго, то она пріемлетъ еще высшее запечатлѣніе. Ибо это есть запечатлѣніе — не славы временной, какъ ни была бы она продолжительна, но блаженства вѣчнаго;—не восхваленія словами человѣческими, нерѣдко смущающими души великія, или же усыпляющими иныя къ покою недѣятельному, но облаженствованія несумнѣнными глаголами Духа Божія, призывающими также къ покою, но всегда дѣятельному, подобно божественному; къ покою созерцанія дѣлъ неоставляемыхъ, но могущественно посылаемыхъ идти въ слѣдъ ублажаемаго и упокоеваемаго: *блажени мертвіи умирающіи о Господѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ ихъ.*

Вы знаете, слушатели, какія дѣла почившаго особенно достойны такой похвалы. Правда, не онъ одинъ совершилъ ихъ— великія дѣла на пользу милліоновъ меньшихъ братій Отечества, равно на пользу въ немъ страны, которой неустройство особенно тяжкимъ игомъ лежало также на меньшей нашей братіи порабощаемой или уничижаемой даже въ самомъ священнѣйшемъ внутреннѣйшемъ человѣческомъ достоянiи, т.-е. въ вѣрѣ и совѣсти. Итакъ не онъ одинъ совершилъ эти дѣла; даже, что я говорю? здѣсь Совершитель — не онъ и никто изъ подобныхъ ему; онъ, какъ другіе, сотрудничествовалъ въ совершеніи тѣхъ великихъ дѣлъ: но — онъ положилъ въ нихъ все, душу и жизнь. Эти-то по преимуществу дѣла, безъ сомнѣнія, не останутся только здѣсь, но идутъ и *пойдутъ* въ слѣдъ за нимъ; ибо эти дѣла, и по видимомъ ихъ совершеніи, не престали и не престанутъ до конца раскрываться въ соотвѣтственныя имъ благія послѣдствія; и это-то все доброе ихъ плодоношеніе, въ мѣру достоянія его труда, еще и еще должно восходить въ слѣдъ его, пріумножая и дѣйственность покоя и исполняя полноту блаженства: *блажени мертвіи умирающіи о Господѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ ихъ.*

Не представляется ли кому несбыточнымъ такое блаженство, такой покой не отъ дѣлъ, а въ дѣлахъ, и такое движеніе дѣлъ земныхъ на небо? Пусть разсудятъ: какого свойства эти дѣла,—дѣла земнаго ли только совершенія,—дѣла земнаго ли только отечества,—дѣла здѣсь ли только важнаго счастія тѣхъ, для кого они совершаются? Нѣтъ; такія дѣла, дѣла любви и самоотверженія для братій въ самое Небесное Отечество достигаютъ, и только тамъ уже завершаются вседѣтельнымъ словомъ Самого Сына Божія; ибо когда исполнится мѣра ихъ здѣшней полноты, въ день великаго откровенія всяческихъ они имѣютъ быть измѣрены и суждены во свѣтѣ единственнаго величайшаго дѣла Самого Спасителя человѣчества, и приняты по Его ясному слову какъ содѣянныя во имя Его и даже какъ содѣянныя для Него Самого: *аще сотвористе еди-*

ному сихъ меньшихъ братій, Мнѣ сотвористе. (Матѳ. XXV, 31 — 40). Потому-то Духъ Отца небеснаго и увѣряетъ, что такіе дѣлатели о Господѣ во успеніи своемъ *блажени*, и *глаголетъ* о нихъ, *да почіютъ* въ трудахъ своихъ, ибо *дѣла ихъ восходятъ въ слѣдъ ихъ.* Духъ же увѣряетъ и говоритъ до времени, доколѣ они сами изъ Богочеловѣческихъ устъ Христовыхъ услышатъ: *пріидите благословеніи Отца Моего и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (ст. 34).

Но, слушатели, — кому мы повторяемъ эти слова блаженства? Самимъ *ли мертвымъ умершимъ о Господѣ?* Конечно, мы должны говорить хотя о нихъ, но въ утѣшеніе и въ назиданіе насъ оставшихся, дабы сами мы, находящіеся еще на пути къ вѣчнодѣйственному покою, не ослабѣвали въ добромъ временномъ дѣланіи, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ кто поставленъ премудрымъ и благимъ Провидѣніемъ; дабы всякій стремился къ тому, чтобы и его великія, или малыя дѣла доставили ему блаженный покой во успеніи о Господѣ, чтобъ и за нами шли только благіе плоды нашего дѣланія и чтобъ въ день великаго суда и наши дѣла усвоены были Христомъ Господомъ какъ Ему собственныя, а не были отвергнуты какъ Ему чуждыя, съ отверженіемъ и самихъ дѣлателей: *не вѣмъ васъ, отъидите отъ Меня вси дѣлающіи беззаконіе.*

Нѣтъ *иного имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися*, кромѣ имени Господа Христа Спасителя; нѣтъ и никогда не было, равно какъ и не будетъ. И древнее человѣчество Христомъ спасалось, — одни зная и въ ожиданіи Его пришествія содѣлывая свое спасеніе, другіе не зная, но равно покланяясь Ему Невѣдомому. Ибо Христосъ есть Создатель человѣка, а человѣкъ есть образъ и подобіе Христово въ существѣ своего созданія; и сей образъ въ самомъ паденіи человѣка не въ конецъ затмился. Посему Христосъ же есть и Спаситель человѣковъ *во всѣ времена*—и во время подготовленія спасенія, также какъ во времена совершенія и распространенія спасенія. Потому-то всегда и отъ всѣхъ, Имъ Со-

здателемъ и Спасителемъ всѣхъ, пріемлется и именуется какъ Ему угодное и Ему подобающее, ибо отъ Него Единаго во всѣхъ исходящее—всякое нравственное совершенство, *вся елика суть истинна, елика честна, елика прелюбезна, елика достохвальна, всякая добродѣтель, всякая похвала*, особенно же—любовь и сострадавіе къ братіямъ и самоотверженіе ради нихъ, какъ истиннѣйшее подобіе безпредѣльной Его Спасительной любви къ человѣчеству. Такъ даже незнающіе, еще не слышавшіе Его Божественнаго имени, но сотворившіе дѣла Его *во всякомъ народѣ и языцѣ пріятны Ему*, то-есть пріемлются Имъ какъ свои, или воспріемлются въ общее спасеніе. *Нѣсть иного имени подъ небесемъ, о Немъ же подобаетъ спастися.*

Если же такъ, то сколь же блаженны должны быть тѣ, кто по неиспытаннымъ глубинамъ Его промысла сподобились узнать Его присноспасительное имя, ясно услышать Его святое и освящающее слово, и еще здѣсь пріобщаться блаженства общенія съ Нимъ, — возможно-полнаго общенія духомъ и тѣломъ, въ дарованныхъ Имъ людямъ Его—Церкви Его—божественныхъ таинствахъ даже до таинства Его тѣла и крови! — Симъ облаженствованнымъ, отъ нихъ же и мы по дару благодати Его, — не надлежитъ ли особенно помнить и разумѣвать и хранить дарованное преимущество, и уже въ сообразности съ онымъ устроять свое спасеніе? Такъ христіанамъ уже мало того, чтобы дѣла ихъ жизни сообразовались только съ духомъ дѣлъ Христовыхъ; они должны еще достойно исповѣдывать самое имя Христово; они не должны пренебрегать изліянными на нихъ дарами общенія Христова; они должны понимать, что безъ сего *отнынѣ* самая добродѣтель въ нихъ не будетъ вполнѣ дѣломъ Божіимъ, не будетъ въ нихъ вполнѣ согласна и съ духомъ дѣлъ Христовыхъ: ибо для христіанъ уже вотъ мѣра дѣлъ, вотъ дѣло Божіе—дѣло Христово, Имъ Самимъ указанное какъ рѣшительная мѣра: *се есть дѣло Божіе, да вѣруютъ въ Пославшаго Мене.* Христіане должны знать, что они уже не древняго міра люди;

что они уже *новаго* міра люди; что ихъ жизнь будетъ измѣрена и взвѣшена иначе, хотя тѣмъ же правосудіемъ и милосердіемъ: *кому много дано, много и взыщется отъ него.* Должно примѣтить, что Духъ Святый увѣрительно говоритъ собственно о христіанахъ, что именно они *блаженны* во успеніи своемъ, ибо говоритъ: блаженны мертвіи умирающіи о Господѣ *отнынѣ.*

Однако и нынѣ есть, и между христіанами—какъ бы древняго міра люди, слыша не слышащіе имени Христова и видя невидящіе жизни людей Его, Церкви Его;—какъ и въ предѣлахъ земли и нынѣ еще есть многіе, многіе дѣйствительно не услышавшіе всеспасительнаго Имени и дѣйствительно неузрѣвшіе спасающей и спасаемой жизни. Что̀ скажемъ о семъ?—Послѣдніе по истинѣ живутъ еще въ древнемъ домостроительствѣ, или во времени подготовленія имъ спасенія; слѣдственно, по закону того времени и судъ о нихъ, какъ говоритъ Апостолъ. Но первымъ гдѣ мѣра суда? вотъ вопросъ. Безъ сомнѣнія мѣру суда таковымъ, прежде всего — поставитъ ихъ совѣсть, на сколько они *искренно* не слышатъ, то-есть не разумѣваютъ, хотя желали бы уразумѣть; и насколько они *искренно* не видятъ, то-есть не усматриваютъ, хотя желали бы усмотрѣть. Это первое; второе подобно первому: — насколько жизнь ихъ, дѣла ихъ *дѣйствительно* соотвѣтствуютъ духу Христову какъ единому истинному закону истинной жизни человѣческой, котораго они не могутъ уже не видѣть хотя внѣшними очами въ вещественной Книгѣ, и котораго не могутъ совсѣмъ не разумѣть хотя внѣшнимъ знаніемъ, впрочемъ безъ прерѣканія запечатлѣваемымъ уже въ свидѣтельствѣ чистой совѣсти. Если же все кончить, то надлежитъ еще сказать: любовь Церкви и о нихъ молится какъ о требующихъ помощи свышней; и *щедръ и милостивъ Самъ Господь*, благоволившій не отдѣлять Себя отъ Церкви, но быть ея живою Главою, знающею и всеправедно управляющею движеніями ея любви. Такъ, искренно не слышащимъ, но желающимъ слышать свыше отверзается слухъ; и искренно не видящіе, но

желающіе видѣть свыше просвѣщаются зрѣніемъ лица Господня и судебъ Его — въ часъ праведно опредѣляемый въ Его всеблагомъ совѣтѣ. Такъ, Господь пріемлетъ приближающихся къ Нему и въ третій, и въ шестый, и въ девятый, и даже въ единодесятый часъ ихъ жизни: *ибо хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прiити*, прощая всякое согрѣшеніе даже противъ Себя какъ Сына человѣческаго. Только сознательное противленіе истинѣ, какъ *хула* уже *на Духа истины, не будетъ имѣть прощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій*. Но сей судъ не принадлежитъ человѣкамъ: *не судите, да не судими будете.*

Довольно слова намъ оставшимся; заключимъ словомъ о почившемъ. Съ миромъ да помышляемъ о немъ. Онъ сподобился отъити не только съ дѣлами по духу Христову, но и съ вѣрою во Имя Христово и въ спасеніе Его. И эта вѣра, сколько видимо намъ, пріяла уже здѣсь какъ вѣнецъ — послѣднее напутственное запечатлѣніе тѣснаго души и тѣла общенія со Христомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Тѣла и Крови Его. Итакъ съ миромъ да помышляемъ о почившемъ, и сей миръ да утверждаемъ всегда благопотребною общею, согласною молитвою любви, церковною молитвою, — да на крилахъ ея мощнѣе восходятъ въ слѣдъ его и собственныя его несомнѣнно добрыя, совершенныя дѣла; и ея совершенствомъ, да совершенствуются всякое дѣло, всякое слово, всякое помышленіе погрѣшительныя—въ вѣдѣніи или въ невѣдѣніи; да идетъ въ слѣдъ его лишь одно доброе въ неизмѣнное исполненіе его вѣчнаго покоя во блаженномъ успеніи о Господѣ. Итакъ миръ любви въ почившемъ!

Миръ всѣмъ, и — неложное спасеніе отъ Господа нашего Іисуса Христа! Аминь.

СЛОВО

ПРЕДЪ ПОГРЕБЕНІЕМЪ ТѢЛА В. Н. НИКОЛЬСКАГО, ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ГОВОГЕННОЕ ПРОФЕССОРОМЪ БОГОСЛОВІЯ, ПРОТОІЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ 1872 ГОДА.

Не слишкомъ ли часто посѣщаетъ насъ смерть? Въ кругѣ одного года — четвертый гробъ съ добычею изъ не великаго нашего круга! Что̀ это значитъ? — Еслибы кто назвалъ это случаемъ; все-таки это необыкновенный случай. Слѣдственно изъясненіе его изъ причинъ только обыкновенныхъ уже недостаточно.

Въ Евангеліи мы имѣемъ повѣствованіе о двухъ необычайныхъ случаяхъ смертности, гдѣ дано также чрезвычайное отъ устъ самого Христа Господа изъясненіе сей необычайности или нечаянности. Людямъ привычно—такъ или иначе обвинять самихъ усопшихъ какъ бы въ винѣ или причинѣ ихъ смерти. Господь остерегаетъ отъ такихъ мыслей: «Думаете ли вы, говоритъ онъ, что тѣ осьмнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская, и побила ихъ, виновнѣе были прочихъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ.» Но Господь обращаетъ къ другимъ мыслямъ,—необыкновеннымъ мыслямъ, которыя потому и открываются словомъ Господнимъ, что онѣ не приходятъ и не могутъ придти путемъ обычнымъ на умъ человѣку. Какія же это мысли?—«Если не покаетесь, всѣ также пострадаете» (Лук. XIII, 4, 5).

Слова Господа открываютъ намъ: какъ мы должны смотрѣть на смерть нашихъ ближнихъ, и какую животворную истину

для сохраненія собственной жизни должны добывать изъ самыхъ гробовъ.

Прежде всего, никогда не только не должны мы износить словъ суда, но должны сдерживать и мысли осужденія памяти почившихъ, кто бы они ни были. Каждая память должна быть для насъ священна какъ жертва нашихъ усопшихъ ближнихъ ради насъ самихъ. Въ самомъ дѣлѣ, слова Господа не показываютъ ли, что никто не умираетъ только за себя, но что каждый упреждающій въ смерти умираетъ какъ бы ради всѣхъ остающихся еще на жизненномъ пути? Это не то, конечно, значитъ, чтобъ смерть нашихъ ближнихъ спасала насъ отъ смерти, но своими предваряющими спасительными уроками она приготовляетъ насъ къ непостыдной и мирной кончинѣ. Высокіе земли, похищаемые смертію, собираютъ вокругъ себя многое множество почитателей и друзей. И у смиреннаго земли есть сынъ или товарищъ, который провождая его на вѣчный покой невольно помыслитъ, что и ему и можетъ быть скоро предстоитъ тотъ же путь. Въ этомъ смыслѣ умираетъ отецъ за дѣтей, жена за мужа, мужъ за жену, товарищъ за товарищей. Такъ смерть есть величайшее дѣло одного за другихъ ради вразумленія, т.-е. спасенія, дѣло одного ради спасенія многихъ. Вотъ о чемъ вразумляетъ Господь помышлять при случаяхъ смерти, особенно же при какой-либо необыкновенности такихъ случаевъ.

«Если не покаетесь, всѣ также постраждете.» Слова сіи имѣютъ нѣчто особенное. Здѣсь разумѣется не простое частное раскаяніе во грѣхахъ; здѣсь разумѣется то великое общее покаяніе, которое проповѣдано всему міру пришедшимъ Спасителемъ: *покайтеся, приближися бо царствіе Божіе;* здѣсь разумѣется всецѣлое измѣненіе расположеній человѣка и обращеніе его ко Христу, при чемъ уже спасительно и частное покаяніе. Христосъ призываетъ смертнаго человѣка къ Себѣ какъ Источнику жизни, причащаясь котораго мы могли бы не страшиться никакихъ нечаянностей въ жизни, хотя бы пришлось ходить *посреди сѣни смертной*,—причащаясь котораго,

аще и умремъ, будемъ живы. Ибо Онъ Спаситель Самъ за насъ умеръ и поразилъ *жало* нашей *смерти;* ибо воскресъ и насъ совоскрешаетъ съ Собою. *Аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ.* Смерть Христова — вотъ наше спасеніе отъ ужасовъ смерти!

Слушатели христіане! Вечеря Господня, причащеніе Его Тѣла и Крови есть величайшая радость, высочайшее блаженство христіанской жизни; но примѣтьте внимательно—ускользающее отъ обыкновеннаго вниманія: всякій разъ какъ мы приступаемъ къ сей Вечери, мы пріемлемъ оружіе противъ смерти отъ живоноснаго гроба Господня, — величайшая наша радость порождена Его смертію: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. XI, 26). Именно Его смерть есть наша жизнь, и не только по смерти—жизнь вѣчная, но и до смерти—сохраненіе и утвержденіе, исцѣленіе и продолженіе самой настоящей жизни, слѣдственно есть безопасность отъ самой смерти. Только да помнимъ вразумленіе Апостола, что приступающій къ сему присноживоносному источнику да приступаетъ со испытаніемъ себя и съ разсужденіемъ о тѣлѣ Господнемъ. Какъ для извѣстнаго рода больныхъ самый свѣжій воздухъ становится разрушающимъ ихъ жизнь огнемъ; такъ для нездравыхъ душъ, т.-е. для не пріемлющихъ врачества покаянія, самое пріобщеніе Божественной жизни бываетъ не во здравіе. Посему-то Апостолъ вразумлялъ Коринѳскихъ христіанъ, что такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ приступаютъ къ живоноснымъ тайнамъ недостойно, *не разсуждая тѣла Господня, сего ради въ нихъ мнози немощни и недужливи, и умираютъ довольно* (ст. 30).

Но, братія, если ближніе наши, предваряющіе насъ *въ пути всея земли,* являются для насъ хотя невольно какъ бы стражами нашего спасенія, то мы оставшіеся да будемъ благодарны къ нимъ молитвою любви о нихъ: *да вси едино будемъ во Господѣ* Спасителѣ всѣхъ.

Усопшій братъ нашъ! Пріими сію христіанскую любовь отъ насъ. Тебѣ не нужно нашихъ похвалъ, которыя иногда иныхъ сопровождаютъ въ вѣчность какъ отголоски шумящей славы временной. Ты и при жизни поставлялъ свою славу не въ похваленіи людскомъ. Сіе мужество, соединенное съ постоянствомъ честности, не всегда цѣнится всѣми и во время, а посему и не звучитъ какъ слава. Но похваленіе твое да будетъ предъ Богомъ, вѣдущимъ человѣческія сердца и воздающимъ всякому по достоянію внутреннему истинно. Не всѣмъ тѣмъ хвала отъ Господа, кто *пріялъ благая въ животѣ своемъ*. Скорби настоящей жизни скорѣе суть залогъ похвалы въ жизни будущей. Радуемся о тебѣ, что ты сподобился, очищенный страданіями тѣла и сокрушеніями духа, въ послѣдніе твои часы здѣсь—пріять залогъ освященія и нетлѣнія въ общеніи Животворящаго Таинства Господня. Молитва же наша о тебѣ, искренняя братская молитва да скажетъ душѣ твоей еще—и о нашемъ благоуваженіи къ памяти твоей. Миръ тебѣ въ Господѣ со всѣми нами! Аминь.

ВЗГЛЯДЪ НА ЦЕРКОВНУЮ РЕФОРМАЦІЮ ВЪ АНГЛІИ.

Въ 1862 г. въ генеральной конвенціи епископальной церкви Соединенныхъ Штатовъ Америки былъ возбужденъ вопросъ о сближеніи съ православною восточною и русскою церковію. Съ этою цѣлію съ разрѣшенія конвенціи организованъ былъ особый комитетъ для изысканія и усиленія средствъ къ ближайшему знакомству съ вѣроученіемъ, богослуженіемъ и управленіемъ нашей церкви. Секретарь этого комитета, теперь уже епископъ, Іонгъ былъ у насъ въ Россіи и оставилъ ее, сколько намъ извѣстно изъ церковныхъ журналовъ Америки, съ самыми пріятными впечатлѣніями и надеждами. «То, что видѣлъ онъ въ этой отдаленной странѣ, говоритъ одинъ изъ помянутыхъ журналовъ, даетъ намъ ясное и отрадное доказательство дружественнаго расположенія главныхъ іерарховъ и высшихъ правительственныхъ людей Россіи и ихъ готовности отвѣчать на всѣ предложенія о соединеніи, если они будутъ сдѣланы съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отъ нихъ не ожидали никакихъ уступокъ, простирающихся на основные принципы вѣры и іерархіи.» Движеніе въ Америкѣ отозвалось въ Англіи; и въ Лондонѣ, какъ въ Нью-Іоркѣ, организованъ былъ съ тою же цѣлію и такой же комитетъ. Здѣсь, можно сказать, движеніе это обнаружилось сильнѣе, потому что оно не такъ ново, какъ въ Америкѣ. Съ той поры, какъ вслѣдствіе внутреннихъ волненій по важнымъ догматическимъ вопросамъ и неудовлетворительнаго рѣшенія ихъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, въ англійской церкви особенно

рѣзко выдѣлилась недовольная партія пюзеистовъ, съ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія взоры многихъ членовъ англиканскаго духовенства особенно внимательно устремились на Востокъ и на нашу русскую церковь. Было время, когда англійскіе богословы слишкомъ цѣнили свои исключительныя протестантскія начала и заботились развивать ихъ въ противоположность принципамъ римско-католической системы. Вражда двухъ вѣроисповѣданій была еще такъ свѣжа и сильна во всей церкви англиканской, что даже лучшіе и ученѣйшіе изъ ея богослововъ неспособны были замѣтить, что усиливаясь въ борьбѣ съ одними крайностями, они сами впадаютъ въ другія. Со временъ пюзеизма замѣтно обнаруживается стремленіе искать истинное начало вселенскаго православія и развивать его въ своей церкви, очищая всѣ наросты, образовавшіеся подъ вліяніемъ католицизма, а потомъ реформаціи. Съ той же поры въ ученомъ мірѣ богословскомъ пробуждается желаніе ближе и основательнѣе узнать восточную и нашу русскую церковь. Переводятся и издаются книги, изъ которыхъ можно было бы познакомиться съ ученіемъ, устройствомъ и религіозною исторіею Востока и Россіи. Теперь англичане имѣютъ нашъ православный катехизисъ въ переводѣ Пальмера (1846 г.); литургіи восточной церкви въ переводѣ Ниля съ ученымъ изслѣдованіемъ историческаго образованія различныхъ богослужебныхъ чиновъ; имѣютъ исторію нашей церкви въ переводѣ Блякмора; Д. Нилемъ изданы были ученые и добросовѣстные труды по исторіи Восточной церкви и нѣкорыхъ ея патріархатовъ; Блякморъ изложилъ ученіе православной восточной и русской церкви и старался согласить его съ англійскимъ вѣроученіемъ. [1])Пальмеръ издалъ на греческомъ языкѣ составъ и порядокъ англиканскаго богослуженія, примѣнительно къ православному. Если принять во вниманіе сравнительную

---

[1]) A Harmony of Anglican Doctrine with the Doctrine of the Catholic and apostolic Church of the East. См. также: The Doctrine of the Russian Church.

распространенность англійскаго языка у насъ и почти совершенную неизвѣстность нашего языка въ Англіи и Америкѣ, и вслѣдствіе этого недоступность нашей литературы для самыхъ образованныхъ классовъ европейскаго общества, то мы едва ли не принуждены будемъ сказать, что тамъ въ Англіи и Америкѣ больше сдѣлано для того, чтобы открыть обществу возможность познакомиться съ нашею церковію, нежели у насъ для тѣхъ же цѣлей относительно Англіи и Америки. Какъ бы мы ни смотрѣли на эти движенія въ англо-американской литературѣ и духовныхъ правительственныхъ сферахъ, во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ, съ какимъ религіозные люди обѣихъ націй смотрятъ на восточную и нашу русскую церковь. Они видимо неравнодушны къ тѣмъ воззрѣніямъ, какія мы въ свою очередь имѣемъ на ихъ вѣроисповѣданіе, на ихъ церковь и жизнь. Напротивъ они желали бы, чтобы эти воззрѣнія были сколько возможно благопріятнѣе для нихъ, наши свѣдѣнія о нихъ сколько возможно вѣрнѣе и подробнѣе.

Мы не стали бы упоминать объ этихъ фактахъ, еслибы дѣло шло только объ одномъ любопытствѣ, очень естественномъ правда въ жителѣ Запада, воспитанномъ подъ иными вѣроисповѣдными и національными условіями; еслибы хотѣли изучать нашъ бытъ, наши вѣрованія, нравы и обычаи съ такою же точно цѣлію, съ какою толпы англиканскихъ путешественниковъ изучаютъ бытъ и нравы индусовъ, обитателей внутренней Африки и другихъ племенъ. Нѣтъ; источникъ любознательности, съ какою обращаются къ намъ англо-американцы, другой и гораздо болѣе важный. Они хотятъ ближе узнать наше вѣроисповѣданіе и нашу церковь потому, что какъ ни мало еще знаютъ ее, но уже чувствуютъ, что въ ней они могли бы найти восполненіе тѣхъ внутреннихъ глубокихъ недостатковъ, какіе замѣчаютъ у себя, чрезъ нее помирить глубокій внутренній разладъ, какой они чувствуютъ въ своей церковной средѣ. Мы приведемъ здѣсь слова секретаря упомянутаго комитета Іонга, въ которыхъ высказаны истинныя намѣ-

ренія англо-американской церкви въ сближеніи съ нашею церковію. Они имѣютъ оффиціальный характеръ и не служатъ только выраженіемъ его личныхъ убѣжденій. «Стоя одиноко среди многочисленныхъ протестантскихъ обществъ, вслѣдствіе непоколебимой вѣрности апостольскому преемству своей іерархіи, своей католической литургіи, символамъ, преданіямъ и обрядамъ, великая англиканская церковь, со времени своего освобожденія отъ рабства папамъ, всегда съ глубокимъ интересомъ и живыми симпатіями обращала свои взоры на православную церковь Востока... Недоставало только повода для того, чтобы выразить эти чувства какимъ-нибудь дѣйствіемъ съ нашей стороны. Колонизація значительнаго числа русскихъ въ Санъ-Франциско и желаніе съ ихъ стороны принимать таинства отъ нашихъ пасторовъ, за неимѣніемъ собственныхъ, убѣдили насъ, что настало наконецъ время, когда обѣ церкви, по взаимному соглашенію, должны опредѣлить свои религіозныя отношенія. Помня горячую молитву нашего Искупителя, да вси едино будутъ, и зная любвеобильный духъ, какимъ всегда отличалась православная церковь Востока, американская церковь не поколебалась первая сдѣлать шагъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. При многихъ существенныхъ пунктахъ согласія и при немногихъ разногласіяхъ между нами, мы съ своей стороны питаемъ надежду, что при взаимныхъ усиліяхъ, безъ пожертвованій основными принципами съ той или другой стороны, на строго-каѳолическомъ и вселенскомъ основаніи, можетъ въ надлежащее время быть достигнуто взаимное соглашеніе.» Да, сближеніе съ нашею церковію лежитъ въ основаніи живаго интереса, съ какимъ относятся къ намъ англо-американцы. Мы не имѣемъ основаній предполагать, къ какимъ результатамъ поведетъ это сближеніе, но можемъ, кажется, положительно сказать, что въ англо-американской церкви есть немало людей, искренно расположенныхъ къ нашей церкви, всегда съ уваженіемъ и благоговѣніемъ отзывающихся о ней. Эти люди большею частію принадлежатъ къ духовному, образованному классу общества, который одинъ имѣлъ до сихъ

поръ нѣкоторую возможность познакомиться съ ученіемъ и богослуженіемъ нашей церкви. И нельзя сказать, чтобы это знакомство, какъ ни скудно оно, оставалось безъ всякихъ результатовъ. «Чѣмъ болѣе мы изучаемъ исторію восточной церкви, говоритъ Іонгъ, тѣмъ ближе знакомимся съ нею, тѣмъ слышнѣе становится для насъ голосъ ея авторитета и тѣмъ сильнѣе стремленіе наше къ сближенію съ нею. Права восточной церкви съ особенною силою представляются теперь нашему сознанію.» Несмотря на множество препятствій, какими въ Англіи затруднена теперь возможность искренно, безъ предубѣжденій отнестись къ Востоку и Россіи, уже обнаруживаются въ нѣкоторыхъ сферахъ признаки религіознаго движенія, которое имѣетъ прямою цѣлію сближеніе съ нашею церковію. Епископомъ абердинскимъ былъ изданъ еще 1864 г. меморіалъ, съ приглашеніемъ всѣхъ желающихъ соединенія съ православною церковію засвидѣтельствовать свое желаніе подписью. Мы не знаемъ результатовъ этого воззванія, но странно было бы предположить, что такое публичное заявленіе было выраженіемъ желанія одного только человѣка, или чтобы этотъ человѣкъ, приглашая другихъ, не разсчитывалъ напередъ на ихъ сочувствіе. Въ окружныхъ грамотахъ нѣкоторыхъ епископовъ къ духовенству своихъ епархій встрѣчаются такія же приглашенія, и въ соединеніи съ восточною церковію указывается единственное средство для выхода изъ затруднительнаго положенія англиканской церкви, особенно въ отношеніи къ государству. Уже за этимъ движеніемъ, лишь только началось оно въ Америкѣ, ревниво и зорко слѣдитъ Римъ; немедленно послѣ закрытія генеральной конвенціи въ Нью-Іоркѣ, въ 1862 г., въ одномъ изъ журналовъ, издаваемыхъ въ столицѣ папства, былъ публикованъ подробный отчетъ о движеніи американской церкви къ сближенію съ восточною и заключался слѣдующими словами: «Такъ англиканское общество стремится поставить себя въ положеніе гораздо худшее, чѣмъ когда-либо, ища примиренія и сближенія съ греками-схизматиками.»

Мы вовсе не желаемъ преувеличивать значеніе этихъ фактовъ, или предрѣшать будущій исходъ движенія. Мы желали бы только уяснить положеніе, какое всего полезнѣе и приличнѣе было бы принять въ виду этихъ движеній, совершающихся далеко отъ насъ, но близкихъ и родныхъ намъ. И кажется самое лучшее положеніе нашего общества въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы то же, какое англо-американское духовенство рѣшилось занять въ отношеніи къ намъ. Мы ходимъ въ туманѣ, одинокіе, говорятъ они, намъ нужно узнать путь, по которому намѣрены идти, чтобы дѣлать вѣрные и твердые шаги. И для этой цѣли они хотятъ обратиться къ подробнѣйшему изученію нашего православія и нашей церковной исторіи. Съ этою именно цѣлію учреждены оба упомянутые нами комитета въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, съ этою цѣлію переводятся и издаются наши книги и даже изучается нашъ языкъ, такъ трудный и такъ медленно поддающійся усвоенію западнаго европейца. Намъ кажется, что и съ нашей стороны всего естественнѣе было бы поступить такъ же, узнать ближе людей, ищущихъ знакомства съ нами и притомъ съ такимъ важнымъ и серьезнымъ намѣреніемъ. И съ нашей стороны побужденій къ этому гораздо больше, чѣмъ одно любопытство, или даже научная любознательность. Изучить внимательно прошедшее человѣка значитъ узнать, что онъ такое теперь, какія желанія и стремленія занимаютъ его, откуда эти стремленія и куда, по всей вѣроятности, они направятся. Точно также хорошее знакомство съ исторіей реформаціи въ Англіи можетъ объяснить намъ современное церковное устройство и религіозныя стремленія этой страны, поможетъ справедливѣе оцѣнить внутреннія достоинства религіозной жизни этого великаго народа и спокойнѣе, сознательнѣе опредѣлить мѣру и важность тѣхъ поврежденій и недостатковъ, которые вошли въ церковное ученіе и устройство Англіи въ процессѣ ея историческаго развитія.

Англіи въ этомъ отношеніи кажется всего менѣе посчастливилось у насъ. Политическое устройство и соціальный бытъ этой

страны, исторія образованія и характеръ англійской конституціи, политическая экономія, педагогическіе принципы и пріемы воспитанія давно возбуждали вниманіе и живой интересъ въ нашемъ образованномъ обществѣ; оно много знаетъ о нихъ, многому сочувствуетъ, а иному даже готово было бы подражать. Между тѣмъ религіозная исторія и жизнь Англіи далеко не такъ знакомы и можно сказать даже менѣе извѣстны, чѣмъ жизнь другихъ государствъ континента. Кто не слыхалъ напр. именъ Лютера, Кальвина, Цвинглія, Меланхтона и др., не знаетъ даже многихъ, частныхъ подробностей изъ жизни каждаго? И между тѣмъ какъ не многіе сравнительно знаютъ имена Кранмера, Ридлея, Латимера, Нокса и другихъ англійскихъ реформаторовъ! Конечно ни одна изъ этихъ личностей не была такъ типична, какъ Лютеръ, ни одна не оставила такихъ глубокихъ, доселѣ еще видныхъ слѣдовъ на дѣлѣ, которому она посвятила себя. Но въ томъ-то и особенность англійской реформаціи, и вѣроятно благодѣтельная для націи, что во всей ея исторіи нельзя указать ни на одну личность, которая имѣла бы такое вліяніе на свой вѣкъ и занимала такое видное мѣсто между современниками, чтобы можно было справедливо назвать ее вождемъ религіознаго движенія. Реформація въ Англіи совершалась совокупными силами всей націи; съ одинаковою энергіею въ ней участвовали и лорды, и духовенство и представители народа въ палатѣ общинъ. И отъ этого, намъ кажется, нисколько не ослабляется интересъ общаго движенія и не подавляется значеніе личной дѣятельности каждаго изъ передовыхъ реформаторовъ. Изъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ первому поколѣнію англійской реформаціи, ун асъ всего болѣе посчастливилось Генриху VIII, чувственному, своенравному, деспотическому государю Англіи; объ немъ всего болѣе знаютъ и мнѣнія западной исторической литературы, особенно католической, связывающія всѣ реформы въ англиканской церкви съ личными стремленіями и отношеніями этого короля къ папѣ, безъ критики принимаются въ тѣхъ немногихъ сочиненіяхъ объ ан-

глійской церкви, какія существуютъ у насъ. Разводъ Генриха съ Екатериною Аррагонскою полагаютъ не только главною причиною разрыва англійской церкви въ римскою, но источникомъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій, какъ будто возможно было бы оторвать цѣлый народъ отъ его вѣрованій, утвержденныхъ цѣлыми столѣтіями, волею одного человѣка, еслибы воля эта не опиралась на общія потребности и стремленія. Дѣло Генриха, еслибы оно было его личнымъ дѣломъ, и умерло бы съ нимъ. Достаточно было бы одного царствованія Маріи Тюдоръ, его дочери, самой ревностной католички, для того, чтобы жестокими преслѣдованіями уничтожить всѣ слѣды реформъ, если только они еще оставались. Ближайшее знакомство съ исторіей ясно убѣждаетъ, что Генрихъ вовсе не такъ много сдѣлалъ и значилъ для реформаціи, какъ обыкновенно предполагаютъ; а то, что хотѣлъ сдѣлать, большею частію не удалось и умерло вмѣстѣ съ нимъ. Самъ Генрихъ жилъ и умеръ строгимъ католикомъ по убѣжденіямъ во всемъ, кромѣ признанія главенства папы. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ англійской церкви строго католическую національную церковь, и не успѣлъ въ этомъ; она сдѣлалась національною, но не осталась католическою, несмотря на всѣ усилія Генриха и старшей его дочери.

Въ исторіи англійской реформаціи слѣдуетъ различать двѣ стороны: конституціонное преобразованіе церкви, измѣненіе ея отношеній къ римскому двору, и обрядово-догматическую реформу, измѣненіе въ догматикѣ и богослуженіи. На континентѣ обѣ реформы совершались одновременно; можно сказать даже, что въ Германіи и Швейцаріи послѣдняя предшествовала первой. Въ Англіи онѣ шли раздѣльно, и первая почти совсѣмъ окончилась, когда началась вторая. Начнемъ съ исторіи конституціонной реформаціи англиканской церкви. Чтобы яснѣе опредѣлить ея причины и характеръ, нужно обратиться нѣсколько назадъ къ исторіи англиканской церкви до реформаціи.

Древняя британская церковь во многихъ отношеніяхъ раз-

личалась отъ римской и ближе подходила къ восточной, откуда, по всей вѣроятности, она и заимствовала свое христіанство. Время празднованія Пасхи въ церквахъ Британіи не совпадало съ общепринятымъ въ римской и другихъ западныхъ церквахъ; безбрачіе духовенства не признавалось обязательнымъ даже для епископовъ; въ XIII столѣтіи ирландскіе епископы еще были женатыми. Ученія о чистилищѣ и пріобщеніи мірянъ подъ однимъ видомъ британская церковь не знала и имѣла свою литургію, различавшуюся отъ римской. Главенства папы надъ своими епископами она не признавала и церковное управленіе производилось соборами. Это древне-британское христіанство пало въ борьбѣ съ германскимъ язычествомъ англо-саксовъ, и почти совсѣмъ вытѣсненное изъ Англіи нашло себѣ убѣжище въ природныхъ твердыняхъ гористаго Валлиса, на сѣверныхъ островахъ Шотландіи и въ болотистой Ирландіи [1]).

Въ концѣ VI ст. было отправлено папою Григоріемъ Великимъ извѣстное посольство пріора Августина съ бенедиктинцами къ Етельберту, королю кентскому. Съ этого времени англо-саксонская церковь вошла въ союзъ съ Римомъ и папствомъ. Но и послѣ этого до Эдуарда Исповѣдника, т. е. почти до половины XI ст. она удерживала нѣкоторыя національныя особенности и сохраняла употребленіе своего роднаго языка при богослуженіи и въ религіозныхъ сочиненіяхъ. Очень немногіе изъ туземнаго духовенства могли понимать языкъ латинскій и Беда принужденъ былъ переводить для нихъ символъ вѣры и молитву Господню. Уваженіе къ римскому престолу, несмотря на всѣ старанія Дунстана, еще не успѣло перейти въ понятіе о верховной власти папы, частію потому, что система центральной, неограниченной церковной монархіи еще не вполнѣ организовалась тогда, частію потому, что отдаленное положеніе Англіи затрудняло частыя сношенія съ Римомъ. Церковныя должности большею частію замѣщались туземнымъ

[1]) Collier's Eccles. history, vol. 1, p. 48. Beda 1, 27.

клиромъ и право инвеституры не возбуждало споровъ между королями и папами, оно еще не выяснилось и не успѣло обнаружить въ Англіи своихъ слѣдствій.

Другой характеръ принимаетъ исторія англо-саксонской церкви со времени Эдуарда Исповѣдника и особенно послѣ завоеванія Англіи норманнами. Воспитанный въ Нормандіи, и долго живя здѣсь, Эдуардъ забылъ обычаи и нравы своей родины и полюбилъ чужіе. По возвращеніи въ Англію онъ съ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на туземные обычаи, сохранявшіеся въ церкви и государствѣ; саксонскій языкъ при богослуженіи казался ему оскорбленіемъ святыни; онъ ненавидѣлъ грубость манеръ и необразованность духовенства, гордаго своимъ вліяніемъ и независимостію. Духовенство изъ Нормандіи и Франціи стало выселяться въ Англію и король давалъ ему самыя высшія и доходныя мѣста. Съ этого времени англо-саксонская церковь начала утрачивать свой національный характеръ и усвоять себѣ общій типъ римской средневѣковой церкви. Начатое Эдуардомъ было докончено норманскими королями, завладѣвшими Англіей. Съ благословенія папы, съ священнымъ знаменемъ въ рукахъ Вильгельмъ высадился на островъ, и тамъ, гдѣ еще до сихъ поръ стоитъ пустынное аббатство, по обѣту выстроенное завоевателемъ и названное аббатствомъ битвы (подлѣ Гестингса), рѣшилась судьба Англіи и несчастнаго короля ея Гарольда. Началась насильственная ломка туземныхъ учрежденій, обычаевъ и правъ и пересадка на завоеванный островъ другихъ обычаевъ съ континента, изъ Нормандіи. Этотъ переворотъ коснулся и церкви и слѣды его остались надолго. Чужеземные рыцари овладѣли собственностію англо-саксонскаго дворянства, и воинственные прелаты, въ панцырѣ съ мечемъ сопровождавшіе побѣдоносное войско Вильгельма, заняли самыя богатыя епископства и аббатства. Подъ вліяніемъ новаго архіепископа Ланфранка, въ Англіи установилась папская іерархическая система въ тѣхъ формахъ, въ какихъ представлялась она гордому уму Григорія VII. Англо-саксонскій языкъ изгнанъ изъ церквей, судеб-

ныхъ учрежденій и школъ и замѣненъ былъ при богослуженіи латинскимъ, въ остальныхъ мѣстахъ норманно-французскимъ. Не опредѣленныя закономъ права духовенства были опредѣлены въ точныхъ границахъ и на вершинѣ іерархической лѣстницы поставленъ былъ архіепископъ кентербюрійскій въ званіи папскаго намѣстника или легата. На мѣсто свободнаго туземнаго клира, съ самостоятельнымъ соборнымъ управленіемъ, явилась феодальная іерархія съ папою во главѣ. И въ Англіи въ этомъ отношеніи повторились тѣ же явленія, какія происходили на континентѣ. Какъ членъ феодальной системы, духовенство обязано было давать вассальную присягу королю, нести повинности и налоги, назначаемые королемъ, какъ верховнымъ сувереномъ и наравнѣ съ свѣтскими вассалами короны участвовать въ военныхъ походахъ. Независимость древнихъ соборовъ была утрачена; ихъ постановленія не могли приводиться въ исполненіе безъ согласія короля; судебная власть церкви была также ограничена и ни одинъ изъ непосредственныхъ вассаловъ короны не могъ быть наказанъ церковнымъ отлученіемъ безъ королевскаго приговора. Такъ древняя британская церковь, со времени своего основанія, переживала третью эпоху, въ третій разъ измѣняла свою форму. Въ ней явилось богослуженіе на чужомъ языкѣ, съ новыми обрядами и церемоніями, съ іерархіей, устроенной по духу феодальной системы. На мѣстѣ деревянныхъ церквей явились готическіе катедралы, массивные, тяжелой архитектуры, похожіе на замки рыцарскихъ епископовъ; каѳедры послѣднихъ были перенесены изъ селеній въ большіе города, и на мѣсто туземнаго клира, сильнаго своимъ личнымъ вліяніемъ на народъ, явилась феодальная іерархія, проникнутая стремленіями расширить свою власть насчетъ государственной и національной независимости, опираясь на центральную силу всего католическаго міра— папу. Здѣсь скрывался зародышъ борьбы между государствомъ и церковію, и исторія Англіи въ этомъ отношеніи повторяетъ тѣже явленія, какія въ XII и XIII ст. совершались на континентѣ Европы. И здѣсь, какъ и тамъ, идетъ жесто-

кая борьба въ теченіи двухъ столѣтій между королями и чуждымъ паціи духовенствомъ, управляемымъ папою. Тѣ же два вопроса рѣшаются этою борьбою въ Англіи, какъ и въ остальной католической Европѣ: вопросъ объ инвеституръ и объ юрисдикціи духовенства. Мы не будемъ разсказывать здѣсь исторію этой борьбы; въ Англіи она была не менѣе ожесточена и продолжительна, чѣмъ на континентѣ. Не была она и болѣе счастлива для государственной независимости. Торжество папства надъ властію государственною быть можетъ нигдѣ не было такъ полно, какъ въ Англіи. Роль императора (Генриха IV), босаго, въ одной власяницѣ, въ холодъ и непогоду, три дня на колѣняхъ вымаливающаго прощеніе у гордаго папы конечно глубоко унизительна для достоинства главы государства. Но едвали не унизительнѣе роль несчастнаго Іоанна Безземельнаго, когда, положивъ къ ногамъ папскаго легата свою корону, онъ среди унизительныхъ церемоній долженъ былъ принять королевство Англіи и Ирландіи въ ленъ отъ римскаго престола, — или роль Генриха II у гробницы Бекета, суроваго архіепископа кентербюрійскаго. Ни одинъ король Европы не принималъ на себя такихъ тяжелыхъ, невыполнимыхъ обязательствъ въ отношеніи къ папскому престолу и не покупалъ цѣною такого глубокаго униженія прощенія у папы за преступленіе, въ совершеніи котораго онъ не призналъ себя виновнымъ предъ легатами папы. Обнаженными ногами переступилъ онъ порогъ храма, въ которомъ стояла гробница архіепископа, подвергъ себя бичеванію монаховъ аббатства, отмѣнилъ всѣ свои распоряженія противъ іерархіи и осудилъ на смерть всякую попытку возстановить ихъ. Борьба іерархіи съ королями окончилась повидимому полнымъ торжествомъ папства надъ государственнымъ началомъ. Замѣчательны слѣдствія, которыми сопровождалась эта борьба и побѣда въ жизни англиканской церкви, и которыя возбудили реакцію въ странѣ, приготовившую ее къ реформамъ XVI ст.

Напряженная борьба папъ съ гогенштауфенами совсѣмъ истощила римское казначейство и вынудила папъ прибѣ-

гнуть къ чрезвычайнымъ налогамъ на духовенство всѣхъ католическихъ націй Европы, подобно тому, какъ они дѣлали это во времена крестовыхъ походовъ. Вмѣсто 20-й части ежегодныхъ доходовъ, какъ это бывало обыкновенно, папы требовали 10-ю и даже пятую. Жадность римскаго двора достигла крайнихъ предѣловъ въ XIV ст. и тогда въ Римѣ все сдѣлалось продажнымъ и ничего нельзя было сдѣлать безъ денегъ. Къ этому времени относится изобрѣтеніе различныхъ казуистическихъ тонкостей, къ которымъ прибѣгала римская курія для того, чтобы захватить въ свои руки назначеніе на всѣ высшія и низшія доходныя мѣста въ церкви, деканства, каноникаты, пребенды и бенефиціи — изобрѣтеніе этихъ мандатъ, или рекомендательныхъ писемъ кандидатамъ на мѣста, резерваціи, или провизіи, которыми останавливался мѣстный выборъ духовенства и заранѣе объявлялось, что папа предоставляетъ себѣ назначеніе на такое-то епископство, или аббатство, експектаціи, предоставлявшихъ извѣстнымъ лицамъ право преемства на то, или другое мѣсто еще при жизни настоящаго обладателя, коммендъ, которыми предоставлялось пользованіе доходами отъ церковной должности безъ исполненія обязанностей, съ ней связанныхъ, такъ что одному лицу можно было владѣть за-разъ многими бенефиціями, или отдавать ихъ дѣтямъ,—диспенсаціи, или освобожденія отъ существующихъ церковныхъ постановленій, духовныхъ обѣтовъ, наказаній и пр. За каждую изъ этихъ привиллегій желавшій получить ее разумѣется долженъ былъ платить деньги римской куріи. Въ Англіи, гдѣ король былъ игрушкою въ рукахъ папы, римское корыстолюбіе обнаружилось безъ всякой осторожности. Здѣсь папа требовалъ себѣ отъ каждой каѳедральной церкви ежегодный доходъ съ двухъ лучшихъ пребендъ, и отъ каждаго монастыря доходъ двухъ монаховъ. Все духовенство обязано было уплачивать десятую часть со всѣхъ церковныхъ имуществъ. Вошло въ обычай при всякомъ назначеніи въ новую должность требовать аннаты, или доходъ съ бенефиціи за первый годъ. При постоянно повторявшейся борьбѣ на выбо-

рахъ, рѣшеніе которой обыкновенно поступало къ римскому двору, вліяніе папъ на замѣщеніе епископскихъ и другихъ должностей постоянно возрастало, особенно потому, что этому благопріятствовали сами короли, которымъ удобнѣе было сговориться съ куріей, чѣмъ съ избирательными корпораціями. Такъ почти всѣ епископскія каѳедры въ Англіи были замѣщаемы на основаніи папскихъ провизій; вліяніе короля, епископовъ, корпорацій и патроновъ на выборы постепенно ослабѣвало. Такъ случилось въ Англіи, что большая часть доходныхъ мѣстъ была занята иностранцами, которые посредствомъ подарковъ, услужливости, уступокъ значительной части доходовъ въ пользу куріи снискивали себѣ благоволеніе папскаго двора. За небольшую плату они содержали подчиненнаго имъ клирика для исполненія церковныхъ обязанностей, а сами расточали огромные доходы на континентѣ, преимущественно въ Италіи. Многіе приходы сосредоточивались въ рукахъ одного лица, и это злоупотребленіе достигло такихъ размѣровъ, что капелланъ Генриха III владѣлъ 700 бенефицій. Въ XIV ст. папа высылалъ въ Англію итальянцевъ уже не по одиночкѣ, а цѣлыми толпами, назначая ихъ на вакантныя мѣста. Однажды, по свидѣтельству Матѳея Парижскаго, ихъ прибыло вдругъ 300 человѣкъ; всѣ они не знали языка страны, не чувствовали никакой привязанности къ народу и не могли производить на него никакого вліянія, совершенно пренебрегали обязанностями своей службы и заботились только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе обогатиться. 40 тысячъ марокъ (марка 2 ф. ст.), т.-е. втрое больше, нежели король англійскій, ежегодно получали эти итальянцы въ Англіи, по свидѣтельству того же лѣтописца. Папа присвоилъ себѣ въ Англіи доходы съ мѣстъ вакантныхъ до времени ихъ замѣщенія, и съ цѣлію продлить пользованіе ими замедлялъ назначеніемъ; ему принадлежала половина доходовъ съ бенефицій, которыми владѣли на основаніи коммендъ несовершеннолѣтніе, или иностранцы никогда не жившіе въ Англіи; въ пользу римской куріи обращалось имущество духовныхъ, умершихъ безъ завѣщанія. Для сбора

всѣхъ этихъ доходовъ постоянно жили въ Англіи папскіе агенты, итальянскіе купцы, которымъ сборъ отдавался на откупъ. Чтобы насъ не заподозрили въ преувеличеніи, мы сдѣлаемъ одну, или двѣ выдержки изъ парламентскихъ актовъ XIV в., которые наполнены жалобами на злоупотребленія римской фискальной системы. Въ актахъ парламента 1376 г. мы читаемъ: «папа за одно епископство, или другую должность, при перемѣщеніи съ нея, или по случаю смерти, получаетъ три, четыре, даже пять тяжелыхъ пошлинъ, и между тѣмъ какъ римскіе финансисты назначаютъ людей бездѣльныхъ, неспособныхъ и неученыхъ на должности съ ежегоднымъ доходомъ въ тысячи марокъ, люди ученые и достойные едва могутъ заработывать 20, отъ чего ученость и наука упадаютъ; чужеземцы и враги этой страны, которые никогда не видѣли и не желаютъ видѣть свою паству, занимаютъ церковныя бенефиціи... По милости папскихъ резерваціи, провизіи и коммендъ множество христіанскихъ душъ губится своими пастырями, которые мало или совсѣмъ не разумѣютъ нашъ языкъ, не знаютъ условій и обычаевъ жизни людей, ввѣренныхъ ихъ попеченію; служба Божія пренебрегается, благотворительныя учрежденія, госпитали, больницы пустѣютъ, церкви съ ихъ принадлежностями стоятъ въ развалинахъ... Сборщикъ папскихъ податей содержитъ въ Лондонѣ домъ съ клерками и чиновниками съ такою роскошью, какъ будто это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ королевскихъ дворцовъ, и ежегодно отправляетъ папѣ 20 т. марокъ и болѣе» (Fox's Acts and Monum. of the Church.; Vaughan Life of Wycliffe).

Въ юридическомъ положеніи англійской церкви папское преобладаніе производило не менѣе безпорядковъ. Извѣстно, какими обширными привиллегіями пользовалось духовенство въ средніе вѣка во всѣхъ католическихъ націяхъ Европы. Кромѣ того, что ему предоставленъ былъ свой, самостоятельный судъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая даже уголовныхъ, его вѣдомству подлежало очень много вопросовъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ суду духовному, напримѣръ дѣла о десятинахъ,

бракахъ, завѣщаніяхъ, клятвопреступленіяхъ, договорахъ, и пр. Къ кругу лицъ, подчиненныхъ юрисдикціи духовенства, кромѣ лицъ, непосредственно принадлежащихъ къ клиру, принадлежали всѣ міряне, принявшіе тонсуру, или постриженіе, всѣ, имѣвшіе какое-нибудь служебное отношеніе къ церкви. Такое расширеніе юридическихъ правъ духовенства нисколько не удивительно, если принять во вниманіе крайнюю неопредѣленность и необработанность гражданскаго права германскихъ народовъ, населившихъ Европу, гдѣ, какъ *напримѣръ* въ Англіи, оно составлялось въ разныя времена, изъ преданій и обычаевъ различныхъ племенъ, вторгавшихся въ страну, и съ другой стороны сравнительное превосходство образованія духовенства, знакомаго съ греко-римскимъ правомъ. Оно не могло бы имѣть особенно вреднаго вліянія на внутреннюю жизнь и государственный порядокъ въ Англіи, какъ и во всякой другой странѣ, еслибы клиръ былъ національнымъ, еслибы онъ не тяготѣлъ къ отдаленному центру своему, для котораго чужды были интересы націи. Чѣмъ болѣе развивалась папская система централизаціи, тѣмъ болѣе она запутывала порядокъ гражданской и церковной жизни Англіи и развивала множество аномалій въ государственномъ организмѣ. Укажемъ здѣсь на одну изъ такихъ аномалій, бывшую поводомъ къ жестокой и унизительной для короны борьбѣ Генриха II съ Ѳомою Бекетомъ. Вмѣстѣ съ римскимъ христіанствомъ введенъ былъ въ Англію обычай освобождать нѣкоторые монастыри отъ юрисдикціи епархіальнаго епископа и прямо подчинять ихъ суду и власти папы. Такими привиллегіями пользовались всѣ знаменитыя аббатства Англіи, начиная съ кентербюрійскаго. Подобное ограниченіе мѣстной власти въ пользу высшей и центральной, само по себѣ могло бы не сопровождаться особенно вредными слѣдствіями для церкви, еслибы эта центральная власть была національною. Но что же вышло изъ этой привиллегіи подъ вліяніемъ не-національной, папской власти? Пользуясь древнимъ правомъ убѣжища, монастыри сдѣлались притономъ всякаго рода преступниковъ, укрывая

ихъ отъ рукъ правосудія. Судебные памятники XII ст. въ теченіе 10 лѣтъ насчитываютъ до 100 убійствъ, совершенныхъ лицами, принадлежащими къ клиру, которыя были наказаны за это только снятіемъ сана, или кратковременнымъ запрещеніемъ. Сила мѣстной юрисдикціи и дѣятельность судебныхъ учрежденій парализировалась множествомъ аппелляцій къ римской куріи, которыми легко можно было или перерѣшить, или во всякомъ случаѣ затянуть дѣло.... Теперь можетъ показаться невѣроятнымъ, какимъ образомъ свободная и незавоеванная нація могла подчиниться такимъ притязаніямъ и вынужденіямъ чужеземной власти,—и притомъ власти духовной, обязанной заботиться о религіозно-нравственной жизни народовъ. Еще менѣе было бы вѣроятно, еслибы великая нація не обнаружила никакихъ стремленій къ противодѣйствію, не попыталась такъ, или иначе облегчить, или совсѣмъ сбросить съ себя цѣпи, наложенныя чужою враждебною ей рукою, наложенныя во имя религіи, но очевидно къ величайшему вреду для нея. Было время, когда могущество папской системы казалось необходимо католическимъ націямъ Европы, когда оно сродняло религіознымъ и церковнымъ единствомъ разрозненныя племена, ослабляло феодализмъ, поддерживало цивилизацію. Теперь это время проходило. Еслибы съ распространеніемъ образованія, съ возрожденіемъ наукъ въ XV ст., католическимъ націямъ не удалось сознательно постигнуть всю фальшу папской политики, своекорыстной, противународной, противурелигіозной, то одна тяжесть цѣпей, которыя онѣ носили, заставило бы почувствовать всю ненормальность своего положенія въ отношеніи къ римскому двору и искать такого, или иного исхода изъ этаго положенія.

Исторія англійской церкви въ продолженіе всего XIV ст. есть исторія національной реакціи противъ ненаціональнаго клира и его главы папы. Въ этотъ періодъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ исторіи образованія англійской конституціи, выступаетъ энергическимъ дѣятелемъ народъ въ лицѣ своихъ представителей, членовъ палаты общинъ. Историческая задача, ко-

торую онъ разрѣшалъ, была самая сложная и трудная. Въ одно время онъ долженъ былъ бороться за свои права и съ королемъ и съ папою, потому что и та и другая власть нерѣдко дѣйствовали соединенными силами, опираясь одна на другую для достиженія своихъ интересовъ. Духовенство въ эту критическую эпоху часто мѣняло свое положеніе, становясь то на сторону парламента, то переходя на сторону папы. Еслибы фискальная система римскаго двора не была одинаково тяжела для духовенства, какъ и для народа, еслибы папы въ своихъ корыстныхъ стремленіяхъ бережливѣе и осторожнѣе обращались съ собственностію англійскаго клира, то имъ вѣроятно удалось бы надолго еще удержать духовенство въ своихъ рукахъ и надолго затянуть борьбу общинъ. Но духовенство не менѣе народа терпѣло отъ злоупотребленій папской системы, чувствовало себя крайне стѣсненнымъ въ своихъ правахъ и не могло не желать хотя нѣкоторой свободы. Сами папы своими притязаніями поставили духовенство въ ряды оппозиціи и содѣйствовали улучшенію его отношеній къ представителямъ народа въ парламентѣ. Въ теченіе всего XIV ст. слышатся громкія жалобы въ палатѣ общинъ на ненормальныя отношенія церкви къ государству и слѣдуетъ постепенно, хотя довольно туго, рядъ мѣръ къ улучшенію. Въ нихъ всего лучше высказывается направленіе національныхъ чувствъ въ отношеніи къ духовенству и скрывается зерно будущей конституціонной реформаціи англиканской церкви. Генрихъ VIII немного сдѣлалъ болѣе того, что сдѣлано было цѣлымъ столѣтіемъ прежде него; большая часть мѣръ его была только усиленнымъ повтореніемъ сказаннаго прежде него.

Фискальная система римскаго двора всего скорѣе давала чувствовать свою тяжесть; съ нея прежде всего и началась реакція. Сначала обнаруживается попытка ограничить прямые денежные налоги папы, такъ-называемый динарій апостола Петра и ленную дань королей за право носить корону Англіи. Особенно тяжела была для національнаго чувства эта послѣдняя дань, которую слабодушный Іоаннъ Безземельный обязался

выплачивать папѣ; она тѣсно соединялась съ воспоминаніями о глубокомъ національномъ униженіи, какому подвергъ націю этотъ несчастный король. Отмѣняя ее, парламентъ сдѣлалъ замѣчательное постановленіе, въ которомъ рѣзко высказалось настроеніе народныхъ чувствъ. «Такъ какъ Іоаннъ безъ совѣта и согласія сословій, вопреки своей присягѣ, не могъ поставить свободное королевство въ зависимость отъ кого бы то ни было, то нація намѣрена на будущее время противодѣйствовать всѣмъ несправедливымъ притязаніямъ папъ и всѣми, зависящими отъ нея, средствами воспротивиться уплатѣ этой дани.» Іоаннъ Виклефъ, тогда членъ ученаго братства Мертоновой коллегіи въ Оксфордѣ, энергически защищалъ это постановленіе въ однсмъ изъ своихъ сочиненій. Другимъ пунктомъ для нападеній оппозиціи были поборы въ пользу римской куріи, съ которыми соединялось назначеніе на всякую выгодную, или значительную должность церковную. Нація, какъ скоро открылась для нея возможность свободнѣе высказывать свои нужды и мнѣнія, чрезъ своихъ представителей заявила свое крайнее недовольство такимъ положеніемъ церкви. При замѣтномъ пробужденіи чувства народной самостоятельности жалобы представителей народа не могли не обратить на себя вниманія правительства и королей. Послѣдовалъ рядъ парламентскихъ мѣръ (1343—1353 г.), которыми подъ угрозою тюремнаго заключенія и ссылки запрещены были всѣ замѣщенія церковныхъ бенефицій посредствомъ провизій, резерваціи, коммендъ и т. п. У папскихъ агентовъ отняты были полномочія, по которымъ они дѣйствовали доселѣ на основаніи папскихъ буллъ и декретовъ, и выборъ въ церковныя должности предоставленъ былъ мѣстнымъ корпораціямъ, капитуламъ и патронамъ, подъ высшимъ надзоромъ короны. Мы приведемъ здѣсь только два знаменитѣйшіе статута, изъ коихъ одинъ относится къ славному царствованію Эдуарда III, статутъ «provisores», другой ко времени Ричарда II, статутъ «praemunire.» Первымъ постановлено, что всякой, подданный англійскій или иностранецъ, доставшій себѣ, безъ дозволенія короля и его совѣта,

церковную должность отъ папы, лишается всего имущества и подвергается тюремному заключенію со всѣми сообщниками и пособниками. Вторымъ статутомъ опредѣлялось вѣчное заключеніе и конфискація имущества противъ каждаго, кто осмѣлится внести въ государство папскія буллы о назначеніи, или перемѣщеніи епископовъ, аппеллировать отъ короля къ папѣ, или обнародовать и приводить въ исполненіе папскіе декреты. Папа Мартинъ V назвалъ этотъ статутъ противнымъ всѣмъ законамъ—божескимъ и человѣческимъ, и его легатъ грозилъ отлученіемъ всякому епископу, который осмѣлился бы противорѣчить назначеніямъ изъ Рима на церковныя должности въ Англіи. Но когда Ричардъ предложилъ сословіямъ вопросъ: имѣетъ ли папа право отлучать англійскаго епископа, или переводить его на континентъ за то, что онъ поставляетъ на должность кандидата назначеннаго королемъ, обѣ палаты парламента отвѣчали безусловно отрицательно, и даже духовенство объявило, что хотя вообще оно не отрицаетъ у главы церкви права отлучать, или переводить епископовъ, но въ настоящемъ случаѣ почитаетъ своею обязанностію защищать прерогативы короны. Этими двумя статутами положено было de jure основаніе конституціонной независимости англійской церкви, хотя на практикѣ они не всегда удерживали свою законную силу. Главная причина ихъ слабости до временъ самой реформаціи заключалась въ томъ, что королямъ предоставлено было право освобождать, по своему усмотрѣнію, то или другое лице отъ дѣйствія этихъ статутовъ, и римскому двору, путемъ сдѣлокъ и соглашеній съ короною, не трудно было обходить ихъ на практикѣ. Въ своей буквальной силѣ онѣ примѣнялись въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ назначеніи на должность происходило разногласіе между королемъ и папою; но при такихъ столкновеніяхъ римская курія была настолько благоразумна, чтобы уступать во время. Не ранѣе Генриха VIII они получили свою полную фактическую силу. Во всякомъ случаѣ слѣдствіемъ этихъ статутовъ было то, что церковныя бенефиціи въ Англіи рѣже передавались иностранцамъ, курія ограничивалась

большею частію почетными назначеніями такихъ лицъ въ кардиналы, а искатели церковныхъ должностей изъ англичанъ могли хлопотать въ Римѣ о своемъ назначеніи не иначе, какъ съ вѣдома и согласія короны. Можно было бы указать и много другихъ признаковъ реакціи противъ папы и пробужденія народной самостоятельности въ отношеніи къ Риму, напр. на законы Эдуарда о духовныхъ завѣщаніяхъ въ пользу церкви, на законъ устранявшій духовенство отъ высшихъ государственныхъ должностей, и ограничивавшій возрастаніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и пр. Но духъ реакціи противъ Рима и ненаціональной іерархіи ни въ чемъ не обнаружился съ такою силою, какъ въ защитѣ и поддержкѣ, какую Виклефъ нашелъ въ королѣ и парламентѣ противъ папы. Почти безпримѣрный случай въ церковной исторіи запада до реформаціи, чтобы еретикъ, который во многихъ основныхъ положеніяхъ своей доктрины гораздо глубже противорѣчилъ католицизму, чѣмъ реформаторы XVI ст., прожилъ всю свою жизнь окруженный почтеніемъ и умеръ спокойно. Рады были видѣть, что изъ среды самаго духовенства выступилъ противникъ господствующихъ въ церкви злоупотребленій и потому мало думали о слѣдствіяхъ, какія вытекаютъ изъ догматическаго ученія Виклефа. А между тѣмъ этотъ демократъ XIV ст., на основаніи Священнаго Писанія, рѣшительно отвергалъ власть папы, не признавалъ папство божественнымъ учрежденіемъ и говорилъ, что церковь не нуждается въ видимой главѣ. Отвергая папство, онъ дѣйствовалъ во имя національной независимости, смотрѣлъ на папу, какъ на иностранца, требовалъ, чтобы духовенство было туземное, связанное съ интересами страны и пополнялось посредствомъ свободныхъ мѣстныхъ выборовъ, а не зависѣло отъ чужеземнаго главы. Онъ жестоко нападалъ на нищенствующіе ордена—главное орудіе и проводникъ папской системы—и имъ приписывалъ главнымъ образомъ распространеніе суевѣрій и внѣшней, формальной набожности въ народѣ. Виклефъ внесъ отрицаніе даже въ область догматовъ; и несмотря на все это, онъ жилъ и умеръ спокойно и оста-

вилъ послѣ себя столько учениковъ и послѣдователей, что, по современной народной пословицѣ, если вамъ на дорогѣ встрѣчались двое, одинъ изъ нихъ несомнѣнно былъ ученикъ Виклефа.

XIV столѣтіемъ оканчивается политическая реакція англійскаго правительства и парламента противъ не національной іерархіи и папскаго преобладанія. Страшныя междуусобныя войны, извѣстныя подъ именемъ бѣлой и алой розы, отвлекли вниманіе правительства и народа отъ церковныхъ событій. Парламентъ былъ занятъ смутами, произведенными Виклефомъ и его послѣдователями. Реформаторскія идеи этаго демократа напугали духовенство, остановили его на пути къ дальнѣйшей оппозиціи римскому двору и отдалили отъ представителей народа покровительствовавшихъ Лоллардамъ. Духовенство тѣснѣе примкнуло къ трону и своею уступчивостію, почти раболѣпствомъ предъ королями старалось пріобрѣсти благоволеніе правительства и имъ воспользоваться для преслѣдованія опасныхъ еретиковъ и для поддержанія своего іерархическаго положенія. Цѣлый вѣкъ представители духовенства дѣйствовали въ этомъ направленіи и неудивительно, что воспитали въ себѣ ту рабскую угодливость, безгласную покорность и униженіе предъ королями, какими характеризуется ихъ дѣятельность въ первый періодъ реформаціи, при своенравныхъ, деспотическихъ государяхъ изъ дома Тюдоровъ, при Генрихѣ, Маріи, Елисаветѣ.

Такова въ самыхъ сжатыхъ чертахъ исторія отношеній англиканской церкви къ римскому двору до реформаціи. Сохранявшая нѣкоторые признаки своей національности, она, со времени норманскаго завоеванія, совсѣмъ утрачиваетъ ихъ и во всемъ становится похожа на римскую. На мѣсто роднаго языка при богослуженіи является латинскій, на мѣсто англосаксонскаго клира—феодальная іерархія, сильная своими тѣсными связями съ Римомъ, богатая обширными владѣніями внутри королевства, независимая въ своей юрисдикціи, способная успѣшно вести борьбу съ разрозненными элементами еще не-

окрѣпшаго, несложившагося государственнаго организма. Опираясь на эту іерархію, папство утверждаетъ въ Англіи свою систему политико-іерархическаго преобладанія, беретъ огромную дань съ націи, назначаетъ на церковныя должности, вмѣшивается въ юрисдикцію, принимаетъ аппелляціи и окончательно рѣшаетъ церковные споры. Самовластіе папъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ XIV ст.; тогда же начинаетъ пробуждаться чувство независимости въ народѣ; нація выступаетъ энергическимъ дѣятелемъ и чрезъ своихъ представителей въ парламентѣ громко заявляетъ свое недовольство ненаціональнымъ клиромъ и злоупотребленіями римской куріи. Обнаруживается реакція, слѣдуетъ рядъ мѣръ противъ папскихъ притязаній. Съ особенною энергіею она высказывается въ реформаторскихъ попыткахъ Виклефа и въ народномъ сочувствіи его идеямъ. Борьба окончилась въ пользу короны, потому что, хотя духовенство удержало за собою право выбора въ церковныя должности, но на практикѣ это право ослаблялось вмѣшательствомъ короны, оставалось почти формальнымъ правомъ, потому что духовенство не имѣло возможности отстранять кандидата, котораго представляла или рекомендовала корона. Въ сущности эта рекомендація равнялась назначенію.

Намъ остается теперь подвести итогъ всего сказаннаго нами для того, чтобы не колебаться далѣе въ отысканіи источниковъ, изъ которыхъ возникла конституціонная реформація Англиканской церкви въ XVI ст.

1) Противъ системы политико-іерархическаго преобладанія папства возставала англійская нація за долго до реформаціи. Возрастаніе этой системы есть одинъ изъ удивительныхъ феноменовъ въ исторіи и, смотря на прошедшее католическихъ націй Европы съ современной точки зрѣнія, мы невольно приходимъ въ изумленіе, размышляя о томъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ могла развиться власть папъ и какъ долго она удерживалась. Оффиціальный идеалъ папскаго главенства раскрытъ подробно въ сочиненіяхъ Ѳомы Аквинскаго и Беллярмина. Конечно, фразы строго оффиціальныхъ документовъ

на практикѣ не всегда имѣютъ буквальное значеніе и силу; часто онѣ остаются словами безъ значенія. Лучшій примѣръ этого представляетъ намъ исторія той же Англіи. Ея государи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій носили титулъ королей Франціи, а между тѣмъ они не владѣли ни одной саженью французской территоріи. Какъ бы то ни было, эти фразы высказываютъ теорію людей, составлявшихъ оффиціальные документы, ихъ стремленія, ихъ притязанія. И на этотъ разъ идеалъ папской власти былъ едва ли не ближе всѣхъ другихъ историческихъ идеаловъ къ своему осуществленію. Съ понятіями, лежащими въ основѣ современной англійской конституціи, кажется совершенно непостижимо, какимъ образомъ такая доктрина могла быть допущена и положена въ основаніе внутренней жизни какой нибудь національной церкви. А между тѣмъ несомнѣнно, что она содержима была какъ догматъ королями Англіи и всею націей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Едва ли даже въ какой нибудь другой странѣ власть папы достигала въ средніе вѣка такихъ размѣровъ, какъ въ Англіи, и крайнія злоупотребленія этою властію были одною изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ реформацію.

2) Не-національность духовенства была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ папской централизаторской системы. Разсматривая исторію Англіи въ теченіе столѣтій, предшествовавшихъ реформаціи, мы находимъ, что только въ правленіе могущественнѣйшихъ и энергическихъ государей, такихъ какъ Эдуардъ I или III, духовенство, какъ сословіе, не переходило на сторону папы въ самыя критическія минуты народной жизни, когда вопросъ шелъ о самыхъ дорогихъ интересахъ націи. Если-бы власть папъ, среди націй Европы, была чисто духовною, свободною отъ всѣхъ мірскихъ и государственныхъ интересовъ, тогда она не была бы такъ вредна для народовъ; но она, какъ всѣмъ извѣстно, всегда руководилась политическими интересами, итальянскими домашними, или континентальными. Очевидно, безусловная присяга папѣ весьма часто должна была вести англійское духовенство къ забвенію своихъ граждан-

скихъ обязанностей и положенія въ странѣ. Не удивительно, что нація возмутилась противъ такого ненормальнаго положенія въ государствѣ одного изъ вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ сословій. Такъ поступила бы каждая нація, если бы цѣлое сословіе въ ея средѣ, пользуясь огромными правами и привиллегіями, владѣя большими богатствами, дѣйствовало въ духѣ рѣшительно противномъ національнымъ интересамъ, какъ дѣйствовали напр. польскіе ксендзы во время послѣдняго возстанія. Здѣсь источникъ реакціи, вызвавшей и подготовившей реформацію въ Англіи.

3) Реформація была началомъ великаго переворота въ политической организаціи Англіи. Несмотря на суровое, деспотическое правленіе Тюдоровъ, эпоха реформаціи была началомъ дѣйствительной, конституціонной свободы Англіи. Переворотъ въ церковномъ бытѣ Англіи совпадаетъ по своему началу и развитію съ соціальнымъ и политическимъ переворотомъ въ англійской конституціи. Было бы много сказать, что онъ былъ слѣдствіемъ реформаціи. Нѣтъ, это были двѣ струи народной жизни бѣжавшія рядомъ одна съ другой, въ одномъ направленіи, подчиненныя дѣйствію однихъ и тѣхъ же силъ, но не смѣшивавшія своего теченія. И въ томъ и въ другомъ явленіи высказывалось пробужденіе внутреннихъ силъ народа, его стремленіе къ политической и религіозной самостоятельности. Съ этой поры выступаетъ народъ энергическимъ дѣятелемъ въ области внутренняго управленія и видимо стремится расширить свои права и вліяніе на всѣ сферы внутренней государственной жизни, не исключая и религіозной. Спрашивается теперь, была ли хоть малѣйшая вѣроятность, чтобы это вновь пробужденное, но непреодолимое стремленіе народа къ политической самостоятельности могло существовать и развиваться совмѣстно съ существованіемъ и развитіемъ папской системы въ Англіи? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва ли возможны какія нибудь разногласія, если только представить себѣ свойства и стремленія папской системы, права и притязанія на жизнь и развитіе наро-

довъ, ею предъявляемыя и наконецъ исторію столѣтій, предшествовавшихъ реформаціи въ Англіи. Итакъ если должна была развиваться и крѣпнуть политическая свобода Англіи, то конституціонная реформа церкви англиканской была неизбѣжна.

Таковы дѣйствительныя, внутреннія причины переворота въ устройствѣ и управленіи англійской церкви. Значеніе внѣшнихъ поводовъ и обстоятельствъ, среди которыхъ реформація обнаружилась въ XVI стол., слишкомъ невелико. Самый главный между ними, на который чаще всего указываютъ, разводъ Генриха съ Екатериною Аррагонскою былъ до такой степени личнымъ дѣломъ и случайнымъ во всемъ процессѣ развитія реформаціи, что несмотря на внѣшнюю связь его съ послѣдующими событіями строгій историкъ церкви не заслуживалъ бы порицанія, если бы, излагая оффиціальные акты англійской реформаціи, онъ разсказалъ о немъ въ короткихъ словахъ, какъ разсказываютъ о внѣшнемъ поводѣ къ какому нибудь важному событію. Гораздо ранѣе того времени, когда онъ случился, силою внутреннихъ причинъ, нами указанныхъ, приготовлено было очень многое для реформаціи англиканской церкви и, если бы продолжить ее въ строго законномъ и справедливомъ духѣ, то немногое оставалось бы прибавить къ сдѣланному прежде. Главная опора папскаго преобладанія въ Англіи, догматъ о верховной, безапелляціонной власти папъ былъ глубоко потрясенъ еще въ XIV стол.; ближайшія и особенно вредныя слѣдствія его: фискальная система, не-національность клира и его юрисдикціи были весьма значительно ограничены также въ XIV стол. Не доставало еще отмѣны обязательнаго безбрачія для духовенства, очищенія и исправленія монашескихъ учрежденій, — существенная порча которыхъ заключалась опять таки въ томъ, что они были не національны,—и дѣло конституціонной реформы церкви было бы почти окончено. А для того, чтобы разомъ оборвать всѣ цѣпи, связывавшія англиканскую церковь, и образовать самостоятельную, свободную, національную церковь, нужно было возвратиться

къ древнему церковному управленію посредствомъ національныхъ соборовъ. Въ этой формѣ конституціонная реформа церкви составляетъ предметъ самыхъ искреннихъ желаній многихъ членовъ англиканскаго вѣроисповѣданія. [3]) Въ такой формѣ она была бы справедлива, какъ справедливы были причины, ее вызвавшія. Но исторія, къ сожалѣнію, не остановилась на этомъ и послѣдовавшія за тѣмъ догматическія реформы и положеніе, занятое государствомъ въ отношеніи къ церкви, привели англиканскую церковь къ тѣмъ внутреннимъ противорѣчіямъ, изъ которыхъ она теперь ищетъ исхода.

Н. Соколовъ.

---

[3]) См. Contemporary Review статью подъ названіемъ „Church of the future." Январь 1872 года.

МОРМОНЫ

(РЕЛИГІОЗНАЯ СЕКТА ВЪ АМЕРИКѢ).

VI.

Еще во время перевода «Золотой Библіи» Іосифъ Шмидтъ пріобрѣлъ себѣ нѣсколько послѣдователей, свидѣтельствами которыхъ онъ воспользовался для удостовѣренія подлинности происхожденія книги Мормонъ. Первымъ дѣломъ, послѣ изданія книги, была забота собрать своихъ послѣдователей въ одну общину и дать ей извѣстную физіономію и извѣстный строй. Этимъ и занялся Шмидтъ, какъ только покончилъ съ переводомъ скрижалей и отпечаталъ ихъ. Собственно реформа, проповѣдуемая имъ, не вносила ничего новаго въ религіозно-догматическую и даже нравственную жизнь вѣрующихъ; она ограничивалась исключительно нѣкоторыми, незначительными съ точки зрѣнія религіозной, измѣненіями соціальнаго строя жизни вѣрующихъ. Представляя міру картину древне патріархальной жизни избраннаго народа Божія, съ ея законами и пророками, нравами и обычаями, съ ея теократическимъ строемъ и простотою и непосредственностію отношеній, Шмидтъ возвѣщалъ, что, по волѣ Божіей, люди снова должны возвратиться къ этой первоначальной жизни, отбросить всѣ тѣ ненормальности и наросты въ жизни общественной и частной, которые сложились и выработались въ позднѣйшее время вслѣдствіе уклоненія людей отъ истиннаго богопочита-

нія. 30 апр. 1830 года Шмидтъ основалъ первую свою общину въ Манчестерѣ, въ шт. Ньюйоркъ, и въ ней сдѣлалъ попытку осуществить свой идеалъ религіозной жизни. Сначала это общество состояло изъ шести членовъ: самого пророка, его отца, двухъ братьевъ, Коудери и Мартина Гарриса и представляло изъ себя какъ бы одну семью, такъ какъ и Гаррисъ тоже приходился родственникомъ Шмидту. Реформа же во внутреннемъ строѣ и жизни общества на первыхъ порахъ ограничивалась только уничтоженіемъ того разграниченія между жизнію собственно религіозною и обыкновенною, которое такъ рѣзко сказалось въ послѣднее время въ жизни американскаго народа и было причиною религіозныхъ ревивалей. Каждый членъ общины былъ одновременно и гражданинъ и священникъ, или, если угодно, онъ собственно не былъ ни тѣмъ, ни другимъ напередъ, а становился такимъ или инымъ по требованію обстоятельствъ и по указанію пророка, который одинъ заправлялъ всею общиною не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и во всей вообще жизни. Отъ желающихъ поступить въ общину требовалась вѣра въ подлинность происхожденія книги Мормонъ и крещеніе.

Новая община, несмотря на свою малочисленность, съ полною энергіею начала теперь распространять свое несложное ученіе. Во главѣ всѣхъ, конечно, стоялъ самъ пророкъ; онъ первый началъ проповѣдывать въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ, крестилъ и посвящалъ въ старѣйшины. Несложность вѣроисповѣдныхъ особенностей новаго ученія и сильное краснорѣчіе пророка и ревность его помощниковъ были причиною того, что обращеніе шло довольно успѣшно, несмотря на то, что неустановившіяся еще формы внутренней общины затрудняли миссіонерскую дѣятельность пророка, нерѣдко заставляя его отвлекать свое вниманіе отъ миссіи и дѣлать разнаго рода распоряженія. Въ одинъ мѣсяцъ пророкъ пріобрѣлъ въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ до 40 человѣкъ послѣдователей. Послѣдователи Іосифа обыкновенно называли себя «святыми послѣднихъ дней», т. е. дней послѣд-

няго откровенія, бывшаго Іосифу Шмидту; въ народѣ же были извѣстны вообще подъ именемъ «Мормоновъ». Всѣхъ непринадлежащихъ къ ихъ сектѣ мормоны называли вообще «язычниками.» — На самыхъ же первыхъ порахъ слабое положеніе секты заставило ея членовъ ближе и тѣснѣе соединиться другъ съ другомъ и образовать одну общину. Но такъ какъ количество членовъ ея было теперь довольно значительно, то Шмидтъ долженъ былъ позаботиться насчетъ другаго, болѣе удобнаго поселенія. При этомъ пророкъ обнаружилъ то стремленіе къ обособленности и замкнутости, которое проходитъ чрезъ всю исторію мормоновъ и въ основаніи котораго лежитъ стремленіе отречься отъ всѣхъ сложившихся и общеупотребительныхъ формъ жизни, остаться съ глазу на глазъ съ природою и жить простою, естественною жизнію. Поэтому въ своихъ эмиграціяхъ пророкъ направляется къ пустынному западу, обитаемому только одними индійцами, — этими непосредственными дѣтьми природы. На этотъ разъ пророкъ перевелъ свое общество въ Лафайэтъ (въ участкѣ Онтаріо), и къ 1-му іюня 1830 года устроилъ тамъ свой приходъ изъ 30 человѣкъ. Въ бытность пророка въ Критландѣ, новое ученіе принялъ нѣкто Парлей Петеръ Пратъ, личность весьма замѣчательная въ исторіи мормоновъ. Пратъ былъ знаменитымъ пасторомъ камбелитовъ, онъ пользовался большою извѣстностію какъ краснорѣчивый проповѣдникъ, прославился составленіемъ многихъ церковныхъ пѣсней и гимновъ, и слылъ во всемъ околодкѣ вообще честнымъ и умнымъ человѣкомъ и ученымъ богословомъ. Своимъ обращеніемъ и своею ревностною дѣятельностію на поприщѣ апостола новаго ученія онъ много способствовалъ распространенію мормонизма, а своими проповѣдями и литературными статьями, особенно вышеприведеннымъ нами «A Voice of Warning», онъ поднялъ и возвысилъ ученіе мормоновъ въ глазахъ литературнаго міра и всей вообще читающей публики. Его достоинства и заслуги особенно важны были на первыхъ порахъ существованія секты, чтобы поднять и возвысить новое ученіе и новую общи-

ну въ глазахъ населенія. Говорятъ, что, проѣзжая по области Ньюйорка, Пратъ будто бы случайно увидѣлъ книгу Мормонъ и съ перваго же знакомства съ нею убѣдился въ ея божественномъ происхожденіи. Правда, враги мормоновъ стараются заподозрить такую чистосердечность обращенія Прата, указывая на то обстоятельство, что онъ прежде еще былъ знакомъ съ Ригдономъ и слѣдовательно могъ принять мормонизмъ по предварительному соглашенію съ послѣднимъ. Что касается предварительнаго знакомства Прата съ Ригдономъ, то его весьма легко объяснить тѣмъ, что они прежде были пасторами одной и той же секты кэмбелитовъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, только новая община, устроившись въ Лафайэтѣ, чувствовала себя уже на столько сильною, что могла выдѣлить изъ среды своей около половины своихъ членовъ для распространенія новаго ученія въ различныхъ пограничныхъ областяхъ. Между прочимъ 4 миссіонера, Пратъ, Коудери, Виттмеръ и Петерсонъ, отправлены были на западъ къ ламанитамъ (индійцамъ). Въ своихъ инструкціяхъ этимъ миссіонерамъ пророкъ наказывалъ какъ можно ближе сходиться съ индійцами, привлекать ихъ къ новой вѣрѣ всѣми возможными средствами, и между прочимъ высматривать поудобнѣе мѣстности для будущихъ колоній своимъ послѣдователямъ. Эти заботы о дикихъ племенахъ Америки, въ связи съ указаннымъ нами выше стремленіемъ къ обособленности и замкнутости, даютъ поводъ думать, что Шмидтъ хотѣлъ радикально измѣнить образъ жизни и вѣрованій своихъ послѣдователей, и составить отдѣльное, вполнѣ независимое общество, обычаи и нравы котораго развивались бы независимо отъ вліянія старыхъ привычекъ и сложившагося образа жизни.

На пути къ ламанитамъ Коудери и его товарищи должны были проходить чрезъ Менторъ, гдѣ въ то время жилъ учитель и товарищъ Шмидта Ригдонъ. Разставшись съ Шмидтомъ уже около 4-хъ лѣтъ назадъ, Ригдонъ снова занялся теперь своими пасторскими обязанностями. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ мало по малу знакомилъ своихъ прихожанъ съ основными

пунктами ученія мормоновъ, и такъ успѣшно, что когда въ октябрѣ 1830 года прибыли сюда миссіонеры Іосифа Шмидта, то ихъ проповѣдь не могла показаться новостію и была благосклонно принята большею частію прихода. Между прочимъ недалеко отъ Ментора въ Критландѣ жило нѣсколько семействъ, также принадлежавшихъ къ приходу Ригдона; всѣ они приняли новое ученіе, такъ что Коудери въ одну ночь крестилъ 17 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ крестился и самъ Ригдонъ, но только послѣ нѣсколькихъ спорныхъ публичныхъ бесѣдъ съ Коудери и Пратомъ, цѣлію которыхъ было придать большій вѣсъ краснорѣчивымъ доводамъ послѣднихъ. За Ригдономъ послѣдовала большая часть его паствы, такъ что въ нѣсколько дней миссіонеры пріобрѣли здѣсь болѣе ста человѣкъ. Вскорѣ послѣ своего обращенія Ригдонъ отправился къ пророку въ Лафайэтъ; тотъ поставилъ его старѣйшиною, первосвященникомъ, и назначилъ домашнимъ секретаремъ. Все это Ригдонъ получилъ по особенному откровенію свыше, почему пріобрѣлъ особенное значеніе и вѣсъ среди вѣрующихъ. Такъ какъ въ Критландѣ сгруппировалась теперь большая часть послѣдователей новаго ученія, то Шмидтъ, быть можетъ по вліянію Ригдона, счелъ за лучшее перенести туда свою резиденцію. Въ 1830 году пророкъ и его народъ, вслѣдствіе особеннаго откровенія свыше, переселились въ Критландъ, названный мормонами библейскимъ именемъ «Хинеаръ.» Здѣсь новое ученіе стало распространяться съ большою скоростію, такъ что уже въ половинѣ 1831 года въ Критландѣ и его окрестностяхъ насчитывалось до 2 тысячъ мормоновъ. Причиною столь быстрыхъ успѣховъ было сильное религіозное воодушевленіе, проникавшее членовъ общины; миссіонеры новаго ученія, по разсказамъ его послѣдователей, творили чудеса; говорили на различныхъ языкахъ, исцѣляли больныхъ, изгоняли бѣсовъ и пророчествовали. Религіозное воодушевленіе было до того сильно, что пророкъ въ нѣсколькихъ откровеніяхъ долженъ былъ ограничивать его. Общественное вниманіе было сильно заинтересовано новымъ ученіемъ, а трезвый

образъ жизни, разумное и практичное управленіе секты доставили представителямъ новаго ученія большой вѣсъ и значеніе. Секта процвѣтала и морально и физически, и пророкъ нашелъ теперь возможнымъ дѣлать такого рода распоряженія, которыя показывали значительную степень преданности новой общины своей вѣрѣ и своему пророку. Въ февралѣ 1831 года Іосифъ сообщилъ своимъ послѣдователямъ божественное откровеніе, въ которомъ между прочимъ говорилось: «необходимо рабу моему Іосифу построить домъ, гдѣ бы онъ могъ читать и переводить. Если отъ него требуютъ таинствъ моей церкви, то слѣдуетъ обезпечить его пищею, платьемъ и всѣмъ необходимымъ.» Уваженіе къ пророку было такъ велико, что вѣрующіе безпрекословно исполнили божественное откровеніе. Съ этихъ поръ забота о помѣщеніи пророка стояла на первомъ планѣ у его послѣдователей всюду, куда только они ни переселялись.

Обезпечивши свое собственное положеніе, Шмидтъ позаботился о построеніи храма новой религіи. Для этого вскорѣ появилось другое божественное откровеніе, обязывавшее членовъ новой церкви, по примѣру древнихъ израильтянъ, платить десятину съ имѣнія на церковныя и общественныя нужды вѣрующихъ. Это постановленіе было принято общиною и строго выполняется до послѣдняго времени.

VII.

Оливеръ Коудери, посланный миссіонеромъ къ ламанитамъ, такъ рельефно описывалъ прелести и удобства западной пустынной границы Миссури, что пророкъ, отъ начала стремившійся къ обособленности и уединенію, рѣшился основать тамъ центръ могущества своей церкви. Въ іюнѣ 1831 года всѣ старѣйшины секты созваны были на соборъ въ Критландъ, чтобы получить «даръ», состоявшій въ томъ, что пророкъ чрезъ рукоположеніе низводилъ на нихъ св. Духа.

Послѣ этого обряда, большая часть собранія въ количествѣ

300 человѣкъ, получивъ благословеніе пророка, по-парно отправилась на западъ проповѣдывать новое ученіе. Чрезъ мѣсяцъ всѣ они изъ разныхъ пунктовъ должны были собраться въ Индепенденсѣ для совокупнаго обсужденія вопроса о переселеніи. Въ назначенное время прибылъ туда же самъ пророкъ въ сопровожденіи Ригдона и другихъ знатнѣйшихъ старѣйшинъ секты. Мѣстность, указанная Коудери, дѣйствительно была прекрасная и до того понравилась всѣмъ, что все собраніе единодушно положило немедленно основать тутъ новую колонію и заселить ее послѣдователями новаго ученія. Избрано было мѣсто для поселенія; пророкъ предсказалъ будущему городу блестящую будущность, назвалъ его «Новый Сіонъ» и отвелъ мѣсто для будущаго храма. Благословеніемъ пророка и энергіею его миссіонеровъ пустыня скоро превратилась въ мѣстечко, а потомъ въ цвѣтущій городокъ съ полуторатысячнымъ населеніемъ. Пророкъ слишкомъ былъ восхищенъ мѣстностію и удобствами новаго поселенія; въ восторженной рѣчи онъ пророчествовалъ великую славу «Новому Сіону» и по всѣмъ признакамъ думалъ основать тамъ центръ могущества «святыхъ.» Поэтому онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы расширить мѣстность и дать новому обществу наилучшее устройство. Для этого, по откровенію свыше, назначена была цѣлая комиссія подъ начальствомъ нѣкоего Сиднея Гильберта съ цѣлію закупать всѣ окрестныя мѣстности и отдавать ихъ въ общественное распоряженіе новаго города.

Кромѣ установленной десятины для этой цѣли открыта была, тоже по откровенію свыше, подписка, и Мартынъ Гаррисъ долженъ былъ первый подать примѣръ усердія къ общественному дѣлу, пожертвовавши значительную сумму для покупки земель, около Индепенденса. Между другими распоряженіями, относящимися къ благоустройству «Новаго Сіона» къ чести пророка нужно упомянуть его заботы объ основаніи типографіи и газеты, предназначенной литературнымъ путемъ защищать ученіе секты и поддерживать ея значеніе въ обществѣ. Первая газета мормоновъ была «The Evening and Moring Starr,»

издателемъ и редакторомъ ея былъ довольно развитой ученый мормонскій Фелпсъ, котораго статьи противъ невольничества надѣлали много безпокойствъ сектѣ и были едва ли не главнѣйшею причиною ненависти и изгнанія мормоновъ.

Пророкъ впрочемъ не долго оставался на «Новомъ Сіонѣ.» Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія и передавъ управленіе дѣлами епископу Пертриджу, онъ съ главнѣйшими старѣйшинами опять возвратился въ Критландъ. Здѣсь онъ путешествовалъ по окрестностямъ и ревностно проповѣдывалъ новое ученіе. Его старанія были весьма успѣшны; но онъ нерѣдко подвергался преслѣдованіямъ. Такъ въ концѣ марта 1832 года, въ бытность пророка въ деревнѣ Хиралѣ, толпа народа подъ предводительствомъ проповѣдниковъ другихъ сектъ, методистовъ, баптистовъ и камбелитовъ, схватила пророка ночью, вытащила его съ постели, долго волочила по улицамъ и потомъ уже едва живаго обмазала его дегтемъ и осыпала перьями. Съ большимъ трудомъ и то совершенно случайно пророкъ могъ спасти собственную жизнь и немедленно же удалился изъ этой безпокойной мѣстности. Впрочемъ нужно замѣтить, что подобнаго рода преслѣдованія не были тогда рѣдкостію для мормоновъ. Быстрое распространеніе секты и ея довольно презрительное отношеніе къ формамъ жизни и поведенію другихъ были причиною, почему мормоны находили преслѣдованія себѣ почти во всѣхъ пунктахъ. Само собою разумѣется, что подобнаго рода преслѣдованія еще сильнѣе разжигали фанатическій жаръ «святыхъ» и порождали въ нихъ стремленіе при первомъ же удобномъ случаѣ удалиться изъ развращеннаго міра въ благодатный «Новый Сіонъ» подъ покровительство божественныхъ законовъ.

Какъ бы то ни было, Шмидтъ, лишенный на нѣкоторое время возможности продолжать свою миссію, возвратившись въ Критландъ, занялся теперь внутреннимъ хозяйствомъ общины. Изъ установленной прежде десятины накопились теперь достаточныя средства, и пророкъ задумалъ дать имъ выгодное приложеніе. Для этого въ Критландѣ учреждена была

общественная торговая фирма, которою завѣдывалъ самъ пророкъ. При искусствѣ распорядителя и горячемъ сочувствіи вѣрующихъ фирма пріобрѣла въ скоромъ времени большой кредитъ—и въ рукахъ Іосифа очутились порядочные капиталы. На эти деньги пророкъ пріобрѣлъ землю въ окрестностяхъ Критланда, раздѣлилъ ее на участки для продажи новымъ переселенцамъ, при чемъ назначилъ сравнительно довольно высокую цѣну. Участковъ оказалось весьма много, а покупателей нашлось еще болѣе, отъ чего казна увеличилась и обороты фирмы становились все шире и шире. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шмидтъ заботился и о постройкѣ храма какъ въ Критландѣ, такъ особенно въ «Новомъ Сіонѣ.» При большой сложности предпріятій у пророка естественно не хватало времени, тѣмъ болѣе, что духовныя дѣла секты онъ считалъ болѣе важными и необходимо требующими его личной дѣятельности. Поэтому Шмидтъ назначилъ себѣ двухъ главныхъ помощниковъ Ригдона и Вилльяма, которые помогали ему по дѣламъ фирмы и вообще по внѣшнимъ дѣламъ церкви. Такимъ образомъ составился «совѣтъ изъ трехъ,» сдѣлавшійся впослѣдствіи основнымъ учрежденіемъ секты. Наряду съ этимъ опредѣлены были и другія отрасли управленія. Какъ мы видѣли, еще во время перевода скрижалей небесное откровеніе установило два порядка священства, порядокъ священства Мельхиседекова и Ааронова. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія членовъ и накопленія дѣлъ, это общее дѣленіе было снова подраздѣляемо на нѣсколько степеней. Въ первомъ считались: пророки, патріархи, апостолы и др., во второмъ — епископы, священники, учители и діаконы.

Но въ то время, какъ въ Критландѣ дѣла секты шли такъ благополучно и успѣшно, на «Новомъ Сіонѣ» мормоны потерпѣли значительные убытки. Дѣло въ томъ, что со времени удаленія оттуда пророка, по мѣрѣ возрастанія и процвѣтанія секты, окрестные жители начинали завидовать мормонамъ, и вслѣдствіе этого между тѣми и другими чаще и чаще начали повторяться непріязненныя столкновенія. Сначала споры и

ссоры происходили только между частными лицами съ той и другой стороны. Обитатели Индепенденса называли мормоновъ ворами и разбойниками, жившими грабежомъ. Безпристрастные писатели считаютъ это обвиненіе несправедливымъ. Главнѣйшею причиною раздоровъ было повидимому то обстоятельство, что мормоны совершенно оригинально смотрѣли на негровъ и вообще на дикихъ, признавая ихъ не только такими же равноправными людьми, какъ и бѣлыхъ, но и отдавая имъ, какъ остаткамъ древняго Израиля, преимущество во многихъ отношеніяхъ. Правда, этотъ взглядъ на рабовъ раздѣляемъ былъ и лучшими людьми изъ язычниковъ, но тогда какъ частныя лица, раздѣлявшія его, были безсильны, община мормоновъ, состоявшая къ этому времени уже изъ 12 тысячъ человѣкъ, представляла изъ себя довольно значительную политическую силу въ штатѣ, и притомъ печатнымъ образомъ въ своихъ газетахъ и журналахъ заявляла и оправдывала свои идеи и взгляды. Какъ мы замѣтили уже, Фелпсъ своими статьями о невольничествѣ надѣлалъ много шуму, особенно въ рабовладѣльческихъ штатахъ. Содержатели рабовъ (а ихъ было весьма много въ штатѣ, и главное — все люди съ вѣсомъ и значеніемъ въ обществѣ) боялись, что мормоны возбудятъ негровъ къ возмущенію или бѣгству, или же, что еще хуже, съ развитіемъ своего могущества большинствомъ голосовъ могутъ потребовать законнаго уничтоженія этого «учрежденія» въ штатѣ. Къ этому нужно прибавить еще фанатическую ненависть къ мормонамъ другихъ вѣроисповѣданій,—и мы поймемъ, почему на общемъ собраніи жителей Индепенденса 20 іюня 1833 года постановлено было изгнать мормоновъ изъ штата, во что бы то ни стало.

Когда рѣшеніе собранія сообщено было Пертриджу и другимъ старѣйшинамъ секты, то они просили нѣкотораго срока, чтобы снестись съ главными старѣйшинами секты, жившими въ Киртландѣ. Собраніе отказало въ срокѣ и положило немедленно же истребить типографію и арестовать издателя «Star» Фелпса. Предвидя это, Фелпсъ успѣлъ скрыться, и вра-

ги мормоновъ не могли найти его. За то они разрушили типографію, схватили епископа Пертриджа, обмазали его дегтемъ и осыпали перьями. Той же участи совершенно безвинно подверглись и нѣкоторые другіе мормоны.

Когда враги ушли, мормоны тотчасъ же отправили посольство къ пророку—увѣдомить его о происшедшемъ, потомъ подали жалобу губернатору страны, прося у него покровительства. Губернаторъ призналъ поступки гражданъ несправедливыми и обѣщалъ мормонамъ свое содѣйствіе. Это обѣщаніе, равно какъ сочувствіе другихъ значительныхъ частныхъ лицъ, ободрили мормоновъ и породили въ нихъ надежду уладить дѣло судебнымъ порядкомъ. Преслѣдованія между тѣмъ усилились, домы мормоновъ были сожигаемы и разграбляемы, многіе «святые» безъ всякой причины были схвачены и подвергнуты различнымъ оскорбленіямъ. Между тѣмъ правительство ничего не дѣлало для обезпеченія «святыхъ,» а милиція даже прямо враждебно относилась къ нимъ.—Видя, что имъ нечего больше ожидать отъ правительства, мормоны рѣшились выселиться. Это переселеніе совершалось въ виду враговъ и по описаніямъ очевидцевъ представляло грустную и трогательную картину, такъ что пробудило сочувствіе и состраданіе къ «святымъ» въ сосѣднихъ жителяхъ, которые приняли мормоновъ дружелюбно и на время пріютили ихъ. Цѣнность имѣнія, котораго лишились мормоны при этомъ переселеніи, опредѣляется до 120 тысячъ долларовъ.

VIII.

Іосифа слишкомъ поразила вѣсть о разрушеніи Сіона; онъ тотчасъ же написалъ изгнанникамъ, что бы они воротились назадъ въ Сіонъ, потому что тамъ, по откровенію, долженъ быть устроенъ храмъ Іеговѣ,—а если не могутъ сдѣлать этого, то до его прибытія не покупали бы никакого недвижимаго имущества и вообще не разсчитывали долго оставаться на новомъ мѣстѣ жительства. Это предписаніе было впрочемъ из-

лишнее, такъ какъ бѣжавшіе въ разныя стороны «святые» и безъ того не могли предпринять чего либо единодушнаго, и бродили по странѣ, не зная что дѣлать. Между тѣмъ въ собраніи старѣйшинъ Критланда положено было немедленно же возобновить изданіе «Evening and Moring Star» и открыть сверхъ того еще другое изданіе подъ заглавіемъ: «The Latter-Day-Saints Messenger and Advocate.» Самъ пророкъ собралъ изъ вѣрующихъ Критланда отрядъ милиціи въ 250 человѣкъ и отправился на помощь къ изгнанникамъ. Но было уже поздно. Пока пророкъ дошелъ до Сіона, жители Индепенденса успѣли выставить противъ мормоновъ свою милицію и не хотѣли и слышать о возвращеніи «святыхъ.» Начались переговоры, но они кончились еще большимъ взаимнымъ ожесточеніемъ партій. Старанія пророка остались такимъ образомъ тщетными, но его присутствіе между изгнанными было въ высшей степени благопотребно. Потерявши надежду взять Сіонъ силою, пророкъ утѣшалъ своихъ послѣдователей тѣмъ, что настанетъ время, когда святые съ торжествомъ вступятъ въ свое наслѣдіе и построятъ тамъ храмъ Іеговѣ. Съ тѣхъ поръ это предсказаніе сдѣлалось однимъ изъ горячихъ вѣрованій секты, почему теперешній храмъ свой мормоны называютъ только временною скиніей. Какъ бы то ни было, только пророкъ, отказавшись отъ своихъ первоначальныхъ плановъ относительно Сіона, занялся теперь собраніемъ своего разсѣяннаго стада и внутреннимъ устройствомъ общины. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, его заслуги были для вѣрующихъ незамѣнимы. Съ свойственнымъ ему благоразуміемъ и практичностію, пророкъ выбралъ для «святыхъ» весьма удобное мѣсто для поселенія, собралъ «святыхъ,» утѣшилъ ихъ и воодушевилъ на новый трудъ. Избранное пророкомъ мѣсто для поселенія было покрыто густыми лѣсами съ болотистою почвою, и на простой взглядъ не представляло возможности для поселенія. Несмотря на то, трудолюбіе мормоновъ, руководимое смѣтливостію и проницательностію пророка, восторжествовало надъ неудобствами природы и вскорѣ опять появилось нѣсколько селеній,

а потомъ и городковъ, изобиловавшихъ всякаго рода производительностію, промыслами и ремеслами. Давши хорошее устройство и организацію новымъ поселеніямъ «святыхъ,» изъ которыхъ Фаръ-вестъ считался главнымъ, пророкъ снова возвратился въ Киртландъ. Его неудача не только не ослабила его авторитета въ глазахъ вѣрующихъ, но еще болѣе привязала ихъ къ пророку и его ученію, такъ что самое изгнаніе изъ Сіона мормоны трактовали теперь какъ кару Божію за тѣ противленія пророку, которыя неоднократно появлялись между старѣйшинами Сіона и за которыя пророкъ неоднократно угрожалъ имъ, въ случаѣ если они не разскаятся, тяжкимъ наказаніемъ и гнѣвомъ Божіимъ. «Пророчества брата Іосифа, говорили теперь мормоны, видимо исполнились на насъ.» [1]).

---

[1]) Къ этому времени относится довольно интересный разсказъ о сверхъестественныхъ дарахъ пророка. Около этого времени въ Киртландъ прибылъ извѣстный въ свое время путешественникъ Михаилъ Чандлеръ, чтобы показывать публикѣ за деньги нѣсколько мумій, привезенныхъ имъ изъ Египта. Узнавши, что Іосифъ Шмидтъ можетъ разбирать смыслъ папирусовъ, обыкновенно находящихся при муміяхъ, Чандлеръ предложилъ ему нѣкоторые изъ нихъ. „Я немедленно истолковалъ ему смыслъ папирусовъ,—говоритъ пророкъ въ своей автобіографіи,—онъ же, какъ благородный человѣкъ, далъ мнѣ свидѣтельство такого рода:—„Киртландъ. 6 іюля 1835 года.

„Дано это свидѣтельство для того, чтобы всѣ, кому это будетъ пріятно, могли узнать про несомнѣнную способность, которою обладаетъ Іосифъ Шмидтъ—младшій въ дешифрованіи старинныхъ египетскихъ іероглифовъ у меня находящихся и представлявшихся мною многимъ знаменитымъ ученымъ во многихъ большихъ городахъ. Изъ всѣхъ толкованій, которыя до сихъ поръ могли сообщить мнѣ, я нахожу объясненіе Іосифа Шмидта наиболѣе соотвѣтственнымъ и удовлетворительнымъ во всѣхъ самыхъ мелчайшихъ подробностяхъ.—Подписалъ Михаилъ Чандлеръ, путешественникъ и владѣтель египетскихъ мумій.“

Спустя нѣсколько дней послѣ выдачи свидѣтельства, святые сложились для покупки мумій и папирусовъ и поднесли ихъ въ даръ пророку. Этотъ послѣдній съ помощію Фелпса и Коудери тотчасъ же принялся за переводъ папирусовъ. „Къ величайшему нашему удивленію, писалъ пророкъ въ іюлѣ 1835 года, мы открыли, что одинъ изъ свертковъ содержитъ въ себѣ писанія Авраама, а другой—Іосифа Египетскаго. Поистинѣ мы можемъ сказать, заключаетъ пророкъ, что Господь начинаетъ въ избыткѣ открывать намъ истину и міръ.“ Въ то же время появился и самый переводъ упомянутыхъ книгъ. Вотъ начало его.

Отсутствіе пророка изъ Критланда имѣло только гибельныя послѣдствія для тамошней фирмы. Попавшись въ руки корыстолюбиваго Ригдона, фирма вошла вскорѣ въ неоплатные долги и только энергія и практичность пророка могли отклонить окончательное банкротство ея, и то только на нѣсколько лѣтъ.—Возвратившись въ Критландъ, пророкъ, быть можетъ

„Книга Авраама. Переведено изъ древнѣйшихъ лѣтописей, попавшихъ въ наши руки прямо изъ египетскихъ катакомбъ; написаны онѣ по всей вѣроятности въ то время, когда Авраамъ находился въ Египтѣ, и извѣстны подъ названіемъ: „книга Авраама, собственноручно писанная имъ на папирусѣ" Перевелъ съ папируса Іосифъ Шмидтъ.

„Во время пребыванія моего въ халдейской землѣ, въ пристанищѣ отца моего, я, Авраамъ, увидалъ, что мнѣ необходимо избрать себѣ другое мѣсто пребываніе и находя, что тамъ для меня будетъ больше счастія, мира и спокойствія, я старался получить благословеніе отцовъ и открыть средства, которыя бы дали мнѣ самому право законно раздавать благословенія; будучи ученикомъ добра и желая пріобрѣсти великія познанія и стать еще лучшимъ ученикомъ добра и еще большими обладать познаніями и быть отцомъ многихъ народовъ, княземъ міра, желая получить наставленія отъ Бога и соблюдать Его заповѣди, я сдѣлался законнымъ наслѣдникомъ, великимъ священникомъ, унаслѣдовавшимъ право отцовъ; право вручено мнѣ было отцами и отъ отцовъ проистекало съ начала вѣка, или прежде сотворенія земли и до настоящаго времени; даже право первороднаго, право перваго человѣка, или Адама, бывшаго первымъ отцомъ, передано мнѣ отцами до меня.... И было, что священники хотѣли связать меня, чтобы зарѣзать на алтарѣ, подобно тому, какъ они рѣзали дѣвицъ на этомъ алтарѣ,—чтобы вы имѣли ясное понятіе объ этомъ алтарѣ, отсылаю васъ къ изображенію, помѣщенному въ началѣ лѣтописей. Алтарь устроенъ на подобіе кроватей, употребляемыхъ халдеями и помѣщенъ предъ божествами: Ель-кенао Либна, Машакра, Кораша, а также предъ богомъ похожимъ на Фараона, царя египетскаго. Чтобы дать вамъ понятіе объ этихъ божествахъ, я помѣстилъ ихъ очертаніе на вышеозначенной фигурѣ"....

Такого рода исторія тянется на двадцати страницахъ, въ которыхъ Авраамъ разсказываетъ про свои дѣянія, свои путешествія въ Египетъ, про уроки въ астрономіи, которые давалъ ему Богъ и откровенія, сообщенныя ему о сотвореніи міра, человѣка и пр. (Поѣздка къ Мормонамъ, кап. Буртона. Всемірный путешественникъ. 1867 г., т. I, выпуски 19 и 20).

Нельзя сказать, чтобы пророкъ пользовался этими переводами для распространенія своего ученія; учительная часть въ нихъ весьма слаба. Можетъ быть, Шмидтъ хотѣлъ только этимъ поддержать свой авторитетъ, потрясенный нѣсколько послѣдними событіями въ Индипенденсѣ.

руководимый Фелпсомъ и другими учеными старѣйшинами секты, устроилъ нѣсколько школъ, озаботился выборомъ профессоровъ и началъ собственнымъ примѣромъ поощрять «святыхъ» учиться. Главнымъ предметомъ обученія была филологія и особенно еврейскій языкъ. Самъ пророкъ стоялъ теперь въ научномъ отношеніи далеко не такъ низко, какъ это было во время приготовленія его къ пророческому служенію, и хотя онъ никогда не претендовалъ, да и не могъ претендовать—на особенную ученость, тѣмъ не менѣе изъ послѣдующихъ писемъ его ко многимъ знатнымъ въ государствѣ лицамъ, особенно по поводу изгнанія мормоновъ,—ясно видно, что Шмидтъ, если и не обладалъ большимъ литературнымъ навыкомъ, то могъ правильно выражать и послѣдовательно излагать свои мысли. Занимаясь воспитаніемъ «святыхъ,» Шмидтъ не переставалъ въ то же время наблюдать за всею вообще жизнію секты. Когда попытка основать въ Индепенденсѣ центръ своего могущества не удалась пророку, онъ задумалъ отыскать другое болѣе подходящее для этого мѣсто. Для этого, какъ и прежде, онъ собралъ въ 1836 году въ только что отстроенный киртландскій храмъ второе великое собраніе старѣйшинъ и послѣ рукоположенія снова разослалъ ихъ во всѣ близкія и далекія страны съ проповѣдію новаго ученія.

Между тѣмъ дѣла торговой фирмы Киртланда, разстроенныя Ригдономъ, шли довольно неудачно. Чтобы сколько нибудь поправить дѣло, Шмидтъ основалъ въ Киртландѣ банкъ, въ который принималъ разные вклады. Этими вкладами мало-помалу погашались прежніе долги фирмы; но такъ какъ этотъ банкъ не имѣлъ прочныхъ капиталовъ и надлежащаго обезпеченія, то его кредитъ скоро упалъ; большіе торговые дома въ Ньюйоркѣ и Филадельфіи не хотѣли принимать билетовъ банка. Съ разныхъ сторонъ въ суды поступали жалобы на Шмидта и другихъ директоровъ банка, такъ что имъ грозила серьезная опасность попасть въ тюрьму. Видя, что дѣло ничѣмъ нельзя поправить, пророкъ съ другими директорами банка и многими старѣйшинами удалился изъ Киртланда въ Фаръ-

весть, по особенному будто бы откровенію свыше. За пророкомъ послѣдовала большая часть вѣрующихъ, такъ что Критландъ вскорѣ опустѣлъ вовсе. Поземельная собственность была продана, а храмъ въ послѣдствіи обращенъ въ учительскую семинарію. Нужно замѣтить, что къ этому времени мормонское вѣроученіе пріобрѣло уже болѣе 60 тысячъ послѣдователей и съ каждымъ днемъ возрастало все болѣе и болѣе. Прибывши въ Фаръ-вестъ, пророкъ нашелъ тамъ много безпорядковъ. Сильными и энергическими мѣрами онъ успѣлъ освободить общину отъ безпокойныхъ членовъ. Между тѣмъ, сгруппировавшись въ Фаръ-вестѣ, мормоны сдѣлались теперь значительною силою, которая по справедливости могла возбуждать боязнь и подозрѣніе въ сосѣдяхъ. Граждане Миссури опасались, что съ усиленіемъ мормоновъ они должны будутъ потерять политическое вліяніе, и что мормоны, такъ рѣзко высказавшіеся противъ рабства въ Индепенденсѣ, могутъ сдѣлать тоже самое и здѣсь. Между тѣмъ прежніе враги мормоновъ также не оставляли ихъ въ покоѣ. Они распространяли на ихъ счетъ дурные слухи, старались вооружить противъ нихъ окрестныхъ жителей, и мало-по-малу успѣли въ этомъ. Враги мормоновъ называли ихъ обманщиками, которымъ нельзя повѣрить никакой суммы, потому что они, получивъ деньги, принимаютъ вымышленныя имена и скрываются. Это очевидно направлялось противъ пророка и его критландскаго банка, но имѣло основаніе и потому еще, что въ это время къ мормонамъ переходило много мошенниковъ, привлеченныхъ сюда, конечно, не религіозными, а чисто житейскими интересами. Впрочемъ эти послѣдніе были столько же обременительны для мормоновъ, какъ и для язычниковъ, и «святые», особенно самъ пророкъ, при первомъ же удобномъ случаѣ изгоняли такихъ людей изъ своей общины. Когда пророкъ прибылъ въ Фаръ-вестъ, онъ нашелъ здѣсь такъ много злоупотребленій, что для избавленія общины отъ этихъ, чуждыхъ ей, элементовъ потребовались самыя энергическія мѣры. Когда обличенія и увѣщанія пророка были тщетны, онъ изгналъ изъ церкви мно-

ихъ вліятельнѣйшихъ старѣйшинъ, а когда нѣкоторые изъ нихъ, опираясь на покровительство и поддержку «языческихъ» властей, враждебныхъ мормонамъ, не захотѣли слушать пророка, то потребовалось временно учредить тайное общество, члены котораго обязывались во всемъ безпрекословно повиноваться пророку и изгонять и устранять изъ церкви вредныхъ людей. Съ помощію такихъ мѣръ Шмидту удалось очистить свою общину отъ неблагонамѣренныхъ людей, но по мѣрѣ уничтоженія враговъ внутреннихъ, возрастали враги внѣшніе; такъ что почти всѣ миссурійцы враждебно смотрѣли теперь на мормоновъ, ожидая только удобнаго случая снова изгнать ихъ. Случай этотъ представился въ 1838 году при выборахъ — въ одномъ незначительномъ мѣстечкѣ въ шт. Миссури. Пользуясь своимъ превосходствомъ, мормоны выгнали миссурійцевъ съ выборовъ и, какъ это обыкновенно бываетъ въ Америкѣ при выборахъ, оскорбляли многихъ изъ нихъ. Тѣ обратились съ жалобою къ губернатору Боггсу, врагу мормоновъ. Губернаторъ отправилъ въ Фаръ-вестъ сильный отрядъ войска съ приказаніемъ немедленно изгнать изъ штата, а въ случаѣ сопротивленія, избить. Войско вмѣстѣ съ народонаселеніемъ еще на пути въ Фаръ-вестъ поступало съ мормонами самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Являясь въ селенія «святыхъ», солдаты объявляли, что они друзья мормонамъ и пришли защитить ихъ отъ несправедливыхъ нападеній гражданъ Миссури, и потомъ, когда тѣ довѣрялись имъ, нападали на беззащитныхъ, избивали почти всѣхъ, а имѣніе ихъ расхищали. Такимъ же точно путемъ, явившись подъ видомъ дружбы къ Фаръ-весту, войско неожиданно окружило его и потребовало у тамошняго гарнизона и жителей немедленной сдачи. Условіями сдачи были: выдача главнѣйшихъ старѣйшинъ секты (въ томъ числѣ пророка, его старшаго брата Хирума, Прата, Ригдона и нѣкоторыхъ др.), покрытіе военныхъ издержекъ и совершенное и немедленное очищеніе штата Миссури. Получивъ требуемое, военачальники удалились, оставивши «святыхъ» въ жертву народной мести и притѣсненіямъ милиціи. Эта

послѣдняя, когда экспедиція кончилась, разсѣялась по деревнямъ мормоновъ, грабила и оскорбляла беззащитныхъ и вообще обращалась съ мормонами съ такою жестокостію, которая едва ли знакома дикимъ индійцамъ. Такъ Пратъ говоритъ между прочимъ, что тюремщики подавали заключеннымъ вареное мясо ихъ убитыхъ товарищей. Далѣе онъ разсказываетъ, что въ мѣстечкѣ Гоузъ-мильзѣ солдаты заставили 20 мормоновъ положить оружіе, увѣряя ихъ въ своей дружбѣ и совершенной безопасности; потомъ на ночь заперли ихъ въ блокгаузъ и перебили всѣхъ, стрѣляя въ окна изъ-за балокъ. Срокъ для переселенія данъ былъ очень короткій, а между тѣмъ наступала зима (былъ ноябрь мѣсяцъ), хлѣбныя поля «святыхъ» были истреблены войскомъ, а что оставалось прежняго, то сдѣлалось добычею грабежа, такъ что «святые» должны были совершать свой длинный путь зимою, безъ хлѣба, въ виду непріятеля, и наконецъ, что всего важнѣе, безъ пророка и другихъ старѣйшинъ секты, которые своимъ присутствіемъ могли бы ободрить упавшій духъ «святыхъ.» Шествіе изгнанниковъ, по описанію очевидцевъ, представляло изъ себя въ высшей степени грустную и трогательную картину. Со всѣхъ сторонъ преслѣдуемые своими врагами, мормоны безпорядочными группами тянулись по направленію къ Иллиноису. Путь ихъ былъ покрытъ дикими лѣсами, необитаемыми пустынями и степями, съ оврагами и ручьями, по которымъ мормоны первые должны были пролагать себѣ дорогу, и въ такомъ видѣ тянулся на 300 верстъ. Наступившіе холода и страшный голодъ свирѣпствовали во всемъ лагерѣ эмигрантовъ и причиняли «святымъ» безчисленныя страданія. «Болѣе тридцати человѣкъ, говоритъ Гуннисонъ со словъ очевидцевъ, умерли, многіе отморозили себѣ руки и ноги, и почти всѣ терпѣли отъ недостатка пищи и одежды или изнемогали подъ трудностями переходовъ. Если кто-либо послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій умиралъ въ пустынѣ, его клали во гробъ изъ древесной коры, зарывали въ пескахъ пустыни и потомъ снова продолжали свое печальное шествіе. Члены одного семейства

были разлучены другъ отъ друга; жены не знали объ участи своихъ мужей, дѣти плакали по родителяхъ и отцы не знали, гдѣ сыскать своихъ дѣтей. Беззащитныя вдовы съ ихъ маленькими дѣтьми, просящими хлѣба, голодъ, разнаго рода лишенія и болѣзни—вотъ что прежде всего бросалось въ глаза наблюдателю этой страшной картины путешествія цѣлаго народа, насиліемъ заставленнаго оставить свои уютные дома со всѣмъ находившимся въ нихъ и безжалостно брошеннаго на волю судьбы среди дикихъ пустынь зимою, безъ пищи, безъ одежды. Все, на что только способна самая искренняя братская любовь, — все было сдѣлано. Послѣдній кусокъ хлѣба былъ раздѣленъ съ голодающимъ сосѣдомъ; сильные, какъ и чѣмъ могли, укрѣпляли и поддерживали слабыхъ и сердца всѣхъ были какъ одно.» Уже въ декабрѣ 1838 г., а другіе въ январѣ слѣдующаго года, изгнанники достигли Миссисипи, на лѣвомъ берегу которой въ штатѣ Иллиноисѣ, не подалеку отъ Квинси, они теперь разсѣялись въ числѣ 12-ти тысячъ человѣкъ. Жители Иллиноиса приняли ихъ съ большимъ радушіемъ, даже сосѣдніе индійцы старались оказать «святымъ» человѣколюбивое участіе и помощь.

IX.

«Что касается пророка и другихъ старѣйшинъ вашихъ, говорилъ «святымъ» генералъ Кларкъ, главный начальникъ экспедиціи, то ихъ участь уже рѣшена, ихъ жребій брошенъ и ихъ смерть несомнѣнна». Всѣхъ старѣйшинъ, взятыхъ врагами мормоновъ, было семь; они находились подъ стражею и вытерпѣли страданій еще больше несчастныхъ переселенцевъ. Они раздѣлены были на двѣ группы; въ одной находился самъ пророкъ и его братъ Хирумъ съ тремя другими старѣйшинами, въ другой были Ригдонъ и Пратъ. Участь той и другой группы была нѣсколько различна и подробно описана впослѣдствіи. Объ участи Прата и Ригдона мы отчасти уже знаемъ изъ приведенныхъ записокъ перваго. Что же касается участи первыхъ пяти старѣйшинъ, то она довольно подробно

описана Хирумомъ Шмидтомъ, записки котораго черезъ годъ были напечатаны въ «Times and Seasons». «День спустя послѣ выдачи брата моего Іосифа и другихъ старѣйшинъ секты, говоритъ онъ, ко мнѣ въ домъ пришелъ прежде другъ, а потомъ предатель, старѣйшина Георгъ Генкле съ нѣсколькими вооруженными людьми и, обращаясь къ послѣднимъ, сказалъ, указывая на меня: вотъ тотъ, кого вы ищете. Тѣ приказали мнѣ немедленно же слѣдовать за ними въ лагерь. Я спросилъ было у нихъ, скоро ли я возвращусь оттуда, чтобы мое семейство знало, когда ждать меня, но, не получивъ отвѣта, долженъ былъ тотчасъ же слѣдовать за ними. Грустное предчувствіе овладѣло всѣмъ моимъ семействомъ и всѣ прощались со мною какъ въ послѣдній разъ. Я впрочемъ твердо уповалъ на Бога и на правоту своего дѣла, и не смущался. Какъ скоро мы пришли въ лагерь, меня передали для охраненія той же стражѣ, которая караулила моего брата и другихъ друзей моихъ. Въ тотъ же вечеръ составленъ былъ военный совѣтъ и рѣшено было разстрѣлять насъ на слѣдующее же утро. Когда мы узнали объ угрожающей намъ участи, то не смутились нисколько и все свое упованіе возложили на Бога, Который все ведетъ къ лучшему. Наступило роковое утро. Враги наши тысячами собрались видѣть нашу погибель, между тѣмъ какъ нашимъ бѣднымъ друзьямъ не позволено было даже еще разъ видѣть живыми насъ, и они въ тихомъ уединеніи съ колѣнопреклоненіемъ возносили горячія молитвы къ престолу Всевышняго о нашемъ спасеніи. Ихъ молитвы были услышаны.» Одинъ изъ трехъ верховныхъ начальниковъ милиціи, генералъ Доннфанъ, протестовалъ противъ опредѣленія военнаго суда, и когда наступило время казни, угрожалъ своимъ товарищамъ отдѣлиться отъ нихъ, если дѣло не передано будетъ на областной судъ. Военачальники согласились на требованія этого генерала и предали плѣнныхъ областному суду въ Джаксонъ-коунти, гдѣ жили самые злѣйшіе враги мормоновъ. Неистовство и злоба были до того сильны, что на узниковъ дѣлались постоянныя нападенія, такъ что только

стража могла спасти ихъ отъ смерти. Шмидтъ описываетъ далѣе свое въ высшей степени трагическое разставаніе съ родственниками, которые ухватившись за полы одеждъ его просили остаться съ ними хоть еще одну минуту, — и безжалостное обращеніе съ заключенными стражи. Наконецъ они прибыли въ Джаксонскій участокъ. Все населеніе пришло въ движеніе и стекалось видѣть узниковъ; ругательствамъ, насмѣшкамъ, угрозамъ и оскорбленіямъ не было конца. Несмотря однакожъ на всю злобу и ненависть къ мормонамъ, враги ихъ не могли погубить ихъ, и заключенныхъ отправили вскорѣ въ Рай-коунти, гдѣ содержали ихъ въ темницѣ. Отсюда ихъ отправили вскорѣ въ Либерти, въ Клай-коунти. Здѣсь узники въ первый разъ услышали объ участи остальныхъ «святыхъ», и пророкъ немедленно же послалъ вѣрующимъ посланіе слѣдующаго содержанія:

«Темница въ Либерти, Клай-Коунти, Миссури.

«Епископу Пертриджу и церкви Іисуса Христа святыхъ послѣднихъ дней въ Квинси, въ Иллиноисѣ, и находящимся въ разсѣяніи во всѣхъ странахъ свѣта.

«Вашъ смиренный рабъ Іосифъ Шмидтъ младшій, узникъ Христа ради и святыхъ Его, схваченный насиліемъ народной толпы по приказанію его превосходительства, губернатора Лильбурна В. Боггса, цѣлуетъ васъ со всѣми своими соузниками. Благодать Бога Отца и Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа да будетъ съ вами теперь и во вѣки. Успѣвайте и укрѣпляйтесь, возлюбленные, въ вѣрѣ, добродѣтели, знаніи, благоразуміи, терпѣніи, страхѣ Божіемъ, братской любви и милосердіи, чтобы не быть вамъ пустыми и безплодными предъ Господомъ...

«Вамъ извѣстна конечно та злоба, несправедливость и преслѣдованія, какимъ подверглись мы. Мы были схвачены, безсовѣстнымъ образомъ обвиняемы во всевозможныхъ преступленіяхъ и брошены въ тюрьму, гдѣ насъ охраняетъ неусыпная стража нашихъ враговъ. Находясь въ такомъ горестномъ положеніи, не видя нигдѣ и ни въ комъ сочувствія и даже

справедливости къ себѣ, мы съ тѣмъ большею радостію и любовію узнали о вашемъ участіи къ намъ. Мы на время забыли всѣ скорби и лишенія, отвратили свой взоръ отъ преслѣдованій и наслаждаемся теперь мыслію о васъ, вашей дружбѣ и состраданіи. И мы надѣемся, что и вы возрадуетесь съ нами. Поэтому мы уповаемъ, что ничто не можетъ разлучить насъ отъ любви Божіей и вашей дружбы, и что всѣ роды преслѣдованій и жестокостей, воздвигнутыхъ на насъ, еще крѣпче соединятъ наши сердца и укрѣпятъ нашу взаимную любовь. Думаю, что намъ нѣтъ нужды говорить вамъ о томъ, что мы безъ всякой причины были схвачены и брошены въ тюрьму, точно также какъ и вамъ—пересказывать намъ о томъ, что васъ оскорбляли, били и изгнали изъ домовъ совершенно безвинно.

«Вы очень хорошо знаете и то, и другое; знаете, что еслибы граждане Миссури не обижали всячески святыхъ и жили въ мирѣ съ ними, то спокойствіе и миръ господствовали бы и до сихъ поръ, и мы не очутились бы въ такомъ горестномъ положеніи, лицемъ къ лицу съ демонами въ человѣческомъ образѣ, и не были бы принуждены, какъ теперь, быть свидѣтелями пьянства и разврата всѣхъ родовъ и слушать божбу и клятвы. Тогда вопль вдовъ и сиротъ не восходилъ бы къ Богу и кровь святыхъ не лилась бы по землѣ и не вопіяла объ отомщеніи. Но мы живемъ среди людей, которые ненавидятъ миръ и радуются войнѣ, и поистинѣ ихъ неумолимыя сердца, ихъ безчеловѣчные и хищническіе замыслы и жестокія гоненія превосходятъ всякое описаніе и должны внушать ужасъ всему человѣчеству. По истинѣ эта исторія до того полна скорби, плача и ужасовъ, что человѣческое сердце не можетъ вмѣстить всего. Такихъ ужасовъ мы не найдемъ нигдѣ: ни тамъ, гдѣ господствуютъ короли и тираны, ни среди дикихъ племенъ пустыни, ни даже между звѣрями лѣсными. Одно только представленіе о томъ, какъ наши враги, безчеловѣчно умертвивши кого-либо изъ святыхъ, отрубали разные члены уже у мертваго, какъ они отнимали послѣдній кусокъ хлѣба у

беззащитныхъ вдовъ въ то время, когда ихъ безпомощные дѣти съ надрывающимъ душу воплемъ просили хлѣба и какъ потомъ для удовлетворенія своимъ адскимъ страстямъ производили надъ беззащитными болѣе, чѣмъ безчеловѣчныя насилія,— одно представленіе объ этомъ леденитъ душу и производитъ ужасъ. И такъ поступали они со святыми, которые не сдѣлали имъ никакой несправедливости, не замѣшаны ни въ какомъ преступленіи, съ святыми, которые представляютъ въ высшей степени добродѣтельный и невинный народъ, которые любятъ Бога и готовы претерпѣть все ради Его. Правда, зло и соблазнъ должны придти въ міръ, но горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ.

«О Боже! гдѣ Ты? и гдѣ мѣсто Твоего присутствія? Какъ долго будешь еще удерживать Твою всемогущую десницу, какъ долго еще Твои чистые глаза должны созерцать съ неба скорби и жестокія страданія Твоего народа и Твоего раба, и Твои святыя уши слышать вопль ихъ? Какъ долго еще, о Господи, должны терпѣть они, чтобы умилостивить Твое сердце и исполнить состраданіемъ душу Твою? О Господи, Боже, Вседержитель, Творецъ неба, земли и всего, что на ней, Ты, который укрощаешь и низвергаешь демоновъ и всю темную силу ихъ,—простри руку Твою, открой глаза Твои, покажи Твои знаменія, не оставайся долѣе въ Своей скрытности, приклони ухо Твое, умиротвори Твое сердце и будь сострадателенъ къ народу Твоему. Пусть Твой праведный гнѣвъ воспламенится противъ враговъ нашихъ, пусть падетъ на нихъ опустошительный мечъ Твоего негодованія, отомсти имъ за наши скорби и страданія. Призри на страданія святыхъ твоихъ, о Боже нашъ, и пусть рабы твои вѣчно веселятся о имени Твоемъ.

«Возлюбленные братья, мы переживаемъ трудную эпоху; теперь наступило страшное время, и мы смѣло, съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что видимъ исполненіе всего, предсказаннаго древними пророками. Поднимите ваши глаза къ блестящему солнцу и смѣло говорите ему: скоро ты скроешь свой сіяющій ликъ, потому что ты должно померкнуть въ при-

сутствіи Того, Кто сказалъ, да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. И ты, луна, свѣтильникъ ночи, должна обратиться въ кровь. Мы видимъ, что пророчества о послѣднихъ дняхъ видимо исполняются и вскорѣ наступитъ время, когда Сынъ человѣческій сойдетъ на землю во облакахъ небесныхъ съ силою и славою многою.

«Мы впрочемъ не падаемъ духомъ и не изнемогаемъ подъ тяжестію окружающихъ насъ несчастій. Мы знаемъ, что Богъ посмѣется нашимъ врагамъ и воздастъ должное ихъ злобѣ. Мы вѣримъ, что скоро наши адвокаты докажутъ всю несправедливость воздвигнутыхъ на насъ гоненій и потребуютъ законнаго удовлетворенія за тѣ убытки и преслѣдованія, которымъ мы подверглись. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ общественное мнѣніе съ нѣкотораго времени склоняется на нашу сторону, такъ что большинство высказывается по отношенію къ намъ дружелюбно, поэтому и адвокаты иначе теперь смотрятъ на насъ и на нашихъ враговъ, и мы увѣрены, что истина, честность, добродѣтель и невинность рано или поздно должны восторжествовать.

«Мы пытались было бѣжать изъ темницы, но наши планы были вскорѣ обнаружены. Впрочемъ шерифъ и тюремщики не осуждали насъ за эту попытку. Напротивъ общественное мнѣніе протестуетъ противъ нашего заключенія и требуетъ законнаго удовлетворенія за убытки и оскорбленія, которымъ мы подверглись. Возмущеніе черни, убійства въ Гоузъ-Мильзѣ, приказъ губернатора Боггса изгнать насъ, а также одностороннее и злодѣйское опредѣленіе гражданъ Миссури заслуживаютъ вѣчнаго осужденія. Поэтому мы пытались было найти адвокатовъ, чтобы занести жалобу въ верховный государственный судъ, но не нашли. Вслѣдствіе этого мы сами изучаемъ законы и составляемъ планъ жалобы, а также подбираемъ нужныхъ свидѣтелей и разныя доказательства, такъ что верховный судъ, когда мы подадимъ эту жалобу, если онъ не хочетъ видимо идти противъ всѣхъ правъ и всякой законности, долженъ будетъ удовлетворить насъ. Мы твердо вѣримъ,

что въ скоромъ времени обстоятельства перемѣнятся, и Богъ все устроитъ такъ, что мы снова будемъ свободны и будемъ утѣшены свиданіемъ съ вами и со всѣми святыми.

«Вчера мы получили нѣсколько писемъ отъ своихъ друзей: отъ Эммы, Д. К. Шмидта, епископа Пертриджа. Всѣ они написаны въ успокоительномъ духѣ и исполнены самыхъ горячихъ дружественныхъ чувствъ. Мы долгое время оставались въ совершенной безъизвѣстности объ участи нашихъ друзей и потому, когда мы впервые читали эти дружественныя письма, они освѣжили наши души и возбудили въ насъ много радостныхъ и успокоительныхъ воспоминаній. Но наша радость была перемѣшана со скорбію о тѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, которымъ подверглись святые, и мы должны сказать вамъ, что наши сердца были исполнены состраданія и наши глаза полны слезъ. Тѣ, кому еще ни разу не приходилось невинно сидѣть въ тюрьмѣ, едвали могутъ дать себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, какъ сладко и вмѣстѣ благотворно дѣйствуетъ на насъ голосъ дружбы, или признакъ дружества, все равно, какимъ бы путемъ онъ ни проявлялся,—какъ сильно пробуждаетъ онъ всѣ наши сердечныя чувствованія, какъ внезапно воскрешаетъ предъ нашими глазами все лучшее изъ прошедшаго; духъ нашъ до того переполняется любовію и благожеланіемъ, что мы забываемъ всякую вражду, злобу, ненависть, несогласія, клеветы и нареканія, принося все это какъ мертвую жертву на алтарь любви...

«Когда сердце переполняется скорбію, тогда выступаетъ легкій голосъ вдохновенія и нашептываетъ: миръ душѣ твоей, сынъ мой, твои страданія и скорби будутъ продолжаться только *одно мгновеніе*, и потомъ, если ты будешь вѣренъ и терпѣливъ, Богъ возвыситъ тебя, ты восторжествуешь надъ всѣми врагами твоими, твои друзья снова увидятся съ тобою и съ горячею любовію будутъ цѣловать тебя. Твое положеніе далеко еще не таково, какъ положеніе Іова, твои друзья не враждуютъ противъ тебя и не обвиняютъ тебя въ преступленіи, а тѣ, которые обвиняютъ тебя, должны быть посрамлены, и ихъ

замыслы противъ тебя исчезнутъ, какъ изчезаетъ утренній туманъ предъ лицемъ восходящаго солнца. Богъ простеръ уже руку Свою, чтобы плѣнить безбожниковъ ихъ собственною похотію; и всѣ скорби и печали, которымъ они подвергли святыхъ, удвоенными возвратятся на ихъ собственную главу· они должны погибнуть вовсе, не оставивши и слѣда за собою. Прокляты всѣ тѣ, которые воздвигли преслѣдованіе на Моихъ помазанниковъ, говоритъ Господь, потому что они не согрѣшили предо Мною, но дѣлали то, что пріятно Мнѣ и что Я заповѣдалъ имъ, говоритъ Господь. Тѣ, которые обвиняютъ ихъ въ преступленіяхъ, дѣлаютъ это потому, что сами они—рабы грѣха и сыны непослушанія, и невинно преслѣдуютъ рабовъ Моихъ, чтобы изгнать и умертвить ихъ. Горе имъ, потому что они оскорбляютъ Моихъ малютокъ; они должны быть непричастны благодатныхъ даровъ Моего дома, ихъ кошницы не будутъ полными, ихъ дома и нивы будутъ пусты, и сами они будутъ осмѣяны тѣми, кто теперь льститъ имъ. Они не должны имѣть права на священство, равно какъ и потомки ихъ послѣ нихъ изъ рода въ родъ; и имъ было бы лучше, еслибы мельничный жерновъ повѣшенъ былъ на ихъ выю и они ввержены были въ глубину морскую. Горе всѣмъ тѣмъ, которые преслѣдуютъ Мой народъ, убиваютъ его и клевещутъ на него, говоритъ Господь Вседержитель, потому что они не избѣгнутъ адскихъ мукъ; вотъ, Мои глаза видятъ и Я знаю всѣ ихъ дѣла, и скоро наступитъ внезапный судъ и каждому воздастся по дѣламъ его...

«Богъ послалъ на насъ это испытаніе, чтобы искусить насъ, и если мы будемъ настолько счастливы, что твердо перенесемъ это испытаніе и сохранимъ вѣру, то это будетъ знаменіемъ роду сему, вполнѣ достаточнымъ, чтобы лишить его всякаго оправданія предъ Богомъ; а для насъ это послужитъ испытаніемъ въ вѣрѣ, подобно испытанію Авраама или другихъ мужей древности. Прошедши чрезъ длинный рядъ скорбей и печалей, мы съ тѣмъ большею увѣренностію ожидаемъ, что въ скоромъ времени явится непорочный агнецъ, и сыны и

дщери Авраама освободятся отъ тоски и горестей, ихъ лица снова засіяютъ торжествомъ Спасителя и останутся такими вовѣки.

«Теперь же, что касается помѣщенія для святыхъ, то мы не можемъ не потужить, что не имѣемъ возможности дать вамъ такого хорошаго совѣта, какъ еслибы мы были съ вами. Что же касается тѣхъ распоряженій, которыя мы дали вамъ прежде, то вы можете считать ихъ необязательными. Мы можемъ посовѣтовать вамъ, чтобы дѣлами церкви, пока мы будемъ находиться въ тюрьмѣ, заправляло общее собраніе вѣрнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ старѣйшинъ, съ тѣмъ, чтобы они извѣщали вашего покорнѣйшаго слугу о тѣхъ распоряженіяхъ, какія они сдѣлаютъ или намѣрены будутъ сдѣлать, и—въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ откровеній Божіихъ—всегда готовы были принять ихъ съ полною готовностію и послушаніемъ. Мы же съ своей стороны благословляемъ ихъ и вполнѣ одобряемъ всѣ ихъ дѣйствія, если они пріятны будутъ Богу и спасительны для святыхъ. Если мы когда-либо будемъ давать вамъ извѣстный совѣтъ, или рекомендовать какое-либо лицо, то вы можете разсматривать это только какъ наше личное мнѣніе, для васъ отнюдь необязательное, исключая тѣхъ случаевъ, когда эти распоряженія будутъ сопровождаться словами: «такъ говоритъ Господь.» Поэтому и мы никогда не будемъ считать васъ непослушными, если вы сочтете за лучшее сдѣлать другаго рода распоряженія, чѣмъ какія рекомендовали вамъ мы.

«Преимущественно мы совѣтовали бы вамъ остерегаться нѣкоторыхъ надменныхъ людей [2]), которые часто уже тревожили вѣрующихъ, говорили непристойныя рѣчи и старались производить большое вліяніе на святыхъ, отъ чего въ церкви про-

---

[2]) Это предостереженіе направлено главнымъ образомъ противъ Ригдона и другихъ особенно фанатическихъ старѣйшинъ секты, которые своими фанатическими рѣчами вооружали „святыхъ“ противъ язычниковъ и были главною причиною раздоровъ и взаимнаго ожесточенія между тѣми и другими.

исходили многія нестроенія и замѣшательства. Берегитесь также гордости, потому что премудрый справедливо говоритъ, что «гордость предшествуетъ погибели и надменность сопровождается паденіемъ.» Внѣшній видъ не всегда можетъ быть для насъ вѣрнымъ критеріемъ въ оцѣнкѣ людей, но языкъ часто измѣняетъ надменнымъ и уста обнаруживаютъ гордаго. Ласкательство есть также смертный грѣхъ; открытое и справедливое обличеніе, если оно направлено на человѣка добраго,—приноситъ ему пользу и дѣлаетъ изъ него вѣрнѣйшаго нашего друга во время нашей скорби; если же оно относится къ человѣку безбожному, то еще больше ожесточаетъ его и заставляетъ обнаруживать всѣ тѣ нечистоты душевныя, которыя онъ носилъ прежде въ своемъ сердцѣ; ядъ ехидны исходитъ изъ устъ его и они стараются ввергнуть насъ въ темницу, чтобы не кому было обличать ихъ. Избѣгайте также сильныхъ порывовъ воображенія, рисующаго намъ яркія и блестящія картины, потому что дѣла Божіи необыкновенной важности и требуютъ осмотрительности, осторожности и значительнаго времени, точно также и еще больше, чѣмъ важнѣйшія и особенно глубокія мысли, когда онѣ выясняются людьми; и если мы желаемъ спасенія душамъ своимъ, то для этого необходимо требуется возвышаться духомъ на небо, изслѣдовать все до послѣднихъ основаній, простираться въ вѣчность и достигать сообщества съ Богомъ. Какъ достопочтеннѣе и благороднѣе мысли божественныя поспѣшныхъ заключеній человѣческаго сердца! Какъ поспѣшны и неосторожны наши предположенія и планы въ нашихъ собраніяхъ и судахъ, какъ необдуманны они въ нашихъ общественныхъ и частныхъ предпріятіяхъ! Какъ ничтожны и незначительны они предъ избранными Богомъ, предопредѣленными прежде всѣхъ вѣковъ въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ, чтобы имѣть имъ ключи къ познанію всѣхъ вещей, которые остались скрытыми для всѣхъ вѣковъ и племенъ и будутъ открыты только младенцамъ, слабымъ и презрѣннымъ на землѣ. Мы покорнѣйше просимъ

васъ имѣть терпѣніе къ слабостямъ и недостаткамъ другихъ и въ извѣстное время увѣщавать другъ друга къ улучшенію и исправленію, учители и учительницы, мужья и жены, каждый другъ друга, чтобы честность, воздержность, откровенность, достоинство, прямодушіе, смиреніе и добродѣтель—всегда характеризовали насъ и чтобы мы были подобно малымъ дѣтямъ безъ злобы, зависти и лицемѣрія.

«И если вы, братья, будете поступать согласно нашему совѣту и будете усердно возсылать къ Богу сердечныя молитвы, то Онъ пошлетъ вамъ Своего Св. Духа и исполнитъ васъ знаніемъ, такъ какъ близко время, когда Богъ пошлетъ Духа Своего въ такомъ обиліи, какъ еще никогда не было отъ сотворенія міра. Это будетъ исполненіемъ тѣхъ обѣтованій, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ тщетно ожидали ваши отцы, и которыя должны исполниться въ эти послѣдніе дни и сохраниться до того времени, когда ничто уже не должно измѣняться, когда все великолѣпіе неба и земли, времени и вѣчности даны будутъ въ достояніе тѣмъ, кто храбро сражался за истину Евангелія Іисуса Христа. Границы неба, моря и суши должны открыться, равно какъ и теченіе свѣтилъ небесныхъ: солнца, луны и звѣздъ, и ихъ неизмѣнные законы, которые должны достигнуть своего полнаго и всесторонняго развитія по тому плану, который предначертанъ имъ въ вѣчномъ небесномъ совѣтѣ въ присутствіи Самого Бога раньше происхожденія этого міра. Все это будетъ открыто по исполненіи временъ.

«Невѣжество, лицемѣріе и предразсудки часто затрудняли успѣхи нашей церкви. Они подобны дурному дождевому потоку, низвергающемуся съ горъ и мутящему ясное теченіе рѣки грязью и нечистотою. Но вотъ наступаетъ зима, сковываетъ нечистыя струи горнаго потока и теченіе снова становится такимъ же чистымъ и яснымъ, какъ и въ своемъ источникѣ; точно тоже будетъ и съ нашею церковію, если мы устранимъ изъ нея невѣжество, лицемѣріе и суевѣріе. Какая сила

можетъ остановить велѣнія небесъ? Можетъ ли человѣкъ, протянувши свою крошечную руку, удержать могучее теченіе Миссури? Точно также не можетъ онъ вопрепятствовать Всемогущему послать въ сердца святыхъ своихъ небесное вѣдѣніе. Что такое губернаторъ и его разбойническая шайка? Ничто болѣе, какъ ничтожная былинка, растущая на берегу рѣки и стремящаяся задержать ея теченіе. Обвинять насъ и называть порочными за то, что многіе ренегаты, лжецы и убійцы возмущаютъ ясное теченіе нашей жизни, значитъ тоже, что сказать, что вода не есть вода, потому что горные потоки нерѣдко заносятъ въ нее много илу и возмущаютъ ея свѣтлыя струи, или огонь не можетъ быть названъ огнемъ, потому что его можно тушить. Нѣтъ, пусть они поднимаютъ на насъ всѣ силы ада и воздвигаютъ на насъ всевозможныя преслѣдованія, неистовства и жестокости, пусть ихъ злоба устремляетъ на насъ свои гибельныя дѣйствія, какъ гора Везувій свою огненную лаву,—мормонизмъ долженъ существовать. Мормонизмъ есть истина, и Самъ Богъ основатель его; чрезъ Него мы получили истинное возрожденіе, чрезъ Него мы призваны къ откровенію Евангелія въ началѣ исполненія временъ. Чрезъ Него мы получили книгу Мормонъ. Имъ мы живемъ до сего дня и будемъ существовать во славу Его. Какъ храбрые воины, мы рѣшились твердо выдержать до конца всѣ испытанія. Прочитавши эти строки, будьте увѣрены, что ни темничныя кандалы, ни жестокія стражи и тюремные служители ни на одно мгновеніе не могутъ ослабить въ насъ этой надежды, но по собственному опыту смѣемъ убѣдить васъ, что самое естественное дѣйствіе, какое могутъ производить на благочестиваго человѣка всѣ эти преслѣдованія, состоитъ въ томъ, что онъ чувствуетъ себя еще сильнѣе вѣрующимъ и болѣе способнымъ побѣждать всѣ силы ада.

«Но пора намъ кончить свое посланіе и послать намъ искреннійй привѣтъ и цѣлованіе отцамъ и матерямъ, женамъ и

дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ и всѣмъ святымъ. Будьте увѣрены, что мы всегда помнимъ о васъ.

«Наше цѣлованіе и наша любовь всѣмъ добродѣтельнымъ святымъ. Возлюбленные братья, мы ваши сострадальцы и соузники ради Евангелія Іисуса Христа и ради сущихъ въ насъ надеждъ вѣчной славы. Аминь.»

Д. Смирновъ.

(*Продолженіе впредь.*)

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ МУЗЕЕВЪ.

Въ декабрѣ прошедшаго года праздновался въ С.-Петербургѣ двадцатипятилѣтній юбилей Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, и въ то же время произошло открытіе втораго съѣзда русскихъ археологовъ, считая первымъ бывшій въ Москвѣ, въ мартѣ 1868 г. На праздникъ старѣйшаго изъ нашихъ археологическихъ обществъ собрались представители ученыхъ обществъ и учрежденій съ разныхъ концовъ Россіи и многіе изъ археологовъ, прибывшихъ къ этому времени въ С.-Петербургъ для участія въ занятіяхъ съѣзда. Мы не будемъ описывать подробностей юбилейнаго праздника, о которомъ газеты въ свое время сообщили извѣстія, а остановимъ вниманіе читателей *Прав. Обозрѣнія* на работахъ самаго съѣзда, особенно на тѣхъ сообщеніяхъ и докладахъ, которые имѣютъ интересъ для церковной археологіи и касались вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ духовной наукѣ. Церковныя древности, правда, не входили въ программу занятій настоящаго съѣзда, точно также какъ не составляли спеціальнаго отдѣла и въ программѣ съѣзда московскаго: но какъ теперь, такъ и тогда, затрогивались и обсуждались вопросы, принадлежащіе къ области церковной археологіи. Связь этихъ вопросовъ съ различными отраслями общей археологіи не можетъ показаться сомнительною, если представимъ важное значеніе христіанскаго искусства для рѣшенія вопросовъ, касаю-

щихся исторіи архитектуры и живописи, и въ частности важное значеніе христіанскаго востока, Византіи, при изученіи памятниковъ нашего искусства и разнаго рода предметовъ нашей древности. Если церковность и религіозныя представленія, хотя бы и окрашенныя цвѣтомъ народнаго суевѣрія, были стихіею, въ которой жила древняя Русь; если произведенія духовной литературы, хотя бы и отреченной, составляли любимое чтеніе грамотнаго русскаго люда, его духовную пищу и плодъ тогдашняго образованія, то отсюда уже понятна тѣсная связь нашей древней народной жизни съ областію церковною. Вотъ почему въ собраніяхъ памятниковъ нашей древности произведенія церковнаго искусства занимаютъ такое обширное мѣсто, и ихъ перевѣсъ надъ монументальными остатками общественнаго и домашняго быта становится яснымъ съ перваго взгляда. Мы увидимъ, что различныя отрасли искусства и промышленнаго производства имѣли у насъ своими главными представителями—предметы назначавшіеся для церковнаго употребленія. Такъ, за исключеніемъ предметовъ до историческаго періода, отрытыхъ въ курганахъ, образцами металлическаго производства будутъ служить кресты, панникадила, оклады образовъ и евангелій, складни и др. предметы; шитье и ткани сохранились до насъ въ церковномъ облаченіи, шитыхъ образахъ, пеленахъ и другихъ предметахъ. Тоже должно сказать о рѣзномъ и декоративномъ дѣлѣ. Такъ именно понимаетъ эту связь древне-русскаго церковнаго искусства со многими явленіями нашей бытовой жизни г. Прохоровъ въ своемъ изданіи: «Христіанскія древности и археологія.» У него въ числѣ матеріаловъ для исторіи древне-русской одежды помѣщены и снимки съ барельефовъ на трояновой колоннѣ, и стѣнопись Кіевософійскаго собора, и скульптуры Дмитріевскаго собора и финифтяныя изображенія на окладахъ Евангелія XII в. и фрески Спасо-Нередицкой церкви. Это показываетъ, какую важную услугу можетъ оказать общей археологіи изученіе христіанскихъ и нашихъ церковныхъ древностей, и какъ было бы поэтому необходимо обратить на это изуче-

ніе болѣе серьезное вниманіе, поставивъ науку церковныхъ древностей въ болѣе выгодныя условія для ея развитія и на болѣе широкихъ основаніяхъ.

Для рѣшенія этой задачи оба наши археологическіе съѣзда вызвали заявленія и соображенія, отъ осуществленія которыхъ не можетъ не улучшиться положеніе науки церковныхъ древностей въ нашей школѣ и способъ ея преподаванія. Такъ, на прошедшемъ съѣздѣ, проф. Буслаевъ поставилъ на видъ и разъяснилъ въ особой запискѣ мысль о необходимости преподаванія христіанскихъ древностей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и особенно въ семинаріяхъ. Но ограничивъ свое заявленіе указаніемъ на особенную важность изученія въ духовныхъ школахъ *греко-русской иконографіи*, проф. Буслаевъ обратилъ вниманіе лишь на одинъ отдѣлъ курса церковныхъ древностей и свелъ свои соображенія къ исторіи русскихъ иконописныхъ подлинниковъ. Видя въ серьезномъ изученіи и критической повѣркѣ различныхъ редакцій нашего подлинника одно изъ лучшихъ средствъ къ уразумѣнію духа и смысла православной иконографіи, онъ находитъ въ иконописномъ преданіи гарантію противъ вліянія западной живописи и оружіе для борьбы противъ раскола. Въ то же время онъ указываетъ на необходимость наглядnаго ознакомленія съ произведеніями церковнаго искусства въ школѣ и заявляетъ мысль объ устройствѣ музеевъ при учебныхъ заведеніяхъ [1]). На нынѣшнемъ съѣздѣ этотъ вопросъ былъ снова затронутъ, и получилъ болѣе практическое рѣшеніе въ докладѣ проф. Кіевской Духовной Академіи Лашкарева. Въ засѣданіи 11 декабря г. Лашкаревъ прочелъ записку о предполагаемомъ устройствѣ при Кіевской Духовной Академіи музеума христіанскихъ древностей и изложилъ основанія, на какихъ предполагается устройство этого археологическаго собранія.

Сущность проекта г. Лашкарева, — прибавимъ идущаго отъ Совѣта Кіевской Академіи, — сколько мы могли упомнить, заклю-

[1]) См. Труды перваго арх. съѣзда, стр. 75—82.

чается въ слѣдующемъ: Совѣтъ предполагаетъ образовать при академіи музеумъ, преимущественно въ видахъ научно педагогическихъ, частію изъ имѣющихся при академіи предметовъ древности, частію изъ пожертвованій для этой цѣли ненужныхъ и пришедшихъ въ ветхость вещей въ ризницахъ монастырскихъ и приходскихъ церквей, а также и изъ пожертвованій частныхъ. Для этого дѣла образуется, по утвержденіи проекта законнымъ путемъ, церковно-археологическая коммиссія, которая составится изъ лицъ способныхъ своими трудами, пожертвованіями и знаніемъ содѣйствовать успѣху предполагаемаго учрежденія. Такимъ образомъ Академія надѣется положить начало церковно-археологическому музеуму, проектъ котораго и доводитъ до общаго свѣдѣнія на археологическомъ съѣздѣ. По поводу этого заявленія П. И. Саввантовъ сообщилъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о судьбѣ этихъ начинаній, предпринимавшихся въ прежнее время и извѣстныхъ ему по собственному опыту. Онъ заявилъ, что еще Иннокентій еп. вологодскій, въ свое время, положилъ основаніе епархіальному музеуму въ Вологдѣ, но съ его кончиною дѣло остановилось, и предпріятіе осталось неосуществленнымъ. Кромѣ того, г. Саввантовъ и самъ хлопоталъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ, или Москвѣ, такого центральнаго церковно-археологическаго музеума подъ именемъ «древлехранилища церковнаго благочестія»; но его мысль не только не нашла себѣ поддержки, но даже возбудила противодѣйствіе, и предпріятіе такимъ образомъ не могло состояться.

Какъ бы ни были впрочемъ неудачны эти и подобныя попытки, онѣ показываютъ, что мысль объ устройствѣ церковно-археологическихъ собраній не новость даже у насъ, не говоря о западѣ, гдѣ подобные музеумы существуютъ давно и пользуются общимъ сочувствіемъ. Неудачные опыты на этомъ поприщѣ въ исторіи нашего прошлаго не представляютъ серьезныхъ препятствій къ осуществленію ихъ въ настоящее время, и не говорятъ противъ практичности подобныхъ предпріятій. Мы имѣемъ передъ глазами осязательное подтвержденіе со-

чувствія къ этимъ учрежденіямъ въ собраніяхъ церковныхъ древностей—при Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ, устроенномъ кн. Гагаринымъ и при Московскомъ Публичномъ Музеумѣ, гдѣ существуетъ между прочимъ богатое савостьяновское собраніе церковныхъ древностей. Не можемъ не указать и на художественно-промышленный музеумъ въ Москвѣ, который, хотя преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣли технически-промышленныя, но и въ церковно-археологическомъ отношеніи представляетъ много замѣчательныхъ памятниковъ нашей отечественной древности, изъ которыхъ многіе существуютъ въ оригиналахъ, а нѣкоторые въ слѣпкахъ и снимкахъ. Богатая коллекція снимковъ съ орнаментныхъ украшеній нашихъ рукописей отъ XI по XVI стол., архитектурныя украшенія Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, древнія царскія врата изъ Суздальско-рождественскаго собора, изъ ростовской церкви Іоанна Богослова, временъ Іоанна Грознаго, царскія врата XIV в. изъ церкви св. Исидора въ Ростовѣ, большое собраніе рѣзныхъ и металлическихъ крестовъ, образцы церковнаго облаченія и мн. др.—вотъ главные предметы нашихъ церковныхъ древностей, вошедшихъ въ это художественное собраніе. Дополнимъ этотъ перечень указаніемъ на коллекцію предметовъ литейнаго, рѣзнаго и эмальернаго дѣла, имѣвшихъ церковное назначеніе и византійской работы. Къ такимъ же важнымъ церковно-археологическимъ собраніямъ, хотя и составившимся по другимъ видамъ и на другихъ основаніяхъ, должны быть отнесены ризницы и книгохранилища образовавшіяся при соборахъ, епископскихъ каѳедрахъ, въ монастырахъ и въ мѣстахъ государственнаго управленія. Таковы: знаменитая синодальная или патріаршая разница, нашедшая себѣ описаніе въ указателѣ для ея обозрѣнія, составленномъ преосв. Саввою, такова ризница Троице-Сергіевой лавры и другихъ древнихъ нашихъ монастырей. Но легко понять, что всѣми этими учрежденіями, при всемъ богатствѣ ихъ археологическаго инвентаря, далеко не удовлетворяются научно-педагогическіе интересы, вызывающіе необходимость открытія цер-

ковно-археологическихъ собраній при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ существуютъ каѳедры церковной археологіи, особенно при академіяхъ. Изученіе памятниковъ искусства безъ нагляднаго знакомства съ ними никогда не достигнетъ своей цѣли. Самое добросовѣстное описаніе древняго памятника не въ состояніи дать такого живаго, яснаго и полнаго о немъ понятія, какъ наглядное знакомство съ нимъ, и ничто съ другой стороны не возбуждаетъ такого интереса къ предметамъ древности, какъ непосредственное, если можно такъ выразиться, осязательное къ нему отношеніе. Преподаватель, имѣющій время и средства для нагляднаго изученія ближайшихъ и доступныхъ памятниковъ на мѣстѣ ихъ нахожденія (хотя и для него это знакомство въ большинствѣ случаевъ соединено съ большими затрудненіями), преподаватель еще поставленъ въ отношеніи избранной имъ спеціальности въ сравнительно выгодныя условія; но что сказать о положеніи его слушателей, которые, за неимѣніемъ художественныхъ коллекцій, принуждены бываютъ довольствоваться объясненіями преподавателя, да снимками въ спеціальныхъ археологическихъ изданіяхъ. Спеціальныя археологическія собранія и наши ризницы въ большинствѣ случаевъ неудобны для такихъ научныхъ работъ; входъ въ нихъ соединенъ съ значительными затрудненіями, пріуроченъ къ извѣстнымъ часамъ, предметы хранятся въ витринахъ, и недоступны для ближайшаго съ ними ознакомленія вслѣдствіе самыхъ условій ихъ размѣщенія и порядка. Наконецъ они не имѣютъ надлежащей полноты и плана, столь необходимыхъ въ интересѣ учебнаго дѣла. Для хорошей постановки каѳедры церковныхъ древностей въ нашихъ академіяхъ и семинаріяхъ нужны собранія устроенныя болѣе раціональнымъ образомъ и прямо приспособленныя къ научнымъ цѣлямъ. Въ такомъ музеумѣ должны найти себѣ мѣсто произведенія церковнаго искусства, по возможности, во всѣхъ его отрасляхъ и должны находиться въ снимкахъ и слѣпкахъ замѣчательнѣйшіе художественные памятники, характеризующіе состояніе искусства въ его важнѣйшія эпохи. Такое собра-

ніе должно быть устроено въ историческомъ планѣ и наглядно пояснять то, что въ теоретическомъ курсѣ излагается въ цѣломъ рядѣ чтеній. Систематичность и возможная полнота каждаго отдѣла памятниковъ искусства должны быть положены въ основу такого музеума и руководить трудами его составителей. Но пока церковно-археологическія собранія составляютъ у насъ еще только pia desideria, и составленіе такихъ научно-художественныхъ коллекцій соединено съ матеріальными затрудненіями, конечно нечего и думать объ осуществленіи такого плана. Когда дѣло идетъ объ иниціативѣ предпріятія, важно всякое пріобрѣтеніе по части церковныхъ древностей, къ какому бы роду и отрасли искусства оно ни относилось. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы оказали сочувствіе этому дѣлу наши монастыри и приходскія церкви, удѣливъ изъ своихъ ризницъ на устройство такихъ собраній древнія иконы, облаченія, церковную утварь, не удобныя для церковнаго употребленія, но представляющія научный и археологическій интересъ. Каждый изъ такихъ предметовъ былъ бы болѣе или менѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ, и изъ нихъ-то съ теченіемъ времени могли бы составиться тѣ научно-художественныя собранія памятниковъ церковной древности, въ которыхъ такъ нуждается наша школа, и знакомство съ которыми было бы такъ важно въ интересѣ сочувствія къ самымъ памятникамъ нашей древности и въ видахъ сохраненія ихъ. Могли бы помочь этому дѣлу и частныя лица своими приношеніями или уступкою древнихъ предметовъ по уменьшенной цѣнѣ. Такимъ путемъ начинали свое существованіе знаменитые теперь европейскіе музеумы и между прочимъ извѣстный музеумъ христіанскихъ древностей при берлинскомъ университетѣ, основанный Пиперомъ. Начало ему положено было пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ снимковъ и слѣпковъ съ древнихъ памятниковъ; это собраніе было потомъ значительно увеличено копіями и оригиналами изъ предметовъ катакомбнаго искусства вывезенными самимъ Пиперомъ изъ

Италіи и пополнено пожертвованіями частными [1]). Изъ такихъ скромныхъ, и можно сказать, случайныхъ средствъ первоначальное собраніе Пиперово разрослось въ теперешній образцовый музеумъ христіанскихъ древностей, пользующійся европейскою извѣстностію. Что устройство подобныхъ собраній можетъ имѣть успѣхъ и у насъ, показываетъ примѣръ открытаго въ прошедшемъ году московскаго епархіальнаго музеума, который составился изъ древнихъ иконъ, уступленныхъ, вслѣдствіе синодскаго распоряженія, церквами и монастырями въ пользу этого учрежденія. Отдѣлъ иконовѣдѣнія, состоящій при московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, хорошо понялъ свою задачу и важность изученія нашего древняго иконнаго письма, позаботившись о собраніи и сохраненіи образцовъ нашей старинной иконописи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, пополняется ли это собраніе новыми предметами и какъ оно велико. Московская Духовная Академія также недавно пріобрѣла значительное собраніе (до 70 экземпляровъ) древнихъ иконъ, отобранныхъ въ разныя времена изъ раскольничьихъ церквей, и перешедшихъ теперь въ ея собственность.

Путемъ такихъ частныхъ пріобрѣтеній могли бы составиться епархіальные музеумы (или назовите ихъ какъ угодно иначе) при семинаріяхъ, при монастыряхъ, или при другихъ какихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Въ академическихъ городахъ, а равно и тамъ, гдѣ для этого найдутся средства и дѣятели, такія собранія должны быть приспособлены къ цѣлямъ научно-педагогическимъ и къ преподаванію церковныхъ древностей. Вопросъ о помѣщеніи и о поддержаніи подобныхъ собраній едвали можетъ послужить препятствіемъ къ практическому осуществленію высказываемой нами мысли. При необширности большей части этихъ собраній, нѣтъ надобности заботиться объ устройствѣ для нихъ *особеннаго* помѣщенія, и оно конечно найдется или въ монастырѣ или въ епархіальныхъ учи-

---

[1]) Evangel. Kalend. 1857 s. 59 — 60.

лищахъ или въ другомъ какомъ-либо зданіи церковнаго вѣдомства. Статистическіе губернскіе комитеты въ послѣднее время стали устроивать подобныя собранія произведеній мѣстной этнографіи, археологіи и промышленности, и примѣръ многихъ изъ нихъ показываетъ, что мѣстныхъ матеріальныхъ средствъ всегда оказывается довольно для подобнаго предпріятія, какъ скоро его польза сознана, и общественное мнѣніе относится къ нему съ сочувствіемъ [3]). По поводу этого вопроса намъ невольно приходятъ на мысль слѣдующія соображенія Пипера касательно повсемѣстнаго распространенія въ Германіи церковно-художественныхъ собраній. «Что касается до ихъ помѣщенія, говоритъ почтенный нѣмецкій археологъ, то во всякомъ городѣ, при большихъ церквахъ, найдутся при стройки (Nebenräumen), которыя будутъ пригодны для этой цѣли и легко могутъ быть употреблены въ дѣло. При этомъ вполнѣ цѣлесообразнымъ представляется самое назначеніе церквей служить хранителями древнихъ памятниковъ, которые вышли изъ нихъ, но за негодностію къ употребленію здѣсь же находятъ себѣ пріютъ. Не будетъ недостатка въ такихъ помѣщеніяхъ въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, гимназіяхъ и городскихъ школахъ.» Нашъ авторъ, пропагандируя устройство подобныхъ музеумовъ для воспитательно религіозныхъ цѣлей даже въ деревняхъ, при школахъ, находитъ возможнымъ помѣщать ихъ и здѣсь въ самыхъ школахъ, при сельскихъ библіотекахъ, какъ учрежденія однородныя съ послѣдними и имѣющія такое же право на поддержку со стороны общества, какъ народныя училища и библіотеки: «потому что все равно для народнаго образованія, будетъ ли пріобрѣтена хорошая книга, или слѣпокъ съ какого-нибудь предмета древности», какъ замѣчаетъ въ своемъ проектѣ Пиперъ [4]). Мы конечно далеки отъ мысли ставить на такомъ широкомъ основаніи задачу цер-

---

[3]) Труды перваго археологич. съѣзда стр. 128—129.
[4]) Evangel. Kalend. 1857 г. s. 78.

ковно-археологическихъ собраній въ нашихъ предполагаемыхъ епархіальныхъ музеяхъ, но приведенныя соображенія ученаго нѣмецкаго археолога указываютъ и для насъ на тѣ средства, съ помощію которыхъ могутъ быть осуществлены подобныя предпріятія и у насъ. Точно также мы хорошо понимаемъ разницу въ положеніи вопроса о научно-художественныхъ музеумахъ у насъ и за границей, чтобы прилагать къ себѣ то, что становится такъ легко и доступно хоть напримѣръ въ странѣ и обществѣ, которымъ принадлежитъ профессоръ Пиперъ, или во Франціи, гдѣ преподаваніе христіанской археологіи введено въ среднія учебныя заведенія. Въ 1865 году на съѣздѣ гейдельбергскихъ филологовъ предложенъ былъ проектъ «введенія въ гимназическій курсъ изученія художественныхъ памятниковъ преимущественно христіанскихъ» [5]), и предложеніе встрѣтило себѣ полное сочувствіе; а у насъ самое понятіе памятника остановилось въ большинствѣ на самой первой, простѣйшей его формѣ, подъ которую не подходитъ ни старая монета, ни древняя рукопись, ни остатокъ древняго наряда. Вслѣдъ за берлинскимъ музеумомъ, въ 1856 г., возникъ, по иниціативѣ профессора Ваккернагеля, подобный же музей въ Базелѣ, въ 1860 г. церковный музей въ Кельнѣ а въ 1867 г. заявленъ проектъ подобнаго же собранія для университета Лейпцигскаго [6]).

Возвращаясь къ научному назначенію церковно-археологическихъ собраній, мы должны прежде всего рѣшить вопросъ: какимъ путемъ эти собранія, составленныя изъ случайныхъ и разрозненныхъ пріобрѣтеній, могутъ сдѣлаться научными пособіями и служить цѣлямъ систематическаго преподаванія археологіи? Для достиженія этой цѣли церковно-археологическія собранія должны быть устроены по извѣстному плану и орга-

[5]) Переводъ этой замѣчательной въ научномъ и педагогическомъ отношеніи статьи Пипера помѣщенъ во второмъ выпускѣ Трудовъ Моск. Археолог. Общества за 1871 г., на который и обращаемъ вниманіе интересующихся этимъ вопросомъ, стр. 227—253.

[6]) Wackernagel. Uber mittelalter. Sammlung zu Basel 1857.

низованы примѣнительно къ программѣ по возможности полнаго археологическаго курса. Но предметомъ монументальной археологіи служитъ исторія искусства, а матеріалъ для нея представляютъ вещественные памятники художественной дѣятельности, проявившейся въ церкви и подъ ея вліяніемъ; поэтому церковно-археологическія собранія, чтобы соотвѣтствовать своей задачѣ, должны быть устроены исторически и совмѣстить въ себѣ замѣчательнѣйшіе, по крайней мѣрѣ, памятники, могущіе служить представителями церковнаго искусства въ его различныхъ стиляхъ и въ различныя эпохи его исторіи. Слѣдовательно, они не могутъ ограничиться *извѣстнымъ* отдѣломъ памятниковъ или произведеніями *извѣстной* отрасли искусства, но только то собраніе можетъ назваться полнымъ и хорошо организованнымъ, которое наглядно ознакомитъ насъ съ главными отраслями искусства въ ихъ лучшихъ представителяхъ. Представимъ, что какое-нибудь собраніе имѣетъ богатую коллекцію предметовъ изъ области катакомбнаго искусства, но не будетъ имѣть образцовъ византійской иконографіи или будетъ имѣть послѣднія, но ничего—по части эпиграфики; въ томъ и другомъ случаѣ будетъ чувствительный пробѣлъ, который неблагопріятно отзовется на преподаваніи.

При устройствѣ подобныхъ археологическихъ собраній конечно не можетъ быть и рѣчи объ оригинальныхъ памятникахъ, составляющихъ часто величайшую рѣдкость: довольно и того, если музеумъ будетъ снабженъ оригиналами въ такихъ отдѣлахъ древностей, отъ которыхъ осталось много оригинальныхъ представителей, всѣ же прочіе предметы хорошо имѣть въ вѣрныхъ копіяхъ. При современномъ состояніи техническихъ знаній, приготовленіе снимковъ съ помощію фотографіи, гипсопластики и лѣпной работы не потребуетъ большихъ издержекъ; средства для этого могли бы доставить суммы, отпускаемыя на пополненіе библіотекъ. Такимъ путемъ могли бы со временемъ составиться видныя коллекціи снимковъ, на первый разъ болѣе важныхъ въ научномъ отношеніи, а потомъ

и по прочимъ отдѣламъ. На западѣ, гдѣ образовательное и научное значеніе музеумовъ стоитъ внѣ всякихъ вопросовъ и сомнѣній, существуютъ общества и учрежденія, занимающіяся спеціально приготовленіемъ такихъ снимковъ и распространяющія ихъ по доступной цѣнѣ. Такъ напримѣръ Арунделево общество въ Лондонѣ имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой выборъ слѣпковъ съ разныхъ рѣзныхъ предметовъ изъ слоновой кости, диптиховъ, окладовъ и проч. [7]) При берлинскомъ университетскомъ музеумѣ христіанскихъ древностей находятся въ продажѣ слѣпки съ различныхъ предметовъ христіанскаго искусства. Желающіе могутъ пріобрѣтать ихъ по условленной цѣнѣ, и этимъ путемъ составлять и пополнять свои художественныя коллекціи. Для удобства при требованіяхъ и сношеніяхъ по этому предмету изданъ особый каталогъ гипсовыхъ слѣпковъ, продающихся при музеѣ. По этой справочной книгѣ каждый недорого и скоро можетъ пріобрѣтать нужныя ему вещи. Изъ каталога, приложеннаго Пиперомъ къ его описанію берлинскаго христіанскаго музеума, мы узнаемъ, что многія художественныя и археологическія изданія продаются по уменьшенной цѣнѣ, что напримѣръ за 5 таллеровъ можно пріобрѣсти 15 картоновъ иллюминованныхъ снимковъ съ катакомбной живописи, по изданію Беллерманна, за полталера гипсовые слѣпки съ разныхъ барельефовъ на саркофагахъ, за нѣсколько копѣекъ—слѣпки съ монетъ константиновой эпохи. Не говоримъ объ удешевленномъ и чрезвычайно доступномъ изданіи древнихъ миніатюръ и картинъ новѣйшей италіянской школы. Монограммы и символы, съ которыми мы знакомимся по снимкамъ въ археологическихъ изданіяхъ, въ королевской литейной мастерской въ Берлинѣ можно пріобрѣсти въ вѣрной копіи за самую недорогую цѣну [8]).

---

[7]) Catalogue of select examples of ivory—carvings.... casts of which, in a material prepared in imitation of the originals, are sold by the Arundel society, classified in schools and periods. By Edmond Oldfield. Lond. 1855.

[8]) Къ числу такихъ же предпріятій мы можемъ отнести и удешевленное изданіе географіи Птоломея, греческой рукописи XII вѣка, хранящейся въ биб-

При такихъ доступныхъ средствахъ, устройство церковно-археологическихъ собраній на первый разъ уже находитъ для себя необходимое обезпеченіе, и можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ, когда начатое предпріятіе будетъ продолжаемо съ энергіею и знаніемъ дѣла. Такимъ же образомъ могутъ составиться и наши церковно-археологическіе музеумы. Того, что сдѣлано для успѣха этого дѣла заграницей, у насъ конечно нѣтъ, но и у насъ фотографія уже успѣла оказать большія услуги наукѣ древностей, и можетъ быть употреблена въ дѣло съ большею пользою. Покойный Савостьяновъ этимъ путемъ сдѣлалъ много снимковъ съ аѳонскихъ рукописей и икопъ; въ Троице-Сергіевой лаврѣ находятся въ продажѣ фотографическіе снимки древнихъ иконъ; въ литографіи той же лавры издано въ 1853 г. Житіе Преподобнаго Сергія по рукописи XVI в. съ многочисленными миніатюрами; въ собраніи гр. А. С. Уварова мы видѣли фотографическій альбомъ снимковъ съ мозаикъ и внутреннихъ украшеній церкви Аполлинарія въ Равеннѣ. Хромолитографія, рѣзьба по дереву также могли бы быть употреблены съ большею пользою на это дѣло. Гораздо дороже должно обойтись пріобрѣтеніе металлическихъ или гипсовыхъ слѣпковъ съ памятниковъ скульптуры, литейнаго и рѣзнаго дѣла, также моделей съ произведеній архитектуры: но если на первый разъ ограничиться пріобрѣтеніемъ только наиболѣе важныхъ и нужныхъ вещей, тогда не потребовалось бы одновременно большихъ затратъ, и музеумъ пополнялся бы постепенно по мѣрѣ надобности и наличныхъ средствъ.

И при самой хорошей организаціи, музеумъ не можетъ обойтись безъ спеціальныхъ археологическихъ иллюстрированныхъ изданій; тѣмъ больше нуждается онъ въ нихъ, не имѣя бога-

---

ліотекѣ Ватопедскаго монастиря на Аѳонѣ. Изданіе исполнено въ Парижѣ братьями Дидо (Didots) фотолитографическимъ способомъ, съ фотографическаго снимка, сдѣланнаго покойнымъ П. И. Савостьяновымъ и находящагося въ московскомъ публичномъ музеумѣ. Изданіе французское заключаетъ 110 снимковъ, 120 стр. французскаго текста и стоитъ 15 р.

таго инвентаря и полныхъ коллекцій по разнымъ отдѣламъ памятниковъ. Въ такомъ случаѣ изданія эти могутъ замѣнять отчасти самыя монументальныя собранія и дополнять недостатокъ готовыхъ снимковъ. Поэтому, библіотека классическихъ изданій по церковнымъ древностямъ должна быть необходимою принадлежностію научно-организованнаго археологическаго музея. Мы укажемъ здѣсь на главные иллюстрированные атласы, столь важные для нагляднаго изученія памятниковъ искусства [9]).

1. Séroux d'Agincourt. Histoire de l'art. V tom. (Для архитектуры, а преимущественно для живописи и скульптуры отъ IV до XVI в.).

2. Perret. Les catacombes de Rome. Paris 1851.

3. Hübsch. Die altchristliche Kirchen Karlsrue. 1862.

4. Texier et Pullan. L architecture byzantine. Londres. 1864.

5. Salzenberg. Baudenkmäler von Konstantinop. v. VI bis XII Iahrh. Berl. 1864. (Послѣднія два изданія преимущественно для византійской архитектуры и иконографіи).

6. Labarte. Histoire des arts industriels au moyen age. Paris 1864.

7. Albani. Menologium Graecorum. 1727. (Для миніатюрной живописи).

8. Русская старина. Мартынова. Москва 1846—47.

9. Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ. Батюшкова.

10. Древности россійскаго государства. Москва 1849—53.

11. Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ. Москва 1869.

---

[9]) На подобныхъ условіяхъ организуется проектируемый въ Нью-Іоркѣ художественный музеумъ. Комиссія, выработавшая проектъ этого учрежденія, рекомендуетъ немедленное пріобрѣтеніе слѣпковъ съ главнѣйшихъ изящныхъ произведеній скульптуры и съ знаменитыхъ архитектурныхъ фрагментовъ; она настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго образованія библіотеки изъ художественныхъ изданій, долженствующихъ заключить въ себѣ сочиненія, относящіяся къ разнымъ отраслямъ искусства и ихъ исторіи. Моск. Вѣд. 1872 г. № 17.

12. Христіанскія древности и археологія. Прохорова.

13. Исторія русскаго орнамента. Изданіе Худож. Промыш. Муз. въ Москвѣ.

14. Указатель для обозрѣнія патріаршей ризницы. Москва 1865.

Палеографическіе снимки съ рукописей, находящихся въ синодальной библіотекѣ. Москва 1862.

Надобно впрочемъ замѣтить, что большая часть названныхъ изданій очень дороги и могутъ быть доступны только для библіотекъ, имѣющихъ большія денежныя средства. Было бы очень полезно имѣть хотя фотографическіе снимки съ этихъ изданій, и въ этомъ видѣ распространить ихъ по библіотекамъ особенно въ семинаріяхъ.

Вотъ тѣ матеріальныя и научныя средства, съ помощію которыхъ могутъ составиться церковныя археологическія собранія при нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для полноты очерка слѣдуетъ теперь изложить самый планъ такого, научно организованнаго, музеума и показать, изъ какихъ отдѣловъ онъ долженъ состоять и до какого объема достигнуть, чтобы удовлетворять необходимымъ требованіямъ курса церковныхъ древностей. Проэктируемый нами планъ при настоящемъ положеніи дѣла, конечно, покажется идеальнымъ; но соображая его съ нормальнымъ положеніемъ каѳедры археологіи и съ тѣмъ уровнемъ, на которомъ она должна стоять, нужно согласиться, что такой планъ имѣетъ основаніе въ дѣйствительныхъ требованіяхъ науки и прямыхъ интересахъ учебнаго дѣла. Берлинскій музеумъ христіанскихъ древностей, обязанный своею организаціею такому спеціалисту и знатоку дѣла, какъ Пиперъ, поможетъ намъ въ главныхъ чертахъ начертить этотъ планъ. Но особенныя условія, въ которыя поставлена каѳедра церковныхъ древностей на западѣ, и особенныя требованія отъ этой науки, обязательныя для насъ, дѣлаютъ необходимымъ нѣсколько иную постановку и подробности дѣла, чѣмъ въ музеумѣ берлинскомъ. Поэтому, излагая планъ послѣдняго, мы, гдѣ нужно, будемъ измѣнять его

согласно съ особенными требованіями церковноархеологической программы въ нашихъ высшихъ школахъ.

Такъ какъ задача музеума должна состоять въ наглядномъ ознакомленіи съ исторіею церковнаго искусства по памятникамъ и въ представленіи главныхъ моментовъ его развитія, то естественно возникаетъ вопросъ: какую эпоху, какой отдѣлъ памятниковъ возьмемъ мы за исходную точку этой монументальной исторіи. Христіанское искусство, какъ извѣстно, стояло въ тѣсной связи съ преданіями и техникою искусства классическаго и развилось на почвѣ античнаго міра, заявившаго себя самою разнородною художественною дѣятельностію. Отсюда выродился художественный синкретизмъ христіанскаго и дохристіанскаго въ церковомъ искусствѣ, и выразился въ тожествѣ формы и общности нѣкоторыхъ представленій. На этомъ основаніи первый отдѣлъ памятниковъ въ предполагаемомъ музеумѣ должны составить тѣ произведенія греко-римскаго искусства, которыя могутъ служить прототипами позднѣйшихъ формъ церковнаго искусства и выражаютъ собою идеи, въ которыхъ какъ бы слышится предчувствіе христіанства и подготовленіе язычества къ возвышеннымъ монотеистическимъ представленіямъ. У Пипера этотъ отдѣлъ называется *Vorstufe des Christenthums*, и обнимаетъ памятники, представляющіе собою переходъ отъ язычества къ монотеизму. Сюда онъ относитъ многіе сюжеты изъ помпейянской живописи: Юпитеръ Олимпійскій, Fortuna Primogenia, изображенія вѣчности и провидѣнія на монетахъ римскихъ императоровъ, также надписи, снятыя съ памятниковъ Рима и Вероны и заключающія посвященіе «Верховному Богу», «Великому Вѣчному Богу.» Впрочемъ, что касается до гробничной эпиграфики римлянъ, то изъ этой области можно сдѣлать болѣе обширный и характеристическій выборъ, такъ какъ многія эпиграфическія формулы древнихъ то буквально, то съ нѣкоторыми измѣненіями вошли въ христіанское употребленіе и повторялись въ эпитафіяхъ и надгробныхъ надписяхъ въ катакомбахъ.

За этимъ отдѣломъ памятниковъ, принадлежащихъ послѣднимъ временамъ греко-римскаго искусства, слѣдуютъ произведенія искусства собственно христіанскаго, и прежде всего отдѣлъ христіанской эпиграфики въ снимкахъ съ важнѣйшихъ надгробныхъ надписей въ катакомбахъ и изъ другихъ мѣстностей христіанскаго запада и востока. Снимки сдѣланы на бумагѣ и помѣщены между двумя стеклами такъ, что можно видѣть ихъ лицевую и обратную сторону; другіе положены въ витринахъ. Само собою понятно, что эти надписи составляютъ fac-simile съ оригиналовъ и воспроизводятъ археологическія и палеографическія особенности оригинальнаго текста. Между ними обращаетъ на себя особенное вниманіе знаменитыя Autun'ская (древній Augustodonum [10]) недалеко отъ Ліона) надпись надъ могилою Пекторія, заключающая символику ἰχθύς надгробная надпись Аверкія съ подобнымъ же богатымъ содержаніемъ [11]) и многія другія [12]).

Второй отдѣлъ заключаетъ памятники христіанской архитектуры и церковной утвари. Сюда вошли планы и виды церквей, какъ напр. Софійской въ Константинополѣ, св. Марка въ Венеціи, важнѣйшіе образцы готическаго архитектурнаго стиля и планъ знаменитаго монастыря Сентъ-Галленскаго. Отдѣлъ утвари представляетъ коллекцію снимковъ съ древнихъ купелей, потировъ и другихъ предметовъ.

Конечно, по этому сжатому очерку трудно судить о дѣйствительномъ составѣ этого отдѣла въ берлинскомъ церковномъ музеумѣ, но во всякомъ случаѣ хорошо организованный музей долженъ въ послѣдовательномъ порядкѣ представить образцы

---

[10]) См. Pitra. Spicilegium Solesmense. Bd. 1. Ср. Becker Darstellung Iesu Christi unter dem Bilde des Fisches, S 31—32.

[11]) Pitra. Spicil, Solesm. B. 1. Beck. S. 34. Древн. Труды М. Арх. Общ. Т. 2-й, стр. 132.

[12]) Укажемъ на два классич. сочиненія по части эпиграфики Рима и Византіи: Rossi iuscriptiones christianae urbis Romae saeculo septimo antiquiores. 1857—1861. Mordthmann. Epigraphik von Bysanz und Konstantinopel, 1864.

архитектурныхъ типовъ базилическаго, византійскаго, романскаго и готическаго стиля. Въ нашихъ собраніяхъ должно обратить вниманіе на полноту византійскаго отдѣла архитектуры. Для запада онъ имѣетъ значеніе переходной формы въ исторіи различныхъ архитектурныхъ стилей; для востока же византійская форма сдѣлалась прототипомъ церковнаго зодчества, и съ нею связаны многія стороны его литургической практики и живущія до сихъ церковныя преданія. Стбитъ прочесть литургическія толкованія древнихъ восточныхъ отцовъ, чтобы видѣть, какъ тѣсно примыкаютъ литургическія формы восточнаго богослуженія къ системѣ внутренняго и внѣшняго устройства храма, и какъ изъ этихъ архитектурныхъ формъ выясняется часто смыслъ и происхожденіе многихъ обрядовъ. На церковное зодчество въ Россіи византійская архитектура также имѣла сильное вліяніе, оказавшееся въ планѣ и многихъ деталяхъ извѣстнѣйшихъ церквей въ сѣверной и южной Россіи. Поэтому въ отдѣлѣ церковной архитектуры наши собранія должны отвести обширное мѣсто образцамъ архитектуры византійской и сгруппировать ея главнѣйшія формы. Съ другой стороны многія формы романскаго и готическаго архитектурнаго стиля могутъ быть исключены изъ нашихъ собраній, такъ какъ имѣютъ лишь мѣстный археологическій интересъ.

Третій отдѣлъ въ берлинскомъ христіанскомъ музеумѣ составленъ изъ памятниковъ живописи и скульптуры. Это самый обширный изъ всѣхъ отдѣловъ, онъ занимаетъ цѣлую залу и распадается на нѣсколько частей.

Къ первой принадлежатъ надгробные памятники первохристіанской эпохи. Въ составъ этой части вошли снимки съ надгробныхъ камней, *христіанскихъ* надписей на саркофагахъ и символическихъ изображеній. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ слѣпковъ съ замѣчательнѣйшимъ христіанскихъ саркофаговъ Рима и Милана, между которыми занимаетъ первое мѣсто саркофагъ Юнія Басса, далѣе снимки съ стѣнной живописи въ катакомбахъ, также монеты и геммы какъ въ слѣпкахъ, такъ въ оригиналахъ.

Вторую часть этого отдѣла подъ рубрикою «памятники христіанскаго искусства до XIV столѣтія» составляютъ снимки съ мозаикъ и вообще стѣнной живописи древнѣйшихъ храмовъ Константинополя, Рима, Равенны и др. образцы иконописи, замѣчательнѣйшихъ миніатюръ, рѣзнаго дѣла въ диптихахъ и рѣзныхъ дощечкахъ изъ слоновой кости съ изображеніями.

Третья часть обнимаетъ произведенія живописи и скульптуры западной въ XV в.

Четвертая—произведенія христіанскаго искусства въ Италіи XVI в. и памятники искусства протестантскаго.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этого отдѣла монументальной исторіи христіанскаго искусства. Въ нашихъ собраніяхъ должно быть обращено особенное вниманіе на устройство византійскаго отдѣла и на полноту его состава. Не входя въ подробности, мы укажемъ здѣсь лишь на главные образцы византійскаго искусства, изъ которыхъ долженъ сложиться чрезвычайно важный для насъ отдѣлъ византійской иконографіи. Сюда должны войти снимки: а) *съ мозаикъ*: Софійскаго храма въ Константинополѣ (по изданію Зальценберга), Солунской базилики св. Георгія и св. Софіи (по изданію Тексье), базилики св. Виталія въ Равеннѣ; б) *съ миніатюръ*: Сирійскаго Евангелія Равулы во Флоренціи VI в. (У D' Aginc. L Histoire del. art pl. XXVII. Хр. Древн. и Археолог. Прохорова), парижской рукописи Григорія Богослова IX—X в. (D' Aginc, Прохоровъ, Du Cange, Labarte), Псалтири IX в. изъ библіотеки Лобкова (Сборникъ Общ. Древнерусск. искусства 60—61. 139—153). Менологія Василіева (Menologium Graecorum 1797. Ed. Albani; также у Прохорова), Панопліи XII в. (D' Aginc. у Прохорова), снимки съ рукописей московской синодальной библіотеки, предпринятые публичнымъ музеемъ; подобные же снимки въ музеумѣ художественно—промышленномъ.

Кромѣ миніатюръ должно обратить вниманіе на диптихи и костяныя дощечки рѣзнаго дѣла, на царскія врата (Didr. Annal.

Archeol. D' Aginc. Labarte, Прохоровъ. Литературное изложеніе этого отдѣла у Unger: Byzant. Kunst. Encycl. Ersch und Gruber Th. 84 S. 437—440. 428—432). Можно указать на коллекцію снимковъ съ фресковъ и иконъ, привезенныхъ П. И. Савостьяновымъ съ Аѳона и хранящихся частію въ москов. публичн. музеумѣ, частію въ христіанскомъ музеѣ при Академіи Художествъ. Нѣкоторыя изъ этихъ памятниковъ изданы въ снимкахъ г. Прохоровымъ въ его журналѣ: «Христіанскія древности и Археологія».

Особыя задачи церковно-археологическаго курса въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ требуютъ такимъ образомъ значительнаго пополненія въ Пиперовой программѣ христіанскаго музеума въ Берлинѣ: но этимъ далеко не ограничивается нормальный составъ предполагаемыхъ *у насъ* церковно-археологич. собраній. Въ нашъ учебный курсъ должно необходимо войдти преподаваніе *русской церковной археологіи*, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается необходимымъ и организація при самыхъ музеяхъ спеціальнаго отдѣла русскихъ церковныхъ древностей, который долженъ обнять памятники древнерусскаго церковнаго искусства и быта. Будущность этого-то отдѣла и зависитъ всего болѣе отъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыхъ ожидаетъ наша наука отъ древлехранилищъ, разныхъ библіотекъ и отъ любителей древностей. Существованіе такихъ собраній не только будетъ въ значительной степени содѣйствовать успѣху курса русскихъ церковныхъ древностей въ школѣ, но отразится и на самомъ отношеніи общества къ нашему историческому прошлому и его вѣковымъ памятникамъ, подвинетъ впередъ самую ихъ разработку. Ничѣмъ не поддерживается такъ прочно уваженіе и любовь къ произведеніямъ національной древности, какъ ихъ изученіемъ, и ничто такъ не развиваетъ вкуса къ древностямъ и умѣнья цѣнить ихъ, какъ наглядное ознакомленіе съ этими памятниками и распространеніе историческихъ знаній въ самомъ обществѣ. По этому случаю намъ приходитъ на мысль заявленіе одного изъ членовъ съѣзда, который указывалъ на усиленіе курса русской исторіи въ гимназіяхъ,

какъ на лучшее средство поддержать сочувствіе къ отечественнымъ древностямъ въ средѣ учащейся молодежи и образовать будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Наша духовная школа по самому своему положенію представляетъ для достиженія той же цѣли особенно выгодныя условія. Она выпускаетъ своихъ питомцевъ въ массу простаго народа, гдѣ сохранились еще сильные слѣды древнерусскаго быта и преданій. Разсѣянныя по деревнямъ и селамъ, куда быть можетъ никогда не проникалъ глазъ спеціалиста изслѣдователя, они, какъ священники и учители народныхъ школъ, могли бы на многое указать, многое сохранить изъ памятниковъ нашей старины, если бы школа дала имъ для этой цѣли необходимыя свѣдѣнія и заохотила ихъ къ этой дѣятельности наглядными ознакомленіемъ съ остатками нашего древне-церковнаго и общественнаго быта. При такомъ же условіи могли бы выдти изъ нашей школы и хорошіе преподаватели церковныхъ древностей, знакомые съ предметомъ не по однимъ книжнымъ изслѣдованіямъ, но и наглядно по памятникамъ.

Теперь нѣсколько словъ о составѣ этого отдѣла. Изложить въ главныхъ чертахъ его программу не представляетъ большей трудности, такъ какъ наши церковныя древности уже отчасти приведены въ извѣстность, и ихъ систематизація имѣетъ нѣсколько прецедентовъ въ нашихъ археологическихъ собраніяхъ и въ теоретическомъ изложеніи ихъ плана, какое напримѣръ мы имѣемъ въ запискѣ для обозрѣнія русскихъ древностей, изданной въ 1851 г. Русскимъ Археологическимъ Обществомъ [13]). Главное вниманіе конечно должно быть обращено на церковную архитектуру и живопись, эти двѣ отрасли искусства, имѣвшія у насъ и замѣчательныхъ представителей, и болѣе содержательную исторію. Объ архитектурѣ нашихъ древнѣйшихъ деревянныхъ церквей мы не имѣемъ свѣдѣній,—эти церкви исчезли почти безслѣдно

---

[13]) Для нашего отдѣла имѣютъ значеніе вопросы помѣщенные на стр. 16—62.

и мы не знаемъ ничего о томъ, какъ онѣ строились, кромѣ мелкихъ отрывочныхъ извлеченій въ нашихъ лѣтописяхъ. Было бы желательно имѣть, по крайней мѣрѣ, планы и фасады сохранившихся доселѣ старинныхъ деревянныхъ церквей, которыя, не смотря на свое значительно позднее происхожденіе, сохранили на себѣ черты кореннаго русскаго зодчества, и потому заслуживаютъ особеннаго вниманія [14]).

Гораздо болѣе памятниковъ древне-русскаго (лучше сказать византійско-русскаго) зодчества сохранилось въ каменныхъ церквахъ южной, сѣверной и средней Россіи: въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и Москвѣ. Въ архитектурныхъ памятникахъ этихъ мѣстностей опредѣлились главныя черты типическаго плана древне-русскихъ церквей и особенности византійско-русскаго архитектурнаго стиля. Снимки съ этихъ церквей должны прежде всего войти въ составъ архитектурнаго отдѣла церковно-археологическихъ музеевъ. Пріобрѣтеніе копій съ этихъ памятниковъ не представляетъ трудности. Мы имѣемъ хорошіе снимки съ плановъ и фасадовъ замѣчательнѣйшихъ церквей русскихъ въ разныхъ археологическихъ изданіяхъ. Выбравъ отсюда снимки болѣе замѣчательныхъ памятниковъ, можно будетъ составить изъ нихъ историческую коллекцію архитектурныхъ видовъ, къ которой присоединятся, въ видѣ дополненія, копіи и планы мѣстныхъ архитектурныхъ памятниковъ, образцы деталей и орнаментовки. Не входя въ подробности, мы укажемъ на нѣсколько особенно важныхъ въ археологическомъ отношеніи изданій, которыя должны послужить источникомъ для нагляднаго ознакомленія съ памятниками нашей архитектуры. Сюда слѣдуетъ отнести виды и планы Георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ XII в. снятые и изданные г. Прохоровымъ въ журналѣ «Христіанскія древности и Археологія»; фасадъ, планъ и разрѣзъ Спасо-Нередицкой церкви, также XII в., въ снимкахъ принад-

---

[14]) Вопросъ объ архитектурѣ деревянныхъ церквей обсуждался на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ докладѣ гр. А. С. Уварова.

лежащихъ московскому художественно-промышленному музеуму. Для архитектуры церквей суздальскихъ мы имѣемъ описаніе Дмитріевскаго собора гр. Строгонова съ прекрасно исполненными видами этого замѣчательнаго памятника нашего зодчества [15]). Архитектура московскихъ храмовъ обработана въ изданіяхъ Снегирева, Мартынова, Рихтера. Прибавивъ къ этому перечню снимки съ замѣчательнѣйшихъ церквей русскихъ XVI, XVII и XVIII в., мы будемъ имѣть въ проектируемой коллекціи наглядную картину исторіи русской церковной архитектуры въ ея главнѣйшихъ формахъ, и опредѣлимъ по ней черты вліянія византійскаго и западнаго стиля на нашемъ церковномъ зодчествѣ.

Считаемъ излишнимъ говорить о той важности, какую представляетъ для нашей школы изученіе нашей древней иконографіи, и какое вліяніе могло бы имѣть практическое знакомство съ этою отраслію археологіи на положеніе нашего иконописнаго дѣла: объ этомъ такъ много писано и говорено, что снова заводить объ этомъ рѣчь значило бы повторять извѣстные аргументы противъ ложныхъ тенденцій итальянской церковной живописи и распространяться о достоинствахъ иконописи византійской.

Пособіями для составленія этого отдѣла, кромѣ древнихъ иконъ, сохранившихся въ церквахъ, ризницахъ и въ собраніяхъ любителей древности [16]), могутъ служить снимки съ фресковой живописи на стѣнахъ древнѣйшихъ церквей русскихъ. Въ послѣднее время началась оживленная реставрація стѣнописи. Открытыя недавно фрески Софійскаго собора и Берестовской церкви въ Кіевѣ, Дмитріевскаго собора во Владимірѣ отчасти изданы въ снимкахъ, отчасти хранятся въ картонахъ у нашихъ живописцевъ и въ ученыхъ обществахъ [17]).

---

[15]) Вопросъ объ архитектурѣ суздальскихъ церквей XII в. былъ подробно разработанъ на прошедшемъ археологическомъ съѣздѣ. См. „Труды“ этого съѣзда, стр. 252—299.

[16]) См. статью Ѳ. И. Буслаева: „Московскія молельни.“ Сборн. Общест. Древне-русск. Искусства, 2-е от., стр. 124.

[17]) См. Атласъ къ Описанію Кіева, Закревскаго и къ Описанію Дмитріев-

Важную услугу въ этомъ отношеніи можетъ оказать изданіе г. Прохорова, въ которомъ помѣщено много образцовъ нашей древней иконописи, и между ними особенно замѣчательны прекрасно исполненные снимки съ фресковъ Георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ [17]). Изъ образцовъ позднѣйшей иконописи въ составъ иконографическаго собранія должны войти наши русскіе лицевые подлинники, изъ которыхъ одинъ недавно изданъ литографически при московскомъ Строгоновскомъ училищѣ техническаго рисованія и можетъ служить виднымъ представителемъ этого отдѣла русской иконографіи. Не указываемъ на древне-русскія миніатюры, составляющія важную отрасль древне-русскаго искусства и матеріалъ для исторіи образованія иконописныхъ типовъ. Мы не входимъ также въ перечисленіе различныхъ отраслей промышленнаго производства, имѣвшихъ своихъ представителей въ церковномъ употребленіи. Программа этого отдѣла такъ обширна и такъ будетъ зависѣть отъ особыхъ мѣстныхъ условій, что всякое преждевременное ея опредѣленіе могло бы только усложнить дѣло, а не повести къ его скорѣйшему осуществленію. Вообще излагая этотъ планъ, мы имѣли въ виду лишь общія основы организаціи церковно-археологическихъ собраній: подробности же ея выполненія будутъ зависѣть отъ соображеній учебныхъ, отъ мѣстныхъ средствъ и отъ множества другихъ условій, которыя встрѣтятся въ практикѣ. Желательно однако, чтобы они подчинились цѣлямъ научно педагогическимъ и интересамъ изученія нашей прошедшей церковно-исторической жизни въ ея монументальныхъ остаткахъ.

И. Мансвѣтовъ.

скаго собора гр. Строгонова. Въ художественно-промышленномъ музеумѣ снимки съ фресковъ Спасо-Нередицкой церкви.

[17]) См. Христ. Древн. и Археологія 1871 г. Тутъ же снимки съ фресковъ Спасо-Нередицкой церкви и Николаевской на Липнѣ.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДА И ЗНАМЕНИТЪЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОСЛѢДНИХЪ ДВУХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ИСТОРІИ

ЦЕРКОВНАГО РУССКАГО ПѢСНОПѢНІЯ.

(Окончаніе).

Геніемъ созданное и во многихъ спискахъ сохранившееся, Мезенцово «Извѣщеніе — требующимъ учитися пѣнія» или, въ общеупотребительномъ съ тѣхъ поръ названіи, «Граматика крюковаго пѣнія,» удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ науки и практики: соединяя ту и другую въ законахъ, правилахъ и образцахъ, произведеніе это представляетъ собою единственное зеркало и полнѣйшее разъясненіе для всей сущности нашего знаменнаго пѣнія, за всѣ предшествовавшіе вѣка, а потому оно послужило и должно служить въ семъ дѣлѣ руководствомъ для всѣхъ и каждаго. Оно состоитъ изъ 3-хъ *Отдѣленій*, 1-е и 3-е въ 3-хъ *частяхъ* каждое, а 2-е изъ 31-й статьи. Извлекая самую краткую сущность изъ этой полноты и подробности, въ 1-мъ отдѣленіи мы находимъ собственно опредѣленіе *степеней* звука въ нашемъ знаменномъ пѣніи. То, что̀ достигалось на Западѣ и достигается теперь линейками, въ принятомъ числѣ ихъ съ добавками и ключами, вовсе не составляло для насъ новости и давно было намъ извѣстно, изстари практиковалось по рукописямъ, особенно въ школѣ Новгородской, и тамъ же, въ XVI вѣкѣ, получило опредѣленную систему, трудомъ «мастера (маэстро),» ученаго предстоятеля церковной пѣснопѣв-

ческой школы, *Ивана Акимовича Шайдурова*: онъ стяжалъ за то истинное уваженіе и благоговѣйную память у многочисленныхъ учениковъ своихъ, да и всѣхъ нашихъ предковъ, его поклонниковъ. При *чорныхъ* знаменахъ, означавшихъ собою всѣ совокупные законы пѣнія по гласамъ, издревле существовавшія особо красныя, киноварныя «помѣты,» то есть прибавлявшіеся или вставлявшіеся знаки «степенные,» дабы въ частности указать «гласотеченіе или «гласоступаніе» по «степенямъ,» растолковалъ и опредѣлилъ Шайдуровъ съ возможною точностію: съ тѣхъ поръ для школъ и пѣвцовъ сдѣлались сознательны *семь* основныхъ звуковъ, выраженныхъ Славяно-Русскими *буквами*, по образцу музыкальной *гаммы* (γ) Греческой *), въ извѣстной послѣдовательности, начиная и завершая *малолемъ*, такъ что Шайдуровскіе *г*, *н*, *с*, *м*, *п*, *в* и опять *г* равняются употребительнымъ нынѣ «утъ, ре, ми, фа, соль, ла» и опять «фа» въ господствующей Церковной гаммѣ, притомъ съ разными видами и сочетаніями, по которымъ, на примѣръ, если нижній *г*=*C*-фа-утъ, то *н*=*D*-соль-ре, *с*=*E*-ла-ми (при томъ же ключѣ) и т. д. Отсюда, съ извѣстными дополненіями сихъ основныхъ помѣтъ, возросшими поелѣ Шайдурова собственно до 10-ти (для означенія нижайшихъ «утъ, ре» и «ми»), еслибы эти «помѣты» вынуть и замѣнить нынѣшнимъ способомъ письма, то это были бы тѣ же линейки съ ключемъ: другими словами, знамена или крюки, какъ скоро они «съ помѣтами,» оказываются собственно въ линейкахъ, въ ступеняхъ лѣствицы (скалы), со звуками или нотами по ступенямъ. Поелику же, такимъ образомъ, кромѣ знаменъ, учились въ школѣ помѣтамъ, или, что то же, гаммѣ въ линейкахъ (по нынѣшнему воззрѣнію), а нынче дошло у старообрядцевъ до того, что они собственно и поютъ не «крюки» уже въ ихъ цѣльномъ составѣ, а исключительно «помѣты,» и только *ими* понимаютъ, *ими* выражаютъ указаніе крюка: то въ срединѣ сихъ предѣловъ, давнихъ и нынѣшнихъ, съ XV до половины XVII вѣка, какъ говорили мы выше, высвободилась на просторъ

*) Въ ней, какъ и у прочихъ классическихъ народовъ Востока, на примѣръ Индійцевъ, *нотами* употреблялись, извѣстно, тѣ же *буквы*, только условнаго „музыкальнаго“ значенія.

и даже произволъ болѣе или менѣе отвлеченная *гамма* (гамма музыкальная ради самой музыки); другими словами, — развилось *гаммовое* «гласотеченіе» звуковъ по ихъ ступенямъ, въ предѣлахъ конечно церковнаго «гласа» и «осмогласія,» но вмѣстѣ по безпредѣльной области звуковыхъ сочетаній, безъ отношенія уже къ тексту, какъ содержанію, напротивъ подводя въ подчиненность самое слово текста или отнимая у него, такъ сказать, для гаммовой прогулки, частичку въ родѣ *э—не—на—а* и т. п. Это и есть пѣніе *хамовое* или *хомовое* съ его *«раздѣльнорѣчіемъ.»* Уступая привычкѣ пѣвцовъ къ помѣтамъ и ради необходимости, чтобы неопытные продолжали отличать по нимъ верхніе звуки отъ подобныхъ же нисшихъ, Мезенецъ привелъ только въ стройный порядокъ пополненія, накопившіяся съ теченіемъ времени къ Шайдуровской степенной и буквенной гаммѣ, для выраженія всѣхъ тонкостей сей системы: но, кромѣ того, изобрѣлъ способъ гораздо простѣйшій, съ избыткомъ замѣнявшій помѣты или же ихъ еще больше регулировавшій. Это такъ названный Мезенцомъ *признакъ*: уже не киноварная буква, а условный *чорный знакъ*, красивый, небольшой и короткій, прибавлявшійся *къ чорному же знамени* и съ нимъ сливавшійся въ одно начертаніе. А между тѣмъ онъ выражалъ то же самое, что помѣта, и лучше, ибо давалъ прямо и легко замѣтить различіе, употреблялось ли одно и то же начертаніе знаменное, на примѣръ, для «утъ,» или для «ре:» за то не пестрилъ киноварью и лишними буквами, напротивъ оставлялъ безъ перемѣны, съ добавкою лишь тонкой черты, основное подлинное чорное знамя и фигуру его, возвращая наши книги въ семъ видѣ къ древнѣйшимъ пергаминнымъ рукописямъ пѣснопѣнія. Но, чтобы примѣнить симъ способомъ «признакъ» и оставить чорное знамя неприкосновеннымъ, даже возстановить сіе послѣднее до фигуры древнѣйшей,—слѣдовало, если не отступить отъ системы Шайдурова въ обозначеніи музыкальной гаммы, то развить сію систему на основаніяхъ дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ, и сообщить тѣмъ же началамъ новую постановку, правильнѣйшее движеніе. Для сего Мезенецъ, сообразно сущности, раздѣлилъ церковную лѣствицу (скалу) на 12 звуковъ (какъ бы по нынѣшнему на 7-ми линейкахъ), а этотъ звукорядъ подраздѣлилъ на отрѣзки болѣе короткіе, именно на 3 четвертныя группы (по 4 звука въ каждой, въ разстояніи ин-

тервала кварты). Тогда особый «признакъ» понадобился только для 2-й и для 3-й группы (отъ *D*—соль—ре, по мѣстамъ 2, 5, 8 и 11, отъ *E*—ла—ми, по 3, 6, 9 и 12): только здѣсь и явились знамена съ признакомъ, «призначныя.» Знамена же 1-й группы (отъ *C*—фа—утъ, 1, 4, 7 и 10), какъ «отъятыя (*сверхъ* 2-й и 3-й),» остались естественно древнія безъ всякой прибавки, «безпризначныя,» или «непреложныя (только для означенія кварть отъ «утъ»),» во всякомъ случаѣ распадавшіяся лишь на знамя «едино-гласо-степенное (по нашему въ одну линейную ноту),» «двугласное (въ двѣ отдѣльныхъ ноты линейныхъ)» и т. д. Вытекавшее изъ музыкальной сущности, основанное на древнѣйшихъ началахъ, но въ примѣненіи своемъ это *исключительное изобрѣтеніе Мезенца*, неизвѣстное другимъ его предшественникамъ, даетъ ему высокое право на славу находчиваго открытія [10]). Разумѣется, послѣ этого у Мезенца и его школы мы съ

---

[10]) Сколько мы лично понимаемъ, здѣсь Мезенецъ соблюлъ основы Шайдуровскія и только далъ имъ дальнѣйшее развитіе, отъ колебавшихся представленій объ *октавѣ* возвративъ церковную гамму къ ея исходнымъ началамъ, *тетрахордамъ*. Семь умозрительныхъ линеекъ, по которымъ размѣщаются его звуки, отвѣчаютъ и семи основнымъ звукамъ музыкальной природы, о которыхъ говорилъ Шайдуровъ, что „болѣе седми согласій (какъ самостоятельныхъ слоговъ) отнюдь нѣсть во всѣхъ осми гласѣхъ (церковныхъ),“ и семи буквамъ Шайдуровскихъ помѣтъ, и семизначной церковной гаммѣ, и семи слогамъ основной лирической народной пѣсни, и семи струнамъ, коими завершилось развитіе Греческой лиры. Самое трудное за симъ для искусства послѣдовавшаго и всякого нараждавшагося, на пути къ сознанію, состояло въ опредѣленіи отношенія септимы къ октавѣ, одной семизвуковой группы къ другой, предѣловъ между группами, сочетаній ихъ и столкновеній: *осьмая* представлялась то началомъ другаго ряда или другой группы, то звѣномъ сочетанія двухъ-трехъ группъ, то предѣломъ каждой группы съ обѣихъ сторонъ, такъ что семь являлось между двумя крайними восьмими, какъ въ столбахъ. Это колебаніе воззрѣній отразилось отчасти и въ повторительномъ именованіи *фа* на седьмомъ мѣстѣ церковной гаммы послѣ четвертаго, и въ томъ, что у Шайдурова (хотя исправлено и дополнено послѣдователями) *г, глаголь, гамма*, съ обоихъ концовъ на 7-мъ мѣстѣ, тогда какъ ей слѣдовало начинать собою другой звукорядъ на мѣстѣ 8-мъ. Причиною сбивчивости—смѣшеніе сущности звуковъ съ ихъ мѣстомъ, звукоряда съ предѣлами его и со звѣньями сочетаемыхъ предѣловъ. Выходъ отсюда къ ясному сознанію положенъ: въ народномъ пѣснотворчествѣ явленіемъ эпоса и его размѣра въ 8 слоговъ; осью гласами и столпами ихъ въ пѣніи церковномъ; выработаннымъ

тѣхъ поръ встрѣчаемъ отчетливое понятіе о послѣдовательномъ соотвѣтствіи терціи, квинты и октавы, объ этомъ «совершенномъ трезвучіи (reiner Dreiklang, accord parfait):» со стороны своей послѣдовательности оно пріобрѣло у Мезенца терминъ «гласовнаго отданія (отдаетъ, отвѣчаетъ звукомъ),» а со стороны сродства и равнокачественности, по нынѣшнему аликвотности и гармоническаго сопряженія,—техническое выразительное имя «триестество-гласія (согласія тройнаго, основаннаго на естествѣ).» Это уже прямо—основа и начало «гармонизаціи,» соглашенія, воспроизводимаго искусствомъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ: то, чѣмъ именно гармонизуется удобно всякій напѣвъ Русскій, народный ли, церковный ли (въ особенности контрапунктомъ «безъ благозвучной кварты»). А вмѣстѣ съ симъ открытъ путь партитурѣ и какому угодно правильному «партесу,» безъ искаженія напѣва и съ соблюденіемъ самобытныхъ Русскихъ особенностей. Вотъ почему, у самого Мезенца и въ основанной имъ школѣ, наша «знаменная» область остается «безлинейною» и удержи-

---

на Западѣ (преимущественно) понятіемъ октавы; осьмою струною, на которую покушались, хотя и смѣялись, Греки античные. Если же звукорядъ продолжить за семь и за восемь, въ какомъ бы то ни было отношеніи или примѣненіи, что произошло, на примѣръ, когда размѣръ народный расширился на 7+3=10 (каковъ размѣръ Славянскій и древній Русскій) или на 7+4=11, на 8+4=12 или на 8+5=13, а потомъ и 8+8=16; когда и струны эпическихъ, болѣе позднихъ, инструментовъ дошли до 10, 12 и 13-ти; когда къ церковнымъ 8-ми гласамъ прибавились „погласицы“ и „самогласицы;“ когда послѣдователи самого Шайдурова допустили уже 7+3=10 буквъ; когда Мезенецъ, независимо отъ Западной октавы, упредилъ послѣдующее необходимое развитіе ея возврѣній своими 12-ю звуками въ 3-хъ группахъ по 4-ре:—тогда, при этомъ высвобожденномъ понятіи объ отрѣзкахъ въ 3—4—5, возвращались всегда, возвратились у насъ, и теперь возвращаются къ возврѣніямъ исконнымъ, извѣстнымъ у Грековъ подъ именемъ тетрахорда и основаннымъ на природномъ подраздѣленіи самого седмичнаго звукоряда, чрезъ посредство средняго полутона. на 3+4 или 4+3, вѣрнѣе $3^1/_2+3^1/_2$, въ октавѣ 4+4. Отсюда-то поняли нынче двѣ половины въ основномъ метрѣ народномъ (въ 8-ми) и 3 или 4 струны старыхъ инструментовъ; отсюда тѣ же 4 струны въ нынѣшнихъ; 4 старинныхъ и 5 послѣдующихъ линеекъ, 3 или 5 добавочныхъ; распаденіе нашихъ 8 гласовъ на 2 типа (по 4) или на 4 типа (по 2); партіи въ 4 голоса и т. п. Отсюда же вся плодотворность выводовъ Мезенца: но онъ еще выразилъ это *начертаніями*, и вотъ его вѣковѣчная заслуга.

ваетъ это названіе: но уже понимается и ясно сознается «какъ линейная,» или, лучше, «степенная;» а потому, въ соотвѣтствіе системы, принесенной съ Запада, тотчасъ же являются у насъ рукописи, гдѣ строка «въ пяти линейкахъ» сопровождается *подписанною*, древнею нашею, строкою «безлинейною,» съ пріемами, которые утвердилъ Мезенецъ. Первая объясняется второю: не потому, чтобъ была загадочна, а для того, чтобы показать ихъ точное соотвѣтствіе и тождество основныхъ началъ. Это рукописи и ноты—такъ называемыя—«двойныя» или «безлинейно-линейныя,» «знаменно-нотныя («нотою,» въ отличіе отъ «знамени» и «крюка» съ помѣтами, постоянно съ тѣхъ поръ называется знакъ въ видимыхъ линейкахъ).» Вотъ почему, во вторыхъ, съ той же самой поры правильнымъ уже порядкомъ появляются рукописи, въ техническомъ строгомъ смыслѣ «строчныя (которыя слѣдуетъ отличать отъ прежнихъ «путевыхъ,» гдѣ нѣсколько «путей» означало нѣсколько «способовъ» изложенія основной мелодіи или даже разные «распѣвы» главнаго «напѣва»): это, *надъ* текстомъ, въ полномъ видѣ своемъ большею частію *четыре* «строки» безлинейнаго знамени, то черныя, то красныя по цвѣту, въ отличіе одна отъ другой; основная мелодія, знаменнаго распѣва, помѣщалась обыкновенно въ срединной строкѣ и ей-то усвоено, частнѣе примѣненное, имя «путь (то есть основной путь, котораго держалось пѣніе, .развѣтвленное рядомъ по сторонамъ или частямъ, parties);» «низъ» и «верхъ» означалъ другія партіи или голоса; сопровождающій аккордъ въ гармонизаціи состоялъ изъ помянутаго «совершеннаго трезвучія,» съ разными его видоизмѣненіями. Теперь уже доказано наукою, что это «строчное» пѣніе было совершенно «партесное» въ нашемъ смыслѣ; оно точь въ точь передается нынѣшними нотами въ линейкахъ на четыре голоса рядомъ: такъ—хотя безъ нынѣшнихъ нотъ и линеекъ—понималось оно тогдашними знатоками, и такъ практиковалось, особенно дворцовыми и патріаршими пѣвчими, во второй половинѣ XVII вѣка, въ «строчныхъ» обѣдняхъ, вообще при пѣніи «строками,» «въ строки.» Никонъ, увлекавшійся этимъ дѣломъ, хотя и «не въ этомъ видѣ,» а по принесеннымъ съ чужи тетрадкамъ и книгамъ, простиралъ свое рвеніе до того, что приказывалъ «набирать пѣвчихъ во вся строки, *хотя бы и съ лишкомъ*:» въ 6 и въ 8 употребля-

лись не рѣдко ноты и хоры Западной Руси, съ «первыми» и «вторыми» голосами, а широкая Великорусская натура, какъ водится, распахнулась здѣсь еще шире, черезъ край. Съ другой стороны, это не есть однако общеупотребительный способъ тогдашняго пѣнія, ни господствующій видъ нотной системы съ тѣхъ поръ: напротивъ, эти «отдѣльныя» рукописи суть собственно «студіи,» опыты и упражненія школы Мезенцовой, первоначально съ участіемъ и руководствомъ самого учителя, но, повторяемъ, для того только, чтобъ указать и доказать соотвѣтствіе наше общему музыкальному міру, достоинство наше самобытное и легкость примѣненія всѣхъ нововведеній, еслибы кто взялся за нихъ не повреждая основъ. Души своей самъ Мезенецъ не положилъ сюда и остался вѣренъ древнѣйшему типу, во всемъ его объемѣ и видѣ, съ тѣми совершенствованіями, которыя внесъ сюда. Дѣло «видимыхъ» линеекъ (когда степени звуковъ и безъ того обозначались), какъ дѣло мелкое и почти дѣтское сравнительно съ нашей зрѣлостью, онъ разъяснилъ указаніями, но предоставилъ другимъ, ближайшимъ потомкамъ, если угодно — доработывать; дѣло гармонизаціи въ партитурѣ, совпадавшее при немъ съ принесенными линейными нотами, онъ призналъ какъ возможное и положилъ правильныя къ сему основанія, давши самые опыты и образцы, но въ то же время не считалъ своимъ дѣломъ спеціальнымъ, а только настойчиво заявилъ, что для успѣха къ тому, для перевода всѣхъ внутреннихъ «образовъ» или «лицъ,» составляющихъ сущность нашего осмогласія и скрытыхъ въ начертаніи «знаменномъ,» для перевода ихъ, такъ сказать, на новый «многоглаголивый» языкъ, для этого нужна наука и наука. Самъ онъ конечно успѣлъ бы начатки сего возрастить въ полноту и провести въ жизнь — еслибы пожилъ еще лѣтъ двѣсти; пока же оставилъ по себѣ только строгій посмертный завѣтъ: «Старо-Словено-Россійское, въ тайно-сокровенно-личномъ знамени (гдѣ «лица» или «образы» скрыты внутри начертанія и образъ внутренній узнается по внѣшнимъ чертамъ его на письмѣ), пѣніе преводити въ партесное или (въ) нотное пѣніе (по линейкамъ съ дѣленіемъ голосовъ), и исправити добрѣ (въ семъ видѣ хорошенько обработать),—вѣмъ по истиннѣ, *безъ науки превести и исправити—никакоже возможно.*» Слова, сохранившія всю силу свою доселѣ, задача, по убѣжденію первѣйшихъ знатоковъ нашего дня, еще не исполнимая.

Вотъ сущность *перваю* Отдѣленія Мезенцовой Граматики, самый предметъ, а равно послѣдствія, отсюда выигранныя для искусства. Но было еще послѣдствіе практическое, совершенно внѣшнее, и однако громадной важности. Какъ ни удачно выполнялось тогда въ Московской Типографіи печатаніе тиска «двойнаго,» чорною краской и кинварью съ искусною «приводкой» того и другаго, красныя (а при красныхъ строкахъ чорныя) «помѣты» были гораздо затруднительнѣе и почти непреодолимы для набора (оставалось бы развѣ отливать сотни монограммъ): замѣнивши ихъ «чорными» же «признаками,» краткими, немногочисленными, «подставными» къ основному знамени, Мезенецъ удивительно облегчилъ и сдѣлалъ вполнѣ возможнымъ столь настоятельное, по исправленіи дѣла неизбѣжное, однообразное *печатаніе нашихъ знаменныхъ книгъ для пѣнія*. И точно, печатаніе было подготовлено, разумѣется по указанію Мезенца и тогдашними отличными мастерами типографскими; сдѣланы матрицы и пунсоны въ большомъ количествѣ, отлиты знаки наборные «для знаменной пѣвчей азбуки,» на двѣ формы тиска; хранилось все это и ожидало еще жизни до самаго 1681 года, да и далѣе [11]): обстоятельства, о которыхъ скажемъ ниже, помѣшали, и временный перерывъ обратился въ совершенный застой. Это уже не вина Мезенца, и мы переходимъ ко *второму* Отдѣленію его труда.

Но прежде замѣтимъ кстати о *послѣдней Части третьяю Отдѣленія*, примыкающей сюда ближе по своему предмету. Опредѣливши «мѣсто» или «степени» звуковъ знаменной системы, равно и самое качество или сущность знаменованной церковной музыки, Мезенецъ закончилъ здѣсь изслѣдованіемъ «мѣры,» «протяженія» или «количества» звуковъ по «времени» въ томъ или другомъ знамени (по нашему, какъ относятся двѣ чорныя ноты къ бѣлой, двѣ бѣлыхъ къ цѣлой и т. п.). Онъ называетъ это «дробью» и «тонкостью мѣры» въ «гласоступаніи,» опредѣленномъ у него прежде. Но онъ не дошелъ до точности и даже не поставилъ ясно вопроса о «числѣ» и связанной съ нимъ «силѣ (почти то же, что̀ ударенія):» о томъ, чѣмъ въ сущности условливается «ритмъ (въ древ-

[11]) Подробности о семъ въ нашей статьѣ „Прав. Обозр.“ 1864 г., №№ 5 и 6.

немъ смыслѣ),» симметричный или несимметричный (правильнѣе свободный), а по нынѣшнему (не совсѣмъ точно)—о дѣленіи на такты, отвѣчающіе стопѣ стиха, и на колѣна, въ соотвѣтствіе осмысленной фразѣ рѣчи или цѣлому стиху. Только лишь черезъ полтораста лѣтъ слишкомъ, коснулся этого почтенный А. Ѳ. Львовъ, и то отчасти, въ примѣненіи къ особенностямъ нашего подлиннаго Русскаго пѣнія: тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ, вопросъ сей остается пока еще совершенно открытымъ. Прибавимъ, что лучшіе знатоки нашихъ дней исходили здѣсь обыкновенно изъ пѣнія «храмоваго,» наиболѣе имъ знакомаго; видѣли здѣсь на лицо, разумѣется, несимметричность или аметричность (хотя собственно мѣра, метръ, опять совсѣмъ не то, что число), другимъ словомъ разнотактность; заключали отсюда ко свойствамъ «всего» нашего пѣнія, въ томъ числѣ «народнаго;» наконецъ, усматривая въ семъ послѣднемъ примѣры того же самаго (въ сущности испорченные или позднѣйшіе), а между тѣмъ извѣстную свободу, столь похожую на отсутствіе правилъ, обратно восходили къ пѣнію храмовому и рѣшили, что въ немъ-то и есть типъ сей свободы, не поддающейся правиламъ симметричнаго ритма и составляющей будто бы исконную нашу Русскую особенность. Главная бѣда въ томъ, что творческую свободу и произволъ порчи или условность искаженія смѣшали здѣсь именно съ отсутствіемъ правилъ и законовъ: понятно, что Мезенецъ, въ его время, стоя прямо на сей точкѣ наличнаго пѣнія храмоваго, считавшагося кодексомъ всякихъ законовъ, не видалъ никакого повода разсуждать о тѣхъ законахъ, которые явственно не отдавались въ его слухѣ. Если въ семъ погрѣшалъ и нашъ князь Одоевскій, то Мезенецъ подавно не могъ даже предположить здѣсь грѣха и подумать объ освобожденіи. Лишь въ самое послѣднее время, Народное пѣснотворчество обѣщаетъ здѣсь снова оказать услугу для оцѣнки пѣнія Храмоваго: чѣмъ лучше и древнѣе народные образцы, тѣмъ правильнѣе въ смыслѣ, о которомъ говоримъ мы, и тѣмъ очевиднѣе законы ихъ ритма въ сочетаніи съ первобытною творческою свободою. Съ ними только можемъ мы подняться до эпохи, когда тѣ же опредѣленные законы, вмѣстѣ съ народными основами музыки, поступили въ вѣдѣніе и развитіе области Церковной, а наконецъ и окрѣпшей Храмовой. Въ сей послѣдней мы не-

премѣнно отличимъ тѣ же основы правильнаго ритма и опредѣленнаго, въ извѣстномъ объемѣ, такта: но только тогда, когда раздѣлимъ, что̀ перешло къ Христіанству вмѣстѣ съ Завѣтомъ Ветхимъ отъ народовъ другихъ, и что̀ создано здѣсь пѣснопѣніемъ Грековъ, на языкѣ ихъ; когда изслѣдуемъ, что̀ сложено у сихъ послѣднихъ стихосложеніемъ народнымъ, что̀ искусственнымъ, и что̀ прозою; что̀ у Славянъ переведено отсюда со стиховъ, или съ прозы дальнѣйшею прозою, и на сколько Русскіе ступили еще впередъ по условіямъ языка своего или общаго развитія. Довольно напомнить, что стихъ Еврейскій пѣлся Греками уже какъ проза; стихъ Греческій являлся опять прозою у Славянъ; а при переводѣ съ языка на языкъ, измѣнялось теченіе даже самой прозы: исторія Богослужебныхъ книгъ Русскихъ прибавила еще звѣно въ семъ измѣненіи текста. Размѣру же рѣчи вынужденъ былъ отвѣчать и сообразоваться распѣвъ: судите, сколько ступеней долженъ былъ пройти ритмъ. Однако всмотритесь въ исторію этой области, различая ступени: и, чѣмъ ближе образцы къ народному складу или размѣру стиха, тѣмъ опредѣленнѣе будутъ отличія музыкальнаго ритма; отличія сіи будутъ теряться лишь тамъ, гдѣ господствуетъ проза и рѣчь чисто-книжная, искусственная. Но и тутъ потеряются не совсѣмъ, только для перваго взгляда и слуха: отдѣлите растяженія или сокращенія, гдѣ міръ звуковъ подлаживался къ прозѣ и книжности или новымъ условіямъ при переводѣ,—и вамъ останутся еще, какъ жемчужныя зерна, отрѣзки, группы, пожалуй, назовемъ, музыкальныя фразы типическія, отвѣчающія складу основному, то есть народному, и его опредѣленнымъ законамъ ритма. Будемъ лишь помнить, что отрѣзки эти въ области храмовой не имѣютъ непрерывной послѣдовательности; они прерываются въ своемъ теченіи — и отнюдь не свободою творческой,—напротивъ условностью употребленія, необходимостью звука слѣдовать за рѣчью и смысломъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ безпрестанно мѣнять ритмъ, то подлаживая его, то покидая одинъ для вынужденнаго другаго. На оборотъ, такой необходимости, присущей всякому историческому искусству, въ томъ числѣ и храмовому, вовсе не имѣетъ первобытное пѣснотворчество народное, въ лучшихъ и древнѣйшихъ образцахъ своихъ: здѣсь изначала и извѣка стихъ нераз-

рывенъ съ содержаніемъ и словомъ, со стихомъ размѣръ и складъ, со всѣмъ этимъ распѣвъ и напѣвъ, съ ними звукъ сопровождающаго орудія; ритмъ возстаетъ здѣсь передъ вами во всей точности и опредѣленности, во всей симметріи. Стало быть, съ этой стороны регулирующимъ указателемъ выступаетъ уже пѣніе народное. А такъ какъ, мы рѣшили прежде, вліяніе его было неотразимо у насъ на всю церковную и храмовую область, при томъ нашъ складъ народный, какъ все первобытное, основанное на естествѣ и творчествѣ природномъ, сближается съ таковымъ же народнымъ складомъ у Грековъ, у Евреевъ и у какого угодно народа выше или шире: то вотъ прямой путь, чтобы искать и открывать слѣды сего склада въ теченіе всей исторіи, которую представляетъ намъ послѣдовательное пѣніе храмовое. Они-то и связуютъ собою, какъ звѣнья и переходы, постепенность музыки храмовой: связь въ ихъ рукахъ и отъ нихъ зависитъ. Въ той или другой эпохѣ, формѣ и книгѣ храмовой выдаются они отрѣзками, подчиняясь новому условному употребленію, то какъ будто теряясь въ семъ послѣднемъ, то ощутительно выступая, то пріобрѣтая иную постановку и дальнѣйшее развитіе: уже не въ смыслѣ первобытнаго творчества, а условнаго храмоваго искусства. Слѣдовательно, среди области храмовой, отрѣзки подобнаго склада, ритмическаго и опредѣленнѣйшаго, въ ряду другихъ сочетаній, если не враждебныхъ съ ними, то по крайности развившихся совсѣмъ иначе, предстанутъ, мы сказали, зерномъ или—такъ сказать—монограммою: церковные «гласы» съ ихъ столпами суть именно извѣстная крупная монограмма въ семъ родѣ; та или другая фраза, «отличающая» гласъ (припомнимъ хоть заключеніе гласа 2-го въ отличіе отъ 1-го на «воззвахъ»), фраза, обособляющая мелодію и складъ, есть опять та же монограмма. Монограммѣ же звуковаго сочетанія прямо отвѣчала мнонограмма въ начертаніи: знаменная система собственно вся есть совокупность извѣстнаго ряда монограммъ, изъ коихъ каждая отвѣчаетъ той или другой, болѣе краткой или длинной, музыкальной фразѣ, а эта каждая фраза въ отдѣльности есть своя единица «опредѣленнаго ритма.» Единицъ такихъ много, видовъ ритма не одинъ: кажущаяся свобода здѣсь—есть частая смѣна одного ритма другимъ; дѣйствительная необходимость—заставляетъ слѣдовать законамъ условнаго употребленія, истори-

чески развивавшагося въ храмѣ. Посему конечно нельзя уже найти здѣсь ритма единственнаго или господствующаго повсюду; въ разницѣ частныхъ тактовъ ускользаетъ отъ слуха единство и не приглашаетъ искателя къ законамъ; изслѣдователь принужденъ на первыхъ порахъ «перечислять» разные виды, и только развѣ группировать однородныя фразы, растолковывая ихъ условное употребленіе: однимъ словомъ, стало быть, и въ мірѣ звуковъ, и въ области ихъ начертаній, на примѣръ въ древнихъ нашихъ знаменахъ, трактовать каждую фразу и каждое знамя, а тѣмъ больше сложное, *какъ монограмму*. Монограмма и есть знакъ условнаго, частнаго употребленія, въ каждомъ случаѣ порознь: лишь бы только уяснить ея значеніе, указать, какъ она *употребляется* и какъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ ее *пропѣть*. Такъ оставалось поступить и добросовѣстному Мезенцу: это и сдѣлалъ онъ во *Второмъ* Отдѣленіи своего труда и *въ первыхъ двухъ частяхъ* Отдѣленія *Третьемъ*. — Сперва (во 2-мъ отдѣленіи) перечислилъ онъ всѣ почти единичные знаки знаменной системы (по нашему ноты), показавши способъ пѣнія каждаго, при той или другой помѣтѣ, въ томъ или другомъ гласѣ, даже и въ одномъ, но смотря по сочетаніямъ и отношеніямъ, а также въ той или другой пѣвческой книгѣ (ибо извѣстно, иное осмогласіе въ стихирахъ, иное въ ирмосахъ и т. д.). Наконецъ (въ 3-мъ отдѣленіи) перебралъ всѣ сочетанія, составляющія болѣе крупную отдѣльную фразу (отъ двухъ до пяти нотъ): то, что́ называлось «лицами,» а у Мезенца внутренними «образами,» составляющими сущность пѣнія и отличіе всякого гласа по всѣмъ его употребленіямъ, «отличіе гласовное.» Это, такъ сказать, хрестоматія мелодическихъ отрѣзковъ. Поелику же и монограммы для сего были вычурнѣе, сложнѣе, потому Мезенецъ, выбравши, съ одной стороны переписовалъ ихъ, какъ есть, съ другой рядомъ (на лицо и на взглядъ) прибавилъ для каждой «разводъ:» уже не въ прежнемъ смыслѣ, не какъ варіацію, попѣвку или хитрую «оиту,» допускавшую произволъ варіировать по велѣнію «хабувы,» но именно съ точнымъ указаніемъ, *какъ* «развести» монограмму—«оиту» или «лицо»—въ дѣйствительномъ пѣніи, *какимъ способомъ слѣдуетъ пропѣть* ихъ правильно и вѣрно. Монограмма распадалась здѣсь на «дробь,»—дробные знаки, которые отвѣчали Мезенцовой системѣ и по которымъ

легко было пѣть со всею отчетливостью. Правда, въ Грамматикѣ онъ это примѣнилъ, какъ примѣръ, только къ Ирмологу: но то же самое обѣщаетъ здѣсь совершить для прочихъ пѣвческихъ книгъ, и, разумѣется, совершилъ въ нихъ; ибо, увидимъ ниже, мы получили изъ подъ руки его самыя книги, главнѣйшія по употребленію, съ такою же точно обработкой, съ приписною имъ сдѣланныхъ точныхъ «разводовъ» при каждомъ начертаніи, болѣе или менѣе хитромъ въ своей условности. Этимъ на всегда пресѣченъ путь безконечнымъ варіаціямъ и произволу ихъ: тѣ начертанія, куда укрывались онѣ подъ покровъ и откуда вырывались на безграничный просторъ, произнесены теперь опредѣленною музыкальною рѣчью, отселѣ неизмѣнною и обязательною для всякого свѣдущаго пѣвца. Твореніе Мезенца, о которомъ говоримъ мы, есть твореніе за всѣ вѣка и на всѣ вѣка нашего Церковно-Храмоваго Пѣснопѣнія.

Конечно, всего этого нельзя было исполнить при свѣтѣ одной теоретической науки или съ помощію одного прикладнаго знанія, практическаго опыта, хотя бы столь обширнаго, какимъ отличался Мезенецъ: ему нужна была *исторія*, и онъ не только приникъ къ ея дѣйствительности со всѣмъ жаромъ испытателя, не только прочелъ ее готовую на данныхъ страницахъ, но самъ ее вызвалъ къ жизни на бѣлый свѣтъ Русскій, самъ оповѣстилъ ее историческимъ словомъ. Историческое знаніе пѣвческой науки явилось впервые только у Мезенца, водружено его первыми руками. Не довольствуясь рукописями ходячими, онъ отыскалъ, собралъ, привелъ въ порядокъ, изучилъ и исчерпалъ рукописи всего предшествовавшаго времени, восходя до харатейныхъ, до знаменныхъ списковъ XIII, XII вѣка и, вѣроятно, еще далѣе: уцѣлѣвшія до насъ, и конечно трудомъ его всего ближе сбереженныя для Москвы, пѣвческія рукописи старшихъ вѣковъ свидѣтельствуютъ доселѣ, что изъ нихъ-то и занималъ онъ свои основныя данныя, свои подлинные образцы. «Сіе таинственное (говоритъ онъ въ одномъ случаѣ), сирѣчь скрытое и сократительное знаменіе (условная монограмма сокращеннаго знака для выраженія существенныхъ «образовъ») учинено, и снискано (изобрѣтено), и сими имены прозвано—прежними Словено-Россійскими пѣснорачители и знаменотворцы, *до настоящаю сего времени за четыреста лѣтъ и вящє.* Понеже во многихъ

ХАРАТЕЙНЫХЪ ИРМОЛОГІИХЪ, И ПРОЧАГО ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ СЪ СИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ КНИГАХЪ, ОБРѢТОХОМЪ ЛѢТОПИСНАЯ ПОДПИСАНІЯ: КТО КОТОРУЮ ЗНАМЕННАГО ПѢНІЯ КНИГУ ПИСАЛЪ И ЯЖЕ ВЪ НЕЙ ПИСАННАЯ ЛЮБОТРУДСТВОВАЛЪ (совершилъ музыкальные труды, преданныя письму), И ВЪ КОЕМЪ ГРАДѢ, ИЛИ МОНАСТЫРѢ, И ВЪ КОТОРОЕ ВРЕМЯ, И ПРИ КАКОВОМЪ ЛЮБО СЛУЧАИ.» Дѣло, совершенное Мезенцомъ на такихъ основаніяхъ, очевидно не есть личное изобрѣтеніе или талантливый вымыселъ, напротивъ жизненный плодъ всей предыдущей исторіи: историческое воспроизведеніе подлиннѣйшихъ образцовъ храмоваго и церковнаго пѣснопѣнія Русскаго, изъ вѣковъ минувшихъ до послѣдней текущей минуты сознательнаго искусства, съ отчетливой лѣтописью сего послѣдовательнаго хода въ наглядномъ ряду уцѣлѣвшихъ памятниковъ.

Наконецъ, съ помощію тѣхъ же рукописей за всѣ прошлые вѣка, Коммиссія, сосредоточенная вокругъ Мезенца, получила возможность завершить послѣднее великое дѣло, предназначенное ей царемъ и постановленіемъ соборнымъ: перевести Богослужебный текстъ и пѣніе его «на правую истинную рѣчь» или просто «на рѣчь (терминъ сей уже объясненъ нами прежде).» Для этого, исключивши изъ своихъ занятій всю область «хомовую,» какъ переходную или искаженную, она *возстановила* текстъ подлинный и древнѣйшій, по харатейнымъ—пергаминнымъ рукописямъ, въ томъ видѣ, какъ мы приняли отъ Южныхъ Славянъ: но *прочла* сей текстъ точно такъ, какъ произносилъ Русскій языкъ и говорила современная рѣчь XVII вѣка. Слѣдовательно, въ помянутыхъ нами примѣрахъ, оказалось теперь: «согрѣшим(ъ, какъ и теперь, оставленъ безъ произношенія), беззаконновахом(ъ) —но не предажд(ь)» или «не предай(й уже не составляетъ слога и не требуетъ особой ноты) нас(ъ) до конца;» или «спас(ъ)» вмѣсто правописанія древняго «съпасъ» и хомоваго «сопасо;» «внуче» вм. «вънуче» и хомоваго «вонуче,» и т. п. Что касается тѣснѣе словеснаго текста, въ этомъ помогли и Крутицкое Братство, и Московская Типографія, одинаково занятыя въ ту пору исправленіемъ текста для печати: въ дѣлѣ же пѣвческомъ руководила здѣсь система и рука Мезенца. Хомовыя растяженія пали сами собою, какъ скоро введены были въ точную опредѣленную мѣру существенныя «лица, образы и гласов-

ныя отличія;» излишекъ частныхъ знаменъ или нотныхъ знаковъ, отвѣчавшій лишнимъ гласнымъ и слогамъ въ древнемъ правописаніи по типу Юго-Славянскому, легко было сократить и вовсе устранить, какъ скоро древнія сложныя монограммы «разведены» были Мезенцомъ по своимъ составнымъ частямъ и цѣлыя крупныя числа звуковъ превращены въ помянутую «дробь:» то есть, по новой системѣ, осталось только перевести, на примѣръ, ноту съ одного слога на другой по произношенію или тогдашнему ударенію, нисколько не измѣняя существеннаго музыкальнаго типа, гдѣ нужно—слить двѣ ноты въ двойную, гдѣ нужно—разложить одну на двѣ кратчайшихъ и т. п.

Съ тѣхъ поръ, важнѣйшія колебанія и смуты, выше нами очерченныя, а вмѣстѣ, отвѣчавшую имъ груду рукописей, разнорѣчій, отдѣльныхъ способовъ и пріемовъ пѣнія, болѣе-менѣе оказавшихся теперь временнымъ промежуткомъ, все это—сняло какъ рукоіи: на самомъ дѣлѣ, видимъ, это бремя снято съ Церкви могучей рукою Мезенца и силами его сотоварищей, конечно даровитыхъ же, но поблекшихъ при такомъ величавомъ имени и лицѣ; не даромъ акростихъ, сопровождавшій письменные труды ихъ, гласитъ, что «трудилися Александеръ Мезенец *и прочіи* (мы даже не знаемъ съ точностью ихъ званій).» Вмѣсто всего смущавшаго и соблазнявшаго, мы получаемъ рядъ отлично писанныхъ, точныхъ и опредѣленнѣйшихъ рукописей, обнимающихъ весь кругъ Богослужебнаго пѣнія, по тексту и музыкальнымъ знакамъ, согласно выработанной и намъ извѣстной уже системѣ Мезенца. Сразу мы стали на высоту первыхъ вѣковъ нашего Православія: но вмѣстѣ съ тѣмъ въ уровень текущей минутѣ XVII вѣка, языку его, рѣчи, слову, произношенію, ударенію, искусству пѣнія и сознательному, научному употребленію. Явленіе до того было могущественно, до того покоряло своимъ неотразимымъ вліяніемъ, что безпрекословно водворилось въ Церкви: оно повторилось даже черезъ сто лѣтъ послѣ, въ печатныхъ Синодскихъ книгахъ, на линейкахъ и съ начертаніями условныхъ «церковныхъ нотъ,» а слѣдовательно дошло до нашихъ дней какъ непререкаемый памятникъ. Въ свое время, при первомъ водвореніи, сопровождаемое помянутыми «студіями» опытовъ «строчныхъ» и «линейныхъ,» оно сосредоточено на рукописяхъ «безлинейно-знаменныхъ,» съ «при-

знаками» Мезенца, узаконенными отъ него «помѣтами,» обновленнымъ Русскимъ «праворѣчіемъ» и прочими чертами, по которымъ такъ легко всюду узнать и отличить ихъ. Но эти особенности, ознаменовавшія трудъ Коммиссіи и Школу Мезенца, послужили конечно достаточнымъ руководствомъ для историческихъ выводовъ Дм. В. Разумовскаго, и однако же оставляли нѣсколько сомнѣній касательно прямаго участія въ нихъ главнаго дѣйствующаго лица: рукопись безцѣнная, открытая и тотчасъ пріобрѣтенная нами въ 1863 году [12]), собственноручная рукопись Мезенца, гдѣ, съ подписью своего имени, «распѣлъ» онъ текстъ и самъ выставилъ надъ нимъ всѣ знамена своей системы, сняла послѣднюю тѣнь неизвѣстности и убѣдила, сравненіемъ тождественной руки, что всѣ почти однородныя пѣвческія произведенія означеннаго ряда, въ третьей четверти XVII столѣтія, вышли изъ подъ одного художественнаго просмотра, пера и почерка, если не всегда по тексту, который писанъ нѣсколькими руками, то вездѣ по распѣтой рѣчи, по разставленнымъ знаменамъ, признакамъ и помѣтамъ, по крайности по припискамъ и музыкальнымъ отмѣткамъ съ поля. Всюду одинаково мы встрѣчаемъ его неизмѣннаго, и не въ однихъ наличныхъ данныхъ извѣстной эпохи, но и въ ея послѣдствіяхъ, не только въ области Единой Русской Церкви, огражденной отселѣ навсегда столпами опредѣленнаго, разумно-понятаго гласа, но и въ тѣхъ притворахъ, куда уклоняются нѣкоторыя чада ея: и тамъ достигаетъ ихъ оглашеніе отъ того же поучающаго гласа. Отвращаясь общихъ нововведеній, но, вопреки ожиданію, встрѣтивши въ данномъ случаѣ воскресшую сѣдую древность, старообрядцы, соблюдавшіе священство, успѣли унести съ собою въ свои убѣжища тотъ же самый истинно-рѣчный текстъ пѣснопѣнія, употребительный у нихъ доселѣ и знаменованный въ началѣ Мезенцомъ: если при этомъ не вездѣ сохранилась точность соотвѣтственныхъ пѣвческихъ размѣтъ, то по крайности легко убѣдиться, и обличеніе всѣмъ на лицо, что виною этого тысячи переписчи-

---

[12]) Мы своевременно извѣстили объ томъ въ „Днѣ“ 1863 и въ 6-мъ выпускѣ „Кал. Перехож.“ 1864 года. Единственный сей памятникъ мы разсмотримъ вкратцѣ еще ниже.

ковъ-старообрядцевъ, постепенно исказившихъ руку Мезенца. Съ другой стороны, сравнительно немногимъ опоздавшіе и послѣдовательно отринувшіе священство, такъ называемые Поморцы и имъ подобные вынуждены были воспользоваться рукописями мѣстными и областными, стоявшими внѣ средоточія Московскаго и объединяющей его силы: у нихъ долго тянулось пѣніе хомовое по знакамъ хомовымъ. Тѣмъ не менѣе, существовавшая рядомъ, даже у ближайшихъ священствующихъ собратій, истинно-рѣчная система съ ея знаменами отъ руки Мезенца, такъ убѣдительна и неотступна въ своей истинѣ, что она являлась постоянно укоромъ и превозмогла въ наши дни: пѣніе хомовое не потянется дальше нѣсколькихъ лѣтъ и падетъ предъ усиліями Преображенцевъ, которые, разъ основавшись въ Москвѣ, къ концу самостоятельности ихняго кладбища предложили согласникамъ своимъ опыты неизбѣжнаго исправленія, пути возврата изъ тяжкаго плѣна раздѣльнорѣчій. Такъ въ самомъ разсѣяніи, почва, воздѣланная Мезенцомъ, понесла и несетъ въ себѣ сѣмя возсоединенія: Москва и церковный престолъ Московскій возвратили себѣ, этимъ дѣломъ, на время было утраченную, Все-Россійскую силу спасительнаго объединенія. Органъ единаго гласа остается однимъ изъ самыхъ прямыхъ орудій для дѣйствія на Православную душу и на пѣвучую природу Русскую.

Торжествуя память столь многихъ своихъ подвижниковъ, Церковь Русская не можетъ забыть такого громаднаго подвига, каковъ представляется теперь нашему взору и слуху: теченіемъ судебъ она призывается испытать, испытавши торжествовать честныя и досточтимыя имена, если не личныя имена, то увѣнчанные годы и лѣта, если не лѣта и годы, то совершенныя въ кругѣ числъ великія дѣянія и вѣковѣчные плоды ихъ. По нашему закону и обычаю, равно народному и церковному, «прочіе» сотоварищи скрылись за именемъ передовымъ: передовой инокъ Александръ, подобно сподвижникамъ Донскаго, скрывается подъ сѣнію водруженнаго имъ церковнаго знамени. Знаемъ только, что Мезенецъ былъ одноземцемъ великаго Ломоносова; видимъ изъ работъ его, что онъ прошелъ образовательную школу Западной Руси, но, какъ вступилъ въ нее, такъ и вышелъ изъ нея Великоруссомъ, а кончилъ Москвичемъ [13]). Са-

[13]) Подробнѣе о томъ при 6-мъ вып. „Кал. Перехожихъ."

мый годъ кончины его неизвѣстенъ, бытописаніе обходило, какъ нарочно, всѣ личныя условія его и обстоятельства: опредѣляется лишь число и годъ совершеннаго подвига. Не могъ легко достаться и сей послѣдній, не скоро подготовлялся, не быстро выполненъ, въ такой зрѣлости внутренней, въ такомъ широкомъ объемѣ: мы замѣчаемъ только предѣлы самые крайніе, когда завершился онъ въ числахъ и зрѣлымъ плодомъ отдѣлился отъ всего прошедшаго, для всего будущаго. Предѣлы, весьма впрочемъ точные, таковы. Коммиссія съ полнымъ правомъ имѣла возможность заявить и отдѣлать свои подготовительныя работы только *съ 1667 года*, когда Соборное постановленіе узаконило исправленіе «на рѣчь,» а пѣвческіе знаки новой точной системы могли быть примѣнены, какъ и дѣйствительно размѣчены, только при семъ «истинно-рѣчномъ» текстѣ: потому собственное, спеціальное начало успѣховъ ея, торжественно себя заявившихъ, ознаменуется и характеризуется вездѣ, по рукописямъ, *благословеніемъ Іоасафа*, съ той же самой поры вступившаго на престолъ патріаршескій. Но дѣло само равнымъ образомъ связуется постоянно съ личностію *митрополита Сарскаго и Подонскаго Павла* (1664 — 75): оно могло поступать впередъ единственно подъ покровомъ такого человѣка, въ своемъ просвѣщеніи соединявшаго Русь древнюю и начатки новой преобразующейся, притомъ столь сильнаго, близкаго къ царю и управлявшаго церковью въ промежуткахъ Патріаршества, стало быть имѣвшаго всѣ способы провести любимыя свои мысли и начинанія. Когда скончался Павелъ (9 Сентября 1675), въ слѣдъ за нимъ (19 Ноября) другъ его Епифаній, не всегда удачный дѣятель, но по крайности лучшій совѣтникъ книжнаго исправленія, а вскорѣ и самъ царь Алексій (подъ 30-е Января 1676), вызвавшій пѣвческую реформу грамотою своею и указомъ: предпринятыя дѣла, одинаково и по Крутицкому Братству, и по Московской древнѣйшей Типографіи, всѣ почти остановлены и даже многія прекратились на всегда, а тѣмъ болѣе должно было остановиться на послѣдней точкѣ своихъ успѣховъ трудное воссозиданіе подлинныхъ пѣснопѣній церковныхъ; по счастію, здѣсь такъ уже много было совершено, что дальше итти было некуда пока и не за чѣмъ. Съ воцареніемъ Ѳеодора началась эпоха совсѣмъ другаго характера и повернула къ нему весьма быстро:

всемогущій руководитель царя Полоцкій съ сотоварищами потянулъ естественно къ родной своей музыкѣ Западно-Русской, съ ея партесомъ и линейками, съ ея искусственными стихотворными произведеніями внѣ Богослужебнаго текста; онъ даже оттянулъ дѣятельность Московской Типографіи въ типографію «Верхнюю,» дворцовую, и вотъ почему, видѣли мы, подготовка знаменнаго печатанія, такъ сказать, застыла къ 1681 году и не знали хорошенько, что̀ же съ нею дѣлать [14]). Между тѣмъ, съ 1682 года начались политическія смуты съ рѣшительнымъ выходомъ къ Петровскому преобразованію, которое многосторонностью своей заслонило на долго всѣ прочія спеціальныя предпріятія. Но и раньше того, столь внутренній и глубокій вопросъ Церкви, какъ вопросъ Пѣснопѣній, не могъ найти содѣйствія и даже пристальнаго вниманія — ни со стороны слабаго, кратковременно правившаго, патріарха Питирима (*съ 6 іюля 1672 года*), ни даже ревностнаго, по своему дѣятельнаго преемника, Іоакима, который долгую, упорную энергію власти своей въ состояніи еще былъ обратить къ низверженію партіи Западно-Русской, но, среди послѣдовавшихъ тревогъ, къ положительному переустройству въ какомъ бы то ни было отношеніи не имѣлъ ни достаточныхъ, выдающихся способностей, не засталъ уже и достойныхъ помощниковъ въ окружавшихъ лицахъ. Отъ того труды Коммиссіи обыкновенно связуются въ надписаніяхъ по одной сторонѣ съ именемъ помянутаго митрополита Павла, по другой съ именемъ *патріарха Іоасафа* и, по кончинѣ сего послѣдняго, *Февраля 17-го 1672 года*, дальше сего предѣла ни на кого другаго не переходятъ и ни къ кому не относятся. Слѣдовательно, разгаръ работъ, увѣнчанныхъ достойною славою въ ихъ время и великими послѣдствіями для всей Церкви, приходится *между 1667 и 1672-мъ годомъ;* завершилось же все это предпріятіе и дѣло до высоты, за которой не имѣемъ признака чему ни будь дальнѣйшему въ томъ же родѣ, *къ веснѣ 1672 года*: къ той веснѣ, когда родился творецъ Новой Россіи. Двухсотлѣтнее, намъ предстоящее, празднество года и мѣсяца рожденія

---

[14]) Подробности о семъ переворотѣ въ „Прав. Обозрѣніи:“ „Юрій Крижаничъ.“

Петрова *совершенно совпадаетъ, по году и мѣсяцамъ, съ двухсотмѣтіемъ возсозданнаго Церковнаго Русскаго Пѣснопѣнія.* Отъ насъ уже самихъ, Русскихъ, зависитъ: соединитъ ли съ праздникомъ государства, общества и народа собственное торжество свое Русская Церковь, благословившая нѣкогда новорожденнаго царственнаго младенца готовымъ даромъ своего духовнаго пѣснотворчества, творенія многихъ вѣковъ, достойно законченнаго искусствомъ и наукою. Встрѣченное кликами семейной радости, рожденіе Петра встрѣчено одинаково и народною пѣснею, до насъ уцѣлѣвшею въ неизмѣнномъ словѣ и напѣвѣ; но оно встрѣчено также и голосомъ, несравненно болѣе торжественнымъ: въ Москвѣ и священномъ Кремлѣ, отъ лица Церкви, между двумя ея патріархами, только что скончавшимся и еще вновь не поставленнымъ, при старшемъ тогдашнемъ предстоятелѣ Митрополитѣ Павлѣ, Церковный Русскій Гласъ былъ первымъ торжественнымъ гласомъ, который раздался надъ колыбелью младенца, въ молитвахъ благодарнаго отца среди соборовъ, надъ купѣлью его и надъ руками, принесшими его къ алтарю. Должно думать, что тѣнь—съ тѣхъ поръ давно уже Великаго, чрезъ двѣсти лѣтъ еще болѣе возросшаго во взорахъ нашихъ, не отреклась бы отъ подобнаго дара изъ устъ благодарныхъ потомковъ. Для Петра, сколько мы знаемъ его, было бы чему здѣсь вновь порадоваться: и торжеству Православія, которое простирается нынѣ на весь внимающій міръ, и церковному миру внутри, и наукѣ, столь любимой Петру наукѣ, которая проникла въ наши дни до глубочайшихъ тайниковъ церковнаго устроенія — до требованій истиннаго и подлиннаго пѣснопѣнія.

Въ сущности дѣло было закончено и по сущности доселѣ передъ нами остается такимъ же вѣковѣчнымъ памятникомъ, которому мы ждемъ, но еще ясно не видимъ внередъ путей движенія и условій развитія. Оставался вопросъ *водворенія и примѣненія*: а здѣсь на первый планъ выступали принесенныя къ намъ строки «линейныя,» съ начертанными въ нихъ «нотами.» Мезенецъ показалъ опытами возможность перевода знаменъ на линейныя ноты, но самъ за это не брался, занятой болѣе важнымъ и основнымъ. А между тѣмъ легкость этого новаго способа начертаній для обученія начинающихъ; «школы,» нуждавшіяся въ томъ и основанныя у насъ, въ новомъ техническомъ

смыслѣ, на смѣну прежнихъ «училищь,» трудами многочисленныхъ пришельцевъ; наконецъ водоворотъ политическихъ и общественныхъ событій, не дозволявшій пускаться въ глубь и вынуждавшихъ торопиться простѣйшимъ примѣненіемъ наиболѣе потребныхъ началъ: все это вызвало, на поприще текущихъ событій и отвѣтъ запросамъ, третьяго приснопамятнаго дѣятеля, Тихона Макарьевскаго. Третій въ семъ славномъ ряду послѣ Шайдурова и прямой приверженецъ школы Мезенца, преемникъ сего послѣдняго по времени и дѣлу, землякъ Минина по происхожденію, келарь—по особымъ порученіямъ—Савинскаго монастыря (1680—89), душеприкащикъ послѣдняго патріарха Адріана (1700), казначей патріаршаго дома (1695 — 1704), ближайшій современникъ Петра Великаго [15]), Макарьевскій, не измѣняя, напротивъ соблюдая въ строгости Мезенцово дѣло, въ теченіе долговременныхъ и трудолюбивыхъ занятій своихъ совершилъ успѣшно переводъ знаменной области въ видимыя линейки; установилъ, съ нѣкоторыми улучшеніями выбора, принесенныя къ намъ линейныя начертанія или ноты, съ тѣхъ поръ получившія техническое именованіе «церковныхъ;» написалъ сохранившійся по рукописямъ «Ключь,» гдѣ сопоставилъ линейныя ноты со знаками безлинейными, взаимно ихъ объяснивши другъ другомъ; подготовилъ и оставилъ намъ текстъ, словесный и нотный, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, по основамъ Мезенцовскій, но обновленный формою, вошелъ впослѣдствіи въ наши печатныя нотныя изданія.

Эта знаменитая тріада нашихъ дѣятелей обнимаетъ, такимъ образомъ, въ своей дѣятельности всю область нашего Церковнаго-Храмоваго Пѣснопѣнія, выражая послѣдовательныя ступени ея развитія и своими именами обозначая прямо ту или другую эпоху, ту или другую полосу своеобразныхъ явленій, тотъ или другой рядъ соотвѣтственныхъ пѣвческихъ памятниковъ. Средоточіемъ является главный—Мезенецъ, со второй половины XVII вѣка до вершины 1672 года и рожденія Петрова: къ нему, съ верху, отъ Грознаго, Макарія и Стоглава идетъ Шайдуровъ; послѣдуетъ же за Александромъ Макарьевскій, какъ выразитель

[15]) Погребенъ въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ.

самой эпохи Петровской. Стóитъ взять любой церковный пѣвческій памятникъ, лишь бы характерный, съ конца XVI-го и въ началѣ XVII вѣка,—вы будете слышать передъ собою исполненіе трудовъ Ивана Акимовича; возьмете ли лучшій и исправленный изъ 3-й четверти XVII вѣка, — вы, не говоря о неизбѣжныхъ собственноручныхъ подписяхъ знамени, получите въ звукахъ произведеніе Мезенца; исполнено ли будетъ церковное пѣніе по нотно-линейной рукописи Петровской,—въ вашемъ слухѣ такъ или иначе непремѣнно отдастся память трудолюбиваго Тихона. Вотъ почему, между прочимъ, покойный князь В. Ѳ. Одоевскій, при его глубокихъ свѣдѣніяхъ, на органѣ съ примѣненіями собственнаго его изобрѣтенія, не сомнѣвался исполнять извѣстнаго рода историческія церковныя произведенія, называя ихъ прямо Шайдуровымъ, Мезенцомъ, Макарьевскимъ, въ особенности позволяя себѣ гармонизировать сего послѣдняго, какъ ближайшаго къ намъ по искусству. Пользуясь терминами нашей области, мы могли бы назвать перваго «зазвукомъ» или «запѣвомъ,» втораго самимъ «звукомъ» и «пѣснопѣніемъ,» третьяго «пазвукомъ» и «припѣвомъ;» или одного голосомъ, другаго мелодіей, третьяго завершительною гармоніей. Одному отдали бы мы въ отличіе «помѣту,» другому въ руки самое «знамя,» третьему «линейку» и «ноту» для руководства въ обученіи.

При всемъ томъ Мезенецъ оказалъ еще услугу, и громадную. По сему поводу намъ пріятно замѣтить, что Дм. В. Разумовскій, прежде съ нами не соглашавшійся въ данномъ случаѣ и подробностяхъ, при 2-мъ полнѣйшемъ изданіи своей «Исторіи (1868 г.)» принялъ, повторилъ и, какъ ожидалось, превосходно развилъ мнѣніе, впервые прямо высказанное нами 1864 года въ 6-мъ выпускѣ сборника «Стиховъ:» о томъ, что «пѣніе *Демественное*» или, короче, «*Демество*,» это замѣчательнѣйшее явленіе нашей древней жизни,—въ основѣ своей, въ отличіяхъ отъ «Церковнаго-Храмоваго,» во взаимнодѣйствіи съ симъ послѣднимъ и въ обоюдныхъ вліяніяхъ, наконецъ съ теченіемъ времени въ развившихся особыхъ даже начертаніяхъ, а тѣмъ болѣе въ своеобразномъ употребленіи, есть именно наше древнее пѣніе Церковно-*Народное* и *Домашнее*. Этимъ за разъ и окончательно пало ошибочное предположеніе прежнихъ знатоковъ и ученыхъ, которые то смѣшивали Демество съ главнымъ Знаменнымъ Столповымъ, то вели

отъ Доместиковъ въ смыслѣ предстоятелей храмоваго клироса или Соборныхъ (Домъ) уставщиковъ: съ другой стороны, при правильномъ воззрѣніи, нынѣ столь доказательномъ, намъ нѣтъ уже нужды повторять того, что̀ помянуто выше обо всѣхъ существенныхъ отмѣнахъ и соотношеніяхъ сего явленія, такъ что прямо, именуя по своему большинство его произведеній—«Стихами» духовнаго содержанія, то Общественными, то Домашними, смотря по употребленію въ Народной области между членами Церкви, мы теперь переходимъ къ симъ Стихамъ, дабы сказать объ нихъ вкратцѣ послѣднее дополнительное слово. Занесенные къ намъ изъ Западной Руси, вмѣстѣ съ многочисленными и вліятельными выходцами, сочиненные и искусственные Стихи, подъ именемъ Псальмъ, Кантъ, Виршей и т. п., съ соотвѣтственными линейными нотами въ тетрадкахъ, съ чуждыми пріемами гармонизаціи и партитуры, грозили у насъ совершить и дѣйствительно отчасти успѣли совершить то же самое, что̀ сдѣлали съ Русью Западной: они дѣйствительно породили изъ себя, какъ тамъ, новую книжную литературу и поэзію письменнаго искусства, съ тѣхъ поръ, начиная одами и кончая солдатскими погудками, усвоившую себѣ спеціальное названіе «стиховъ» и «стихотвореній.» Но они же, съ эпохи Ѳеодора и могущественнаго Полоцкаго, притязали на область гораздо важнѣйшую: слава еще Богу, что, при всѣхъ попыткахъ, Симеону не удалось, даже при помощи особой типографіи, втиснуть эту массу, по Западному примѣру, въ чисто-Церковный обиходъ и Храмовую книгу. Геній Петра положилъ строгіе предѣлы сему вліянію и на будущность нашей свѣтской литературы, обрушивъ гнилые мосточки, сцѣплявшіе насъ чрезъ Западную Русь, а правильнѣе чрезъ Польшу, съ остальною Западною Европой и прямо, смѣлымъ движеніемъ, сочетавши насъ съ сею послѣднею. Народъ, въ ту же самую пору преобразованій, ушедшій, какъ извѣстно, въ нижніе простые слои, унесъ туда отъ нависшаго чужаго вліянія старые свои Стихи Общественные и публичные, доживавшіе и частію дожившіе до насъ въ устахъ народныхъ пѣвцовъ Перехожихъ. Если о чемъ оставалось здѣсь пожалѣть, то развѣ о томъ, что подобные Стихи, въ отчужденіи своемъ отъ слоевъ высшихъ и образованныхъ, перестали вновь записываться въ словахъ и звукахъ, послѣ опытовъ XVII вѣка, и блюли свою самобытность среди естествен-

ныхъ колебаній устнаго слова или звука, не оставляя намъ прочнаго письменнаго документа. За то принесенныя тетрадки должны были со всею силой обрушиться своимъ заносным духомъ на ближайшую по сродству духовную область Домашнюю, отчасти и ту Общественную, которая развертывалась въ новомъ обществѣ, вкусившемъ приманку, или простиралась изъ тогдашняго зажиточнаго дома и полуобразованной семьи на публичную Школу, на Войско, на Дворъ, на Подворья и весь обиходъ Владыкъ. Демество въ очертаніи сихъ границъ быстро уступило, самые памятники его, безъ того уже избитые древнимъ и частымъ употребленіемъ, на значительнѣйшую долю исчезли, новаго творчества въ томъ же родѣ не поднималось (и вотъ причина загадочности, которая съ тѣхъ поръ до нашихъ дней прикрывала разумѣніе демественныхъ отличій). Впрочемъ, передовыя Русскія семьи, съ той же эпохи обритыя или обшитыя новымъ покроемъ, охваченныя полусвѣтомъ совершенно новаго быта, охотнѣе обращались отъ псалмъ прямо къ литературѣ чисто-свѣтской, а со временемъ возвращались и къ мірской — хотя бы полународной еще—пѣснѣ, распространявшейся помощію новыхъ, семейныхъ, рукописныхъ и вскорѣ печатныхъ, «Пѣсенниковъ (объ нихъ замѣчено выше).» Войско также измѣнило своимъ древнимъ «Стихамъ Воинскимъ,» но не долго могло продержаться и на пышныхъ кантахъ, повернувши отъ нихъ къ испорченнымъ, а все же сроднымъ болѣе, «пѣснямъ» Солдатскимъ. Дворъ заинтересовался глубже привлекательною драмой и оперой, легко замѣнившею кратковременное господство Западнорусскихъ полу-духовныхъ Мистерій съ ихъ Виршами. Тѣмъ пассивнѣе поддалось пришлому наше Духовенство, особенно высшее: примѣръ Полоцкаго здѣсь не изсякъ, оплодотворился. Владыки, изъ коихъ дѣятельнѣйшіе и наболѣе энергичные были родомъ и воспитаніемъ изъ Западной Руси, сосредоточили вокругъ себя, въ дому, на подворьяхъ и при торжественныхъ пріемахъ или выходахъ, представленіе принесенныхъ Мистерій, сочиненіе—подборъ музыки—разнообразное исполненіе Кантъ, Псальмъ, Виршей, вымышленныхъ Стиховъ и напыщенныхъ Пѣснопѣній: необходимые при нихъ хоры своихъ пѣвчихъ и учились тому, и обучали, и разносили вокругъ по всѣмъ направленіямъ. Зависѣвшія отъ нихъ же такъ или иначе новыя Школы, первоначально для духовенства или съ

духовенствомъ же во главѣ, а особенно подъ руководствомъ тѣхъ же выходцевъ преподавателей, инспекторовъ и ректоровъ, Академія и послѣ разныя Академіи, развѣтвившіяся Семинаріи, а за ними всѣ среднія и низшія училища, долго продолжавшія налагать свой типъ и на возникшія позднѣе заведенія свѣтскія, пріютили въ стѣнахъ своихъ, усугубили, пріумножили и возрастили высокимъ ростомъ то же самое сокровище, и съ тѣми же процентами, какъ на Западной Руси. Тутъ были свои хоры и музыканты, помимо дикаго текста, испорченнаго и портившаго дальше нашъ языкъ, съ тѣмъ же завываньемъ «верхнихъ нотокъ» и закинутою для нихъ къ верху головою, съ тѣмъ же ревомъ партеса и прелестью гармонизаціи, наивной безпощадно, съ тою же пестротою выдержекъ Нѣмецкихъ, Итальянскихъ, Польскихъ, композиторскихъ и народныхъ, съ добавкою еще полу-Русскихъ, особенно свирѣпствовавшихъ въ Москвѣ. Отсюда же воспитывались обществу стихотворцы-писаки и художники-спѣваки или музикеры, отсюда самодовольные и самоувѣренные регенты на всю Россію; отсюда же, со скамьи и пѣвческихъ подмостковъ, возвращались домой дѣти бѣлаго духовенства, и оно, хотя позднѣе, хотя не безъ отпора, настроивало на тотъ же ладъ свои домашнія «гусли,» инструментъ, столь отличный отъ нашей древности и, хотя лучшій, чѣмъ нынѣшнее совершенное отсутствіе, тѣмъ не менѣе принесенный къ намъ Жидами черезъ Польшу. Наконецъ отсюда же, посредствомъ разныхъ преломленій единаго луча, разбродившіеся повсюду «вольные» пѣвческіе хоры, смѣнившіе въ своемъ родѣ Калѣкъ Перехожихъ народныхъ. Безконечно это длилось, почти полтораста лѣтъ, чуть не до нашихъ дней: послѣдній владыка, хотя разумнѣе другихъ поддерживавшій подобныя явленія вокругъ себя, былъ нашъ маститый Платонъ; послѣдній энергическій печатный протестъ, многихъ поколебавшій, слышанъ былъ противъ сего изъ устъ величаваго пастыря Евгенія; успѣли еще подивиться этимъ странностямъ свѣтскіе люди образованные въ лицѣ послѣдняго кн. Одоевскаго; въ нашей коллекціи и въ нашихъ послѣднихъ изданіяхъ собрано много тому историческихъ памятниковъ, рельэфныхъ данныхъ и примѣровъ. Теперь, когда это почти прошло, трудно повѣрить былому: и опять, если мы отсюда благополучно вышли, слѣдуетъ помянуть съ благодарностью сильную руку Петра, издали еще ука-

завшую намъ на возможный и легкій поворотъ при пособіи серьезной науки и подлиннаго, всей Европѣ общаго, искусства. Пока еще не дошло до позднѣйшихъ крайностей, при самомъ Петрѣ, какъ сейчасъ увидимъ, сдерживалось это въ мѣрѣ и границахъ: проскользало вліяніе на пѣніе Храмовое, но послѣднее въ сущности чтилось неприкосновеннымъ. За то, разумѣется, всѣмъ симъ напоромъ и наплывомъ рѣшительно рушилось для насъ то посредство между Храмомъ и Домомъ, между Клиромъ-Клиросомъ и прочими членами Церкви, между самою Церковью и Народомъ или Обществомъ, то благое посредство, которое мы вспоминали и вспоминая привѣтствовали въ мірѣ Стиховъ древней Руси. Въ томъ или другомъ видѣ сберегли этотъ міръ у себя даже Католики, исключительно развили Протестанты и прочія реформированныя секты: мы, Православные, свое, несравненно лучшее, за ничто поставили и растеряли. А между тѣмъ, при возвратѣ сознанія, мы обязаны были разстаться и съ возлелѣяннымъ пріемышемъ, на котораго промѣняли когда-то своего роднаго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ говорили мы, оказались гораздо привязчивѣе насъ старообрядцы. Сроднившіеся по началу, какъ всѣ Русскіе, съ широкимъ употребленіемъ Стиховъ и, въ отдѣленіи отъ Церкви, да и отъ всякой регулирующей организаціи учрежденія, претендуя всего болѣе на свободный характеръ «Общества,» а съ другой стороны, вмѣстѣ съ нами, вынужденные отказаться отъ разложившагося Демества, схватились они за то послѣднее, что могло имъ удѣлить тогдашнее общество Русское при уклоненіи ихъ на особицу. Они унесли оттуда, увы, тѣ же заносные quasi-Стихи: переписали ихъ по Церковно-Славянски въ свои тетрадки; согласно господствовавшимъ пріемамъ XVII вѣка перевели линейки и ноты въ привычныя знамена и помѣты; «партесъ» превратили въ «строки;» расплодили тысячами списковъ; подбавляли все текущее изъ облежавшей литературы; водворили въ семьѣ, обучили дѣтей. Самъ Аввакумъ, самъ Андрей Денисовъ, вплоть до Ковылина и нашего почтеннаго, старшаго современника Большакова съ Пискаревымъ, — всѣ усердно подвизались на семъ поприщѣ. Самое горькое разочарованіе, щедро отплатившее за допущенную рознь одиночества, ожидало пробуждающихся въ наши дни: не говоря уже о текстѣ, на примѣръ объ «одахъ,» сюда

же, вмѣстѣ со стихомъ, проникшихъ, колеблясь чуткимъ музыкальнымъ ухомъ, который не могъ здѣсь не слышать рѣзкой противуположности съ подлиннымъ знаменнымъ пѣніемъ, усумнившись въ древности и авторитетѣ повторявшагося отъ дѣдовъ напѣва, лучшіе знатоки и пѣвцы «старой вѣры» съ изумленіемъ узнаютъ отъ подозрительной науки «церковныхъ,» что подъ знаменами и по помѣтамъ хранители старины распѣваютъ у себя, о ужасъ, католическую и протестантскую мелодію, краковякъ, мазурку или козачка. Стихъ строчный, чрезвычайно распространенный, на Вербное Воскресенье, при фразѣ «Лазаря воскреси Во единѣмъ словеси,» оказалось, поетъ Нѣмецкую народную мелодію, послужившую въ наши дни характернымъ украшеніемъ «Дармштадтскаго марша!» Такихъ примѣровъ множество. Однимъ словомъ, участь, которую на Западѣ по неволѣ понесло на себѣ Протестанство съ прочимъ развѣтвленіемъ сектъ, по мѣрѣ отступленія отъ Церкви Католической, но вмѣстѣ съ непремѣннымъ наслѣдствомъ всѣхъ ошибокъ и искаженій сей послѣдней,—ту же участь, и вдвойнѣ, потерпѣлъ расколъ нашь, занявши себѣ не только просочившуюся къ намъ Польскую и Западно-русскую порчу, но кромѣ того все неблаговидное изъ сердца Великой Россіи и Москвы. Мы своимъ путемъ, и скорѣе, и легче могли разстаться съ симъ заблужденіемъ, не призванные ни чѣмъ освящать его и закрѣплять на вѣки: тѣ, которые гордились симъ, какъ исконною стариной, не безъ дѣйствительнаго ужаса должны узрѣть шаткость своего оплота. И, какъ подобное же разувѣреніе обязаны испытать старовѣры, узнавая, что лучшее пѣніе ихъ зависитъ отъ Мезенца; какъ на Европейскомъ Западѣ, послѣдовательно за Лютеромъ все больше и больше «очищавшія» себя секты потеряли наконецъ послѣднюю тѣнь «Церковности» и среди своего «Общества» очутились, вмѣсто живаго преданія и вѣковыхъ твореній, съ уютною книжкою въ рукахъ, а въ книжкѣ съ собственнымъ недалекимъ измышленіемъ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній или съ немногосложными, черезъ чуръ уже простыми, звуками и нотами: такъ точно и наше старообрядчество, въ своихъ послѣдствіяхъ, породило изъ себя мелкія общества, поступательно отринувшія всякую связь со спеціальными, условными и освященными отличіями «старой вѣры.» Въ томъ

числѣ отброшенъ здѣсь и Стихъ, соблюдавшійся бережно подъ таинственнымъ «знаменѣмъ:» созданъ Стихъ новый, Стихъ не рѣдко весьма замѣчательный—ибо онъ Русскому таланту не новость и не диво,—но тѣмъ не менѣе Стихъ личнаго настроенія, ослабѣвшаго склада, частнаго содержанія и сравнительно-узкаго объема. Онъ замѣнилъ собою и отрѣзалъ отъ текущей жизни многовѣковый міръ Русской исторіи, богатый и обильный міръ высочайшихъ Церковныхъ Пѣснопѣній, источникъ священнѣйшихъ мыслей и чувствованій, сокровище науки и прогрессивнаго искусства. А можно ли въ самомъ дѣлѣ безнаказанно и чѣмъ ни будь замѣнить человѣку такой міръ? Можно, пожалуй, остаться человѣку безъ Храма, безъ Церкви, безъ собственнаго Народа, безъ Исторіи, безъ наслѣдованной Науки и безъ преданій Искусства: но только на минуту, чтобы тотчасъ же стремиться къ созданію, и снова искать, и создавать вокругъ общество живое, творить міръ творческій, постигать наукою, зажить въ исторіи, опознаться среди народа, увѣровать съ церковью, вступить во храмъ. За чѣмъ же создавать и творить изъ себя, и кто задастся такою задачей, когда творчество само раньше насъ и давно существуетъ!

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, теперь еще ближе намъ понятныхъ, получаетъ особенную силу трудъ Мезенца, дополнительный трудъ, къ которому переходимъ мы. Это—помянутая нами собственноручная его рукопись, имъ распѣтая и размѣченная знаменами; это обильный *Сборникъ Стиховъ*, собранный изъ всей окружавшей дѣйствительности XVII вѣка и изъ рукописей, очевидно болѣе древнихъ: сборникъ, быть можетъ, по тексту зависѣвшій отъ ревности другихъ, въ томъ числѣ нѣкоего «недостойнаго Григорія,» но во всякомъ случаѣ приковавшій къ себѣ полный интересъ Александра и введенный имъ въ общій музыкальный міръ Русскій. Деместву въ музыкальномъ отношеніи не могъ обязательно сочувствовать строгій знаменоносецъ Мезенецъ; народному пѣнію не довѣрялъ онъ достаточно, усматривая въ тогдашнемъ недостатокъ условныхъ правилъ: онъ подвелъ всѣ Стихи подъ знамя столповое, съ тѣмъ вмѣстѣ подъ Гласы Церковные. Но это отнюдь не искаженіе, напротивъ полное торжество духовно-народнаго напѣва: добросовѣстный музыкантъ, Мезенецъ вынужденъ былъ признать нѣкоторые Стихи «трегласными,» раздѣлить ихъ по частямъ на 2, на 3 гласа и

больше, на примѣръ иные на 8-й, 6-й, 7-й и опять 6-й,—громкое свидѣтельство особенностей народныхъ, яркое подтвержденіе нашимъ выводамъ. За то онъ соблюлъ намъ, въ текстѣ и напѣвѣ, такіе Стихи, которые нынче исчезли уже изъ устъ и памяти народа: въ томъ числѣ *Застольные*, которыми, въ духовномъ настроеніи, благолѣпно сопровождалась трапеза нашихъ предковъ, отъ избы до богатыхъ хоромъ; особенно же *Воинскіе*, тѣ, съ которыми чинно выступало на враговъ наше старинное войско, призывая помощь Божію, приглашая ратниковъ «стать за Вѣру Православную, за святыя обители, за благовѣрнаго царя нашего и за все Православіе.» Съ другой стороны многіе Стихи, здѣсь записанные, равно Общественные (публичные) и Семейные, сохранились доселѣ въ устахъ народныхъ; эти образцы въ обоихъ видахъ пополняютъ другъ друга и непремѣнно просятся на совмѣстное исполненіе: пѣніе устное отверждается гласовымъ-знаменнымъ, второе разъясняется первымъ, нынѣшнее роднится съ пѣніемъ прадѣдовъ за двѣсти лѣтъ, никѣмъ не записанное пріобрѣтаетъ письменный памятникъ себѣ изъ XVII вѣка. Всѣ образцы у Мезенца, по тогдашнему состоянію пѣснотворчества Московскаго, въ особенности кратки, сжаты, законченны и отличаются высокою простотой изящества. Изъ нихъ въ частности, Домашніе почти неизвѣстны теперешнему употребленію и безъ Мезенца вовсе исчезли бы вмѣстѣ съ рукописями Демества, растерянными и порванными въ силу ихъ древняго и безпрерывнаго употребленія по рукамъ: а между тѣмъ въ нихъ мы слышимъ теперь, чѣмъ восполнялся въ святые дни досугъ семейства—одинаково и крестьянскаго, и посадскаго, городскаго, боярскаго, самого княжескаго и царскаго. Высокое назиданіе нашимъ современникамъ: свѣтлое зеркало для искаженій, наполнившихъ Стихи нашего старообрядства и дробныхъ сектъ. Такъ Мезенецъ обнялъ въ своей дѣятельности и ту область Народную, которая соприкасалась съ пѣніемъ Церкви и Храма. Рукопись его — памятникъ такой же громадной важности для Стиховъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ для остальнаго нашего пѣснотворчества Былеваго. Она обработана нами по тексту для общаго свѣдѣнія въ изданіи; Д. В. Разумовскій перевелъ ее со знаменъ на теперешнія ноты; кн. Одоевскій снабдилъ гармоническимъ сопровожденіемъ на основахъ древности: ждемъ тор-

жественнаго исполненія важнѣйшихъ Стиховъ ея, въ прибавленіе къ настоятельному торжеству, двухсотлѣтнему празднику завершившагося круга Церковныхъ и Храмовыхъ Пѣснопѣній.

Что касается отдѣльно до *Времени Петровскаго*, то оно, въ исторіи нашего вопроса, характеризуется достаточно помянутой дѣятельностью Тихона Макарьевскаго и его школы: сюда остается прибавить только развитіе *партитуры*, которая послѣдовательно и непремѣнно должна была выступить на сцену при нотахъ линейныхъ, при отвердившемся ихъ текстѣ и установленномъ способѣ пѣнія. Очень важно здѣсь было обстоятельство, что по прекращеніи Патріаршества и учрежденіи св. Синода, прежніе «Патріаршіе» пѣвчіе обратились въ «Синодальныхъ,» но остались, вдали отъ новой столицы, по прежнему въ средоточіи Московскомъ и особенно, какъ «Соборные,» при Соборѣ Успенскомъ, святилищѣ столь историческомъ и народномъ: съ тѣмъ вмѣстѣ, да и въ слѣдствіе перемѣщеній Двора, а равно безпрестанныхъ переѣздовъ государя, отдѣлились, со своимъ особымъ характеромъ, пѣвчіе «Государевы» или «Придворные,» родоначальники послѣдующей организаціи Капеллы. Мы не говоримъ пока о первыхъ; но напрасно лучшіе историки нашихъ Церковныхъ пѣснопѣній почти что исключаютъ отсюда вторыхъ: Михаилъ Сѣовъ, Дьяковскій, а преимущественно Иванъ Михайловичь Протопоповъ, вмѣстѣ со всѣми трудами ихъ эпохи, входятъ не послѣднимъ звѣномъ въ нашу исторію. Пусть въ гармонизаціи ихъ оказывались естественныя несовершенства и ошибки, на примѣръ «запрещенныя квинты (verbotene Quinten, quintes défendues, воспроизведенныя однако кн. Одоевскимъ въ изд. 1869 г.);» они не шли дальше «переложеній;» діатоническая мелодія церковнаго гласа выдерживалась сама по себѣ среди партіи, хотя бы сопровождалъ ее хроматизмъ или покушался заслонить верхній голосъ; своеобразная разнотактность оставалась безъ «улучшенія» и не влекли ее, по выраженію кн. Одоевскаго, силою на Прокрустово ложе условной симметричности ритма; «сочиненіе» велось, такъ молвить, обокъ и рядомъ, не отрываясь, ибо средоточіемъ и основою пребывали данныя историческія, пѣніе Богослужебное Храмовое, обработка Мезенца и Макарьевскаго. Государь до того интересовался симъ дѣломъ, что пѣвчіе при немъ продолжали, на при-

мѣръ, гармонизировать на пути «отъ Дербеня къ Астрахани.» Во слѣдъ за царственною сестрой своей, самъ Петръ Великій учился нотамъ линейнымъ и пѣлъ по нимъ «стоя на ряду съ пѣвцами:» примѣръ, повторявшійся послѣ на великихъ людяхъ Россіи до Румянцева, Потемкина, Суворова. Мало того: Петръ самъ исполнялъ обыкновенно *четвертую партію* въ пѣніи, и сохранились безцѣнныя рукописи, гдѣ на дорогомъ переплетѣ подписано, при 4-й партіи, что «по симъ нотамъ изволилъ пѣть государь царь Петръ Алексѣовичь.» Не ужели этого не напомнить въ исполненіи при двухсотлѣтнемъ юбилеѣ его: не дѣло ли это благодарнаго воспоминанія Церкви? При всемъ томъ, есть еще особая нить, проникающая сквозь всю нашу церковную пѣвческую исторію, завязанная особымъ узломъ, какбы на память потомкамъ, при Петрѣ, и отъ его времени снова прбстирающаяся въ томъ же значеніи до Елизаветинскихъ нотныхъ изданій, а отъ нихъ до современной нашей жизни. Изъ церковныхъ нашихъ стихиръ на «Господи воззвахъ,» по всѣмъ осьми гласамъ, преимущественно выдается та, которая заключаетъ ихъ при каждомъ гласѣ по запѣву «и нынѣ» предъ входомъ и «Свѣте Тихій:» посвященная Богородицѣ и тайнѣ Воплощенія, именуемая отъ того «Богородичнымъ,» а по своей сосредоточенности на догматѣ — называемая еще съ Греческаго «Догматикомъ,» она въ то же время, начиная съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ нашего пѣснопѣнія, отличается въ каждомъ гласѣ преимущественнымъ творчествомъ, законченностью, силою и красотою, если можно сказать — изящною пѣвческою живописью, равною только величайшимъ произведеніямъ иконописанія и фресокъ. Богородиченъ служилъ всегда высшею задачею для пѣвцовъ, самымъ дѣйственнымъ вызовомъ духовнаго восторга для членовъ Церкви, для цѣлаго народа, чувству котораго всего ближе доселѣ. Тѣмъ самымъ, соблюдаемый свято, простирался онъ въ неизмѣнности до завершенія пѣвческаго цикла въ XVII вѣкѣ и оттуда, чрезъ нотныя изданія, до современнаго живаго употребленія во храмѣ. Но преимущественную высоту занялъ Догматикъ 8-го гласа «Царь небесный,» а еще болѣе 1-го—«Всемірную славу.» Послѣдняя какъ-то сжилась со всею славою Россіи и усвоилась частнѣе славѣ воинскихъ подвиговъ: ее пѣло наше древнее войско, она слышалась въ полкахъ XVII вѣка, она со-

провождала духовныхъ воспитанниковъ при извѣстномъ ополченіи ихъ въ наши ранніе годы. То храбрость воинскую, то духовное дерзновеніе, то умилительныя слезы попеременно и всегда вызывала она. Очень естественно, что изъ ряду другихъ Догматиковъ, именно этотъ спѣшили положить на линейныя ноты и партитуру въ Петровскую пору: памятникъ уцѣлѣлъ. Случай въ цѣпи событій, а лучше перстъ высшихъ судебъ примѣнилъ сей стихъ къ важнѣйшему явленію при Петрѣ, къ войнѣ Шведской: ознаменовалъ, знаменемъ церковнаго гласа, одинъ изъ знаменательнѣйшихъ подвиговъ храбрости, въ лицѣ одного изъ знаменитѣйшихъ сподвижниковъ Преобразователя. Для всѣхъ, полагаемъ, достаточно извѣстно, что князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукій, доставшись въ плѣнъ къ Шведамъ, возъимѣлъ съ сотоварищами рѣшимость освободиться во время плаванія на суднѣ. По предварительному совѣщанію, во время вечерняго пѣнія, когда православные плѣнники, по обычаю составляя общій хоръ на молитвѣ, достигли «Всемірной славы,» они при заключительныхъ словахъ, «Дерзайте убо, дерзайте людіе Божіе, яко Той побѣдитъ враги,» вмѣстѣ со словами устремились на враговъ и точно достигли всемірной славы подвигомъ своего спасенія: самъ государь, обнимая и цѣлуя освобожденнаго полководца, отвѣчалъ на его слезы собственными слезами радости и удивленія. Не этой ли «славою» встрѣтить и почтить въ самомъ началѣ славу торжествъ Петровыхъ, а «Всемірную славу» торжествующей Россіи воздать, какъ подобаетъ, прежде всего Богу?

Начинанія Петровы, мы знаемъ, принесли очевидные плоды свои только въ царствованіе его дочери, Елизаветы. Между прочими дѣяніями, текстъ Священныхъ книгъ, послѣ подготовительнаго исправленія при Петрѣ, дождался при ней отличнаго совершенія въ печати: при ней же, ея покровительствомъ, пѣвческій кругъ Богослужебный, знаменный въ основѣ своей, явился впервые печатными линейными нотами въ книгахъ, изданныхъ отъ св. Синода. Дѣло по истинѣ великое: для Православія, для Русскихъ, Славянъ, передъ судомъ Церкви и даже предъ всякимъ просвѣщеннымъ взоромъ міра. Обстоятельства опасныя и трудныя, сопровождавшія это предпріятіе, сообщаютъ ему цѣну высокаго подвига, обрадованнаго счастливою побѣдою. Еще впереди было господство музыки иностранной, принесенной къ намъ

съ чужи и грозившей подавить нашу историческую самобытность: но уже близко ощущались первые притязательные шаги и захваты сего насилія. При самомъ возникновеніи вопроса, потянуло вѣяніе новой столицы, съ разсчетами искусства вовсе не древняго, не историческаго и не нашего. Отъ Московской Типографіи, наслѣдовавшей все право на исполненіе сего дѣла, далеко было высшее духовное правительство: передъ нимъ, въ той же новой столицѣ, предстали ходатаи характера инаго; придворный басистъ Головня обезсмертилъ себя настойчивостью представленій. По планамъ его, и планамъ превозмогавшимъ, въ печать, въ Богослужебный кругъ нотныхъ книгъ, а отсюда въ законъ и въ самую жизнь, имѣли проникнуть и водвориться всевозможные партесы и произвольнѣйшія гармонизаціи: что бы стало при этомъ съ будущностью, страшно подумать; мы сгибли бы для себя самихъ, для исторіи прошлой и грядущей. На поддержку съ подворья Московскихъ Владыкъ нельзя было надѣяться: оттуда, изъ хора, постепенно отдѣлившагося отъ преданій патріаршихъ и обратившагося въ личную службу тѣхъ или другихъ воззрѣній, неслись знакомые намъ тѣ же звуки гармоніи и партеса изъ тетрадокъ, исписанныхъ Псальмами и Кантами наравнѣ съ Богослуженіемъ. Спасла связь съ Русью Древней, съ ея Православіемъ и пѣвческимъ завершеніемъ: отстояли лица — носители сего непрерывнаго преданія, хранители историческихъ памятниковъ, воззрѣній, искусства, науки. Не таковы, какъ у другихъ, были рукописи въ рукахъ иподіаконовъ и пѣвчихъ Синодальныхъ-Соборныхъ, Сергѣя Максимова, Ивана Никитина, Ивана Тимоѳеева, Андрея Попова [16]); не подобны были выписнымъ ученымъ Справщики Московской Типографіи Яковъ Осиповъ и Аѳанасій Приклонскій; Тверской преосвященный Гавріилъ благословилъ дарами изъ сокровищъ древлеписанія; вынуждены были пособить и Троицкіе пѣвчіе съ подворья митрополичья: отстоялъ все дѣло ревностнѣйшій по Богу, Православію, искусству и наукѣ, надзиратель

[16]) Эти рукописи и тетради, со всею наглядною исторіей нашего пѣснопѣнія, на сколько употреблялись въ соборной практикѣ и были ей свѣдомы, хранились долго въ Успенской „главѣ:“ мы еще видѣли ихъ тамъ съ покойнымъ В. М. Undольскимъ, но, послѣ переноса оттуда, уже не встрѣчаемъ ихъ въ нынѣшнихъ книгохранилищахъ.

Типографіи Стѣпанъ Ивановичъ Бышковскій,—представленіями и ходатайствами, поѣздками, силою убѣжденія, техническимъ знаніемъ и опытомъ, практикою искусства, научною разработкой исторіи своего дѣла, составленіемъ Нотной Азбуки и Граматики, изготовленіемъ пунсоновъ, матрицъ, литеръ и знаковъ, тискомъ и всѣмъ отчетливѣйшимъ изданіемъ. Не все вполнѣ, порою въ частномъ разнообразіи образцовъ, но только въ печатныя нотныя книги вошло по существу дѣло Мезенца: чрезъ него возсозданный циклъ нашей древности, а послѣ него примѣненный черезъ посредство работъ Макарьевскаго и послѣдовательно установившихся линейныхъ нотныхъ начертаній. Типъ, духъ, основной образъ, господствующій видъ сохраненъ и выдержанъ до послѣдней возможности: «Мы имѣемъ,» заключаетъ кн. Одоевскій о Синодскихъ изданіяхъ [17]), «то, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ,—Священное Пѣснопѣніе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ употребляли его наши предки, по крайней мѣрѣ за 700 лѣтъ.» «Обиходъ, Ирмологъ, Октоихъ и Праздники,» четыре главнѣйшихъ нотныхъ книги, обнимающихъ теченіе пѣснопѣнія храмоваго, начавшись 1770 года, *кончились печатаніемъ 1772-го года, въ мѣсяцахъ съ Марта по Іюнь: столѣтіе ихъ священнѣйшаго дѣла совпадаетъ для насъ съ двухсотлѣтіемъ рожденія Петрова*, вѣкъ Ломоносова повторяетъ собою вѣкъ его одноземца Мезенца. Нечего прибавлять здѣсь о знаменательности годовъ и знаменитости событій: они могутъ быть ознаменованы только особеннымъ торжествомъ Церкви. Всѣ же подробности нотнаго печатанія, какъ эпохи, собраны, изслѣдованы и предложены нами восемь лѣтъ тому назадъ, во время распоряженія дѣлами Типографіи, въ семъ же «Православномъ Обозрѣніи» 1864 года, №№ 5 и 6, въ статьѣ «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ [18]).»

---

[17]) „День.“ 1864.

[18]) Мы приводимъ эти указанія и библіографическія сноски, для желающихъ обширнѣе ознакомиться съ вопросомъ по нашимъ прежнимъ статьямъ и изданіямъ, сверхъ сего краткаго и общедоступнаго очерка: тѣмъ болѣе считаемъ это нелишнимъ, что въ такихъ обстоятельныхъ трудахъ, какъ Дм. В. Разумовскаго, по его деликатнымъ отношеніямъ пріязни, насъ давно связующей, читатели не найдутъ ссылокъ на наши открытія или выводы о пѣвческихъ данныхъ и терминахъ, о происхожденіи нѣкоторыхъ явленій въ этомъ родѣ, о Демествѣ, о Судьбахъ нотнаго печатанія и т. п.

Когда благоволеніемъ Божіимъ и благословеніемъ Св. Синода, по счастіямъ Русскаго народа, — какъ говорилось въ древности, — благополучно завершилось такимъ образомъ и закрѣпилось печатью на вѣки величайшее дѣло нашихъ Церковно-Храмовыхъ Пѣснопѣній,—всѣ наплывы на него, страхи и дѣйствительныя опасности, всѣ уклоненія отъ него и права возможныхъ заблужденій устранились, ослабѣли, большею частію рушились или же отчасти совсѣмъ исчезли съ лица земли Русской.—Такъ, опредѣленная партія — партитуры и гармонизаціи, давно вмѣстѣ съ симъ зараженная приманкою музыки совсѣмъ иной, къ намъ занесенной съ разными ея аттрибутами, развиваясь преимущественно въ новой столицѣ, хотя и въ рознь съ направленіемъ трудовъ Петровскихъ, по естественной склонности своей скоро примкнула въ новое и рѣшительное подданство чуждой власти, когда, съ того же самаго періода Елизаветы и отчасти въ самой Москвѣ, могущественно усилилось вліяніе пріѣзжихъ музыкантовъ: не изъ Западной Руси и уже не чрезъ Польшу, а прямо изъ Европы Нѣмецкой, Французской, Итальянской. Болѣе или менѣе великіе композиторы и исполнители, насъ посѣтившіе, а иногда и водворявшіеся на вліятельную службу, чтобы правительственно обучать насъ пѣнію, въ томъ числѣ и церковному съ народнымъ; такія лица, начиная съ Доницетти, Россини, Галуппи, Чимароза, Сарти и т. д.; многочисленные ученики ихъ, сами композиторы въ духовномъ родѣ, организованная Капелла въ связи съ придворною Оперой, а съ сею послѣднею вся наша оперная, камерная, романсовая музыка и театръ; масса духовныхъ сочиненій, особенно «концертовъ,» и обязательныя для руководства изданія ихъ; превозмогшее употребленіе музыки — въ смыслѣ музыкальныхъ орудій, инструментовъ; «Итальянскія ноты,» со всѣмъ краснорѣчіемъ языка ихъ за достоинство внутренняго содержанія и въ противуположность антиквированнымъ съ тѣхъ поръ «нотамъ церковнымъ;» забвеніе своего прошлаго и незнаніе дѣйствительныхъ основъ подлинной его музыки; отсутствіе всякой науки, серьезно въ эту сторону направленной; холодность къ интересамъ окружающимъ, отданнымъ яко бы въ спеціальное вѣдомство одного духовенства; умѣреніе опытовъ и мнѣній, сомнѣвающихся въ превосходствѣ такого положенія и

пытающихъ пути къ выходу отселѣ, и т. д.: вотъ главнѣйшіе, кажется, элементы, причины и послѣдствія, сложившіе особый свой музыкальный міръ, преимущественно съ половины прошлаго вѣка до недавняго пробужденія нашихъ дней. Въ характеристику довольно привести хоть самыя немногія и мелкія явленія: придворные пѣвчіе исполняли въ операхъ роли, распѣвая Итальянскія слова Русскими буквами; Сарти, въ присутствіи Потемкина, исполнялъ «Тебе Бога хвалимъ» съ акомпаниментомъ пушекъ и колокольнаго звона; сочинитель комическихъ оперъ, Галуппи писалъ у насъ духовные концерты и у него-то обучался знаменитый Бортнянскій; изъ Гайднова «Творенія міра» составлена для насъ херувимская; «Тебе поемъ» основано на оперномъ пѣніи жреца въ «Весталкѣ;» вѣнчальные концерты взяты по мотивамъ у Моцарта; въ собственныхъ Русскихъ произведеніяхъ явились назначенныя для храма пѣснопѣнія съ заглавіемъ — «труба,» «веселаго распѣва,» «распѣва съ выходками,» «съ переговоркою,» и т. д. Это шаги уже гораздо дальше, чѣмъ въ смутное время передъ Мезенцомъ и чѣмъ на Западной Руси со Стихами. Впрочемъ, и у насъ, «Стихи, сочиненные по произволенію,» достигали также храма и нѣкоторое время замѣняли собою даже «причастны (противъ чего издавались указы).» Хоры на подворьяхъ Владыкъ, преимущественно вышедшихъ изъ Руси Западной, всего скорѣе склонившись на сторону сего чуждаго музыкальнаго міра, послужили по другую сторону посредствомъ для сближенія съ другимъ маленькимъ міромъ, выше у насъ описаннымъ и занесеннымъ отъ Польши черезъ Юго-Западъ, въ видѣ псальмъ, кантъ, и т. п. Съ двухъ концовъ эти оба явленія, одинаково заносныя, сошлись въ результатѣ къ одному. Но, тѣмъ самымъ, что оба равно отвернулись отъ подлиннаго Церковнаго нашего Пѣснопѣнія, не имѣли съ нимъ ничего общаго и «сочиняли,» въ «свободной» своей области, «музыку на священныя слова,»—не больше того: тѣмъ самымъ они произнесли себѣ судъ и понесли его, очутились совершенно внѣ Церковно-пѣснопѣвческаго міра и его исторіи, стали внѣ его законовъ и вмѣстѣ съ симъ внѣ всякого, историческаго и положительнаго, закона. Они не идутъ въ составъ занимающей насъ исторіи и, если соприкасались съ ней, а потому вызвали у насъ два-три слова, то вмѣстѣ съ симъ же должны быть окончательно забыты.

Для дѣйствительной и послѣдовательной исторіи Церковнаго Пѣнія нынѣ существуютъ собственно только послѣдствія печатныхъ нотныхъ изданій св. Синода. Послѣдствія же, между прочимъ, таковы.—Во первыхъ, сими изданіями, сто лѣтъ повторяющимися однообразно, далеко еще не исчерпана полнота того пѣвческаго міра, который въ циклѣ своемъ завершился при Мезенцѣ: есть, стало быть, впереди возможность изданій гораздо полнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ, при всей незыблемости основаній.— Во вторыхъ, при наслѣдованномъ нами сокровищѣ памятниковъ древнихъ, вовсе почти не початъ еще вопросъ о примѣненіи его къ нынѣшнему употребленію, согласно съ высшими воззрѣніями науки и открытіями современнаго искусства: еще не развиты тысячи сторонъ, здѣсь, какъ въ сѣмени, доселѣ непроизводительно остающихся, но готовыхъ обогатить искусство, если жизнь изъ сѣмени воспрянетъ при благопріятныхъ условіяхъ или будетъ вызвана лучемъ согрѣвающимъ. Въ нашемъ обществѣ и въ школахъ, за отсутствіемъ науки, устремленной къ сущности церковнаго пѣнія, даже самая внѣшняя и крайняя сторона обработки дремлетъ: мы не только еще не извѣдали правильной и законной гармонизаціи или партитуры, — а этого не миновать же, — но даже не дѣлаемъ опытовъ послѣ подобныхъ слабыхъ опытовъ Петровскаго времени. Къ сожалѣнію, мѣшаетъ итти сею дорогой совершенное почти невѣдѣніе музыки народной: а безъ нея въ гармонизаціи и партитурѣ какъ разъ надѣлаемъ еще хуже, попавши въ силки того «музыкальнаго міра,» который уже достаточно проучилъ насъ своимъ бѣдственнымъ опытомъ. Но кто же препятствуетъ, рядомъ съ Церковнымъ, изучать, какъ должно, пѣніе Народное?—Въ третьихъ, въ самыя Синодскія изданія, при повтореніи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, закрались опечатки, замѣченныя и остановленныя въ пору нашего участія по дѣламъ Типографскимъ: опечатки, происшедшія отъ того, что корректура, безъ контроля свѣдущихъ людей, отдавалась пѣвчимъ съ подворья, которые вообще неблагосклонны къ простотѣ церковной, по ихнему невѣжественной. Эти обстоятельства вызываютъ пересмотръ прежнихъ и установку лучшихъ правилъ изданія, съ соотвѣтственными руководствами, которыхъ въ наличности почти нѣтъ. Притомъ, практикуются ли всюду, какъ это должно быть по закону, Синодскія изданія, и на сколько успѣшно

обученіе по нимъ, и какія мѣры оплодотворить сіе послѣднее, и что̀ обѣщаютъ здѣсь новыя реформы въ духовенствѣ,—это также вопросы, дополнительные къ существованію изданій.—Въ четвертыхъ, *кромѣ* изданій, практика Церковныхъ Пѣснопѣній, какъ извѣстно, продолжается еще въ храмѣ и въ самой жизни безостановочно, подлежа собственнымъ историческимъ законамъ, и неписаннымъ преданіямъ, и вліяніямъ окружающей дѣйствительности: много еще тутъ древняго, подлиннаго, или самобытно творческаго, или благодѣтельно привнесеннаго, такъ что можно отсюда и поучиться еще, и занять для пополненія имѣющихся печатныхъ книгъ. Но еще, кажется, больше есть такого, что̀ слѣдуетъ либо сохранить и поддержать, либо немедленно устранить и вывести: вывести и устранить нужно конечно чуждое и несвойственное, а его легко узнать всегда сколько ни будь свѣдущему человѣку; въ числѣ же подлежащаго охраненію и поддержкѣ нельзя не вспомнить, что годъ за годомъ, даже на нашихъ глазахъ и для нашего слуха, вымираютъ естественной смертью причетники-старики, а съ тѣмъ вмѣстѣ оскудѣваютъ причетники имъ подобные, — такіе, какихъ мы еще застали, такіе, которые знаютъ отчетливо церковную ноту, или, еще важнѣе, знаютъ и практикуютъ въ дѣйствительности подлинное Церковное пѣніе, какъ приняли по преданію и учились съ голоса, чуткіе къ особенностямъ Православнаго Русскаго міра звуковъ. Объ этомъ не лишне подумать: для Церковныхъ Пѣснопѣній, древнихъ ли воспроизводимыхъ, по Синодскимъ ли изданіямъ, по слуху ли жизни, не годятся дѣятели съ испорченнымъ ухомъ и искаженнымъ слухомъ, предвзятые постороннимъ напѣвомъ, хотя бы они выходили изъ самыхъ блестящихъ пѣвческихъ хоровъ и даже состояли тамъ регентами. Съ сими послѣдними, убѣжденъ всякой свѣдущій, ничего уже не исполнить подлиннаго, даже нельзя дать простаго концерта истиннаго пѣнія, именно концерта «простаго.» Единственная остающаяся основа, этотъ, пожалуй, кадръ и контингентъ — причетники въ родѣ описанныхъ нами выше: а безъ нихъ, самые хоры на клиросѣ храмовомъ, хотя бы «учрежденные,» тѣмъ паче «вольные» и даже «изъ прихожанъ,» не приведутъ никогда къ желанному результату.

Вотъ нѣсколько настоятельныхъ, животрепещущихъ вопросовъ, какъ естественныхъ «послѣдствій» нотнаго изданія. И

намъ очень отрадно видѣть, что положеніе дѣлъ, очерченное нами въ самомъ началѣ статьи, по лицамъ дѣйствующимъ, собраннымъ силамъ, начатымъ предпріятіямъ и общему сочувствію въ образованномъ духовенствѣ, равно какъ во всѣхъ членахъ церкви и въ окружающемъ обществѣ, таково, что питаетъ самыя лучшія надежды на будущее. Мы не погрѣшимъ, кажется, ни противъ истины, ни скромности, если въ нашихъ современникахъ, старшихъ и наличныхъ, усмотримъ—до извѣстной степени—въ одномъ, какъ въ Одоевскомъ, Шайдурова, въ другомъ—Разумовскомъ—Мезенца, въ третьемъ—Потуловѣ—Макарьевскаго. Намъ только нужно бы еще—Бышковскаго, съ низу настоятельность, съ верху покровительство Павла и тому подобное благоволеніе.

Практическое же примѣненіе для нашихъ дней, по видимому таково: намъ благовременно, Церкви потребно, по силамъ и средствамъ возможно—торжествовать вскорѣ двухсотлѣтіе и столѣтіе, связующія многовѣковой міръ Церковныхъ Пѣснопѣній съ нашею минутою звѣньями знаменательныхъ событій и знаменитыхъ дѣятелей.

* * *

Невольно переносимся мыслію и чувствомъ въ тѣ торжественные часы и дни:

Когда праздникъ Петра Великаго начался бы Церковью, въ слухъ собравшихся со всего міра, особенно міра Славянскаго и Православнаго,—начался бы «Всемірною славой,» громаднымъ хоромъ исполнителей, на открытомъ воздухѣ,—и обнажили бы тысячи присутствующихъ свою голову во вниманіи ко гласу Церкви и въ молитвѣ.

Когда бы, въ промежуткѣ другихъ мірскихъ празднествъ, вошли бы тѣ, кто присутствовалъ при священномъ началѣ и душою настроился къ торжеству не одному мірскому,—вошли бы во храмъ, наипаче въ соборъ, чтобы услышать тамъ «вѣчную память» Іоанну, инокамъ Александру и Тихону, Стефану; митрополиту Павлу, патріархамъ Іоасафу и Никону.

Когда бы въ храмовыхъ молебствіяхъ исполнены были, воспроизведенныя помянутыми ревнителями, подлинныя пѣснопѣнія нашей древности,—тѣ, на кои положили они столько благоговѣнія, чувства и мысли, свѣдѣній и искусства.

Когда бы, образцемъ сей плодотворной дѣятельности, неизмѣнно отзывающейся и въ ветхой рукописи, и въ Синодскомъ изданіи, и въ живомъ устномъ употребленіи, предложены были собранію желающихъ слушателей, въ стѣнахъ обширнаго помѣщенія внѣ храма,—Церковныя творенія, знаменованныя знаменемъ особыхъ отечественныхъ событій или печатью высокаго личнаго дарованія, принесеннаго въ службу Церкви; первое мѣсто принадлежало бы здѣсь тому, что̀ пѣлось нѣкогда устами самого Петра Перваго.

Когда бы въ собраніяхъ сего рода, повторенныхъ до трехъ или четырехъ разъ, исполненъ былъ послѣдовательный рядъ такихъ пѣснопѣній,—какъ Богородичны осьми гласовъ, какъ лучшія пѣвческія произведенія, принятыя благодарнымъ потомствомъ изъ рукъ Шайдурова, Мезенца, Макарьевскаго или въ печати отъ св. Синода и вѣрнаго служителя его Бышковскаго.

Когда бы, въ объясненіе ихъ и пополненіе, тою же печатью древней жизни и даровитой дѣятельности отмѣченные, услыхали мы здѣсь духовные Стихи,—какъ Стихи Евангельскіе, или Покаянные, или какъ Стихъ Воинской, Застольный, Семейный.

Когда бы рядомъ получили мы возможность сличить нашимъ вниманіемъ и слухомъ соотвѣтствующій духовный Стихъ Общественный, уцѣлѣвшій въ устахъ народа.

Когда бы отрадная память обо всѣхъ этихъ незабвенныхъ дняхъ и часахъ осталась потомству особымъ печатнымъ сборникомъ древнихъ памятниковъ, исполненныхъ среди новой жизни, ее собою наполнившихъ и въ свою очередь ожившихъ.

То не была бы одна уже Выставка, не одно ликованіе и наслажденіе, или наука, искусство и техника: здѣсь была бы на праздникѣ Петра Великаго—Церковь, и своимъ праздникомъ сообщила бы всему свой, Ей только присный, священный характеръ.

Но—мы можемъ только изслѣдовать, соображать поводы и способы, предлагать силы и хотя бы самое исполненіе, думать и надѣяться: разрѣшенія нашимъ вопросамъ и благословенія ожидаемъ отъ Духовенства. Къ нему вмѣстѣ съ симъ и обращаемся.

П. Бѣсовъ.

1872, февраля 12.

ЕЩЕ О СОЕДИНЕНІИ

ДУХОВНЫХЪ АКАДЕМІЙ СЪ УНИВЕРСИТЕТАМИ.

(По поводу передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 11 февраля 1872 года).

На нашу статью о соединеніи духовныхъ академій съ университетами, помѣщенную въ январской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія*, редакція *Московскихъ Вѣдомостей* дала отвѣтъ въ горячей полемической статьѣ 11 февраля. Редакція одобряетъ наши соображенія объ открытіи богословскихъ факультетовъ при университетахъ, называетъ эти соображенія *обстоятельными и дѣльными*, находитъ въ нихъ полное совпаденіе съ собственными своими мыслями, и значительную часть нашей статьи (съ нѣкоторыми выпусками) перепечатываетъ въ своей газетѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ редакція сильно возмущена нашими замѣчаніями на ея собственный проектъ о соединеніи духовныхъ академій съ университетами, представленный въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 25-го декабря, — и на тѣ основанія, которыми въ этой статьѣ мотивированъ былъ вопросъ о сближеніи духовной науки съ наукою универсальною.

Мысль передовой статьи 25 декабря, сколько мы могли понять ее, была такова, чтобы, по закрытіи существующихъ духовныхъ академій, студентовъ находящихся въ нихъ размѣстить по факультетамъ университетскимъ — именно студентовъ-филологовъ присоединить къ филологическому факультету, историковъ къ историческому и юристовъ къ юридическому,—преподаваніе же собственно богословскихъ предметовъ помѣстить въ тѣхъ ауди-

торіяхъ, гдѣ и въ настоящее время преподается въ университетахъ тоже богословіе, только въ сокращенномъ видѣ. На эти соображенія *Московскихъ Вѣдомостей* мы замѣтили, что они представляются намъ сомнительными, — что раздѣленіе студентовъ академій и предметовъ академическаго курса по разнымъ университетскимъ факультетамъ привело бы къ неминуемому упадку нашу богословскую спеціальность, что въ духовныхъ академіяхъ собственно говоря нѣтъ студентовъ-филологовъ и юристовъ, а есть три отдѣленія богословское, церковно-историческое и церковно-практическое, по внутреннему строю — по расположенію предметовъ преподаванія далеко не совпадающія съ тремя университетскими факультетами, что предметы собственно богословскаго отдѣленія никакъ нельзя вдвинуть въ тѣ предѣлы, въ какихъ нынѣ преподается въ университетахъ богословіе, что вообще при введеніи богословской спеціальности въ кругъ другихъ университетскихъ спеціальностей необходимо открыть при университетахъ *особый*, какъ это вездѣ есть за границей, *самостоятельный* богословскій или философско-богословскій факультетъ. *Московскія Вѣдомости* теперь и съ своей стороны уже опредѣленно высказываются объ учрежденіи *особыхъ самостоятельныхъ* богословскихъ факультетовъ при университетахъ,—и увѣряютъ, что это была ихъ давняя мысль, — и что она *сама собою разумѣлась* въ ихъ передовой статьѣ 25 декабря. Прекрасно. Значитъ намъ нечего и становиться другъ противъ друга въ положеніе противниковъ. Въ существѣ дѣла мы согласны, и намъ отъ *Московскихъ Вѣдомостей* въ настоящемъ случаѣ только и нужно, чтобы онѣ ясно и опредѣленно высказались объ учрежденіи *особаго самостоятельнаго* богословскаго факультета при университетѣ, чтобы кѣмъ-нибудь не было понято и перетолковано это важное дѣло въ другомъ смыслѣ, на основаніи ихъ прежней статьи.

Но *Московскія Вѣдомости* не довольствуются этимъ. Онѣ увѣряютъ, что статья 25 декабря и не могла быть понята иначе, какъ въ смыслѣ учрежденія *самостоятельныхъ* богословскихъ факультетовъ при университетахъ, даже съ нѣкоторыми особенными привиллегіями противъ другихъ факультетовъ. Онѣ отказываются отъ мысли распредѣлить студентовъ академіи по существующимъ факультетамъ университетовъ, и вдвинуть соб-

ственно богословскіе предметы академическаго курса въ тѣ предѣлы, въ какихъ нынѣ находится богословіе въ университетахъ. Онѣ сами называютъ послѣднюю мысль *дикою* и негодуютъ на насъ за то, какъ мы могли предположить, чтобы имъ пришла въ голову такая дикая идея. По этому поводу онѣ горячо распространяются о намѣренномъ съ нашей стороны искаженіи смысла ихъ статьи, выходящемъ изъ какихъ-то будто бы заднихъ побужденій, направленномъ къ тому, чтобы выставить вопросъ о соединеніи академій съ университетами *въ смѣшномъ и ненавистномъ видѣ*, и называютъ это непонятною и недостойною *выходкою* съ нашей стороны, «живо рисующею нравы безсознательно прозябающіе» въ спертой атмосферѣ касты, и т. д.

Не имѣя возможности состязаться въ силѣ слова съ редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*, мы въ отвѣтъ на это можемъ только буквально выписать тѣ мѣста изъ ихъ статьи отъ 25 декабря, въ которыхъ особенно выразительно высказана была мысль о размѣщеніи студентовъ академій по университетскимъ факультетамъ, и о преподаваніи богословскихъ предметовъ академическаго курса въ тѣхъ аудиторіяхъ, въ которыхъ нынѣ преподается богословіе въ университетахъ. Вотъ эти мѣста:

«Такъ какъ число студентовъ академій очень незначительно, то *размѣщеніе* ихъ изъ четырехъ академій въ четырехъ университетахъ не представитъ никакого затрудненія. *Присоединеніе* какихъ-нибудь 20 или 30 новыхъ слушателей филологіи къ филологическому факультету, 30 историковъ къ историческому и 30 юристовъ къ юридическому факультетамъ, очевидно, не потребуетъ *не только* аудиторій, *но даже* и какихъ бы то ни было перестроекъ (*Моск. Вѣдомости* 25 декабря 1871 года, страница 2-я, столбецъ 3-й, строки 119—130).

«За симъ останутся преподаватели и слушатели собственно богословія. Имъ предоставимъ читать и слушать лекціи въ тѣхъ аудиторіяхъ, *гдѣ и въ настоящее время преподается въ университетахъ то же богословіе, только въ сокращенномъ видѣ* (тотъ же № *Московскихъ Вѣдомостей*, страница 2-я, столбецъ 3-й, строки 112—118).»

Кромѣ этихъ главныхъ мѣстъ, которыя особенно остановили на себѣ наше вниманіе, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ статьи отрывочныя выраженія: «*присоединимъ* юристовъ изъ ака-

деміи къ юридическому факультету», «дадимъ возможность филологамъ слушать лекціи на филологическомъ факультетѣ» и т. д.

Читатели могутъ видѣть изъ этого, что мы не только не старались намѣренно искажать статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, но напротивъ старались передать ея смыслъ какъ можно ближе къ ея подлиннымъ выраженіямъ. Читатели могутъ видѣть, что въ приведенныхъ словахъ, равно какъ и во всей статьѣ, если *разумѣлась*, какъ говорятъ *Московскія Вѣдомости*, мысль о самостоятельномъ богословскомъ факультетѣ, то прямо никакъ не высказывалась, а прямо высказывалась совсѣмъ другая мысль, противъ которой въ интересѣ богословской науки мы и сочли нужнымъ сдѣлать свои замѣчанія, какъ противъ мысли крайне неблагопріятной развитію богословской спеціальности. Объ устройствѣ особаго самостоятельнаго богословскаго факультета при университетѣ въ статьѣ ни слова не говорилось; и самыя слова *особый факультетъ*, *самостоятельный факультетъ* ни разу не были употреблены. Встрѣчались раза два въ статьѣ какъ бы вскользь выраженія просто *богословскій факультетъ* (о чемъ и было упомянуто въ нашей январской статьѣ), но безъ всякаго опредѣленнаго значенія, безъ всякихъ объясненій относительно того, въ какомъ смыслѣ редакція разумѣетъ эти выраженія. Къ какимъ мыслямъ на основаніи всего этого мы могли прійти, при той увѣренности, что редакція *Московскихъ Вѣдомостей* не имѣетъ обыкновенія безъ особенныхъ причинъ о предметѣ серьезномъ выражаться какъ-нибудь неопредѣленно и двусмысленно, и сумѣетъ, относясь къ дѣлу серьезно, выставить въ вопросѣ, о которомъ берется вести рѣчь, его главную существенную сторону, не запутывая дѣла съ самаго начала частными второстепенными подробностями, могущими препятствовать пониманію сущности вопроса?..

Редакція въ своей новой статьѣ вышеприведенныя выраженія «присоединимъ студентовъ академіи филологовъ къ филологическому факультету, юристовъ къ юридическому и т. д.» истолковываетъ въ томъ смыслѣ, что студенты (уже напередъ предположеннаго будто бы ею) богословскаго факультета могутъ ходить слушать лекціи по языкамъ на филологическій факультетъ, по каноническому праву на юридическій и т. д. Но мы никакъ не могли предположить ни того, чтобы редакція *Мос-*

ковскихъ Вѣдомостей стала употреблять слово «присоединить» въ смыслѣ «могутъ ходить»,—ни того, чтобы редакція стала говорить о томъ, гдѣ студенты богословскаго факультета могутъ слушать дополнительныя и вспомогательныя лекціи, не сказавши напередъ объ устройствѣ для нихъ самостоятельнаго курса по главнымъ предметамъ. Странную во всякомъ случаѣ фразу: «богословамъ предоставимъ читать и слушать лекціи въ тѣхъ аудиторіяхъ, гдѣ и въ настоящее время преподается въ университетахъ тоже богословіе, только въ сокращенномъ видѣ» редакція объясняетъ такъ, что здѣсь будто бы была рѣчь не о факультетахъ, не о курсахъ, а именно только о тѣхъ классныхъ залахъ, гдѣ нынѣ читаются богословскія лекціи. И вообще все то мѣсто о распредѣленіи студентовъ и размѣщеніи богословскихъ наукъ въ университетахъ, противъ котораго мы сочли нужнымъ возразить, редакція объясняетъ въ томъ смыслѣ, что присоединеніе духовныхъ академій къ университетамъ не потребовало бы перестроекъ въ университетскихъ зданіяхъ..Но мы, опять-таки скажемъ, никакъ не могли предположить, чтобы *Московскія Вѣдомости* стали говорить о перестройкахъ университетскихъ зданій въ виду предполагаемаго богословскаго факультета, нимало напередъ не уяснивши вопроса объ устройствѣ самого факультета. Притомъ, какъ сознаются сами *Московскія Вѣдомости*, удобства университетскихъ зданій для помѣщенія въ нихъ новаго богословскаго факультета въ разныхъ университетахъ могутъ быть различныя, и рѣчь *Московскихъ Вѣдомостей* о томъ, чтобы лекціи богословскія читались именно въ тѣхъ аудиторіяхъ, гдѣ нынѣ читается въ университетахъ тоже богословіе, съ этой стороны едва ли бы могла имѣть даже какой бы то ни было смыслъ....

Вообще же,—еслибы и на самомъ дѣлѣ главная мысль передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 25-го декабря была такова, каковою онѣ представляютъ ее въ своей новой статьѣ, все-таки вина въ неясномъ раскрытіи и запутанномъ изложеніи вопроса лежитъ конечно на нихъ самихъ, а не на комъ-либо другомъ. Читателямъ конечно очень мало дѣла до того, что у редакціи *Московскихъ Вѣдомостей само собою разумѣется* при писаніи той или другой статьи, а есть дѣло только до того, что прямо говорится въ извѣстной статьѣ. *Московскія Вѣд.* не могутъ не сознаться въ томъ, что такъ настойчиво воз-

буждая весьма существенный вопросъ о соединеніи духовныхъ академій съ университетами, онѣ отнеслись къ нему слишкомъ легко, можно прямо сказать — небрежно. И долгъ спеціальнаго духовнаго изданія въ виду особеннаго значенія, какое имѣютъ мнѣнія заявляемыя въ *Моск. Вѣд.*, именно состоитъ въ томъ, чтобы поставить вопросъ яснѣе и тверже, вывести его изъ запутанности и неопредѣленности, чтобы онъ съ самаго начала не былъ понятъ превратно или прямо скомпрометированъ неудачною постановкою. Этотъ долгъ мы и исполнили по своему разумѣнію, и исполнили, кажется, со всѣмъ соблюденіемъ общественнаго и литературнаго приличія. Разбирая мнѣнія статьи, противъ которыхъ въ интересѣ дѣла мы не могли не сдѣлать замѣчаній, мы не сказали однакожъ ничего обиднаго и вообще личнаго по отношенію къ самой редакціи. Полагаемъ, что и редакція *Моск. Вѣд.* съ своей стороны не имѣла никакого основанія упрекать насъ въ намѣренномъ искаженіи ея мыслей, ни въ другихъ какихъ-либо нехорошихъ побужденіяхъ, заводить рѣчь о какихъ-то нравахъ безсознательно прозябающихъ въ спертой атмосферѣ касты и т. д...; Вопреки объясненію *Моск. Вѣд.*, мы никогда не считали какихъ-либо вопросовъ духовной науки и церковной жизни своею монополіею, которой не должны, будто бы по нашему мнѣнію, касаться свѣтскіе журналы и газеты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и ни за какимъ другимъ изданіемъ мы не можемъ признать монополіи толковать объ этихъ вопросахъ какъ вздумается, не допуская даже права возраженія противъ какихъ-либо невѣрныхъ или двусмысленныхъ толкованій.

Такая же рѣчь и о мотивахъ, которыми въ статьѣ *Моск. Вѣд.* отъ 25-го декабря мотивированъ былъ вопросъ о соединеніи духовныхъ академій съ университетами. Признаемся, на насъ прежде всего въ этой статьѣ непріятно подѣйствовало то, что въ ней вопросъ первостепенной важности, вопросъ касающійся самыхъ существенныхъ интересовъ церкви и науки, трактовался главнымъ образомъ съ точки зрѣнія денежныхъ разсчетовъ. По этому поводу мы и сочли нужнымъ высказать нѣсколько замѣчаній о томъ, что гдѣ рѣчь идетъ о высшихъ интересахъ вѣры, науки, искусства и т. под., тамъ руководиться въ сужденіяхъ исключительно или главнымъ образомъ денежными разсчетами едва ли умѣстно, что съ экономической точки зрѣнія, во имя которой

Моск. Вѣд. приходитъ къ мысли о закрытіи существующихъ духовныхъ академій, можно пожалуй точно также прійти къ мысли о закрытіи филологическихъ факультетовъ, публичныхъ библіотекъ, музеевъ и т. д. Мы высказывали эти замѣчанія конечно не для редакціи *Моск. Вѣд.* Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что она эти вещи понимаетъ можетъ быть лучше нашего. Но мы знаемъ также, что между читателями *Моск. Вѣд.* могутъ найтись такіе, которые это недостаточно понимаютъ, и которые всего болѣе способны поддаваться такимъ именно экономическимъ матеріальнымъ соображеніямъ. Люди разумные чѣмъ болѣе сознаютъ цѣну и вѣскость такого рода соображеній въ глазахъ большинства, тѣмъ осторожнѣе должны употреблять ихъ, разсуждая о какихъ-либо высшихъ духовныхъ интересахъ. И *Моск. Вѣд.* понимаютъ это очень хорошо. Но вмѣсто того, чтобы признаться, что въ декабрьской ихъ статьѣ вопросъ о соединеніи академій съ университетами мотивированъ не совсѣмъ удачно, и матеріальнымъ соображеніямъ слишкомъ много въ немъ придано значенія, онѣ стараются теперь представить дѣло иначе, будто ими и тогда главнымъ образомъ обращено было вниманіе на нематеріальныя выгоды соединенія академій съ университетами, а затѣмъ уже между прочимъ упомянуто и о второстепенныхъ матеріальныхъ выгодахъ. Итакъ мы и въ этомъ случаѣ неправильно передали смыслъ декабрьской статьи *Моск. Вѣд.*? Но въ отвѣтъ на это мы не будемъ даже выписывать отдѣльныхъ фразъ изъ упомянутой статьи, а предоставляемъ кому угодно—всю ту статью прочесть цѣликомъ, или начиная со словъ: «Гете сказалъ однажды: говорятъ, что цифры управляютъ міромъ» до словъ: «во имя чего поддерживается порядокъ отзывающійся на государственномъ бюджетѣ ежегодно нѣсколькими сотнями тысячъ непроизводительнаго расхода?» Всякій читатель самъ можетъ видѣть, *о чемъ* всего болѣе говорится въ статьѣ, *на что* обращается главное вниманіе, и о чемъ упоминается только мимоходомъ, изъ какихъ началъ прямо выводится аргументація статьи, и какими преимущественно доводами она старается внушить читателямъ мысль о пользѣ соединенія академій съ университетами...

Довольно теперь о тѣхъ мѣстахъ статьи 11-го февраля, въ которыхъ редакція *Моск. Вѣд.* по существу дѣла къ нашему

удовольствію переходитъ на нашу сторону, и отказывается отъ той неудачной постановки вопроса о соединеніи академій съ университетами, какая представлена въ статьѣ 25-го декабря, но только старается передъ читателями затушевать дѣло, и увѣрить ихъ, что та постановка вопроса *Москов. Вѣдомостямъ* не принадлежитъ, а нами намѣренно выдумана и навязана имъ. Переходимъ теперь къ другой части статьи, въ которой редакція продолжаетъ твердо поддерживать разногласіе съ нами, разумѣется опять осыпая насъ упреками въ заднихъ побужденіяхъ, кастовыхъ предубѣжденіяхъ и т. д.

Разногласіе наше состоитъ теперь главнымъ образомъ въ томъ, что мы признавая необходимость открытія богословскихъ факультетовъ при университетахъ (одного или двухъ на первыхъ порахъ), въ то же время стоимъ за сохраненіе существующихъ духовныхъ академій по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени,— *Московскія* же *Вѣдомости* желаютъ прямо присоединить существующія духовныя академіи къ четыремъ университетамъ Московскому, Кіевскому, Петербургскому и Казанскому, указывая (по ихъ выраженію) въ недалекой перспективѣ возможность устройства новыхъ богословскихъ факультетовъ и при другихъ университетахъ [1]). Почему мы именно въ настоящее время стоимъ за сохраненіе существующихъ духовныхъ академій, желая въ тоже время постепеннаго устройства богословскихъ факультетовъ при университетахъ, объ этомъ нами довольно сказано въ январской статьѣ. «Мы не желаемъ, чтобы богословская спеціальность была сбиваема со стараго пути, и выживаема съ стараго мѣста *прежде, чѣмъ будутъ для нея твердо обезпечены и устроены новый путь и новое мѣсто.*» Мы вообще болѣе сочувствуемъ постепенному историческому развитію дѣла,

---

[1]) Впрочемъ относительно существующихъ духовныхъ академій *Московскія Вѣдомости* мысль свою и теперь высказываютъ не совсѣмъ опредѣленно: то онѣ прямо желаютъ слить ихъ къ университетами, и упрекаютъ насъ за несочувствіе къ такой мѣрѣ, то увѣряютъ, что онѣ далеки отъ мысли *объ уничтоженіи и разкассированіи существующихъ академій*, и опять упрекаютъ насъ за то, будто эта мысль нами приписана имъ. Надѣемся, что наши взаимныя объясненія помогутъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* и въ этомъ пунктѣ, какъ въ вышеупомянутыхъ, стать на болѣе опредѣленную почву.

нежели произвольнымъ административнымъ ломкамъ и экспериментамъ. Духовныя академіи—исторически сложившіяся учрежденія; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ старше и можетъ быть держатся крѣпче стоящихъ подлѣ нихъ университетовъ. Помимо административныхъ преобразованій, измѣняющихъ внѣшній видъ академической жизни, въ нихъ живутъ свои постоянныя историческія традиціи, изъ которыхъ можетъ быть нѣкоторыя и не заслуживаютъ сочувствія, но иныя могутъ представиться и достойными сохраненія. Академіи—заведенія достаточно зарекомендовавшія себя. Въ продолженіе своего существованія, онѣ не мало дали плодовъ научной и общественной дѣятельности, можетъ быть и не блестящихъ, но все таки очень значительныхъ, которыя не уступаютъ пожалуй плодамъ получаемымъ отъ другихъ высшихъ заведеній, и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ того, чтобы вопросъ о самостоятельномъ существованіи академій былъ обсуждаемъ со всею внимательностію и осторожностію. Недавнее преобразованіе академій, при нѣкоторыхъ дополненіяхъ и исправленіяхъ, можетъ подавать надежду еще на большее и плодотворнѣйшее развитіе академической дѣятельности въ будущемъ; и намъ кажется просто неловко не окончивши, какъ слѣдуетъ, предпринятаго преобразованія, и не дождавшись плодовъ отъ него, приступать къ новой еще болѣе значительной ломкѣ. Притомъ духовныя академіи содержатся на средства, состоящія въ распоряженіи духовно-учебнаго вѣдомства, которыя, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ было бы справедливо переводить въ какое нибудь другое вѣдомство. Наконецъ въ вопросѣ практическомъ, вопросѣ касающемся существеннѣйшихъ духовныхъ интересовъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, полагаясь на наши теоретическія построенія, пренебрегать показаніями опыта. «По времени, мы сказали, видно будетъ, гдѣ тверже станетъ богословская наука, и куда болѣе потянутся искатели высшаго богословскаго образованія—въ академіи (отдѣльно существующія) или на богословскій факультетъ при университетѣ. И если бы оказалось послѣднее, тогда можно было бы постепенно сокращать духовныя академіи, начиная закрытіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя менѣе имѣютъ за собою правъ историческаго преданія, и менѣе приносятъ пользы въ настоящемъ.»

На всѣ эти наши соображенія *Московскія Вѣдомости* не об-

ратили никакого вниманія, кромѣ того, что о денежныхъ средствахъ употребляемыхъ на содержаніе академій онѣ легко замѣтили: «какъ будто этимъ средствамъ не все равно быть въ вѣдѣніи оберъ-прокурора св. Синода, или въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія?» [2]) Взамѣнъ того, *Московскія Вѣдомости* осыпаютъ насъ градомъ упрековъ за то, что мы будто выступаемъ въ защиту того порядка вещей, который, по нашему собственному сознанію, составляетъ большое зло и для церкви и для общества,—что мы, выставляя себя противниками кастовой исключительности въ церковной средѣ, всего болѣе возстаемъ именно противъ преобразованія заведеній, имѣющихъ замкнутый, сословный, кастовой характеръ—въ заведенія чуждыя такого характера, что духовный журналъ, съ такимъ пафосомъ (?) толкующій о вредѣ разобщенія духовной науки отъ наукъ университетскихъ и отъ жизни общественной, всего болѣе возстаетъ именно противъ мѣры направленной къ тому, чтобы устранить это разобщеніе и т. д....

Что намъ отвѣчать на эти рѣчи?... Не имѣя обыкновенія сами разсуждать въ печати о серьезныхъ дѣлахъ подъ вліяніемъ пафоса, мы не чувствуемъ себя способными отвѣчать и на чужія рѣчи, исполненныя болѣе силою пафоса, нежели опредѣленностью мысли. Никакой кастовой исключительности мы не защищаемъ, а говоримъ только противъ насильственныхъ ломокъ и не додуманныхъ экспериментовъ, которые никогда никакого зла въ корнѣ искоренить не могутъ, а разстройство въ правильномъ теченіи дѣлъ, по крайней мѣрѣ временное, могутъ произвести. *Московскія Вѣдомости* находятъ противорѣчіе въ томъ, что мы признаемъ пользу соединенія духовной науки съ универсальною, а между тѣмъ защищаемъ (въ настоящее время) отдѣльное существованіе академій... Никакого противорѣчія мы

---

[2]) Нѣтъ, мы скажемъ, совершенно не все равно—быть этимъ средствамъ въ церковномъ или другомъ какомъ вѣдомствѣ. Наше церковное вѣдомство и безъ того такъ стѣсняется средствами на удовлетвореніе многихъ вопіющихъ потребностей, что обрѣзывать у него еще и тѣ средства, какими оно въ настоящее время пользуется, было бы, по нашему мнѣнію, слишкомъ несправедливо.

здѣсь не видимъ. Иное дѣло—признаніе пользы въ принципѣ, и иное—осуществленіе ея на практикѣ. Мы несомнѣнно признаемъ въ принципѣ пользу соединенія научно-богословской спеціальности съ другими спеціальностями въ стѣнахъ университета; но на дѣлѣ нужно еще посмотрѣть, какъ будетъ устроено такое соединеніе. Можно пожалуй, слѣдуя какому нибудь наскоро составленному проекту, устроить богословскій факультетъ при университетѣ такъ, что его положеніе здѣсь будетъ гораздо хуже изолированнаго положенія духовныхъ академій. Поэтому-то мы и полагаемъ лучшимъ дѣйствовать осторожно, постепенно вводить и развивать новое, не разрушая сразу стараго. «Не слѣдуетъ (повторимъ опять слова нашей прежней статьи) сбивать богословскую спеціальность съ стараго пути и выживать съ стараго мѣста прежде, чѣмъ будутъ твердо обезпечены и устроены для нея новый путь и новое мѣсто.... По времени видно будетъ, гдѣ тверже станетъ богословская наука, и куда болѣе потянутся искатели высшаго богословскаго образованія, въ академіи отдѣльно существующія или на богословскій факультетъ при университетѣ. И если бы оказалось послѣднее, тогда можно бы было, если бы оказалось нужнымъ, постепенно сокращать духовныя академіи, и открывать новые богословскіе факультеты.»

Но богословскіе факультеты при университетахъ, по мнѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, не могутъ существовать одновременно съ духовными академіями... Почему же, спросимъ? Развѣ не существуетъ филологическій институтъ совмѣстно съ филологическими факультетами университетовъ? Развѣ не существуетъ медико-хирургическая академія совмѣстно съ медицинскими факультетами университетовъ? Одновременное существованіе двоякаго рода заведеній, имѣющихъ одинаковыя задачи, но нѣсколько различное устройство, можетъ только возбуждать между ними свободную конкурренцію силъ, благопріятную для развитія той и другой стороны.... Въ своей январской статьѣ мы указывали между прочимъ и мѣру, посредствомъ которой можно достигнуть того, что и при открытіи двухъ трехъ богословскихъ факультетовъ въ университетахъ, по нашему мнѣнію, на каждомъ изъ этихъ факультетовъ, и въ каждой изъ отдѣльно существующихъ духовныхъ академій, число студентовъ можетъ

быть больше, чѣмъ ихъ въ настоящее время существуетъ въ каждой духовной академіи. *Моск. Вѣдом.* не обратили вниманія на эту мѣру, и даже въ той части нашей статьи, которую онѣ перепечатали на своихъ страницахъ, опустили мѣсто, въ которомъ говорится объ этой мѣрѣ. Можетъ быть, по ихъ мнѣнію, мѣра эта не заслуживаетъ вниманія; но намъ кажется, что вопросъ объ этой мѣрѣ въ настоящее время есть вопросъ самый существенный для нашихъ высшихъ и среднихъ спеціально-богословскихъ заведеній.

Далѣе *Московскія Вѣдомости* переходятъ къ практическому вопросу. «Могутъ ли, при одновременномъ существованіи университетскихъ богословскихъ факультетовъ и отдѣльныхъ духовныхъ академій, студенты первыхъ имѣть съ студентами послѣднихъ равные шансы на полученіе мѣстъ въ духовномъ вѣдомствѣ»? Отчего же не могутъ? Мы съ увѣренностью отвѣчаемъ, что могутъ, если богословское образованіе на факультетахъ университетскихъ станетъ не менѣе твердо, чѣмъ въ духовныхъ академіяхъ, и если изъ хорошихъ студентовъ университета будутъ находиться желающіе занимать мѣста равныя съ тѣми, которыя занимаютъ хорошіе студенты духовныхъ академій [1]). *Московскія*

---

[1]) „Моск. Вѣд.“ между прочимъ обратили здѣсь вниманіе на то, что мы въ своей январской статьѣ, проектируя въ общихъ чертахъ устройство будущаго богословскаго факультета при университетѣ, сказали, что нѣкоторыхъ предметовъ церковно-практическаго отдѣленія академіи—напр. пастырскаго богословія, гомилетики, литургики—можно было бы не вводить на богословскомъ факультетѣ. „Моск. Вѣд.“ видятъ въ этомъ чуть ли не намѣренный разсчетъ съ нашей стороны—уронить факультетское богословское образованіе сравнительно съ академическимъ, и лишить его тѣхъ шансовъ на полученіе мѣстъ въ духовномъ или духовно-учебномъ вѣдомствѣ, какіе будетъ давать академическое образованіе. Но „Моск. Вѣд.“ не знаютъ, какое значеніе имѣютъ поименованные предметы въ самомъ академическомъ курсѣ. Какого-либо значенія по отношенію къ общему образованію студентовъ имъ никто не придаетъ и преподаются эти предметы въ академіи не всѣмъ студентамъ, а только студентамъ церковно-практическаго отдѣленія. Что касается до практическихъ выгодъ, даваемыхъ изученіемъ этихъ трехъ предметовъ, то всѣ онѣ ограничиваются шансами на занятіе *только одной каѳедры* въ семинаріяхъ. Ибо въ семинарскомъ курсѣ преподаваніе *гомилетики, литургики и пастырскаго богословія* съ присоединеніемъ къ послѣднему еще нѣкоторой части *церковнаго законовѣденія*—подъ названіемъ *практическаго пастырскаго руководства*—составляетъ всего одну каѳедру. Притомъ можно съ увѣрен-

Вѣдомости опять распространяются при этомъ *о предразсудкахъ касты*, не допускающей въ свой *своеобычный міръ* человѣка приходящаго изъ «чужаго» заведенія. Но это, по нашему мнѣнію, *Московскія Вѣдомости* напрасно дѣлаютъ, вмѣсто всякихъ другихъ аргументовъ и разъясненій дѣла такъ часто ссылаясь на духъ касты. Что предразсудки касты въ нѣкоторой мѣрѣ у насъ существуютъ—не только въ духовномъ сословіи относительно другихъ сословій, но и въ другихъ сословіяхъ относительно духовнаго, этого мы отрицать не станемъ. Но чтобы въ духовномъ вѣдомствѣ не могъ найти себѣ мѣста человѣкъ приходящій изъ «чужаго» т.-е. свѣтскаго заведенія, особенно дающаго такое же хорошее богословское образованіе, какое даютъ духовныя заведенія, это слишкомъ преувеличено. И въ настоящее время, когда наши университеты вовсе не задаются цѣлію давать своимъ студентамъ спеціальное богословское образованіе, мы знаемъ людей университетскаго образованія, наравнѣ съ студентами духовныхъ академій занимающихъ преподавательскія мѣста не только въ духовныхъ семинаріяхъ, но и въ самыхъ академіяхъ. Есть у насъ также изъ людей свѣтскаго образованія и священники, и протоіереи, и архимандриты, и епископы. Конечно, всего этого пока

ностію сказать, что человѣку даже и совсѣмъ не слушавшему названныхъ предметовъ въ высшемъ академическомъ курсѣ, но хорошо изучившему богословіе, Священное Писаніе, церковную исторію и археологію, можно такъ же смѣло поручать преподаваніе гомилетики, литургики и пастырскаго руководства въ семинаріи, какъ и всякому студенту такъ-называемаго церковно-практическаго отдѣленія академіи. Предполагая возможнымъ не вводить поименованные предметы въ курсъ университетскаго богословскаго факультета, мы только имѣли въ виду сдѣлать этотъ курсъ тверже и цѣльнѣе, сосредоточить его на главныхъ существеннѣйшихъ предметахъ богословскаго образованія, избѣжать необходимости лишнихъ дробленій курса на частнѣйшія отдѣленія, или обремененія студентовъ спеціальнымъ изученіемъ множества второстепенныхъ прикладныхъ богословскихъ предметовъ. И это, полагаемъ, могло бы не уронить богословскій факультетъ, а дать ему даже нѣкоторыя теоретическія и практическія преимущества предъ академіями. Впрочемъ мы конечно далеко не считаемъ сказаннаго нами о расположеніи предметовъ богословскаго факультета за какой-либо окончательный проектъ, равно какъ и въ сказанномъ „Моск. Вѣд.“ не видимъ яснаго представленія объ устройствѣ предполагаемаго богословскаго факультета. Конечно, еслибы это дѣло подвинулось къ практическому осуществленію, окончательно выяснить и устроить его могли бы люди спеціально къ тому призванные.

мало. Но отъ чего это зависитъ—отъ предубѣжденій ли духовнаго сословія противъ другихъ сословій, или обратно отъ предубѣжденій другихъ сословій противъ духовнаго,—или еще вѣрнѣе отъ непривлекательнаго, во многомъ еще неустроеннаго положенія нашего духовенства—это вопросъ, разрѣшенію котораго серьезные люди могутъ гораздо болѣе помочь внимательнымъ отношеніемъ къ состоянію и потребностямъ церковной жизни, нежели общими и все на одинъ ладъ повторяющимися попреками насчетъ духа касты. Во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что съ образованіемъ богословскихъ факультетовъ при университетахъ, число людей университетскаго образованія поступающихъ въ духовное вѣдомство станетъ гораздо больше,—тѣмъ болѣе, что на богословскихъ факультетахъ многіе студенты будутъ вѣроятно люди и не «чужіе» духовенству, а вышедшіе изъ того же духовнаго сословія, прошедшіе чрезъ семинарію и т. д. Въ частности относительно занятія наставническихъ мѣстъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ можно сказать, что настоящій способъ замѣщенія этихъ мѣстъ (не по административному назначенію, а посредствомъ свободной конкурренціи открытыми пробными лекціями) всего менѣе представляетъ условій для обнаруженія предразсудковъ касты,—да и вообще эти предразсудки въ средѣ преподавательской корпораціи духовно-учебныхъ заведеній не особенно сильны. На наставническія мѣста въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ и теперь могли бы гораздо въ большемъ количествѣ поступать люди университетскаго образованія, еслибы только изъ среды ихъ находилось больше охотниковъ на ряду съ студентами духовныхъ академій служить на этихъ мѣстахъ.

Не вопросъ относительно карьеры, которая вполнѣ можетъ быть обезпечена для студентовъ университетскаго богословскаго факультета наравнѣ съ студентами духовныхъ академій, а другой вопросъ, котораго не пришлось и намъ коснуться въ прежней статьѣ, заслуживаетъ здѣсь вниманія. Духовныя академіи всего болѣе могутъ привлекать къ себѣ даровитыхъ людей изъ семинарій (да изъ свѣтскихъ заведеній бѣдныхъ людей желающихъ получить богословское образованіе) обезпеченнымъ содержаніемъ—казенными стипендіями. Если такихъ стипендій на богословскихъ факультетахъ университета не будетъ, то имъ пожалуй трудно будетъ на первыхъ порахъ числомъ студентовъ конкур-

рировать съ духовными академіями (хотя мы думаемъ, что все таки найдется не мало людей, которые и безъ казенныхъ стипендій скорѣе пойдутъ на богословскій факультетъ университета, чѣмъ въ духовныя академіи). Какъ рѣшить этотъ вопросъ, объ этомъ опредѣленнаго сужденія мы высказать не можемъ, но обратить на него вниманіе, когда начинается серьезная рѣчь объ открытіи богословскаго факультета при университетѣ, считаемъ нужнымъ.

Въ заключеніе *Московскія Вѣдомости* дѣлаютъ намъ еще упрекъ за то, что мы въ своей январской статьѣ не коснулись опроса о способѣ назначенія профессоровъ въ богословскіе факультеты университета, и о мѣрѣ зависимости этихъ факультетовъ отъ церковныхъ властей. Признаться сказать, что въ виду разныхъ недоразумѣній, которыя весьма естественно могутъ подняться по поводу вопроса объ открытіи богословскихъ факультетовъ, мы считали нѣсколько преждевременнымъ возбуждать этотъ частный и не чуждый нѣкоторой щекотливости вопросъ—о способѣ назначенія профессоровъ на богословскіе факультеты, и о мѣрѣ зависимости ихъ отъ церковныхъ властей. Но если этотъ вопросъ уже поднятъ, и наше мнѣніе о немъ кому-нибудь желательно знать, то скажемъ прямо, что для избѣжанія всякой запутанности отношеній, мы считали бы всего болѣе удобнымъ, чтобы способъ назначенія профессоровъ на богословскомъ факультетѣ былъ такой же, какъ и на другихъ факультетахъ университета (онъ почти таковъ же теперь и въ духовныхъ академіяхъ), и чтобы въ непосредственной зависимости эти факультеты находились отъ того же вѣдомства, какъ и прочіе университетскіе факультеты. Духовной же власти надъ богословскимъ факультетомъ университета конечно должно принадлежать то общее наблюденіе и вліяніе, какое она имѣетъ вообще надъ состояніемъ религіознаго образованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, и какое въ частности она теперь имѣетъ надъ богословскою и церковно-историческою каѳедрою въ университетахъ. Не скроемъ впрочемъ того, что при такой постановкѣ дѣла, даже и при полномъ развитіи богословскихъ факультетовъ при университетахъ, духовная власть можетъ пожелать, кромѣ этихъ факультетовъ, имѣть подъ своимъ непосредственнымъ завѣдываніемъ, и содержать на особыя церковныя средства, свои

отдѣльныя отъ университетовъ, высшія духовно-учебныя заведенія.

Въ заключеніе высказавъ увѣренность, что нашъ споръ съ *Московскими Вѣдомостями* можетъ быть полезенъ для разъясненія дѣла, присоединимъ къ этому желаніе, чтобы онъ держался исключительно въ интересѣ дѣла и имѣлъ какъ можно менѣе личнаго характера.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВОЛЬШОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ ПРОТОІЕРЕЕМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЦЕРКВИ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ, 19 ФЕВРАЛЯ 1872 ГОДА.

Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Рим. XIII, 1.

Настоящій день самъ говоритъ намъ великую проповѣдь. Настоящій день прежде всего проповѣдуетъ намъ о томъ за семнадцать лѣтъ бывшемъ днѣ, въ который Господу благоугодно было, да возсіяетъ надъ Россіею *тихій свѣтъ святыя Его славы*, въ нѣкоторое творческое *начало* обновленія жизни людей Его, съ восшествіемъ на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра II-го. Настоящій день проповѣдуетъ потомъ о дняхъ пятилѣтія слѣдовавшихъ за онымъ первымъ,—тихо протекшихъ въ его свѣтѣ, но какъ бы нарочито *сотворенныхъ Господомъ*—пяти дняхъ зиждительнаго подготовленія къ великому обновленію жизни сыновъ царствія какъ сыновъ свободы въ дому Царя—Отца Отечества. Настоящій день наконецъ проповѣдуетъ намъ какъ о *субботѣ Божіей*, [или о *субботствѣ людей Его*, — объ ономъ седмомъ лѣтѣ царствованія какъ о царѣ дней царскихъ, — о великомъ и святомъ днѣ «Освобожденія.» Проповѣдь дня настоящаго

здѣсь достигаетъ высшаго, торжественнѣйшаго своего тона, и — развившись еще во множествѣ поучительныхъ глаголовъ о послѣдующемъ десятилѣтіи непрестающаго царственнаго дѣланія, — кажется, переходитъ даже въ пророчество о неописуемомъ великомъ будущемъ царства, развивающагося подъ особеннымъ осѣненіемъ Провидѣнія Божественнаго, на твердомъ основаніи свыше дарованной, слѣдственно Богоизволенной свободы, какъ силы отъ силы Духа Зиждителя. *Идѣже бо Духъ Господень, ту свобода.*

Хотя такая проповѣдь не легко выражается словомъ; но мы знаемъ, что она легко понимается сердцемъ — такъ, что нѣтъ ни единаго русскаго, самаго смиреннаго земли, который не разумѣлъ бы, въ глубинѣ души, что̀ значитъ для Россіи девятнадцатый день Февраля и какая благодать для всѣхъ сыновъ ея въ царствованіи Царя Освободителя! Это разумѣніе отъ избытка сердца изливается нынѣ, по всей землѣ благословеннаго царствія, по истинѣ во всенародныхъ церковныхъ собраніяхъ, гдѣ милліонами устъ какъ едиными устами приносится Богу слава, благодареніе и молитва за Царя.

При такой проповѣди самаго дня и при такомъ всеобщемъ единомысліи въ пріятіи и разумѣніи его глаголовъ, призванный къ слову—не могу говорить о чемъ-либо другомъ, кромѣ какъ о впечатлѣніи, которое производитъ сама эта проповѣдь, или о тѣхъ мысляхъ, какія отъ нея же раждаются. Эти мысли представляются мнѣ сосредоточенными въ извѣстномъ наставленіи апостольскомъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть.*

Повиновеніе властямъ предержащимъ есть, можно сказать, прирожденное наше народное свойство; благоговѣйное отношеніе ко власти царской какъ Богомъ поставленной есть непоколебимое наше народно-христіанское убѣжденіе. И Русскій Царь знаетъ свой народъ и вѣруетъ въ свое Помазаніе; по-

сему, не какъ государи въ иныхъ земляхъ и народахъ, Онъ не Себѣ служитъ въ какомъ-либо напряженіи самохраненія, но спокойно проявляетъ Себя *Божіимъ служителемъ* ради блага ввѣреннаго Ему народа, *управляя имъ не нуждею, но волею.* При такомъ взаимномъ отношеніи царя и царства, предлагаемое ученіе о повиновеніи власти не есть собственно ученіе какъ бы для невѣдущихъ онаго, но есть—какъ для вѣдущихъ и уже творящихъ его — особенный опытъ мысленнаго самоуглубленія или самопознанія.

Всяка душа властемъ предержащимъ. да повинуется. Слово апостольское начинаетъ какъ бы усиленнымъ напоминаніемъ *общечеловѣческаго* долга послушанія, который коренится въ отношеніи всякой души къ Богу; и на этомъ уже отношеніи утверждаетъ обязанность повиновенія власти, поставляя существо всякой власти въ ея происхожденіи отъ Бога: *нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть.* Примѣчательно, что апостолъ нисколько не затрудняется называть властію происходящею отъ Бога и устрояемою Богомъ даже языческій государственный бытъ въ языческихъ носителяхъ власти: ибо слово апостола непосредственно было обращено къ римскимъ христіанамъ, подданнымъ тогдашняго языческаго римскаго государства.

Для народовъ христіанскихъ, составляющихъ христіанскія государства, живущихъ подъ властію христіанскихъ государей, это слово звучитъ нѣкоторымъ особеннымъ, понятнымъ образомъ. Но само въ себѣ оно имѣетъ болѣе обширный и не столь удобопріемлемый смыслъ. Новый Завѣтъ говоритъ кратко о томъ, что было уже раскрыто въ Завѣтѣ Ветхомъ. А по ветхозавѣтному Откровенію, не только у народа избраннаго, по свойственной ему особенности преимущественнаго въ немъ Богоправленія, но и по всей землѣ — всякая народообладающая власть изображается властію происходящею отъ Бога: Онъ даетъ ее тому, кому хощетъ (Іер. XXVII, 5); Онъ возводитъ и низводитъ царей (Дан. II, 21.—IV, 22.—V, 21), и

какъ представителямъ Своей власти даетъ имъ участіе даже въ Своемъ Всевышнемъ Имени (Пс. LXXXV); ибо, какъ говорится въ книгѣ притчей, *въ Немъ и чрезъ Него, Вѣчную премудрость, царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду, вельможи величаются и властители держатъ землю* (VIII, 15, 16).

Очевидно, и Ветхій и Новый Завѣтъ утверждаютъ такимъ образомъ ту высокую мысль, что хотя *царствіе Божіе не отъ міра сего*, однако и сей міръ въ порядкахъ своихъ царствъ не существуетъ или не живетъ рѣшительно внѣ Бога или безъ Бога. И если апостолъ Павелъ по нѣкоторому особенному случаю говоритъ, что *Богъ не есть нестроенія, безпорядка Богъ* (1 Кор. XIV, 33); то порядокъ царствъ міра сего есть не только нѣчто вообще угодное Богу, но есть дѣло рѣшительно входящее въ пути Божественнаго міроправленія. Такъ углубляется значеніе права и справедливости на землѣ, и значеніе власти поддерживающей правосудіе.

Но, можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: не обожествляются ли такимъ образомъ царства земныя, и человѣческія временныя въ нихъ установленія не возводятся ли вмѣстѣ съ симъ на степень какъ бы божественнаго вѣчнаго закона? Если же нѣтъ; то какъ провести здѣсь границу между дѣломъ Божіимъ и дѣломъ человѣческимъ?—Это не напрасные вопросы; разрѣшеніе ихъ можетъ изъяснить въ основаніи наше убѣжденіе въ значеніи власти предержащей, можетъ показать глубокую, не всѣми видимую, истину этого убѣжденія, открывши глубину слова Божія, утверждающаго это убѣжденіе.

Нѣсть власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Какъ это, — гдѣ здѣсь собственно *учиненіе* или дѣло Божіе, и что составляетъ дѣло уже человѣческаго установленія? — *Се есть дѣло Божіе*, что какъ ни одинъ человѣкъ, такъ и ни одинъ народъ, равно и совокупность людей и народовъ не дѣлаютъ своей судьбы сами. Напротивъ, каждый народъ прежде всякой собственной дѣятель-

ности является уже *поставленнымъ* въ естественное, общественное, историческое положеніе, не имъ сдѣланное и положенное. Отъ одной крови Произведшій всѣхъ человѣковъ, — Онъ Творецъ разселилъ народы по всему лицу земному, опредѣливъ жительству каждаго предназначенныя времена и предѣлы, дабы каждый уже въ этомъ богоданномъ своемъ положеніи, какъ бы въ нѣкоторомъ образномъ словѣ Божіемъ — искалъ и узналъ волю Божію о себѣ: *да поне осяжутъ и обрящутъ* (Дѣян. XVII, 26, 27). Такъ, прямо неразличимымъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ образомъ, въ жизнеустройствѣ всякаго народа совмѣщается съ Божественнымъ устроеніемъ и человѣческое *исканіе* и *обрѣтеніе* какъ бы *по ощущенію*; или что̀ тоже — дѣло человѣческаго установленія зачинается и совершается въ сообразности съ устроеніемъ Божественнымъ или въ подчиненности сему устроенію.

Если теперь, это не мечтательное, но на словѣ Божіемъ основываемое соображеніе о народо-устройствѣ,—мы приложимъ собственно къ событію происхожденія *личной* власти въ народѣ: то поймемъ точно также, что и здѣсь всякой возможности и способности власти уже промыслительно предшествуютъ и видимыя естественныя опредѣленія и неисповѣдимыя духовно-историческія судьбы какъ основа, не дѣлаемая и не могущая быть дѣломъ отъ людей. Какъ самыя различія пола, возраста, брачнаго и семейнаго положенія, въ глубочайшемъ своемъ основаніи, не суть дѣла рукъ человѣческихъ: точно также различныя положенія въ народной жизни, различія по званію, состоянію, особенно же власти не достигаются толькою волею и дѣятельностію человѣческою безъ высшихъ міроправительныхъ судебъ, исторіею лишь проявляемыхъ. Такъ уже въ законѣ Моисеевомъ предъизображается почти за пятьсотъ лѣтъ народная династія царей Израиля. (Втор. XVII, 14—20). Такъ въ пророчествѣ Исаіи царемъ Персидскимъ именуется Киръ, когда сей еще и не родился. И такъ нѣтъ на землѣ силы, служащей къ поддержа-

нію права и справедливости, которая въ глубочайшемъ источникѣ и высшемъ началѣ не происходила бы свыше; какъ слово Божіе и открываетъ, что *нѣсть власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть*, или существуютъ Божіимъ устроеніемъ.

Не ясно ли теперь, какъ отчетливо и всеобъемлюще христіанское убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи власти, то есть въ происхожденіи ея отъ воли Божіей; и слѣдственно, по противоположности, — какъ односторонне и потому какъ неосновательно всякое иное мудрованіе? — Конечно, зависимостію происхожденія власти отъ воли Божіей еще не опредѣляется самое качество Божія въ семъ изволеніи; слѣдственно тѣмъ менѣе опредѣляется достоинство самихъ дѣйствій власти въ ея носителяхъ. Ибо уже отъ отношеній народа и его правителей къ Богу зависитъ собственно то, дается ли власть, господствующая по устроенію Божію,—дается ли волею милосердія, или волею гнѣва Божія (1 Цар. VIII; Осіи XI, 13). Притомъ воля Божія, во всѣхъ случаяхъ, никогда и ни въ какомъ положеніи человѣческомъ, не отнимаетъ у человѣковъ ихъ свободы, — какъ у носителей власти, такъ и у подвластныхъ ей. И вотъ чѣмъ изъясняются уже всѣ недостатки человѣческихъ учрежденій, и всѣ отклоненія отъ путей Божіихъ на тѣхъ или другихъ путяхъ народовластительства. Посему-то исторія даже преимущественнаго Богоправленія въ Ветхозавѣтномъ Израилѣ преисполнена примѣровъ такихъ печальныхъ отклоненій. Воля Божія, какъ дѣйствующая, всегда пребываетъ; но человѣческою средою она различно воспріемлется,—какъ свѣтъ различно преломляемый и умаляемый въ различныхъ средахъ, или же—какъ огнь воздуха, здоровымъ дыханіемъ воспріемлемый во здравіе, а болѣзненнымъ въ скорѣйшее ему разрушеніе. Въ семъ-то смыслѣ восклицаетъ царь псалмопѣвецъ: *со святымъ ты, Господи, поступаешь свято; съ человѣкомъ вѣрнымъ вѣрно, съ чистымъ чисто, съ лукавымъ вопреки ему* (Пс. XVII, 26, 27).

Послѣ сихъ размышленій поучительно намъ, Россіяне, примѣтить хотя нѣкоторыя судьбы Божія устроенія о нашемъ Отечествѣ и о предержащей въ немъ Власти.

Уже отъ начала нашей исторіи, по неисповѣдимой благости Промысла, какъ бы отъ самаго нашего младенчества народнаго, мы просвѣщены истиною Христовою, притомъ во всей чистотѣ ея исповѣданія. И мы знаемъ, а послѣ насъ еще болѣе увѣдаютъ, что въ этомъ именно дарѣ Божественномъ—вся сила и всё величіе жизни Россіи. Но примѣтьте, что сей животворящій свѣтъ, просвѣтившій нашихъ отцовъ, сей Божественный даръ былъ ниспосланъ къ нимъ *чрезъ престолъ Власти*. Какой святой союзъ народа и власти! Союзъ не только вообще богоизволенный, но еще благодатію Христовою запечатлѣнный!—Таковы начальныя судьбы Божія о Россіи устроенія.

Уразумѣете истину, и истина свободитъ вы. И такъ, съ Христовою истиною Россія уже отъ святаго князя Владиміра получила залогъ высшаго блага жизни. Но поелику это есть дѣйствительно высшее благо, даже—въ своемъ земномъ образѣ, въ образѣ земной свободы; то оно истинно и окончательно пріобрѣтается не вдругъ. И въ этомъ-то именно образѣ оно пріобрѣтается даже особенно медлительно. Однако не по чему другому, какъ по Премудрости міроправленія: стихійное рабство долженствуетъ упразднiться какъ послѣднее; всецѣло оно будетъ упразднено лишь подъ *новымъ небомъ и на новой землѣ, гдѣ будетъ жить полная правда*.—Но вотъ насталъ божественный часъ нѣкотораго освобожденія для Россіи. Откуда же это освобожденіе спизошло къ намъ? Безъ сомнѣнія, отъ истины Христовой, отъ *премудрости присѣдящей Божію престолу*, но—и не потому ли именно?—снизошло опять чрезъ земной престолъ Власти.—Какой *вѣнецъ* изначальнаго святаго союза!—Таковы послѣднія судьбы Божія о Россіи устроенія! Не довольно ли сего для спасительнаго намъ самопознанія въ настоящемъ и ради будущаго?

Боже Царю царей, благословившій насъ во Христѣ всякимъ духовнымъ и земнымъ благословеніемъ, чрезъ Помазанниковъ Своихъ! Да не будетъ положенъ предѣлъ силѣ Твоей Благодати обновляющей и возвышающей Россію! Продли Благочестивѣйшему Государю нашему *благословенія благости*, которыя уже *содѣлали его предметомъ вѣчныхъ благословеній*, да на вѣкъ и вѣкъ *возвеселится силою Господнею и возрадуется о спасеніи Господнемъ! — Вознесися Господи силою Твоею, воспоемъ и поемъ силы Твоя* (Пс. XX). Аминь.

ИДЕАЛЪ

НРАВСТВЕННО-ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ ХРИСТОВЫХЪ О БЛАЖЕНСТВѢ.

1. Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное.
2. Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.
3. Блажени кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю.
4. Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся.
5. Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.
6. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.
7. Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся.
8. Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное.
9. Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ (Матѳ. V, 3—12).

Обращаясь къ внутреннимъ особенностямъ, характеризующимъ евангельскія изреченія о блаженствахъ, мы замѣчаемъ въ нихъ слѣдующія черты:

Для изображенія духовныхъ совершенствъ, необходимыхъ послѣдователю Христову, Христосъ заимствуетъ образы изъ тѣхъ состояній дѣйствительной жизни, которыя считаются самыми тяжелыми и представители которыхъ главнымъ образомъ окружали Спасителя въ то время, когда Онъ изрекалъ свои заповѣди о блаженствахъ. Они, стоявшіе предъ Проповѣдникомъ въ своихъ нищенскихъ рубищахъ, со слезами на глазахъ, съ мучительнымъ ощущеніемъ голода, написаннымъ на ихъ лицахъ, бросались прямо въ глаза Проповѣднику, и среди нуждъ и огорченій, на которыя обрекала ихъ дѣйстви-

тельная жизнь, они, ближайшимъ образомъ, требовали успокоенія, которое и находили въ словахъ Проповѣдника, такъ какъ отселѣ они должны были понять, что ихъ состоянія, какъ бы они ни были понимаемы, еще не изъ самыхъ худшихъ, а даже въ извѣстномъ смыслѣ лучшія. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительное, а не мнимое только знакомство съ тѣми состояніями, о которыхъ говоритъ Онъ, этимъ людямъ скорѣе, чѣмъ кому-либо другому, дѣлало доступнымъ внутренній духовный смыслъ Его изреченій.

Новозавѣтный Законодатель научаетъ своихъ послѣдователей видѣть и находить блаженство въ томъ, въ чемъ естественный взглядъ, поддерживаемый жизненнымъ опытомъ, научаетъ видѣть и находить источникъ скорби и страданія. Онъ говоритъ: *блажени нищіи*, но кто не знаетъ, что нищета — состояніе далекое отъ блаженства и само по себѣ, помимо другихъ обстоятельствъ, не можетъ стать для человѣка источникомъ радости. Онъ продолжаетъ: *блажени плачущіи*, но кому не извѣстно, что плачъ, какъ выраженіе внутренняго страданія, есть состояніе прямо противоположное блаженству. *Блажени алчущіи и жаждущіи правды*, но голодъ и жажда— не только горькія, но даже ужасныя состоянія, состоянія самыя безотрадныя и т. д. И хотя эти состоянія берутся въ духовномъ смыслѣ, и такимъ образомъ устраняется возможность думать, что вещественная нищета, вещественные плачъ и голодъ одобряются Проповѣдникомъ, тѣмъ не менѣе, съ другой стороны, нельзя думать и того, чтобы образы, взятые І. Христомъ, не имѣли никакого отношенія къ прикрываемымъ ими мыслямъ. Высокое достоинство образовъ, особенно тѣхъ, которые употреблялъ І. Христосъ, и заключается именно въ томъ, что они не суть нѣчто случайное и внѣшнее по отношенію къ представляемому ими понятію, не являются формою, насильственнымъ образомъ навязанною извѣстной идеѣ, но стоятъ съ нею въ тѣсной органической связи. Если это вѣрно, то нужно согласиться, что и тѣ дѣйствительныя, вещественныя бѣдственныя состоянія, которыя упоминаются въ изрече-

ніяхъ о блаженствахъ, должны имѣть внутреннее отношеніе къ выражаемымъ ими духовнымъ совершенствамъ. Это отношеніе, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ:

Пониманіе, ощущеніе и сознаніе въ себѣ духовныхъ нуждъ и потребностей возможно только подъ условіемъ хотя нѣкотораго, хотя отчасти и въ нѣкоторой только степени, но дѣйствительнаго знакомства съ вещественными нуждами и потребностями. Въ противномъ случаѣ самое возникновеніе этихъ нуждъ и потребностей бываетъ затруднено, и при дѣйствительномъ присутствіи ихъ въ душѣ человѣкъ можетъ ошибиться относительно существа и свойства ихъ и относительно способовъ удовлетворенія ихъ, подобно тому, какъ человѣкъ, никогда не страдавшій какою-либо болѣзнію, легко не замѣтитъ первыхъ обнаруженій ея въ себѣ и замѣтивши легко можетъ ошибиться относительно свойствъ ея и способовъ лѣченія. Исключенія изъ этого положенія справедливо могутъ быть названы счастливыми и во всякомъ случаѣ встрѣчаются сравнительно гораздо рѣже, чѣмъ какъ это бываетъ у людей, знакомыхъ съ дѣйствительными состояніями. Кто даже въ малѣйшей степени не испытывалъ тѣхъ состояній, которыя въ высшей своей степени являются назойливыми ощущеніями голода и жажды, тотъ не пойметъ того, что называется душевнымъ голодомъ. У кого съ устъ не сходила веселая праздничная улыбка, для кого жизнь была бы пиромъ, тотъ не пойметъ терзаній духа, сѣтующаго о своихъ недостаткахъ и т. д. Вотъ почему всего удачнѣе опредѣлитъ и описатъ извѣстное психическое состояніе тотъ, кто не только въ себѣ замѣтилъ это состояніе, но знакомъ и съ аналогичными ему состояніями въ своей органической жизни. Вотъ почему и Христосъ Спаситель говоритъ о духовномъ голодѣ и жаждѣ или тѣмъ людямъ, которые несомнѣнно испытывали эти состоянія, или въ тѣхъ случаяхъ, когда Его слушатели находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что удовлетвореннаго голода или даже еще ощущаемаго. Вотъ почему и апостолы—лучшіе истолкователи мыслей своего Божественнаго Учителя—научали не пре-

зирать эти состоянія именно за то, что люди, находящіеся въ этихъ состояніяхъ, оказываются скорѣе въ числѣ избранныхъ. «Послушайте, братія мои возлюбленные, говоритъ напримѣръ ап. Іаковъ, *не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія*, которое Онъ обѣщалъ любящимъ Его?» (Іак. 2, 5). Очевидно, приведенныя слова апостола суть буквальное повтореніе и подтвержденіе перваго изреченія о блаженствѣ, но очевидно также, что бѣдные избираются не за то только, что они бѣдны, а за то, что ихъ бѣдность дѣлала ихъ болѣе способными къ внутреннему обогащенію. Другой же апостолъ приписываетъ людямъ, находящимся въ подобныхъ состояніяхъ нѣчто болѣе этой простой способности къ внутреннему усовершенствованію, съ вещественною нищетою связываетъ не обогащеніе только, а обладаніе уже богатствомъ. «Мы нищи, но многихъ обогащаемъ, мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ» (2 Кор. VI, 10). Хотя эти слова апостола должны быть ближайшимъ и главнымъ образомъ отнесены лично къ апостолу и къ его особенному служенію, но нельзя не замѣтить въ его словахъ признанія особыхъ преимуществъ вещественной нищеты, особенно нищеты произвольно избранной, каковою была нищета самого апостола, такъ какъ эта нищета становится носительницею высшихъ духовныхъ дарованій.

Такимъ образомъ знакомство съ тѣлесными нуждами и потребностями облегчаетъ пониманіе духовныхъ нуждъ, необходимое для духовнаго усовершенствованія человѣка. Но этимъ не высказывается еще все относительно важности знанія этихъ тѣлесныхъ потребностей въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія человѣка. Подобное знаніе облегчаетъ человѣку путь къ *возбужденію* въ себѣ тѣхъ или другихъ духовныхъ потребностей, будетъ ли это возбужденіе идти извнутри самого человѣка, какъ результатъ его самонаблюденія, или извнѣ—отъ внѣшняго ученія. Не легкое было бы дѣло и нерѣдко напрасны были бы попытки возбудить духовный голодъ и жажду въ томъ, кто имѣлъ возможность не только удовлетворить свой

голодъ при самомъ первомъ, слабомъ его пробужденіи, но и предупреждать его; самыя яркія и сильныя изображенія духовнаго голода могли бы дать самое смутное понятіе о немъ. Кто не носилъ рубища и не чувствовалъ стыда при видѣ своихъ худыхъ и заплатанныхъ одеждъ, тому мало доступны будутъ изображенія наготы духа и стыда при видѣ его рубищь. Не по этому ли Изрекшій ученіе о блаженствахъ въ другой разъ и при другихъ обстоятельствахъ высказалъ, какъ неудобно богатымъ войдти въ царство небесное. Напротивъ, эта задача, задача возбужденія въ душѣ человѣка мысли о своихъ духовныхъ нуждахъ и потребностяхъ, облегчается въ отношеніи къ людямъ, знакомымъ съ тѣлесными нуждами и потребностями; вотъ почему Изрекшій ученіе о блаженствахъ обращалъ къ таковымъ людямъ свое ученіе о духовномъ голодѣ и жаждѣ, въ таковыхъ людяхъ старался возбудить алчбу и жажду духа и таковымъ людямъ указывалъ на Себя, какъ на источникъ воды живой и на хлѣбъ, дающій жизнь вѣчную.

Облегчая человѣку возможность пониманія духовныхъ потребностей, служащихъ источникомъ нравственной дѣятельности человѣка, и путь къ возбужденію въ себѣ этихъ потребностей, указанныя состоянія служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ для человѣка съ одной стороны *залогомъ* и высшимъ ручательствомъ несомнѣнности ожидающаго за нихъ блаженства, съ другой—*источникомъ* и предначатіемъ *блаженства*. По внутреннимъ своимъ свойствамъ эти состоянія таковы, что съ самымъ существомъ ихъ нераздѣльно, такъ сказать, достиженіе блаженства, ибо, разъ поселившись въ душѣ человѣка, они составляютъ собою ту, постоянно живущую въ человѣкѣ силу, постоянно побуждающую его къ дѣятельности, вѣнцомъ и наградою которой будетъ блаженство, и такимъ образомъ связываютъ въ одно нераздѣльное цѣлое и начало и конецъ дѣятельности, такъ что начальныя движенія этой дѣятельности служатъ уже залогомъ и несомнѣннымъ ручательствомъ полученія конечной награды за дѣятельность. Но этого мало. Блаженство, связуемое съ этими состояніями, не есть по от

ношенію къ нимъ нѣчто будущее, грядущее, только ожидаемое, что вытекаетъ изъ самаго понятія залога и ручательства, но есть нѣчто присущее этимъ состояніямъ, ощущаемое сейчасъ, такъ что въ этомъ отношеніи указанныя состоянія могутъ быть названы источникомъ и предначатіемъ блаженства. Это положеніе требуетъ поясненія, ибо можетъ показаться, что оно оправдываетъ и узакониваетъ неестественное сочетаніе такихъ внутренно противоположныхъ явленій, какъ страданіе и блаженство, и первое ставитъ даже источникомъ блаженства. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь представляетъ подобное сочетаніе горя и радости, страданія и блаженства, слезъ и улыбки — подобное явленіе объясняютъ тѣмъ, что здѣсь къ горю и страданію — состоянію въ существенныхъ чертахъ своихъ остающемуся неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ, примѣшивается неуловимымъ для посторонняго глаза образомъ состояніе по своей природѣ чуждое первому и происходящее отъ представленія ожидаемыхъ благъ, или же объясняютъ такъ-называемымъ контрастомъ явленій, въ силу котораго степень удовольствія и наслажденія увеличивается пропорціонально степени предшествовавшаго ему огорченія, такъ что отъ послѣдняго зависитъ какъ будто не только въ своей степени, но и въ самомъ своемъ возникновеніи первое. Конечно, эти замѣчанія, по справедливости, *въ извѣстной степени* могутъ быть приложены къ тѣмъ, которые ублажаются въ изреченіяхъ о блаженствѣ, могутъ *отчасти* объяснить то, откуда заимствуютъ для себя блаженство нищіе, плачущіе, алчущіе, жаждущіе и т. д. Ибо и здѣсь пониманіе наградъ, обѣщаемыхъ Законодателемъ, доступнѣе и самыя награды ощутительнѣе—для тѣхъ, которые предварительно испытаютъ противоположныя тяжелыя состоянія; наслажденіе пріобрѣтеніемъ много зависитъ отъ горечи предшествовавшаго ему лишенія. Тотъ не пойметъ всей цѣны душевнаго спокойствія, кто не переживалъ душевныхъ тревогъ и бурь. Тотъ не оцѣнитъ важности насыщенія, кто не испытывалъ голода. Тѣмъ не менѣе должно сказать, что здѣсь нельзя объяснить

всего простымъ контрастомъ явленій, что здѣсь вопросъ не о степени, а о самомъ существѣ явленія. То блаженство остается все-таки чѣмъ-то привходящимъ отвнѣ, приносимымъ побочными представленіями, но не присущимъ самимъ этимъ состояніямъ. Возможность соединенія блаженства съ горькими состояніями, указываемыми въ изреченіяхъ, можно, кажется, объяснить слѣдующею, взятою на удачу, аналогіею. Мы, напримѣръ, знаемъ, что трудящійся человѣкъ отъ самаго труда получаетъ удовольствіе безъ отношенія къ тому, чѣмъ и какъ награждается его трудъ, и мы часто говоримъ о пріятности труда. Это потому, что трудъ составляетъ естественное и необходимое удовлетвореніе врожденному стремленію человѣка быть въ дѣятельности; не потому мы ублажаемъ трудъ, что послѣ него пріятенъ отдыхъ, а напротивъ самъ по себѣ трудъ пріятенъ. Мы забываемъ о томъ напряженіи силъ, какое требуется трудомъ и которое дѣлаетъ его состояніемъ все-таки не безболѣзненнымъ. Это одинаково относится какъ къ труду физическому, такъ и къ труду умственному, какъ къ напряженію умственныхъ силъ, такъ и физическихъ. Тоже самое должно быть сказано и о томъ нравственномъ трудѣ, главнѣйшіе виды котораго указываются въ изреченіяхъ о блаженствахъ и о томъ напряженіи нравственныхъ силъ, случаи котораго тамъ перечисляются. Вотъ въ какомъ смыслѣ, кажется, прежде всего нужно говорить о блаженствѣ нищихъ, плачущихъ и т. д. Блаженство принадлежитъ имъ не въ томъ только смыслѣ, что они какъ пережившіе предварительныя муки голода и жажды, изстрадавшіеся отъ горя и нищеты, въ состояніи истинно ощущать отраду наградъ, возвѣщаемыхъ въ изреченіяхъ, но и въ томъ, что самыя эти ихъ состоянія, будучи дѣятельностію свойственною нравственной природѣ души и удовлетворяющею ея кореннымъ нравственнымъ потребностямъ, доставляютъ ей тѣмъ самымъ блаженство. Изъ всего этого видно, что Божественный Учитель нравственности даетъ то, чего не даютъ никакія другія нравоученія, именно сочетаваетъ во едино съ дѣятельностію награду за

дѣятельность, научаетъ тому, что не удается ни одному моралисту, именно, чтобы человѣкъ въ самой своей дѣятельности находилъ и высшее вознагражденіе за свою дѣятельность. Всякое другое предписаніе, правило, будетъ ли оно изъ рода моральныхъ, но составленное обыкновеннымъ моралистомъ, или какого другаго рода, требуетъ отъ человѣка извѣстныхъ лишеній, пожертвованій и потому всегда соединено съ чувствомъ отягощенія, болѣе или менѣе ясно сознаваемымъ. И если въ такомъ случаѣ человѣкъ испытываетъ удовольствіе при отправленіи своей дѣятельности, то это удовольствіе не есть нѣчто, вытекающее изъ самой дѣятельности, а нѣчто внѣшнее, привходящее со стороны, приносимое представленіемъ о наградѣ, ожидающей за трудъ. Это—удовольствіе поденщика, происходящее отъ представленія заработной платы. Изъ этого видно, далѣе, что напрасно кто-либо сталъ бы слышать въ изреченіяхъ о блаженствахъ скорбные звуки, видѣть покровъ печали и грусти, набрасываемый на дѣятельность христіанина, необходимость свѣтлую картину жизни оттѣнять мрачными красками. Скорѣе, на оборотъ, Законодатель научаетъ видѣть сіяніе радужныхъ цвѣтовъ на самыхъ, по видимому, горькихъ явленіяхъ жизни, желаетъ видѣть лице своего послѣдователя не столько омраченнымъ грустію, сколько сіяющимъ отъ полноты внутренняго блаженства, подобно тому, какъ сіяетъ отъ полноты внутренняго довольства лице человѣка, въ свойственномъ его природѣ трудѣ находящаго особое удовольствіе.

Обращая вниманіе на взаимное отношеніе и внутреннюю связь изреченій о блаженствѣ, мы не можемъ прежде всего не замѣтить извѣстнаго распредѣленія ублажаемыхъ подвиговъ, восхожденія отъ однихъ подвиговъ къ другимъ. Въ этомъ отношеніи ублажаемые подвиги распадаются такъ сказать на два класса. Къ одному относятся подвиги болѣе *страдательнаго*, пассивнаго характера, къ другому болѣе *дѣятельнаго*, активнаго характера. Но при этомъ между тѣми и другими есть строгое соотвѣтствіе, такъ что тотъ или другой подвигъ вто-

раго рода можно назвать практическимъ выраженіемъ того или другаго соотвѣтствующаго ему подвига перваго рода. Къ первому разряду, къ разряду добродѣтелей, названныхъ нами добродѣтелями страдательнаго характера, относятся ублажаемыя въ первыхъ четырехъ изреченіяхъ о блаженствахъ. Какъ въ естественной жизни состоянія нищеты, плача, голода и жажды суть такія состоянія, впасть въ которыя въ большей части случаевъ зависитъ не отъ воли человѣка, падъ возникновеніемъ и силою которыхъ человѣкъ часто не имѣетъ власти, такъ точно въ духовной жизни таковыми же въ извѣстной степени должны быть признаны аналогичныя имъ состоянія. Конечно, и здѣсь, и въ этихъ состояніяхъ человѣкъ долженъ быть признанъ болѣе или менѣе властнымъ, иначе бы эти подвиги не были ублажаемы; подвига, заслуги нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ власти и воли человѣка. Есть ли какой-либо подвигъ, заслуга со стороны человѣка въ томъ, что онъ бѣденъ, плачетъ, голодаетъ? Это не зависящія отъ человѣка состоянія. Только когда мы видимъ, что человѣкъ борется съ бѣдностію, когда видимъ силу, съ какою человѣкъ преодолѣваетъ самыя назойливыя требованія своей природы, — будетъ ли онъ то совершать во имя какихъ-либо особыхъ принциповъ, или по другимъ какимъ причинамъ,—мы считаемъ это съ его стороны подвигомъ. Это тѣмъ болѣе должно быть сказано о добродѣтеляхъ, ублажаемыхъ первыми четырьмя изреченіями. Мы не безъ причины называемъ ихъ подвигами. Съ понятіемъ подвига тѣсно соединяется понятіе добровольнаго избранія, безропотнаго несенія того или другаго состоянія; мы знаемъ, что человѣкъ въ извѣстной степени имѣетъ возможность возбуждать въ себѣ эти состоянія. Но при всемъ томъ все-таки въ этихъ добродѣтельныхъ состояніяхъ преобладающимъ будетъ элементъ пассивный. Къ другой группѣ добродѣтелей относятся добродѣтели активныя; быть милостивымъ, миротворцемъ,—это значитъ постоянно творить дѣла, обозначаемыя этими названіями. Но при этомъ, сказали мы, между обѣими группами добродѣтелей есть строгое соотвѣтствіе, луч-

ше сказать, совпаденіе, такъ что та или другая добродѣтель 1 рода находитъ себѣ соотвѣтствіе въ той или другой добродѣтели втораго рода (1 и 5, 2 и 6, 3 и 7, 4 и 8). Добродѣтель перваго рода (1) требуетъ, чтобы человѣкъ сознавалъ себя бѣднымъ, *нищимъ*, значитъ нуждающимся въ *милости* другаго: соотвѣтствующая ей добродѣтель втораго рода (5) требуетъ, чтобы человѣкъ самъ былъ *милостивымъ* къ другимъ. Добродѣтель перваго рода (3) требуетъ, чтобы человѣкъ былъ кротокъ, не подавалъ поводовъ къ ссорамъ и несогласіямъ: соотвѣтствующая ей добродѣтель втораго рода (7) требуетъ, чтобы не только самъ не подавалъ поводъ къ несогласію, но и устранялъ подобные поводы къ несогласію между другими. Добродѣтель перваго рода требуетъ, чтобы человѣкъ любилъ правду и искалъ ее (4): соотвѣтствующая ей добродѣтель втораго рода (8) требуетъ, чтобы онъ не только любилъ ее, но и водворялъ ее между другими. Вѣнцомъ всѣхъ добродѣтелей стоитъ приниманіе злословія за правду Христову. Она и страдательнаго характера, на сколько въ пассивномъ состояніи находится человѣкъ, котораго поносятъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и активнаго рода, на сколько добровольное и радостное принятіе ея зависитъ отъ человѣка. Въ другомъ отношеніи ублажаемые подвиги распадаются на два класса сравнительно *легкіе* и сравнительно *трудные*. Основаніе этого дѣленія не трудно понять послѣ того, что только-что сказано; нечего говорить, что къ легкимъ должны быть отнесены пассивныя, а къ труднымъ активныя добродѣтели. Быть въ извѣстномъ состояніи, испытывать и ощущать что-либо—дѣло сравнительно не трудное; тутъ не требуется особаго напряженія силъ; тутъ вся заслуга заключается только въ непротиводѣйствіи. Быть кроткимъ, не давать поводовъ къ несогласію, держаться вдалекѣ отъ этихъ поводовъ совершенно не то, что вмѣшиваться самому въ людскія отношенія съ примирительными цѣлями; первое сравнительно легче и людей перваго рода больше сравнительно съ людьми втораго рода. Но эта легкость сравнительно относительная и можетъ быть приписываема извѣстному подвигу только при срав-

ненія его съ подвигомъ высшаго порядка. Разсматриваемый же самъ въ себѣ, онъ все таки подвигъ и служитъ достоинствомъ и упражеиіемъ человѣка, ибо отъ человѣка требуются извѣстныя усилія для того, чтобы воспитать въ себѣ то или другое состояніе, ставшее потомъ пассивнымъ, требуется внутренняя работа надъ самимъ собою, чтобы, наприм., стать незлобивымъ, побѣдить враждебное настроеніе по отношенію къ тому или другому человѣку. Подвиги же втораго порядка требуютъ во первыхъ, отъ человѣка болѣе самоотверженія, а во вторыхъ, постояннаго напряженія духа, постоянныхъ усилій, нужныхъ не для воспитанія только въ себѣ того или другаго настроенія, но и во все продолженіе жизни человѣка.—Отсюда ясно, что подвиги втораго рода имѣютъ *болѣе цѣны* и достоинства, чѣмъ подвиги перваго рода, ибо пока извѣстное состояніе кроется въ глубинѣ души, дотолѣ его можно считать не достигшимъ свойственной ему силы, но, развившись и созрѣвши вполнѣ въ человѣкѣ, оно необходимо возбуждаетъ и его дѣятельныя силы и потому вполнѣ заслуживаетъ въ этомъ случаѣ большаго похваленія. Вотъ почему и награды за эти подвиги обѣщаются высшія сравнительно съ наградами за подвиги перваго рода.—Наконецъ, подвиги, ублажаемые въ изреченіяхъ о блаженствахъ, могутъ быть раздѣлены на *внутреніе* и *внѣшніе*, поставленные между собою въ такомъ отношеніи, что внѣшній подвигъ является необходимымъ выраженіемъ предшествовавшихъ ему внутреннихъ подвиговъ и вмѣстѣ съ ними составляетъ, такъ сказать, особую группу. Съ этой точки зрѣнія подвиги, ублажаемые въ изреченіяхъ о блаженствахъ, распадаются на три группы. Къ первой группѣ относятся: сознаніе собственныхъ недостатковъ и сѣтованіе о нихъ, нищета духа и плачъ, какъ извѣстныя *внутреннія* состоянія души и, какъ *внѣшнее* выраженіе ихъ—снисходительное отношеніе къ недостаткамъ другихъ — кротость. Ко второй группѣ: мучительное ощущеніе неудовлетворенности духа и желаніе средствъ удовлетворить назойливыя потребности души—какъ *внутреннее* состояніе, и готовность

помочь другимъ, находящимся въ подобномъ положеніи, пониманіе нуждъ другаго, милость, какъ *внѣшнее* выраженіе этого. Къ третьей группѣ: чистота сердца, неосквернённаго грѣшнымъ желаніемъ, не запятнаннаго преступнымъ намѣреніемъ, не омраченнаго лживою мыслію, какъ *внутреннее* состояніе, и устраненіе въ другихъ преступленій и лжи, какъ *внѣшнее* выраженіе ея.

Обращая вниманіе на переходъ отъ одного изреченія къ другому, мы замѣчаемъ строгую постепенность восхожденія въ размѣщеніи подвиговъ, по которой каждый послѣдующій подвигъ является или естественнымъ слѣдствіемъ или естественнымъ выраженіемъ предшествующаго подвига. Это мы отчасти уже сейчасъ видѣли,—большее разъясненіе оставляемъ до разсмотрѣнія каждаго изреченія порознь.

Нѣчто особенное въ изреченіяхъ о блаженствахъ представляютъ награды, обѣщаемыя за то или другое совершенство. Нѣкоторыя изъ этихъ наградъ поражаютъ своею неожиданностію по своей прямой противоположности съ тѣми состояніями, за которыя онѣ обѣщаются. Такъ наприм. первое изреченіе обѣщаетъ нищимъ царство небесное. Нищій—это человѣкъ, нуждающійся въ необходимыхъ средствахъ къ жизни, лишенный необходимаго одѣянія, живущій мірскимъ подаяніемъ. И вдругъ ему обѣщается царство—полный избытокъ въ богатыхъ и роскошныхъ средствахъ жизни, совершенная независимость отъ другихъ и прочія высокія преимущества, соединенныя или съ царскимъ достоинствомъ, или съ близостію къ царскому престолу. Въ устахъ кого либо другаго это могло бы показаться ироніею, горькою насмѣшкою, сарказмомъ надъ бѣдностію, коей обѣщается то, что относится къ міру несбыточныхъ мечтаній. Ты —нищій, тебѣ негдѣ главу приклонить, успокойся, ты будешь жить въ царскихъ чертогахъ; тебѣ нечѣмъ прикрыть свою наготу, не сѣтуй—ты будешь одѣваться въ драгоцѣнныя одежды. Или наприм., въ третьемъ изреченіи, кроткимъ обѣщается обладаніе вселенною. Распространеніе и утвержденіе земнаго владычества всегда совер-

шается при посредствѣ огня и меча, требуетъ отъ завоевателя нѣкоторой жестокости сердца, спокойствія при видѣ жертвъ, поядаемыхъ огнемъ, истребляемыхъ мечемъ; кротость здѣсь скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ дѣлу. Понятное дѣло, что кроткій, которому должны быть чужды эти средства распространенія и утвержденія своего владычества, способенъ не столько распространять и приращать, сколько терять свое. И вдругъ ему обѣщается именно то, чего онъ не могъ ожидать—обладаніе вселенною. Подобнаго же рода и 8 изреченіе. Гонимымъ, т.-е. тѣмъ, которымъ не только отказываютъ въ пріютѣ, но подвергаютъ преслѣдованію, слѣдовательно людямъ, не имѣющимъ пристанища и обреченнымъ на всѣ неудобства жизни безпріютной, обѣщается царство, опять нѣчто совершенно неожиданное, не простой только пріютъ, или теплый уголъ, но всѣ удобства жизни во дворцѣ. Этимъ Законодатель хотѣлъ показать, что въ мірѣ духовныхъ состояній и отношеній бываетъ не такъ, какъ въ мірѣ земныхъ и вещественныхъ отношеній, что тамъ, выражаясь словами знаменитаго учителя нашей церкви, «отдаленное содѣлывается близкимъ и чуждое собственнымъ, высокое и низкое равнымъ предъ лицомъ Всевышняго» [1]) иначе сказать, что тамъ не положено между состояніями такихъ непроходимыхъ преградъ, которыя бы дѣлали недоступнымъ достиженіе высшихъ степеней для состояній низшихъ, которыя бы закрывая для низшихъ доступъ къ высшимъ состояніямъ, тѣмъ самымъ ограничивали бы и желаніе ихъ расширять кругъ своей дѣятельности и безостановочно совершенствоваться, что въ царствѣ духа самыя великія завоеванія совершаются не при помощи меча и ужасовъ войны, но кроткими мѣрами. Но если однѣ изъ наградъ поражаютъ своею блистательностію и прямою противоположностію тѣмъ состояніямъ, съ которыми онѣ соединяются, то съ другой стороны

---

[1]) Слово митрополита *Филарета* въ день вѣнчанія на царство Государя Александра Павловича, говоренное 1823 г.

другія изъ наградъ поражаютъ своею простотою и близостію къ тому состоянію, съ которымъ соединяются. Таковы награды, возвѣщаемыя во 2, 4 и 5 изреченіяхъ о блаженствахъ: плачущему обѣщается простое только утѣшеніе, алчущему—удовлетвореніе чувства голода, милостивому—милость къ нему. Если въ отношеніи къ подвигамъ и добродѣтелямъ Новаго Завѣта Законодатель не стѣсняетъ какими-нибудь границами, очерченными разъ на всегда и для всѣхъ неизмѣнно одинаковыми (что уже мы видѣли), но ставитъ своего послѣдователя на такую точку, съ которой цѣль его дѣятельности и близка къ нему и далека, такъ что не долженъ онъ счесть себя достигшимъ требуемаго совершенства, но и не долженъ считать идеалъ совершенства недосягаемымъ, точно также поступаетъ онъ и въ отношеніи къ наградамъ. Чтобы человѣкъ не устрашился великости награды, не счелъ бы ее недосягаемою, а потому и самаго подвига, такъ награждаемаго, не счелъ бы для себя недоступнымъ, или, чтобы человѣкъ не успокоился легкостію полученія самой высокой награды и не умалилъ бы потому и самого подвига, Изрекающій блаженства изрекаетъ, что награда и близка къ человѣку и далека, и тѣмъ обязываетъ его постоянно стремиться къ ней. Наконецъ, разсмотрѣніе сущности и свойства наградъ показываетъ, что однѣ изъ нихъ, если дозволено будетъ такъ выразиться, привязаны къ землѣ, носятъ на себѣ печать земныхъ отрадъ (2, 3, 4 и 5 изреченія), другія, напротивъ, носятъ на себѣ печать небеснаго сіянія; однѣ обѣщаются человѣку въ сферѣ земныхъ, знакомыхъ человѣку наслажденій, другія ставятъ его лицомъ къ лицу предъ престоломъ Всевышняго (6, 7, 8 и 9 изреченія). Можно приписывать этому обстоятельству такое значеніе, что этимъ Іисусъ Христосъ хотѣлъ внушить своимъ послѣдователямъ, что награды имъ за ихъ добродѣтели могутъ послѣдовать еще на землѣ, что они могутъ обрѣтать себѣ царство небесное и въ предѣлахъ земной жизни, въ кругу земныхъ предметовъ, въ сферѣ земныхъ отношеній,—это тоже самое, что сказалъ тотъ же божественный Учитель, что царствіе Божіе внутрь васъ есть. Съ другой стороны то обстоятель-

ство, что эти награды изображаются земными чертами, свое объясненіе можетъ находить въ особомъ отношеніи этихъ наградъ къ тѣмъ подвигамъ, съ которыми онѣ связаны. Все земное, все, запечатлѣнное печатію земли, какъ бы ни было оно само по себѣ невинно, безконечно ниже всего, на чемъ видно сіяніе небесныхъ лучей. Значитъ, награды эти показываютъ, что и эти подвиги уступаютъ другимъ подвигамъ, потому иначе и награждаются. Да, наконецъ, человѣку, привыкшему къ полумраку земли показать прямо блескъ и сіяніе вѣчнаго свѣта было неудобно; нужно было постепенно переводить его въ болѣе и болѣе освѣщаемые круги, пока онъ станетъ въ состояніи зрѣть и любить сіяніе вѣнцовъ славы, которыми сіяютъ достигающіе высшихъ степеней блаженства, потому что болѣе труждаются.

Вообще же о всѣхъ наградахъ, упоминаемыхъ въ изреченіяхъ о блаженствахъ, должно сказать, что, не смотря на указанныя различія между собою, всѣ онѣ относятся къ одному и тому же роду, по своему существу и характеру всѣ онѣ одной природы, всѣ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, очерченное однимъ кругомъ. Это видно изъ того, что самая первая награда, возвѣщаемая за исполненіе начальнаго подвига (1 изреченіе) и самая послѣдняя за соблюденіе верховнаго подвига (8 изреченіе) тожественны. Это есть царство небесное. Эта награда и составляетъ собою тотъ кругъ, въ которомъ заключены, въ которомъ движутся всѣ остальныя награды; значитъ, всѣ награды по своей природѣ относятся къ тому, что называется царствомъ небеснымъ.

Надъ всѣми этими наградами возвышается возвѣщаемая въ 9 изреченіи. Это награда неизреченная,—въ человѣческой рѣчи нѣтъ словъ, образовъ и подобій, достаточныхъ для изображенія этой награды; поэтому она и стоитъ особо надъ всѣми прочими, которыя ниже ея уже потому, что изображаются знакомыми человѣку чертами и словами.

Свящ. М. Воздвиженскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МОРМОНЫ

(РЕЛИГІОЗНАЯ СЕКТА ВЪ АМЕРИКѢ).

X.

Чрезъ восемь недѣль послѣ описанныхъ событій — (въ то время, когда весь американскій народъ занятъ былъ торжествомъ въ память учрежденія конституціи Сѣверо-американскихъ Штатовъ, и когда стража изъ патріотизма напилась допьяна), пророкъ и другіе бывшіе съ нимъ старѣйшины бѣжали изъ тюрьмы и благополучно достигли Миссисипи, на лѣвомъ берегу которой въ штатѣ Иллиноисѣ мормоны разсѣялись и блуждали въ окрестностяхъ Квинци, добывая себѣ разнаго рода работами насущное пропитаніе. Отсутствіе пророка и надежды на поданную Ригдономъ жалобу не позволяли «святымъ» предпринимать что-либо опредѣленное для дальнѣйшаго существованія. Какъ мы сказали, они по большей части нанимались у окрестныхъ жителей и своимъ прилежаніемъ и трезвостію до того понравились имъ, что цѣна на ихъ трудъ была довольно высокая и многіе изъ нихъ заработали себѣ достаточно денегъ. Какъ только пророкъ выступилъ на лѣвый берегъ Миссисипи, вѣсть объ этомъ быстро распространилась по всей окрестности и къ нему съ разныхъ сторонъ толпами шли не только мормоны, но и язычники. Пророкъ собралъ святыхъ; въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, окруженный тысячами слушателей, произнесъ краснорѣчивую и одушевленную

рѣчь, въ которой доказывалъ невинность мормоновъ и жестокость и безчеловѣчность ихъ гонителей. Въ рѣчи его не было впрочемъ того фанатическаго жара и ненависти къ язычникамъ, которые характеризовали проповѣди Ригдона и другихъ старѣйшинъ секты, отъ того ею одинаково восхищались какъ мормоны, такъ язычники, и ея дѣйствіе было въ высшей степени благотворно для святыхъ. Послѣ этого пророкъ немедленно же приступилъ къ избранію пригоднаго мѣста для поселенія святымъ. Для этого онъ объѣхалъ большую часть Иллинойса и остановился на одной болотистой мѣстности не подалеку отъ береговъ Миссисипи, гдѣ по его указанію долженъ былъ возникнуть новый городъ, названный пророкомъ Науво, что на новоегипетскомъ языкѣ значитъ красивый. Мѣстность дѣйствительно была красивою и избраніе ея обнаруживало въ пророкѣ большой практическій смыслъ и тактъ. Купивши законнымъ порядкомъ мѣстность, мормоны прежде всего приступили къ осушкѣ болотъ. Эта работа продолжалась нѣсколько лѣтъ и стоила жизни многимъ переселенцамъ. Но трудолюбіе мормоновъ восторжествовало надъ природою. Болотистая пустыня вскорѣ обратилась въ хорошо обработанную страну; городъ возникалъ весьма быстро; были проложены широкія улицы, выстроены дома съ большими садами. Торговля и ремесла стали процвѣтать, появились торговые пароходы; въ окрестностяхъ устроено было значительное число фермъ, многочисленный скотъ оживлялъ холмистые луга; народонаселеніе увеличивалось весьма быстро новыми переселенцами.

Между тѣмъ пророкъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы выхлопотать новому городу какъ можно больше льготъ. Для этого онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался раздоромъ партій и обѣщалъ свое содѣйствіе на выборахъ той изъ нихъ, которая дастъ больше льготъ новому городу. Этимъ путемъ онъ выхлопоталъ для Науво двѣ весьма важныя хартіи. По одной изъ нихъ управленіе въ Науво совершенно предоставлялось мѣстнымъ жителямъ, такъ что даже власти штата не могли имѣть вліянія на распоряженія начальниковъ города, и

законы штата такимъ образомъ не были обязательны для мормоновъ. Въ силу другой хартіи въ Науво учрежденъ былъ особый городской легіонъ, который былъ совершенно независимъ отъ военной организаціи штата. Онъ состоялъ изъ 4-хъ тысячъ человѣкъ, подчинялся только мѣстному губернатору и имѣлъ свой собственный судъ. Губернаторомъ Науво былъ избранъ въ 1839 году Іосифъ Шмидтъ. Онъ принималъ участіе въ законодательствѣ, въ управленіи, въ судахъ; былъ главнымъ начальникомъ легіона, отъ котораго получилъ титулъ генералъ-лейтенанта, и въ тоже время былъ пророкомъ, первосвященникомъ и ревностнымъ миссіонеромъ новаго ученія. Чтобы еще болѣе воодушевить вѣрующихъ, Шмидтъ объявилъ имъ великое откровеніе, по которому Науво долженъ быть столпомъ церкви и вѣрующіе въ честь Господа долженствовали построить великолѣпный храмъ. Въ 1842 году приступлено было къ сооруженію новаго храма по плану самого пророка, мѣстами впрочемъ исправленному язычникомъ архитекторомъ. Но эта постройка требовала громадныхъ средствъ. Кажется, въ виду этого, Шмидтъ ввелъ въ свое исповѣданіе новое ученіе о крещеніи за умершихъ, по которому живущіе могли креститься за умершихъ родственниковъ и друзей и чрезъ то доставить имъ мѣсто въ царствіи небесномъ. Это крещеніе могло быть исполнено только въ храмѣ, который поэтому мормоны спѣшили окончить, какъ можно, скорѣе. Далѣе для той же цѣли кромѣ установленной десятины назначенъ былъ еще чрезвычайный налогъ.

Подъ вліяніемъ гоненій энергія и фанатизмъ мормоновъ развивались съ возрастающею силою. Принимая волю пророка за голосъ самого неба, вѣрующіе охотно платили часть своего имущества на домъ Богу и Его пророку. Но нашлись нѣкоторые и притомъ люди достаточные, которымъ не нравились эти сборы и которые желали уклониться отъ нихъ. Такимъ людямъ мормоны предлагали добровольно выѣхать изъ города, и если они добровольно не соглашались, прибѣгали къ разнымъ оригинальнымъ способамъ изгнанія. Одинъ изъ нихъ, назы-

ваемый «срѣзываніемъ,» состоялъ напр. въ томъ, что три человѣка садились къ двери недовольнаго, отъ котораго желала избавиться община и принимались карманнымъ ножемъ рѣзать палку. Когда недовольный выходилъ изъ дома, они пристально смотрѣли на него и, не произнося ни слова, продолжали рѣзать палку. Если недовольный выходилъ со двора, они слѣдовали за нимъ; если онъ входилъ въ какой-либо домъ, они останавливались предъ этимъ домомъ и ждали. Просьбы или брань недовольнаго были напрасны; три человѣка не произносили ни слова, не смѣялись, пристально смотрѣли на него и продолжали рѣзать палку. Уличные мальчишки собирались около этой группы, каждый встрѣчный внимательно осматривалъ недовольнаго, и эта безмолвная свита становилась наконецъ невыносимою. Далѣе трехъ дней преслѣдуемый не выдерживалъ этой пытки, онъ вступалъ въ переговоры, продавалъ недвижимое имущество и выѣзжалъ изъ города. Этимъ и другими подобными путями община избавлялась отъ ненравившихся ей людей, но этимъ же самымъ она приготовляла для себя и злѣйшихъ враговъ.

Какъ бы то ни было впрочемъ, только въ это время мормонизмъ находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ мирной и плодоносной странѣ, съ народонаселеніемъ трудолюбивымъ и смышленымъ, соединеннымъ въ одно религіозное братство, подъ защитою властей штата, Науво представлялъ картину полнаго довольства и благоденствія. Народонаселеніе быстро возрастало вслѣдствіе ежегодныхъ эмиграцій. Для распространенія новаго ученія, Шмидтъ черезъ каждые полгода собиралъ церковныя собранія и разсылалъ миссіонеровъ во всѣ страны свѣта. Наибольшее сочувствіе новое ученіе находило въ Англіи, гдѣ проповѣдывали краснорѣчивые апостолы Юнгъ, Кимбаль и Пратъ. Войско подъ главнымъ начальствомъ самого пророка состояло изъ 4000 человѣкъ и было прекрасно устроено и обучено. Число всѣхъ мормоновъ въ Америкѣ и Европѣ простиралось къ этому времени до полутораста тысячъ человѣкъ. Ученые богословы, какъ напримѣръ

Спенсеръ, Пратъ, защищали вѣроученіе «святыхъ»; Миссъ Элиза Сноу писала гимны и воспѣвала умершихъ; четыре газеты объясняли духовныя и свѣтскія дѣла секты и сообщали подробности о жизни и нравахъ мормоновъ. Такъ въ «Ньюйоркскомъ Вѣстникѣ,» одной изъ періодическихъ газетъ, органѣ мормоновъ, говорится о пророкѣ: «Іосифъ Шмидтъ, глава церкви, пророкъ, духовидецъ и президентъ имѣетъ отъ роду 36 лѣтъ, 6 футовъ росту, вѣситъ 212 фунтовъ. Человѣкъ этотъ обладаетъ особенными дарами природы и непреклонностію воли; сильный въ непорочности и богодохновенный въ своей религіи, какъ глава—онъ разсудителенъ, щедръ и безпристрастенъ; какъ военачальникъ храбръ и рѣшителенъ; какъ гражданинъ исполненъ достоинства, доброты и снисходительности; онъ простъ въ обращеніи съ другими и безкорыстенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.» Въ другомъ мѣстѣ: «Іосифъ Шмидтъ, пророкъ мормоновъ, представляетъ собою особенную личность. Онъ живетъ въ отели Науво, которая служитъ отдохновеніемъ путешественникамъ и убѣжищемъ для странниковъ. Пророкъ дружественъ, любезенъ и обходителенъ и когда мы видѣли его въ разговорѣ съ братомъ Хирумомъ,—намъ казалось, что предъ нами два величайшіе мужа девятнадцатаго столѣтія.»

Дѣйствительно, съ увеличеніемъ могущества секты положеніе пророка становилось болѣе и болѣе виднымъ, потому что все это могущество группировалось около него и было ему во всемъ послушно. Это былъ уже не тотъ «копитель денегъ» бѣдный Джоэ, котораго порядочные люди не хотѣли принимать въ домъ свой,—онъ былъ теперь извѣстнѣйшимъ и быть можетъ могущественнѣйшимъ частнымъ человѣкомъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Кромѣ разнаго рода печатныхъ панигириковъ, постоянно помѣщавшихся во многихъ газетахъ, Шмидтъ съ лучшей стороны извѣстенъ былъ народу по разсказамъ безчисленныхъ миссіонеровъ его ученія, проповѣдывавшихъ не только во всѣхъ владѣніяхъ Соединенныхъ Штатовъ, но и за границею. Кромѣ того, въ высшихъ правительственныхъ кружкахъ Шмидтъ былъ извѣстенъ, какъ вліятельнѣйшій част-

ный человѣкъ, къ которому многіе должностныя лица писали письма иногда заискивающаго свойства, прося его содѣйствія на выборахъ или поддержки въ борьбѣ партій.

Мало того, вліятельное положеніе въ обществѣ возбудило въ мормонскомъ пророкѣ честолюбивое желаніе самому выступить кандидатомъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ. Этому желанію пророка предшествовало печатное заявленіе, сдѣланное въ мормонскомъ органѣ «Times and Seasons.» «Поднимается вопросъ, говорилъ неизвѣстный авторъ заявленія, кого должны поддерживать мормоны на предстоящихъ выборахъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ? Генерала Іосифа Шмидта, человѣка испытаннаго достоинства, справедливаго и геніальнаго, человѣка, который, происходя изъ самаго низшаго класса, своими личными достоинствами проложилъ себѣ широкій путь и стоитъ теперь во главѣ великаго, могущественнаго, разумнаго, достопочтеннаго и постоянно возрастающаго общества, распространяющагося не только повсемѣстно въ этой странѣ, но и между другими націями; человѣка, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ способностямъ далеко выдающагося изъ ряда обыкновенныхъ людей; опытность и предпріимчивость котораго во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Достопочтенный, неустрашимый и дѣятельный, онъ будетъ творить судъ и правду съ полнымъ безпристрастіемъ человѣка, не принадлежащаго ни къ какой партіи, и вполнѣ оправдаетъ надежды народа. Мы твердо увѣрены, что во всей странѣ нѣтъ ни одного болѣе достойнаго для предстоящей должности человѣка и надѣемся, что тоже убѣжденіе раздѣляютъ съ нами всѣ, кто только имѣлъ счастіе ближе познакомиться съ генераломъ Іосифомъ Шмидтомъ.» Вслѣдъ за этимъ пророкъ издалъ отъ своего имени адресъ къ народу подъ заглавіемъ: «взгляды генерала Шмидта на правленіе и политику Соединенныхъ Штатовъ.» Рожденный въ странѣ свободы и дыша воздухомъ, не испорченнымъ вліяніемъ варварскихъ поясовъ,—такъ начинаетъ пророкъ свой адресъ,—я всегда вдвойнѣ заботился о счастіи лю-

дей, какъ въ этой жизни, такъ и въ вѣчности. Мои мысли долго безпокоили меня, когда я всматривался въ положеніе людей какъ во всемъ мірѣ, такъ особенно въ этой достославной странѣ, гдѣ стремленіе къ независимости и любовь къ свободѣ до того сильны, что «само собою понятными считаются тѣ истины, что Творецъ создалъ всѣхъ людей равными, что Онъ одинаково надѣлилъ ихъ извѣстными неотъемлемыми правами и что стремленіе къ счастію и свобода — основные законы человѣческой жизни, — но гдѣ въ тоже самое время два или три милліона людей проводятъ въ рабствѣ всю свою жизнь потому только, что живущій въ нихъ духъ облеченъ кожею болѣе черною, чѣмъ наша,—и гдѣ цѣлыя сотни людей нашего собственнаго рода за незначительныя преступленія или же даже по одному только подозрѣнію въ преступленіи, сажаются въ тюрьму или должны бываютъ вытерпѣть еще болѣе мучительную нравственную пытку, между тѣмъ какъ дуэлисты, развратники, мошенники, обманывающіе цѣлые милліоны, безопасно занимаютъ высшія государственныя должности, или же подобно перелетнымъ птицамъ свободно разгуливаютъ по странѣ.» Мудрость, долженствующая характеризовать свободнѣйшую, умнѣйшую и благороднѣйшую націю XIX столѣтія, должна, подобно солнцу въ его полуденномъ блескѣ, одинаково освѣщать и согрѣвать своими лучами каждый предметъ. Поэтому главныя заботы всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя суть ни болѣе ни менѣе, какъ служители націи, должны быть направлены на улучшеніе положенія всѣхъ, черныхъ какъ и бѣлыхъ, рабовъ какъ и свободныхъ, потому что лучшая изъ книгъ говоритъ: «Богъ отъ единой крови сотворилъ всѣ племена земныя, чтобы они жили по всему лицу земли.» Наше общее отечество предлагаетъ всѣмъ людямъ одинаковыя выгоды и удобства, равныя права и полномочія, когда говоритъ: «мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, чтобы образовать совершенное единство, утвердить справедливость и спокойствіе, обезпечить общую защиту, споспѣшествовать общему благосостоянію и обезопасить за нами и всѣмъ нашимъ потомствомъ

полную свободу, учреждаемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки.» Эти стремленія и надежды добродѣтельнаго народа предоставить одинаковыя права всѣмъ безъ различія въ цвѣтѣ кожи и состояній, должны быть строго чтимы тѣми, которымъ поручается наблюденіе за выполненіемъ законовъ страны, чтобы любовь, довѣріе и единство были свидѣтельствомъ того, что законы страны дѣйствительно выполняются.»

Разсматривая далѣе, какъ эти основныя положенія выполнялись первыми президентами, творцами свободы и величія Сѣверо-американскихъ Штатовъ, пророкъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается и съ особенною похвалою разбираетъ тѣ постановленія этихъ президентовъ, которыя были направлены къ улучшенію благосостоянія всего народа. Разобравши послѣдовательно политику всѣхъ президентовъ Соединенныхъ Штатовъ отъ начала конституціи, пророкъ переходитъ затѣмъ къ обозрѣнію предшествовавшей политики президента Банъ Бурена, и съ тѣмъ большею горечью описываетъ тѣ нестроенія и несправедливости, вражду партій, фанатизмъ религіозныхъ проповѣдниковъ и безсовѣстную эксплуатацію рабовладѣльцевъ, которыя по его мнѣнію характеризуютъ современное положеніе республики. Съ особенною силою и энергіею пророкъ нападаетъ на вступительный адресъ Банъ Бурена, въ которомъ тотъ по отношенію къ вопросу о невольничествѣ обѣщаетъ слѣдовать политикѣ полнѣйшаго невмѣшательства, предоставляя это дѣло исключительно волѣ рабовладѣльцевъ. Съ особенною злобою и досадою онъ трактуетъ такую аномалію въ развитіи свободной націи и призываетъ народъ американскій къ той великой задачѣ, которую поставили ей первые великіе учредители конституціи, и указываетъ на тѣ реформы и измѣненія въ строѣ политической жизни, какія онъ считалъ бы необходимыми для благосостоянія своего отечества.

«Ни одинъ добросовѣстный человѣкъ, говоритъ онъ, не можетъ сомнѣваться, что слава американской свободы въ упадкѣ и что бѣдствія и замѣшательства въ управленіи должны

рано или поздно разрушить этотъ союзъ... Итакъ, народъ американскій, обратись къ Богу, оживи и преобразуй эту націю, отрази замыслы безбожныхъ.» Указывая на неудовлетворительность финансовыхъ средствъ штатовъ, пророкъ совѣтуетъ сократить по крайней мѣрѣ на половину число членовъ конгресса, учредить государственный банкъ и т. п., и потомъ снова переходитъ къ своей главной мысли объ уничтоженіи рабства и о смягченіи наказаній за мелкія преступленія. «Прежде всего просите своихъ представителей быть милостивѣе и снисходительнѣе къ заключеннымъ въ смирительныхъ и др. подобныхъ домахъ. Откройте двери темницъ, выпустите на волю заключенныхъ, ободрите ихъ своимъ дружелюбіемъ и ласкою, наставьте совѣтомъ и скажите имъ во имя Господа: идите своимъ путемъ и не согрѣшайте болѣе. Просите вашихъ законодателей при опредѣленіи наказаній за воровство и др. незначительныя преступленія ограничиваться работами на улицахъ, исполненіемъ какихъ-либо общественныхъ работъ и т. п., гдѣ виновные научатся большему благоразумію и добродѣтели, чѣмъ сидя въ бездѣйствіи въ мрачной тюрьмѣ. Строгость и суровость никогда не могутъ сдѣлать для исправленія дурныхъ склонностей человѣка и сотой доли того, что производятъ разумность и дружелюбіе. Одно только убійство должно быть наказываемо заключеніемъ или даже смертію. Обратите смирительные дома въ разсадники благоразумія и добродѣтели, вспомните, что «amor vincit omnia.»

«И вы, благородные обитатели рабовладѣльческихъ штатовъ, предложите своимъ выборнымъ теперь же или по крайней мѣрѣ къ 1850 году уничтожить рабство и охранять аболиціонистовъ (сторонниковъ уничтоженія рабства) отъ разнаго рода тайныхъ и явныхъ преслѣдованій, упрековъ, насмѣшекъ и безчестій. Просите конгрессъ, чтобы онъ изъ остатковъ отъ продажи государственныхъ земель или отъ сокращенія издержекъ по содержанію членовъ конгресса уплатилъ вамъ тѣ убытки, которымъ необходимо должны подвергнуться содержатели рабовъ. Снимите съ бѣдныхъ черныхъ людей ихъ

кандалы и нанимайте ихъ на работу наравнѣ со всѣми другими человѣческими существами; знайте, что «одинъ часъ добродѣтельной свободы на землѣ превосходитъ цѣлую вѣчность рабства.» Отмѣните при арміи и флотѣ обычай предавать за бѣгство военному суду; если солдатъ или матросъ убѣжитъ, то вышлите ему его жалованье, присовокупивъ: что «его отечество никогда не довѣрится ему снова,—онъ потерялъ свою честь.» Сдѣлайте честность высшею драгоцѣнностію для всѣхъ людей и наша нація станетъ быстро возрастать въ справедливости, и будетъ считаться мудрою и достопочтенною на землѣ отъ людей, равно какъ праведною и святою на небѣ отъ Іеговы, единаго Первоисточника всякаго совершенства. Бо́льшая бережливость со стороны національнаго правительства и правительства отдѣльныхъ штатовъ уменьшитъ народные налоги; побольше равенства между большими и малыми городами—и въ государствѣ не станетъ той постоянной вражды и раздоровъ, которые существуютъ между обитателями различныхъ городовъ. Бо́льшая искренность и простота въ обращеніи уменьшатъ то лицемѣріе и лесть, которыя пустили свои корни во всѣхъ частяхъ нашего общественнаго организма. Чистосердечное, прямодушное и искреннее обращеніе всѣхъ породитъ въ этой священной странѣ свободы и мира почтеніе, довѣріе, единство и любовь, такъ что сосѣдъ изъ другой страны или государства, все равно, какого бы то ни было цвѣта и языка, изъ какого угодно климата, коль скоро онъ ступитъ ногою на эту священную почву свободы, торжественно воскликнетъ: «уже одно имя американца полно довѣрія и дружелюбія.» О, возстановите довѣріе, возобновите свободу, уничтожьте рабство, отмѣните темничное заключеніе за воровство и живите въ любви, братскомъ согласіи и мирѣ со всѣмъ свѣтомъ! Знайте, что честность не подлежитъ законамъ; законъ существуетъ только для преступниковъ; справедливо говорятъ поэтому нѣмцы: «ein ehrlicher Name ist besser, als Reichthum.»

«Подобно милосердому самарянину, изберите благочестивыхъ миссіонеровъ, желающихъ посвятить себя на служеніе Богу,

и пошлите ихъ проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ и раздавать имъ вино и елей для врачеванія ихъ душевныхъ немощей, при чемъ непремѣнно помните, что просвѣщенное и благочестивое духовенство несравненно превосходнѣе и лучше «духовенства богатаго».

«Семьдесять лѣтъ существованія не прошло безслѣдно для этой дѣвственной страны; она разорвала оковы монархическаго гнета, число ея обитателей изъ двухъ возрасло до 20 милліоновъ, ея граждане обладаютъ многими полезными знаніями и ремеслами и достаточно предпріимчивы и сильны, чтобы объѣзжать на своихъ корабляхъ всѣ страны міра. Итакъ почему же прежде цвѣтущій и славный народъ не хочетъ подобно фениксу возродиться изъ праха своего собственнаго могущества?... Народъ на югѣ радушенъ и благороденъ, онъ самъ поможетъ очистить эту свободную страну отъ всякихъ слѣдовъ рабства, коль скоро обезпечена будетъ цѣлость его имуществъ... Мы имѣемъ президента виговъ, президента демократовъ и псевдодемократовъ, теперь же намъ нуженъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ... Въ Соединенныхъ Штатахъ правительство—народъ, его общій голосъ производитъ правителя, который одинъ долженъ господствовать, власть, которую одну должно слушать, господина, который одинъ долженъ быть уважаемъ и внутри и внѣ, и на морѣ и на сушѣ. Поэтому, если я по опредѣленію благонамѣренныхъ людей сдѣлаюсь президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, я буду свято чтить намѣренія достославныхъ отцовъ свободы, буду неуклонно слѣдовать пути славныхъ патріотовъ, которые на своихъ могучихъ плечахъ достославно несли ковчегъ завѣта нашего правленія со взоромъ обращеннымъ только на славу и благосостояніе всего народа. Еслибы народъ просилъ меня уничтожить рабство въ рабовладѣльческихъ штатахъ, то я употребилъ бы съ своей стороны всѣ усилія удовлетворить этой вполнѣ законной и достохвальной просьбѣ; владѣльцамъ юга я предложилъ бы достаточное вознагражденіе за ихъ собственность и сдѣлалъ бы такъ, чтобы вся нація была по-

истинѣ свободна. Еслибы народъ просилъ меня для облегченія государственныхъ налоговъ учредить общественный банкъ, то я счелъ бы своею первою обязанностію исполнить это желаніе народа и учредить таковой на національныхъ основахъ. Далѣе, еслибы народъ просилъ меня облегчить для него пріобрѣтеніе земель Орегона или другихъ пограничныхъ областей, то я употребилъ все свое вліяніе, чтобы могущественныя предпріятія и похвальныя стремленія свободнаго народа не встрѣчали себѣ препятствій быстро распространиться отъ восточнаго края моря до западнаго,—пусть вся громадная пустыня на этомъ пространствѣ цвѣтетъ какъ роза. И еслибы сосѣднія государства просили позволенія присоединиться къ сынамъ свободы, то мое искреннее и всегдашнее желаніе сказать имъ: «придите, — приди Техасъ, приди Мексика, приди Канада, приходи весь міръ; — пусть вездѣ царитъ свобода и благоденствіе! Отбросьте (исключая рѣдкихъ случаевъ) ужасное употребленіе темницъ, смирительныхъ домовъ и военныхъ судовъ, и пусть благоразуміе и дружелюбіе господствуютъ на развалинахъ невѣжества и варварства. Да, какъ другъ всего народа, я открою темницы, открою глаза, уши и сердца всѣхъ людей, чтобы они созерцали истинную и дѣйствительную, а не мнимую только и призрачную свободу: и Богъ, который однажды очистилъ уже землю отъ древняго проклятія, Сынъ котораго предалъ свою жизнь за спасеніе всѣхъ людей и обѣщалъ снова придти и очистить вторично землю огнемъ въ эти послѣдніе дни, — пусть благословитъ Онъ всѣхъ васъ.»

Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь другъ добродѣтели и всего народа Іосифъ Шмидтъ.»

Науво въ Иллиноисѣ. 7 февр. 1844.

Но судьба пророка рѣшилась еще до окрытія выборовъ.

XI.

Преслѣдованія и вражда, которымъ подверглись мормоны на Миссури, хотя затихли, но не прекращались вовсе. Они уси-

лились послѣ покушенія на жизнь губернатора Боггса, покушенія, которое приписано было мормонамъ. Внутреннія несогласія и раздоры въ средѣ «святыхъ» способствовали успѣхамъ ихъ враговъ. Главною причиною этихъ раздоровъ былъ повидимому вопросъ о бракѣ и вообще объ отношеніи половъ. Подъ вліяніемъ авторитета Ригдона и при содѣйствіи другихъ болѣе или менѣе значительныхъ членовъ церкви, къ мормонамъ уже давно изъ языческаго міра зашло ученіе о такъ-называемомъ «духовномъ бракѣ.» Ученіе это заимствовано было Ригдономъ отъ перфекціонистовъ и нашло сочувствіе себѣ у весьма многихъ членовъ общины, которые знакомы были съ нимъ еще до принятія мормонизма. По этому ученію каждый вѣрующій, полюбившій чужую жену, могъ считать ее себѣ духовно-родною, и если она была согласна, заключалъ съ нею родъ платоническаго или духовнаго брака; тѣ же самыя права предоставлялись и каждой женщинѣ. Права и обязанности этого духовнаго брака не были съ точностію опредѣлены и вели ко многимъ недоразумѣніямъ. Духовные супруги въ своей духовной любви заходили иногда такъ далеко, что оскорбляли и нарушали права своихъ законныхъ супруговъ, отъ чего много страдалъ порядокъ семейной жизни и разшатывались нравственные принципы жизни общественной. Большею разнузданностію въ этомъ дѣлѣ отличались по преимуществу женщины, которыя, пользуясь своею малочисленностію, считали для себя возможнымъ и позволительнымъ быть свободными отъ брачныхъ узъ и потому употребляли свое вліяніе на распространеніе этого ученія. Такъ какъ такой порядокъ вещей не представляетъ ничего удивительнаго въ Америкѣ и болѣе или менѣе распространенъ во всѣхъ почти слояхъ общества, то на первыхъ порахъ пророкъ или вовсе не замѣчалъ его, или по крайней мѣрѣ казался не замѣчающимъ. Когда же отдѣльные случаи подобнаго рода стали повторяться въ жизни святыхъ чаще и чаще, Шмидтъ отнесся къ дѣлу болѣе серьезно и строго. Понимая это дѣло въ его истинномъ свѣтѣ, пророкъ со всею силою и энергіею вооружился про-

тивъ этого гибельнаго ученія; когда же ни его откровенія, ни строгія мѣры противъ приверженцевъ новаго ученія не имѣли надлежащаго дѣйствія, онъ рѣшился на крайнюю мѣру. Введеніемъ многоженства онъ хотѣлъ съ одной стороны дать законный исходъ неумѣренной похотливости нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдователей, съ другой стороны сохранить болѣе нормальное и раціональное (по оригинальному пониманію Шмидта, прямо противоположному господствующему мнѣнію американскаго населенія, — подчиненное) отношеніе женщинъ къ мущинамъ. Это новое ученіе выдано было подъ формою откровенія свыше и составило впослѣдствіи отличительный пунктъ вѣроученія мормоновъ, съ подробностями котораго мы считаемъ болѣе удобнымъ познакомиться въ другомъ мѣстѣ [3]).

---

[3]) Здѣсь мы должны замѣтить только, что дѣйствительность этого факта, т.-е. введенія многоженства Іосифомъ, оспаривается многими. Такъ напр. жена пророка Эмма твердо отрицаетъ, чтобы ея мужъ жилъ съ кѣмъ-либо кромѣ ея въ супружескихъ связяхъ. Вмѣстѣ съ другими поклонниками Шмидта она утверждаетъ, что полигамія есть выдумка Юнга и Прата, что она дѣло дьявола, стремящагося уничтожить истинную церковь Бога. Вмѣстѣ съ своими четырьмя взрослыми сыновьями она удалилась изъ города святыхъ и живетъ теперь между остатками истинной церкви въ Иллинойсѣ. Дѣйствительно, если взять во вниманіе съ одной стороны то, что Іосифъ женился по любви и во всю жизнь былъ вполнѣ доволенъ своимъ семейнымъ счастіемъ, что установленіе полигаміи неизвѣстно было святымъ въ Науво, что онъ постоянно преслѣдовалъ распространителей ученія о духовномъ бракѣ, то нельзя не усумниться въ достовѣрности указаннаго факта. Все, что только говоритъ въ пользу достовѣрности факта, основывается главнымъ образомъ на словахъ Юнга и немногихъ другихъ старѣйшинъ секты и на тѣхъ мрачныхъ представленіяхъ, въ которыхъ выступаетъ, по показаніямъ враговъ, личность Іосифа. Но отдавая всю справедливость Юнгу, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Диксона и нѣкоторыхъ другихъ въ томъ, что Іосифъ Шмидтъ стоитъ ниже всякой критики. Въ Юнгѣ видимъ только продолжателя дѣла Іосифа, — правда, умнаго, предпріимчиваго, пожалуй геніальнаго; но всѣ эти качества далеко не такъ отдѣляютъ его отъ Іосифа и даже другихъ не малочисленныхъ его старѣйшинъ, какъ представляютъ это дѣло указанные нами писатели. Правда, Ригдонъ, главный защитникъ и учредитель дух. брака, былъ вскорѣ послѣ смерти Іосифа отлученъ отъ церкви, но остались очень многіе вліятельные старѣйшины, какъ напр. апостолъ Амаза Лиманъ и другіе, которые не меньше Ригдона были привержены къ упомянутому ученію и своимъ вліяніемъ на

Теперь же скажемъ только, что уничтоженіе и преслѣдованія духовнаго брака вызвали противъ пророка цѣлую бурю неудовольствій и негодованія и привели къ весьма плачевнымъ для него результатамъ. Недовольные и преслѣдуемые пророкомъ распространяли слухъ, что Шмидтъ и его приближенные ведутъ развратную жизнь, что они посягаютъ на невинность молодыхъ дѣвушекъ и на честь замужнихъ женщинъ. Достаточнымъ опроверженіемъ этихъ обвиненій, что̀ касается самого Шмидта, могутъ служить многіе параграфы въ «Doctrines and Covenans» (сборникъ откровеній, бывшихъ пророку Іосифу Шмидту), потомъ преслѣдованія и изгнаніе лицъ, совершавшихъ подобные поступки и наконецъ свидѣтельство многихъ не мормоновъ, жившихъ въ то время между святыми въ Науво. Но люди, сами совершавшіе эти поступки и за то отлученные и изгнанные изъ общества, составили противъ пророка и его болѣе трезвыхъ и воздержныхъ послѣдователей цѣлую партію и употребляли всѣ средства къ тому, чтобы повредить пророку и вооружить противъ мормоновъ населеніе. Сначала эта партія не казалась слишкомъ опасною пророку, привыкшему уже къ подобнаго рода явленіямъ. Но появившійся къ этому времени «адресъ къ народу» вооружилъ противъ пророка рабовладѣльческіе штаты. Если и прежде граждане Миссури ненавидѣли пророка, то теперь, послѣ такого торжественнаго и публичнаго заявленія объ уничтоженіи рабства, они возненавидѣли его вдвойнѣ и положили, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе, погубить пророка. Вліятельныя лица во всемъ государствѣ, лично заинтересованныя въ вопросѣ о невольничествѣ, прямо и открыто стали теперь

Юнга могли склонить его въ пользу этого ученія. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ учрежденіе полигаміи, Іосифу или Юнгу, остается нерѣшеннымъ. Въ текстѣ мы сочли впрочемъ болѣе удобнымъ слѣдовать тому, какъ представляютъ это дѣло всѣ почти историки мормонства: тѣмъ болѣе, что такое или иное рѣшеніе вопроса не имѣетъ никакого почти отношенія къ теченію предъидущей и послѣдующей исторіи.

въ оппозицію пророку. Они приняли подъ свое покровительство и опеку партію, недовольную пророкомъ и изыскивали удобный случай погубить Іосифа. Устно и непосредственно чрезъ своихъ агентовъ и письменно чрезъ разнаго рода статьи и заявленія они вооружали противъ мормоновъ властей штата и окрестное населеніе. Нѣкто Хигбій, котораго пророкъ хотѣлъ изгнать за ученіе о дух. бракѣ, обвинялъ пророка въ самыхъ грязныхъ похожденіяхъ. Его самого немедленно изгнали изъ общества. Вмѣстѣ съ другими подобными же изгнанниками, онъ основалъ особый листокъ подъ заглавіемъ «скандалезная хроника Науво», который распространялъ о мормонахъ самыя дурныя вѣсти. Другой врагъ Шмидта, нѣкто Форстеръ, издавалъ другой подобный же журналъ «The Expositor». Ругательныя статьи этого послѣдняго возбудили въ приверженцахъ Шмидта такое негодованіе, что городской совѣтъ запретилъ эту газету, а народъ ворвался въ типографію, гдѣ она печаталась, и истребилъ всѣ матеріалы. Этого только и ожидали враги мормоновъ. Содержатели типографіи вмѣстѣ съ редакторами и другими врагами Шмидта подали просьбу въ сосѣдній городъ Карѳагенъ и выхлопотали у судей предписаніе арестовать Шмидта и другихъ 17 лицъ. Когда это предписаніе получено было въ Науво, то власти этого города, въ силу особыхъ привиллегій городскаго суда, отказались выполнить его, и этимъ въ первый разъ рѣзко высказали противорѣчіе, въ которомъ находились привиллегіи Науво съ законами штата. Враги мормоновъ постарались раздуть это затрудненіе, выставляя съ нѣкоторою основательностію полную независимость Науво и нежеланіе мормоновъ подчиняться законамъ и властямъ штата. Обитатели Иллиноиса въ первый разъ увидѣли всю свою ошибку и, подстрекаемые врагами мормоновъ, немедленно рѣшились сломить эту грозную и опасную для нихъ силу, — опасную тѣмъ болѣе, что ѳеократическій строй и монархическія тенденціи мормоновъ стояли въ явномъ противорѣчіи съ принципомъ личной свободы и независимости, которую такъ высоко ставитъ и которою такъ гордится аме-

риканецъ. Власти Карѳагена рѣшились вооруженною рукою привести въ исполненіе приговоръ объ арестованіи.

Въ іюнѣ, недалеко отъ Науво, собралась милиція окрестныхъ областей въ числѣ 3 тысячъ человѣкъ; къ ней присоединилось множество вооруженнаго народа изъ Миссури и Джове, жаждавшаго добычи и грабежа. Узнавши объ этомъ, губернаторъ Фордъ самъ прибылъ на мѣсто ссоры, надѣясь своимъ личнымъ присутствіемъ отвратить кровопролитіе. Онъ просилъ мормоновъ сдаться, обѣщая, что защититъ ихъ отъ насильственныхъ поступковъ народа. Пророкъ сначала не хотѣлъ довѣрять губернатору и созвалъ свою милицію. Потомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, согласился и приказалъ своему легіону положить оружіе. 24 іюня самъ пророкъ вмѣстѣ съ 17-ю другими лицами предались въ руки властей, и они были отправлены въ Карѳагенъ. Оставляя Науво, пророкъ съ такою рѣчью обратился къ собравшемуся народу: «я иду, говорилъ онъ, какъ непорочный агнецъ на закланіе, но я спокоенъ подобно ясной утренней зарѣ, моя совѣсть чиста и я умру невиннымъ.» 27 іюня назначенъ былъ судъ надъ плѣнными, при которомъ присутствовалъ самъ губернаторъ Фордъ; и, несмотря на всѣ происки враговъ мормоновъ, осужденные были признаны невинными и отпущены на волю. Такой оборотъ дѣла какъ нельзя болѣе не понравился врагамъ мормоновъ. Тутъ же, непосредственно послѣ окончанія суда, они сочинили на пророка другую жалобу и обвиняли его въ новыхъ преступленіяхъ. Въ силу этой новой жалобы пророкъ, его братъ Хирумъ, генералъ и патріархъ мормонской церкви, апостолъ Тэйлоръ и докторъ Ричардсъ снова были задержаны и отправлены въ тюрьму въ Карѳагенѣ, гдѣ ожидали приговора суда, который назначенъ былъ на 28 іюня, но потомъ по неизвѣстнымъ причинамъ былъ отложенъ до 29. Не надѣясь болѣе погубить пророка судебнымъ порядкомъ, враги мормоновъ рѣшились на преступленіе. 27 іюня, ночью, толпа неизвѣстныхъ людей числомъ въ 200 человѣкъ, вымазавши себѣ лица сажею, напала на тюремную стражу, состоявшую

всего изъ 8 человѣкъ, ворвалась въ зданіе и начала стрѣлять въ окопце двери по заключеннымъ. Не успѣли заключенные прійти въ себя, какъ братъ пророка Хирумъ пронзенный 4-мя пулями палъ мертвый. Пророкъ сначала довольно успѣшно защищался шестиствольнымъ револьверомъ, два другихъ его товарища вооружились саблями. Но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ револьвера послѣдняя защита узниковъ пропала, а между тѣмъ напоръ на тюремную дверь усиливался больше и больше. Тэйлоръ подбѣжалъ къ окну темницы и хотѣлъ выпрыгнуть наружу; но пораженный двумя пулями извнутри и столькими же съ двора, палъ безъ чувствъ. Не видя нигдѣ спасенія, пророкъ самъ выпрыгнулъ изъ того же окна, но и его догнало нѣсколько пуль, и онъ съ словами: «о Господи, Боже мой!» палъ мертвымъ на тюремный дворъ. Оставшійся въ живыхъ докторъ Ричардсъ, изъ описанія котораго мы и приводимъ этотъ разсказъ, наблюдалъ изъ окна дальнѣйшую исторію съ пророкомъ. Какъ скоро пророкъ палъ бездыханнымъ, въ то же самое мгновеніе раздался всеобщій радостный крикъ: «онъ тутъ! онъ тутъ!» Весь народъ устремился къ трупу пророка, и увѣрившись, что онъ не живъ, съ большою поспѣшностію скрылся, оставивъ въ покоѣ раненаго Тэйлора и Ричардса. На другой день граждане Науво узнали о смерти пророка и патріарха. Съ глубокою скорбію святые встрѣтили бренные остатки своихъ мучениковъ и предали ихъ землѣ; могила братьевъ неизвѣстна.

XII.

Такъ покончилъ свою пророческую миссію Іосифъ Шмидтъ. Дѣятельность его, какъ основателя новаго религіознаго общества, продолжалась 14 лѣтъ и 3 мѣсяца; онъ былъ убитъ на 39 году жизни. Его церковь и церковное государство, вначалѣ состоявшія изъ 6-ти членовъ, къ концу его жизни имѣли болѣе полутораста тысячъ приверженцевъ. Едвали можно указать на другую какую-либо замѣчательную личность, о которой бы какъ при жизни, такъ и по смерти, было столько

самыхъ различныхъ и противоположныхъ мнѣній и взглядовъ. Писатели враждебные мормонамъ называютъ Шмидта самымъ отъявленнымъ плутомъ и мошенникомъ. Другіе, и въ особенности его послѣдователи, видятъ въ немъ честнаго и искренняго человѣка, дѣйствительнаго избранника Божія, величайшаго человѣка въ мірѣ и т. п. Помирить эти взгляды и отзывы нѣтъ рѣшительно никакой возможности, потому что тѣ и другіе выставляютъ свои основанія. Такъ въ мормонскомъ органѣ «Times and Seasons» такими словами заканчиваютъ извѣстіе о мученической кончинѣ Іосифа: «онъ былъ одинъ изъ лучшихъ людей, которые когда-либо населяли землю. Дѣло,— имъ начатое къ утвержденію чистой вѣры и къ обработкѣ пути великаго соединенія израильтянъ въ непродолжительное время 14 лѣтъ, со времени явленія ему ангела, передавшаго ему откровенія и снабдившаго его силою устроить дѣло Сіона,—превосходитъ все подобное въ этомъ родѣ. Безъ образованія и средствъ, безъ опытности, онъ проповѣдывалъ въ просвѣщенномъ мірѣ, въ богатой землѣ, жестокосердому, испорченному, невѣрующему народу истины, которымъ нельзя было что-либо противопоставить. Дѣйствія его не допускали лжи; откровенія его проникнуты Божескою благодатію; ихъ нельзя было оспаривать, ибо, какъ солнечные лучи, все, до чего касались, они окружали блескомъ и жизнію, все воодушевляли, освѣжали и освѣщали» и пр. Дѣйствительно, фактъ столь быстраго распространенія религіи посреди всевозможнаго рода препятствій и преслѣдованій не можетъ не казаться удивительнымъ, и для объясненія его естественнымъ путемъ необходимо по крайней мѣрѣ предположить особенныя дарованія и способности въ пророкѣ, произведшемъ его. Даже враги мормоновъ признаютъ за этимъ фактомъ необыкновенное, объясняя его конечно совершенно по своему. Такъ напр. извѣстный въ нашей богословской литературѣ докторъ Овербекъ такими выраженіями заканчиваетъ свое изслѣдованіе о мормонахъ: «мормонизмъ, говоритъ онъ, не есть большее или меньшее уклоненіе отъ истиннаго христіанства, а прямое отри-

ланіе всего божественнаго во имя человѣческаго. Это религія, которая носитъ въ себѣ всѣ признаки, характеризующіе религію великаго отпаденія, т.-е. религію царства антихристова,—гдѣ ангелъ тьмы, выдавая себя за ангела свѣта, является міру съ Библіею въ рукахъ. Исторія мормонизма — чудо; ограниченныя человѣческія силы не могутъ произвести ничего подобнаго ни въ самой системѣ, ни въ ея выполненіи. Во всемъ господствуетъ нѣчто демоническое, и это чувство родилось во мнѣ, когда я присутствовалъ при мормонскомъ богослуженіи [4]). То не пророчество, а простая библейская истина, что предъ послѣднимъ великимъ днемъ произойдетъ великое отпаденіе и этою религіею отпаденія мы считаемъ мормонизмъ» [5]). Другіе, развивая ту же самую мысль, выражаются такъ: «Есть, говоритъ Бэйдръ, сдѣлавши очеркъ разнымъ сектамъ Америки, — есть въ Соединенныхъ Штатахъ еще одна вѣтвь заблужденія, или скорѣе дерзкаго зла, о которой мы должны сказать два слова, не имѣя впрочемъ намѣренія унизить этимъ сопоставленіемъ религіозныя общины, о которыхъ мы говорили,—это мормонизмъ. Повидимому, Богъ потому лишь допустилъ это грубое и громадное проявленіе лжи въ ученіи и порчи въ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ и притомъ въ XIX вѣкѣ, чтобы показать врожденную и страшную испорченность человѣческаго сердца, которая всегда и всюду нуждалась лишь въ удобныхъ обстоятельствахъ для своего развитія и выказывалась тогда, чѣмъ она можетъ быть.» Другіе выражаются о мормонизмѣ какъ о «ненормальномъ явленіи», какъ о «демоническомъ обманѣ», какъ о «самомъ колоссальномъ плутовствѣ, произведенномъ Америкою.» «Учрежде-

---

[4]) Нужно замѣтить, что послѣдователи мормонизма вообще и особенно при богослуженіи отличаются особенною религіозною восторженностію, творятъ чудеса, пророчествуютъ, изгоняютъ бѣсовъ, говорятъ на различныхъ языкахъ и т. п. Въ этомъ удостовѣряютъ всѣ почти писатели о мормонахъ; а мормонскія газеты и журналы переполнены извѣстіями подобнаго рода.

[5]) Mormonismus nach mormonischen Quellen, von d-r Owerbec. Deutsche Vierteljahrschrift. London. 1861 г. кн. 2 стр. 224.

ніе мормоновъ въ Утахѣ, говорятъ, есть постоянный памятникъ униженія для Соединенныхъ Штатовъ, стыдъ для страны... Еслибы мы были безбожною расою, не имѣющею ни церкви, ни Библіи, все-таки мормонизмъ по своему соціальному характеру былъ бы жгучимъ стыдомъ для насъ; теперь онъ чудовищенъ» [6]). Даже въ Англіи, по словамъ Стюарта Милля, есть не мало писателей, которые печатно заявляютъ свое самое искреннее сожалѣніе о томъ, что мормоны не были совершенно уничтожены во время тѣхъ преслѣдованій, о которыхъ мы уже говорили,—хотя Милль и называетъ подобнаго рода заявленія неблагоразумными и непохвальными. Самъ Диксонъ, книгу котораго «Новая Америка» въ цѣломъ ея составѣ можно назвать апологіею мормонизма, съ нѣкоторымъ довольно рѣзкимъ противорѣчіемъ себѣ, говоритъ о мормонахъ: «эти строители храма называютъ себя «святыми», признаютъ Библію и крестятъ новообращенцевъ во имя Христа; но они не христіане и никакая церковь въ мірѣ не могла бы вступить съ ними въ общеніе при теперешнемъ ихъ состояніи. Въ сущности они гораздо ближе подходятъ по вѣрѣ, нравственности и управленію къ утахамъ и шошонамъ (дикимъ америк. племенамъ), чѣмъ къ какой бы то ни было англосаксонской церкви... Ихъ пророкъ былъ Джое Смитъ, а его сказки о золотыхъ скрижаляхъ, объ Уримѣ и Туммимѣ, о египетской муміи, о Споулдингскомъ рукописномъ романѣ, о мечѣ Лавана, объ ангельскихъ видѣніяхъ, о мормонской книгѣ, о бумажныхъ деньгахъ, о духовной женѣ,—эти сказки могутъ быть разсказаны человѣкомъ юмористическимъ такъ, что цѣлое общество язычниковъ будетъ помирать со смѣху... Быть можетъ, самая слабая сторона новой церкви,—это жизнь ея пророка, а самая сильная—его смерть. Еслибы Шмидтъ прожилъ довольно долго, чтобы исторія его жизни сдѣлалась всѣмъ извѣстною, то по всей вѣроятности, въ народѣ столь насмѣшливомъ, какъ американскій, немногіе сохранили бы въ него вѣру» [7]).

---

[6]) Сѣверо-американское сектаторство. Отеч. Записки 1868 г. кн. 8.

[7]) Новая Америка, Вильяма Диксона изд. 2, стр. 115 и 116.

Но есть писатели изъ «язычниковъ», которые нѣсколько благосклоннѣе смотрятъ на Іосифа и лучше отзываются о его религіи и его послѣдователяхъ. Не можетъ быть, говорятъ они, чтобы человѣкъ, основавшій религію, не былъ самъ убѣжденъ въ ея истинѣ, не былъ самъ проникнувъ тою вѣрою, которая воодушевляла и воодушевляетъ цѣлыя сотни тысячъ его послѣдователей и которая такъ удивительно, почти необъяснимо, порабощаетъ ему сердца столькихъ людей. Въ противномъ случаѣ развѣ онъ не раздѣлилъ бы общей участи всѣхъ лицемѣровъ, такъ часто являвшихся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ? Чтобы успѣшно проповѣдывать истину или заблужденіе, необходимо слѣдить самому за собой съ полнымъ усердіемъ и преданностію, необходимо идти прямо къ цѣли, безъ задней мысли, безъ скрытности и угрызеній совѣсти. Эта непоколебимая вѣра, это чистосердіе могутъ соединяться съ знаніемъ людей и съ удивительною дипломатіей, но основатели религіозныхъ сектъ приносятъ свои страсти, свои дарованія, свои разсчеты въ жертву вѣрѣ, которая ихъ увлекаетъ [*]). Это послѣднее самымъ точнымъ образомъ исполнилось на Іосифѣ Шмидтѣ. Его энергія и самоотверженіе, съ которыми онъ проповѣдывалъ новое ученіе и шелъ навстрѣчу всѣмъ опасностямъ, поневолѣ разсѣиваютъ всякое подозрѣніе въ его добросердечіи и искренности. Изъ исторіи мы отчасти уже видѣли, что Шмидтъ первый является всюду, гдѣ предстоитъ опасность, и нерѣдко вся злоба враговъ всей секты обрушивается на одного его. Если взять во вниманіе далѣе личный составъ мормонскаго общества, посреди котораго дѣйствовалъ Іосифъ, если припомнить, что эти святые состоятъ изъ людей самаго низшаго класса, что это,—какъ выражается Диксонъ,—поддонки большихъ городовъ, что это грязь большихъ дорогъ, что это илъ рѣчной; пѣна морская,—то для насъ станетъ вполнѣ понятнымъ съ одной стороны все величіе за-

*) Мормонизмъ и Соед. Штаты. Время 1861 г. кн. 10, стр. 330.

слугъ Іосифа, умѣвшаго изъ этой грязи создать трудолюбивый, терпѣливый и трезвый народъ, успѣхамъ котораго не могутъ достаточно надивиться даже въ Америкѣ,—а съ другой стороны происхожденіе тѣхъ чудовищныхъ разсказовъ и исторій, которыя ходили про мормоновъ въ народѣ и которыя, конечно, могли имѣть дѣйствительное основаніе, безъ того впрочемъ, чтобы этимъ компроментировалась вся община. Если и въ средѣ цивилизованнаго общества нерѣдко попадаются предосудительныя личности, то вполнѣ естественно и даже необходимо такое явленіе должно было существовать и въ обществѣ мормоновъ, и это еще не ослабляетъ того общаго впечатлѣнія, которое производитъ на наблюдателя это трезвое, работящее общество, тѣмъ болѣе, что подобныя личности всегда были гонимы пророкомъ и преслѣдуемы общиною. Изъ исторіи мы видѣли также, что Іосифу представлялись такіе соблазны и искушенія, противъ которыхъ можетъ устоять только человѣкъ дѣйствительно преданный своему дѣлу. Нося званіе пророка и пользуясь рѣдкимъ могуществомъ въ мірѣ, онъ не переставалъ быть справедливымъ, добрымъ и милостивымъ; онъ постоянно заботился о бѣдныхъ и нуждающихся, посѣщалъ несчастныхъ и помогалъ имъ всѣмъ, чѣмъ могъ. Не смотря на свое довольно значительное семейство,—онъ давалъ въ своемъ домѣ пріютъ многимъ сиротамъ,—въ Науво жена его воспитывала пять дѣвочекъ сиротъ. «Онъ питалъ отеческую любовь къ своимъ друзьямъ и былъ замѣчательно великодушенъ къ своимъ врагамъ, всѣхъ вообще онъ обвораживалъ своею любезностію и ласковымъ обхожденіемъ. Его любимымъ развлеченіемъ въ часы досуга была игра въ мячъ съ дѣтьми. Мормоны знавшіе его лично отзываются о немъ съ особеннымъ восторгомъ и даже многіе изъ язычниковъ отдаютъ ему полную справедливость.» Мы не говоримъ уже о томъ общемъ стремленіи, которое онъ преслѣдовалъ во всю жизнь свою и во имя котораго онъ смѣло шелъ на встрѣчу смерти. Его всегдашняя и первѣйшая забота о бѣдныхъ и несчастныхъ всякаго рода, о низшемъ классѣ народонаселенія, о дикихъ

племенахъ индійцевъ и несчастныхъ неграхъ—рабахъ, не можетъ не пробудить въ душѣ каждаго гуманнаго человѣка сочувствія къ нему. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи его послѣдователи, коротко знавшіе его, были не такъ далеки отъ истины, когда видѣли въ немъ наиболѣе свѣтлую личность своего времени. Самая смерть его, по взгляду мормоновъ, есть смерть мученика, собственною кровію запечатлѣвшаго искренность своихъ убѣжденій и чистоту и непорочность своей жизни. Обвиненный 39 разъ своими врагами въ различныхъ преступленіяхъ, Іосифъ никогда не былъ осужденъ. Не служатъ ли эти 39 приговоровъ присяжныхъ краснорѣчивымъ приговоромъ въ пользу Іосифа?

Что же касается многочисленныхъ, весьма невыгодныхъ для Шмидта отзывовъ, то, конечно, они имѣли свое основаніе частію въ самой жизни пророка, а главнымъ образомъ въ системѣ его вѣроученія и началахъ общественной жизни, руководившихъ и руководящихъ имъ и его послѣдователями. Какъ мы уже видѣли, Шмидтъ иногда, хотя быть можетъ и по необходимости, принужденъ былъ прибѣгать къ разнаго рода хитростямъ и уловкамъ. Но эти случаи были слишкомъ исключительны и рѣдки, чтобы могли вооружить противъ пророка цѣлыя массы и заставить преслѣдовать всю его общину вездѣ, гдѣ она ни появлялась отъ начала своего существованія до нашихъ дней. Какъ мы замѣтили, главною причиною ненависти, какъ тогда къ пророку, такъ и теперь ко всѣмъ его послѣдователямъ, послужило его ученіе, не мирившееся съ обычаями и природными инстинктами американца, и даже прямо противоположное имъ.

Д. Семеновъ.

(Продолженіе впредь).

ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ ряду вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время наше общество и администрацію, видное мѣсто принадлежитъ вопросу тюремному. Важность его едва ли нуждается въ поясненіи. Американскіе Штаты, и безъ того опередившіе Европу въ дѣлѣ разработки этого вопроса, учрежденіемъ у себя особой коммиссіи, къ участію въ которой приглашены лучшіе криминалисты всѣхъ странъ, въ томъ числѣ, по извѣстію свѣтской прессы, и нашъ графъ Соллогубъ, усвоятъ ему значеніе глубокое. Но если, несмотря на эту серьезную важность тюремнаго вопроса, у насъ въ Россіи онъ терпѣливо до сихъ поръ ждалъ своей очереди, то теперь, когда тюрьмы наши, съ учрежденіемъ новаго, доступнаго и скораго судопроизводства, сдѣлались прохожимъ мѣстомъ для массы людей, въ много разъ большей, чѣмъ прежде,—онъ уже не можетъ терпѣть ни малѣйшихъ отлагательствъ.

Вопросъ тюремный у насъ вѣдается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. И къ чести министерства надобно сказать, что еще съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія оно серьезно озабочивалось имъ, какъ по прямой своей обязанности, такъ и вслѣдствіе неоднократныхъ Высочайшихъ повелѣній. Къ сожалѣнію, денежныя средства съ одной стороны, а съ другой тѣлесное наказаніе, медленность прежняго судопроизводства и, наконецъ, крѣпостное право съ его ссылками и заключеніемъ крѣпостныхъ людей по волѣ помѣщиковъ, препятствовали министерству рѣшительно заняться пересмотромъ

этого вопроса. Только вслѣдствіе Высочайшихъ повелѣній, въ 1862 и 1863 годахъ послѣдовавшихъ, министерство самостоятельно могло приступить къ этому дѣлу. Оно затребовало отъ губернскихъ начальствъ свѣдѣнія о состояніи мѣстъ заключенія, командировало за границу чиновниковъ съ цѣлію изученія лучшихъ пенитенціарныхъ учрежденій, въ Москвѣ и Петербургѣ приступило къ опытамъ по устройству тюремъ на новыхъ началахъ и, наконецъ, на устройство новыхъ тюремныхъ зданій и приспособленіе имѣющихся испросило сумму слишкомъ въ три милліона рублей особаго сборнаго капитала.

Изъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи тюремныхъ помѣщеній въ 1865 году составилась книга: «Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи.» Результатомъ командированія за границу двухъ чиновниковъ министерства (гг. Галкина и Пассека) была книга: «Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса», изданная въ 1868 году. Пробныя тюрьмы были устроены—одна (въ Петербургѣ) для заключенія на срокъ времени отъ одного мѣсяца до года, а другая (въ Москвѣ) на сроки свыше одного года, съ обязательными работами и ночнымъ разъединеніемъ заключенныхъ въ той и другой. Первая изъ этихъ тюремъ, петербургская срочная тюрьма, представила отчетъ за одинъ годъ своего существованія, а вторая, московскій смирительно-рабочій домъ,—за три съ половиною года.

Съ такою подготовкой къ дѣлу, министерствомъ составленъ общій проектъ тюремной реформы, для обсужденія и развитія котораго была учреждена особая коммиссія. Такъ поступилъ на очередь нашъ русскій тюремный вопросъ.

Занятія коммиссіи дали двѣ группы предположеній, изъ которыхъ въ первую вошли всѣ тѣ предположенія, которыя, по мнѣнію коммиссіи, могли бы быть приведены въ исполненіе, не дожидаясь пересмотра уложенія о наказаніяхъ, а во вторую такія, осуществленіе которыхъ зависитъ отъ пересмотра и измѣненія уложенія о наказаніяхъ и установленія новой системы послѣднихъ. Тѣ предположенія касаются существующихъ

мѣстъ заключенія: ихъ содержанія, мѣстнаго и центральнаго управленій и т. д., а эти ведутъ къ уничтоженію ссылки въ Сибирь, замѣняютъ ее заключеніемъ въ центральныхъ тюрьмахъ, разбираютъ устройство этихъ тюремъ и соотвѣтственное цѣли каторжныхъ работъ приспособленіе ихъ и т. д. Такимъ образомъ, коммиссія взглянула вопросу прямо въ лицо, поставила его на широкую дорогу реформы и, въ этомъ видѣ, труды свои представила министерству, которое, вполнѣ раздѣляя взгляды коммиссіи, но, въ тоже время, соображаясь съ практикой, предположенія эти нашла не совсѣмъ удобными въ примѣненіи къ дѣлу, и особенно со стороны денежныхъ средствъ. Положено было отдѣлить собственно тюремный вопросъ отъ вопроса объ измѣненіяхъ въ составѣ наказаній и предметомъ реформы взять только существующія мѣста заключенія. Но и самыя мѣста заключенія, по требованію различныхъ цѣлей, различны: есть тюрьмы для прегражденія подсудимымъ возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, есть тюрьмы для содержанія уже оказавшихся преступниками, есть тюрьмы для временнаго помѣщенія пересыльныхъ и есть, наконецъ, тюрьмы для содержащихся за долги. Чтобы миновать и тутъ сложности дѣла, неизбѣжной если приняться за все разомъ, признано необходимымъ реформу тюремную разработывать постепенно, выдѣливъ сначала вопросъ о томъ родѣ тюремъ, пересмотръ которыхъ оказывается особенно нужнымъ и спѣшнымъ. Такимъ образомъ, оставляя пока въ сторонѣ тюрьмы пересыльныя и долговыя, министерство остановилось на первыхъ двухъ видахъ тюремъ, и находя, что къ обновленію домовъ карательнаго заключенія, по имѣющимся средствамъ, лучше и удобнѣе приступить, чѣмъ домовъ подслѣдственнаго, съ нихъ и начинаетъ дѣло реформы на основаніи выработанныхъ коммиссіею началъ.

Существующимъ законоположеніемъ о наказаніяхъ предполагается шесть видовъ карательнаго заключенія: 1) арестантскія роты; 2) рабочіе дома; 3) смирительные дома; 4) крѣпости; 5) собственно тюрьмы и 6) арестные дома. Дѣло рефор-

мы началось съ того, что, исключая крѣпости и арестные дома, всѣ остальныя мѣста заключенія сводятся къ одному виду тюрьмы, на томъ простомъ основаніи, что, вопервыхъ, различіе между рабочими и смирительными, напримѣръ, домами, существуетъ только на бумагѣ и словахъ, въ дѣйствительности же его нѣтъ, а вовторыхъ и главное, что, по изысканіямъ науки и опыта, содержаніе арестанта безъ обязательныхъ работъ, безъ дисциплины и его развитія—умственнаго и религіозно-нравственнаго, не мыслимо. Засимъ, уступая напору новыхъ воззрѣній на задачу тюремнаго дѣла, въ томъ состоящихъ, что тюремное заключеніе должно не только устранить преступника и служить, такъ-сказать, возмездіемъ ему за причиненное имъ зло, но и исправлять его, что тюрьма, слѣдовательно, должна быть не инымъ чѣмъ, какъ школою для возвращенія заблуждшаго на путь истинный, — эту новую тюрьму министерство называетъ «исправительною.» Такимъ образомъ, на мѣсто означенныхъ четырехъ видовъ заключенія поставивъ одну *исправительную* тюрьму, министерство опредѣляетъ ея цѣль, состоящую въ исправленіи нравственно недужныхъ, и затѣмъ проектируетъ сообразный съ такою цѣлію кругъ дѣятельности этой тюрьмы, сопровождая проектъ нужными къ нему объясненіями. На этомъ-то *проектѣ положенія объ исправительныхъ тюрьмахъ*, оповѣщенномъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и поступившемъ нынѣ къ разсмотрѣнію въ высшія правительственныя инстанціи, и *объяснительной* къ нему *запискѣ* мы и намѣрены остановиться.

Считаемъ нужнымъ, однако, замѣтить, что насъ занимаетъ не столько внѣшняя сторона проектируемой тюрьмы, сколько строй собственно внутренней ея жизни и, главное, его цѣлесообразность. Кто управляетъ тюрьмою, въ чьемъ вѣдѣніи состоитъ она, чѣмъ будутъ кормить арестанта, во что одѣвать и т. д., все это, по нашему мнѣнію, еще не составляетъ особенной важности. «Самая серьезная сторона всего тюремнаго дѣла, говорится въ объяснительной къ проекту запискѣ (IV. Порядокъ содержанія арестантовъ въ исправительной тюрьмѣ),

заключается въ изысканіи способовъ содѣлать исправительныя тюрьмы соотвѣтствующими ихъ назначенію и тому наименованію, какое дается имъ.»

Способы эти или начала, которыми въ лучшихъ иностранныхъ пенитенціарныхъ учрежденіяхъ ведется дѣло исправленія тюремнаго населенія, группируются такимъ образомъ: а) сортировка преступниковъ по нравственности; б) пріученіе ихъ къ труду; в) умственное и религіозно-нравственное развитіе и г) пріученіе заключаемыхъ къ порядку и въ жизни посредствомъ тюремной дисциплины. Больше пока ничего не придумано. Наша задача, слѣдовательно, въ томъ состоитъ, чтобы, вопервыхъ, честно и безъ опущеній пользоваться изысканіями науки и опыта, и вовторыхъ, при введеніи этихъ началъ въ строй внутренней жизни своей тюрьмы, каждому изъ нихъ указывать мѣсто и давать значеніе, именно ему тутъ слѣдующее. Недосмотры въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и опущенія въ первомъ, вредно будутъ вліять на конечную цѣль проектируемой тюрьмы, отклоняя ее отъ основной задачи.

Положеніе будущихъ тюремъ, по мысли проекта, представляется въ такомъ видѣ. Онѣ дѣлятся на *мужскія* и *женскія*, совершенно отдѣльныя однѣ отъ другихъ. Мужскія тюрьмы подраздѣляются, кромѣ того, на *краткосрочныя*—для приговариваемыхъ къ заключенію до одного года, и *долгосрочныя* — для заключенія на сроки свыше одного года. Что же касается женскихъ мѣстъ заключенія, то, во избѣжаніе излишней дробности вслѣдствіе незначительности нашихъ преступницъ, онѣ остаются безъ подраздѣленія. Какъ тѣ, такъ и другія тюрьмы состоятъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и управляются главнымъ тюремнымъ комитетомъ. Въ губерніяхъ онѣ вѣдаются губернаторами, посредствомъ губернскихъ правленій. Одинъ изъ членовъ правленія спеціально занимается тюремными дѣлами своей губерніи, почему и именуется «губернскимъ тюремнымъ инспекторомъ.» Нынѣшній смотритель переименовывается въ «начальника» тюрьмы. Онъ не только исполнитель предначертаній закона, но и блюститель идеи

достиженія тюрьмами ихъ исправительной цѣли. Опредѣленіе и увольненіе его зависитъ отъ губернатора, по усмотрѣнію котораго должность эта можетъ быть открыта и для лицъ, не имѣющихъ права на государственную службу. Но поступающему на эту должность, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ быть вѣроисповѣданія христіанскаго. Кромѣ означеннаго начальника, въ каждой тюрьмѣ имѣются: его помощникъ, священникъ, врачъ, учитель, экономъ, секретарь и затѣмъ низшіе служители, необходимые для надзора за тюремнымъ населеніемъ. Въ женскихъ тюрьмахъ, кромѣ того, имѣются акушерки. Всѣ эти лица, кромѣ акушерки, квартируютъ въ зданіи самой тюрьмы. Такъ какъ размѣръ тюрьмы, увеличивающій и уменьшающій труды служащихъ въ ней, находится въ прямой зависимости отъ запроса той или другой мѣстности, для которой открывается тюрьма, то, чтобы избѣжать отдѣльныхъ положеній для каждой изъ нихъ, эти положенія регулируются нормою арестантовъ—до 250 до 500 и свыше 500 человѣкъ. Въ первомъ случаѣ содержаніе начальника тюрьмы, всего 1200 р., его помощника—900, священника—600, врача—800, учителя—600; во второмъ, начальникъ тюрьмы имѣетъ 1800, помощникъ 1200, священникъ 600, врачъ 1000, учитель 700, а въ третьемъ начальникъ тюрьмы получаетъ 2400, его помощникъ 1500, священникъ все тѣ же 600, врачъ 1200, учитель 800 р. Часть хозяйственная передается въ руки «хозяйственнаго правленія», состоящаго съ одной стороны изъ членовъ тюремнаго управленія, а съ другой изъ членовъ отъ города, земской управы и изъ такъ-называемыхъ *артельныхъ попечителей*. Этими послѣдними является наше купечество, какъ болѣе знакомое съ запросами рынковъ. На ихъ обязанности лежитъ устраивать артели въ средѣ арестантовъ, снабжать ихъ работами и сбывать издѣлія. Тюрьмы содержатся на счетъ государственнаго казначейства, расходы котораго возмѣщаются 60 процентами заработныхъ арестантскихъ денегъ и обращеніемъ сюда пожертвованій, которыми выражается обыкновенно на-

ше народное сострадание къ осужденнымъ на заключеніе [1]). Каждая тюрьма, кромѣ того, имѣетъ и свои спеціальныя средства изъ 10% заработныхъ арестантскихъ денегъ, изъ денежныхъ арестантскихъ штрафовъ, и изъ добровольныхъ собственно на этотъ предметъ пожертвованій со стороны.

Днемъ арестанты находятся въ общихъ мастерскихъ, а на ночь разъединяются одиночными помѣщеніями. Рецидивисты же совершенно уединяются отъ остальнаго населенія тюрьмы, и содержатся келейно отъ начала и до конца своего заключенія. Трудъ обязателенъ. Онъ—двигатель къ нравственному исправленію арестанта, источникъ его матеріальнаго обезпеченія и средство къ легчайшему поддержанію порядка и спокойствія въ тюрьмѣ. Работы заключаются или въ занятіяхъ по внутреннему *хозяйству* тюрьмы (ремонтъ зданія, изготовленіе пищи, стирка бѣлья и т. д.), или же въ работахъ *посторонних*, которыя въ свою очередь подраздѣляются на работы механическія (щипать волосъ, чесать мочалу, вить веревки) и на производства ремесленныя. Хозяйственныя тюремныя работы остаются безплатными, но занимающіеся ими вознаграждаются изъ денегъ, зарабатываемыхъ другими арестантами отъ труда посторонняго. Артельная форма арестантскаго труда предпочитается всякой другой, на каковой предметъ и имѣются упомянутые «артельные попечители.» Изъ выручаемыхъ отъ посторонняго труда денегъ, разлагаемыхъ на всѣхъ арестантовъ, и на не занимавшихся этимъ трудомъ, 30% поступаютъ въ пользу арестантовъ, но такъ, что одною изъ нихъ частью покрываются убытки, причиненные преступленіемъ арестанта, другая идетъ на уплату подати, текущей съ арестанта за его тюремное собственно время, если онъ состоялъ и остается членомъ той или другой податной общины; все же остальное за симъ поступаетъ въ собственность арестанта, и выдается ему при выходѣ изъ тюрьмы, а въ тюремное время изъ этихъ

[1]) По отчетамъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, такихъ пожертвованій въ 1867 году по всѣмъ тюрьмамъ Имперіи было на 35,729 р. 96½ коп.

денегъ удовлетворяются нѣкоторыя его мелкія нужды. Разговоры въ тюрьмѣ, кромѣ относящихся прямо до занятій арестанта, воспрещаются. Населеніе тюрьмы обучается грамотѣ и Закону Божію, а въ долгосрочныхъ тюрьмахъ, кромѣ того, и нѣкоторымъ практическимъ наукамъ. За хорошее поведеніе время содержанія можетъ быть уменьшено на одну четверть и даже треть всего срока заключенія, если однако таковой продолжительнѣе года, на который, какъ предназначающійся для испытанія арестанта, означенное сокращеніе не распространяется. Арестанты всѣ, безъ изъятія, подвергаются общей дисциплинѣ тюрьмы и, за исключеніемъ освобожденныхъ отъ кандаловъ и тѣлеснаго наказанія, общимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, которыми распоряжается начальникъ тюрьмы. Кромѣ того, начальникъ тюрьмы пользуется въ средѣ арестантовъ правами мироваго судьи, и въ случаѣ совершенія арестантомъ проступка, предусмотрѣннаго Уставомъ о наказаніяхъ, мировыми судьями налагаемыхъ, приговариваетъ его къ наказанію дополнительному. Арестанту предоставляется право на рѣшеніе тюремнаго начальника приносить жалобу мѣстному мировому съѣзду. Но онъ сряду же переводится въ другую того же рода тюрьму, еслибы жалоба его была признана справедливою и ему довелось бы оправдаться по состоявшемуся со стороны начальника обвиненію. Такова сущность проектируемаго положенія нашихъ исправительныхъ тюремъ.

Какъ ни кратокъ представленный нами обзоръ этого положенія, но изъ него видно, что собственно перевоспитываніе тюремнаго населенія или исправленіе его ставится тутъ на тѣхъ же основахъ, какъ и вездѣ за границей. Подраздѣленіемъ тюремъ (мужскихъ) на краткосрочныя и долгосрочныя мы сортируемъ преступниковъ по степенямъ ихъ нравственной порчи; организаціей труда и введеніемъ въ составъ тюремнаго управленія «артельныхъ попечителей», пріучаемъ арестантовъ къ трудолюбію, обучаемъ ихъ грамотѣ, назидаемъ духовно-нравственными бесѣдами духовника, а средствами дисциплины тюремной направляемъ ихъ къ порядку и жизни правильной на

свободѣ. Такимъ образомъ, если «проектъ» ничего отъ себя не прибавляетъ къ извѣстнымъ изысканіямъ науки и опыта, за то не дѣлаетъ тутъ и опущеній. Но, вникая въ самый строй внутренней жизни проектируемыхъ тюремъ, въ его расположеніе по этимъ началамъ, нельзя сказать, чтобы каждому изъ нихъ была дана оцѣнка и указано мѣсто, именно ему тутъ слѣдующее. Усматривая мотивы преступленій прежде и больше всего въ *праздности, лѣности* и *неумѣньи* трудомъ заработывать себѣ пропитаніе (объясн. зап. ст. 1), авторъ проекта главнымъ образомъ останавливается на тюремномъ трудѣ и дисциплинѣ, не обращая должнаго вниманія на все остальное.

Чтобы лучше видѣть это, сдѣлаемъ общій взглядъ на начала тюремной морализаціи.

Каждая лечебница, какъ извѣстно, свое дѣло надъ больнымъ начинаетъ съ того, что прежде всего старается остановить дальнѣйшій въ немъ ходъ и развитіе болѣзни. Именно съ этого, естественно, должно начинаться и дѣло тюремнаго исправленія людей. Средство къ сему — раздѣленіе преступниковъ по степенямъ внутренней ихъ порчи. Такимъ образомъ, если «совмѣстное въ тюрьмѣ сожительство различныхъ нравственностей,—какъ справедливо замѣчается въ объяснительной запискѣ,—прямымъ путемъ ведетъ къ развитію крайней безнравственности въ средѣ всего населенія тюрьмы», то начало означеннаго раздѣленія арестантовъ не только положительно необходимо въ тюремномъ дѣлѣ, но съ него именно ему и начинаться слѣдуетъ. Но тутъ, впрочемъ, и все, чего можно надѣяться отъ этого начала. Оно не регрессируетъ нравственно больнаго, а только останавливаетъ дальнѣйшій въ немъ токъ и развитіе нравственной его порчи: это не сила созидающая, а лишь предупреждающая.

Само собою разумѣется, что состоятельность ожиданій отъ этого начала, на практикѣ, не безусловна. Оно нужно въ тюремномъ дѣлѣ, но полезнымъ ему будетъ только въ такомъ случаѣ, если арестанты будутъ группироваться дѣйствительно по нравственностямъ, и никакой не принесетъ пользы, обма-

нетъ наши ожиданія, если эта сортировка преступниковъ станетъ производиться на основаніяхъ, невѣрно опредѣляющихъ нравственное состояніе каждаго изъ нихъ.

Поступившій въ тюрьму всего прежде встрѣчается съ тюремною дисциплиной. Ближайшая цѣль этой дисциплины та, чтобы на извѣстное время отклонить преступника отъ его безпорядочной жизни, а конечная—чтобы этимъ временемъ пріучить его къ жизни правильной, систематической и внѣ стѣнъ заключенія. Потому самому, что она *пріучаетъ* заключеннаго, ее слѣдуетъ назвать и она есть сила созидающая, но въ такомъ только случаѣ, если тюремная дисциплина дѣйствительно будетъ пріучать арестанта къ порядку и жизни правильной на свободѣ. Но дѣло, значитъ, въ томъ: какъ поставить ее въ строѣ внутренней тюремной жизни, и что нужно для того, чтобы она дѣйствительно «пріучила» арестанта? Нужно, чтобы преступникъ подчинялся ей по собственному убѣжденію, съ ясно сознанною цѣлію переломить свою безпорядочную волю и заручиться навыкомъ къ самообладанію и въ жизни, къ постоянству и устойчивости при неизбѣжныхъ тутъ встрѣчахъ съ искушеніями: нужно, т. е., чтобы эта дисциплина тюремная опиралась главнымъ образомъ на начало умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія арестанта. Вотъ условіе полезности тюремной дисциплины, какъ начала воспитательнаго. Внесенная сюда на основаніи иномъ, она потеряется для конечной своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если преступникъ подчиняется ей не сознательно и по доброму расположенію, не съ ясною мыслію и теплымъ желаніемъ себѣ же отъ ней пользы, а нехотя, подъ вліяніемъ только страха взысканій за нарушеніе существующихъ порядковъ тюрьмы, то мысль о нарушеніи этихъ порядковъ будетъ таиться въ его сердцѣ на каждомъ шагу, нарушеніе ихъ останется желательнымъ для него, и удачное, при случаѣ, приведеніе этого желанія въ исполненіе еще въ стѣнахъ тюрьмы будетъ доставлять ему своего рода удовольствіе, а внѣ стѣнъ заключенія онъ броситъ эту скучную казенную жизнь, отвернется отъ нея, и тѣмъ

скорѣе, чѣмъ больше она надоѣла ему. Это такъ хорошо извѣстно каждому, имѣющему дѣло съ тюремнымъ населеніемъ, и такъ просто само-по-себѣ, что нѣтъ, кажется, надобности много и распространяться.

Гораздо шире задача тюремнаго труда. Поддерживая въ тюрьмѣ порядокъ и спокойствіе и, такъ-сказать, служа самой дисциплинѣ тюремной, онъ, съ одной стороны, отвлекаетъ преступника отъ праздности, и вездѣ вредной, а въ стѣнахъ заключенія еще болѣе, пресѣкаетъ его тунеядство насчетъ общества, никакъ не обязаннаго поить и кормить человѣка за то только, что онъ худъ и вреденъ ему, а съ другой—пріучаетъ арестанта къ трудолюбію, знакомитъ его съ тою или другою рабочею спеціальностью и, наконецъ, даетъ хотя кое-какія средства, необходимыя ему прямо по выходѣ изъ стѣнъ заключенія. Такая многоплодность тюремнаго труда ни одной минуты не даетъ сомнѣваться, что въ немъ, какъ говоритъ «записка», заключается двигатель къ нравственному исправленію, источникъ матеріальнаго обезпеченія и средство къ легчайшему поддержанію порядка и спокойствія въ тюрьмахъ. Онъ—сила созидающая, можно сказать, по преимуществу. Но нельзя однако не видѣть, что и это опять не безусловно, что все, сказанное о силѣ и вліяніи тюремной дисциплины въ дѣлѣ исправленія арестанта, всецѣло относится и къ тюремному труду. Онъ нуженъ въ строѣ внутренней тюремной жизни и нѣтъ слова, что пробѣлъ его составляетъ величайшую ошибку прежнихъ тюремныхъ уставовъ. Но, спрашивается: что сдѣлаетъ онъ самъ собою съ преступникомъ, у котораго нѣтъ вѣрнаго, яснаго и теплаго сознанія о своемъ долгѣ, чести и добрѣ, у котораго низкій уровень развитія запруженъ самымъ дикимъ суевѣріемъ и предразсудками, а на черствой почвѣ его сердца царитъ крайне смутное или даже совершенно ложное пониманіе обязанностей къ себѣ самому и окружающей его жизни? Оставляя духовно-нравственную его сторону *statu quo*, на извѣстные часы дня, онъ займетъ вниманіе преступника извѣстною работой и, на время заключенія, отвлечетъ его отъ

праздности и тунеядства,—но вѣдь и только. Нельзя же думать, что стоитъ только *заставить* арестанта проработать въ тюрьмѣ, изо-дня въ день, въ продолженіи одного-двухъ лѣтъ, и онъ такъ привыкнетъ къ трудолюбію, что будетъ и на свободѣ работать какъ заведенная машина. Человѣкъ—существо свободно-разумное. Дурны убѣжденія его, нѣтъ у него вѣрнаго и теплаго сознанія о своей чести и обязанностяхъ, въ которыхъ онъ поставленъ и живетъ, и онъ—лѣнивъ, праздènъ, бѣденъ, а за симъ—способенъ, свободенъ и, со стороны бѣдности, даже побуждается къ разнаго рода преступленіямъ. Не отъ лѣни онъ безнравственъ и худъ, а отъ безнравственности и дурнаго склада убѣжденій онъ лѣнивъ, бездѣленъ и худъ. Разсуждая иначе, мы поставимъ себя въ необходимость допустить, что каждый трудолюбивый человѣкъ непремѣнно нравственъ и хорошъ, тогда какъ практика жизни, какъ извѣстно, нерѣдко приводитъ на скамью подсудимыхъ самыхъ трудолюбивыхъ, напримѣръ, дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій, и имъ подобныхъ труженниковъ... Допустимъ однако, что средствами цѣлой системы принудительности, при помощи, положимъ, и участія арестанта въ задѣльной платѣ, мы добиваемся того, что наконецъ знакомимъ его съ тою или другою рабочею спеціальностью и дѣлаемъ даже привычнымъ къ труду. Отпуская его съ тѣмъ же уровнемъ развитія, съ тѣмъ же складомъ моральныхъ его убѣжденій, низшимъ уровнемъ и дурнымъ складомъ, что собственно, рядомъ посредствующихъ причинъ, и привело его къ стѣнамъ заключенія,—какое мы ручательство оставляемъ себѣ, что этотъ, такъ-сказать, перевоспитанный нами преступникъ не распорядится на свободѣ пріобрѣтеннымъ навыкомъ къ усидчивости и новыми знаніями по роду своихъ убѣжденій? Мы пріучили его къ слесарному, напримѣръ, мастерству, но чѣмъ гарантировали то, что онъ не будетъ думать объ отмычкахъ, для легчайшаго нарушенія правъ чужой собственности? Не значитъ ли это только вооружать дурнаго человѣка, чтобы онъ былъ еще болѣе опасенъ для общества?

Мы не возстаемъ безусловно противъ тюремной принудительности: мы хотимъ сказать только, что нельзя останавливаться на этой принудительности больше, чѣмъ слѣдуетъ, и на нее одну возлагать свои упованія. По нашему мнѣнію, чѣмъ менѣе исправительная тюрьма обращается къ мѣрамъ принудительности, чѣмъ скорѣе разстается съ нуждою въ нихъ, тѣмъ она ближе къ своей конечной цѣли. Это пробный камень вѣрнаго веденія тюремнаго дѣла. И если наши обращенія къ мѣрамъ репрессивнымъ неизбѣжны и даже часты при первой встрѣчѣ съ поступившимъ въ тюрьму, то, съ теченіемъ времени, подобныя обращенія наши все больше и больше должны вытѣсняться — постепенно, но настойчиво вступающимъ въ свои права началомъ умственнаго и религіозно-нравственнаго его развитія, такъ чтобы предъ выходомъ того же арестанта изъ тюрьмы—о репрессивныхъ мѣрахъ, по возможности, и помину не было: его поведеніе должно опираться теперь уже не на страхѣ наказаній, а на собственной его разумности и добрыхъ убѣжденіяхъ. Иначе, нуждаясь въ этомъ страхѣ и предъ выходомъ изъ тюрьмы такъ же точно, какъ и въ началѣ поступленія сюда, онъ не замедлитъ вернуться на прежнее поприще знакомой ему дѣятельности, лишь только почувствуетъ отсутствіе зоркаго и строгаго за собою присмотра.

Разумѣется само собою, что чѣмъ больше мы думаемъ полагаться въ тюремномъ дѣлѣ на принудительность и поддержку со стороны мѣръ репрессивныхъ, тѣмъ меньше можемъ давать тутъ простора началу умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія, и наоборотъ, чѣмъ большій просторъ даемъ тутъ этому началу, тѣмъ меньше, значитъ, полагаемся мы на свою принудительность и мѣры репрессивныя. Это аксіома.

Изъ сказаннаго о трудѣ и дисциплинѣ вытекаетъ, во-первыхъ, ихъ необходимость въ дѣлѣ исправленія преступниковъ, и во-вторыхъ, совершенная зависимость ихъ вліянія тутъ отъ умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія арестанта. Такимъ образомъ, это начало господствуетъ въ тюремной жиз-

ни, имъ она связывается, согрѣвается, одушевляется; безъ него вся эта жизнь не больше, какъ мертвая буква. Оно одно, безусловно полезное само по себѣ, условливаетъ возможность, средствами тюремныхъ работъ и дисциплины, сдѣлать человѣка трудолюбивымъ, знакомымъ съ тою или другою рабочею спеціальностію и болѣе или менѣе привычнымъ къ жизни правильной, постоянной, трудовой, что и составляетъ главную задачу проектируемой исправительной тюрьмы. Не останавливаясь на ближайшихъ и, слѣдовательно, только посредствующихъ причинахъ преступленій, всмотритесь въ коренную, и вы увидите, что почти всякое преступленіе прикрѣплено или къ невѣжеству человѣка, или къ крайнему недостатку въ немъ добрыхъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій, происходящему отъ совершеннаго непониманія, или пониманія ложнаго своихъ обязанностей въ отношеніи къ себѣ самому и ко всему окружающему. Лѣнь и естественная спутница ея праздность, раждающая бѣдность, часто влекущую человѣка на преступленіе, суть только продукты его безнравственности и невѣжества, плодъ его незнанія своихъ обязанностей. Начинать только съ этихъ причинъ значитъ полоть дурную траву, оставляя въ покоѣ ея здоровые корни, и такимъ образомъ, желаемый успѣхъ тюремнаго дѣла подвергать большому сомнѣнію. Пятилѣтній опытъ постояннаго и близкаго нашего обращенія съ тюремнымъ населеніемъ далъ намъ полную возможность убѣдиться, что міровоззрѣніе арестанта слишкомъ не безукоризненно. Какъ такъ обидчику, напримѣръ, не отомстить сторицею, думаетъ онъ; почему бы не украсть у имущаго: на то и богатъ онъ; отчего бы и не поразгуляться въ праздникъ Христовъ: кто праздничку радъ, отъ до свѣту пьянъ; какъ не поставить рублевой свѣчи батюшкѣ Николѣ, если онъ поможетъ благополучно снять съ него (съ образа) во-сто разъ больше стоющую ризу; возможное ли дѣло, убивъ въ Успенскомъ посту прохожаго, не бросить скороми, оказавшейся, между прочимъ, въ его сумѣ; отчего бы и не убить сосѣда, чтобъ добыть изъ него жиръ для

слитія свѣчи, съ которою можно пресчастливо воровать потомъ; а при теплой любви къ отчизнѣ, почему бы и не уклониться отъ взноса подати, почему бы даже и не обворовать казны, если оказія есть: вѣдь она матушка богата и т. д.... Съ чего начинаться тюремному дѣлу и какъ повестись ему, чтобы эта самая почва приняла и питала побужденія къ дѣятельности разумной, честной, себѣ и обществу полезной, послѣ всего сказаннаго становится уже очевиднымъ.

Такимъ образомъ вся моралізація тюремная сводится къ двумъ собственно началамъ, изъ коихъ первое и главное лежитъ на обязанности священника и учителя, а второе ведется начальствомъ тюрьмы. Священникъ и учитель подготовляютъ тюремную почву, ее пашутъ, удобряютъ и обсѣменяютъ здравыми воззрѣніями на жизнь и вещи, а начальство тюремное, средствами труда и дисциплины, на этой разчищенной и подготовленной почвѣ выводитъ трудолюбіе, исключающее лѣнь, а за лѣнью праздность и бѣдность, за симъ—знакомство съ тою или другою рабочею спеціальностію, необходимою въ жизни для снисканія пропитанія, и наконецъ—большій или меньшій навыкъ къ постоянству и жизни правильной на свободѣ. Таковъ конечный выводъ изъ общаго взгляда на начала тюремной моралізаціи.

Нечего и говорить, конечно, что успѣшная подготовка тюремной почвы, условливающая добрые результаты дальнѣйшаго на ней дѣланія, въ свою очередь условливается, кромѣ теплой любви и самаго искренняго усердія и преданности къ дѣлу, полною возможностію со стороны священника и учителя всецѣло отдаться своему долгу и посвятить ему всю свою энергію и силы,—равно какъ и желаемые успѣхи въ дѣлѣ воспроизведенія на этой почвѣ трудолюбія, житейскаго постоянства и самообладанія, кромѣ тѣхъ же условій, потребуютъ еще значительной развитости, педагогическаго такта, умѣнья и способности со стороны тюремнаго начальства. Вѣдь если и жизненный высадокъ на дурной почвѣ засыхаетъ и гибнетъ, то, съ другой стороны, таже пустота и безплодность будетъ по-

лучаться въ результатѣ, еслибы стали воспроизводить хотя бы и на плодородной почвѣ, но высадокъ безжизненный, сухой.

Сказаннаго считая достаточнымъ для нашей цѣли, переходимъ къ строю внутренней жизни будущихъ исправительныхъ тюремъ, какой дастся ей лежащимъ предъ нами проектомъ и объяснительною къ нему запискою.

Чтобы пресѣчь зараженія и дальнѣйшую нравственную порчу въ стѣнахъ самаго заключенія, авторъ проекта сортируетъ преступниковъ по нравственностямъ. «Совмѣстное содержаніе разнородныхъ преступниковъ, говоритъ онъ (Объясн. зап. ст. 3), повело бы только къ усиленію безнравственности во всей массѣ тюремнаго населенія, предоставивъ глубоко испорченнымъ и закоснѣлымъ въ преступленіяхъ натурамъ возможность вліять на менѣе испорченныхъ своихъ сотоварищей, что существенно будетъ вредить общей исправительной цѣли, для которой новыя тюрьмы предназначаются.» Кромѣ того: «начало совмѣстнаго содержанія преступниковъ разныхъ категорій, говорится далѣе, неудобно еще и въ отношеніи организаціи работъ и дисциплинарныхъ взысканій, такъ какъ при долгосрочномъ содержаніи полезно допустить тутъ изученіе ремеслъ и даже распространеніе элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, что невозможно при краткосрочномъ содержаніи» и т. д.

Очертивъ такимъ образомъ необходимость дѣленія преступниковъ, авторъ проекта безъ особеннаго затрудненія находитъ и указателей нравственнаго состоянія каждаго, подвергающагося тюремному заключенію съ цѣлію исправительною: это, говоритъ онъ, сроки лишенія свободы, установленные закономъ соотвѣтственно важности преступленій, которые, въ свою очередь, приблизительно указываютъ и на степень испорченности и нравственнаго паденія преступниковъ. И вотъ являются тюрьмы краткосрочныхъ арестантовъ, какъ отдѣлъ людей менѣе испорченныхъ, и тюрьмы долгосрочныхъ, какъ отдѣлъ болѣе испорченныхъ личностей.

Но спрашивается: эти сроки лишенія свободы, отвѣчающіе удобствамъ при организаціи тюремныхъ работъ, всегда ли со-

отвѣтствуютъ важности преступленій? Да и самое преступленіе, влекущее за собою лишеніе свободы, всегда ли опредѣляетъ степень нравственнаго состоянія преступника?

Суды человѣческіе, конечно, не то, что судъ Божій. Они могутъ хвалиться своимъ безпристрастіемъ, своимъ стремленіемъ и усиліемъ соблюсти справедливость; но ни одинъ изъ нихъ, какой бы онъ ни былъ, не можетъ похвалиться справедливостію чисто, такъ сказать, объективною. Для того, чтобы соразмѣрить точно наказаніе съ преступленіемъ, требуется выяснить и точно опредѣлить мѣру преступности каждаго дѣянія не изъ общихъ только началъ и понятій о добрѣ и злѣ, не изъ разсмотрѣнія только тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыми сопровождается преступленіе, но и изъ образа зарожденія и происхожденія его въ томъ субъектѣ, которымъ оно совершено. Но для этого вѣдь недовольно знать только тѣ данныя, при которыхъ совершено преступленіе: для этаго необходимо знать ту почву, на которой выросло и созрѣло преступленіе, тѣ сѣмена, изъ которыхъ развилось оно, тѣ условія, которыя способствовали его развитію, тѣ силы, которыми оно держалось до сихъ поръ и жило,—однимъ словомъ, для этого нужно знать самую душу человѣка. А при опредѣленіи наказанія за преступленіе развѣ имѣется подъ руками знаніе души преступника? Не большею ли частію данное преступленіе измѣряется лишь тѣмъ рангомъ, какой занимаетъ оно въ ряду другихъ подобныхъ же дѣяній, или тѣмъ вредомъ, который оно влечетъ за собою для общества? Припомнимъ извѣстное положеніе закона, по которому, если преступленіе совершено, но не огласилось въ извѣстный узаконенный срокъ и, слѣдовательно, не имѣло того или другаго гласнаго вліянія на общество, то законъ предаетъ это преступленіе забвенію или, такъ-называемой, земской давности, предоставляя преступника суду Божію и его собственной совѣсти. Этимъ законъ довольно опредѣленно говоритъ, что чисто нравственная оцѣнка преступленій не его дѣло, что его взглядъ на преступленіе утилитарный, обусловливаемый болѣе или

менѣе вреднымъ отношеніемъ его къ обществу. А сколько бываетъ преступленій самыхъ тяжкихъ и, слѣдовательно, самыхъ вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ для общества, которыя совершаются иногда совершенно случайно, почти въ безпамятствѣ, людьми внутренно не испорченными. И мало ли, наконецъ, преступленій не очень значительныхъ, которыя, будучи разсматриваемы сами по себѣ, не должны сопровождаться и не сопровождаются продолжительнымъ лишеніемъ свободы, но которыя, по внимательномъ разсмотрѣніи ихъ происхожденія на той почвѣ, гдѣ они зародились, являются не инымъ чѣмъ, какъ только частнымъ плодомъ глубоко укоренившейся въ человѣкѣ дурной наклонности, которая не подаетъ никакой надежды ни на повторяемость подобныхъ преступленій въ будущемъ, ни на исправленіе самаго преступника безъ принятія къ тому болѣе продолжительныхъ и сильныхъ мѣръ.

Все это мы къ тому говоримъ, что единичное преступленіе, а тѣмъ болѣе наказаніе за это преступленіе, являющееся въ формѣ, напримѣръ, лишенія свободы, еще не опредѣляетъ нравственнаго состоянія самаго преступника, и что, слѣдовательно, на основаніи этихъ лишеній свободы дѣлить преступниковъ на болѣе или менѣе безнравственныхъ не безопасно. Только цѣлая группа дѣяній человѣка можетъ быть вѣрнымъ указателемъ его нравственнаго состоянія, а удача со стороны единичнаго факта всегда и останется удачей, случайностію. На практикѣ часто такъ бываетъ: человѣкъ въ сущности дурной, съ дымящеюся кровью на рукахъ, привлеченный въ судъ за преступленіе не тяжкое, въ которомъ и обнаруженъ лишь оттого, что, по знакомству съ крупными злодѣяніями, небрежно отнесся къ этому, осуждается къ лишенію свободы на срокъ, по рангу преступленія, весьма не продолжительный. По положенію проекта, онъ долженъ поступить и поступитъ, конечно, въ тюрьму краткосрочныхъ арестантовъ: а такъ ли этому слѣдуетъ быть? Или вотъ, напримѣръ, фактъ недавнихъ дней. Нѣкто губернскій секретарь,—назовемъ его хоть буквою N,

за извѣстное преступленіе, высылается на жительство въ одну изъ не отдаленныхъ губерній, съ припискою его въ тамошніе мѣщане. Здѣсь, въ Петербургѣ, у N остается жена, которая домогается возвратить его къ семейству. Разрѣшеніе выходитъ. Для слѣдованія въ Петербургъ, N снабжается видомъ, который титулуетъ его «бывшимъ губернскимъ секретаремъ,» и въ которомъ между прочимъ говорится, что, по прибытіи на мѣсто, N обязанъ представить этотъ видъ куда слѣдуетъ. Прибывъ въ Петербургъ, N жены своей не застаетъ въ живыхъ, семейство встрѣчаетъ въ положеніи ужаснѣйшемъ, заболѣваетъ самъ, и помѣщается въ одну изъ здѣшнихъ лечебницъ. По выздоровленіи, съ свидѣтельствомъ отъ доктора, N представляетъ свой видъ, по сказанному, куда слѣдовало, и взамѣнъ его получаетъ новый срокомъ на 14 дней, по миновапіи которыхъ снабжается опять новымъ видомъ и опять на 14 дней и т. д. Въ такихъ обстоятельствахъ N не имѣетъ ни малѣйшей возможности приступить къ какому-нибудь занятію. Наконецъ ему объявляютъ, что такъ какъ онъ все же мѣщанинъ такого-то города, то и долженъ выхлопотать себѣ оттуда паспортъ. У несчастнаго, конечно, и руки опустились. И вотъ онъ ищетъ случая сдѣлаться преступникомъ, чтобы получить право на кусокъ хотя тюремнаго хлѣба: прямо идетъ въ знакомую ему квартиру одного изъ здѣшнихъ судей, и съ вѣшалки, въ передней набираетъ цѣлую охапку хозяйской одежды. Его останавливаютъ, да N и не бѣжитъ; зная горькое положеніе несчастнаго, его хотятъ отпустить, но это всего больше страшитъ N, и онъ, какъ милости себѣ, проситъ суда, который и приговариваетъ его къ тюремному заключенію на такой срокъ, что, по положенію лежащаго предъ нами проекта, онъ долженъ быть помѣщенъ въ тюрьмѣ долгосрочныхъ, т.-е. болѣе испорченныхъ арестантовъ.... А кто не знаетъ, наконецъ, извѣстнаго разсказа, будто одинъ честный бѣднякъ, выбившись изъ силъ въ борьбѣ съ угнетавшими его обстоятельствами, явился къ мировому судьѣ съ просьбою о помѣщеніи его куда-нибудь въ тюрьму, и когда судья отказалъ ему

за недостаткомъ «законныхъ» къ тому основаній, то проситель, нанесши судьѣ оскорбленіе дѣйствіемъ, тутъ же пополнилъ указанный пробѣлъ въ своей просьбѣ и получилъ право гражданства въ средѣ самыхъ, конечно, безнравственныхъ арестантовъ....

Но это все не приведетъ ли къ тому, что сортировка преступниковъ по нравственностямъ, имѣющая весьма серьезное значеніе для дѣла исправительной тюрьмы, останется дѣйствующею лишь на словахъ только и бумагѣ? Нельзя не видѣть, что проектъ, о которомъ мы говоримъ, началъ тутъ съ одного и кончилъ совершенно другимъ: главное положеніе, вызвавшее вопросъ о раздѣленіи преступниковъ и состоящее въ томъ, что совмѣстное содержаніе людей разнородныхъ нравственностей ведетъ только къ усиленію безнравственности во всей массѣ тюремнаго населенія, принесено въ жертву другому положенію, привлеченному сюда со стороны, и преслѣдующему лишь возможно большія удобства при организаціи въ тюрьмѣ работъ и дисциплинарныхъ взысканій. Не забудемъ однако, что конечные результаты отъ этихъ работъ и отъ этой дисциплинарности, какъ видѣли мы при обзорѣ тюремной морализаціи, условливаются силою и могуществомъ въ тюрьмѣ духовно-нравственнаго начала.

Противъ порочности человѣка, происходящей отъ его невѣжества, недостатка нравственныхъ убѣжденій и отсутствія надлежащихъ понятій объ истинахъ вѣры, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ служитъ, какъ и естественно, развитіе ума и сердца внушеніемъ высокихъ истинъ религіи и первоначальныхъ основаній знанія, вслѣдствіе чего и предполагается въ каждой тюрьмѣ особый учитель и особый священникъ, съ допущеніемъ соединенія этихъ двухъ обязанностей въ лицѣ одного священника, въ виду и безъ того «достаточной» обширности его труда, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ случаяхъ (объясн. зап. стр. 71).

Учитель обучаетъ арестантовъ грамотѣ, обязательной во всѣхъ тюрьмахъ, а въ долгосрочныхъ, кромѣ того, знакомитъ

ихъ и съ элементарными свѣдѣніями изъ практическихъ наукъ. Его содержаніе, какъ видѣли мы, 600, 700 и 800 р.; дается квартира съ отопленіемъ и пенсія по штату VII класса. Онъ занимается въ праздничные дни, когда арестанты свободны отъ работъ, что вполнѣ будетъ соотвѣтствовать назначенію праздниковъ, такъ какъ уроки его, доставляя отдыхъ отъ труда, въ тоже время будутъ служить средствомъ къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня заключенныхъ (объясн. зап. стр. 72).

Значитъ, въ проектируемой тюрьмѣ предполагается воскресная школа. И вотъ сегодня, напримѣръ, у насъ праздникъ или день воскресный, и пятисотенная масса арестантовъ собрана въ одну комнату. Является учитель, и приступаетъ къ дѣлу обученія грамотѣ. Спрашивается: съ чего и какъ? Заниматься съ каждымъ по немногу? Но вѣдь еслибы онъ только по пяти минутъ положилъ на каждаго, то и тутъ ему пришлось бы пробиться въ классѣ слишкомъ 40 часовъ за одинъ разъ. Быть можетъ, онъ съ того начнетъ, что изъ среды самихъ преступниковъ вызоветъ уже умѣющихъ грамотѣ, и на нихъ, по кружкамъ, возложитъ обученіе остальныхъ? Но убійственною скукой при такомъ обученіи, такъ какъ оно будетъ поручено людямъ, только читать умѣющимъ, а не учить другихъ (разница!), и отвратительною медленностію въ дѣлѣ наученія чтенію какъ бы не поселить въ ученикахъ полной антипатіи и даже ненависти къ книгѣ? Какъ бы не вызвать, вмѣсто дѣла, только партій въ средѣ арестантовъ, ссоръ между ними, или всевозможныхъ маневрированій для скрытія отъ учительскихъ взоровъ своего ничего-недѣланія? Такія опасенія при арестантскомъ взаимообученіи, на практикѣ, больше чѣмъ только возможны. При томъ же, урокъ учительскій въ теченіи одного праздничнаго дня не можетъ быть слишкомъ продолжителенъ. Нѣкоторые часы этого дня попадобятся для занятія людей церковною службой, нѣсколько времени уйдетъ на ихъ обѣдъ и прогулку, кое-что утечетъ изъ этого дня на свиданіе арестантовъ съ посѣтителями; да надо же, наконецъ,

хотя сколько нибудь побесѣдовать съ ними и священнику. Такимъ образомъ учитель проектируемой тюрьмы видится съ своими учениками только одинъ разъ и рѣдко (въ праздники среди недѣли) два раза въ теченіи цѣлой недѣли, встрѣчается съ ними на одинъ только часъ и много на два, почти ничего тутъ не успѣваетъ сдѣлать: и за все это имѣетъ сказанное содержаніе, пользуясь полною свободой занимать, въ то же время, должность—какую угодно и гдѣ угодно, внѣ стѣнъ своей тюрьмы, въ которой онъ нуженъ только тогда (по праздникамъ), когда совершенно свободенъ тамъ. Состояніе счастливое, еслибъ возможно было не принимать во вниманіе нравственнаго безпокойства, имѣющаго отравлять это счастіе при мысли о своей тутъ безполезности для населенія тюрьмы.

Достиженіе желаемыхъ результатовъ въ каждомъ серьезномъ дѣлѣ, кромѣ любви и усердія къ дѣлу со стороны дѣятеля, кромѣ его умѣнья и способности приняться за дѣло и повести его какъ надо, условливается еще и возможностію со стороны того же дѣятеля всецѣло предаться своему долгу и посвятить ему всю энергію свою и силы, — и это, разумѣется тѣмъ болѣе, чѣмъ серьезнѣе дѣло и чѣмъ желательнѣе добрые отъ него результаты.

Обращаясь къ дѣлу, на обязанности тюремнаго священника лежащему, мы не видимъ ему равнаго во всемъ строѣ исправительной тюрьмы. Уже то одно, что успѣхами тутъ, какъ видѣли мы, условливаются добрые результаты всего дальнѣйшаго дѣланія этой тюрьмы, достаточно убѣждаетъ въ истинѣ сейчасъ сказаннаго. Такимъ образомъ, чтобы средствами одного человѣка, въ срокъ времени, ему назначенный и всегда почти очень, сравнительно, непродолжительный, достигались нужные успѣхи въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, каково дѣло тюремнаго священника, необходимо все предусмотрѣть и устранить отъ него, что̀ такъ или иначе могло бы отвлекать его отъ его прямой въ тюрьмѣ обязанности. Именно такъ и смотритъ на это объяснительная къ проэкту записка, когда во вниманіе къ «достаточной» обширности лежащаго на священ-

никѣ труда и серьезной его важности, изъ опасенія опущеній, только въ крайнихъ случаяхъ соглашается на совмѣщеніе въ лицѣ его и обязанностей тюремнаго учительства. Къ сожалѣнію, такой взглядъ «записки» не сходится съ «проектомъ:» она весьма серьезно относится къ дѣлу священника, а проектъ, напротивъ, окладомъ содержанія священнику ставитъ его въ необходимость, покидая свой долгъ тюремный, искать себѣ хлѣба внѣ стѣнъ своей тюрьмы. Не значитъ ли это опять, что и такое начало, какъ религіозно-нравственное вліяніе на арестантовъ исправительной тюрьмы, оставляется дѣйствующимъ только на бумагѣ и словахъ?..

Послѣ сего за нами, кажется, остается уже законное право повторить сказанное въ началѣ, что проектъ, останавливаясь главнымъ образомъ на тюремномъ трудѣ и дисциплинарности, не обращаетъ должнаго вниманія на все остальное, тогда какъ это остальное, по своему значенію для конечной цѣли исправительной тюрьмы, требуетъ вниманія, какъ теперь мы видимъ, если не большаго, чѣмъ тюремный трудъ и дисциплинарность, то и ни въ какомъ случаѣ не меньшаго, иначе внутренняя жизнь проектируемой тюрьмы поставлена будетъ въ необходимость опереться единственно на принудительность, подкрѣпляемую цѣлою системой мѣръ репрессивныхъ, послѣ чего, какъ видѣли мы, исправительная тюрьма уже теряется для конечной своей цѣли и исправительною останется по одному лишь наименованію.

Таково именно положеніе будущихъ нашихъ тюремъ. Въ самомъ дѣлѣ, осуществите проектъ безъ всякихъ измѣненій его и вы получите на дѣлѣ ремесленную школу, или и того меньше, просто только мастерскую, со всевозможными цехами работъ, но не тюрьму исправительную. Ремесленную школу получите, если «артельные попечители,» привлеченные сюда для наученія арестантовъ рабочимъ ремесламъ, дѣйствительно будутъ заботиться объ этомъ наученіи, хотя бы то и въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ, что́, при срочности вообще ученика—арестанта, а при краткосрочности въ особенности, бо

лѣе чѣмъ только возможно; и просто только мастерскую получите, если эти «попечители» будутъ эксплоатировать уже готовыя силы мнимыхъ учениковъ своихъ, маскируя свое тутъ усердіе и дѣятельность заманчивыми цифрами тюремныхъ прибылей, отсылая для этого ничего незнающихъ къ труду механическому— щипать волосъ, пеньку, трепать мочалу, вить веревки и т. д. Для этой-то мастерской, или даже и школы ремесленной, предположенное неприниманіе въ тюрьму неспособныхъ къ работѣ (объясн. зап. стр. 58), дѣленіе принимаемыхъ по срокамъ лишенія свободы и то положеніе учителя и священника, не мѣшающее работамъ, основаннымъ на цѣлой системѣ принудительности, широко и прочно гарантированной безконтрольностію мѣстной власти,—разумѣется, будутъ пригодными какъ нельзя больше. Но *исправительная* тюрьма! Ея цѣль совершенно не та. Не таковъ, слѣдовательно, долженъ быть и строй внутренней ея жизни.

Свящ. Илія Свиткинъ.

(Продолженіе впредь.)

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ [1].

Подъ такимъ заглавіемъ появилось въ концѣ прошлаго года сочиненіе, которое безспорно займетъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Давно уже чувствовалась потребность въ общемъ критическомъ обзорѣ древне-русскихъ житій, въ распредѣленіи ихъ многочисленныхъ списковъ по редакціямъ, въ опредѣленіи времени и способовъ ихъ составленія, въ оцѣнкѣ историческихъ свѣдѣній, въ нихъ заключающихся. Большая часть источниковъ того же времени неоднократно подвергалась подобному пересмотру и подробному изученію какъ во внѣшнемъ своемъ видѣ, такъ и во внутреннемъ составѣ: безъ такой предварительной разработки не возможно было бы пользованіе ими для писавшихъ прагматическія сочиненія по русской исторіи. По примѣру нашихъ старинныхъ лѣтописей, идя отъ начальной и оканчивая царственными и новыми лѣтописцами, и другія историческія сказанія были привлекательнымъ предметомъ для такъ-называмой малой критики, палеографической, филологической и библіографической. Житія святыхъ никогда еще въ цѣломъ своемъ развитіи не были изслѣдуемы съ этой стороны. Причинъ тому было много: съ одной стороны самое свойство этого памятника, при-

[1] Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе *В. Ключевскаго*. Москва, 1871. Стр. III, 465 in — 8. Цѣна 2 рубля.

надлежащаго не только къ исторической, но еще болѣе къ церковной письменности; съ другой разбросанность многочисленныхъ списковъ житій по общественнымъ и частнымъ библіотекамъ во всѣхъ концахъ Россіи; наконецъ скудость заключающихся въ нихъ извѣстій сравнительно съ извѣстіями другихъ историческихъ источниковъ. Только важнѣйшія изъ южнорусскихъ житій, преимущественно кіевскія и нѣкоторыя изъ сѣверно-русскихъ обращали на себя пытливое вниманіе историковъ нашей письменности до Петра и историковъ русской церкви. Остальная масса ихъ была не тронута и входила въ церковно-историческія книги лишь въ видѣ общаго обзора распространенія монастырей въ древней Россіи и краткаго очерка дѣятельности главныхъ подвижниковъ русской церкви въ допетровскія времена. Далѣе этого наша ученая литература не пошла въ пользованіи старинными житіями.

Между тѣмъ древне-русскія житія имѣютъ въ себѣ всѣ свойства историческаго источника. Прежде всего они сами по себѣ суть литературный памятникъ своего времени и мѣста, хотя характеръ эпохи, къ которой относится составленіе ихъ, и отражался въ различныхъ житіяхъ неодинаково. Затѣмъ въ главныхъ частяхъ своихъ: похвалѣ подвижнику, описаніи обрѣтенія мощей его, чудесъ отъ нихъ и службѣ прославленному угоднику, они суть по преимуществу достояніе церковной письменности. Въ описаніи самой жизни подвижниковъ, ихъ пребыванія въ родительскомъ домѣ, ухода въ монастырь и подвиговъ въ новыхъ мѣстностяхъ, отношеній къ окружающей средѣ, странствій подвижника изъ мѣста въ мѣсто и въ самомъ разсказѣ о посмертныхъ чудесахъ, встрѣчается не мало свѣдѣній для исторіи народной и общественной. Неравномѣрная важность житій, какъ историческаго источника, зависѣла отъ большаго или меньшаго разстоянія между тою эпохой, въ которую они составлялись, и временемъ, когда жилъ самъ подвижникъ, а нерѣдко и отъ историческаго значенія того лица, о коемъ въ житіи повѣствуется. Древнѣйшія житія и нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ сохранили въ себѣ ясные слѣ-

ды той простоты, которою отличалась народная жизнь въ древней Руси, слѣды непосредственной связи съ дѣйствительностью. Во многихъ житіяхъ разбросаны, хотя и отрывочныя, но далеко не безполезныя географическія свѣдѣнія, особенно важныя для исторіи колонизаціи тѣхъ мѣстностей, которыя оставались не заселенными до прихода въ нихъ пустынножителей. Иногда въ житіяхъ попадаются весьма ясные намеки на политическія отношенія, господствовавшія въ то время, когда дѣйствовалъ святой мужъ. Наконецъ между житіями встрѣчается много такихъ, которыя даютъ возможность и въ наше время ознакомиться съ идеалами, созданными древнерусскимъ обществомъ и по крайней мѣрѣ осуществлявшихся въ извѣстныхъ слояхъ его, или же изучить отдѣльное лицо въ его независимомъ отъ общественной среды положеніи, въ его такъ сказать уединеніи. Всѣ эти свойства древне-русскихъ житій не были тайной для изслѣдователей древне-русской жизни, но остались почти не обслѣдованными и лишь слегка разработанными. Достоинства житій, какъ историческаго источника, представлялись смутно. Были такіе писатели, которые изъ житій позднѣйшаго составленія брали черты для характеристики эпохи, гораздо древнѣйшей. Изслѣдователи болѣе осторожные пользовались лишь такими житіями, значеніе которыхъ было очевидно или по его необыкновенно оригинальной литературной формѣ, или же по несомнѣнной важности того лица, которое въ нихъ описывалось. Но вся остальная масса житій и многія изъ передѣлокъ ихъ оставляемы были въ сторонѣ. Для этого нуженъ былъ трудъ предварительный, сухой и тяжелый, — трудъ приведенія въ извѣстность не только всѣхъ житій святыхъ, оставленныхъ намъ древнею Русью, но и сличеніе ихъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ, подведеніе послѣднихъ подъ соотвѣтственныя редакціи; затѣмъ трудъ провѣрки тѣхъ свѣдѣній, какія заключаются въ житіяхъ, извѣстіями другихъ источниковъ, относящихся къ тому же времени, и сравнительная оцѣнка житій на ряду съ другими памятниками, къ которымъ они примыкаютъ своимъ историче-

скимъ содержаніемъ. Такой утомительный, но почтенный трудъ и рѣшился выполнить г. Ключевскій, авторъ разсматриваемаго нами сочиненія. Для сей цѣли онъ ознакомился съ наиболѣе извѣстными изъ нашихъ библіотекъ: синодальною, соловецкою, хранящеюся въ казанской духовной академіи, графа Румянцева въ московскомъ публичномъ музеѣ, Ундольскаго тамъ же, Троице-Сергіевой лавры, московской духовной академіи и хранящимися какъ въ ней, такъ и въ московской епархіальной библіотекѣ рукописями Іосифо-Волоколамскаго монастыря, съ Погодинскимъ отдѣломъ императорско-публичной библіотеки, библіотекою графа Уварова въ Порѣчьѣ, и отдѣльными рукописями, принадлежащими другимъ частнымъ лицамъ. Онъ разсмотрѣлъ въ нихъ до ста шестидесяти житій, слишкомъ въ двухъ стахъ пятидесяти редакціяхъ по спискамъ, число коихъ доходитъ до пяти тысячъ. Конечно, не всѣ извѣстныя въ Россіи собранія рукописей могли быть разсмотрѣны авторомъ; но главный трудъ уже выполненъ и знатокамъ мѣстныхъ библіотекъ является возможность дѣлать дополненія къ сочиненію, осмотрѣвшему древне-русскія житія въ такомъ громадномъ количествѣ. Словомъ, авторомъ исполнена та предварительная задача по вопросу объ изученіи житій, которая обыкновенно составляетъ предметъ занятій такъ-называемыхъ археографическихъ коммиссій. Впрочемъ сочиненіе его не обнимаетъ всего круга русскихъ житій. Оно касается только житій подвижниковъ, дѣйствовавшихъ въ сѣверо-восточной Россіи, и не включаетъ въ свой обзоръ тѣхъ сравнительно немногихъ редакцій и списковъ этихъ житій, которыя появились послѣ реформы Петра. Житія святыхъ кіевской и вообще юго-западной Руси не были предметомъ изслѣдованія въ этомъ сочиненіи. Таковы были задача, объемъ и предметъ изслѣдованія, усвоенные авторомъ, который въ своей книгѣ преслѣдовалъ двѣ цѣли: литературную и историческую.

Литературная исторія древне-русскихъ житій должна значительно измѣниться или лучше сказать пополниться послѣ изданія въ свѣтъ разсматриваемаго нами сочиненія. Авторомъ

намѣчены съ такою ясностью и опредѣленностью тѣ литературныя эпохи, которыя пережиты житіями въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, тѣ хронологическія грани, которыми отдѣляются различные пріемы, руководившіе составителями житій, что уже одна эта заслуга даетъ сочиненію г. Ключевскаго право на почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ разсматриваетъ древнѣйшія житія, явившіяся на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, и указываетъ на ту литературную обработку, которой подверглись въ нихъ древнѣйшія преданія о святыхъ. Вотъ его мнѣніе о свойствахъ этихъ житій. Сперва по поводу житій ростовскихъ онъ говоритъ: «изъ формъ историческаго изложенія въ сѣверно-русской литературѣ XII — XIV в. хорошо извѣстна самая простая—лѣтопись. Ясные слѣды указываютъ на существованіе въ ней и другой, болѣе сложной и искусственной формы—біографіи. Но если сѣверный лѣтописецъ этого времени является довольно яснымъ литературнымъ типомъ, то образъ сѣвернаго біографа остается подернутъ тѣнью элементовъ, чуждыхъ историческому изложенію. Во первыхъ, авторы этихъ жизнеописаній остаются для читателя лицами совершенно незнакомыми: какъ ихъ понятія и литературныя средства, такъ и имена, общественныя положенія и обстоятельства, среди которыхъ они писали житія, исчезли въ послѣднихъ почти безслѣдно. Далѣе, на всѣхъ разобранныхъ редакціяхъ, за исключеніемъ трехъ, лежитъ сильный отпечатокъ позднѣйшихъ литературныхъ цѣлей и понятій, которыя опредѣлили не только ихъ историческій взглядъ и отчасти фактическое содержаніе, но и литературную форму, внося въ біографію поучительно-реторическіе элементы. Наконецъ, всѣ редакціи безъ исключенія временемъ своего происхожденія слишкомъ удалены отъ описываемыхъ ими лицъ, и ни одна не основала своего разсказа о жизни святаго на современныхъ или близкихъ къ нему по времени источникахъ. Не книжный писатель составилъ эти житія; до него ихъ сложила мѣстная народная легенда, у которой своя память, свои особые источ-

ники и пріемы; поздній списатель только записалъ готовую основу, прибавивъ къ ней свои книжныя разсужденія, ничего фактическаго не дающія историку. Среди скудныхъ историческихъ данныхъ, доступныхъ повѣркѣ по другимъ источникамъ, помимо житія, личность его составителя часто совершенно исчезаетъ въ этой легендѣ, и нѣтъ средствъ ни указать точно его участіе въ обработкѣ сказанія, ни услѣдить за развитіемъ послѣдняго по всѣмъ темнымъ извилинамъ многолѣтней изустной передачи. Такимъ образомъ разобранныя житія древнѣйшихъ сѣверныхъ святыхъ не могутъ служить ни вѣрными образчиками древней сѣверной агіобіографіи, ни чистымъ историческимъ источникомъ: ихъ литературные пріемы и точка зрѣнія на описываемыя лица не принадлежатъ этому періоду, а остальные фактическіе источники не принадлежатъ непосредственно исторіи. Болѣе чистый матеріалъ для историографической производительности до конца XIV в. на сѣверѣ даетъ небольшая группа житій, составившаяся къ этому времени. Біографія является здѣсь съ наименьшей примѣсью сторонніхъ элементовъ» (стр. 51). Этотъ же второй отдѣлъ древнѣйшихъ житій сѣверной Руси авторъ характеризуетъ такъ: «они писаны для церковнаго употребленія или по крайней мѣрѣ имѣли его, нѣкоторыя несомнѣнно, другія вѣроятно; потому всѣ они имѣютъ характеръ проложной записки, или «памяти» о святомъ, отличаясь сухимъ, сжатымъ разсказомъ, скудно оживляемымъ рѣчью дѣйствующаго лица или библейскимъ заимствованіемъ; въ нихъ замѣтно уже зарожденіе условныхъ біографическихъ чертъ и пріемовъ, составившихъ реторику житій позднѣйшаго времени; но вопреки ей всѣ они, не исключая и двухъ указанныхъ, имѣютъ въ основѣ своей извѣстную историографическую задачу, ставя на первомъ планѣ фактическое содержаніе житія и не обращая его въ матеріалъ для церковной проповѣди или нравственно-реторическаго разсужденія. Таковы происхожденіе и первопачальный видъ древне-русской агіобіографіи на сѣверѣ» (стр. 78).

Въ III главѣ авторъ разсматриваетъ житія, составленныя

Кипріаномъ и Епифаніемъ. Въ этихъ житіяхъ, по мнѣнію его, вырабатывается новый характеръ, измѣняющій отношенія къ нимъ историка. «Для большинства новыхъ житій», говоритъ онъ, «преданіе перестаетъ быть не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ; въ то же время начинаютъ перерабатывать прежнія житія; развивается особый литературный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго составляются новыя житія и новыя редакціи старыхъ, найденныхъ неудовлетворительными. Съ этого времени въ житіяхъ получаютъ господство искусственные литературные пріемы, устанавливаются сложныя правила и условія; сказаніе о святомъ уже не ограничивается простой исторической задачей сохранить о немъ память въ потомствѣ, но ставитъ на первомъ планѣ другія цѣли. Эти пріемы и цѣли не только устанавливаютъ въ житіяхъ особую точку зрѣнія, извѣстный условный взглядъ на описываемыя явленія, но и опредѣляютъ въ нихъ самый выборъ содержанія, которымъ можетъ пользоваться историкъ. Если это содержаніе вообще становится гораздо богаче въ сравненіи съ житіями предшествующаго времени, то примѣсь посторонникъ, неисторическихъ элементовъ даетъ ему особую, условную оболочку, которую предварительно долженъ снять съ него историкъ. Это направленіе развивалось въ сѣверной агіобіографіи подъ иноземнымъ южно-славянскимъ вліяніемъ, проникавшимъ въ нашу литературу двумя путями. Съ юга усиливается въ сѣверной Руси наплывъ славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ, послужившихъ образцами и пособіями для изложенія житій въ новомъ направленіи; въ то же время, въ слѣдъ за письменными памятниками юга, появляются пришлые оттуда же литературные таланты, которые даютъ нашей литературѣ первые опыты этого искусственнаго изложенія» (стр. 79). Въ частности объ Епифаніи, какъ составителѣ нѣсколькихъ житій, авторъ говоритъ: «Въ Епифаніи, какъ писателѣ, встрѣчаемъ два условія, которыя рѣдко соединялись въ нашихъ позднѣйшихъ агіобіографахъ: онъ обладалъ литературнымъ талантомъ, вооруженнымъ обширной начитанностью,

и былъ близкимъ свидѣтелемъ событій, которыя описывалъ, или зналъ ихъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Притомъ въ его литературномъ положеніи была особенность, не существовавшая позднѣе: онъ писалъ въ то время, когда стиль житій у насъ только еще устанавливался, не затвердѣвъ въ неподвижныхъ, холодныхъ формахъ. Потому его витійство не знаетъ границъ и часто подавляетъ фактическое содержаніе; потому же изъ всѣхъ образцовыхъ агіобіографовъ онъ былъ наименѣе доступенъ для чтенія или подражанія, чѣмъ объясняется слабое распространеніе его трудовъ въ древне-русской письменности. Сущность фактовъ у Епифанія пострадала отъ ораторской окраски очень мало, меньше чѣмъ въ большинствѣ позднѣйшихъ житій; но сильно потерпѣли ихъ связь и ясность» (стр. 112).

Представителемъ слѣдующей эпохи литературнаго развитія житій авторъ считаетъ Пахомія Логоѳета и посвящаетъ ему особую главу, говоря о немъ слѣдующее: «Пахомій вышелъ изъ средоточія православной греко-славянской образованности XIV—XV в., изъ Святой Горы и вынесъ оттуда высокое понятіе объ охранительной силѣ родной письменности для племени... Такой человѣкъ былъ нуженъ на Руси въ XV в., и потому, когда онъ явился здѣсь, великій князь и митрополитъ съ соборомъ, новгородскій владыка и игуменъ монастыря обращались къ нему съ просьбами и порученіями написать о томъ или другомъ святомъ. Достаточно пересчитать творенія Пахомія, приведенныя въ извѣстность, чтобы видѣть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что новаго внесло оно въ русскую письменность. Пахомій написалъ не менѣе 18 каноновъ и 3 или 4 похвальныя слова святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій; изъ послѣднихъ только 3 можно считать оригинальными произведеніями, остальныя — новыя редакціи или переложенія прежде написанныхъ біографій. Запасъ русскихъ церковныхъ воспоминаній, накопившійся въ половинѣ XV в., надобно было ввести въ церковную практику и въ составъ душеполезнаго чтенія, обращавшагося въ огра-

ниченномъ кругу грамотнаго русскаго общества. Для этого надобно было облечь эти воспоминанія въ форму церковной службы, слова или житія, въ тѣ формы, въ какихъ только и могли они привлечь вниманіе читающаго общества, когда послѣднее еще не видѣло въ нихъ предмета не только для научнаго знанія, но и для простаго историческаго любопытства. Въ этой стилистической переработкѣ русскаго матеріала и состоитъ все литературное значеніе Пахомія. Онъ нигдѣ не обнаружилъ значительнаго литературнаго таланта; мысль его менѣе гибка и изобрѣтательна, чѣмъ у Епифанія; но онъ прочно установилъ постоянные однообразные пріемы для жизнеописанія святаго и далъ русской агіобіографіи много образцовъ того ровнаго, нѣсколько холоднаго и монотоннаго стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности... Гораздо менѣе важны труды Пахомія, какъ историческій матеріалъ... Только біографіи Кирилла и Евфимія цѣнны и по свойству источниковъ и по обилію содержанія; еслибы всѣ остальные труды Пахомія исчезли, въ нашихъ историческихъ источникахъ не образовалось бы слишкомъ замѣтнаго пробѣла» (стр. 165—167). Слѣдующая глава посвящена тѣмъ житіямъ, которыя были подражаніями сочиненіямъ Пахомія, какъ въ литературныхъ пріемахъ, такъ и въ пониманіи историческихъ явленій, при чемъ личность писателя и его взгляды окончательно закрылись предъ изслѣдователемъ за реторическою формою житій. Только одну, также общую черту для житій этого времени, авторъ прибавляетъ къ ихъ характеристикѣ въ отличіе отъ житій прежней эпохи. «Чѣмъ дальше отъ половины XV в., говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе русская агіобіографія удаляется отъ городскихъ центровъ, гдѣ составилось большинство прежнихъ житій, и продолжаетъ свое развитіе въ пустынѣ, по многочисленнымъ монастырямъ, здѣсь возникавшимъ, выходя такимъ образомъ изъ предѣловъ того круга общественныхъ явленій, который вѣдала лѣтопись; потому рѣдко представляется возможность съ помощію послѣдней провѣрить или объяснить новыя житія» (стр. 168).

Житіямъ Макарьевскаго времени также посвящена особая глава. Это одна изъ плодовитѣйшихъ эпохъ въ исторіи древне-русской агіобіографіи, которой сообщено было тогда сильное возбужденіе двумя событіями: канонизаціей русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 гг. и составленіемъ Макарьевскихъ Четьихъ-Миней. Здѣсь авторъ касается какъ исторіи этой канонизаціи, такъ и составленія Миней. Хотя характеристика житій этого времени скуднѣе, чѣмъ характеристика житій, разсмотрѣнныхъ въ прежнихъ главахъ, но она все-таки проглядываетъ въ нѣсколькихъ замѣчаніяхъ, брошенныхъ какъ бы мимоходомъ. Самъ Макарій изображенъ авторомъ, какъ іерархъ, стремившійся украшать и поновлять ветхое, какъ въ монументальныхъ памятникахъ церковной старины, такъ и въ памятникахъ литературныхъ, и благодаря такому стремленію въ четверть вѣка написано было о русскихъ святыхъ не меньше, чѣмъ въ сто лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертію Макарія. Но это стремленіе «только утверждало господство установившихся литературныхъ формъ житія, не внося потребности въ болѣе широкомъ изученіи и въ менѣе условномъ пониманіи историческихъ фактовъ» (стр. 231). Еще строже общій отзывъ автора въ главѣ, представляющей перечень новыхъ житій и поновленныхъ редакцій, появившихся послѣ Макарія до конца XVII в., а равно и большая часть заключительной главы, представляющая общую характеристику всѣхъ древне-русскихъ житій святыхъ, и посвященная весьма обширной, но направленной преимущественно въ одну сторону, характеристикѣ того цикла житій, въ которыхъ въ большей или меньшей степени преобладаетъ элементъ реторическій. Считая общія агіобіографическія мѣста господствующимъ элементомъ въ содержаніи житій, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что въ большинствѣ древне-русскихъ житій святыхъ форма подавляла фактическое содержаніе; по этому и значеніе житій, какъ источника историческаго, авторъ не ставитъ высоко. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ перейти ко второй задачѣ

разсматриваемаго сочиненія: къ оцѣнкѣ фактическаго содержанія житій святыхъ.

Имѣя въ виду преимущественно литературную исторію житій, опредѣленіе тѣхъ способовъ, при помощи коихъ они составлялись въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ, подмѣчая въ то же время общіе пріемы въ нихъ, авторъ уже тѣмъ самымъ до извѣстной степени выполнялъ свою вторую задачу—оцѣнку историческаго матеріала, накопившагося мало по малу въ старинныхъ житіяхъ, и конечно не былъ обязанъ увеличить свою книгу самою разработкой фактическаго содержанія святыхъ. Его изысканія уже и безъ того достаточно важны, чтобы ихъ считали полезными въ области нашей исторической литературы. Но такъ какъ въ общей массѣ древне-русскихъ житій нашлось не мало такихъ, достоинство коихъ, какъ историческаго источника, выходитъ изъ ряда, то и въ разсматриваемой книгѣ не рѣдко попадаются отдѣльные отзывы, придающіе тому или другому житію несомнѣнныя достоинства немаловажнаго историческаго источника. Этими частными отзывами какъ бы нарушается общій приговоръ о скудости и недостаточной доброкачественности фактовъ, занесенныхъ въ житія. Но дѣло въ томъ, что опредѣляя достоинство житій, какъ источника историческаго, авторъ противопоставляетъ ихъ лѣтописи и чрезъ то вводитъ въ сравненіе величины неодинаковыя. Житія святыхъ, по ихъ фактическому содержанію, было бы справедливѣе оцѣнивать сравнительно съ отдѣльными сказаніями, такъ часто входившими въ составъ лѣтописей, или существующими и отдѣльно въ не меньшемъ изобиліи. Если взглянуть на житія при такихъ болѣе скромныхъ требованіяхъ, то умалять ихъ достоинствъ, какъ источника историческаго, не будетъ ни какой надобности. Впрочемъ доказательства тому, что отдѣльныя житія представляютъ не мало историческаго матеріала, встрѣчаются весьма часто и въ самой книгѣ г. Ключевскаго. Такъ на стр. 3 онъ говоритъ, что ростовскія житія не представляютъ особенно цѣнныхъ памятниковъ по качеству историческаго матеріала, въ

нихъ заключающагося, но и этотъ матеріалъ остался бы безъ нихъ почти незамѣнимымъ пробѣломъ въ древнѣйшихъ источникахъ нашей исторіи. На стр. 52 онъ признаетъ, что житіе Авраамія Смоленскаго—одно изъ самыхъ любопытныхъ, какъ по заключающимся въ немъ данным по исторіи, такъ и по своей литературной формѣ. На стр. 83 указано много новыхъ чертъ въ житіи митрополита Петра, составленномъ Кипріаномъ, которыхъ нельзя найти въ другихъ источникахъ, да и вообщ -это житіе, по словамъ автора, было отвѣтомъ на многія тревожные вопросы времени, силу которыхъ не разъ пришлось почувствовать самому Кипріану. На стр. 92 о житіи Стефана Пермскаго авторъ долженъ былъ сказать, что даже извѣстія лѣтописца XV в. о смерти Стефана составлены по житію, написанному Епифаніемъ, которое по размѣрамъ своимъ дѣйствительно принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ древнерусскихъ житій. Все это говорилось о житіяхъ болѣе древнихъ, еще не подчинившихся реторическому элементу; но и о житіяхъ позднѣйшихъ одобрительные отзывы встрѣчаются не рѣже. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, укажемъ на отзывъ о житіи Михаила Клопскаго, составленномъ въ эпоху подражаній твореніямъ Пахомія Логоѳета. Говоря о подробной редакціи этого житія, сохранившейся въ рукописи XVI в., вотъ какъ характеризуетъ ее намъ авторъ: «она любопытна, какъ памятникъ, рисующій образъ древне-русскаго юродиваго и значеніе, какое онъ могъ пріобрѣсть въ обществѣ. Она незамѣнима по разсказамъ о лицахъ, игравшихъ видныя роли въ исторіи Новгорода XV в.: архіеп. Евѳимій Брадатый и преемникъ его Евѳимій II. посадники Григорій Кирилловичъ Посахно, и Иванъ Васильевичъ Немиръ, боярин Иванъ Семеновичъ Дошинскій, Димитрій Шемяка—всѣ эти любопытные люди, которые въ лѣтописи мелькаютъ бѣдными фигурами политической драмы, разыгравшейся между Новгородомъ и Москвой, являются здѣсь съ живыми чертами, съ своими ежедневными отношеніями» (стр. 215). Многія изъ житій Макарьевскаго времени признаются способными дать матеріалы для исторіи Сте-

ценной книги. Житіе Евфросина Псковскаго, въ редакціи пресвитера Василія, авторъ справедливо защищаетъ отъ порицаній, высказанныхъ церковными историками, и въ заключеніе говоритъ: «Несправедливо было со стороны критики требовать точности равнодушнаго повѣствованія отъ полемическаго сочиненія; не біографъ виноватъ, если напрягали ученое остроуміе, чтобы доказать нелѣпость его сновидѣній. Отдѣливъ легко уловимыя полемическія неточности въ разсказѣ перваго списателя, найдемъ, что основные факты въ его повѣсти, любопытные для характеристики духовныхъ интересовъ русскаго общества XV вѣка, подтверждаются современными извѣстіями другихъ источниковъ.» (стр. 255 [2]). На стр. 262 авторъ дол-

---

[2]) Когда наша статья была уже набрана, мы прочли въ № 11-мъ „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ замѣтку о воскресныхъ собесѣдованіяхъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ сказано: „о. Пафнутій присовокупилъ, что за симъ не страннымъ ли оказывается, что въ стѣнахъ московскаго университета какъ бы поддерживается заблужденіе раскольниковъ, и для не бывшихъ на прежнихъ бесѣдахъ пояснилъ: *оправданіе* двоенія „аллилуіа“ изложено между прочимъ въ недавно защищавшейся въ томъ университетѣ диссертаціи г. Ключевскаго „Сказанія о житіяхъ святыхъ въ историческомъ отношеніи“ (sic!), въ которой г. Ключевскій въ разборѣ житія св. Евфросина Псковскаго, ссылаясь на видѣнный будто бы г. Тихонравовымъ письменный документъ въ библіотекѣ Троицкой Лавры, утверждаетъ, что двоеніе „аллилуіа“ употреблялось еще въ XII вѣкѣ.“ Затѣмъ составитель замѣтки въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ г. Б. прибавляетъ отъ себя: „и вотъ мы убѣдились, что публичный защитникъ православія долженъ былъ ратовать не противъ невѣжества только раскола, а противъ ученаго труда, повлекшаго за собою удостоеніе степени магистра русской исторіи... Честь и слава о. Пафнутію, отразившему ученую ложь.“ Прежде чѣмъ отвѣтить на эту замѣтку, скажемъ, что г. Ключевскій указалъ еще на памятники XIV — XVI вѣковъ, гдѣ употреблена сугубая аллилуіа. Удивляться нечему, что въ сочиненіи, имѣющемъ цѣлію изложить факты, не прибѣгая къ ихъ богословской оцѣнкѣ, необходимо указаніе всѣхъ однородныхъ показаній, имѣющихся у автора подъ руками. Другаго значенія они и не могутъ имѣть: никто имъ не придаваль значенія каноническаго, какъ и самому житію св. Евфросина. Сказать о г. Ключевскомъ, что онъ защищаетъ сугубую аллилуію, только и можно было въ пылу пререканій съ раскольниками, но нельзя извинить въ этомъ г. Б., который могъ самъ прочесть въ книгѣ г. Ключевскаго относящееся сюда мѣсто. Если г. Ключевскій привелъ указаніе невѣрное, то и отвѣчать ему слѣдовало бы указаніемъ болѣе точнымъ, — и только, а не навязы-

женъ былъ самъ ограничить свой общій приговоръ о житіяхъ съ реторическимъ характеромъ въ примѣненіи къ житію Евфросиніи Полоцкой, сохранившемуся въ четьихъ-миней Макарія: «По составу и литературному характеру оно напоминаетъ реторическія житія XV—XVI вѣка, но живость и обиліе біографическихъ чертъ вмѣстѣ съ остатками стариннаго языка заставляетъ предполагать у біографа какой-нибудь болѣе древній источникъ.» Точно также несмотря на обиліе реторики въ обширныхъ словахъ объ обрѣтеніи мощей святителя Іоны и епископа Никиты, они избѣгаютъ всей тяжести лежащей въ общемъ приговорѣ о сочиненіяхъ этого рода и признаются важными какъ историческій матеріалъ: «оба они, говоритъ авторъ, даютъ нѣсколько чертъ для исторіи броженія, произведеннаго въ обществѣ ересями XVI вѣка. Кромѣ того первый изъ нихъ рисуетъ яркую картину голода и мора, предшествовавшихъ обрѣтенію мощей Іоны и сильно бичуетъ земскихъ правителей за ихъ поведеніе во время этихъ народныхъ бѣдствій, замѣчая имъ, что такъ не поступаютъ и турки. Второе слово гораздо подробнѣе Іоасафа (предшествовавшая редакція житія) разсказываетъ объ открытіи мощей Никиты и взятіи Ругодива у Ливонцевъ, случившемся въ одно время съ этимъ открытіемъ и потомъ своеобразно излагаетъ жизнь святаго» (стр. 268). Свѣдѣнія объ источникахъ, которыми пользовался Іоасафъ, авторъ нѣсколькихъ житій, указанныхъ на стр. 280, также говорятъ въ пользу этихъ житій, какъ источника историческаго. Таковъ же отзывъ, касающійся на слѣ-

---

вать ни ему, ни цѣнившимъ его книгу того, о чемъ онъ и не думалъ. Мы думаемъ, что такой пріемъ со стороны защитниковъ истины не принесетъ пользы защищаемому дѣлу. Нужно притомъ сказать, что и наша церковь не столько порицаетъ въ старообрядцахъ двуперстное сложеніе и сугубую аллилуію, сколько ихъ узкое пристрастіе къ двуперстному сложенію и сугубой аллилуіи. Увлекаться подобнымъ же пристрастіемъ въ противную сторону, и руководиться имъ при оцѣнкѣ историческихъ фактовъ, намъ кажется, нисколько не полезно для истины православія. Намъ и нашимъ противникамъ именно нужно прежде всего безпристрастное изслѣдованіе историческихъ фактовъ для правильнаго разъясненія самыхъ полемическихъ вопросовъ. *Н. П.*

дующей страницѣ повѣсти о Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Житіе Даніила Переяславскаго, написанное 13 лѣтъ спустя послѣ его смерти, и по своей обширности и по характеру изложенія, также не подчиняется общему приговору о житіяхъ той эпохи. Въ житіи Серапіона, новгородскаго архіепископа, интересъ біографіи усиливается именно вслѣдствіе тенденціозности, какою оно отличается: ибо авторъ его стремится оправдать архіепископа отъ Обвиненій, взводимыхъ на него сторонниками Іосифа. О житіи основателя Ошевенскаго монастыря, преподобнаго Александра, на стр. 298 говорится: «сопровождающій біографію обстоятельный разсказъ о происхожденіи ея открываетъ, какимъ образомъ, несмотря на 88 лѣтъ, отдѣляющихъ ее отъ смерти Александра, дошло до автора столько любопытныхъ подробностей о жизни святаго... Такіе источники позволили автору приложить къ жизнеописанію въ длинномъ ряду посмертныхъ чудесъ не менѣе любопытный разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ монастыря.» Нечего и говорить о житіи Іуліаніи, рисующемъ предъ читателями черты помѣщичьяго быта XVI—XVII вѣковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ идеальный образъ древне-русской женщины. О житіи затворника Иринарха, написанномъ вскорѣ послѣ его кончины ученикомъ его Александромъ по завѣщанію учителя, простой разсказъ, какъ сказано на стр. 323, сообщая нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ исторіи смутнаго времени, особенно ярко рисуетъ паденіе монастырской дисциплины и нравственную распущенность, обнаружившуюся въ русскомъ монастырѣ съ половины XVI вѣка. Чрезъ три страницы говорится: «по указаніямъ на разложеніе монастырскаго общежитія и на условія монастырской жизни въ поморскомъ краѣ XVII в. очень любопытно житіе соловецкаго постриженника Даміана Юрьегорскаго;» и на слѣдующей страницѣ о чудесахъ Савватія и Зосимы, записывавшихся въ XVII в., сказано: «въ нихъ есть любопытныя историко-географическія указанія и разсѣяно много яркихъ чертъ изъ жизни Поморья того времени;» чрезъ нѣсколько строкъ опять такой же отзывъ о житіи Адріана Пошехонскаго:

«безыскусственный разсказъ его полонъ любопытныхъ подробностей объ отношеніяхъ пустынниковъ къ крестьянамъ, о монастырскомъ и сельскомъ бытѣ XVI и XVII вѣковъ.» На стр. 330 о житіи Ѳерапонта Монзенскаго говорится, что въ немъ интересъ біографіи увеличивается простотою изложенія и состава, которое сообщаетъ ей характеръ первоначальныхъ необработанныхъ записокъ. Почти тутъ же и въ томъ же смыслѣ говорится о житіи Тихона Луховскаго съ 70 посмертными чудесами: «жизнь святаго описана кратко по преданіямъ, какія хранились въ обители образовавшейся потомъ на мѣстѣ уединенія Тихона и между окрестными жителями; по эти скудныя извѣстія любопытны по указанію на начало города Луха и нѣсколькимъ характеристическимъ чертамъ русскаго отшельничества въ XV—XVI вѣкахъ. Чудеса извлечены біографомъ изъ памятныхъ монастырскихъ книгъ, въ которыя они записывались со времени обрѣтенія мощей Тихона.» Житіе Трифона Вятскаго оказалось исполненнымъ многочисленныхъ и любопытныхъ подробностей, разсказанныхъ простодушно и откровенно, что само по себѣ составляетъ драгоцѣнное свойство историческаго источника. О житіяхъ юродивыхъ Симона Юрьевецкаго и Прокопія Вятскаго сказано, что они «обильны разсказами, иногда проникнутыми юморомъ и ярко рисующими беззащитность русскаго общества передъ нравственнымъ авторитетомъ въ его деспотическомъ проявленіи, на что такъ жаловались русскіе іерархи въ XVII вѣкѣ» (стр. 344). Житіе Симона, Воломскаго пустынника, по своему содержанію признано принадлежащимъ къ числу важнѣйшихъ источниковъ для исторіи монастырской колонизаціи въ XVII вѣкѣ. Условія монастырской жизни и отношенія монастырей къ мѣстному населенію въ центральныхъ областяхъ очень живо обрисованы въ житіи Лукіана Переяславскаго. Въ сказаніи о жизни и чудесахъ Симеона Верхотурскаго есть любопытныя черты изъ исторіи епархіальнаго управленія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Наконецъ на стр. 350, какъ бы подъ впечатлѣніемъ мало-помалу накопившихся въ его собственномъ изслѣдованіи отзы-

вомъ объ удачно составленныхъ житіяхъ, авторъ самъ говоритъ: «уже во время Макарія, въ житіяхъ, составленныхъ для Степенной Книги, стало замѣтно стремленіе *дать преобладаніе біографическому разсказу надъ общими историческими мѣстами* житія и изобразить дѣятельность святаго въ связи съ другими историческими явленіями его времени. Въ XVII вѣкѣ можно собрать небольшую группу произведеній такого же характера. Они стремятся изученіемъ и сводомъ разныхъ источниковъ достигнуть большей біографической полноты, сравнительно съ прежними житіями.»

Еслибы вся литература житій представляла лишь то количество историческаго матеріала, которое осторожный авторъ выбиралъ съ замѣтною сдержанностію, то уже и въ такомъ случаѣ этотъ отдѣлъ нашей старинной письменности долженъ быть принятъ въ число источниковъ, не уступающихъ своимъ содержаніемъ и достоинствомъ различнымъ сказаніямъ и повѣстямъ иного, менѣе церковнаго характера. Вотъ почему общая характеристика древне-русскихъ житій и ихъ писателей, представленная авторомъ въ заключительной главѣ, кажется намъ нѣсколько преувеличенною и одностороннею. Но эти общіе отзывы автора конечно не помѣшаютъ людямъ, занимающимся русской исторіей, воспользоваться съ выгодой для себя всѣми частными указаніями и розысканіями, которыми такъ богата вся книга его. Можно было бы пожелать лишь одного дополненія къ ней: указанія на то, что житія и въ самой древней Руси подвергались историческому изученію, какъ напримѣръ во время полемики между Ниломъ Сорскимъ и Іосифомъ Волоцкимъ по вопросу о монастырскихъ имуществахъ, и въ самомъ докладѣ собора 1503 года, разсматривавшаго этотъ вопросъ; также—болѣе подробныхъ указаній на пользованіе житіями, какъ историческимъ источникомъ, въ ученой литературѣ нашего вѣка.

Н. Поповъ.

СЛОВО

ПРИ ГРОБѢ И. М. СОКОЛОВА,

БЫВШАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, СТАТСКАГО СОВѢТНИКА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ И ХИРУРГІИ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПРИХОДСКОЙ СВ. ДЕВЯТИ МУЧЕНИКЪ ЦЕРКВИ, ПРОФЕССОРОМЪ БОГОСЛОВІЯ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ПРОТОПРЕВИТ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ, 24 ФЕВРАЛЯ 1872 ГОДА.

Вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его. Псал. XXIV, 10.

Не говорить, а слышать поученіе желалъ бы я при семъ гробѣ, — поученіе сильное успокоить скорбь, разгнать облакъ недоумѣній, указать *пути Господни*, — утѣшить, просвѣтить, наставить.

Вземлется человѣкъ въ норѣ силъ и мудраго опыта, — нужный для страждущаго человѣчества, глава цѣлаго Общества такихъ людей имъ собраннаго и руководимаго [1]), неутомимый въ полезной дѣятельности, добродѣтельный и благочестивый. Вземлется отъ нѣкоторыхъ еще особенныхъ дѣлъ начатыхъ, но не совершонныхъ, и безъ него имѣющихъ ли уже совершиться на пользу отечества, паче же во славу Божію? Ибо — знаете ли — онъ вземлется даже отъ дѣла Божія, отъ строительства храма Божія — притомъ на мѣстѣ, гдѣ доселѣ не было скиніи Господней и гдѣ она особенно благопотребна для тысячи христіанскихъ душъ [2]). Вземлется наконецъ отъ любви

[1]) Общества русскихъ врачей въ Москвѣ.

[2]) Разумѣется устроеніе храма въ имѣніи покойнаго рязанской губерніи, скопинскаго уѣзда, — по его ходатайству, его попеченіемъ, и немало его средствами, — особенно по обезпеченію будущаго причта церковнаго.

семейной, родственной, дружеской, которая удерживала его всѣми самыми чистыми и напряженными усиліями — и *врачевания созданнаго на земли отъ* Самого же *Господа*, и — особенно молитвы общей и согласной, вѣровавшей, *яко отъ Вышняго есть изцѣленіе* (Сир. XXXVIII, 2, 4).

Дайте мнѣ такое поученіе, которое бы разгнало тонкій облакъ недоумѣній, налегающихъ и на саму по себѣ тяжелую скорбь смерти, и которое указало бы здѣсь лучи свѣта, пути Господни милостивые и истинные: ибо, по слову пророка, *вси путіе Господни милость и истина.*

Поучуся въ дѣлѣхъ Твоихъ, Господи; въ твореніихъ рукъ Твоихъ поучуся, паче же—въ величайшемъ *Завѣтѣ и Откровеніи* Твоей любви къ человѣчеству.

Нѣтъ въ мірѣ ни единаго состоянія тварей, которое бы могло идти и совершиться мимо Божественнаго всевѣдѣнія и которое бы не было направляемо Всемогуществомъ благости Божіей на тотъ или другой истинный и благій путь къ достиженію творческихъ цѣлей. Дабы мы не мудровали, дабы изъ путей Промысла не исключали ни единаго состоянія жизни, намъ прямо сказано, что Господь печется и о птицахъ небесныхъ, а объ насъ еще такъ промышляетъ, что даже ни одинъ волосъ съ головы нашей не падаетъ безъ воли Отца Небеснаго. Но сего мало.

Вотъ особенный завѣтъ любви Господней о человѣкахъ, Слушатели: уже прежде чѣмъ сотворить міръ, Господь промышляетъ о насъ и благоволитъ предъустроить несомнѣнное и ничѣмъ неодолимое блаженство человѣческое; предвидя бѣдствія сыновъ человѣческихъ отъ грѣха и смерти, Богъ отъ вѣка полагаетъ Единородному Сыну Своему быть *Агнцемъ закланнымъ прежде сложенія міра*, во избавленіе созданія отъ грѣха и смерти. Такова любовь Божія къ человѣкамъ отъ самой вѣчности, такою драгоцѣнною цѣною Господь оцѣнилъ человѣка еще прежде его сотворенія! — Когда же пришло время, тогда явилось и Откровеніе этой вѣчной и безпредѣльной любви:

тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. III, 16). *Больше сея любве* уже *нѣтъ* ничего; но послѣ такой любви Бога къ намъ, всѣ прочія дѣйствія промышленія Божія о насъ во всѣхъ случаяхъ нашей жизни, или *всѣ* прочіе *пути Его* въ насъ могутъ ли быть иные, развѣ какъ *пути милости и истины*, — только бы мы держали и хранили милостивый завѣтъ Его и Откровеніе Его? *Вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.*

Пусть различныя состоянія жизни человѣческой болѣе или менѣе устрояются чрезъ дѣйствія человѣческой свободы, — иногда благопріятно, иногда неблагопріятно для непосредственнаго впечатлѣнія; пусть они въ томъ же смыслѣ сплетаются еще собственными взаимными отношеніями не только добрыми, но и не добрыми: тѣмъ не менѣе въ своихъ глубочайшихъ началахъ и въ своихъ отдаленнѣйшихъ послѣдствіяхъ, которыя, чтобы достойно быть оцѣнены, должны быть слѣдимы не только по смертному, но еще и по безсмертному нашему пути,—всѣ состоянія или случаи жизни такимъ образомъ всегда рукуводятся Вышнею Десницею, и всегда *по истинѣ и милости*. Если мы не можемъ указать этихъ сокровенныхъ началъ; если мы не можемъ услѣдить этихъ въ безконечность простирающихся послѣдствій: признаемъ въ томъ свою границу и предѣлъ положеннаго намъ видѣнія; но и обрѣтемъ здѣсь спасительное упражненіе нашей *вѣры*, которая одна можетъ зрѣть и невидимое какъ видимое, и будущее или ожидаемое какъ настоящее (Евр. XI, 1). Довольно намъ одно то знать, что *начало* всѣхъ живыхъ началъ въ нашей жизни есть Христосъ, и что *конецъ* всѣхъ благихъ ея концевъ есть тотъ же Христосъ. Посему во всѣхъ случаяхъ жизни будемъ такъ помышлять: если Богъ для спасенія нашего даровалъ намъ Христа Спасителя, благоволившаго пріять за насъ даже смерть и смерть крестную; то *со Христомъ уже все намъ дарствуетъ Господь* къ нашему благу и спа

сенію; слѣдственно: всѣ пути Его въ насъ, даже пути скорбные, даже пути смертные суть милость и истина.

И въ особенности такъ надлежитъ намъ, христіане, помышлять о смертныхъ путяхъ. Ибо сіи пути суть послѣдніе на землѣ и рѣшительные, ведущіе христіанина къ конечной цѣли спасенія, въ ближайшее общеніе съ самимъ Господомъ Спасителемъ; и потому суть преимущественно пути Господни спасительные. *Благороденъ Богови бывъ восхищенъ бысть*, говоритъ слово Божіе о скончаніи благочестиваго; то есть—благочестивый вземлется отъ земли въ богоугодную минуту, слѣдственно въ самую лучшую въ его жизни минуту, въ минуту его созрѣлости для жизни вѣчной. Подвигъ земной, по милосердію Господа, не простирается въ безконечность. Но завершается онъ не тогда, когда представится оконченнымъ для нашего глаза не очень далеко и не очень глубоко усматривающаго, но когда Всевидящее око усматриваетъ его совершеніе. Иной *восхищается* отъ земли какъ бы преждевременно, но въ самомъ дѣлѣ истинно благовременно; *пожившъ вмалѣ, исполняетъ лѣта долга*,—посему и призывается, *да почіетъ отъ трудовъ своихъ въ блаженномъ успеніи о Господѣ*. (Апок. XIV, 13).

Пути смертные суть пути рѣшительные; и если любовь человѣческая, желая пребывать въ общеніи возможно-болѣе продолжительномъ, съ своей стороны тщательно охраняетъ жизнь присныхъ и усиливается какъ бы удержать восхищаемыхъ въ послѣдній путь; то любовь въ семъ дѣйствуетъ, конечно, въ предѣлахъ своей обязанности и никакъ не вопреки своему благому закону. Любовь во всякомъ образѣ—отъ Бога: *пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ*. Но любовь по Бозѣ должна умѣть сообразоваться съ путями Божіими, когда они уже открылись, и свой хотя добрый законъ покорять высшему первообразному всякой любви закону. Мы не можемъ не сознавать, что утвержденіе здѣшней жизни имѣетъ вообще богоположенный предѣлъ. И естественное искусство врачеванія признаетъ свое безсиліе противъ извѣстнаго рода болѣзней;

но искусство вѣры углубляетъ сію мысль, полагая вообще причину конечную и причину неуспѣха врачеванія не въ злой болѣзни самой по себѣ, но въ волѣ Всевышняго. Жизнь какъ даётся, такъ и утверждается отъ Господа; Господь обновляетъ и ветшающую жизнь; Господь и неизцѣльныя болѣзни исцѣляетъ и безъ врача и чрезъ врача, если есть на то Его всеспасительная воля. Когда же Его благое изволеніе опредѣляетъ человѣку уже жизнь высшую настоящей; тогда самая обыкновенная болѣзнь становится неисцѣльною и смертною. Въ сихъ иногда случаяхъ упрекаютъ искусство врачей въ неусмотрѣніи; напрасно; врачъ ошибается, но Господь никогда не ошибается. Здѣсь да молчитъ всякое ропотное помышленіе; любви въ ея лишеніи предстоитъ не раздраженіе самонадѣянія, но миръ вѣры и упованія о Христѣ: *вси пути Господни милость и истина.*

Пути смертные, какъ рѣшительные, суть по преимуществу пути Господни спасительные. Въ этой мысли да обрѣтетъ себѣ успокоеніе и самая молитва, бывшая многою—*общею и согласною*, умолявшая Господа, да приложитъ лѣта жизни болѣвшему, но теперь уже достигшему страны безболѣзненной. Видно, пути Господни о немъ выше и благостнѣе желанія сердецъ нашихъ: *болій есть Богъ сердца нашего.* Безъ сомнѣнія, уже и въ томъ есть истинный и милостивый *путь Господень*, что молитвы оныя были возможны и что онѣ были; когда же онѣ были по волѣ Божіей, то были и слышимы. Впрочемъ молитва безкорыстной любви всегда бываетъ слышима, слѣдственно никогда не бываетъ напрасна,—всегда находитъ свой путь и достигаетъ цѣли, хотя иногда въ иномъ, но конечно всегда въ лучшемъ образѣ противу нашихъ помышленій. Въ самомъ дѣлѣ, помыслу лишенія противопоставимъ то помышленіе, братіе, что новопреставльшійся сподобился предъ исходомъ своимъ трижды пріобщиться св. безсмертныхъ Христовыхъ Таинъ со внимательнымъ каждый разъ исповѣданіемъ; сподобился пожелать и пріять и послѣднюю Тайну Елеосвященія. Помыслимъ еще, съ какою послѣ сего тишиною,

ясностію и твердостію духа онъ до конца ожидалъ часа Господня *дондеже пріиде.* Развѣ это не милости Божіи богатыя, явленныя самимъ молившимся? Какая молитва можетъ испросить что-либо на землѣ, высшее сего? По истинѣ, мирная и непостыдная христіанская кончина выше многихъ и многихъ лѣтъ жизни, какъ возвышенно говоритъ псалмопѣвецъ: *лучши милость Твоя паче живота,—уста моя да восхвалятъ Тя.*— Однако мы указываемъ лишь то, что уже явно намъ; а есть и будетъ еще нѣчто, нынѣ намъ невидимое, — еще высшее въ истинныхъ и милостивыхъ путяхъ Господнихъ со благочестивыми почившими: *не у явися что будутъ.*

Итакъ не только да не колеблется въ смущеніи, но да продолжится молитва любви въ твердой вѣрѣ, что Господь не напрасно умоляется.

Глубиною мудрости человѣколюбно вся строяй, и всѣмъ всегда полезная подаваяй, Едине Содѣтелю всяческихъ! Упокой душу новопреставленнаго раба твоего Іоанна въ селеніихъ блаженныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная!—Насъ помилуй яко благъ и человѣколюбецъ! Аминь.

ОБОЗРѢНІЕ АБХАЗСКИХЪ ПРИХОДОВЪ

въ 1871 году.

(ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.)

Изъ Кутаиса я выѣхалъ въ Абхазію съ небольшою свитою по новой желѣзной дорогѣ 1 октября; но былъ задержанъ въ Поти по неприбытію срочнаго парохода до 5 числа. Въ Сухумъ прибылъ 6 октября.

Въ Сухумѣ насъ ждала новая остановка. Сначала не было верховыхъ, казацкихъ лошадей, за которыми послали въ Цебелду. 8 числа лошади хотя и прибыли, но пошли сильные дожди. Два дня 8 и 9 дождь лилъ безпрестанно какъ изъ ведра. Съ близкихъ горъ, которыя амфитеатромъ окружаютъ Сухумъ съ сѣверной и восточной сторонъ, вся дождевая вода стекаетъ прямо въ улицы, отъ чего наводненія бываютъ здѣсь нерѣдко. На этотъ разъ также нѣкоторыя улицы до такой степени наполнились водою, что по нимъ до самаго вечера 9 числа почти нельзя было переправляться. Снесло много мостовъ и даже небольшіе домики.

7 числа, пользуясь досугомъ, я рѣшился осмотрѣть недавно открытыя стараніями начальника сухумскаго военнаго отдѣла, генерала Гейнана, сухумскія школы, мужскую и женскую. Первая изъ нихъ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ; но только въ нынѣшнемъ году помѣщена въ новомъ, недавно для нея построенномъ домѣ, который кажется просторнымъ и удобнымъ. Кромѣ того въ ней въ нынѣшнемъ же году обновленъ къ выгодѣ школы и составъ учителей и воспитателей. Учениковъ засталъ я въ столовой, когда они готовились обѣдать; ихъ было человѣкъ до 20, исключительно туземцевъ. Кромѣ обученія грамотѣ и первоначальнымъ наукамъ, дѣтей учатъ и разнымъ ремесламъ. Я видѣлъ, напримѣръ, довольно красиво и прочно сдѣланные воспитанниками столики и стулья. Ученики, какъ слышно, охотно занимаются ручными работами; но родители ихъ, большею частію

изъ мѣстныхъ дворянъ и князей, снача[illegible]ли на то, что ихъ дѣтей обучаютъ неприличнымъ [illegible]-ламъ. Но, къ счастію, мѣстное начальство не о[illegible] на это и продолжаетъ держаться весьма практичес[illegible] воспитанія дѣтей.

Женская школа была открыта всего за двѣ недѣли предъ с[illegible]. Въ ней засталъ я всего до 15 крошечныхъ дѣвочекъ, которыя еще вовсе не умѣли говорить по русски и объяснялись съ начальницею чрезъ переводчицу.

Нельзя не порадоваться появленію женской школы въ Сухумѣ. Для абхазцевъ она нужнѣе, чѣмъ для другихъ инородцевъ Кавказа. Но чтобы она оказала дѣйствительную пользу абхазцамъ, нужно вести ее къ цѣлямъ, хорошо сознаннымъ. Дай Богъ, чтобы воспитанницы получали въ ней такое образованіе, которое не отчуждало бы ихъ отъ простой, сельской жизни и чтобы онѣ, возвращаясь въ свои дома, вносили въ нихъ начала честной, трудолюбивой, христіанской жизни. Но ежели изъ этой школы, такъ же какъ изъ многихъ другихъ женскихъ учебныхъ заведеній Закавказья, будутъ выходить дѣвицы способныя и готовыя только для праздной и роскошной городской жизни, тогда вмѣсто пользы, она принесетъ вредъ цѣлому краю.

10 числа, по случаю воскреснаго дня, я рѣшился отслужить литургію въ единственной въ городѣ военной церкви. Предъ окончаніемъ литургіи объяснилъ бывшимъ въ церкви чтеніе изъ дневнаго Евангелія, притчу о сѣмени и сѣятелѣ.

Къ вечеру сего же числа выѣхали изъ Сухума въ ближайшую общину Ешери, гдѣ предстояло освятить новоотстроенную деревянную церковь. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію путешествія по абхазскимъ приходамъ, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, случившихся въ Абхазіи въ текущемъ году до моего пріѣзда и имѣвшихъ немаловажное вліяніе на настоящее положеніе здѣсь православія. Это же необходимо и для объясненія нѣкоторыхъ событій, о коихъ буду говорить ниже.

Въ три предыдущіе года успѣхи православія въ Абхазіи, можно сказать, были необыкновенны. Съ конца 1868 г. и до начала настоящаго, абхазцевъ было окрещено не менѣе 16 т. душъ, открыто до двадцати приходовъ, построено столько же церквей. Эти успѣхи возбудили зависть и произвели сильную реакцію во всѣхъ тѣхъ, коихъ политическіе, религіозные, матеріальные и иные интересы требовали, чтобы православіе не восторжествовало окончательно въ этой странѣ надъ магометанствомъ. О нѣкоторыхъ интригахъ и происках магометанской партіи было уже говорено въ прежнихъ отчетахъ. Въ нынѣшнемъ году она воспользовалась пріѣздомъ въ Абхазію Его Высочества, Великаго

Князя Намѣстника, чтобы достичь своей цѣли—остановить успѣхи православія. Съ этимъ намѣреніемъ, по внушенію и инициативѣ нѣсколькихъ коноводовъ, было составлено и подано Его Высочеству коллективное отъ всѣхъ абхазцевъ-магометанъ прошеніе въ общинѣ Джгердской. Мнѣ не извѣстны точное содержаніе сего прошенія и выраженія, въ немъ употребленныя, но смыслъ его былъ, кажется, тотъ, что они, просители, не желаютъ принять православія и просятъ дозволенія оставаться въ магометанствѣ и воспрещенія между ними проповѣди христіанской вѣры. Въ газетѣ «Кавказъ» при описаніи путешествія Его Высочества по Абхазіи было разсказано и очевидцы мнѣ подтвердили, что Великій Князь Намѣстникъ, прочитавъ эту просьбу, сначала спросилъ ихъ: развѣ васъ кто нибудь принуждаетъ силою креститься? На этотъ вопросъ жалобщики, какъ само собою разумѣется, не имѣли возможности отвѣчать утвердительно, ибо то самое, что они были магометане, исключало всякую мысль о какихъ-либо принужденіяхъ. Поэтому Его Высочество отвѣчалъ имъ, что силою никого крестить нельзя, а потому кто самъ не пожелаетъ принять православія, тотъ можетъ оставаться въ магометанствѣ, но ежели кто нибудь изъ нихъ добровольно изъявитъ желаніе креститься, то никто ему не долженъ въ томъ мѣшать. Таковъ былъ смыслъ отвѣта Его Высочества; само собою понятно, что въ данномъ случаѣ иной отвѣтъ и не былъ мыслимъ.

Хотя описанный случай, какъ весьма простой и естественный, можно сказать, заранѣе предвидѣнный и мною и другими, близко знакомыми съ состояніемъ умовъ въ Абхазіи, повидимому не долженъ былъ возымѣть особеннаго вліянія на дѣло распространенія православія, но вышло иначе. Тотчасъ послѣ того вся партія, враждебная православію, подняла голову и предалась торжеству. Пошли по всѣмъ общинамъ скакать вѣстники и разглашать всюду какія-то радостныя для магометанства вѣсти; даже многіе изъ новокрещенныхъ поколебались, а готовившіеся къ крещенію отмѣнили свое намѣреніе. Словомъ распространеніе православія внезапно остановилось всюду. Какъ и чѣмъ объяснить это странное явленіе? Всего вѣроятнѣе, что магометане не такъ поняли или же намѣренно перетолковали смыслъ отвѣта Великаго Князя. Разсказывали мнѣ, что и самый переводчикъ, передававшій отвѣтъ Его Высочества абхазцамъ, не очень хорошо понимаетъ русскій языкъ, и быть можетъ не точно передалъ смыслъ отвѣта абхазцамъ. Какъ бы то ни было, изъ послѣдующихъ событій обнаружилось, что послѣ этого отвѣта джгердинцы и себя увѣрили и другимъ постарались внушить ту мысль, что высшее гражданское правительство равнодушно относится къ дѣлу православія въ Абхазіи, а эта одна мысль и могла про-

извести то неблагопріятное на умы всѣхъ абхазцевъ вліяніе, какое обнаружилось послѣ. По этому-то во всѣхъ общинахъ, какія я успѣлъ посѣтить въ отчетномъ году и въ коихъ мнѣ удалось произносить передъ народомъ проповѣди, я старался убѣдить слушателей, что ихъ обманули касательно смысла, какой имѣлъ отвѣтъ Государя Намѣстника, что слова Его Высочества, сказанныя магометанамъ въ Джгердѣ, не были и не могли имѣть того смысла, какой придали ему злонамѣренные люди.

Мы сказали выше, что въ Ешери въ текущемъ году построена церковь. Хотя въ этой общинѣ мало еще христіанъ — всего до трехъ или четырехъ десятковъ изъ мѣстной, княжеской фамиліи Зіапшіевыхъ, но церковь все-таки почли нужнымъ выстроить здѣсь, для того, чтобы имѣть предлогъ держать въ этой общинѣ постояннаго миссіонера-священника, каковымъ и поставленъ мною одинъ изъ туземныхъ уроженцевъ, хорошо знающій нравы и языкъ своихъ земляковъ. Къ сожалѣнію, церковь оказалась не совсѣмъ хорошо выстроенною. Причиною было то, что матеріалъ, мѣстный дубовый лѣсъ былъ употребленъ въ сыромъ видѣ и доски разсохлись, отъ чего стѣны стали какъ рѣшето. Придется переложить снова всѣ стѣны! При чрезвычайной затруднительности производить въ абхазскихъ селахъ какія-либо постройки, никого нельзя и винить въ такой неисправности.

Церковь освятили 11 октября. Привыкши всегда при освященіи церквей видѣть большое собраніе вѣрныхъ, грустно было здѣсь смотрѣть на почти пустую церковь во время освященія. По окончаніи литургіи, не далеко отъ церкви были собраны мѣстные, не крещенные жители въ небольшомъ числѣ, и я нѣсколько времени бесѣдовалъ съ ними, убѣждая принять православіе и молиться Богу въ этой новосозданной церкви, такъ какъ у нихъ самихъ нѣтъ нигдѣ никакого молитвеннаго дома. Малое число собравшихся и угрюмое выраженіе ихъ лицъ во время проповѣди не могло не огорчить насъ. Въ послѣдствіи отъ одного изъ мѣстныхъ жителей, или лучше жительницъ, жены хозяина, у котораго я провелъ ночь, я узналъ причину дурнаго ихъ настроенія. Оказалось, что наканунѣ одинъ изъ низшихъ чиновниковъ окружнаго управленія, посланный сюда за какимъ-то дѣломъ, по своей горячности и неопытности, весьма грубо и неловко обошелся съ здѣшними жителями, а именно—онъ началъ надѣлять ихъ налѣво и направо ударами своей плети и, притомъ, почти безъ всякой вины съ ихъ стороны. Понятно, что такой поступокъ со стороны одного изъ исповѣдующихъ православную вѣру не могъ служить практическимъ доказательствомъ любви и мира, проповѣдуемыхъ миссіонерами, и произвелъ въ нихъ весьма угрюмое расположеніе духа.

Къ вечеру того же дня мы пріѣхали въ общину Псхиртцху.

Въ отчетѣ предыдущаго года я упоминалъ, что въ этой общинѣ остававшіеся до 400 душъ не крещенныхъ дали тогда обѣщаніе принять православіе. Многіе изъ нихъ уже исполнили это, но осталось еще довольно и не крестившихся. Почему въ церкви, послѣ общихъ наставленій о христіанской жизни, я убѣждалъ еще не крестившихся оставить свои колебанія и сомнѣнія, присоединиться къ христіанамъ.

Отсюда мы въѣхали въ общину Анухва. Ануховцевъ я видѣлъ и огласилъ Евангельскою проповѣдью еще въ прошломъ году, но не въ самомъ ихъ селеніи, а на концѣ, по дорогѣ къ общинѣ Аци. Теперь, когда я посѣтилъ самую ихъ общину, оказалось, что они выбрали для своихъ жилищъ весьма живописныя и красивыя ущелья и горы. Проѣхавши мимо старыхъ развалинъ церкви апостола Кананита, которыя въ настоящее время содержатся чрезвычайно чисто и переправившись чрезъ быструю, шумную, рѣчку, Псхирпху, тотчасъ вступили въ горы по ущелью, замыкаемому какъ бы гигантскими воротами, двумя высокими пиками съ права и съ лѣва рѣчки. Дорога поднималась довольно круто, но цвѣтущіе виды кругомъ, множество кустовъ покрытыхъ виноградными лозами, орѣшники и другія плодовыя деревья напоминали самыя лучшія мѣста Рачинскаго уѣзда. Чрезъ три часа ѣзды мы достигли середины общины, гдѣ построена новая церковь, которую слѣдовало освятить на завтра, а также уютный не большой домъ іеромонаха Антонія, миссіонера сей общины.

Здѣсь также, какъ и въ предыдущей общинѣ, христіанъ очень не много, душъ до 70, но церковь выстроена и іеромонахъ назначенъ съ цѣлью постоянно дѣйствовать на Ануховцевъ, составляющихъ многочисленную общину и отличающихся самостоятельнымъ характеромъ и упорствомъ противу православія.

Самое освященіе церкви, имѣющей тѣ же недостатки и отъ тѣхъ же причинъ какъ и въ Ешери, происходило 14 числа.

Послѣ литургіи передъ домомъ іеромонаха Антонія, съ крыльца, я говорилъ довольно долго съ Ануховскими жителями, собравшимися по приглашенію г. окружнаго начальника, бывшаго съ нами. Объяснивъ имъ ихъ крайне дикое, плачевное религіозное состояніе, ибо они больше похожи на безсловесныхъ, нежели на разумныя существа, я убѣждалъ ихъ принять истинную вѣру, и старался разсѣять всѣ ихъ предубѣжденія. По окончаніи проповѣди, народъ разошелся по полямъ вокругъ церкви и между ними начались, по обыкновенію, совѣщанія. Судя по оживленнымъ разговорамъ, даже по крику, по временамъ слышимому изъ разныхъ группъ, на которыя раздѣлился народъ, совѣщанія шли не совсѣмъ спокойно. По извѣстіямъ, которыя иногда доходили до насъ изъ народныхъ сборищъ, всѣ стояли сурово на

томъ, чтобы отказаться сообща и твердо отъ принятія христіанской вѣры; впрочемъ можно было догадаться, что есть, хотя и незначительная, партія за принятіе православія, а къ вечеру положительно стало извѣстно, что нѣсколько вліятельныхъ жителей, занимавшихъ мѣста сельскихъ властей, желаютъ принять православіе, и что шумъ и крикъ народа были направлены противу нихъ. Предъ наступленіемъ вечера народъ сталъ расходиться по домамъ, не давая намъ никакого отвѣта, а потому мы рѣшились остаться здѣсь и на слѣдующій день, а начальникъ объявилъ народу снова собраться на другой день для совѣщаній. Слѣдуетъ еще упомянуть, что прежде чѣмъ народъ сталъ расходиться, съ нимъ долго бесѣдовалъ и о. протоіерей Мачаваріани и что его проповѣдь окончательно укрѣпила рѣшимость нѣсколькихъ жителей принять христіанскую вѣру. Между ними особенно важно было согласіе одного, уже не молодыхъ лѣтъ, по имени Хадажука Аргунъ, человѣка энергическаго, который по слухамъ пользуется большимъ вліяніемъ не только здѣсь, но и во всѣхъ другихъ нехристіанскихъ общинахъ. Чтобы окончательно привлечь его, я велѣлъ ему передать, что воспріемникомъ его изъ купели буду я лично.

13 числа съ утра народъ медленно сталъ собираться на той же полянѣ; но къ полудню набралась большая толпа. Извѣстія получаемыя нами отъ разныхъ лицъ говорили, что народъ и ночью собирался у разныхъ жителей и велъ совѣщанія. Изъ нѣкоторыхъ слуховъ можно было заключить на вѣрное, что точно есть партія въ пользу христіанства, но ее страшила и одолѣвала многочисленная, упорная, противная партія. У одного мѣстнаго дворянина оказался работникъ, родомъ Рачинецъ. Этотъ Рачинецъ принесъ протоіерею Мачаваріани утромъ такое извѣстіе: у его хозяина ночью собралось много сосѣдей; они всѣ говорили о томъ, что нужно принять христіанство; но жена хозяина сердилась; ее долго уговаривали и наконецъ согласили; за ужиномъ кричали ура и весело провели время.

День былъ теплый, ясный; окружающая мѣстность невольно манила взглянуть поближе и я вышелъ погулять между огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ по берегу ручья, который бьетъ ключемъ изъ подъ холма противу самаго дома іеромонаха Антонія и круто катится внизъ по склону горы. На немъ тамъ и сямъ расположены затѣйливыя, туземныя мельницы, совершенно похожія на Рачинскія. Это небольшія, сплетенныя изъ орѣховыхъ прутьевъ, крытыя соломою хижинки. Въ нихъ помѣщаются крошечные жернова; такъ какъ воды въ ручьѣ не много, то чтобы придать ей достаточную для вращенія жернова силу, ее сначала отводятъ нѣсколько въ сторону, потомъ впускаютъ въ небольшую, деревянную, длиною аршина три, или четыре тру-

бу, которая стоитъ отвѣсно. На нижнемъ концѣ трубы съ боку вдѣлано нѣчто въ родѣ крана, изъ котораго вода, вырываясь сильно, ударяетъ въ деревянныя спицы колеса, соединеннаго осью съ верхнимъ поставомъ мельницы, и вертитъ ее. Такая крошечная мельница можетъ удовлетворить только одно небольшое семейство, отъ того здѣсь почти у каждой семьи своя мельница; одна изъ видѣнныхъ мною принадлежала іеромонаху Антонію. День былъ такой чудный и окрестные виды такъ хороши, что мнѣ долго не хотѣлось возвращаться въ домъ; но вдругъ съ поляны, гдѣ было народное сборище, послышались рѣзкіе, тревожные крики, вслѣдъ за тѣмъ ко мнѣ пришелъ посланный отъ г. начальника и о. протоіерея, и просилъ меня возвратиться въ домъ. Оказалось, что эти крики встревожили ихъ. Народныя совѣщанія были и безъ того не спокойны, но одно обстоятельство окончательно раздражило толпу. Изъ сосѣднихъ общинъ были вытребованы, или сами пріѣхали, три или четыре болѣе извѣстныя и значительныя лица изъ князей и дворянъ. Опытъ обращенія въ прошломъ году Гупской и Человской общинъ въ Очемчирскомъ округѣ, при чемъ великую помощь оказали именно нѣкоторые изъ подобныхъ уважаемыхъ лицъ, давалъ поводъ думать, что и здѣсь будетъ то же. Въ числѣ пріѣхавшихъ былъ и Титъ Марганія изъ Хопи, извѣстный во всей Абхазіи по отцу и самъ имѣющій офицерскій чинъ, Александръ Иналипа, Марганія и прочіе вліятельные въ своихъ и сосѣднихъ общинахъ помѣщики. Они казалось могли подать намъ важную помощь въ дѣлѣ убѣжденія Ануховцевъ. Но разсчеты наши не оправдались. Когда они отправились къ народному собранію, чтобы поговорить съ нимъ, то Ануховцы, увидѣвъ ихъ, подняли неистовый крикъ и разомъ, какъ одинъ человѣкъ, бросились прочь отъ нихъ произнося какія то угрожающія слова. Въ послѣдствіи разсказывали, что изъ толпы кричали имъ: «убирайтесь! мы въ васъ и въ вашихъ убѣжденіяхъ не нуждаемся! сами рѣшимъ, что намъ лучше дѣлать; а вы, вѣрно, хотите послѣ похвалиться, что обратили насъ въ христіанство и получить награды отъ начальства.» Озадаченные такимъ пріемомъ наши посланники вернулись назадъ въ смущеніи; но чтобы не потерять въ глазахъ толпы своего достоинства, посовѣтовавшись между собою, тотчасъ сѣли на коней, поскакали живо по направленію къ мѣсту, гдѣ остановились Ануховцы и, осадивъ близко коней, съ гнѣвомъ закричали имъ: «Мы пріѣхали сюда, чтобы принять благословеніе отъ епископа и повидаться съ начальникомъ. Какъ сосѣди ваши мы хотѣли дать вамъ добрый совѣтъ; но вы оскорбили насъ; хорошо же! теперь не время съ вами толковать, но въ послѣдствіи, на досугѣ, мы потребуемъ отъ васъ отчета въ вашемъ поступкѣ и тогда мы посмотримъ, что вы за птицы.» Сказавъ это, они отъѣхали отъ нихъ съ угрожающимъ видомъ.

Изъявившіе согласіе принять крещеніе, въ числѣ всего до 12 душъ, говорили, что они, хотя и рѣшились сдѣлаться христіанами, но лучше будетъ отложить на время крещеніе ихъ, во 1-хъ потому, что народъ находится въ большомъ раздраженіи, во 2-хъ они со временемъ надѣются привлечь многихъ изъ своихъ родныхъ и сосѣдей и креститься въ большемъ числѣ. Но, подумавъ не много, мы объявили имъ: «если намѣреніе ихъ искреннее, пусть теперь же въ виду всѣхъ рѣшатся на крещеніе»; такъ сказали мы, опасаясь съ одной стороны, чтобы они, въ послѣдствіи, сами не уступили враждебнымъ вліяніямъ и не оставили своего намѣренія, а съ другой, желая заручиться ихъ помощью и показать остальнымъ жителямъ, что не боимся ихъ криковъ. Они согласились на это заявленіе. Итакъ, собравши ихъ противъ дома іеромонаха и, распространивши рядомъ, я обратился къ нимъ и потребовалъ, чтобы они громко въ слухъ всѣхъ отреклись отъ магометанскаго ученія и поклонились Іисусу Христу: это они сдѣлали смѣло. Потомъ преподавъ имъ краткое оглашеніе о важности дѣла, къ которому они готовились, повели ихъ къ ручью, гдѣ заранѣе было приготовлено мѣсто поглубже и тамъ приступили къ священнодѣйствію. Не далеко оттуда народная толпа продолжала шумѣть и спорить; нѣкоторые же изъ нихъ подошли и окружили мѣсто, гдѣ совершалось крещеніе. Въ послѣдствіи о. протоіерей разсказывалъ, что онъ не много таки трусилъ въ душѣ и невольно оглядывался кругомъ, заранѣе обдумывая, куда бы по удобнѣе было убѣжать въ случаѣ опасности. Приходила и мнѣ мысль объ опасности; но, сообразивъ обстоятельства и, зная также характеръ и нравы абхазцевъ, можно было видѣть, что опасности не будетъ. Впрочемъ начальникъ округа, а въ послѣдствіи и самъ генералъ Гейманъ, которому донесено было обо всемъ, остались очень не довольны поведеніемъ Ануховцевъ и, кажется, намѣревались потребовать зачинщиковъ къ отвѣту. Кромѣ выше упомянутаго Адажука, котораго въ крещеніи назвали Симономъ, я воспринялъ изъ купели еще одного мальчика, сироту, изъ дворянъ, лѣтъ 14 или 15.

По окончаніи таинства, мы, пообѣдавъ въ домѣ іеромонаха Антонія, сѣли на лошадей и отправились обратно въ Псхиртцху. По первоначальному плану и маршруту путешествія слѣдовало продолжать путь далѣе по Пицундскому округу, для обозрѣнія вновь открытыхъ въ прошломъ году приходовъ и освященія новыхъ четырехъ или пяти церквей, но позднее время года и опасеніе ненастной погоды заставили насъ вернуться назадъ въ Сухумъ. Освященіе новыхъ церквей я поручилъ старшему благочинному, ежели ему позволятъ обстоятельства.

16 числа, въ субботу, прибыли въ Сухумъ.

18 числа приглашены были собраться въ Сухумѣ, близь кладбищенской церкви изъ ближайшихъ къ городу селеній, Яшвта, Гумы, Акапы до 150 человѣкъ некрещенныхъ для собесѣдованія. Многихъ изъ нихъ я видѣлъ и говорилъ съ ними въ прежніе годы; но большую часть, особенно изъ Акапцевъ, первый разъ огласилъ здѣсь христіанскимъ ученіемъ. Отправившись около полудня къ кладбищенской церкви и, разставивъ собравшихся полукругомъ подъ тѣнью церковной ограды, я долго бесѣдовалъ съ ними о необходимости и о значеніи вѣры для разумнаго существа, объ истинности христіанства, и убѣждалъ ихъ принять православіе, опровергалъ и ложные слухи, распускаемые между ними злонамѣренными людьми насчетъ мыслей и видовъ правительства. Напомнивъ имъ, сколько благодѣтельныхъ реформъ произвело правительство въ одномъ нынѣшнемъ году для улучшенія ихъ гражданскаго положенія,—освободило зависимыя сословія отъ рабства, надѣлило ихъ землею, надѣляетъ землями и угодьями и помѣщиковъ, награждаетъ ихъ и денежными пособіями и проч.,—я поставилъ имъ на видъ, что все это они должны бы цѣнить по достоинству и стараться сблизиться съ русскими и въ исповѣданіи православной вѣры. По окончаніи ученія слушатели отошли въ сторону и нѣсколько минутъ бесѣдовали между собою; потомъ ко мнѣ прислали нѣсколько человѣкъ сказать, что они теперь не могутъ дать рѣшительнаго отвѣта, а поѣдутъ домой и посовѣтуются съ своими сосѣдями и тогда объявятъ о своемъ рѣшеніи. Впрочемъ я не получалъ отъ нихъ и послѣ никакого отвѣта.

Замѣчательно, что въ настоящее время не крещенные еще абхазцы сосредоточиваются вокругъ г. Сухума. Казалось бы, что близкое сношеніе окрестныхъ жителей съ городомъ, имѣющимъ христіанское населеніе, должно было бы скорѣе склонить ихъ къ христіанству, а выходитъ на оборотъ. Думаютъ, что число не крещенныхъ абхазцевъ простирается до 12—15 т. душъ.

Нужно здѣсь же упомянуть, что въ большой общинѣ Акапа, расположенной къ сѣверо-востоку отъ Сухума, въ верстахъ пятнадцати, до нынѣшняго года не было ни одного христіанина. Въ началѣ же нынѣшняго года, главный помѣщикъ сей общины, съ семействомъ въ числѣ семи душъ, самъ изъявилъ желаніе креститься. Пользуясь этимъ случаемъ, я рѣшился опредѣлить и въ сей общинѣ постояннымъ миссіонеромъ одного, также абхазскаго уроженца, посвятивъ его во священника. Онъ проживаетъ пока одинъ безъ семейства въ домѣ этого самаго крестившагося помѣщика. Предполагаемъ, кстати, выстроить здѣсь и церковь въ будущемъ году.

19 числа генералъ Гейманъ предложилъ мнѣ побывать въ греческомъ Александровскомъ поселеніи не далеко отъ Сухума.

Погода стояла ясная, почти жаркая; часа черезъ полтора мы прибыли къ небольшой, но чистенькой, расположенной посрединѣ колоніи, церкви. Греки, поселенцы, ждали насъ тутъ же: помолившись въ церкви, я обратился къ нимъ и сказалъ нѣсколько словъ наставленія черезъ переводчика, сухумскаго купца, изъ грековъ же. Колонія хорошо обстроена каменными домами; греки, какъ передалъ генералъ Гейманъ, отличаются трудолюбіемъ и хорошею нравственностью. Престарѣлый священникъ сей колоніи, котораго греки привезли съ собою съ родины, просилъ включить его церковь и приходъ въ церковныя вѣдомости и документы, что я ему и обѣщалъ.

Разставшись здѣсь съ генераломъ, который возвратился въ Сухумъ, мы направились на югъ, къ берегу моря. Чрезъ три часа довольно утомительной, грязной дороги, мы прибыли на ночлегъ въ небольшое село Арандука. Здѣсь ждало насъ нѣсколько десятковъ мѣстныхъ жителей, еще не крещенныхъ. Говорилъ съ ними нѣсколько времени о христіанской вѣрѣ; послѣ меня бесѣдовалъ съ ними и протоіерей Мачаваріани, но никто не изъявилъ желанія креститься.

Переночевавъ здѣсь, на другой день, 20 числа отправились въ Дранды.

О Драндской церкви, ея архитектурѣ и запустѣніи, въ какомъ она находилась прежде, я упоминалъ въ предыдущихъ отчетахъ. Такъ какъ многіе изъ жителей сей общины, живущіе близко вокругъ церкви, благодаря Бога, уже приняли крещеніе, другіе же обнаруживаютъ склонность къ обращенію и вообще есть надежда, что вся эта община будетъ христіанскою, то сдѣлалось необходимымъ возобновить этотъ памятникъ древности. Къ счастію нашлись и средства къ тому. Изъ отпускавшихся на содержаніе абхазской каѳедры суммъ образовались остатки за прежніе годы свыше 30 т. руб. сер. Съ разрѣшенія Его Высочества Великаго князя Намѣстника, часть изъ этихъ остатковъ была назначена на возобновленіе старинныхъ церквей въ Абхазіи. Въ началѣ нынѣшняго года были подряжены искусные мастера, имеретинскіе уроженцы, возобновить Драндскій соборъ въ прежнемъ видѣ за 8800 руб. Приступивъ энергически къ работамъ въ началѣ года, они успѣли отдѣлать церковь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, наружныхъ работъ въ придѣлахъ, ко времени нашего туда пріѣзда. Прибывъ въ Дранды, мы тотчасъ осмотрѣли церковь и хотя многаго еще не доставало до окончанія всѣхъ работъ, но освятить церковь все-таки оказалось возможнымъ.

Освященіе этой древней церкви совершилось такъ же торжественно, какъ и Пицундской въ 1869 году. Окрестные жители заранѣе были оповѣщены о торжествѣ и начали собираться еще съ вечера въ значительномъ числѣ, какъ христіане, такъ и ма-

гометане. Было приглашено нѣсколько почетнѣйшихъ туземцевъ изъ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Изъ близь лежащей болгарской колоніи явились болгары и болгарки въ своихъ національныхъ костюмахъ, столь рѣзко отличающихся отъ одежды туземцевъ. Къ 9 часамъ 21 числа, назначеннаго для освященія, прибылъ изъ Сухума генералъ Гейманъ, моремъ, на шкунѣ, съ многими почетнѣйшими лицами изъ чиновниковъ и торговцевъ сухумскихъ. Во время освященія и литургіи церковь была полна молящимися. По окончаніи обѣдни сначала я сказалъ краткую рѣчь по-русски, а потомъ обратился къ абхазцамъ, въ числѣ коихъ вѣроятно были нѣкоторые изъ не крещенныхъ, и объяснивъ имъ значеніе торжества освященія ихъ древней церкви, которую построили ихъ предки, вокругъ которой похоронены ихъ отцы и дѣды, прибавилъ, что въ этой церкви отнынѣ откроется служеніе Богу, что въ ней будутъ молиться объ нихъ и объ ихъ усопшихъ предкахъ, христіанахъ.

На дворѣ, внѣ церкви, стояло множество мѣстныхъ же жителей, еще не крещенныхъ; по выходѣ изъ церкви я долго бесѣдовалъ и съ ними, напоминая имъ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ всѣ здѣшніе были христіане, какъ не разъ сознавались многіе изъ ихъ стариковъ, и если нѣкоторыя обстоятельства доселѣ побуждали ихъ забыть объ этомъ, то теперь нѣтъ никакихъ причинъ, почему бы имъ не возвратиться снова къ вѣрѣ своихъ отцевъ, молящихся въ этой самой церкви и похороненныхъ вокругъ нея.

На обширной полянѣ передъ церковью, откуда съ одной стороны виднѣется море, а съ другой кавказскія горы, раскинутъ былъ изъ зеленыхъ вѣтвей шатеръ и накрытъ столъ для почетныхъ гостей; а вокругъ на травѣ разсѣлись туземцы изъ простаго народа. Всего пріятнѣе было, что крещенные и магометане сидѣли рядомъ и пировали одинаково весело и беззаботно. Во время провозглашенія тоста за драгоцѣнное здоровье Государя Императора и потомъ Великаго Князя Намѣстника, народъ вставалъ и кричалъ «ура.» По окончаніи обѣда начались оживленные туземные танцы. Генералъ Гейманъ казался чрезвычайно веселъ и доволенъ, отзываясь, что съ самаго пріѣзда въ Абхазію, когда въ первый разъ увидѣлъ эту церковь, душевно пожелалъ видѣть ее возстановленною. Впрочемъ впослѣдствіи оказалось, что мы въ этотъ день допустили одну оплошность. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы узнали, что возобновленіе Драндской церкви и торжество ея освященія произвело такое сильное вліяніе на умы всѣхъ жителей, что тѣ изъ нихъ, кои еще не крещены, ежели бы мы, занявшись праздникомъ не позабыли объ нихъ, а настоятельно стали ихъ убѣждать, готовы были принять въ этотъ день крещеніе. Разсказывали, что нѣкоторые изъ нихъ даже вы-

брали было себѣ воспріемниковъ. Но почему же, спроситъ кто-нибудь, сами они не пришли и не заявили своего намѣренія предъ нами? Кто знакомъ съ характеромъ и нравомъ абхазцевъ, тому это понятно. Абхазецъ всегда и во всемъ церемонится. Его надобно безпрестанно и долго убѣждать и уговаривать, иначе онъ ни за что не изъявитъ своего согласія, особенно на такое важное дѣло, каково крещеніе, еслибы даже въ душѣ давно рѣшился принять христіанскую вѣру.

22 числа рано утромъ выѣхали въ село Аварча. Небольшая часть жителей сего селенія, давно принявшая христіанство, до 1869 года была приписана приходомъ къ селенію Аджюбза, расположенному на другой сторонѣ р. Кодоръ. Въ этомъ же году, когда и остальные жители приняли православіе, необходимо стало открыть у нихъ особый приходъ, почему въ нынѣшнемъ году и была здѣсь построена новая, деревянная церковь. Къ счастію она оказалась гораздо лучше и прочнѣе выстроенною, нежели Ешерская и Ануховская. Въ этотъ день мы освятили ее въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ прихожанъ. По окончаніи обѣдни народу объяснено значеніе христіанской церкви.

Къ вечеру того же числа переѣхали р. Кодоръ противу Аджюбзской общины. Около церкви встрѣтило насъ нѣсколько прихожанъ, которыхъ между прочимъ я уговаривалъ скорѣе исполнить намѣреніе, которое они давно уже изъявили, о перестройкѣ своей ветхой и непрочной деревянной церкви. Такъ какъ здѣшніе жители старинные православные христіане, то они не могли, да и не требовали, чтобы ихъ церковь была возобновлена насчетъ казны, а рѣшились сами сдѣлать это на свой счетъ, прося только у окружнаго начальника дозволенія срубить въ лѣсу нѣсколько деревьевъ для досокъ, на что и получили разрѣшеніе.

23 числа изъ Аджюбзи поѣхали по берегу моря и послѣ долгаго и утомительнаго пути пріѣхали въ селеніе Киндга.

24 числа освятили небольшую Киндгинскую церковь, которую жители, старокрещенные абхазцы, построили сами на свой счетъ, по причинѣ отдаленности и неудобства своей приходской церкви. Послѣ обѣдни поѣхали въ домъ княгини Кесаріи и остались у нея до другаго дня 25 числа. Въ Джгерди пріѣхали къ полудню. Передъ домомъ князя Алмасхита насъ ждало нѣсколько десятковъ жителей; говорилъ съ ними не долго, ибо по причинѣ ненастной погоды и угрюмаго выраженія лицъ слушателей, не было надежды ожидать какого-либо успѣха. Впрочемъ рѣшились остаться здѣсь въ надеждѣ, что погода измѣнится и назавтра можно будетъ видѣть больше народу.

26 числа погода поправилась, — и народу собралось гораздо больше, чѣмъ наканунѣ. Съ крыльца дома снова убѣждалъ

ихъ послѣдовать примѣру сосѣдей и принять православіе. Вовсемъ округѣ они одни только упорствуютъ въ магометанствѣ. Кругомъ ихъ всѣ сосѣди христіане. Ежели кто-нибудь изъ нихъ не желаетъ самъ креститься, то пусть по крайней мѣрѣ не мѣшаютъ тѣмъ, которые, какъ мнѣ навѣрное извѣстно, и крестились бы, да боятся съ ихъ стороны вражды и мщенія. По окончаніи слова, выступилъ изъ толпы одинъ изъ слушателей и сказалъ, что въ нынѣшнемъ году Его Высочество Великій Князь Намѣстникъ далъ имъ дозволеніе оставаться въ магометанствѣ. На это я ему и прочимъ растолковалъ, что Его Высочество сказалъ имъ такъ потому, что кто самъ не пожелаетъ креститься, того никто принуждать не можетъ; что это же самое я повторялъ и здѣсь и вездѣ, что они сами по своей совѣсти и разуму должны рѣшить это дѣло, а не по дозволенію или не дозволенію начальства.

Впрочемъ, благодаря Бога, въ Джгердахъ все-таки есть уже 60—70 душъ христіанъ, которыхъ успѣлъ привлечь и окрестить въ текущемъ году іеромонахъ Аѳанасій, опредѣленный здѣсь миссіонеромъ, а потому я не теряю еще надежды на обращеніе и прочихъ жителей. Къ большому сожалѣнію, между симъ іеромонахомъ и окружнымъ начальникомъ возникли жалобы и неудовольствія, о чемъ теперь производится слѣдствіе со стороны военнаго начальства. Съ своей стороны я принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о переводѣ отсюда сего іеромонаха въ его прежній, Моквскій приходъ. На мѣсто его въ Джгерды переведенъ старый, опытный священникъ, Георгій Ахвледіани. Кромѣ того въ скоромъ времени будетъ приступлено здѣсь къ постройкѣ церкви и дома для священника.

27 числа освятилъ новую церковь въ общинѣ Человъ. Здѣсь церковь построилъ своимъ иждивеніемъ и снабдилъ ее всѣмъ нужнымъ очемчирскій торговецъ, изъ мингрельцевъ, Баркалая. Церковь просторна и прочно выстроена.

Всѣ Человцы, еще въ предыдущемъ году, изъявили согласіе принять крещеніе. Нѣсколько времени послѣ того, какъ они заявили о своемъ намѣреніи, крещеніе ихъ продолжалось безпрепятственно; но когда они узнали, что Джгердинцы отказались креститься, то и сами поколебались и неохотно стали принимать православіе; когда же въ началѣ нынѣшняго года магометане въ Джгердахъ подали извѣстное прошеніе Его Высочеству, а потомъ распространили тѣ ложные слухи, о коихъ говорено выше, то оставшіеся еще не крещенными Человцы стали явно уклоняться отъ крещенія, такъ что когда я прибылъ сюда, то узналъ, что еще до 300 почти душъ остаются не крещенными и почти отказываются отъ крещенія, ссылаясь на примѣръ Джгердцевъ. Эти обстоятельства были причиною того, что по окончаніи ли-

тургіи говорилъ я Человцамъ слово съ горечью и негодованіемъ. Напомнивъ имъ, сначала, что въ прошломъ году они сами добровольно изъявили всѣ до единаго желаніе принять православіе и просили оставить въ прежней вѣрѣ только до 25 стариковъ, а теперь я слышу и вижу, что они поколебались, такъ что нѣсколько сотенъ изъ нихъ уклоняются отъ крещенія, а крестившіеся какъ будто раскаяваются: «отъ чего это произошло, спрашивалъ я ихъ? Или васъ насильно кто-либо хваталъ за бороду и тащилъ къ водѣ? Когда вы пришли къ рѣкѣ и васъ разставили для крещенія, я нарочно наблюдалъ за вами и не замѣтилъ въ васъ никакого принужденія, никакой досады; напротивъ вы смѣялись и шутили между собою. Хотя смѣяться и разговаривать въ то время было не прилично, но я почти радовался этому, ибо изъ этого я видѣлъ ясно, что вы были въ хорошемъ расположеніи духа. Что же произошло такого, чтобы поколебать васъ? Вы все ссылаетесь на Джгердцевъ, но почему же вы должны учиться у Джгердцевъ, а не Джгердцы у васъ? Чѣмъ хуже ваша община Джгердской? Не болѣе ли будетъ чести для васъ когда вы будете ихъ учить, а не обратно... Нѣтъ! все это произошло отъ того, что вы люди жалкіе, непостоянные и безхарактерные, или лучше сказать, вы настоящіе дѣти, которыхъ всякій можетъ обманывать и увлекать куда хочетъ... Вы посрамили меня! что скажутъ люди теперь, услыхавши про ваше непостоянство? — Не подумаютъ ли, что я обманомъ, либо силою васъ крестилъ? Да и въ чемъ же наконецъ вы раскаеваетесь и отъ чего колеблетесь? Что съ вами произошло худаго? Неужели худо то, что вы, бывшіе доселѣ, подобно безсловеснымъ животнымъ, безъ вѣры, безъ Бога, безъ молитвы и молитвеннаго дома, начинаете пріучаться вѣровать, молиться, исправлять свои проступки? Или то худо, что безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ съ вашей стороны построена для васъ эта церковь однимъ добрымъ усерднымъ христіанином, и что отъ сего дня у васъ будетъ, по крайней мѣрѣ, раздаваться звукъ колокола и что въ этой церкви за васъ будутъ молиться Богу?» и проч.

По выходѣ изъ церкви я говорилъ съ нѣсколькими, еще не крестившимися, въ томъ же духѣ. Одинъ изъ нихъ заявилъ, не знаю только отъ себя одного, или отъ лица всѣхъ, что ихъ семейства окрещены и что священникъ у нихъ бываетъ и домъ ихъ освящаетъ, но что онъ, по старости, не хочетъ креститься. Впрочемъ говорившій не былъ еще старъ и я старался ему растолковать, что неразумно отдѣляться въ этомъ дѣлѣ отъ семейства.

Пополудни, когда отсюда мы поѣхали въ Мокви, насъ провожали верхомъ многіе изъ мѣстныхъ жителей, князей Анчабадзевыхъ и прочихъ. Хотя тоже самое бывало и въ прочихъ общи-

нахъ, но на этотъ разъ число провожавшихъ было болѣе, и кромѣ того они видимо старались выказать свое особенное усердіе тѣмъ, что безпрестанно скакали взадъ и впередъ, пѣли народныя пѣсни хоромъ, стрѣляли изъ пистолетовъ. Кажется, я не ошибся, подумавъ, что все это они дѣлали въ видѣ протеста противъ магометанской партіи и съ цѣлію загладить то непріятное впечатлѣніе отъ колебанія и уклончивости ихъ односельцамъ, какое было высказано въ проповѣди. Не возможно было безъ удовольствія смотрѣть на этихъ статныхъ, ловкихъ, молодыхъ людей съ такимъ увлеченіемъ гарцовавшихъ на своихъ красивыхъ коняхъ,—но къ чувству удовольствія невольно примѣшивались сомнѣнія и опасенія насчетъ ихъ будущности. Природа щедро одарила ихъ тѣлеснымъ здоровьемъ и красотою, также довольно замѣчательными душевными способностями, но безъ воспитанія, безъ ученія и образованія, все это глохнетъ или получаетъ превратное направленіе. Не будучи пріучены къ труду, не зная что дѣлать и чѣмъ заняться, и будучи еще ктомуже побуждаемы бѣдностью, большая часть ихъ, а также всѣхъ имъ подобныхъ въ Абхазіи, князей и дворянъ, часто предаются воровству, контрабандѣ и прочимъ предосудительнымъ поступкамъ. Великую обязанность приняли мы на себя съ присоединеніемъ Абхазіи къ Россійской державѣ относительно просвѣщеія сихъ молодыхъ людей.

Моквинскій соборъ въ текущемъ году окончательно исправленъ во всемъ, чего ему не доставало. Крыша вся перекрыта лучшими черепицами; вставлены всѣ окна, исправленъ крестъ на куполѣ, окрашенъ внутри бѣлою краскою и проч. Теперь недостаетъ только иконостаса, но и тотъ уже заказанъ и въ слѣдующемъ году будетъ поставленъ. Въ этомъ вполнѣ возобновленномъ видѣ онъ производитъ еще болѣе пріятное впечатлѣніе. Въ оградѣ церковной старый полуразрушенный домъ перестроенъ въ сельскую школу, и хотя учитель и присланъ уже, но учениковъ еще не успѣли собрать.

28 числа я отслужилъ въ этомъ соборѣ литургію и говорилъ поученіе собравшимся въ церкви прихожанамъ.

Въ Моквинской общинѣ мало остается теперь некрещеныхъ, да и тѣ не отказываются отъ крещенія. Къ вечеру того же числа прибыли въ мѣстечко Очамчиръ.

29 числа изъ Очамчиръ я поѣхалъ въ самурзаканское селеніе Мухури. Недалеко отъ Мухури, у самой дороги были собраны человѣкъ до полтораста изъ близкихъ селеній самурзаканцевъ. Разставивши ихъ полукругомъ и, ставъ по срединѣ, я бесѣдовалъ съ ними объ образѣ жизни, о предразсудкахъ, о противныхъ христіанскому ученію обычаяхъ, у нихъ существующихъ и проч., коснулся также важныхъ и столь для нихъ благодѣтельныхъ

реформъ, кои произведены у нихъ въ текущемъ году и убѣждалъ ихъ быть за это благодарными и признательными Царю-Освободителю и воспользоваться его благодѣяніями къ своему благополучію.

Переночевавъ у одного мухурскаго князя Анчабадзе, утромъ, 30 октября, отправились отсюда и къ полудню подъѣхали къ церкви селенія Чибурхенція. Здѣсь было собрано нѣсколько сотъ жителей, какъ этого, такъ и близкихъ приходовъ. Съ крыльца церкви я объяснялъ имъ, довольно долго, мѣсто изъ посланія къ Ефесеямъ глава 4, стихи 25—32. Это мѣсто выбралъ я здѣсь для собесѣдованія съ народомъ, а также часто выбиралъ и въ другихъ приходахъ, потому, что въ немъ говорится о такихъ предметахъ, о которыхъ необходимо какъ можно чаще бесѣдовать съ абхазцами, напримѣръ о томъ, что должно избѣгать лжи, вспыльчивости, воровства и что должно трудиться и проч. Такъ какъ прямо и безъ повода говорить о воровствѣ представляется неприличнымъ и оскорбительнымъ для слушателей, а говорить непремѣнно нужно и полезно, то выше означенное мѣсто изъ посланія Павла и подаетъ благовидный къ тому предлогъ. Къ вечеру того же числа переправились черезъ Ингуръ и достигли мѣстечко Зугдидъ.

* * *

Кромѣ освященныхъ мною церквей, протоіерей Мачаваріани, послѣ моего отъѣзда изъ Абхазіи, освятилъ въ Пицундскомъ округѣ отстроенныя въ отчетномъ же году три приходскія церкви; въ Очемчирскомъ округѣ осталась еще одна оконченная церковь въ Ткварчелахъ неосвященною, но и она скоро будетъ освящена самурзаканскимъ благочиннымъ. Въ Гупахъ строится каменная церковь, но еще не окончена. Изъ древнихъ, замѣчательныхъ церквей остается невозобновленною Бедійская. Къ сожалѣнію возобновленіе ея будетъ труднѣе и обойдется дороже. Между тѣмъ средствъ къ тому уже почти не имѣется, тогда какъ для общины Бедія эта церковь могла бы служить приходскою, какъ драндская для Драндской общины. Для всѣхъ освященныхъ какъ въ нынѣшнемъ году, такъ равно и въ прошломъ году, церквей получены изъ Общества иконы и заказаны иконостасы.

Но въ настоящее время самая необходимѣйшая къ постройкѣ церковь есть сухумскій соборъ. Благодаря стараніямъ генерала Геймана, есть уже достаточныя денежныя средства къ тому, чтобы рѣшительно приступить къ его постройкѣ, но какія-то незначительныя формальности мѣшаютъ доселѣ тому. Между тѣмъ сухумскіе старшій благочинный, его помощникъ и прочіе члены причта, не имѣя собственной церкви, остаются большею частію

безъ служенія, что въ высшей степени тяжело для духовнаго лица, любящаго свое званіе и служеніе. Впрочемъ генералъ Гейманъ далъ слово, что въ слѣдующемъ году работы непремѣнно будутъ начаты.

Во вновь открытыхъ какъ въ прошломъ, такъ и въ отчетномъ году, приходахъ священники по мѣрѣ способностей и усердія старались пріучать новыхъ, еще не утвержденныхъ, христіанъ къ исполненію христіанскихъ требъ и обычаевъ. Успѣшнѣе всѣхъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи Ачандарскій іеромонахъ Антоній Микаберидзе; у него прихожане по усердію къ церкви и богослуженію и по доброй нравственности не только превосходили другихъ новокрещенныхъ, но и многихъ старокрещенныхъ абхазцевъ. Его Высочество Великій Князь Намѣстникъ благодарилъ лично Ачандарцевъ въ нынѣшнемъ году при проѣздѣ чрезъ ихъ общину за примѣрное поведеніе, что не могло не возбудить къ соревнованію и прочихъ жителей.

Тяжелый, нездоровый климатъ Абхазіи, скудное жалованье, получаемое священно-и церковно-служителями, неимѣніе многими изъ нихъ почти никакого помѣщенія, были причиною многихъ страданій и тягостныхъ лишеній, ими претерпѣваемыхъ. Чуть ли не третья часть изъ вновь опредѣленныхъ священниковъ потеряла своихъ женъ въ отчетномъ году. Двое изъ нихъ пришли въ такое отчаяніе, что подали прошеніе о снятіи съ нихъ священническаго сана, и хотя я усиленно уговариваю ихъ оставить такое намѣреніе, но неизвѣстно, успѣю ли убѣдить ихъ. Необходимо позаботиться объ увеличеніи ихъ содержанія и объ устройствѣ для нихъ болѣе приличныхъ домовъ. Бѣдное и стѣснительное положеніе большей части духовенства абхазскаго было и будетъ причиною того, что кромѣ тамошнихъ же, малообразованныхъ псаломщиковъ, никто не соглашается быть въ Абхазіи—особенно въ новыхъ приходахъ, требующихъ большихъ трудовъ и большаго самоотверженія—приходскимъ священникомъ. Но, несмотря на всѣ описанныя препятствія и затрудненія, и въ настоящемъ году, благодаря Бога, труды абхазскаго духовенства не остались безплодными: окрещено во всѣхъ приходахъ, взрослыхъ абхазцевъ обоего пола, около 1400 душъ.

Гавріилъ епископъ Имеретін.

ОТЧЕТЪ

О ВТОРОМЪ ПЕРІОДѢ ЗАСѢДАНІЙ КОНГРЕССА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦІИ АВТОНОМІИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЕНГРІИ, ВЪ ОТНОШЕНІИ КО ВСѢМЪ УГОРСКИМЪ ГРЕКО-КАТОЛИКАМЪ И ОСОБЕННО ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ УГОРСКИМЪ—РУССКИМЪ. [1])

Съ нами Богъ!

О ходѣ засѣданій конгресса для организаціи автономіи католической церкви въ первомъ его періодѣ, именно о важнѣйшихъ фактахъ касавшихся въ немъ внутренней организаціи греко-восточной церкви мы дали *отчетъ*, обращенный ко всему народонаселенію нашей церкви, еще 16 ноября 1870 года. Тогда мы выразили наше внутреннее убѣжденіе, что особенная организація нашей церкви такъ тѣсно связана съ нашимъ бытіемъ, что ее нельзя отмѣнить или измѣнить безъ нарушенія нашихъ нравственно-религіозныхъ и національныхъ обстоятельствъ.

Это убѣжденіе наше усилилось еще въ виду того обстоятельства, что въ мукачевской епархіи усилія, очевидно направленныя къ уничтоженію нашей церковной организаціи, до того подорвали любовь и довѣріе къ пастырямъ со стороны всѣхъ вѣрныхъ, приверженныхъ къ организаціи своей церкви, что мукачевскій епископъ былъ принужденъ и едва успѣлъ успокоить съ публичныхъ каѳедръ по церквамъ тѣхъ вѣрныхъ, между которыми распространилось извѣстіе о переходѣ помянутаго епископа въ латинскую церковь.

По истинѣ для насъ нѣтъ ничего важнѣе дѣла нашей церкви. Предки наши даже при смутнѣйшихъ обстоятельствахъ удержали свою церковную организацію. Приступивъ къ уніи, они ограничили ее только догматическимъ соединеніемъ. И теперь того же хотятъ безъ изъятія всѣ вѣрные, боясь такого включенія въ римскую церковь, какое случилось уже съ Армянскою церковію Венгріи, имѣвшею до сего времени соб-

---

[1]) См. въ *Православномъ Обозрѣніи* 1871 года статьи *прот. К. Л. Кустодіева*: „Конгрессъ католиковъ Венгріи и Угорскіе-Русскіе (№№ 3, 4, 5, 10 и 12). Объ отчетѣ—№ 12, стр. 829.

отдѣльнаго епископа и самостоятельную церковную организацію, и какое мукачевскій епископъ намѣревается приготовить и для насъ. Посему мы считаемъ своею обязанностію дать отчетъ всѣмъ нашимъ общинамъ и о ходѣ засѣданій втораго періода; и въ частности даемъ имъ знать слѣдующее:

I.

Въ пунктахъ III, IV и V перваго нашего отчета мы уже упомянули, что для выработанія проекта организаціи самоуправленія угорской католической церкви была избрана, безъ нашего вліянія и содѣйствія, комиссія 27; что въ эту комиссію со стороны греко-католиковъ были избраны мукачевскій епископъ Панковичъ, Александръ Негребецкій и Эммануилъ Грабарь; что было рѣшено прошенія и предложенія греко-католиковъ передать комиссіи для предварительнаго обсужденія; что далѣе, г. Э. Грабаръ на приготовительномъ засѣданіи этой комиссіи объявилъ, что въ вопросахъ, относящихся къ церкви угорскихъ греко-католиковъ, онъ готовъ давать поясненія и только въ такомъ смыслѣ содѣйствовать трудамъ комиссіи, но при этомъ сдѣлалъ оговорку, чтобы изъ этого не выводилось никакихъ слѣдствій въ отношеніи къ канонико-юридической точкѣ зрѣнія греко-католиковъ; каковая оговорка была принята и записана въ протоколъ.

При этомъ нужно замѣтить, что комиссія 27 выбрала изъ себя подкомиссію 9, которая должна была предварительно составить проектъ организаціи церковнаго самоуправленія и вмѣстѣ дать свое мнѣніе о требованіяхъ греко-католиковъ. Подъ-комиссія 9 рѣшила, что дѣло греко-католической церкви не должно обсуждаться до тѣхъ поръ, пока снова не сойдутся греко-католическіе послы; а между тѣмъ все-таки составила проектъ организаціи самоуправленія церкви и передала его комиссіи 27 для обсужденія.

Вслѣдствіе этого депутатъ Эм. Грабаръ, при обсужденіи этого проекта въ засѣданіи, которое комитетъ 27 имѣлъ 27 января, предложилъ измѣненіе самаго его заглавія: вмѣсто „угорской католической церкви“, такъ какъ и ортодоксы, т. е. и православная восточная греческая церковь также называетъ себя католическою—должно быть сказано: „угорской римской и греческой соединенныхъ церквей.“ Но противъ этого измѣненія говорилъ не только Александръ Негребецкій, но и самъ мукачевскій епископъ Стефанъ Панковичъ, доказывая свое странное утвержденіе тѣмъ, что относительно этого онъ уже много получилъ прошеній отъ своихъ благочинныхъ и священниковъ и что ужгородская консисторія подъ его предсѣдательствомъ рѣшила: на будущее время церковь наша да не будетъ называться, какъ доселѣ, католи-

ческою церковію греческаго обряда, или греко-католическою, или уніатскою, но да зовется она церковію греческаго обряда *римско-католи*ческою!

Хотя Эм. Грабаръ протестовалъ противъ, и между прочимъ рѣшительно объявилъ, что, безъ вѣдома и спроса вѣрныхъ и безъ ихъ согласія, ни множество (?!) просящихъ того, ни епископскіе благочинные, ни ужгородская консисторія не могутъ вычеркнуть изъ числа живыхъ того вѣроисповѣданія, которое признается съ 1649 г., которое, заключая догматическую унію, обезпечило свои права договоромъ, подтвержденнымъ королевскими грамотами и папскими буллами: но его предложеніе все таки было отвергнуто.

Въ засѣданіи той же самой коммиссіи 31 января депутатъ Эм. Грабаръ къ § 7 предложилъ измѣненіе, которымъ требовалъ, чтобы на *каждое праздное приходское мѣсто епархіальный совѣтъ* предлагалъ трехъ кандидатовъ, *изъ которыхъ патронъ, а если такового нѣтъ, то* самъ приходъ одного представлялъ бы епископу *для утвержденія*; къ § 14 онъ же сдѣлалъ предложеніе, чтобы *сообразно* съ 2-мъ пунктомъ уніальнаго договора, избраніе епископовъ производилось *епархіальными собраніями, представляя* на видъ комитету, что было бы несправедливо, если бы, какъ того требуетъ проектъ организаціи, настоятелей для греко-католиковъ стала избирать общая директорія, состоящая изъ 9 лицъ, большею частію латинниковъ,—что было бы все равно, какъ если бы мы захотѣли избирать епископовъ для латинниковъ (!).

Такъ какъ первое изъ этихъ предложеній поддерживало только меньшинство коммиссіи, то оно было отвергнуто. Со вторымъ предложеніемъ Панковичъ, не приводя впрочемъ никакихъ доводовъ, хотѣлъ сдѣлать то же самое; вслѣдствіе этого между нимъ и Эм. Грабаромъ завязался горячій споръ,—и коммиссія, видя, что Эм. Грабаръ правъ, не дерзнула отвергнуть второе предложеніе, но все таки отложила его на то время, когда сойдутся прочіе греко-католическіе депутаты.

Послѣ этого депутатъ г. Грабаръ, видя, что не принимается и то его предложеніе, которымъ онъ требовалъ, чтобы для греко-католиковъ изъ мадьяръ литургія была переведена вмѣсто славянскаго на мадьярскій языкъ, чему противорѣчили Негребецкій и Панковичъ,—видя, что коммиссія не расположена принять ни одного изъ его предложеній, въ засѣданіи коммиссіи 1 февраля при § 17 счелъ полезнымъ объявить, что всѣ свои замѣчанія относительно дѣла просвѣщенія въ средѣ нашей церкви, ея имѣній, соразмѣрнаго съ латинскимъ обезпеченія нашего клира, разложенія церковныхъ сборовъ, избранія митрополитовъ и т. п. онъ сдѣлаетъ тогда, когда будетъ обсуждаться спеціально дѣло греко-католиковъ. Такъ, и посолъ Грабаръ, несмотря на свои желанія и

стараніи, ничего не могъ сдѣлать, или лучше, ничего не успѣлъ рѣшить въ интересѣ нашей церкви. Меньшинство коммиссіи, въ которомъ нашъ депутатъ иногда встрѣчалъ поддержку, также не могло составить такого проекта организаціи, который бы могъ удовлетворить и требованіямъ греческой церкви.

II.

Поелику, какъ было очевидно, болѣе справедливаго рѣшенія нашихъ законныхъ требованій мы могли ожидать только отъ меньшинства коммиссіи и поелику около проекта меньшинства коммиссіи въ засѣданіяхъ втораго періода организаціоннаго собранія группировалось значительное число депутатовъ: вслѣдствіе этого, а равно принимая во вниманіе и то весьма важное обстоятельство, что греко-католическіе члены конгресса, желавшіе лишиться своихъ правъ, пристали къ большинству, мы какъ того, думаемъ, требовалъ интересъ нашей церкви, пристали къ меньшинству и принимали участіе при его совѣщаніяхъ, насколько то было согласно съ нашей точкой зрѣнія и нашими убѣжденіями.

Но стараясь склонить на нашу сторону меньшинство, объясняя ему наше положеніе и ту форму, въ какой возможно приспособленіе нашей особенной организаціи, мы считали своею обязанностію дѣйствовать и на членовъ большинства и убѣждать въ справедливости нашихъ требованій какъ членовъ коммиссіи 27, такъ и предсѣдателя под-коммиссіи, т. е. того самаго предсѣдателя, который увѣрялъ, что никто не намѣревается *централизировать* нашу церковь.

Мы между тѣмъ убѣдились въ возможности созванія особаго греко-католическаго конгресса прежде обсужденія организаціоннаго проекта. Но желая дать организаціонному конгрессу случай показать свою благосклонность къ греко-католической церкви, мы заявили нашу готовность участвовать въ переговорахъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы для обезпеченія выраженныхъ нами требованій, которыя вытекаютъ изъ уніальнаго договора, организаціонный проектъ въ своихъ частяхъ, касающихся особенностей нашей церкви, былъ представленъ на обсужденіе особаго греко-католическаго конгресса. Въ этомъ смыслѣ нашъ сотоварищъ депутатъ Эм. Грабаръ и просилъ организаціонный конгрессъ рѣшить наше дѣло. Послѣ, такъ какъ въ нашемъ же интересѣ говорилъ и румунскій великоварадинскій епископъ, мы обратились съ просьбою, чтобы объ этомъ было выслушано мнѣніе, вопервыхъ, румунскаго великоварадинскаго епископа, а затѣмъ и двухъ русскихъ епископовъ, и наконецъ такъ какъ 6 пословъ отъ клира и 17 отъ міранъ, т. е. 23 румынскіе депутаты не хотѣли участвовать въ засѣданіяхъ организаціоннаго конгресса ни даже совѣщательно,—были спрошены поодиночкѣ

вопервыхъ депутаты пряшевской епархіи, а затѣмъ и мукачевской епархіи.

Въ какомъ смыслѣ высказали свои мнѣнія упомянутые епископы—мы не знаемъ, а однимъ слухамъ вѣрить не хотимъ. Естественно, нижеподписавшіеся депутаты, одинъ отъ клира и 6 отъ мірянъ, т. е. въ числѣ семи, высказывались за свое предложеніе. Изъ пословъ, не подписавшихъ наше предложеніе, Иванъ Пастелій, депутатъ отъ клира мукачевской епархіи, не желая вредить нашей церкви, даже не присутствовалъ на собраніи; и поелику онъ признавался, что въ мармарошскомъ округѣ русскіе сначала никакъ не хотѣли даже и выбирать депутатовъ на конгрессъ и только позже въ густянскомъ собраніи подъ его предсѣдательствомъ согласились выбирать подъ тѣмъ условіемъ, что они ожидаютъ-де отъ своихъ представителей поддержанія правъ нашей древней церкви: то онъ говорилъ только противъ нашего „modus procedendi," т. е. противъ того, что мы нашимъ рѣшительнымъ предложеніемъ переступили границу рѣшеній густянскаго собранія.

Только другой депутатъ отъ клира мукачевской епархіи, протоіерей Гаджега и мурскіе депутаты той же епархіи Александръ и Георгій Негребецкіе, Александръ Фаркашъ (изъ Дороча) откровенно говорили противъ прошенія, подписаннаго множествомъ мірянъ и священниковъ, и противъ нашего предложенія, не задумываясь даже отречься отъ законныхъ основаній этого прошенія и предложенія—отъ особенной организаціи угорской греко-католической церкви и безусловно принимая проектъ организаціи, предложенный комиссіей 27, считая его великимъ благодѣяніемъ для всѣхъ греко-католиковъ, будто стоящихъ на низкой степени (!) развитія, для которыхъ особенная организація ихъ церкви вовсе-де не полезна. Но таковыя аргументаціи этихъ четырехъ депутатовъ опровергались какъ мукачевскими, такъ и пряшевскими депутатами. И мы, вѣра въ святую правоту нашего дѣла, были готовы доводами подкрѣпить наше право, что мы и сдѣлали дѣйствительно. И мы доказали именно слѣдующее:

a) Частію изъ процессуальныхъ писемъ, относящихся къ канонизаціи мукачевской епархіи, частію изъ папскихъ буллъ мы доказали, что римская консисторія приняла условія уніи; слѣдовательно доказали и то, что унія вполнѣ сохранила, какъ было до послѣдняго времени, право свободно выбирать епископовъ и церковныхъ настоятелей, какъ и особенность нашей церкви и ея организаціи, ограничившись только принятіемъ и признаніемъ нѣкоторыхъ догматовъ и обезпечивши для нашего священства всѣ тѣ права, которыми пользуется священство латинское.

b) Изъ писемъ, посылавныхъ римской консисторіи нашими апо-

стольскими королями, мы доказали и то, что наша церковь всегда пользовалась правомъ избирать своихъ епископовъ какъ послѣ уніи, такъ и послѣ канонизаціи мукачевской епархіи и ея дотаціи, утвержденной папскою буллою, и что первымъ епископомъ, который именованъ неправильно, былъ Алексѣй Повчій, уже послѣ французской войны.

c) Изъ такъ называемыхъ апостольскихъ *форматовъ*, даваемыхъ для потвержденія епископскихъ назначеній, мы доказали и то, что наши епископы могли рѣшать церковныя дѣла только при содѣйствіи общихъ соборовъ своей церкви. (Item convocato coetu ecclesiae ejusdem statam et pristinam integritatem reformandi; bona ecclesiastica et proventus cognoscendi; templa sua et parochias, iniuriosa temporum asperitate, aut hominum negligentia collapsa restaurandi; scholas et gymnasia erigendi, ubicumqve templa habent; in iisdem slavonicae, ruthenicae item graecae, latinae, hebraicae, aliarumque linguarum magistros et professores intertenendi et promovendi; et alia his similia, muneri suo convenientia exercendi authoritatem dedimus et concessimus etc. etc.); а изъ другихъ королевскихъ граматъ доказали и то, что тѣ конгрессы нашей церкви, какъ корпораціи не малой важности, наши короли титуловали слѣдующимъ образомъ: fidelibus nostris universis et singulis, magnificis, egregiis et nobilibus, nec non prudentibus ac circumspectis, universitate populorum ruthenorum eorumdemque officialium salutem et gratiam."

Мы не считали нужнымъ представить предсѣдателю комиссіи только тѣ документы, которые большею частію объясняютъ поведеніе и характеръ нашихъ общихъ церковныхъ собраній по 1704 годъ во времена мармарошскаго епископа Стойки, которые были доставлены намъ любезностію нашихъ мармарошскихъ вѣрныхъ; и мы ихъ не хотѣли представить потому, что сообразно съ ними мірской элементъ простиралъ свое вліяніе тогда даже на брачныя дѣла, что мы готовы скорѣе считать незаконнымъ ослабленіемъ власти епископа, чѣмъ подавать поводъ подозрѣвать насъ въ томъ, что мы-де изъ нашихъ общихъ церковныхъ собраній, которыхъ мы требуемъ, хотимъ сдѣлать мѣсто подобныхъ же нарушеній закона, какія въ Мармарошѣ могли быть результатомъ только слабости епископа.

Но мы этого не считали и нужнымъ, потому что вѣрили въ силу нашихъ доводовъ, вѣрили въ справедливость римской консисторіи, отъ которой никто не ожидалъ, чтобы она отъ *православныхъ*, живущихъ внѣ Италіи, потребовала иного, кромѣ догматическаго, единенія,—да напротивъ, она ясно запрещала вѣрнымъ православной церкви и всѣмъ русскимъ переходить къ латинскому обряду, даже въ такихъ случаяхъ,

когда бы на то стали соглашаться и сами епископы [2]); мы вѣрили въ

[2]) a) conservandam pacem, et concordiam inter ruthenos unitos, et ob alias gravissimas causas sanctissimus in Christo pater, et dominus noster, dominus Urbanus divina providentia P. P. VIII. de consilio et consensu venerabilium fratrum suorum S. R. E. cardinalium congregationis de propaganda decrevit: Ne de cetero ruthenis unitis sive laicis, sive ecclesiasticis tam saecularibus, quam regularibus, et praesertim monachis S. Basilii ad latinum ritum quacunque de causa etiam urgentissima, sine speciali apostolicae sedis licentia transire liceat, et proinde omnibus archiepiscopis, episcopis, et officialibus ruthenorum unitorum distincte praecipiendo mandavit, ne deinceps licentiae pro huiusmodi transitu subditis suis, cuiuscumque gradus et conditionis existant, concedere praesummant, et archiepiscopis, episcopis, et aliis praelatis latinis, ac eorum officialibus, ne ruthenos unitos, ad ritum latinum transire volentes, quovis sub praetextu, aut causa cum licentia etiam ruthenorum praelatorum suorum recipere audeant, sub poenis nullitatis actus, et aliis arbitrio Sanctitatis Suae, et romanorum pontificum successorum suorum transgressoribus infligendis, non obstantibus etc.

Itaqve hoc decretum sic renovatum, eadem Sua Sanctitas (Pius VII.) mandavit in notitiam caute deduci omnium episcoporum tum latini, tum ruthemi ritus, iisque denunciari, non licere sibi inposterum ruthenos, sive monachos, sive clericos, sive etiam laicos ad latinum ritum quavis de causa inconsulta sede apostolica admittere, praetextu etiam cuiusvis facultatis, quam forsan a Sanctitate Sua, vel eius praedecessoribus, sive scripto, sive voce obtinuerint, quas facultates Sanctitas Sua tenore praesentium revocat, suoque peculiari iudicio huiusmodi transitus perpetuo sibi, suisque successoribus reservat, sub iisdem poenis in superiori decreto propositis, contrariis quibuscunque non obstantibus. Datum etc.

b) Ex comitiva S. congregationis ad viennensem nunciaturam de dato 2. aprilis 1803.

„Fuit hoc semper praecipuum apostolicae sedis studium, ut integer servaretur eorum splendor diversis ritibus, et ob eorum antiquitatem summa veneratione colendis, et tam legitima introductis receptis et approbatis in ecclesia catholica, cuius cum ipsa concordi eorum varietate pulcherrimum et elegantissimum ornamentum efficiunt. Universalis haec apostolicae sedis oeconomia maiori etiam cura est tenenda cum natione ruthena, quae a catholica unione magna ex parte segregata, licet plane in ritu uniformis, nunquam fortasse sperandum esset, ut ad ecclesiae unitatem rediret, si paulatim inter eos deficerent illi, qui in communione catholica eundem ritum profiterentur. Ad effectum itaque, ut ostium assidue pateat non unitis, quo minori cum difficultate indicantur ad introeundum in unicum ovile unici supremi pastoris Jesu Christi expedicus visa est omni tempore conservatio ruthenorum unitorum in eorum ritus professione, eaque de causa idem summus pontifex, quem Deus incolumem praestet, suorum praedecessorum dispositionibus inhaerens, omnino ipsis transitum inhibuit ad ritum latinum etc. etc.“

справедливость организаціоннаго конгресса; особенно же мы вѣрили въ чувство законности, которое, мы думали, не допуститъ того, чтобы нарушеніемъ правъ греко-католической церкви, исходящихъ изъ обоюднаго уніальнаго договора, былъ оскорбленъ авторитетъ римской консисторіи и чтобы потеряли свою силу относящіяся сюда ея рѣшенія Флорентійскаго вселенскаго собора,—каковое обстоятельство подвергло бы опасности самую унію, уже столько потерпѣвшую отъ ссоръ,—это огорчило бы какъ русскихъ, такъ и румунсвъ, и по меньшей мѣрѣ, это положило бы предѣлъ расширенію уніи.

III.

Между тѣмъ разсужденія организаціоннаго конгресса велись своимъ чередомъ. По предложенію Александра Негребецкаго на немъ было принято и нѣчто такое, что хотѣли и мы включить въ проектъ организаціи самоуправленія церкви въ интересѣ греческой церкви:

а) Что организація автономіи касается церквей латинскаго и греческаго обряда („организація самоуправленія католической церкви Венгріи латинскаго и греческаго обряда“).

б) Чтобы доходы отъ имѣній вакантныхъ высшихъ греко-католическихъ церковныхъ должностей до новаго назначенія, по существующей практикѣ, и на будущее время употреблялись на увеличеніе фонда для священническихъ вдовъ и сиротъ.

в) Чтобъ въ § 21 проекта предъ словомъ *фондъ* были прибавлены слѣдующія слова: „латинскаго и греческаго обряда.“

Но важнѣйшія наши требованія состояли въ слѣдующемъ:

α) Въ общемъ католическомъ конгрессѣ долженъ имѣть мѣсто и голосъ и архимандритъ единственнаго нашего монашескаго чина, а если мѣсто таковаго праздно, то прото-игуменъ того же чина; а число греко-католическихъ депутатовъ должно быть соразмѣрно увеличено.

β) Общій конгрессъ долженъ позаботиться, наравнѣ съ латинскимъ клиромъ, и о соразмѣрномъ матеріальномъ обезпеченіи греческаго священства, а также и пѣвцовъ и народныхъ учителей, какъ того требуетъ уніальный договоръ.

γ) Число членовъ исполнительной директоріи должно быть увеличено двумя мірскими и однимъ изъ клира; одинъ изъ под-предсѣдателей ея долженъ быть непремѣнно изъ греко-католиковъ.

δ) Епископы, аббаты, протоіереи, благочинные, каноники должны избираться епархіальнымъ собраніемъ.

ε) На мѣсто приходскаго священника епархіальный совѣтъ избираетъ трехъ кандидатовъ, дѣлая то въ продолженіе шести мѣсяцевъ, если

послѣ покойнаго осталось семейство, а если нѣтъ, то въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ; изъ этихъ трехъ кандидатовъ самъ приходъ избираетъ одного и чрезъ патрона,—а гдѣ нѣтъ таковаго, прямо представляетъ епископу для утвержденія.

ζ) Недвижимыя имущества, которыми пользуются теперь священники, пѣвцы, церкви и школы на правахъ бенефицій, не должны записываться, какъ того желаютъ многіе, въ поземельную книгу на имя *вообще* угорской католической церкви.

η) Дѣло просвѣщенія и воспитанія въ цѣломъ его объемѣ, далѣе приведеніе въ извѣстность церковныхъ нуждъ, разложеніе церковной подати на вѣрныхъ, контролированіе управляющихъ лицъ, избраніе депутатовъ на общій конгрессъ—все это должно принадлежать къ кругу дѣйствія особаго греко-католическаго конгресса и относительно его совѣта.

θ) Къ кругу дѣйствій этого особаго конгресса, подъ предсѣдательствомъ митрополита или наистарѣйшаго епископа, состоящаго: изъ епископовъ, депутатовъ отъ капитуловъ, настоятеля монаховъ, далѣе изъ депутатовъ избираемыхъ на каждые 5000 душъ и представителей епархіальныхъ собраній, долженъ принадлежать выборъ митрополита.

ι) Наконецъ принятіе предложенныхъ измѣненій въ общемъ проектѣ организаціи должно быть предоставлено именно этому особому греко-католическому конгрессу, какъ единственно законному представителю; т. е. этому конгрессу должно быть предоставлено представительство нашего догматическаго единенія, его поддержаніе, управленіе имѣніями нашей особенной церкви и другія, хотя бы и не относящіяся къ догматическому единенію, дѣла. Поэтому-то нижеподписавшіеся, которые были избраны въ представители не таковымъ особымъ конгрессомъ, не хотѣли и уклонялись *даже совѣщательно* участвовать въ публичныхъ разсужденіяхъ общаго конгресса до самаго того дня, который былъ назначенъ для разбирательства нашихъ особыхъ церковныхъ дѣлъ, они уклонились и потому, что вслѣдствіе рѣчей меньшинства конгресса, особенно же вслѣдствіе рѣчи высокоученаго депутата клира острихолиской епархіи, доктора богословія Петра Гаталы, сказанной въ поддержаніе нашего права выбирать епископовъ, было рѣшено: для разбора дѣла греко-католиковъ будетъ опредѣлено время, когда комиссія 27 представитъ о немъ свое мнѣніе.

Это мнѣніе было представлено только 29 марта, когда проектъ общей организаціи церкви былъ уже принятъ большинствомъ, а напечатанное было роздано между депутатами только 30 марта предъ самымъ засѣданіемъ и въ слѣдующемъ текстѣ, противъ котораго напрасно ратовалъ членъ комиссіи Эммануилъ Грабаръ:

Мнѣніе комиссіи 27 о прошеніи и предположеніяхъ, представленныхъ нѣсколькими католиками греческаго обряда.

„Ваше сіятельство, князь Примасъ! Почтеннѣйшій конгрессъ!

Прилагаемыя при семъ прошеніе и предложенія нѣсколькихъ католиковъ грѣческаго обряда почтенный конгрессъ изволилъ передать намъ съ порученіемъ, чтобы комиссія 27, разсмотрѣвши ихъ, дала о нихъ свое мнѣніе.

Исполняя эту нашу обязанность, изъ подписей просящихъ прежде всего мы увидѣли, что тѣ объявленія считаетъ своими только одна часть греко-католическихъ депутатовъ, а именно: великоварадинскіе (румынскіе) и пряшевскіе и трое мірскихъ депутатовъ изъ мукачевской епархіи. Замѣтивши это, мы стали серьезно разбирать самыя требованія. Вслѣдствіе чего:

Принимая во вниманіе, что проектъ автономической организаціи вовсе не нарушаетъ основъ уніи, и ни обрядъ, ни дисциплина, ни внутренняя церковная организація, особенно и по праву хранимыя нашими братьями греко-католиками, вовсе не входятъ въ кругъ дѣйствій автономическаго конгресса; принимая во вниманіе, что ихъ фундаціи остаются ненарушимы и будутъ вѣдаться тѣми, кто имѣлъ на то право съ древнѣйшихъ временъ; что епархіальныя собранія могутъ дѣлать предложенія объ измѣненіяхъ въ школьной системѣ, опредѣленной общимъ конгрессомъ, какъ и всякія другія предложенія, слѣдовательно и нашимъ братьямъ греко-католикамъ предоставляется полная возможность заявлять свои интересы и требованія; а притомъ, относительно школьнаго дѣла принято за правило соблюдать величайшую осторожность, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ въ концентрализаціи, а слѣдовательно тутъ нечего бояться ни съ обрядовой, ни съ національной точки зрѣнія: мы считаемъ неосновательнымъ то высказанное въ прошеніяхъ опасеніе, будто проектомъ нарушаются права нашихъ братьевъ греко-католиковъ.

Далѣе: что касается предложенія, подписаннаго тремя румунскими депутатами, что они считаютъ нѣкоторымъ оскорбленіемъ то, что его сіятельство примасъ пригласилъ на конгрессъ и румуновъ, „надъ которыми не имѣетъ ни юридическаго, ни административнаго права:“ на это мы должны сказать и замѣтить, что мы не видимъ въ этомъ оскорбленія, ибо примасъ пригласилъ ихъ не какъ митрополитъ, а какъ первый духовный сановникъ, который къ тому же имѣлъ на это право отъ его величества, слѣдовательно дѣйствовалъ законно.

А что касается до замѣщенія праздныхъ епископскихъ каѳедръ, то мы думаемъ, что, за изъятіемъ карлсбургской метрополіи, которая, сообразно съ папскими буллами и царскими граматами, съ самыхъ древ-

нѣйшихъ временъ удержала доселѣ свою древнюю практику, всѣ прочія замѣщаются одинаковымъ образомъ, какъ и всѣ другія католическія каѳедры.

Наконецъ, мы думаемъ, что автономическій католическій конгрессъ не можетъ признать себя въ правѣ ни созвать другой и иной конгрессъ, ни хлопотать о такомъ созваніи, а также не можетъ отказаться отъ содѣйствія и вліянія на одну часть нашей церкви, хотя бы эта часть и имѣла свои спеціальныя права.

Поэтому на рѣшеніе почтеннаго конгресса мы повергаемъ слѣдующее наше мнѣніе:

1) Независимость и самостоятельность католиковъ греческаго обряда, въ отношеніи къ ихъ обряду, дисциплинѣ, внутренней организаціи ихъ церкви и къ собственнымъ фондамъ и фундаціямъ, остается неприкосновенною, и все это автономическій конгрессъ считаетъ даже неподлежащимъ кругу его дѣйствій.

2) Конгрессъ сожалѣетъ, что одна часть тѣхъ католиковъ даже не участвовала въ засѣданіяхъ и разсужденіяхъ; но онъ надѣется, что, когда они увидятъ, что ихъ права не нарушаются, и они въ своемъ интересѣ примутъ участіе въ его трудахъ; онъ не принуждаетъ ихъ къ тому, но онъ сердечно ихъ приметъ, когда они придутъ къ нему.

3) Что касается дѣлъ, подлежащихъ кругу его дѣйствія, онъ не видитъ потребности созывать иной конгрессъ, и не считаетъ себя въ правѣ ни дозволить такой, ни содѣйствовать къ его созванію.

4) Но и касательно требованій, выраженныхъ въ просьбахъ, конгрессъ, въ примѣненіи статута къ спеціальной организаціи ихъ церкви, готовъ дозволить своимъ братьямъ греко-католикамъ свободно требовать измѣненій и дѣлать предложенія; первыя же епархіальныя собранія могутъ сдѣлать эти предложенія, которыя будутъ разсматриваться и разрѣшаться даже безъ ограниченія, положеннаго въ § 27 автономическаго статута [3]). Пештъ. 27 марта 1871 г. Предсѣдатель коммиссіи, баронъ Павелъ Шеней. Нотарій докторъ Иванъ Падошъ."

Обсужденіе этого мнѣнія въ конгрессѣ началось 29 марта безъ соблюденія надлежащихъ правилъ: т.-е. не былъ *предварительно* назначенъ день для его разбирательства, какъ то было рѣшено еще въ первый періодъ засѣданій конгресса, а пустились въ разбирательство тотчасъ же по его представленіи. Такъ, говорили: пряшевскій епископъ, греко-

---

[3]) Этотъ § статута говоритъ, что для могущаго случиться измѣненія нѣкоторыхъ §§ статута нужно согласіе по крайней мѣрѣ двухъ третей числа всѣхъ членовъ конгресса.

католическій депутатъ Александръ Негребецкій и латинскій депутатъ Иванъ Пастъ.

Пряшевскій епископъ объявилъ, что католики греческаго обряда дѣйствительно могутъ находить статутъ организаціи для себя опаснымъ, особенно если лишатся права выбирать своихъ епископовъ; но такъ какъ мнѣніе комиссіи обѣщаетъ сохранить наши права, и въ 4-мъ пунктѣ дозволяетъ выражать намъ свои требованія, то онъ, поэтому, принимаетъ мнѣніе комиссіи 27.

Но не такъ поступилъ Александръ Негребецкій, который не только принялъ весь статутъ организаціи, но и не выразилъ опасенія этимъ лишиться своихъ правъ, что онъ высказалъ въ слѣдующей рѣчи:

Рѣчь Александра Негребецкаго.

„Ваше сіятельство, князь Примасъ! Почтеннѣйшій конгрессъ! Поднимаясь говорить по поводу требованій депутатовъ греко-католическаго обряда, я думаю, что вопросъ: когда должно обсуждаться представленное о томъ мнѣніе комиссіи 27, уже рѣшенъ, и именно нынѣшній день назначенъ для его разбирательства. По поводу этого дѣла и я съ своей стороны считаю нужнымъ сказать нѣчто, тѣмъ болѣе, что узналъ, что какъ мои избиратели, такъ и другіе греко-католики находили съ моей стороны упущеніемъ то, что я еще при самой подачѣ извѣстной просьбы не объяснилъ той точки зрѣнія, которой въ этомъ отношеніи слѣдуемъ я и мои избиратели. Тогда я не могъ высказать этого, потому что эта просьба не была предметомъ разбирательства.

Я думаю, что и теперь не нужно пространно объяснять эту точку зрѣнія. Изъ доселѣшняго моего поведенія почтенный конгрессъ могъ видѣть, что я съ первой же минуты радостно привѣтствовалъ идею католической автономіи и сердечно содѣйствовалъ установленію того основанія, на которомъ мы хотимъ утвердить самую автономію (Одобреніе). Все это я дѣлалъ по моему полному убѣжденію, и дѣлалъ то въ смыслѣ, въ какомъ хотятъ и желаютъ того мои избиратели.

Касательно просьбы, которая служитъ теперь предметомъ разсужденія, позвольте мнѣ замѣтить, что ее нельзя считать поданною отъ имени всѣхъ греко-католиковъ. Я не считаю себя уполномоченнымъ говорить относительно пряшевской епархіи; но касательно мукачевской епархіи, отъ которой я посланъ, я долженъ объявить, что изъ семи бывшихъ депутатовъ и двухъ отъ клира этой епархіи подписали эту просьбу только трое.

Между предметами этой просьбы есть и такіе, которыхъ непарушимаго соблюденія желаю и я; но находятся въ оной просьбѣ и такіе предметы, которыхъ исполненія я теперь не желаю, а еслибы и хотѣлъ,

то не считаю почтеннаго конгресса имѣющимъ право сдѣлать то. Просьба желаетъ и требуетъ соблюдать унію, церковные обряды, дисциплину и личность нашей церкви. Соблюденія всего этого и я хочу; но до сей поры изъ поведенія почтеннаго конгресса я и не видѣлъ, чтобы онъ хотѣлъ нарушить соблюденіе этого; напротивъ, онъ опытомъ показалъ, что все это онъ признаетъ. И по этой причинѣ мое поведеніе было вполнѣ согласно съ почтеннымъ конгрессомъ. Въ частности, касательно сохраненія личности церкви меня успокоиваетъ то опредѣленіе проекта автономической организаціи, по которому рѣшенія, принятыя на епархіальныхъ собраніяхъ, не будутъ восходить на апелляцію къ центральной директоріи; этимъ достигается то, что каждая епархія самостоятельно располагаетъ своими дѣлами въ кругѣ своей юрисдикціи, чѣмъ и обезпечена личность мукачевской епархіи. Что касается втораго предмета просьбы, а именно особеннаго конгресса, то позвольте мнѣ заявить, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ я не желаю особеннаго нашего конгресса, тѣмъ болѣе такого, какимъ его указываетъ просьба, что онъ-де долженъ посылать своихъ депутатовъ на общій конгрессъ съ инструкціями.

Я, почтенный конгрессъ, считаю это вещію совершенно лишнею, потому что мы имѣемъ избирательныя правила, утвержденныя его величествомъ, по которымъ депутаты избраны и въ мукачевской епархіи намъ довѣрились наши избиратели, и мы теперь находимся здѣсь для защиты ихъ правъ.

Итакъ я не вижу причины, по которой бы мы должны были подвергать себя избранію иного конгресса и просить отъ него инструкцій въ такомъ дѣлѣ, о которомъ онъ не зналъ бы ничего. Но я не понимаю потребности добавочнаго конгресса и въ такомъ смыслѣ, чтобы такой конгрессъ собрался съ цѣлію рѣшить: принимаетъ ли онъ организацію, которую установилъ теперешній конгрессъ, или не принимаетъ? Ибо если эта организація войдетъ въ дѣйствительную жизнь, то въ каждой епархіи сойдется собраніе на широкомъ основаніи, такъ напримѣръ въ мукачевской епархіи будетъ епархіальное собраніе изъ 315 членовъ. И я думаю, что на болѣе широкихъ основаніяхъ нельзя желать и конгресса, и это собраніе будетъ достаточно, чтобы имѣть средства и удобства увидѣть и понять все, что оно почитаетъ вреднымъ и неудобоприложимымъ къ себѣ изъ общей организаціи самоуправленія. И въ этомъ отношеніи я вполнѣ одобряю мнѣніе комиссіи 27, которое предоставляетъ возможность нашимъ епископско-епархіальнымъ собраніямъ въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣлать предложеніе общему конгрессу. А это, я признаюсь, для насъ вещь весьма удобная...

Второй важнѣйшій предметъ просьбы—это избраніе епископовъ.

Въ этомъ отношеніи податели просьбы основываютъ законность своего требованія на исторіи. Да позволитъ мнѣ почтенный конгрессъ заявить, что я въ этомъ случаѣ не хочу ссылаться на исторію же; ибо историческія данныя касательно избранія епархіальнаго епископа не для всѣхъ одинаково ясны и такимъ образомъ приведеніе ихъ могло бы послужить поводомъ къ пренію, какъ напримѣръ случилось при ссылкѣ на св. Кипріана [1]). Историческія данныя о св. Кипріанѣ во всякомъ случаѣ интересны и поучительны; но на выясненіе нашихъ историческихъ матеріаловъ, мнѣ кажется, мы могли бы потерять больше времени, чѣмъ сколько требуетъ того самая цѣль. Я не намѣренъ ссылаться на прошедшее и по той причинѣ, что вѣдь законъ мы хотимъ утвердить для будущности: намъ нужно не озираться на прошедшее, а имѣть ясное понятіе о теперешнемъ состояніи, чтобы такимъ образомъ принять и сдѣлать благоразумныя рѣшенія (Одобреніе).

Теперь мы знаемъ одно, что право избирать, т.-е. назначать епископа мукачевской епархіи имѣетъ только его величество; и я боюсь, что, еслибы его величество предоставилъ намъ право избирать епископа, какъ того требуетъ просьба, это не было бы полезно для нашей церкви въ теперешнемъ ея положеніи.

Я не хочу пускаться относительно этого въ пространныя объясненія, но только заявляю, что я весьма боюсь ссоръ и страстей и не совсѣмъ чистыхъ средствъ, которыя употребляются въ подобныхъ случаяхъ; боюсь и того обстоятельства, что избраніемъ не всегда избираются лучшіе люди. Въ этомъ отношеніи я остаюсь доволенъ тѣмъ опредѣленіемъ, которое почтенный конгрессъ принялъ и установилъ для епархіи латинскаго обряда.

Къ принятію мнѣнія комиссіи 27 меня побуждаетъ и то обстоятельство, что автономическая организація какъ соблюдаетъ унію, такъ и обезпечиваетъ намъ обрядъ и дисциплину, а равно и то, что почтенный конгрессъ былъ настолько милостивъ, что принялъ тѣ измѣненія, которыя мы считали нужнымъ предложить въ нашихъ особенныхъ интересахъ.

Относительно уніи осмѣливаюсь предложить и высказать мое желаніе: Дай Богъ, чтобы всѣ мы, принадлежимъ ли мы къ мукачевской или пряшевской епархіи, стремились и всѣ силы свои направляли къ тому, чтобы братскій союзъ, соединившій чрезъ унію церкви латинскаго и греческаго обрядовъ, укрѣплялся болѣе и болѣе!

Я принимаю мнѣніе комиссіи.“ (Шумное одобреніе правой стороны).

---

[1]) При обсужденіи статута въ общихъ разсужденіяхъ между большинствомъ и меньшинствомъ латинскихъ депутатовъ.

Противъ г. Негребецкаго всталъ говорить Иванъ Папа, латинскій депутатъ изъ меньшинства: онъ говорилъ, что статутъ, принятый большинствомъ, онъ находитъ непримиримымъ съ требованіями греко-католическихъ депутатовъ и опаснымъ для ихъ неповѣдной самостоятельности. Впрочемъ, дальнѣйшія разсужденія должны были пріостановиться Эмануилъ Грабаръ, протестуя противъ внезапности начала разсужденій, требовалъ назначить для того время. Его поддержалъ латинскій депутатъ графъ Циракій, требуя пріостановить теперь разсужденія объ этомъ предметѣ и назначить для того слѣдующее засѣданіе 30 марта. Собраніе согласилось съ этимъ требованіемъ.

IV.

Нижеподписавшіеся теперь до слѣдующаго засѣданія могли по крайней мѣрѣ осмотрѣться и обдумать, какъ нужно было вести имъ дѣло. Было мало или почти никакой надежды склонить большинство конгресса на сторону греко-католическихъ требованій; но чтобы сдѣлать все возможное и быть правымъ предъ своею совѣстію, они не преминули употребить для того послѣднія усилія.

30 марта разсужденіе началъ о. Михаилъ Молчанъ, который нѣкогда представилъ просьбу за подписью громаднаго большинства русской интеллигенціи.

Рѣчь о. Михаила Молчана, депутата отъ клира пряшевской епархіи.

„Почтенный организаціонный конгрессъ! Въ первый періодъ засѣданій я имѣлъ счастіе представить почтенному собранію прошеніе относительно обезпеченія правъ греко-католической церкви, соединенной съ латинскою только догматически. Тогда было обѣщано и рѣшено, что для разсужденія объ этомъ важномъ дѣлѣ назначится въ порядкѣ особый день. Но вчерашній день доказалъ, какъ легко нѣкоторые хотѣли бы лишить церковь греко-католическаго обряда ея правъ, обезпеченныхъ ей договоромъ! И что это дѣло обсуждается нынѣ, этимъ мы обязаны единственно тому, что его превосходительство графъ Иванъ Циракій съ твердостію поддержалъ заявленіе моего со-депутата и единомышленника Эмануила Грабара. Отъ имени моихъ товарищей я не могу не благодарить за это е. п. графа Циракія. Не могу при этомъ забыть и нашего со-депутата Ивана Папа, который, несмотря ни на какіе побочные интересы, повинуясь единственно голосу истины, во вчерашнемъ засѣданіи поддержалъ наши требованія и объявилъ ихъ справедливыми. Да приметъ онъ за этотъ благородный подвигъ наше сердечное благодареніе (Такъ! такъ!).

Еще въ первый періодъ засѣданій въ этой самой залѣ провозглашалось, что мы собрались не для того, чтобы имѣли желаніе или намѣреніе лишить кого-нибудь своихъ правъ; да и при открытіи теперешняго періода засѣданій предсѣдатель, князь примасъ высказалъ желаніе быть дальше отъ всякихъ политическихъ подражаній и имѣть въ виду только святой интересъ нашей церкви.

Прекрасныя слова! Но на дѣлѣ они не сбылись. Коммиссія 27 заявила, что она не признаетъ нашихъ правъ, обезпеченныхъ договоромъ. А это уже значитъ, что въ отношеніи къ греко-католической церкви, соединившейся по договору, она подражаетъ нановѣйшей политикѣ нарушенія договоровъ.

Поданное мною прошеніе, въ подтвержденіе нашихъ правъ, приводитъ такіе неопровержимые доводы, что другія доказательства кажутся излишними. А коммиссія 27 даже не занялась ихъ опроверженіемъ, а голословно объявила просто ненужность для насъ особаго конгресса и еще голословнѣе не признала нашего права выбирать епископовъ.

Относительно нашего особаго конгресса, надобность его въ прошеніи доказывается тѣмъ, что безъ такого конгресса рѣшенія нынѣшняго организаціоннаго конгресса для насъ никогда не будутъ имѣть своей обязательной силы.

А что касается права выбирать епископовъ, что обезпечено договоромъ, весьма ошибается тотъ, кто думаетъ, что право, обезпеченное договоромъ, можетъ уничтожить кто-нибудь третій безъ согласія какой-нибудь изъ договаривающихся сторонъ. Чтобы такъ думать, нужно имѣть особыя юридическія понятія. Вѣрно поэтому-то вчера Александръ Негребецкій и отказался припоминать прошедшее: ему-де вовсе не нужно историческое основаніе, онъ смотритъ только на настоящее, и на немъ, т.-е. на пескѣ строитъ будущее; онъ сторонникъ *благовременности* (opportunitatis), т.-е. нынѣ построилъ, а завтра, если надо, и уничтожилъ. Въ этомъ я не слѣдую моему почтенному со-депутату. Я желаю именно прошедшее имѣть основаніемъ и на немъ построить крѣпкія стѣны настоящаго, чтобы ихъ не разрушили ни даже бури будущаго (Такъ! Такъ!).

Если я точно припоминаю слова рѣчи г. Негребецкаго, то онъ вѣдь хотѣлъ бы отказаться отъ обезпеченнаго договоромъ права выбирать епископовъ особенно потому, чтобы имѣть возможность избѣжать незаконныхъ дѣйствій при выборахъ, подкуповъ и т. п. и какъ слѣдствій этого, соблазнительныхъ искательствъ и распущенности. Но на это скажу я только одно: difficile est satyram non scribere (трудно не писать сатиру!).... И спрашиваю г. депутата: а еслибы апостольскій король по неапостольскому совѣту выбралъ бы еще меньше апостольскаго епископа, который бы лишилъ свою церковь ея правъ, который бы не ра-

зумѣлъ языка собственной паствы, котораго голоса паства вовсе бы не слышала, который бы мало занимался церковными дѣлами, но тѣмъ болѣе мірскою политикою, кстати сказать, не разумѣя ея, а служа только орудіемъ для другихъ,—спрашиваю: останется ли онъ доволенъ такимъ епископомъ?... Если почтенный депутатъ дастъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, онъ будетъ только послѣдователенъ себѣ: видя историческое основаніе, которое яснѣе солнца, вѣдь онъ объявилъ его темнымъ, т.-е. онъ отрекся отъ него! (Одобреніе).

Наконецъ, высокопреосвященный калочскій архіепископъ говорилъ здѣсь—и это было такъ пріятно слышать всѣмъ намъ!—что славные архіереи латинской церкви, благочестивый Батьяни, Андраши и Сцитовскій защищали святыя и ненарушимыя права церкви даже противъ гражданской власти. Относительно нашей греко-католической церкви, я къ сожалѣнію долженъ объявить, что не могу указать на такіе достохвальные примѣры, особенно съ тѣхъ поръ, какъ архипастыри нашей церкви не избираются, а назначаются по частной рекомендаціи.

Вслѣдствіе всего этого, вѣрный точкѣ зрѣнія, высказанной въ поданномъ мною прошеніи, я снова требую у почтеннаго организаціоннаго собранія признать наши права, обезпеченныя намъ договоромъ; всѣ же противныя имъ рѣшенія я никогда не признаю обязательными ни для себя, ни для послащихъ меня.“ (Одобреніе).

Послѣ нѣсколькихъ короткихъ замѣчаній Александра Негребецкаго, священнику Михаилу Молчану отвѣчалъ каѳедральный протоіерей г. Ужгорода, Василій Гаджега.

Рѣчь Василія Гаджеги, каѳедральнаго протоіерея.

„Ваше сіятельство, князь Примасъ! Почтенное собраніе! Просьба, которая теперь служитъ предметомъ разсужденія и которую подписали три депутата моей епархіи, отъ начала до конца прямо противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ, и я теперь ее такою считаю и объявляю.

Эта просьба, между прочимъ, не признаетъ того права апостольскаго нашего царя, по которому онъ именуетъ въ Угорщинѣ всѣхъ епископовъ. И она не признаетъ этого права, потому что желаетъ имѣть свободное избраніе греко-католическихъ епископовъ, чего, какъ они говорятъ, но не доказываютъ, они лишились безъ ихъ согласія. Они не смотрятъ и не принимаютъ во вниманіе того обстоятельства, что апостольскіе цари, учреждая наши епархіи и снабжая ихъ дотаціей, ни обѣщали намъ этого права, ни обезпечили его. Да право это, по аналогіи уравненія насъ съ латинскою церковію, и не могло быть намъ предоставлено. Наконецъ, этого права никогда не просили наши предки, ни послѣ устроенія и снабженія дотаціей мукачевской епархіи, ни послѣ учрежденія

и организаціи епархіи пражевской. Да этого и теперь не желаетъ ни большая часть мірской интеллигенціи моей епархіи, ни клиръ, кромѣ одной брошюры, которая была распространена по епархіи и написана въ смыслѣ представленной просьбы.

Та грубая, безпощадная и полная самой черной неблагодарности рѣчь, которую произнесъ предстаивший сюда помянутую просьбу, произвела на меня самое отвратительное впечатлѣніе. Она не только оскорбляетъ память покойнаго великаго и заслуженнѣйшаго моего епископа, но, можно сказать, явно клевещетъ и на теперешняго епископа, будто они не законно приняли свои епископскія каѳедры, хотя и по законному именованію его величества и по каноническому подтвержденію нашего святѣйшаго отца римскаго папы,—и будто они во дворъ овчій Господа вошли не дверми, а вторглись инымъ побочнымъ способомъ. (На правой сторонѣ: правда! такъ!)

Упомянутая просьба желаетъ національнаго конгресса. Но ни я, ни священство, ни народъ моей епархіи по многимъ причинамъ не желаемъ этого,—и мы всѣ, за изъятіемъ малой и незначительной части, будемъ довольны тою автономіей, которую почтенное собраніе уже изволило установить для католиковъ всей Угорщины.

Поэтому я принимаю въ цѣлости мнѣніе почтеннаго комитета 27, тѣмъ болѣе, что даруемая автономія вполнѣ успокоитъ и удовлетворитъ каждаго католическаго священника и вѣрнаго моей епархіи" (Одобреніе на правой сторонѣ).

За этимъ всталъ говорить мірской депутатъ мукачевской епархіи Евгеній Поповичъ, который въ первый періодъ засѣданій конгресса внесъ отъ имени большинства русскихъ депутатовъ предложеніе, въ которомъ было формулировано требованіе созвать особый конгрессъ уніатской церкви.

Рѣчь Евгенія Поповича, автономическаго депутата, сказанная въ организаціонномъ собраніи 30 лат. марта.

„Ваше сіятельство! Высокопревосходительный князь Примасъ! Почтеннѣйшее собраніе! (на голоса! на голоса!)

Именно я имѣлъ честь представить 2 прошлаго ноября то предложеніе, которое было на обсужденіи комиссіи и теперь составляетъ предметъ разсужденій. Поэтому какъ въ интересѣ этого предложенія, такъ и въ интересѣ другихъ, сходныхъ съ нимъ нашихъ прошеній, и я съ своей стороны считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ.

Весьма чувствую всю тяжесть этой обязанности, ибо знаю, что отъ рѣшенія вопроса и вообще отъ организаціи автономіи католической церкви всей нашей страны зависитъ душевное успокоеніе не только

тысячей моихъ избирателей, но и другихъ сотней тысячъ одинаково съ ними и со мною чувствующихъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы эта общая организація обезпечила самостоятельность для нашей мѣстной церкви, соединенной съ латинскою только догматически, но оставшейся особенною по своему обряду, дисциплинѣ, управленію, богослужебному языку, какъ и въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ — дѣло идетъ о томъ, чтобы справедливо были уважены ея требованія, вытекающія изъ особенности ея организаціи, и всѣ завѣщанія ея права.

Съ другой стороны чувствую мою личную слабость, по которой не надѣюсь поставить это важное дѣло на ту высоту, на которой бы оно могло отвѣчать высокимъ требованіямъ членовъ почтеннаго собранія: вѣдь здѣсь въ обсужденіи различныхъ мнѣній по различнымъ важнѣйшимъ вопросамъ соревновали столько людей генія, столько показано ученой подготовки и блестящихъ историческихъ дарованій! И послѣ всего этого необходимо бы говорить такъ, чтобы вмѣстѣ и убѣдить разсудокъ и подѣйствовать на чувство.

Поэтому я долженъ разсчитывать болѣе на снисходительную и снисходительную благосклонность почтеннаго собранія, чтобы оно приняло въ уваженіе мое смиренное предложеніе.

Для полной ясности дѣла нужно бы представить различіе между организаціями частей западной и восточной церкви, далѣе исторію этого различія какъ и прежнее положеніе обѣихъ организацій въ любезномъ нашемъ отечествѣ, развитіе этого или относительное паденіе, — все это разсказать подробно даже до нынѣшняго вѣка.

По какъ потому, что я не чувствую себя для этого въ силахъ, такъ и потому, что не хочу злоупотреблять ни дорогимъ временемъ, ни терпѣливостію почтеннаго собранія, я ограничусь только самымъ общимъ.

Вникая въ смыслъ сказанія о сотвореніи человѣка, учрежденіе церкви можно бы назвать повтореніемъ этого творенія, только въ высшемъ и великолѣпнѣйшемъ смыслѣ. Присносущный Богъ взялъ уже одушевленную матерію — человѣчество, и вдохнулъ въ нее присносущныя истины. Эти присносущныя истины суть начала вѣры, составляютъ душу, соединяющую вѣрныхъ, а различныя организаціи — это тѣло. Первоначальныя истины непремѣнны, постоянны, *pertinentiam* божественнаго происхожденія. Но развитіе организаціи и дальнѣйшія ихъ формы предоставлены себѣ, чтобы могли развиваться сообразно присущимъ каждой силамъ.

Прошу извинить за это, можетъ быть, очень странное сравненіе. Но я не могъ представить себѣ иначе, какъ могли по нашему вѣроисповѣданію въ церкви Божественнаго начала произойти разныя организмы, существовавшіе еще и тогда, когда между Востокомъ и Западомъ въ догматахъ было полное согласіе и единство.

Что тѣ два организма—восточный и западный обряды—непремѣнно стояли подъ вліяніемъ общественныхъ условій и происходящихъ оттуда направленій,—и что особенно на образованіе восточнаго греческаго обряда имѣли вліяніе конституціонныя и поэтическія воспоминанія классическихъ временъ: трудно было бы пускаться въ доказательства этого, но думать такъ логично и заключать это вовсе не покажется невозможнымъ.

Чтобы понять поведеніе моихъ единовѣрцевъ, которые такъ ревностно держатся своей восточной организаціи, считаю необходимымъ объяснить основныя начала восточной греческой организаціи.

По восточному греческому обряду, языкъ богослуженія и литургіи долженъ быть языкомъ народнымъ; учащая часть церкви имѣетъ одна право совершать таинства и вообще заботиться о душевномъ спасеніи вѣрныхъ; но въ другихъ дѣлахъ церковнаго управленія имѣютъ одноправное, а во многихъ случаяхъ и преобладающее, вліяніе и мірскіе люди, каково напр. избраніе церковныхъ представителей, управленіе церковными имуществами и пр.

И такимъ образомъ эту организацію справедливо можно назвать конституціонною формою правленія, которая ограничиваетъ власть высшаго церковнаго чина—іерархіи.

Что эта форма правленія не всегда и не вездѣ была удержана—объ этомъ нечего и говорить: она много разъ и во многихъ отношеніяхъ была ослабляема, а иногда и совсѣмъ уничтожаема, много разъ даже чрезъ тѣхъ, святою обязанностію которыхъ было сохранять ее. Ибо знаемъ, что человѣкъ остается человѣкомъ и немощнымъ и на высокомъ Олимпѣ; а имѣющій власть домогается еще большей власти.

Но все-таки вообще вышеупомянутыя начала остались основаніемъ обрядовой организаціи.

Какимъ образомъ и по какой причинѣ произошли разногласія о несходныхъ основаніяхъ въ обрядѣ и догматахъ вѣры и какое вліяніе имѣло это обстоятельство на нашихъ греко-католическихъ вѣрныхъ—это я считаю лишнимъ объяснять, ибо это дѣло исторіи.

Но не могу не припомнить того, что стремленія іерархіи римскаго обряда уничтожить слѣдствія общаго догматическаго раскола у вѣрныхъ нашего отечества и соединить ихъ съ римскою властію долгое время оставались безъ всякаго успѣха,—и причиною этого было именно опасеніе за цѣлость греко-обрядовой организаціи. Что эти стремленія увѣнчались успѣхомъ въ XVII столѣтіи—это было потому, что для желавшихъ вступить въ унію былъ обезпеченъ восточный греческій обрядъ.

Тогда-то наши предки соединились съ римско-католическою церковію:

признали верховную власть папы и приняли догматы, которыхъ восточная церковь не признавала вслѣдствіе раскола.

Но они оставили за собою: a) право содержать свой греческій обрядъ; b) избирать епископовъ; c) имѣть участіе въ привиллегіяхъ и преимуществахъ католической церкви.

Это соединеніе, состоявшееся на сказанныхъ условіяхъ, сдѣлалось для обѣихъ сторонъ юридически обязательнымъ договоромъ. Наши апостольскіе цари этотъ договоръ дѣйствительно подтвердили тѣмъ, что именно на его основаніи именовали епископовъ, избиравшихся нашими предками, сначала положили имъ опредѣленное обезпеченіе наличными деньгами, а позже предоставили имъ имѣнія талпочанской аббаціи св. апостоловъ Петра и Павла, причислили ихъ къ высокимъ чинамъ государственной іерархіи; при чемъ нашъ клиръ получалъ участіе въ правахъ привиллегированнаго класса, а также въ денежномъ вспоможеніи, а позже въ постоянномъ обезпеченіи.

Со стороны римскихъ папъ этотъ договоръ былъ подтвержденъ тѣмъ, что наша церковь стала подъ верховный судъ сѣрримской консисторіи, что наши епископы избранные и послѣ избранія именованные апостольскими царями утверждались римскою куріею, и что наконецъ были канонизованы сначала мукачевская, а затѣмъ и другая пряшевская епархіи.

По моему скромному мнѣнію, такой договоръ, заключенный подъ такими условіями и съ такими оговорками, дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ подтвержденный верховною властію,—такой договоръ не можетъ перемѣнить одна какая-нибудь сторона. Да въ строгомъ смыслѣ, чтобы измѣненіе условій, сдѣланныхъ договаривавшимися сторонами относительно ихъ потомковъ, получило обязательную силу,—оно должно быть утверждено такою же компетентною властію, какая утвердила и первоначальный договоръ.

Почтенное собраніе! Мы свято и неприкосновенно держимъ какъ самое единеніе, такъ и договоръ, на основаніи котораго оно заключено. Но теперь, когда, занимаясь устройствомъ автономіи всей нашей отечественной католической церкви, хотятъ дать ей новую организацію, и мы видимъ и признаемъ, что для достиженія этой цѣли и въ организаціи, предоставленной и обезпеченной намъ самымъ актомъ соединенія, нужно сдѣлать измѣненія и примѣнить ее къ новой организаціи всей церкви.

И именно потому, что мы хотимъ свято соблюсти наше соединеніе, мы желаемъ, чтобы съ одной стороны необходимыя измѣненія въ относящемся къ нему договорѣ были сдѣланы законно и такимъ образомъ былъ устраненъ всякій поводъ къ сомнѣнію, съ другой стороны—что-

бы былъ признанъ и обезпеченъ и на будущее время договоръ, на основаніи котораго вступили въ унію наши предки. Для этой цѣли мы считаемъ нужнымъ, чтобы необходимыя измѣненія въ условіяхъ соединенія были сдѣланы такою же корпораціей, которая въ духѣ удержаннаго нами восточнаго обряда имѣла право заключить и самое соединіе, каковое она и заключила.

А этою корпораціей можетъ быть только общее собраніе такихъ церковныхъ и мірскихъ представителей, какіе заключили договоръ. Такъ какъ унія была заключена общимъ собраніемъ вѣрныхъ, составляющихъ теперь мукачевскую и пряшевскую епархіи, то и теперь компетентное общее собраніе можетъ составиться только изъ вѣрныхъ обѣихъ помянутыхъ епархій.

Почтенное собраніе! Желаніе наше о созданіи сказаннаго общаго собранія нашей церкви нельзя считать противозаконнымъ. То предложеніе, на которое теперь комиссія дала свое мнѣніе вмѣстѣ съ другими того же содержанія прошеніями, мы представили почтенному конгрессу въ надеждѣ, что наше желеніе будетъ исполнено.

Нашу надежду не поколебало и то обстоятельство, что намъ пришлось испытать, что высшая церковная власть не только не поддерживала нашп желанія, но увы! показывала къ нашему дѣлу не только холодность, а даже и противодѣйствіе.

И все это, повторяю, не поколебало насъ въ нашей пріятной надеждѣ, потому что мы вѣрили въ законность нашего желанія.

Питаясь этимъ довѣріемъ, желая личную особенность нашей церкви приспособить къ организаціи общей отечественной католической автономіи, мы, послѣ того какъ не было исполнено наше желаніе, выраженное въ упомянутомъ предложеніи,—почему мы не могли участвовать въ разсужденіяхъ объ организаціи автономіи, — послѣ этого мы передали въ руки его превосходительства, предсѣдателя коммиссіи 27 проектъ поправки нѣкоторыхъ пунктовъ, выражая тѣмъ желаніе, чтобы особенная наша церковная организація была примѣнена къ отечественной католической автономіи — *при соблюденіи особенности нашей церкви.* Ибо во всѣхъ §§ составленнаго проекта автономіи объ организаціи нашей церкви не упомянуто ни словомъ, да еще больше: особенныя права, присущія этой организаціи, или оставнены безъ вниманія или искажены.

Какъ это заявлено въ нашемъ предложеніи и какъ это я старался объяснить при его представленіи, мы безъ уполномоченія нашего общаго собранія чувствуемъ себя совершенно не въ правѣ пускаться въ переговоры о примѣненіи личности нашей церкви и особенности ея организаціи къ рамкѣ отечественной автономіи; но мы думаемъ, что мы сдѣлали все, чего требовала отъ насъ совѣсть, и искренно желали об-

легчить дѣло сказаннаго примѣненія. Мы сдѣлали все, что по совѣсти мы должны были сдѣлать въ силу теперешняго нашего полномочія. Мы дошли до предѣла, за которымъ лежитъ отреченіе отъ нашего права, переступить который значило бы подготовить безслѣдную гибель личности нашей церкви, которую столько времени берегли наши отцы и сберегли и удержали даже при тягчайшихъ обстоятельствахъ.

Мы вполнѣ вѣрили въ законность нашихъ желаній и надѣялись, что мужи, показавшіе столько доблести въ защитѣ отечественныхъ учрежденій, удостоятъ уважить и нашу преданность нашей церкви. Но надежда насъ обманула. При составленіи проекта автономіи никто не обратилъ никакого вниманія на наши законные интересы, ни на наше предложеніе поправки его параграфовъ. Еще больше насъ разочаровало мнѣніе коммиссіи 27, о которомъ теперь рѣчь.

Мы не можемъ признать справедливымъ того увѣренія, будто *основанія уніи остаются вполнѣ неприкосновенными*. Ибо самое дѣло опровергаетъ это увѣреніе. Первымъ пунктомъ уніальнаго договора: ut ritum graecae ecclesiae servare liceat, былъ обезпеченъ для нашей церкви восточно-греческій обрядъ, т. е. какъ то даетъ разумѣть слово „обрядъ“ ritus, не только литургическія или богослужебныя особенности, но и права особенныхъ дисциплинарныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ распоряженій. И по правиламъ юридической герменевтики, этого слова нельзя объяснять въ ограниченномъ смыслѣ. Если бы здѣсь разумѣлись только одни внѣшніе обряды, тогда бы нужно было опредѣлить границу между внутренней и внѣшней организаціей.

А что это право простирается на цѣлую организацію — это доказываетъ практика. Наша церковь управляла и управляетъ самостоятельно всѣми обрядовыми дѣлами безъ различія внутреннихъ и внѣшнихъ; она опредѣляла порядокъ школъ, располагала своими имѣніями, словомъ распоряжалась самостоятельно всѣми церковными дѣлами.

Относительно этого права самоуправленія да будетъ позволено мнѣ замѣтить то же, что я замѣтилъ и о конституціонной организаціи вообще восточной церкви: предоставленная намъ и сохраненная нами организація сохранялась не во всемъ и не всегда, и особенно въ высшемъ управленіи. Имѣющіе власть сдѣлались относительно неограниченными и устранили клиръ и мірянъ отъ вліянія на дѣла, на которое тѣ имѣли право. Люди и у насъ остались людьми, жаль только весьма дряхлыми, немощными. Но право осталось правомъ, котораго этимъ способомъ, т. е. отказывая въ немъ, не уничтожишь!

Такимъ образомъ довольно есть доказательствъ того, что теперешняя организація автономіи весьма касается основаній уніи. Сообразно съ этой новой организаціей, мы теряемъ право распоряженія самыми важ-

цѣйшими для насъ дѣлами и интересами, а въ другихъ дѣлахъ устанавливается способъ распоряженія нашими интересами совершенно другой, несообразный съ духомъ нашей организаціи.

Впрочемъ, не желая злоупотреблять терпѣливостію почтеннаго собранія, которое безъ того уже утомлено, я скажу только объ одномъ: именно о правѣ избирать епископовъ. Оно было сохранено и предоставлено намъ особымъ пунктомъ уніальнаго договора; но теперешнею организаціей оно низводится до 0.

На мнѣніе комиссіи, о которомъ теперь рѣчь, будто это право измѣнено царскими грамотами и папскими буллами, позвольте мнѣ замѣтить одно, какъ я сказалъ выше, то, что послѣ уній учреждаются фундаціи, даются бенефиціи и привиллегіи, и все это дѣлается безъ упоминанія ограниченій правъ, предоставленныхъ уніей, — это только подтверждаетъ унію и ея условія, а вовсе не измѣняетъ ихъ.

Но воздавая должную дань почтенія памяти нашихъ отцовъ, позвольте мнѣ въ отношеніи права избирать епископовъ указать на одно обстоятельство: въ первомъ пунктѣ уніальнаго договора намъ сохранено соблюденіе обряда — самымъ этимъ уже предоставляется и право избирать епископовъ; но избраніе епископовъ намъ предоставляется и другимъ особымъ пунктомъ. Это обстоятельство доказываетъ, какъ покойные блаженной памяти отцы наши въ смиренной мудрости своей желали и заботились о сохраненіи и на будущее время прекраснаго апостольскаго нашего обряда! И для храненія его они хотѣли видѣть епископами исключительно такихъ людей, которые бы, являясь апостольскими преемниками, знали бы нашъ обрядъ и съумѣли бы соблюсти его! Они понимали свое положеніе, и по этому судили и о положеніи своихъ потомковъ. Ихъ чистая душа предвидѣла, что совѣтники его величества царя, живущіе въ высшихъ кругахъ, не могутъ какъ слѣдуетъ знать людей, живущихъ на низшей ступени общественной жизни, чтобы различать въ нихъ людей апостольскаго призванія и чтобы по ихъ предложенію апостольскіе цари именовали такихъ епископовъ, которые бы являлись *истинными отцами* своимъ бѣднымъ пасомымъ! Итакъ наши предки хотѣли для своихъ потомковъ устроить такъ, чтобы апостольскіе цари при наименованіи епископовъ имѣли въ виду только любовь всѣхъ вѣрныхъ и ихъ преданность епископу.

Относительно того мнѣнія почтенной комиссіи, будто „*католическое автономическое собраніе считаетъ себя не въ правѣ дозволить созвать особенный нашъ конгрессъ*“, я долженъ почтительнѣйше замѣтить и заявить, что вѣдь нашимъ предложеніемъ мы, соблюдая вѣжливость, просили у почтеннаго собранія только посредства и ходатайства о дозволеніи намъ созвать свой общій конгрессъ; а дозволеніе конечно будетъ

зависѣть отъ отвѣтственнаго правительства его величества. Этотъ шагъ мы не могли считать ошибочнымъ, потому что поданныя прошенія и та надежда, что наше предложеніе будетъ принято, дѣлали безъ того необходимымъ измѣненіе избирательныхъ правилъ.

Наконецъ, я считаю необходимымъ перечислить предъ почтеннымъ собраніемъ тѣ требованія, которыя вытекаютъ изъ особенной организаціи нашей церкви и которыхъ включеніе въ проектъ общей организаціи мы считаемъ совершенно необходимымъ для того, чтобы принадлежащая нашей церкви особая автономія была примѣнена къ общей автономіи съ сохраненіемъ ея особой личности и съ сохраненіемъ нашихъ особенныхъ интересовъ. Эти требованія суть слѣдующія:

а) Признаніе личности нашей церкви, т. е. проектъ автономической организаціи, со включеніемъ въ него особенныхъ интересовъ нашей церкви, долженъ быть предложенъ для одобренія особенному для этой цѣли созванному *нашему* конгрессу. Какъ общій автономическій конгрессъ избираетъ для управленія церковными дѣлами административную директорію, такъ точно и для греко-католиковъ ихъ относительное собраніе избираетъ свой административный совѣтъ, который является представителемъ нашей церкви, налагаетъ церковныя подати, присматриваетъ за школами и обрядомъ, словомъ, рѣшаетъ все, что находится въ кругѣ дѣйствій и общей административной директоріи, которая, какъ состоящая изъ большинства членовъ латинскаго обряда, не можетъ быть компетентною въ дѣлахъ греко-католическаго обряда.

б) Епископовъ, аббатовъ, протоіереевъ, крылошанъ, благочинныхъ избираютъ и назначаютъ епархіальныя собранія.

в) Замѣщеніе праздныхъ приходскихъ мѣстъ должно происходить такъ, что епархіальный совѣтъ указываетъ троихъ кандидатовъ, и изъ этихъ троихъ, когда нѣтъ патрона, имѣетъ право избирать самъ приходъ.

г) Единственный нашъ монашескій чинъ св. Василія долженъ имѣть представительство на общемъ католическомъ собраніи.

д) Намъ должно быть предоставлено соразмѣрное представительство въ общей административной директоріи.

е) Намъ должно быть предоставлено непосредственное завѣдываніе школами, которыя оплачиваются исключительно изъ общей католической кассы.

ж) Во вспоможеніяхъ изъ общаго церковнаго фонда наши приходскіе священники, ихъ помощники, учители и народныя школы должны быть сравнены съ римско-католическими.

Въ этомъ желаемомъ случаѣ, еслибы почтенное собраніе рѣшило войдти объ этихъ требованіяхъ въ переговоры, я во имя моихъ друзей предлагаю изложить эти требованія систематически.

Да позволитъ мнѣ почтенное собраніе представить доказательства необходимости упомянутыхъ требованій, особенно же что касается замѣщенія праздныхъ мѣстъ и ограниченія епископской власти въ духѣ нашего церковнаго обряда.

Это ограниченіе требуется сущностію самой организаціи. Восточная церковь, заботясь о томъ, чтобы человѣкъ могъ свободно исполнять свое природное призваніе въ семейной жизни, всегда имѣла попеченіе и о томъ, чтобы семейная жизнь и вытекающія отсюда нравственныя обязанности не служили бременемъ и препятствіемъ къ исполненію высокаго священническаго званія. И именно поэтому она ограничила епископскую власть при замѣщеніи свободныхъ приходскихъ мѣстъ.

Какъ велико различіе между епархіями латинскаго и греческаго обряда, это очевидно при первомъ внимательномъ взглядѣ: въ епархіи латинскаго обряда мы не видимъ ни между клиромъ, между собою, ни съ епископомъ никакихъ отношеній, кромѣ оффиціальныхъ; въ епархіи же греческаго обряда тамъ священство между собою и съ епископомъ настолько связано связью родственныхъ отношеній, что такую епархію поистинѣ можно назвать одною сѣтію, въ каждомъ узлѣ которой можно узнать *человѣка*.

Если латинскій священникъ въ отношеніи къ своему епископу, который бы оказался склоненъ къ тиранству и несправедливости, въ состояніи удержаться на своемъ мѣстѣ такъ, что и самаго недостойнаго предстоятеля принудитъ не выступать изъ границъ законной власти; то въ томъ же положеніи русскій священникъ греческаго обряда, содрагаясь за свою фамилію, будетъ вынужденъ терпѣть подобное превышеніе власти, долженъ будетъ безъ слова переносить наклонность своего епископа къ тираніи и наконецъ долженъ будетъ унизиться морально.

Если римско-католическій епископъ, относительно оцѣнки заслугъ своихъ священниковъ, особенно при замѣщеніи праздныхъ бенефицій, можетъ нарушить справедливость, руководясь просто своею симпатіей или антипатіей, то русскій епископъ греческаго обряда, хотя бы былъ и достоинъ апостольскаго званія, можетъ впасть въ искушеніе нарушить справедливость и не оцѣнить достоинства по причинѣ своихъ родственныхъ связей. Эти-то обстоятельства и сдѣлали необходимымъ ограниченіе епископской власти. Ибо съ одной стороны, нарушеніе, хотя бы и противъ воли, истины и справедливости можетъ поколебать довѣріе и любовь священниковъ къ своему епископу, а съ другой стороны, въ сердцѣ несправедливо лишенныхъ священниковъ можетъ уничтожиться чувство права и истины. А такъ какъ по правиламъ психологіи человѣкъ, каковъ есть и священникъ, въ сердцѣ своихъ вѣрныхъ можетъ возбудить только такія чувства, которыя проникаютъ его са-

мого, то очевидно, что нарушеніе епископомъ справедливости и достоинства не только вредно для религіи, но еще вреднѣе для человѣческаго общества.

Почтенное собраніе! Желанія, выраженныя въ моей рѣчи — извините, что она вышла длинною — не только вполнѣ законны, но относятся къ такимъ важнымъ потребностямъ, что безъ ихъ признанія и обезпеченія частная организація нашей церкви никакъ не можетъ быть примирена съ общею автономическою организаціей, которая, по словамъ его превосходительства господина предсѣдателя коммиссіи 27, должна быть такою, чтобы въ ней нашли мѣсто всѣ католики. Мнѣніе это предполагаетъ конечно, чтобы и мы греко-католики нашли въ ней мѣстечко, въ которомъ бы мы могли устроиться съ нашими особенными нуждами.

Но такъ какъ въ автономической организаціи, какъ она проектирована теперь, намъ не дано никакого мѣста; такъ какъ, далѣе, я не могу вѣрить, чтобы для католичества нашей страны, какъ и для всего католичества, было полезно или, по крайней мѣрѣ, все равно, что одна часть католиковъ исключается изъ автономической организаціи, какъ дитя отвергается матерью: то я умоляю почтенное собраніе, пусть оно опредѣлитъ включеніе нашихъ желаній въ проектъ автономической организаціи добавочно и назначитъ время для ихъ дополнительнаго разбирательства.

А если теперь это невозможно, пусть оно обезпечитъ только это успокоительное включеніе тѣмъ, чтобы:

Почтенная коммиссія 27, отступивши отъ своего теперешняго мнѣнія, изволила рѣшительно высказать, что „*греко-католикамъ предоставляется право обсудивши вопросъ о принятіи проекта общей автономической организаціи въ своемъ особенномъ церковномъ собраніи, опредѣлить свои особенныя желанія и представить ихъ первому же собранію автономическаго церковнаго конгресса для примѣненія ихъ къ общей автономической организаціи.*“ (Одобреніе.)

(До слѣд. книжки).

СЛОВО

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ КУТАИССКОМЪ СОБОРѢ ГАВРІИЛОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ИМЕРЕТИНСКИМЪ.

Да будетъ слово ваше да, да, нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго (Мат. 5, 37).

Какой изумительной честности требуетъ отъ насъ, братія христіане, Господь нашъ Іисусъ Христосъ! Онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы въ сношеніяхъ между собою не прибѣгали ни къ какимъ клятвамъ и никогда въ нихъ не нуждались, а ограничивались однимъ простымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ своихъ словъ. Такая взаимная довѣренность должна существовать между послѣдователями Христовыми, чтобы простое «да» или «нѣтъ» замѣняло всѣ клятвы и увѣренія, служа полнымъ ручательствомъ въ истинности всѣхъ нашихъ словъ и дѣлъ: *да будетъ слово ваше да, да,—нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго* (Мат. 5, 37). Но чтобы это было возможно и осуществимо, христіане должны обладать полною непоколебимою честностью.

Что такое честность? Не будемъ вдаваться въ долгія философскія разсужденія для объясненія сего свойства человѣческой души; возмемъ его въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается простымъ здравымъ умомъ въ ежедневныхъ разговорахъ. Итакъ что мы разумѣемъ, когда извѣстнаго человѣка называемъ честнымъ? Ближе всего то, что у такого человѣка слово

не расходится съ дѣломъ, а дѣла съ убѣжденіями, или лучше, совѣстью; что слѣдовательно, онъ никогда не станетъ утверждать или отрицать того, чего самъ на вѣрное не знаетъ, никогда не приметъ на себя такихъ обязательствъ и условій, которыя противорѣчатъ его убѣжденіямъ, или превышаютъ его силы, а давши разъ слово, или принявши на себя какую-либо обязанность, старается всѣми силами исполнить ихъ; словомъ: честный человѣкъ—это человѣкъ всегда во всемъ правдивый, вѣрный и заслуживающій довѣрія.

На чемъ должна основываться и чѣмъ должна поддерживаться въ душѣ христіанина честность? Прежде всего и болѣе всего на разумномъ самоуваженіи, которое должно быть присуще и живо въ душѣ всякаго христіанина. Христіанинъ всегда обязанъ помнить и уважать свое высокое достоинство, какъ человѣка и какъ христіанина. Человѣкъ безъ всякаго самоуваженія теряетъ основу нравственной жизни и становится ниже животнаго. А какъ велико достоинство человѣческой природы, это видно изъ того, что въ немъ есть образъ и подобіе Божіе. *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*, сказалъ Богъ приступая къ сотворенію человѣка; а когда образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ исказились, то Богъ благоволилъ сойдти съ неба и принять образъ человѣка, чтобы возстановить въ немъ образъ Божій. Кто всегда помнитъ о такой высокой чести, дарованной ему Богомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ и стараться поддерживать ее строгою честностію всѣхъ словъ и дѣлъ.

Изъ сказаннаго доселѣ очевидно, какое драгоцѣнное и необходимое для человѣка свойство—честность. И во первыхъ, человѣкъ лишенный духа честности не можетъ быть и называться даже христіаниномъ. Въ чемъ сущность христіанства? Въ свободномъ завѣтѣ, или договорѣ между Богомъ и человѣкомъ. Крещаясь, человѣкъ принимаетъ отъ Бога великія блага—прощеніе грѣховъ, усыновленіе, обѣтованіе Божественной любви и вѣчнаго блаженства; а съ своей стороны даетъ обѣщаніе Богу быть Ему всегда вѣрнымъ, послушнымъ и исполнять Его

заповѣди. Но какъ, по сказанному выше, главное свойство честнаго человѣка состоитъ въ неуклонномъ исполненіи своихъ обѣщаній, то—если даже и возможно быть въ своемъ родѣ честнымъ человѣкомъ не будучи вѣрующимъ христіаниномъ, то никакъ невозможно быть истиннымъ христіаниномъ, не будучи честнымъ человѣкомъ.

Во вторыхъ, человѣкъ, лишенный чувства честности, не можетъ быть и хорошимъ гражданиномъ или членомъ общества. Въ чёмъ состоитъ и въ чемъ проходитъ общественная жизнь человѣка? Не въ чемъ иномъ, какъ только въ постоянномъ и непрерывномъ исполненіи многоразличныхъ жизненныхъ обязанностей и условій. Каждый изъ насъ связанъ со всѣми прочими людьми многоразличными условіями и обязанностями, которыя можно раздѣлить на двѣ группы—на естественныя, основанныя на самой природѣ человѣка, и; собственно, гражданскія, основанныя на писанныхъ гражданскихъ законахъ, или что тоже—договорахъ.

Хотя къ исполненію первыхъ побуждаетъ насъ сама природа, а надъ исполненіемъ послѣднихъ бордствуютъ писанные законы, но человѣкъ, чуждый духа честности, найдетъ тысячи случаевъ безнаказанно нарушать какъ тѣ, такъ и другіе. Впрочемъ чувство честности нужнѣе и незамѣнимѣе въ мелкихъ, ежеминутныхъ случаяхъ жизни, которые не могутъ подлежать никакимъ законамъ и не могутъ быть упорядочены никакими постановленіями. Не проходитъ дня и даже часа, когда бы человѣкъ не далъ кому-нибудь или не взялъ съ кого-нибудь какого-либо обѣщанія или обязательства. Слѣдовательно честный человѣкъ, твердо исполняющій свои слова и обязательства, всюду вноситъ въ жизнь порядокъ и согласіе; напротивъ нечестный человѣкъ всегда бываетъ въ обществѣ элементомъ смуты, безпорядка, разстройства. Легка, удобна и пріятна жизнь въ обществѣ честныхъ людей,—тяжела и невыносима между людьми шаткой честности; невозможно никакое преуспѣяніе въ томъ обществѣ, въ которомъ значительная часть членовъ чужда духа честности.

Сдѣлаемъ для примѣра нѣсколько приложеній сказаннаго къ частнымъ случаямъ.

Честность должна быть главнымъ украшеніемъ и добродѣтелью человѣка, носящаго духовное званіе. Издревле принято между христіанами давать духовнымъ руководителямъ названіе: честный отче!, а это указываетъ на то, что христіанское общество въ нихъ больше всего цѣнитъ честность. Въ самомъ дѣлѣ величайшее несчастіе для пасомыхъ—это пастырь, лишенный честности; каждое его слово, каждый его поступокъ бываетъ для нихъ нравственнымъ ядомъ.

Не менѣе необходима честность и для людей несущихъ государственную службу—для чиновниковъ. Предъ поступленіемъ на службу они даютъ присягу—вѣрно, честно и свято исполнять свои обязанности. Каждый шагъ ихъ, противный честности, сопровождается общественнымъ вредомъ. Можно сказать, что не только благосостояніе Государства, но самое его существованіе зависитъ отъ качества честнаго или нечестнаго лицъ, ему служащихъ. Исторія на каждомъ шагу представляетъ поразительные тому примѣры, но что поразительнѣйшее событіе, которому мы сами были свидѣтелями и очевидцами, убѣдительнѣе всѣхъ примѣровъ и доказательствъ. Всѣ согласны съ тѣмъ, что важнѣйшею причиною быстраго паденія одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ Европы и столь же быстраго необыкновеннаго возвышенія сосѣдняго первому государства, совершившихся на нашихъ глазахъ, было между прочимъ отсутствіе чувства строгой честности въ лицахъ, служившихъ въ первомъ и напротивъ честная служба всѣхъ служившихъ во второмъ.

Наконецъ, чѣмъ бы человѣкъ ни занимался и какую бы службу ни исправлялъ, честность будетъ лучшимъ и побужденіемъ и украшеніемъ его дѣятельности. Никто не можетъ спорить противъ этой истины; но многіе, къ сожалѣнію, питаютъ одно сомнѣніе, ослабляющее честность въ ихъ душѣ. Многіе думаютъ, что строгая честность нерѣдко бываетъ источникомъ многихъ скорбей и матеріальныхъ убытковъ. Спросите людей,

занимающихся торговлею, и многіе изъ нихъ станутъ увѣрять васъ, что при строгой честности они скоро бы могли разориться. Но это еще не удивительно, что такъ думаютъ и говорятъ люди торговаго сословія, которые, къ несчастію, еще мало отличаются умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Прискорбно то, что такъ же думаютъ многіе изъ тѣхъ, которые получили довольное умственное образованіе. Не высказываютъ этого они иногда на словахъ; но часто ясно доказываютъ своими поступками. Но если бы даже это было справедливо, если бы неумытная честность могла причинить христіанину огорченіе или убытокъ, то и тогда онъ не долженъ ей измѣнять. Вспомнимъ слова Спасителя: *какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою* (Мар. 8, 36—37 въ рус. переводѣ). Существо, одаренное разумомъ, должно имѣть въ виду не одни ближайшія и непосредственныя слѣдствія своихъ словъ и поступковъ, а еще болѣе отдаленныя и конечныя, а въ этомъ смыслѣ честный образъ дѣятельности всегда останется въ выигрышѣ.

Братія православные христіане!

За 17-ть лѣтъ предъ симъ, въ сей самый день, восходя на прародительскій престолъ, возлюбленный нашъ Государь предъ лицемъ всей Россіи далъ торжественное обѣщаніе трудиться для благоденствія Россіи и возвести ее на высочайшую степень благосостоянія. Не смотря на величайшія препятствія, встрѣченныя имъ, онъ честно исполняетъ свое слово. Вотъ лучшая похвала ему—какъ христіанину, какъ человѣку, какъ царю! И вотъ лучшій примѣръ и для насъ всѣхъ! О, еслибы и всѣ мы его слуги такъ же честно и твердо, какъ онъ, исполняли свои обязанности! Да поможетъ намъ Богъ въ этомъ! Аминь.

ИДЕАЛЪ

ПРАВСТВЕННО-ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ ХРИСТОВЫХЪ О БЛАЖЕНСТВѢ.

III.

Начальная добродѣтель, которая внушается прежде прочихъ въ изреченіяхъ о блаженствѣ, это нищета духа. Почему именно эта, а не какая-либо другая добродѣтель, внушается прежде прочихъ? Было ли это дѣломъ не преднамѣреннымъ, или основанія тому заключаются въ самыхъ свойствахъ этой добродѣтели и ея отношеніяхъ къ другимъ добродѣтелямъ? Если и вообще ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ Спасителя не можетъ быть ничего такого, что не носило бы на себѣ отпечатка высшей, божественной цѣлесообразности, то тѣмъ болѣе этого нельзя предположить въ той Его проповѣди, которая должна была послужить основаніемъ христіански-нравственной жизни и дѣятельности. Послѣдующій анализъ понятія нищеты покажетъ это.

Нищету понимаютъ и опредѣляютъ неправильно, когда существенные признаки ея полагаютъ во внѣшнемъ видѣ человѣка, въ скудости его одеждъ, въ отсутствіи удобствъ жизни и т. п. Это признаки чисто внѣшніе, не опредѣляющіе самаго существа дѣла. Нищій въ собственномъ смыслѣ не тотъ, кто имѣетъ мало, живетъ бѣдно, а тотъ, кто считаетъ себя имѣющимъ мало, кто *видитъ себя* постоянно въ необходимости пріі-

обрѣтать средства къ жизни. Богачъ, обладающій милліонами, но тѣмъ не менѣе считающій свои средства недостаточными, постоянно думающій объ изобрѣтеніи средствъ увеличить свое состояніе, болѣе нищій, чѣмъ бѣднякъ, не заботящійся о своей бѣдности, который, имѣя пропитаніе на нынѣшній день, не хочетъ утруждать себя разсужденіями о средствахъ къ дальнѣйшему существованію. По своей беззаботности, по сознанію имѣющихся у него средствъ, онъ богаче милліонера. Значитъ нищета бываетъ двухъ родовъ: нищета внѣшняя, какъ отсутствіе и лишеніе средствъ къ жизни, но которая можетъ быть не чувствуема и не сознаваема человѣкомъ, при которой онъ можетъ питать въ себѣ чувства и расположенія, какъ будто бы онъ находился въ положеніи богача; и можетъ быть нищета внутренняя, какъ сознаніе недостаточности имѣющихся средствъ, которое можетъ быть у человѣка и при избыткѣ внѣшнихъ средствъ къ жизни. Нищета въ послѣднемъ смыслѣ ближе подходитъ къ понятію христіанской нищеты духа. Понимаемая такимъ образомъ она въ большей части случаевъ служитъ началомъ, исходнымъ пунктомъ дѣятельности человѣка и удерживаетъ его отъ самодовольства и беззаботности. Когда человѣкъ сознаетъ недостаточность имѣющихся у него средствъ, хотя бы то было при полномъ избыткѣ средствъ, это служитъ для него сильнымъ побужденіемъ напрягать свои силы для того, чтобы увеличить и расширить свои средства, возбуждаетъ въ немъ ту усиленную дѣятельность, какъ будто бы голодная смерть была у него предъ глазами. Напротивъ того бѣднякъ, сознающій полную достаточность своихъ средствъ, какъ бы малы они ни были, не имѣетъ сильныхъ побужденій что-нибудь дѣлать для устраненія своей бѣдности, и предается бездѣйствію, которое въ свою очередь ведетъ еще къ большей скудости. И богачъ, какъ скоро сознаетъ себя богачемъ, достигшимъ предположеннаго предѣла пріобрѣтеній, энергія его къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ ослабѣваетъ. Приложимъ эти замѣчанія къ нѣсколько иной сферѣ, къ сферѣ умственныхъ

пріобрѣтеній. Есть люди, которые при всей громадности своихъ знаній и обширности образованія считаютъ свои знанія недостаточными и скудными, свои умственныя пріобрѣтенія ничтожными. Есть другіе люди, которые при дѣйствительной скудости своихъ знаній и умственныхъ пріобрѣтеніи считаютъ ихъ вполнѣ достаточными для себя. Для первыхъ сознаніе недостаточности знаній служитъ постояннымъ побужденіемъ расширять кругъ изученія, приращать свои свѣдѣнія, вторые предаются тому покою, тому безмятежію мысли, которое ничѣмъ не интересуется. Поэтому нищета въ смыслѣ сознанія недостаточности имѣющихся средствъ необходима человѣку прежде всего какъ побужденіе начать дѣлать пріобрѣтенія, будутъ ли то пріобрѣтенія матеріальныя или умственныя; отсутствіе этого сознанія парализуетъ и убиваетъ энергію человѣка. Не трудно понять теперь, что нужно разумѣть подъ нищетою въ сферѣ христіански-нравственной дѣятельности. Это не что другое, какъ сознаніе недостаточности добрыхъ дѣлъ, какихъ бы то ни было нравственныхъ пріобрѣтеній. «Содѣлаться нищими духомъ, въ семъ смыслѣ, по глубокому замѣчанію учителя церкви, значитъ только познать ясно и признать искренно нищету, которая съ нами родилась и живетъ съ нами.» (Сл. и рѣчи преосв. Филарета м. м., бесѣда о нищетѣ духовной). Это сознаніе нужно человѣку прежде всего какъ ближайшее побужденіе начать нравственную дѣятельность; не будь этого сознанія, сочти себя человѣкъ вполнѣ обезпеченнымъ со стороны нравственныхъ стяжаній, энергія его пропадетъ или ослабѣетъ; ложное сознаніе своей мнимой обезпеченности погубитъ его, какъ погубило это сознаніе законниковъ, современныхъ земной жизни І. Христа, слишкомъ много думавшихъ о своихъ сокровищницахъ, наполненныхъ будто бы добрыми дѣлами, а на самомъ дѣлѣ совершенно пустыхъ. Отъ такого состоянія предохраняетъ апостолъ словами: *только бы намъ и одѣтымъ не оказаться нагими* (2 Кор. V, 3). Вотъ почему заповѣдь о нищетѣ духовной и является прежде другихъ заповѣдей; вотъ почему нищета духа

есть начальная христіанская добродѣтель. Это первый шагъ на пути; безразсудно было бы думать начать путь минуя первый шагъ, начать прямо со втораго или съ третьяго. Нельзя не замѣтить всей важности и этого перваго шага и его великаго значенія для нравственной жизни человѣка. Онъ служитъ залогомъ будущаго нравственнаго обогащенія человѣка, которое при содѣйствіи благодати Божіей человѣкъ получитъ, какъ удостовѣряетъ въ этомъ св. ап. Павелъ всѣхъ сдѣлавшихъ этотъ первый шагъ. Богъ силенъ *обогатить* васъ всякою благодатію, чтобы вы были *богаты на всякое доброе дѣло* (2 Кор. IX, 8).

Раскрытое нами понятіе о нищетѣ духа само собою устраняетъ мысль о томъ, будто христіанство похваляетъ скудоуміе. Нищета есть состояніе отличное отъ того, что называется убожествомъ. Нищій — это человѣкъ, не имѣющій средствъ жизни, но не лишенный возможности и способности пріобрѣтать. Убогій — это человѣкъ, по физическимъ недостаткамъ лишенный средствъ самостоятельно трудиться для своего обезпеченія. Бываетъ убожество нравственное, но не оно похваляется первымъ изреченіемъ, потому что не имѣетъ ничего похвальнаго. Слѣпота, хромота и прочіе виды физическаго убожества суть такія состоянія, въ которыя человѣкъ впадаетъ невольно и которыя не заключаютъ въ себѣ ничего позорнаго, напротивъ имѣютъ полное право на наше сочувствіе. Убожество нравственное, слѣпота души, неспособность ходить по нравственному пути суть такія состоянія, до которыхъ человѣкъ доводитъ себя самъ, которыя потому достойны осужденія. Конечно, такое убожество не могло стать одною изъ ступеней христіанскаго совершенства.

Какъ не случайно и не безпричинно первою ступенью въ лѣствицѣ нравственнаго усовершенствованія поставляется въ словахъ Спасителя нищета, точно также не случайно и не безпричинно второю ступенью является скорбь духовная — плачъ. Это новое состояніе духа самымъ тѣснымъ образомъ соединяется съ первымъ. Сознаніе скудости и недостаточности

своихъ средствъ всегда поселяетъ въ душѣ человѣка недовольство своимъ состояніемъ, скорбь о немъ, которая можетъ возрастать и до степени плача, смотря потому, насколько сильно въ человѣкѣ сознаніе недостаточности своихъ средствъ. Нищему видъ его рубищъ, сознаніе нищеты конечно причиняетъ то тяжелое горькое чувство, которое нерѣдко разрѣшается плачемъ о бѣдности. То же самое горькое чувство испытываетъ, можетъ быть только не въ той степени, человѣкъ, и при значительныхъ внѣшнихъ средствахъ считающій себя не обезпеченнымъ, бѣднымъ. Человѣкъ, искренно сознающій скудость своихъ знаній конечно также недоволенъ этимъ, и въ извѣстной степени горюетъ объ этомъ. Такимъ образомъ печаль — плачъ является всегда необходимымъ спутникомъ искренно сознанной нищеты. Точно также и въ области нравственнаго христіанскаго усовершенствованія. Сознаніе недостаточности добрыхъ дѣлъ, видъ рубищъ души долженъ возбуждать въ человѣкѣ горькое чувство, недовольство собою и своимъ состояніемъ. Плачъ поэтому есть неизмѣнный спутникъ и ближайшее слѣдствіе нищеты, и заповѣдь о плачѣ тѣсно связывается съ заповѣдію о нищетѣ.

Если несчастно положеніе человѣка, не замѣчающаго или не желающаго замѣчать своей бѣдности, то немного лучше этого положеніе человѣка, при видѣ своей нищеты остающагося къ ней равнодушнымъ, въ которомъ сознаніе нищеты не производитъ никакого тяжелаго чувства. Постыдное равнодушіе къ своему бѣдственному положенію служитъ признакомъ безнадежности человѣка въ отношеніи къ своему усовершенствованію. Напротивъ плачъ о своемъ положеніи — добрый признакъ; онъ служитъ залогомъ и вѣрнымъ ручательствомъ того, что человѣкъ употребитъ средства, чтобы найдти выходъ изъ тяжелаго положенія. Бѣднякъ равнодушный къ своему положенію—безнадежный человѣкъ; онъ всю жизнь останется тунеядцемъ, напротивъ бѣднякъ, плачущій о своей бѣдности — еще не потерянный человѣкъ. Человѣкъ, при множествѣ своихъ свѣдѣній горюющій о скудости своихъ умственныхъ пріобрѣ-

теній, будетъ заботиться о приращеніи и пріумноженіи своихъ знаній, тогда какъ невѣжда, довольный своимъ невѣжествомъ, на всю жизнь останется съ тѣмъ, что случайно и можетъ быть независимо отъ него стало его достояніемъ. Точно также и въ отношеніи къ нравственному усовершенствованію; терзанія человѣка при видѣ наготы и рубищъ своей души служатъ вѣрнымъ залогомъ исправленія человѣка и вѣрнымъ ручательствомъ за то, что человѣкъ постарается добрыми дѣлами обогатить себя, прикрыть наготу души. Но не позаботится о нравственномъ исправленіи и обогащеніи тотъ, кто равнодушенъ къ своей духовной нищетѣ. Поэтому и апостолы стараются внушить христіанамъ сознаніе необходимости этого плача, какъ постояннаго состоянія души, ибо сознаніе нищеты должно быть постоянно присуще душѣ христіанина во все продолженіе земной жизни, и мысль о какомъ-либо обогащеніи должна быть чужда душѣ даже когда бы она достигла высшихъ степеней нравственнаго развитія,—это предполагается само собою самымъ свойствомъ христіанскаго нравственнаго развитія. *Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте, смѣхъ вашъ да обратится въ плачъ и радость въ печаль* (Іак. 4, 9).

Необходимымъ слѣдствіемъ искренняго сознанія своихъ собственныхъ недостатковъ и сердечнаго нелицемѣрнаго сокрушенія о нихъ является въ человѣкѣ пониманіе возможности этихъ недостатковъ въ другихъ и снисходительность къ нимъ. Такимъ образомъ кротость является естественнымъ необходимымъ выраженіемъ во внѣшнихъ отношеніяхъ человѣка тѣхъ внутреннихъ состояній, которыя указываются первыми двумя изреченіями. Человѣкъ, замѣчающій въ себѣ недостатки, болѣе расположенъ извинять и прощать недостатки другимъ, чѣмъ тотъ, кто любуется собою и своими совершенствами, и не замѣчаетъ въ себѣ никакихъ недостатковъ. Особая требовательность въ отношеніи къ другимъ, особая взыскательность и строгость къ другимъ бываетъ слѣдствіемъ неспособности человѣка понять возможность возникновенія извѣстныхъ недостатковъ въ другихъ, а эта способность дается

человѣку тщательнымъ изученіемъ явленій, происходящихъ въ собственной душевной жизни. Не трудно понять, къ какого рода состояніямъ должна быть отнесена христіанская кротость. Это не слабодушіе, не трусость, происходящая изъ темнаго инстинкта самосохраненія, побуждающаго человѣка обѣгать всего, что можетъ угрожать ему, это не природная слабость характера, ибо заключается не въ органическихъ расположеніяхъ человѣка. Въ христіанской кротости чувствуется сила духа, возносящагося надъ мелочностію причинъ способныхъ возмутить душевную жизнь человѣка, та особенная крѣпость души закаленной въ борьбѣ съ враждебными человѣку элементами, которая спокойно смотритъ и переноситъ мелкія уязвленія.

Въ тѣсной и почти неразрывной дружбѣ съ нищетою стоитъ другое явленіе — голодъ. Нищій—это человѣкъ, не имѣющій средствъ или вовсе или какъ слѣдуетъ удовлетворить одну изъ самыхъ назойливыхъ, самыхъ неотступныхъ, вопіющихъ потребностей природы. Не принимая долго пищи способной поддержать жизнь и силы, человѣкъ испытываетъ то мучительное состояніе, которое вообще называется голодомъ и которое слагается изъ ощущенія внутренней пустоты, изъ настойчиваго требованія устранить это ощущеніе принятіемъ новыхъ и свѣжихъ питательныхъ элементовъ и которое долго продолжаясь оканчивается смертію человѣка. Подобное явленіе, испытываемое внѣшнимъ человѣкомъ, имѣетъ себѣ подобіе и въ жизни внутренняго человѣка—души. И душа испытываетъ состоянія голода, когда высшія свойственныя ея природѣ потребности долгое время остаются безъ удовлетворенія, когда необходимость удовлетворенія ихъ ощущается душою съ особенною силою и когда продолжительное неудовлетвореніе ихъ умерщвляетъ жизнь души.

Но при всей мучительности, и потому нежелательности подобныхъ состояній бываютъ случаи, когда и въ органической жизни они желаются какъ состоянія спасительныя и когда на нихъ смотрятъ съ надеждою. Бываютъ случаи, что при дѣй-

ствительномъ отсутствіи въ организмѣ питательныхъ элементовъ, которое должно было бы производить ощущеніе голода, голодъ тѣмъ не менѣе не ощущается. Это бываетъ или при болѣзненныхъ состояніяхъ организма, или вообще при болѣзненномъ строеніи организма. Въ такихъ случаяхъ пробужденіе голода является признакомъ возвращенія здоровья, если потеря его временно произошла отъ болѣзненнаго разстройства организма, или признакомъ здоровья натуры, если отсутствіе его въ другихъ людяхъ свидѣтельствуетъ о нездоровьи организма. То же самое и въ кругу нравственныхъ состояній человѣка. Не особенно отрадное состояніе—внутренняя душевная пустота, но еще безотраднѣе, когда эта пустота не ощущается; это было бы признакомъ или слабости вообще душевной жизни, отъ чего бы она ни происходила, или сильнаго болѣзненнаго состоянія души; пробужденіе же потребностей свидѣтельствуетъ о неиспорченности душевной жизни и способности ея принимать пищу, лишь только она будетъ предложена, или о возвращеніи въ ней здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ означенной способности. Далѣе: ощущеніе человѣкомъ голода и жажды вынуждаетъ человѣка искать средствъ къ удовлетворенію голода, заставляетъ его промышлять себѣ пищу и тѣмъ поддерживаетъ въ немъ дѣятельность, тогда какъ состояніе пресыщенія заставляетъ его отвергать даже предлагаемую пищу. Такія обманчивыя состоянія пресыщенія могутъ быть и въ душевной жизни, и они опасны именно тѣмъ, что заставляютъ душу отвергать пищу даже предлагаемую, что и случилось съ тѣми изъ современниковъ земной жизни І. Христа, которые не приняли предлагаемаго имъ *Хлѣба животнаго*. Это раскрытіе значенія голода и жажды въ духовной жизни объясняетъ не только то, почему Господь въ изреченіяхъ о блаженствахъ называлъ алчущихъ и жаждущихъ *блаженными* именно за то, *что* они *алчутъ и жаждутъ*, но и то, почему и въ другихъ случаяхъ Онъ или желалъ въ своихъ слушателяхъ возбудить эти состоянія или предполагалъ ихъ уже возбужденными и требующими только указанія на пищу, способную ихъ удовлетворить.

Для поддержанія, подкрѣпленія и освѣженія органической жизни человѣка недостаточно одного возбужденія голода и жажды; они спасительны только тогда, когда человѣкъ имѣетъ возможность удовлетворить ихъ, или знаетъ, гдѣ искать средствъ ихъ удовлетворенія. Часто бываетъ, что томимый голодомъ человѣкъ старается ослабить его силу принятіемъ пищи не содержащей въ себѣ ничего питательнаго, томимый жаждою—пьетъ изъ мутныхъ источниковъ; и въ такихъ случаяхъ наслажденіе, доставляемое, конечно, не самими предметами, а обусловливаемое силою предшествовавшаго голода, заставляетъ человѣка думать, что употребляемые имъ виды пищи суть самые лучшіе изъ подобныхъ имъ. Въ другихъ случаяхъ человѣкъ обрекается на голодную смерть не потому, чтобы нечѣмъ было удовлетворить голода, а потому, что средствъ удовлетворенія ищетъ не тамъ, гдѣ нужно,—проходитъ мимо житницъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и останавливается предъ опустѣлыми амбарами,—не проситъ хлѣба у имѣющихъ хлѣбъ, а у такихъ же голодныхъ, какъ и онъ самъ. Эта грустная картина чаще является въ душевной жизни людей. Многіе люди, ощущая душевный голодъ, съ алчностію набрасываются на первый предметъ, способный по ихъ мнѣнію удовлетворить ихъ голодъ, не замѣчая, что изъ него уже выжаты всѣ питательные соки или что ихъ никогда не было въ немъ, и получивши отъ него мнимое удовлетвореніе считаютъ его питательнымъ, и другимъ говорятъ о его питательности. Многіе, ощущая душевную жажду, съ наслажденіемъ пьютъ мутную воду, не подозрѣвая ея вредности. Этими аналогіями всего лучше объясняется то увлеченіе, съ какимъ многіе бросаются на гнилыя, черствыя, не содержащія въ себѣ ничего питательнаго теоріи, принимая ихъ за пищу достаточную для удовлетворенія душевнаго голода; многіе съ наслажденіемъ пьютъ изъ мутнаго источника ложныхъ мнѣній и заблужденій, не замѣчая, что оно доставляется не самими предметами, а условливается предшествовавшимъ ощущеніемъ жажды. Другіе же, находящіеся въ подобномъ состояніи, и вовсе остаются безъ

пищи, но не потому, чтобы ея вообще не было, а потому, что не знаютъ, какіе богатые запасы истиннаго хлѣба хранятся въ сокровищницахъ церкви, намѣренно или ненамѣренно обходятъ эти запасы и обращаются за хлѣбомъ къ такимъ же голоднымъ, какъ и они сами. *Грядый ко Мнѣ не имать взалкатися.*

Опытное знакомство съ состояніями голода и жажды научаетъ человѣка пониманію подобныхъ состояній въ другихъ. И какъ находясь въ подобномъ состояніи человѣкъ естественно желаетъ выйти изъ него или получить облегченіе, такъ и видъ другаго человѣка, находящагося въ подобномъ состояніи естественно располагаетъ способствовать облегченію его состоянія или выходу изъ него. Отсюда милосердіе къ другимъ является ближайшимъ дѣломъ у человѣка, вышедшаго изъ состоянія голода и жажды, и пятое изреченіе о блаженствѣ тѣсно связывается съ предшествующимъ. Холодность, равнодушіе и безучастіе къ положенію другаго, возможность сохранять спокойствіе при видѣ страданій—возможны только тогда, когда человѣкъ самъ не пережилъ такихъ же болѣзненныхъ состояній, при сытомъ довольствѣ жизнію, которое не знало или давно забыло эти состоянія. Въ чемъ обнаруживается это состояніе, какія проявленія добродѣтели милосердія, — это оставляемъ, ибо это достаточно раскрыто другими.

Когда человѣкъ пережилъ и испыталъ тѣ состоянія духа, которыя ублажаются въ разсмотрѣнныхъ изреченіяхъ,—имъ пріобрѣтается чистота сердца — состояніе, ублажаемое шестымъ изреченіемъ. Чистота сердца есть послѣдовательный результатъ той предварительной внутренней работы, того предшествовавшаго нравственнаго развитія, которое заключалось въ возбужденіи сознанія духовной нищеты, въ сокрушеніи о ней, въ возбужденіи жажды къ удовлетворенію высшихъ потребностей души, въ кроткомъ сочувствіи немощамъ и слабостямъ другихъ, и дѣятельномъ состраданіи ихъ нуждамъ и потребностямъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого внутренняго

развитія бываетъ, говоримъ, чистота сердца, потому что теперь устранено все, что способно было омрачать и осквернять чистоту сердца. Ибо если нечистота сердца происходитъ въ человѣкѣ отъ того, что темными и грязными пятнами ложатся на немъ омрачающіе его и оскверняющіе помыслы и желанія,—что толстыми слоями ложится на немъ пыль воздымаемая самомнѣніемъ и самоуслажденіемъ: то ничто изъ этого не найдетъ себѣ доступа въ сердце человѣка занимающагося очищеніемъ внутренней храмины своей. Напротивъ того, какъ внѣшніе окружающіе человѣка предметы покрываются грязью и пылью въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ того не замѣчаетъ, или когда видъ этого не возбуждаетъ въ немъ непріятнаго чувства, не производитъ желанія устранить пыль и нечистоту; такъ и нравственные недостатки, производящіе нечистоту въ сердцѣ, остаются въ немъ только тогда, когда человѣкъ не замѣчаетъ ихъ, не огорчается ими, не проникается желаніемъ истребить ихъ изъ сердца, словомъ когда человѣкъ не дѣлаетъ того, что требуется первыми изреченіями о блаженствахъ. Праздность души, отсутствіе душевной работы, скудость нравственныхъ задачъ,—вотъ то поле, на которомъ широко и скоро разростаются всякія сорныя травы нравственнаго рода. Въ человѣкѣ же, постоянно имѣющемъ въ виду свои недостатки, сѣтующемъ о нихъ, искренно желающемъ устранить ихъ,—нечистые помыслы не могутъ находить себѣ мѣсто, входы и исходы его сердца заняты надежными и бдительными стражами, и въ немъ нѣтъ доступа посѣтителямъ способнымъ своимъ присутствіемъ остановить работу очищенія храмины или воспрепятствовать ей; окна и двери сердца плотно закрыты, и пыль самомнѣнія не можетъ вторгнуться въ него. Понимаемая такъ чистота сердца не есть даже борьба, которая самымъ своимъ понятіемъ предполагаетъ присутствіе въ душѣ борющихся нечистыхъ элементовъ,—не есть еще только изгнаніе изъ храмины опасныхъ и вредныхъ людей, которые, пока не затворился за ними порогъ дома, остаются внутри дома,—не есть еще только очищеніе поля

отъ сорныхъ травъ, которыя, пока не срѣзаны, ростутъ въ полѣ. Чистота сердца есть такое свѣтлое и ясное состояніе души, при которомъ мимолетное движеніе нечистаго характера было бы осквернѣніемъ, при которомъ всѣ нечистыя побужденія держатся въ значительномъ удаленіи отъ сердца, при которомъ малѣйшій опасный шорохъ ихъ за дверями сердца, происходящій отъ приближенія ихъ къ сердцу, при особенной чуткости послѣдняго, сдѣлался бы замѣтнымъ и заставилъ бы принять всѣ мѣры предосторожности. Такое состояніе можетъ воспитать человѣкъ въ себѣ только «постояннымъ и неослабнымъ подвигомъ бдѣнія надъ самимъ собою, отвергая отъ сердца своего всякое незаконное желаніе и помышленіе, и всякое пристрастіе къ земнымъ предметамъ, и, непрестанно соблюдая въ сердцѣ памятованіе о Богѣ и Господѣ Іисусѣ Христѣ съ вѣрою и любовію.» Такое состояніе можетъ быть только вѣнцомъ нравственной дѣятельности, увѣнчивающимъ цѣлый рядъ предшествовавшихъ подвиговъ. Вотъ почему и въ изреченіяхъ о блаженствѣ чистота сердца является уже послѣ многихъ предварительныхъ качествъ, требуемыхъ предшествующими изреченіями; вотъ почему она заключаетъ собою подвиги, имѣвшіе мѣсто во внутренней жизни человѣка.

Переставъ быть гнѣздилищемъ явленій, оскверняющихъ и омрачающихъ внутреннюю жизнь, очищенное сердце человѣка получаетъ способность стать сѣдалищемъ явленій, просвѣтляющихъ и возвышающихъ эту жизнь. Человѣкъ очистилъ свое сердце, его душа стала чиста и невинна, какъ душа новорожденнаго младенца,—и нравственная жизнь его стала безукоризненна. Но заключиться этимъ идеалъ нравственной жизни христіанина не могъ; простая безукоризненность дѣйствій, младенческая неповинность въ чемъ либо грѣшномъ, не есть то высшее и окончательное, далѣе чего не могъ бы идти человѣкъ. Вотъ почему въ изреченіяхъ о блаженствахъ чистота сердца занимаетъ не верховное, господствующее положеніе, но даетъ мѣсто добродѣтелямъ болѣе высшаго поряд-

ка, стоитъ, такъ сказать, на рубежѣ имѣя позади себя борьбу съ разнаго рода нравственными лишеніями, преодолѣніе этихъ лишеній, словомъ, дѣятельность направленную къ самоисправленію, съ другой—открывая виды на дѣятельность направленную къ пользамъ другихъ до забвенія о собственныхъ пользахъ.

Пока человѣкъ работалъ и трудился надъ очищеніемъ своей внутренней жизни отъ всего, что такъ или иначе могло омрачить и осквернить его, надъ удаленіемъ изъ сердца самыхъ корней и сѣмянъ, изъ которыхъ рано или поздно при малѣйшей неосторожности могли бы прорости дурныя травы, сердце его постепенно очищаясь подъ вліяніемъ такихъ усилій не замѣтно пріобрѣтаетъ ту особенную чуткость, когда оно уже не довольствуется тѣмъ, чтобы самому не подавать никакого повода къ чему либо неладному въ нравственномъ отношеніи, когда оно возмущается до глубины всѣмъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ людей представляется противорѣчащимъ его внутренней чистотѣ. Отсюда человѣкъ ощущаетъ въ себѣ настоятельную потребность внести нравственно очищающую дѣятельность и во взаимныя отношенія другихъ, дабы, такимъ образомъ, не только внутри но и внѣ его не было ничего противорѣчащаго чистотѣ сердца. Нельзя, конечно, не ублажать и той степени нравственной высоты, когда самъ человѣкъ не даетъ поводовъ нехорошихъ и при насильственномъ прикосновеніи постороннихъ элементовъ не допускаетъ какому либо изъ нихъ прилипнуть и осквернить его чистоту; для большей части людей ничего лучшаго нельзя было бы и пожелать. Но пока человѣкъ, подобно извѣстному растенію, которое сжимаетъ свои листки при самомъ легкомъ къ нимъ прикосновеніи, или подобно извѣстному животному, которое тотчасъ же закрываетъ свою раковину, лишь только дотронутся до него, бережетъ только свою чистоту, не допуская приразиться къ ней нечистымъ элементамъ, но допуская подлѣ себя присутствіе элементовъ не отличающихся такою же чистотою, пока человѣкъ не огорчается и не возмущается,

усматривая нечистоту сердца въ другихъ, дотолѣ онъ остановился на низшихъ ступеняхъ чистоты сердца и не достигъ высшихъ ея степеней, требующихъ, чтобы и вокругъ, на другихъ людяхъ, на всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ лежала печать той же чистоты. Такимъ образомъ въ примирительной и просвѣтительной дѣятельности, запечатлѣнной именемъ Христовымъ, открываются новыя задачи для чистаго сердцемъ. Эти задачи даются устроеніемъ прежде всего внѣшнихъ отношеній людей, потомъ водвореніемъ въ ихъ жизни внутренняго чувства правды, и наконецъ тѣмъ высшимъ состояніемъ духа, когда основаніемъ всей жизни человѣка дѣлается самъ Христосъ—какъ высшая, конечная и верховная цѣль покаянно кроткой, сокрушенно-милостивой, чистосердечно-благотворительной, словомъ христіански-нравственной дѣятельности.

Чистота собственнаго сердца будитъ человѣка искать той же чистоты въ сердечныхъ отношеніяхъ другихъ людей и такъ сказать обязываетъ способствовать устроенію миролюбивыхъ отношеній между другими *по мѣрѣ силъ*. Первымъ плодомъ сознанія въ себѣ таковой обязанности можетъ быть не только желаніе и готовность человѣка предложить свое посредство между двумя сторонами по ихъ желанію и просьбѣ, но даже и помимо этой просьбы вмѣшательство въ разладившіяся отношенія другихъ съ цѣлію уладить ихъ. Такое вмѣшательство весьма часто приноситъ великую пользу. Безпристрастное мнѣніе посторонняго лица, нелицепріятное сужденіе о дѣлѣ, проникнутое духомъ кротости и любви, дѣлаетъ людей болѣе уступчивыми и готовыми сознать свою неправоту, которая до того времени была скрываема. Въ отношеніи же къ самому человѣку такое вмѣшательство будетъ имѣть важность не только какъ внѣшнее выраженіе внутренней чистоты его сердца, но и какъ особенный самостоятельный нравственный подвигъ. Не всегда и не всѣ изъ обладающихъ даже прекрасными качествами души чувствуютъ въ себѣ потребность вмѣшиваться въ чужія дѣла даже съ прекрасными цѣлями. Не то, чтобы они относились равнодушно къ такимъ

или инымъ проявленіямъ людскихъ отношеній, чтобы ихъ чистое сердце совершенно не возмущалось при видѣ нечистоты лежащей въ взаимныхъ отношеніяхъ людей; они желали бы, чтобы удалились возмущающія ихъ отношенія, но желали бы, чтобы это устроилось помимо ихъ само собою или при посредствѣ другихъ людей, сами же они всячески устраняются отъ всякаго прошеннаго и непрошеннаго вмѣшательства въ чужія отношенія. Подвигъ дерзающаго на послѣднее и употребляющаго усилія къ умиротворенію другихъ выше, ибо требуетъ отъ человѣка большей рѣшимости, свидѣтельствуетъ о большей зрѣлости нравственной жизни человѣка, о большемъ развитіи чистоты сердца, ибо, наконецъ, предполагаетъ уже существованіе чистоты сердца; чтобы быть искреннимъ миротворцемъ по призванію, нужно уже быть чистымъ сердцемъ, но не всегда чистый сердцемъ становится миротворцемъ. Вотъ почему добродѣтель эта въ изреченіяхъ о блаженствѣ занимаетъ высшую ступень по отношенію къ чистотѣ сердца.

Такъ какъ главною причиною немиролюбивыхъ отношеній людей между собою въ большинствѣ случаевъ бываетъ нарушеніе требованій высшей правды и слабое развитіе чувства правды въ людяхъ, то задача человѣка взявшаго на себя трудъ умиротворять отношенія людей сейчасъ же указываетъ на не обходимость возбудить и укрѣпить въ людяхъ чувства правды; ибо только это чувство можетъ представить собою надежное обезпеченіе, вѣрное ручательство за сохраненіе мира въ будущемъ. Истинный миротворецъ не можетъ считать свое дѣло оконченнымъ, задачу—рѣшенною, цѣль—достигнутою, пока не получены имъ эти ручательства. Отсюда задача умиротворенія внѣшнихъ отношеній людей сводится къ задачѣ водворенія въ ихъ внутренней жизни чувства правды: не только умиротворять внѣшнія отношенія, но и поставить ихъ на началахъ правды, вотъ что требуется восьмымъ изреченіемъ о блаженствѣ. Это уже дальнѣйшій шагъ на пути нравственнаго усовершенствованія. Чтобы почувствовать необходимость этого, нужно предварительно познакомиться съ тѣмъ, отъ

чего разлаживаются отношенія людей,—нужно убѣдиться, что отношенія людей построиваются на началахъ шаткихъ, слабыхъ, непрочныхъ, неспособныхъ долго удерживать то, что на нихъ созидается; это ясно открывается предъ взоромъ человѣка, пристальнѣе взглядѣвшагося въ сущность людскихъ отношеній и испробовавшаго различныя средства ихъ уладить,—словомъ для человѣка, поставленнаго въ положеніе миротворца и нѣсколько времени уже бывшаго имъ. Вотъ почему, чтобы стоять за правду, понимаемую не какъ отвлеченное требованіе, не какъ сухая мысль, но какъ живое явленіе, жизненное состояніе, какъ дѣло сердца, нужно быть предварительно миротворцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такая задача предполагаетъ нѣкоторое измѣненіе въ самомъ состояніи человѣка; она требуетъ большей энергіи, большаго одушевленія, большаго самоотреченія. Миротворецъ есть устроитель разлаживающихся внѣшнихъ отношеній; его дѣло кончено, когда эти отношенія въ данномъ случаѣ уладились; даже и въ томъ случаѣ, когда предложенное имъ посредство грубо отвергнуто, онъ можетъ успокоиться, какъ сдѣлавшій свое дѣло съ точки зрѣнія своихъ спеціальныхъ цѣлей и отойти въ сторону въ качествѣ нейтральной стороны. Но ступивши еще шагъ, онъ уже не можетъ ни въ какомъ случаѣ оставаться спокойнымъ зрителемъ нарушеній правды, и съ готовностію подвергнуть себя всѣмъ возможнымъ непріятностямъ старается возстановить нарушенныя права правды. Господь соединяетъ въ восьмомъ изреченіи проповѣдываніе правды съ гоненіемъ. Это не то значитъ, чтобы правда всегда находилась въ положеніи гонимой, но то, что апостолы ея должны быть готовы раздѣлить ея судьбу въ случаѣ, еслибы она оказалась въ подобномъ положеніи. Да иначе и быть не можетъ по самому свойству такихъ людей; съ желаніемъ поставить правду въ основаніе людскихъ отношеній нераздѣльно въ нихъ такое проникновеніе самого человѣка чувствомъ этой правды, что отсутствіе ея и противорѣчіе ей въ дѣлахъ людей, хотя бы и не имѣло непосредственнаго отношенія къ личности человѣка,

тѣмъ не менѣе глубоко оскорбляетъ человѣка и возбуждаетъ сильное желаніе возстановить нарушенныя права правды, хотя бы и съ ущербомъ для своего личнаго спокойствія. Способствуя водворенію на землѣ правды, человѣкъ способствуетъ созиданію на землѣ Царства Божія, которое есть *правда и миръ*, и потому такіе люди сами первые входятъ въ него; вотъ почему имъ обѣщается царство небесное, какъ верховная награда.

Высочайшее въ земной жизни нравственное состояніе, завершающее собою предначертываемую Господомъ Его послѣдователямъ дѣятельность, есть жизнь во Христѣ и ради Христа. Что подразумѣвать подъ этимъ?—Христосъ, какъ конечная и верховная цѣль человѣка,—этого нельзя опредѣлить и изложить наглядно. Апостолы въ своихъ посланіяхъ часто указываютъ на Христа, какъ цѣль того или другаго рода дѣятельности, того или другаго состоянія, но чувствуется, что и они какъ бы сознаютъ себя не въ силахъ передать все,—видно только изъ словъ ихъ, что Христосъ есть сокровенный источникъ истинной мудрости и силы духа (Кол. 2, 3). Собирая нѣкоторыя указанія апостольскія [1]) относительно этого, и предоставляя собственной внутренней жизни каждаго подъ надежнымъ руководствомъ апостольскихъ указаній дополнять эти черты, мы можемъ только сказать, что это высшее состояніе достигается человѣкомъ тогда, когда человѣкъ чувствуетъ Христа живущимъ въ себѣ и себя живущимъ во Христѣ, всякое свое дѣйствіе считаетъ совершаемымъ Христомъ чрезъ него (Рим. XV. 18), и концомъ дѣятельности дающей праведность ставитъ того же Христа (Рим. X. 4; 1 Кор. 1. 30). А когда словомъ Христосъ обозначается цѣль дѣятельности человѣка по отношенію къ другимъ людямъ, то это значитъ усиленное стремленіе очистить и уготовать другихъ къ тому,

---

[1]) Наприм. 1 Петр. IV, 12—14. Рим X 4. Рим. XV. 18. 1 Кор. 1. 30. IV. 14—15. Гал. III. 1. Ефес. III. 18—19. Кол. II, 3. и друг.

чтобы они могли принять въ себя Христа. Воспринятіе въ себя Христа и возведеніе другихъ къ таковому воспринятію,—вотъ что означаетъ имѣть Христа цѣлію жизни и дѣятельности.

Связь этого изреченія съ предшествующимъ очевидна. Желаніе водворить миръ на землѣ и обезпечить сохраненіе его устроеніемъ взаимныхъ отношеній людей на началахъ правды необходимо показываетъ, что такимъ началомъ можетъ быть только Христосъ—сама правда; всякое другое начало, положенное внѣ Христа, если и способно обезпечить миръ, то на болѣе или менѣе продолжительное время, но не способно успокоить обѣтованіемъ вѣчнаго мира. Конечно, подвигъ человѣка, не ограничивающагося внѣшнимъ устроеніемъ мирныхъ отношеній, но углубляющагося во внутренній міръ людей съ цѣлію укрѣпить въ немъ престолъ правды, высокъ и многоплоденъ. Но при всемъ томъ, его дѣло похоже на дѣло садовника, не ограничивающагося только исправленіемъ покрившихся вѣтвей на деревѣ, но перемѣною самой земли обезпечившаго дерево отъ опасности въ скоромъ времени завять и засохнуть; онъ не далъ своему дереву способности приносить лучшіе плоды во все время своего существованія, чего, конечно, достигъ бы, еслибы привилъ своему дереву соки изъ другаго, несомнѣнно способнаго приносить лучшіе плоды. По этому желаніе привить къ жизни людей животворящіе соки жизни Христовой является необходимымъ слѣдствіемъ желанія человѣка построить жизнь людей на началахъ правды. Но какъ для того, чтобы получить желаніе устроить жизнь людей на началахъ правды, человѣку нужно самому проникнуться чувствомъ этой правды до самоотреченія, такъ для того, чтобы почувствовать призваніе устроить жизнь другихъ на Христѣ, нужно почувствовать въ себѣ біеніе жизни Христовой и проникнуться этою жизнію до готовности съ радостію претерпѣть поношенія и цѣною ихъ купить себѣ высокое апостольское утѣшеніе видѣть жизнь людей устрояющеюся на Христѣ.

Господь связываетъ въ этомъ изреченіи проповѣдываніе

Христа съ готовностію радостно подвергнуться злословію за Христа. И здѣсь, какъ въ предшествующемъ изреченіи, подобная связь означаетъ не то, чтобы всегда и необходимо съ проповѣданіемъ Христа соединено было гоненіе и злословіе, но требуетъ отъ человѣка такого пламеннаго одушевленія своимъ дѣломъ, при которомъ не только не чувствуется горечь злословій, не только послѣднія не охлаждаютъ энергіи человѣка, но даже встрѣчаются съ радостію, какъ прекрасный случай засвидѣтельствовать обитаніе проповѣдуемаго другимъ Христа—въ самомъ проповѣдующемъ.

IV.

Предложенный нами очеркъ евангельскихъ изреченій въ тѣсной взаимной связи ихъ между собою даетъ намъ право сдѣлать нѣкоторые выводы относительно свойствъ и характера этой связи и ея вліянія на нравственную жизнь и дѣятельность человѣка. Мы видимъ, что въ изреченіяхъ есть нѣчто, связующее ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое. По этой тѣсной связи между собою всѣхъ изреченій, и всѣ обозначаемые ими подвиги или добродѣтели имѣютъ и должны имѣть между собою также тѣсную связь. Поэтому, кто разъ вступилъ на путь, указываемый и предначертываемый Господомъ въ Его изреченіяхъ о блаженствахъ, тотъ чувствуетъ въ себѣ благодатную силу, неодолимо влекущую Его впередъ, обитающій въ немъ духъ нудитъ его простираться въ предняя. «Я увѣренъ, что начавшій въ васъ доброе дѣло будетъ совершать его даже до дня Іисусъ Христова» (Филип. I, 6). Это явленіе составляетъ характеристическую принадлежность нравственной жизни и дѣятельности христіанина. Но она есть неизбѣжное слѣдствіе той обрисовки идеала христіанской нравственности, какая дана въ изреченіяхъ о блаженствахъ. Въ силу этого, лишь только достигается человѣкомъ одна какая-либо извѣстная цѣль, какъ вмѣстѣ съ этимъ, даже именно этимъ самымъ ставится уже для него слѣдующая цѣль, влекущая къ

себѣ, налагающая даже на человѣка обязанность достигнуть ея и т. д. Сообразно съ этимъ и исполненіе одной какой-либо обязанности сейчасъ же налагаетъ на человѣка и слѣдующую обязанность, и человѣкъ чувствуетъ, что онъ не въ правѣ и не въ силахъ отказаться отъ исполненія этой обязанности. Пояснять это примѣрами значило бы безъ нужды повторять большую часть сказаннаго.

Но при этомъ непрерывномъ поступаніи впередъ, характеризующемъ нравственно-христіанскую дѣятельность, въ ней есть своя особенность, отличающая ее отъ всѣхъ другихъ родовъ дѣятельности, въ которыхъ подобно ей есть и должно быть такое же поступаніе впередъ. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ высшія цѣли рисуются въ извѣстномъ отдаленіи, какъ нѣчто, только могущее при благопріятныхъ обстоятельствахъ стать предметомъ обладанія, но пока еще не находящееся въ дѣйствительномъ обладаніи,—не такъ бываетъ въ томъ родѣ дѣятельности, который называется христіански-нравственнымъ. Здѣсь при самомъ началѣ дѣятельности, при достиженіи первоначальной цѣли, уже присутствуетъ и верховная конечная цѣль; она не является здѣсь какъ нѣчто пока еще чуждое, хотя на нѣкоторое время отдаленное, но является дѣйствительнымъ предметомъ обладанія—и какъ условіе дѣятельности, и какъ главное поощреніе дѣятельности, и какъ внутреннее начало, душа дѣятельности. Чтобы кратко и точно выразить сущность дѣла, мы употребимъ слова покойнаго архимандрита, который перечисляя въ одной изъ своихъ рѣчей *великія дѣла, которыя должны совершиться въ христіанинѣ*, прибавляетъ: «и какъ можно имъ совершиться, когда низшее изъ оныхъ не можетъ быть совершено безъ высшихъ, а высшее обыкновенно недостижимо для того, кто не могъ еще вступить на низшій степень» (Рѣчь говор. въ 1823 г. въ день вѣнчанія на царство Государя Алекс. Павл.). Въ приложеніи къ разсматриваемому нами предмету это явленіе можетъ быть объяснено слѣдующимъ примѣромъ. Высшею цѣлію нравственной дѣятельности по изреченіямъ является Христосъ,

но еслибы человѣку не предносилась та же цѣль и при самомъ начальномъ подвигѣ, обозначаемомъ именемъ нищеты духа, мало того—еслибы онъ не чувствовалъ въ себѣ обитаніе Христа, какъ внутреннее начало дѣятельности,—нищета духа въ нравственно-христіанскомъ смыслѣ не могла бы стать состояніемъ души и не могла бы привести къ благимъ послѣдствіямъ. Точно также кротость, миролюбіе, какъ въ изреченіяхъ, такъ и въ жизни и дѣятельности христіанина, являются одними изъ послѣдующихъ, но никто не потребуетъ разъясненія и доказательствъ, если сказать, что эти состоянія уже присутствуютъ въ душѣ нищаго духомъ, или плачущаго.

Изъ этого видно, что высшія цѣли для христіанина не суть нѣчто чуждое, отдаленное, пока недостигнутое, но суть—въ извѣстной, конечно, степени—уже достояніе его, иначе бы потеряла свой смыслъ даже и первоначальная его дѣятельность. Точно тоже, наоборотъ, должно быть сказано и о низшихъ цѣляхъ; для человѣка, стоящаго на высшихъ ступеняхъ, онѣ не суть нѣчто пройденное, прошлое, уже потерянное изъ виду, но суть цѣли наличныя, присущія человѣку въ высшемъ развитіи его дѣятельности. Это ясно само собою. Когда человѣкъ достигъ той степени развитія, которая обозначается названіемъ кротости, то нельзя сказать, чтобы нищета духа для него перестала быть цѣлію дѣятельности, какъ нѣчто оставшееся позади,—или, когда человѣкъ сталъ миротворцемъ, чтобы въ это время онъ не заботился объ охраненіи и соблюденіи чистоты сердца, чтобы въ тоже самое время кротость не была наличнымъ состояніемъ души; послѣднее немыслимо. Можно сказать даже, что по той мѣрѣ, какъ человѣкъ достигаетъ высшихъ степеней совершенства, совершается большее развитіе и усовершеніе низшихъ; послѣднія не только не уступаютъ мѣста первымъ, но усиливаются и распространяются именно отъ того, что достигнуты высшія. Кратко сказать: въ сферѣ христіанскаго нравственнаго усовершенствованія постоянно совершается то взаимодѣйствіе, по которому высшія цѣ-

ли и степени предполагаютъ уже существованіе низшихъ и сами въ свою очередь воздѣйствуютъ на нихъ извѣстнымъ образомъ,—низшія, пролагая дорогу къ высшимъ, заимствуютъ отъ послѣднихъ для себя и силу и условія возрастанія.

Если, такимъ образомъ, отъ тѣсной связи всѣхъ изреченій между собою и тѣсной связи обозначаемыхъ ими подвиговъ зависитъ то, что истинно христіанская добродѣтель не есть и не можетъ быть явленіемъ случайнымъ, выраженіемъ мимолетнаго настроенія, случайно набѣжавшаго добраго движенія, но служитъ отраженіемъ цѣлой жизни души,—точно также и наоборотъ, грѣхъ не является одиночнымъ, случайнымъ нарушеніемъ той или иной заповѣди, но бываетъ сотрясеніемъ цѣлой нравственной жизни, по тѣсной связи всѣхъ заповѣдей между собою является нарушеніемъ въ извѣстной степени всѣхъ ихъ. «Кто соблюдетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ-нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ:» (Іак. II, 10). вотъ апостольское ученіе о значеніи грѣха. Конечно, не то это значитъ, чтобы грѣхомъ человѣка, разъ содѣланнымъ, уничтожалось все пріобрѣтенное человѣкомъ; это было бы и не согласно съ правдою Божіею и тягостно для души человѣка,—но то, что каждый грѣхъ имѣетъ значеніе, если можно такъ выразиться, коллективное, является грѣхомъ сразу противъ многихъ заповѣдей, такъ какъ онѣ стоятъ не особнякомъ другъ отъ друга, но состоятъ въ органической связи одна съ другою, поэтому и поврежденіе одного члена ощущается всѣмъ организмомъ ихъ.

Совокупляя все сказанное о евангельскихъ изреченіяхъ и по поводу этихъ изреченій, мы на основаніи собственно этихъ изреченій, помимо всего другаго, что изречено въ Евангеліи и посланіяхъ апостольскихъ относительно нравственной дѣятельности человѣка, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ о цѣляхъ, характерѣ, средствахъ нравственной дѣятельности человѣка.

Христіански-нравственныя цѣли дѣятельности отличаются особою *возвышенностію*. Это одинаково относится и къ выс-

шимъ изъ нихъ и къ низшимъ, такъ что въ этомъ свойствѣ нельзя отказать даже и тѣмъ начальнымъ добродѣтелямъ, которыя указываются напримѣръ первыми изреченіями Эта возвышенность цѣлей заключается въ томъ, что ими удаляется изъ дѣятельности человѣка все чувственное, своекорыстное, эгоистичное, все, что относится къ удовлетворенію влеченій чувственной природы, какъ объ этомъ можно заключить изъ того уже, что изреченіями похваляются состоянія прямо противоположныя чувственнымъ состояніямъ богатой—(1), веселой—(2), сытой—(4) и спокойной—(8 изреченія) жизни; на мѣсто же этого ими указывается то, что удовлетворяетъ высшимъ потребностямъ духовной природы человѣка или что способно одухотворить и самыя чувственныя состоянія. Но при всей своей возвышенности, нравственныя цѣли не могутъ называться *недосягаемыми*; достиженіе ихъ вполнѣ возможно для человѣка тѣмъ болѣе, что даже высшія изъ нихъ такъ близки къ человѣку, что присутствуютъ при самыхъ первоначальныхъ опытахъ его дѣятельности.

Другая черта, отличающая нравственныя цѣли,—это особенная, если можно такъ выразиться, *широта* каждой изъ нихъ. Не то это значитъ, чтобы нравственная дѣятельность человѣка обставлена была множествомъ требованій и особенною подробностію ихъ, но то, что при несложномъ сравнительно количествѣ требованій каждое изъ нихъ представляетъ собою богатое, неизживаемое содержаніе для дѣятельности человѣка. Но и эта широта каждой цѣли не такого рода, чтобы она стѣсняла и подавляла человѣка своею необъятностію, чтобы поражала, такъ сказать, неоглядною ширью открываемаго ею горизонта. Напротивъ, нисколько не ограничивая своего содержанія и не съуживая своихъ предѣловъ, онѣ предоставляютъ каждому человѣку полную возможность осуществлять ихъ сообразно съ своими личными особенностями. Это свойство нравственныхъ цѣлей можно объяснить такимъ подобіемъ. Изъ извѣстнаго сѣмени выростаетъ дерево, достигающее извѣстной высоты роста, извѣстной крѣпости и т. п.

Изъ подобнаго же сѣмени, на той же почвѣ, выростаетъ другое дерево, не достигающее можетъ быть такого роста, но имѣющее другія качества,—большее количество ростковъ, отличающееся густою листвою. Изъ третьяго подобнаго сѣмени выростаетъ третье дерево, отличающееся какими-либо другими особенностями, а можетъ быть и уступающее тѣмъ и въ ростѣ и въ крѣпости и въ листвѣ. Возможность всѣхъ этихъ особенностей внутренно заключена въ каждомъ зернѣ: точно такъ же въ христіански-нравственныхъ сѣменахъ заключается возможность различнаго нравственнаго роста и различныхъ нравственныхъ особенностей. И какъ мы не осуждаемъ дерева, когда оно не достигло роста сосѣдняго дерева, выросшаго изъ одинаковаго сѣмени, не дѣлаемъ нареканій и на сѣмя, произведшее меньшее дерево, но къ тому и другому относимся какъ къ исполнившимъ свойственное имъ назначеніе, такъ должно смотрѣть и на различіе нравственнаго роста различныхъ людей, возникающаго повидимому изъ однихъ сѣмянъ.

Высшею и послѣднею цѣлью нравственной дѣятельности поставляется Христосъ и соединеніе съ Нимъ. Эта цѣль дѣйствуетъ въ человѣкѣ и на самыхъ первыхъ ступеняхъ, но постепенно развиваясь, расширяясь и укрѣпляясь подъ вліяніемъ другихъ подвиговъ и сама въ свою очередь воздѣйствуя на ихъ развитіе, расширеніе и укрѣпленіе, она достигаетъ той степени, когда наполняетъ собою все существо человѣка, дѣлаетъ его способнымъ принимать все за Христа. Справедливо эта цѣль поставляется выше всѣхъ прочихъ и всѣхъ возможныхъ цѣлей нравственной дѣятельности. Имѣть и чувствовать Христа живущимъ въ себѣ и самому жить и чувствовать себя живущимъ во Христѣ, это значитъ—жизни человѣческой сдѣлаться причастною жизни божественной. Выше этого не могутъ быть указаны никакія другія состоянія, которыя бы достойны были содѣлаться предметомъ стремленій человѣка.

Отличительный *характеръ* христіанской нравственности есть *свобода* и *дѣятельность*. Христіанская свобода не есть тотъ произволъ, по которому бы человѣкъ могъ безнаказанно и

ничѣмъ не стѣснялись дѣлать худое наравнѣ съ добрымъ. Отъ такого ложнаго пониманія свободы апостолы предостерегали христіанъ, какъ отъ рабства, худшаго всѣхъ возможныхъ видовъ рабства. Христіанство возстановило первоначальный характеръ первозданной свободы—*доброй* свободы, такъ что въ христіанствѣ свобода является съ единственно свойственнымъ ей и вообще характеромъ,—*свободою доброй нравственности*, свободою самостоятельно избирать добрыя цѣли. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого бываетъ то, что все безнравственное и дурное не только не можетъ быть оправдано свободою христіанской совѣсти, а напротивъ, предъ судомъ ея оказывается рабствомъ самымъ худшимъ; во вторыхъ, съ точки зрѣнія христіанской нравственности не могутъ быть одобрены и добрые поступки, если въ основаніи ихъ не лежитъ добровольное избраніе добрыхъ цѣлей, а принужденіе, какого бы рода и характера ни было это принужденіе; поэтому добрая дѣятельность только изъ страха будущихъ наказаній, т.-е. когда человѣкъ не прочь былъ бы и погрѣшить, еслибы не боязнь наказаній, хотя имѣетъ достоинство, ибо все-таки лучше безнравственности, но имѣетъ достоинство низшее.

Другая характеристическая черта, свойственная христіанской нравственности, есть *дѣятельность*. Въ сферѣ христіанской нравственности, очерчиваемой изреченіями о блаженствахъ, совершается безостановочная дѣятельность, не только не теряющая силъ при каждомъ новомъ своемъ усиліи, не только не ослабѣвающая и не истощающаяся отъ продолжительности, какъ то бываетъ въ естественной жизни, но съ каждымъ новымъ шагомъ пріобрѣтающая новыя силы и постепенно укрѣпляющаяся,—идетъ безустанная работа, въ себѣ самой находящая свое высшее вознагражденіе, въ себѣ самой почерпающая силы для своего продолженія. Отъ вступившаго на этотъ путь требуются постоянныя усилія, постоянное напряженіе силъ, и только такими усиліями и такимъ напряженіемъ силъ достигаетъ человѣкъ той верховной награды, которая обѣщается совершившему путь. *Царство Божіе нудится и*

нужднцы восхищаютъ е. Конечно, сила и напряженіе этой дѣятельности много зависятъ отъ личныхъ особенностей души каждаго человѣка и потому не во всѣхъ проявляются одинаковымъ образомъ; въ однихъ проявляются въ большей степени, въ другихъ—въ меньшей; одни представляются идущими быстро, другіе—подвигающимися медленно. Но ни въ какомъ случаѣ здѣсь не можетъ быть того, что называется остановкою. И если нѣкоторые, повидимому, останавливаются на одномъ изъ предшествующихъ подвиговъ, и избравши его и остановившись на немъ, развиваютъ по преимуществу его въ своей жизни и дѣятельности, то это не значитъ, чтобы подобные люди добровольно отказывались отъ продолженія пути, чтобы успокоивали себя сознаніемъ достаточности уже содѣланнаго ими. Это явленіе можетъ находить себѣ объясненіе въ слѣдующемъ.

Какъ всѣ подвиги, ублажаемые въ изреченіяхъ о блаженствахъ, представляютъ собою непрерывную лѣствицу нравственнаго восхожденія, такъ и каждый подвигъ въ отдѣльности взятый имѣетъ свою лѣствицу восхожденія, которую нужно пройти сначала до конца человѣку прежде, чѣмъ онъ перейдетъ въ слѣдующій подвигъ. Этихъ ступеней въ каждомъ подвигѣ не обозначаютъ изреченія о блаженствахъ, предоставляя это дѣло собственному внутреннему опыту каждаго. И какъ человѣкъ не можетъ перейти изъ одного мѣста въ другое не сдѣлавши необходимыхъ шаговъ или пропустивши нѣкоторые изъ нихъ, такъ тоже самое должно быть и на нравственномъ пути. Понятное дѣло, что одни скорѣе, другіе медленнѣе движутся на этомъ пути. И какъ несправедливо поступилъ бы тотъ, кто стоя на извѣстной станціи и замѣчая время прибытія къ ней различныхъ путешественниковъ, уже отправившихся, какъ ему извѣстно, съ предшествующей станціи, сталъ бы подозрѣвать въ лѣности опоздавшихъ прибытіемъ, или о не прибывшихъ, но ожидаемыхъ, сталъ бы думать, что они остановились гдѣ-либо, несправедливо, говоримъ, поступилъ бы потому, что опаздывающіе не виноваты, если нѣкоторые обго-

няютъ ихъ, если въ себѣ они не чувствуютъ силъ идти скорѣе,—на сколько было у нихъ силъ они шли и идутъ безостановочно; такъ точно не всегда можно упрекать за косность тѣхъ, которые съ виду представляются долго стоящими на одномъ подвигѣ.

Третье свойство, отличающее христіански-нравственную дѣятельность, есть *одушевленіе*, постоянно сопутствующее ей и достигающее большихъ или меньшихъ степеней силы въ различныхъ людяхъ. Этимъ признакомъ христіански-нравственная дѣятельность отличается отъ всякой нравственной дѣятельности холодной, формальной, происходящей въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль дѣятельности лежитъ внѣ ея, чужда ей. Одушевленіе христіанина происходитъ отъ того, что цѣли его дѣятельности выработываются собственною жизнію его души, переживаются его душою и составляютъ собою тотъ постоянно подновляемый матеріалъ, которымъ поддерживается священный огонь на алтарѣ внутренняго храма, который сообщаетъ теплоту всей нравственной дѣятельности души. Но христіанское одушевленіе не есть тотъ зловѣщій мрачный фанатизмъ, который или жаждетъ крови или дерзко напрашивается на мученія; и то и другое равно противорѣчитъ истинно христіанскому одушевленію. Это, сказали мы, огонь, который сохраняетъ свойство жгучести, не становится холоднѣе отъ того, если не кого обжечь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно на высшей ступени своего развитія сохраняетъ въ себѣ готовность принять, если то потребуется, все за Христа, но только не ищетъ самопроизвольно гоненій и мученій.

Тѣ усилія и то напряженіе силъ, котораго требуетъ отъ человѣка христіанскій идеалъ нравственности, не означаетъ того, что въ своей нравственной дѣятельности человѣкъ предоставляется самому себѣ, своимъ собственнымъ *средствамъ*. Безъ помощи свыше всѣ даже самыя напряженныя усилія человѣка были бы безуспѣшны; вотъ почему человѣкъ, вступившій на этотъ путь и какъ слѣдуетъ обозрѣвшійся въ томъ кругѣ дѣятельности, который предстоитъ ему, долженъ почув-

ствовать слабость своихъ силъ для таковой дѣятельности; мало того: долженъ отнести исключительно къ этой помощи свыше все, что онъ долженъ сдѣлать и что успѣетъ сдѣлать. Беремъ для примѣра чистоту сердца—состояніе, ублажаемое въ шестомъ изреченіи, и правоту души—состояніе, ублажаемое въ восьмомъ изреченіи. Оба эти состоянія, какъ мы видѣли, условливаются необходимо тѣми предварительными дѣйствіями, которыя указываются въ предшествующихъ изреченіяхъ. Но если церковь словами пророка Давида обращается къ Господу съ такою молитвою: *сердце чисто* созижди во мнѣ Боже и духъ *правъ* обнови во утробѣ моей, — то этимъ показывается, что какъ чистота сердца, такъ и правота, суть плодъ дѣйствія въ человѣкѣ благодатной силы;—къ ней онъ и долженъ относить все, что успѣваетъ сдѣлать въ дѣлѣ своего нравственнаго усовершенствованія.

Итакъ главное и существенное пособіе въ своей нравственной дѣятельности человѣкъ получаетъ свыше. Но при этомъ онъ не лишенъ возможности произвольно избирать тѣ или другія вспомогательныя средства, способствующія скорѣйшему и легчайшему усовершенствованію человѣка въ нравственной жизни и дѣятельности. Къ числу такихъ вспомогательныхъ средствъ относятся разныя тѣлесныя и жизненныя лишенія,—то, что обыкновенно называется аскетизмомъ. Что христіанская нравственная дѣятельность не исключаетъ аскетизма,—это ясно видно уже изъ того, что въ изреченіяхъ о блаженствахъ похваляются нищета, плачъ, голодъ и жажда. Конечно, эти состоянія берутся въ ихъ духовномъ внутреннемъ значеніи, но нельзя не замѣтить, что еслибы эти состоянія и буквально понимаемыя не возбуждали къ себѣ симпатіи съ точки зрѣнія нравственныхъ требованій, они не были бы избраны для изображенія духовныхъ потребностей. Но въ какой мѣрѣ они допускаются христіански-нравственными воззрѣніями и какое должно приписывать имъ значеніе съ точки зрѣнія христіански-нравственныхъ цѣлей,—это намъ пришлось уже отчасти опредѣлить. Именно они облегчаютъ человѣку понима-

ніе и возбужденіе тѣхъ или другихъ духовныхъ потребностей и такимъ образомъ создаютъ собою болѣе благопріятныя условія для нравственнаго усовершенствованія человѣка; значитъ они имѣютъ значеніе на столько, на сколько служатъ этимъ цѣлямъ, значитъ ихъ значеніе служебное, зависимое отъ другихъ высшихъ цѣлей, а отнюдь не первостепенное, т.-е. чтобы они сами въ себѣ имѣли собственныя самостоятельныя цѣли; сами по себѣ, безъ отношенія къ этимъ высшимъ цѣлямъ, они являются даже дѣйствіями безцѣльными. Поэтому понятіемъ о христіанскомъ аскетизмѣ, правильно опредѣляемымъ, изъ круга аскетическихъ дѣйствій исключается все, что не имѣетъ никакого отношенія къ цѣлямъ христіанско-нравственной дѣятельности, все, что не способствуетъ пониманію и возбужденію духовныхъ потребностей; поэтому, напримѣръ, самобичеваніе и т. п. дѣйствія не одобряются христіанскою моралью, какъ дѣйствія безцѣльныя съ точки зрѣнія христіанско-нравственныхъ цѣлей. Съ другой стороны возвышенность и чистота нравственныхъ стремленій не только не допускаетъ сосѣдства, но сочла бы оскорбленіемъ для себя сосѣдство такихъ аскетическихъ дѣйствій, которыя не гармонируютъ съ этою возвышенностію — дѣйствій циническихъ, грубыхъ, грязныхъ и т. п. Если исключить всѣ подобныя дѣйствія и если достоинство аскетическихъ подвиговъ опредѣлять и измѣрять тѣми цѣлями, достиженію которыхъ они могли бы способствовать, то къ христіанско-аскетическимъ подвигамъ мы должны причислить слѣдующіе: произвольную нищету, послушаніе и постъ не въ смыслѣ только воздержанія въ пищѣ, но въ обширномъ смыслѣ воздержанія вообще въ удовлетвореніи низшихъ чувственныхъ потребностей человѣческой природы. Нельзя не замѣтить, что указанные виды аскетизма стоятъ въ очень близкомъ отношеніи къ первымъ изреченіямъ о блаженствахъ—къ нищетѣ духовной, кротости, алчбѣ и жаждѣ духа, къ чистотѣ сердца. Конечно, избраніе ихъ не есть необходимая обязанность каждаго христіанина и не требуется необходимо новозавѣтнымъ Законодателемъ отъ

каждаго изъ Его послѣдователей, ибо и не принимая ихъ на себя человѣкъ можетъ развивать въ своемъ духѣ совершенства указываемыя новозавѣтнымъ Законодателемъ; но достиженіе этихъ совершенствъ болѣе обезпечено и возбужденіе высшихъ духовныхъ потребностей совершается легче, когда и во внѣшнихъ окружающихъ человѣка обстоятельствахъ не только нѣтъ ничего препятствующаго нравственному самоусовершенствованію человѣка, но напротивъ все помогаетъ и содѣйствуетъ этому. Но, отдавая должное почтеніе этимъ подвигамъ, мы должны сказать, что какъ самыя добродѣтели, возбужденію и усовершенію которыхъ они способствуютъ, не суть по изреченіямъ І. Христа верховныя добродѣтели, не суть нѣчто высшее и окончательное въ нравственной жизни и дѣятельности, но выше ихъ еще стоятъ добродѣтели милосердія къ другимъ, благотворительности и терпѣнія за Христа, такъ и эти подвиги не могутъ еще быть названы высшими проявленіями нравственной жизни христіанина. И какъ во внутренней жизни переходъ отъ одной добродѣтели къ другой является дѣломъ естественнымъ и необходимымъ, требуется законами роста внутренняго человѣка, не допускаетъ никакой преднамѣренной косности и остановки, такъ точно и во внѣшнихъ проявленіяхъ этой внутренней жизни—дѣла милосердія, дѣятельность съ благотворительными, филантропическими цѣлями, подвиги внутренняго и внѣшняго миссіонерства, отвѣчая послѣднимъ изреченіямъ о блаженствахъ, должны быть необходимыми послѣдствіями произвольно избранныхъ предшествующихъ подвиговъ. И, наконецъ, какъ во внутренней жизни и дѣятельности каждый новый шагъ отмѣченъ характеромъ свободы, такъ точно и внѣшніе подвиги должны быть дѣломъ произвольнаго избранія человѣка; всякая принудительность, откуда бы и съ какой бы стороны она ни приходила, можетъ произвести дѣйствія лицемѣрныя и неправственныя.

Свящ. М. Воздвиженскій.

АНГЛІЙСКІЙ БОГОСЛОВЪ БЫВШІЙ РИМСКІЙ КАТОЛИКЪ.

Difficulties of the day, and how to meet them. Eight sermons praeched by the Reverend E. S. Ffoulkes. (О затрудненіяхъ дня и какъ ихъ встрѣтить; восемь бесѣдъ произнесенныхъ достопочтеннымъ Е. С. Фульксомъ).

Извѣстно, сколько приверженцевъ похищается каждый годъ у англиканизма римскимъ исповѣданіемъ. Многіе изъ приверженцевъ высокой церкви, истощивъ свои силы въ безплодной борьбѣ за возстановленіе каѳолическаго преданія, бросались до сихъ поръ въ объятія Рима, чтобы положить предѣлъ всякимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Тѣ, которымъ складъ ихъ мыслей и убѣжденій воспрещаетъ сдѣлаться горячими ультрамонтанами на подобіе нынѣшняго католическаго примаса Англіи, вестминстерскаго архіепископа Маннинга, довольствуются какою-нибудь скромною должностію въ рядахъ римскаго клира и увѣряютъ, что наслаждаются душевнымъ миромъ въ замѣнъ прежней громкой славы. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ недавно обратившій на себя вниманіе въ духовной литературѣ церковный историкъ и публицистъ Фульксъ (Ffoulkes). Бывши прежде сочленомъ оксфордскаго университета, онъ также еще въ молодыхъ годахъ подъ руководствомъ упомянутаго доктора Маннинга рѣшился перейти въ латинство, но не подчинилъ вполнѣ своего разума внѣшнему авторитету, не отрекся отъ духа критическаго анализа. Изучая уже не извнѣ, а извнутри преданія, ученія, вѣрованія Рима, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что величественное зданіе латинства построено на фундаментѣ лжи и обмана. Въ остроумномъ

письмѣ къ архіепископу Маннингу, обнародованномъ подъ заглавіемъ: *Вѣра церкви и вѣра короны* (помѣщенномъ въ русскомъ переводѣ въ журналѣ *Христіанское Чтеніе*), онъ доказывалъ, что даже начало полной независимости отъ свѣтской власти, которымъ такъ гордится римская церковь, не всегда было выдержано въ исторіи папства и что прибавленіе Filioque къ символу, поддержанное Карломъ Великимъ и придворными его богословами, было допущено папами въ угоду властителямъ западной римской имперіи. Разорвавши такимъ образомъ связь съ новымъ своимъ исповѣданіемъ, Фулксъ рѣшился его оставить и возвратиться въ лоно англійской государственной церкви.

Недавно дошла до насъ новая брошюра Фулькса, заключающая въ себѣ восемь небольшихъ бесѣдъ, произнесенныхъ въ одномъ изъ лондонскихъ приходовъ подъ общимъ заглавіемъ: *о затрудненіяхъ дня*. Въ этихъ бесѣдахъ онъ обращается къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ пунктовъ, которые даже между лицами вѣрующими возбуждаютъ наиболѣе недоумѣній. Сюда относится главнымъ образомъ усматриваемое противорѣчіе между истинами откровенія и открытіями науки, которыя выдаются намъ за новыя истины, какъ будто бы истины старыя и новыя могли стоять въ противорѣчіи другъ къ другу. «Отсюда», говоритъ авторъ, «произошла та заносчивая и обманчивая философія (обманчивая потому, что она чисто отрицательная), которую намъ навязываютъ какъ врачевство противъ всѣхъ нашихъ недуговъ въ замѣну всего того, чему мы научены съ дѣтства—не просвѣщая, а затемняя наше пониманіе, тревожа наши сердца и не давая покоя нашей головѣ, низводя насъ до скотовъ, вмѣсто того, чтобы возвысить насъ къ Создателю, не разрѣшая нашихъ затрудненій, а только увеличивая ихъ. Еслибъ не было у насъ руководства откровенія, то, признаюсь, жизнь была бы для меня неразрѣшимой загадкой, безутѣшной пустотой и хаосомъ, дающимъ намъ лишь свѣту настолько, чтобы яснѣе понять окружающій мракъ. Свой разумъ я бы употреблялъ какъ животныя

свой инстинктъ только для удовлетворенія своихъ желаній и для избѣжанія вредныхъ послѣдствій; я прозябалъ бы, думая о будущемъ только тогда, когда оно могло бы увеличить мое настоящее удовольствіе.»

«Къ счастію, мы имѣемъ Библію, которая подобно тому, какъ по словамъ апостола Павла «законъ пѣстунъ бысть намъ во Христа», служитъ намъ наставницей въ земномъ нашемъ странствованіи. Каждый изъ насъ здѣсь на землѣ слѣдуетъ извѣстному призванію: общественной дѣятельности, наукѣ, искусству, ремесламъ. Библія не учитъ насъ, какъ исполнять ту или другую спеціальность въ жизни, а тому, какъ мы должны при всякомъ занятіи поступать достойно своего званія. Согласно съ этимъ своимъ учительнымъ назначеніемъ, Священное Писаніе и должно быть понимаемо и толкуемо. Затрудненія встрѣчаютъ насъ на каждомъ шагу жизни; съ затрудненіями мы должны встрѣчаться и при чтеніи священныхъ книгъ. Дѣйствительно, еслибы книги эти были составлены людьми, то подлежали бы обыкновенной, преходящей судьбѣ всѣхъ книгъ. Но весь христіанскій міръ вѣруетъ, что Священное Писаніе въ цѣломъ составѣ писано по вдохновенію отъ Бога, а іудеи признаютъ боговдохновенность большей и древнѣйшей его половины. При такомъ убѣжденіи было бы дерзко и нелѣпо думать, что знаніемъ хотя бы самымъ глубокимъ древнихъ языковъ и ихъ конструкцій можно уразумѣть его смыслъ и намѣренія его Творца. Эти намѣренія были закрыты и погружены въ тайну для самихъ писателей и раскрываются намъ только по мѣрѣ исполненія пророчествъ, или когда Самому Господу угодно раскрыть ихъ значеніе. Какъ мы можемъ ставить себя судьями творенія, не проникши въ его смыслъ? Какъ мы можемъ уразумѣть содержаніе Слова Божія при тѣхъ пріемахъ, которые мы употребляемъ при изслѣдованіи слова человѣческаго? Факты могутъ противорѣчить нашему пониманію какого-либо мѣста въ Библіи; но при этомъ опровергается только наше пониманіе, а не настоящій смыслъ Священнаго Писанія. Самая главная характеристика Библіи есть та, что

она указываетъ намъ путь впередъ. Она открываетъ намъ прошедшее на столько, сколько намъ нужно, чтобы уразумѣть настоящее и идти впередъ къ будущему. «Горѣ сердца»—такова ея проповѣдь съ начала до конца, къ концу все возвышаясь и усиляясь. «Свидѣтельствующій сія говоритъ: ей, гряду скоро» и получаетъ радостный отвѣтъ: «Аминь. Ей гряди, Господи Іисусе.» Писаніе начинаетъ первымъ Адамомъ, но немедленно обращаетъ наши взоры ко второму Адаму. Ко второму Адаму стремится вся его проповѣдь и вторымъ Адамомъ она заканчивается. Такимъ образомъ для насъ мало имѣетъ значенія: «началась ли наша земля за 6000 или 600000 лѣтъ, только бы исполнилась цѣль ея созданія—приготовленіе человѣка къ небу.»

«Писаніе представляетъ намъ церковную исторію рода человѣческаго, и потому надо постоянно имѣть въ виду, что оно налагаетъ историческіе факты на столько, на сколько они связаны съ судьбами церкви Божіей на землѣ. Еслибъ мы напримѣръ писали церковную исторію XIX столѣтія, то дали бы очень мало мѣста побѣдамъ перваго Наполеона или пораженіямъ претерпѣннымъ его внукомъ; мы бы вѣроятно совсѣмъ умолчали о побѣдахъ при Трафальгарѣ и при Ватерлоо, а о Седанѣ упомянули бы только потому, что отъ него разсѣялся, вѣроятно на всегда, тотъ соборъ христіанскихъ епископовъ, на которомъ они одного изъ своей среды провозгласили царемъ надъ собою. Но здѣсь кромѣ того бытописатель священныхъ событій есть Самъ Господь и вѣрующій въ Него можетъ ли требовать, чтобы Онъ слѣдовалъ человѣческимъ, а не Своимъ правиламъ? Оттого мы находимъ, что въ Писаніи событія часто противорѣчатъ всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ. Мы читаемъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, что когда ученики въ Антіохіи служили Господу и постились, Духъ Святый сказалъ: «отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ». И дѣйствительно въ первомъ своемъ путешествіи они съ успѣхомъ проповѣдывали Слово Божіе по всей южной части Малой Азіи. Передъ вторымъ путешествіемъ они соста-

вили свои собственные планы. Павелъ сказалъ Варнавѣ: «пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдывали Слово Господне»: но это совѣщаніе имѣло послѣдствіемъ разногласіе ихъ между собою, такъ что каждый пошелъ своимъ путемъ. Св. Павелъ сначала оставался вѣренъ своему плану; «онъ проходилъ Сирію и Киликію, утверждая церкви», т.-е. въ предѣлахъ тѣхъ южныхъ провинцій, въ которыхъ онъ проповѣдывалъ съ Варнавой. Оттуда онъ отправился къ сѣверу и востоку черезъ Фригію и Галатію, предполагая вѣроятно, что ему надлежитъ кончить дѣло проповѣди въ Малой Азіи прежде чѣмъ распространить его въ болѣе отдаленныя страны; и конечно, съ человѣческой точки зрѣнія это представлялось правильнымъ; но тогда не было бы написано посланій къ тѣмъ церквамъ, которыя всѣ лежали далѣе къ западу; и еслибъ Павелъ пошелъ далѣе на сѣверъ и на востокъ, онъ бы, можетъ быть, никогда не обратился къ западу. Но его путь направлялся высшимъ могуществомъ. «Они не были допущены Духомъ Святымъ проповѣдывать слово въ Азіи», въ той самой области, въ которую они первоначально были посланы. Но такъ ли это? не были ли они подъ вліяніемъ иллюзіи? Вновь они «предприняли идти въ Виѳинію, но Духъ не допустилъ ихъ.» Но какъ скоро они направились на западъ и черезъ Мизію достигли Троады—того славнаго берега, гдѣ впервые встрѣтились сыны Европы и Азіи,—то Духъ Святый далъ имъ уже ясное указаніе: «предсталъ Павлу въ видѣніи нѣкій мужъ македонянинъ прося его и говоря: прійди въ Македонію и помоги намъ.» Эта краткая рѣчь рѣшила участь Европы. Апостолъ языковъ немедленно отплылъ въ Македонію и здѣсь первая обратилась ко Христу Лидія продавательница пурпура—знаменитой по всему міру краски, которую исключительно производили Тиръ и Сидонъ и также исключительно вывозили на западъ; она могла быть потому очень полезна Павлу по своимъ торговымъ связямъ, и самый фактъ ея обращенія прежде другихъ ясно подтвердилъ ему, что голосъ пригласившій его въ Македонію не былъ

человѣческій голосъ или представленіе его воображенія, и что онъ хорошо сдѣлалъ послушавшись этого голоса.»

«Подобнымъ образомъ и Моисей писалъ подъ Божественною диктовкою,—отклоняясь отъ того, что онъ бы написалъ, еслибы былъ предоставленъ самому себѣ; постоянно приводя происшествія, которыя ему можетъ быть лучшимъ казалось бы пропустить; постоянно отводя болѣе мѣста или первенства другимъ фактамъ, не сознавая, почему онъ такъ поступаетъ. Такъ напримѣръ одно изъ обстоятельствъ, наиболѣе извѣстныхъ Моисею, было безъ сомнѣнія продолженіе періода времени пребыванія Израильтянъ въ Египтѣ, ибо его собственная родословная представляла къ тому вѣрнѣйшія данныя. «Сыновья Левіины, говоритъ онъ, сопровождавшіе Іакова въ Египетъ; были Гирсонъ, Коаѳъ и Мерари; изъ нихъ Коаѳъ былъ отецъ Амрама, отца Моисеева. Но дѣдъ Моисея, какъ онъ говоритъ, жилъ 133 года, отецъ его 137 лѣтъ, а ему самому было восемдесятъ лѣтъ, когда онъ вывелъ Израильтянъ изъ Египта. Такимъ образомъ по всѣмъ вѣроятностямъ время пребыванія Израильтянъ въ Египтѣ не могло превышать 250 лѣтъ; я думаю, что это былъ періодъ 215 лѣтъ, точная половина числа 430; а послѣднимъ именно числомъ Моисей обозначаетъ время пребыванія сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ. Ключъ къ разрѣшенію этого видимаго противорѣчія мы находимъ только въ Новомъ Завѣтѣ. Св. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ открываетъ намъ, что счетъ годовъ надобно начинать не съ пришествія Израильтянъ въ Египетъ, а отъ года призванія Авраама; и это было точно 430 лѣтъ до дарованія закона на горѣ Синайской — три мѣсяца послѣ перехода черезъ Черное море. Такимъ образомъ одинъ по вдохновенію написалъ то, что другой по вдохновенію объяснилъ; былъ сокрытый смыслъ у Моисея, открытый св. Павломъ.

«Разсмотримъ внимательнѣе суровое чистосердечіе библейскаго разсказа, столь не похожаго на прочія исторіи. Какіе національные или церковные историки передаютъ намъ столько фактовъ, служащихъ къ стыду ихъ націй? Не есть ли исто-

рія двѣнадцати колѣнъ, какъ она передается въ Ветхомъ Завѣтѣ, непрерывное покаяніе въ грѣхахъ? Не болѣло ли сердце у Моисея, какъ оно не болѣло ни у какого другаго историка, когда онъ разсказывалъ о своемъ собственномъ грѣхѣ, преградившемъ ему входъ въ обѣтованную землю, и указывалъ потомству на перваго первосвященника Аарона, какъ на человѣка предложившаго золотаго тельца на поклоненіе двѣнадцати колѣнамъ вмѣсто Іеговы? Какому народу менѣе льстили его историки? Если онъ совершаетъ великія дѣла, то сейчасъ замѣчается, что это по милости отъ Бога; если онъ грѣшитъ, то никогда не избѣгаетъ наказанія и повѣсть объ этомъ столь же сурово передается въ священной исторіи. «Не говори въ сердцѣ своемъ», говоритъ Моисей передъ самымъ вступленіемъ Израильтянъ въ землю обѣтованную, «не говори, что за праведность мою привелъ меня Господь овладѣть сею землею. Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наслѣдовать землю ихъ, но за нечестіе народовъ сихъ Господь Богъ твой изгоняетъ ихъ отъ лица твоего. Посему знай, что не за праведность твою Господь Богъ даетъ тебѣ овладѣть сею землею, ибо ты народъ жестоковыйный. Помни, не забудь, сколь ты раздражалъ Господа Бога въ пустынѣ.» (Второзак. IX, 5. 6. 7).

«Взгляните на библейское сказаніе съ другой точки зрѣнія. Какія основанія руководили выборомъ фактовъ? Сколько намъ сообщено объ Адамѣ и Евѣ? Только то, что они были нашими первыми родоначальниками и что они согрѣшили. Сколько знаемъ мы о Ноѣ? Только то, что онъ съ семействомъ спасся отъ потопа, въ которомъ первый міръ погибъ подъ водою, и «немногіе, то-есть восемь душъ спаслись отъ воды: такъ и насъ нынѣ подобно сему образу крещеніе спасаетъ» (1 Петр. 3. 20. 21); отсюда видно, что Библія особенное придаетъ значеніе прообразовательному характеру потопа. Сколько намъ передано о трехъ великихъ патріархахъ: Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ, кромѣ того, что можетъ намъ служить къ разъясненію великаго плана искупленія и связи отдѣльныхъ его ча-

стей? О патріархѣ Іаковѣ намъ сообщается всего болѣе; исторія его занимаетъ двадцать двѣ главы изъ пятидесяти составляющихъ книгу Бытія. Но онъ былъ отцемъ родоначальниковъ двѣнадцати колѣнъ того народа, чрезъ котораго міръ долженъ былъ приготовляться къ принятію Христа подъ тѣмъ домостроительствомъ, которое мы называемъ закономъ, ибо «законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа», говоритъ апостолъ, и еще: «доколѣ вы были въ дѣтствѣ, вы были порабощены вещественнымъ началамъ міра» (Гал. IV, 3). Церковь въ этихъ текстахъ апостолъ разсматриваетъ какъ таинственное собирательное лице, котораго тѣлесное воспитаніе совершилось подъ закономъ, но духовное его возрастаніе должно было совершиться силою Евангелія. «На этомъ основаніи мы и исторію народа Божія можетъ разсматривать какъ прообразованіе исторіи новозавѣтной церкви. Такъ если для завоеванія обѣтованной земли Іисусъ Навинъ долженъ былъ пролить потоки крови, то не тѣмъ же ли путемъ достигалось торжество Евангелія; въ одномъ случаѣ проливалась кровь преступная, въ другомъ кровь невинная. Въ продолженіе слѣдующихъ 450 лѣтъ судьи, принимавшіе въ затруднительныхъ обстоятельствахъ завѣдываніе дѣлами двѣнадцати колѣнъ, являлись изъ людей, дотолѣ не пользовавшихся общественною извѣстностью; въ теченіе такого же періода времени христіанская церковь расширялась и процвѣтала подъ руководствомъ отцевъ, достигавшихъ права на такое наименованіе только по общеуважаемому своему характеру и великимъ заслугамъ. Едва двѣнадцать колѣнъ приняли монархическую форму правленія, какъ Іуда и Израиль сдѣлались особыми царствами. Такъ и въ церкви Христовой только что начались монархическія притязанія папъ, какъ распря ихъ съ патріархами новаго Рима раздѣлила Востокъ и Западъ на два противуположные стана. Израиль и Іуда ослабляли другъ друга междуусобными войнами, соперничали между собою въ беззаконіяхъ, покуда обоихъ не поразилъ одинъ судъ. Не встрѣтимъ ли подобнаго и въ церкви Христовой? Владычество Магомета и побѣды одержанныя ду-

хомъ міра могутъ на это отвѣчать. Чьи грѣхи дали имъ долговременную ихъ власть надъ христіанами?»

Показавъ такимъ образомъ въ двухъ первыхъ бесѣдахъ основаніе, на которомъ мы можемъ опираться при встрѣчѣ съ затрудненіями въ Писаніи и въ жизни, авторъ переходитъ къ одному изъ такихъ затрудненій, принадлежащему уже къ исторіи новозавѣтной церкви и послужившему въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія печальнымъ поводомъ раздѣленія Востока и Запада—къ вопросу объ исхожденіи Святаго Духа. «Такого рода вопросы», говоритъ авторъ, «мало соотвѣтствуютъ духу нашего времени, но на нихъ должно обратить вниманіе. Посмотрите на царственный градъ, первый доселѣ по своему мѣстоположенію, нѣкогда первый и по́ пространству, всѣ древности котораго не языческія, а христіанскія,—посмотрите, говорю я на Константинополь, опустошенный Европою въ XIII столѣтіи, чтобы сдѣлаться добычею турокъ въ XV; взгляните на Востокъ нѣкогда многолюдный, образованный и столь же христіанскій въ древности какъ и Западъ, нынѣ преданный варварамъ, опустошенный, погруженный въ невѣжество. Если-бы вы спросили тогдашнюю Европу, чѣмъ она могла оправдать тотъ неисправимый ущербъ, который былъ ею нанесенъ всему человѣчеству, не говоря уже о христіанствѣ,—то прежде всего вамъ бы сказали, что это потому, что греки отвергали исхожденіе Святаго Духа и отъ Сына. Посмотрѣла бы тогдашняя Европа на Европу нынѣшняго времени; и она, злорадствовавшая нашъ пожарамъ Константинополя на страстной недѣлѣ, могла бы видѣть Парижъ, объятый пламенемъ также на страстной недѣлѣ! Въ виду событій поразившихъ латинское христіанство въ послѣдніе девять мѣсяцевъ, и средневѣковая Европа созналась бы, что она слишкомъ много увлеклась своими предубѣжденіями. Вамъ говорятъ, что греки отвергали то, во что вѣровали латины; вѣрнѣе сказать, что они отказывались это утверждать. Они отказывались, справедливо говоря, что исхожденіе отъ Сына въ томъ смыслѣ, въ которомъ требовалось отъ нихъ согласиться на оное, не оправды-

вается ни ученіемъ отцевъ, ни символомъ церкви—символомъ, о которомъ послѣдній и многочисленнѣйшій изъ первыхъ четырехъ соборовъ постановилъ, ничего къ нему не прибавлять и ничего отъ него не умалять,—въ немъ ученіе объ исхожденіи Святаго Духа было помѣщено словами Самого Господа: «Духъ Святый, который отъ Отца исходитъ.» Казалось бы невозможнымъ для христіанъ раздѣлиться по подобному вопросу; но онъ былъ связанъ съ особыми Божіими судьбами, которыя для меня были загадочны, покуда я не сталъ читать священную исторію въ томъ духѣ, о которомъ и вамъ говорилъ въ предыдущей бесѣдѣ; тогда мнѣ обнаружилось, по чьему усмотрѣнію двѣнадцать колѣнъ раздѣлились на два отдѣльныя царства. «Тако глаголетъ Господь: возвратитесь каждый въ домъ свой, ибо отъ Меня это было» (3 Царствъ 12. 24). Расколъ было первое наказаніе за грѣхи; и такъ какъ грѣхи все умножались, то послѣдовало наконецъ и плѣненіе. О, еслибы исторія христіанской церкви менѣе походила на ветхозавѣтную! О, еслибы двѣ великія ея вѣтви на Востокѣ и на Западѣ показали себя болѣе безпорочными, чѣмъ подзаконные Израиль и Іуда. Разсматривая безпристрастно церковныя лѣтописи, каждый придетъ къ заключенію, что причиною раскола было властолюбіе; но есть еще худшій составной элементъ, который съ вами встрѣчается на каждой страницѣ, мѣшаетъ вашему вниманію, пускаетъ вамъ пыль въ глаза и оставляетъ васъ въ полномъ недоумѣніи тамъ, гдѣ бы кажется не могло быть мѣста сомнѣнію. Это—лицемѣріе, самый ядовитый и зловредный изъ пороковъ, по словамъ Господа. Главныя дѣйствующія лица въ распрѣ знали, что оглашеніе настоящихъ поводовъ къ ихъ ссорѣ было бы для нихъ неблаговидно. Міръ не долженъ даже ихъ подозрѣвать; ихъ надо всячески стараться держать въ тайнѣ. Поводомъ къ распрѣ между патріархами древняго и новаго Рима должно быть пониманіе какой-либо евангельской истины; и чѣмъ выше истина, тѣмъ лучше. Пусть объявится, что ссора между ними касается исхожденія Святаго Духа, и всѣ вѣрующіе обоихъ

патріархатовъ сочтутъ себя обязанными пристать къ той или другой сторонѣ. Таково да будетъ отселѣ наше знамя! Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что восточная церковь въ ученіи объ исхожденіи Святаго Духа постоянно и послѣдовательно, въ счастіи и несчастіи, держалась точныхъ изреченій Господа, согласнаго ученія отцевъ, подлиннаго текста символа. Все, что римская церковь учитъ помимо этого, она заимствовала у богослововъ IX столѣтія, а не у отцевъ;—у діалектики и логики, а не у Писанія. Римская церковь учитъ, что Духъ Святый превѣчно исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала. Чтобы утвердить это ученіе, надобно было исказить символъ, представить натянутыя основанія и фальшивые переводы отцевъ, приписать имъ трактаты и мѣста, которыхъ у нихъ нѣтъ. Чтобы доказать это положеніе, потребовалось ввести въ богословіе начала чистѣйшаго раціонализма. Во всей церковной исторіи не было съ латинской стороны тезиса, который бы такъ недобросовѣстно защищался и такъ мало заимствовалъ доказательствъ отъ Писанія,—нѣтъ полемики, лѣтописи которой римская церковь такъ охотно предала бы забвенію и истребленію. Послушайте, какимъ путемъ доказывается ученіе объ исхожденіи; я привожу классическій авторитетъ—Ѳому Аквинатскаго въ его Summa Theologiae: «однимъ только различаются лица Пресвятой Троицы чрезъ противоположное отношеніе одного лица, какъ виновника, къ другому лицу, какъ происшедшему отъ него, и обратно; отсюда необходимо слѣдуетъ, что либо Сынъ долженъ исходить отъ Святаго Духа, либо Духъ Святый отъ Сына.» Другими словами, Пресвятая Троица должна существовать по правиламъ логики или совсѣмъ не существовать. Аристотель, а не Библія, долженъ опредѣлить отношеніе Лицъ Божества. Братіе, кто изъ невѣрующихъ проповѣдывалъ болѣе голый раціонализмъ и сорвалъ профанацію подъ болѣе тонкимъ покровомъ?»

Но профанація пошла еще далѣе. «Если Отецъ и Сынъ», говоритъ Петръ Ломбардъ, «оба вмѣстѣ суть начало Святаго Духа, то чему служитъ началомъ Святый Духъ?» Отвѣтъ былъ:

«ничему, ничему по крайней мѣрѣ въ божествѣ; Онъ есть Начало только по отношенію къ міру, въ которомъ мы живемъ.» Братія мои, если это не хула на Святаго Духа — по крайней мѣрѣ вѣрно, что авторъ не имѣлъ намѣренія произносить богохуленіе,—то мы должны допустить, что эти слова, по крайней мѣрѣ по буквальному ихъ смыслу, близко подходятъ къ хулѣ и показываютъ намъ ту бездну безумія, до которой могутъ быть доведены даже лучшіе умы, если они слишкомъ много даютъ простора ложномудрому разуму въ дѣлѣ вѣры и сверхъ того руководятся еще духомъ партіи. Если превѣчное рожденіе Сына исповѣдуется отъ одного Отца, отчего же непремѣнно толковать превѣчное исхожденіе Святаго Духа отъ Отца и Сына? Не болѣе ли благоговѣйно и по крайней мѣрѣ столь же понятно одинаковымъ образомъ исповѣдывать рожденіе Одного и исхожденіе Другаго? Какая намъ нужда изслѣдовать тайны божества дальше, чѣмъ намъ открыто? Довольно ли мы знаемъ строеніе собственнаго нашего ума, чтобы опредѣлить строеніе другихъ умовъ и утверждать, что они должны быть всѣ устроены на подобіе нашего? Можемъ ли мы силами нашего ума убѣдиться, что прочія планеты не слѣдуютъ какимъ-либо другимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ управляющихъ нашею планетою? И несмотря на это поразительное незнаніе насъ самихъ и всего окружающаго творенія, мы еще имѣемъ дерзость думать, что можемъ изслѣдовать божество и повѣрять Его законами собственнаго мышленія! Унитаріи XIX столѣтія будто бы въ честь Отца унижаютъ Сына; латинскіе богословы въ IX столѣтіи въ честь Сына унизили Святаго Духа.

«Я счастливъ, что могу теперь промѣнять мутныя воды словопреній на вѣрную и безопасную пристань откровенной истины. Первобытная церковь вѣровала и греки доселѣ вѣруютъ, что есть двоякое исхожденіе Святаго Духа: одно естественное и превѣчное, по которому Духъ Святый исходитъ отъ одного Отца точно такъ же, какъ и Сынъ раждается отъ одного Отца, и это превѣчное исхожденіе было выражено въ символѣ прежде

латинской прибавки. Другое есть временное посланіе Святаго Духа, по которому Онъ ниспосылается во внѣ и временно исходитъ и истекаетъ отъ Отца и Сына вмѣстѣ, для нашего освященія. Въ этомъ только смыслѣ англійская церковь исповѣдуетъ исхожденіе отъ Отца и Сына; выраженіе «вѣчное исхожденіе» нигдѣ не встрѣчается въ ея символическихъ документахъ; даже римское богослуженіе въ день Пятидесятницы ограничивается ученіемъ о временномъ посланіи. И не ясно ли оно раскрывается въ словахъ Самого Господа: «Егда же пріидетъ Утѣшитель, Его же послю вамъ отъ Отца» — Котораго Я пошлю вамъ, когда Я вознесусь къ Отцу, но не прежде, когда возшедши на высоту Я пріиму даянія человѣкамъ, по сдовамъ пророчества — «Духа Истины, Который исходитъ» — здѣсь Господь намѣренно переходитъ отъ будущаго къ настоящему времени—«Который исходитъ», а не будетъ исходить — «отъ Отца.» И таковъ всегда Его способъ выраженія. «Лучше для васъ, чтобы Я пошелъ, ибо если Я не пойду, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ»; «если пойду» — т. е. пойду ко Отцу — «то пошлю Его къ вамъ.» Естественно поэтому, что Посланный Сыномъ называется послѣ посланія Духомъ Сыновнимъ. Что мы можемъ знать по такимъ вопросамъ, кромѣ того, что намъ открыто? Пути божественнаго домостроительства мы можемъ наблюдать съ благоговѣніемъ, но исчерпать ихъ не можемъ. Читающій Писаніе замѣтитъ, что Богъ Отецъ всегда является въ величіи божественнаго правосудія, оскорбленнаго грѣхами человѣчества, и что дѣло примиренія принадлежитъ Сыну и Святому Духу совокупно. Богъ Авраама, Исаака и Іакова, Іегова Ветхаго Завѣта, Царь Израилевъ, Господь Сидъ, Котораго Исаія видѣлъ на престолѣ «высокомъ и превознесенномъ»—есть Тотъ, Который воплотился во исполненіе временъ, когда въ Немъ исполнилось все то, что было предсказано и прообразовано. «Сіе сказалъ Исаія», поясняетъ намъ св. Іоаннъ, «когда видѣлъ славу Его и говорилъ о Немъ.» Дѣло Святаго Духа такъ сказать началось съ Его воплощеніемъ. Іисусъ воплотился отъ Святаго Духа. Духъ Святый со-

шелъ на Него при крещеніи; Онъ возвратился отъ Іордана исполненный Духа Святаго и Духомъ же былъ поведенъ въ пустыню, чтобы быть искушеннымъ отъ діавола.» Начиная Свое служеніе, Онъ указалъ написанное о Немъ пророкомъ: «Духъ Господень на Мнѣ.»—«Духомъ Божіимъ Онъ изгонялъ бѣсовъ.» Про Него говоритъ апостолъ, что «Онъ оправдался въ Духѣ.» Онъ же далъ заповѣдь избраннымъ Имъ апостоламъ: «Пріимите Духъ Святъ.» Въ томъ же смыслѣ мы находимъ у того же евангелиста объясненіе двухъ первоначально учрежденныхъ Имъ таинствъ: «Истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войдти въ царствіе Божіе.» Никто не сомнѣвается въ примѣненіи этого текста къ христіанскому крещенію; ясно, что мы Духомъ Святымъ возрождаемся, соединяемся со Христомъ, дѣлаемся членами Его Церкви. Къ несчастію, возникло мнѣніе, нынѣ поддерживаемое римскою церковію, будто бы дѣйствіе Святаго Духа не имѣетъ мѣста въ таинствѣ Евхаристіи и что потому нѣтъ надобности здѣсь Его призывать. Что говоритъ объ этомъ Самъ Господь, что говоритъ символъ вѣры? Въ символѣ Духъ Святый знаменательно названъ «Господомъ животворящимъ»; и оба названія заимствованы изъ Писанія. Въ какомъ мѣстѣ Писанія Духъ Святый названъ животворящимъ или подателемъ жизни? Мы находимъ это мѣсто у евангелиста Іоанна, въ той самой бесѣдѣ Спасителя, въ которой изъясняется таинство Евхаристіи. «Пряхуся между собою жидове, глаголюще: како дастъ Сей намъ плоть Свою ясти?» Такъ поясняетъ Онъ это ученикамъ Своимъ: «Духъ есть иже живитъ» или иначе «Духъ есть Источникъ и Податель жизни.» Многіе изъ васъ знаютъ, что во всѣхъ древнихъ литургіяхъ и въ греческой литургіи доселѣ находится прошеніе о ниспосланіи Духа Святаго на хлѣбъ и на вино, дабы они содѣлались по слову Господа «Тѣломъ и Кровью Сына человѣческаго.» Это прошеніе римская церковь давно почитаетъ излишнимъ.

«Да позволено мнѣ будетъ передать вамъ, братія, глубоко укоренившееся во мнѣ убѣжденіе, что большая часть новѣй-

шихъ словопреній о таинствахъ имѣетъ своимъ источникомъ тотъ фактъ, что дѣйствія Духа Святаго недостаточно сознаются между нами, благодаря богословскимъ формуламъ, унаслѣдованнымъ нами отъ среднихъ вѣковъ. Въ символикѣ первобытной церкви Его дѣйствія на первомъ планѣ; но не то въ средневѣковой символикѣ. Въ нашемъ чиноположеніи повсюду выступаетъ мѣстоименіе я. «Я тебя крещаю», — «я тебѣ отпускаю грѣхи»,—«я объявляю васъ мужемъ и женою»,—«я» всегда подразумѣвается, если даже не открыто выражается. Средневѣковые богословы учили, что освященіе Евхаристіи единственно зависитъ отъ священника, повторяющаго слова Господа — эта прискорбная тенденція породила намъ индивидуализмъ, при которомъ мы забыли, что мы члены одного семейства, Церкви всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ первоначальныхъ литургіяхъ дѣло человѣческое считается ни во что. «Крещается такой-то рабъ Божій, во имя Отца, и Сына и Святаго Духа.» «Помазуется N рабъ Божій.» «Обручается раба Божія М. рабу Божію N.» — «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудѣвающая восполняющи, проручествуетъ благоговѣйнѣйшаго діакона во пресвитера. Помолимся убо о немъ, да пріидетъ на него благодать Всесвятаго Духа.» Таково благоговѣйное содержаніе древнихъ формулъ. Средневѣковые богословы непремѣнно захотѣли дать перевѣсъ дѣлу человѣческому; реформація уловила ихъ на этомъ и самыя таинства объявила дѣломъ человѣческимъ, такъ что нынѣ трудно уже и распознать въ нихъ элементъ божественный. Въ заключеніе позвольте обратить ваше вниманіе на три знаменательные факта, относящіеся къ расколу, отъ котораго мы страдаемъ, — факты случившіеся въ полунощное время западной церкви—въ первой половинѣ XI столѣтія. Первый — то, что папы, прежде чѣмъ принять измѣненный символъ, должны были сами измѣнить свою присягу, ибо они клялись подъ страшнымъ заклятіемъ никогда не измѣнять первоначальнаго текста символа. Второе—то, что они очевидно сами опасаясь послѣдствій своего поступка, въ это время ввели въ свой слу-

жебникъ молитву о корпоративномъ единствѣ вѣрующихъ. Въ третьихъ—въ это же время возникъ въ западной церкви первый споръ о таинствѣ Евхаристіи, а затѣмъ послѣдовали споры и о прочихъ таинствахъ, между тѣмъ какъ восточная церковь этихъ споровъ не знала.

«Если намъ, братія, предстоитъ измѣнять нашу литургію, то пусть это будетъ въ вѣрномъ направленіи; а нѣтъ болѣе вѣрнаго направленія, какъ то, которое воздаетъ славу Богу, и благодатное дѣйствіе Его таинствъ всецѣло приписываетъ Его Духу. Смѣло говорю, что раздѣленіе въ христіанствѣ никогда не исцѣлится, покуда мы не признаемъ вину свою передъ благимъ Параклитомъ въ томъ, что искажено было божественное Его отношеніе къ другимъ лицамъ Святой Троицы и затемнѣно ученіе о Его дѣйствіяхъ въ человѣчествѣ. Господь торжественно объявилъ, что всякій грѣхъ въ отношеніи къ Нему отпустится, но ни одинъ грѣхъ такъ не взыщется, какъ единое слово произнесенное противъ Святаго Духа. Духъ Святый омываетъ наши грѣхи, измѣняетъ наше естество, соединяетъ насъ со Христомъ, удостоиваетъ царствовать съ Нимъ во славѣ. Любовь есть помазаніе, которымъ Онъ насъ запечатлѣваетъ для неба, любовь къ Богу, любовь къ ближнему—любовь неистощимая и не знающая предѣловъ. Къ Нему мы обратимся за исправленіемъ всѣхъ нашихъ золъ, за исцѣленіемъ нашихъ раздоровъ.»

«Veni Sanctus Spiritus!» «Пріиди Святый Душе, исполни сердца вѣрныхъ Твоихъ и возжги въ нихъ огнь Твоея любви.»

Бесѣда о единствѣ церкви произнесена на слова изъ предсмертной молитвы Господа Іисуса Христа (Іоанна XVII, 21, 22): «Да будутъ всѣ едино какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да будутъ едино какъ Мы едино.» Здѣсь Господь молится о Своихъ послѣдователяхъ, чтобъ они стали какъ бы единою вещью, чтобъ они были едино по образу единства Божества. Это единство во множествѣ есть Церковь Христова. «И Я тебѣ говорю: ты Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою.» Этими словами Гос-

подь какъ бы заложилъ зданіе Своей церкви. «Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь.» Въ этихъ словахъ уже указывается дѣйствіе церкви. Такимъ образомъ слова евангелиста Матѳея изъясняютъ намъ слова евангелиста Іоанна; единая вещь, о которой молится Спаситель, и есть именно Его церковь. Она есть единство въ разнообразіи индивидуальностей, единство черезъ союзъ ихъ съ Богомъ во Христѣ. «Кто исповѣдуетъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій, въ томъ пребываетъ Богъ и онъ въ Богѣ.» Эту истину впервые исповѣдывалъ апостолъ Петръ и получилъ за нее великую награду. Не въ немъ однако должно корениться единство церкви. Онъ только Πέτρος, камень отъ скалы—Πέτρα. Эти два слова по своему значенію не должны быть смѣшиваемы. Въ разсматриваемомъ текстѣ надобно отличать исповѣданіе Петра отъ даруемой награды. «Блаженъ если Симоне варъ Іона, за твое исповѣданіе открытое тебѣ свыше; данное тебѣ имя ты вполнѣ заслуживаешь: ты подлинно камень отъ скалы, на которой Я построю Мою церковь, и этого основанія врата адовы не одолѣютъ.» Затѣмъ слѣдуетъ награда Петру. «Отъ этой церкви, отъ того учрежденія, которое Я обыкновенно называю царствіемъ небеснымъ, Я дамъ тебѣ ключи, тебѣ первому дается это преимущество; въ послѣдствіи право вязать и рѣшить Я распространю въ равной степени и на прочихъ апостоловъ.» Вотъ значеніе этого текста, добросовѣстно истолкованнаго. Извѣстно, что даровавши такія права апостолу Петру, Господь не переставалъ его увѣщевать и предсказывать ему его паденіе.»—Въ связи съ этимъ авторъ обращаетъ вниманіе на притчу о вѣрныхъ рабахъ помѣщенную въ XII главѣ Евангелія отъ Луки, сказанную уже долго спустя послѣ дарованія ключей апостолу Петру. «Петръ сказалъ Ему: Господи, къ намъ ли притчу сію говоришь, или и ко всѣмъ.» Многознаменательно отвѣчаетъ ему Господь. «Кто вѣрный и благоразумный домоправитель, котораго господинъ поставилъ надъ слугами своими раздавать имъ въ свое время мѣру хлѣба?...

Если же рабъ тотъ скажетъ въ сердцѣ своемъ «не скоро придетъ господинъ мой,» и начнетъ бить слугъ и служанокъ, ѣсть, и пить, и напиваться:» что тогда? Показавъ участь такого раба, Господь вскорѣ прибавляетъ: «Думаете ли, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться: трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ.» Не есть ли это вмѣстѣ и правоученіе и знаменательное пророчество? Какъ бы такъ говорилъ Господь: «Говорю тебѣ, Петръ, преемники твои своими беззаконіями внесутъ раздѣленіе въ Мой собственный домъ, въ Мою церковь.» Зная, предвидя все это съ полною ясностью, Господь и умолялъ Своего небеснаго Отца не о томъ, чтобы вѣрующіе въ Него составляли едино въ Петрѣ, или въ другихъ апостолахъ; но чтобы и Петръ и другіе одиннадцать и всѣ вѣрующіе ихъ проповѣди были едино въ Немъ и въ Богѣ.

Какъ же осуществлялся идеалъ единства на практикѣ? «Первая христіанская община, какъ она описана въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, представляетъ намъ осуществленіе самаго высокаго идеала. Здѣсь мы видимъ самое тѣснѣйшее единство, которое когда-либо могло себѣ представить воображеніе человѣческое: реализацію мечтаній Платона, мечтаній коммунистовъ: церковь едина во Христѣ и во всемъ остальномъ. Почему Господь не внесъ такого идеала въ свою молитву? Безъ сомнѣнія, она такого полнаго единства не исключаетъ, напротивъ все насъ удостовѣряетъ, какъ горячо Господь его желалъ; но Онъ, Самъ податель его, слишкомъ ясно предвидѣлъ его непродолжительность. Онъ показалъ людямъ въ этой слишкомъ кратковременной общинѣ, какой сверх-человѣческій миръ и какую радость Онъ бы могъ и хотѣлъ бы даровать имъ даже въ семъ мірѣ, еслибы они только послѣдовали Его водительству, еслибы они безусловно подчинились не идеаламъ своего собственнаго созданія, а единственно Его Духу. «У множества вѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; они пребывали въ общеніи, въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ по ученію

апостоловъ,» бывшихъ подъ живымъ впечатлѣніемъ сообщества съ Господомъ. Но все это продолжалось одно мгновеніе. При ближайшемъ приращеніи числа вѣрующихъ уже возникъ ропотъ еллиновъ и іудеевъ за то, что ихъ вдовы были пренебрегаемы при ежедневномъ служеніи. Въ виду подобныхъ фактовъ, когда апостолъ языковъ описываетъ единство вѣрующихъ, онъ уже довольствуется признаками: «одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе.»—На основаніи этихъ словъ апостола авторъ нашъ, конечно увлекаясь реакціею противъ римскихъ воззрѣній, приходитъ къ заключенію, что всѣ получившіе правильное крещеніе и содержащіе исповѣданіе вѣры по символамъ апостольскому и никейскому, суть уже потому члены церкви Христовой. Основаніе къ своей мысли онъ находитъ и въ томъ, что сама римская церковь принимаетъ крещеніе схизматиковъ и еретиковъ. Далѣе, въ теченіи среднихъ вѣковъ, до Флорентійскаго собора включительно, несмотря на раздраженіе, а иногда и на кровопролитіе, сопровождавшія словопренія между западной и восточной половинами христіанства, никогда не являлось мысли, чтобы та или другая изъ нихъ перестала быть частью истинной церкви или чтобъ онѣ раздѣлялись въ исповѣданіи вѣры. Всѣ говорили про восточную и западную церковь; созывались безпрестанно соборы для возстановленія единства; однимъ словомъ, члены церкви раздѣлялись между собою, но единство вѣры оставалось въ силѣ. Авторъ нашъ заключаетъ, что такъ бы должно быть и нынѣ, и что церкви, не раздѣленныя въ основаніяхъ вѣры, не должны бы раздѣляться и въ жизни. Такое понятіе онъ противуполагаетъ римской исключительности. «Я одинъ составляю церковь, говоритъ Римъ. На самомъ же дѣлѣ преемникъ Петра имѣетъ противъ себя преемниковъ всѣхъ одиннадцати остальныхъ апостоловъ. Въ самомъ дѣлѣ, на Западѣ нѣтъ преемниковъ кого-либо изъ одиннадцати апостоловъ, между тѣмъ какъ на Востокѣ нѣтъ епископства отъ каѳедры св. Петра, исключая нѣсколькихъ епископовъ вторгшихся съ Запада. Но преемники одиннадцати единогласно признаютъ, что преемникъ

Петра давно уже присвоиваетъ себѣ не подобающую ему власть, и оттого уже нѣтъ между Востокомъ и Западомъ общенія въ преломленіи хлѣба. Тутъ-то и остановился св. Павелъ при исчисленіи признаковъ единства. «Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе;» Апостолъ не сказалъ: «одна Евхаристія.» Дѣйствительно, въ пониманіи значенія Евхаристіи и въ самомъ совершеніи таинства всѣ расходятся, но это по мнѣнію автора не должно бы мѣшать единству церкви.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ любимымъ воззрѣніемъ, съ наиболѣе распространеннымъ заблужденіемъ англиканскихъ высокоцерковниковъ. Они утверждаютъ, что отсутствіе внѣшнихъ признаковъ единенія отдѣльныхъ частей не мѣшаетъ внутреннему единству вселенской церкви; а вселенская церковь состоитъ изъ восточной, западно-римской и епископальной англиканской; чисто протестантскія общества исключаются, какъ или вовсе не имѣющія епископства или имѣющія епископство неправильное [1]). На эту тему потратилъ много таланта и учености докторъ Пьюзей въ своемъ сочиненіи: *Примиритель*— Eirenicon. Высокоцерковники долго надѣялись, что восточная церковь раздѣлитъ подобное воззрѣніе. Отсюда понятна та раздражительная оппозиція, съ которою встрѣтили нѣкоторые изъ нихъ состоявшееся въ прошломъ году рукоположеніе перваго православнаго священника изъ англичанъ.

Но разбираемый нами авторъ имѣетъ преимущественно въ виду притязанія римской церкви на исключительное каѳоличество. Имъ посвящена седьмая бесѣда, писанная на текстъ: «Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ дабы сѣялъ яко пшеницу; Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою.» Римская церковь выдаетъ себя за единую вселенскую церковь, съ гордостью противуполагая величественное зданіе своего единства раздѣленіямъ дру-

---

[1]) Шведское епископство однако признается сохранившимъ правильное преемство, и потому были попытки вступить съ нимъ въ общеніе.

гихъ церквей. И дѣйствительно, внѣшніе признаки ея величія изумительны. «Она проникла въ разныя эпохи во всѣ страны міра и удержалась въ большей части изъ нихъ. Она властвуетъ надъ множествомъ народовъ, поставленныхъ въ самыя разнообразныя климатическія, племенныя и лингвистическія условія. Она имѣетъ пышную обрядность, торжественное богослуженіе, долговременную давность, преданія незапамятной старины. Каноническое ея право обширно и точно въ своихъ опредѣленіяхъ; догматическое ея ученіе построено на самой строгой логикѣ; іерархія ея стройно возвышается отъ мальчика свѣщеносца до восьмидесятилѣтняго папы; религіозные ея ордена многочисленны и разнообразны въ своей дѣятельности; множество служитъ ей вездѣ благочестивыхъ женщинъ, а мѣстами довольно и благочестивыхъ мужей.» Такія явленія привлекли и самаго Фулькса къ Риму; какія же явленія удалили его оттуда? «Мало-по-малу,» говоритъ онъ, «я пришелъ къ убѣжденію, что это поразительное устройство, дѣйствующее и донынѣ, не что иное, какъ колоссальная ложь, гигантскій обманъ, искусно придуманная западня для привлеченія людей подъ самыми благовидными предлогами.» Для объясненія, какимъ образомъ подобныя несчастныя явленія могли утвердиться въ многочисленнѣйшей изъ христіанскихъ церквей, Фулькъ обращается къ тексту поставленному имъ во главѣ бесѣды. Сатана получитъ позволеніе нападать на дѣло всѣхъ учениковъ и будетъ стараться колебать его; о Петрѣ же Господь молится, чтобы вѣра его укрѣпилась и чтобы онъ могъ другихъ укрѣплять въ вѣрѣ. Поэтому позволительно предположить, что нападенія искусителя на дѣло Петрово будутъ самыя жестокія и что нетронутымъ останется только основаніе вѣры, та скала, на которой церковь построена. И дѣйствительно, Римъ издревле былъ твердъ въ вѣрѣ и служилъ оплотомъ восточнымъ церквамъ, когда онѣ колеблемы были ересями. Но въ устройство римской церкви сатана посѣялъ ложь, ибо онъ самъ ложь и отецъ лжи. Здѣсь разумѣется ложь преднамѣренная и обдуманная, а такая ложь

всегда будетъ основана на какой-либо истинѣ, и чѣмъ выше истина, тѣмъ опаснѣе будетъ соотвѣтствующая ей ложь. Такимъ образомъ въ римской системѣ не возможно опредѣлить, гдѣ начинается истина и гдѣ кончается ложь. Онѣ такъ перепутаны между собою, ложь является такъ удобопріемлема при помощи соотвѣтствующей ей истины, что найти прямой путь весьма трудно въ этомъ лабиринтѣ. Съ самаго начала преданіе о епископствѣ св. Петра въ Римѣ уже перепутано со многими ложными увѣреніями. Далѣе, римская каѳедра возвышается въ христіанскомъ мірѣ главнымъ образомъ потому, что это каѳедра императорской столицы и всѣ преданія императорской власти переходятъ къ папамъ. «Спящимъ человѣкомъ» посѣяны были плевелы; въ самую мрачную эпоху въ исторіи христіанства, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ положено было начало свѣтской власти папъ. Для оправданія этой власти потребовался цѣлый рядъ обмановъ и подлоговъ, отъ подложнаго пожалованія Константиномъ папѣ Сильвестру до фальшивыхъ Исидоровыхъ декреталій. Слѣдствіемъ всего этого были: раздѣленіе восточной и западной церкви, временное низложеніе восточной церкви западомъ подъ предлогомъ поданія ей помощи; упадокъ цивилизаціи и христіанства на Востокѣ; разграбленіе Константинополя и паденіе его какъ христіанскаго города; безконечныя столкновенія между папами и императорами по поводу свѣтскихъ титуловъ и стяжаній; проповѣдь крестовыхъ походовъ для истребленія ереси и поголовное убійство невинныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей сотнями тысячъ за то, что они посмѣли протестовать противъ этихъ сатанинскихъ дѣлъ.

Всѣ эти старинныя злоупотребленія получили новое освященіе провозглашеніемъ догмата о папской непогрѣшимости. Но это положеніе вещей, по мнѣнію автора, продолжиться не можетъ. Должна наступить реакція,—и либо истина, во чтобы то ни стало, получитъ удовлетвореніе, либо наступитъ такое царство безвѣрія, какого міръ еще доселѣ не видалъ.

Въ заключеніе этой бесѣды авторъ воздаетъ дань хвалы

правдолюбію и прямотѣ, составляющимъ отличительную черту англійскаго характера, противуполагая эти черты римской двуличности.

Послѣдняя бесѣда посвящена характеристикѣ чужихъ церквей, т. е. чужихъ англиканизму. Эта характеристика начинается оцѣнкой восточной церкви, которую мы приводимъ вполнѣ, какъ мѣсто наиболѣе знаменательное для насъ во всей книгѣ.

«Я начинаю съ восточной или греческой церкви, достойно почитаемой церковью прошедшаго и обѣщающей быть церковью будущаго. Она—церковь прошедшаго, такъ какъ исключительно въ ея областяхъ были созываемы всѣ общепризнанные вселенскіе соборы, съ перваго до послѣдняго; ихъ исповѣданіе сохранилось у нея въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ коихъ оно было первоначально формулировано, безъ прибавленія или убавленія. Она обѣщаетъ быть церковью будущаго, ибо всѣ мы должны признать, что времена латинскаго или римскаго духовнаго преобладанія уже прекратились; а греческая церковь представляетъ намъ единственный въ мірѣ феноменъ. Какой же это феноменъ?—Многіе изъ васъ слышали о компактности и колоссальныхъ размѣрахъ русской имперіи; нѣтъ другой державы, кромѣ нашей, которая бы могла съ нею сравниться. Связующее начало, основаніе этой великой имперіи есть одна обширная національность, называемая славянской, хотя къ русской державѣ принадлежатъ и многія другія племена. Весь русскій народъ глубоко христіанскій, каковы бы ни были высшіе его классы, такъ много заимствовавшіе отъ высшихъ классовъ западной Европы. Кѣмъ была Россія обращена въ христіанство? Спросите ее, и она вамъ скажетъ—ибо это составляетъ ея славу — миссіонерами греческой церкви. И когда послѣдовало обращеніе Россіи? Именно тогда, когда греческая церковь разорвала связь съ Римомъ! Въ то время члены ея уже не считались милліонами, самыя знаменитыя епископскія ея каѳедры обратились чуть чуть не въ сельскія церкви, значительная часть ея территоріи находилась подъ

властью магометанъ, какъ находится и доселѣ. Нѣсколько столѣтій спустя, во время еще большаго упадка греческой церкви, члены русской церкви торжественно заявили свой долгъ къ ней, какъ къ своей матери, прося у ней разрѣшенія возвести своего митрополита въ санъ патріарха и относясь къ константинопольскому патріарху для его посвященія. И подобныя дѣйствія часто повторяются въ исторіи тамъ, гдѣ наименѣе можно бы ожидать сходства и гдѣ сознательное подражаніе немыслимо.

«Въ томъ же духѣ члены церкви Соединенныхъ Штатовъ, послѣ политическаго отдѣленія отъ Англіи, рѣшились отъ Англіи же заимствовать себѣ епископовъ. Ни то ни другое дѣйствіе въ свое время не остановило особеннаго вниманія; но со временемъ яснѣе усмотрится соотношеніе между ними. Говорю не обинуясь, что съ тѣхъ поръ, какъ Римъ разорвалъ связь съ Востокомъ, не было ни одного обращенія совершеннаго Римомъ, которое бы можно было сравнить съ обращеніемъ Россіи, и по мѣрѣ того, какъ Римъ убавляется, Россія возрастаетъ. Черезъ посредство Россіи греческая церковь какъ фениксъ воскресла изъ своего пепла; уже ея члены исчисляются десятками милліоновъ; они должны увеличиваться съ увеличеніемъ Россіи, должны итти, куда пойдетъ Россія. И если бы греческая церковь слилась съ русскою взятіемъ Россіею Константинополя, что тогда? Вѣрно то, что каковы бы ни были отъ этого послѣдствія для нашего національнаго преобладанія, не было бы никакой причины намъ опасаться со стороны нашей религіи. Греческая церковь никогда не желала распространять христіанство мечемъ; она никогда не проповѣдывала религіозныхъ войнъ, никогда не учреждала судилищъ на подобіе инквизиціи для подавленія ереси, никогда за вѣру не побивала цѣлыми массами мужчинъ и женщинъ. Характеристическіе признаки греческой церкви были всегда: конституціонное устройство въ дѣлахъ церковныхъ, уваженіе къ закону и преданію, уваженіе къ правосудію, уваженіе къ авторитету, но не до совершеннаго устраненія сво-

боды наслѣдованія. Мы не должны судить о греческой церкви по тому, какъ она является намъ теперь или какъ являлась въ послѣднія времена своего упадка въ среднихъ вѣкахъ. Она во многихъ мѣстахъ теперь, какъ и тогда, невѣжественна и суевѣрна; но вспомните, что одна часть ея шесть столѣтій находится подъ турецкимъ игомъ, а другая часть составляетъ обширную имперію, гдѣ крѣпостная зависимость существовала цѣлыя столѣтія и только одиннадцать лѣтъ, какъ отмѣнена. Съ народнымъ воспитаніемъ, быстро подвигающимся впередъ, все это должно измѣниться; и христіанство, которому народъ остался вѣренъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ испытаній, просіяетъ новымъ свѣтомъ при размноженіи умственнаго развитія. Когда я былъ въ Іерусалимѣ, уже много лѣтъ тому назадъ, случилось, что восточная Пасха совпадала съ нашею; поэтому я имѣлъ много случаевъ наблюдать за богомольцами въ храмѣ и внѣ онаго. Ихъ насчитывали по крайней мѣрѣ семь или восемь тысячъ, а потому и не было недостатка въ образчикахъ. Я только что тогда возвратился изъ Италіи и нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ не оставался позади аппенинскаго крестьянина въ благочестіи, въ образованіи, въ понятливости. Тамъ пребывалъ въ то время русскій епископъ, нисколько не уступавшій по воспитанію и развитію латинскому патріарху, которымъ Римъ справедливо гордится; но всего болѣе я былъ заинтересованъ однимъ русскимъ семействомъ, съ которымъ мнѣ случилось говорить черезъ переводчика. Оно состояло изъ пяти или шести лицъ, молодыхъ и средняго возраста, пріѣхавшихъ на одной лошади. Они мнѣ сказали, что въ такомъ видѣ они путешествовали отъ самой Сибири, чтобы поспѣть къ пасхальнымъ торжествамъ; домъ свой они заперли и увезли съ собою ключи. Ихъ набожность была самаго спокойнаго свойства, не назойливая, не вдающаяся ни въ какія преувеличенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на грубое ихъ одѣяніе, въ нихъ замѣчалась нѣкоторая утонченность, свидѣтельствующая о воспитаніи, превосходящемъ

уровень нашего крестьянства. Я подумалъ самъ въ себѣ: если это вѣрный образчикъ Сибири, то есть сотни тысячъ въ нашихъ городахъ, которыхъ бы я послалъ въ Сибирь для довершенія. ихъ воспитанія. Латины имѣютъ на Востокѣ лучшія школы, но большинство учениковъ не латинскаго исповѣданія, такъ что латины, сами того не замѣчая, подготовляютъ путь грекамъ. Когда Константинополь перейдетъ въ тѣ или другія христіанскія руки—что должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени, то это будетъ зарею возрожденія для греческой церкви; и эта церковь, очищенная бѣдствіями, вызванная къ новой жизни внѣшними ея событіями и внутренними движеніями, освобожденная отъ суевѣрія воспитаніемъ и общеніемъ съ другими, обратитъ на себя взоры, обращавшіеся до сихъ поръ въ другомъ направленіи; тогда возникнетъ болѣе свободное и чистое христіанство, чѣмъ видѣлъ міръ въ продолженіи многихъ вѣковъ.»

Упомянувъ вкратцѣ объ армянахъ и несторіанахъ, авторъ возвращается къ римской церкви и высказываетъ между прочимъ замѣчательную мысль, что римскимъ миссіямъ въ языческихъ странахъ нигдѣ не удалось основать національной церкви, и что вездѣ существуетъ только европейское духовенство съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ обращенныхъ туземцевъ. Даже въ коренныхъ католическихъ странахъ большею частью темный неграмотный народъ наполняетъ ея храмы, а образованные классы держатся въ сторонѣ.

Въ заключеніе авторъ увѣщеваетъ членовъ установленной церкви не пренебрегать сближеніемъ съ диссидентами, которые суть дѣти одной съ ними реформаціи, часто болѣе дѣятельные, чѣмъ они сами, въ распространеніи Евангелія между низшими слоями общества.

Таково содержаніе въ главныхъ чертахъ замѣчательныхъ бесѣдъ Фулькса. Въ нихъ, какъ могъ видѣть читатель, протекаетъ совершенно новая на Западѣ струя мысли, раскрывают-

ся новые горизонты. Но въ окончательныхъ выводахъ замѣчается нѣкоторая шаткость и неопредѣленность, и авторъ останавливается на полудорогѣ. Православіе для него сливается исключительно съ понятіемъ о восточномъ христіанствѣ. Теперь, когда уже, благодареніе Богу, есть небольшое зерно православныхъ въ самой Англіи, наступило и тамъ кажется время болѣе полнаго и всесторонняго его пониманія.

М. Сухотинъ.

МОРМОНЫ

(РЕЛИГІОЗНАЯ СЕКТА ВЪ АМЕРИКѢ).

XIII.

Скорбь и уныніе распространились между «святыми» въ Науво, когда они узнали о смерти пророка. Лишившись главы, со всѣхъ сторонъ окруженные вооруженными непріятелями, они не знали, на что рѣшиться, что предпринять. Болѣе стойкіе и благоразумные совѣтовали, какъ можно скорѣе, приступить къ избранію новаго пророка. Главное водительство церковію принадлежало теперь «совѣту 12 апостоловъ», какъ высшей духовной инстанціи послѣ пророка. Когда всѣ апостолы, находившіеся въ различныхъ странахъ, собрались вмѣстѣ, Юнгъ, предсѣдатель совѣта, издалъ двѣ рѣчи къ народу, приглашая его собраться и обсудить положеніе дѣла. На общемъ собраніи святые предоставили совѣту апостоловъ дѣлать всѣ распоряженія, какія они признаютъ нужными при настоящемъ положеніи дѣла; имъ же порученъ былъ и выборъ новаго пророка. Выборъ этотъ палъ на Юнга и единодушно былъ признанъ всѣми вѣрующими. Только Сиднеи Ригдонъ выступилъ было какъ соперникъ Юнга; онъ сильно оспаривалъ полномочія апостольскаго совѣта и прямо объявилъ, что, по полученному откровенію свыше, онъ, Ригдонъ, назначается преемникомъ Іосифу Шмидту. На это откровеніе однако никто не обратилъ вниманія, его назвали обманщикомъ и отлучили

отъ церкви 7 октября 1844 года. Бригамъ Юнгъ единодушно былъ признанъ главою церкви. Этотъ человѣкъ, робкій и застѣнчивый въ обществѣ, обладалъ въ высшей степени практическимъ умомъ и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Въ спорахъ и на церковной каѳедрѣ онъ обнаруживалъ такую смѣлость мысли, такую силу рѣчи, что совершенно овладѣвалъ слушателями. Святые называли его «львомъ Господа» и самъ Іосифъ любилъ и уважалъ его. Его-то энергіи и благоразумію мормоны обязаны своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ. Отъ природы миролюбивый и скромный, Юнгъ, вступивши въ управленіе общиною святыхъ, соглашался на всѣ самыя тяжелыя уступки; онъ тщательно избѣгалъ всего, что бы могло подать поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ мормоновъ съ язычниками. Но его старанія остались безуспѣшными; враги мормоновъ въ своихъ преслѣдованіяхъ зашли уже слишкомъ далеко, чтобы на этомъ только остановиться и тѣмъ покончить. Даже люди болѣе благонамѣренные и безпристрастные, какъ напр. губернаторъ Фордъ, не хотѣли вѣрить, чтобы мормоны остались послѣ карѳагенскаго убійства спокойными и не отмстили своимъ врагамъ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей губернаторъ снова призвалъ къ ружью распущенную предъ тѣмъ милицію, а враги мормоновъ старались все сильнѣе воспламенять вражду къ нимъ. Волненіе вслѣдствіе этого становилось все сильнѣе и опаснѣе. Враги мормоновъ спачала пожгли фермы въ окрестностяхъ Науво,— святые не сопротивлялись, даже удерживались отъ ропота. Затѣмъ послѣдовали новыя нападенія и жители Науво почти не смѣли выходить за городскую черту. Юнгу послѣ этого оставалось одно изъ двухъ, — или защитить свои права вооруженною рукою, или же уступить противникамъ и рѣшиться на новое переселеніе. Избравши послѣднее, онъ далъ своимъ врагамъ обѣщаніе совершенно выселиться изъ штата въ теченіи слѣдующаго года. Вслѣдъ затѣмъ отъ лица «верховнаго совѣта» издано было посланіе ко всѣмъ святымъ, въ которомъ выражено было намѣреніе верховныхъ членовъ церкви въ маѣ

1846 года послать часть жителей Науво на западъ, снабдивши ихъ всѣмъ нужнымъ для обработки и осѣмененія земли, съ тѣмъ, чтобы этотъ передовой отрядъ съ одной стороны высматривалъ болѣе удобную мѣстность для новаго поселенія святымъ, а съ другой приготовлялъ путь дальнѣйшимъ путешественникамъ, засѣвая по пути поля и строя мосты. Что касается причины и цѣлей переселенія, то они состояли, по словамъ посланія, въ желаніи «уйти отъ соблазновъ и не давать болѣе повода къ непріятностямъ.» Но враги мормоновъ не дали имъ времени устроить все, какъ бы имъ хотѣлось, и вмѣсто мая мѣсяца, какъ предполагалось прежде, отрядъ піонеровъ принужденъ былъ оставить Науво 3 февраля, зимою. Онъ состоялъ изъ 1,600 наиболѣе сильныхъ и храбрыхъ молодцовъ. Оставшіеся святые спѣшили окончить и освятить храмъ въ Науво, потому что подъ этимъ только условіемъ они могли надѣяться дать покой и блаженство своимъ умершимъ родственникамъ и друзьямъ, за которыхъ они крестились. Всю зиму и весну шла самая дѣятельная и спѣшная работа по этому дѣлу; наконецъ въ маѣ храмъ былъ готовъ. Онъ былъ построенъ въ особомъ вкусѣ изъ бѣлаго известняка; имѣлъ въ длину 128, въ ширину 83 и въ вышину 60 футовъ. Расположеніе храма, равно какъ и его принадлежности должны были напоминать собою іерусалимскій храмъ Соломона. Въ придѣлѣ находился большой резервуаръ на подобіе мѣднаго моря при храмѣ Соломона, предназначенный не для омовенія жертвъ, какъ тамъ, а для крещенія за умершихъ. Рядомъ съ храмомъ возвышалась высокая башня; на вершинѣ ея находилось изображеніе летящаго ангела съ трубою; изображеніе это обито было золотомъ и пригнаровлено такъ, чтобы лучи восходящаго солнца свободно могли падать и отражаться отъ него. 14 мая, въ день освященія, храмъ былъ въ полномъ блескѣ, украшенный разнаго рода эмблемами, изображеніями, различными символическими знаками, іероглифами и пзреченіями. Внутренность храма была украшена разноцвѣтными тканями, дорогими занавѣсами, надъ вышиваніемъ которыхъ долго трудились бла-

гочестивыя мормонки. Въ означенный день съ ранняго утра до глубокой ночи къ храму со всѣхъ сторонъ толпами спѣшили торжествующіе святые; пѣсни, гимны и проповѣди не умолкали во весь день. Казалось, мормоны совершенно позабыли о своемъ горѣ и всѣмъ существомъ своимъ предались радости и веселью. Всѣ очевидцы описываютъ этотъ день великаго торжества святыхъ въ живописныхъ картинахъ. Но какъ радость мормоновъ, такъ и блескъ ихъ храма просуществовали всего только одинъ день. Когда торжество освященія было совершено, — всѣ украшенія, которыя можно было снять, не нанося тѣмъ ущерба зданію, были сняты и изъ великолѣпно убраннаго храма остались только одни голыя стѣны. Въ тотъ же самый день вышла главная часть жителей, за нею другая и т. д.; такъ что во всемъ городѣ осталось вскорѣ всего 2 тысячи человѣкъ, но и тѣ вскорѣ были выгнаны гражданами Иллинойса.

Съ тѣхъ поръ городъ мормоновъ оставался пустъ; вмѣсто прежнихъ 24 тысячъ, тамъ едва теперь насчитываютъ около 2 тысячъ жителей. Храмъ сдѣлался жертвою огня 19 октября 1848 года и отъ великолѣпнаго зданія уцѣлѣли только одна стѣна да развалины. Непосредственно послѣ изгнанія мормоновъ многіе путешественники имѣли случай быть въ опустѣвшемъ городѣ святыхъ, незадолго предъ тѣмъ полномъ жизни и движенія,—и плодомъ ихъ посѣщенія было множество самыхъ грустныхъ и тяжелыхъ картинъ, много похожихъ на баснословное описаніе соннаго царства. Полковникъ Кане, путешествовавшій въ это время по Джове и Иллинойсу, такъ описываетъ свое посѣщеніе Науво [1]). «Я миновалъ уже, говоритъ онъ, послѣднюю возвышенность на моемъ пути, какъ предо мною внезапно выступилъ прелестнѣйшій ландшафтъ, который представлялъ разительную противоположность съ преж-

[1]) The Mormons. A discourse delivered before the Historical Society of Pennsylvania. Philadelphia, 1850. Отдѣльная брошюра.

нимъ. На половину окруженный изгибомъ рѣки, предо мною лежалъ, сіяя въ утреннихъ лучахъ солнца, прекраснѣйшій городъ. Его свѣтлыя, новыя строенія, окруженныя молодыми цвѣтущими садами, расположились прелестными группами около великолѣпнаго, куполообразнаго холма, вершина котораго украшена была величественнымъ мраморнымъ строеніемъ, надъ которымъ высоко возвышалась величественная башня, блистая золотомъ и бѣлизною. По ту сторону города на заднемъ фонѣ развертывались волнообразныя улыбающіяся нивы, искусною рукою хлѣбопашца раскрашенныя въ разныя цвѣта и представлявшія въ высшей степени прелестный видъ. Повсемѣстные несомнѣнные признаки прилежанія, предпріимчивости духа и связаннаго съ образованіемъ богатства, придавали картинѣ особенную, въ высшей степени восхитительную красоту. Я невольно былъ увлеченъ мѣстностію и захотѣлъ ближе познакомиться съ нею. Доставши себѣ лодку и переплывъ рѣку, я достигъ главной пристани города. Никто при этомъ не встрѣтилъ меня. Съ удивленіемъ я озирался кругомъ, не увижу ли кого, но никого нѣтъ; я началъ прислушиваться: кругомъ все было такъ тихо, что я могъ слышать, какъ жужжали мухи и шумѣли, плескаясь о берегъ рѣки, маленькія волны,—но нигдѣ никто не шевелился. Я пошелъ по уединеннымъ улицамъ, — городъ, какъ заколдованный, лежалъ во снѣ, изъ котораго я боялся почти его вывести, такъ какъ по всему видно было, что онъ уснулъ слишкомъ еще недавно. Мостовыя на улицахъ не поросли травою и не успѣли еще совершенно изгладиться слѣды оставленные на пыли ступнями. Безостановочно я шелъ все дальше и дальше впередъ. Вотъ предо мною пустыя мастерскія, прядильные заводы и кузницы. Столяръ ушелъ изъ своей мастерской, отъ своего станка, отъ своей неоконченной оконной рамы и двернаго косяка; колесо прядильщика стояло тихо. Свѣжія кожи были сложены въ дубильной ямѣ кожевника, и только что расколотое свѣжее дерево лежало въ печи булочника. Мастерская кузнеца была холодна, но кучи угля, гасильникъ и мѣхи — все было такъ,

какъ будто бы хозяинъ только что покончилъ работу. Нигдѣ не видно было работниковъ и меня никто не спрашивалъ, чего мнѣ нужно. Входя въ садъ, я громко ударялъ за собою дверьми, свободно рвалъ цвѣты и лакомился плодами,—никто не окликалъ меня изъ открытаго окна, не было даже ни одной собаки, которая бы своимъ лаемъ могла пропзвести тревогу. Я могъ бы подумать, что люди попрятались по своимъ домамъ, но двери и окна были растворены настежь. Боязливо я вступилъ во внутренность,—полъ крыльца былъ посыпанъ бѣлымъ пескомъ,—на цыпочкахъ съ удвоеннымъ любопытствомъ я шелъ далѣе, но въ домѣ не было никого и почти ничего.

«На концѣ города находилось его кладбище. Пришедши туда, я не замѣтилъ никакихъ признаковъ опустошительной чумы, мѣсто это ничѣмъ особенно не отличалось отъ другихъ протестантскихъ кладбищъ Америки. Насыпь на нѣкоторыхъ могилахъ была еще свѣжа и только что обложена свѣжимъ дернемъ; нѣкоторые камни и надгробные памятники были только что поставлены, ихъ недавнія числа и черныя надписи сіяли еще невысохшею краскою. По ту сторону погоста я увидѣлъ въ одномъ прелестномъ саду тлѣющій еще остатокъ огня, — это было послѣднее, что здѣсь жило еще. За городомъ поля за полями—съ тяжелыми желтыми колосьями, поникшими до самой земли, стояли несжатыми и прѣли. Никто не торопился пожать богатую жатву. Самыя поля, тянувшіяся въ отдаленіи, насколько могъ проникать глазъ, находились также въ какой-то сонной дремотѣ.

«Въ южномъ предмѣстьи города, дома, крайніе къ полю, своими разрушенными кровлями и повалившимися на землю стѣнами ясно показывали, что они были подвергнуты опустошительной канонадѣ. Проходя далѣе, я увидѣлъ, что внутри и около блестящаго храма, который былъ главнымъ предметомъ моего удивленія, расположились вооруженные люди, окруженные пирамидами ружей и тяжелой артиллеріи. Они окликнули меня, потребовали у меня свѣдѣній о моей личности и укоряли меня за легкомысліе, съ которымъ я отважился безъ пись-

меннаго дозволенія отъ ихъ начальника переплыть рѣку и расхаживать по городу. Хотя всѣ они, какъ я сейчасъ же замѣтилъ, были болѣе или менѣе пьяны, тѣмъ не менѣе они сочли нужнымъ, когда я объявилъ имъ, что я посторонній путешественникъ, позаботиться о томъ, чтобы оставить у меня хорошее мнѣніе о себѣ. Они болѣе или менѣе обстоятельно разсказали мнѣ исторію этого мертваго города; говорили, что онъ былъ не задолго предъ этимъ извѣстнѣйшимъ въ окрестностяхъ рынкомъ для торговли и всякаго рода промысловъ и давалъ убѣжище и средства жизни болѣе чѣмъ 20 тысячамъ человѣкъ,—что они въ теченіи многихъ лѣтъ вели съ его обитателями ожесточенную войну, и наконецъ, дня за два до моего прибытія сюда, въ сраженіи предъ разрушеннымъ предмѣстьемъ остались побѣдителями, при чемъ изгнали жителей мечемъ. Защита, говорили они, была упорная и кончилась только послѣ трехдневнаго бомбардированія. Они сильно превозносили себя за это великое дѣло и преимущественно за несомнѣнную храбрость и мужество, какія они выказали при этомъ, какъ они называли, сраженіи. Но я тутъ же замѣтилъ, что относительно нѣкоторыхъ частныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ слагалась исторія этого сраженія, не всѣ они были одинаковаго мнѣнія. Одинъ изъ подвиговъ, которыми ознаменовано было ихъ геройство, состоялъ напр. въ томъ, что они убили отца съ его 15 лѣтнимъ сыномъ, которые не задолго предъ этимъ по невѣдѣнію зашли въ несчастный городъ, хотя сами они тутъ же признавались, что убитые пользовались репутаціею честныхъ и смирныхъ людей. Затѣмъ они ввели меня во внутренность удивительнаго храма съ его массивными, украшенными скульптурою, стѣнами, въ которомъ, какъ они говорили, изгнанные обитатели города имѣли обыкновеніе совершать мистическіе обряды своего безбожнаго богослуженія. Они старались обратить мое особенное вниманіе преимущественно на тѣ отличительныя принадлежности храма, которыя были прежде преимущественнымъ предметомъ суевѣрнаго почитанія прежнихъ жителей, и которыя они сочли своимъ долгомъ прежде всего обезчестить и обезобразить. Имен-

но они указывали мнѣ на нѣкоторыя части олтаря и на различныя потаенныя комнаты, изъ которыхъ въ одной былъ глубокій колодезь, который, какъ увѣряли меня мои провожатые, предназначался для ужасныхъ цѣлей. Затѣмъ они подвели меня къ громадному и глубокому водоему, вычеканенному изъ мрамора, который поддерживался 12, точно также вычеканенными изъ мрамора, быками въ натуральную величину, и о которомъ они разсказывали мнѣ множество романтическихъ исторій. Они говорили, что одурѣвшіе люди, изъ которыхъ многіе были переселенцами изъ далекихъ странъ, вѣрили, что ихъ божество постоянно присутствуетъ здѣсь и дѣлаетъ дѣйствительнымъ крещеніе за ихъ умершихъ друзей и родственниковъ, гдѣ бы ни жили эти послѣдніе. Здѣсь родители погружались въ воду за своихъ умершихъ дѣтей, дѣти—за своихъ родителей, вдовы за своихъ мужей и молодыя дѣвушки за своихъ любовниковъ. Такимъ образомъ этотъ огромный водоемъ связывался въ представленіи вѣрующихъ со всѣми самыми дорогими воспоминаніями ихъ прошедшаго, вслѣдствіе чего преимущественно предъ всѣми другими частями храма онъ пользовался особенною любовью, уваженіемъ и благоговѣніемъ вѣрующихъ мормоновъ, и почему съ другой стороны онъ такъ былъ осквернен врагами мормоновъ, что невозможне было безъ омерзѣнія присутствовать въ комнатѣ, гдѣ онъ находился.

«Они позволили мнѣ взойти на высокую башню, находившуюся при храмѣ, не задолго предъ этимъ пораженную молніею, и посмотрѣть на пустыя фермы, обильно усѣявшія восточную и западную часть города. Здѣсь вмѣстѣ съ слѣдами Божественнаго гнѣва, оставленными молніею, я увидѣлъ разнаго рода блюда, кружки съ виномъ, разбитые полуштофы, мѣдные барабаны и сигнальные колокольчики пароходовъ, употребленіе которыхъ я со скорбію узналъ впослѣдствіи» [2])...

---

[2]) Эти барабаны и колокольчики употреблялись мормонами, какъ видно изъ дальнѣйшаго описанія Кане, котораго мы не приводимъ, вмѣсто походной музыки, чтобы облегчать трудности пути.

XIV.

Еще болѣе поразительны картины и описанія самаго путешествія или переселенія святыхъ. Не смотря на то, что эти описанія происходили изъ самыхъ различныхъ источниковъ,— что одни изъ нихъ были записаны посторонними свидѣтелями и путешественниками, а другія — со словъ самихъ мормоновъ, совершавшихъ это путешествіе,—не смотря на все это, всѣ они звучатъ однимъ тономъ, написаны въ одномъ духѣ. Вся разница между ними состоитъ только въ томъ, что въ то время, какъ одни описатели останавливали свое вниманіе по преимуществу на частныхъ эпизодахъ и ихъ описывали болѣе подробно, другіе старались дать только общее представленіе о положеніи дѣла, не вдаваясь въ подробности. Таково напр. описаніе этого переселенія у Диксона, и такъ какъ частности, описанныя другими путешественниками, напр. Кане, не имѣютъ важнаго историческаго значенія, то мы слѣдуемъ въ этомъ описаніи Диксону, у котораго дано общее представленіе дѣла, представленіе согласное съ описаніями другихъ путешественниковъ [3]). Диксонъ такъ описываетъ это переселеніе святыхъ. «Видя, что послѣднія смуты сдѣлали положеніе мормоновъ на Миссисипи невозможнымъ, Юнгъ посовѣтовалъ своимъ послѣдователямъ уступить, удалиться изъ міра, въ которомъ они не нашли блаженнаго покоя, и поставить свои скинніи на одной изъ тѣхъ дикихъ равнинъ далекаго запада, гдѣ въ то время блуждали лишь немногія племена краснокожихъ индійцевъ, утахи, поніи, шошоны; онъ совѣтовалъ водвориться въ такъ-называемой американской пустынѣ, которую считали тогда никому не принадлежащею. Это былъ смѣ-

[3]) Вообще, что касается переселенія святыхъ въ долину Соленаго озера и затѣмъ дальнѣйшей ихъ судьбы и настоящаго положенія, то мы совѣтуемъ читателю для болѣе яснаго и обстоятельнаго знакомства обратиться къ русскому переводу Диксона. Новая Америка, стр. 118 и дал.

лый планъ. Далеко за западными луговыми степями, далеко за скалистыми горами лежала громадная пустыня, каменистая, соленая, — на присвоеніе которой не посягала еще ни одна жадная рука бѣлыхъ. Какой-то папа въ средніе вѣка пожаловалъ эту пустыню испанской коронѣ, отъ которой она перешла на бумагѣ къ мексиканской республикѣ; но ни испанцы, ни мексиканцы никогда не проникали такъ далеко на сѣверъ и не владѣли землею фактически. Посреди этой пустыни лежитъ мертвое озеро, четвертая часть его водъ состояла изъ окрѣплой соли. Вода въ ручьяхъ и потокахъ изливающихся изъ него гнилая; вода въ окружающихъ источникахъ горька, а берега его на много миль покрыты бѣлою соляною корой. Воды Соленаго озера—стоячія, зловонныя, грязныя, такъ что живому человѣку на берегахъ его невозможно дышать. Въ довершеніе всѣхъ этихъ отталкивающихъ условій мѣстности,— эта пустыня соли, камней и гнилой воды была закрыта отъ всего міра—на востокѣ скалистыми горами, а на западѣ Сіеррой Невадой—кряжами не ниже Монблана, вѣчно покрытыми снѣгомъ и льдомъ. Краснокожіе, странствовавшіе по этой землѣ, искавшіе для своего пропитанія насѣкомыхъ и кореньевъ, скрытыхъ въ землѣ, — принадлежали, какъ всѣмъ было извѣстно, къ самымъ дикимъ и низкимъ племенамъ самой низкой и дикой расы. Стадо бизоновъ, стая чаекъ, туча саранчи составляли единственное и то перелетное населеніе этой пустыни. Весною, когда тщедушная зелень силится покрыть землю, жадная саранча опускается на землю и безжалостно съѣдаетъ каждый зеленый листикъ, каждую зеленую почку. Охотники, бросавшіе взглядъ на Соленое озеро съ горныхъ пиковъ и проходовъ Вазатчскихъ горъ, представляли самую мрачную картину этой мѣстности, лишенной жизни, безъ зелени, безъ ручьевъ, безъ источниковъ. Не находя ни деревьевъ, ни свѣжей воды, траперы рѣшили, что эта великая американская пустыня негодна для житья, невозможна для пропитанія цивилизованнаго человѣка. Юнгъ думалъ иначе: онъ зналъ, что гдѣ святые ни втыкали въ землю свою лопату,—въ Кри-

тландѣ, въ Индепенденсѣ, въ Науво,—вездѣ небо благословляло ихъ богатою жатвою; новый пророкъ мормоновъ твердо вѣрилъ, что та же сильная рука, тѣ же могучіе мускулы извлекутъ богатую жатву изъ пустынной, обнаженной почвы долины Соленаго озера. Юнгъ объявилъ походъ на западъ; въ каждомъ семействѣ въ Науво стали приготовляться къ странствованію; этимъ приготовленіямъ нѣтъ ничего равнаго въ исторіи—съ тѣхъ поръ, какъ Моисей вывелъ народъ Израильскій изъ Египта. Святые цѣликомъ покинули свои дома, оставили свои поля, свои сады, свои хорошіе домики съ книгами, коврами, фортепьянами и всѣмъ, что въ нихъ было; взяли наскоро лишь немного пищи, немного сѣмянъ и кореньевъ и съ дюжину боченковъ водки. Они запрягли своихъ воловъ и муловъ въ простые сельскіе фургоны, а которые были слишкомъ бѣдны, чтобы купить воловъ и фургоновъ, устроили себѣ ручныя телѣжки и тачки. Преслѣдуемые своими врагами, святые вышли изъ Науво, пока еще свирѣпствовала зима, перешли Миссиссипи по льду и начали свое странствованіе по странѣ, гдѣ на протяженіи тысячи пятисотъ миль не было ни дорогъ, ни мостовъ, ни селеній, ни гостинницъ. ни колодцевъ, ни полей, ни пастбищъ. Путь ихъ лежалъ черезъ луговую степь, населенную только поніями и шошонами, волками и медвѣдями, его перерѣзывали быстрые потоки и длинныя гряды горныхъ кряжей, а конечная цѣль, къ которой они стремились, спасительная гавань, которой они могли достичь послѣ столькихъ трудовъ и опасностей,—были пустынные берега мертваго моря, безплодная долина, орошаемая соленою влагой, пастбище, покрытое соляною корой.

«Разсказъ объ этомъ странствіи святыхъ, какъ мы его слышали изъ устъ Юнга, Вельса, Тэйлора и др. стариковъ, совершившихъ его, возмутитъ и потрясетъ сердце каждаго благороднаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудитъ въ немъ какой-то восторженный энтузіазмъ. Когда мормоны были насильно выгнаны изъ подъ крова, ими самими выстроеннаго, съ поля, ими самими обработаннаго, — дни были коротки и

снѣгъ лежалъ на землѣ. Они должны были оставить своимъ вооруженнымъ, грознымъ врагамъ все, что у нихъ было: свои дома, храмъ только что отстроенный, могилы своихъ милыхъ; они взяли съ собою только немного пищи, немного сѣмянъ и картофеля для будущаго посѣва. Дѣти ихъ отмораживали себѣ руки и ноги, старые и молодые страдали отъ голода и жажды. Громадныя равнины песку, въ которыя по ступицы погружались колеса фургоновъ, отдѣляли одинъ скудный ручей отъ другаго. Посреди этой пустыни не было ни одного колодца. Часто миражи издѣвались надъ несчастными, подавая имъ ложную надежду, и даже когда они останавливались у ручьевъ и потоковъ, вода часто бывала горька на вкусъ и вредна для здоровья. Дни были коротки, погода стояла холодная и отсутствіе всякаго убѣжища отъ мороза, кромѣ парусинной крышки фургона, причиняло въ долгія зимнія ночи невообразимыя страданія. Лошади падали отъ изнеможенія и болѣзней, между коровами и овцами также открылись недуги. Множество старыхъ, бѣдныхъ и больныхъ людей приходилось оставлять позади подъ прикрытіемъ сильныхъ молодцовъ, въ помощи которыхъ такъ нуждался караванъ. Эта потеря не составляла еще всѣхъ несчастій, обрушившихся на эмигрантовъ въ началѣ ихъ похода. Въ ту самую минуту, когда каждая рука была для нихъ такъ дорога, вспыхнула мексиканская война, и правительство, которое никогда не было достаточно сильно, чтобы защитить мормоновъ отъ оскорбленій и обидъ, теперь обратилось къ нимъ же съ просьбою о помощи людьми и оружіемъ. Юнгъ отвѣчалъ на призывъ своей родины, какъ истинный патріотъ; пятьсотъ юношей, цвѣтъ отряда эмигрантовъ, получивъ благословеніе пророка, вступили въ ряды американской арміи. Ослабленные удаленіемъ этой живой силы, мормоны переправились черезъ Миссури на плотахъ собственнаго издѣлія и вступили въ великую пустыню. Теперь началась самая трудная часть ихъ странствованія; они шли впередъ, сами пролагая себѣ дорогу, строя легкіе мосты, собирая траву и растенія для собственной пищи, сѣя рожь

для тѣхъ, которые должны были пройти этимъ путемъ позже, строя временные навѣсы для ночлега своимъ дѣтямъ, вырывая въ землѣ ямы, чтобы укрыться отъ зимнихъ снѣговъ. Пища у нихъ была скудная, вода дурная, а мясо лося, антилопы или буйвола, единственное мясо, которое они могли найти въ пустынѣ, отравляло ихъ кровь. Почти всѣ боченки съ водкой, которые они взяли изъ Науво для исправленія дурной воды, были захвачены на дорогѣ правительственными агентами подъ предлогомъ, что ихъ везутъ къ краснокожимъ, тогда какъ запрещено было продавать имъ горячительные напитки. Четыре только боченка были спасены и то самимъ Бригамомъ Юнгомъ. Одинъ изъ старѣйшинъ, который видѣлъ это происшествіе собственными глазами и потомъ разсказывалъ мнѣ, говорилъ, что это единственный разъ, когда онъ видѣлъ пророка въ гнѣвѣ. Четыре послѣдніе боченка перевозились на плоту, когда одинъ изъ правительственныхъ чиновниковъ схватилъ уже молотокъ, чтобы выбить дно и разбить такимъ образомъ драгоцѣнную жидкость, необходимую для спасенія столькихъ людей. Увидѣвъ это, Бригамъ схватилъ пистолетъ, прицѣлился прямо въ лицо чиновнику и воскликнулъ: «стой! если ты только прикоснешься къ боченкамъ, ты мертвый, клянусь Богомъ!» Чиновникъ поспѣшно соскочилъ съ плота на берегъ и больше не безпокоилъ эмигрантовъ... Нѣкоторые изъ святыхъ въ виду такихъ ужасныхъ трудностей и лишеній стали отставать по дорогѣ; еще большее количество умирало преждевременною смертію. Каждый день кого-либо хоронили въ пустынной могилѣ, каждую ночь раздавались рыданія надъ новымъ покойникомъ. Смертность всегда велика въ обозахъ эмигрантовъ, даже теперь, когда проложены дороги и на всѣхъ станціяхъ вы находите по крайней мѣрѣ растительную пищу: десятый процентъ—средняя величина смертности въ обозахъ эмигрантовъ. Но никакіе эмигранты не понесли такой громадной смертности, какъ первые. Непрерывный рядъ могилъ тянулся на всемъ протяженіи ихъ пути. Однако при всемъ этомъ храбрый, стойкій отрядъ

святыхъ мужественно шелъ впередъ. Когда имъ становилось особенно тяжело и грустно, они начинали пѣть пѣсни Сіона и псалмы и этимъ разсѣивали свое горе; въ тоже время ежедневная газета, издававшаяся во время похода, разносила по всему лагерю утѣшеніе и надежду на лучшую судьбу въ будущемъ. Пройдя пустынныя равнины, извѣстныя впослѣдствіи образованному міру подъ названіемъ Небраски и Дакоты, они достигли подошвы первой гряды тѣхъ высокихъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ горъ, которыя обыкновенно называются общимъ именемъ Скалистыхъ; чрезъ эти высокія стѣны не было еще въ то время ни одной тропинки и горные проходы были занесены снѣгами. Безъ слезъ старики не могутъ разсказывать теперь, какъ они взбирались по этимъ горамъ, таща за собою фургоны, отыскивая себѣ пищу, безъ всякой помощи, безъ проводниковъ. Сильные и молодые шли впередъ пробивая тропинку для стариковъ и женщинъ, отгоняя медвѣдей и волковъ, убивая змѣй и охотясь за лосемъ и дикимъ олепемъ. Наконецъ, когда они достигли вершины горнаго прохода, ихъ глазамъ представились безконечныя, безплодныя, каменистыя равнины, съ пересохшими ложбинами потоковъ, съ обнаженными холмами, съ узкими оврагами, крутыми пропастями и ручьями горькой воды. День за днемъ, недѣля за недѣлей шли они по этимъ холоднымъ сіеррамъ, по этимъ угрюмымъ долинамъ. Пища оскудѣвала, дикія животныя встрѣчались рѣже, утахи и сенеки выказывали вражду, и въ концѣ ихъ путешествія, если они когда-либо достигнутъ этого конца, ихъ ожидала такая же обнаженная, соленая пустыня. И все же они не отчаявались, смотря на враждебный видъ этой страны. Они и не ожидали цвѣтущаго рая; рѣшившись поселиться въ этой новой странѣ, они знали, что въ ней никто не жилъ, потому что ее считали вполнѣ негодною; они ожидали найти тутъ только миръ и свободу, найти мѣсто, гдѣ они могли попытать счастія съ глазу на глазъ съ природою и куда могли потомъ созывать всѣхъ своихъ братій святыхъ, какъ въ общее

отечество. Спускаясь съ высокихъ горъ, Юнгъ, начальникъ и душа всего общества, имѣлъ во снѣ видѣніе, въ которомъ пророкъ Іосифъ Шмидтъ явился ему на возвышенной скалѣ и указалъ мѣсто, гдѣ построить новый храмъ Господу. Спустившись съ горъ, новый пророкъ съ небольшимъ отрядомъ вѣрующихъ тотчасъ же началъ искать указанное мѣсто и спустя нѣсколько дней, къ удивленію и радости всѣхъ, нашелъ, что изъ подножія этой скалы вытекалъ ручей свѣжей воды. Это было 21 іюля 1847 г.; 24 сюда прибылъ и главный отрядъ святыхъ и въ тотъ же день пророкъ благословилъ мѣсто, на которомъ долженъ былъ возникнуть «третій новый Іерусалимъ въ пустынѣ.» Этотъ день сдѣлался впослѣдствіи свѣтлымъ праздникомъ секты и одинъ изъ апостоловъ въ третью годовщину этого дня объяснялъ даже, что это «самый великій день въ исторіи человѣчества, исключая дня творенія Адама и рожденія Іисуса Христа.» Затѣмъ мормоны изслѣдовали ручьи и овраги до ихъ начала въ горахъ и черезъ нѣсколько дней отыскали, къ своему удивленію и радости, не только источники свѣжей воды, но и тѣнистыя рощи и зеленые луга. Послѣдніе находились впрочемъ на значительномъ отдаленіи отъ новаго мѣста жительства святыхъ, и потому особенно рощи не могли дать мормонамъ не только пригоднаго матеріала для построекъ, но и достаточнаго отопленія. Эти рощи росли по большей части по склонамъ горъ и не представляли хорошаго строеваго лѣса; что же касается луговъ, то они вскорѣ превратились въ хорошія пастбища для скота, о разведеніи котораго всѣми силами хлопотали мормоны. Трудъ всегда считался у мормоновъ святѣйшею жертвою Богу и потому теперь каждый съ удвоенною энергіею принялся за свое дѣло. Самую страну мормоны назвали Дезеретомъ, что значитъ: «страна пчелы,»—это означало не то, чтобы здѣсь было много пчелъ, ихъ вовсе почти нѣтъ тамъ, а то, что эта страна предназначается для трудолюбивыхъ святыхъ, что она общее отечество и обѣтованная земля для трудолюбивыхъ мормоновъ. Это была никому невѣдомая, никому не принадлежащая пус-

тыня, и мормоны надѣялись образовать въ ней независимый штатъ. Вскорѣ пустынная долина начала измѣнять свой видъ подъ ихъ искусными руками; горные ручьи отведены по новому направленію, поля обработаны и засѣяны, дома стали быстро выростать изъ земли, стада овецъ и коровъ паслись на горныхъ скатахъ; соленыя копи и пильныя мельницы были устроены и пущены въ ходъ, необходимыя дороги были проложены и укатаны. Эти успѣхи стоили, конечно, мормонамъ усиленнаго труда и времени, тѣмъ болѣе, что въ теченіе первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ они должны были вести брань съ саранчею и смерчками—этими «казнями древняго Ханаана,» а также съ племенами дикихъ индійцевъ, блуждавшими въ этой странѣ. Едва только святые успѣли оглядѣться на новомъ мѣстѣ и засѣять небольшія поля ржи, какъ появились цѣлыя тучи саранчи и грозили истребить въ конецъ ихъ посѣвъ. Святые могли умереть съ голоду. Въ отчаяніи они обратились съ молитвою къ Богу и видятъ, что съ высоты горъ появились цѣлыя стаи неизвѣстныхъ имъ птицъ, которыя въ конецъ истребили насѣкомыхъ. Это событіе признано было чудомъ; впрочемъ впослѣдствіи оно повторялось ежегодно, хотя не такъ уже страшно было святымъ, научившимся истреблять вредныхъ насѣкомыхъ и безъ помощи птицъ. Это нашествіе саранчи не обошлось однакоже даромъ святымъ; въ теченіи полугода они должны были довольствоваться 12 унціями хлѣба въ сутки на человѣка. Другими врагами были у святыхъ, какъ мы замѣтили, дикія племена индійцевъ не рѣдко угонявшія у нихъ скотъ и вообще враждебно относившіяся къ переселенцамъ. Любезнымъ обращеніемъ и подарками святые расположили къ себѣ этихъ краснокожихъ, бывшихъ до того времени страшилищемъ всѣхъ разбойниковъ и охотниковъ дальняго запада; чрезъ нѣсколько времени изъ враговъ они превратились въ друзей бѣлаго человѣка. Прошелъ годъ,—и мормоны не погибли; напротивъ они стали распространяться и благоденствовать; какъ изъ земли выросталъ новый Іерусалимъ, заложенъ былъ храмъ, начала издаваться газета.

XV.

Между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ мало интересовались участію бѣглецовъ. Непосредственно послѣ изгнанія мормоновъ нѣкоторыя газеты передавали еще о мормонахъ нѣкоторые слухи, хотя по большей части до того извращенные, что они были похожи скорѣе на неудачную баснь, чѣмъ на дѣйствительную исторію. По одному изъ этихъ извѣстій напр., мормоны, облекшись въ буйволовыя кожи, по подобію Іоанна Крестителя, ходили между индійцами, проповѣдуя имъ крещеніе и близость царствія Божія. Другое передавало, что индійскіе воины на сѣверѣ отъ владѣній Сіуксовъ получили отъ одного изъ мормонскихъ старѣйшинъ аммуницію и колесницы; старѣйшина этотъ представлялся, какъ человѣкъ съ длинною сѣдою растрепанною бородою, и, по его собственнымъ словамъ, объяснялся съ индійцами потому, что пріобрѣлъ даръ языковъ. Третье извѣстіе, передававшееся офиціально, или по крайней мѣрѣ со словъ офиціальнаго агента между индійцами, говорило, что мормоны облекли индійцевъ въ голубыя военныя формы — войскъ ея британскаго величества, и снабдили ихъ двѣнадцатью металлическими пушками, которыя самъ лично пересчиталъ разсказчикъ, когда мормоны перевозили ихъ на плотахъ чрезъ восточный рукавъ великой рѣки, одного изъ сѣверныхъ притоковъ Миссури. Въ опредѣленіи мѣстности, гдѣ происходило событіе, разсказчикъ уклонялся отъ мѣста дѣйствительнаго пребыванія мормоновъ на двѣ сотни миль. Но съ теченіемъ времени и подобныя басни не появлялись болѣе, и о мормонахъ въ теченіи двухъ лѣтъ никто не зналъ ровно ничего. Уже весною 1848 года, оглядѣвшись на новомъ мѣстѣ, верховный совѣтъ мормонской церкви написалъ окружное посланіе ко всѣмъ святымъ. Посланіе это очень длинно и весьма важно для характеристики мормонскаго священства. Оно даетъ подробныя и практическія наставленія святымъ всѣхъ странъ, наставленія не столько нравственнаго, сколько

житейскаго характера, и имѣетъ главною своею цѣлію призваніе святыхъ въ ихъ новое отечество — новый Іерусалимъ. Послѣ краткаго обозрѣнія главныхъ причинъ, заставившихъ святыхъ удалиться изъ Науво и искать себѣ новаго отечества, верховный совѣтъ приглашаетъ вѣрующихъ спѣшить въ новое отечество; при чемъ отдѣльно для каждаго общества самымъ подробнымъ образомъ указываетъ лучшее время для путешествія, описываетъ самый путь, по которому имъ всего лучше идти, даетъ совѣты и наставленія, чѣмъ запастись имъ на дорогу, гдѣ останавливаться, гдѣ и чѣмъ бѣдные святые скорѣе всего могутъ заработать себѣ денегъ и пріобрѣсти все нужное къ пути, какія занятія ожидаютъ ихъ въ будущемъ и чѣмъ должны запастись они для успѣшнаго веденія своихъ дѣлъ. Святымъ, разсѣявшимся послѣ изгнанія изъ Науво по восточнымъ и западнымъ штатамъ, рекомендуется съ наступленіемъ слѣдующей весны, когда земля начнетъ покрываться зеленью, закупать и вымѣнивать, какъ можно больше, всякаго рода молодаго скота и гнать его въ Соленоозерную долину, гдѣ есть достаточное количество пастбищъ и большой запросъ на скотъ. Святыхъ, живущихъ въ странахъ, граничащихъ съ Антлантическимъ океаномъ, верховный совѣтъ проситъ «принести съ собою все, что можно; отборныя сѣмена всѣхъ родовъ, травы, плоды, растенія, деревья и виноградъ;—все, что нравится глазу, пріятно сердцу, веселитъ душу и произрастаетъ на землѣ; хорошія породы животныхъ и птицъ, лучшіе инструменты всякаго рода и машины токарныя, прядильныя, для приготовленія хлопчатой бумаги, шерсти, льна и шелку; если же самыхъ машинъ и инструментовъ нельзя достать и трудно перевезти, то запастись по крайней мѣрѣ хорошими описаніями и моделями ихъ, по которымъ бы впослѣдствіи можно было воспроизвести ихъ,—и это послѣднее особенно нужно по отношенію ко всѣмъ машинамъ, необходимымъ для успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства, къ разнаго рода крупорушкамъ, молотильнымъ и вѣяльнымъ машинамъ, къ разнаго рода мельницамъ и вообще ко всему, что требуется для удоб-

ства, здоровья, счастія и успѣха въ жизни.» Далѣе посланіе напоминаетъ вѣрующимъ, что ихъ путь лежитъ чрезъ пустыню и что въ виду могущихъ встрѣтиться опасностей имъ необходимо запастись достаточнымъ количествомъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Затѣмъ слѣдуютъ въ томъ же духѣ наставленія святымъ въ Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Валлисѣ и въ сосѣднихъ островахъ и земляхъ, святымъ въ Астраліи, Китаѣ и Остъ-Индіи. Святымъ, живущимъ на островахъ Тихаго океана и въ Калифорніи, предоставляется полная свобода оставаться на своемъ мѣстѣ жительства, впрочемъ «верховный совѣтъ» будетъ весьма радъ, если увидитъ кого-либо изъ нихъ въ новомъ Іерусалимѣ. Къ концу посланіе принимаетъ характеръ болѣе нравоучительный и представляетъ болѣе интереса. «Всѣ родители, пишетъ верховный совѣтъ, обязаны направлять дѣтей своихъ на путь правый, по возможности скорѣе научать ихъ всѣмъ необходимымъ въ жизни знаніямъ и особенно подавать имъ примѣръ своею собственною жизнію, потому что родители отвѣтственны предъ Господомъ за поведеніе дѣтей своихъ, пока послѣдніе не пришли еще въ совершенный возрастъ, и дадутъ отчетъ за всѣ дурные поступки ихъ, проистекающіе изъ дурнаго воспитанія и привычекъ. Матери должны обучать своихъ малютокъ молитвамъ, какъ скоро тѣ будутъ въ состояніи говорить. Предсѣдательствующіе старѣйшины должны обращать на это преимущественное вниманіе, должны побуждать родителей къ исполненію ихъ обязанностей, а учители и діаконы должны наблюдать, дѣйствительно ли и такъ ли, какъ должно, исполняютъ они ихъ. Весьма желательно также, чтобы святые (родители) пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ запастись по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ каждаго порядочнаго изданія о воспитаніи, и также каждой вообще книги, карты или геометрическихъ чертежей и вообще всего, что содержитъ въ себѣ что-либо интересное, живое и полезное, что можетъ привлечь на себя особенное вниманіе дитяти и возбудить въ немъ любовь и охоту къ изученію и чтенію; тоже самое—и *относя-*

тельно всякаго полезнаго сочиненія по исторіи, математикѣ, философіи, географіи, геологіи, астрономіи. Когда эти книги исполнятъ свое назначеніе, святые пусть передаютъ ихъ въ церковныя библіотеки,—отсюда впослѣдствіи могутъ образоваться хорошія пособія для составленія достопочтенныхъ литературныхъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ знанія на пользу молодаго поколѣнія.»

«Мы имѣемъ типографію, и всякій, кто принесетъ съ собою хорошей печатной или писчей бумаги, сдѣлаетъ тѣмъ пріятное для церкви. Мы нуждаемся также въ разнаго рода математическихъ и естествознательныхъ инструментахъ, равно какъ примемъ съ величайшею благодарностію рѣдкіе экземпляры предметовъ природы и произведеній искусства, которые бы могли быть съ пользою изучаемы молодымъ поколѣніемъ, и если святые обратятъ на это должное вниманіе, то мы скоро будемъ имѣть у себя лучшій, полезнѣйшій и привлекательнѣйшій на землѣ музей. Если можно, то каждый старѣйшина пусть ведетъ особый дневникъ, гдѣ записываетъ всѣ особенно выдающіеся факты изъ жизни церкви и міра,—это послужитъ впослѣдствіи богатымъ матеріаломъ для историковъ церкви. Точно также и каждое товарищество эмигрантовъ пусть имѣетъ у себя нѣсколькихъ или хоть одного писца или архиваріуса, который бы имѣлъ у себя и потомъ представилъ церкви подробный списокъ всѣхъ сотоварищей, число колесницъ, походнаго скота и всякой живности въ своемъ лагерѣ.»

«Послѣ убіенія Іосифа Шмидта, нашего президента, между нами, какъ извѣстно, возставали многіе лжепророки и ложные учители и пытались обольстить многихъ. Мы оставили ихъ свободно идти своимъ путемъ, пока одни изъ нихъ умерли естественною смертію, а другіе самоубійствомъ; сами же мы всегда пребывали съ вѣрующими и искали новаго мѣста жительства. Теперь, когда обстоятельства церкви поправились, мы желаемъ снова возстановить церковь въ ея первоначальномъ видѣ съ президентомъ, патріархомъ и старѣйшинами, и потому для «двѣнадцати» скоро наступитъ время снова идти

въ отдаленныя страны ко всѣмъ націямъ, чтобы проповѣдывать Евангеліе и собирать воедино изъ всѣхъ четырехъ концевъ земли людей чистаго сердца.... Мы желаемъ, чтобы путешествующіе во всемъ мірѣ старѣйшины твердо помнили откровенія книги «Doctrines and Covenants:» не говорить этому роду ничего болѣе, какъ только: «покайтеся!» И если васъ послушаютъ люди и будутъ готовы къ покаянію, то ведите ихъ къ водѣ и крестите,—возложите на нихъ руки, чтобы они получили дары Св. Духа, утвердите ихъ въ «церкви Іисуса Христа святыхъ послѣднихъ дней,» утѣшьте ихъ сердца благими обѣтованіями, научите ихъ основнымъ правиламъ честности и откровенности, предложите имъ хлѣбъ и вино въ воспоминаніе смерти Іисуса Христа; и если они пожелаютъ дальнѣйшаго наставленія, то скажите имъ: идите въ Сіонъ. Тамъ служители Бога всегда готовы послужить вамъ и научить всему, что относится къ благочестію. Все же, что есть въ вашемъ ученіи больше этого, то отъ непріязни, потому что больше этого не требуется отъ васъ и можетъ ввести васъ въ сѣти и искушенія, приводящія къ осужденію. И если кто-либо спроситъ васъ, гдѣ Сіонъ, отвѣчайте ему: «въ Америкѣ,» и если кто спроситъ, что такое Сіонъ,—скажите ему: «Сіонъ — это всѣ чистые сердцемъ.»

«Богатые святые обязаны по мѣрѣ силъ своихъ помогать бѣднымъ, безмездно или заимообразно снабжать ихъ средствами къ переселенію въ новый Іерусалимъ. Для тѣхъ же бѣдныхъ святыхъ, которые не могутъ почему-либо переселиться, богатые должны устроять разнаго рода фабрики и машины, которыя могли бы дать занятіе бѣднымъ и вообще завести такія учрежденія, которыя необходимы для удобства, здоровья и благосостоянія бѣднаго народа. И всякій, кто хочетъ жить смиреннымъ предъ Богомъ, исполнять Его заповѣди и получить вѣчную награду на небѣ, не долженъ ни на минуту сомнѣваться въ томъ,—прямая ли это его обязанность и долженъ ли онъ исполнять ее прежде всего другаго, относящагося къ благочестію.»

«Всѣ святые, если они любятъ Бога болѣе самихъ себя, а таковы и есть всѣ святые, — при первой же возможности, безъ замедленія должны идти на предназначенное мѣсто и свое золото, серебро, мѣдь, цинкъ, жесть, латунь, желѣзо, мечи, слоновую кость, драгоцѣнные камни, свои достопримѣчательности по части естествознанія, рѣдкія произведенія искусства и природы и все, что у нихъ есть, или что они могутъ достать, — должны все это принести съ собою, чтобы имѣть возможность успѣшно строить, украшать, просвѣтлять и наполнять благовоніемъ домъ Господа. Пусть принесутъ съ собою, кто имѣетъ возможность, лучшіе инструменты и принадлежности музыки и мелодіи, замѣчательные гимны, ладанъ и сладкія благовонія, лучшія краски и дорогіе драгоцѣнные камни и минералы, а также разнаго рода красивыя металлическія издѣлія, или вдохновеніе, мудрость, знаніе и разумъ, отпечатлѣнныя на буковомъ, сосновомъ или какомъ-либо другомъ деревѣ, и вообще все то, что способно, или можетъ быть способно къ возвышенію, славѣ, чести и благополучію всѣхъ теперь и въ будущемъ.»

«Итакъ, святые, придите и живите предъ Богомъ, и вашъ трудъ будетъ принятъ съ великою благодарностію, и великолѣпіе всей земли будетъ принадлежать вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто любитъ Бога и свято содержитъ Его заповѣди, — иначе библія и всѣ древніе пророки, которые пророчествовали изъ рода въ родъ и которымъ вѣритъ теперешній родъ, будутъ лживы. Потому что теперь для святыхъ настало время идти на гору дома Божія, поднять и возвысить ее на вершину горъ, — и тамъ будетъ имя Бога и величіе славы Господней, и святые возвысятся и будутъ блаженствовать въ ея объятіяхъ и скроются въ ущеліяхъ ея, когда гнѣвъ Іеговы придетъ на землю опустошить ее и уничтожить всѣ націи за ихъ безбожіе и очистить землю отъ пятенъ и крови.»

«Мы живемъ въ мирѣ со всѣми націями, со всѣми царствами, со всѣми властями, правительствами, начальствами во всемъ мірѣ, исключая царства и силы тьмы, и наши объятія

всегда распростерты во всѣ четыре страны свѣта, чтобы уготовать спасеніе каждой честной душѣ. Потому что мы посланы распространить Евангеліе Іисуса Христа отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концовъ вселенной и благословеніе Божіе покоится на насъ, и если откажется всякая другая рука помочь намъ, сила Всевышняго заступится за насъ, потому что мы ничего не ищемъ, кромѣ справедливаго, ни къ чему не стремимся, кромѣ богоугоднаго, и мы твердо вѣримъ слову Господа, что наша крѣпость не оскудѣетъ и наша сила останется съ нами во всѣ дни до скончанія вѣковъ. И мы приглашаемъ всѣхъ президентовъ, императоровъ, королей и князей, всѣхъ губернаторовъ и судей, всѣхъ дворянъ и владѣтелей, всѣ націи, племена и языки — придти и помочь намъ воздвигнуть домъ Богу Іаковлю и уготовать жилище мира, градъ спокойствія, обитель скорбящихъ и удрученныхъ всѣхъ странъ,—отечество всѣхъ, любящихъ своего ближняго, какъ самого себя. И мы будемъ подавать руку помощи каждому несчастному, облегчать горе страждущихъ, утирать слезы плачущихъ, и во всей чистотѣ содержать добрые и спасительные законы для защиты добродѣтели и кары порока.»

«Царство, которое мы основываемъ, не отъ міра сего,—это царство великаго Бога. Оно есть плодъ справедливости,—искупленіе и спасеніе для каждой души, которая приметъ его, отъ Адама до его самыхъ послѣднихъ потомковъ. Мы желаемъ добра всѣмъ людямъ, мы заботимся, чтобы они были блаженными какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни, и насколько Богъ дастъ силъ намъ на это дѣло и позволятъ люди, мы желали бы сдѣлать счастливыми всѣхъ; мы не хотимъ быть несправедливыми къ кому бы то ни было,—если же люди упорно идутъ противъ силы Всевышняго, чтобы разрушить наше дѣло, то пусть помнятъ они, что рано или поздно ихъ постигнетъ гнѣвъ и кара Божія.»

«Итакъ придите вы святые, придите вы достопочтенные люди земли, придите вы мудрые, ученые, богатые, знатные, придите изъ всѣхъ націй, племенъ, царствъ, языковъ, наро-

довъ, нарѣчій всей земли, вступите подъ знамя Еммануила и помогите намъ устроить царство Божіе, утвердить основы истины, жизни и спасенія,—и вы получите мзду вмѣстѣ со всѣми святыми, когда придетъ Господь Іисусъ Христосъ, чтобы раздѣлить избраннымъ всѣ драгоцѣнности земли, и всѣ силы земли и ада не одолѣютъ насъ.»

«Божіе царство состоитъ изъ исправленныхъ законовъ и оно подразумѣваетъ всѣ вѣрованія; здѣсь почерпнетъ свое пресвитеріанинъ, методистъ, баптистъ, послѣдній святой или мормонъ, камбелистъ, католикъ, епископалистъ, магометанинъ и самъ даже язычникъ. Лишь бы преклонилъ онъ свои колѣна и призналъ бы Іисуса Христа, поддерживалъ бы добрые и полезные законы,—и мы примемъ его, какъ брата. Ибо религія есть дѣло каждаго съ однимъ Богомъ. Кто же не признаетъ Іисуса Христа, осуждаетъ Бога, предается разврату, пьянству и нечестію, лжетъ, кощунствуетъ, божится и склоненъ къ другимъ дурнымъ поступкамъ, тотъ не можетъ быть терпимъ между нами, потому что мы хотимъ образовать народъ, который живетъ по правдѣ, каждому оказываетъ справедливость, помнитъ Бога во всѣхъ путяхъ своихъ, и который содержитъ всѣ свящ. законы и учрежденія, которые изложены въ книгахъ библіи, въ которыя мы твердо вѣруемъ и которыя возвѣщаемъ даже до послѣднихъ земли. Мы не имѣемъ притязаній на особыя преимущества и не пользуемся никакими преимуществами, но желаемъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ поставилъ насъ Богъ, мы составляемъ одно съ нашими братьями, а наши братья суть тѣ, кто исполняетъ заповѣди Божіи и послушенъ волѣ Отца нашего небеснаго,—и при нихъ мы желаемъ находиться и съ ними жить теперь и въ вѣчности.—Итакъ придите вы святые послѣднихъ дней и всѣ, великіе и малые, мудрые и глупые, богатые и бѣдные, высокопоставленные и угнетенные, властители земли и подданные, вы—любящіе добродѣтель и ненавидящіе порокъ—придите и помогите намъ выполнить это дѣло, котораго требуетъ отъ насъ Господь, и какъ слава новаго дома превосход-

нѣе славы прежняго, такъ ваша награда будетъ сторицею и вашъ покой—славнѣе и превосходнѣе. Миръ и благодать Божія пусть будутъ со всѣми людьми.»

Вслѣдствіе этого посланія народонаселеніе долины Соленаго озера начало быстро увеличиваться; цѣлые караваны переселенцевъ со всѣхъ сторонъ свѣта тянулись къ новому Іерусалиму. Былъ основанъ особый банкъ, съ цѣлію снабжать деньгами и облегчать трудности пути для новыхъ переселенцевъ. Всѣ вѣрующіе принимали въ этомъ дѣлѣ горячее участіе, и мѣры для улучшенія переѣзда по пустынѣ были такъ хорошо организованы, что переѣздъ изъ Ливерпуля къ новому Іерусалиму обходился отъ 500 до 250 долларовъ. Переселенія были до того часты и значительны, что народонаселеніе долины Соленаго озера увеличивалось съ необычайною скоростію.

Между тѣмъ злая судьба мормоновъ, преслѣдовавшая ихъ вездѣ, куда только они ни появлялись, шла и теперь по пятамъ за ними. Едва только такою тяжелою жертвою они успѣли освободиться отъ гоненій и преслѣдованій и остаться, какъ они думали и надѣялись, съ глазу на глазъ съ природою, какъ вскорѣ узнали, что по миру 2 февр. 1848 года земля, на которой они поселились, перешла отъ Мексики во власть Соед. Штатовъ, и они такимъ образомъ снова подпали подъ власть союза. По конституціи, установленной Іосифомъ Шмидтомъ, Юнгъ стоялъ теперь во главѣ народнаго управленія съ двумя совѣтниками. Хотя, по тому же закону, главныя должности и зависѣли отъ народнаго выбора, тѣмъ не менѣе Юнгъ заправлялъ всѣмъ и заправлялъ почти неограниченно. Не желая входить въ новыя непріятныя столкновенія съ правительствомъ штатовъ, Юнгъ, поустроившись внутри общины, послалъ рапортъ президенту Соед. Штатовъ, въ которомъ, извѣщая правительство о своемъ новомъ переселеніи, просилъ позволенія организовать особый штатъ на правахъ всѣхъ другихъ штатовъ. Въ то же время онъ подробно описывалъ какъ долину Соленаго озера, такъ и окрестныя мѣстности, указы-

валъ на различныя мѣры, необходимыя для водворенія благоденствія въ краѣ, прилагалъ планы дорогъ, каналовъ и проекты другихъ учрежденій. Правительство нашло возможнымъ организовать изъ новыхъ земель только территорію «Утаха.» Жителямъ новой территоріи предоставлялось право избирать собственныхъ чиновниковъ и губернатора, съ утвержденіемъ отъ президента Соед. Штатовъ; отъ правительства назначались только три чиновника для наблюденія за исполненіемъ общихъ конституціонныхъ законовъ республики. Губернаторомъ назначенъ былъ Бригамъ Юнгъ, который такимъ образомъ соединялъ въ себѣ духовную и свѣтскую власть. Народное уваженіе и личныя достоинства еще болѣе увеличивали ту власть, которою онъ пользовался офиціально. «Рѣдко, говоритъ Реми, человѣкъ былъ такъ любимъ, уважаемъ и окруженъ такимъ безпредѣльнымъ повиновеніемъ; за него готовы идти на смерть, все бросить и все предпринять по одному его слову. Онъ заслужилъ это уваженіе, бывши піонеромъ, предводителемъ, душей экспедиціи и колонизаціи. Онъ искрененъ, энергиченъ, дѣятеленъ, ловокъ, преданъ своему дѣлу, терпѣливъ и въ высшей степени настойчивъ. Онъ набоженъ, часто вдохновляется, имѣетъ даръ языковъ, былъ ревностнымъ миссіонеромъ и еще при жизни Іосифа былъ его другомъ и пользовался общимъ уваженіемъ. Будучи пророкомъ и губернаторомъ, онъ въ то же время и плотникъ, и архитекторъ, и негоціантъ, и землепашецъ, и ремесленникъ, и солдатъ.»

XVI.

Въ одномъ посланіи «двѣнадцати» говорится: «когда святые рѣшились оставить Науво и искать новаго мѣста жительства, братъ Геберъ Кимбаль предсказалъ, что чрезъ пять лѣтъ послѣ этого святые будутъ жить несравненно лучше, чѣмъ какъ жили они до сихъ поръ въ Науво.» Это предсказаніе исполнилось съ буквальною точностію. Со времени основанія новаго Іерусалима до нашихъ дней исторія мормоновъ представ-

ляетъ непрерывный рядъ постояннаго возрастанія и развитія секты во всѣхъ отношеніяхъ. При мудромъ управленіи и раціональномъ устройствѣ общины страна мормоновъ сдѣлалась вскорѣ центромъ промышленности и торговли; сюда стремились съ разныхъ сторонъ уже не одни мормоны переселенцы, но и цѣлые торговые караваны купцовъ — язычниковъ. Вскорѣ городъ мормоновъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ, чрезъ который проходила главная торговая дорога съ запада на востокъ и обратно. Мормоны такимъ образомъ принимали участіе во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ восточной Азіи и западной Европы и ихъ купцы сдѣлались извѣстными въ большихъ торговыхъ городахъ стараго и новаго свѣта. Само собою разумѣется, все это какъ нельзя болѣе способствовало возвышенію благосостоянія святыхъ, а непрерывныя эмиграціи дѣлали этотъ народъ все болѣе и болѣе могущественнымъ. Такая сила и могущество мормоновъ не могли, конечно, не обратить на себя вниманія свободныхъ американцевъ и правительства штатовъ, и новыя преслѣдованія и стѣсненія со стороны послѣднихъ были плодомъ такого положенія дѣлъ. Враги мормоновъ очень хорошо знали, что главное могущество святыхъ заключалось въ ихъ организаціи и управленіи, и потому первымъ дѣломъ ихъ было набросить тѣнь подозрѣнія на прежнее правительство и замѣнить его новымъ, которое бы дѣйствовало въ интересахъ государства. Вслѣдствіе этого на Юнга, какъ главнаго начальника края, появилось нѣсколько жалобъ и обвиненій, и правительство назначило на его мѣсто губернаторомъ Кумминга, который во главѣ значительнаго отряда войска долженъ былъ поддерживать въ городѣ мормоновъ интересы государства и стараться отнять у Юнга и его помощниковъ всякую власть и силу. Лѣтомъ 1857 года новый губернаторъ отправился на мѣсто назначенія; въ то же время войскамъ, находящимся въ Канзасѣ и др. пограничныхъ штатахъ, приказано было двигаться туда же. Эта экспедиція имѣла самыя плачевныя послѣдствія. Юнгъ собралъ войско изъ своихъ послѣдователей, но объявилъ, что дѣлаетъ это

только изъ предосторожности, такъ какъ новое правительство признало его и гл. старѣйшинъ секты виновными, и военный судъ приговорилъ ихъ къ наказанію за высшую государственную измѣну,—войны же противъ родины матери, говорилъ онъ, не будетъ. Нужно было, значитъ, снова эмигрировать, и мормоны вновь рѣшились на это. На общемъ собраніи святыхъ, подъ предсѣдательствомъ самого Юнга, «апостолъ» Тэйлоръ пригласилъ поднять руку всѣхъ тѣхъ, кто скорѣе рѣшится обратить свое имущество въ пепелъ, нежели подчиниться военной силѣ. Все собраніе въ отвѣтъ на это единодушно подняло обѣ руки.

Между тѣмъ союзныя войска явились въ мормонскія владѣнія. Мормоны не оказывали никакого сопротивленія,—они объявили только, что если солдаты станутъ приближаться къ городу, то они немедленно оставятъ и сожгутъ его. Новый губернаторъ напрасно уговаривалъ ихъ и дѣлалъ различныя уступки и обѣщанія. Въ концѣ марта народъ началъ мало по малу переселяться, Юнгъ съ семействомъ удалился на югъ, и войскамъ и властямъ штата угрожала голодная смерть въ пустынѣ. Еще на пути къ городу «святыхъ» войска эти потерпѣли столько недостатковъ и лишеній, что потеряли до двухъ третей всего отряда, теперь же, въ случаѣ удаленія мормоновъ, они сами собою уничтожились бы вовсе. Вслѣдствіе такого рода соображеній войско согласилось не подступать къ городу мормоновъ ближе 40 миль, а вскорѣ оно и вовсе было удалено, такъ какъ мормоны за продовольствованіе его пищею и др. необходимыми предметами брали слишкомъ дорого. Съ удаленіемъ войска мормоны остались совершенно независимыми; гражданскій губернаторъ держится тамъ только для виду, вся власть по прежнему принадлежитъ Юнгу.

Капитанъ Буртонъ, посѣтившій долину Соленаго озера въ 1861 году, такими словами передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него Юнгомъ: «Я, говоритъ онъ, выразилъ Куммингу (гражданскому губернатору страны) свое желаніе видѣть Бригама; тотъ лично передалъ мою просьбу Юнгу и получилъ

отвѣтъ, что «хотя президентъ «универсальной церкви Іисуса Христа святыхъ послѣднихъ дней» не принимаетъ иностранцевъ безъ нѣкоторыхъ предосторожностей, необходимыхъ какъ относительно собственной безопасности, такъ и относительно сохраненія достоинства, потому что посѣтители, считающіе, что съ мормономъ нечего соблюдать законы вѣжливости, позволяютъ себѣ дѣлать неблаговидныя, а иногда и грубыя замѣчанія, но тѣмъ не менѣе онъ готовъ принять меня.» Проходя коридорами, мы съ губернаторомъ подверглись легкому осмотру, неизвѣстно за чѣмъ стоявшихъ здѣсь, людей и за тѣмъ насъ провели въ кабинетъ пророка. Пророкъ родился въ 1801 году, теперь ему было значитъ 60 лѣтъ, но на видъ ему казалось не болѣе 45 лѣтъ. Вообще по наружному виду пророкъ похожъ на фермера, что неудивительно, такъ какъ отецъ его былъ хлѣбопашецъ. Я сказалъ уже, что это былъ человѣкъ хорошо сохранившійся, несмотря на преслѣдованія, которымъ онъ подвергался;—это обстоятельство приписываютъ его большой умѣренности и воздержанію во всѣхъ родахъ. Манеры его просты, но вѣжливы, благосклонны, но внушительны. Свободный отъ всякихъ претензій, онъ выгодно отличается отъ многихъ лжепророковъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть. Юнгъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака фанатизма или ханжества, даже догматичности въ немъ нѣтъ никакой. Нисколько не желая того, онъ даетъ почувствовать каждому свое могущество; иностранецъ чувствуетъ это интинктивно, собратьевъ же своихъ онъ очаровываетъ нравственною силою. Всегда въ ровномъ расположеніи духа, онъ говоритъ холодно, или лучше сказать серьозно, но нисколько не сурово и не похоже на методиста. При случаѣ онъ ловко владѣетъ сарказмомъ и высказываетъ свои мысли въ такой формѣ, которая никогда не забывается. Глубокій наблюдатель, одаренный проницательнымъ умомъ, превосходною памятью, здравымъ сужденіемъ, онъ доходитъ до ясновидѣнія. Что касается его умѣренности въ ѣдѣ и питьѣ, то въ этомъ нѣтъ разногласія; онъ питается, какъ совершенный анахоретъ: не-

ченый картофель съ небольшимъ количествомъ масла и молока составляютъ его любимую пищу. Онъ не употребляетъ спиртуозныхъ напитковъ, какъ и всѣ строгіе мормоны; онъ пьетъ только воду и легкое пиво; онъ удерживается отъ куренія и вообще не употребляетъ табаку ни въ какой формѣ. Насколько онъ образованъ, я не знаю; «люди, а не книги, дѣла, а не слова»—было всегдашнимъ его девизомъ, и весьма вѣроятно, что книги не развращали его интеллигенціи. Онъ никогда не напускаетъ на себя умиленнаго вида,—вообще манеры его отличаются простотою и откровенностію, какъ и манеры всякаго честнаго человѣка. Своимъ ученикамъ онъ кажется ангеломъ свѣта, своимъ врагамъ—демономъ тьмы. Авторитеты, которыхъ менѣе всего можно заподозрить въ лицепріятіи, начиная съ тѣхъ, которые обвиняютъ Шмидта въ самомъ гнусномъ мошенничествѣ,—не упрекаютъ Бригама въ какихъ либо личныхъ, внѣ ученія стоящихъ порокахъ. Они считаютъ его «эгоистическимъ, упрямымъ энтузіастомъ, возбужденнымъ преслѣдованіями, воспламененнымъ пролитою кровію,» но не идутъ далѣе этого. Слишкомъ привыкшій къ дѣйствительному могуществу, онъ не гонится за почестями, принадлежащими власти, онъ не принимаетъ на себя грознаго вида, и въ толпѣ онъ не отличается никакимъ превосходствомъ. Средства, которыя употребляетъ онъ для управленія такою разнородною массою, основаны на непоколебимой волѣ, на крайней скрытности и необыкновенной проницательности. Таковъ президентъ Бригамъ Юнгъ, нѣкогда стекольщикъ и плотникъ, теперь пророкъ и ясновидецъ,—человѣкъ, пользующійся такимъ уваженіемъ, какимъ никогда не пользовались папы и императоры,—человѣкъ, который однимъ мановеніемъ руки можетъ лишить жизни,—царь и правитель,—выдержавшій долгое время во главѣ нѣсколькихъ сотъ необученыхъ солдатъ борьбу со всѣмъ могуществомъ Соед. Штатовъ,—человѣкъ, разстроившій всѣ комбинаціи дипломатовъ и умѣвшій заключить съ великою республикою такой миръ, какой можно было заключить только предводительствуя войсками Англіи,

Россіи или Франціи. Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ визита пророку, было то, что Бригамъ—необыкновенный человѣкъ,—и когда я выходилъ отъ пророка, «святые» поздравляли меня съ тѣмъ, что я имѣлъ счастіе видѣть величайшаго человѣка XIX вѣка» [4]).

Въ чемъ же заключается тайна удивительнаго развитія новой общины? — «Посмотрите вокругъ себя, говоритъ Юнгъ Диксону, если желаете знать, что мы за народъ. 19 лѣтъ тому назадъ эта долина была пустыней, покрытой только кое-гдѣ дикимъ шалфеемъ и подсолнечниками; мы явившись сюда издалека, не принесли съ собою ничего, кромѣ мѣшка съ сѣменами и кореньями, ничего не привели, кромѣ нѣсколькихъ воловъ и фургоновъ; точно также и народъ, пришедшій сюда послѣ насъ, большею частію ткачи и простые работники, не принесъ съ собою ничего, ни одного гроша, ни даже умѣнья обращаться съ землей. Посмотрите теперь вокругъ себя съ этого балкона, — и вы увидите, что мы сдѣлали.»— Но какъ совершили святые въ пустынѣ все, что мы теперь видимъ?— «Очень просто, отвѣчаетъ Юнгъ, силою вѣры и труда,— исполняя то, что проповѣдуютъ, вѣруя въ то, что говорятъ» [5]).

Д. Семиновъ.

---

[4]) Поѣздка къ мормонамъ капит. Буртона. Всемірный Путешественникъ 1867 г. вып. 19 и 20.

[5]) Новая Америка. В. Диксона стр. 126 и 131.

ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ.

(Окончаніе [1]).

Необходимо, во первыхъ, раздѣленіе преступниковъ поставить болѣе цѣлесообразно для дѣла исправительной тюрьмы, и вовторыхъ, такъ же болѣе цѣлесообразно ввести сюда начало умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія арестантовъ.

Степени внутренней испорченности людей, какъ и виновности въ извѣстныхъ случаяхъ, различны до безконечности. Природа человѣческая, одаренная способностію развиваться до безконечности въ своемъ поступательномъ движеніи къ добру и порядку, имѣетъ, кажется, не меньшую способность развиваться и въ обратномъ смыслѣ. Опыты частыхъ и близкихъ обращеній съ тюремнымъ населеніемъ приводятъ къ тому печальному убѣжденію, что на свѣтѣ Божьемъ есть люди, носящіе въ себѣ какъ будто какіе-то особенные органы разрушенія, подъ вліяніемъ которыхъ, безъ надлежащаго умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія и при содѣйствіи сторонихъ обстоятельствъ, они привыкаютъ къ извѣстному роду преступныхъ дѣйствій, которыя, съ теченіемъ времени, обращаются во вторую ихъ природу. Но это, впрочемъ, рѣдкость въ своемъ родѣ. Большинство же преступниковъ—такіе

[1]) См. мартовскую книжку *Прав. Обозр.*

же люди, какъ и всѣ. Ихъ преступленія большею частію порождаются той средой, въ которой они жили, и часто принадлежатъ имъ столько же, сколько и многимъ другимъ той же среды; и появленіе именно этихъ лицъ предъ судомъ закона зависитъ отъ обстоятельствъ. Обстоятельства эти иногда враждебно сцѣпляются вокругъ человѣка и обрушиваются на него, какъ на преступника, и даже величайшаго, въ то время, когда въ тайникахъ своей души онъ далекъ отъ преступленія. Понятно, что опредѣлять степень внутренней испорченности человѣка фактомъ единичнаго преступленія, совершеннаго имъ въ извѣстной средѣ и при извѣстныхъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ обстоятельствахъ, было бы рискомъ съ нашей стороны: для этого необходимо заглянуть въ самую душу человѣка. Но душа человѣческая, не познаваемая сама въ себѣ, обнаруживается въ безчисленныхъ проявленіяхъ нашей жизни и дѣятельности. Соприкосновеніе съ жизнію извѣстнаго человѣка, наблюденіе за нимъ, изученіе многоразличныхъ и разнообразныхъ проявленій его духовной стороны, освѣщенное, разумѣется, извѣстною идеей, даетъ намъ возможность судить объ его направленіи, склонностяхъ, страстяхъ и т. д., такъ что по мѣрѣ нашего ближайшаго знакомства съ нимъ, для насъ рельефно выясняется складъ его нравственнаго характера, и мы почти безошибочно можемъ опредѣлить, къ какому роду моральныхъ дѣйствій способенъ этотъ человѣкъ, и къ какому не способенъ

Но скажутъ: для такого знакомства съ преступникомъ потребуются время, мѣсто, возможность?

Вмѣсто отвѣта на предложенный вопросъ, мы указываемъ на наши слѣдственныя тюрьмы. Взятаго на мѣстѣ преступленія, или только заподозрѣннаго въ немъ, не сразу подвергаютъ наказанію, являющемуся въ формѣ, напримѣръ, лишенія свободы съ цѣлію исправительною: надъ нимъ чинится судъ, производящійся часто цѣлые мѣсяцы и даже годы, въ продолженіи которыхъ онъ содержится въ тюрьмѣ слѣдственныхъ арестантовъ. Дайте правильное устройство этимъ тюрь-

мамъ, расширьте задачу ихъ, состоящую до сихъ поръ лишь въ отнятіи у подсудимаго возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, и вы получите полную возможность знакомиться съ нравственнымъ состояніемъ подлежащаго исправленію. Правда, личности скрытныя, затаенныя въ себѣ, не такъ скоро и легко уловимы для изученія, какъ характеры прямые и открытые, и потому мы далеки отъ мысли отрицать возможность ошибокъ и въ этомъ случаѣ; но не надобно, кажется, обладать даромъ пророчества, чтобы заранѣе сказать, что сортировка преступниковъ по указаніямъ благоустроенныхъ слѣдственныхъ тюремъ отъ грубыхъ промаховъ будетъ свободна, да и мелкихъ ошибокъ окажется несравненно меньше, чѣмъ при дѣленіи ихъ по срокамъ лишенія свободы, часто не вѣрно соразмѣряемымъ и съ мѣрою даже виновности человѣка въ данномъ преступленіи, которое, въ свою очередь, иногда слишкомъ неудачно опредѣляетъ степень нравственнаго его состоянія. Вотъ гдѣ—въ стѣнахъ слѣдственныхъ тюремъ надобно искать руководительныхъ указаній при сортировкѣ преступниковъ по нравственности; безъ такой сортировки трудно приступить и къ самому дѣлу исправленія. Указанія этихъ мѣстъ заключенія такъ важны, по нашему мнѣнію, что можно пожелать даже, чтобы они не оставались безслѣдными и для самыхъ судовъ, при рѣшеніи судьбы подсудимаго. Не составляя доказательства или улики, они служили бы нѣкоторымъ усиленіемъ доказательствъ или, такъ сказать, критеріумомъ для доказательствъ несовершенныхъ и уликъ не совсѣмъ положительныхъ, увеличивая или уменьшая ихъ вѣроятность по отношенію къ подсудимому. Не утверждая и не отрицая факта даннаго преступленія, слѣдственныя тюрьмы, своимъ свидѣтельствомъ вообще о внутренней испорченности стоящаго предъ судомъ, проливали бы свѣтъ на дѣло, давали бы ему большую прозрачность, подводили бы приговоръ суда ближе къ истинѣ.

Нечего и говорить, конечно, что при такомъ значеніи слѣдственныхъ тюремъ, было бы правильнѣе и самую реформу на-

чинать именно съ нихъ, такъ какъ вообще естественнѣе начинать съ начала, а не съ средины или конца. Даже и помимо такихъ соображеній, при неустройствѣ этихъ мѣстъ заключенія, благоустроенныя исправительныя тюрьмы окажутся въ положеніи врача, которому, по странному стеченію обстоятельствъ, вмѣняютъ къ обязанность вылечивать больныхъ не иначе, какъ послѣ продолжительной порчи ихъ разными знахарями.

Предлагаемая постановка дѣла требуетъ, конечно, уже совсѣмъ другаго и подраздѣленія будущихъ тюремъ; но тутъ, по нашему мнѣнію, еще нѣтъ особенной важности, тѣмъ болѣе, что проектируемое дѣленіе ихъ на краткосрочныя и долгосрочныя далеко не удовлетворяетъ основному положенію, вызвавшему вопросъ о сортировкѣ преступниковъ. Не отдѣляя глубоко павшихъ арестантовъ отъ менѣе испорченныхъ, оно не исключаетъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій отъ совмѣстнаго сожительства лицъ различной нравственности, которыя всего больше заставляютъ опасаться за общую исправительную тюремную цѣль. Правда, всякое другое подраздѣленіе тюремъ уже не обѣщаетъ столько удобствъ для организаціи въ нихъ труда; но не слѣдуетъ забывать, что когда представляется намъ выбирать одно изъ двухъ золъ, то благоразуміе требуетъ—выбора наименьшаго. Трудъ, разумѣется, необходимъ въ стѣнахъ заключенія, отсутствіе его составляетъ величайшую ошибку прежнихъ тюремныхъ уставовъ; но его значеніе въ тюрьмѣ, какъ начала воспитательнаго, условно, и находится въ прямой зависимости отъ силы и могущества умственнаго и религіозно-нравственнаго тутъ развитія арестанта. Стало-быть, и заботиться о тюремномъ трудѣ въ ущербъ этому послѣднему началу, было бы логическою непослѣдовательностію, которая не замедлитъ отозваться на общей цѣли будущихъ тюремъ. И еслибъ мы рѣшились, во что бы то ни стало, удержать проектируемое раздѣленіе тюремъ на краткосрочныя и долгосрочныя, какъ удобное для организаціи труда-то въ извѣстныхъ случаяхъ пришлось бы допускать отступленія отъ такого правила. Такъ, напримѣръ, всѣхъ, по свидѣ,

тельству слѣдственныхъ тюремъ, глубоко павшихъ преступниковъ, но, по роду совершенныхъ ими преступленій, долженствующихъ подвергнуться заключенію непродолжительному и поступить въ тюрьму краткосрочныхъ, слѣдовательно, менѣе испорченныхъ арестантовъ, необходимо изолировать здѣсь совершенно отдѣльными помѣщеніями, подобно судившимся за повтореніе преступленій; а лицъ не совсѣмъ безнравственныхъ, но, по тяжести совершенныхъ ими преступленій, подлежащихъ заключенію продолжительному, вмѣсто долгосрочныхъ тюремъ, необходимо содержать въ тюрьмѣ краткосрочныхъ арестантовъ. Такое отступленіе само собою вызывается необходимостію, въ первомъ случаѣ, оградить цѣлую массу не совсѣмъ безнравственныхъ людей отъ зараженія со стороны, быть можетъ, не многихъ, но глубоко павшихъ субъектовъ, для которыхъ, въ свою очередь, одиночное заключеніе, какъ бобѣе тяжелое, будетъ положительною необходимостію, такъ какъ только подобною крутою мѣрою, при непродолжительности лишенія свободы, и возможно произвесть на ихъ закоснѣлую въ злѣ натуру такое впечатлѣніе, которое бы несло за собою желаемый переломъ въ ходѣ ихъ мыслей и воззрѣнія на жизнь; а во второмъ—оградить не совсѣмъ павшихъ лицъ, но сдѣлавшихся преступниками, и даже тяжкими, лишь вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, отъ окончательнаго паденія, неминуемаго, если оставить ихъ въ тюрьмѣ долгосрочныхъ, т.-е. болѣе безнравственныхъ преступниковъ. Вотъ условія, при которыхъ только и возможно предположенное раздѣленіе тюремъ на краткосрочныя и долгосрочныя: безъ нихъ раздѣленіе это будетъ не способствовать общей исправительной цѣли тюрьмы, а только парализировать усилія и труды ея дѣятелей.

Важная роль въ исправительной тюрьмѣ принадлежитъ учителю и священнику, и потому совмѣщенія этихъ обѣихъ должностей въ лицѣ одного священника едва ли можно желать: такое совмѣщеніе было бы равносильно принесенію дѣла учителя въ жертву спеціальнымъ видамъ священника. Обученіе грамо-

тѣ, распространеніе элементарныхъ научныхъ свѣдѣній и вообще умственное развитіе населенія тюрьмы пострадаетъ въ этомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ при условіи веденія его отдѣльнымъ лицомъ, ему одному посвятившимъ свою энергію и силы. Поэтому существованіе въ тюрьмѣ отдѣльнаго учителя представляется положительною необходимостію. Но его одиночество предъ лицомъ такой массы учениковъ, какъ пятисотенное, напримѣръ, населеніе, и притомъ тюремное, т.-е. болѣе или менѣе безнравственное и срочное, поставитъ учителя, и при усердіи къ дѣлу, въ положеніе полной почти безполезности, если не будетъ предоставленъ ему просторъ въ тюрьмѣ, болѣе соотвѣтствующій значенію лежащаго на немъ дѣла, и если, съ другой стороны, не будетъ онъ подкрѣпленъ помощниками. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что во первыхъ, кромѣ предположенныхъ праздничныхъ уроковъ, необходимо предоставить учителю еще нѣсколько урбковъ на недѣлѣ, и во вторыхъ, на воскресеные и праздничные уроки, въ помощь ему, приглашать въ тюрьму учителей со стороны, подъ отвѣтственностью, положимъ, священника и того же штатнаго учителя. Въ виду предполагаемой централизаціи тюремъ въ мѣстахъ наибольшаго народонаселенія, за недостатокъ въ людяхъ знакомыхъ и способныхъ дѣлу учительства опасаться нѣтъ основаній, такъ точно, какъ не слѣдуетъ много жалѣть о кое-какихъ расходахъ вслѣдствіе такой постановки дѣла. Нерабочихъ дней въ тюрьмѣ всего 75 — 80 въ теченіи года, и потому расходы эти не будутъ слишкомъ значительны. Съ другой стороны, извѣстно, что трудъ арестантскій инымъ путемъ идетъ изъ-подъ палки, гдѣ встрѣчается все—и лѣнь, и уклончивость, и упрямство, и преднамѣренная даже порча матеріаловъ, и—совершенно другимъ, когда онъ опирается на сознаніе нравственной пользы отъ него для самихъ же арестантовъ-работниковъ. А это-то сознаніе, существенно необходимое для дѣла исправительной тюрьмы, и составляетъ, въ ближайшемъ, основную задачу тюремнаго учительства. Стало быть, затраты на развитіе этого учительства не остановятся

безвозвратными со стороны того же учительства, и если онѣ не успѣютъ вознаграждаться въ тюремныхъ же стѣнахъ, то съ неисчислимыми процентами будутъ получаться потомъ. Такъ или иначе, но, въ интересахъ всего тюремнаго дѣла, начало умственнаго развитія преступниковъ существенно нуждается въ изложенной нами постановкѣ его, какъ болѣе правильной и цѣлесообразной.

Тѣ же интересы тюремнаго дѣла и такъ же настоятельно требуютъ измѣненія положенія, въ какое, штатомъ содержанія священнику, поставлено тутъ начало религіозно-нравственнаго развитія преступниковъ.

Если цѣль проектируемой тюрьмы—исправленіе порочныхъ людей, и если это исправленіе, какъ видѣли мы, основывается главнымъ образомъ на дѣятельности тюремнаго учителя и священника, то этимъ уже достаточно опредѣляется и значеніе послѣдняго: оно—то же въ этой нравственной лечебницѣ, каковою является исправительная тюрьма, что и значеніе врача въ больницѣ, хотя между тѣмъ и другимъ существуетъ значительная разница относительно трудности при самомъ исполненіи ими своихъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, физически заболѣвшій сряду же чувствуетъ свою немощь и охотно спѣшитъ въ больницу; нравственно же заболѣвающій застарѣваетъ въ своей болѣзни незамѣтно для себя самого, во врачебницу исправительную привлекается насильно, и къ дѣлу первичнаго тутъ ухода относится всегда неохотно. Оттого первый ждетъ врача съ нетерпѣніемъ и самъ раскрываетъ ему больное свое мѣсто, указывая на время, причины и даже самый ходъ болѣзни, а со стороны послѣдняго вы получаете обыкновенно крайнюю несловоохотливость, скрытность и всевозможные даже обманы. Тамъ врачъ, пользуясь указаніями больнаго, сряду же приступаетъ къ дѣлу, а здѣсь священникъ долго сначала слѣдитъ за своимъ паціентомъ, чтобы понять его характеръ, страсти и порочныя наклонности. Правда, въ общихъ бесѣдахъ священника сейчасъ же и онъ участвуетъ,—но что значатъ эти общія бесѣды священника? Тоже, ко-

нечно, что одинъ и тотъ же, напримѣръ, пластырь, назначенный заразъ всей массѣ больныхъ: если инымъ онъ кстати придется и поможетъ, то это не больше будетъ, какъ только счастливою случайностію. Наконецъ, физически заболѣвшій остается въ больницѣ до выздоровленія, нравственная же лечебница свою нелегкую операцію надъ больнымъ должна совершить въ срокъ времени, назначеннаго ей проявленіемъ нравственной немощи человѣка въ его единичномъ проступкѣ. И если, за всѣмъ тѣмъ, въ больницѣ съ пятисотеннымъ штатомъ кроватей существуетъ обыкновенно не одинъ десятокъ врачей, то уже слишкомъ очевидною становится масса труда, лежащаго на священникѣ — одномъ для тюрьмы съ тѣмъ же пятисотеннымъ населеніемъ нравственно-недужныхъ.

Не вдаваясь въ подробности этого труда, долженствующія быть предметомъ инструкціи тюремной, смѣемъ надѣяться, что и представленный нами очеркъ достаточно опредѣляетъ то мѣсто въ ряду служащихъ дѣлу исправительной тюрьмы, какое слѣдуетъ дать священнику. Между тѣмъ проектъ будущихъ тюремъ смотритъ на священника легче и проще, чѣмъ даже на лицъ, только случайно тутъ нужныхъ. Врачъ, напримѣръ, нужный въ тюрьмѣ только въ случаяхъ заболѣванія арестантовъ, сообразно съ населеніемъ тюрьмы, получаетъ содержанія 800,1000 и 1,200 р.; содержаніе же священника во всѣхъ случаяхъ 600 р.! Такое сочетаніе вещей едва ли можетъ быть точнымъ выраженіемъ идеи исправительной тюрьмы. Намъ скажутъ пожалуй, что священникъ, при исправленіи требъ, пользуется обыкновенно вознагражденіемъ помимо штатнаго казеннаго содержанія. Но подобнымъ же вознагражденіемъ пользуется и врачъ отъ своей практики. Что же касается священника тюремнаго, то эта горькая правда не только не можетъ, но и не должна входить въ разсчетъ его жизни. Не можетъ потому, что въ стѣнахъ тюрьмы нѣтъ такихъ субсидій, а не должна потому, что погоню за ними внѣ тюремныхъ стѣнъ необходимо устранить, какъ и все вообще, могущее мѣшать священнику всецѣло отдаться своему тюрем-

ному долгу. Мы не думаемъ также, чтобы на такую оцѣнку тюремнаго священника могло вліять то положеніе объяснительной записки, по которому «къ занятію должностей тюремныхъ духовниковъ слѣдуетъ приглашать, по преимуществу, монашествующее духовенство» (ст. 71). Конечно, чѣмъ просторнѣе, чѣмъ шире контингентъ лицъ для этой весьма серьезной и столько же нелегкой должности, тѣмъ лучше. Но, вопервыхъ, такъ-называемое наше ученое монашество имѣетъ свое спеціальное назначеніе и путь; а вовторыхъ, что за дѣло—кто трудится? Самыя первыя понятія справедливости требуютъ, чтобы трудящійся былъ вознагражденъ по значительности и достоинству труда, а затѣмъ—кто этотъ трудящійся, вопросъ уже сторонній для штатовъ содержанія. Намъ кажется, что если начальникъ тюрьмы, по мысли проекта, есть не только исполнитель предначертаній закона, но и блюститель идеи достиженія тюрьмами ихъ исправительной цѣли, то первою тутъ, такъ-сказать, рабочею силою является священникъ, потомъ учитель, и уже за ними помощникъ упомянутаго начальника, въ дѣлѣ наблюденій его собственно за механическою стороною тюремной жизни. Къ этому приводитъ насъ значеніе и объемъ труда, лежащаго на священникѣ исправительной тюрьмы. Стало-быть, и содержаніе тюремнаго священника должно слѣдовать сряду же за содержаніемъ начальника тюрьмы. Въ иномъ видѣ оно едва ли будетъ правильнымъ, отниметъ у священника возможность быть исправнымъ, и затѣмъ, путь къ этой серьезной должности попрежнему останется загражденнымъ для лицъ болѣе развитыхъ, способныхъ и дѣятельныхъ. Духовенство же монашествующее, по нашему мнѣнію, должно быть приглашено въ тюрьму только въ помощь штатному тюремному священнику, подобно тому, какъ мы предполагали бы приглашать сюда учителей со стороны—въ помощь штатному тюремному учителю, или какъ сестры милосердія приглашаются въ больницы, для усиленія и безъ нихъ имѣющагося тутъ ухода за больными.

Не ручаясь за особенную практичность этой послѣдней мы-

сли, уже по тому одному, что близъ тюрьмы можетъ и не быть монастыря и т. д., мы напередъ говоримъ, что священнику тюремному, въ большинствѣ случаевъ, придется остаться совершенно одинокимъ предъ лицомъ пятисотенной, наприм., массы арестантовъ, при чемъ, какъ бы ни былъ онъ преданъ своему долгу, не въ состояніи будетъ сдѣлать тутъ больше, чѣмъ сколько одинъ человѣкъ въ силахъ сдѣлать, и, слѣдовательно, тоіі сторонѣ тюремной идеи, осуществленіе которой прямо отъ него зависитъ, можетъ угрожать опасность. Такое обстоятельство само собою вызываетъ заботу о возможности подкрѣпить священника постояннымъ помощникомъ. А возможность не за горами, кроется въ тюремныхъ же стѣнахъ, уже достаточно разъяснена тюремною практикой и, что всего важнѣе, къ особенно большимъ затратамъ не ведетъ. Мы говоримъ о причетнической при тюремныхъ церквахъ вакансіи. Во вниманіи къ тому, что наше богослуженіе церковное совершается священникомъ при содѣйствіи причетника, существующіе штаты тюремные, говоря о церкви и священникѣ, не опускаютъ изъ виду и это лицо, обезпечивая его квартирой при тюрьмѣ и кое-какимъ денежнымъ содержаніемъ. Не забыто оно и штатомъ проектируемыхъ исправительныхъ тюремъ. Но какъ богослуженіе церковное составляетъ непремѣнную, но въ то же время, самую меньшую часть лежащаго на тюремномъ священникѣ долга, то причетникъ, нужный тутъ для этого двухъ-трехъ часоваго долга священника, во все остальное время недѣли остается обыкновенно совершенно лишнимъ какъ для священника, такъ и для тюрьмы. Такая незначительность услуги тюремнаго причетника никогда не давала ему права на содержаніе сколько-нибудь достаточное, и авторъ занимающаго насъ проекта остается правъ, когда опредѣляя годовое содержаніе его цифрою 180 р., ставитъ его ниже даже младшей тюремной прислуги и лазаретныхъ служителей. Но повторяемъ, практикою тюремною такое положеніе дѣла, въ большинствѣ случаевъ, уже признано ошибкой, такъ какъ тутъ о бокъ съ арестантами приходится въ довольно

черномъ тѣлѣ содержать человѣка, взглядъ на котораго у народа русскаго все же выше и лучше, чѣмъ напримѣръ на придверника, и такъ какъ, съ другой стороны, уже не производительно для цѣли тюремной будетъ расходоваться полагающееся ему содержаніе. Чтобы устранить такое неудобное явленіе въ тюремной жизни, гдѣ все должно быть строго обдумано, чтобы богослуженію церковному, большимъ благолѣпіемъ и торжественностію, придать силу лучше и вѣрнѣе вліять на сердца заключенниковъ, а главное, чтобы, за квартирою и содержаніемъ причетническимъ, сколько-нибудь подкрѣпить священника въ нелегкомъ дѣлѣ его занятій съ арестантами, большинство существующихъ мѣстъ заключенія, увеличивъ штатное причетническое содержаніе средствами домашними, на вакансію эту приглашало бы возможно достойныхъ лицъ въ санѣ діакона, возлагая на нихъ обученіе арестантовъ церковному пѣнію, молитвамъ и начальнымъ знаніямъ христіанскаго вѣроученія, чтобы за симъ священнику тюремному уже ничто не мѣшало населеніе тюремное вести къ дальнѣйшему боговѣдѣнію и религіозности. Увеличеніе это бывало обыкновенно слишкомъ незначительно, вслѣдствіе чего и контингентъ для выбора лицъ въ діаконы тюремные оказывался слишкомъ не широкимъ. Понятно, что оставлять все это въ прежнемъ, стародавнемъ видѣ и для новыхъ тюремъ, значитъ повторять зады съ тѣми же ошибками, съ тою разницей, что въ штатѣ прежнихъ мѣстъ заключенія, имѣвшихъ въ виду только возмездіе преступнику за причиненное имъ зло, подобные недосмотры еще терпимы, что уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть для тюремъ новыхъ, задающихся главнымъ образомъ цѣлью исправительною. Вотъ именно то лицо въ ряду дѣятелей будущихъ тюремъ, которому, по нашему мнѣнію, должны принадлежать квартира и содержаніе, проектируемыя для тюремнаго священника. За вычетомъ изъ нихъ причетнической квартиры и содержанія, получится расходъ, слишкомъ не крупный самъ по себѣ для цѣлой тюрьмы, который еще больше умалится, дѣлается едва замѣтнымъ, при сопоставле-

ніи его съ тѣмъ пособіемъ для основной задачи тюремной, какого можно ожидать отъ подобной постановки дѣла: въ этомъ случаѣ, такія затраты являются на столько же желательными, насколько онѣ менѣе значительны, чѣмъ полезны.

Конечный выводъ изъ общаго взгляда на моралізацію тюремную показалъ намъ, что она сводится, на дѣлѣ, къ двумъ собственно началамъ, изъ которыхъ первое и главное лежитъ на обязанности священника и учителя, а второе ведется тюремнымъ начальствомъ: священникъ и учитель подготовляютъ тюремную почву, ее пашутъ, удобряютъ и обсѣменяютъ здравымъ міровоззрѣніемъ, а начальство тюремное, средствами труда и дисциплины, на этой разчищенной и подготовленной почвѣ выводитъ трудолюбіе, знакомство съ тою или другою рабочею спеціальностію и, наконецъ, большій или меньшій навыкъ къ постоянству и жизни правильной на свободѣ. За симъ, мы уже имѣли случай замѣтить, что если и жизненный высадокъ на дурной почвѣ засыхаетъ и гибнетъ, то съ другой стороны, та же пустота и безплодность будетъ получаться въ результатѣ, еслибы стали воспроизводить—хотя бы и на плодородной почвѣ, но высадокъ безжизненный, сухой.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, кроется основаніе тому, что выборъ лицъ на должность начальниковъ тюремныхъ нельзя условливать только лишь принадлежностію ихъ къ христіанскому исповѣданію (проектъ, ст. 22).

Было время, когда на начальника тюремнаго мы уже слишкомъ недостаточно обращали вниманія, когда въ лицѣ его мы ничего больше не видѣли и не искали, какъ только блюстителя казенныхъ интересовъ. То было время, когда розга составляла единственное, универсальное средство во всѣхъ душевныхъ недугахъ,—когда педагоги употребляли ее въ преподаваніи своихъ наукъ, для внушенія питомцамъ большей понятливости, когда мужья вразумляли ею своихъ женъ, а родители дѣтей, когда розга употреблялась даже для пробужденія талантовъ художества и любви къ искусству. Въ то блаженной памяти время сопоставленіе тюремныхъ смотрителей

въ одномъ рангѣ, на одной доскѣ съ смотрителями, напримѣръ, хлѣбныхъ магазиновъ, сѣнныхъ складовъ, или съ пакгаузными надзирателями и т. д.,—было явленіемъ весьма естественнымъ, потому что распорядиться такимъ несложнымъ и, въ то же время, совершенно, по тогдашнему, радикальнымъ врачеваніемъ къ исправленію преступника не представляло ничего особенно мудренаго. Но теперь, когда и общество, и законодательство уже перестали смотрѣть на тюремное заключеніе, какъ на месть за преступленіе, когда, съ другой стороны, выработалось и созрѣло убѣжденіе, что не розга требуется для исправленія преступника, а большой запасъ умѣнья, еще большій терпѣнья и еще большій любви, — теперь, говоримъ, узкое старое воззрѣніе на смотрителя тюрьмы измѣняется само собою. Онъ уже перестаетъ быть пакгаузнымъ надзирателемъ, а становится «блюстителемъ идеи достиженія тюрьмами ихъ исправительной цѣли», блюстителемъ интересовъ человѣческихъ, такимъ, которому общество ввѣряетъ падшихъ своихъ собратій, какъ человѣку, принявшему обязательство не только отклонить ихъ отъ новыхъ преступленій, но и исправить въ нихъ прежнія дурныя наклонности, возбудить и упрочить въ нихъ любовь къ добру и порядку. Понятно, что такая перемѣна во взглядахъ на тюрьму и ея ближайшаго распорядителя уже самымъ настоятельнымъ образомъ стала требовать и совершенно иной постановки послѣдняго. И вотъ, во вниманіи къ такимъ запросамъ времени, проектъ будущихъ тюремъ сильно возвышаетъ уровень службы его, прежнее содержаніе увеличиваетъ ему чуть не въ три раза, власть его широко и прочно соединяетъ съ аттрибутами суда и расправы, располагать которою предоставляетъ его единичному и безотчетному усмотрѣнію; онъ становится мировымъ судьей надъ своими арестантами, которымъ увеличиваетъ и сокращаетъ опредѣленныя судомъ наказанія; измѣняется даже самое названіе его и, вмѣсто «смотрителя», предполагается именовать его «начальникомъ» тюрьмы. Но нельзя, однако, не пожалѣть при этомъ, что авторъ проекта опустилъ изъ виду вто-

рую половину дѣла—необходимость точными и опредѣленными правилами разъ навсегда заградить доступъ къ этой должности лицамъ не только неразвитымъ, какъ бы слѣдовало, но и во все необразованнымъ. Нельзя не пожалѣть, что обусловивъ поступленіе на эту должность только принадлежностью къ христіанскому исповѣданію, доступъ къ ней онъ оставилъ уже слишкомъ широко открытымъ для всѣхъ безъ разбора,—нельзя не пожалѣть уже по тому одному, что та же пустота и безплодность будутъ получаться въ результатѣ, еслибы стали выводить хотя бы и на подготовленной почвѣ, но высадокъ безжизненный, сухой. Намъ кажется, что если вообще перевоспитывать труднѣе, чѣмъ воспитывать только, и если, между тѣмъ, отъ начальника *воспитательнаго* заведенія всего прежде требуется, чтобы онъ былъ съ универсальнымъ образованіемъ, то въ *перевоспитывающемъ* — это тѣмъ болѣе.

Проектируя строй внутренней жизни будущихъ исправительныхъ тюремъ, въ тоже время мы не чужды, наконецъ, заботъ объ арестантѣ и по выходѣ его изъ стѣнъ заключенія.

Что вопросъ тюремный, дѣйствительно, обширнѣе рамокъ самой даже широкой тюрьмы, что дѣланіе собственно тюремное положительно нуждается въ поддержкѣ и содѣйствіи ему со стороны, которое можетъ и должно проявляться тѣмъ или другимъ способомъ удаленія отъ только лишь вышедшаго изъ стѣнъ заключенія причинъ, независимо отъ тюрьмы и мимовольно для него самаго могущихъ сдѣлать его снова преступникомъ, что этого требуетъ, наконецъ, и провѣрка исправительной дѣятельности тюремъ, имѣющая, по мысли проекта, производиться на основаніи свѣдѣній о рецидивахъ (Объясн. зап. ст. 10), свидѣтельство которыхъ, въ противномъ случаѣ, утратитъ свое значеніе и силу,—все это не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію. Вотъ почему лучшая иновемная пенитенціарная система съ тюремнымъ положеніемъ арестанта тѣсно соединяетъ обыкновенно вопросъ и о судьбѣ его по выходѣ изъ стѣнъ заключенія. Такимъ образомъ мысль, что и самые даже надежные изъ преступниковъ, по выходѣ

изъ тюрьмы, вслѣдствіе крайняго недовѣрія со стороны общества, не находя работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ къ жизни, часто единственно изъ нужды дѣлаются снова преступниками, привела англійскихъ и, преимущественно, ирландскихъ тюремныхъ дѣятелей къ сознанію необходимости—рядомъ съ тюрьмами устраивать такъ-называемыя подготовительныя заведенія, составляющія нѣчто среднее между тюрьмою собственно и обществомъ. Выходящій изъ тюрьмы, помѣщаясь въ этомъ заведеніи, избѣгаетъ угрожающей ему крайности, могущей въ самое непродолжительное время разрушить потраченныя на него заботы, и здѣсь, при условной свободѣ, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ обществомъ, имѣетъ полную возможность возвратить себѣ утраченное довѣріе и право на поддержку со стороны общества, какъ моральную, такъ и матеріальную. За такою постановкой тюремнаго дѣла нельзя, конечно, не признать самой глубокой разумности. Къ сожалѣнію, у насъ, по словамъ проекта, она не осуществима, какъ по громадности издержекъ, необходимыхъ для устройства разнообразныхъ заведеній этой системы, такъ и по трудности имѣть такихъ дѣятелей, которые бы совмѣщали въ себѣ условія, нужныя для ближайшаго руководства такими заведеніями (Объясн. зап. ст. 55). Поэтому, тоже самое намъ предстоитъ устроить путемъ другимъ. И вотъ, крайность, съ которою встрѣчался у насъ выходившій изъ тюрьмы босымъ, голоднымъ и холоднымъ, мы предполагаемъ устранять ссудою части заработныхъ въ тюрьмѣ денегъ, а совершенную безпомощность въ дѣлѣ пріисканія, по выходѣ изъ тюрьмы, рабочаго мѣста—сдачею его въ вѣдѣніе особаго покровительственнаго общества.

Та часть заработныхъ денегъ, которою предполагается ограждать выходящаго изъ стѣнъ заключенія отъ угрожающей ему крайности, высчитывается такимъ образомъ. При обязательности труда тюремнаго, арестантъ, естественно, имѣетъ заработныя деньги. Но на немъ, прежде всего, лежитъ непремѣнный долгъ—оплачивать ими, по возможности, большую

часть расходовъ, которые несетъ на него правительство. Какую именно часть, — это, говорится въ проектѣ, опредѣлить весьма трудно: всякій выборъ будетъ тутъ болѣе или менѣе произволенъ. Принимая однако во вниманіе практику московскаго смирительно-рабочаго дома, отчисляющаго въ собственность арестанта $^2/_3$ заработка, и соображенія коммиссіи, трудившейся надъ тюремнымъ вопросомъ и полагавшей выдѣлять арестанту $^1/_2$ его заработка, проектъ находитъ самымъ «правильнымъ» въ погашеніе расходовъ государственнаго казначейства отчислять 60%, затѣмъ 10% употреблять на образованіе при тюрьмѣ особыхъ спеціальныхъ средствъ, и уже остальные 30% отдавать въ пользу арестанта, но такъ, чтобы ими оплачивались и безплатныя работы по тюремному собственно хозяйству, или такъ-называемыя «хозяйственныя» работы, производимыя арестантами же (ремонтъ зданія, изготовленіе пищи, стирка бѣлья и т. д.). Но и эти 30%, въ собственность арестанта поступающіе, дѣлятся на двѣ половины, изъ коихъ первая идетъ на покрытіе убытковъ, причиненныхъ его преступленіемъ, а изъ другой — уплачиваются подати арестанта, принадлежащаго къ податному сословію, слѣдующія съ него за тюремное собственно время, по желанію арестанта выдается пособіе его семейству, удовлетворяются во время заключенія его собственныя невинныя потребности (чай, бумага для кореспонденціи [1]) и т. п.), и уже остающееся за тѣмъ отдается выходящему изъ тюрьмы для спасенія его отъ крайности, съ которою, въ противномъ случаѣ, онъ встрѣтится, лишь только ступитъ за порогъ своей тюрьмы (Объясн. запис. ст. 64, 68).

Чтобы лучше видѣть, что изъ всего этого должно и будетъ выходить, обратимся къ цифрамъ.

Мы уже имѣли случай говорить, что министерство, запасаясь матеріалами къ реформѣ тюремной, въ видахъ практи-

---

[1]) Подлинное выраженіе объясн. записки.

ческаго разрѣшенія тѣхъ вопросовъ этого дѣла, по которымъ всѣ теоретическія воззрѣнія оказывались до сихъ поръ неудовлетворительными, въ Москвѣ и Петербургѣ открыло пробныя тюрьмы, съ обязательными тамъ и здѣсь работами и ночнымъ разъединеніемъ заключенныхъ. Отчетами объ этихъ опытахъ, представленными петербургскою срочною тюрьмой за одинъ годъ ея существованія, а московскимъ смирительно-рабочимъ домомъ—за три съ половиною года, обнаружены такіе благопріятные результаты, что они, по надлежащемъ обсужденіи, приняты въ руководство, какъ въ дѣлѣ организаціи труда въ будущихъ исправительныхъ тюрьмахъ, такъ и въ дѣлѣ помощи выходящему изъ стѣнъ заключенія. Изъ отчетовъ этихъ видно, что въ петербургской срочной тюрьмѣ, устроенной для заключенія на сроки до одного года, въ теченіе отчетнаго года перебыло 2,840 арестантовъ, которыми заработано, сверхъ безплатныхъ «хозяйственныхъ» работъ, 14,950 р. 82 к., а въ московскомъ смирительномъ домѣ, открытомъ для заключенія на сроки свыше одного года, въ теченіе отчетныхъ трехъ съ половиною лѣтъ, кромѣ безплатныхъ по тюремному хозяйству работъ, которыхъ произведено на сумму 10,139 р. 23½ к., заработано 14,125 р. 28½ к., при чемъ работавшихъ за это время, среднимъ числомъ, было 170 человѣкъ ежедневно. Но «хозяйственный» тюремный трудъ, по положенію проекта, оплачивается работами «посторонними.» Поэтому, какъ та половина арестантовъ — работниковъ, такъ и другая имѣютъ, каждая, свою долю — тамъ въ 14,950 р. 82 к., а здѣсь—въ 14,125 р. 28½ к. Оставляя петербургскую срочную тюрьму, уже слишкомъ мало давшую заработной платы своему арестанту (45 к. въ мѣсяцъ), съ проектируемымъ положеніемъ въ рукахъ, мы позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателя на московскомъ тюремномъ домѣ, которому, въ отношеніи организаціи труда, отдаетъ полное преимущество и авторъ проекта, перенося ее цѣликомъ въ свою тюрьму, и который, сверхъ того, даетъ знать себя не за одинъ годъ, а за три съ половиною, при чемъ удачный годъ съ неудачнымъ уже имѣлъ, конечно, возможность сбаллансироваться.

Предъ нами, положимъ, какой-нибудь крестьянинъ или мѣщанинъ N, приговоренный, за учиненіе кражи, къ заключенію въ будущей исправительной тюрьмѣ ровно на одинъ годъ. Прибывъ сюда, N объявляетъ, кому слѣдуетъ, что онъ очень желалъ бы заняться слесарнымъ, напримѣръ, мастерствомъ, съ которымъ нѣсколько уже знакомъ. Вновь прибывшаго тотчасъ же, съ ногъ до головы, заваливаютъ разными подѣлками этого рода, до тюремнаго «хозяйства» относящимися: поправкой дверныхъ ручекъ, замковъ, петель, задвижекъ, чисткой и починкой кухонной и столовой посуды, арестанскихъ кандаловъ и пр. и пр. Арестантъ работаетъ на славу. Въ виду этого, ему говорятъ: «нѣтъ ли у тебя бѣдныхъ родныхъ, семейства, и не хочешь ли доброе дѣло сдѣлать—помочь имъ?» N отвѣчаетъ: «да, есть, хочу и надо.» Спустя нѣсколько, и замѣчая, что N не ослабѣваетъ въ своей ревности къ дѣлу, ему опять говорятъ: «не хочешь ли чаю, да не нужны ли тебѣ бумага, чернила, перо—для корреспонденціи?» N опять отвѣчаетъ: «отчего же, пожалуй—буде милость есть.» И вотъ проходитъ годъ; арестанту предстоитъ выйти изъ тюрьмы. Чтобы не пустить бѣднягу на произволъ судьбы, чтобы дать ему хотя кое-какую возможность пріискать рабочее мѣсто, безъ котораго онъ, вопреки своимъ думамъ сердечнымъ и всякимъ чаяніямъ тюрьмы, скоро опять можетъ пожаловать сюда, выходящаго изъ тюрьмы необходимо ссудить изъ заработныхъ арестантскихъ денегъ, въ которыхъ онъ, какъ и всякій другой, имѣетъ свою долю. Начинается разсчетъ. Оказывается, что въ теченіе года работавшихъ въ тюрьмѣ было, среднимъ числомъ, 170 человѣкъ ежедневно, а заработано—4035 руб. 79 к. (въ три съ половиною года—14,125 р. 28½ к.). Значитъ освобождаемому причитается 23 р. 74 к. Но отсюда надобно вычесть 14 р. 24 к. (60%): это — на содержаніе тюремъ; да на образованіе особыхъ спеціальныхъ средствъ—2 р. 37 к. (10%). Затѣмъ въ его собственность поступаетъ 7 р. 13 к. Но онъ былъ осужденъ за кражу, и долженъ возвратить ближнему убытки, которые причинилъ ему своимъ прес-

тупленіемъ. На это отчисляется половина, а другая (3 р. 56 к.) остается арестанту. Но съ него надо еще вычесть подати за время ареста. За симъ подается заборная его книжка, въ которой аккуратно значится, что въ теченіе года выходящій изъ тюрьмы, много ль-мало, помогалъ своему семейству, расходовался на корреспонденцію, пробавлялся иногда чаепитіемъ и т. д. Все это, разумѣется, удерживается изъ слѣдующей ему «половины,» т.-е. все изъ тѣхъ же 3 р. 56 к., и уже остатками за вычетомъ всего этого онъ надѣляется для огражденія его отъ ударовъ лютой нужды, которая, между тѣмъ, съ распростертыми объятіями ждетъ несчастнаго сейчасъ же за стѣнами тюрьмы...

Но вышедшему изъ тюрьмы, скажутъ намъ, ничто не мѣшаетъ погрузиться въ объятія филантропіи покровительственнаго общества, которое для того именно и предполагается, чтобы наблюдать за выпущенными изъ мѣстъ заключенія, чтобы пріискивать имъ средства къ жизни, а также—новыхъ обществъ для тѣхъ изъ нихъ, отъ которыхъ прежнія станутъ отказываться (Объясн. зап., введеніе § 6). Да; но что это за предполагающееся общество, къ которому мы отсылаемъ бывшаго арестанта? Это, говорится въ объяснительной запискѣ, общество, образовавшееся въ 1819 году, подъ вѣяніемъ проникшихъ съ запада идей улучшенія тюремнаго быта, принявшее на себя, въ видахъ филантропіи, обязанности ближайшаго и постояннаго надзора надъ заключеннымъ, а съ 1851 года, сверхъ того, взявшееся за веденіе тюремнаго хозяйства, судебнаго за арестантами надзора и ближайшей администраціи, но которое, какъ опытъ показалъ, вслѣдствіе недостатка въ членахъ сочувствія къ дѣлу, оказалось совершенно несостоятельнымъ, потерявшимъ изъ виду даже и главную цѣль своего назначенія—филантропическую (Объясн. зап. II. Управл. испр. тюр.). Таково, по собственнымъ словамъ автора проекта, то общество, къ которому отсылаетъ онъ выходящаго изъ тюрьмы. Мы не беремся, да и права не видимъ за собою судить, насколько все это вѣрно, — мы хотимъ сказать только,

что если имѣются данныя такимъ образомъ трактовать это общество, то изъ всего этого, само собою, вытекаетъ одно изъ двухъ: или мы уже слишкомъ непослѣдовательны, или ужъ черезчуръ мало внимательны къ судьбѣ только лишь вышедшаго изъ стѣнъ заключенія, когда, выпуская его, попрежнему, босымъ, голоднымъ и холоднымъ, указываемъ ему на объятія филантропіи подобнаго общества.

Проектъ предоставляетъ начальнику тюрьмы лишать арестантовъ права пользоваться опредѣленною закономъ частью заработной платы, за время до одного мѣсяца (ст. 75, § 5). Это, поясняется въ «запискѣ,» за проступки—не совсѣмъ маловажные; штрафныя деньги обращаются въ хозяйственную сумму заведенія, а самая мѣра эта имѣетъ двоякое значеніе вопервыхъ, арестантъ лишается вознагражденія за трудъ, который становится отъ сего безвозмезднымъ; вовторыхъ, уменьшается часть тѣхъ средствъ, какими арестантъ пользуется въ послѣдствіи. Но какими средствами пользуется онъ въ послѣдствіи, при выходѣ изъ тюрьмы, мы уже видѣли.....

По проекту, всѣ поступающія въ тюрьму подаянія припасами поступаютъ въ распоряженіе предсѣдателя хозяйственнаго правленія; подаянія же въ пользу отдѣльныхъ лицъ и на руки арестантамъ не допускаются; кружекъ для сбора денежныхъ подаяній не выставляется (ст. 55). Въ слѣдственныхъ тюрьмахъ, поясняется въ «запискѣ,» это еще можетъ быть терпимо, и вотъ основаніе: формальное убѣжденіе въ виновности арестанта еще не образовалось, а онъ, между тѣмъ, терпитъ отъ лишенія свободы. Но въ срочныхъ тюрьмахъ допущеніе денежныхъ подаяній на руки арестантамъ и въ тюремныя кружки будетъ по крайности несообразнымъ, такъ какъ выраженіе сожалѣнія къ личности преступника, какими бы то ни было органами общественной благотворительности, неумѣстно, и будетъ только доказывать недовѣріе со стороны общества къ справедливости судебнаго приговора или къ законности его исполненія. Арестантъ уже осужденъ, и соболѣзнованія, слѣдовательно, никакого болѣе не можетъ и не

должно быть: законъ и судъ произнесли надъ нимъ свое слово,—слово обязательное не только для него, какъ наказуемаго, и тюремнаго начальства, какъ исполняющаго наказанія, но и для общества, среди котораго онъ живетъ и т. д.

Все это было бы вѣрно, еслибы, вопервыхъ, проектируемая тюрьма не называлась *исправительною*, еслибы конечною ея цѣлію поставлялось возмездіе арестанту за учиненное имъ зло, а не исправленіе его, и, вовторыхъ, еслибы можно было доказать, что отселѣ никто и никогда не подвергнется тюремному заключенію безвинно, по ошибкѣ, а всѣмъ достойно принявшимъ заключеніе, но искренно раскаявающимся, стремящимся къ исправленію, и заслуживающимъ, слѣдовательно, всякаго вниманія, поддержки, ободренія — все это и будетъ оказываемо въ тюрьмѣ. Между тѣмъ, общество русское, какъ и всякое другое, конечно, хорошо знаетъ, что законъ и судъ произносятъ свое слово иногда слишкомъ не близкое къ истинѣ, и это—не почему-нибудь особенному, не по какому-нибудь невниманію къ дѣлу или небрежности, а просто потому только, что суды человѣческіе совсѣмъ не то, что судъ Божій, что при всемъ бы желаніи со стороны суда человѣческаго соблюсти справедливость, болѣе или менѣе крупные въ этомъ отношеніи промахи, недосмотры или неточности всегда были, есть и будутъ, потому что для избѣжанія всего этого ему недостаетъ ни силъ, ни средствъ. Былъ же нѣкогда заключенію темничному подвергнутъ и Христосъ—Спаситель! Нельзя же разсуждать, что съ открытіемъ проектируемыхъ тюремъ и времена настанутъ совершенно другія, а съ ними—другіе люди, другіе суды и законы... Не много можетъ помочь дѣлу и тюремное начальство. Правда, оно владѣетъ правомъ, какъ видѣли мы, сократить исправляющемуся срокъ заключенія. Но припомнимъ, что сокращеніе это не распространяется на первый годъ заключенія, предназначающійся для испытанія арестанта; слѣдовательно, для начальства краткосрочныхъ тюремъ права этого не существуетъ. Представьте же себѣ человѣка, осужденнаго по ошибкѣ къ заключенію, положимъ, на 13 мѣ-

сяцевъ, или за то только осужденнаго, что, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, неблагопріятно сложившихся надъ нимъ, онъ сдѣлался преступникомъ, такъ сказать, нежданно негаданно. По положенію проекта, его помѣщаютъ въ средѣ болѣе испорченныхъ людей (тюрьма долгосрочная); здѣсь въ продолженіе 12 мѣсяцевъ, предназначенныхъ для его испытанія, онъ томится, страдаетъ, даже заражается отъ сотоварищей; но все же ведетъ себя такъ, что начальству тюремному ничто не мѣшаетъ оказать ему самую крайнюю милость, какая только возможна, именно—сократить несчастному срокъ заключенія на цѣлую треть. И вотъ онъ выходитъ изъ тюрьмы десятью днями раньше.... А цѣлый годъ и 20 дней онъ содержался, какъ и самый закоснѣлый негодяй,—съ тою единственною разницей, что тому за это время, быть можетъ, уже не разъ довелось испытать строгость тюремныхъ собственно взысканій, а этотъ миновалъ ихъ. Онъ и выпускается изъ тюрьмы такимъ же босымъ, голоднымъ и холоднымъ, какъ и тотъ. Не то, конечно, говоримъ мы, будто начальству тюремному слѣдовало бы предоставить еще болѣе широкую свободу дѣйствій: такая свобода, при извѣстной у насъ скудости въ тюремныхъ дѣятеляхъ, можетъ повести еще къ большему злу; мы хотимъ только сказать, что сострадательность, составляющую лучшее украшеніе русскаго общества и выражающуюся, между прочимъ, тѣмъ или другимъ способомъ подаяній на тюрьму и ея заключенныхъ, нельзя ставить ему въ упрекъ, что общество наше поступаетъ гораздо разумнѣе и человѣчнѣе, когда, благотворя тюрьмамъ, рискуетъ лучше нѣсколько облегчить несчастную судьбу десяти дѣйствительныхъ преступниковъ, лишь бы не оставить въ забвеніи и одного, страждущаго невинно, или истинно раскаивающагося.

Если же, продолжаетъ «записка,» подача припасовъ въ срочныхъ тюрьмахъ и можетъ быть допущена, то только изъ уваженія къ существующимъ правамъ русскаго общества, и подъ условіемъ, чтобы подача эта служила воспособленіемъ казнѣ въ дѣлѣ содержанія тюрьмы, каковымъ и явится она, если не

отмѣнными правилами обусловлено будетъ, чтобы подаянія арестантамъ были отнюдь не личныя, поступали бы въ вѣдѣніе предсѣдателя хозяйственнаго правленія и употреблялись на цѣлое тюремное учрежденіе, а за симъ, остатки отъ смѣтныхъ назначеній обращались въ государственное казначейство (ст. 54).

Этими словами авторъ проекта даетъ знать, конечно, что въ проектируемыхъ тюрьмахъ арестанты будутъ содержаться именно и совершенно такъ, какъ и должно содержаться исправляемымъ, что, за симъ, малѣйшее измѣненіе этого содержанія, хотя бы то и въ лучшую сторону, будетъ отклонять тюремный бытъ отъ его прямой задачи и назначенія. Мы не знаемъ возможное ли дѣло—тюремное содержаніе арестанта соразмѣрить математически точно съ его состояніемъ нравственнымъ; полагаемъ только, что еслибы это и возможно было, то, во всякомъ случаѣ, общественной благотворительности для тюремъ можно было бы дать употребленіе болѣе правильное и цѣлесообразное. Куда же, скажутъ, и какое? Но вмѣсто отвѣта, предъ лицомъ такого вопроса, мы ставимъ, съ одной стороны, ту печальную наготу арестанта, въ какой придется ему выходить изъ тюрьмы, а съ другой—свои увѣренія, что когда арестантъ, высидѣвшій срокъ, станетъ выходить изъ тюрьмы безъ средствъ къ жизни, безъ пріюта и насущнаго хлѣба, безъ всякой поддержки и содѣйствія въ дѣлѣ пріисканія занятій, а съ ними и куска хлѣба, то упавши по мнѣнію людей—ему трудно подняться и встать на ноги, если только благодѣтельная рука не придетъ къ нему на помощь. Направьте же сюда русскую благотворительность для тюремъ; остатки отъ смѣтныхъ назначеній предоставьте въ распоряженіе разумно организованнаго общества, съ цѣлію патронатства надъ выходящими изъ заключенія, и, будьте увѣрены, общество русское, подающее въ тюрьмы, будетъ удовлетворено, дѣятельность исправительной тюрьмы станетъ менѣе парализоваться рецидивами преступленій, цѣлая масса выходящихъ изъ тюремъ будетъ спасена отъ вторичныхъ заключеній. Въ прямомъ выигрышѣ окажется тутъ и государ-

ственное казначейство. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственно правильное употребленіе подаяній на тюрьму, если можно опасаться, что бытъ тюремный, какъ строго обдуманный и вѣрно поставленный, вслѣдствіе этихъ подаяній будетъ отклоняться отъ указаннаго ему назначенія. Надо не сокращать, а напротивъ, всѣми силами поддерживать и развивать этого рода благотворительность. Сюда же, намъ кажется, слѣдовало бы обращать и налагаемые на провинившихся денежные штрафы. Въ противномъ случаѣ, мы окажемся одною рукой спасающими арестанта отъ новыхъ преступленій, а другою—вталкивающими его въ эти новыя преступленія, одною дѣлающими, а другою—лишь за часъ сдѣланное—разрушающими.

Нельзя не согласиться, что все это—такія стороны занимающаго насъ проекта, надъ которыми необходимо самымъ серьезнымъ образомъ остановиться, прежде чѣмъ желать ему практическаго примѣненія. Можно думать, что проектъ миновалъ бы этихъ не совсѣмъ удобныхъ сторонъ, еслибы дѣло пересмотра тюремнаго вопроса было поставлено нѣсколько иначе. Извѣстно, что вопросъ тюремный представляетъ двѣ разнородныя стороны: внѣшнюю, которая подлежитъ вѣдѣнію собственно администраціи, и внутреннюю—уже научную, педагогическую. Которая изъ нихъ существеннѣе—спорить не будемъ; несомнѣннымъ представляется лишь то, что попечительное о тюрьмахъ общество, учрежденіемъ особой у себя коммиссіи для обсужденія вопроса о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты для оказанія наибольшаго нравственнаго вліянія на заключенныхъ, какъ бы выполняетъ пробѣлъ коммиссіи, трудившейся надъ реформою тюремнаго дѣла. Мы не знаемъ, пришла ли означенная коммиссія попечительнаго общества къ какому-либо заключенію по предмету своихъ занятій, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать ей всевозможныхъ успѣховъ. Имя предсѣдателя этой коммиссіи, сколько просвѣщеннаго, столько же и опытнаго [2]), служитъ порукою въ томъ,

[2]) Вице-президентъ Общества, преосвященный Тихонъ, — изъ приходскихъ священниковъ.

что она не остановится на мелкихъ мѣропріятіяхъ, а поставитъ предъ собою педагогическую сторону дѣла во всю ея ширину, не опуская при этомъ изъ виду, что добрые результаты собственно тюремнаго вліянія на арестанта много, очень много зависятъ отъ средствъ къ матеріальной помощи тѣмъ изъ нихъ, которые впадаютъ въ преступленіе не по закоренѣлой испорченности, а единственно по стеченію гибельныхъ обстоятельствъ, для того только, чтобы попасть на казенный хлѣбъ, въ казенную теплую комнату. Дайте этимъ людямъ возможность стать на ноги, и они не попадутъ болѣе въ разрядъ отщепенцевъ рода человѣческаго.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не отдать справедливости и многимъ несомнѣннымъ достоинствамъ проекта. Прежде всего, въ немъ преобладаютъ начала гуманныя, совершенно невѣдомыя прежнимъ тюремнымъ уставамъ; далѣе, стремленіе «исправить» преступника проведено чрезъ проектъ отъ начала до конца; онъ не чуждъ также заботъ изгнать возможныя злоупотребленія по внутреннему управленію будущей тюрьмы. Авторъ проекта не бросился къ суровымъ формамъ ни одиночнаго заключенія пенсильванской системы, ни безусловнаго молчанія оборнской: онъ остановился на мѣрахъ болѣе мягкихъ. На преступника онъ смотритъ, повидимому, какъ на нравственно недужнаго, которому не мститъ за преступленіе, а его пользуетъ, исправляетъ, въ полной увѣренности, что достаточнымъ возмездіемъ за причиненное имъ зло служитъ уже самый процессъ его леченія. Вслѣдствіе такого взгляда на дѣло, дисциплинарный уставъ проектируемой имъ тюрьмы является болѣе мягкимъ, чѣмъ всѣ прежніе или дѣйствующіе въ исправительныхъ тюрьмахъ военнаго вѣдомства. Въ то время, когда эти послѣдніе уставы допускаютъ тѣлесное наказаніе въ размѣрѣ, напримѣръ, 50 ударовъ розгами и двухнедѣльное заключеніе въ свѣтломъ карцерѣ, авторъ проекта мѣстную власть своей тюрьмы ограничиваетъ возможностью, въ случаѣ нужды, распорядиться только 20 ударами, однонедѣльнымъ заключеніемъ въ свѣтломъ карцерѣ и т. д. А вниманіе къ этимъ карцерамъ и къ самому содержанію въ нихъ провинившагося арестанта обнаруживаетъ

мысль — исправленія преступника достигнуть съ возможно меньшею затратой его здоровья. Жаль только, что, отдавая дисциплинарный уставъ своей тюрьмы въ полное и безотчетное вѣдѣніе тюремнаго начальника, авторъ проекта сдѣлалъ эту должность уже слишкомъ доступною для всѣхъ и каждаго. Передача же хозяйственной части въ руки особаго коллегіальнаго правленія и зрѣло обдуманный составъ этого правленія, конечно, избавитъ будущихъ начальниковъ тюремныхъ отъ многихъ соблазнительныхъ операцій. Но особеннаго сочувствія заслуживаетъ стремленіе проекта оставить за арестантомъ нѣкоторыя изъ правъ, какими пользовался онъ на свободѣ, напримѣръ: право собственности на нѣкоторую, хотя и очень незначительную, часть заработка, право жалобы мировымъ съѣздамъ, право и возможность заслужить уменьшеніе срока заключенію и т. д. Все это, живо напоминая арестанту его бывшую общественную жизнь, изъ которой онъ удалилъ себя противозаконными дѣяніями, не даетъ ему возможности сдѣлаться закоснѣлымъ человѣкомъ, для котораго теперь все пропало, какъ и онъ самъ для всего. Частыя же свиданія съ родными, на которыя такъ скупы дѣйствующіе тюремные уставы, поддерживая въ арестантѣ естественную теплоту семейныхъ отношеній и, тѣмъ самымъ, дѣлая постоянно присущимъ ему стремленіе изъ стѣнъ заключенія, произведутъ то, что тюремная жизнь, помимо мѣръ репрессивныхъ, наградитъ заключенника такимъ впечатлѣніемъ, которое потомъ будетъ добрымъ совѣтникомъ ему въ его дальнѣйшемъ поведеніи.

Опредѣляя дисциплинарную сторону тюремной жизни, авторъ проекта сталкивается съ неудобнымъ сословнымъ вопросомъ. Но принимая во вниманіе то простое и совершенно, конечно, правильное положеніе, что если дисциплина тюремная несравненно тягостнѣе для людей привилегированнаго сословія, чѣмъ для простолюдиновъ, то и виновность первыхъ въ томъ же размѣрѣ превышаетъ виновность послѣднихъ,—онъ находитъ справедливымъ, чтобы всѣ содержащіеся въ стѣнахъ тюрьмы подвергались одинаковой дисциплинѣ, какъ въ отношеніи общихъ порядковъ тюремной жизни, такъ и въ отношеніи взыс-

каній за своевольное уклоненіе или нарушеніе этихъ порядковъ: въ противномъ случаѣ, нарушится правильность соотношеній наказанія съ преступленіемъ (Объясн. запис. ст. 74). Изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія только тѣ преступники привилегированнаго сословія, которые подвергаются тюремному заключенію безъ лишенія правъ того сословія, къ которому принадлежатъ.

Вообще, углубляясь въ строй внутренней жизни проектируемыхъ тюремъ, приходимъ къ тому отрадному убѣжденію, что рука, чертившая этотъ новый строй, водилась сколько теплою любовію къ дѣлу, столько же и зрѣлымъ сознаніемъ его конечной цѣли. Можно съ увѣренностью полагать, что тюрьмы наши, наконецъ, выводятся изъ настоящаго, блуждающаго положенія, и ставятся на дорогу болѣе вѣрную, прямую. Нельзя не пожелать только, чтобы самое шествіе ихъ по этой дорогѣ не затруднялось нѣкоторыми неровностями пути. Такъ, напримѣръ, нельзя не пожелать, чтобы сортировка преступниковъ по нравственностямъ производилась подъ руководствомъ указателей болѣе положительныхъ, ближе и вѣрнѣе разрѣшающихъ этотъ вопросъ; чтобы начала тюремной моралізаціи введены были въ строй внутренней жизни будущихъ тюремъ съ болѣе зрѣлою обдуманностію; чтобы доступъ въ начальники тюремные былъ загражденъ людямъ, неспособнымъ понять и какъ слѣдуетъ повести дѣло; чтобы выходящій изъ тюрьмы былъ, по возможности, огражденъ отъ тяжкой нужды; чтобы судьба основныхъ началъ тюремной моралізаціи была ввѣрена не одноличному смотрѣнію тюремнаго начальника, но, какъ и хозяйственная часть, коллегіальному собранію или совѣту, который бы, подъ предсѣдательствомъ, положимъ, того же начальника, состоялъ изъ тюремнаго священника, учителя и даже изъ членовъ того общества, которое будетъ покровительствовать выходящимъ изъ стѣнъ заключенія. Умъ хорошо, гласитъ практическая мудрость,—а два лучше.

Свящ. Илія Свиткинъ.

С.-Петербургъ

ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ И ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ

ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ [1]).

Нужда соединяться, составлять общества для взаимнаго вспомоществованія и для извѣстныхъ религіозныхъ или благодѣтельныхъ цѣлей сознавалась столько же въ древности, сколько и теперь; и между древними народами римляне испытывали ее можетъ быть осязательнѣе всѣхъ. Ихъ историки относятъ происхожденіе первыхъ римскихъ ассоціацій даже къ самымъ первымъ временамъ Рима, когда Нума для того, чтобы соединить вмѣстѣ латинянъ и сабинянъ, остававшихся раздѣленными, распредѣлилъ весь народъ на девять корпорацій по ремесламъ и промысламъ. Рядомъ съ этими корпораціями рабочихъ, которымъ приписывали такое древнее происхожденіе, существовали религіозныя братства, называемыя sodalitates, считавшіяся еще болѣе древними. Они составлялись съ цѣлію религіознаго служенія и собирались въ своемъ храмѣ. Жрецъ общества закалалъ жертву, братчики ее вкушали и общій пиръ былъ великимъ дѣломъ членовъ братства. Всякій разъ, какъ только въ Римѣ появлялось служеніе новому божеству съ покореніемъ какого-нибудь новаго народа или просто строился какой-нибудь храмъ, тотчасъ же образовывалось новое братство (sodalitas), которое должно было устраивать празднества въ честь новаго божества или принимало на себя попеченіе о новомъ храмѣ.

Эти общества или, какъ ихъ называли, *товарищества*, увели-

[1]) По Revue des Deux Mondes 1871.

чиваясь въ числѣ, ни мало не возбуждали опасеній власти. Пока существовала римская республика, право составлять товарищества кажется не ограничивалось и не стѣснялось ничѣмъ. Законъ только предупреждалъ злоупотребленія: онъ запрещалъ собранія ночныя или тайныя, которыя могли быть опасными для общественнаго спокойствія, но онъ дозволялъ всѣ другія. Римскій народъ долгое время съ умѣренностію пользовался правомъ составлять общества и собранія. Злоупотребленія появляются только къ концу VII вѣка отъ основанія Рима. Тогда начали составляться политическія общества подъ именемъ *collegia sodalicia* или compitalicia, съ цѣлію имѣть вліяніе на выборы или возбуждать народное движеніе, и злоупотребленіе, какъ это бываетъ всегда, повело за собою потерю права. Во время имперіи для ассоціацій былъ установленъ новый порядокъ. Цезарь, а позднѣе Августъ уничтожили всѣ товарищества, которыя имъ казались опасными; они оставили только самыя невиннѣйшія, или тѣ, которыя были почтенными по ихъ древности, и на будущее время было установлено, что для основанія новыхъ обществъ нужно особенное дозволеніе. Дозволеніе же давалось не легко. Такъ какъ внутренній миръ, которымъ Римъ и міръ были обязаны цезарямъ, былъ связанъ съ ихъ бытіемъ, то они хотѣли поддерживать миръ во чтобы то ни стало. Справедливо опасаясь этой толпы бездомниковъ и космополитовъ, которые скрывались въ темныхъ кварталахъ большихъ городовъ, они рѣшились заблаговременно отнять у нея всѣ средства организоваться. Самыми умными и самыми энергическими императорами, наиболѣе заботившимися о хорошемъ управленіи имперіи, были тѣ, которые всего строже наблюдали за прежними ассоціаціями и всего менѣе дозволяли основывать новыя. Плиній въ бытность свою губернаторомъ Виѳиніи просилъ у Траяна дозволенія основать въ Никомидіи товарищество 150 рабочихъ, которые бы взяли на себя обязанность тушить пожары; императоръ отказалъ въ этомъ. Римскій кодексъ сохранилъ законы, сенатскія опредѣленія, императорскіе декреты, которые или запрещаютъ или ограничиваютъ право ассоціаціи. Губернаторы имѣли приказаніе исполнять эти законы въ провинціяхъ самымъ строжайшимъ образомъ: въ Римѣ нарушителей этихъ законовъ предавали суду первой городской власти, *префекту города*. Наказаніе виновнаго было ужас-

ное. Всякій, говоритъ Ульпіанъ, кто учреждаетъ недозволенное товарищество, подвергается тѣмъ же наказаніямъ, которыя опредѣлены нападающимъ съ оружіемъ на публичныя мѣста или храмы. По выбору судьи, такой могъ быть или обезглавленъ, или брошенъ на съѣденіе звѣрямъ или сожженъ живымъ.

Несмотря на строгость этихъ мѣръ, онѣ были совершенно безсильны. Въ ту минуту, когда юрисконсультъ Гай, объяснитель правительственнаго ученія, говорилъ: «почти нѣтъ причинъ для того, чтобы дозволять подобныя общества,» они наполняли Римъ и даже самые маленькіе города, они проникали даже въ деревни, откуда ихъ особенно хотѣли удалить, они покрывали самыя богатѣйшія провинціи. Почти невѣроятно, а между тѣмъ въ этомъ увѣряютъ насъ множество сохранившихся надписей отъ временъ имперіи, всѣ эти общества имѣли особенное дозволеніе властей, какъ того требовалъ законъ. Они говорятъ это и хвалятся этимъ. Торговцы Ліона, рыбаки и лодочники Тибра, плотники кораблей Остіи считаютъ своею честію указывать, что имъ дозволено составить общества по опредѣленіямъ сената; но настойчивость, съ которою они указываютъ на это дозволеніе, повидимому говоритъ, что это было рѣдкою привиллегіею: они бы не стали хвалиться этою честію, еслибы пользовались ею всѣ другія товарищества. Итакъ рядомъ съ дозволенными обществами существовало множество другихъ, которыя были только терпимы. Власть рѣшалась дѣлать примѣненіе суровыхъ законовъ противъ недозволенныхъ обществъ только въ крайнихъ случаяхъ: извѣстно, напримѣръ, эти законы безъ жалости примѣнялись къ христіанамъ; но въ большей части другихъ случаевъ власть закрывала глаза до поры до времени. Иногда она даже дозволяла то, чему была не въ состояніи помѣшать. Императоръ Александръ Северъ объявилъ себя покровителемъ тѣхъ обществъ, которыя такъ тревожили его предшественниковъ. «Онъ далъ, говоритъ его біографъ, оффиціальное существованіе всѣмъ обществамъ искуствъ и промысловъ, опредѣлилъ имѣть имъ защитниковъ и указалъ судей, которые должны были судить ихъ за преступленія.» Было ли это признакомъ слабости или актомъ политическаго разсчета? Или это было дѣйствіе общаго смягченія нравовъ, которое наконецъ мало-по-малу проникало и законъ?

Товарищества были особенно многочисленны въ Римѣ, оттуда они распространялись почти во всѣ провинціи имперіи, но не повсюду съ одинаковымъ счастіемъ. Они умножались и дѣлались могущественными въ странахъ богатыхъ, гдѣ процвѣтали торговля и промышленность, гдѣ была развита муниципальная жизнь, на Востокѣ, въ Италіи, въ Галліи. Тамъ они встрѣчаются всюду, на всѣхъ степеняхъ общества. Торговцы, отпущенники, рабы, всѣ были тамъ распредѣлены въ общества всякаго рода и съ самыми разнообразными названіями. Число ихъ было часто весьма значительно въ одномъ и томъ же городѣ, иногда насчитываютъ ихъ нѣсколько на одной и той же площади, или на одной и той же улицѣ. Всѣ эти товарищества въ сущности похожи одно на другое, и различаются между собою скорѣе по своему значенію, чѣмъ по устройству. Ихъ организація всюду одна и таже: видно, что они учреждены по одному и тому же образцу. Итакъ собравъ во едино все, что извѣстно о каждомъ изъ нихъ, и оставивъ въ сторонѣ несущественныя разности въ подробностяхъ, можно прослѣдить образъ ихъ управленія, ихъ жизнь, приносимыя или благодѣянія и предѣлы, за которыми оканчивалось ихъ вліяніе.

I.

Постараемся сначала дать понятіе о происхожденіи этихъ обществъ. Случаи возникновенія ихъ очень различны, и, понятно, ихъ нельзя указать всѣ. Впрочемъ, прежде чѣмъ возникла мысль составлять общества, естественно товарищества образовывались изъ лицъ, сближавшихся между собою общими занятіями, напр. однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Въ этомъ и заключается причина того, что въ Римѣ и во всей имперіи были особенно многочисленны ассоціаціи рабочихъ; были ассоціаціи всѣхъ родовъ, которыя отвѣчали родамъ всѣхъ промысловъ. Въ самыхъ низкихъ, какъ и въ самыхъ возвышенныхъ занятіяхъ стремились составлять союзы или общества. Погонщики ословъ и муловъ, какъ и торговцы виномъ и пшеницею составляли свои товарищества. Кромѣ товариществъ матросовъ—моряковъ, были товарищества матросовъ по озерамъ и рѣкамъ, работниковъ на лодкахъ и баркахъ. Различные промышленники по части туалета, особенно женскаго, составляли изъ себя безчисленное множество самыхъ

разнообразныхъ по важности товариществъ, начиная съ обрабатывавшихъ шерсть и красильщиковъ въ пурпуръ до чулочниковъ и сапожниковъ. Въ портовыхъ городахъ первое мѣсто занимали корпораціи патроновъ кораблей, принадлежать къ которымъ считали себѣ за честь самые знатные люди. Послѣ нихъ къ важнѣйшимъ нужно отнести товарищества людей занимавшихся различными искусствами и необходимыми промыслами, плотниковъ, каменьщиковъ, лѣсопромышленниковъ, фабрикантовъ сукна, виноторговцевъ, булочниковъ, которыхъ Траянъ организовалъ въ особое общество и далъ имъ особенныя привиллегіи. Всѣ эти корпораціи входили въ частныя сношенія съ правительствомъ, которое имѣло въ нихъ нужду для матеріальнаго благосостоянія имперіи. Императоры обращали на нихъ особенное вниманіе, понимая, что повиновеніе народа часто зависитъ отъ его благосостоянія, а потому они оказывали всевозможное покровительство тѣмъ товариществамъ, которыя имъ помогали въ этомъ дѣлѣ. Клавдій поощрялъ морскую торговлю, которую мудрецы эпохи Августа удостоивали только оскорбленій, и оказывалъ обществамъ моряковъ всевозможныя милости. Вѣроятно, что и другія корпораціи были предметомъ подобныхъ же милостей. Правительство болѣе и болѣе чувствовало нужду въ этихъ обществахъ по мѣрѣ того, какъ продовольствіе Рима и имперіи дѣлалось все затруднительнѣе вслѣдствіе разныхъ общественныхъ несчастій; общества помогали въ этихъ несчастіяхъ, отъ нихъ требовали этой помощи. Правительство платило имъ за это, давая имъ всевозможныя привиллегіи. Теперь можетъ быть первый разъ услуги, которыя могутъ оказать странѣ промышленность и торговля, были признаны публично и ограждены закономъ. Это было величайшею побѣдою въ этихъ аристократическихъ государствахъ, презиравшихъ «вульгарныя занятія, имѣвшія цѣлію одну наживу», и великихъ людей римской республики конечно привели бы въ немалое смущеніе слова Симмаха, который въ торжественной рѣчи въ сенатѣ отдалъ честь и мясникамъ, булочникамъ и колбасникамъ, говоря, что и они могутъ служить и служатъ отечеству своими занятіями.

Цѣлію ассоціацій рабочихъ въ Римѣ было между прочимъ охраненіе общихъ интересовъ: соединеніемъ они хотѣли предостеречь рабочихъ отъ уничтожающихъ соперничествъ въ про-

мыслахъ и оградить себя отъ излишнихъ требованій фиска: тамъ, гдѣ одинъ могъ быть забитъ, ассоціація выдерживала. Если съ нею поступали несправедливо, она обращалась съ жалобою къ мѣстному суду. Иногда онѣ обращались прямо къ самому императору. Въ бытность Страбона въ Коринѳѣ, онъ видѣлъ, какъ депутаты одной корпораціи рыболововъ отправлялись въ Римъ, чтобы просить у Августа уменьшенія налога на рыбный промыселъ. Конечно, этихъ бѣдныхъ людей дѣлала такими смѣлыми сила ассоціаціи. Въ Римѣ, какъ и въ новыя времена, главнымъ побужденіемъ къ составленію обществъ служило желаніе быть сильнѣе. Впрочемъ, нужно замѣтить, римскія корпораціи, особенно въ первыя времена римской имперіи, не были ни такими спеціальными, ни такими исключительными, и ни такъ строго замкнутыми, каковы теперь ассоціаціи рабочихъ на Западѣ. Хотя ихъ имена указывали на особенную профессію,—но не всѣ члены каждаго товарищества непремѣнно люди занимающіеся однимъ и тѣмъ же промысломъ. Кромѣ членовъ почетныхъ, отъ которыхъ требовалось только быть богатымъ и щедрымъ, и такихъ, которые вступали въ корпораціи лишь для того, чтобы пользоваться ихъ привиллегіями, надписи показываютъ, что между дѣйствительными членами были и такіе, которыхъ промыселъ вовсе не отвѣчалъ имени самаго товарищества и которые не скрываютъ этого, а это доказываетъ, что подобныя вещи были обычны. Особенно въ Ліонѣ въ обществахъ была странная смѣсь людей различныхъ занятій: тамъ фабрикантъ полотенъ и торговецъ зеленью состоятъ дѣйствительными членами товарищества плотниковъ. Поэтому нужно полагать, что эти рабочіе полотенъ и торговцы зеленью, какъ и плотники, не составляли корпорацій слишкомъ исключительныхъ. Еслибы ихъ единственною цѣлію было содѣйствіе и покровительство одной общей промышленности, они бы не допускали въ свою среду людей различныхъ профессій. Итакъ была еще другая цѣль, и нужно допустить, даже для корпорацій рабочихъ, что они соединялись еще для того, чтобы имѣть удовольствіе жить вмѣстѣ, чтобы внѣ своего дома находить отдыхъ отъ своихъ трудовъ и развлеченіе отъ скуки, чтобы имѣть сближеніе, менѣе тѣсное чѣмъ семейство, но болѣе искреннее чѣмъ согражданство, чтобы окружить себя друзьями и сдѣлать свою жизнь болѣе легкою и болѣе пріятною.

Эту цѣль, какъ мы увидимъ, въ самомъ дѣлѣ имѣли въ виду всѣ римскія ассоціаціи, какой бы предлогъ онѣ ни выставляли для своего соединенія и какое бы имя ни принимали.

Часто въ товариществахъ искали замѣны семейства и далекаго отечества. Иностранцы, не хотѣвшіе оставаться одинокими въ городахъ, куда они приходили на жительство, имѣли только два исхода: или приставали къ мѣстнымъ товариществамъ, или, если ихъ бывало много, соединялись между собою. Послѣднее бывало въ большихъ торговыхъ городахъ, куда путешественники и торговцы стекались со всѣхъ концовъ міра. Жители финикійскаго города Берита, утвердившись въ Пуццолѣ, образовали тамъ богатое товарищество, которое имѣло тамъ свою землю, цитерну и дома. Было два товарищества азіатскихъ торговцевъ въ Малагѣ. Въ Батавіи, на крайней границѣ римскаго міра, мы находимъ товарищество иностранцевъ (collegium peregrinorum), гдѣ должны были собираться всѣ, кого торговля завлекала въ эту варварскую страну. Римляне, которые съ такою жадностію эксплуатировали и опустошали завоеванныя провинціи, чувствовали нужду между собою соединяться среди этихъ странъ, гдѣ ихъ ненавидѣли. Безъ сомнѣнія, здѣсь нужно искать начала тѣхъ товариществъ римскихъ гражданъ (collegia urbanorum), которая упоминается въ надписяхъ Испаніи. Городомъ по преимуществу считался Римъ; понятно, римляне, попавшіе въ Бетину или Лузитанію, сближались между собою и хотѣли жить вмѣстѣ, чтобы жить воспоминаніями о своемъ городѣ. Старые солдаты, прожившіе долго гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ провинціяхъ, на границахъ имперіи, по возвращеніи на родину не заставшіе ни родныхъ, ни прежнихъ друзей, составляли свои товарищества подъ названіемъ ветерановъ Августа. Та же причина произвела множество товариществъ комиковъ. Никогда можетъ быть не была такъ развита охота къ зрѣлищамъ, какъ тогда: не было ни одного провинціальнаго города въ странахъ самыхъ отдаленнѣйшихъ и повидимому самыхъ варварскихъ, гдѣ бы не было своего театра, амфитеатра и цирка; артистовъ, появлявшихся въ публичныхъ играхъ, было множество; ихъ было много странствующихъ: они переѣзжали изъ провинціи въ провинцію, изъ города въ городъ, куда ихъ приглашали, и обыкновенно они нигдѣ не оставались такъ долго, чтобы могли тамъ завязать какія-нибудь связи. Они,

поэтому, должны были стоять въ связахъ одни съ другими. Актеры камическіе, трагики, мимики, музыканты, атлеты, дрессировщики лошадей соединялись въ корпораціи, которыя иногда дѣлались очень богатыми.

Иногда ассоціаціи составлялись просто только по сосѣдству. Въ это время, когда муниципальная жизнь имѣла столько силы, быть сосѣдомъ значило быть болѣе въ связи, чѣмъ теперь. «Сосѣдство, говоритъ одно лицо въ комедіяхъ Теренція, есть низшая ступень дружества.» Товарищества учреждались между жителями одного и того же квартала, которые имѣли обычай видѣться между собою. Таково было товарищество жителей Капитолія во времена республики, такія товарищества были и во времена имперіи. Товарищества, носившія имя храма, обыкновенно составлялись изъ лицъ, жившихъ въ сосѣдствѣ, которыя имѣли больше вѣры въ этого бога, потому что онъ былъ ихъ сосѣдъ. Въ ассоціаціи привлекались члены не только въ однихъ и тѣхъ же кварталахъ, но даже въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Извѣстно, какое множество кліентовъ, отпущенниковъ, рабовъ группировалось около знатныхъ фамилій; ассоціаціи естественно формировались въ этой толпѣ. Императорскій дворъ былъ похожъ на городъ; онъ, подобно городамъ, имѣлъ всевозможныя товарищества. Упоминанія объ этомъ довольно часты въ собраніяхъ надписей: такъ напр. мы видимъ, что начальникъ императорскаго стола и его жена дѣлаютъ завѣщаніе въ пользу товарищества поваровъ живущихъ на Палатинѣ. Богатые дома брали примѣръ съ государя. Нерѣдко щедрые люди, иногда въ томъ числѣ и женщины, учреждали товарищества у себя въ домѣ, давая имъ обезпеченіе. Почти всегда эти товарищества соединяли рабовъ и отпущенниковъ дома, которымъ господа оказывали нѣкоторыя милости во время жизни и давали гробъ послѣ ихъ смерти; иногда они составлялись изъ однихъ людей свободныхъ, кліентовъ или друзей дома, которымъ знатный господинъ давалъ *убѣжище въ своемъ дворцѣ и на своихъ земляхъ. За эту щедрость члены товарищества платили почтеніемъ своему благодѣтелю. Подобно тому, какъ это дѣлалось въ отношеніи къ императорамъ, они воздавали служеніе домашнимъ богамъ того, кто* ихъ принималъ у себя въ домѣ и почти-что боготворили самаго хозяина. Изъ названій этихъ товариществъ можно заключить,

что члены ихъ собирались для общаго почитанія статуй и изображеній покровительствующаго имъ богача (Collegium cultorum statuarum et clipeorum L. Abulli Dextri).

Вотъ нѣкоторые поводы, по которымъ учреждались товарищества. Мы не могли перечислить ихъ всѣ. Безъ сомнѣнія, нерѣдко они бывали обязаны своимъ происхожденіемъ какой нибудь случайности: одна случайная встрѣча могла соединить людей, одушевленныхъ одними и тѣми же желаніями, страдающихъ одною и тою же скорбію. Для товарищества не нужно было принадлежать къ одной и той же профессіи, быть сосѣдомъ или единоземцемъ; достаточно быть одинокимъ и чувствовать нужду соединить свои силы съ другими для того, чтобы побороть бѣдность или скуку. Эта нужда чувствовалась тогда особенно въ классахъ рабочихъ; высшіе классы въ древности не занимались ихъ участію; положеніе ихъ было весьма дурное; законъ не оказывалъ имъ покровительства, ихъ происхожденіе не обѣщало имъ расположенія людей богатыхъ. Они были обыкновенно изъ рабовъ; отпущенные на волю, они являлись среди людей свободныхъ безъ всякихъ средствъ, часто безъ семейства, съ клеймомъ рабства; ихъ жизнь была весьма жалкая, одиночество должно было тяготить ихъ страшно, особенно въ большихъ городахъ, которые Шатобріанъ мѣтко называетъ *пустынями людей*, гдѣ одинъ такъ глубоко чуждъ другому, хотя и живутъ рядомъ, и гдѣ уличный шумъ дѣлаетъ одиночество такимъ горькимъ. Если между ними появлялся и пріобрѣталъ извѣстность предпріимчивый человѣкъ, онъ тотчасъ же искалъ средствъ выйти изъ тяжелаго одиночества; онъ собиралъ около себя сотоварищей по горькой долѣ или находилъ извѣстнаго своею щедростію богача, и товарищество основывалось или по одной иниціативѣ членовъ, или на щедроты богатаго покровителя.

Первою заботою сотоварищей было установить для своего руководства извѣстныя правила. Это было не очень трудно: удовлетворялись копированіемъ законовъ, которыми руководились муниципалитеты. *Товарищество для его членовъ было тоже своего рода особой общиной, республикой, имя которой оно даже и принимало въ торжественные свои дни (respublica collegii). Какъ скоро составлены правила, сотоварищи собираются для скрѣпленія ихъ своею подписью—дѣло самое торжественное:* иногда

собирались для этого въ храмѣ, безъ сомнѣнія, чтобы придать болѣе важности своимъ общимъ обязательствамъ; законъ товарищества былъ строгъ, онъ требовалъ почтенія, опредѣлялъ наказанія и взысканія; онъ выставлялся въ какомъ нибудь видномъ мѣстѣ, чтобы его видѣли всѣ и всегда и всѣ сотоварищи; его сообщали вновь вступающимъ, чтобы ознакомить ихъ съ ихъ обязанностями и правами. «Ты, говоритъ одинъ изъ такихъ регламентовъ, прежде чѣмъ вступать въ это товарищество, начни съ прочтенія его закона и только послѣ этого вступай въ него: это есть средство избѣжать позднихъ жалобъ.» Въ тоже время товарищество избирало своихъ начальниковъ и руководителей; ихъ число и имена различались смотря по товариществу; но ихъ обязанности повсюду были на дѣлѣ одинаковы. Ихъ называли то наставниками и предсѣдателями, то правителями, и въ своей должности они оставались обыкновенно одинъ годъ. Кромѣ этихъ высшихъ должностныхъ лицъ, были еще менѣе важные, напр. экономы, обязанные смотрѣть за маленькимъ имуществомъ товарищества. Всѣ они отличались отъ обыкновенныхъ сотоварищей извѣстными преимуществами; они получали лучшую часть при товарищескихъ обѣдахъ и большую сумму при денежныхъ выдачахъ. Въ знакъ почтенія, ихъ помѣщали во главѣ *альбума* товарищества, — такъ назывался листъ, въ который вносились имена всѣхъ членовъ и который содержался съ особою аккуратностію и провѣрялся каждыя пять лѣтъ, какъ листъ римскаго сената и муниципальныхъ совѣтовъ провинціальныхъ городовъ. Президентъ безъ сомнѣнія имѣлъ тоже право, что и цензоры Рима; онъ исключалъ изъ товарищества недостойныхъ членовъ. Листъ, однажды составленный, переписывался и выставлялся съ особыми церемоніями. Мы видимъ, въ Кумахъ по случаю выставленія альбума *мясопромышленниковъ* президентъ давалъ обѣдъ своимъ сотоварищамъ. Счастливая случайность сохранила нѣсколько этихъ *альбумовъ*: они полны любопытныхъ указаній. Они особенно намъ показываютъ, до какой степени римскій народъ всюду любилъ порядокъ и уважалъ дисциплину: ими только онъ достигъ своего величія; онъ зналъ, что для того, чтобы достигнуть владычества надъ міромъ, нужно умѣть повиноваться у себя дома и что если силы, составляющія могущество народа, не успѣваютъ упорядочиться и сподчиниться между собою,

то онѣ истощаются въ одиночныхъ и безполезныхъ усиліяхъ. Изъ *альбумовъ* мы видимъ, что духъ подчиненія, почитанія іерархіи проникъ до послѣднихъ классовъ общества. Хотя въ Римѣ товарищества составлялись преимущественно изъ людей бѣдныхъ, но они не возставали противъ общественнаго неравенства; казалось напротивъ, они принимали его безъ сопротивленія и почти безъ скорби. *Альбумы* воспроизводятъ его точно, даже безъ попытки отмѣнить его. Во главѣ помѣщались люди знатные, покровители или патроны, экс-предсѣдатели и дѣйствительные предсѣдатели. Число такихъ сановитыхъ сотоварищей часто было очень значительно: такъ какъ ихъ щедрость была самымъ обильнымъ источникомъ доходовъ товарищества, то увеличивая ихъ число, увеличивали самые доходы. За ними помѣщалась масса обыкновенныхъ членовъ (plebs, sequela); чаще они распредѣлялись по мѣсту, занимаемому ими въ обществѣ, сначала люди свободные, затѣмъ отпущенники. Если товарищество заключало отпущенниковъ и рабовъ, то рабы слѣдовали въ концѣ листа. Иногда число сотоварищей было ограничено. Иногда императоры, дозволяя товарищество, опредѣляли число членовъ, выше котораго оно не могло принимать къ себѣ, изъ опасенія, чтобы товарищество, разширяясь, не сдѣлалось опаснымъ. Иногда основатели или покровители товарищества не хотѣли его возрастанія изъ опасенія, что можетъ оказаться недостатокъ въ средствахъ на его поддержаніе. При неограниченности число сотоварищей иногда было очень значительно. Тогда нужно бывало установить въ этой толпѣ нѣкоторый порядокъ. И въ этомъ слѣдовали примѣру городовъ: дѣлили сотоварищей на *сотни* и *десятки*. Это удобное раздѣленіе являлось всюду; его примѣняли къ этимъ громаднымъ массамъ рабовъ, бывшихъ въ домахъ богачей. Церковь на Западѣ, принимая многое отъ внѣшней организаціи товарищества, приняла это раздѣленіе въ своихъ монастыряхъ. «Отшельники, говоритъ бл. Іеронимъ, раздѣлены на сотни и десятки, такъ что каждая группа изъ девяти монаховъ управляется десятымъ и въ свою очередь десять десятковъ повинуются приказаніямъ сотника.»

Для товарищества было также важно имѣть мѣсто для своихъ собраній. Нѣкоторые, бѣднѣйшіе, собирались просто въ харчевнѣ;

но только крайне бѣдные не имѣли мѣста имъ принадлежащаго. Смотря по странѣ, мѣста собраній носили разныя имена. Обыкновенно называли ихъ мѣстомъ отдыха и досуга, *schola*. Такое мѣсто часто устроивалось какимъ нибудь богатымъ покровителемъ, а если товарищество имѣло связи съ администраціей города, какъ напр. *augustales* или *fabri*, то сотники дозволяли устроивать такія мѣста или подъ портиками базилики или на какой нибудь общественной землѣ. Поддержаніе и украшеніе такого мѣста было великою заботою предсѣдателей товарищества: одни устроивали на свой счетъ полы и входы, другіе украшали ихъ мраморомъ и ставили тамъ сѣдалища и столы. Въ богатыхъ товариществахъ *schola*, преемственно украшаемая всѣми попечителями, бывала роскошною. Мы имѣемъ короткое описаніе такого мѣста собраній товарищества Ескулапа и Гигіи, которое впрочемъ состояло изъ людей бѣдныхъ: здѣсь была маленькая капелла и родъ двора съ галлереями, гдѣ сотоварищи скрывались отъ жара и обращенная къ солнцу крытая терраса, которая служила для общихъ пиршествъ. Капелла безъ сомнѣнія украшалась съ ревнивою заботливостію: это было естественное мѣсто всѣхъ предметовъ искусства, которыя наслѣдовало товарищество; тамъ были статуи императора и его семейства, тамъ находилось изображеніе не одного только божества, считавшагося покровителемъ товарищества, но часто и другихъ божествъ, повидимому не имѣвшихъ къ нему никакого отношенія. Капелла была главнымъ мѣстомъ въ schola и центромъ товарищества; здѣсь-то сотоварищи собирались для принятія важныхъ рѣшеній: мы имѣемъ одно рѣшеніе товарищества плотниковъ и торговцевъ сукномъ, избравшихъ себѣ покровителя, и оно датировано «изъ храма ихъ товарищества.»

II.

Описаніе мѣста товарищескихъ собраній, такъ-называемыхъ *schola*, естественно приводитъ насъ къ тому, чтобъ говорить о религіозномъ характерѣ римскихъ товариществъ. Слѣдя за сотоварищами въ мѣстахъ ихъ собраній, присутствуя при ихъ праздникахъ, мы замѣчаемъ, что религія занимаетъ у нихъ весьма важное мѣсто. Общее богослуженіе соединяло сотоварищей; и они избирали себѣ особаго патрона на небѣ, обыкно-

венно то божество, которое они считали могущественнѣйшимъ. Музыканты на флейтѣ обращались къ самому Юпитеру и сенатъ далъ имъ привилегію имѣть свои банкеты въ самомъ Капитоліи. Минерва почиталась почти всѣми промышленными товариществами; въ числѣ поставившихъ себя подъ ея покровительство Овидій указываетъ ткачей, красильщиковъ, сапожниковъ, плотниковъ, врачей. «И вы, прибавляетъ онъ, жалкое и такъ дурно оплачиваемое племя школьныхъ учителей, бойтесь пренебрегать богиней! Только она даетъ вамъ учениковъ.» Въ товариществахъ были также религіозные служители. Для содержанія въ порядкѣ капеллы назначался сакристанъ (aedituus) и упоминаніе объ этихъ сакристанахъ весьма часто встрѣчается въ надписяхъ. Хотя богослуженіе отправлялъ обыкновенно предсѣдатель товарищества, нѣкоторыя однакоже имѣли и особыхъ жрецовъ; особенно товарищества, состоявшія изъ людей посвящавшихъ себя публичнымъ играмъ. Вообще товарищества актеровъ повидимому были очень благочестивы. Товарищества греческихъ мимиковъ и атлетовъ имѣли во главѣ великаго жреца и давали себѣ имя *священнаго собранія* (συνοδος). Такое имя для себя они не считали страннымъ, потому что у древнихъ народовъ игры театра и цирка стояли въ тѣсной связи съ религіей, составляли часть общественнаго богослуженія, и поэтому актеры почти превращались въ жрецовъ города. Впрочемъ, члены такого священнаго собранія не были поэтому особенно нравственными и мудрые люди совѣтовали молодымъ людямъ посѣщать его съ осторожностію.

Трудно съ опредѣленностію сказать, что было дѣйствительнаго и серьезнаго въ этой религіозной внѣшности, которою старались окружить себя римскія товарищества; есть многое, что заставляетъ не особенно вѣрить серьезности ихъ благочестія. Какого бы ни было ихъ происхожденіе, время весьма ослабило узы, связывавшія ихъ съ религіей. На дѣлѣ матеріальные интересы и мірскія удовольствія занимали ихъ больше, чѣмъ все остальное. Въ латинской церкви случилось нѣчто подобное: тѣ корпораціи, которыя возросли въ средніе вѣка подъ покровительствомъ церкви, кончили отдѣленіемъ отъ нея и потеряли религіозный характеръ. Было бы заблужденіемъ по старымъ, сохраненнымъ ими, книгамъ, заключать, что теперешнія общества св. Діонисія и св. Мартина суть общества древнихъ ана-

хоретовъ. Римскія товарищества могли идти по той же дорогѣ, только они никогда не теряли на столько свой религіозный характеръ, какъ его потеряли общества латинской церкви: если въ нихъ ослабѣлъ религіозный духъ, то они по крайней мѣрѣ сохранили религіозную практику и богослуженіе. Жертвоприношенія всегда занимали значительное мѣсто въ жизни товариществъ. Ихъ правила вмѣняли въ обязанность предсѣдателямъ въ праздники одѣваться въ бѣлое и приносить богамъ товарищества ладонъ и вино. При извѣстныхъ торжествахъ сотоварищи выходили съ помпой изъ ихъ schola, проходили по улицамъ Рима съ своими знаменами и отправлялись въ какой нибудь славный храмъ для жертвоприношенія. Эти церемоніи продолжались во все время имперіи. Товарищества до конца остались вѣрными своему древнему культу, они никогда совсѣмъ не сбрасывали съ себя религіознаго вида. Еще христіанству во времена его торжества пришлось бороться съ тѣмъ вліяніемъ, которое эти товарищества имѣли на духъ народа. Христіанскіе императоры по совѣту епископовъ, ниспровергая алтари и овладѣвая храмами, также конфисковали и имущества этихъ товариществъ, которыя казалось были послѣднею поддержкою язычества.

Товарищества имѣли еще другую связь съ религіей: они соединялись съ ней по той заботливости, которую они имѣли о погребеніи своихъ сотоварищей. Погребеніе въ древности было не менѣе чѣмъ у насъ религіознымъ актомъ. Твердо вѣрили, что только тѣ будутъ наслаждаться покоемъ и счастіемъ въ будущей жизни, кто былъ погребенъ по обрядамъ; почти столько же заботились тогда о приготовленіи себѣ могилы, какъ христіане теперь заботятся предъ смертію напутствовать себя святыми тайнами. Объ этомъ заботились всѣ и напередъ, чтобы не быть захваченнымъ въ расплохъ. Особенно, когда было то возможно, заботились о томъ, чтобы быть погребеннымъ съ своими родными, въ фамильныхъ гробницахъ. Старое аристократическое общество Рима сдѣлало это священною обязанностію для всѣхъ тѣхъ, кто принадлежалъ къ какому нибудь древнему дому. «Религія могилъ такъ высока, говоритъ Цицеронъ, что считаютъ преступленіемъ быть погребеннымъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ могилѣ своихъ предковъ. Товарищества, которыя для людей бѣдныхъ часто замѣняли семейство, устроивали общія

погребальницы для своихъ сотоварищей. Поживши вмѣстѣ въ тѣхъ же трудахъ и въ тѣхъ же удовольствіяхъ, утѣшительно найти покой въ той же могилѣ. Это было самымъ живѣйшимъ желаніемъ особенно въ товариществахъ низшихъ: ихъ покровители это знали очень хорошо и свои щедроты они обыкновенно направляли на устройство погребальницы для членовъ покровительствуемаго ими товарищества. «Валгій Фускъ, говоритъ надпись одного маленькаго города Италіи, далъ землю товариществу погонщиковъ муловъ для погребенія сотоварищей, ихъ потомства, ихъ женъ и ихъ сожительницъ.»

Въ большей части товариществъ было обычно погребать сотоварищей въ общей погребальницѣ. Но были кромѣ того особыя товарищества, которыхъ единственная цѣль состояла въ томъ, чтобъ совершать погребеніе своихъ сочленовъ съ малыми издержками. Эти погребальныя, какъ ихъ называли, товарищества намъ не особенно знакомы. Они должны быть многочисленны; носимое ими названіе и образъ ихъ устройства конечно разнообразились смотря по странѣ и времени;—мы можемъ съ наибольшею ясностію представить только двѣ группы изъ нихъ. Первая изъ нихъ оставила послѣ себя памятники, во-время обратившіе на себя вниманіе ученыхъ; ихъ называютъ *голубцы* [2]) (columbaria): это подземные ходы, въ стѣнахъ которыхъ выдолблены ниши, вмѣщающія въ себѣ по одной или по двѣ урны. Въ началѣ эти голубцы были назначены для соединенія по смерти отпущенниковъ и рабовъ богатыхъ домовъ. Слуги также принадлежали къ семейству, а потому благородный господинъ былъ обязанъ позаботиться о ихъ погребеніи. Иногда посторонніе также принимали участіе въ издержкахъ на устройство этихъ подземныхъ усыпальницъ и потому естественно имѣли здѣсь свою долю собственности. Люди, не имѣвшіе фамильной усыпальницы, предпочитали для себя имѣть мѣсто въ этихъ общихъ усыпальницахъ, вмѣсто того, чтобы имѣть бѣдную могилу гдѣ нибудь при большой дорогѣ. Такимъ образомъ вошло въ обычай устроивать columbaria на общія издержки. Что харак-

---

[2]) Любопытно, у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надгробные памятники народъ называетъ *голубцами*.

теризовало ассоціаціи этого рода—это то, что ихъ называютъ не просто товариществами, но *обществами*, и члены ихъ довольствуются общимъ именемъ участниковъ, socii. Въ дѣйствительности они организованы подобно обыкновеннымъ товариществамъ: общество имѣетъ своихъ правителей, которые устроиваютъ *columbarium*, своихъ экономовъ, обязанныхъ наблюдать за общей казною, своихъ десятниковъ, между которыми иногда находятся женщины. По окончаніи построекъ подземнаго зданія, распредѣляютъ мѣста: каждый получаетъ извѣстное число нишей сообразно съ внесенною имъ суммою,—если кто имѣетъ слишкомъ много для себя, онъ ихъ отдаетъ или продаетъ,—бывалъ совершенный рынокъ продажи могилъ. Покупатель для своего спокойствія о своемъ контрактѣ часто упоминаетъ въ своей эпитафіи, указываетъ число и мѣсто пріобрѣтенныхъ имъ нишей и предусмотрительно говоритъ, что покупка была совершена въ присутствіи членовъ общества. Люди, погребаемые въ этихъ columbaria, принадлежали къ самымъ различнымъ классамъ. Тамъ есть представители всѣхъ профессій, начиная съ рабовъ и самыхъ низшихъ рабочихъ до посланниковъ царя восточнаго; но наибольшее число принадлежитъ отпущенникамъ большихъ домовъ и особенно отпущенникамъ, принадлежавшимъ къ императорской прислугѣ. Columbaria даютъ намъ приблизительную идею объ этомъ множествѣ слугъ, окружавшихъ императора. Тамъ находятся представители всевозможныхъ занятій; нашли гробъ даже такого несчастнаго, котораго дѣло очень трудное—его обязанность была развлекать Тиверія. Это былъ очень способный мимикъ, который въ своей эпитафіи приписываетъ себѣ честь, что онъ первый изобрѣлъ искусство подражать адвокатамъ.

Другая группа погребальныхъ обществъ намъ знакома гораздо менѣе: только въ послѣднее время на нихъ обратили нѣкоторое вниманіе. Они очень многочисленны и отличаются своимъ именемъ: ихъ члены обыкновенно принимали имя божества, котораго они считали себя почитателями. До послѣдняго времени думали, что эти общества суть чисто религіозныя и что они устроены для почитанія извѣстнаго божества, имя котораго они носятъ; такое предположеніе было правдоподобно. Момсенъ первый замѣтилъ, что всѣ эти общества были настоящія *погребальныя* об-

щества. Новыя открытія подтвердили это. Но почему они назывались другимъ именемъ, отличнымъ отъ имени *обществъ* устроивавшихъ *columbaria*? На это можно отвѣчать опять только предположительно. Съ нѣкоторою достовѣрностію можно сказать, что они принадлежали другой эпохѣ и что тѣ и другія не были въ одно и тоже время. Columbaria устраивались обществами, относящимися къ 1 вѣку христ. эры; всѣ извѣстныя намъ устроивались при первыхъ цезаряхъ и служили только до времени Флавіевъ. Общества другой группы относятся къ позднѣйшему времени; ихъ слѣдовъ не находится въ надписяхъ раньше временъ Нервы. Не нужно ли поэтому допустить, что въ это время къ концу I вѣка, въ славную эпоху Антониновъ, совершилась перемѣна въ организаціи погребальныхъ обществъ? То впрочемъ вѣрно, то при погребеніи членовъ, что было главною цѣлію обществъ, во вторую эпоху дѣйствовали иначе, чѣмъ въ первую. Погребальныя общества послѣдняго времени употребляли иные способы къ покрытію расходовъ на погребеніе своихъ членовъ: это показало намъ открытіе регламента общества почитателей Діаны и Антиноя, сдѣланное въ 1816 году.

Этотъ любопытный памятникъ былъ найденъ въ развалинахъ маленькаго города Ланувіумъ; онъ былъ сдѣланъ въ 136 году, къ концу царствованія Адріана. Погребальное общество въ это время только-что сформировалось. Одинъ начальникъ города, котораго общество избрало своимъ покровителемъ и который взглянулъ серьезно на свои обязанности, хотѣлъ дать побольше публичности регламенту общества, и для этого выставилъ его надъ портикомъ храма Антиноя. Этотъ то регламентъ по счастливой случайности дошелъ до насъ. Изучая его, можно составить очень точное понятіе о погребальныхъ обществахъ современной ему эпохи. Упоминаемое общество состояло изъ отпущенниковъ и бѣдняковъ; въ немъ были также и рабы и вѣроятно въ большомъ числѣ; законъ дозволялъ имъ принимать участіе въ обществахъ подобнаго рода, если только на это соглашались ихъ господа. Общество имѣло своею цѣлію приготовить своимъ членамъ приличное погребеніе, а потому первая его забота состояла въ томъ, чтобы собрать средства на расходы по погребенію. Каждый сочленъ, принимаемый въ общество, платилъ за право вступленія 100 сестерцій (около 6 руб.)

и прибавлялъ къ этому бутылку вина. Кромѣ того состоя членомъ, онъ платилъ ежемѣсячно 5 ассовъ (ок. 7 коп.). Этими суммами и покрывались расходы погребенія. Общество Діаны и Антиноя не погребало своихъ покойниковъ въ общей усыпальницѣ: эти рабы, эти отпущенники были слишкомъ бѣдны и не могли собрать суммы, достаточной для постройки одного *columbarium*. Оно дѣлало проще: по смерти каждаго изъ своихъ членовъ общество выдавало наслѣднику умершаго сумму, нужную на покупку могилы. Эта сумма, называемая funeraticium, должна была разнообразиться судя по богатству общества; для почитателей Діаны и Антиноя она была только 300 сестерцій (18 руб.) и изъ этихъ 300 сестерцій 50 должны быть розданы при погребеніи тѣмъ, кто захотѣлъ отдать честь покойнику своимъ присутствіемъ. Всѣ случайности до мелочей были предусмотрѣны. Если покойникъ не оставлялъ послѣ себя наслѣдника, то общество само погребало его. Если умершій былъ рабъ, а господинъ или госпожа по злобѣ отказывали выдать его тѣло обществу, для погребенія, тогда все таки справляли церемонію погребенія и воздвигали ему памятникъ. Если членъ умиралъ внѣ Ланувіума, впрочемъ не дальше какъ за 20 миль, и если о томъ узнавали во-время, три члена общества отправлялись туда тотчасъ же, чтобы присутствовать при погребеніи и принять на себя его расходы. Если бы они сдѣлали какое нибудь злоупотребленіе, то они наказывались четвернымъ штрафомъ; имъ выдавались путевыя издержки, по 20 сестерцій Если сочленъ умиралъ далѣе 20 миль, то употребившій на его погребеніе свои деньги, по засвидѣтельствованіи семью римскими гражданами, получалъ отъ общества *funeraticium*, на которое имѣлъ право покойникъ.

Таковы въ регламентѣ общества Діаны и Антиноя распоряженія, относящіяся къ погребенію сочленовъ. Очевидно, эти древнія общества значительно походили на нынѣшнія: главный источникъ ихъ доходовъ составляли взносы. Видно также, что эти взносы дѣлались не особенно аккуратно. Какъ теперь, такъ и тогда, обществамъ всего болѣе недоставало духа послѣдовательности и постоянства. Почитатели Діаны и Антиноя своимъ регламентомъ хотятъ предотвратить опасность угрожающую ихъ обществу: «Да будетъ наше предпріятіе, говорятъ они въ началѣ сво-

его регламента, пріятно и полезно для императора и его фамиліи, для насъ и для нашихъ, для этого общества, которое мы основываемъ. Да возможемъ мы собрать суммы, необходимыя для приличнаго погребенія нашихъ покойниковъ! Чтобы достигнуть этого, чтобы наше общество могло жить долго, мы должны быть согласны и платить взносы въ сроки.» Нѣсколько дальше, они опредѣляютъ, что, если членъ общества не будетъ платить взноса въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, общество не должно ему ничего по его смерти. Эти предосторожности были не лишни: мы именно имѣемъ любопытный примѣръ общества этого рода, которое погибло по причинѣ небрежности взносовъ. Въ древней Даніи были найдены дощечки, на которыхъ прочитана весьма любопытная надпись слѣдующаго содержанія:

«Копія съ акта, который былъ выставленъ въ Альбурнумѣ Великомъ, близъ конторы Рескулія, и въ которомъ читалось слѣдующее: «Артемидоръ, рабъ Аполлонія, предсѣдатель общества Юпитера Церненія, и съ нимъ Валерій, рабъ Никона, и Оффасъ, рабъ Менофила, экономы того же общества, этимъ актомъ объявляемъ всенародно, что изъ упомянутыхъ 54 лицъ, изъ которыхъ состоитъ общество, остается въ Альбурнумѣ только 17; что Юлій, рабъ Юлія, бывшій предсѣдателемъ вмѣстѣ съ Артемидоромъ, не появлялся въ Альбурнумѣ, ни въ обществѣ со дня своего избранія, что Артемидоръ представилъ свои счоты присутствующимъ членамъ, что онъ доказалъ, что онъ возвратилъ имъ всѣ причитающіяся имъ деньги или таковыя истратилъ на погребеніе сочленовъ, что въ настоящее время въ кассѣ нѣтъ денегъ для расходовъ погребенія и что общество не владѣетъ никакою усыпальницей; что наконецъ уже давно никто не хотѣлъ собираться въ дни, утвержденные закономъ общества, ни платить требуемыхъ взносовъ. Это мы и объявляемъ всенародно настоящимъ актомъ, чтобы, еслибы кто изъ членовъ общества скончался, не воображали, что общество еще существуетъ и что можно требовать отъ него денегъ. Дано въ Альбурнумѣ Великомъ, 5 февральскихъ идъ, въ третье консульство Аврелія Вера и Квадрата (167 года по Р. Х.).»

Регламентъ общества Діаны и Антиноя намъ показалъ, какимъ образомъ подобныя общества начинались; объявленіе Артемидора показываетъ, какимъ образомъ они часто уничтожались.

III.

Надпись Ланувіума объясняетъ еще другіе пункты, остававшіеся доселѣ темными въ вопросѣ римскихъ ассоціацій. Почитатели Діаны и Антиноя, чтобы ясно утвердить, что ихъ общество не принадлежитъ къ недозволеннымъ, въ главѣ своего регламента ссылаются на сенатское опредѣленіе, которымъ дозволено ихъ общество; тамъ говорится, что «это право дано тѣмъ, кто хочетъ составлять погребальныя общества, съ условіемъ, чтобы собираться только одинъ разъ въ мѣсяцъ для уплаты взносовъ суммъ, необходимыхъ на погребеніе своихъ покойниковъ.» Этотъ законъ былъ отчасти извѣстенъ; Маркіанъ упоминаетъ о немъ въ *Digestum*, но указаніе его такое неопредѣленное и такое неполное, что очень мало можно было понять его. Теперь, благодаря открытому памятнику о почитателяхъ Діаны и Антиноя, мы имѣемъ его точный текстъ, знаемъ самыя его выраженія и стало быть лучше можетъ оцѣнить его важность. Мы знаемъ, въ 1-мъ вѣкѣ всѣмъ желавшимъ въ Римѣ было дозволено составлять погребальныя общества, а въ слѣдующемъ вѣкѣ Септимій Северъ распространилъ это дозволеніе и на провинціи. Это было большое снисхожденіе, если сравнить его съ тѣми стѣсненіями и препятствіями, которыя ставились праву ассоціаціи до временъ Трояна и которыя остались въ кодексѣ даже до Юстиніана. Между тѣмъ юрисконсульты провозглашаютъ, что нельзя составлять товарищества и общества безъ особеннаго дозволенія и что такія дозволенія должны даваться очень рѣдко; императоры даютъ его разомъ всѣмъ отпущенникамъ, всѣмъ рабамъ, всѣмъ бѣднымъ людямъ имперіи, т. е. всѣмъ тѣмъ, кому теперь всего болѣе въ этомъ отказываютъ. Другія корпораціи еще нуждаются въ множествѣ формальностей для своего дозволенія, а этимъ бѣднымъ людямъ достаточно сказать, что они хотятъ составить погребальное общество и никто не помѣшаетъ имъ собираться разъ въ мѣсяцъ, избирать своихъ предводителей, имѣть общую кассу. Едва можно понять, какъ это императорская власть въ одно и тоже время является и такою суровою и такою снисходительною, если мы не знаемъ ея обычной политики. Она не довѣряла классамъ просвѣщеннымъ, она

всегда подозрѣвала, что здѣсь скрывается раздраженіе и питаются преступныя желанія. Но она ни въ чемъ не отказывала этимъ бѣднякамъ, которые нуждаются только въ жизни и безразличны ко всѣмъ формамъ правленія. Но на дѣлѣ императорское снисхожденіе распространялось гораздо далѣе желаемыхъ предѣловъ. Закономъ, даннымъ бѣднякамъ, пользовались всѣ; всѣ общества имѣли право существовать, выдавая себя за погребальныя. Сдѣлать это можно было легко, и безъ сомнѣнія этимъ пользовались. Безошибочно можно допустить, что между обществами, которыя повидимому были основаны для погребенія своихъ членовъ, было много такихъ, которыя имѣли совершенно другую цѣль, именно обходя такимъ образомъ законъ въ I вѣкѣ возвратили свое право ассоціаціи.

Этотъ законъ имѣлъ важныя и непредвидѣнныя послѣдствія. Въ обществахъ съ цѣлію устройства *columbarium* взносы производились разомъ. По окончаніи зданія, общество въ строгомъ смыслѣ переставало существовать, или, если оно и продолжало существовать для наблюденія и поддержанія гробницъ, его жизнь была едва замѣтна. Позднѣйшія погребальныя общества напротивъ имѣли основаніе существовать всегда; необходимость собираться каждый мѣсяцъ обѣщала имъ всегдашнюю продолжаемость. Между членами развивалась даже охота видѣться; мѣсячное собраніе для многихъ, особенно для бѣдныхъ, сдѣлалось родомъ развлеченія и праздника. По уплатѣ 5 ассовъ въ общую кассу, вѣроятно, несмотря на запретъ закона, общество, по обсужденіи вопросовъ, относящихся до погребенія, не расходилось тотчасъ же, а говорило и о другихъ предметахъ. Случалось даже, что эти общества, основанныя въ виду смерти, пріобрѣтали великую важность для жизни. Скоро сочлены находили недостаточнымъ для себя видѣться только одинъ разъ въ мѣсяцъ, они искали другихъ случаевъ быть вмѣстѣ. И здѣсь еще разъ законъ оказывалъ снисхожденіе. «Не запрещено, говоритъ Маркіанъ, собираться для какой нибудь религіозной цѣли, съ условіемъ почитать сенатское опредѣленіе, запрещающее недозволенныя общества.» Погребальныя общества поэтому не могли жаловаться на стѣсненія: имъ было дозволено собираться разъ въ мѣсяцъ для уплаты взносовъ, да они могли собираться и когда хотѣли подъ религіознымъ предлогомъ. А въ предлогахъ,

какъ нужно предполагать, недостатка не оказывалось: годовщина основанія общества, праздникъ императора и его семейства, предсѣдателей общества, покровителя и пр. На всѣ эти торжества собирались для общаго обѣда. Въ древнихъ религіяхъ общій обѣдъ—*пиршество*—это родъ молитвы; обѣдая вмѣстѣ, сочлены могли выставлять, что они собрались для религіозной цѣли, и законъ не имѣлъ ничего сказать противъ. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ общій столъ было самое важнѣйшее занятіе товарищества. «Обѣды были установлены, говоритъ Катонъ, во время моего квесторства, я обѣдалъ съ моими товарищами, нашъ столъ былъ скромный; что меня больше всего привлекало на эти празднества — это вовсе не удовольствіе ѣсть и пить, но удовольствіе быть вмѣстѣ съ моими друзьями и бесѣдовать съ ними.» Но эти пиршества не всегда были такъ скромны, какъ представляетъ ихъ Катонъ; гости не всегда подобно ему оставались безразличны къ удовольствію пить и ѣсть: доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что наконецъ должно было вмѣшаться правительство, чтобы положить предѣлъ неумѣреннымъ издержкамъ, дѣлавшимся на празднествахъ общества Цибеллы. Одинъ законъ требовалъ, чтобъ каждый сочленъ прежде чѣмъ садился за столъ, давалъ предъ консулами клятвенное обѣщаніе не тратить болѣе 120 экю на издержки по пиршеству и пить только туземное вино. Этотъ строгій законъ не устранилъ зла, такъ какъ позже Варронъ жалуется, что обѣды товариществъ подняли на рынкѣ цѣны на жизненные припасы. Конечно, тутъ рѣчь о богатыхъ обществахъ, бѣдные не могли позволить себѣ такихъ излишествъ, но и они были друзья пиршествъ. Были принимаемы мѣры, чтобы общее веселье не нарушалось никакими серьезными занятіями. «Если кто имѣетъ какую нибудь жалобу или хочетъ сдѣлать какое нибудь предложеніе, говоритъ регламентъ, пусть онъ оставитъ это до собранія общества и пусть онъ оставитъ насъ въ день праздника свободными и довольными за обѣдомъ.» Не хотѣли также, чтобы поднималось какое нибудь разсужденіе, которое могло бы нарушить покой гостей: изъ регламента видно, что праздничная полиція слѣдила за этимъ строго. «Если кто встанетъ съ своего мѣста и займетъ другое и тѣмъ произведетъ безпорядокъ, тотъ платитъ штрафъ 4 сестерціи (20 коп.); если кто наговоритъ глу-

постей своему сотоварищу или произведетъ шумъ, тотъ платитъ 12 сестерцій (ок. 70 коп.); если обида была нанесена предсѣдателю, виновный платитъ 20 сестерцій (1 руб.). Независимо отъ обыкновенныхъ начальниковъ общества, назначался каждый разъ предсѣдатель пиршества (magister coenae). Эту обязанность долженъ выполнить каждый сочленъ поочередно; если кто уклонялся отъ нея, тотъ платитъ въ кассу общества 30 сестерцій штрафа. Предсѣдатель пиршества былъ обязанъ сдѣлать къ нему нужныя приготовленія.

Общества имѣли еще другіе источники доходовъ, кромѣ членскихъ взносовъ. По примѣру муниципалитетовъ, общества не платили своимъ начальникамъ; послѣдніе напротивъ часто платили избравшимъ ихъ. Въ каждомъ обществѣ были личности, стоявшія выше другихъ, которыя въ дѣйствительности мало интересовались дѣлами своихъ сочленовъ, но которыя полагали своею единственною обязанностію доставить имъ почаще случай собираться вмѣстѣ: ихъ называли *попечителями*. Выборъ попечителей былъ весьма важенъ: иногда онъ рѣшалъ судьбу общества. Наиболѣе процвѣтало всегда то, которое съумѣло выбрать лучшаго и самаго щедраго попечителя. Этотъ выборъ представлялъ иногда нѣкоторыя затрудненія: всѣ хотѣли имѣть во главѣ своего листа имена почтенныя, уважаемыя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и людей щедрыхъ и богатыхъ. Выбирали въ попечители людей политическихъ, высшихъ чиновниковъ, крупныхъ торговцевъ, богатыхъ виноторговцевъ или разбогатѣвшихъ продавцевъ масла, которыхъ происхожденіе иногда бывало довольно темно, — и они считали для себя честію вписать свое имя во главѣ листа какого-нибудь виднаго общества. Общества бѣднѣйшія конечно труднѣе находили себѣ богатаго попечителя; но за то къ нимъ всего легче было попасть въ попечители. Если они нуждались въ такомъ, то они спускались за этимъ даже внизъ, къ тѣмъ отпущенникамъ, которымъ милость ихъ господъ или счастливыя обстоятельства доставили нѣкоторое довольство и которые составляли промышленный классъ имперіи. Эти прежніе рабы имѣли нужду какимъ-нибудь образомъ избавиться отъ презрѣнія общества. Они съ жадностію искали всякихъ отличій; для нихъ имѣли цѣну и самыя ничтожныя, такъ какъ они не избалованы публичнымъ уваженіемъ. Они желали бы, чтобы на ихъ гробницѣ прочи-

тали когда-нибудь, что они были предсѣдателями или попечителями такого-то общества. Этотъ титулъ выдѣлялъ ихъ изъ числа отпущенниковъ вульгарныхъ, онъ отчасти сглаживалъ воспоминаніе о ихъ рабскомъ состояніи. Они хотѣли бы конечно быть попечителями какого-нибудь важнаго товарищества или общества; но если это имъ не удавалось, то они спускались и пониже. Такимъ образомъ, если не что-нибудь другое, то тщеславіе доставляло попечителей для всѣхъ товариществъ и обществъ, на какой бы степени они ни стояли.

Общество платило своему попечителю почтеніемъ и уваженіемъ. Онъ былъ выбираемъ въ общемъ собраніи по докладу предсѣдателей и выборъ общества облекался въ форму торжественнаго опредѣленія.

Въ этихъ обществахъ нельзя не видѣть въ нѣкоторой степени проявленія духа братства. Не смотря на уваженіе, которое тамъ воздавалось іерархическимъ различіямъ, всѣ члены общества имѣли равныя права, они всѣ были призваны опредѣлять законы и давать рѣшенія для своего общества; здѣсь отчасти уравнивались и свободные и рабы, изъ которыхъ послѣдніе иногда являлись на высшихъ постахъ своего общества.

Представляя себѣ услуги, приносимыя товариществами и обществами для рабочихъ и страдающихъ классовъ римской имперіи, нельзя однакоже считать ихъ вполнѣ тѣмъ, чѣмъ служатъ нынѣшнія человѣколюбивыя общества и могутъ служить общества взаимнаго вспомоществованія. Правда, римскія общества были организованы такъ, что казалось имъ недоставало сдѣлать одинъ шагъ, чтобы сдѣлаться *человѣколюбивыми*. Но они не сдѣлали этого шага. Въ ихъ прямой цѣли вовсе не было правильное и постоянное вспоможеніе бѣднымъ и нуждающимся, облегченіе бѣдствій страждущихъ, и для этого мы не видимъ, чтобы они имѣли и назначали какія-нибудь средства.

Замѣчательно впрочемъ, что появившіяся впослѣдствіи общества между солдатами всего болѣе приближаются къ христіанскимъ благотворительнымъ обществамъ. Хотя такія общества строго воспрещались изъ опасенія ослабить военную дисциплину, но они все-таки появлялись и наконецъ утвердились такъ, что потомъ имъ повидимому покровительствовали сами военныя власти. Общества эти организовались по образцу всѣхъ дру-

гихъ; только свои средства они употребляли не на одни только похороны: они давали на издержки путешествія, на обзаведеніе послѣ отставки; изъ надписей на могилахъ ихъ попечителей видно, что эти послѣдніе жертвовали суммы на продовольствіе бѣдняковъ, на помощь вдовамъ и сиротамъ. Впрочемъ эти явленія были не совсѣмъ обыкновенны въ римскихъ обществахъ, ихъ развитіе принадлежало ближайшему будущему.

Христіанство появилось именно въ то время, когда въ римской имперіи получили широкое развитіе погребальныя общества. Такъ какъ тѣ и другія, и христіанскія общества и погребальныя, шли, хотя и съ разныхъ точекъ, но по одному и тому же пути, набирали своихъ членовъ въ одной и той же средѣ, то они непремѣнно должны были встрѣтиться: между столь близкими обществами непремѣнно рано должны были установиться какія-нибудь отношенія. Если нельзя вѣрно опредѣлить характеръ и важность этихъ отношеній, то существованія ихъ никакъ нельзя отрицать. Извѣстный изслѣдователь христіанскихъ катакомбъ, Росси признаетъ, что первые христіане съ успѣхомъ воспользовались терпимостію, оказываемою правительствомъ погребальнымъ обществамъ. Значительно похожія на погребальныя общества, христіанскія общины предъ закономъ могли быть принимаемы за первыя и пользоваться ихъ преимуществами. Сходство въ самомъ дѣлѣ было между тѣми и другими: и христіане имѣли общую кассу, составляемую изъ приношеній вѣрныхъ, и эти приношенія платились помѣсячно; они не менѣе погребальныхъ обществъ заботились о погребеніи своихъ покойниковъ и церковь тратила большую часть своихъ средствъ именно на постройку своихъ обширнѣйшихъ кладбищъ; и въ тѣхъ и другихъ религіозное уваженіе іерархіи сораствоpяется духомъ равенства; покойники всѣхъ положеній смѣшиваются какъ въ *columbaria*, такъ и въ катакомбахъ; тамъ и здѣсь общимъ голосомъ избираются начальники и руководители и часто изъ людей самаго низкаго происхожденія; наконецъ и общій столъ имѣетъ такую же важность въ собраніяхъ первыхъ христіанъ, какъ и въ погребальныхъ обществахъ.

Таково сходство, поражающее съ перваго взгляда. Но всмотрѣвшись внимательнѣе, нельзя не видѣть и важнаго различія

между тѣми и другими. Нельзя отрицать, что римскія товарищества принесли свою пользу человѣчеству, но доставленное ими благо не перешло извѣстныхъ предѣловъ и не проникало въ глубь, а большею частію оставалось на поверхности. Только христіанство въ религіозномъ чувствѣ указало могущественное средство къ обновленію человѣчества. Это чувство было слишкомъ холодно въ товариществахъ: оно было не въ состояніи врушить душамъ достаточно энергіи для исполненія великихъ намѣреній. Чтобы видѣть чудеса вѣры и религіознаго чувства христіанъ, достаточно сравнить маленькія *columbaria*, устроенныя погребальными обществами, съ громаднѣйшими галлереями христіанскихъ катакомбъ, которыя по длинѣ, расположенныя одна за другою, могутъ равняться длинѣ всей Италіи: погребальныя общества были неспособны на такія громадныя предпріятія. Хотя и въ погребальныхъ обществахъ было нѣчто въ родѣ братскаго равенства и рабъ здѣсь чувствовалъ свое человѣческое достоинство; но эти общества не измѣнили условій рабскаго положенія. Равенство очень медленно проникало въ домъ господина; нуженъ былъ религіозный переворотъ, чтобы господинъ наконецъ усумнился въ законности своихъ правъ на человѣка и, умирая, счелъ своимъ долгомъ отпустить своихъ рабовъ на свободу «для спасенія своей души.» Слову *братъ* только церковь дала свой дѣтствительный смыслъ. Когда церковь говоритъ *собраніе братій*, она разумѣетъ, что всѣ, ее составляющіе, строго исполняютъ обязанности братства. Только подъ вліяніемъ христіанства значеніе обществъ разширяется и они налагаютъ на себя новыя обязанности. Различіе обществъ христіанскихъ отъ всѣхъ другихъ Тертулліанъ превосходно опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «наша сокровищница, когда мы ее имѣемъ общею, не слагается изъ суммъ, даваемыхъ честолюбцами, ищущими нашего почитанія, и мы наполняемъ ее не торгуя нашей религіей. Каждый ежемѣсячно приноситъ умѣренный взносъ; онъ платитъ, если хочетъ, когда хочетъ, или лучше, когда онъ можетъ; никто не принуждается къ взносамъ, взносы по волѣ каждаго. Мы смотрѣли на эти деньги какъ на сокровище, довѣренное намъ благочестіемъ; мы не тратимъ ихъ на объяденіе и пьянство, мы остерегаемся употреблять ихъ на

безчинства. Онѣ служатъ для прокормленія бѣдняковъ и для ихъ погребенія, на воспитаніе сиротъ обоихъ половъ, на вспоможеніе старцамъ.» Вотъ чего никогда не дѣлали общества языческія: такое благородное употребленіе ихъ достоянія имъ было не извѣстно. Если угодно, въ нихъ было сѣмя человѣколюбивыхъ учрежденій, но только великій религіозный переворотъ, только Христосъ, умершій на крестѣ за бѣдное человѣчество, сообщилъ этому сѣмени силу возраста въ плодоносное дерево.

ОТЧЕТЪ

О ВТОРОМЪ ПЕРІОДѢ ЗАСѢДАНІЙ КОНГРЕССА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦІИ АВТОНОМІИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЕНГРІИ, ВЪ ОТНОШЕНІИ КО ВСѢМЪ УГОРСКИМЪ ГРЕКО КАТОЛИКАМЪ И ОСОБЕННО ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ УГОРСКИМЪ—РУССКИМЪ.

(Окончаніе.)

Послѣ г. Поповича говорилъ мірской депутатъ мукачевской епархіи, г. Павелъ Грабаръ.

Рѣчь Павла Грабара, автономическаго депутата, сказанная въ засѣданіи католическаго конгресса, 30 лат. марта 1871 года.

Высокопревосходительный князь Примасъ! Почтеннѣйшее собраніе!

(Слышимъ!) „Вполнѣ чувствую всю важность той нравственной обязанности, которую частію наложили на меня мои избиратели, а частію я долженъ самъ исполнить какъ греко-католикъ. Но уже это самое чувство побуждаетъ меня предложить, въ смыслѣ желаній моихъ избирателей, и мое скромное мнѣніе о лежащемъ теперь на очереди и весьма важномъ дѣлѣ, котораго *одно* справедливое и надлежащее рѣшеніе можетъ успокоить греко-католиковъ. (Слышимъ! Слышимъ!)

Безъ сомнѣнія, исполненіе сказанной обязанности было бы для меня во сто разъ тяжеле, если бы меня не ободряла мысль, что мое положеніе и желаніе послужить дѣлу будетъ облегчено любовію къ справедливости и благосклоннымъ снисхожденіемъ къ моей смиренной личности со стороны почтеннаго собранія. И я тѣмъ болѣе смѣю разсчитывать на такое снисхожденіе, что, признаться откровенно, мнѣ еще первый разъ приходится высказывать мое мнѣніе среди такихъ отличныхъ мужей. (Слышимъ! Слышимъ!)

Почтенное собраніе уже утомлено, и я не желаю злоупотреблять его терпѣливости ни длинною рѣчью, ни многоразличными доводами. Я просто и коротко буду говорить прямо о дѣлѣ. Мнѣ не нужно и по-

ступать иначе: ибо я убѣжденъ, что наши требованія такъ чисты и такъ основательны, что достаточно представить дѣло въ его сущности,— и члены конгресса сейчасъ же увидятъ его неопровержимую законность.

Не считаю нужнымъ прибѣгать къ усиленнымъ убѣжденіямъ и потому, что знаю, Господь нашъ Іисусъ Христосъ основалъ Свою Церковь для того, чтобы она представляла собою высшее совершенство справедливости, чтобы въ ней жила чистая истина и горячая истинная любовь. И такъ какъ я знаю, какую безпредѣльную любовь показалъ къ намъ Спаситель, то признаюсь, почтенное собраніе, я не могу вѣрить, чтобы сердца тѣхъ Его вѣрныхъ, которые съ дѣтства учатся исполненію любви къ истинѣ и любви другъ къ другу, остались холодными тогда, когда именно они и должны показать въ отношеніи къ своимъ братьямъ чувство истины и любви. Признаюсь, я не вѣрю, да и не могу вѣрить, чтобы въ средѣ этого собранія нашелся такой *свободный* братъ, котораго бы мнѣ нужно было убѣждать къ принятію очевидной истины многоразличными доводами. (Одобреніе. Слава!)

Да позволитъ мнѣ почтенное собраніе напомнить извѣстную истину что братское единеніе, которому Искупитель научилъ насъ Своею проповѣдію и примѣромъ Своей чистой любви, соединяетъ насъ одного съ другимъ на столько, что перестать быть братьями—это будетъ значить не только отречься отъ этого единенія, но и отступить отъ самаго основанія религіи.

Насъ связываетъ одинаковость религіозныхъ вѣрованій; мы какъ дѣти одной любящей матери соединены въ единствѣ католической церкви и мы братья по безмѣрной любви къ намъ Іисуса Христа. И можно ли предположить, чтобы ссора между вѣрными одной и той церкви, которыхъ теплота любви церкви день отъ дня должна соединять тѣснѣе и тѣснѣе особенно въ нынѣшнія смутныя времена, достигла до такой степени, чтобы они, забывши ученіе Христа, оказались другъ къ другу несправедливыми, или чтобы стали принуждать другъ друга къ принятію истины насиліями? Откровенно говорю, съ своей стороны я не вѣрю въ возможность этого. (Одобреніе. Слава!)

И поэтому именно безъ дальнѣйшихъ объясненій я остановлюсь только на объясненіи сущности дѣла. (Слышимъ!)

Всякому извѣстно, что между нами есть унія, и сколько я знаю, до сей поры никому не приходило въ голову отрекаться отъ ней. А если мы знаемъ, что унія есть, то естественно всякій долженъ знать и то, что унія была сдѣлана на извѣстныхъ условіяхъ и что между нами былъ заключенъ обоюдный договоръ, который имѣетъ обязательную силу для обѣихъ сторонъ, и въ которомъ ясно сказано:

1. Ut ritum grecae ecclesiae servare liceat (Да будетъ удержанъ греческій обрядъ).

2. Episcopum a nobis electum et ab apostolica sede confirmatum habere. (Да имѣемъ епископовъ нами избранныхъ и апостольскимъ престоломъ утвержденныхъ).

3. Privilegiis ac immunitatibus ecclesiasticis frui liceat. (Да мы пользуемся церковными привилегіями и преимуществами).

Если это такъ—и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что унія заключена именно на этихъ условіяхъ,—то спрашиваю: кто чувствуетъ себя въ правѣ отвергнуть эти условія, не отрицая въ то же время уніи? Если не признается сила этого договора, тогда естественно нельзя признавать основаннаго на этомъ договорѣ единенія мукачевской и пряшевской епархій съ латинскою церковію. И тогда возникаетъ вопросъ: есть ли между нами унія или нѣтъ? Я смѣло утверждаю: если бы въ этой залѣ нашелся кто нибудь, кто сталъ бы отрицать силу тѣхъ пунктовъ уніатскаго договора, которыми обезпечена особенность нашего церковнаго управленія,—онъ значитъ не признаетъ силы и самаго перваго и самаго важнаго пункта этого договора, именно уніи. (Правда! Одобреніе.)

Я, впрочемъ, думаю, почтенное собраніе, что въ дѣйствительности договора никто не сомнѣвается; и какъ такой, онъ и теперь имѣетъ обязательную силу. (Правда!) А если это такъ, то спрашиваю почтенное собраніе: судя юридически, можетъ ли кто нибудь, кромѣ самаго народа, считать себя въ правѣ рѣшиться хотя на самую малѣйшую перемѣну этого договора, не бывъ на то уполномоченнымъ? (Одобреніе). Я думаю, что ни одинъ изъ греко-уніатскихъ здѣсь представителей не захочетъ обмануть почтенное собраніе тѣмъ, будто онъ получилъ свое полномочіе именно въ этомъ смыслѣ. Съ увѣренностію утверждаю, что этого не было. Если же гдѣ объ этомъ и заходила рѣчь, то народъ всегда открыто объявлялъ: поддержать уніальный договоръ.

Я и мои содрузья еще въ первый періодъ засѣданій, представляя почтенному собранію предложеніе о томъ, чтобы прежде всего былъ рѣшенъ сказанный вопросъ, и чтобы собраніе благоволило содѣйствовать предъ его величествомъ къ составленію особаго конгресса пряшевской и мукачевской епархій, который только и можетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ право рѣшенія,—мы и тогда ясно выразили, что полное и окончательное рѣшеніе этого вопроса не въ нашемъ правѣ. Обстоятельства остаются тѣ же. И теперь я долженъ снова объявить, что я не считаю себя уполномоченнымъ ни на малѣйшее измѣненіе договора и рѣшительно отвергаю то, будто кто нибудь изъ депутатовъ греко-католиковъ имѣетъ на то какое нибудь полномочіе. Впрочемъ этимъ я не хочу отнимать ни у одного члена нашей церкви, кто бы онъ ни былъ, право выражать свои мысли и мнѣнія приватно и обязательно только для себя самого.

Изъ сказаннаго почтенное собраніе конечно видитъ, что тутъ требуется рѣшить вопросъ: кто имѣетъ право измѣнить уніальный договоръ? И мнѣ кажется, я не ошибусь, говоря, что не только всѣ члены этого собранія, но и каждый благоразумный человѣкъ внѣ его признаетъ уполномоченнымъ на то единственно тотъ народъ, относительное собраніе котораго и заключило существующій обоюдный договоръ. Иначе, господа, и быть не можетъ: всякое иное рѣшеніе, даже и въ самомъ лучшемъ смыслѣ, можетъ остаться въ силѣ, пока кому нибудь не вздумается отвергнуть его какъ незаконное. А я думаю, что почтенное собраніе, намѣревалось утвердить автономію церкви на прочныхъ основаніяхъ, не захочетъ ограничиться такимъ непрочнымъ рѣшеніемъ нашего дѣла. (Общее одобреніе. Слава!)

Но что вопросъ именно въ этомъ, почтенное собраніе въ томъ убѣдится обративши вниманіе и на другую сторону дѣла. Многіе, да и самая комиссія 27 въ своемъ мнѣніи говоритъ, что основныя условія нашей уніи не касаются организаціи автономіи. Признаюсь, я не считаю справедливымъ этого увѣренія, а почему,—сейчасъ скажу. (Слышимъ! Слышимъ!)

Всѣмъ извѣстно, почтенное собраніе, что между нами совершилась только догматическая унія и никакого другаго объединенія мы не признали и не обязались принимать. И именно посему въ договорѣ было предоставлено намъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ право избирать своихъ епископовъ и содержать свой обрядъ, т. е. удерживать и на будущее время организацію греческой церкви. Само по себѣ удержаніе обряда, т. е. организма церкви, ясно показываетъ, что наша дисциплинарная особенность осталась и при уніи, и что унія вовсе не простирается на дѣла управленія. А конечно, никто не скажетъ, что избраніе епископовъ, опредѣленіе протоіереевъ и аббатовъ, свободное распоряженіе школами и другія церковныя мѣры и распоряженія не принадлежатъ-де къ кругу церковнаго управленія. (Правда! Одобреніе).

И такъ какъ §§ 36—59 и др. касаются именно этихъ дѣлъ, то ясно, что этимъ нарушается уніальный договоръ, который эти дѣла оставилъ неприкосновенными. Такимъ образомъ оказывается неправдою то, будто организація автономіи не касается основныхъ условій уніи. (Одобреніе съ лѣвой стороны. Слава!)

Но хотя бы опредѣленія проекта автономіи явно и не нарушали нашихъ правъ, обезпеченныхъ уніальнымъ договоромъ,—и тогда не можетъ быть вѣрнымъ утвержденіе: „будто автономическая организація не касается нашего договора.“ И это вотъ почему. Высшее условіе автономіи есть самоуправленіе, къ участію въ которомъ приглашаютъ и насъ. А мы до сей поры были только въ уніи чисто догматической.

Очевидно, приступая къ этой автономіи, мы должны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ управленія вступить въ соотношеніе съ латино-католиками. (Одобреніе).

И здѣсь возникаетъ вопросъ: (Слышимъ!) если мы хотимъ вступить въ новое общеніе, то возможно ли сдѣлать это безъ нарушенія теперь существующаго договора? Я съ моей стороны не думаю этого. И я молю почтенное собраніе, да приметъ оно въ уваженіе то, что по отношенію къ автономіи, имѣющей вступить въ жизнь, намъ—что мы сознаемъ и сами—нужно будетъ вступить въ томъ или другомъ отношеніи въ сообщеніе. Пусть же оно устроитъ это такъ, чтобы это совершилось въ законной формѣ.

Почтенное собраніе! я слышалъ (Слышимъ!) отъ многихъ—и между прочимъ то говорилъ почитаемый мною господинъ, любезный мой дядя [1]), будто наше право избирать епископа уничтожено дотаціей, какую начала давать его величество мукачевскому епископу. Но спрашиваю почтенное собраніе, возможно ли, чтобы дотація, данная однимъ, уничтожала право третьяго, т. е. народа безъ его вѣдома и участія. (Правда! Одобреніе.) И въ той грамотѣ (которую многіе хотѣли бы считать столь же важною, какъ блюдо изъ чечевицы для Исава въ Священномъ Писаніи) гдѣ же, хотя бы словомъ, упоминалось о томъ, что этимъ-де условіемъ уничтожается право народа избирать своихъ епископовъ? Увѣряю васъ, господа, въ этой грамотѣ вы не найдете этого условія. (Долгое одобреніе.)

Почтенное собраніе! Мнѣ кажется, держащіеся этого мнѣнія не разсудили, что если бы дотаціей могли уничтожаться права народа, обезпеченныя договоромъ, то легко могло бы случиться, что послѣ новой дотаціи сказали бы: вотъ теперь уничтоженъ и второй пунктъ уніальнаго договора, которымъ обезпечивалась ненарушимость обряда и нашей литургіи. А въ заключеніе сказали бы: если такимъ образомъ совершилось объединеніе во всѣхъ отношеніяхъ, то дѣйствительнымъ остается только третій пунктъ договора, т. е. соразмѣрное матеріальное обезпеченіе! (Слава!)

Сообразивши все это, я думаю, что почтенному собранію представляется ясною та истина, что если оно хочетъ съ нашей стороны принятія проекта автономіи, то чтобы это было законно и обязательно

---

[1]) Протоіерей Гаджега, рѣчь котораго помѣщена выше, родной дядя г. Грабара. Вообще то увѣреніе г. Поповича, что клиръ въ уніатской епархіи составляетъ одно семейство, вполнѣ примѣнимо къ русскимъ епархіямъ Венгріи, гдѣ всѣ родные, а съ ними въ родствѣ и вся интеллигенція, которая здѣсь выходитъ преимущественно изъ дѣтей клира же.

для каждаго, для этой цѣли должно быть созвано наше особое собраніе, одно имѣющее на то право, т. е., нашъ особый церковный конгрессъ. И поэтому-то я прошу почтенное собраніе уважить наше объ этомъ предложеніе и содѣйствовать его осуществленію: иначе можетъ сдѣлаться невозможнымъ желаемое между нами согласіе.

При этомъ я долженъ объявить, что пока упомянутаго собранія не созвано и оно не уполномочило меня для разсужденія объ этомъ дѣлѣ, я не считаю себя въ правѣ и пускаться въ его обсужденіе. А такъ какъ проектъ организаціи автономіи, какъ я это имѣлъ честь упомянуть, прямо нарушаетъ наши права, обезпеченныя намъ договоромъ, то я и не принимаю его ни за себя, ни за моихъ избирателей.

Да позволитъ мнѣ почтенное собраніе еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній на рѣчь говорившаго прежде меня, его высокородія г. Негребецкаго. (Слышимъ! Слышимъ!) Почтенный депутатъ въ своей рѣчи изволилъ, между прочимъ, упомянуть, что онъ ищетъ самостоятельности нашей церкви въ особой епархіи, а такая епархія остается неприкосновенною. Да извинитъ меня почтенный депутатъ, я не того мнѣнія: особенность нашей церкви не въ епархіальной системѣ, при которой мы можемъ дойти до потери нашей самостоятельности, но въ служеніи одному обряду, хотя бы церковь состояла изъ вѣрныхъ, принадлежащихъ многимъ епархіямъ. (Общее одобреніе).

Онъ сказалъ еще, что онъ чувствуетъ себя не уполномоченнымъ говорить о дѣлахъ пряшевской епархіи. Говоря это, почтенный господинъ депутатъ находился въ заблужденіи, будто находящіеся здѣсь депутаты представляютъ только епархіальные интересы. По моему мнѣнію, это не такъ. Мы здѣсь защищаемъ общіе интересы нашей церкви. Вы опустили изъ вниманія то важное обстоятельство, что когда мы вступали въ унію, существовала только одна мукаческая епархія, а пряшевская была выдѣлена позже отъ той матери-епархіи. Естественно и понятно, что уніальный договоръ, о которомъ теперь рѣчь, касается и вѣрныхъ пряшевской епархіи, какъ и вѣрныхъ нашей, и я думаю, что и они также законно могутъ о немъ говорить, какъ и самъ г. депутатъ, и за то ихъ вовсе нельзя укорять какъ за вмѣшательство въ чуждые для нихъ интересы мукачевской епархіи. (Правда! правда!)

Дальше высокородный господинъ изволилъ сказать, что онъ не видитъ нужды въ особомъ для насъ конгрессѣ, потому что епархіальное собраніе будетъ состоять изъ 315 членовъ, а этого, по его мнѣнію, и довольно.

Да не почтетъ высокородный господинъ за нескромность, если я выскажу догадку, что вѣроятно онъ думаетъ, что собраніе получаетъ свое названіе отъ числа членовъ: иначе онъ не назвалъ бы епархіальнаго со-

браніи конгрессомъ. Я думаю не такъ: какъ нашъ государственный сеймъ, такъ и этотъ конгрессъ, независимо отъ числа членовъ, получаютъ свое названіе отъ своего круга дѣйствія и отъ совокупности интересовъ представляемыхъ всѣми членами ихъ. Ибо если бы названіе конгресса зависѣло отъ числа членовъ, какъ это думаетъ почтенный господинъ, тогда бы напр. собраніе Гевешскаго комитета по этой логикѣ нужно назвать такъ же сеймомъ, потому что здѣсь членовъ было больше, чѣмъ на государственномъ сеймѣ. А почтенный господинъ вѣроятно этого не допуститъ. (Такъ! Правда! Шумное одобреніе.)

Относительно избранія епископовъ онъ сказалъ, что не желаетъ этого, а не желаетъ изъ боязни, что избраніемъ получалъ бы епископскій престолъ не всегда наизаслуженнѣйшій. Я уже сказалъ и еще повторяю предъ почтеннымъ собраніемъ, я не хочу пускаться въ личности, потому что это ненавижу. Но я не могу раздѣлять мнѣнія г. депутата относительно опасеній, предполагаемыхъ имъ при выборѣ епископовъ: откровенно скажу, теперь у насъ нѣтъ свободнаго выбора, однако не разъ случается, что епископскій престолъ получаетъ вовсе не наидостойнѣйшій. Итакъ его опасеніе вовсе излишне. (Правда!)

Я не знаю, какія заслуги разумѣлъ господинъ депутатъ, когда высказывалъ опасеніе, что народъ-де не сумѣетъ наградить эти заслуги? Могу увѣрить его высокородіе, что собраніе 315 членовъ не оставитъ безъ награды заслугъ, если кто таковыя пріобрѣлъ въ епархіальной службѣ, въ защитѣ нашихъ правъ, какъ и заслугъ человѣка примѣрной религіозной жизни. Другія заслуги пусть награждаютъ тѣ, въ интересахъ которыхъ онѣ совершаются.

Наконецъ господинъ депутатъ объявилъ, что указываемые историческіе факты, относящіеся къ нашимъ уніальнымъ правамъ, не ясны и сомнительны. Признаюсь, для меня удивительно только одно, что почтенный депутатъ и не примѣтилъ, что вѣдь въ такомъ случаѣ онъ самъ считаетъ сомнительными и не ясными и свои доказательства основанныя на сомнительной грамотѣ: и на основаніи—той грамоты, которую онъ самъ же считаетъ сомнительною, онъ не только вступилъ въ автономическій конгрессъ, но и чувствуетъ себя уполномоченнымъ приступать къ его рѣшеніямъ! Для меня странно, какъ могъ это позволить себѣ депутатъ, который самъ же признается, на какомъ сомнительномъ и темномъ основаніи онъ участвуетъ въ автономическомъ конгрессѣ. (Правда! правда!)

Въ заключеніе еще разъ обращаюсь къ почтенному собранію, да попроситъ оно дозволеніе созвать особый всей нашей церкви конгрессъ, чтобы такимъ образомъ вступленіе наше въ автономію могло произойти законнымъ образомъ. „(Общее одобреніе. Продолжительное, громкое восклицаніе: Слава!)

Послѣ сочувственно принятой всѣмъ собраніемъ рѣчи г. Шавла Грабара, говорилъ мукачевскій епископъ.

Рѣчь [1]) Стефана Ганковича, мукачевскаго епископа.

„Почтенный конгрессъ! Также и изъ древней мукачевской епархіи подписали разбираемое теперь предложеніе три депутата. Если бы этого не случилось, я не счелъ бы нужнымъ говорить о немъ. Но это случилось,—и я, какъ епископъ мукаческой епархіи, тоже долженъ кое-что сказать. (Слушаемъ!)

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ дѣлѣ въ частности, позвольте сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. (Слушаемъ!)

Въ нашемъ славномъ отечествѣ отъ времени святаго Стефана понынѣ епископы всегда избирались апостольскими царями, какъ они избираются и именуются доселѣ; ибо наши законы говорятъ и признаютъ, что право давать высокіе чины, достоинства и высокія привиллегіи принадлежитъ только царю (Corpus juris Hungarici, ч. I отдѣлъ II.)

Если угодно, я прочитаю вамъ этотъ законъ. (Слушаемъ!): Sciendum autem, quodlicet papa seu summus pontifex utramque jurisdictionem, temporalem scilicet et spiritualem habeat: in collationibus tamen beneficiorum ecclesiasticorum pro tempore vacantium in hoc regno summus iste pontifex nullam jurisdictionem exequitur, praeter confirmationis auctoritatem. И такимъ образомъ угорскіе цари всегда себѣ предоставляли право избирать и именовать епископовъ, предоставляютъ его себѣ и теперь. Это вообще.

А теперь перейду къ двумъ требованіямъ, предложеннымъ въ формѣ просьбы, изъ которыхъ одно касается избранія епископа, а другое созванія нашего народнаго конгресса.

Позвольте мнѣ, господа, согласно съ мнѣніемъ комиссіи 27, на оба эти требованія замѣтить, что настоящій конгрессъ не имѣетъ права рѣшать въ этихъ дѣлахъ и дозволять особенный конгрессъ, ибо это право принадлежитъ его величеству. (Одобреніе!)

Не желая длинною рѣчью утомлять почтеннаго конгресса, скажу коротко, въ чемъ дѣло; ибо время уже безъ того поздно! (Слышимъ. Смотритъ на часы.)

Въ мукачевской, древнѣйшей епархіи, находящейся въ уніи съ 1491 года, было въ одно и тоже время много епископовъ и всѣ безъ изъя-

---

[1]) Мы должны замѣтить, что рѣчь эту мы можемъ сообщить только по списку, исправленному епископомъ у себя дома, а не въ томъ видѣ, въ какомъ она была произнесена въ собраніи.

тіи монахи; монахи, съ исключеніемъ мірскихъ священниковъ, избирали ихъ вопервыхъ настоятелями въ монастыри и только послѣ этого они получали, т.-е. имѣли право на епископскій санъ! Итакъ монахи избирали не епископа, а настоятеля; самъ Коріатовичъ учредилъ только монастырь, а не епископство, и именно поэтому избранныхъ настоятелей цари называли епископами. Царь Владиславъ пишетъ: Singulis plebanis ruthenicis, sub jurisdictione ecclesiae beati Nicolai confessoris in officio Munkacs, ritu graecorum fundata 1491. Точно также пишетъ царь Фердинандъ 1551 года, царь Максимиліанъ въ 1569 и Рудольфъ II въ 1597 г.

Скажу теперь объ уніи, состоявшейся въ 1649 году. Парѳеній былъ первый, который принялъ унію. Тогда было въ епархіи два епископа и Парѳеній первый сдѣлалъ „professionem fidei“ когда 60 священниковъ просили о немъ, чтобы онъ былъ избранъ въ епископы. Но онъ былъ избранъ и именованъ десять лѣтъ спустя при Леопольдѣ I въ 1659 г. и въ его грамотѣ прямо сказано, что его величество не признаетъ никакого избирательнаго права, потому что это право царское. Позвольте мнѣ прочитать грамату Леопольда I, данную въ Пожунѣ 1659 года. „Duximus nominandum, eligendum et praestandum, tum etiam ideo, siquidem ab antiquis semper temporibus ipso S. Stefani Regis et apostoli hujus Regis episcopatuum omnium, sub corona huius Regni comprehensorum, ut patronatus et collatio ad nominem alium, quam ad Regiam Majestatem sacramque coronam, semoto omni dubio, spectasse et pertinuisse dignoscato. Quare praenominatum episcopatum Munkacsiensem benigne conferre placuit fideli nostro reverendo Petro Parthenio, ordinis S. Basilii religioso gr. C. Episcopo, pronti etiam conferimus, damus, donamus praesentium per vigorem.“ Думаю, что это довольно ясно. (Одобреніе.) Итакъ, то правда, что Парѳенія царь избралъ и именовалъ.

Между епископами, которые слѣдовали за Парѳеніемъ, находились и такіе, которыхъ прислали изъ Рима какъ викаріевъ. А вообще до времени канонизаціи мукачевской епархіи здѣшніе епископы были только викаріями егерскаго епископа. Послѣдній изъ Рима посланный викарій былъ *De-Camelis* въ 1699 г.

Пока монахи, избиравшіеся въ настоятели, именовались и въ епископы, избраніе епископовъ и подъ уніей происходило такъ же, какъ прежде уніи, т.-е. избирали только монахи, за исключеніемъ мірскихъ священниковъ. Такимъ образомъ въ мукачевской епархіи никогда нельзя было слышать ни объ одномъ конгрессѣ, да и теперь не слышно.

Предположимъ, хотя того и нельзя допустить, что въ монастыряхъ избраніемъ настоятеля—но всегда съ исключеніемъ мірскихъ священ-

никовъ—въ одно и тоже время избирался и епископъ. Можно ли и дозволительно ли такія монастырскія собранія называть конгрессомъ?

Первый епископъ, который получилъ дотацію, не въ имѣніи, а въ деньгахъ, и подъ *titulo subsidii*, т.-е. какъ помощь, и именно для священниковъ 2000 и на себя лично 4000 гульденовъ, былъ Ольшавскій, который былъ и послѣднимъ епископомъ изъ чина монаховъ.

За нимъ слѣдовалъ Брадачъ, первый, который на епископскій престолъ былъ возвышенъ изъ мірскихъ священниковъ.

Отправившись въ Вѣну, онъ былъ тамъ избранъ и именованъ и никто ни слова не сказалъ противъ его именованія.

Во время помянутаго епископа въ 1771 году Бенедиктъ XIV канонизовалъ мукачевскую епархію и поставилъ Брадача самостоятельнымъ епископомъ. Съ того времени въ мукачевской епархіи не было избранія епископа. То извѣстно, что послѣ Пареенія апостольскіе епархіальные викаріи, которыхъ назначалъ папа, не могли избираться, а послѣ смерти Іосифа *De-Camelis*, въ граматахъ (Diplom) епископовъ, избиравшихся царемъ, нѣтъ ни слова о томъ, чтобы они избирались народомъ; наконецъ несомнѣнно и то, что послѣ канонизаціи епархіи мукачевскіе епископы не избирались, а именовались угорскими царями, какъ это дѣлается и доселѣ.

Извините, господа, что я все это осмѣлился сказать вамъ; но я долженъ былъ это сдѣлать въ интересѣ мукачевской епархіи по той причинѣ, что и изъ ея двухъ депутатовъ клира и четырехъ отъ мірянъ, трое подписали сказанную просьбу, хотя другіе, большинство, приняли мнѣніе комиссіи. 27. Такимъ образомъ мукачевская епархія не желаетъ и не хочетъ избранія епископовъ; также она относится и въ отношеніи къ собственному конгрессу, котораго никогда не существовало.

На все это я привелъ доказательства; доказываю это и тѣмъ заявленіемъ, которое подписано многими отличными мірскими людьми и священниками и которое представлено мнѣ противъ сказанной просьбы.

(Читаетъ рѣшеніе своей ужгородской консисторіи.)

„Католики греческаго обряда, какъ мірскіе, такъ и духовные, признаютъ и почитаютъ себя, какъ доселѣ, католиками греческаго обряда (Восклицаніе съ лѣвой стороны: вѣдь и мы хотимъ того же!), желаютъ удержать обрядъ и дисциплину въ теперешнемъ положеніи; а такъ какъ они съ римско-католиками той же самой вѣры и вѣроисповѣданія, то и на будущее время они желаютъ оставаться такими же и принять участіе въ автономическомъ развитіи (Одобреніе.) Вслѣдствіе того, они желаютъ пользоваться всѣми тѣми правами, которыя будутъ установлены для римско-католиковъ, и даже требуютъ этого. (Одобреніе.) Далѣе не одобряютъ созванія особеннаго конгресса и стремленія къ раз-

дѣленію (Живіо!), и выражаютъ свое полное одобреніе тѣмъ депутатамъ, которые не подписали извѣстной просьбы, въ тоже время выражая сожалѣніе, что въ мукачевской епархіи нашлись нѣкоторые, которые поступили не въ этомъ смыслѣ."

Подписавшіеся въ протоколѣ просили меня отъ ихъ имени торжественно заявить ихъ желанія въ конгрессѣ. Но я осмѣлюсь еще прочитать заявленія священства касательно избранія епископовъ. Изъ многихъ такихъ предложеній я прочитаю протоколъ только одного округа (Читаетъ.) „Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые просятъ избранія епископа: ибо мы и теперь, когда не имѣли права избирать епископа, знаемъ по опыту, лишь только умираетъ епископъ, не взирая на печаль, сейчасъ же образуются партіи, которыя только плодятъ недовѣріе, клеветы и подозрѣніе. Что же было бы еще при публичномъ избраніи епископа? Такимъ образомъ мы не просимъ и не желаемъ избранія епископовъ."

Какъ то объяснилъ мой почтенный другъ Александръ Негребецкій, такъ какъ пряшевская епархія существуетъ отдѣльно отъ мукачевской, то дѣла пряшевскаго епископа меня не касаются. Но все-таки я долженъ напомнить, что когда въ 1820 году была выдѣлена и учреждена изъ мукачевской епархіи пряшевская, то никто не только не просилъ, но даже не вспомнилъ о правѣ избранія епископа, а каждый съ радостію и благодарностію принималъ то, что его величество благоизволилъ имъ дать епископа, которому онъ далъ обезпеченіе и назначилъ его Такъ былъ именованъ и избранъ его величествомъ и теперешній, здѣсь присутствующій мною высокопочитаемый г. епископъ (Шумное: слава!). Итакъ ясно, что въ пряшевской епархіи никогда не было избранія епископа (Смѣхъ!)

Осмѣлюсь сдѣлать еще одно смиренное замѣчаніе. Здѣсь было сказано, что въ уніи былъ заключенъ двухсторонній договоръ. Бывши нѣкогда профессоромъ права, насколько знаю право, двухсторонній договоръ долженъ имѣть два условія: вопервыхъ, долженъ быть предметъ его дозволителенъ (de re jure licita), вовторыхъ, договаривающіяся стороны должны быть уполномочены заключить договоръ. Еслибы это было такъ, тогда бы Леопольдъ I въ своей граматѣ, мною здѣсь прочитанной, не сталъ бы упоминать о своемъ правѣ именовать и дотировать епископовъ, каковое право ведется отъ временъ св. Стефана.

Ritus Ecclesiae graecae. Эти слова перевели здѣсь помадьярски такъ: организація греческой церкви!! Подъ словомъ: „Ritus" я разумѣю обрядъ, а не организацію. Иного и разумѣть нельзя.

Наконецъ, радуюсь, что я могъ участвовать въ этомъ конгрессѣ. Ибо изъ того факта, что угорскіе русскіе восточнаго обряда имѣютъ учас-

тіе въ самоуправленіи вмѣстѣ съ римско-католиками, слѣдуетъ не то, будто мы потеряли или лишились своего права; но слѣдуетъ то, чему я радуюсь изъ глубины сердца (слышимъ!), что въ духѣ конституціи нашего отечества, на основаніи равноправности, и греко-католики имѣютъ тѣже самыя права, въ которыхъ участвуютъ и латинники (!!) (Одобреніе.) Вслѣдствіе всего этого я принимаю предложеніе коммиссіи 27 и считаю своимъ долгомъ объявить мою благодарность всѣмъ членамъ почтеннаго конгресса за ихъ расположеніе и любовь, которую они изволили показать къ греко-католикамъ. Въ тоже время думаю, что и мое поведеніе на этомъ конгрессѣ все было направлено къ поддержанію интересовъ, къ чести и пользѣ греко-католиковъ" (Шумное одобреніе правой стороны).

Увѣренія епископа Панковича были слишкомъ смѣлы, чтобы ихъ можно было оставить безъ отвѣта. Чтобы доказать епископу Панковичу совершенное незнаніе имъ исторіи своей церкви и непониманіе имъ самыхъ простыхъ юридическихъ вещей — это взялся сдѣлать въ своей рѣчи А. И. Добранскій.

Рѣчь Адольфа Ивановича Добранскаго, автономическаго депутата, сказанная въ католическомъ конгрессѣ 30 лат. марта.

Почтенное собраніе! (Шумъ, восклицанія: на голоса!)

„Знаю, что большая часть членовъ почтеннаго конгресса уже потеряла терпѣніе, особенно въ виду недалекаго праздника. Именно поэтому то, еслибы моя очередь говорить была нѣсколько прежде, я бы отказался отъ рѣчи, но теперь я считаю моимъ долгомъ опровергнуть увѣренія мукачевскаго епископа, несогласныя ни съ исторіей, ни съ истиной. Такъ позвольте же мнѣ это сдѣлать, хотя бы возможно коротко.

Если я хорошо его понялъ, господинъ мукачевскій епископъ утверждалъ, что требованіе права избирать епископовъ есть дерзкое посягательство, потому что право и вмѣстѣ дотація всякихъ высокихъ чиновъ и преимуществъ, по правиламъ *Трипартита Вербоція*, принадлежитъ де исключительно царю.

Въ опроверженіе этого утвержденія позвольте мнѣ сослаться на мнѣніе коммиссіи 27, которое и самъ г. епископъ одобряетъ вполнѣ и рекомендуетъ принять его. Еслибы онъ внимательно прочиталъ его, изъ него бы онъ могъ узнать, что даже по этому мнѣнію митрополиту греко-католическаго обряда въ Карлсбургѣ—вѣдь это тоже высокій сановникъ католической церкви — предоставляется право избирать своихъ епископовъ, каковое право само, собою разумѣется, было предоставлено договоромъ уніи. Стало-быть это право и донынѣ существуетъ въ трак-

татѣ. И въ самомъ предложеніи комиссіи вовсе не выражено сомнѣнія, будто греко-католики никогда не имѣли права избирать своихъ епископовъ, но сказано только то, что такъ какъ епископы и другіе церковные сановники стали получать отъ его величества дотаціи и преимущества, то это право прекратилось для клира и народа, т.-е. при установленіи этого новаго порядка оно не получило публичнаго утвержденія.

Но я долженъ замѣтить, этого утвержденія никто и не просилъ, потому что въ этомъ не было никакой нужды: ибо какъ прежде, такъ и теперь право избирать епископовъ не переставало быть важнѣйшимъ условіемъ догматической уніи, и именно догматической уніи, а не какой-нибудь другой. Поэтому-то мнѣніе г. мукачевскаго епископа, будто первое условіе уніи относится только къ обряду, а вовсе не къ внутренней, не отдѣленной отъ обряда организаціи и дисциплинѣ, не имѣетъ никакого основанія. Въ уніальной грамотѣ именно обозначалось, въ чемъ должны измѣниться отношенія при уніи, и измѣненія эти касались только догматовъ. Въ этомъ вы убѣдитесь, принявъ во вниманіе особенно то обстоятельство, что греко-католики никакъ не принадлежатъ къ римской церкви (Шумное *нѣтъ!*), т.-е. что мы не римско-католики (Продолжительное шумное *нѣтъ!*).

Извините, если и противъ этого *нѣтъ* я долженъ сослаться на буллу папы римскаго Бенедикта XIV, которая начинается словами: *Allatae sunt* и которая, исчисливъ все то, что римскіе папы въ теченіе вѣковъ сдѣлали въ интересѣ установленія и распространенія догматической уніи—жаль только, что этому распространенію и всему полезному въ этомъ родѣ въ большей части епархій вредили епископы, которые изъ церковнаго единенія дѣлали средство для своихъ личныхъ цѣлей и не обращали вниманія ни на заботливость объ этомъ папъ, ни на ихъ распоряженія!—такъ эта булла содержитъ слѣдующее опредѣленіе: sub ecclesiae romanae nomine, ritus romanus, ambrosianus, mozarabicus et varii peculiares ritus ordinum religiosorum comprehenduntur. (Подъ именемъ римской церкви разумѣется обрядъ римскій, амвросіанскій, мозарабскій и иные частные религіозные обряды).

А вы знаете, господа,—этому конечно не будетъ противорѣчить и высокоученый епископъ мукачевскій,—когда была обнародована эта булла, мукачевская епархія, какъ и митрополія карлсбургская были уже въ уніи, и несмотря на то мы не были въ составѣ прямо римской церкви, мы имѣли свою особенную дисциплину, намъ была обезпечена своя внутренняя организація и управленіе по правиламъ восточной церкви, такъ что мы, которые не можемъ допустить, чтобы обѣщанія римскихъ папъ были обманомъ, были вполнѣ увѣрены и теперь увѣрены, что мы, греко-католики угорскаго государства принадлежали бы къ

константинопольскому патріархату, еслибы онъ догматически соединился съ римскимъ папой, какъ и предъ пришествіемъ мадьяръ мы были въ составѣ болгарской церкви. (Шумное отрицаніе).

И противъ этого отрицанія позвольте сослаться на высокочтимаго мною архіепископа калочскаго, который во всякомъ случаѣ лучше моего долженъ знать, что одинъ изъ его предшественниковъ — не припомню его имени — сдѣлалъ римскому папѣ предложеніе, что онъ-де сосѣдняго беленьешскаго схизматическаго епископа склонитъ ad obedientiam Sanctae Sedis; но получилъ на это изъ Рима рѣшительный приказъ не предпринимать этого, ибо въ это время состоялось соединеніе съ константинопольскимъ патріархомъ, подъ властію котораго и долженъ находиться тотъ (беленьешскій) епископъ. Въ этомъ смыслѣ всегда бывали приказы и распоряженія папы, въ такомъ смыслѣ были сдѣланы рѣшенія ліонскаго и флорентинскаго соборовъ, и эти рѣшенія конечно не можетъ измѣнить могучій мукачевскій епископъ,—смѣю сказать, ихъ не можетъ измѣнить ни самъ почтенный конгрессъ.

Какъ вы, господа, ни увѣряете, но вы не увѣрите насъ въ иномъ, чѣмъ то, въ чемъ увѣряютъ насъ буллы римскихъ папъ, подъ властію которыхъ мы состоимъ, не потому, что они епископы города Рима, не потому, что они архіепископы и митрополиты римской области, не потому, что они примасы Италіи, не потому, что они патріархи запада, а лишь потому, что мы считаемъ ихъ первыми архіереями цѣлой католической церкви. Въ такомъ смыслѣ наши предки заключили догматическое соединеніе, въ такомъ смыслѣ мы греко-уніаты, т.-е. католики греческаго обряда, или греко-католики, настолько же истинные католики, какъ и всѣ находящіеся въ соединеніи съ папою; но такъ какъ унія никого не отрываетъ отъ восточной церкви, то мы не римско-католики, не принадлежимъ къ римской церкви, какъ ясно подтверждаетъ помянутая булла папы Бенедикта XIV.

Далѣе, господа, мукачевскій епископъ утверждалъ, будто для созванія желаемаго нами собранія и вообще для рѣшенія поданныхъ прошеній почтенный конгрессъ не можетъ считать себя уполномоченнымъ, ибо это есть-де прямо и исключительно право его величества. Это утвержденіе по моему скромному мнѣнію не имѣетъ здѣсь никакого смысла.

Я не хочу утверждать и говорить, что рѣшенія почтеннаго конгресса, лишь только они будутъ имъ произнесены, тотчасъ же получатъ обязательную силу закона или статута. Какъ господинъ епископъ, такъ и я очень хорошо знаю, что эти рѣшенія должны еще быть представлены на утвержденіе его величества и государственнаго сейма. Поэтому то и мои друзья старались только о томъ, чтобы согласно нашимъ прошеніямъ, предложеннымъ коммиссіи 27, *опредѣленіе* о созваніи нашихъ

особыхъ собраній, которыя въ государственно-правительственныхъ грамотахъ упоминаются какъ необходимо нужныя для упорядоченія нашей церкви въ ея мірскихъ дѣлахъ, и къ которымъ апостольскіе цари всегда писали какъ къ обществу народа (universitas populorum Ruthenorum) было включено вмѣстѣ съ другими, вытекающими изъ договора уніи законными требованіями, въ число согласно принятыхъ рѣшеній конгресса, за которыя мукачевскій епископъ уже заявилъ почтенному конгрессу свою благодарность, — и чтобы всѣ эти рѣшенія были разомъ представлены законодательной власти на утвержденіе.

Но еще въ первый періодъ засѣданій было можно рѣшить то, чтобы просить нашихъ двухъ господъ епископовъ, или уважаемаго мною господина князя-примаса, какъ предсѣдателя конгресса, который для насъ русскихъ замѣняетъ митрополита, со стороны румыновъ карлсбургскаго митрополита, чтобы они изволили созвать общее церковное собраніе греко-католиковъ и составили на немъ нужныя рѣшенія. Какъ тогда, такъ и теперь мы увѣрены въ возможности такой мѣры и въ согласіи на то,—и это тѣмъ легче, что мы живемъ въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ по законамъ каждое общество можетъ располагать своимъ самоуправленіемъ, на сколько оно не противорѣчитъ государственнымъ законамъ и гдѣ не запрещено имѣть не только церковныхъ, но даже и мірскихъ собраній.

Далѣе господинъ мукачевскій епископъ утверждаетъ, что наши предки никогда не избирали епископа, а только *патера*, подъ каковымъ названіемъ, думаю, онъ хотѣлъ разумѣть монаха. Это утвержденіе имѣетъ основаніе только въ томъ отношеніи, что у насъ въ епископы всегда избирался или монахъ, или такой мірской священникъ, который былъ готовъ принести монашескіе обѣты, или вступить въ чинъ монаховъ, для того, чтобы быть епископомъ.

Но еслибы высокообразованный господинъ мукачевскій епископъ посмотрѣлъ правила дисциплины восточной церкви, онъ легко бы могъ увѣриться въ томъ, что это есть прямое правило 12 канона VI вселенскаго собора, и это правило было положено не безъ причины: наши мірскіе священники женаты, но церковь на будущее время считала полезнѣйшимъ праздныя мѣста епископовъ замѣщать неженатыми и монахами, но которые по большей части избирались изъ мірскихъ священниковъ-вдовцовъ.

И поелику то фактъ, что и на римскомъ, какъ на первомъ апостольскомъ престолѣ, возсѣдали папы избранные изъ чина монаховъ, и можетъ быть и на будущее время будутъ такіе же, безъ опасенія, что мукачевскій епископъ за это откажется признавать ихъ папами, поелику, далѣе, бываютъ случаи, когда большая часть вѣрныхъ, между ними

и я, желаютъ избирать епископа изъ чина монаховъ потому, что надѣются видѣть такого лучше исполняющимъ обязанности поста и молитвы, болѣе сохраняющимъ святые обряды, чего не всегда можно ожидать отъ епископа избраннаго изъ мірскихъ: — то я думаю, что и это утвержденіе мукачевскаго епископа не имѣетъ никакого смысла.

Далѣе, господинъ мукачевскій епископъ утверждаетъ, что монахи много разъ отстраняли мірское священство отъ избранія епископовъ. Но господинъ епископъ не подтвердилъ примѣромъ такого предполагаемаго поведенія, а мы объ этомъ ничего не знаемъ. Но изъ дошедшихъ до насъ граматъ, напротивъ, знаемъ то, что по случаю догматическаго соединенія, при посредствѣ ягерскаго епископа было собрано общее собраніе, которое избрало епископа, и именно былъ единогласно избранъ Пантеній (Pantinius); знаемъ не сомнѣнно, что когда избранный собраніемъ Иванъ Бродачъ, посланный къ его величеству былъ утвержденъ не самостоятельнымъ епископомъ, а только епископскимъ помощникомъ, то этому наименованію воспротивились какъ міряне, такъ и мірское духовенство и между ними Габина, гомонянскій протопресвитеръ. Стало-быть и это утвержденіе мукачевскаго епископа не имѣетъ никакого основанія.

Да будетъ позволено мнѣ замѣтить, что этотъ протестъ былъ поводомъ къ сдѣлкѣ на новомъ собраніи, т.-е. было сдѣлано новое избраніе, противъ котораго Габина также протестовалъ, оставивши даже свою епархію и переселившись въ Ягеръ. И это именно Брадачъ былъ тотъ епископъ, о которомъ господинъ мукачевскій епископъ утверждалъ, что онъ былъ первый, который не былъ монахомъ; но позволю себѣ поправить утвержденіе епископа: Брадачъ избранъ былъ изъ мірскихъ священниковъ, но для епископства принялъ монашескій чинъ, какъ это дѣлали и его преемники, избираемые изъ мірскихъ священниковъ. Могу съ увѣренностію утверждать, что первый мукачевскій епископъ, который не принималъ монашескаго чина, это былъ Андрей Бачинскій, который, единогласно выбранный въ епископы на собраніи, былъ утвержденъ папскою буллою уже послѣ канонизаціи епархіи и ея дотаціи Высочайшею властію опредѣленнымъ денежнымъ положеніемъ.

А что касается упомянутаго мукачевскимъ епископомъ декрета Леопольда I, и я читалъ его и знаю, что несмотря на это тотъ епископъ, о которомъ говоритъ декретъ, былъ избранъ соборомъ, какъ и его предшественники. Но я читалъ кромѣ того еще нѣчто такое, чего можетъ быть не читалъ господинъ епископъ, а именно: преемникъ Леопольда I, Карлъ VI, былъ защитникомъ нашего права—избирать епископовъ, когда въ письмѣ своемъ, посланномъ папѣ въ 1712 году, говоритъ слѣдующія слова: „cum tamen temporе unionis suae cum s. Romana ecclesia in

anno 1649 et subsequenter factae clerus ille electionem sui episcopi sibi per exgressum reservasset.“ Въ томъ же смыслѣ и Марія Терезія повелѣла дѣйствовать своимъ агентамъ, хлопотавшимъ о канонизаціи мукачевской епархіи.

Ея агенты Стефанъ *de Angelis* и *Cocquelines* въ своемъ канонизаціонномъ процессѣ также указывали на грамоту уніи и ея три условія (между ними прямо указывали на право избирать епископовъ, употребляя это какъ средство противъ ягерскаго епископа, который никакъ не захотѣлъ канонизаціи епархіи, а желалъ считать нашего епископа своимъ только обрядовымъ викаріемъ), и считали важнымъ то обстоятельство, чтобы точно соблюсти всѣ пункты и условія уніи, указывая на это, какъ на единственное средство удержать унію и не рисковать на будущее время ея ослабленіемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, еслибы тогда не захотѣли исполнить и сохранить всѣхъ условій уніи, то соединенная часть восточной церкви только бы подверглась чрезъ это презрѣнію со стороны другой не соединенной части восточной церкви. И посягательства въ этомъ направленіи и были именно причиною, что расширеніе уніи сдѣлалось невозможнымъ, а беззаконныя вмѣшательства едва не уничтожили и слабаго и недостаточнаго догматическаго единенія, въ которомъ мы теперь живемъ и хочемъ жить, но безъ лишенія нашихъ правъ (Одобреніе на лѣвой сторонѣ).

Господинъ мукачевскій епископъ представилъ намъ и одно обращенное къ нему прошеніе, которое подписали будто многіе, но кто? онъ того не сказалъ. Но изъ словъ этого прошенія, которыя господинъ епископъ имѣлъ любезность прочитать намъ, мы узнаемъ только одно, что подписавшіеся также не хотятъ быть римско-католиками, а хотятъ какъ доселѣ, такъ и впередъ быть греко-католиками и поэтому, такъ какъ они тоже вѣроятно боятся потерять это право, они желаютъ ненарушимо удержать обрядъ нашей восточной церкви и дисциплину. Итакъ они хотятъ того же, чего желалъ и я, желали и всѣ мы и нынѣ желаемъ!..

Соблюденіе обряда и дисциплины весьма важное слово, потому что къ дисциплинѣ принадлежатъ,—едва ли это нужно объяснять предъ собраніемъ столькихъ первосвященниковъ, — всѣ тѣ предметы, которые стоятъ въ связи съ организаціей церковнаго управленія, какъ-то: избраніе епископовъ и иныхъ церковныхъ представителей и собраніе вселенскихъ соборовъ, о чемъ комиссія 27 говоритъ, что мы хорошо сдѣлаемъ, если все это соблюдемъ, какъ свою собственность. Поэтому именно и въ проектѣ организаціи мы видимъ, что дѣла въ тѣсномъ смыслѣ слова дисциплинарныя онъ объявляетъ неподлежащими власти мѣстнаго самоуправленія, а объявляетъ подлежащими ей только дѣла дисципли-

нарныя не въ собственномъ смыслѣ, какъ-то можно видѣть изъ многихъ §§ проекта.

И только не понимая этого, господинъ епископъ считаетъ себя уполномоченнымъ собственною властію дѣлать измѣненія въ дисциплинѣ, внутренней организаціи и правленіи нашей церкви. Но мы посланные сюда отчасти клиромъ, а отчасти мірянами, понимая нашу тяжкую отвѣтственность предъ избирателями, не можемъ слѣдовать господину епископу въ его отреченіи отъ нашихъ правъ: ибо знаемъ, чего хочетъ народъ, то знаетъ цѣлая держава. Въ 1867 и 1868 годахъ въ Мармарошѣ, который населенъ въ большинствѣ нашими единовѣрцами, позже въ Угочѣ и Земплинѣ держались народныя собранія, которыхъ прошенія, вмѣстѣ съ прошеніями спишскаго и шаришскаго комитетовъ о сохраненіи нашихъ правъ, я имѣлъ честь представить сейму, какъ-то конечно помнятъ находящіеся здѣсь депутаты. (Смѣхъ. Знаемъ! Вѣримъ!) Соблюденіе же уніи важно не столько въ нашемъ, сколько въ интересѣ всей католической церкви.

Дальше господинъ мукачевскій епископъ сказалъ, что... (Шумъ. На голоса!) Прошу извинить. Нельзя же мнѣ опустить чего-нибудь важнаго изъ того, что сказалъ мукачевскій епископъ. Иначе кто-нибудь подумаетъ, что его доводы имѣютъ основаніе, хотя ни одинъ изъ его доводовъ не стоитъ ничего.

Господинъ мукачевскій епископъ сказалъ, что тогда, когда изъ мукачевской епархіи была выдѣлена и учреждена самостоятельная пряшевская епархія, вѣрные приняли это съ радостію и никому не пришло на мысль выступить съ правомъ избирать епископа. Въ этомъ онъ правъ, такъ какъ то само собою предполагается, что вѣрнымъ было пріятно имѣть вмѣсто епископскаго викарія самостоятельнаго епископа; но мы знаемъ, что послѣ французской революціи во времена европейскихъ конгрессовъ ни самъ шаришскій комитетъ, ни даже угорская держава не могли выхлопотать своего права созвать сеймъ, даже до 1825 года. Такимъ образомъ и наши предки подчинились власти, о которой писано: non est potestas nisi a Deo, каковая власть уничтожила всѣ наши права, церковныя и мірскія.

Предки наши должны были покориться власти;—что же имъ и было дѣлать? Но они поднимали голоса въ защиту своихъ правъ, лишь только представлялся къ тому случай. Это дѣлалъ и я, тоже дѣлали и народныя собранія, это же и мы дѣлали и теперь дѣлаемъ предъ почтеннымъ конгрессомъ въ полномъ убѣжденіи, что вѣрные нашей церкви, которые болѣе полстолѣтія были лишены своихъ основныхъ правъ, если и на будущее время будутъ жить не пользуясь ими, будутъ покаряться власти, но отъ правъ своихъ добровольно не откажутся.

Мы находимъ великое различіе между тѣмъ, когда власть только *на практикѣ* пользуется тѣми правами, которыми *законно* должна бы пользоваться сама наша церковь, и между тѣмъ, когда бы мы добровольно отказались отъ нихъ, хотя бы такъ, какъ то сдѣлалъ XII толедскій соборъ въ 681 году, когда право избирать епископовъ вручилъ царю: ибо если мы откажемся отъ самаго основнаго права нашей церкви, то мы лишимъ нашихъ потомковъ надежды на лучшую будущность, которая только и служитъ намъ утѣшеніемъ.

Дальше почтенный господинъ мукачевскій епископъ сказалъ и то, что онъ, бывши самъ академическимъ учителемъ юридическаго права, въ грамотѣ уніи не находитъ обоюднаго договора. Я не придаю важности выраженію *обоюдный договоръ*. То я помню, что ученый господинъ епископъ вовсе не былъ штатнымъ учителемъ права, а только statistica supplens въ Кошицахъ. Но такъ какъ и я нѣсколько знаю юриспруденцію, то долженъ объявить, что уніальный актъ я признаю обоюднымъ договоромъ потому, что одна сторона или вѣрные, а вмѣсто нихъ представлявшее ихъ собраніе сказало, даже письменно заявило, что на будущее время оно хочетъ и будетъ вѣрить тому-то, т.-е. соединяется догматически съ римскою церковію и это согласно сдѣлать подъ особенными *тремя* условіями. Конечно, оно имѣло право это сдѣлать, что признаетъ и самъ господинъ епископъ. Другая сторона, т.-е. римско-католическая церковь, во первыхъ, въ лицѣ примаса и natus-легата апостольскаго престола Липпая, и позже въ лицѣ самого римскаго папы приняла эти три условія, даже привела ихъ въ исполненіе съ одобренія мірской власти. На это —да позволитъ мнѣ такъ думать господинъ епископъ—и другая сторона конечно имѣла право. А акты, заключенные при такихъ обстоятельствахъ, называются по истинѣ обоюдными договорами, которые одною стороною не могутъ быть нарушены.

Изъ всего сказаннаго, думаю, ясно, что и коммиссія 27 не такъ представила данныя относительно избранія епископовъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Я готовъ служить этими данными. Эти данныя несомнѣнно доказываютъ, что и послѣ канонизаціи мукачевской епархіи и послѣ утвержденія папскою буллою ея дотаціи, епископъ Андрей Бачинскій былъ избранъ законнымъ образомъ. Первымъ не избраннымъ епископомъ былъ Алексій Почій, уже послѣ французской войны.

Но независимо и отъ этого я совершенно согласенъ съ моимъ другомъ Павломъ Грабаромъ въ томъ, что дотація епископа или капитула однимъ не имѣетъ вліянія на права третьяго.

Я питаю глубочайшее почтеніе къ его величеству, и именно поэтому не могу предполагать, чтобы его величество дотаціею одного имѣлъ намѣреніе лишить права третьяго безъ его согласія на то. Его вели-

чество пользуется великими и важнѣйшими правами, напримѣръ, правомъ амнистіи и проч., но все-таки онъ ограниченъ и въ пользованіи этимъ правомъ, правомъ „juris alicui“ и такимъ образомъ не можетъ дѣлать незаконности, хотя бы и въ самомъ ничтожномъ дѣлѣ. Могутъ быть обстоятельства, въ которыхъ власть не уважаетъ пользованія правомъ и мы покоримся власти; но мы поднимемъ нашъ голосъ въ защиту нашихъ правъ всегда, когда представится къ тому случай, какъ это дѣлаемъ и теперь въ томъ убѣжденіи, что такое наше поведеніе докажетъ, что мы не отрекаемся ни отъ чего и не даемъ повода къ нарушенію нашихъ правъ.

Есть еще нѣчто, что я долженъ замѣтить на предложеніе комиссіи 27. Въ немъ сказано, что поданныя почтенному конгрессу наши прошенія подписаны только пряшевскими депутатами, а изъ мукачевской епархіи ихъ подписали только трое. Хотя этотъ фактъ ясенъ для всѣхъ, но чтобы лучше понять дѣло, я считаю нужнымъ объяснить слѣдующее: всѣхъ греко-католическихъ депутатовъ должно быть на конгрессѣ 36, въ томъ числѣ 27 міранъ и 9 отъ клира: изъ нихъ только шесть не поддержали наше предложеніе, выраженное въ относительныхъ нами поданныхъ прошеніяхъ, т.-е. шестая часть всего количества. А противъ нашего предложенія въ собраніи возставали только двое изъ депутатовъ клира—соборный протоіерей Гаджега и изъ міранъ Александръ Негребецкій. Изъ пяти же греко-католическихъ епископовъ и одного митрополита при разсужденіяхъ присутствовало только трое (восклицаніе: четыре). Извините, но четвертый не былъ здѣсь до конца [1]), онъ недавно ушелъ изъ залы и не мѣшался въ разсужденія!

Наконецъ милостиво позвольте сказать мнѣ: церковь наша по царскимъ грамотамъ, такъ называемымъ епископскимъ формамъ, всегда самостоятельно распоряжалась школьными и воспитательными дѣлами: ut convocato coetu ecclesiae scholas et gymnasia etc. erigere, in iis professores instituere etc., и доселѣ имѣетъ все это въ своихъ рукахъ. Но по мнѣнію комитета 27 это право теперь низводится на право петицій и предложеній; насъ намѣреваются лишить права даже контролировать служащихъ въ этихъ школахъ. Такое поведеніе вовсе не обѣщаетъ служить къ успокоенію и безъ того множества у насъ недовольныхъ, а тѣмъ меньше къ успокоенію народа.“ (Одобреніе. Живіо!).

Между тѣмъ становилось поздно; было уже около осьми часовъ вечера. Члены конгресса теряли терпѣніе — всѣмъ хотѣлось поспѣшить

---

[1]) Велицковарадинскій епископъ изъ румынъ. Присутствовали же: пряшевскій, мукачевскій и лугошскій-румынскій.

домой къ предстоящему празднику Пасхи. И такъ какъ уже рѣчь г. Добрянскаго постоянно прерывалась восклицаніями: *на голоса! на голоса!* то изъ партіи сочувствующаго намъ латинскаго меньшинства удалось сказать нѣсколько словъ только одному господину Георгію Вартолу: онъ поддерживалъ законность нашихъ требованій и особенно касательно выбора епископовъ и приходскихъ священниковъ. Но и его голосъ не былъ услышанъ. Мнѣніе коммиссіи 27, пущенное на голоса, было принято большинствомъ. Тогда мы чрезъ нашего сотоварища, мірскаго депутата пряшевской епархіи, Юрія Фаркаша, рѣшили подать протестъ. Г. Каркашъ, вышедъ на средину, громкимъ голосомъ сказалъ: „Такъ какъ собраніе не приняло въ уваженіе нашихъ требованій, а напротивъ хочетъ лишить насъ нашихъ правъ, и мы въ опасности потерять дисциплину и организацію нашей церкви, то мы вынуждены представить почтенному конгрессу слѣдующій нашъ протестъ..." Собраніе не приняло протеста, но вотъ его текстъ:

Протестъ русскихъ депутатовъ греко-католическаго обряда, въ интересѣ самоуправленія католической церкви представленный собранному конгрессу въ засѣданіи 30 марта.

„Принимая во вниманіе то, что статутомъ организаціи католической церкви Венгріи, который принятъ большинствомъ конгресса, нарушаются условія уніи съ греко-католиками; принимая во вниманіе *въ частности* то, что, хотя этотъ общій католическій конгрессъ имѣлъ рѣшить важнѣйшія дѣла, на немъ не нашелъ своего представительства нашъ единственный монашескій чинъ, а изъ другихъ представителей могли явиться только 15 [1]) отъ клира и 27 отъ мірянъ, а между тѣмъ по количеству душъ сообразно съ избирательными правилами ихъ должно быть 17 отъ клира и 34 отъ мірянъ;—принимая во вниманіе еще то, что не обезпечивъ своимъ статутомъ представительства греко-католиковъ въ созидаемой имъ центральной правительственной директоріи, конгрессъ

а) не принялъ въ уваженіе того нашего права, которое ясно выражено во 2 пунктѣ уніальнаго договора и которое уважали сами апостольскіе короли какъ прежде, такъ и послѣ канонизаціи мукачевской епархіи, по каковому праву греко-католики сами выбирали своихъ епископовъ; а напротивъ, хочетъ вполнѣ уничтожить это важнѣйшее, изъ дисциплины восточной церкви вытекающее, право тѣмъ, что сообразно

---

[1]) Вмѣстѣ съ епископами: 9 избранные отъ клира, 5 епископовъ и 1 митрополитъ. Здѣсь говорится о тѣхъ, которые *могли* явиться какъ представители; но мы знаемъ, что румынскихъ не было на конгрессѣ.

съ принятымъ имъ статутомъ выборъ нашихъ епископовъ ставится въ зависимость отъ лицъ иного вѣроисповѣданія и иного обряда, каковы члены центральной директоріи, которая будетъ дѣлать этотъ выборъ, и министръ вѣроисповѣданій, имѣющій предлагать этотъ выборъ на утвержденіе короля, — послѣ чего самой греко-католической церкви оставляется только пустое право *предложенія—рекомендаціи*, которая ни къ чему не обязываетъ;

b) народныя школы, положеніе профессоровъ и учителей, ихъ обезпеченіе, руководительство учебнымъ дѣломъ, сообразно съ такъ называемыми *форматами*, которыя давались епископамъ отъ королей, всегда принадлежали къ кругу дѣйствія особыхъ греко-католическихъ собраній и доселѣ принадлежали исключительно къ кругу дѣйствія нашей особой церкви не только по практикѣ, но и по закону 1868 XLIV, артикулы: 14 и 26;—теперь конгрессъ отбираетъ все это отъ тѣхъ собраній и отъ нашей церкви и передаетъ корпораціи (директоріи), состоящей изъ лицъ иного обряда, греко-католикамъ же оставляетъ только право прошенія или кандидаціи, что имѣетъ каждый отдѣльный человѣкъ;

c) конгрессъ своимъ статутомъ весьма ограничиваетъ и измѣняетъ церковное управленіе греческой церкви: ибо не только рѣшеніе вопросовъ, относящихся до патронатовъ, но и назначеніе на церковныя должности и разложеніе церковной дани на греко-католиковъ, далѣе надзоръ и рѣшеніе всѣхъ возникающихъ между личностями церковнаго управленія жалобъ и недоразумѣній,—все это теперь повѣряется особой корпораціи, состоящей изъ лицъ иного вѣроисповѣданія, такъ какъ патронамъ иного вѣроисповѣданія, т.-е. *панштакамъ*, теперь предоставляется такое великое вліяніе на дѣла греко-католическихъ приходовъ, какого они до сихъ поръ никогда не имѣли;

d) статутомъ совсѣмъ уничтожается личность нашей церкви: по рѣшенію Флорентійскаго вселенскаго собора и по опредѣленію буллы Бенедикта XIV *Allatae sunt* гл. III, наша церковь не находится въ подчиненіи римской церкви, ни въ подчиненіи папы какъ епископа города Рима, или какъ примаса Италіи, или какъ патріарха Западной церкви, но стоитъ подъ папою *только* какъ подъ первымъ архіереемъ христіанскихъ церквей всего міра; а между тѣмъ теперь уничтожается право нашей церкви имѣть собственные соборы или собранія, которыя въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій въ государственныхъ и царскихъ грамотахъ обозначались именемъ *coetus ecclesiae* и назывались *universitas populorum Ruthenorum*, чѣмъ греко-католическая церковь ставится въ невозможность удержать свою особенность противъ напора вліянія централизованной римско-католической организаціи;

принимая во вниманіе, наконецъ, то, что статутомъ организаціи са-

неуправленія церкви даже не обезпечено и улучшеніе матеріальнаго положенія греко-католической церкви: ибо, хотя на будущее время по смыслу § 4 статута въ случаѣ нужды будетъ налагаться дань на вѣрныхъ церкви, но вмѣстѣ съ этимъ записаніемъ въ поземельную книгу на имя вообще католической церкви Венгріи тѣхъ имѣній, которыя находятся въ рукахъ и пользованіи приходскихъ священниковъ, школъ и пѣвцовъ, и здѣсь греко-католики будутъ ограничены въ кругѣ своего, до сихъ поръ совершенно свободнаго, дѣйствія; а съ другой стороны ни словомъ не упоминается, получатъ ли соразмѣрное съ латинскими обезпеченіе ихъ епископы, капитулы, протоіереи и особенно бѣдный, хотя и образованный и заслуженнѣйшій приходскій клиръ, а также монахи, учители и пѣвцы;

принимая во вниманіе все это, нижеподписавшіеся принуждены подать протестъ противъ вышеупомянутаго статута организаціи,—при обсужденіи котораго конгрессомъ они впрочемъ участвовали только *информаціонно*,—каковымъ и объявляемъ, что мы не будемъ и не можемъ считать его обязательнымъ ни для насъ, ни для пославшихъ насъ. Дано въ Пештѣ 30 дат. марта 1871 г. Адольфъ Добранскій, мірской депутатъ прашевской епархіи. Михаилъ Молчанъ, депутатъ отъ клира прашевской епархіи. Юрій Фаркашъ, мірской депутатъ отъ прашевской епархіи. Антонъ Рубій, мірской депутатъ прашевской епархіи. Эммануилъ Грабаръ, мірской депутатъ мукачевской епархіи. Павелъ Грабаръ, мірской депутатъ мукачевской епархіи. Евгеній Поповичъ, мірской депутатъ мукачевской епархіи."

Все вышеизложенное и этотъ протестъ ясно показываютъ нашу цѣль и наше честное стремленіе примѣнить особенную организацію нашей церкви къ теперь создаваемой новой организаціи латино-католической церкви и наше желаніе еще болѣе скрѣпить существующую связь между этими двумя церквами готовностію распространить доселѣ бывшую только догматическую унію и на иныя недогматическія стороны церкви. Но вмѣстѣ съ этимъ мы хотѣли добиться, чтобы наши прежніе священники, пѣвцы и учители имѣли матеріальное обезпеченіе наравнѣ съ латинскими;—чтобы нашему клиру и мірянамъ было дано соразмѣрное представительство какъ въ правительственной директоріи, такъ и въ общемъ конгрессѣ;—чтобы имѣнія и фонды нашихъ церквей, священниковъ, пѣвцовъ и учителей остались въ ихъ пользованіи, какъ было доселѣ, и чтобы вообще наша церковь осталась независимою распорядительницею въ дѣлахъ, исключительно подлежащихъ ея вѣдѣнію;—чтобы сохранилась личность нашей церкви, которую она сберегла неприкосновенною въ продолженіи многихъ столѣтій, и ея независимое право созывать свои особенныя церковныя собранія, которыя одни въ правѣ расширить догматическую унію и на недогматическія стороны.

Мы, сознавая послѣднее, т.-е. признавая право вступать по недогматическимъ дѣламъ въ переговоры съ латинскою церковію только за нашими особенными собраніями или конгрессами, до того однакоже были убѣждены въ потребности этого расширенія унім какъ для пользы всей христіанской церкви, такъ въ частности и для нашей церкви, что не прочь были отъ переговоровъ съ конгрессомъ. Правда, мы не могли считать себя законно уполномоченными для рѣшенія этого дѣла, потому что не были избраны для этого нашимъ особымъ конгрессомъ; но мы видѣли возможность содѣйствовать улаженію этого дѣла какъ люди довѣренные, *информаціонно*, давая разъясненія большею частію внѣ открытыхъ засѣданій конгресса. На этотъ шагъ мы рѣшились въ томъ убѣжденіи, что можетъ быть, еслибы общій конгрессъ принялъ въ уваженіе наши требованія, и въ послѣдствіи созванный нашъ особый конгрессъ согласился бы принять статутъ организаціи съ нашими поправками.

Это мы говоримъ въ успокоеніе тѣмъ многочисленнымъ нашимъ избирателямъ, которые еще въ первый періодъ засѣданій конгресса и тѣмъ болѣе теперь ждали, что мы просто оставимъ засѣданія конгресса. Мы не сдѣлали этого. И надѣемся, что наши единовѣрцы вполнѣ одобрятъ наше поведеніе. Они конечно поймутъ, что безъ оскорбленія чести большинства членовъ конгресса, мы не могли напередъ предположить, что насъ захотятъ лишить личности и самостоятельности нашей церкви, которую нашимъ предкамъ стоило столькихъ трудовъ защитить и сохранить даже до нашихъ дней. Мы предстали предъ конгрессомъ съ заявленіями, что именно мы хотимъ предоставить кругу дѣйствія нашего особаго конгресса и нанія опредѣленія мы желаемъ включить въ общій статутъ организаціи въ интересѣ нашей особой церкви, и все это мы дѣлали не забывая ни на минуту того нашего *принципа*, который былъ заявленъ нами еще на приготовительномъ конгрессѣ и который послужилъ основаніемъ нашего предложенія, сдѣланнаго въ первый періодъ засѣданій настоящаго конгресса: *что только наше особое церковное собраніе имѣетъ право расширить унію и на недогматическія дѣла и вообще предлагать и заявлять требованія нашей церкви.* Надѣемся, мы этимъ достаточно съ своей стороны оградили личность нашей церкви и ея вѣрныхъ отъ насилія, обезпечивши для послѣднихъ право по ихъ волѣ принимать или не принимать участіе въ общемъ конгрессѣ, что должна была признать и коммиссія 27 въ своемъ мнѣніи, принятомъ большинствомъ конгресса, говоря отъ имени конгресса во 2 пунктѣ о румынскихъ депутатахъ, не бывшихъ на конгрессѣ, что „онъ не хочетъ принуждать ихъ къ тому силою, но приметъ ихъ съ радостію, когда они придутъ.“

Мы знаемъ, что за нами стоитъ большинство нашихъ единовѣрцевъ.

Изъ пяти греко-католическихъ епископій и одной митрополіи, только въ одной мукачевской епархіи, какъ мы замѣтили выше, за два года предъ симъ возникли разногласія на этотъ счетъ. Именно въ тѣхъ мѣстахъ этой епархіи, гдѣ греко-католики живутъ разбросанными среди латинниковъ, мукачевскій епископъ имѣетъ своихъ послѣдователей на пути измѣны своей церкви. Но большинство и въ этой епархіи съ ужасомъ отступаетъ предъ отреченіемъ и уничтоженіемъ личности и самостоятельности своей церкви: это доказываетъ протоколъ густянскаго собранія, требовавшаго поддержки независимости нашей церкви;—это доказываютъ заявленія довѣрія обнародованныя къ мукачевскимъ депутатамъ Евгенію Поповичу и Эммануилу Грабару со стороны вѣрныхъ мармарошскаго округа и депутату Павлу Грабару со стороны вѣрныхъ угочанскаго округа; — это доказываютъ рѣшенія собранія берегскаго округа, которое держалось 7 февраля нынѣшняго года подъ предсѣдательствомъ отважнаго мѣстнаго протоіерея. Именно этимъ только можно объяснить и то обстоятельство, что изъ *двухъ* депутатовъ отъ клира и семи депутатовъ отъ мірянъ этой епархіи, только двое, одинъ изъ клира, протоіерей Гаджега, и одинъ изъ мірянъ, Алек. Негребецкій, осмѣлились явно выступить съ словами отрицанія правъ своей церкви.

Впрочемъ, первый изъ вышеупомянутыхъ депутатовъ, протоіерей Гаджега во времена покойнаго и достопамятнаго епископа Василія Поповича былъ примѣромъ для всѣхъ, былъ всѣмъ любимъ и почитаемъ, самъ неутомимо дѣйствовалъ и боролся за чистоту нашего обряда и онъ именно былъ самымъ вліятельнымъ членомъ той консисторіи, которая нѣкогда дала Адольфу Добрянскому полномочіе на то, чтобы хлопотать предъ правительствомъ о всемъ томъ, чего теперь добиваются въ интересѣ нашей церкви и нижеподписавшіеся. Съ какой стати теперь онъ сталъ на дорогу отрицанія этихъ самыхъ правъ—это можно объяснить только тѣмъ, что и онъ, хотя безъ всякой необходимости, сталъ въ такую же унизительную зависимость отъ епископа, старающагося лишить насъ всего, въ какой по необходимости стоятъ многіе изъ приходскаго клира. Еслибы онъ подумалъ и принялъ во вниманіе тотъ фактъ, что прошенія, которыя въ 1868 году г. Добрянскій представилъ государственному сейму отъ мармарошскаго, угочанскаго, шаришскаго и спитскаго округовъ и греко-католическаго собранія въ Земплинѣ, заключаютъ въ себѣ тѣ же самыя требованія въ отношеніи къ нашей церкви, которыя предложили конгрессу нижеподписавшіеся; еслибы онъ поразмыслилъ о томъ обстоятельствѣ, что земплинское собраніе состояло изъ духовныхъ и мірскихъ представителей какъ мукачевской, такъ и пряшевской епархіи: то онъ едва ли бы не иначе сталъ понимать рѣшенія какихъ нибудь другихъ собраній, дѣйствовавшихъ подъ давленіемъ

епископской власти,—рѣшенія, отъ которыхъ на утро же отказывались сами произнесшіе ихъ. И у этихъ господъ есть совѣсть, которая не дозволяетъ имъ всегда слѣдовать по стопамъ тирана.

Мы считали долгомъ съ тѣмъ большею твердостію держаться нашихъ требованій, что убѣждены, что постоянство поведенія нашихъ братьевъ румуновъ непремѣнно преодолѣетъ интриги нашихъ непріятелей; а между тѣмъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, конечно, не найдется ни одного, который не хотѣлъ бы для своей церкви тѣхъ же правъ, какія получатъ румуны. Мы твердо ихъ выражали и потому, что нашли поддержку ихъ въ многочисленномъ меньшинствѣ латинскихъ членовъ конгресса; да и изъ латинскихъ епископовъ никто не опровергалъ нашихъ правъ, а только отговаривались некомпетентностію конгресса удовлетворить нашимъ требованіямъ.

Не постыдился отрицать права нашей церкви только одинъ, епископъ мукачевскій. Поведеніе его въ этомъ случаѣ объяснимо. Онъ никогда не служилъ церкви, которой онъ епископъ. Изъ домашняго учителя, бывши потомъ нѣкоторое время инспекторомъ народныхъ школъ, онъ прямо сдѣлался епископомъ, не бывши ни приходскимъ священникомъ, ни отправляя никакой другой церковной должности. Возвысившись такъ быстро, онъ смотритъ на награды, которыя онъ получаетъ за дѣла, чуждыя церкви, и вовсе не считаетъ важною свою обязанность епископа. Онъ отрицаетъ права своей церкви, не понимая характера своей церкви, ни ея отличія отъ церкви латинской.

Какъ бы то ни было, но можетъ быть болѣе всего по винѣ мукачевскаго епископа мы возвращаемся въ кругъ своихъ избирателей съ пустыми руками. Но мы возвращаемся съ тѣмъ, чего не имѣютъ наши враги, съ *чистою совѣстію*. Мы не продали правъ нашей церкви и употребили все возможное, чтобы законнымъ образомъ примѣнить вновь созданную организацію латинской церкви и къ нашей особой церкви.

Можетъ быть, наши кредитивныя грамоты останутся еще въ силѣ, когда составленный статутъ организаціи церкви, не утвержденный ни королемъ, ни сеймомъ, что вѣроятно, будетъ возвращенъ конгрессу для пересмотра. На этотъ случай мы напередъ объявляемъ, что мы не откажемся отъ своей точки зрѣнія. Еслибы даже наши вѣрители, чего мы впрочемъ не думаемъ, дозволили себѣ принять противный интересамъ нашей церкви статутъ организаціи: и тогда мы будемъ считать своею святою обязанностію добиваться возвращенія отнятой самостоятельности нашей церкви и возстановленія ея угнетаемой личности и завѣщаемъ эту обязанность нашимъ потомкамъ.

Заканчивая нашъ отчетъ, молимъ Господа Вседержителя, да подастъ Онъ намъ довольно силы, чтобы защитить и соблюсти личность и самостоятельность любезнѣйшей общей нашей матери святой Церкви, которая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій была охраною нашей жизни, въ которой наши отцы всегда находили облегченіе отъ многихъ бѣдствій и утѣшеніе въ своихъ несчастіяхъ, подъ благословеніями которой они склоняли свои головы и переселялись въ жизнь вѣчную, надѣясь на лучшую будущность для своихъ дѣтей! Аминь. Пештъ 20 лат. апрѣля 1871. Адольфъ Добрянской, мірскій депутатъ пряшевской епархіи, гуменянскаго округа. Антонъ Рубій, мірской депутатъ пряшевскаго округа. Евгеній Поповичъ, мірской депутатъ мукачевской епархіи сиготскаго округа. Эммануилъ Грабаръ, мірской депутатъ мукачевской епархіи, густянскаго округа. Павелъ Грабаръ, мірской депутатъ мукачевской епархіи, севлюшскаго округа. Юрій Фаркашъ, мірской депутатъ пряшевской епархіи, кошицкаго округа. Михаилъ Молчанъ, депутатъ отъ клира пряшевской епархіи."

ПО ПОВОДУ

ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ БОЛГАРСКАГО ЭКЗАРХАТА.

(Сказано въ засѣданіи Славянскаго Комитета 11 мая.)

11-е мая, обычный день ежегодныхъ засѣданій нашихъ, памятенъ въ исторіи двумя великими воспоминаніями: о обновленіи Цареграда или перенесеніи престола изъ Рима въ Царьградъ, и о первоучителяхъ славянскихъ народовъ, свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ. Обновленіе Цареграда, совершенное Константиномъ Великимъ въ 310 г. по Рождествѣ Христовѣ, освящено было церковью, ибо отъ св. отецъ, собранныхъ на первый вселенскій соборъ, Цареградъ названъ былъ Константинополемъ. Преподобные же Кириллъ и Меѳодій послѣ побѣды надъ магометанами и еврейскими раввинами изобрѣли славянскія письмена и перевели на славянскій языкъ Новый Завѣтъ, Псалтирь и нѣкоторыя другія изъ церковныхъ книгъ, предоставивъ окончаніе сего великаго дѣла ученикамъ своимъ изъ болгаръ. Перенесеніе столицы изъ Рима въ Цареградъ повлекло за собой торжество христіанской церкви, и впервые въ греческой странѣ, среди греческаго населенія, христіанская вѣра объявлена была не только свободною, но и государственной. Изъ Цареграда распространилось христіанство по всему востоку и сѣверу, по всѣмъ странамъ, сопредѣльнымъ съ византійской имперіей. Около того времени, когда христіанская церковь распалась на восточную и западную, изобрѣ-

тены были славянскія письмена и стало возможно распространеніе православія между славянскими народами. Тогдашній языкъ болгарскаго племени легъ въ основу церковно-славянскаго языка, на который переведены были богослужебныя книги. Такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день историческія воспоминанія соединяютъ торжество христіанства среди грековъ и распространеніе его между славянами, и прежде всего между болгарами, чрезъ которыхъ и къ намъ принесены были церковно-славянскія книги. Такъ имена грековъ и болгаръ соединяются для насъ въ одномъ общемъ воспоминаніи! Тѣмъ живѣе и внимательнѣе должны мы относиться къ церковно-административному спору, существующему нынѣ между константинопольскимъ патріархатомъ и недавно возобновившимся болгарскимъ экзархатомъ. Мы, какъ члены Славянскаго Комитета, не можемъ быть равнодушны къ этому вопросу уже и потому, что нашъ Комитетъ, дѣйствующій уже 15-й годъ, съ самаго основанія своего прилагалъ особыя попеченія о поддержаніи православія у болгаръ, о содѣйствіи возродившейся болгарской словесности, о распространеніи образованія между болгарскимъ юношествомъ. Учрежденіе болгарскаго экзархата не можетъ остаться безъ сильнаго, неотразимаго вліянія именно на эти стороны нашей дѣятельности. Вотъ почему я позволю себѣ прежде, чѣмъ перейти къ докладу текущихъ дѣлъ, сказать нѣсколько словъ о такомъ важномъ событіи, которое по вліянію своему на народную жизнь южныхъ славянъ легко можетъ затронуть наши прежнія понятія, нашу привычку къ тому, а не къ иному какому-либо образу дѣйствій.

Вспомнимъ, что когда изобрѣтены были славянскія письмена и переведены на славянскій языкъ церковныя книги, нашлись люди сильные и вліятельные, которые сомнѣвались въ томъ: можетъ ли быть проповѣдуемо святое Евангеліе на какомъ-либо иномъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго. Но правое дѣло восторжествовало, и славянское богослуженіе мало-по-малу стало распространяться между славянскими на-

родами. Правота этого дѣла была вполнѣ подтверждена исторіей. Лишь тѣ изъ славянскихъ народовъ, которые приняли и удержали церковно-славянскія книги, сохранили свою связь съ православною церковію; тѣ же славяне, которые не укрѣпили за собою великаго дѣла славянскихъ первоучителей, должны были отдѣлиться отъ церкви восточной. Племена, принявшія славянское богослуженіе, мало-по-малу получили свою іерархію и свое отдѣльное церковное управленіе. Болгары имѣли своихъ самостоятельныхъ архіепископовъ, главенствовавшихъ надъ остальными ихъ епископами и имѣвшихъ свое мѣстопребываніе въ Охридѣ и Терновѣ. Сербы получили своихъ патріарховъ съ мѣстопребываніемъ въ Ипекѣ,—точно такъ же, какъ русская церковь имѣла своихъ патріарховъ, а потомъ Синодъ. Но болгары и сербы потеряли свою іерархію и свою церковно-административную независимость въ прошломъ столѣтіи. Вслѣдствіе переселенія двухъ сербскихъ патріарховъ изъ Турціи въ Австрію, константинопольскій патріархъ убѣдилъ турецкое правительство признать и распространить власть патріархата на всѣ сербскія епархіи. Турецкое правительство въ то время различало между своими подданными только мусульманъ и христіанъ; между послѣдними оно не умѣло отличить народы не одинаковаго происхожденія, и не удивительно, что вслѣдъ за уничтоженіемъ сербскаго патріаршества въ Турціи исчезла и самостоятельная болгарская іерархія. Хотя грекамъ и удалось вынудить отъ нѣкоторыхъ болгарскихъ архіереевъ какъ бы отреченіе отъ ихъ независимости; но несмотря на то, протесты болгаръ противъ подчиненія ихъ іерархіи греческому патріарху стали раздаваться еще въ прошломъ столѣтіи, и еще недавно въ одномъ изъ болгарскихъ періодическихъ изданій напечатанъ былъ одинъ изъ такихъ протестовъ, писанныхъ вскорѣ по прекращеніи церковной самостоятельности болгарской іерархіи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи можно указать на одну болгарскую книгу, изданную въ Лейпцигѣ въ 40-хъ годахъ, въ которой высказаны были сѣтованія на церковно-административную зависимость болгаръ отъ Кон-

стантинополя. Наконецъ всѣмъ извѣстно, что съ 1860 г. весь болгарскій народъ долженъ былъ вступить въ полный разрывъ съ греками не по вопросамъ догматическимъ, а по вопросу объ управленіи болгарскими епархіями. Этотъ споръ имѣлъ много причинъ. Болгарскія епархіи несли на себѣ большія тяжести и повинности, шедшія на пользу греческой іерархіи. Греческое населеніе, подчиненное константинопольскому патріарху, въ нѣсколько разъ малочисленнѣе, чѣмъ славянское, и на одни средства, доставляемыя греческими епархіями, константинопольскій патріархатъ не могъ бы совершить столько полезныхъ дѣлъ для греческой собственно церкви и для греческаго національнаго дѣла. Та громадная денежная помощь, которую константинопольскій патріархатъ оказалъ своимъ соплеменникамъ во время борьбы ихъ за независимость, имѣла однимъ изъ главныхъ источниковъ своихъ доходы съ славянскихъ епархій; значительный долгъ, который долженъ былъ сдѣлать тогда патріархатъ, уплачивался потомъ преимущественно налогами, взимавшимися съ славянскихъ епархій. Такимъ образомъ часть греческаго народа обязана была своимъ освобожденіемъ матеріальному участію турецкихъ славянъ. Послѣдніе не могли этого не знать и естественно должны были спрашивать себя: что же греки и ихъ іерархія сдѣлали для насъ? Отвѣтъ былъ печальный: греческое духовенство, захватившее въ свои руки управленіе славянскими епархіями, не только не заботилось о народномъ образованіи, о приготовленіи достойныхъ пастырей изъ среды славянъ,, но даже старалось вытѣснить славянское богослуженіе, столь понятное для народа, и замѣнить его греческимъ. Давая очень многое и не получая ничего, болгары естественно должны были желать увеличенія числа болгарскихъ архіереевъ, которые могли бы лучше понимать духовныя нужды своего народа, но патріархатъ отказалъ имъ въ томъ. Болгары съ своей стороны перестали принимать къ себѣ иноплеменныхъ архіереевъ, которыхъ присылали имъ изъ Константинополя.

Не желали болгары греческихъ архіереевъ еще и потому,

что они были дурными представителями своей паствы во внѣшнихъ отношеніяхъ и дѣлахъ, наприм. съ Портою и Россіей. Рѣдко греческій епископъ считалъ нужнымъ защищать интересы своей паствы предъ турецкими властями; а въ благотвореніяхъ, шедшихъ изъ единовѣрной Россіи, не было доли единоплеменнымъ ей болгарамъ. Всѣ четыре греческихъ патріархата собирали пожертвованія въ Россіи чрезъ свои подворья, а подчиненные имъ болгары и сербы лишены были участія въ томъ. Такимъ образомъ духовное и матеріальное нищенство православныхъ славянъ въ Турціи было послѣдствіемъ той политики, которой держались ихъ церковные пастыри. Можно ли винить болгаръ за то, что они среди такихъ обстоятельствъ вспомнили о своей старинѣ, о своихъ историческихъ правахъ на отдѣльное отъ грековъ церковное правленіе? Они вступили въ переговоры съ патріархатомъ, который хотя и не отказывался отъ нихъ, но никогда не желалъ удовлетворить справедливымъ просьбамъ болгарскихъ представителей. Споръ тянулся нѣсколько лѣтъ, въ немъ приняла участіе и дипломатія, пока турецкое правительство, помогшее грекамъ въ прошломъ столѣтіи подчинить себѣ славянскія епархіи, не рѣшило въ нынѣшнемъ возвратить болгарамъ самостоятельность въ церковномъ управленіи и не утвердило болгарскаго экзархата. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что болгары не откажутся отъ своихъ правъ. Народная іерархія нужна имъ, какъ представительница ихъ народнаго бытія, какъ руководительница ихъ духовной жизни, какъ попечительница ихъ народнаго образованія. Нашъ Комитетъ, какъ я уже сказалъ, большую часть своихъ средствъ всегда посвящалъ болгарскому народу или лучше сказать такова была исключительная цѣль его въ первые годы существованія. Теперь мы должны отвѣтить самимъ себѣ: имѣемъ ли причины воздержаться въ нашей благотворительности болгарамъ, избравшимъ и признавшимъ своимъ экзархомъ, своимъ церковнымъ главою митрополита Анѳима, учившагося въ московской духовной академіи, бывшаго нѣкоторое время схоліар-

хомъ греческой богословской школы на островѣ Халки, основанной при содѣйствіи нашего правительства, и лично никогда не вступавшаго въ разрывъ съ константинопольскимъ патріархатомъ, но теперь поставленнаго своимъ народомъ лицомъ къ лицу съ требованіями греческой іерархіи? Или же мы должны усвоить себѣ точку зрѣнія грековъ на церковное и народное дѣло болгаръ? Въ Константинополѣ созываютъ представителей всѣхъ греческихъ патріархатовъ, чтобы судить и осудить церковно-народное дѣло нашихъ единоплеменниковъ, съ которыми русскій народъ связанъ со временъ принятія имъ христіанства единствомъ богослужебнаго языка. Памятуя великія воспоминанія, связанныя съ нынѣшнимъ днемъ, мы должны желать примиренія и соглашенія между обѣими сторонами; но, какъ члены церкви славянской, не можемъ принять суда односторонняго въ осужденіе народности, бывшей долгое время предтечею въ утвержденіи и распространеніи христіанства при посредствѣ церковно-славянскаго языка, и нынѣ стремящейся возвратиться къ своимъ историческимъ правамъ, къ своему давнему положенію.

Нилъ Поповъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ
АРМЯНСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

Предлагая читателямъ *Православнаго Обозрѣнія* нижеслѣдующую статью, не лишнимъ считаемъ предпослать ей нѣсколько словъ, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ служить нѣкоторымъ къ ней дополненіемъ.

Армянскіе историки—Агаѳангелъ, секретарь царя Тердата, и Зенобъ Глакъ, ученикъ св. Григорія Просвѣтителя, жившіе въ началѣ IV вѣка, говорятъ, что въ Арменіи христіанская вѣра уже исповѣдывалась, когда въ эту страну пришла вѣсть о принятіи ея Константиномъ Великимъ. Это извѣстіе находитъ себѣ подтвержденіе въ Церковной исторіи Евсевія,—кн. IX, гл. 8—гдѣ этотъ послѣдній повѣствуетъ, что императоръ Максиминъ предпринялъ войну противъ армянъ — народа съ давнихъ поръ дружественнаго и находящагося въ союзѣ съ римлянами, за ревность ихъ въ отношеніи къ божественному благочестію, желая принудить ихъ приносить жертву идоламъ и демонамъ. Указаніе это выдвигаетъ впередъ замѣчательный фактъ исторіи христіанства, оставшійся до сихъ поръ мало замѣченнымъ. Онъ доказываетъ, что въ 312 году, т. е. прежде чѣмъ Константинъ Великій исповѣдалъ христіанскую вѣру, евангельское ученіе было уже оффиціально принято обширнымъ, сосѣднимъ съ имперіей государствомъ. Указаніе Евсевія достаточно доказываетъ, что армянскій народъ дѣйствительно первый принялъ ученіе Спасителя. Можно навѣрное сказать, что около 276 года христіанство было уже религіею царя, вельможъ и большинства народа армянскаго. Такимъ

образомъ мы приходимъ къ заключенію, что на 17 году вступленія на престолъ Арменіи царя Тердата (286—341) и около 30 лѣтъ до обращенія Константина Великаго армяне вмѣстѣ съ царемъ своимъ приняли христіанство. Фактъ этотъ, не замѣченный армянскими учеными, не ускользнулъ однако отъ вниманія знаменитаго оріенталиста Сенъ-Мартена, который коснулся его въ своихъ посмертныхъ Fragments d'une Histoire des Arsacides, t. II. Appendice, p. 291. Несмотря на это старѣйшинство армянской церкви между восточной и западной церквами, на близкое ея сосѣдство съ первой съ IV вѣка и на тѣсныя сношенія ея съ послѣдней со временъ Крестовыхъ походовъ, у послѣдователей этихъ двухъ великихъ церквей до настоящаго времени существуютъ самыя превратныя понятія объ ея ученіи. Не только средневѣковые греческіе и католическіе писатели, но и ученые нашего времени — духовные и свѣтскіе — остаются при превратно понятомъ и однажды невѣрно составленномъ ими понятіи о догматахъ армянской церкви. Слова: *евтихіане*, *несторіане*, безсознательно повторяются помянутыми писателями, когда заходитъ рѣчь о вѣроисповѣданіи армянъ. Даже въ нашемъ обществѣ невѣдѣніе нерѣдко доходитъ до того, что слова: *армянинъ* и *аріанинъ*, изъ которыхъ первое—собственно имя народа, а второе—названіе послѣдователей извѣстнаго ересіарха, смѣшиваются и безразлично употребляются одно вмѣсто другаго. Люди, знакомые съ древне-армянскимъ языкомъ, на которомъ написаны и изданы богослужебныя, каноническія книги, упорно повторяютъ невѣрное мнѣніе объ армянской церкви, сложившееся въ теченіи вѣковъ подъ вліяніемъ или невѣжества или дурныхъ страстей. Даже издатель предлагаемой статьи, одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ оріенталистовъ, хорошо знакомый съ древне-армянскимъ языкомъ, еще недавно въ предисловіи къ своему переводу отрывка изъ армянскаго лѣтописца, Матѳея Эдесскаго, о первомъ Крестовомъ походѣ [1]), говоря о религіозныхъ убѣжденіяхъ автора, выражается такъ: «*Comme la majeure partie de ses compatriotes, il* (Matthieu d'Édesse) *professait le monophysisme,* c'est-à-dire le dogme qui n'admet qu'une seule nature en Jésus-Crist, et qui fut condamné par

---

[1]) Récit de la Première Croisade, extrait de la Chronique de Matthieu d'Édesse, par Éd. Dulaurier. Paris, 1850.

le concile de Chelcédoine, en 451», p. VII. Такова сила и живучесть преданія, что даже люди, имѣющіе возможность провѣрить его основанія по доступнымъ для нихъ источникамъ, безусловно покоряются ему и принимаютъ его, какъ священное наслѣдіе, завѣщанное имъ вѣками! Пишущему эти строки удалось, однако, въ частной перепискѣ, обратить вниманіе французскаго армениста на невѣрность высказаннаго въ вышеприведенныхъ строкахъ взгляда, вслѣдствіе чего онъ безъ предвзятыхъ мыслей взялся, по указанію нашему, за изученіе каноническихъ книгъ армянскихъ. Результатомъ такого честнаго отношенія къ богослужебнымъ и богословскимъ армянскимъ источникамъ было то, что помянутый переводчикъ армянскаго лѣтописца вынесъ изъ своего изученія правильный взглядъ на догму армянской церкви. Взглядъ этотъ онъ изложилъ въ отдѣльной статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ періодическихъ изданій, а въ послѣдствіи проводилъ его и въ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ онъ, между прочимъ, излагаетъ ученіе армянской церкви о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ вполнѣ правильное и согласное съ такимъ же ученіемъ восточной церкви. Слѣдуя его примѣру, пошли за нимъ тѣмъ же вѣрнымъ путемъ и другіе западные оріенталисты, какъ французскіе, какъ и бельгійскіе, не говоря уже объ англійскихъ богословахъ, которые вслѣдствіе такого непосредственнаго знакомства съ ученіемъ армянской церкви внесли даже цѣлый рядъ молитвъ изъ богослужебныхъ армянскихъ книгъ въ свои молитвенники. Эти молитвы, предназначенныя къ чтенію передъ святымъ причастіемъ, изданы въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ, изъ которыхъ одна преимущественно, какъ сказано въ заглавіи, для *духовенства* и посвящена переводчикомъ Вальтеру Керру, епископу салисберискому [2]), а другая преимущественно для *мірянъ* [3]). Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе армянисты какъ-то поотстали. Такимъ образомъ въ послѣднее двадцатилѣтіе въ западномъ ученомъ мірѣ установился правильный взглядъ на вѣроиспо-

---

[2]) Prayers and thanksgivings for the Holy Communion; chiefly for the use of the clergy. Translated from the coptic, armenian and other eastern rituels. By the Rev. S. C. Malan, M. A, Vicar of Broadwindsor. Dorset. London. 1858.

[3]) Preparation for the Holy Communion of the body and blood of Christ, with prayers and thanksgivings for the same; Chiefly for the use of the laity. Gathered and translated from armenian and other eastern originals. By the Rev. S. C. Malan, M. A., Vicar of Broadwindsor, Dorset. London. 1863.

вѣдный вопросъ восточной армянской церкви. Но между тѣмъ какъ на Западѣ начинаютъ смотрѣть на ученіе помянутой церкви съ надлежащей точки зрѣнія, между тѣмъ какъ хіосскій митрополитъ Григорій (см. «Христіанское Чтеніе», 1868 г.) съ примѣрнымъ безпристрастіемъ относится къ догматамъ армянской церкви,—у насъ, въ Россіи, въ составъ которой входитъ важнѣйшая часть древней Великой Арменіи съ четырехсоттысячнымъ армянскимъ населеніемъ, съ эчміадзинскимъ престоломъ, съ церквами, съ ихъ настоятелями въ обѣихъ столицахъ имперіи и въ другихъ значительныхъ ея городахъ — именно у насъ существуютъ еще самыя превратныя понятія объ ея догматахъ въ кругу людей образованныхъ—духовныхъ и свѣтскихъ, — не говоря уже объ учебникахъ, въ которыхъ очень часто встрѣчаются слова: *евтихіане, несторіане*, когда сообщаются въ нихъ свѣдѣнія объ армянахъ.

Нельзя однакоже сказать, чтобы общество наше лишено было возможности близкаго знакомства съ памятниками ученія армянской церкви. Ибо еще въ 1799 году преосвященнымъ Іосифомъ, епархіальнымъ архіепископомъ всѣхъ въ Россіи обитавшихъ армянъ, издана была книга: «Исповѣданіе христіанскія вѣры армянскія церкви», посвященная императору Павлу Петровичу [1]). Въ 1847 г. вышли «Историческіе памятники вѣроученія армянскія церкви» въ переводѣ А. Худабашева. Въ 1865 г. въ *Православномъ Обозрѣніи* (№ 6) появился переводъ «Синодальнаго Слова Нерсеса Ламбронскаго, архіепископа тарсійскаго, о соединеніи двухъ церквей.» Если оставить въ сторонѣ ученые труды, вышедшіе въ послѣдніе двадцатилѣтіе на французскомъ и англійскомъ языкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лувенѣ и Лондонѣ, на языкахъ доступныхъ образованному большинству нашего общества, — то достаточно было бы и тѣхъ немногихъ вышепоименованныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, чтобы составить по нимъ правильный взглядъ на догматы армянской восточной церкви. Но по непонятному равнодушію у насъ не перестаютъ пассивно относиться къ этому серьезному вопросу и продолжаютъ пребывать въ заблужденіи, въ которое введены были однажды невѣрными свѣдѣніями, заимствованными у невѣжественныхъ

---

1) Въ 1857 г. изъ этой книги перепечатанъ и изданъ въ С.-Петербургѣ вторымъ изданіемъ, иждив. Ив. Як. Лазарева. „Чинъ божественныя литургіи армянскія церкви.“

или злонамѣренныхъ духовныхъ и свѣтскихъ греческихъ писателей, писавшихъ объ армянской церкви послѣ халкидонскаго собора, приведшаго за собой отпаденіе этой церкви отъ греческой. Ничто такъ не содѣйствуетъ укорененію вражды и ненависти между послѣдователями двухъ церквей, какъ несправедливое обвиненіе, взводимое ими другъ на друга. Самая чувствительная струна во всякомъ народѣ, это—его религіозная совѣсть: съ нею надобно обращаться съ возможной осторожностью—только въ такомъ случаѣ возможенъ миръ между ними.

Вопросъ о единеніи армянской церкви съ греческою возникалъ на армянской почвѣ не одинъ разъ: въ XII вѣкѣ его вызывали корифеи армянскаго духовнаго міра, великіе представители интеллигенціи тогдашней армянской церкви, каѳоликосы —Нерсесъ Благодатный, Григорій IV и архіепископъ Нерсесъ Ламбронскій. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ оставался нетронутымъ. Только въ наше время—время сильнаго религіознаго движенія, возвысилъ объ этомъ свой голосъ одинъ изъ іерарховъ греческой церкви, Григорій, митрополитъ хіосскій. Какое впечатлѣніе произвелъ его «Трактатъ» [5]) на турецкихъ армянъ, мы не знаемъ по причинѣ разобщенности русскихъ армянъ отъ турецкихъ, періодическія изданія которыхъ— весьма желательныя — вовсе не доходятъ до насъ по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Русскій переводъ его, помѣщенный въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1868 года, прошелъ, къ сожалѣнію, если не ошибаемся, незамѣченнымъ русскими армянами; а онъ по духу любви, которымъ проникнутъ, заслуживалъ того, чтобы обратили на него вниманіе.

Странная вещь! Голосъ митрополита Григорія раздался посреди насъ безъ всякаго отзвука, между тѣмъ какъ въ Англіи, чутко слѣдящей за всѣмъ касающимся церковнаго вопроса, онъ прозвучалъ не даромъ. Ибо на него съ любовію отозвался одинъ изъ замѣчательныхъ членовъ кембриджскаго университета, Джорджъ Вилльямсъ, въ своей брошюрѣ, написанной по поводу помянутаго «Трактата». Въ ней авторъ, между прочимъ, говоритъ: «безъ сомнѣнія, замѣчательна и достойна вниманія мысль митрополита хіосскаго, который является посред-

---

[5]) „О мѣрахъ къ достиженію единенія армянской и православно-каѳолической церкви "

никомъ для примиренія съ каѳолической семьей Григоріемъ Просвѣтителемъ на дальнемъ Востокѣ основанной церкви. Въ этомъ качествѣ (посредника) онъ невольно споспѣшествуетъ лучшему взаимному согласію между церковію православною и тою, которая основана благочестивыми заботами Григорія Великаго на отдаленномъ въ то время Западѣ. Еслибы всеобъемлющая разумная христіанская любовь, выраженная хіосскимъ архіепископомъ на страницахъ ученаго его «Трактата», могла шире разливаться между нами—англичанами, — то преграды ко вселенскому единству, кажущіяся теперь непреодолимыми, быстро исчезли бы, и идея «единаго Стада и единаго Пастыря» перестала бы считаться несбыточной мечтой восторженнаго воображенія» *).

До сихъ поръ къ вопросу о единеніи подходили одни только армяне; теперь предметомъ спеціальнаго своего изученія дѣлаетъ его митрополитъ греческій. Одного этого обстоятельства, казалось, было бы достаточно, чтобы армяне пожелали познакомиться съ его «Трактатомъ». Въ религіозномъ отношеніи армяне съ давнихъ временъ отличались терпимостію, чѣмъ они по справедливости могутъ гордиться. Яркимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что патріархъ Нерсесъ Благодатный, искавшій сближенія своей церкви съ греческой, не только не навлекъ на себя неудовольствія со стороны своей паствы, но даже причисленъ къ лику святыхъ своею церковію. Не говоримъ уже объ архіепископѣ Нерсесѣ Ламбронскомъ и патріархѣ Григоріѣ IV, которые никогда не переставали занимать почетное мѣсто въ исторіи армянской церкви. Если это было такъ въ XII и въ послѣдующихъ вѣкахъ, то почему въ наше время армянинъ можетъ быть равно-

*) .... it is surely a most remarkable and memorable combination, which presents to us a Gregory of Byzantium, Metropolitan of Chios, as meditor for the reconciliation to the Catholic Family of the Church founded by Gregory the Illuminator in the far East; and in that capacity—unconsciously to himself — helping forward a better mutual understanding between the Ortodox Church and that founded by the pious care of Gregory the Great in the then remotest West. Jf only the large-hearted and intelligent charity exhibited by the Archbishop of Chios in the pages of his learned Treatise, were more widely difussed among us, the hindrances to Catholie Unity... insurmountable as they now appear, would speedily vanish away, and the idea „of one fold and one Shepherd“ would no longer be regarded as an unattainable dream of a visionary and enthusiastic imagination. „Yearnings after Unity in the East. By George Williams, B. D. Senior fellow of King's College. Cambridge. London. 1866.

душенъ къ такому вопросу, къ которому горячо относились іерархи его церкви въ XII вѣкѣ?

Невниманіе къ чужому мнѣнію, серьезно высказанному, не обличаетъ ли неразвитость какъ лица его выражающаго, такъ и общества, гдѣ оно является? Вѣрность своимъ убѣжденіямъ тогда только имѣетъ смыслъ и значеніе, когда она не избѣгаетъ встрѣчи съ чужимъ мнѣніемъ и не опасается столкновенія съ нимъ. Иначе умственная китайская стѣна въ религіозномъ отношеніи можетъ привести къ разложенію и гніенію. Нерсесъ Ламбронскій не отступилъ передъ мыслію о сближеніи своей церкви съ греческою и не облекся въ мантію нетерпимости. Онъ смѣло приступилъ ко всестороннему разсмотрѣнію вопроса о единеніи, поднятаго въ его время. Въ своемъ «Синодальномъ словѣ», предлагая единеніе двухъ восточныхъ церквей, онъ между прочимъ имѣлъ въ виду положить начало осуществленію великой мысли о возстановленіи *единства Христовой Церкви*, мысли, къ сознанію которой только теперь, по прошествіи семи вѣковъ, приходятъ богословы европейскаго Запада, ища сближенія старо-католической и англиканской церкви съ восточною. Это *единство* желательно, къ этому единству стремиться должно, ибо того желаетъ Самъ Божественный Основатель Церкви.

Церковь армянская смѣло можетъ подать руку восточной церкви, ибо она въ нѣдрѣ своемъ хранитъ въ чистотѣ въ продолженіи слишкомъ шестнадцати вѣковъ ученіе, завѣщанное ей св. Григоріемъ Просвѣтителемъ, его непосредственными преемниками и первыми тремя вселенскими соборами. Пусть она близко познакомитъ послѣдователей восточной церкви съ своими каноническими, богослужебными и богословскими памятниками, послѣдствіемъ чего можетъ быть съ одной стороны внушеніе къ ней, какъ къ древнѣйшей изъ восточныхъ церквей, уваженія, а съ другой—водворенія любви между обѣими. Еслибъ возможно было сближеніе двухъ церквей на условіяхъ, которыя предлагаются хіосскимъ митрополитомъ Григоріемъ во второй половинѣ его «Трактата», то легко могло бы быть устранено опасеніе утраты національности, сохраненіе которой послѣдователи ученія св. Григорія Просвѣтителя преимущественно полагаютъ въ самостоятельности національной церкви. Доказательство неосновательности такого опасенія представляетъ сама исторія армянской церкви. Католическая пропаганда, начавшаяся въ Арменіи, въ особенности въ Киликіи,

со временъ Крестовыхъ походовъ, успѣла присоединить, какъ хорошо извѣстно ученымъ армянамъ, къ римской церкви значительную часть ихъ соотечественниковъ, извѣстныхъ съ тѣхъ поръ подъ названіемъ *уніторовъ* (упитовъ). Армяне-уніторы удержали въ богослуженіи народный языкъ, богослужебныя книги и обряды, издревле существующіе въ ихъ церкви. Они не только сами не утратили національности, но распространеніемъ просвѣщенія между своими соотечественниками возбудили въ нихъ то чувство, сохраненіемъ котораго, по справедливости, такъ дорожатъ армяне, какъ католики, такъ и григоріане. Будемъ справедливы прежде всего; отрѣшимся на минуту отъ всего несочувственнаго, что заключаетъ въ себѣ католицизмъ, и скажемъ, что армянамъ-католикамъ ихъ соотечественники обязаны возрожденіемъ своей древней классической литературы, которое принесло имъ неисчислимыя блага. Въ то время, когда во всей Европѣ идея національности у западныхъ народовъ не сознавала еще себя, когда прошедшія судьбы каждаго изъ великихъ европейскихъ народовъ, заключенныя въ пыльныхъ лѣтописяхъ, ожидали своихъ Августиновъ Тьерри, Гизо, которые вызвали бы ихъ на свѣтъ изъ мрака архивовъ, когда произведенія народнаго духа далеко еще не были въ чести—въ то время изъ глубины Азіи выходитъ юноша, проникнутый бѣдствіями, тяготѣвшими надъ его соплеменниками, является на берега Средиземнаго моря и посреди Адріатики на островѣ св. Лазаря основываетъ монастырь, который въ послѣдствіи долженъ былъ играть значительную роль въ возрожденіи армянъ. Этотъ юноша былъ Мхитаръ севастійскій, въ 1717 году искавшій и нашедшій гостепріимство въ Европѣ, на свободной почвѣ которой началъ онъ великое дѣло просвѣщенія и возрожденія своего народа, порабощеннаго турками и персами и изнывающаго въ невѣжествѣ. Мхитаръ геніальнымъ чутьемъ понялъ важную роль и силу классической армянской письменности въ дѣлѣ возрожденія и съ неутомимой дѣятельностію принялся съ одной стороны за изданіе древнихъ рукописей, а съ другой — обширныхъ словарей, грамматикъ и другихъ учебниковъ, необходимыхъ при изученіи произведеній древней литературы. Начатое имъ дѣло съ честію продолжается съ тѣхъ поръ членами основанной имъ конгрегаціи. За историческими памятниками, изданными учеными Мхитаристами, достойно оцѣненными западной наукой, послѣдовалъ рядъ богословскихъ со-

чиненій, мало пока извѣстныхъ ученому міру, но имѣющихъ большое значеніе для церковной исторіи вообще.

Такимъ образомъ сближеніе съ западной церковію разбило замкнутость, въ которую заключены были армяне и черезъ то сдѣлало для нихъ доступными источники просвѣщенія, результаты непосредственнаго знакомства съ которыми небезъизвѣстны просвѣщенному армянину.

Такова служба, которую сослужила армянамъ даже фанатическая, извѣстная своею нетерпимостью западная церковь!

Мы увѣрены, что переводы богословскихъ твореній армянскихъ на европейскіе языки и близкое съ ними знакомство западныхъ ученыхъ пролютъ значительный свѣтъ на многіе богословскіе и церковно-историческіе вопросы первостепенной важности. При основательномъ только изученіи книжнаго языка армянскаго, въ высшей степени сложнаго въ грамматической своей структурѣ, возможенъ вѣрный переводъ тѣхъ изъ богословскихъ сочиненій, въ которыхъ въ особенности излагаются догматы армянской церкви, неизмѣнно сохранившіеся со временъ халкидонскаго собора. Памятники такой почтенной древности, заключающіе въ себѣ драгоцѣнныя данныя для занимающихся исторіей церкви и ея догматами, не могутъ быть безъ интереса для послѣдователей восточной церкви.

Что до насъ касается, то мы съ своей стороны не откажемся содѣйствовать образованію въ нашемъ обществѣ вѣрнаго понятія объ армянской церкви и правильнаго на него взгляда посредствомъ переводовъ на русскій языкъ болѣе замѣчательныхъ богословскихъ твореній ея отцевъ и отдѣльными монографіями по исторіи армянской церкви.

Предлагаемая статья написана по-французски однимъ изъ послѣдователей армянской церкви и издана въ Парижѣ въ 1855 г. однимъ изъ французскихъ оріенталистовъ. Она составляетъ отдѣлъ книжки, носящей слѣдующее заглавіе: «Histoire, dogmes, tradition et liturgie de l'église armenienne orientale etc.» Переводъ этой статьи принадлежитъ любознательному православному священнику, желавшему получить нѣкоторое вѣрное понятіе о судьбахъ армянской церкви. По указанію нашему, имъ предпринятъ и оконченъ этотъ небольшой трудъ, который пересмотрѣнъ нами тщательно и кое-гдѣ дополненъ. Предлагая его читателямъ *Православнаго Обозрѣнія*, мы хотимъ думать, что они прочтутъ его не безъ интереса и

даже нѣкоторой пользы. Существующія на русскомъ языкѣ сочиненія, указанныя нами выше, всѣ имѣютъ своимъ предметомъ догматическую сторону армянской церкви; поэтому считаемъ не лишнимъ сообщить на этотъ разъ нашимъ читателямъ ея исторію хотя и въ краткомъ, но вѣрномъ очеркѣ.

Н. Эминъ.

Мартъ 1872.

I.

Святые апостолы Варѳоломей, Ѳаддей, Іуда, братъ св. Іакова меньшаго и Ѳома пронесли свѣтъ христіанства по Азіи вскорѣ по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Первый періодъ христіанства въ Великой и Малой Арменіи обнимаетъ 268 лѣтъ, начиная съ 34 по 302 годъ отъ Р. Х. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ владычеству языческихъ царей армянскихъ.

Апостолъ Ѳаддей въ 34 г. прибылъ въ Эдессу, столицу армянскаго царства, гдѣ въ то время царствовалъ Абгарь. Многіе историки, между которыми и Діонисій сирійскій въ своей исторіи, написанной въ 820 г., ошибочно предполагаютъ, что Абгарь былъ царемъ Сиріи. Моисей Хоренскій, написавшій исторію Арменіи около 460 года и имѣвшій подъ рукою, между прочими источниками, также историческіе памятники архивовъ города Эдессы, утверждаетъ, что Абгарь былъ царемъ Арменіи и владѣлъ нѣкоторою частію Сиріи [7]). Это послѣднее обстоятельство подало поводъ нѣкоторымъ писателямъ думать, что онъ былъ царемъ сирійскимъ.

По разнымъ свидѣтельствамъ Абгарь долгое время былъ подверженъ жестокимъ страданіямъ, противъ которыхъ искусство врачей оказывалось безсильнымъ. Услышавши о чудесахъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ, онъ послалъ къ Нему пословъ съ просьбою придти исцѣлить его и проповѣдывать еван-

---

[7]) См. русскій переводъ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, кн. II, гл. XXVII и XXXVI.

геліе въ его владѣніяхъ. Спаситель не могъ принять его приглашенія и послалъ ему Свой образъ, отпечатдѣнный на полотнѣ. Получа этотъ драгоцѣнный даръ, Абгарь выздоровѣлъ. Чудесный образъ былъ поставленъ надъ главными воротами города Эдессы и былъ съ этихъ поръ могучею охраною города [*]). Объ этомъ чудотворномъ образѣ упоминается въ греческомъ Мартирологѣ.

Абгарь, пораженный чудомъ, возвратившимъ ему здравіе, благосклонно принялъ апостола Ѳаддея и обратился въ христіанскую вѣру. Есть преданіе, что Ѳаддей принесъ въ Арменію копье, которымъ былъ пронзенъ Спаситель на крестѣ. Онъ основалъ въ Эдессѣ первую христіанскую церковь, поставилъ въ ней епископомъ Аддея, рукоположилъ нѣсколько священниковъ и далъ имъ евангельскія правила, служащія къ управленію ввѣренной имъ паствы. Правила эти записаны и сохраняются до нашего времени въ армянскихъ книгахъ, между прочими въ ихъ *Канонагирк'*ѣ, или Номоканонѣ.

Затѣмъ апостолъ Ѳаддей отправился въ Великую Арменію, гдѣ онъ обратилъ большое число армянъ и. начальника ихъ Санатрука, который въ послѣдствіи наслѣдовалъ Абгарю и вскорѣ возвратился къ идолопоклонству. Государь этотъ воздвигъ гоненіе на христіанъ и умертвилъ Ѳаддея, принявшаго мученическую смерть въ 50 г. отъ Р. Х. въ городѣ Шаваршанѣ, въ Артазской области.

Въ продолженіе 17-лѣтняго своего апостольства въ Арменіи, Ѳаддей обратилъ значительное число душъ къ Богу, основалъ нѣсколько церквей, поставилъ епископовъ въ городѣ Эдессѣ и въ области Артазѣ. Болѣе замѣчательные изъ этихъ епископовъ были: Аддей, Захарія, Ѳеофилъ, Елисей и Евстафій. Останки св. Ѳаддея погребены были въ Маку, Артазской области, гдѣ и теперь существуетъ армянскій монастырь въ

[*]) См. русскій переводъ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, кн. II, гл. XXX—XXXVI, стр. 104—111.

честь этого святаго и гдѣ хранятся мощи его и святой царевны Сандухтъ.

Св. апостолы Варѳоломей, Варнава и Филиппъ вмѣстѣ прошли Сирію и Верхнюю Азію. По смерти Филиппа Варнава отправился въ Персію и Индію, а св. Варѳоломей направилъ свой путь въ Арменію и Персію, гдѣ и основалъ свое мѣстопребываніе.

Онъ принесъ въ Арменію чудотворную икону св. Дѣвы, написанную св. Лукою, которая теперь утрачена въ Арменіи. Въ Джухá [*]) онъ поставилъ епископомъ своего ученика Консія, распространилъ свою проповѣдь въ старомъ Нахичеванѣ и во многихъ областяхъ нынѣшней Азіатской Турціи, въ то время составлявшихъ часть Арменіи. Наконецъ пришелъ онъ ко двору Санатрука въ городъ Мецбинъ (Низибисъ) и здѣсь возжегъ свѣтъ христіанства, многихъ обратилъ къ вѣрѣ, между которыми сестру царя—Окохи. Санатрукъ повелѣлъ пригвоздить его ко кресту и обезглавить. Смерть его послѣдовала, спустя осьмнадцать лѣтъ послѣ св. Ѳаддея — въ 68 году. О пребываніи св. Варѳоломея въ Арменіи упоминается у армянскихъ и греческихъ лѣтописцевъ, а также въ дѣяніяхъ святыхъ, изд. Болландистовъ.

Св. апостолъ Іуда, братъ св. Іакова, посѣтилъ Арменію около 60 года и встрѣтился здѣсь съ св. Варѳоломеемъ въ городѣ Арташатѣ. Св. Іуда здѣсь также пріобрѣлъ много душъ Христу, поставилъ епископовъ и пресвитеровъ и далъ имъ для руководства письменныя правила. Онъ былъ пригвожденъ ко кресту въ 72 году въ Орми, въ Великой Арменіи, въ городѣ называемомъ теперь Урміе.

Въ греческихъ и армянскихъ Мартирологахъ упоминается также объ апостолѣ Ѳомѣ, какъ о проповѣдникѣ въ Азіи и также въ Арменіи.

Эти четыре первые основателя христіанства въ Арменіи къ концу I вѣка имѣли своими непосредственными преемниками

---

[*]) Джухá (Джульфа) недалеко отъ стараго Нахичевана на Араксѣ.

учениковъ своихъ — Амфилохія, Урбана, Нерсеса, Апелла и Аристовула.

Армянскіе епископы, послѣ нихъ явившіеся, не менѣе обнаруживали горячей ревности къ возрожденію этой страны. Они основали церкви, установили чинъ молитвословія и постановили, что евхаристія должна быть преподаваема вѣрующимъ только епископами или пресвитерами. Впрочемъ христіанамъ предстояла борьба противъ гоненій отъ нѣкоторыхъ государей-идолопоклонниковъ или отступниковъ, какими были напр. Санатрукъ и др.

Моисей Хоренскій въ своей исторіи разсказываетъ, что въ 107 г. отъ Р. Х. пять учениковъ св. Ѳаддея были замучены и что въ 130 году было 17 мучениковъ въ Великой Арменіи. Эти мученики извѣстны подъ именемъ *Сукіасіанк'*—отъ имени своего главы, называвшагося *Сукіас'*омъ. Число христіанъ было такъ значительно, что въ царствованіе императора Адріана считалось ихъ болѣе 10.000, пригвожденныхъ ко кресту на горѣ Араратѣ, между которыми большая часть были армяне.

Въ началѣ III вѣка армянскій царь Хосровъ I приказалъ предать смерти христіанъ во избѣжаніе смутъ въ своемъ государствѣ. Въ послѣдствіи до своего обращенія подобный же указъ издалъ царь Тердатъ Великій (Тиридатъ). Гоненія эти впрочемъ не поколебали твердости армянскихъ епископовъ и пресвитеровъ, которые вѣрно сохраняли догматы, богослуженіе, молитвы и все, что предписывала матерь-церковь іерусалимская — которой армянская церковь по справедливости можетъ назваться дщерью, — подобно церкви греческой и армянская церковь въ продолженіе этого времени находилась въ единеніи съ церковію іерусалимскою, и миръ царствовалъ во всѣхъ мѣстахъ. Многіе армянскіе епископы были поставлены епископами греческими и іерусалимскими. Богослуженіе у армянъ совершалось на греческомъ и сирійскомъ языкахъ, ибо въ то время еще не была изобрѣтена армянская азбука и армяне пользовались богослужебными книгами, какъ и Новымъ Завѣтомъ, на помянутыхъ языкахъ. Но въ своихъ сно-

шеніяхъ съ сосѣдними государствами они употребляли парсискія письмена. Армянская церковная іерархія имѣла три степени: епископство, пресвитерство и діаконство. Каждый епископъ былъ независимъ въ своей епархіи и всѣ имѣли равное достоинство.

II.

Четвертый вѣкъ открываетъ второй періодъ армянской церкви: періодъ обнимающій 170 лѣтъ съ 302 до 491 года, т.-е. со времени св. Григорія Просвѣтителя до патріарха Бабкéна. Въ теченіе этого времени армянская церковь въ догматахъ вѣры и благочиніи совершенно согласовалась съ греческою церковью и находилась въ общеніи съ нею, или лучше двѣ эти церкви составляли одну церковь, сохраняя однакожъ совершенную независимость одна по отношенію къ другой. Однимъ изъ самыхъ славныхъ апостоловъ вѣры Христовой въ Арменіи былъ мученикъ св. Григорій Просвѣтитель. Въ этой странѣ въ его время царствовалъ Тердатъ (Тиридатъ), который сначала былъ гонителемъ св. Григорія, но послѣ сдѣлался его ученикомъ и сталъ подъ знамя Христа много прежде римскихъ императоровъ, имѣя славу поэтому считаться первымъ христіанскимъ государемъ. Исторія св. Григорія съ самаго его дѣтства и во все продолженіе великихъ его подвиговъ, совершенныхъ имъ въ свое первосвященство, показываетъ, что онъ и царь Тердатъ были отмѣчены перстомъ Божіимъ и предназначены Провидѣніемъ для обращенія Арменіи къ истинной вѣрѣ.

Григорій происходилъ изъ рода Аршакидовъ (Аршакуни), царей парѳянскихъ. Отецъ его, Анáкъ, былъ изъ дома Сурѐн-Пахлáва, который на охотѣ умертвилъ царя армянскаго Хосрова по наущенію персидскаго царя Арташира I, искавшаго престола Арменіи. Хосровъ, испуская послѣдній вздохъ, приказалъ предать смерти Анáка со всѣмъ его семействомъ. Григорій, избѣжавшій убійства, былъ увезенъ, двухъ лѣтъ отъ роду, братомъ своей кормилицы, Евваліемъ, въ Кесарію кап-

падокійскую и принятъ въ домѣ послѣдняго. Воспитанный въ вѣрѣ и евангельскомъ благочестіи родителями своей кормилицы, онъ выросъ и женился на Маріи, дочери одного изъ вѣрующихъ, по имени Давида. Отъ этого союза родились два сына Вертанесъ и Аристакесъ. Въ послѣдствіи оба супруга по взаимному согласію розошлись, чтобы всецѣло посвятить себя Богу: Григорій отправился въ Арменію для проповѣди христіанской истины и заглажденія вины отца своего Анака.

Подобно св. Григорію, Тердатъ, сынъ Хосрова, въ дѣтствѣ былъ окруженъ врагами и подверженъ большимъ опасностямъ. По смерти Хосрова, персидскій царь Арташиръ, овладѣвшій престоломъ Арменіи, хотѣлъ погубить Тердата; но послѣдній былъ спасенъ и отправленъ въ Римъ, гдѣ былъ воспитанъ при дворѣ кесарей.

Когда св. Григорій прибылъ въ Арменію въ городъ Вахаршапатъ—мѣстопребываніе царей армянскихъ, онъ нашелъ Тердата на престолѣ, на который послѣдній былъ возведенъ Діоклитіаномъ. Разъ когда Тердатъ приносилъ жертву одному изъ главныхъ боговъ Арменіи, онъ замѣтилъ, что одинъ изъ присутствующихъ не принималъ никакого участія въ торжествѣ. Это былъ Григорій. Тердатъ повелѣлъ ему подойти къ себѣ и поклониться идолу. Григорій отказался. Тогда царь приказалъ предать его невообразимымъ мученіямъ. Послѣ этихъ мученій, которыя Григорій перенесъ съ нечеловѣческою силою, онъ былъ брошенъ въ глубокій ровъ, гдѣ оставался нѣсколько лѣтъ, забытый всѣми. Одна только бѣдная вдова приходила каждый день ко рву и бросала ему по куску хлѣба. Обстоятельство, по которому обнаружилась жестокость Тердата, спасло Григорія. Въ Римѣ жила молодая христіанка, дѣвица Рипсиме (Евфросинія) съ нѣсколькими своими подругами, какъ и она христіанками. Діоклитіанъ, увидя Рипсиме, плѣнился ея красотой и хотѣлъ взять ее себѣ въ жены; но она убѣжала изъ Рима въ сопровожденіи своей кормилицы Гаіане и съ своими подругами, и поселилась въ столицѣ Арменіи, Вахаршапатѣ. Открывши ея убѣжище, Діоклитіанъ пре-

дложилъ Тердату выдать ее или взять самому въ жены. Тердатъ, въ свою очередь плѣнившись прелестями Рипсимѐ, захотѣлъ имѣть ее женою. Но когда молодая дѣвица отвергла его предложеніе, Тердатъ, разгнѣвавшись, предалъ ее съ подругами мучителямъ. Послѣ жестокихъ мученій онѣ преданы были смерти. Виновникъ этого новаго преступленія, Тердатъ, былъ пораженъ наказаніемъ свыше. Подобно Навуходоносору онъ потерялъ разумъ и сдѣлался подобнымъ диким звѣрямъ. Въ это время Хосрови-духтъ, сестра царя, жила въ одномъ уединенномъ мѣстѣ. Въ видѣніи она услышала голосъ ангела, который говорилъ ей, что одинъ только св. Григорій можетъ исцѣлить ея брата. Григорія приказали извлечь изо рва, гдѣ нашли его живымъ и въ полномъ здоровьи. «Я живъ, хранимый моимъ Господомъ,» сказалъ онъ. Онъ возвратилъ разумъ Тердату и этотъ царь—варваръ, вдругъ проникнутый духомъ истины, палъ къ ногамъ апостола. Св. Григорій, обѣщая ему прощеніе отъ Бога, спросилъ: «Гдѣ агнцы Божіи?» Ему были указаны мощи св. дѣвъ, онъ собралъ ихъ вмѣстѣ, предалъ землѣ и провелъ цѣлую ночь въ молитвѣ надъ ихъ могилой. Тогда онъ увидѣлъ, что небо разверзлось и сошелъ лучъ свѣта, предшествуемый сонмомъ ангеловъ. Позади ихъ виденъ былъ образъ человѣческій съ золотымъ молотомъ въ рукѣ. Видѣніе это неслось по направленію къ Вахаршапату. Тотчасъ послѣ того молотъ ударилъ въ землю: она разверзлась, горы заколебались и изъ нѣдръ земныхъ раздался страшный вопль изъ ада. Потомъ недалеко отъ дворца поднялся золотой пьедесталъ въ видѣ жертвенника; отъ него восходилъ огненный столпъ съ облачнымъ покровомъ, надъ которымъ блисталъ крестъ. Изъ-подъ жертвенника текъ источникъ живой воды и орошалъ большое пространство земли. Четыре столба окружали все это зданіе, изъ которыхъ три возвышались надъ останками мученицъ. Надъ всѣмъ этимъ мерцалъ слабый свѣтъ въ образѣ креста. Явившійся Григорію ангелъ изъяснилъ это видѣніе. «Образъ человѣческій, сказалъ онъ, есть Господь; зданіе, увѣнчанное крестомъ, означаетъ вселенскую церковь,

пребывающую подъ охраною креста, ибо на крестѣ умеръ Сынъ Божій. Мѣсто это должно сдѣлаться мѣстомъ молитвы. Огненный столбъ и источникъ знаменуютъ божественное крещеніе, которое истекаетъ изъ вселенской церкви для возрожденія человѣчества.» «Повергнись, присовокупилъ ангелъ, предъ благодатію, которую явилъ тебѣ Богъ и воздвигни здѣсь церковь.» Мѣсто, гдѣ св. Григорій удостоился видѣнія, получило названіе *Шохакáт* — слово означающее «разлитіе свѣта», а послѣ основанный на этомъ мѣстѣ монастырь названъ *Эчміадзин*, т.-е. «сошествіе единороднаго Сына.» Этимъ именемъ называется и теперь монастырь, который служитъ главной каѳедрой армянской церкви.

На утро царь со всѣмъ своимъ дворомъ пришелъ къ Григорію, который разсказалъ свое видѣніе. Онъ воздвигъ крестъ на томъ мѣстѣ гдѣ ему явился жертвенникъ и положилъ мощи св. мученицъ тамъ, гдѣ онъ видѣлъ три огненные столба; потомъ при пособіи всего населенія города и самаго царя онъ положилъ основаніе церкви Эчміадзина и трехъ церквей, которыя до сихъ поръ возвышаются въ сосѣдствѣ и носятъ названіе святыхъ Рипсимé и Гаіанé, или Шохакат'а. Когда мощи святыхъ мученицъ были положены въ каменныя гробницы подъ основаніемъ трехъ церквей, Тердатъ опять повергнулся къ стопамъ св. Григорія, который снова обѣщалъ ему прощеніе отъ Бога. Св. Григорій съ особеннымъ тщаніемъ занялся построеніемъ главнаго храма. Царь и дворъ избрали его своимъ пастыремъ и послали для рукоположенія въ епископы въ Кесарію, гдѣ въ то время имѣлъ мѣстопребываніе греческій епископъ Леонтій.

Онъ отправился на царской колесницѣ, окруженный стражею и снабженный подарками для окрестныхъ греческихъ церквей. Онъ достигъ такимъ образомъ Кесаріи, гдѣ уже распространился слухъ о претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ за вѣру и объ обращеніи по его гласу всего народа. Епископъ Леонтій послѣ хиротоніи его въ епископа далъ ему мощи св. Іоанна Крестителя и Аѳиногена. Всюду на пути своемъ святой

Григорій сокрушалъ храмы и изображенія ложныхъ боговъ: близъ горъ Таронскихъ онъ сокрушилъ славное изображеніе Анахи́т'а (Афродиты) и на самомъ этомъ мѣстѣ крестилъ болѣе 20.000 армянъ, положивъ здѣсь основаніе храма въ честь Іоанна Крестителя. Церковь эта существуетъ еще и теперь недалеко отъ города Мушъ, въ турецкой Арменіи. Съ своей стороны Тердатъ вышелъ на встрѣчу св. Григорію и ожидалъ его на берегу Евфрата, гдѣ и принялъ крещеніе. Принятію таинства, которое дѣлало его христіаниномъ, предшествовало нѣсколько дней поста, который Тердатъ долженъ былъ исполнить и который армянская церковь съ тѣхъ поръ содержитъ въ память торжества христіанства въ Арменіи. Съ этого времени царь Тердатъ становится самымъ ревностнымъ поборникомъ христіанства и всѣми силами помогаетъ св. Григорію окончить устройство монастыря Эчміадзина. Здѣсь, съ 302 года, учреждена патріаршая каѳедра каѳоликоса или главы армянской церкви. Съ тѣхъ поръ протекло 1569 лѣтъ, и основанная имъ церковь—колыбель армянскаго христіанства, противостояла времени и, замѣчательно, осталась несокрушимою, не смотря на частыя войны веденныя Арменіею съ персами и другими варварскими народами, тогда какъ столица царя Тердата, городъ Вахаршапатъ, стала незначительною полуразрушенною деревнею. Эчміадзинъ неоднократно былъ возстановляемъ разными патріархами. Библіотека этого монастыря, нѣкогда славная многими рѣдкими книгами, теперь содержитъ отъ 1700 до 1800 томовъ, которые по большей части состоятъ изъ армянскихъ рукописей. Между замѣчательными предметами хранятся въ монастырѣ драгоцѣнныя мощи: руки св. апостола Ѳаддея, десница св. Григорія Просвѣтителя, рука сына его Аристакеса и св. Іакова низибійскаго; большой крестъ полученный царемъ Тердатомъ отъ Константина Великаго и заключающій въ себѣ кусокъ отъ настоящаго дерева, на которомъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ; копіе, которымъ было прободено ребро Спасителя, принесенное въ Арменію апостоломъ Ѳаддеемъ, съ начертаннымъ его рукою крестомъ; голова

св. Рипсимѐ; тіара, присланная папою Луціемъ III въ монастырь въ 1184 году, которая съ тѣхъ поръ, вмѣсто греческой митры, вошла въ употребленіе у патріарховъ и епископовъ армянскихъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что греческая митра сохранилась въ армянской церкви для архимандритовъ и священниковъ: во время совершенія литургіи они должны надѣвать ее на голову, какъ символъ духовнаго шлема и отличіе священства. Въ монастырѣ находится еще покрывало и жезлъ, присланные папою Иннокентіемъ II—покрывало служитъ для патріарховъ, когда они принимаютъ священное помазаніе при вступленіи на престолъ. Армяне говорятъ, что это украшеніе напоминаетъ покрывало, которое возлагалъ себѣ на голову Моисей. Въ Эчміадзинѣ хранится также престолъ, присланный папою Иннокентіемъ XI въ даръ патріарху Іакову.

Св. Григорій основалъ большое число епископствъ въ Арменіи, давши надъ всѣми ими верховенство эчміадзинскому, и какъ на мѣста эти было приглашено имъ много греческихъ и сирійскихъ епископовъ и священниковъ, то это еще болѣе скрѣпило, между прочимъ, союзъ уже существующій между армянской и греческой церквами. Въ 325 году онъ послалъ на никейскій соборъ сына своего Аристакеса, поставленнаго имъ въ епископа. Св. Григорій принялъ правила и обряды, опредѣленные этимъ соборомъ, равно какъ и его символъ вѣры [10]), доселѣ исповѣдуемый армянскою церковью, и ввелъ ихъ въ народъ, котораго онъ былъ первымъ пастыремъ. Видя наконецъ свой трудъ упроченнымъ и истинную вѣру торжествующей, онъ уединился въ гору Сепухъ, гдѣ и окончилъ жизнь свою. Онъ правилъ армянскою церковью 30 лѣтъ. Тѣло его найдено было пастухами, пасшими стадо въ этихъ уеди-

---

[10]) Символъ вѣры армянской церкви есть тотъ же никейскій символъ, распространенный только нѣкоторыми вставками, сдѣланными св. Григоріемъ Просвѣтителемъ и непосредственными его преемниками для окончательнаго устраненія и опроверженія заблужденій Арія, Македонія, Аполлинарія и др., заблужденій, возникшихъ во время управленія помянутыхъ патріарховъ армянской каѳедрой.

пенныхъ мѣстахъ и было ими предано землѣ неузнанное. Въ послѣдствіи одинъ пустынникъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему открыто было тѣло святаго мужа, оставшееся до того времени неповрежденнымъ. По его распоряженію его перенесли въ деревню Тордáнъ, гдѣ построенъ былъ монастырь. Въ царствованіе греческаго императора Зенона мощи св. апостола арменскаго снова перемѣщены: часть ихъ перенесена въ Константинополь и Италію, и часть въ разныя мѣста Арменіи. Въ настоящее время глава его находится въ Италіи, лѣвая рука въ Сисѣ, гдѣ живутъ непризнанные армянскіе патріархъ и епископъ. Въ Эчміадзинѣ хранится его правая рука, которая употребляется при посвященіи патріарховъ и при мурованіи. Младшій сынъ св. Григорія, Аристакéсъ, взошелъ на его первосвященническій престолъ и занималъ его семь лѣтъ. По смерти Аристакéса, старшій братъ его Вертанéсъ, поставленный въ епископа также св. Григоріемъ, наслѣдовалъ вмѣстѣ съ ихъ каѳедрою и добродѣтели ихъ.

Хотя со времени св. Григорія Просвѣтителя большинство армянскаго народа исповѣдывало вѣру Христову, однакожъ нѣкоторыя области находились подъ властью царей-идолопоклонниковъ, гдѣ христіанство дало не одного мученика. Такъ Никополь — городъ въ Арменіи, считалъ 55 христіанъ, которые предали жизнь свою за вѣру; изъ нихъ особенно извѣстны Левъ, Маврикій, Даніилъ, Антоній и Александръ, преданные смерти по приказанію правителя города Никополя, и св. Олимпіада супруга армянскаго царя Аршака.

Пятый вѣкъ произвелъ также людей замѣчательныхъ заслугами и высокимъ благочестіемъ, между прочимъ Іакова низибійскаго, парѳянина по происхожденію, двоюроднаго брата Григорія Просвѣтителя.

Въ 403 году знаменитый архимандритъ Месрóбъ изобрѣлъ армянскую азбуку и при помощи нѣсколькихъ своихъ учениковъ перевелъ съ греческаго Библію. Этотъ переводъ по своей древности, точности и изящной простотѣ языка превосходитъ всѣ восточные переводы и занимаетъ первое между ними мѣ-

сто: Галій, Готтингеръ, Пьеръ-Лебренъ и Лакрозъ достаточно доказали его превосходство. Ученики св. Месроба перевели также творенія Василія Великаго, св. Аѳанасія Великаго, св. Кирилла, св. Іоанна Златоустаго и другихъ греческихъ отцевъ и часть богослужебныхъ греческихъ книгъ.

Въ 430 г. св. Месробъ содѣйствовалъ патріарху Исааку пересмотрѣть литургію, переведенную св. Григоріемъ; къ ней они оба присовокупили много молитвъ, слѣдуя отцамъ греческой церкви. Съ этого времени армянская литургія приняла тотъ видъ, который она имѣетъ и теперь и который сохранился до нашего времени въ продолженіи 14-ти вѣковъ.

Армянскіе епископы, старавшіеся запечатлѣть христіанство печатью православія и боявшіеся заблужденій въ вѣрѣ, сообразовались съ іерусалимскою церковью. Такъ епископъ Вертанѐсъ, сынъ св. Григорія Просвѣтителя, писалъ въ 340 году патріарху іерусалимскому Макарію и просилъ у него наставленія относительно внѣшняго устройства богослуженія и совершенія евхаристіи. Получивши отвѣтъ Макарія, онъ съ полною вѣрою слѣдовалъ постановленіямъ матери церквей—церкви іерусалимской.

Первый епископъ эчміадзинскій былъ св. Нерсесъ I, который принялъ титулъ патріарха и каѳоликоса всѣхъ армянъ. Въ 381 г. онъ присутствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ, константинопольскомъ первомъ. Онъ держалъ рѣчь въ разныхъ засѣданіяхъ этого собора и принялъ отъ имени своей церкви всѣ состоявшіяся на немъ постановленія.

Когда собрался третій вселенскій соборъ въ Ефесѣ, въ 431 г., для осужденія заблужденій Несторія, императоръ Ѳеодосій пригласилъ для присутствованія на немъ патріарха Исаака. Но какъ Арменія тогда находилась въ войнѣ съ персами, то патріархъ не могъ принять этого приглашенія. Во время гоненій со стороны персидскаго царя Язкерта (Изеджерда), онъ былъ наконецъ заключенъ въ темницу; но константинопольскій патріархъ Максиміанъ и епископы Проклъ кизикскій, наслѣдовавшій немного спустя Максиміану, и Акакій мелитинскій

послали Исааку съ его учениками Львомъ, Іоанномъ, Іосифомъ и Корюномъ, находившимися въ то время въ Константинополѣ, опредѣленія ефесскаго собора и сообщили ему объ отлученіи, произнесенномъ противъ Несторія.

Св. Исаакъ, получивши свободу, созвалъ въ 432 г. армянскихъ епископовъ и сообщилъ имъ о посланіи греческаго патріарха. Онъ изъяснилъ имъ цѣль ефесскаго собора, принялъ, по согласіи съ ними, его постановленія и произнесъ отъ имени армянской церкви анаѳему противъ Несторія, Ѳедора мопсуестскаго и Діодора тарсійскаго. Постановленія этого собора св. Исаакъ послалъ греческому патріарху Проклу, дабы доказать ему, что армяне, хотя и не присутствовали на ефесскомъ соборѣ по причинѣ внутреннихъ въ ихъ отечествѣ смутъ, тѣмъ не менѣе согласны съ опредѣленіями сего святаго собора. Онъ представилъ также патріарху изложеніе ученія армянской церкви, которое Проклъ нашелъ православнымъ и во всемъ согласнымъ съ ученіемъ греческой церкви. Копія съ посланія Прокла къ армянскому патріарху св. Исааку издана на греческомъ и латинскомъ Мансі (т. V, въ его *Сборникѣ соборовъ*). Копія съ посланія Исаака къ Проклу, прочтеннаго на пятомъ вселенскомъ соборѣ, второмъ константинопольскомъ, помѣщена въ той же гл. у Мансі.

Въ 451 г., во время халкидонскаго собора, Арменія была снова въ войнѣ съ персами. Кровь ея сыновъ и, на первомъ мѣстѣ, патріарха Іосифа, потекла за вѣру.

Относительно этого собора между армянами возникли недоразумѣнія. Такъ какъ война съ персидскимъ царемъ Язкертомъ воспрепятствовала имъ присутствовать на соборѣ, то сторонники Евтихія и патріарха александрійскаго Діоскора, преданные анаѳемѣ халкидонскимъ соборомъ, распустили ложные слухи относительно вѣры этого собора; они именно утверждали, что соборъ, избѣгая заблужденія Евтихія, впалъ въ заблужденіе Несторія—такъ они перетолковали опредѣленіе собора, признавшаго въ Іисусѣ Христѣ два различныя естества.

Эти слухи въ глазахъ армянскихъ епископовъ еще болѣе

нашли довѣрія, когда они узнали, что соборъ оставилъ неразсмотрѣнными сочиненія трехъ сирійскихъ епископовъ, сторонниковъ Несторія: Ѳеодора мопсуестскаго, Ивы едесскаго и Ѳеодорита кирскаго, и не произнесъ анаѳемы противъ нихъ, тогда какъ они уже были осуждены въ Арменіи. Къ этимъ обстоятельствамъ присоединились еще другія болѣе или менѣе важныя, которыя не располагали армянъ къ халкидонскому собору и удаляли ихъ отъ вѣры этого собора.

Посланіе папы Льва I къ Флавіану объ ученіи халкидонскаго собора было переведено на армянскій языкъ не совсѣмъ точно. Слѣдуетъ замѣтить, что постановленія и опредѣленія соборовъ, въ то время, когда еще не существовало типографскаго искусства, часто переписывались людьми неискусными или злонамѣренными, которые черезъ опущеніе словъ искажали то ненамѣренно, то съ намѣреніемъ, смыслъ не только отдѣльныхъ выраженій, но и цѣлой рѣчи. Такъ въ посланіи Льва I самымъ правильнымъ образомъ было сказано, что Іисусъ Христосъ имѣлъ *два естества*, изъ коихъ одно совершало чудеса, а другое подвержено было страданіямъ. Переводчикъ передалъ слова *одно и другое* армянскимъ выраженіемъ *вомн ев вомн*, выраженіемъ, которое по духу армянскаго языка прилагается только къ лицу одушевленному, индивидууму, а не предмету неодушевленному. Слѣдовательно, смыслъ посланія, въ которомъ *одно и другое* относились къ двумъ естествамъ въ Христѣ, былъ измѣненъ въ переводѣ черезъ слово *вомн*; выраженіе *одно и другое* представлялось относящимся не къ естествамъ въ Іисусѣ Христѣ, но къ лицу Христа, и слово *вомн* повторенное два раза подало армянамъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о *двухъ* различныхъ *лицахъ* или ипостасяхъ. Такимъ образомъ изъ посланія папы Льва, признаннаго отцами халкидонскаго собора православнымъ и сообразнымъ съ истиннымъ опредѣленіемъ собора, армянскіе епископы окончательно заключили, что соборъ этотъ, осуждая заблужденія Евтихія, обратился къ заблужденіямъ Несторія. Съ этихъ поръ армяне, излагая свое ученіе о Христѣ

и дѣлая намеки на посланіе папы Льва I, признаваемаго ими не чуждымъ заблужденія вслѣдствіе случайной сбивчивости, произведенной неточнымъ переводомъ — говорили, что Іисусъ Христосъ не былъ *вомн* (нѣкоторый) божественный и всемогущій и *вомн* (другой нѣкоторый) подверженный страданіямъ, но что Онъ былъ одно и то же лицо, имѣющее *два естества:* одно Божеское, другое человѣческое—въ одномъ лицѣ и безъ сліянія естествъ. Эти побужденія, въ своемъ родѣ догматическія, располагавшія армянъ не принимать соборъ халкидонскій, были усилены различными и совершенно внѣшними причинами: вопервыхъ, разногласіями самихъ грековъ относительно ученія этого собора, длившимися въ теченіи многихъ лѣтъ, и вовторыхъ, повелѣніемъ греческихъ императоровъ Василиска—475 г. и Зенона, автора *Генотикона*—476 г., которые, дабы положить конецъ смутамъ на Востокѣ, не только отвергли халкидонскій соборъ, но даже запретили и говорить объ немъ.

Наконецъ надобно сказать и то, что языкъ армянскій, невполнѣ еще обработанный въ то время, не въ состояніи былъ выразить точно и ясно отвлеченности греческаго богословія и часто противоположный смыслъ сообщалъ мысли, которую нужно было выразить и на пониманіи которой однако основывалось толкованіе разныхъ христіанскихъ обществъ. Греческія слова *физис, усія* и *ипóстазис: естество, сущность* и *лице*, нельзя было строго перевести на армянскій языкъ, на которомъ часто выраженіе *ипостась* или *лице* сливались съ понятіемъ *физис* или *естество*. Такимъ образомъ когда греки говорили, что въ Іисусѣ Христѣ *два естества*, армяне думали, что подъ этимъ греки разумѣли соединеніе *двухъ лицъ:* понятіе, которое отвергалось послѣдними; съ другой стороны сами армяне, желая доказать на своемъ языкѣ свое православіе во всемъ согласное съ исповѣданіемъ халкидонскаго собора и выразить, что во Іисусѣ Христѣ было *одно единственное лице* (ипостась), говорили *одно и единое естество* или *сущность*—выраженіе, которое не могло не быть осуждаемо греками.

Гораздо позже, обстоятельство, не менѣе важное, нежели предшествующія, утвердило армянъ въ ихъ сопротивленіи халкидонскому собору. Нѣкоторые греческіе и сирійскіе епископы, собравшись въ Едессѣ, въ 482 г., торжественно отвергли халкидонскій соборъ. Это новое постановленіе греческихъ епископовъ, изъ коихъ нѣкоторые, быть можетъ, присутствовали на соборѣ халкидонскомъ и которые отъ него отдѣлились, само по себѣ не могло не оживить и укрѣпить недовѣріе и сомнѣніе армянской церкви противъ православія собора, который она боялась принять.

Армянскій патріархъ Бабкéнъ на помѣстномъ соборѣ изъ епископовъ своего народа въ 491 г. произнесъ снова анаѳему на несторіанъ Варсуму и Акакія, равно какъ и на послѣдователей Евтихія и объявилъ себя противъ халкидонскаго собора, не входя въ разслѣдованіе его постановленій. Такимъ образомъ раздѣленіе двухъ церквей, греческой и армянской, было слѣдствіемъ простаго смѣшенія словъ.

III.

Со времени армянскаго собора, на которомъ предсѣдательствовалъ патріархъ Бабкéнъ, начинается третій періодъ церкви армянской, съ 491 по 1175 г., періодъ, который можетъ быть названъ раздѣленіемъ церкви армянской съ греческой.

Пятый вселенскій соборъ, второй константинопольскій, бывшій въ 553, занялся на первыхъ своихъ засѣданіяхъ обсужденіемъ несторіанскихъ сочиненій Ѳеодора мопсуестскаго, Ѳеодорита кирскаго и Ивы едесскаго, уже анаѳематствованныхъ армянами. На этомъ пятомъ соборѣ не присутствовало ни одного армянскаго епископа; но въ доказательство мира и благорасположенія къ армянской церкви, на немъ прочитано было посланіе патріарха Исаака, написанное въ 435 г. послѣ собора ефесскаго къ константинопольскому патріарху Проклу (*Манси*, т. IX), въ которомъ св. Исаакъ, одобряя соборъ ефесскій, просилъ Прокла предать анаѳемѣ Ѳеодора мопсуестскаго, Ѳеодорита кирскаго и Иву едесскаго. Прочтеніе этого посла-

нія имѣло двоякую цѣль: а) оправдать армянъ въ ихъ отсутствіи на соборѣ и показать, что они уже въ теченіи вѣка были заняты разсматриваніемъ сочиненій трехъ помянутыхъ епископовъ-ересіарховъ; b) доказать, что они, осуждая учениковъ Несторія, потому уже самому не были несторіанами и слѣд. могли не явиться на соборъ — такъ чтобы ихъ отсутствіе не считалось заявленіемъ вражды съ ихъ стороны.

На шестомъ вселенскомъ соборѣ, третьемъ константинопольскомъ, въ 680 г., присутствовали четыре епископа армянскихъ— Ѳеодоръ, Георгій, Григорій и Іоаннъ. Хотя этотъ фактъ и подвергается сомнѣнію нѣкоторыми армянскими писателями, однако несомнѣнно то, что постановленія этого собора согласны съ вѣрою армянской церкви.

Седьмой вселенскій соборъ, второй никеійскій, въ 788 г., въ числѣ своихъ членовъ считаетъ двухъ армянскихъ епископовъ, Вардана и Василія, и двухъ архимандритовъ, Вахана и Вардана, одобрившихъ почитаніе иконъ, которое свято продолжается и до нашего времени въ армянской церкви.

Такимъ образомъ изъ семи соборовъ церковь армянская не признала *de facto* только одного, халкидонскаго,—по *догматическим* она признаетъ исповѣданіе этого собора, которое въ сущности есть одно и тоже съ исповѣданіемъ армянской церкви. Что касается пятаго, шестаго и седьмаго вселенскихъ соборовъ, хотя и непризнанныхъ армянскою церковью *de facto*, нельзя однакоже сказать, чтобы она дѣйствительно не принимала ихъ ученія, ибо ученіе провозглашенное на нихъ во всемъ сходно съ ея ученіемъ. Правда, армяне не присутствовали на этихъ соборахъ, но это потому, что сношенія ихъ съ греками были прерваны съ четвертаго собора; между тѣмъ они никогда не оспаривали постановленій этихъ соборовъ.

Какъ болѣе осязательное доказательство, что восточная армянская церковь никогда не раздѣляла заблужденія Евтихія несмотря на смѣшеніе словъ о естествахъ и лицѣ Іисуса Христа, и что она оградила себя противъ этого заблужденія еще гораздо прежде ереси Евтихія, можно указать на молит-

ву, которую читаетъ священникъ во время литургіи, прежде освященія даровъ. Во время пѣнія: «святъ, святъ, святъ и пр.», священникъ читаетъ пространную молитву, въ которой онъ между прочимъ говоритъ: «ибо Онъ (Сынъ Божій), ставши истинно человѣкомъ, а не по виду, принялъ плоть во чревѣ св. Дѣвы Маріи чрезъ неизглаголанное соединеніе и чуждое смѣшенія» и пр.

Одинъ изъ стиховъ пѣсни, съ которою армянская церковь обращается къ священному копію, которымъ было прободено ребро Іисуса Христа, дѣлаетъ очевидною вѣру армянской церкви въ *два естества*, соединенныя, но неслитныя въ *одномъ лицѣ*: «радуйся ты, цвѣтъ повсюду славимый, орошенный кровью нашего Господа Іисуса Христа, искореняющій всѣ бѣдствія и болѣзни грѣха; черезъ тебя распятый явилъ себя *Богомъ и человѣкомъ*, истинно умершимъ и живымъ; чрезъ тебя увѣровалъ сотникъ и явилось божество Іисуса Христа; чрезъ тебя да возможемъ мы прославлять нашего Господа Іисуса Христа и утвержденіе церкви!»

Армянская церковь имѣла сорокъ пять помѣстныхъ соборовъ, на которыхъ предсѣдательствовалъ патріархъ и на которыхъ разсматривались вѣрованіе и управленіе епископовъ съ цѣлью сохранить единство и удалить ложныя ученія и ересь. Болѣе замѣчательные изъ этихъ соборовъ слѣдующіе:

Соборъ, созванный въ 455 г. патріархомъ св. Исаакомъ, чтобы торжественно признать третій вселенскій соборъ—ефесскій, на которомъ этотъ патріархъ не могъ лично присутствовать, потому что въ то время онъ былъ заключенъ въ темницѣ по повелѣнію персидскаго царя Язкерта (Іездеджирда).

Соборъ въ 491 г., на которомъ патріархъ Бабкенъ осудилъ несторіанъ Варсуму и Акакія, а равно и евтихіанъ, и отвергъ соборъ халкидонскій.

Соборъ, созванный патріархомъ Эздрою (Эзръ) въ Ѳеодосіополѣ или Каринѣ (Эрзрумъ) въ 629, обнаруживаетъ первую попытку, сдѣланную церковью армянскою съ 491 года для примиренія съ греками. Эздра доказывалъ императору

Ираклію, что между тою и другою націею существуетъ тождество въ догматѣ и что армяне во всѣ времена осуждали Евтихія, Несторія и всѣхъ ересіарховъ. Императоръ съ своей стороны объяснилъ патріарху, что греки раздѣляютъ объ этихъ пунктахъ тоже самое убѣжденіе. Кромѣ того Эздра торжественно призналъ на своемъ соборѣ въ Ѳеодосіополѣ соборъ халкидонскій.

Въ 647 г. патріархъ Нерсесъ III созвалъ соборъ въ Двинѣ и подобно своему предшественнику заявилъ передъ императоромъ Константиномъ II, внукомъ Ираклія, о совершенномъ тождествѣ вѣры между обоими народами. Въ залогъ мира императоръ, по нѣкоторымъ историкамъ, принялъ св. евхаристію изъ рукъ патріарха, а по другимъ—самъ патріархъ причастился въ греческой церкви.

Несмотря на старанія этихъ двухъ послѣднихъ соборовъ къ соединенію обѣихъ церквей, большинство армянскихъ епископовъ упорно чуждалось грековъ. Пагубное упорство, источникъ безконечныхъ золъ не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ!

Въ 719 и 720 г. были созваны два собора патріархомъ Іоанномъ, *Философомъ* по прозванію. Этотъ ученый и благочестивый іерархъ старался удалить всякій поводъ къ ненависти и разногласію съ константинопольскою церковью, и въ своей церкви удержалъ богослуженіе и обряды греческіе. Онъ не упоминалъ о соборѣ халкидонскомъ, но отъ имени своей церкви провозгласилъ *твердое исповѣданіе, которое она имѣла въ два естества въ Іисусѣ Христѣ* и произнесъ анаѳему противъ секты *Фантазіастовъ*, послѣдователей Юліана галикарнасскаго.

Патріархъ Іоаннъ, прозванный *Историкомъ*, отъявленный противникъ греческой церкви, созвалъ въ 847 г. армянскихъ епископовъ въ эчміадзинскій монастырь, осудилъ ученіе несторіанъ и евтихіанъ и запретилъ всякое сношеніе съ западною церковью. Вражда армянскихъ епископовъ противъ этихъ послѣднихъ обнаружилась по случаю сношеній, которыя имѣлъ

армянскій патріархъ Захарія съ константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ. Но эти сношенія въ тоже время доказываютъ, какъ армянская церковь хранила свою независимость. Отлученіе, произнесенное папою Николаемъ I противъ Фотія, никакого не произвело дѣйствія на армянскую церковь. Это видно изъ того, что въ 862 г. Захарія созываетъ соборъ, чтобы оправдать предъ Фотіемъ православіе армянской церкви. На этомъ соборѣ присутствовалъ посланный Фотіемъ митрополитъ никейскій и изъяснилъ предъ Захаріей исповѣданіе вѣры, произнесенное греческою церковью на соборѣ халкидонскомъ. Захарія и его соборъ, составляя актъ присоединенія, торжественно приняли соборъ халкидонскій, но прибавили заключеніе, въ которомъ проглядываетъ вкоренившаяся недовѣрчивость армянскаго духовенства къ грекамъ. Заключеніе это говорило, что тѣ, которые по своему убѣжденію находили догматы этого собора противными апостольскимъ преданіямъ и тремъ первымъ вселенскимъ соборамъ, привлекали на свою главу анаѳему. Убѣжденные же въ православіи отцевъ халкидонскаго собора, которые, увлеченные чувствомъ пристрастія или ненависти, осмѣлились обвинять ихъ или проклинать, проклинаютъ самихъ себя. Это заключеніе произвело охлажденіе между патріархомъ Захаріею и Фотіемъ, но оно было и вмѣстѣ какъ бы взятіемъ назадъ осужденій, произнесенныхъ армянами противъ халкидонскаго собора и налагало на нихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ узду, удерживающую ихъ отъ новыхъ заблужденій и ложныхъ предубѣжденій, питаемыхъ ими противъ постановленій этого собора, во всемъ, впрочемъ, согласныхъ съ догматами ихъ церкви.

Въ 966 г. армянскій патріархъ Ваха́нъ, человѣкъ просвѣщенный и желавшій примиренія между двумя сторонами, при помощи Ѳеодора митиленскаго, составилъ изложеніе догматовъ армянской церкви, представленное патріарху константинопольскому Поліевкту. Этотъ послѣдній одобрилъ изложеніе и призналъ его православнымъ.

Въ 1160 г. греческая церковь крайне снисходительно отно-

силась къ своей младшей сестрѣ, церкви армянской. Греки желали, чтобы армяне соединились съ ними, потому что обѣ церкви исповѣдывали одно и тоже ученіе, и раздѣленіе между ними произошло вслѣдствіе только смѣшенія словъ. Впрочемъ потребность во взаимномъ соглашеніи становилась болѣе и болѣе настоятельною; нужно было положить конецъ взаимной враждѣ, чтобы остановить успѣхи латинской церкви, которые эта послѣдняя начала дѣлать въ Арменіи. Но армяне, признавая три первые собора, будучи согласны съ греками въ трехъ послѣднихъ относительно ученія, и исповѣдуя въ сущности вѣру халкидонскую, какъ и греки, продолжали, несмотря на все это, держаться предубѣжденій, для совершеннаго отклоненія которыхъ требовалось искреннее сближеніе. Церковь греческая понимала это вполнѣ, но оскорбленная недовѣріемъ армянскихъ епископовъ, она воздерживалась приступить къ переговорамъ. Случай къ этому желанному сближенію представился, и съ 1160 до 1179 гг., времени извѣстнаго армянскаго собора въ Ром-Кла (Рум-Калѣ), церковь греческая не переставала быть въ сношеніи съ армянскою церковью, несмотря на войны и бѣдствія, тяготѣвшія въ то время надъ послѣднею.

Алексѣй, зять императора Мануила, путешествуя по Арменіи, имѣлъ случай познакомиться съ братомъ патріарха Григорія, епископомъ Нерсесомъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ *Шнорхали* (*Благодатный*). Алексѣй послѣ бесѣды съ Нерсесомъ просилъ изъяснить ему различіе, раздѣляющее обѣ церкви. Нерсесъ отвѣтилъ на такое предложеніе яснымъ и опредѣленнымъ изложеніемъ основныхъ догматовъ армянской церкви, особенно о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Это изложеніе возбудило въ императорѣ Мануилѣ горячее желаніе вступить въ непосредственное сношеніе съ армянскою церковью для возстановленія единства. Съ этой цѣлью онъ написалъ письмо къ патріарху Григорію, которое не застало его въ живыхъ: мѣсто его на патріаршей каѳедрѣ занято было братомъ его Нерсесомъ. Послѣдній отвѣтилъ императору въ выраженіяхъ согласныхъ съ ученіемъ греческой церкви о

двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Такой православный отвѣтъ расположилъ императора Мануила продолжать предпринятое дѣло примиренія, и онъ послалъ въ Арменію монаха Ѳеоріана, философа и отличнаго богослова. Ѳеоріанъ вступилъ въ бесѣду съ Нерсесомъ о двухъ естествахъ и доказалъ ему, что халкидонскій соборъ не впалъ въ ложныя и неправославныя заблужденія Несторія, который раздѣлялъ лицо или ипостась въ Іисусѣ Христѣ. Ѳеоріанъ объяснилъ ему также, почему св. Кириллъ сказалъ: *одно естество воплощеннаго Слова*, давая ему черезъ это понять, что св. Кириллъ вовсе не думалъ того, что Іисусъ Христосъ имѣлъ только одно естество, но напротивъ, что онъ соображался съ словами Евангелія «Слово стало плотію,» т.-е. что естество божеское облеклось въ естество человѣческое и стало плотію; поэтому-то онъ не сказалъ «Христосъ,» но «Слово сдѣлалось плотію;» что св. Кириллъ, говоря «одно естество Слова воплощеннаго», руководился словами Аѳанасія Великаго, опровергавшаго этими же самыми выраженіями ересь Арія, который допускалъ различіе между Словомъ несотвореннымъ, принадлежащимъ нераздѣльной сущности Бога Отца, и Словомъ, которое Арій считалъ сотвореннымъ и которое онъ допускалъ въ Іисусѣ Христѣ. Поэтому Аѳанасій, опровергая это различіе, утверждалъ положительно, что онъ признаетъ одно существо или естество Слова воплощеннаго. Нерсесъ не понималъ—почему греки предполагали, что армяне давали ложное толкованіе выраженію св. Кирилла «одно естество Слова воплощеннаго.» Ибо армяне говорятъ «одно естество,» т.-е. одно существо и одно лицо въ Іисусѣ Христѣ изъ двухъ естествъ или сущностей, божеской и человѣческой, соединенныхъ, но несліянныхъ въ одномъ Іисусѣ Христѣ.

Нерсесъ, находя, что изъясненіе Ѳеоріаномъ этого пункта согласовалось съ ученіемъ армянской церкви, и самъ понимая, какъ и Ѳеоріанъ, настоящій смыслъ выраженій св. Аѳанасія и св. Кирилла, и основанія, которыя заставили ихъ употреблять эти выраженія, воскликнулъ: «теперь я спокоенъ.» И

когда присутствовавшій при этомъ сирійскій епископъ сталъ укорять его въ слишкомъ большой уступкѣ, онъ отвѣчалъ: «это не доказываетъ моего пристрастія къ грекамъ, но я убѣжденъ въ православіи того, что они говорятъ, и хочу содѣйствовать соединенію двухъ церквей.» Сравнивши догматы халкидонскаго собора въ особенности съ ученіемъ св. Кирилла, котораго армяне наиболѣе уважали, онъ пришелъ къ убѣжденію, что вѣра грековъ во всемъ съ нимъ была согласна и вполнѣ православна. «Я ничего не нахожу, говорилъ Нерсесъ Ѳеоріану, противнаго православію въ вѣрѣ собора халкидонскаго, догматы котораго мнѣ представляются одними и тѣми же съ нашими, и я не понимаю, почему мои предшественники удалялись отъ него съ такою недовѣрчивостью.» Ѳеоріанъ затѣмъ приступилъ къ вопросу о двухъ воляхъ въ Іисусѣ Христѣ; но они скоро сошлись въ этомъ пунктѣ, о которомъ было разсуждаемо и который былъ принятъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ, противъ котораго армяне никогда не возставали и уже усвоили его исповѣданіе вѣры.

Что же касается до уничтоженія въ трисвятой пѣсни «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ,» словъ *распныйся за ны*, Нерсесъ въ этомъ сильно защищался, доказывая, что армянская церковь не можетъ согласиться отбросить эти слова, ибо эта пѣснь относится къ Господу Іисусу Христу. Въ доказательство этого онъ ссылался на богослужебныя книги, въ которыхъ прибавленіе къ трисвятой пѣсни измѣнялось сообразно съ праздникомъ; такъ напр. въ *Рождество* поютъ «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, *явившійся намъ*, помилуй насъ»; въ праздникъ Срѣтенія и въ Вербное воскресенье—*пришедшій и имѣющій придти;* въ великій четвертокъ—*преданный за насъ;* въ воскресеніе Пасхи, въ продолженіе шести недѣль послѣ—*воскресшій изъ мертвыхъ;* въ Вознесеніе—*восшедшій во славѣ къ Отцу;* въ день Преображенія—*преобразившійся на горѣ Ѳаворѣ;* въ день Успенія—*пришедый къ успенію Твоей Матери, Святой Дѣвы;* а въ день Пятидесятницы пѣснь эта пос-

вящена одному Св. Духу, поэтому ее поютъ: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, *сошедшій на апостоловъ*, помилуй насъ.»

Нерсесъ присовокупилъ къ этому, что опущеніе словъ въ пѣсни, употребляемой цѣлымъ народомъ въ теченіи вѣковъ, могло внушить послѣднему, мало образованному, недовѣріе къ собственной своей церкви и отдѣлить его отъ оной. При этомъ Нерсесъ обнаружилъ такое расположеніе къ соединенію церквей, что далъ понять Ѳеоріану, что еслибы миръ зависѣлъ отъ опущенія этихъ словъ, можно бы было и это сдѣлать такимъ образомъ: какъ эта пѣснь повторяется три раза во время литургіи, то одинъ разъ ее обращать къ Богу Отцу безъ прибавленія, второй разъ съ прибавленіемъ словъ, въ третій къ Богу Духу Святому опять безъ прибавленія.

Разсужденіе потомъ перешло на древній обычай армянской церкви праздновать въ одинъ и тотъ же день вмѣстѣ Рождество Іисуса Христа и Его крещеніе. Нерсесъ объяснялъ, что этотъ обычай основывался на счетѣ дней, протекшихъ со времени зачатія до Рождества Спасителя, какъ повѣствуется у св. евангелиста Луки.

Такъ кончилась бесѣда Ѳеоріана съ Нерсесомъ. Замѣчательно при этомъ, что они не разсуждали объ употребленіи опрѣсноковъ въ таинствѣ причащенія у армянъ и объ обычаѣ не вливать воды въ чашу, хотя они принимаютъ причащеніе, какъ и греки, подъ двумя видами. Армяне сильно привязаны къ этимъ древнимъ преданіямъ своей церкви. Они утверждаютъ, что въ праздникъ Пасхи евреи употребляли хлѣбъ прѣсный, и по всей вѣроятности Господь нашъ не пашелъ другаго хлѣба, когда совершалъ святую Вечерю съ своими учениками. Относительно употребленія вина безъ воды они основываются на словахъ Евангелія, гдѣ сказано, что Іисусъ Христосъ влилъ только вино въ чашу.

Нерсесъ вручилъ Ѳеоріану два посланія къ императору: одно конфиденціальное, въ которомъ выражалъ желаніе какъ можно скорѣе видѣть осуществленіе соединенія между греками и

арманами и признавалъ, что въ ученіи халкидонскаго собора все было православно и согласно съ догматами армянской церкви; въ оффиціальномъ своемъ посланіи онъ повторялъ императору выраженіе своего желанія соединенія и мира, съ удержаніемъ нѣкоторыхъ древнихъ обычаевъ армянской церкви, которые не касались сущности догматовъ, но относились къ внѣшнему благочинію. Несмотря на это, онъ въ тоже время высказывалъ опасеніе встрѣтить противодѣйствіе со стороны своей церкви и народа, который или по невѣдѣнію или по укоренившейся ненависти не переставалъ пребывать въ давнемъ и пагубномъ разъединеніи. Онъ просилъ императора молить Бога, чтобы настоящее предположеніе соединенія, которому онъ отъ души преданъ, получило скорое и счастливое исполненіе.

«Недоразумѣніе и невѣрное пониманіе словъ, писалъ этотъ св. патріархъ, отдаляютъ насъ отъ вашей церкви, но не отъ ея ученія. Армяне судятъ о грекахъ по небольшему числу послѣднихъ между ними, которые живутъ на берегахъ Чернаго моря и держатся ученія Несторія; греки съ своей стороны, вѣря клеветамъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставили Армению, считаютъ насъ послѣдователями Евтихія. Ваша христіанская душа желаетъ мира между двумя церквами, а не продолженія между нами взаимной вражды. Мы такъ расположены содѣйствовать вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ, что не только посвятили себя ему при жизни, но и по смерти, еслибъ только было возможно возстать, подобно Лазарю, мы вышли бы по вашему зову изъ могилы.»

Прощаясь съ Ѳеоріаномъ, Нерсесъ обнялъ его со слезами и настоятельно упрашивалъ его просить императора приказать патріарху константинопольскому вознести въ полномъ облаченіи въ соборѣ съ крестомъ въ рукахъ торжественную молитву о возстановленіи мира между двумя народами, исповѣдующими одно и тоже ученіе и братьями во Христѣ Іисусѣ, дабы анаѳемы произносимыя съ той и другой стороны въ продолженіе столькихъ вѣковъ не только противъ живыхъ, но и

противъ умершихъ, были изглажены немедленнымъ и искреннимъ примиреніемъ.

Ѳеоріанъ вручилъ эти два посланія императору, который въ свою очередь сообщилъ ихъ патріарху: оба они написали отвѣтъ Нерсесу—въ конфиденціальномъ письмѣ они хвалили православіе представителя армянской церкви и увѣряли его въ своемъ благорасположеніи; въ оффиціальномъ же посланіи они говорили, что его изложеніе догматовъ безупречно, но ученіе нужно излагать согласно съ тѣми же словами и съ тою же ясностію, какъ излагаетъ ихъ греческая церковь, дабы такимъ образомъ устранить всякое ложное толкованіе. Они просили созвать соборъ и на немъ произнести анаѳему противъ Евтихія, Севера и Діоскора, признать четвертый соборъ вселенскій, пѣть Трисвятое во имя Святой Троицы и слѣдовательно опустить сдѣланное въ немъ прибавленіе, а въ Евхаристіи относительно хлѣба и вина сообразоваться съ обычаями грековъ.

Ѳеоріанъ принесъ эти предложенія въ Арменію и въ 1172 г., прежде чѣмъ собрались епископы, долженствовавшіе объ нихъ разсуждать, во ожиданіи ихъ прибытія, Нерсесъ обратился къ наличнымъ епископамъ. Но эти послѣдніе, оскорбленные предложенными имъ въ повелительной формѣ условіями, высказали открытое сопротивленіе.

Армянская церковь считала себя правою: она имѣла своихъ представителей на трехъ первыхъ вселенскихъ соборахъ, исповѣдывала вѣру четырехъ послѣднихъ и не отвергала ихъ постановленій. Хотя армянская церковь не приняла четвертаго собора вслѣдствіе неосновательнаго предубѣжденія противъ православія отцевъ халкидонскаго собора, однако, несмотря на это, она неоднократно осуждала на своихъ помѣстныхъ соборахъ Евтихія, равно какъ Арія, Несторія и ихъ послѣдователей. Произнести вновь анаѳему, какъ необходимое условіе мира, представители армянской церкви, вѣроятно, находили лишнимъ. Относительно другихъ обстоятельствъ несогласія—въ Трисвятомъ и въ таинствѣ Евхаристіи, совершаемомъ у

нихъ на опрѣснокахъ и безъ прибавленія воды, Нерсесъ и его епископы не хотѣли допустить никакого измѣненія, не видя въ этомъ нисколько ереси.

Нерсесъ поэтому увѣдомилъ императора, что соборъ еще не состоялся и, слѣдовательно, онъ не можетъ ему дать отвѣта, но онъ просилъ императора явить себя болѣе склоннымъ къ миру и не раздѣляться за различіе въ обрядахъ, издревле принятыхъ въ армянской церкви.

Патріарху Нерсесу Благодатному не суждено было видѣть осуществленіе соединенія двухъ церквей—цѣль, которая ему стоила стольких заботъ и трудовъ; онъ умеръ въ 1173 г.

Преемникъ его, патріархъ Григорій IV, извѣстилъ императора о своемъ вступленіи въ первосвященство и засвидѣтельствовалъ ему желаніе продолжать сношеніе начатое и веденное съ такимъ рвеніемъ патріархомъ Нерсесомъ. Въ то же время онъ давалъ ему знать, что онъ никакъ не надѣется, чтобы соборъ могъ подчиниться условіямъ, предложеннымъ греками, что условія эти не относятся къ пунктамъ существеннымъ, что они служатъ только препятствіемъ къ соединенію обѣихъ сторонъ, что многіе члены армянскаго собора недостаточно просвѣщены и что ихъ нужно питать молокомъ, какъ малыхъ дѣтей. Такимъ образомъ по отношенію къ нимъ онъ заклиналъ императора обязать свое духовенство быть менѣе требовательнымъ и опустить изъ предложенныхъ условій все, что было несогласно съ древнимъ благочиніемъ армянской церкви.

Императоръ отвѣчалъ ему въ благосклонныхъ выраженіяхъ и увѣрялъ его въ своемъ содѣйствіи къ примиренію двухъ сторонъ.

Въ 1179 году, шесть лѣтъ спустя по смерти Нерсеса, въ патріаршей резиденціи въ Ром-Кла собрались, въ числѣ тридцати трехъ, главные армянскіе епископы. Къ нимъ присоединилось нѣсколько замѣчательныхъ мірянъ и епископовъ сирійскихъ и албанскихъ (азіатской Албаніи). По греческимъ документамъ, всѣ условія, изложенныя при жизни св. Нерсеса

греческимъ духовенствомъ, были разсмотрѣны въ Ром-Кла и, благодаря вліянію Нерсеса Ламбронскаго, архіепископа тарсійскаго [3]), всѣ были приняты.

Армянскіе писатели передаютъ дѣло иначе; какъ бы то ни было, извѣстно, что Нерсесъ Ламбронскій говорилъ на этомъ соборѣ въ духѣ примиренія. «Будемте безпристрастны и спросимте самихъ себя—для чего мы отдѣлились отъ грековъ и имѣемъ ли мы на то основаніе? Мы говоримъ «Христосъ былъ Богъ и человѣкъ,» греки говорятъ: «Іисусъ Христосъ имѣетъ два естества;» слѣдовательно, обѣ стороны выражаютъ одну и ту же мысль различными словами. Не имѣемъ ли мы предъ собою примѣръ святыхъ нашихъ предшественниковъ, патріарховъ Іоанна *Философа* и Эздра (Эздры), примѣръ Григорія нарекскаго и многихъ другихъ, которые всѣ проповѣдывали миръ между двумя церквами и признали тождественность ихъ догматовъ? Для чего мы забываемъ сношенія императора Мануила съ отцемъ нашимъ св. патріархомъ Нерсесомъ Благодатнымъ, котораго всѣ вы знаете? По его-то приглашенію мы стеклись здѣсь нынѣ. Правда, между нами были люди мало свѣдущіе, которые всегда поставляли препятствія къ миру и соединенію двухъ церквей; но да проститъ имъ Богъ. Мы же примемъ условія, которыя намъ предлагаетъ греческая церковь, старшая сестра нашей, условія, которыя не противны нашей совѣсти, примемъ ихъ во славу Божію!»

Соборъ въ Ром-Кла въ своемъ постановленіи изложилъ всѣ условія и утвердилъ, найдя ихъ вполнѣ правильными. Постановленіе это было подписано всѣми епископами и послано къ императору Мануилу и патріарху константинопольскому Ѳеодосію, преемнику Михаила. Армянскіе епископы, повѣствуя обо всемъ происшедшемъ на этомъ соборѣ, приступаютъ къ подробному изложенію догматовъ своей церкви по Нерсесу Благодатному; они приводятъ имена всѣхъ епископовъ, присутствовавшихъ отъ имени армянской церкви на трехъ пер-

[3]) См. *Православное Обозрѣніе*, № 6, 1865 „Синодальное слово Нерсеса Ламбронскаго, архіепископа тарсійскаго“.

выхъ вселенскихъ соборахъ, равно какъ и на шестомъ и седьмомъ, торжественно признаютъ три первые собора, принимая ихъ постановленія, преходятъ молчаніемъ пятый, шестой и седьмой соборы. Въ этомъ посланіи они произнесли анаѳему на Арія, Македонія, Несторія и Евтихія, не говоря однакожъ о томъ, что они признаютъ соборъ халкидонскій, осудившій Евтихія. Они излагаютъ подробно ученіе отцевъ церкви о двухъ естествахъ въ Христѣ. «Мы признаемъ, говорятъ отцы собора въ Ром-Кла, и искренно раздѣляемъ вѣру святыхъ отцевъ, которые, говоря о естествѣ Христа, понимали подъ этимъ *не одно естество*, но *два естества* въ Іисусѣ Христѣ, соединенныя, но не сліянныя, которыя, по дѣйствію и волѣ, производили дѣла иногда божескія, иногда человѣческія, въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ да вѣдомо будетъ, что мы принимаемъ ученіе св. отцевъ; мы отъ всего сердца увѣрены въ истинѣ того, что мы утверждаемъ о вѣрѣ нашей церкви и свидѣтельствуемъ гласно предъ греческою церковью. Мы ясно видимъ, что Богу угодно чрезъ васъ уничтожить укоренившуюся ненависть между двумя церквами и замѣнить это чувство чувствомъ мира. Весь нашъ соборъ отдаетъ честь глубокому нашему богословскому познанію и провозглашаетъ, что вполнѣ согласно съ преданіемъ святыхъ отцевъ. Ваша мудрость не нуждается въ другомъ увѣреніи съ нашей стороны, чтобъ уразумѣть православіе нашей вѣры; но мы желаемъ черезъ это наше посланіе дать мудрости мудрыхъ возможность понять причину нашего согласія и единомыслія съ православными— чему доказательство представляемъ мы здѣсь. Отстраните тѣхъ, которые по ненависти хотѣли бы возстановить васъ противъ нашей вѣры, ибо такіе далеки отъ истины. Наша совѣсть служитъ намъ вѣрнымъ ручательствомъ противъ ереси, но да падетъ непримиримая ненависть на главу падшаго ангела, а къ намъ, братьямъ вашимъ, укрѣпите миръ и любовь ближняго, и Богъ мира и любви да будетъ съ вами. Аминь.»

Это Ром-Клайское соборное посланіе подписано тридцатью

тремя епископами. Рядомъ съ подписью двухъ патріарховъ—Григорія IV армянскаго и Стефана албанскаго, находятся подписи епископовъ главныхъ городовъ Арменіи: Ани, Думна, Эдессы и Карса, равно какъ и киликійскаго, антіохійскаго, іерусалимскаго и кесарійскаго. Ясно, что вся армянская церковь принимала участіе въ Ром-Клайскомъ соборѣ; на немъ она высказала единодушно и формально, хотя и не словами греческой церкви, но съ самымъ добрымъ желаніемъ, свое стремленіе къ соединенію обѣихъ церквей.

Къ несчастію, это посланіе не достигло мѣста своего назначенія. Послы, которые должны были вручить его императору, съ трудомъ дошли до Кесарін. Смуты и войны въ Малой Азіи, произведенныя прибытіемъ Крестоносцевъ, принудили ихъ возвратиться въ Ром-Кла, къ крайнему прискорбію патріарха Григорія. Вскорѣ послѣ того, въ 1181 г. смерть императора положила конецъ всѣмъ сношеніямъ между двумя церквами, и миръ, который, казалось, былъ заключенъ, остался неутвержденнымъ. Это—четвертый періодъ исторіи армянской церкви.

IV.

Съ этого времени въ Арменіи, преданной опустошенію невѣрныхъ, каѳоликосъ долженъ былъ переносить изъ города въ городъ свою патріаршую каѳедру, чтобы избѣжать ихъ преслѣдованій и тиранніи. Армянскіе цари изъ династіи Рубенидовъ, завладѣвшіе Киликіею, часто были вынуждаемы просить покровительства посредствомъ папъ у западныхъ государей, и среди возмущеній, колебавшихъ ихъ области, часто пренебрегали дѣлами вѣры.

Со втораго крестоваго похода сношенія между папами и киликійскими армянскими царями становятся чаще и чаще. Великая Арменія, завоеванная турками и монголами, предана была опустошенію.

Трудно понять, какимъ образомъ армянская церковь, предоставленная самой себѣ, среди безконечныхъ переворотовъ могла сохранить свое единство и восторжествовать наконецъ,

несмотря на многіе вѣка войнъ и угнетеній со стороны невѣрныхъ. Безсильные киликійскіе государи поставлены были въ необходимость обращаться къ папамъ, ибо греческая имперія, приближавшаяся почти къ разрушенію, близкая уже къ паденію, не была въ состояніи дать имъ ни малѣйшей помощи. Папы—свидѣтели бѣдственной участи армянскихъ царей, пытались присоединить армянскую церковь къ латинской. Нѣкоторые изъ этихъ царей составили актъ соединенія съ римскимъ престоломъ, именно Хетумъ въ 1288 г., который хотѣлъ пріобрѣсть благорасположеніе папъ Николая IV и Бонифатія VIII, надѣясь чрезъ то получить помощь отъ западныхъ государей.

Царь Ошинъ обѣщалъ папѣ Іоанну XXII соединить армянскую церковь съ римскою, къ которой присоединился онъ въ 1320 г. Римскій первосвященникъ послалъ миссіонеровъ, первымъ изъ которыхъ былъ Варѳоломей болонскій, по всей Арменіи съ предложеніемъ народу и армянскимъ епископамъ присоединиться къ римскому престолу. Старанія эти оказались безсильными и послы его склонили только нѣсколько деревень въ Киликіи. Въ Нахичеванѣ (старомъ) основалась миссія доминиканцевъ, начальникъ которой принялъ титулъ архіепископа армяно-унитовъ (унитовъ). Большая часть народа объявила прямую оппозицію противъ всѣхъ этихъ попытокъ, и одинъ изъ послѣднихъ царей армянскихъ, Константинъ III, былъ умерщвленъ за то, что хотѣлъ ввести въ своей церкви латинскіе обряды. Наконецъ царь армянскій въ Киликіи, Леонъ VI, изъ дома Лусиніановъ, будучи принужденъ покинуть свое государство, которымъ овладѣли египтяне, удалился во Францію, гдѣ онъ напрасно искалъ помощи, при которой могъ бы возвратить себѣ свой престолъ. Онъ прожилъ во Франціи пятнадцать лѣтъ и умеръ въ Парижѣ въ 1393 г.

Около этого времени многіе изъ армянъ, видя свое отечество преданнымъ безначалію, стали переселяться и разсѣяваться по разнымъ странамъ—по Анатоліи, Египту, Индіи, Константинополю, по берегамъ Чернаго моря, по нѣкоторымъ го-

родамъ южной Россіи и Польши. Въ 1440 г. каѳедра патріаршая была снова перенесена въ Эчміадзинъ, и въ это именно время многія тысячи армянъ возвратились въ нѣдра своей древней церкви. Но въ 1666 г. поселившіеся въ Галиціи армяне, увлеченные іезуитами, приняли снова католицизмъ. Папа Иннокентій XII къ концу XVII вѣка послалъ миссіонеровъ въ Польшу, въ города Азіи для привлеченія къ католицизму армянъ; но пропаганда эта имѣла успѣхъ только между жителями Трепизонда, Эрзерума, Алеппо и нѣсколькими прилежащими къ этимъ городамъ селеніями. Наконецъ въ 1717 г. неутомимый архимандритъ Мхитаръ основалъ недалеко отъ Венеціи, на островѣ св. Лазаря, монастырь, извѣстный теперь ученостью своихъ монаховъ, число которыхъ доходитъ до сотни. Въ этомъ монастырѣ находится армянская академія и семинарія, куда имѣютъ доступъ только дѣти армяно-католиковъ, предназначающіе себя къ духовному званію. Въ Вѣнѣ есть также монастырь, принадлежащій Мхитаристамъ, съ обширной великолѣпной типографіею.—Существуютъ два католическіе армянскіе монастыря на Ливанѣ, въ которыхъ живутъ монахи, но въ большой бѣдности. Они основаны въ 1724 г. Авраамомъ, архимандритомъ трепизондскимъ, который, желая укрыться отъ преслѣдованій константинопольскаго армянскаго патріарха, перешелъ въ римскую церковь и утвердился на Ливанѣ.

Архимандритъ Авраамъ былъ посвященъ въ епископа въ Римѣ и названъ архіепископомъ всѣхъ армянъ на Востокѣ.

Въ Галиціи въ городѣ Лембергѣ (Львовѣ) и въ Турціи, въ Константинополѣ, армяне-католики имѣютъ свои церкви. Въ Россіи было католическое армянское епископство въ Могилевѣ; но по смерти епископа Іосифа не былъ назначенъ ему преемникъ, и нѣсколько армянъ-католиковъ этой епархіи зависятъ теперь отъ ближайшаго къ этому городу католическаго епископа.

Армяне-католики, разсѣянные въ Италіи, Польшѣ, Галиціи и Франціи, не имѣютъ почти церквей. Несмотря на всѣ ихъ

усилія, имъ не удается имѣть много прозелитовъ, и вотъ по какой причинѣ: чтобы церкви могли соединяться и между ними могло произойти слiяніе—простое различіе въ церемоніяхъ и въ нѣкоторыхъ словахъ можетъ быть легко устранено, какъ это и было сдѣлано на соборѣ въ Ром-Кла. Но измѣнить вѣру въ исхожденіе Св. Духа значило бы впасть въ ересь. Св. Евхаристію предлагать только подъ видомъ хлѣба вмѣсто двухъ видовъ, измѣнить порядокъ въ литургіи, открыть престолъ, который закрываетъ таинственно вся восточная церковь во время приношенія святой жертвы, наложить безбрачіе на бѣлое духовенство, все это предметы, изъ которыхъ каждый, отдѣльно взятый, составляетъ важную разницу.

Число армяно-католиковъ въ Россіи доходитъ до 15,000 человѣкъ обоего пола.—Армянъ Григоріанъ, или принадлежащихъ восточной армянской церкви, въ этой же странѣ считается до 400,000. По примѣру своихъ соотечественниковъ, находящихся въ Индіи, имѣющихъ своего духовнаго главу въ эчміадзинскомъ каѳоликосѣ, армяне въ Іерусалимѣ, Константинополѣ и въ Сисѣ тоже признаютъ каѳоликоса, хотя у нихъ въ этихъ городахъ есть епископы, которые носятъ титулъ *патріарховъ*. Титулъ этотъ есть титулъ почетный и не даетъ имъ даже права поставлять въ епископы; ибо одинъ только каѳоликосъ эчміадзинскій имѣетъ власть совершать рукоположеніе въ епископы и освящать св. муро, которое отъ него получаютъ всѣ существующія армянскія церкви. Это право, исключительно принадлежащее эчміадзинскому первосвященнику, обусловливаетъ единство армянской церкви, поддерживаетъ ея нравственную силу и сохраняетъ у этого народа посредствомъ единства вѣры его національность.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ У ГРЕКОВЪ

СО ВРЕМЕНИ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ ДО НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Почти непроницаемая завѣса, которая опустилась на грековъ и едва не совсѣмъ закрыла ихъ отъ остальнаго міра со времени взятія Константинополя турками 29 мая 1453 г., въ настоящее время начинаетъ понемногу приподниматься. Въ свободныхъ Аѳинахъ греческіе ученые, съ усердною и достойною всякихъ похвалъ ревностію, наконецъ принимаются за изслѣдованіе темнаго прошедшаго своего несчастнаго народа.

Въ настоящее время у насъ предъ глазами Νεοελλινική Φιλολογία, книга г. Саты, напечатанная въ Аѳинахъ въ 1868 г. [1]). Трудъ г. Саты есть совершенно тоже, что наши русскіе словари писателей митр. Евгенія и архіеп. Филарета, только писателей не одного духовнаго, а и свѣтскаго чина или всякаго званія. Какъ всякое произведеніе человѣческое, притомъ пред-

---

[1]) Полное заглавіе книги: Νεοελλινική Φιλολογία. Βιογραφιαι τῶν ἐν τοῖς γράμμασι διαλαμψάντων Ἑλλήνων, ἀπὸ της καταλύσεως τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας μέχρι τῆς ἐλληνικῆς ἀνεγερσίας (1453—1821). Σύγγραμμα Κωνσταντίνου Ν. Σάθα, βραβευθεν ἐν τῷ φιλολογικῷ διαγωνισμῷ τῷ 1867 Ἐν Ἀθήναις, 1868. 8⁰, 761 стр Искреннею и глубокою благодарностію за доставленіе этой книги мы обязаны извѣстному нашему ученому В. И Григоровичу.

ставляющее почти первый опытъ въ своемъ родѣ [2]), библіографія г. Саты не свободна отъ недостатковъ, но тѣмъ не менѣе она доставляетъ столь многое, что на первый разъ можно совершенно удовольствоваться и принести автору искреннюю благодарность.

Такимъ образомъ одна сторона просвѣщенія греческаго за указанный нами періодъ времени стала для насъ теперь достаточно извѣстною. Остается пожелать, чтобы стала извѣстною и другая сторона. Занимаясь писателями, г. Сата сообщаетъ весьма мало свѣдѣній объ училищахъ греческихъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ народѣ.

Вызванные къ написанію настоящей статьи книгою г. Саты и побуждаемые желаніемъ, насколько можемъ, содѣйствовать ближайшему ознакомленію русскихъ читающихъ людей съ народомъ греческимъ, мы скажемъ въ ней: 1) о школахъ греческихъ; 2) объ ученыхъ или писателяхъ. Такъ какъ для перваго отдѣла мы не имѣемъ одного общаго руководства, то представимъ въ немъ свѣдѣнія, которыя въ разныхъ мѣстахъ намъ удалось собрать по частямъ.

I.

ШКОЛЫ.

Отсутствіе школъ высшихъ. — Школы средніе: Константинопольская патріаршая, Артская, Хіосская, Янинская, Московопольская, Ваѳопедская Аѳонская, Смирнская и другія.—Характеръ преподаванія въ среднихъ школахъ.—Школы низшія: давнее ихъ существованіе; достаточное количество; ихъ описаніе.

Мы и до настоящаго времени имѣемъ о грекахъ весьма смутныя и невѣрныя представленія. Мы расположены пред-

---

[2]) Сколько знаемъ, совершенно первыми опытами должны быть признаны: 1) Ἑλληνικὴ Βιβλιοθήκη Аноима Гази, которой мы не имѣемъ въ рукахъ и о которой см. ниже въ исторіи греческаго просвѣщенія и 2) Νεοελληνικὴ Φιλολογία г. Андрея Пападопула Врето, напечатанная въ двухъ частяхъ въ Аѳинахъ въ 1854—1857 г., которая представляетъ хронологическую роспись греческихъ печатныхъ книгъ и на концѣ которой присоединены краткія біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, которыхъ сочиненія были напечатаны.

ставлять дѣло такъ, что у грековъ подъ игомъ турецкимъ совершенно не было школъ и что только монахи въ стѣнахъ монастырей кое-какъ поддерживали грамотность. Это оказывается совершенно несправедливымъ. Высшихъ училищъ, университетовъ и академій, до основанія королевства [3]) дѣйствительно у грековъ не было, потому что подобныя дорогія заведенія могутъ быть учреждаемы только на средства цѣлыхъ государствъ, а не отдѣльныхъ городовъ и общинъ или частныхъ лицъ. Но тѣмъ не менѣе и относительно высшаго образованія греки не чувствовали особеннаго стѣсненія; отъ нихъ весьма недалека была Италія съ своими университетами, ближайшимъ изъ которыхъ былъ Падуанскій, и всѣ, кто хотѣлъ получить высшее образованіе, могли отправляться въ нихъ съ удобствомъ. Что же касается до школъ среднихъ или гимназій, не говоримъ о низшихъ, то города и общины или даже частныя лица находили средства основывать ихъ, вслѣдствіе чего онѣ и существовали у грековъ въ достаточномъ числѣ.

Нужно еще сказать, что у грековъ оставался въ силѣ древній обычай частнаго обученія. Находившійся въ Константинополѣ въ качествѣ пастора при одномъ посольствѣ Герлахій писалъ отъ 1576 г. въ Германію: «нѣкоторые (изъ грековъ) ходятъ въ академіи Италіи, въ которыхъ изучаютъ древній языкъ, начала философіи и отцовъ, также богословію. Возвратившись домой, они учатъ другихъ, какъ наприм. здѣсь (въ Константинополѣ) нѣкоторый медикъ Леонардъ Хіосскій изъясняетъ патріарху и другимъ монахамъ комментарій Аммонія на органонъ Аристотеля, между тѣмъ какъ риторъ (патріархіи, Іоаннъ Зимогала, отецъ Ѳеодосія) изъясняетъ Гермогена и Гезіода. Если (учители) получаютъ плату, то незначительную» [4]). Мартинъ Крузій пишетъ о патр. Іереміи: «такъ какъ никого нѣтъ (въ Константинополѣ), кто бы училъ юно-

[3]) До аѳинскаго университета, учрежденнаго 1839 г.

[4]) Turcogr. Крузія, p. 205 прим. oct.

шей свободнымъ наукамъ: то (патріархъ) не красивѣетъ въ зрѣломъ возрастѣ слушать діалектику, реторику и поэтику у ритора своего Іоанна Зигомалы, который почерпнулъ нѣкоторыя познанія въ сихъ наукахъ много лѣтъ тому назадъ въ Падуѣ» [5]).

Обращаемся къ школамъ.

До взятія Константинополя турками продолжала существовать публичная школа, основанная еще императоромъ Ѳеодосіемъ младшимъ въ 425 г. [6]), сгорѣвшая вмѣстѣ съ своею огромною библіотекою [7]) при императорѣ Львѣ Исаврѣ [8]), возстановленная при императорѣ Ѳеофилѣ [9]), приведенная въ цвѣтущее состояніе при императорѣ Михаилѣ III дядею сего послѣдняго Вардою [10]), упоминаемая и въ позднѣйшія царствованія [11]).

---

[5]) Ibid. Между частными учителями первой половины XVI вѣка у Саты указывается какъ особенно знаменитый, Ѳома, въ монашествѣ Ѳеофанъ, Елеавулкъ, который преподавалъ въ Константинополѣ и изъ учениковъ котораго не менѣе десяти были послѣ архіереями.

[6]) Cod. Theodos. lib. XVI, tit. IX. 8, Вебера Commentatio p. 6 prim. По Шлоссеру, Geschichte der bildelsturmenden Kaiser, Francfurt an Main, 1812, s. 163, она была основана впервые императ. Зенономъ (474—491)

[7]) Восходившею до 30 слишкомъ тысячъ томовъ, Дюканжа Constantinop. Christ lib. II p. 151.

[8]) Обвиненіе византійцевъ на Льва Исавра, будто онъ сжегъ школу намѣренно, за сопротивленіе ея учителей его иконоборческимъ мыслямъ (Амартолъ по изд. Муральта стр. 634 и другіе), новыми учеными не признается за справедливое.

[9]) Scriptores post Theophanem pp. 115 sqq, 450 и 523, Амартолъ по изд. Муральта стр. 712, Шлоссеръ ibid. s. 495.

[10]) Scriptores post Theophan, p. 119.

[11]) Дюканжа Constantinop. Christ. lib. 11, p. 151. Передъ взятіемъ Константинополя въ ней были учителями — Маркъ Евгеникъ, въ послѣдствіи митрополитъ ефесскій (Сата 12), Матѳей Камаріота, написавшій между прочимъ Συνοπτικὴν παράδοσιν τῆς ῥητορικῆς (Fabric. Biblioth. Gr. IV, 475, Сата ibid.), и Геннадій Схоларій, въ послѣдствіи патріархъ константинопольскій (Fabric.: Biblioth. Gr. X, 375 и 769 fin.). Кромѣ школы константинопольской, упоминаются и нѣкоторыя другія школы, существовавшія при каѳедрахъ епископскихъ: антіохійская, кесарійская и едесская въ Сиріи, низибійская въ Месопотаміи, кесарійская и ринокорурская въ Палестинѣ. Но изъ этихъ школъ, сколько

Вскорѣ по взятіи Константинополя становится извѣстною: 1) *Патріаршая школа Константинопольская*, открытая патріархомъ Геннадіемъ Схоларіемъ [12]).

Первоначально она заведена была, можетъ быть, и по сознанію нужды въ ней, именно съ цѣлію приготовленія образованныхъ людей на архіерейскія каѳедры, но послѣ Геннадія,—нѣтъ сомнѣнія, главнымъ образомъ въ слѣдствіе замѣшательствъ, постоянно происходившихъ на патріаршей каѳедрѣ, она долгое время существовала въ такомъ видѣ, что вовсе не удовлетворяла нуждѣ и служила только къ напоминанію о прежде бывшей школѣ императорской. Помянутый выше Герлахій между 1578 и 1581 годами сообщалъ Крузію изъ Константинополя о патріаршей школѣ: «(Манулъ Малаксъ) уже довольно старъ; учитъ дѣтей и юношей греческихъ въ тѣсной и бѣдной хижинѣ близъ патріархіи; епиттася сушеными рыбами, которыя развѣшаны у него въ жилищѣ, промышляетъ переписываніемъ книгъ за плату.» [13]) Это состояніе училища, съ помѣщеніемъ въ бѣдной хижинѣ или лачугѣ, съ однимъ бѣднымъ учителемъ для ученія, который притомъ долженъ былъ пропитываться посторонними трудами, вѣроятно, было нормальнымъ его состояніемъ долгое время прежде и долгое время потомъ. Послѣ 1626 г. на нѣкоторое время школа даже совсѣмъ прекращала свое жалкое суще-

---

знаемъ, должна быть понимаема въ смыслѣ публичнаго организованнаго заведенія только школа низибійская (о которой см. Неандера Allgem. Gesch. d. christl. Religion und Kirche, 4 Aufl. III, 228 прим. 4). Еретики несторіане, которымъ принадлежала эта школа, устроили ее по образцу константинопольской, нѣтъ сомнѣнія, потому, что отдѣлившись отъ православныхъ не только въ вѣрѣ, но съ удаленіемъ въ Персію и въ отношеніи государственномъ, они представляли изъ себя какъ бы особое и новое греческое государство. О школахъ антіохійской, едесской и кесарійской въ Палестинѣ см. въ статьяхъ: „св. Памфилъ пресвитеръ“ и „св. Лукіанъ пресвитеръ“, помѣщенныхъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“, 1861 г. №№ 26 и 38.

[12]) Сата стр. 61. Объ этой школѣ есть особое сочиненіе Константина патріарха константинопольскаго: Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχικῆς σχολῆς, но мы не имѣемъ его подъ руками.

[13]) Turcogr. p. 185. нач.

ствованіе; по крайней мѣрѣ послѣ указаннаго года, подъ которымъ она упоминается, какъ существующая, патріархъ іерусалимскій Досиѳей въ своей исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ пишетъ, [14]) что предшественникъ его патріархъ Нектарій, пришедъ въ 1661 г. въ Константинополь, былъ виновникомъ того, что одинъ богатый и знатный грекъ [15]) по имени Манолаки, родомъ Касторіецъ, завелъ школы въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ. Распространенная или улучшенная въ концѣ того же XVII вѣка извѣстнымъ Александромъ Маврокордато, [16]) школа со времени своего возобновленія Манолакіемъ, какъ кажется, осталась существовать на все послѣдующее время. Начиная съ половины XVII вѣка, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ по временамъ она имѣла не только хорошихъ, но даже и знаменитыхъ учителей. Изъ нихъ особенно извѣстны: 1) Ѳеодоръ Коридаллей, который былъ назначенъ въ схолархи или ея начальники патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ въ 1626 г., который извѣстенъ своимъ отличнымъ философскимъ образованіемъ и тѣмъ, что первый ознакомилъ грековъ съ новыми философскими изслѣдованіями, но который въ то же время держался лютеро-кальвинскаго образа мыслей, за что и былъ осужденъ; [17]) 2) Іоаннъ Кариофиллъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Коридаллея, бывшій его преемникомъ въ должности схоларха школы, которую со славою занималъ въ продолженіе 18 лѣтъ (1646—64), но также извѣстный своимъ лютеро-кальвинскимъ образомъ мыслей; [18]) 3) Гавріилъ Власій или Гавріилъ Власьевъ, въ послѣд-

---

[14]) По печат. изд. въ Бухарестѣ 1715 г., стр. 1177 и 1209.

[15]) Архонтъ, ibid. стр. 1213. fin.

[16]) Димитрій Прокопій въ статьѣ De eruditis Graecis утверждаетъ, что Александромъ Маврокордатомъ заведена была въ Константинополѣ новая школа, Fabr. Biblioth. Gr., Ed. Hamb, XI, 775. Мы полагаемъ, что онъ разумѣетъ здѣсь какое нибудь улучшеніе, сдѣланное Маврокордатомъ въ устройствѣ школы.

[17]) Сата 259, Врето 11, 285, патр. Досиѳей 1171 fin. и Димитрій Прокоп. у Фабр. XI, 777.

[18]) Сата 374, Врето I, 205, Мелет. Аѳинск. Ист. III, 488.

ствіи митрополитъ Навлактскій, прославлявшійся современными греками какъ знаменитый богословъ, настоятельно рекомендованный ими русскимъ, въ 1651 г. пріѣзжавшій въ Москву «для богословскаго ученія,» но въ Москвѣ не оставленный, т.-е. вѣроятно чѣмъ нибудь не понравившійся; [19]) 4) Александръ Маврокордато, съ 1665 г. преемникъ Каріофилла въ схолархіи школы, въ 1673 г. сдѣланный на мѣсто извѣстнаго Панагіота Никусія великимъ драгоманомъ Порты, извѣстный какъ своимъ собственнымъ отличнымъ образованіемъ, такъ и образованіемъ своихъ дѣтей; 5) Севастъ Кименитъ, преемникъ въ схолархіи А. Маврокордато и извѣстный тѣмъ, что составилъ систему Догматическаго Богословія подъ заглавіемъ: Δογματικὴ διδασκαλία τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας. [20]) Изъ учителей XVIII вѣка особенно могутъ быть названы: 1) Иліи Минятій, который занималъ должность учителя въ продолженіе 7 лѣтъ въ самомъ началѣ этого вѣка и который въ свое время славился какъ самый блестящій церковный проповѣдникъ; [21]) 2) Евгеній Булгарисъ, который занималъ должность ректора въ продолженіе двухъ лѣтъ съ 1760 года и который извѣстенъ своимъ энциклопедическимъ образованіемъ [22]).

2 и 3) Послѣ школы Константинопольской, старшими по времени открытія были школы *Хіосская* и *Артская*. По свидѣтельству патріарха іерусалимскаго Досиѳея, обѣ онѣ были основаны, при содѣйствіи патріарха іерусалимскаго Нектарія въ 1661 г. Манолакіемъ Касторійцемъ, о которомъ

---

[19]) Сата 302. Снош. съ Вост. Муравьева II, 229, ч. III рукописн. въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. лл. 542, 693 и 699.

[20]) Сата 377, Врето I, 212, Димтрій Прокоп. у Фабр. XI, 782.

[21]) Врето I, 225. Сата 394.

[22]) Рубана „Московскій любопытный мѣсяцесловъ на 1776 г.“ стр. 174, гдѣ напечатанъ послужной списокъ Евгенія, очевидно сообщенный Рубану имъ самимъ; Врето II, 250, Сата 566.—Подробный списокъ учителей Константинопольской школы, безъ указанія впрочемъ времени, въ сочиненіи патріарха константинопольскаго Константія: Κωνσταντινιας παλαιὰ τε καὶ νέα (Κωνσταντινούπ., 1844), стр. 146. примѣч.

упоминали мы выше. [23]) Мы имѣемъ мало свѣдѣній о школѣ Артской. [24]) Но что касается до школы Хіосской, то однимъ изъ первыхъ наставниковъ въ ней былъ Георгій Коресій, знаменитый богословъ своего времени, извѣстный своей ревностной защитой православія противъ лютеранства и особенно папства и между многими другими сочиненіями написавшій систему богословія (Θεολογίας Συνταγμα). [25]) Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, когда схолархомъ былъ іеромонахъ Аѳанасій Паросскій, одинъ изъ усерднѣйшихъ между учителями и одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ греческихъ ученыхъ, школа Хіосская снова находилась въ цвѣтущемъ состояніи. [26]) Въ началѣ настоящаго столѣтія школа, вѣроятно, была на недолгое время закрываема, потому что подъ 1815 г. говорится о новомъ ея открытіи. [27])

4) Почти современною по времени открытія школамъ Артской и Хіосской была *школа Янинская*, основанная какимъ-то Γιουμα, вѣроятно, однимъ изъ богатыхъ янинскихъ купцовъ. [28]) Такъ какъ Янина есть издавна богатый и торговый городъ и здѣшніе купцы могли дороже платить учителямъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а слѣдовательно и нанимать учителей по выбору лучшихъ: то школа Янинская, сравнительно съ другими школами, почти постоянно находилась въ цвѣтущемъ состояніи и, какъ кажется, славилась между греками даже болѣе, чѣмъ школа Константинопольская. Однимъ изъ

---

[23]) Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ, стр. 1177 и 1213 fin.

[24]) Дмитрій Прокоп. у Фабр. XI, 783, Врето I, 183 и II. 248.

[25]) Сата 247. Врето I, 209, у Мелет. Аѳинск. въ Ист. III. 488 примѣч., Досиѳей стр. 1178.

[26]) Сата 632 fin., Врето I. 172 и II. 252.

[27]) У Саты 729.

[28]) Мелетій Ист. III., 488. Время основанія школы опредѣляется тѣмъ, что іеромонахъ Виссаріонъ Макрисъ, занявшій въ ней должность учителя вскорѣ послѣ ея основанія, въ константинопольской школѣ былъ ученикомъ Александра Маврокордата, Мелет. ibid.—Объ основателяхъ школы Евгеній Булгарисъ говоритъ, что они были предки господъ Маруціевъ (Рубана „Любопытн. мѣсяцесловъ на 1776 г.“. стр. 173).

первыхъ учителей въ этой школѣ былъ іеромонахъ Виссаріонъ Макрисъ, извѣстный тѣмъ, что написалъ греческую грамматику (Σταχνολογία τεχνολογική), которая замѣнила собою бывшія дотолѣ въ употребленіи грамматики Гази, и Ласкаря и «Пространное православное богословіе» [29]) подъ заглавіемъ: Εισαγωγική ἔκθεσις περὶ τῶν τριῶν μεγίστων ἀρετῶν Πίστεως, Ἐλπίδος καί Ἀγάπης. [30]) Изъ учителей послѣдующаго времени могутъ быть названы: 1) іеромонахъ Меѳодій Антракитисъ (до 1723 г.) извѣстный тѣмъ, что желая преподавать новую философію, перевелъ на греческій языкъ Мальбранша, Декарта и другихъ и что этимъ нововведеніемъ возбудилъ противъ себя «бурю гнѣва со стороны всѣхъ учителей Ѳессаліи и Македоніи,» горячихъ защитниковъ Аристотеля; [31]) 2) Мелетій Аѳинскій, родомъ Янинецъ, написавшій церковную исторію (до 1692 г.); [32]) 3) Евгеній Булгарисъ, занимавшій должность ректора съ 1742 по 1753 г. [33]).

5) За школою Янинскою слѣдуетъ *Академія Москопольская*. Городъ Москополь или Воскополь, въ настоящее время существующій только въ бѣдныхъ остаткахъ, находился въ средней Албаніи, въ области Шкипстарской такъ называемой Музакіи, въ направленіи на югъ отъ Охридскаго озера, въ 3 часахъ на западъ отъ г. Горицы или Горчи. [34]) Будучи основанъ, по словамъ Пуквиля, [35]) въ XI столѣтіи на развалинахъ древняго города Музея, такъ называемыми Куцо-Влахами, т.-е. эллинизованными валахами балканскаго полуострова, народомъ дѣятельнымъ и экономнымъ, Москополь въ концѣ

---

[29]) Мелет. Аѳинск. III, 488.

[30]) Сата 384, Врето II, 246, Мелет. Аѳинск. ibid., Дмитрій Прокоп. у Фабр. XI, 781.

[31]) Сата 435, Врето I, 183 и II, 248.

[32]) Сата 390, Врето I, 221.

[33]) Рубана „Московск. любопытн. мѣсяцесловъ на 1776 г.“ стр. 173, Врето I, 184 и II, 249, Сата 567.

[34]) Puqueville, Voyage de la Grèce, 2 ed. III, 45, греческ. журн. Πανδώρα 1859 г. № 219, стр. 69 примѣч.

[35]) Ibid. и I, 380.

XVII—началѣ XVIII вѣка, въ слѣдствіе своей торговли, пришелъ въ цвѣтущее состояніе, такъ что въ половинѣ прошедшаго столѣтія его населеніе достигало до 40,000 душъ. [36]) Но въ концѣ того же столѣтія постигла несчастный городъ и катастрофа. Объ его разрушеніи Пуквиль говоритъ: «магометанскія орды областей Дагли и Кавлоніи подали первый сигналъ бѣдствіямъ, начавъ грабить и истреблять караваны, которые посѣщали рынки Воскополя. Съ своей стороны турецкіе беи (помѣщики, землевладѣльцы) Музакіи, подъ предлогомъ помочь обижаемымъ подданнымъ великаго господина, поставили гарнизонъ въ городъ, и послѣ десяти лѣтъ опустошенія, грабительствъ и войнъ, Воскополь исчезъ съ лица Албаніи. Двѣсти хижинъ, обитаемыхъ бѣдными пастухами, составляютъ все, что осталось отъ этого города.» [37]) Итакъ въ этомъ-то Москополѣ, въ концѣ XVII вѣка, и открыта была средняя греческая школа, о которой есть даже особое сочиненіе, къ сожалѣнію, остающееся въ рукописи. [38]) Не довольствуясь простымъ названіемъ школы или гимназіи, какъ обыкновенно назывались среднія греческія училища, и вѣроятно произведши въ устройствѣ школы возможныя улучшенія, москопольцы передъ 1744 г. возвели свою школу въ академію, съ каковымъ названіемъ она, если не ошибаемся, и существовала до грозы, разразившейся надъ городомъ. О внутреннемъ устройствѣ школы и о томъ, чѣмъ она въ этомъ устройствѣ притязала на названіе Академіи, къ сожалѣнію, пока мы ничего не знаемъ. Изъ учителей москопольскихъ из-

---

[36]) Puquev. ibid. III, 45.

[37]) Ibid. III, 46. Т. Сата въ сочиненіи Τερκοκρατουμένη Ἑλλάς, Αθην., 1869, стр. 495 fin. приписываетъ разрушеніе Москополя мщенію турокъ по случаю возстанія грековъ въ войну Турціи съ Россіей 1768—1774 г. Онъ говоритъ: „Тотчасъ по полученіи свѣдѣній о возстаніи грековъ турки бѣшеннымъ образомъ начали отмщеніе на другихъ невинныхъ христіанахъ. Трикка была вызжена и разграблена торговый и цвѣтущій Москополь тотчасъ превращенъ въ развалины, старшины Филиппопольскіе подверглись истязаніямъ“ и пр.

[38]) Περὶ τῆς ἐν Μοσχοπόλει Ακαδημίας—Θεодора Анастасія Каваліота († ок. 1786 Сата 496.

вѣстны: 1) іеромонахъ Хризанѳъ, бывшій схолархомъ въ концѣ XVII вѣка; [39]) 2) Севастъ, называемый епистатомъ новой Москопольской Академіи подъ 1744; [40]) 3) Григорій Константинидисъ іеромонахъ, учитель, родомъ Москополецъ, упоминаемый одновременно съ предшествующимъ; [41]) 4) Ѳеодоръ Анастасій Каваліотъ, т.-е. уроженецъ города Кавалы, бывшій ученикомъ Евгенія Булгариса въ школахъ Янинской и Козанской и потомъ (послѣ 1753 г.) бывшій схолархомъ въ нашей школѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ и написавшій ея исторію, о которой упоминали мы выше. [42])

Не довольствуясь школой, москопольцы завели въ своемъ городѣ особую греческую типографію, которая, если не ошибается Сата, [43]) была открыта прежде 1735 г. и которая, если не ошибаемся мы сами, прекратила свою дѣятельность прежде 1775 г. [44])

Москопольскіе ученые и москопольская типографія имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ древней славянской наукѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе близости Москополя къ Охридѣ, которая тогда считалась главнымъ мѣстомъ дѣятельности учениковъ Константина и Меѳодія, славянскихъ первоучителей (а отчасти и ихъ самихъ), или, можетъ быть, потому, что въ своемъ нѣсколько замечтавшемся воображеніи москопольцы принимали свой собственный городъ за древнюю первую Юстиніану [45]), они напечатали въ своей типографіи и сами написали нѣсколько житій такъ-называемыхъ «седмичисленниковъ» и нѣсколько службъ имъ; именно въ настоящее время извѣстны какъ напечатанныя и написанныя ими: 1) пространное греческое житіе Кли-

---

[39]) Дмитрій Прокоп. у Фабр. XI, 783 n. XXXIX.

[40]) Врето II. № 98.

[41]) Ibid. и „Русской Бесѣды“ 1849 г. кн. 2, Науки, стр. 127 sqq.

[42]) Сата 495.

[43]) Стр 438 fin.

[44]) Заключаемъ объ этомъ изъ того, что въ 1755 г. одинъ Москополецъ родомъ печаталъ книгу не въ Москополѣ, а въ Венеціи, Врето I. № 204.

[45]) Соч. Бодянск. „О времени происхожд. славянск. письменъ“ прим. 5.

мента, усвояемое архіепископу Θеофилакту, напечатанное въ 1741 г.[45]); 2) житіе Наума, составленное неизвѣстно кѣмъ изъ самихъ москопольцевъ и напечатанное въ 1740—1742 г.[46]); 3) общая служба всѣмъ седмичисленникамъ, составленная помянутымъ выше іеромонахомъ Григоріемъ Константинидисомъ и напечатанная въ 1740—42 г.[47]); 4) служба одному Науму, составленная тѣмъ же Григоріемъ и остающаяся не напечатанною[48]).

6) За Москопольскою академіею слѣдуетъ *Ватопедская школа Аѳонской горы.* Патріарху константинопольскому Кириллу VI пришла на умъ, или подана была[49]), истинно-прекрасная мысль основать высшую школу для своего народа (σχολὴν τοῦ γένους) на Аѳонской горѣ, которая богатыми матеріальными средствами и библіотеками своихъ монастырей, своимъ уединеніемъ и своею почти полною свободою отъ тиранніи и надзора грознаго турка, представляла неоцѣненныя и незамѣнимыя удобства для процвѣтанія наукъ. Школу рѣшено было открыть въ 1753 г. Построено было особое зданіе, разсчитанное на 500 учениковъ, училище наименовано было Ἀθωνιὰς Ἀκαδημία, въ схолархи или начальники его, избраніемъ патріарха и всего при немъ архіерейскаго собора, назначенъ былъ знаменитѣйшій между тогдашними греческими и дѣйствительно отличный ученый Евгеній Булгарисъ, которому еще не было тогда 40 лѣтъ (род. 1716 г.), но который уже успѣлъ наполнить своею славою всю Грецію. Вѣроятно, изъ средствъ монастыря ему назначено было неслыханное по тому времени жалованье, состоявшее изъ тысячи грошей въ годъ; въ помощники ему даны были монахъ Неофитъ Кавсокаливитъ[50])

---

[45]) Бодянск. ibid.

[46]) „Русской Бесѣды" 1859 г., кн. II. науки, стр. 127 и 135 sqq.

[47]) „Руск. Бесѣд." ibid., стр. 129.

[48]) Сата 606.

[49]) По словамъ Саты, стр. 510, мысль основанія школы принадлежитъ игумену ватопедскому Неофиту и первое ея открытіе относится къ 1749 г.

[50]) По Сатѣ передъ тѣмъ въ 1749 г. бывшій начальникомъ училища.

и Παναγιότ Παλαμα. Въ продолженіе пяти лѣтъ съ половиной Евгеній занималъ въ школѣ должность ректора и учителя съ тѣмъ же блестящимъ успѣхомъ, какъ вездѣ прежде и послѣ; слава его привлекла къ нему многочисленныхъ учениковъ со всей Греціи, которая съ радостію и гордостію начала было смотрѣть на нее какъ на свою надежду [51]). Но увы, конецъ близокъ былъ отъ начала: Евгеній поссорился съ невѣжественными монахами и принужденъ былъ удалиться [52]); съ его удаленіемъ школа хотя не прекратила тотчасъ своего существованія, но такъ сразу упала [53]), что съ тѣхъ поръ замолкли о ней всякія рѣчи. Долго ли существовала она послѣ удаленія изъ нея Евгенія, остается неизвѣстнымъ. На мѣсто его константинопольскимъ патріаршимъ соборомъ былъ назначенъ іеромонахъ Аѳанасій Пароскій, если менѣе его талантливый, то не менѣе его усердный къ дѣлу учительства и ученый трудолюбивѣйшій, но онъ не могъ замѣнить его собою и чрезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ отказаться отъ должности «вслѣдствіе безпорядочности и непослушанія учениковъ [54]).»

7) За школою Ватопедскою по времени слѣдуетъ *школа Смирнская*, основанная въ началѣ второй половины XVIII в., по словамъ Врето, какимъ-то Панталеономъ Севастопуломъ хіосцемъ [55]). Такъ какъ Смирна есть одинъ изъ богатыхъ и наиболѣе торговыхъ городовъ Малой Азіи, уцѣлѣвшихъ при туркахъ [56]), то школа ея, подобно школѣ Янинской и по тѣмъ же самымъ причинамъ, была одною изъ лучшихъ греческихъ школъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія, не довольствуясь одною школою, смирнейцы захотѣли завести другую, которую

---

[51]) Рубана „Москов. любоп. мѣсяцесловъ на 1776 г.“ стр. 173 fin., Сата 567, Врето I. 185 и II, 249.

[52]) О причинѣ удаленія Сата и Врето говорятъ глухо. Первый: ἕνεκα δυσαρίστων διενέξεων; второй: ἕνεκα διαφόρων ταραχῶν τῶν μοναχῶν.

[53]) Сата 568 prim

[54]) Сата 631.

[55]) I, 201 и 233 fin., II, 281

Объ ея состояніи въ XVIII в см. у Бара́скаго, изд. 5, стр. 481.

и открыли въ 1809 г. подъ именемъ φιλολογικὸν Γυμνάσιον [57]). Изъ учителей обѣихъ школъ извѣстны: 1) іеромонахъ Іероѳей. бывшій первымъ схолархомъ первой школы [58]); 2) братья Стефанъ и Конст[illegible]тинъ Экономидесы и 3) Константинъ Кума, бывшіе основателями и учителями второй школы [59]).

Кромѣ семи перечисленныхъ нами среднихъ школъ, у грековъ было до 25 или до 30 и еще такихъ же школъ. О другихъ школахъ мы не будемъ говорить о каждой отдѣльно потому, что въ настоящее время не имѣемъ достаточныхъ о нихъ свѣдѣній. У Димитрія Прокопіева въ статьѣ de eruditis Graecis, въ Νεοελληνικὴ Φιλολογία г. Врето и у нашего Барскаго упоминаются школы: 1) филиппопольская [60]); 2) касторійская [61]); 3) солунская [62]); 4) козанская [63]); 5) акарнанская [64]); 6) трикская [65]); 7) ларисская [66]); 8) царичанская [67]); 9) тирнавская [68]);

---

[57]) Сата 731 fin. и 676, Врето, II, 287.

[58]) Врето I, 201.

[59]) Сата 676, 717 и 737, Врето I, 235 и II, 287—313.

[60]) Упоминаемая во второй половинѣ XVIII в., Врето II. 298.

[61]) Упоминаемая въ началѣ XVIII в., у Саты 435.

[62]) Упоминаемая въ началѣ XVIII в., Дмитрій Прокоп. у Фабр. XI, 803 n. 95.

[63]) Городка Козани, котораго на бывшихъ у насъ картахъ мы не нашли. По словамъ одного, бывшаго въ немъ грека, онъ находится на югозападъ отъ Солуни въ разстояніи дня пути, слѣдоват. по всей вѣроятности есть одинъ и тотъ же съ находящимся на картахъ городкомъ Cojani, который недалеко на югозападъ отъ Веррія. Школа, неизвѣстно когда открытая, существовала въ половинѣ XVIII в., и съ 1750 г. недолгое время въ ней былъ учителемъ Евгеній Булгарисъ. Врето I, 184 и II, 249, Сата 567.

[64]) Находившаяся неизвѣстно въ какомъ городѣ области Акарнаніи, составляющей сѣверозападный уголъ нынѣшняго королевства греческаго, и упоминаемая въ XVII в., Дмитрій Прокоп. у Фабр. XI, 783 n. XXXVIII.

[65]) Города Трикки или Трикалы, находящагося въ Ѳессаліи, недалеко на югозападъ отъ Ларисссы, упоминаемая въ первой половинѣ XVIII в., у Саты 436.

[66]) Заведенная въ концѣ XVIII в., Врето II, 286.

[67]) Городка Царичани (Τσαριτσάνη), находящагося въ епархіи елассонской, что̀ на сѣверъ отъ Ларисссы (Сата 731 нач.) и упоминаемая въ концѣ XVIII в., Врето II, 286.

[68]) Городка Тирнавы или Турново, находящагося въ 3 часахъ на сѣверъ отъ Ларисссы, упоминаемая въ концѣ XVIII в., Врето II. 286.

10) ампелакійская [69]); 11) загорская [70]); 12) димичанская [71]); 13) навплійская [72]); 14) мегалосникійская [73]); 15) корцирская (острова Корфу) [74]); 16) левкадская [75]); 17) кефалонійская [76]); 18) закинѳская [77]); 19) критская или кидонійская [78]); 20) егинская [79]); 21) сирская (острова Сиры) [80]); 22) наксосская [81]);

---

[69]) Городка Ампелакія, находящагося часахъ въ 4—5 на сѣверозападъ отъ той же Ларисы и упоминаемая въ началѣ настоящаго и концѣ прошедшаго столѣтія, Врето II, 286 fin.

[70]) Городка Загоры, который находится въ области Загора, древней Магнезіи, на югозападномъ берегу Солунскаго залива, упоминаемая во второй половинѣ XVIII в., Врето II, 290.

[71]) Городка Димичана, находящагося почти въ самой срединѣ Пелопоннеса основанная во второй половинѣ XVIII в., Врето I, 172.

[72]) Упоминаемая въ началѣ XVIII в., когда въ ней (до 1711 г.) учителемъ былъ Илія Миніатій.

[73]) Монастыря Μέγα Σπήλαιον Великая пещера, находящагося въ сѣверномъ Пелопоннесѣ, въ двухъ часахъ пути на сѣверъ отъ города Калаврита, на одной и той же рѣчкѣ съ нимъ Вуранкѣ, и знаменитаго своею (будто бы) писанною св. Лукою иконою Божіей Матери и своимъ замѣчательнымъ мѣстоположеніемъ, упоминается въ половинѣ XVIII в., но вѣроятно была школою болѣе частною, чѣмъ общественною и существовала недолго. Врето I, 238.

[74]) Упоминаемая въ первой половинѣ XVIII в., когда учился въ ней у учителя іеремія Каввадія здѣшній уроженецъ Евгеній Булгарисъ, Врето I, 183 и II, 248, Сата 566. Съ 1762 недолгое время въ ней былъ учителемъ Никифоръ Ѳеотоки, также корцирянинъ родомъ, Врето I, 198. Сата 583.

[75]) Упоминаемая прежде 1819 г. Врето II, 338.

[76]) На островѣ Кефалоніи упоминаются существовавшими двѣ школы: одна въ концѣ XVII в., когда учителемъ въ ней былъ уроженецъ кефалонійскій Илія Миніатій. Врето I, 224; другая съ начала XVIII в., она основана въ селеніи Хавріата Викентіемъ Дамодомъ, Врето II, 258.

[77]) Упоминаемая въ началѣ XVII в., когда учителемъ въ ней былъ Ѳеофилъ Коридалей, послѣ перешедшій въ училище константинопольское, Сата 250.

[78]) Кидонія, въ настоящее время Канея, есть главный городъ Крита. Школа упоминается въ половинѣ XVI в., когда въ ней у іеромонаха Власта учился здѣшній уроженецъ Мелетій Пига, Врето I, 239, Сата 208. Но потомъ она, вѣроятно, была закрыта, потому что подъ 1800 г. говорится объ открытіи іеромонахомъ Веніаминомъ другой школы, Врето II, 245.

[79]) Упоминаемая въ концѣ XVIII в., Врето, I, 233; въ началѣ настоящаго столѣтія въ ней былъ учителемъ Неофитъ Дука.

[80]) Въ продолженіе первой половины настоящаго столѣтія здѣсь преподавалъ Ѳеофилъ Каири, о которомъ намъ неоднократно приходилось читать въ

23) патмосская [82]); 24) леросская [83]); 25) трипольская [84]); 26) готоѳинская [85]) и нѣкоторыя другія, можетъ быть, даже довольно многія, которыя пока остаются намъ неизвѣстными.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія существовала большая часть поименованныхъ нами школъ, и по мѣстностямъ онѣ распредѣлялись такимъ образомъ:

во Ѳракіи, за исключеніемъ самого Константинополя, одна школа филиппопольская,

въ Македоніи двѣ школы: солунская и козанская,

въ Албаніи три школы: касторійская, янинская и артская (а въ половинѣ прошлаго вѣка, съ москольской, четыре),

въ Ѳессаліи шесть школъ: ларисская, триккская, царичанская, тирнавская, ампелакійская и загорская,

въ Пелопоннесѣ двѣ школы: димичанская и навплійская (а съ мегалоспилейской, едва ли впрочемъ существовавшей, три),

на островахъ Средиземнаго и Адріатическаго морей, принадлежавшихъ венеціанцамъ (на такъ называемомъ Ептанисіи или Седмиостровіи) четыре школы: корцирская, левкадская, кефалонійская и закинѳская,

на островахъ Средиземнаго и Егейскаго морей, принадлежащихъ туркамъ, семь школъ: критская, егинская, сирская, хіосская, наксосская, патмосская, леросская.

Такимъ образомъ изъ областей греческихъ европейскихъ самою просвѣщенною была въ концѣ XVIII вѣка небольшая Ѳессалія, самыми непросвѣщенными были Ѳракія и Македонія.

ненаходящихся въ настоящее время у насъ подъ руками книгахъ, какъ о человѣкѣ замѣчательнаго ума и образованія, отличавшагося большимъ вольнодумствомъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума. Врето II, 269.

[81]) Упоминаемая въ началѣ второй половины XVIII в, у Саты 491 fin.

[82]) О школѣ этой, въ которой учился нашъ извѣстный путешественникъ Василій Григоровичъ Барскій, см. у него же, изд. 5 стр. 477 sqq, у Врето II, 254 и 275 и у Саты 440.

[83]) Открытая въ 1726 г. іеромонахомъ Дамаскинымъ. Барск., стр. 368.

[84]) Въ г. Триполѣ, въ Азіи, въ приморской Сиріи, недалеко на сѣверъ отъ Бейрута. Школа основана въ 1726 г. антіохійскимъ патріархомъ Сильвестромъ Кипрскимъ, Барск. стр. 354.

[85]) Находившаяся гдѣ-то или въ Епирѣ или въ Этоліи, у Саты 487.

Иго турецкое заставило состоятельныхъ грековъ толпами бѣжать изъ отечества, чтобы практиковать торговлю и мореходство на чужой сторонѣ, вслѣдствіе чего почти во всѣхъ торговыхъ, и особенно приморскихъ, городахъ Европы явились большія и малыя торговыя греческія колоніи. У большей части этихъ чужеземныхъ греческихъ общинъ также были свои училища, изъ которыхъ заслуживаютъ особеннаго упоминанія два, именно гимназіи венеціанская и падуанская. Венеція, какъ ближайшая по своему мѣстоположенію къ Греціи, была первымъ мѣстомъ, куда греки бросились толпами послѣ 1453 г.; въ началѣ XVI в., съ дозволенія венеціанскаго правительства и папы Льва X [86]), здѣшняя община построила особый православный храмъ во имя св. Георгія, при которомъ съ 1577 г. начали состоять даже особые архіереи (такъ-называемые архіепископы филадельфійскіе). При этомъ-то храмѣ св. Георгія греки венеціанскіе и основали гимназію, время открытія которой остается намъ неизвѣстнымъ, но которое, если вѣрить показаніямъ Саты [87]), должно быть отнесимо не позднѣе, какъ къ началу XVII вѣка [88]). Что касается до гимназіи падуанской, то ея происхожденіе нѣсколько иное, чѣмъ венеціанской и другихъ греческихъ заграничныхъ школъ. Въ Падуѣ не было колоніи греческихъ купцовъ, но здѣшній университетъ, какъ ближайшій къ Греціи изъ всѣхъ университетовъ западной Европы, былъ мѣстомъ образованія по крайней мѣрѣ для девяти десятыхъ частей изъ всѣхъ грековъ, которые искали этого образованія въ западной Европѣ; такимъ образомъ учрежденіе здѣшней гимназіи вызвано было нуждою имѣть подъ рукой среднее учебное заведеніе для приготовленія къ слушанію университетскихъ лекцій. Время открытія

---

[86]) Врето I, №№ 206 и 227.

[87]) Стр. 417 нач.

[88]) Школа венеціанская въ однихъ извѣстіяхъ называется школою храма св. Георгія, въ другихъ же вѣроятно по имени своего основателя Φλαγγινιανὸν Φροντιστήριον. Разумѣть ли это объ одной или двухъ школахъ, пока остается намъ неизвѣстнымъ.

гимназіи падуанской остается также неизвѣстнымъ, какъ и венеціанской, но по всей вѣроятности это было также въ началѣ XVII вѣка [89]).

Относительно внутренней организаціи греческихъ среднихъ школъ, объема, порядка и характера преподаванія въ нихъ и пр. наши свѣдѣнія пока очень ограниченны, или точнѣе говоря заключаются единственно въ томъ, что сообщаетъ о нихъ греческій ученый конца XVII—начала XVIII вѣка Александръ Геллади въ своемъ сочиненіи: Status praesens Ecclesiae Graecae, напечатанномъ въ С.-Петербургѣ въ 1714 г. при академіи наукъ. Въ главѣ IV, надписанной: «О гимназіяхъ греческихъ и методѣ изученія высшихъ наукъ,» Геллади пишетъ: «Въ гимназіяхъ, которыя, благодареніе Богу, уже порядочно процвѣтаютъ во всѣхъ городахъ Греціи, юношей, которые послѣ школъ тривіальныхъ желаютъ посвятить себя высшимъ наукамъ, сначала заставляютъ въ продолженіе трети (трехъ мѣсяцевъ) изучать на память восемь частей рѣчи изъ грамматики Ласкаря [90]), ибо у нихъ весьма употребительна поговорка: «какъ строить безъ основанія—напрасный трудъ, такъ и безъ грамматики тщетно ученье.» Между тѣмъ пока изучаютъ ихъ (части рѣчи) на память, имъ изъясняются сентенціи собранныя Хризоролой [91]). Послѣ того, какъ твердо изучатъ на память восемь частей рѣчи, которыя должны съ грамматическимъ разборомъ (in technologia) повторять ежедневно, имъ изъясняются три первыя рѣчи Исократа, при чемъ вмѣстѣ проходятъ синтаксисъ и дѣлаютъ собраніе фразъ и сентенцій. Отъ этого переходятъ къ Ватрахоміомахіи Гомера и баснямъ Езопа, по причинѣ (ихъ) нравственнаго превосходства и къ

---

[89]) Исторія гимназіи падуанской написана въ началѣ XVIII в. Николаемъ Попадопуломъ Комненомъ: Historia Gymnasii Patavini Venetiis, 1726, два тома, но мы не имѣемъ ея подъ руками; списокъ учителей у Саты 417.

[90]) Константина—Erotemata cum interpretatione latina et caet., напечатанныя въ первый разъ въ Медіоланѣ въ 1476 г.

[91]) Еммануилъ Хризорола первый изъ грековъ преподавалъ въ Италіи греческій языкъ и умеръ въ 1415 г., Фабриц. Biblioth. Gr. X, 392.

таблицѣ Цебета [92]). По окончаніи этого занимаются панегирикомъ Василія Великаго къ юношамъ [93]) и двумя словами Григорія Назіанзина противъ Іуліана. Между тѣмъ къ этимъ занятіямъ присоединяютъ практическія упражненія изъ прогимнасматъ Аѳѳонія [94]), въ которыхъ заключается какъ бы вся реторика, и изъясняютъ части вышеуказанныхъ рѣчей и по подобію ихъ пишутъ подражанія. Послѣ этого занимаются письмами Синезія, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Фаларида [95]) и другихъ знаменитыхъ мужей, надъ которыми работаютъ не столько въ изъясненіи, сколько въ подражаніи. Для представленія этого дѣла яснѣе, предложу по крайней мѣрѣ три примѣра:

«Хрія въ подражаніе Аѳѳонію: *Благихъ трудовъ плодъ благословенъ и не отпадающъ корень его.* Прем. Солом. III, 15.» (Далѣе слѣдуетъ самая хрія, которой не считаемъ нужнымъ приводить и которая представляетъ образецъ напыщенной реторики: она состоитъ изъ 7 статей: вступленія отъ похвалы и извиненія, парафраза, причины, противнаго, притчи, примѣра, *софистическаго оборота вмѣсто свидѣтельства.* Послѣ хріи слѣдуютъ два примѣра писемъ, отличающихся тѣми же достоинствами. За симъ Геладій продолжаетъ):

«Въ этихъ представленныхъ примѣрахъ, конечно, есть нѣчто ребяческое, требующее исправленія, и духъ юношескій,

---

[92]) О Цебетѣ или Кивисѣ Ѳивскомъ, ученикѣ Сократовомъ, и его таблицѣ (πίναξ) представляющей подобный Платоновымъ философскій нравоучительный разговоръ, которая была напечатана весьма много разъ, т.-е. вѣроятно служила для учебнаго употребленія и въ западной Европѣ, см. Fabric. Biblioth. Gr. I, 831.

[93]) По всей вѣроятности, разумѣется Ὁμιλία πρὸς τοὺς νέους, ὅπως ἂν ἑλληνικῶν ὠφέλοιντο λόγων.

[94]) Аѳѳонія софиста Антіохійскаго, который жилъ неизвѣстно когда послѣ втораго вѣка по Р. Х. и который дополнилъ и объяснилъ примѣрами Гермогеновы Прогимнасматы или предупражненія реторическія (Προγυμνάσματα τῆς Ῥητορικῆς), напечатанныя въ первый разъ Альдомъ въ Венеціи въ 1508 г.; эти Прогимнасматы въ редакціи Аѳѳонія были потомъ перепечатываемы много разъ Fabric. Biblioth. Gr. IV, 448 fin.

[95]) О Фаларисѣ и его письмахъ Fabric. Biblioth. Graec. I, 406.

какъ это бываетъ обыкновенно, нѣсколько надутъ, что однакожъ мы оставляемъ въ естественномъ состояніи (не трогаемъ), дабы не казаться, что изъ нѣжныхъ юношей греческихъ хотимъ сдѣлать совершенныхъ и престарѣлыхъ грековъ. Я знаю юношу, объ имени котораго умолчу, который, по приказанію архіепископа адріанопольскаго, составилъ похвальное слово на праздникъ пророка Иліи, подобравъ его изъ однихъ фразъ Лукіана и Аристофана»...

«Итакъ, совершивъ прилежно эти упражненія, приступаютъ къ Аристофану, Еврипиду, Софоклу, Пиндару и другимъ подобнаго рода поэтамъ, къ которымъ, для скандованія ихъ стиховъ и подражанія имъ, присоединяютъ Енхиридіонъ Гефестіона [96]). Прошедши ту или другую комедію или трагедію этихъ поэтовъ, принимаются за Иліаду Гомера и ее почти всю прилежно изучаютъ, и что болѣе достойно изумленія, все это оканчиваютъ въ продолженіе трехъ лѣтъ»... (Сказавъ далѣе о вредѣ частнаго и частнѣйшаго—privata и privatissima—обученія, обычнаго въ европейскихъ училищахъ, Гелладій продолжаетъ): «греческіе учители не имѣютъ права частнымъ образомъ продавать свою ученость юношамъ, но сколько знаютъ науки, обязаны добросовѣстнымъ образомъ преподавать (ихъ) юношамъ открыто, послѣ того какъ годичная плата уже однажды назначена имъ отъ епископа... Всѣ книги, которыя, какъ мы указали выше, служатъ учебниками въ гимназіяхъ греческихъ, хотя бы можно было пріобрѣсти ихъ за умѣренную цѣну, юноши однако списываютъ собственною рукою, что служитъ для нихъ другою выгодою. При линеваніи тетрадей обращенные внизъ пальцы юноши выдѣлываютъ (равно) разстоянія линеекъ (строкъ), въ которыхъ бы они могли вписывать свои психагогіи [97]), болѣе тонкимъ перомъ, или даже особыми

---

[96]) О Гефестіонѣ, александрійскомъ грамматикѣ, одномъ изъ наставниковъ императора Вера и его книгѣ Ἐγχειρίδιον περὶ μέτρων Fabric. Biblioth. Gr. VII, 16.

[97]) Ψυχαγωγίας, что собственно значитъ увеселеніе, развлеченіе духа. Психагогіями греки называютъ вписанныя надъ словами между строками глоссы

чернилами, труднѣйшія рѣченія замѣняя легчайшими или равнозначащими, что много способствуетъ къ пріобрѣтенію обилія словъ и чѣмъ будучи обмануты многіе въ Европѣ печатаютъ ихъ какъ варіанты, и такимъ образомъ приводятъ въ сомнѣніе мысль автора, отъ чего произошло, что не только классическіе авторы жесточайшимъ образомъ ими терзаются, но и священныхъ кодексовъ авторитетъ вслѣдствіе этого колеблется. Обычай писать такимъ образомъ психагогіи не новый обычай, ибо мнѣ случалось видѣть (съ ними) во многихъ библіотекахъ Европы весьма древніе экземпляры манускриптовъ какъ Новаго Завѣта, такъ и употребительнѣйшихъ авторовъ.

«Начальникъ въ гимназіи есть міряниnъ, и рѣдко духовный. Плата ему въ нѣкоторыхъ городахъ восходитъ до 400 флориновъ, и послѣ епископа онъ занимаетъ почетнѣйшее мѣсто, онъ называется по большей части учитель Евангелія (διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου) [98]). Вскорѣ послѣ восхода солнца онъ приходитъ въ назначенное помѣщеніе, гдѣ ожидаютъ его юноши, и ставъ къ востоку творитъ пространную молитву, послѣ чего юношамъ, которые имѣютъ готовыми въ рукахъ свои тетради, сначала изъясняетъ смыслъ автора и разсказываетъ, что содержитъ урокъ того дня. Потомъ присоединяетъ объясненіе конструкціи и значенія словъ и въ третьихъ какое-нибудь переложеніе на болѣе простую рѣчь. Все это какой-нибудь юноша, выбранный учителемъ, трижды повторяетъ дос-

---

или объясненія словъ и синонимы къ нимъ. Психагогіями онѣ названы потому, что пріисканіе синонимъ составляетъ для греческихъ риторовъ занятіе доставляющее увеселеніе духу. Знакомые намъ греки, издавшіе эти психагогіи говорили намъ, что ихъ обыкновенно писали наимельчайшимъ письмомъ, такъ что и для писавшихъ и для читавшихъ онѣ составляли величайшій трудъ и истинное мученіе.

[98]) Учителемъ Евангелія первоначально назывался одинъ изъ архіерейскихъ синодниковъ, именно ученый клирикъ, на обязанности котораго лежало толковать Евангеліе народу. Въ послѣдствіи тѣмъ же именемъ стали называться учители школъ, вѣроятно потому, что древній учитель Евангелія былъ вмѣстѣ и начальникомъ школъ епископіи. Въ настоящее время учители уже такъ не называются, но просто учителями.

ловно и когда увидитъ, что они достаточно понимаютъ какъ значеніе словъ, такъ и мысль автора, удаляется отъ нихъ и въ другомъ классѣ приказываетъ, чтобы упражнялись въ чтеніи на народномъ языкѣ, писали свои варіанты и дѣлали собраніе фразъ. Пока эти дѣлаютъ сейчасъ сказанное, онъ преподаетъ другимъ ученикамъ другіе уроки—изъ реторики, логики, физики, метафизики, этики и пр., если только иногда въ богословскихъ урокахъ не замѣняетъ учителя епископъ. Послѣ того, какъ младшіе ученики, которые проходятъ грамматику, переведутъ свои уроки на народный языкъ и подадутъ переводъ для исправленія помощнику учителя и сдѣлаютъ психагогіи: старшіе идутъ обѣдать, а прочимъ обѣдъ приносится въ гимназію. Спустя часокъ послѣ обѣда всѣ снова являются и въ присутствіи учителя, по методу грамматическому изданному нами въ 1712 г. [19]), тщательно экзаменуются во всѣхъ частяхъ рѣчи, при чемъ повторяется почти вся грамматика. Здѣсь прилежно наслѣдуются сокровеннѣйшія построенія греческой рѣчи, сила значенія словъ, аттицизмы, какая фраза изящнѣе другой и многое другое въ этомъ родѣ. Этотъ самый урокъ на другой день поутру, прежде чѣмъ учитель преподаетъ имъ новый, кто-нибудь изъ юношей, котораго выберетъ учитель, повторяетъ тѣмъ же образомъ, какъ слышалъ отъ учителя, и если окажется, что что-нибудь не знаетъ и небрежно повторилъ, то подвергнутый выговору обязывается поститься до третьяго или четвертаго часа пополудни, оставаясь сторожемъ гимназіи и угрызаемый стыдомъ болѣе, чѣмъ наказаніемъ тысячи постовъ, ибо всѣми осмѣивается. Однако объ этихъ ихъ наказаніяхъ никто не долженъ говорить внѣ училища, если самъ не хочетъ подвергнуться тѣмъ же и даже большимъ. Скромность и благочестіе, которыя настоятельно внушаются юношамъ, они прилежно наблюдаютъ. Другъ друга зовутъ «ученый» (λογίους), и отъ игръ и простонародныхъ юношей

---

[19]) Σταχνολογία τεχνολογική τῆς Ἑλλάδος φωνῆς ἤτοι Γραμματικὴ ἑλληνικὴ κατ' ἐρωταποκρισιν. Norinbergae, 1712.

явно удаляются, считая постыднымъ для юношей, которые уже напитаны болѣе изящными нравами и науками, развлекать умъ шутовскими вещами. Одинъ ихъ серьезный видъ многихъ зараженныхъ подлыми обычаями привлекъ къ ученію, ибо юность всегда ревнива, особенно когда видятъ, какъ они на память сказываютъ публично похвальныя слова и находятся у народа въ такомъ почтеніи.

«По логикѣ изучаютъ сокращеніе достопочтеннаго доктора Сугдура Янинскаго [100]) и Коридаллея Аѳинскаго [101]) и самую логику Аристотеля. Также учители обыкновенно изъясняютъ своимъ слушателямъ реторику сего послѣдняго вмѣстѣ съ Гермогеномъ Скуѳою [102]) и Коридаллеемъ, изданнымъ въ Лондонѣ въ 1625 г. [103]), этику и политику, сдѣлавъ нѣкоторыя дополненія, именно тѣ, которыя требуются христіанствомъ. Къ этому прибавляютъ ариѳметику Никомаха Герасена [104]) съ схоліями Прокла философа. Въ ученіи математическомъ многаго остается желать, ибо кромѣ Евклида и Архимеда ничего не имѣютъ и весьма рѣдко занимаются ихъ изученіемъ. Упражненія физическія и метафизическія, если исключить опы-

---

[100]) Георгія Сугдура, умершаго въ началѣ XVIII в. Εισαγωγικὴ λογικὴ ἡ προσδιόρθωσις εἰς ἅπασαν τὴν λογικὴν μέθοδον τοῦ Αριστοτέλους, напечат. въ Вѣнѣ въ 1792 году.

[101]) Ѳеофила, въ монашествѣ Ѳеодосія, Коридаллея, умершаго 1645 г.— εἰς ἅπασαν τὴν λογικὴν τοῦ Αριστοτέλους ὑπομνήματα καὶ ζητήματα, напечат. въ Венеціи въ 1729 г.

[102]) Гермогенъ, Тарсійскій риторъ, жившій во второй половинѣ втораго вѣка по Р. Х., написалъ нѣсколько риторическихъ сочиненій (Τέχνη ῥητορική, Περὶ εὑρέσεων, Περὶ ἰδεῶν, Περὶ μεθόδου δεινότητος, Ῥητορικὰ προγυμνάσματα), Fabrib. Biblioth. Gr. IV, 428.

[103]) Авторъ, вѣроятно, разумѣетъ сочиненіе Коридаллея Περὶ ἐπιστολικῶν τύπων или письмовникъ, вмѣстѣ съ которымъ была напечатана и его реторика и которое, бывъ издано въ Лондонѣ въ 1625 г. (Никод. Метаксовъ), долгое время служило для грековъ тѣмъ же, чѣмъ для нашихъ отцовъ Письмовникъ Курганова. Отдѣльно Реторика Коридаллея напечатана у Fabric. Biblioth. Gr., ed. Hamb., XIII, 648.

[104]) Философа Пиѳагорейскаго, жившаго неизвѣстно когда — или незадолго до или незадолго по Р. Х. — Θεολογούμενα Ἀριθμητικῆς, Fabric. Biblioth. Gr. IV, 2.

ты, не такъ небрежно совершаются, почему и Аристотеля греки суть великіе почитатели. Медицинскія науки въ этихъ гимназіяхъ, или, такъ сказать университетцахъ, если исключить Букурестъ, совершенно неизвѣстны. Въ богословіи у нихъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, ибо имѣютъ Священное Писаніе, имѣютъ того или другаго отца, который служитъ какъ бы толкованіемъ на Священное Писаніе, и преимущественно въ наибольшемъ употребленіи между ними Богословская система Іоанна Дамаскина; въ исторіи имѣютъ Евсевія, Зонару, Сократа, Матѳея автора хронографа [105]), Ѳукидида, Поливія, Аппіана, Зосиму и другихъ.»

Что касается до внѣшняго устройства греческихъ среднихъ школъ или гимназій, то относительно помѣщенія довольствовались самыми скромными зданіями, а въ случаѣ неимѣнія средствъ завести таковыя зданія, довольствовались и всякимъ временнымъ помѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что прекрасный климатъ Греціи не требуетъ въ этомъ отношеніи особенныхъ заботъ, и въ случаѣ совершенной крайности гимназія могла существовать просто подъ тѣнью любаго вѣтвистаго дерева. Штатъ учителей никогда не былъ многочисленнымъ и, сколько знаемъ, никогда не превосходилъ числа трехъ-четырехъ, а иногда и просто ограничивался однимъ. Вслѣдствіе этого всегда было, что учители греческіе должны были преподавать по нѣскольку наукъ, а иногда случалось и такъ, что одинъ учитель долженъ былъ читать всѣ науки.

Александръ Гелладій, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ, будто въ иныхъ городахъ греческихъ ежегодная плата учителю гимназіи доходила до 400 (австрійскихъ) флориновъ или до 220 нашихъ руб. сер.: это—совершенная неправда. Единственный городъ, въ которомъ, можетъ быть, была мало мальски сносная плата учителямъ, были Янины, гдѣ жили бога-

---

[105]) Вѣроятно, Гелладій хотѣлъ сказать Дорѳея, разумѣя Дорѳея Монемвасійскаго, написавшаго извѣстный, бывшій весьма употребительнымъ у грековъ, хронографъ.

тые купцы. Что же касается до другихъ городовъ, топлата учителямъ была самая скудная, какую только можно вообразить; во многихъ городахъ даже не было и никакой платы, а вмѣсто нея, такъ какъ учители были большею частію монахи, давали имъ какую нибудь приходскую церковь; такъ это между прочимъ было и въ самомъ Константинополѣ, и объ одномъ изъ учителей здѣшней школы Севастѣ Кименитѣ, который въ 1689 г. перешелъ отсюда въ Букарестъ, патріархъ Константцій говоритъ, что онъ «нѣтъ сомнѣнія, предпочелъ большую плату отъ щедродательности князя тѣмъ жалкимъ 200 грошамъ, которые получалъ въ Константинополѣ съ прихода отъ одной изъ церквей» [105]). Когда въ 1753 г., при опредѣленіи Булгариса въ учители аѳонскіе, ему назначена была плата по 1000 грошей, что на наши деньги будетъ 55 руб. съ полтиной, то это считалось по тому времени жалованьемъ совершенно неслыханнымъ.

Въ приходской или церковной школѣ города какой нибудь бѣдный юноша заявлялъ себя отличными способностями и успѣхами; по окончаніи ученія юноша сгаралъ страстію продолжать его, но не имѣлъ средствъ; тогда городская община-которыя у грековъ всегда всѣ мечтали о просвѣщеніи, кое-какъ сколачивалась и посылала юношу или въ Падуанскій университетъ или по крайней мѣрѣ въ Константинопольское или Янинское училище; по возвращеніи домой, благодарный за воспитаніе юноша, съ платою или безъ платы, на всю жизнь обрекалъ себя на должность учителя въ родномъ городѣ: и такимъ-то большею частію образомъ греки пріобрѣтали учителей для своихъ гимназій. Никто изъ учителей греческихъ не хотѣлъ смотрѣть на себя, какъ на наемника, который учитъ потому, что платятъ и пока платятъ, но какъ образованные учители гимназій, такъ и малообразованные учители низшихъ школъ, всегда смотрѣли на свою службу какъ на патріотическую службу своему народу. Не имѣя

[105]) У Сати 377.

средствъ достаточно вознаграждать учителей вещественнымъ образомъ, греческія городскія общины старались вознаграждать ихъ, по крайней мѣрѣ, не вещественно, и г. Гелладій совершенно справедливо говоритъ, что учитель былъ (и если не ошибаемся, и до настоящаго времени есть) самое почетное и уважаемое лицо въ городѣ послѣ епископа.

Обращаемся къ низшимъ или первоначальнымъ школамъ.

Мы сказали выше, что среднія общественныя школы сравнительно поздно начали появляться у грековъ потому, что у нихъ долго преобладалъ обычай частнаго обученія. Что же касается до школъ низшихъ, то онѣ существовали у нихъ въ значительномъ количествѣ съ давняго времени. Такія школы первоначально были заводимы при храмахъ епископскихъ вслѣдствіе нужды имѣть грамотныхъ священниковъ, а потомъ и вообще при храмахъ, чтобы удовлетворить потребности первоначальнаго христіанскаго образованія. Въ позднѣйшія времена извѣстный архіерейскій чиновникъ, называвшійся διδάσκαλος του ευαγγελίου—учитель Евангелія—eo ipso былъ и начальникомъ находившихся въ епископіи церковныхъ школъ; по крайней мѣрѣ въ одномъ спискѣ статьи о церковныхъ чинахъ говорится: «учитель евангелія—толкуетъ Евангеліе, а если въ состояніи, то и псалтирь, а также завѣдуетъ и школами епископіи» [107]).

Первоначальныя или народныя школы, извѣстныя у грековъ съ древняго времени, продолжали существовать и послѣ паденія Константинополя. Какъ многочислены были эти школы, мы положительнымъ образомъ сказать не можемъ, но принимая во вниманіе извѣстную страсть грековъ къ ученію, нетрудность заведенія и простоту, которая была наблюдаема при заведеніи этихъ школъ,—принимая во вниманіе, что за невозможностію построить для училища особое зданіе у грековъ съ древняго времени былъ обычай пользоваться для сей цѣли храмами или церквами, а съ другой стороны, что за

[107]) Дюканжъ, Gloss. Graecit. подъ словомъ διδασκαλος.

отсутствіемъ другихъ учителей должность эту всегда могъ принимать на себя приходскій священникъ, такъ какъ приходы у грековъ обыкновенно весьма малы и священникъ безъ всякаго затрудненія можетъ взять на себя и должность учителя,—мы со всею вѣроятностію предполагаемъ, что школъ этихъ было весьма много и что онѣ были въ каждомъ селѣ, гдѣ только были охотники учиться грамотѣ [108]).

Мартинъ Крузій въ своей «Турко-Греціи» сообщаетъ свѣдѣнія о первоначальныхъ школахъ греческихъ отъ второй половины XVI вѣка: «Я узналъ отъ Герлахія, что у грековъ при многихъ храмахъ въ разныхъ городахъ находятся дѣтскія школы (scholae puerorum), въ которыхъ нѣтъ никакихъ классовъ и различныхъ чтеній, но единственный учитель учитъ дѣтей Псалтири, Часослову, послѣдованіямъ и другимъ книгамъ, которыя употребительны въ церкви.»

Іаковъ Ельснеръ, написавшій передъ 1737 г. свое сочиненіе Neueste Beschreibung derer Griechischen Christen in der Türckey (Berlin 1737), со словъ греческаго архимандрита Аѳанасія Доростама, пишетъ о томъ же: [109]) «школы (у грековъ) обыкновенно находятся при церквахъ; въ нихъ наставляютъ юношей въ христіанствѣ, обучаютъ читать и писать и наизусть (учатъ) Псалмы и притчи Соломона.»

Александръ Геллаdій, подробнѣе другихъ сообщающій свѣдѣнія о первоначальныхъ школахъ греческихъ, въ главѣ III своего сочиненія, надписанной: «о школахъ у грековъ и о книгахъ, которыя употребляются въ школахъ, и объ учителяхъ въ нихъ,» пишетъ: [110])

---

[108]) Знакомые намъ греки, говоря о многочисленности низшихъ школъ въ своемъ отечествѣ, указывали еще особую причину, почему почти каждый отецъ у грековъ желаетъ посылать своего сына въ школу. У грековъ не заставляютъ дѣтей работать слишкомъ рано, и во время лѣтнихъ спѣшныхъ работъ каждый отецъ посылаетъ сына въ училище, чтобы онъ не оставался цѣлый день безъ присмотра, т. е. для грековъ училища въ нѣкоторомъ смыслѣ тоже, что недавно придуманныя на западѣ общія колыбели.

[109]) Части I. стр. 314, § XXXIX.

[110]) Написанное Геллаdіемъ мы читали знакомымъ намъ грекамъ; они сва-

«Школы у грековъ имѣются или въ церквахъ [111]) или въ церковныхъ домахъ или въ домѣ приходскаго священника. Учителя юношей суть или приходскіе священники или монахи и именно аѳіориты (аѳонцы), которые вездѣ столько славны святостію и чистотою жизни. Итакъ, послѣ того какъ юноши греческіе перестанутъ лепетать и начнутъ чисто говорить, ихъ посылаютъ въ ближайшій какой нибудь храмъ для изученія церковныхъ вещей и того, что относится до христіанской вѣры. Они тамъ и обѣдаютъ, ибо матери ихъ присылаютъ имъ пищу съ служителемъ или служанкой, или утромъ, когда посылаются въ школу, послѣ того какъ [illegible] образомъ позавтракаютъ, даютъ имъ нести съ собой въ какой нибудь коробкѣ. Но и тамъ не позволяется имъ ѣсть когда угодно, но въ опредѣленное время полуденное— въ три часа послѣ полудня если зимой, и въ четыре часа лѣтомъ. Послѣ обѣда, особенно лѣтнимъ временемъ, позволяется имъ немного поспать. Итакъ, дѣти богатыхъ и бѣдныхъ людей ложатся въ порядкѣ на землю (земля послана ковромъ), [112]) какъ ягнятки подъ тѣнью дуба. Надъ спящими стоитъ монахъ держа въ рукѣ лозы на подобіе скиптра, чтобы кто нибудь не обезпокоилъ товарища. Если замѣтитъ какую нибудь шалость, что есть общій порокъ юношей, то лоза не однажды опускается на шалуновъ. И другіе не смѣютъ

зали, что изображеніе, за немногихъ исключеніями, которыя указаны ниже въ примѣчаніяхъ, совершенно вѣрно и для настоящаго времени.

[111]) Т. е. именно въ самыхъ церквахъ. Въ училищную комнату греки, обыкновенно, обращаютъ ту часть церкви, въ которой стоятъ женщины (женщины у грековъ, по древнему обычаю, становятся отдѣльно отъ мужчинъ), и которую составляютъ или верхніе хоры (палати), гдѣ они есть, или задняя половина церкви къ западной стѣнѣ, отдѣленная отъ остальной церкви сквозной рѣшеткой. Хоры или палати въ древнее время преимущественно назывались катихуменіями нѣтъ сомнѣнія, потому, что на нихъ производилось обученіе оглашенныхъ, готовившихся къ крещенію, а потомъ, подобно тому, какъ и въ настоящее время, и вообще обученіе дѣтей.

[112]) По разсказамъ грековъ, дѣти ложатся просто на голую землю; въ головы желающіе вмѣсто подушекъ кладутъ камни.

поднять голову, пока наказывается виновный, дабы никто не видѣлъ сѣченія, потому что хорошо знаютъ, что и самимъ не избѣжать сѣченія, если это сдѣлаютъ. По прошествіи часа имъ приказываютъ встать, хотя иные, а иногда и всѣ, занятые разными юношескими думами,—говорю по опыту,—не сжимали и глазъ. Итакъ, въ неясные дни, послѣ этого мнимаго сна, ихъ заставляютъ заниматься. Въ ясные же дни имъ дозволяютъ учители играть на дворѣ или въ саду церковномъ. Однако и тамъ греческій оный старикъ (котораго часто въ шутку мы называли Харономъ), непремѣнно присутствуетъ съ своей лозой, и непремѣнно наказываетъ, еслибы кто нибудь что нибудь спроказилъ даже и въ игрѣ, а также поправляетъ, если что нибудь погрѣшатъ въ игрѣ, и палкой, какъ пастухъ овецъ, снова гонитъ къ ученію. Около заката солнца, чрезъ перваго ученика, который у нихъ называется протосхоломъ, возвѣщается окончаніе ученія. Итакъ, отложивши книги и расположившись вкругъ на подобіе лебедей, въ предсѣданіи учителя, кромѣ другихъ молитвъ говорятъ и слѣдующія: «пріидите поклонимся и припадемъ Цареви нашему Богу,—Христу Цареви нашему Богу,—Самому Христу Цареви и Богу нашему», также имѣютъ обычай говорить на память псаломъ 104 и приносятъ благодаренія Богу. И потомъ съ величайшею скоростію, какъ выпущенные изъ тюрьмы, летятъ домой. Если какой нибудь почтенный человѣкъ или женщина случится имъ на встрѣчу, то цѣлуютъ руки, что и дома дѣлаютъ и приходя изъ школы просятъ у родителей благословенія. Но и дома имъ дается не много покоя. Ибо родители экзаменуютъ ихъ, что сегодня учили, и помнятъ ли то, что однажды выучили. И если въ чемъ погрѣшатъ, дѣлаются непріятныя мины, а нерѣдко сѣкутъ и отсылаютъ спать безъ ужина, что и мнѣ нерѣдко случалось. Если родители убѣждаются, что дѣти ихъ ничего не успѣваютъ въ наукахъ, то скоро засаживаютъ за какое нибудь ремесло. Если слѣдующій день есть праздникъ, то юноши не отпускаются изъ школы иначе, какъ по совершеніи публичныхъ молитвъ (всенощной),

которыя начинаются за часъ до заката солнца и оканчиваются чрезъ полтора часа послѣ заката. Дѣвушки никогда не соединяются вмѣстѣ съ мальчиками, но изучаютъ необходимое у особыхъ женщинъ.

«Рѣдко дѣти у грековъ ѣдятъ вмѣстѣ съ родителями, и если когда случится это, то никогда не ѣдятъ изъ одного блюда съ ними, если только не будутъ взрослые; по большей части они знаютъ мать, и что она имъ дастъ, то и ѣдятъ. Имъ не позволяется много говорить за столомъ и по большей части они молчатъ, если только не имѣютъ сказать чего нибудь нужнаго. Когда присутствуютъ за обѣдомъ родители или гости, то, поднося ко рту первый стаканъ [113]), и съ открытой головой (ибо всѣ греки сидятъ за столомъ съ покрытой головой [114]), говорятъ молитву: «Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе, Боже нашъ помилуй насъ, аминь», и прибавляютъ: «благородіе твое да сохранитъ Господь Богъ на многія и добрыя лѣта, аминь.» Если же лицо будетъ духовное, то говорятъ вмѣсто благородія *священство* твое, если епископъ — *святыню*, если митрополитъ или архіепископъ — *всесвященство* твое, если патріархъ—*архіерейство твое, владыко*. Отъ перваго же дня Пасхи до Вознесенія вмѣсто «молитвами» говорятъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.» Эти молитвы имѣютъ обычай говорить не только юноши, но и другіе сидящіе за столомъ, ибо греки пьютъ не всѣ вмѣстѣ (какъ скоты), но стаканъ начинаетъ ходить отъ перваго и такъ по порядку доходитъ до послѣдняго. Юноши пьютъ первый стаканъ не прежде, какъ перецѣловавъ по порядку руки всѣхъ сидящихъ [115]) и пьютъ стоя съ открытой головой. Не позволяется имъ уходить изъ-за стола прежде, чѣмъ прочи-

---

[113]) Вина, котораго дѣтямъ даютъ немного.

[114]) Старые греки, держась старыхъ обычаевъ, постоянно ходятъ съ покрытой головой — не только на улицѣ, но и въ комнатахъ. Новыми греками этотъ обычай оставляется.

[115]) Обычай не всеобщій, а только нѣкоторыхъ мѣстъ.

таны будутъ молитвы, ибо греки не долго остаются за столомъ, если не будетъ званаго обѣда. Тѣ дѣти, которые обѣдаютъ не вмѣстѣ съ родителями, располагаются въ другой комнатѣ, которая по близости; однако (и они) не освобождаются отъ обязанностей вышеуказанныхъ. Въ праздникъ Рождества, въ ночь заговѣнья, въ дни Пасхи, апостоловъ или Петра и Павла, и пр. дѣти получаютъ отъ родителей свободу вольнѣе вести себя за столомъ, и если дозволятъ себѣ какое излишество, то имъ не дѣлается увѣщанія къ воздержанію, но откладываютъ родители наказаніе за проступки до другаго случая, отчасти изъ уваженія къ празднику, отчасти чтобы къ радости ихъ не примѣшивать скорби. Юноши, когда заводятъ игры на улицѣ, если случится, что проходитъ старикъ или человѣкъ извѣстный, не иначе привѣтствуютъ его, какъ это было у древнихъ лакедемонянъ: если сидятъ, встаютъ, если играютъ, останавливаются, пока пройдутъ. Это дѣлаютъ и всѣ вообще греки; если видятъ проходящее лицо духовное, привѣтствуютъ такой формулой: «прости владыко», которое отвѣчаетъ: «благословеніе Бога моего съ вами», или: «Богъ проститъ васъ.» Что требовалъ выше народъ отъ духовнаго, того же требуетъ духовный, входя въ какой нибудь домъ. Ему отвѣчаютъ: «прости, Богъ проститъ тебя.» Но это мимоходомъ, юноши же, когда узнаютъ о комъ нибудь, что слишкомъ близокъ съ турками, отвращаются его какъ величайшаго злодѣя. Впрочемъ не такъ относительно подобныхъ себѣ и сверстниковъ. О свободѣ, которую охотно даютъ турки дѣтямъ грековъ, еслибы я хотѣлъ говорить, принужденъ бы былъ говорить слишкомъ много, слѣдующее только скажу кратко: я неоднократно обижалъ въ играхъ дѣтей турецкихъ, однако родители ихъ не наказывали меня, развѣ только кто отъ природы человѣкъ очень грубый, ибо у нихъ весьма употребительно присловіе: «они дѣти, пусть играютъ.» Все намъ позволяютъ, только бы мы не наругались надъ ихъ вѣрою.

«Въ школахъ тривіальныхъ, которыя греки иронически на-

зываютъ колливограммата [116]), юноши греческіе сначала изучаютъ пинакидіи [117]), потомъ Октоихъ Дамаскина, въ третьихъ всю Псалтирь Давида, въ четвертыхъ Дѣянія и Посланія апостольскія, и наконецъ Тріодь и Аѳологій вмѣстѣ съ Пятокнижіемъ и Пророками, къ чему присоединяютъ письмо и ариѳметику. Все это проходятъ не въ одинъ или два года, но въ пять или болѣе лѣтъ.»

Е. Голубинскій.

Сергіевъ посадъ
М. Д. А.
октябрь 1871.

---

[116]) Что значитъ келейныя или монашескія школы, потому что школы эти преимущественно при церквахъ и учители въ нихъ преимущественно монахи и священники.

[117]) Πινακίδιον — дощечка, табличка — отъ πίναξ доска, таблица, аспидная доска. До введенія во всеобщее употребленіе печатныхъ азбукъ, что у грековъ могло случиться только весьма недавно, учители поступали съ учащимися грамотѣ или чтенію такъ, что каждый день приносили въ школу листъ бумаги, разрѣзывали его на мелкіе кусочки по числу учениковъ и на каждомъ кусочкѣ писали урокъ изъ азбуки или книги для чтенія (Псалтири, Часослова), который ученикъ долженъ былъ выучить къ слѣдующему дню, — эти кусочки бумаги съ написанными на нихъ учителемъ уроками изъ азбуки или книги для чтенія и назывались „Пинакидіями.“ Если ученикъ былъ богатый, то кусочекъ бумаги, даваемый учителемъ, онъ замѣнялъ собственной аспидной доской. Читавшимъ житія святыхъ приходилось встрѣчать выраженіе „елика написоваше ему учитель его, малѣмъ проученіемъ изучеваше“ или подобныя, — это разумѣется именно о пинакидіяхъ, преданія о которыхъ почему-то не сохранились въ исторіи нашихъ русскихъ школъ.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ

ПРОТИВОПРОТЕСТАНТСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХЪ ГРЕКОВЪ

БРАТЬЕВЪ ЛИХУДОВЪ.

Гонимымъ и несчастнымъ въ свое время «самобратіямъ Лихудіевымъ» посчастливилось въ нашей позднѣйшей литературѣ. О нихъ писали очень много и подробно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но изъ всѣхъ статей, касающихся ученой дѣятельности «самобратій», ни одна не обратила вниманія на ихъ полемическіе труды, направленные противъ протестантскихъ идей. Между тѣмъ эти труды значительно уясняютъ и возвышаютъ просвѣтительное значеніе образованныхъ и трудолюбныхъ грековъ, и достойны вниманія со стороны церковнаго историка XVIII ст.

Братья Лихуды были вызваны на Русь въ самыя тяжкія минуты ея церковной жизни, въ минуты живыхъ, горячихъ и рѣшительныхъ споровъ объ относительномъ достоинствѣ великорусской и малорусской цивилизаціи: [1]) «таковую, церкве належащую бѣду патріархъ Іоакимъ видѣвъ, замѣчаетъ іеродіаконъ Дамаскинъ, подвиже въ помощь себѣ греческихъ учителей, самобратій, іеромонаховъ Софронія и Іоанникія Лиху-

---

[1]) Въ чисто богословскомъ спорѣ о времени пресуществленія св. Даровъ замѣтнымъ образомъ выступала борьба между великорусскимъ и малорусскимъ просвѣщеніемъ. И великоруссы и малоруссы твердо отстаивали прерогативы своей цивилизаціи.

дievъ»[2]). Ученымъ грекамъ предстояла затруднительная и серьезная борьба съ партіею Медвѣдева, борьба, которая должна была закончить жаркіе и длинные споры о времени пресуществленія святыхъ Даровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и вытѣснить латиномудрствующее вліяніе малорусской партіи. Всякій знаетъ, что значитъ быть борцомъ въ религіозныхъ спорахъ, всякій потому и легко представитъ, какую тяжесть выносили на своихъ плечахъ ученые братья-греки. Отъ нихъ ожидали и требовали и энергіи, и знанія, и изворотливости въ состязаніяхъ. И самобратіи не посрамили себя. Они явились борцами твердыми, смѣлыми, искусными и сильными, хорошо знакомыми съ Свящ. Писаніемъ, отеческими твореніями и научными пріемами противокатолической полемики. Въ такомъ смыслѣ поняли Лихудовъ восточные патріархи. Они потому избрали и послали на Русь двухъ братьевъ, что эти послѣдніе обладали «чистыми душами и объяты были философскими и богословскими науками толико, яко силу имѣли довольную и учениковъ научити и сіяніемъ истиннаго православія возсіяли»[3]). Прибывши въ русское государство, Лихуды вступили въ борьбу съ западными выходцами, и прежде всего съ бѣлоруссомъ Япомъ Бѣлободскимъ. Бѣлободскій былъ человѣкъ начитанный, смѣлый, довольно изворотливый, но спутавшійся въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ; въ нихъ замѣчалась пестрая и странная смѣсь латинства, лютерства и кальвинизма[4]). Лихуды скоро поняли шаткость понятій и убѣжденій своего противника, и на первыхъ же порахъ диспута заставили его молчать и просить отсрочки до слѣдующихъ

---

[2]) „Эпоха“ за 1865 г. январь.

[3]) „Мечецъ духовный.“ Родъ, воспитаніе и дѣянія самобратій Лихудіевыхъ.

[4]) Бѣлободскій проповѣдывалъ въ латинскомъ духѣ о исхожденіи Св. Духа, о пресуществленіи св. Даровъ, о чистилищѣ, въ протестантскомъ о почитаніи Богоматери, святыхъ иконъ, мощей, поминовеніи умершихъ и предопредѣленіи. На диспутѣ онъ защищался „овогда отъ латинъ, овогда отъ лютеранбвъ, овогда отъ кальвиновъ“ (Акосъ Рук. Соф. Библ. № 1503). Одинъ изъ противниковъ Бѣлободскаго мѣтко назвалъ его *цыганомъ*, который въ каждомъ государствѣ исповѣдуетъ новую вѣру (возраж. на Бѣлоб. Ibid.)

дней. Диспутъ происходилъ въ десятый день по пріѣздѣ Лихудовъ въ Москву,—въ присутствіи царицы—жены Ѳеодора Алексѣевича, боярина Мусина Пушкина, и переводчика посольскаго приказа Николая Спафарія. Одержавши блестящую побѣду надъ своимъ противникомъ въ вопросѣ о пресуществленіи св. Даровъ, Лихуды показали невѣжество его и въ другомъ (философскомъ) вопросѣ о происхожденіи души новорожденныхъ младенцевъ. «Пострадавши въ семъ, якоже и въ высшемъ вопросѣ» — Бѣлободскій принужденъ былъ сознаться, что онъ «непричастенъ ѳеологіи» и удалился изъ Москвы [5]). Разоблачивши шарлатанство и невѣжество выходца Бѣлободскаго, Лихуды въ скоромъ времени вступили въ продолжительныя пренія по вопросу о пресуществленіи св. Даровъ съ партіею Медвѣдева [6]). Но этотъ удачный споръ сопровождался неблагопріятными послѣдствіями для ученыхъ ратоборцевъ—грековъ. Но навѣтамъ своихъ, довольно сильныхъ, враговъ Лихуды заключены были въ Новоспасскій монастырь (въ 1697 г.) и сложили съ себя любимое, почетное и полезное званіе наставниковъ новоучрежденной московской школы. Враги желали окончательно подавить энергію и вліяніе ученыхъ и дѣятельныхъ грековъ. Между тѣмъ крѣпкія стѣны монастыря, страшныя для слабыхъ душъ, болѣе и болѣе закаляли энергическую дѣятельность самобратій. Вдали отъ шума и свѣта, среди тяжелыхъ испытаній, они писали ораторскія слова [7]) и зорко слѣдили за современнымъ настроеніемъ общества и положеніемъ русской церкви. Они знали, что идеи Бѣлободскаго стали производить дурное броженіе въ русскомъ обществѣ, знали, что въ русской столицѣ «начали двизатися о вѣрѣ словеса неподоб-

---

[5]) Лихуды разказываютъ о своемъ спорѣ съ Бѣлободскимъ въ „Акосѣ“ По свидѣтельству митр. Евгенія ученые греки написали, въ опроверженіе мнѣній Бѣлободскаго, цѣлую книгу. (Слов. дух. пис. ч. 1, стр, 237). Это опроверженіе, по всей вѣроятности, и есть то „обличеніе“ лютеро-кальвиновъ, которое мы намѣрены обозрѣть.

[6]) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1845 г. Ст. г. Смѣловскаго.

[7]) Истор. Москов. Акад., стр. 64.

ная и не токмо простые человѣцы прельстишася, но и священная нѣкая отъ злагольствъ лютерскихъ, кальвинскихъ и иныхъ еретикъ объюродѣша» [9]). Поэтому въ 1701 г. ученые греки опять выступили на полемическое поприще дѣятельности съ обширнымъ словомъ «о предопредѣленіи.» Въ немъ они пространно доказываютъ и объясняютъ несостоятельность кальвинскаго мудрованія о предопредѣленіи и слегла касаются другихъ спорныхъ вопросовъ [9]). Но и это слово не могло удовлетворить настойчивыхъ и усердныхъ защитниковъ православія. Они чувствовали и сознавали, что съ наплывомъ въ русское государство иноземцевъ болѣе и болѣе станетъ развиваться ихъ вольномысліе. Вслѣдствіе того предъусмотрительные греки собирали болѣе обширный матеріалъ для опроверженія протестантскихъ идей и защиты догматовъ православной, греко-восточной церкви. Къ прискорбію, это благое и благотворное намѣреніе встрѣтили новыя препятствія. Около 1702 г. Лихуды переведены въ отдаленный костромскій Ипатьевскій монастырь и такимъ образомъ лишились и ученыхъ пособій и непосредственныхъ сношеній съ тогдашнею ученой корпораціей. Судьба съ неумолимою логикой давила, угнетала и убивала живую струю мысли и ученой дѣятельности грековъ. Но они съ мужествомъ и терпѣливо выносили крестъ незаслуженныхъ страданій и не оставляли своей излюбленной миссіи. Вдали отъ центра просвѣщенія, среди «скорбей и напастей» [10]), они ревностно подготовляли обширное, противопротестантское произведеніе. По счастливому стеченію обстоятельствъ Лихудамъ пришлось воспользоваться покровительствомъ новгородскаго митрополита Іова и переселиться въ

---

[9]) Прибавл. къ „Твор. Св. От.“ 1862 г. ч. 21.

[9]) Слово это хранится въ рукоп. Синод. Библ. № 565 по старому каталогу. Подробное обозрѣніе содержанія „слова“ представлено въ нашей статьѣ: „Противо-протестантская, проповѣдническая литература въ первой половинѣ XVIII ст.“ „Прав. Обозр.“ 1871 г. январь.

[10]) Такъ отзывается о жизни Лихудовъ въ костромскомъ монастырѣ ученикъ ихъ—Ѳедоръ Поликарповъ.

Новгородъ. Здѣсь снова закипѣла ученая дѣятельность братьевъ грековъ. Они съ горячей любовью отдались школѣ и «непрестанно на кійждо день учениковъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ письмяномъ, въ грамматицѣ сущимъ, безъ всякаго сокровенія вседушно обучали»,—они же сочинили и перевели въ Новгородѣ много книгъ [11]). Къ числу ихъ, между прочимъ, относится обширное «показаніе и обличеніе ересей Лютера и Кальвина отъ учителей Іоанникія и Софронія» [12]).

Поводомъ къ написанію этого сочиненія послужили, по свидѣтельству самихъ авторовъ, нѣкоторыя книги, написанныя протестантскими богословами противъ православной церкви, а именно: «книга, называемая *метафизика* Іоанна Маккова и другая книга, напечатанная во Франкфуртѣ Клавдіемъ Матніемъ, *напоминаніе о изрядныхъ родѣхъ волшебныхъ*, Каспаромъ Пейцеромъ изложенная и инa нѣкая, именуемая *катихизисъ христіанства*, изложенная отъ Іоакима Камераріа» [13]). Упомянувши объ этихъ книгахъ, въ письмѣ къ Петру Вели-

---

[11]) Пекар. ч. 1, стр. 217—218. „Странникъ“ 1861 г. февраль.

[12]) Это сочиненіе сохранилось въ рук. въ московской духов. академіи, на греческомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Ἀκοφανίρωσις καὶ ἔλεγχος τῶν ἐρίτεων τοῦ Λοὐτέρη καὶ Καλβίνου ἀπὸ τῶν διδασκάλων Ἰωαννικίου καὶ Σοφρονίου“—показаніе и обличеніе ересей Лютера и Кальвина отъ учителей Іоанникія и Софронія (Рук. М. Дух. Акад. № 275). Въ концѣ предисловія написано: 1706 г. ἐν τῇ Μεγαλοπόλει Νοβογραδίᾳ.“ Бывшій у насъ подъ руками русскій текстъ (Рук. С.-Пб. Духов. Акад. № 85)—съ значительными поправками и замѣнами, особенно тѣхъ мѣстъ, которыя отличались рѣзкостію. Почеркъ поправокъ похожъ на почеркъ всей рукописи. Судя по греческимъ словамъ, вставленнымъ для точнаго обозначенія русскихъ фразъ, можно думать, что поправки принадлежатъ самимъ авторамъ-грекамъ.

[13]) *Іоаннъ Макковъ*, одинъ изъ малоизвѣстныхъ нѣмецкихъ философовъ, издалъ въ Амстердамѣ въ 1668 г. свою метафизику. *Каспаръ Пейцеръ*, докторъ медицины и родственникъ Меланхтона, жилъ во второй половинѣ XVI стол. *Іоакимъ Камерарій*, профессоръ греческаго и латинскаго языковъ въ лейпцигскомъ университетѣ, другъ Меланхтона, извѣстенъ обширною ученостію по разнымъ отраслямъ знанія и литературными трудами по классической древности. Онъ принималъ участіе въ „аугсбурскомъ исповѣданіи“ и въ его духѣ составилъ свой „катихизисъ христіанскій.“ Итакъ Лихуды вступаютъ въ полемику съ двумя представителями Лютеро-Кальвинства, съ сочиненіями которыхъ они познакомились еще во время своей заграничной жизни.

кому, Лихуды замѣчаютъ: «обрѣтаются во оныхъ книгахъ несносныя на насъ православныхъ христіанъ хулы, будто мы идолослужители есмы, и хлѣбослужители, и повсемѣственники, и яко Божіе таинство, сирѣчь честное тѣло и животворящую кровь Христову волхвованьми, а не дѣйствіемъ и силою Св. Духа совершаемъ и ина нѣкая, трепетнѣйшая. На сія бо нечестивыя хулы отвѣщахомъ и *совершенную и цѣлую книгу* на хулящихъ готову имамы.» Въ концѣ письма авторы убѣдительно просятъ государя, чтобы онъ соблаговолилъ «въ міръ изъявити ихъ книгу» [14]). На просьбу Лихудовъ послѣдовало глухое и, можетъ быть, недовольное молчаніе. Тѣмъ не менѣе *книга* ихъ сохранилась и доселѣ извѣстна въ нашей литературѣ по однимъ библіографическимъ указаніямъ. Мы имѣли случай, благодаря вниматальности г. библіотекаря с.-пет. духовной академіи, не спѣша разсмотрѣть сочиненіе Лихудовъ и представляемъ здѣсь краткій очеркъ и анализъ его содержанія.

Въ своемъ обширномъ сочиненіи противъ лютеранъ и кальвинистовъ Лихуды касаются вопросовъ о троичности Лицъ, о божествѣ Іисуса Христа и поклоненіи Ему, объ иконопочитаніи, о важности и непререкаемой истинности седми вселенскихъ соборовъ, объ іерархіи, о христіанскихъ храмахъ и лютеранскихъ киркахъ, и наконецъ о приснодѣвствѣ и почитаніи Богоматери. Всѣ эти вопросы раскрыты безъ строгой взаимной связи и послѣдовательности, многословно, витіевато, съ постоянными уклоненіями въ сторону отъ данной темы. Поэтому при обозрѣніи сочиненія Лихудовъ мы постараемся группировать ихъ доказательства, концентрировать ихъ основныя, руководящія положенія, и объединять ихъ разсѣянные, или недоказанные выводы. Въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы нѣсколько разъ возвращаться къ одному и тому же во-

---

[14]) Письмо Лихудовъ къ Петру Великому по поводу „показанія и обличенія ересей Лютера и Кальвина“ сполна помѣщено въ „Странникѣ“ за 1861 г. февр. стр. 144—148.

просу и такимъ образомъ насиловать и утомлять вниманіе читателя. Надѣемся, что нашъ способъ обозрѣнія сочиненія Лихудовъ не повредитъ существу дѣла.

Посвящая свое сочиненіе четыремъ восточнымъ патріархамъ (Кипріану константинопольскому, Герасиму александрійскому, Макарію антіохійскому и Хрисанеу іерусалимскому), Лихуды прежде всего пишутъ витіеватый панегирикъ святѣйшимъ и свѣтлѣйшимъ патріархамъ и смиренно сознаются предъ ними, что они написали свое сочиненіе «не ради злата, сребра, адаманта, или маргаритовъ многоцѣнныхъ», но для «пристяжанія мудрости и благочестія.» «Послѣдуя симъ мы, замѣчаютъ составители «Обличенія», елико по силѣ нашей, плоды нѣкія *собрахомъ*, отъ нихъ же кто снѣсть, живъ будетъ во вѣкъ. Седьмосвѣщный свѣтильникъ сущимъ во тьмѣ безумія и паучину погруженнымъ ересьми мы познахомъ; чрезъ него же убо, еже во православіи свѣтъ паче солнечныхъ свѣтлостей возсіяетъ ясный и спасительный, — чрезъ него же Лютеро-Кальвиновъ и иныхъ еретиковъ падаютъ и помрачаются прелестная бляденія, православныхъ же утверждаются и просвѣщаются апюстоло-предавные догматы... Мы убо духа наученіемъ утверждаемся, не естественною же философіею и правдною лестію подвижемся.» Послѣ того Лихуды восхваляютъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ православную вѣру и благочестіе и порицаютъ стихійную, мірскую мудрость, которая довела еретиковъ, и въ томъ числѣ и лютеро-кальвиновъ, до отпаденія отъ истинной вѣры и благочестія и до многихъ беззаконій. «Слышасте ли, о лютеро-кальвины, суета, суетнотрудіе именуется мудрость обуявшая, мудрость упраздняшаяся, мудрость вѣка сего, мудрость губительная.» Порицая кичливую мудрость иноземцевъ и восхваляя мудрость православныхъ, Лихуды доказываютъ, что она есть лучшее и незамѣнимое достоинство и украшеніе наше и несравненно выше всѣхъ другихъ преимуществъ человѣка. «Аще во златомъ одѣяніи ходиши, шипки и крины сельныя достойнѣйшимъ одѣяніемъ паче тебя одѣваются,—аще у тебе тѣло есть, и садовіе

имѣютъ,—аще острозрительное зрѣніе имѣешь, острозрительнѣйшее орелъ стяжетъ,—аще богатъ, земля богатѣйше тебе,—аще крѣпокъ есть, левъ крѣпчае тебе,—аще здравъ еси, финискъ здравѣйшій,—аще же мудръ и благочестивъ еси, ничтоже тя побѣдитъ: вси тебѣ *чудятся и говѣютъ*; тогда убо отъ животныхъ разпрягся еси, благое твое воспріялъ еси. Сія убо (мудрость и благочестіе) даруютъ чадомъ упованіе, юнымъ плодъ, древнимъ благоукрашеніе, избраннымъ славу, игемономъ правду, народу полезное.» Всѣ эти фразы представляютъ варіацію ходячихъ тогда понятій о ничтожествѣ человѣка и величіи мудрости. Понятія эти перешли къ намъ отчасти изъ Византіи, отчасти изъ Южной Россіи, отчасти создались самимъ народомъ. Указанныя преимущества животныхъ предъ человѣкомъ и доселѣ на разные лады повторяются въ простонародіи. Обращаясь, въ концѣ предисловія, къ восточнымъ патріархамъ, Лихуды нижайше просятъ ихъ «пастырствующаго споможенія, власти и силы» и снисхожденія къ своимъ трудамъ. Называя свою книгу «священною», составители думаютъ, что она «аки седьмосвѣщный свѣтильникъ, на патріаршихъ престолѣхъ перво возшедше, всюду церкве разспослетъ лучи, благочестивыхъ просвѣтитъ, нечестивыхъ же и злославныхъ пожжетъ силою и содѣйствіемъ Святаго Духа.» Здѣсь видна необыкновенная увѣренность Лихудовъ во всемірномъ значеніи и неотъемлемыхъ достоинствахъ своего труда, хотя они кой-гдѣ называютъ его «худымъ и малымъ.» Это черта, замѣчательная въ то время. Составители книгъ Петровской эпохи обыкновенно унижали свои сочиненія и называли ихъ ничтожнѣйшими «лептами.» Лихуды сознавали, что они говорятъ не отъ себя, но по руководству Слова Божія, отеческихъ писаній и вѣроопредѣленіямъ соборовъ. Поэтому они и придавали догматическое значеніе своему сочиненію. Эта увѣренность много поддерживалась яснымъ сознаніемъ и твердымъ убѣжденіемъ въ истинности и святости ученія православной церкви и ложности и суемудріи ученія лютеро-кальвиновъ, съ которыми жарко полемизировали горячіе греки. Испрашивая

«споможенія и силы» у восточныхъ патріарховъ, Лихуды увѣрены, что они (патріархи) *девкаліоново* дѣло совершатъ, если будутъ покровительствовать ихъ книгѣ. «Той бо (Девкаліонъ) каменіе въ мягкіе и красные составы человѣческіе своею рукою преложилъ. Вы же *каменистая и грубая* наша во многовѣковое и сладчайшее слово вашею святостію превратите... Возмите *перворожденное сіе рожденіе* и добронепавистниковъ (лютеранъ и кальвинистовъ) вѣтры расточите.» Лихуды наивно думали, что восточные патріархи въ состояніи сдѣлать ихъ сочиненіе всесильнымъ. Но они горько ошиблись. Восточные патріархи имѣли принадлежащую имъ власть въ подчиненныхъ имъ церквахъ, и болѣе и болѣе теряли свое значеніе на Руси. Самоувѣренные греки воображали, что ихъ сочиненіе пріобрѣтетъ вѣсъ и значеніе на Руси и въ другихъ странахъ только благодаря покровительству патріарховъ. Но опытъ показалъ, что Лихуды принуждены были обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ государю Петру, чтобы онъ разрѣшилъ «въ міръ изъявити» ихъ книгу. Не смотря на это, книга осталась не напечатанною и сохранилась въ нѣсколькихъ рукописныхъ экземплярахъ, изготовленныхъ руками авторовъ и ихъ ближайшихъ учениковъ.

Послѣ «предисловія» Лихуды, въ общихъ выраженіяхъ, высказываютъ главные мотивы написанія своего сочиненія. Тутъ встрѣчается значительное сходство между письмомъ Лихудовъ къ царю и подлинными словами «Обличенія.» «Слышавше мы лютеро-кальвиновъ въ различныхъ и тягчайшихъ ересѣхъ погруженныхъ, дерзнувшихъ и брегчущихъ безславнѣйше противу насъ православныхъ грековъ и *иныхъ православныхъ намъ единомудрствующихъ* (въ рукописи—добавка)... яко мы хлѣбослужители и идолослужители и инаціавольства износятъ.., ихъ же ради понуждаемся, во еже изъявити оныхъ противу насъ бляденія и во согнившихъ ересѣхъ погрязновеніе сему нашему коснутися седьмосвѣщному свѣтильнику, яко въ глубочайшей тьмѣ ересей валяющіися узрятъ истинный благочестія свѣтъ и свое ихъ весьма познаютъ помраченіе.» Соста-

вители вовсе не касаются тѣхъ сочиненій, на которыя они ссылались въ письмѣ къ государю Петру, и потому ихъ обличенія не имѣютъ для себя надлежащей точки опоры. И надобно замѣтить, что во всемъ трудѣ Лихудовъ только однажды сдѣлана ссылка на метафизику Іоанна Маккова. Отселѣ легко объяснить, почему въ сочиненіи Лихудовъ нѣтъ полемики съ частными мнѣніями и доказательствами лютеро-кальвинистовъ, и въ изобиліи расточаются голая брань, несдержанныя и преувеличенныя укоризны и неоправдываемыя исторіей клеветы на лютеранскую церковь. Можно предполагать, что Лихуды или считали недостойнымъ для себя дѣломъ подробно разбирать возраженія противниковъ, или узнали о сочиненіяхъ, поименованныхъ въ письмѣ къ государю, послѣ написанія своего труда. И то и другое предположеніе во всякомъ случаѣ не дѣлаетъ чести ученымъ грекамъ. Не смотря на голословную брань и игнорированіе протестантскихъ мнѣній, Лихуды были убѣждены, что ихъ сочиненіе основательно опровергаетъ противническія мудрованія и можетъ предостеречь православныхъ отъ увлеченія нововымышленнымъ ученіемъ лютеро кальвиновъ. «Еще же и наипаче сіе паче иныхъ насъ побудило, да православныхъ къ своему злословію на всякъ день не привлекаютъ, чрезъ прелестная словеса, ихъ широкой путь, сластолюбіе и любострастіе въ погибель, якоже сіе явно намъ въ Медасіѣ и Симбиніѣ, въ низшія Угріи градѣхъ, бысть [15]); въ нихъ же и сущимъ тамо грекамъ памъ поученіе противу лютеранъ и кальвиновъ, въ самый праздникъ всечестныхъ апостоловъ Петра и Павла, о ихъ спасеніи и исправленіи совершися.» Въ этихъ словахъ мы находимъ новое подтвержденіе того, что Лихуды писали свое сочиненіе почти на отвлеченную тему, а не по поводу живыхъ и тревожныхъ вопросовъ времени. Лихуды знали издали и слабо положеніе протестантствующей партіи въ Москвѣ, а вслѣдствіе того они-

[15]) Этотъ фактъ случился при проѣздѣ Лихудовъ въ Россію; о немъ разсказывается въ полемикѣ Лихудовъ съ Яномъ Бѣлободскимъ

рались въ своей полемикѣ на прошлые и единичные факты пропаганды, изъ которыхъ приведенный фактъ совершился внѣ Россіи. Тѣмъ не менѣе трудъ ихъ былъ благовременный, а изъ полемическихъ, противо-протестантскихъ сочиненій XVIII в.—первый. Поэтому мы и рѣшились остановиться на обзорѣ и разборѣ основныхъ положеній и аргументовъ «Обличенія», доселѣ вовсе неизвѣстнаго въ нашей духовной литературѣ.

Въ полемикѣ Лихудовъ первое и видное мѣсто занимаетъ догматъ о троичности Лицъ божества. «Вы, лютеране, не захощете, якоже епикуры, во тьмѣ безначалія ходити, но во свѣтѣ единоначалія, не яко христоубійцы іудеи, но яко святыя восточныя церкви чада исповѣдуютъ. Три бо быша издревле: безначаліе, многоначаліе и единоначаліе. Въ безначаліи епикуряне плавающе погибаху, во многоначаліи еллины погрязнуша; во единоначаліи же евреяне, Платонъ, Аристотель и ихъ единомыслennики разтлѣшася... Безначальное есть и безчинное, многоначальное—смутнотворное, намъ же христіаномъ единоначаліе есть почитаемо», но это единоначаліе состоитъ въ почитаніи трехъ лицъ, «еже единочестіе естества, славы согласіе, тожде дѣйство, умность, силу и хотѣніе составляютъ...» «Единоначаліе всесвятыя Троицы присносущное, нераздѣльное, несѣкомое и неразлучное.» Разъясняя въ этомъ смыслѣ догматъ о троичности Лицъ, Лихуды ограничиваются одними фразами, не доказывающими дѣла, опускаютъ изъ виду важныя и прямыя слова Священнаго Писанія и ссылаются только на нѣкоторыя мѣста сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, преп. Нила и Іоанна Дамаскина [16]). Ссылка на сочиненія св. отцевъ показываетъ, что Лихуды имѣли у себя подъ руками въ Новгородѣ не мало отеческихъ твореній и были основательно знакомы съ отеческой литературой. Раскрывши ученіе

[16]) Лихуды вездѣ точно обозначаютъ приводимыя ими мѣста, указывая главы и страницы.

о троичности Лицъ, по руководству св. отцевъ, составители «Обличенія» сознаются, что вопросъ о предвѣчномъ рожденіи Сына отъ Бога Отца и вѣчномъ исхожденіи Св. Духа отъ Отца не подлежитъ рѣшенію человѣческаго ума и составляетъ непостижимую для насъ тайну. И это не должно смущать насъ, потому что мы не знаемъ и того, что совершается въ насъ и около насъ. Мы не знаемъ, «како убо душа съ тѣломъ смѣшена и како сицевое смѣшеніе бываетъ,—како умъ есть и слово произносное раждаетъ и посылаетъ инаго человѣка во умъ и мысль,—кое небесе и звѣздъ движеніе, кія моря предѣлы, откуда вѣтровъ обращенія, бѣги и теченія... никто же непогрѣшно сихъ вины знаетъ; аще же нѣцыи изъ древнихъ и новыхъ астрологовъ и маѳиматиковъ многая и многоразличная предреченныхъ виновная изложиша, но убо ни единъ позна непогрѣшно,—того ради распри, разгласія израстишася. Аще же ты, заключаютъ Лихуды, сихъ не позналъ еси, аще сія созданная, вещественная, тлѣнная и привременная чувственнаго естества не уразумѣлъ еси»: то какъ можешь узнать «существо Божіе»? Непостижимость Бога по существу весьма ясно засвидѣтельствовали многіе отцы и учители церкви: Аѳанасій Александрійскій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій, блаж. Ѳеодоритъ. Опираясь на отеческихъ разсужденіяхъ, какъ на самыхъ твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ, Лихуды, въ концѣ своего разсужденія о догматѣ троичности Лицъ, обращаются съ укоризною къ лютеранамъ и кальвинистамъ: «видите ли, лютеро-кальвины, яко таинства Божія съ благоговѣніемъ и лѣпоствонным говѣніемъ, и чиномъ и поклоненіемъ всякому мыслити и писати достойно,—видите ли, яко не въ силѣ словесе всякое упованіе православныхъ обрѣтается, наипаче же въ твердости догматовъ, искренности же и цѣлости»?

Представленная аргументація въ защиту догмата православной церкви о троичности Лицъ Божества является безцѣльною и слабою. Ученые греки не потрудились указать, какъ и въ чемъ искажаютъ означенный догматъ лютеро-кальвины, а

потому общія разсужденія ихъ оказываются не нужными въ полемикѣ. Недостаточны и слабы сами по себѣ и эти разсужденія. Они не опираются на ясныхъ свидѣтельствахъ Св. Писанія, твердыхъ вѣроопредѣленіяхъ соборовъ; а эти источники—главные и руководительные въ раскрытіи ученія православной церкви. Совсѣмъ опущена исторія догмата, очень важная для пониманія его. Не сдѣлано надлежащихъ выводовъ изъ отеческихъ твореній и допущены произволъ и натяжки въ заключеніяхъ, касающихся лютеро-кальвиновъ. Сочинители «Обличенія» готовы признать своихъ противниковъ врагами христіанства и послѣдователями всевозможныхъ ересей. Но подобное преувеличеніе въ сужденіяхъ всегда роняетъ полемику и ставитъ ее въ разрядъ рекламъ, неосновательныхъ и недостойныхъ инсинуацій и пасквилей. Мы не имѣемъ данныхъ смотрѣть такимъ образомъ на сочиненіе Лихудовъ только потому, что они отличались искренностію, честностію убѣжденій и глубокою преданностію греческой церкви, но излишняя ревность привела ихъ къ пристрастнымъ сужденіямъ о лютеро-кальвинахъ.

Далѣе идетъ рѣчь у Лихудовъ о воплощеніи І. Христа и соединеніи въ немъ двухъ естествъ. Этотъ догматъ также непостижимъ, какъ и таинство Св. Троицы. Но тѣмъ не менѣе мы должны признавать истинность и дѣйствительность воплощенія Сына Божія, о чемъ прекрасно разсуждаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ «свѣтозарнѣйшее свѣтило» Церкви и св. Григорій Назіанзинъ. Въ другомъ мѣстѣ составители «Обличенія», касаясь догмата о воплощеніи и двухъ естествахъ во І. Христѣ, останавливаются на объясненіи и толкованіи, по отеческому разуму, изреченія «высокопарящаго орла богословія», евангелиста Іоанна: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*: указавши на глубокое пониманіе этихъ словъ св. Іоанномъ Златоустомъ и другими отцами, Лихуды представляютъ и свое собственное толкованіе, которое отличается схоластическою изворотливостію и туманностію. «*Въ началѣ бѣ Слово*—присносущное являетъ, а *Сей бѣ*

въ началѣ къ Богу—соприсносущное являетъ, да не бо слышавъ кто *въ началѣ бѣ Слово* присносущно убо возмнитъ», почему и добавлено «*въ началѣ бѣ къ Богу*, сице соприсносущное являя, яко самъ Отецъ.... Нигдѣ бо окапчивается ниже Отецъ, ниже Сынъ. Сего бо ради и св. Павелъ глаголетъ: *Иже Сый сіяніе Славы Отчей и Образъ Ипостаси Его*... Предрекій бо: «*Богъ бѣ Слово*, да не возмнитъ кто меньши быти божество Сына, абіе здѣ и познавательная искренняго полагаетъ божества, присносущное же воспріявъ (*Сей бо бѣ въ началѣ къ Богу*), народодѣтельное приложивъ: *вся бо тѣмъ быша*». Итакъ «Сынъ бѣ соприсносущно самосовершенъ и всесовершенъ», какъ и Богъ Отецъ. Излагая эту мысль въ разныхъ выраженіяхъ, Іяхуды не даютъ ей никакого новаго основанія и опоры, и такимъ образомъ ограничиваются одними фразами. Вслѣдъ за тѣмъ они рѣшаютъ возраженія еретиковъ, отрицавшихъ божество І. Христа, на основаніи нѣкоторыхъ новозавѣтныхъ текстовъ: *не убо взыдохъ ко Отцу моему*,—*Отецъ мой болій Мене есть*,—І. Христосъ *смирилъ Себе даже до смерти*,—*Отроча ростяше и крѣпляшеся Духомъ*. Еретики, не признававшіе Божества І. Христа, ссылались на то, что Онъ, какъ человѣкъ, спалъ, гладствовалъ, утруждался, плакалъ и скорбѣлъ особенно въ послѣдніе минуты Своей жизни. При опроверженіи еретическихъ мудрованій Іяхуды обѣщаютъ «изъявить свѣтлость всѣхъ содѣланныхъ отъ Спасителя нашего и Бога-человѣка и человѣческія и боголѣпно содѣянное. «Во І. Христѣ, продолжаютъ они, два совершенныя естества, человѣка совершенна и Бога совершенна, соединенныя въ одной ипостаси, два хотѣнія и два дѣйствія.» Поэтому одни слова Св. Писанія относятся къ божественному достоинству І. Христа, а другія — къ человѣческому. Но всѣ слова Новаго Завѣта, взятыя вмѣстѣ, говорятъ объ І. Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ. Какъ Богъ Онъ предвѣчно родился отъ Отца, а какъ человѣкъ родился отъ Приснодѣвы Маріи. «Бодрый умъ богословія Назіанза Григорій говоритъ: Сей Сынъ истинно родился отъ Приснодѣвы Маріи по внѣшнему богословію, по присно-

сущно и безначально отъ Своего Отца по внутреннему богословію, по отъ Дѣвы: еже убо отъ жены родитися бѣ человѣчески, а еже отъ Дѣвы—божественно и пречудно.» Оттого мы видимъ въ жизни и дѣяніяхъ І. Христа и божеское и человѣческое: Онъ «пеленами повися, яко младенецъ, но гробныя пелены, воскресъ яко Богъ, разторже; въ яслехъ возлеже и малый вертепъ вмѣсти Невмѣстимаго, но ангели славословиша, волсви поклонишася, звѣзда Его возвѣсти и пастыріе воспѣша, — крестися, яко человѣкъ, по человѣческіе грѣхи погубилъ и освятилъ водное естество, — возжадалъ, по Онъ есть источникъ жизни и вода живая,—утруждался, но утружденныхъ и обременепныхъ есть упокоеніе,—отягчися во снѣ, но яко Богъ хождаше по водамъ,—изнеможе и уязвленъ бысть, по всякую немощь и язву исцѣлилъ,— воистину на крестѣ, яко человѣкъ, висяше, по разбойника висящаго спасе, земли основанія болѣзноваша, церковная раздрася завѣса на двое, солнце помрачися и мертвые изъ гробовъ возсташа,—воистину умре, по жизнь всѣмъ даде и Своею смертію темную смерть погубилъ,—воистину погребеся, но Своею властію воскресе, во адъ сошелъ и души праведныхъ свободилъ и по четыредесяти днехъ на небеса вознесеся, идѣже сѣдитъ одесную Бога». Всѣ эти сопоставленія излагаются у Лихудовъ, въ полномъ своемъ видѣ, очень растянуто, многословно и сбивчиво. Цѣль ихъ та, чтобы доказать лютеро-кальвинамъ, что они должны почитать икону Спасителя. Къ этой цѣли направлены и предыдущія разсужденія о божествѣ и соединеніи двухъ естествъ во І. Христѣ.

Въ раскрытіи одного изъ важнѣйшихъ догматовъ о воплощеніи І. Христа и соединеніи въ Немъ двухъ естествъ замѣчаются опять безцѣльность полемики и недостаточность аргументаціи. Лихуды касаются означеннаго догмата отчасти потому, что его искажали еретики, отчасти потому, что лютеро-кальвины, не почитая икону Спасителя, уподобляются древнимъ еретикамъ. Но вѣдь древніе еретики, взятые вмѣстѣ, неправильно истолковывали и отвергали почти всѣ догматы

православной церкви. Опровергая ихъ слѣдовало написать цѣлую догматику. Съ другой стороны для доказательства поклоненія и чествованія иконы Спасителя нужно было не много остановиться на личности І. Христа, и затѣмъ доказывать необходимость, важность и благотворность поклоненія иконѣ Его. Итакъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ представленное изложеніе ученія о воплощеніи и соединеніи двухъ естествъ во І. Христѣ оказывается безцѣльнымъ въ полемикѣ съ лютеранами и кальвинистами. Обличители ихъ воображаютъ, что нововымышленные еретики слабо знакомы съ догматами православной церкви (хотя это и несправедливо). Въ такомъ случаѣ полемизаторамъ предстояла нужда основательно и полно изложить основы, сущность и доказательства въ ученіи православной церкви о Лицѣ Богочеловѣка. Но это требованіе выполнено недостаточно. Доказывая важность и неприкосновенность догмата о Лицѣ І. Христа, они совсѣмъ опустили *церковное опредѣленіе* догмата (въ такъ-называемомъ «символѣ» Аѳанасія Александрійскаго), не обратили должнаго вниманія на точныя вѣроопредѣленія III, IV и VI вселенскихъ соборовъ, на которыхъ опровергнуты и отвергнуты различныя еретическія мудрованія о Лицѣ Богочеловѣка и возстановленъ истинный смыслъ православнаго догмата. Въ частности: при раскрытіи ученія о божествѣ І. Христа Лихуды оставили въ сторонѣ важнѣйшія и яснѣйшія мѣста Св. Писанія (Матѳ. 9, 17; Іоан. 12, 28, 29,—3, 16,—14, 6, 33, 47, 51; Марк. 14, 61—62; Дѣян. 4, 11; 1 Тим. 1, 15,—2, 5; Гал. 4, 4), несомнѣнно убѣждающія насъ въ божественности Искупителя міра; тотъ же недостатокъ замѣчается и въ раскрытіи ученія о человѣческой природѣ І. Христа (Матѳ. 8, 20; 11, 19, 20. Іоан. 3, 13,—5, 27. 1 Тим. 2, 5. Евр. 2, 14 и проч.). Говоря о соединеніи во І. Христѣ двухъ естествъ, Лихуды недостаточно разъяснили смыслъ этого соединенія — *нераздѣльнаго, несліянnаго и непреложнаго, неизмѣннаго, непрерывнаго и неразлучнаго*, о чемъ сохранились точныя и рѣшительныя сужденія и постановленія вселенскихъ соборовъ, опровергав-

шихъ еретическія мудрованія несторіанъ, евтихіанъ, монофизитовъ и монофелитовъ. Слабо раскрыты у Лихудовъ «общеніе свойствъ божескихъ и человѣческихъ и богомужныя дѣйствія» І. Христа. Мы остановились на указаніи этихъ недостатковъ для того, чтобы лучше обрисовать степень догматическаго образованія нашихъ полемизаторовъ и самый характеръ ихъ отрывочной, растянутой и неполной полемики. Сознавая богословское невѣжество своихъ противниковъ, а равно и своихъ читателей, Лихуды не должны были довольствоваться одними отрывками и фразами, но ясно, полно и основательно вразумлять своихъ противниковъ и научать своихъ почитателей и читателей (русскихъ). Только въ такомъ случаѣ былъ умѣстенъ и полезенъ трактатъ о воплощеніи Сына Божія въ сочиненіи, направленномъ противъ лютеро-кальвиновъ.

Послѣ указаннаго разсужденія Лихуды, безъ всякаго порядка, говорятъ объ отступленіи лютеро-кальвиновъ отъ церкви, о важности вселенскихъ соборовъ, о богоучрежденности и степеняхъ іерархіи, о христіанскихъ храмахъ и ихъ священныхъ принадлежностяхъ, и наконецъ о почитаніи Приснодѣвы и Богоматери Маріи. По внутренней связи и послѣдовательному изложенію дѣла мы должны остановиться на раскрытіи Лихудами догмата о почитаніи и Приснодѣвствѣ Богоматери.

«О Приснодѣвѣ Откровицѣ и Богородицѣ Маріи, по мнѣнію Лихудовъ, можно представить нескончаемое повѣствованіе, яко безконечнаго Бога неизреченно отъ святѣйшихъ ея кровей содѣйствіемъ Св. Духа воплотившая и во плоти родшая.» И дѣйствительно разсматриваемый догматъ изложенъ очень пространно на 140 страницахъ. Въ основаніи ученія о Приснодѣвствѣ Богородицы Маріи положенъ текстъ: *величитъ душа моя Господа*. Остановившись на общемъ смыслѣ словъ Пресвятой Дѣвы Маріи, Лихуды оставляютъ до времени подробный анализъ важнѣйшихъ выраженій текста, а только замѣчаютъ, что возвышенныя слова Маріи не могла произнести и не произ-

носила ни одна простая дѣва, потому что ни одна изъ нихъ не родила Бога-Слова и не удостоилась «ублаженія» отъ всѣхъ народовъ. Поэтому богодухновенныя слова Маріи прямо и рѣшительно говорятъ о ней, какъ Приснодѣвѣ и Богоматери. Послѣ такой общей замѣтки о словахъ Пресвятой Богородицы составители «Обличенія» обращаются къ ветхозавѣтнымъ символамъ, образамъ и гаданіямъ, прообразующимъ всесвятую отроковицу «Приснодѣву, Матерь Бога.» Въ ветхомъ завѣтѣ Богородицу прообразовали: скинія, ковчегъ завѣта, кадило златое, манна, жезлъ Аарона, купина несгараемая. Указывая на эти преднаименованія, Лихуды говорятъ, что они въ точности исполнились на Пресвятой Дѣвѣ Маріи: «нынѣ Сынъ Божій повелѣ Гавріилу изготовити ему словесную скинію, сирѣчь богоукрашенную Марію въ свое жилище, — нынѣ Приснодѣва Марія воистинну одушевленный ковчегъ, не покровенна златомъ, но яко небесная невѣста преиспещренна всюду божественною славою и дарованьми Св. Духа мироукрашенна,— нынѣ мысленная и одушевленная скрижаль благодатная Маріе самое Бога Слово, не на скрижалѣхъ каменныхъ написанное, но въ своихъ всепречистыхъ и дѣвственныхъ ложеснахъ воплощенно держаше,—нынѣ словесная и небесная стамна честнѣйшая Марія имяше самаго Сына Божія, мысленную и небесную манну,—нынѣ же мысленный свѣтильникъ Приснодѣва Марія, яже не лампаду, но безконечный *огнь* божества воспрія, и ею весь міръ просвѣтися,—нынѣ же одушевленная трапеза всенесквернаѧ Дѣва и градъ Бога живаго благообонянѣйшую жертву носящая и хлѣбъ жизни подающая,—нынѣ же тайный жезлъ Приснодѣвы Маріи всесвятѣйшая ложесна отъ корене Іессева, паче естества и слова и мысли, Бога-Слова присноживотный цвѣтъ процвѣтшая.» Указывая исполненіе ветхозавѣтныхъ прообразовъ на Пресвятой Дѣвѣ Маріи, Лихуды ограничиваются одними цвѣтистыми выраженіями и не столько разъясняютъ и доказываютъ дѣло, сколько пишутъ акаѳистъ Божіей Матери, который вовсе не умѣстенъ тамъ, гдѣ нужно научно и основательно аргументи-

ровать догматъ о Приснодѣвствѣ Маріи и ея Богоматернемъ достоинствѣ и величіи. Вслѣдъ за этими размышленіями помѣщена трактація о символахъ и гаданіяхъ, прообразующихъ Іисуса Христа и такимъ образомъ доказывающихъ, что Приснодѣва Марія, какъ Мать Сына Божія, была извѣстна въ ветхозавѣтныхъ *сѣняхъ*. Но величіе и благолѣпіе отроковицы Маріи усматривается главнымъ образомъ изъ того, что она истинно, дѣйствительно и приснодѣственно родила Сына Божія. «Никто не токмо въ человѣцѣхъ, но и въ ангелѣхъ толикую благодать пренебесную, якоже Приснодѣва Марія, обрѣте. Сія Творца всего міра и своего Бога имяше во чревѣ»,— она родила божественнаго младенца «неизреченно, безстрастно, безболѣзненно и безъ поврежденія своего дѣвства.» Почему архангелъ и сказалъ ей: *не бойся Маріамъ*... При разъясненіи этихъ словъ весьма витіевато и пространно описываются чудныя событія, предшествовавшія рождеству Іисуса Христа и сопровождавшія рождество Богочеловѣка и обозначаются тѣ многоцѣнные и великіе плоды, какіе даровалъ Богъ міру чрезъ воплощеніе Своего единороднаго Сына отъ Дѣвы и особенно Іерусалиму, который «возблисталъ» неизреченною славою, сдѣлался «всепречуднымъ градомъ» и превзошелъ «всѣ царства и грады; въ немъ бо Сынъ Божій по человѣчеству, и великій ходатай, и великій архіерей, и великій царь, и великій всея твари судія пребываше.» За этой трактаціей авторы обличенія «премѣняютъ мѣста и повѣствованія предѣлы» и начинаютъ объяснять Приснодѣвство Богоматери, ссылаясь на слова: *се дѣва во чревѣ пріиметъ*... По смыслу рѣчи слѣдовало ожидать, что Лихуды подробно и обстоятельно выяснятъ этотъ важнѣйшій въ ихъ вопросѣ текстъ, но они какъ бы мимоходомъ касаются его, и безъ всякаго основанія переходятъ къ нескладной и голословной перифразировкѣ архангельскаго привѣтствія Пресвятой Дѣвѣ и толкованію смиреннаго отвѣта непорочной и Пречистой Богоматери. «Отсюду, замѣчаютъ Лихуды, разсмотримъ Матеродѣвы отроковицы шествованіе и къ Елизаветѣ достиженіе,—гдѣ обрѣташеся, откуда возста, и чесо

ради сицеваго шествованія ятся. Здѣ таинства нѣкая узримъ: ни едино бо есть Приснодѣвы Маріи движеніе, въ немъ же не обрѣтается таинство.» Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ авторы «Обличенія» являются находчивыми и довольно изворотливыми экзегетами. Ихъ толкованія держатся не на однихъ голыхъ соображеніяхъ, но на отеческихъ твореніяхъ. Для образца представимъ два-три толкованія: «како Іоаннъ Приснодѣвы Маріи гласъ слышаше и взыграшеся во чревѣ, никогда же слышанія имѣя употребленія и дѣйство, ниже убо иныхъ чувствъ? Паки намъ великій Амвросій удовлилъ, сице рекій: Елизавета первшая Приснодѣвы гласъ слышаше,—Іоаннъ же первшій благодать услыша. И Григорій Богословъ вѣщаетъ: пророкъ бо матери зритъ и слышитъ остріе, и пророчествуемаго цѣлуетъ, но не словесами въ ложеснахъ цѣлуетъ, а въ великихъ взыграніяхъ радость назнаменующъ,—воинъ бо въ ложеснахъ заключенный позна Господа и родитися имущаго Царя, узрѣ Его не очесами, но духомъ.» Тутъ ссылаются составители «Обличенія» на толкованія приведенныхъ словъ Діонисіемъ Ареопагитомъ и Іоанномъ Златоустомъ. Въ истолкованіи словъ: *и исполнися Духа Свята Елизаветъ и возопи...* замѣчено: «Слышите ли, о лютеро-кальвины, святаго Евангелія, наипаче же Св. Духа самоистинная и всеистиннѣйшая словеса?.. Зрите, яко (почитая Богоматерь) глаголы не нашего ума плодъ износимъ, но вседаровитаго Духа вдохновенія нанося-ще, елико даетъ, отдаемъ,—и еже отъ священнаго Евангелія пріяхомъ, сіе убо и глаголемъ... Сей токмо есть нашего намѣренія поводъ суетны лживы и шепетливы (суемудрія) показати, противниковъ божественнаго догмата, яко татей Божія вертограда, исторгнути и богоматеродѣвственныхъ противниковъ бездверныя заградити уста... Что же всесвятый Духъ чрезъ блаженную Елизаветъ глаголаше? Благословенна ты въ женахъ и благословенъ *плодъ* чрева твоего». Святая Елизавета произнесла эти слова по наитію Св. Духа, а Онъ вѣщаетъ одну истину. Значитъ Елизавета достойно и праведно восхваляла Марію, какъ благословенную въ женахъ, кото-

рая имѣла во чревѣ своемъ и благословенный плодъ, «иже есть чаяніе языковъ и о Немъ вся племена земная возблагословятся.» Праведная Елизавета прямо назвала Марію Матерію Господа и тѣмъ «велегласно изъявила» непреложность и святость почитанія Божіей Матери. «Что на сія, о лютеро-кальвины, отвѣтствуете, — како Божій гнѣвъ Богочеловѣка Іисуса стерпите пророкоборцы, ангелоборцы, апостолоборцы, Евангеліеборцы себе показующе»? Марія родила Еммануила, а «Еммануилъ есть, яко протолковалъ архангелъ, Богочеловѣкъ Іисусъ». Дошедши до слова «Іисусъ» Лихуды, по обычаю некстати, начали передавать исторію дѣтства Іисуса Христа, потомъ заговорили о Божествѣ Еммануила, опять о Присноддѣвствѣ Богоматери, и наконецъ снова о троичности Лицъ. Оканчивая свою рѣчь о Пресвятой Дѣвѣ, ученые греки обращаются съ грознымъ увѣщаніемъ и предостереженіями къ своимъ противникамъ. «Вы же, о лютеро-кальвины, аще хощете избавитися и очиститися отъ древнихъ ересей, попудитеся исповѣдати Госпожу нашу и Владычицу Присноддѣву Марію истиннѣйшую Богородительницу,» которая признана таковою на вселенскихъ соборахъ (указанія на соборныя разсужденія и рѣшенія). «Марія Дѣва отъ святыхъ соборовъ Богородительница проповѣдася и удогматствовася.» Но «два прелестника» Лютеръ и Кальвинъ дерзнули «ложная противу Богоматере глаголати, якоже *низше явньйши* покажется и стрѣлы ваши лютеро-кальвиновъ ядоносныя на Матерь Бога Слова посылаемыя преломлени будутъ... Печать бо седьмосвѣщнаго свѣтильника *нашея сея книги*—Богоматери истиннѣйшее и свѣтлѣйшее (?) изъявленіе будетъ»...

Лихуды считали вопросъ о Присноддѣвствѣ и почитаніи Маріи, какъ Богородицы, на столько важнымъ, что, несмотря на свое обширное разсужденіе, снова желали трактовать о немъ. Нельзя не сказать, что ученіе о Присноддѣвствѣ и почитаніи Богоматери изложено въ «Обличеніи» довольно полно, хотя безсвязно, и съ излишними вставками. Ретивые греки могли обратиться, въ новой трактаціи, къ возраженіямъ про-

тивниковъ, чтобы «преломлять ихъ ядоносныя стрѣлы.» Эта отрицательная сторона при раскрытіи спорныхъ вопросовъ имѣетъ существенное значеніе для полемики, иначе она является отвлеченною, сухою и лишенною реальной основы для себя. Лихуды нигдѣ, ни однимъ словомъ, не касаются основаній и мнѣній лютеро-кальвиновъ и пишутъ свои опроверженія какъ будто не на нихъ, не для нихъ и не противъ нихъ. Этотъ недостатокъ полемики заставляетъ предполагать, что Лихуды мало знакомы были съ той доктриной, которую взялись опровергать, и сознаніе такого недостатка конечно и вызывало желаніе — вновь писать о томъ же.

Ученіе о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи и божествѣ Іисуса Христа, о Приснодѣвствѣ и святости Богоматери направлено у Лихудовъ къ тому, чтобы показать лютеро-кальвинамъ, что православные не идолослужители и хлѣбопоклонники, а истинные христіане, разумно и основательно говѣющіе предъ иконами. Отселѣ догматъ объ иконопочитаніи раскрытъ въ «Обличеніи» съ наибольшею полнотою и подробностями и занимаетъ почетное мѣсто въ полемикѣ. Около вопроса объ иконопочитаніи группируются и другіе пункты «Обличенія,» но группируются механически, безсвязно и чисто внѣшнимъ образомъ, такъ что по расчлененіи на части всего «Обличенія» является нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ, которые мы и принуждены излагать каждый особо. Раскрывая догматъ иконопочитанія, Лихуды больше всего останавливаются на ветхозавѣтныхъ примѣрахъ, а предварительно указываютъ своимъ противникамъ, что православные не идолослужители. «Мы убо православные ничтоже отъ себе изобрѣтше, но духоисполненныхъ праотцевъ, пророковъ, апостоловъ и отецъ нашихъ послѣдующи догматомъ, иконѣ Всесвятыя Троицы поклоняемся,—Богу и Отцу во образѣ Ветхаго деньми, якоже пророку Даніилу символически Себе явилъ,—Іисусу Христу, Сыну и Слову Бога Отца, яко Богу воплощенну, сирѣчь плоти Богоипостаснѣй во образѣ поклоняемся подражательнѣ, а не латрически. Честь бо иконы на первообразное преходитъ, якоже глаголетъ око міра

Богословъ Василій. И Святаго Духа въ видѣ голубинѣ на иконахъ и священныхъ сосудахъ изобразующе написуемъ и начертываемъ (ἀνιζορουμεν). Подобнѣ же и всепресвятыя Маріи и Богоматере святую икону, и святыхъ Ангеловъ, купно же и всѣхъ святыхъ на иконахъ написуемъ начертанія и изображенія. И сице священнописаньми святыхъ иконъ украшенны святыя Христовы церкви содержимъ, и отдаемъ имъ честь *подражательнѣ* (σχετιχῶς), зряще и лобызающе икону, умъ и мысль возносимъ на первообразное, ему же и латричество приносимъ, а не иконамъ.» Иконопоклоненіе существовало въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ заповѣдь, по повелѣнію Самаго Бога предложенная. «Богъ повелѣлъ Моусею устроити скинію и поклонятися, чтити и говѣти предъ херувимскими изображеніями и всѣмъ, яже въ ней... Моусей изъявляетъ намъ мѣсто, образъ и время Божія повелѣнія касательно освященія древъ, камней и иныхъ различныхъ веществъ, яко же ему заповѣдася.» Сославшись на свидѣтельство книги Исходъ объ устроеніи и освященіи скиніи, Лихуды выводятъ отсюда заключеніе, что всѣ принадлежности скиніи, устроенной по повелѣнію Божію, святы и святочтимы: «и ковчегъ святъ, и стамна златая, и каменныя скрижали, и жезлъ Ааронов, и трапеза, и хлѣбы предложенія, и златая кадильница, и свѣтильники, умывальницы, лампады, елей, жертвы—вся сія поклонятельна, и почитательна, и говѣема, яко Самъ Богъ Своимъ именемъ вся освятилъ.» Для доказательства своей мысли Лихуды приводятъ подтвержденія изъ книги Царствъ (3 Цар. 6. 8) и писаній св. Іоанна Златоуста, которыя говорятъ, что «Богъ повелѣлъ Моусею чрезъ свѣты и кажденія благоговѣйнѣйшія херувимы, и ковчегъ, и вся, яже въ немъ, кадити, и прославляти, и почитати, и покланятися, и говѣти не латрически, но *возносительнѣ* (σχετιχῶς)». Въ дополненіе къ своимъ доказательствамъ полемизаторы прибавляютъ, что означенные ими предметы, прообразующіе собою Іисуса Христа, Богоматерь и святую церковь, были такъ святы и неприкосновенны, что «Озанъ, коснувшійся сихъ кромѣ чина, погибе.» Если

же такъ были святочтимы «токмо сѣни,» по Божію неложнѣйшему слову, како не срамляетеся, обращаются обличители къ своимъ противникамъ, насъ православныхъ, украшенныхъ и лѣпыхъ, и святымъ иконамъ покланяющихся, идолослужители именовати,—како стыдомъ не покрываетеся—святое сквернымъ, православныхъ злославными, возглашати»? За этимъ вопросомъ слѣдуютъ ссылки на творенія Іоанна Златоуста, который доказываетъ превосходство Новаго Завѣта предъ Ветхимъ, длинныя разъясненія догмата о воплощеніи Іисуса Христа. Эти вставки запутываютъ аргументацію иконопочитанія, а потому мы ихъ и опускаемъ. Основываясь на догматѣ воплощенія Іисуса Христа, или на ученіи о нераздѣльномъ и упостасномъ соединеніи въ немъ тѣла съ божествомъ, Лихуды приходятъ къ несомнѣнному выводу, что боголѣпное изображеніе Божественной плоти и благоговѣйное поклоненіе иконѣ Спасителя необходимы и вполнѣ законны. Гораздо разумнѣе важнѣе и цѣлесообразнѣе отдавать почтеніе иконѣ Бога Слова, нежели простымъ изображеніямъ, «въ домищахъ вашихъ случившимся.» Икона великаго Спаса нашего Іисуса Христа изначала и всегда пользовалась почтеніемъ и благоговѣйнымъ поклоненіемъ ей у истинныхъ христіанъ. Для подтвержденія этого Лихуды указываютъ на святой убрусъ, посланный Самимъ Іисусомъ Христомъ чрезъ апостола Ананію къ Едесскому царю Авгарю, который «съ велінмъ предпосланіемъ и славою срѣтилъ» изображеніе Іисуса Христа, «чудно исцѣлися отъ проказы, и радостно и вседушне святое крещеніе пріялъ.» Въ знакъ своего глубокаго уваженія Авгарь приказалъ поставить «на вратѣхъ града» нерукотворенную икону Спасителя, съ надписью: «*Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, уповаяй на Тя никогдаже постыдится.*» Съ тѣхъ поръ нерукотворный образъ Спасителя получилъ всеобщее почтеніе въ церкви Христовой. Св. Аѳанасій свидѣтельствуетъ, что икона Спасителя совершила великое чудо въ городѣ Критѣ. Тутъ же указываютъ Лихуды на «честную икону Приснодѣвы Отроковицы, написанную апостоломъ Лукою и сію же отъ

свѣтильника Дамаскина написанную благоговѣніемъ, сущимъ къ Богоматери.» Въ заключеніи трактата объ иконопочитаніи составители «Обличенія» напоминаютъ своимъ противникамъ, что «православные никогда же святыя иконы боготворятъ, но токмо честь возносительную онымъ приносятъ, якоже *индѣ явнѣйши изъязимъ*.» То же замѣчаютъ наши полемизаторы въ разсужденіи и почитаніи св. иконы Богоматери: «Подобаетъ всесвятѣйшей иконѣ Богоматери воздавати поклоненіе почитательнѣ, возносительнѣ и прерабски, по подобію, по собранію и по соединенію, его же ради подобнаго поклоненія *инамо многая нами речена будутъ*.»

Лихуды ясно сознавали недостаточность своего трактата объ иконопочитаніи. И это сознаніе подтверждается самымъ дѣломъ. Разсужденіе объ иконопочитаніи, при своемъ значительномъ объемѣ (60 страницъ), отличается неполнотою и малодоказательностію. Приводя ветхозавѣтныя свидѣтельства въ пользу иконопочитанія, они не остановились на подробномъ изъясненіи и неправильномъ толкованіи лютеро-кальвинами важныхъ въ данномъ случаѣ текстовъ (Исх. XX. Втор. VI. 13). Не объяснили они, какъ совмѣстимо съ иконопочитаніемъ служеніе Богу *духомъ* и *истиною*, заповѣданное Іисусомъ Христомъ. Ссылаясь на нерукотворенный образъ Спасителя и икону Богоматери, полемизаторы не указали первоисточниковъ своего свидѣтельства (Евсевій, Филосторгій) и опустили сильные и вѣскіе примѣры: изображеніе Іисуса Христа на чашѣ въ видѣ пастыря, несущаго овцу (Тертулліанъ), поклоненіе въ древней церкви изображеніямъ мучениковъ и т. д. Оставлены безъ вниманія и свидѣтельства объ иконопочитаніи уважаемыхъ отцевъ церкви: Василія Великаго, Григорія Нисскаго и Амвросія Медіоланскаго. Слѣдовало защитить отъ нареканій протестантства святость, непререкаемость и обязательность вѣроопредѣленій 7 вселенскаго собора, подробно разсмотрѣвшаго догматъ объ иконопочитаніи. Оставлены безъ всякаго опроверженія различныя возраженія протестантовъ касательно иконопоклоненія. Такимъ образомъ желаніе Лиху-

довъ—«инамо многая» говорить въ защиту разсматриваемаго вопроса было далеко не напрасное.

По поводу вопроса объ иконопочтеніи Лихуды изобличаютъ своихъ противниковъ въ томъ, что они отдѣлились отъ истинной церкви и не могутъ называться христіанами. Тоже самое говорилъ протестантамъ и современникъ Лихудовъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. [*]) Но онъ доказывалъ свою мысль обозрѣніемъ всей протестантской догматики и ихъ церковной практики, а наши обличители довольствуются указаніями на отступленіе лютеро-кальвиновъ отъ вселенскихъ постановленій церкви (соборныхъ опредѣленій), ея устройства и іерархіи.

«Вы, лютеро-кальвины, отступницы апостольскихъ и отеческихъ преданій и самого Христа явившася, и тьмы темъ душъ въ нѣдра сатанинская предаша.» Отступивши отъ ученія Іисуса Христа, вы «христіане именоватися не можете, понеже отметнувшіи поученіе Христово, апостоловъ и ихъ преемниковъ Бога не имутъ, ниже Сына Его, и христіане именоватися не могутъ.» Вы отвергаете важность и святость вселенскихъ соборныхъ постановленій. Но «Богоноснін отцы, иже на седьми вселенскихъ соборахъ въ различныя времена и въ различныхъ мѣстѣхъ и градѣхъ о Святомъ Дусѣ собравшіися по предреченному намѣренію Христову, а не отъ мірскихъ смятеній и гражданскихъ стяжаній, заботились о святой церкви состояніи и утвержденіи... Самъ Сынъ Божій пребысть и собысть посредѣ отцевъ, якоже завѣща, Отцу и Святому Духу,—и на всѣхъ седьми вселенскихъ соборахъ, о имени святыя и нераздѣльныя Троицы собравшіися отцы едину вѣру совокупиша, апостольскимъ явѣ послѣдующіи поученіямъ, вѣру святѣйшую, истиннѣйшую, всецѣлую... Сего ради проклятію и анаѳемѣ вѣчнѣй и трепетнѣйшей всѣхъ подложиша, иже дерзнутъ или приложити, или отъяти что, даже до единаго слога. Кое же извиненіе, о лютеро-кальвины, вашего ради отступленія и преступленія отъ седьми вселенскихъ свя-

[*]) Misc. Sacra: Apol. fidei p. 163—213.

тыхъ соборовъ, изрещи можете?» Для доказательства важности и законности соборовъ и ихъ постановленій Лихуды ссылаются на изреченіе Спасителя: *идѣже два или тріе со брани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ*, на слова Златоуста и Аѳанасія Александрійскаго и на высокія достоинства присутствовавшихъ на соборахъ св. отцевъ. «Сущіи на седьми соборѣхъ святіи отцы сицеви познашася, якови и апостоли: житіе бо апостольское пожиша, и чудеса ими апостольская содѣявшаяся и святыя ихъ мощи, точащія велія и чудесная... Инъ отъ сихъ отцевъ изводенно имяше око, инъ ноги сожженныя, якоже церковная исторія намъ предаде, и святѣйшая жизнь сихъ св. отцевъ вся явна.» Что же касается соборовъ лютеро-кальвинскихъ: то они походили на простыя, часто шумныя и пьяныя сборища. И это неизбѣжно. «Мнимые у васъ пасторы мірское житіе, еретическое и простѣйшее проводятъ, ничимъ же весьма отъ винопродавцевъ житіе вашихъ пасторовъ различествуетъ.» Всѣ они подвержены «винопійству, мясоядѣнію и тягчайшимъ ересямъ. Тѣмъ же соборы у васъ быти не могутъ». Чтобы нагляднѣе раскрыть своимъ противникамъ важность вселенскихъ соборовъ и невозможность правильныхъ и достойныхъ почтенія соборовъ у лютеранъ, Лихуды пространно и обстоятельно передаютъ исторію всѣхъ вселенскихъ соборовъ, которая, какъ самая достовѣрная свидѣтельница истины, несомнѣнно убѣждаетъ, что соборы были законными, священными и весьма благотворными для устроенія церкви собраніями, и что, слѣдовательно, постановленія ихъ обязательны для истиннаго и православнаго христіанина. По этому обличители увѣщеваютъ своихъ противниковъ подчиниться голосу вселенской церкви, «дабы общее торжество во апостольской церкви и радость и веселіе объ обрѣтеніи погибшія драхмы» открылись. Въ связи съ этимъ увѣщаніемъ предлагается новое разъясненіе святости и неприкосновенности соборовъ постояннымъ соприсутствіемъ на нихъ самого Іисуса Христа: «Идѣ же самоправда, отъонуду неправда и лицемѣрства сила отвергаются,—идѣ же

самонстина, отъонуду ложь отгоняется,—идѣ же самопремудрость, отъонуду нечистота отрѣшается,—идѣ же сѣтъ, отъонуду тьма отлагается.» Въ заключеніе своего трактата о соборахъ Лихуды, по обыкновенію, сильно и рѣзко обличаютъ въ отступничествѣ, еретичествѣ и всевозможныхъ порокахъ лютеро-кальвиновъ, относятъ къ нимъ всѣ новозавѣтныя и многія отеческія нареченія о врагахъ и еретикахъ въ Церкви Христовой и называютъ ихъ «темными исчадіями ада и сатаны.» Какъ вездѣ, такъ въ особенности здѣсь, ученые греки совсѣмъ забываютъ заповѣданный Основателемъ христіанства духъ мира, любви и согласія, и ищутъ опору и силу для своей полемики въ изворотливыхъ и голословныхъ обличеніяхъ. Но отдѣлъ о важности соборовъ и неприкосновенности соборныхъ постановленій вообще одинъ изъ лучшихъ въ «Обличеніи.» Особеннымъ достоинствомъ отличается ясная, выразительная и довольно полная передача исторіи вселенскихъ соборовъ, съ которою недостаточно знакомы были русскіе современники Лихудовъ и которая ipso facto доказывала законность и богоучрежденность вселенскихъ соборовъ и нерушимость ихъ опредѣленій. Самымъ слабымъ пунктомъ трактата служитъ совершенное игнорированіе исторіи протестантскихъ собраній, которая несравненно лучше и точнѣе всякихъ разсужденій говоритъ о несостоятельности этихъ собраній и ихъ постановленій.

Другое важнѣйшее отступленіе лютеро-кальвиновъ отъ истинной Христовой Церкви, по мнѣнію Лихудовъ, заключается въ отсутствіи у протестантовъ храмовъ, гдѣ живутъ, питаются, обновляются и получаютъ всѣ благодатные дары христіане, и безъ которыхъ не возможна церковь, какъ видимое собраніе вѣрующихъ во Христа. «Сущая у васъ церковь—не домъ Божій и жилище Святыя Троицы, но домъ простѣйшій, ни отъ единаго православнаго архіерея освященъ,» поэтому онъ «не чистъ, не благочестивъ и не просвѣщенъ.» Указавши необходимыя свойства храма, какъ дома Божія, Лихуды останавливаются на освященіи христіанскихъ храмовъ, ссы-

лаясь на свидѣтельство Діонисія Ареопагита, на освященіе Антіохійскаго храма во имя святой Троицы и Іерусалимскаго храма, устроеннаго Іаковомъ братомъ Господнимъ. При этомъ они упоминаютъ о совершеніи литургіи въ древнихъ христіанскихъ храмахъ и разъясняютъ священное значеніе всѣхъ существующихъ въ храмѣ вещей и принадлежностей. Не довольствуясь представленными соображеніями, Лихуды изъявляютъ полную готовность «явно изъяснити вся сущая во православнѣй церкви духовнѣ дѣйствуемая и знаменовательная, и коегождо ихъ истолковати разумъ,» и потомъ переходятъ къ разсужденію о богоучрежденности и степеняхъ іерархіи.

Рѣчь объ устройствѣ храмовъ и знаменованіи находящихся въ нихъ принадлежностей была вполнѣ умѣстна и благовременна. Протестанты Петровской эпохи сильно нападали на внѣшнюю, обрядовую сторону православной церкви и смущали невѣжественные и склонные къ увлеченіямъ умы русскихъ. Лихуды въ одно и то же время и обличали несостоятельность иновѣрныхъ нападокъ на церковь и обстоятельно знакомили своихъ современниковъ съ значеніемъ и важностію храмовъ и находящихся тамъ предметовъ. Жаль только, что полемизаторы не сдѣлали точныхъ указаній на внѣшнее устройство и внутреннюю организацію древнихъ храмовъ и не сопоставили протестантскихъ кирокъ съ нашими храмами. Эта сопостановка во очію показала бы превосходство православнаго храма предъ «нововымышленными» и нисколько не питающими религіознаго чувства, *раціональными* кирками. Напрасно оставили Лихуды безъ раскрытія историческую основу устройства нашихъ храмовъ, т. е. давнее и повсюдное употребленіе въ православныхъ церквахъ тѣхъ вещей и предметовъ, которые находятся въ нихъ.

По вопросу о богоучрежденности и степеняхъ іерархіи, которая потеряла апостольское преемство у протестантовъ и явно отдѣлила ихъ отъ общенія со вселенскою Церковію, Лихуды подробно передаютъ весь ходъ и знаменованіе отдѣльныхъ моментовъ хиротописанія діаконовъ, священниковъ и

архіереевъ. Съ наибольшею полнотою и живымъ сочувствіемъ описываютъ и истолковываютъ они чинъ хиротонисанія архіереевъ, «иже Христа самого изобразуютъ и носятъ.» Опираясь въ своемъ изложеніи хиротонисанія на свидѣтельства св. Діонисія Ареопагита, полемизаторы желаютъ доказать своимъ врагамъ, что «вся святыя церкви таинства апостольски, и правильнѣ и православнѣ въ насъ убо благоувѣтнѣйша и ничтоже даже до черты сія предвигнухомъ, отнелиже отъ апостольскихъ преемниковъ сія пріяхомъ.»

Для доказательства богоучрежденности существующей въ церкви іерархіи обличители лютеро-кальвиновъ указываютъ на то, что Самъ Спаситель «показа въ Себѣ Самомъ всѣ степени священства: просящее крещенія и по крещеніи Онъ *чтеца* творя, сѣдящъ прежде учителей, двенадесятилѣтенъ сый, и слушая ихъ и вопрошая ихъ,—а яже *иподіакона* и *діакона* содѣйствова, покоряясь родителямъ и служа имъ, и въ праздникъ во святилище совходя съ ними и возбраняя, да не кто сосудъ чрезъ святилище внесетъ, и предлагающъ трапезу и умывая ноги учениковъ и діакона (слугу) Себе нарицая,—*пресвитера* же и учителя абіе по крещеніи свыше пріемля Духа Святаго и отъ Отца Сынъ возлюбленный свидѣтельствуемъ. *Архіерейства* есть знакъ, тѣмъ же Сей вѣчный есть іерей, еже Самъ апостоламъ глаголаше,—по божественномъ преображеніи великій и единый архіерей вся имѣя въ Себѣ, и насъ ради всегда бываемъ; іерархи убо первыя, сирѣчь двенадесять, іереи же вторые, — сирѣчь семдесятъ постави; конецъ же священнодѣйства Себе и таинства даде, и совершеннѣе хиротонисуетъ ученики возшедъ и исполни ихъ Святаго Духа.» Раскрывши такимъ образомъ божественное происхожденіе іерархіи, Лихуды приходятъ къ тому несомнѣнному выводу, что лютеране и кальвины, какъ нарушители и противники богоучрежденной іерархіи, не могутъ назваться и христіанами. Безъ іерархіи не могутъ существовать въ церкви—ученіе, священнодѣйствованіе и управленіе, а безъ нихъ церковь не церковь и христіане не христіане.

Вопросъ объ учрежденіи и степеняхъ іерархіи раскрытъ не полно и малоубѣдительно. Чтобы доказать богоучрежденность іерархіи, нужно было остановиться на разъясненіи іерархіи, существовавшей, по повелѣнію Божію, въ Ветхомъ Завѣтѣ, и указать на различныя іерархическія степени, учрежденныя, по заповѣди Спасителя, въ Новомъ Завѣтѣ, и несомнѣнно существовавшія въ первенствующей Церкви, какъ свидѣтельствуютъ книга Дѣяній Апостольскихъ, посланія апостола Павла къ Тимоѳею и Титу и писанія мужей апостольскихъ (Игнатія Богоносца). Эти данныя, полновѣсныя и убѣдительныя для протестантовъ, рѣшительно опровергаютъ ихъ мудрованія объ іерархіи и неопровержимо утверждаютъ ученіе православной церкви о важности и различныхъ степеняхъ священной іерархіи. Что касается до сближенія жизни и дѣятельности Іисуса Христа съ разнообразными іерархическими должностями, то оно отзывается искусственностію и натянутостію,—тѣми свойствами схоластики, которыми преисполнено все «Обличеніе.»

—

Обозрѣнное нами сочиненіе Лихудовъ оказывается, предъ судомъ серьезной богословской критики, недостаточнымъ во многихъ отношеніяхъ—со стороны своего *плана, содержанія, изложенія и тона рѣчи*. Въ произведеніи Лихудовъ нѣтъ общей, руководящей и центральной мысли, которая бы объединяла частныя мысли и сообщала имъ стройность, единство и цѣльность. Взятое вмѣстѣ сочиненіе Лихудовъ представляетъ механически-сплоченный аггрегатъ разныхъ трактацій о спорныхъ вопросахъ православія съ протестантизмомъ. Правда, въ своихъ сужденіяхъ наши полемизаторы строго прослѣдуютъ мысль, что «лютеро-кальвины отступницы отъ Христовой Церкви и зловѣрные еретики.» Но эта мысль съ одной стороны очень обща—она можетъ проводиться въ каждомъ полемическомъ противо-протестантскомъ твореніи, а съ другой—является въ «Обличеніи» произвольно-выводною, а не основною и живо проникающею все твореніе. Для доказательства своей общей

мысли Лихудамъ предстояло отчетливо изложить и безпристрастно сравнить догматическое ученіе православной и лютеро-кальвинской церквей. Но они оставили въ сторонѣ это дѣло, потому мы и назвали общую мысль ихъ творенія *произвольно-выводною*. Обличители лютеро-кальвиновъ съ особенною силою старались раскрыть вопросъ объ иконопочитаніи, и къ нему направляли свои разсужденія о Троичности Лицъ, о Божествѣ и воплощеніи Іисуса Христа, приснодѣвствѣ Богоматери и отчасти—о внутреннемъ устройствѣ и священно-чтимыхъ принадлежностяхъ храма. Но всѣ эти разсужденія являются отдѣльными, самостоятельными, обширными и ничѣмъ не связанными съ вопросомъ объ иконопочитаніи трактатами. Нѣтъ внѣшней послѣдовательности, связи, логической концепціи и распорядка между различными отдѣлами «Обличенія.» Каждый изъ нихъ можно поставить на какомъ угодно мѣстѣ, и полемизаторы, дѣйствительно, нѣсколько разъ возвращаются къ одному и тому же вопросу въ разныхъ мѣстахъ. Этотъ недостатокъ встрѣчается и въ другихъ полемическихъ сочиненіяхъ того времени, но въ гораздо меньшей степени [18]). Стефанъ Яворскій, монахъ Пафнутій и Ѳеофилактъ Лопатинскій механически распредѣляютъ довольно сложный матеріалъ своихъ сочиненій и излагаютъ отдѣльныя стихіи его безъ цѣлостнаго и взаимнаго отношенія частей къ цѣлому и цѣлаго къ частямъ. Они обыкновенно дробятъ свои сочиненія на нѣсколько отдѣловъ и потомъ, въ формѣ схоластическихъ дефиниціи, дивизій и конклюзій, разрабатываютъ содержаніе каждаго отдѣла, не связывая ихъ въ органически-цѣлое одною общею, объединяющею идеею. Но у этихъ полемизаторовъ по крайней мѣрѣ строго разграниченъ матеріалъ, точно

---

[18]) Блестящимъ исключеніемъ является современникъ Лихудовъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ строго, послѣдовательно и обстоятельно проводитъ свою мысль, и около ней группируетъ всѣ свои частныя доказательства и обличенія. Таковы, напр., сочиненія его „Объ оправданіи„ Иго неудобоносимое“ и др.

обозначаются детали трактатовъ и нѣтъ смѣшенія между различными пунктами. Лихуды не достигли и этого, почтеннаго у схоластиковъ, совершенства.

По своему *содержанію* «Обличеніе» неполно, бѣдно и часто односторонне. При характеристикѣ частныхъ отдѣловъ произведенія Лихудовъ мы видѣли, что они опускали изъ виду многія, важнѣйшія мѣста Св. Писанія, церковныя преданія и соборныя опредѣленія вселенской Церкви. Вслѣдствіе того православное догматическое ученіе раскрыто у нашихъ полемизаторовъ недостаточно и сухо,—сочиненіе ихъ не ослабляло многихъ возраженій на нашу догматику со стороны иновѣрцевъ. Въ большинствѣ случаевъ Лихуды удовлетворялись свидѣтельствами св. отцевъ. Но ихъ свидѣтельства имѣютъ второстепенную важность при изъясненіи догматовъ вѣры,—притомъ отеческія свидѣтельства обнимаютъ полно богословскіе вопросы только при совокупномъ снесеніи и сравненіи ихъ, а не при отрывочныхъ и часто неокончennыхъ выдержкахъ изъ нихъ. Такова по содержанію положительная часть «Обличенія». Что же касается отрицательной — то ея не существуетъ въ «Обличеніи,»—и намъ не понятно, *что* же обличали Лихуды и почему они такъ громко назвали свое произведеніе? Всякое полемическое сочиненіе, по самому несложному соображенію, непремѣнно должно останавливаться на мнѣніяхъ и возраженіяхъ противниковъ извѣстныхъ истинъ и рядомъ своихъ опроверженіи ослаблять и ниспровергать суемудріе и ложь и чрезъ то возстановлять и укрѣплять въ общественномъ сознаніи истину и правду. Это здравое требованіе полемики ясно понимали и всемѣрно старались осуществить на дѣлѣ указанные нами современники Лихудовъ. Въ «Камнѣ вѣры» Стефана Яворскаго, «Рожнецѣ духовномъ» монаха Пафнутія, «Игѣ благомъ» Ѳеофилакта Лопатинскаго и даже въ «Возраженіи на Пашквиль Лютеранской» Арсенія Мацѣевича находятся довольно обширныя «претыканія» и состязанія авторовъ съ своими антагонистами лютеро-кальвинами. По правдѣ сказать, въ этомъ отдѣлѣ означенныхъ сочиненій встрѣчается много желчи, брани и

скрупулезной логомахіи. Но вѣдь этихъ недостатковъ не избѣжали и Лихуды, хотя они уклонялись отъ «претыканій» съ своими врагами и оставляли въ сторонѣ многоразличныя ихъ возраженія. Во всякомъ случаѣ «Обличеніе» безъ разбора и обличенія протестантскихъ мнѣній—логическая несообразность, по схоластической терминологіи, «contradictio in adjecto.» Такое не обличительное «Обличеніе» оставляло обширное поле не только для новыхъ, но и для старыхъ возраженій и сентенцій протестантовъ, и не представляло твердаго и рѣшительнаго орудія для серьезной и побѣдоносной борьбы православныхъ съ иновѣрцами.

Изложеніе «Обличенія» растянутое, многословное, витіеватое, часто запутанное и сбивчивое. Лихуды любятъ останавливаться на одной и той же мысли, особенно главной, и расписываютъ ее разными схоластическими узорами на нѣсколькихъ страницахъ. Многія мѣста ихъ сочиненія суть не что иное, какъ напыщенныя и нескладныя филиппики въ защиту раскрываемой истины, или упоминаемаго событія. Такими свойствами по преимуществу отличаются ихъ разсужденія о божественномъ достоинствѣ личности Спасителя міра, о приснодѣвствѣ и величіи Богоматери, о важности архіерейскаго сана и необычномъ «хиротонисаніи» архіереевъ. Ретивые греки, вслѣдствіе фальшивыхъ пріемовъ тогдашней письменности, думали, что святая истина нуждается въ хитросплетенныхъ фразахъ и изворотливыхъ формахъ человѣческаго краснорѣчія, и гоняясь за этими ненужными и призрачными достоинствами, только затемняли свою рѣчь и затрудняли прямое и правильное пониманіе излагаемыхъ ими истинъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи Лихуды заплатили только печальную дань притязательному духу своего времени. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полемизаторы выясняютъ значеніе и смыслъ изреченій Св. Писанія, или св. отцевъ Церкви,—замѣчается сбивчивость и неясность, или же многословіе. Приведенное нами объясненіе словъ Евангелиста Іоанна: *въ началѣ бѣ Слово* изложено на нѣсколькихъ страницахъ,—между тѣмъ это неполное и мало-

понятное объясненіе легко было передать и на одной страницѣ. Равнымъ образомъ и все «Обличеніе,» даже съ значительными оттѣнками заключающихся въ немъ аргументовъ, можно было изложить на 80—100 страницахъ,—но оно занимаетъ 486 страницъ. Итакъ три четверти сочиненія наполнены многословіемъ, которое напрасно затрачивало силы и самихъ авторовъ и ихъ читателей.

Переходимъ къ *тону* и *характеру* «Обличенія.» Составители его перебрали, кажется, всѣ желчные, суровые, рѣзкіе и ругательные эпитеты при укоризнахъ и порицаніяхъ своихъ враговъ. Они называютъ ихъ и «темными исчадіями ада, и безбожными епикурейцами, и слѣпоствующими язычниками, и развратниками, и хульниками вѣры, и пьяницами, и обжорами, и любодѣйцами»—однимъ словомъ, Лихуды готовы назвать лютеро-кальвиновъ представителями самаго яраго невѣрія, самой нестерпимой злобы и самой крайней нравственной распущенности. Вслѣдствіе такого неумѣреннаго обличительнаго тона теряла свое значеніе ихъ полемика. Умный и разсудительный Ѳ. Прокоповичъ въ своемъ сочиненіи *О блаженствахъ Христовыхъ* [1]) совершенно справедливо и мѣтко замѣчаетъ, что излишнія и преувеличенныя укоризны иноземцевъ даютъ поводъ думать имъ, что православная церковь не обрѣтаетъ въ себѣ достаточно-вѣскихъ доказательствъ своего вѣроученія и нравоученія, и потому защитники ея прибѣгаютъ къ укоризнамъ и клеветѣ,—но эта клевета на иновѣрцевъ даетъ имъ новое и острое оружіе къ самозащитѣ и какъ клевета роняетъ полемизаторовъ и подрываетъ довѣріе къ защищаемымъ ими истинамъ въ сердцахъ простонародія. Притомъ цѣль полемики вразумить и исправить заблуждающихся, а «лаями и укоризнами никого не уврачуеши.» Этотъ свѣтлый и истинно христіанскій взглядъ на задачи богословской поле-

[1]) Сочиненіе это написано по повелѣнію и ближайшему вліянію Петра,—отпечатано въ 1722 г. Библіограф. свѣдѣнія о немъ сообщены въ соч. „Наука и Лит. при Петрѣ“ Пекарскаго ч. 2.

мики съ иновѣрцами и вообще еретиками произносить вѣрный и основательный судъ на тогдашнюю обличительную письменность, а въ томъ числѣ—и на «Обличеніе» Лихудовъ. Къ несчастію, самъ Прокоповичъ первый отступалъ отъ своихъ возарѣній, и въ спорѣ съ противниками не воздерживался отъ клеветы и желчной, язвительной сатиры.

Мы произнесли строгое сужденіе о сочиненіи Лихудовъ по требованію серьезной богословской критики и серьезнымъ задачамъ полемической науки. Наша цѣль была опредѣлить внутреннія качества, а не внѣшнія историческія достоинства и недостатки его. Но историческая критика требуетъ, чтобы при оцѣнкѣ и анализѣ всѣхъ историческихъ явленій принимались во вниманіе время, мѣсто, различныя обстоятельства вообще, всѣ агенты явленія, придающіе ему типическую особенность [20]). Тоже требованіе простирается и на оцѣнку сочиненій. Итакъ съ нашей стороны было бы несправедливо опустить, при характеристикѣ сочиненія Лихудовъ, время, мѣсто и цѣль его появленія, а равно общественное и частное положеніе его авторовъ. Они вѣрно обозначатъ намъ значеніе этого труда въ свое время.

—

Сочиненіе Лихудовъ относится къ начальнымъ годамъ 18 ст., къ тому времени, когда появлялся кризисъ въ религіозномъ сознаніи и церковной практикѣ русскихъ, когда исподоволь формировалась и дѣйствовала протестантская пропаганда на Руси, когда искусные защитники протестантской доктрины, сдерживаемые русскими законоположеніями, «яко тихо тинная

---

[20]) Въ этомъ отношеніи историческая критика сходится съ юридической теоріей и практикой, которыя до малѣйшихъ подробностей вникаютъ во весь сложный строй жизни лица и во всѣ сопутствующія обстоятельства извѣстнаго факта или событія, подлежащихъ юридическому сужденію. Намъ кажется, что эта юридическая постановка рѣшеній должна съ большею силою проникать и въ область исторической критики, особенно когда она касается общественныхъ дѣятелей и явленій. Только въ такомъ случаѣ исторія будетъ вѣрно судить мертвыхъ и давать поучительные уроки для живыхъ.

вода изливали потопные глаголы,» а другіе изъ нихъ даже «явно» вносили громады своихъ обычаевъ. Это было тревожное, колеблющееся время. Враги православной церкви пока частно двусмыслено выражались объ ея догматахъ и обрядахъ. Пропаганда дѣйствовала, — но еще не обнаружилась. Понятно теперь, почему въ сочиненіи Лихудовъ нѣтъ даже намековъ на антицерковныя, современныя явленія, — понятно и то, почему они сражались съ лютеро-кальвинами на отвлеченной почвѣ. Лихуды имѣли въ виду заграничныя сочиненія, но они не знали, насколько и какъ извѣстны эти сочиненія въ русскомъ мірѣ. Этимъ и объясняется сухость и безжизненность ихъ полемики.

Мы замѣтили въ произведеніи Лихудовъ недостаточность и отрывочность аргументаціи и слабое знакомство съ протестантской доктриной. И эти свойства много условливались тогдашними обстоятельствами. Лихуды писали свое сочиненіе въ Ипатьевскомъ монастырѣ и Новгородѣ. Но въ томъ и другомъ мѣстѣ они лишены были нужныхъ пособій для своего труда. Если Ѳеофилактъ Лопатинскій, жившій въ центрѣ просвѣщенія, при составленіи *Апокризиса*, принужденъ былъ обратиться за покупкою богословскихъ твореній къ рижскому протоіерею [24]), то тѣмъ болѣе предстояла такая нужда для Лихудовъ. Но они ей никакъ не могли удовлетворить. А безъ пособій не возможно составить серьезный, полемическій трудъ. Въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе было положеніе другихъ тогдашнихъ полемизаторовъ,—напр. Стефана Яворскаго и монаха Пафнутія. Первый имѣлъ подъ руками у себя много отеческихъ и историческихъ сочиненій, а равно обширные труды католическихъ богослововъ, а второй—почерпалъ основанія и доказательства для своей полемики изъ живыхъ, непосредственныхъ и продолжительныхъ бесѣдъ съ защитниками православія и многочисленныхъ преній съ еретиками. Лихуды

[24]) См. „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ г. Чистовича.

были почти единственными піонерами образованія въ Новгородѣ и разобщены съ ученой корпораціей. Имъ предстояла неизбѣжная алтернатива: или оставить безъ защиты интересы православной церкви, или для защиты ея воспользоваться тѣми неполными и отрывочными свѣдѣніями, которыя они успѣли *собрать* прежде. По любви и приверженности къ восточной церкви они рѣшились на послѣднее средство.

Неполнота, безсвязность и вообще необработанность сочиненія Лихудовъ много условливались также общественнымъ и личнымъ положеніемъ авторовъ. Несмотря на свои тяжкія страданія и несправедливыя преслѣдованія, Лихуды принуждены были исполнять много оффиціальныхъ порученій по ученой части. Мы уже упоминали объ ихъ трудахъ въ Новгородѣ. При такихъ обременительныхъ и серьезныхъ занятіяхъ, у нихъ оставалось не много досуга на тщательную обработку своего «Обличенія.» Не забудемъ и того, что на плечахъ грековъ лежали тяжелые и кропотливые школьные труды. Прибавимъ сюда ихъ безвыходно-горестное, карательное положеніе, которое всегда невыгодно отзывается на умственной производительности. Всѣ эти факты достаточно объясняютъ намъ указанные недостатки «Обличенія.» Но если Лихуды не могли составить отчетливое и солидное опроверженіе лютеро-кальвинскихъ мнѣній, скажутъ намъ, то зачѣмъ они рѣшились, спѣшили и хлопотали «въ мірѣ изъявити свою книгу»?

Ревностные и энергичные защитники греческой церкви не могли выносить равнодушно тѣхъ нареканій, которымъ подвергались у лютеро-кальвиновъ православные христіане и ихъ догматы. Они искренно желали уничтожить и ниспровергнуть хулы на истинныхъ послѣдователей Христа и основанной Имъ Церкви, а также — вразумить и обратить на истинный путь заблуждающихся. Чувствуя и сознавая важность и необходимость противо-протестантскаго сочиненія, Лихуды рѣшились привести въ исполненіе это дѣло. Споръ съ Яномъ Бѣлободскимъ и несомнительныя извѣстія изъ Москвы о постепенномъ усиленіи тамъ нѣмецкаго элемента и распространеніи

«нововымышленнаго» заграничнаго вольномыслія [22]) побуждали ихъ, какъ можно скорѣй, окончить свою книгу и затѣмъ отпечатать ее, чтобы заранѣе предупредить разливъ иноземнаго вольнодумства въ средѣ русскаго православнаго общества. И благовременная работа ихъ на пользу православной церкви могла быть, какъ благовременная, благотворною. Ознакомившись предварительно и довольно обстоятельно съ общимъ духомъ и направленіемъ протестантской доктрины, а также—съ общими положеніями и доказательствами истинности и непреложности пререкаемыхъ и охуждаемыхъ, православныхъ догматовъ—русское общество съ одной стороны менѣе увлекалось бы новымъ и неслыханнымъ ученіемъ западныхъ прозелитовъ, а съ другой—обрѣтало бы въ себѣ болѣе энергіи и опоры для борьбы съ иновѣріемъ. Исторія споровъ представителей и защитниковъ православія съ тогдашними недалекими и плохо-развитыми пропагандистами [23]), которые не рѣдко ставили въ тупикъ лучшихъ членовъ тогдашняго общества и завлекали на свою сторону не мало порядочныхъ людей, ясно показываетъ, какъ необходимо и полезно было тогда хоть посредственное противо-протестантское произведеніе. И надо пожалѣть, что «Обличеніе» Лихудовъ осталось во мракѣ неизвѣстности и было лишено принадлежащаго ему образовательнаго значенія [24]). По здравому соображенію всякая

---

[22]) Лихуды имѣли сношеніе съ своими московскими друзьями и учениками, съ нѣкоторыми изъ нихъ они лично встрѣчались въ Новгородѣ. (Стран. 1861 года, февр.).

[23]) Мы разумѣемъ Тверитинова и его сообщниковъ.

[24]) Исторія не даетъ положительнаго отвѣта на то, почему Петръ I не разрѣшилъ печатать „Обличеніе“ Лихудовъ. Но можно думать, что главными причинами тутъ были: общая нерасположенность Петра ко всякимъ *обличеніямъ* иноземцевъ, и тѣмъ болѣе — обличеніямъ сильнымъ и рѣзкимъ, а также невнимательность его къ гоннимымъ и забитымъ узникамъ—грекамъ. Вѣроятно не нравилось самовластному государю широковѣщательное посвященіе книги „свѣтозарнымъ“ восточнымъ патріархамъ. Могли вліять на дурной исходъ работы Лихудовъ и внутренніе недостатки ея, хотя эти недостатки, при поправкахъ, сокращеніяхъ и пополненіяхъ, могли быть и устранены или самими авторами, или ученными мужами того времени.

моральная и физическая болѣзнь скоро и радикально излечивается при первопачальномъ обнаруженіи своемъ. Эта простая истина, вполнѣ приложимая къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ нравственно-общественной жизни, почему-то была забыта современниками Лихудовъ,—и эта оплошность сопровождалась дурными послѣдствіями. Чрезъ семь или восемь лѣтъ послѣ написанія «Обличенія» первопастоятель русской церкви, митрополитъ Ст. Яворскій съ горестію сознавался: «трудно плыти противо-рѣчному стремленію.»

Д. Иваковъ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧРЕЖДЕНІЯ МИССІИ МЕЖДУ КИРГИЗАМИ СРЕДНЕЙ ОРДЫ.

Въ виду отрадныхъ надеждъ, возбуждаемыхъ между ревнителями св. вѣры устроеніемъ у насъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ объ учрежденіи православной духовной миссіи между киргизами [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что Миссіонерское Общество, главная цѣль котораго содѣйствовать распространенію христіанства среди язычниковъ въ восточной Сибири и на Алтаѣ, обратитъ свою дѣятельность и на киргизовъ. Мы не знаемъ, можно ли будетъ устроить миссіи между всѣми киргизами вообще, но думаемъ, что еслибы устроилась миссія между киргизами Средней Орды, условія и религіозный бытъ которой намъ болѣе извѣстны,—то она, съ одной стороны, имѣла бы среди нихъ значительный успѣхъ, а съ другой при содѣйствіи ея, киргизы Средней Орды скорѣе бы перемѣнили свой кочевой бытъ на осѣдлый, чѣмъ этого можно ожидать отъ нихъ при нынѣшнихъ условіяхъ и обстоя-

[1] Эта статья была составлена вскорѣ по устроеніи петербургскаго миссіонерскаго общества. Но за послѣдовавшимъ разстройствомъ дѣлъ означеннаго общества, печатаніе статьи въ то время было отложено. Предлагая ее въ настоящее время вниманію читателей, мы думаемъ, что свѣдѣнія изложенныя въ ней не утратили своего интереса, и заявляемая въ ней потребность учрежденія православной миссіи между киргизами сдѣлалась еще болѣе настоятельною. Съ другой стороны нынѣшнее Православное Миссіонерское Общество, существующее подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго, можетъ давать болѣе надеждъ и на возможно скорое осуществленіе благой мысли. *Ред.*

тельствахъ. Поэтому, чтобы убѣдиться въ возможности учрежденія миссіи между киргизами Средней Орды, скажемъ: во 1) о томъ, въ какой степени между ними развитъ исламъ; во 2) откуда и какими путями онъ проникаетъ къ нимъ; въ 3) какими бы мѣрами его ослабить и наконецъ 4) при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ можно будетъ учредить среди нихъ миссію, не возбуждая тѣмъ какихъ-либо волненій.

—

Исламъ между киргизами Средней Орды развитъ среди киргизовъ болѣе образованныхъ, число которыхъ впрочемъ очень незначительно. Это нѣкоторые муллы, султаны, богатые киргизы и только. Но что касается простыхъ киргизовъ, ислам среди нихъ развитъ еще слабо и они не питаютъ къ нему особаго расположенія. Какія тому причины? Почему среди киргизовъ, которые давно приняли исламъ, давно называются послѣдователями магометанской вѣры, исламъ развитъ еще слабо?

Киргизы Средней Орды ведутъ кочевой образъ жизни. Когда наступаетъ весна, они перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, и для нихъ—это наслажденіе, тоже въ своемъ родѣ, что народный праздникъ. Перекочевка продолжается все лѣто, весну и осень, и привязанность къ такой жизни такъ сильна, что даже *байгуши* (бѣдные киргизы), которые живутъ вблизи нашей линіи и не имѣютъ возможности переносить свои кибитки и имущества съ мѣста на мѣсто на верблюдахъ, переносятъ ихъ на рукахъ по нѣскольку разъ въ годъ (саж. на 50 и болѣе), чтобы сохранить хотя видъ перекочевки. А при такой жизни, скоро ли могутъ привиться какія бы то ни было идеи? Оттого простые киргизы до сихъ поръ стоятъ въ религіозномъ отношеніи на низкой степени развитія, и относятся къ требованіямъ мусульманскаго закона въ высшей степени нерачительно. Извѣстно напр., что истые мусульмане строятъ для отправленія богослуженія мечети,—онѣ есть почти въ каждомъ селеніи, гдѣ живутъ таковые мусульмане,—и усердно посѣщаютъ ихъ въ положенное время. Но не то мы видимъ между киргизами Средней Орды. Всѣхъ жителей въ ней, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1865 г. [*]), считалось около 300,000 тысячъ душъ обоего пола, а

[*]) Изъ отчета губернатора омской области сибирскихъ киргизовъ за 1865 годъ.

мечетей—только четырнадцать, да и эти мечети не всѣ устроены среди киргизовъ. Пять изъ нихъ устроены въ самыхъ округахъ и собственно для татаръ, проживающихъ въ округахъ, а остальныя только девять на зимнихъ кочевьяхъ киргизовъ. Кромѣ того, и эти девять мечетей устроены султанами, богатыми татарами, чтобы распространить среди киргизовъ исламъ, но сами киргизы не устроили еще для себя ни одной мечети.

О молитвѣ и моленіи киргизы также почти не думаютъ ни сколько. Они, по большей части, безпечны и въ высшей степени лѣнивы. Вся забота ихъ состоитъ въ томъ, чтобы нажить скота, на который можно бы купить хлѣба, достать себѣ и прочихъ потребностей для жизни; но если скотъ нажитъ,—киргизы не заботятся почти ни о чемъ. Ихъ жизнь тогда идетъ въ ѣдѣ, снѣ, или они слушаютъ разные разсказы, дремлютъ около огня, или, наконецъ, разъѣзжаютъ по ауламъ въ гости другъ къ другу. А при такой жизни, опять до молитвы ли киргизамъ? Оттого, относительно молитвы и моленія, киргизы имѣютъ свои особыя понятія, которыя совершенно противоположны мусульманству. Извѣстно напр., что всякій мусульманинъ обязанъ молиться по пяти разъ въ день, а именно: въ первый разъ — при разсвѣтѣ, во второй—въ полдень; въ третій—предъ закатомъ солнца; въ четвертый—при самомъ закатѣ, и наконецъ въ пятый—при началѣ сумерекъ. Но киргизы полагаютъ, что молиться по пяти разъ каждый день—много; по ихъ понятіямъ, довольно однажды сдѣлать передъ Богомъ два земныхъ поклона съ должнымъ благоговѣніемъ, и потомъ можно не молиться въ теченіе цѣлаго года. Оттого, въ мечети, которыя устроены среди киргизовъ на зимнихъ кочевьяхъ, простые киргизы не ходятъ, особеннаго отправленія богослуженія не имѣютъ, и въ другихъ случаяхъ жизни молятся чрезвычайно рѣдко. Всего чаще они молятся послѣ обѣда; но и въ это время молитва ихъ носитъ одно только названіе, а на самомъ дѣлѣ они совершаютъ ее такъ: положимъ, киргизы пообѣдали: тогда глава семьи начинаетъ читать молитву; онъ читаетъ ее про себя, а прочая семья сидитъ около него и думаетъ—о чемъ ей угодно. При заключеніи молитвы, глава семьи, погладивъ свою бороду руками, громко произноситъ слово: Аллахъ! Въ это время къ его молитвѣ присоединяется прочая семья, произноситъ тоже слово, и молитва оканчивается.

Далѣе, исламъ между киргизами Средней Орды скорѣе бы могъ развиваться тогда, когда ради ихъ много было бы мѣстнаго образованно-мусульманскаго духовенства. Такое духовенство,—послѣ того, какъ киргизы приняли исламъ, котораго они еще не умѣли приложить къ своей жизни, какъ слѣдуетъ,—скорѣе бы могло привить и распространить его среди киргизовъ, скорѣе также провести его въ жизнь и разные слои населенія киргизовъ. Но, къ счастію, такого духовенства между киргизами—еще не много. Всѣхъ жителей, какъ мы видѣли выше, считается въ Средней Ордѣ около 300,000 тысячъ душъ обоего пола; между тѣмъ, мусульманскаго духовенства, по тѣмъ же оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, считается только двадцать одна душа. Такимъ образомъ, на одно духовное лицо приходится около 15000 тысячъ душъ; а при такой числительности киргизовъ и малочисленности духовенства, въ состояніи ли послѣднее развивать исламъ между ними быстро? Оттого, до сихъ поръ мусульманскія идеи прививаются къ киргизамъ туго, и проходятъ въ ихъ жизнь медленно. Вотъ какъ напр. совершаются среди киргизовъ почти всѣ ихъ религіозные обряды:

Обрядъ обрѣзанія, главный и необходимый въ мусульманствѣ, истые мусульмане всегда совершаютъ въ осьмой день послѣ рожденія младенца. Между тѣмъ, киргизы тотъ же самый обрядъ выполняютъ черезъ годъ или два, другіе—пять или шесть, а иные—десять и болѣе. Бываютъ случаи,—особенно среди киргизовъ, которые кочуютъ вблизи нашей линіи, гдѣ не всегда можно встрѣтить киргизскаго хаджу или указнаго муллу,—что нѣкоторые изъ киргизовъ остаются необрѣзанными и во всю свою жизнь.

Посты среди киргизовъ соблюдаются также старыми людьми, но молодые—нарушаютъ ихъ свободно. Бываютъ случаи, что не только въ простое время, но и въ постъ киргизы пьютъ даже русскую водку. Однажды пишущій эти строки, видя, какъ киргизъ пилъ водку, спросилъ его: отъ чего ты пьешь вино и—притомъ въ постъ, когда пить его запрещаетъ Магометъ? Киргизъ преспокойно отвѣчалъ: «еслибы Магометъ жилъ въ нашей ордѣ, гдѣ такіе холода зимою, онъ никогда бы намъ не запретилъ пить вино.»

Интересно также киргизы заканчиваютъ свой постъ *айтъ*.

Они съ нетерпѣніемъ ждутъ его окончанія, а когда наступаетъ оно, — все тогда въ аулахъ принимаетъ праздничный видъ. Дѣвушки одного какого-либо аула одѣваются въ лучшій нарядъ, садятся на лошадей и группами выѣзжаютъ на открытое, заранѣе условленное мѣсто. Сюда же, изъ ближайшаго аула, выѣзжаютъ молодые киргизы, и начинаются игры. Изъ группы дѣвицъ—одна кидается на своей лошади во всю скачь, потомъ другая, третья... Молодые киргизы—за ними. Нагоняя дѣвушекъ, они стараются обнять ихъ; но дѣвушки, всячески увертываясь, бьютъ ихъ по головѣ и спинѣ плетью, а когда и это не помогаетъ, сдаются уже удальцамъ, какъ побѣжденныя.

Когда идутъ такія игры, всѣ прочіе киргизы, старые и малые, смотрятъ на это зрѣлище, любуются имъ, хвалятъ лихихъ наѣздниковъ и наѣздницъ, а потомъ, когда окончатся игры, отправляются въ юрты пировать...

Присяга по корану принимается киргизами тогда, когда слѣдствіе производятъ русскіе чиновники. Они не питаютъ къ ней уваженія и полагаться на нее не слѣдуетъ. Киргизы говорятъ, что еслибы присяга по корану была дѣйствительна, то Богъ за ложную присягу поражалъ бы виноватыхъ громомъ; но на дѣлѣ этого нѣтъ. Оттого, нерѣдко случается слышать, что киргизы, принявъ ложную присягу, хвалятся тѣмъ, что они получили за нее отъ кого-либо барана. Между тѣмъ, когда разбираютъ тяжбы сами киргизы, у нихъ тогда бываетъ *своя* присяга По ихъ обычаямъ, она дается не истцу или отвѣтчику, а лицамъ, почему-либо уважаемымъ изъ того аула или волости, къ которымъ принадлежитъ обвиняемый и которыхъ изберетъ самъ истецъ. Если таковыя лица согласятся принять присягу, обвиняемый считается правымъ; если нѣтъ,—виноватымъ. Самый же обрядъ присяги совершается такъ: лица, изъявившія желаніе принять присягу, предварительно обмываются водою; потомъ ихъ ведутъ къ какой-либо могилѣ, особенно чтимой киргизами; здѣсь раскладываютъ огонь, проводятъ ихъ чрезъ него три раза и даютъ въ заключеніе всего цѣловать дуло заряженнаго ружья. Въ преступленіяхъ неважныхъ вся присяга состоитъ въ томъ, что лицъ, изъявившихъ желаніе принять присягу, посылаютъ къ какой-либо рѣкѣ или урочищу, велятъ принести оттуда камень, или объѣхать кругомъ рѣки или урочища.

Обрядъ бракосочетанія, когда онъ совершается киргизскими хаджами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, совершается среди киргизовъ также иначе, чѣмъ совершаетъ его указное духовенство. Послѣднее совершаетъ его такъ: когда свадебный договоръ оконченъ, калымъ выплаченъ, отецъ жениха приглашаетъ муллу совершить бракъ. Онъ является въ юрту невѣсты, и всѣ занимаютъ свои мѣста. Взявши чашу съ наполненной водой, мулла втыкаетъ въ дно ея стрѣлу; потомъ, прочитавши надъ чашей довольно коротенькую молитву изъ корана, онъ даетъ изъ нея пить сперва жениху, потомъ невѣстѣ, всѣмъ присутствующимъ, и тѣмъ обрядъ оканчивается. Между тѣмъ, тотъ же самый обрядъ киргизскіе хаджи совершаютъ такъ: по окончаніи свободнаго договора, обмѣна свадебныхъ подарковъ, хаджа рѣжетъ въ присутствіи всѣхъ на бракѣ барана и, прочитавши надъ нимъ молитву, спрашиваетъ мужа: «обязываешься ли ты не ночевать въ чужомъ аулѣ, если твоя юрта будетъ отстоять отъ него на разстояніи собачьяго лая [2])? Обязываешься ли ты не бить своей жены безвинно и не смотрѣть на нее косо?» Потомъ, обратившись къ женѣ, хаджа говоритъ ей: «а ты, обязываешься ли повиноваться своему мужу, смотрѣть за его дѣтьми и исполнять всѣ домашнія работы? Обязываешься ли любить его и быть ему вѣрною?» Когда оба дадутъ утвердительный отвѣтъ, обрядъ бракосочетанія считается оконченнымъ.

Бываютъ иногда случаи, что киргизы составляютъ свои браки, не пригласивъ даже для прочтенія молитвы и хаджу. По ихъ обычаямъ, бракъ считается совершеннымъ, лишь бы были при свадебномъ договорѣ три свидѣтеля. Впрочемъ такіе случаи рѣдки и бываютъ, по большей части, тогда, когда при свадебномъ договорѣ въ числѣ свидѣтелей былъ и хаджа.

Наконецъ, исламъ между киргизами Средней Орды не можетъ развиваться скоро потому, что, кромѣ *указнаго* духовенства, у киргизовъ есть *свое* особое духовенство, которое, съ одной стороны, парализируя власть и вліяніе указнаго духовенства, съ другой—само нисколько не заботится о развитіи ислама между киргизами. Откуда же оно, какой его составъ, каково образованіе и вліяніе на киргизовъ въ религіозномъ отношеніи?

---

[2]) Лай собаки, по словамъ киргизовъ, можно слышать за пять верстъ.

До перехода своего въ подданство Россіи, киргизы не имѣли у себя указнаго духовенства изъ татаръ, проживающихъ въ Россіи, но подчинялись въ религіозномъ отношеніи хаджамъ, которые выходили къ нимъ изъ Средней Азіи. Эти хаджи остались среди киргизовъ и по переходѣ ихъ въ подданство, существуютъ между ними и нынѣ.

Правда, правительство не признаетъ хаджей за лицъ духовнаго званія, и потому они не пользуются отъ него никакими правами. Всѣ киргизы, по переходѣ ихъ въ подданство, подчинены правительствомъ въ религіозномъ отношеніи Магометанскому Оренбургскому Собранію, а ахунами, муллами для нихъ утверждаются тѣ только татары или киргизы, которые выдержатъ на эти званія экзаменъ. Неизвѣстны причины, по которымъ правительство выказываетъ предпочтеніе указному духовенству; но сами киргизы не питаютъ къ нему симпатіи, и когда указное духовенство стало среди ихъ появляться, киргизы были этимъ крайне недовольны. Такъ напр. извѣстно, что въ 1830 г. являлась къ Государю Императору депутація киргизовъ изъ Средней Орды; являясь, она въ то же время подала въ Азіатскій Департаментъ прошеніе, въ которомъ просила между прочимъ: «укрѣпленій и деревянныхъ домовъ не строить, пашенъ не пахать, мечетей и школъ не заводить, *ахуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять.* [*])» Послѣ этого понятно, почему до сихъ поръ между киргизами Средней Орды, съ одной стороны, такъ мало указнаго духовенства, а съ другой — такъ много хаджей, которые почти исключительно выполняютъ среди ихъ всѣ религіозные обряды.

Киргизы раздѣляютъ хаджей на два рода: одни, по ихъ словамъ, ведутъ свой родъ отъ Азретъ-Али, который былъ женатъ на дочери Магомета, по имени Фатимѣ. Они называются *Сеитъ-хаджами*, и считаютъ себя потому происходящими отъ святой кости. Другіе—ведутъ свой родъ отъ разныхъ родоначальниковъ, а именно: отъ Азретъ-Абубакиръ-Сатдика, Азретъ-Умира, Азретъ-Усмана и Азретъ-Узбека. Они называются просто хаджами, но происходящими отъ бѣлой кости или дворянъ.

На званіе и происхожденіе свое каждый хаджа, по словамъ

---

[*]) Изъ дѣлъ тобольской духовной консисторіи.

киргизовъ, имѣетъ книгу, которую сами хаджи называютъ родословнымъ древомъ и, кромѣ того, мѣдную печать съ именемъ своего родоначальника; но насколько это справедливо,—неизвѣстно и увѣриться въ томъ чрезвычайно трудно; потому что, кромѣ хаджей, которые выходятъ изъ Средней Азіи, есть много хаджей собственно изъ киргизовъ, бѣглыхъ татаръ, которые также выдаютъ себя за хаджей изъ Средней Азіи, чтобы скрыть свое происхожденіе и не платить подати русскому правительству.

Впрочемъ, сами киргизы хаджей, выходящихъ изъ Средней Азіи, отличаютъ отъ подложныхъ; послѣдніе, кромѣ исправленія между киргизами религіозныхъ требъ, не имѣютъ среди нихъ никакихъ особенныхъ правъ, а первые—имѣютъ права, равныя съ султанами и право суда въ дѣлахъ, которыя относятся до религіи. Дѣти такихъ хаджей сохраняютъ также званіе свое потомственно; дочери, которыхъ киргизы называютъ *кимъ* или *канымча*, могутъ выходить замужъ только за хаджей или султановъ, а простой киргизъ ни въ какомъ случаѣ жениться на нихъ не можетъ.

Но несмотря на происхожденіе и права, которыми пользуются хаджи среди киргизовъ, всѣ они—съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ мусульманской вѣрѣ. Иные изъ нихъ—малограмотны; другіе—едва умѣютъ читать по татарски, а нѣкоторые—знаютъ наизусть нѣсколько изреченій изъ корана, нѣсколько самыхъ главныхъ молитвъ безъ всякаго толкованія ихъ смысла, и выучились другъ отъ друга совершать религіозные обряды среди киргизовъ. То же самое должно сказать и о хаджахъ изъ киргизовъ, или бѣглыхъ татаръ.—А при такомъ образованіи, можно ли ожидать, чтобы хаджи старались развить среди киргизовъ исламъ?

Нѣтъ, они стараются только поддерживать въ нихъ существующую религіозность; кромѣ того, стараются поддерживать ее не изъ ревности къ религіи, а для того, чтобы имѣть доходы. Это доказывается тѣмъ, что хаджи не преподаютъ киргизамъ никакого религіознаго ученія, а стараются поддерживать ихъ религіозность шарлатанствомъ, заклинаніями и амулетами. Такъ, всего чаще они раздаютъ киргизамъ, такъ называемый, *байтумаръ*. Это—символъ мусульманской вѣры, который пишутъ хад-

жи на бумажныхъ лоскуткахъ; они раздаютъ его за деньги, но, чтобы раскупали его болѣе, внушаютъ киргизамъ, что кто будетъ имѣть при себѣ *байтумаръ*, тотъ, и не зная своей вѣры, можетъ угодить Богу. Раздавая такія байтумары, хаджи щедро также раздаютъ и другаго рода амулеты. Вотъ изъ нихъ нѣсколько, которые всего болѣе распространены между киргизами:

1) Если кто семь разъ прочитаетъ изъ корана *ина-инзальна*, не говоря никакихъ другихъ словъ, тотъ, хотя бы имѣлъ тысячу враговъ, всѣхъ ихъ одолѣетъ; 2) кто произнесетъ нѣсколько разъ: *я вахидъ*, тотъ избавится отъ всякаго страха и достигнетъ славы и величія; 3) кто будетъ произносить каждый день сто разъ слова: *я мукаддалы*, тотъ будетъ мыслить только о Богѣ; 4) кто будетъ читать: *я басыдъ*, дуя на руки, и потомъ оботретъ лице, тотъ ни въ чемъ не испытаетъ несчастія; 5) кто произнесетъ нѣсколько разъ: *я самадъ*, къ тому люди будутъ прибѣгать съ просьбами; 6) кто произнесетъ то же самое слово рано утромъ при земныхъ поклонахъ, тотъ преодолѣетъ всѣхъ своихъ враговъ; 7) *я фаттыхъ*—кто скажетъ нѣсколько разъ, тотъ получитъ все желаемое отъ Бога; 8) если кто произнесетъ: *метаканъ берронъ* десять разъ и потомъ сдѣлаетъ совокупленіе съ женою, у того родятся дѣти благочестивые; 9) кто будетъ произносить нѣсколько разъ: *я кахаръ мебинъ*, тому люди не сдѣлаютъ никакого зла; 10) кто произнесетъ десять разъ: *я басыдъ*, и потомъ, дунувъ, утретъ руки, тотъ не будетъ прибѣгать за помощію къ людямъ; 11) если кто всякій день будетъ произносить слова: *лахавля, валя суввата илля биллягиль алиазимъ*, тотъ не будетъ никогда бѣднымъ; 12) если кто отправится торговать и четыре раза прочитаетъ: *бисмяляги-рахмони-рахимъ, лисика, ганки, біаманъ, калямина, гаски, вамуфупа, вагубупа, галя-санами, валія-фига, леарипъ, ухра, гува мухаммедъ, викіенъ, аджиная*, — тотъ возвратится отъ торга съ прибылью.

Питая киргизовъ такими суевѣріями, хаджи еще болѣе проводятъ ихъ при лѣченіи болѣзней. Они имѣютъ нѣкоторыя свѣденія въ медицинѣ, но, по большей части, всѣ болѣзни лечатъ заклинаніями, амулетами и суевѣрными молитвами. Такъ, если кто боленъ глазами, хаджи заставляютъ сорокъ одинъ разъ произнести слова: *«я шукуръ»* и дуть во время чтенія на воду; ког-

да это будетъ исполнено, велятъ водою умываться. Если кто косноязыченъ,—хаджи пишутъ на бумажкѣ слова: «*я хамидъ*», и записку положа въ воду, заставляютъ выпить съ водою, увѣряя такихъ лицъ, что они будутъ говорить правильно.—Интересно также лечатъ хаджи лихорадки. Они пишутъ на ногтяхъ обоихъ прихватныхъ пальцевъ слова: «*асазъ*», а на ногтю средняго пальца правой руки—«*риснасъ*»; потомъ велятъ семь разъ читать: «*ягами я ибрагимъ я лутъ я джулъ джеляля уаль икрамъ*,» и дуть во время чтенія на сахаръ. Когда это будетъ исполнено, сахаръ кладутъ въ воду или опускаютъ въ сырое яйцо, снесенное курицею въ среду, и—потомъ заставляютъ больнаго выпить.—Хаджи увѣряютъ, что разнаго рода лихорадокъ, по числу дней въ году, существуетъ 365, а другихъ болѣзней—77; по ихъ словамъ, отъ каждой болѣзни есть особаго рода слова или молитвы, которыми можно вылечивать всѣ болѣзни, и—вотъ надъ изученіемъ такихъ-то словъ или молитвъ хаджи больше всего и трудятся.

Имѣя среди себя такое духовенство, киргизы и сами потому очень суевѣрны. Рѣдкій киргизъ не имѣетъ у себя байтумара или того или другаго рода амулета; первый они носятъ на своихъ одеждахъ, вшивая его въ плисовый или парчевой лоскутокъ, а послѣдніе—въ аракчинахъ, или гдѣ всего лучше посовѣтуетъ носить хаджи. Умершихъ киргизы окутываютъ въ *ахретъ*—родъ савана, который особенно почитается ими. Они покупаютъ его у бухарцевъ и ташкенцевъ и, покупая, вѣрятъ, что кто будетъ погребенъ въ ахретѣ, тотъ непремѣнно удостоится получить небесное царство. Съ умершимъ кладутъ иногда въ могилу чашку и ложку, а на могилу—младенца и зыбку (колыбель). При поминовеніи умершихъ, хотя не вездѣ и не всѣ, но въ нѣкоторыхъ аулахъ, особенно внутри въ степи, многіе киргизы дѣлаютъ также соломенное чучело; они надѣваютъ на него любимое покойникомъ платье и, по окончаніи поминовенія, снявши его, отдаютъ бѣднымъ людямъ. Но особенно киргизы суевѣрны при леченіи болѣзней. Всѣ болѣзни они объясняютъ тѣмъ, что въ человѣка вселяется злой духъ, котораго можно отогнать наружными средствами. Такъ, когда беременная женщина долго не разрѣшается отъ бремени, киргизы думая, что ее давитъ злой духъ, стараются отогнать его отъ нея такъ: они

собираются къ юртѣ такой женщины съ плетями и ружьями; собравшись въ значительномъ числѣ, они начинаютъ бѣгать около юрты, и бѣгая, кричать, бить по воздуху и юртѣ плетями, и въ то же время стрѣлять изъ ружей. Такое шаманство продолжается до тѣхъ поръ, пока женщина не разрѣшится отъ бремени, и жаль, больно сердцу смотрѣть, какъ киргизы, по этому случаю, иногда бѣгаютъ около юрты до изнеможенія своихъ силъ!

Всѣ эти и подобныя имъ нелѣпыя выдумки древняго язычества, при недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства на киргизовъ, особенно еще поддерживаются среди нихъ знахарями и чародѣями, вѣковыми хранителями языческихъ суевѣрій. Между послѣдними среди киргизовъ особеннымъ уваженіемъ пользуются *дуанà* и *бакса*.

Дуанà, по понятіямъ киргизовъ, это—человѣкъ святой жизни, но на самомъ дѣлѣ—шарлатанъ, грубо обманывающій суевѣрныхъ киргизовъ. Онъ увѣряетъ напр., что ему является во снѣ Богъ, велитъ сдѣлать жезлъ въ видѣ длинной пики съ острымъ стальнымъ наконечникомъ, и—потомъ отгонять имъ отъ людей злыхъ духовъ. Киргизы вѣрятъ всему этому, и если кто боленъ, приглашаютъ *дуанà* для отогнанія злаго духа отъ больнаго. Онъ является въ юрту больнаго, или всего чаще останавливается около юрты, и—начинаетъ пѣть; въ пѣсни онъ проклинаетъ шайтана, проситъ помощи у Бога и перваго человѣка Адама удалить отъ больнаго злаго духа, а потомъ, какъ бы вдохновленный свыше, начинаетъ жезломъ махать, бить имъ въ воздухъ по разнымъ направленіямъ и, наконецъ, вбѣжавши въ юрту, бьетъ жезломъ больнаго и громко приговариваетъ: «шайтанъ! оставь больнаго и уйди, а если нѣтъ тебя,—не приходи!» —Когда больныхъ нѣтъ, дуанà расхаживаетъ по ауламъ съ жезломъ, подходитъ къ какой либо юртѣ богатаго киргиза и такъ же, какъ отъ больныхъ, начинаетъ отъ юрты отгонять злыхъ духовъ. Получивши отъ хозяина, за такую услугу, аршинъ плису, ситца,—дуанà отправляется къ другой юртѣ и такъ далѣе.

Но всего чаще лечитъ больныхъ или отгоняетъ отъ нихъ злыхъ духовъ *бакса*. По понятіямъ киргизовъ, это человѣкъ, ведущій дружбу или имѣющій тѣсныя сношенія съ духами.—Приглашаемый больными, бакса ощупываетъ пульсъ ихъ, и докто-

рально говоритъ имъ и окружающимъ: «*въ немъ шайтанъ!*»—Потомъ, условившись въ платѣ [5]) за леченіе, начинаетъ лечить такъ: въ юртѣ раскладываютъ огонь; больной укладывается въ отдѣльномъ углу юрты, а посѣтители, семья и самъ *бакса* садятся кругомъ около огня. Онъ беретъ двухъ-струнный инструментъ, который называется киргизами *кобасъ* и, извлекая изъ него волосянымъ смычкомъ дикіе звуки, тихо начинаетъ пѣть пѣсню, словъ которой не понимаетъ ни больной и никто изъ присутствующихъ. Между тѣмъ, голосъ и звуки инструмента усиливаются, раздаются громче и громче... Жилы *бакси* напрягаются, глаза и лицо дѣлаются красными: и—онъ приходитъ въ экстазъ! Бросивъ кобасъ, съ дикимъ крикомъ онъ вскакиваетъ съ мѣста, начинаетъ бѣгать по юртѣ, кривляться, а потомъ, подбѣжавъ къ больному съ угрожающими жестами, иногда съ ножемъ въ рукахъ, бьетъ имъ по груди больнаго и повелительно говоритъ: «*выйди шайтанъ, я джинъ* [6]) *здѣсь!*» Вскорѣ послѣ этого, бакса успокоивается; онъ приходитъ въ себя и, обращаясь къ хозяину юрты, говоритъ: «шайтанъ мнѣ открылъ, что у тебя въ табунѣ есть черный баранъ; принеси его Богу въ жертву, и больной выздоровѣетъ.» Хозяинъ выполняетъ желаніе баксы, и леченіе продолжается до тѣхъ поръ, пока больной не выздоровѣетъ или не умретъ.

Киргизы вѣрятъ, что лѣченіе баксы—самое лучшее; они убѣждены также, что въ то время, когда бакса приходитъ въ экстазъ, въ него вселяется самъ сатана и силою своею выгоняетъ изъ больнаго слабаго духа, или открываетъ ему одно изъ средствъ, какъ и чѣмъ вылѣчить больнаго. Вѣра ихъ во всѣ дѣйствія баксы такъ еще сильна, что, несмотря иногда на неудачный исходъ болѣзни, пишущій эти строки не видалъ ни одного примѣра, чтобы хотя одинъ бакса палъ въ мнѣніи народа. Неудачу въ лѣченіи скорѣе приписываютъ наговору болѣе сильнаго баксы, или тому, что въ больномъ находится сильный шайтанъ, который рано или поздно долженъ задавить больнаго, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, но никакъ — шарлатанству баксы.

---

[5]) Большею частію бакса выговариваетъ за леченіе лошадь или такой же цѣнный платье.

[6]) Джиномъ киргизы называютъ самого сатану— царя злыхъ духовъ.

Послѣ всего сказаннаго нами выше, становится понятнымъ теперь, почему до сихъ поръ исламъ среди киргизовъ не имѣетъ еще развитыхъ и опредѣленно выраженныхъ началъ, не получилъ среди ихъ полнаго и всесторонняго приложенія къ жизни, но усвоенъ ими односторонне и неполно. Вращаясь среди суевѣрнаго духовенства, окруженные во многихъ случаяхъ своей жизни представителями древняго язычества, киргизы до того еще отуманены своими предразсудками и суевѣріями, что почти не думаютъ о своей религіи. Вотъ также причина, почему религія ихъ до сихъ поръ есть смѣсь ислама съ остатками древняго шаманства, которое частію уже слилось съ исламомъ, а частію осталось среди ихъ въ видѣ народныхъ суевѣрій и обыкновеній.

—

Но если правда, какъ мы сказали выше, что исламъ между киргизами Средней Орды развитъ еще слабо, то справедливость требуетъ сказать также, что онъ, хотя медленно, но съ каждымъ годомъ развивается между ними все болѣе и болѣе. Откуда и какими путями онъ проникаетъ къ нимъ?

Первый путь, которымъ исламъ проникаетъ въ степь, это — Средняя Азія. Отсюда, какъ мы видѣли выше, вышли первые проповѣдники ислама — хаджи, отсюда же выходятъ по временамъ въ степь и особенные пропагандисты. Это по большей части бухарскіе, ташкентскіе имамы; являясь въ степь съ видами торговцевъ, они свободно распространяютъ между киргизами исламъ, а потомъ, надѣленные киргизами скотомъ, снова возвращаются въ Среднюю Азію. Но если, съ одной стороны, выходятъ изъ Средней Азіи особые проповѣдники ислама, то съ другой — и сами киргизы въ религіозномъ отношеніи болѣе тяготѣютъ также къ ней. Сюда, а не въ Магометанское Оренбургское Собраніе, по большей части, отправляются малограмотные киргизы за благословеніемъ къ имамамъ на званіе хаджей, сюда же ѣздятъ многіе киргизы и для поклоненія святынямъ мусульманскимъ, или для бесѣды съ своими наставниками — имамами. Оттого, кто болѣе знакомъ съ религіознымъ бытомъ киргизовъ, тотъ конечно знаетъ, что между киргизами Средней Орды есть много такихъ, которые считаютъ себя *мюридами* или послѣдователями какого-либо имама Дагабди, или Кенже-Хаджи и т. п.

Вторый путь, которымъ исламъ проникаетъ въ степь, это — мѣстная мусульманская пропаганда. Правда, какъ видѣли мы выше, указнаго духовенства среди киргизовъ мало; судя по количеству народонаселенія киргизовъ, оно не въ состояніи развивать исламъ между ними быстро; но если это такъ, то развивая его исподоволь, оно старается также о распространеніи его между киргизами и незаконными путями. Вотъ что напр. писалъ г. Петропавловска ахунъ Сераеддинъ-Сейфуллинъ, назадъ тому больше 20 лѣтъ, къ одному бухарскому имаму по имени Габдулъ-Рашиту [7]).

«Носятся слухи объ одномъ татаринѣ, свѣдующемъ халифѣ; если человѣкъ этотъ дѣйствительно мюридъ, то хорошо было бы пріѣхать ему сюда; ежели не имѣетъ паспорта отъ русскаго правительства, то взялъ бы видъ отъ казіевъ, назвавъ себя родившимся тамъ татарскимъ сыномъ и пріѣхалъ бы сюда. Богъ милостивъ! такой человѣкъ не можетъ подвергнуться игу невѣрныхъ. Однимъ словомъ, пусть онъ не опасается русскихъ; и когда будетъ имѣть видъ отъ казіевъ, то еслибы и случилось доказательство, что онъ татаринъ, то отъ этого ничего не будетъ; или пусть возьметъ изъ находящихся на пути приказовъ билетъ, назвавъ себя ташкенцемъ. Такого человѣка въ Петропавловскѣ необходимо имѣть, безъ котораго просвѣщеніе покрыто мракомъ невѣжества.»

Такимъ образомъ, вотъ мѣры, которыя принимаютъ ахуны и указные муллы для распространенія ислама между киргизами! Вызывая изъ Бухары или Ташкента бѣглыхъ ученыхъ татаръ, они выхлопатываютъ имъ паспорты торговцевъ изъ Бухары или Ташкента, а потомъ уже и разсылаютъ ихъ съ проповѣдію по киргизской степи. До сихъ поръ такихъ проповѣдниковъ оффиціальнымъ путемъ открыто было немного. Одинъ былъ открытъ въ Средней ордѣ, назадъ тому 20 лѣтъ. Это былъ тотъ самый татаринъ, котораго вызывалъ изъ Бухары ахунъ Сейфуллинъ. Онъ выдалъ себя, чтобы имѣть среди киргизовъ больше успѣха, за бухарскаго имама съ именемъ Мухаммедъ-Шерифъ-Мансурова,

---

[7]) Изъ дѣла о лжепроповѣдникѣ магометанскомъ Мансуровѣ. Ч I, л. 116.

и произвелъ между ними сильное религіозное движеніе; но вскорѣ былъ пойманъ и сосланъ въ каторжную работу. Другой — открытъ былъ въ недавнее время въ Аягузскомъ округѣ Семипалатинской области; но свѣдѣній о немъ у насъ нѣтъ подъ руками. Впрочемъ мы слышали, что успѣхъ проповѣди его былъ значительный.

Наконецъ, третій и самый главный путь, чрезъ который исламъ проникаетъ въ степь, это—мѣстныя мусульманскія школы. Всѣхъ школъ въ Средней Ордѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ [*]), считается 14; но распространеніе грамотности между киргизами не ограничивается только оффиціальными школами. Въ послѣднее время между ними съ особенною силою обнаружилось стремленіе къ изученію мусульманской грамоты, и въ рѣдкой волости или аулѣ нѣтъ учителя, обучающаго киргизскихъ дѣтей грамотѣ татарской. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это слѣдующее: киргизы, какъ и всѣ прочіе мусульмане, полагали прежде, что обучать грамотѣ дѣвицъ не нужно; поэтому онѣ росли обыкновенно такъ, какъ дѣтеныши животныхъ, безъ всякой со стороны родителей заботливости объ ихъ развитіи; но нынѣ и киргизы обучаютъ дѣвицъ грамотѣ. Такимъ образомъ, число грамотныхъ киргизовъ, съ каждымъ годомъ увеличивается и рано или поздно они всѣ сдѣлаются настоящими мусульманами.

—

Ознакомившись съ путями, чрезъ которые исламъ проникаетъ въ степь, скажемъ теперь коротко о томъ, какими бы мѣрами можно было его ослабить.

Чтобы ослабить среди киргизовъ исламъ, по нашему мнѣнію, необходимо принять слѣдующія мѣры: 1) воспретить въѣздъ имамамъ и хаджамъ Средней Азіи въ киргизскую степь, тѣмъ болѣе жить среди киргизовъ; 2) отстранить отъ управленія въ религіозномъ отношеніи киргизами указное духовенство изъ татаръ. Киргизы, какъ мы видѣли выше, имѣя свое особое духо-

[*]) Отчетъ губернатора омской области сибирскихъ киргизовъ за 1865 г.

венство, которое выполняетъ среди нихъ почти всѣ религіозные обряды, не имѣетъ нужды въ указномъ духовенствѣ. Кромѣ того, указное духовенство, кромѣ вреда, никакой пользы киргизамъ не приноситъ. Вмѣшиваясь въ брачныя дѣла ихъ, оно разводитъ мужей съ женами, которые соединены хаджами, безъ позволенія родителей совершаетъ браки дѣвицъ съ киргизами, но что всего важнѣе, какъ видѣли мы также, распространяетъ между киргизами исламъ, посылая къ нимъ бѣглыхъ татаръ подъ именами бухарскихъ и ташкентскихъ имамовъ и хаджей. Такимъ образомъ, съ удаленіемъ указнаго духовенства, киргизы, съ одной стороны, избавились бы отъ гнета, лишняго бремени указнаго духовенства, съ другой—когда устроится среди киргизовъ миссія, они скорѣе бы могли обращаться въ христіанскую вѣру. Наконецъ въ 3) самая главная и важная мѣра къ ослабленію ислама, это—распространеніе между киргизами русской грамотности. Съ этою цѣлію, въ видахъ будущей цивилизаціи киргизовъ, было бы полезно новыхъ мусульманскихъ школъ не открывать, но въ существующихъ въ настоящее время школахъ ввести преподаваніе русскаго языка. Среди киргизовъ въ настоящее время, особенно въ молодомъ поколѣніи, замѣчается стремленіе къ изученію русской грамоты. Такой пробудившійся потребности слѣдуетъ удовлетворять, но какъ? Хорошо было бы въ должности учителей русскаго языка опредѣлять людей многосторонне и христіански образованныхъ, которые, съ одной стороны, могли бы выслѣдить ходъ мусульманской науки, ея недостатки, узнать весь строй мусульманскаго образованія и ознакомить съ своими пріобрѣтеніями будущихъ миссіонеровъ, а съ другой — быть лучшими проводниками христіанскихъ понятій и христіанскихъ идей въ самыхъ разсадникахъ мусульманской науки. Такими учителями, особенно въ городахъ, можно рекомендовать воспитанниковъ казанской дух. академіи, которые оканчиваютъ курсъ изъ противумусульманскаго отдѣленія, а въ школахъ менѣе значительныхъ мѣстъ-воспитанниковъ семинаріи. Такая мѣра сблизила бы также молодое поколѣніе киргизовъ съ русской цивилизаціей, значительно ослабила бы разъединеніе между киргизами и русскими и незамѣтнымъ образомъ парализировала бы фанатизмъ киргизовъ. Само собою понятно, что при назначеніи

образованныхъ учителей въ мусульманскія школы, необходимо положить имъ и значительное содержаніе, по примѣру учителей уѣзднаго училища.

—

Ослабляя сказанными путями между киргизами исламъ, конечно, пора и давно пора учредить среди нихъ миссію.

Мы не знаемъ вполнѣ причинъ, по которымъ правительство откладываетъ до сихъ поръ учрежденіе среди киргизовъ миссіи; но можно догадываться, что оно не учреждаетъ ее изъ опасенія, чтобы введеніемъ ея не произвести между киргизами волненія. Если только эти причины, то опасаться ихъ въ настоящее время нѣтъ данныхъ. Киргизы Средней Орды перешли въ подданство Россіи уже около пятидесяти лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени они привыкли къ власти русскаго правительства, готовы исполнять его волю.

Кромѣ того, киргизы, которые кочуютъ вблизи линіи, выказываютъ къ христіанской вѣрѣ и видимое расположеніе. Такъ напр. нѣкоторые изъ киргизовъ ставятъ святителю и чудотворцу Николаю свѣчи, другіе—берутъ у русскихъ св. воду и кропятъ ею свой скотъ, особенно во время падежа. Бываютъ случаи также, что на женщину въ беременномъ положеніи, когда она долго не разрѣшается отъ бремени, налагаютъ св. крестъ, которымъ предварительно запасаются отъ русскихъ. Но что всего важнѣе, многіе киргизы принимаютъ и христіанскую вѣру. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками свѣдѣній сколько киргизовъ принимаетъ христіанство по всей тобольской епархіи въ продолженіе года; поэтому выписываемъ для видимости число обратившихся за 9-ть лѣтъ по одному только омскому уѣзду *): въ 1856 г. 44 муж. п., 11 ж. Въ 1857 г. 11 м., 5 ж., 1858 г. 7 м., 3 ж., 1859 г. 2 м., 3 ж., 1860 г. 6 м., 3 ж., 1861 г. 3 м., 2 ж., 1862 г. 6 м., 6 ж., 1863 г. 10 м., 5 ж., 1864 г. 14 м., 6 ж. Итого 103 м., 44 ж.

Нѣтъ сомнѣнія, что число обратившихся было бы значитель-

*) Извлечено изъ дѣлъ омскаго у. правленія.

нѣе, еслибы существовала среди киргизовъ правильно организованная миссія. Всѣ вышепоименованные киргизы обращены были въ христіанство приходскими священниками, но приходскіе священники, на обязанности которыхъ лежитъ теперь обращеніе киргизовъ, не могутъ быть вполнѣ миссіонерами; потому что весьма трудно совмѣстить въ одномъ лицѣ званіе миссіонера съ обязанностями приходскаго священника.

Принимая все сказанное во вниманіе, мы думаемъ, что никто не усомнится, что учрежденіе миссіи между киргизами Средней Орды есть дѣло возможное. Во всякомъ случаѣ, благоразумная политика требуетъ, на первый разъ, миссіонерскіе станы учредить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мусульманство нѣсколько слабѣе. Такими мѣстами съ достовѣрностію можно назвать прилинейные аулы. Потомъ, изъ прилинейныхъ миссіонерскихъ становъ, миссіонеры постепенно должны углубляться во внутрь степи, пролагать пути къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ миссіи, возбуждать среди киргизовъ разсужденія и толки о возможномъ переходѣ ихъ къ христіанству. Конечно, съ самаго начала будетъ трудно обращеніе киргизовъ въ внутренней степи, по причинѣ или открытаго противодѣйствія съ стороны киргизскихъ хаджей, или непривычки самихъ киргизовъ къ мысли о переходѣ въ христіанство, для котораго до сихъ поръ не было проповѣдниковъ; но столь же успѣшно пойдетъ обращеніе ихъ при усиленныхъ дѣйствіяхъ миссіи и ограниченіи противодѣйствія со стороны хаджей. На послѣднее, при учрежденіи миссіи между киргизами Средней Орды, правительству необходимо обратить серьезное вниманіе.

Послѣ этого, само собою понятно, что составъ миссіи долженъ состоять изъ людей развитыхъ, энергичныхъ, которые бы, кромѣ распространенія христіанства между киргизами, распространяли нравственныя начала и развивали бы въ нихъ стремленіе къ образованію и осѣдлости, и чтобы не только болѣе или менѣе знали нарѣчія, обычаи и нравы киргизовъ, но и вполнѣ понимали бы важность возлагаемаго на нихъ дѣла и готовы были на всѣ труды и самоотверженіе для блага церкви и отечества. Такихъ дѣятелей слѣдуетъ вызывать изъ миссіонерскаго противумусульманскаго отдѣленія при казанской академіи, гдѣ

приготовляются люди на подвигъ противумусульманской миссіи.

Впрочемъ замѣтимъ, что миссія не должна отказывать въ желаніи поступить въ миссіонерское братство даже и тѣмъ, которые, хотя и не имѣютъ полной подготовки къ миссіонерскому служенію, но тѣмъ не менѣе чувствуютъ въ себѣ призваніе къ Евангельской проповѣди. Чѣмъ больше дѣятелей, чѣмъ больше любви, тѣмъ больше силы будетъ у самой миссіи. Совокупными, усиленными и постоянными трудами многихъ можно достигнуть самыхъ отрадныхъ результатовъ.

Съ учрежденіемъ миссіи, по всей вѣроятности, будутъ и новообращенные; а потому въ законодательствѣ относительно таковыхъ должны быть точно обозначены нѣкоторыя права и преимущества. Таковы напр. какія-либо гарантіи отъ стѣсненія новообращенныхъ христіанъ мусульманами, права выбора въ султаны, біи, старшины и т. под.

Вопросъ объ осѣдломъ водвореніи крещенныхъ киргизовъ также долженъ быть чрезвычайной важности. Поэтому, когда киргизы будутъ обращаться въ христіанство, необходимо будетъ отмежевывать имъ по нѣскольку десятинъ на душу, и землю эту утверждать за ними.

Въ видахъ развитія земледѣлія было бы полезно также употребить простую и естественную по положенію киргизовъ мѣру,—это выдавать имъ готовыя земледѣльческія орудія, а также на посѣвъ и сѣмена.

Для большаго успѣха въ дѣлѣ проповѣди, при миссіонерскихъ станахъ полезно учредить училища, пріюты, госпитали, которые бы говорили киргизамъ о самоотверженіи и милосердіи русскихъ къ страждущему человѣчеству. При этомъ нужно замѣтить, что школы должны быть двухъ родовъ: однѣ — для мальчиковъ, другія—дѣвочекъ, наставницами которыхъ должны быть опытныя сестры милосердія.

Когда среди киргизовъ устроится миссія при всѣхъ вышеизложенныхъ условіяхъ, то можно надѣяться, что цивилизація въ киргизской степи пойдетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ это было до послѣдняго времени. Правительство съ давнихъ поръ имѣетъ въ виду развитіе быта киргизовъ. Оно, съ этою цѣлію, поощряетъ ихъ, по примѣру русскихъ, обзаводиться домами, кото-

рые служили бы имъ убѣжищемъ зимою отъ стужи, а для лучшаго пропитанія—особенно стараться о заведеніи и распространеніи пашенъ. Но это дѣло, какъ показываетъ опытъ, подвигается впередъ чрезвычайно медленно... Киргизы, если и строятъ что-нибудь на зимнихъ кочевьяхъ, то, по большей части, не удобные дома, а землянки, которыя почти нисколько не защищаютъ ихъ отъ стужи. Земледѣліе до сихъ поръ также не представляетъ виднаго предмета производительности, хотя по рѣкамъ Иртышу и Ишиму киргизы владѣютъ и обширными угодьями, удобными для хлѣбопашества. Такимъ образомъ, осѣдлости киргизовъ намъ не дождаться еще долго, если они не услышатъ проповѣди Евангельской. Единственный путь, какъ свидѣтельствуетъ вѣковой опытъ, для осѣдлаго быта между кочующими, есть переходъ ихъ въ христіанство.

Свящ. І. Сотниковъ.

г. Омскъ.

АПОСТОЛЬСКІЙ СОБОРЪ

ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(Дѣян. гл. 15, ср. Галат. гл. 2).

Опытъ разбора отрицательныхъ воззрѣній Баура на апостольскую исторію.

Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ, описанный въ 15 гл. Дѣяній, одно изъ величайшихъ и знаменательнѣйшихъ событій въ исторіи церкви апостольской. Здѣсь рѣшенъ былъ вопросъ объ отношеніи закона Моисеева къ религіи христіанской. Вопросъ этотъ имѣлъ тогда великое значеніе и грозилъ большою опасностію миру и единству церкви Христовой. Онъ возбуждался и раньше (Дѣян. 10. 11, 1—18) по поводу обращенія ко Христу Корнилія и его домашнихъ, но тогда онъ не могъ еще принять практическаго направленія и значенія, потому что случаи обращенія въ христіанство язычниковъ, возбуждавшіе его, были весьма рѣдки; обращеніе ихъ происходило по прямому внушенію Божію, и эти новокрещенные не составляли отдѣльнаго общества, а группировались около Іерусалима. Но теперь, когда трудами апостола Павла вѣра Христова распространена была и въ странахъ языческихъ, когда такимъ образомъ образовалась въ церкви цѣлая огромная группа христіанъ, вступившихъ въ царство Христово безъ посредства закона Моисеева, когда такимъ образомъ самымъ фактомъ засвидѣтельствовано было его упраздненіе,—

естественно было ждать сильнаго протеста и движенія на его защиту со стороны іудействующихъ. Средоточіемъ этого движенія, какъ и слѣдовало ожидать, былъ Іерусалимъ (Дѣян. 15, 1, 5. Галат. 2, 4, 12). Споры и разногласія по этому предмету достигли такихъ размѣровъ и получили такое важное значеніе, что производили разногласіе въ христіанской церкви и послѣ соборно-законодательнаго рѣшенія.

Особенно опасны были эти споры и волненія для церкви Христовой именно потому, что противники ея (іудействующіе) защищали не какую-нибудь школьную доктрину, не какое-нибудь человѣческое ученіе, а точно такъ же, какъ и сами христіане, ученіе и учрежденія божественныя,—они отстаивали и желали сдѣлать обязательнымъ для христіанъ законъ Божій, данный чрезъ Моисея—тотъ законъ, къ которому относился съ уваженіемъ и самъ Спаситель, Основатель христіанства (напр. Матѳ. 5, 17). Іудеи, полагая всю сущность своего закона во внѣшнихъ его предписаніяхъ и обрядахъ, и понимая буквально выраженія о вѣчномъ его существованіи въ этой именно формѣ, старались возложить иго закона со всѣми его обрядами, со всею его случайною и временною стороною и на христіанъ, и поставить оправданіе и спасеніе ихъ въ безусловной зависимости отъ него. Эти люди не могли возвыситься до пониманія закона въ его духѣ и сущности; по своему нравственному состоянію они не способны были понять постепенное водительство Промысла Божія ко спасенію, въ рукахъ котораго законъ Моисеевъ былъ только средствомъ, переходною ступенью, чрезъ которую человѣчество, въ лицѣ избраннаго первенца народовъ, должно было пройти, достигнуть высшаго совершенства и вступить въ благодатное царство Искупителя. И вотъ эти-то люди, между которыми конечно были и искренніе слѣпцы, со всею силою возстали противъ Павла, который проповѣдывалъ, что оправданіе не зависитъ отъ закона,—и потому не обязывалъ своихъ послѣдователей къ его исполненію. Они проникли въ основанныя Павломъ христіанскія церкви изъ язычниковъ, и учили ихъ: *если не обрѣзжетесь по*

обряду Моисееву, не можете спастись (Дѣян. 15, 1), и произвели тамъ волненія и раздоры.

Опасность произшедшихъ въ церкви разногласій и споровъ еще болѣе увеличивали обстоятельства, касавшіяся личности апостола Павла, его проповѣди и его отношенія къ прочимъ апостоламъ. Самымъ рѣшительнымъ и энергическимъ проповѣдникомъ христіанской свободы отъ закона явился апостолъ Павелъ. Проповѣдуя въ странахъ языческихъ и язычникамъ, для которыхъ Моисеевъ законъ не имѣлъ обязательной силы и значенія ни въ собственно-религіозной жизни, а тѣмъ больше въ общественной и гражданской, апостолъ Павелъ не имѣлъ и никакой надобности употреблять его какъ посредствующее начало для убѣжденія и доказательства истины христіанскаго ученія, указывать его отношеніе къ христіанству, а тѣмъ болѣе возлагать на христіанъ изъ язычниковъ заповѣди закона. Самъ по себѣ законъ не имѣлъ оправдательной силы, и потому апостолъ Павелъ прямо и рѣшительно проповѣдывалъ своимъ слушателямъ полную свободу отъ закона. Но другіе апостолы, проповѣдывавшіе преимущественно въ Іудеѣ и іудеямъ, не могли такъ относиться къ нему. Какъ законъ для язычниковъ служилъ бы препятствіемъ къ принятію христіанства, такъ напротивъ рѣшительное отрицаніе его останавливало бы успѣхи апостольской проповѣди между іудеями. Для іудея съ младенчества возросшаго въ законѣ и преданіяхъ отеческихъ, всюду даже въ общественной и частной жизни окруженнаго и связаннаго его предписаніями, конечно слишкомъ трудно и даже невозможно было вдругъ, сразу отказаться отъ него. Поэтому благоразуміе требовало отъ проповѣдниковъ вѣры щадить, на сколько это было возможно, прежнія убѣжденія и вѣрованія іудеевъ, и оставлять до времени неприкосновенными ихъ прежніе обряды, не противорѣчащіе христіанству,—вводить іудея въ кругъ новаго для него ученія, новыхъ вѣрованій приспособительно къ его прежнимъ убѣжденіямъ, разъясняя, расширяя и возвышая ихъ. Такъ именно и дѣйствовали по отношенію къ іудеямъ Самъ Іисусъ Христосъ (см. напр.

Матѳ. 5, 17 и сл.) и апостолы,—они шли именно этимъ среднимъ путемъ, и признавали до нѣкоторой степени іудейскій законъ. Это ясно доказывается словами самаго соборнаго опредѣленія, гдѣ смутившіе антіохійскихъ христіанъ изъ язычниковъ прямо называются вышедшими отъ насъ т.-е. изъ іерусалимскаго общества (Дѣян. 15, 24). Ревнители закона, пришедшіе въ Галатію, называются пришедшими отъ Іакова (т.-е. изъ Іерусалима, гдѣ апостолъ Іаковъ былъ епископомъ Галат. 2, 12). Даже самъ великій проповѣдникъ свободы отъ закона—апостолъ Павелъ, когда потребовали этого обстоятельства, обрѣзываетъ своего возлюбленнаго ученика Тимоѳея, ради іудеевъ,—ради того, чтобы онъ могъ найти лучшій и болѣе удобный доступъ къ нимъ (Дѣян. 16, 3). Но это было не болѣе, какъ уступка, снисхожденіе, требуемыя христіанскою терпимостію и благоразуміемъ,—законъ терпимъ былъ изъ снисхожденія къ слабости іудеевъ, а вовсе не потому, чтобы онъ самъ по себѣ былъ необходимъ для вступленія въ царство Мессіи, для оправданія и спасенія; между тѣмъ обстоятельства показали, что сами іудействующіе христіане, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не такъ понимали это, — они самому закону придавали оправдательную силу и значеніе, и ставили его необходимымъ условіемъ спасенія (Дѣян. 15, 1).

Когда апостолъ Павелъ обратилъ ко Христу язычниковъ. и когда явились такимъ образомъ цѣлыя большія общества, состоявшія исключительно изъ христіанъ изъ язычниковъ, не знавшихъ и не соблюдавшихъ закона Моисеева,—тогда выступили на защиту его неразумные ревнители закона изъ іудействующихъ. По ихъ мнѣнію, вступленіе въ царство Христово должно было совершаться не иначе, какъ чрезъ посредство закона,—оправданіе и спасеніе христіанина возможно было только тогда, когда человѣкъ приметъ обрѣзаніе и законъ Моисеевъ, поэтому христіанъ изъ язычниковъ они считали людьми погибшими, и—внѣ царства Христова и его обѣтованій. Вступленіе въ царство Христово и оправданіе безъ закона они считали самовольнымъ нарушеніемъ богоучрежденнаго

порядка въ царствѣ Божіемъ, а проповѣдниковъ его—самозванными апостолами, дѣйствующими вопреки волѣ Основателя христіанства и примѣру истинныхъ его апостоловъ. Обстоятельства, сопровождавшія основаніе христіанскихъ обществъ изъ язычниковъ, отчасти благопріятствовали въ этомъ случаѣ ревнителямъ закона Моисеева. Первоначальное общество христіанъ изъ язычниковъ явилось въ Антіохіи, которая скоро стала метрополіею, центромъ всѣхъ другихъ обществъ этого рода, откуда посылались миссіи въ другія языческія страны,—и явилось безъ прямаго участія и посредства апостоловъ изъ 12-ти (Дѣян. 11, 20). Связь антіохійской церкви съ Іерусалимомъ на первыхъ порахъ поддерживается главнымъ образомъ только чрезъ Варнаву, но и Варнава дѣйствуетъ здѣсь не самостоятельно, а подъ руководствомъ Павла, который является такимъ образомъ главнымъ виновникомъ распространенія христіанства въ странахъ языческихъ, и который между тѣмъ въ Іерусалимѣ былъ извѣстенъ больше по своей прежней дѣятельности, враждебной христіанству (Дѣян. 9, 26 ср. Гал. I, 21—23). Очевидно, для успѣха своего дѣла іудействующіе должны были направить всѣ свои усилія на то, чтобы поколебать авторитетъ апостола Павла, чтобы унизить его въ глазахъ христіанъ основанныхъ имъ обществъ. И дѣйствительно, чрезъ своихъ агентовъ они распространяли здѣсь молву, что апостолъ Павелъ—не истинный апостолъ, призванный Самимъ Іисусомъ Христомъ, какъ другіе, а самозванецъ, самъ себѣ присвоившій это званіе, а потому и ученіе его неистинно. Тѣнь вѣроятности этой клеветѣ давало безъ сомнѣнія дѣйствительно необыкновенное, чудесное и отличное отъ всѣхъ другихъ апостоловъ призваніе Павла къ Апостольству; свое ученіе онъ получилъ также чудесно и непосредственно отъ Іисуса Христа,—но онъ не жилъ и не обращался съ Нимъ во время земной Его жизни. Въ свою пользу обращали они и то снисхожденіе и ту терпимость, которую оказывали относительно Моисеева закона іерусалимскіе апостолы, они объясняли это именно необходимостью закона для спасенія, — апостолы

потому будто не принуждаютъ христіанъ изъ іудеевъ оставлять законъ, что убѣждены были въ его спасительной силѣ. А эти апостолы сравнительно съ Павломъ несравненно выше и авторитетнѣе его,—потому что старше его, избраны самимъ Спасителемъ, съ Нимъ жили, отъ Него непосредственно получили ученіе и наставленіе, а слѣдовательно лучше знали Его волю. Все это ясно видно изъ посланій апостола Павла къ Галатамъ и отчасти къ Коринѳянамъ, которыя написаны имъ въ защиту отъ подобныхъ нареканій. Эти лжеучители имѣли большой успѣхъ въ обществахъ, производили сильныя волненія, и очень многихъ успѣли склонить къ принятію своего ложнаго ученія—о чемъ засвидѣтельствовалъ самъ апостолъ Павелъ (Гал. I, 6. 3, 1).

Изъ сказаннаго видно, въ какой великой опасности находилась тогда церковь. Враги ея хотѣли ни больше ни меньше, какъ отнять у христіанъ свободу христіанскую, и снова поработить ихъ закону. Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія, единственнымъ способомъ умиренія церкви могло быть точное опредѣленіе отношеній христіанства къ іудейству *и опредѣленіе такое, которое бы имѣло силу закона, исходящаго отъ лица всей церкви, и потому для всѣхъ обязательнаго.* Такимъ закономъ и является рѣшеніе апостольскаго собора въ Іерусалимѣ, на которомъ въ лицѣ своихъ представителей присутствовала вся тогдашняя церковь, на которомъ были и принимали участіе въ соборныхъ разсужденіяхъ представители обѣихъ половинъ христіанской церкви изъ іудеевъ и язычниковъ. На соборѣ голосомъ апостоловъ и всей церкви рѣшено—*не возлагать на язычниковъ бремени закона,*—утверждавшіе же противное и смутившіе общество христіанъ изъ язычниковъ признаны прямо самовольными учителями, вовсе не уполномоченными на это отъ апостоловъ, а ученіе ихъ ложнымъ (Дѣян. 15, 24, 25—29),—такимъ образомъ законъ Моисеевъ признанъ излишнимъ и ненужнымъ для оправданія и спасенія человѣка. Теперь миновала опасность для церкви, потому что значеніе и отношеніе закона Моисеева къ хрис-

тіанству перестало быть дѣломъ личныхъ соображеній и мнѣній каждаго, теперь дана была *законная норма этаго отношенія;* кто не признавалъ ея, тотъ являлся уже противникомъ церковнаго опредѣленія, еретикомъ, противъ котораго могли выставить *твердое и опредѣленное правило церкви.* Теперь исполненіе закона Моисеева, очевидно, могло быть допущено не иначе, какъ только въ видѣ снисхожденія къ немощи іудеевъ, которымъ трудно было при переходѣ въ христіанство отказаться отъ него, слѣдовательно какъ дѣло безразличное, а не какъ что-либо существенно важное и необходимое для оправданія человѣка, а потому и необязательное для него. Таково именно и было отношеніе апостоловъ и всѣхъ истинныхъ христіанъ къ закону, такъ именно относился къ нему и самъ апостолъ Павелъ (напр. Дѣян. 16, 3). Но не могли конечно удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ собора строго іудействующіе,—они не такое значеніе придавали закону, и потому должны были отдѣлиться отъ общества христіанъ, и составили теперь особую партію, изъ которой въ послѣдствіи образовались еретическія секты—Евіонеевъ и Назореевъ.

Такой взглядъ на исторію «Апостольскаго Собора» даютъ намъ самыя писанія апостольскія, и такого взгляда всегда держалась христіанская наука. Но въ недавнее время, въ отрицательной, ново-тюбингенской школѣ, преимущественно въ лицѣ главнаго ея представителя Баура, была сдѣлана попытка представить эту исторію совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Чтобы понять все значеніе этой попытки и правильно оцѣнить ее, мы прежде всего должны войти въ объясненіе общихъ Бауровскихъ воззрѣній на происхожденіе христіанства, какъ они высказываются преимущественно въ двухъ главныхъ его сочиненіяхъ: «Kirchengeschichte d. drei erst. Jahrhundert.» и «Paulus der Apostel J. Christi.»

Христіанство по Бауру—религія не богооткровенная и не выходитъ изъ области обыкновенныхъ историческихъ явленій. Всѣ элементы, изъ которыхъ оно произошло, были подготовлены предыдущей исторіей, развилось же оно постепенно и

мало-по-малу. Первоначальное христіанство по Бауру было почти тоже, что іудейскій ессеизмъ,—т.-е. секта протестовавшая противъ господствовавшаго тогда между іудеями внѣшняго и формальнаго пониманія и исполненія закона, и поставившая своею задачею возстановить и создать болѣе совершенное служеніе Богу духомъ. Такой характеръ христіанства яснѣе всего выразился въ нагорной проповѣди Іисуса Христа. Такое ученіе само по себѣ еще не сдѣлалось бы самостоятельною, а тѣмъ больше всемірною религіею, — но дальнѣйшему развитію его помогло то обстоятельство, что на личность Іисуса случайно перенесена была мессіанская идея — всегда, а въ то время особенно занимавшая и волновавшая іудеевъ. «Чрезъ мессіанскую идею духовное содержаніе христіанства впервые получило конкретную форму, въ которой оно вступило на путь своего историческаго развитія», говоритъ Бауръ. Но признаніе Іисуса Мессіею было далеко не общее; а крестная смерть Его, совершенно недостойная Мессіи (по понятіямъ іудеевъ),—должна была окончательно уронить его значеніе въ глазахъ іудеевъ. Большинство послѣдователей Іисуса дѣйствительно послѣ Его смерти и оставили Его,—но не всѣ. Ближайшіе ученики Его остались и тогда вѣрны Ему;—ихъ желаніе и надежда — быть первыми участниками благъ мессіанскаго царства и главными его дѣятелями — были для нихъ слишкомъ дороги и обаятельны, чтобы можно было вдругъ отказаться отъ нихъ. Примиреніе же своихъ мессіанскихъ надеждъ съ позорною смертію своего учителя они нашли въ вѣрѣ въ Его воскресеніе, скорое второе пришествіе и открытіе тогда мессіанскаго царства во всей его силѣ и славѣ. «Только чудо воскресенія могло разсѣять сомнѣнія учениковъ, которыя,—казалось,—самую вѣру должны были погрузить въ вѣчную ночь смерти»,—говоритъ Бауръ. Само собою понятно, что воскресеніе Іисуса Христа по Бауру — не объективное чудо, а фактъ субъективный,—созданіе собственнаго духа Его учениковъ,—но это еще не важно: здѣсь важнѣе всего *вѣра*,—неопреодолимая увѣренность учениковъ въ дѣй-

ствительности этого событія,—«воскресеніе Іисуса было фактомъ сознанія ихъ, и имѣло для нихъ всю реальность историческаго событія.» Между тѣмъ эта вѣра въ воскресеніе имѣла величайшее значеніе для христіанства—«въ ней христіанство впервые пріобрѣло твердое основаніе для своего историческаго развитія.» Такимъ образомъ въ первоначальной исторіи христіанства особенно важны два обстоятельства, которыя и послужили собственно условіемъ его дальнѣйшаго историческаго развитія—*перенесеніе мессіанской идеи на лицо Іисуса, или вѣра въ Него, какъ Мессію, и вѣра въ Его воскресеніе.*

Но несмотря на все это и теперь общество христіанъ было очень незначительно, а само христіанство по внутреннему своему содержанію было очень бѣдно, и стояло въ близкой связи и даже зависимости отъ іудейства. Ученики Іисуса Христа отличались отъ іудеевъ единственно только *вѣрою въ Іисуса изъ Назарета, какъ пришедшаго Мессію, тогда какъ остальные іудеи ждали еще грядущаго.* Во всемъ остальномъ первоначальное христіанство было совершенно согласно съ іудействомъ; послѣдователи его также признавали всю силу и обязательность для себя закона Моисеева, исполняли всѣ его предписанія, посѣщали храмъ и т. п.,—и точно такъ же, какъ самые крайніе іудеи, ненавидѣли и презирали язычниковъ и считали ихъ недостойными участія въ великихъ благахъ мессіанскаго царства. Вотъ первый періодъ исторіи христіанства—вотъ первое начало и зерно, изъ котораго оно должно было развиваться далѣе!

Исключительно іудейская форма первоначальнаго христіанства, лишавшаго права на него всѣхъ не принадлежавшихъ къ іудейству, не могла нравиться людямъ, воспитавшимся внѣ іудейства и несочувствовавшимъ ему. Отсюда необходимо должна была явиться оппозиція противъ такого узкаго христіанства,—и она дѣйствительно скоро явилась въ лицѣ такъ-называемыхъ *эллинистовъ* [1]). Первымъ видимымъ представите-

[1]) Эллинистами (ἑλληνισταί, въ противоположность собственно палестинскимъ евреямъ (ἑβραῖοι), наз. евреи, жившіе въ разсѣяніи между греками, и

лемъ этого новаго оппозиціоннаго движенія является Стефанъ, человѣкъ очень энергичный и даровитый—*мужъ вѣры и силы* (Дѣян. 6, 8), котораго Бауръ называетъ предшественникомъ апостола Павла. Сущность эллинистическаго движенія состояла въ томъ, что эллинисты поняли христіанство преимущественно съ его нравственной стороны, усвоили себѣ всеобщее нравственное значеніе его и встали за духовное богопочтеніе въ противоположность іудейскому культу, связанному съ храмомъ и заключенному во внѣшній обрядъ. Движеніе это сначала впрочемъ не имѣло большаго успѣха, — многочисленная іудейская партія силою подавила его: Стефанъ былъ убитъ, а единомысленники его должны были бѣжать изъ Іерусалима въ болѣе безопасныя мѣста. Но съ другой стороны это-то именно разсѣяніе эллинистовъ и послужило на пользу новаго направленія. Внѣ Іерусалима эта партія нашла себѣ болѣе благопріятный пріемъ,—она скоро умножилась и сосредоточилась главнымъ образомъ въ Антіохіи, которая съ тѣхъ поръ стала центромъ свободнаго универсальнаго направленія въ христіанствѣ, тогда какъ Іерусалимъ былъ средоточіемъ христіанъ съ исключительно іудейскими стремленіями и вѣрованіями. Такимъ образомъ теперь уже довольно ясно обозначились два различныя и даже противоположныя направленія въ христіанствѣ, дальнѣйшее развитіе которыхъ и взаимное столкновеніе по Бауру собственно составляютъ и движутъ дальнѣйшую исторію христіанства.

Но положеніе партій, особенно вновь возникшей, было не твердо и неопредѣленно; она была еще не организована хорошо, — ученіе ея не раскрыто и не приведено въ систему. Дѣло приняло совершенно другой оборотъ, когда на сторону

потому значительно усвоившіе греческое образованіе и говорившіе на греческомъ языкѣ (Дѣян. 6, 1). Къ этому же направленію послѣ примкнули нѣкоторые изъ іудейскихъ прозелитовъ и язычники—прямо, безъ іудейскаго посредства обращенные въ христіанство. См. Olshausen. Comm. in d. Apostelg. 1862. s. 105 и Meyer 1861. s. 133.

эллинистовъ сталъ человѣкъ съ необыкновенными, геніальными дарованіями, съ непреклонною и несокрушимою силою воли и характера;—человѣкъ этотъ—апостолъ Павелъ. Съ него начинается новая эпоха въ исторіи христіанства. «Чѣмъ христіанство стало по своему всемірно-историческому значенію, тѣмъ оно стало прежде всего чрезъ ап. Павла—это неоспоримый историческій фактъ. Павелъ окончательно разорвалъ всякую связь его съ іудействомъ,—и въ лицѣ его христіанство сдѣлалось совершенно новою, существенно отличною и свободною отъ всякаго національнаго іудейскаго партикуляризма формою сознанія и жизни» — такъ Бауръ опредѣляетъ значеніе ап. Павла въ исторіи христіанства. Тотчасъ послѣ своего обращенія Павелъ сталъ на сторону эллинистовъ и выступилъ съ рѣшительною проповѣдью христіанства въ смыслѣ совершенно противоположномъ іерусалимскому христіанству — утверждая, что человѣкъ оправдывается и спасается единственно только вѣрою въ распятаго Іисуса Христа, а потому обрѣзаніе и вообще соблюденіе закона Моисеева вовсе не составляютъ необходимаго условія оправданія и нимало необязательны и вообще для христіанъ, а тѣмъ больше для язычниковъ, обращающихся въ христіанство. Проповѣдь новаго апостола, особенно благодаря его личнымъ качествамъ, нашла себѣ громадное число послѣдователей—и скоро кромѣ Антіохіи явились другія христіанскія общества съ такимъ же характеромъ. Такой успѣхъ Павловой проповѣди возбудилъ сильную тревогу и опасенія въ Іерусалимѣ; тамъ увидѣли необходимость — принять скорыя и рѣшительныя мѣры противъ него. И вотъ съ этого времени изъ Іерусалима начинается дѣятельная агитація противъ ап. Павла и его послѣдователей, во главѣ которой, какъ теперь такъ и послѣ, стоятъ сами апостолы. Изъ Іерусалима посылаются въ Антіохію и другія общества, основанныя ап. Павломъ, спеціальные эмиссары съ цѣлью—на мѣстѣ противодѣйствовать новому апостолу и его ученію (Гал. 2, 4—5. 12—15. 3, 1—3 и др.). Происходятъ сильные споры и волненія въ церкви; дѣло принимаетъ столь

серьезный оборотъ, что ап. Павелъ рѣшается самъ отправиться въ Іерусалимъ и такъ совмѣстно съ представителями іудействующаго направленія обсудить и рѣшить спорный вопросъ (апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ Дѣян. 15). Это путешествіе ап. Павла случилось спустя 14 лѣтъ послѣ его обращенія въ христіанство и имѣло самое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія отношенія двухъ враждебныхъ направленій въ христіанствѣ, а слѣдовательно и на всю его исторію.

Въ Іерусалимѣ сошлись лицемъ къ лицу верховные вожди и представители двухъ враждебныхъ направленій христіанства; произошло рѣшительное столкновеніе и борьба, но обѣ стороны не обнаружили ни малѣйшаго желанія взаимныхъ уступокъ. Послѣ всѣхъ горячихъ споровъ и разсужденій дѣло кончилось тѣмъ, что каждая партія получила право идти своимъ собственнымъ, отличнымъ отъ другой и независимымъ путемъ, т.-е. въ сущности ничѣмъ. Такимъ образомъ враждебныя партіи теперь окончательно раздѣлились и сформировались;—въ христіанствѣ явились два совершенно различныя, независимыя одно отъ другаго и противоположныя Евангелія—обрѣзанія и не-обрѣзанія (περιτομης и ἀκροβυστίας),—двѣ проповѣди, двѣ миссіи—между іудеями и язычниками (Paulinismus и Petrinismus). Очевидно, что такое рѣшеніе спора въ сущности есть не что иное, какъ только взаимная уступка партій и притомъ вынужденная обстоятельствами;—«она не имѣла никакой точки опоры въ ихъ религіозномъ сознаніи», а слѣдовательно и не могла быть прочна. Какъ трудно было партіямъ соблюдать взаимный нейтралитетъ — это видно изъ антіохійскаго столкновенія между ап. Павломъ и Петромъ, случившагося вскорѣ послѣ собора (Гал. 2, 11—15). Дѣйствительно очень скоро послѣ іерусалимскаго совѣщанія возгорѣлась жестокая, горячая и непримиримая вражда между партіями; — пущены были въ ходъ всѣ средства для побѣды надъ противникомъ. Сторонники іудейской партіи, съ полнаго согласія апостоловъ, всѣми мѣрами старались противодѣйствовать ап. Павлу,—не исключая даже и клеветы,—чтобы представить въ

невыгодномъ свѣтѣ характеръ и дѣятельность ап. Павла, и тѣмъ вѣрнѣе уронить его авторитетъ. Оппозиція ап. Павла и его сторонниковъ въ свою очередь была не менѣе рѣзка и горяча. Слѣды этой борьбы ясно видны въ посланіяхъ ап. Павла къ Галатамъ и Коринѳянамъ (напр. Гал. 2, 2. 6. 9. 1 Кор. гл. 9. 2 Кор. 3, 1—6). Съ теченіемъ времени борьба усиливалась все больше и потому раздѣленіе между партіями дѣлалось все глубже; она не ограничивалась только областью практическихъ отношеній и жизни: такая же точно борьба шла и въ области идей, мнѣній и убѣжденій обѣихъ партій,—она доведена была до крайностей, какъ впрочемъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Крайнее развитіе этой борьбы принадлежитъ первой половинѣ II вѣка,—а самыми крайними выраженіями и памятниками ея служатъ со стороны Павлова направленіями—*Маркіонъ и его ученіе*, а со стороны іудействующихъ—сочиненіе извѣстное подъ именемъ *Клементины*, ложно приписываемое Клименту римскому, гдѣ Павелъ является въ образѣ извѣстнаго Симона волхва (Дѣян. 8, 9—24).

Но тогда какъ крайніе поборники петринизма и павлинизма дошли до такого взаимнаго ожесточенія, — болѣе умѣренные начали дѣлать попытки къ сближенію. Прослѣдить ясно, подробно и отчетливо самый процессъ примиренія трудно,—сдѣлать это отказывается и самъ Бауръ, но главные его моменты слѣдующіе. Примиреніе началось взаимными уступками партій, смягченіемъ крайностей и рѣзкихъ отношеній къ противнику,—а началомъ и центромъ примирительнаго движенія была римская церковь, удаленная отъ мѣста непосредственной борьбы партій и потому свободная отъ ея крайностей. Примиреніе партій съ внѣшней и практической стороны обнаружилось ослабленіемъ взаимной вражды, замѣной обрѣзанія крещеніемъ, принятіемъ въ христіанскую церковь общихъ іудейскихъ формъ іерархическаго, а частію и обрядоваго устройства церкви и т. п.,—а со стороны теоретическаго раскрытія христіанскаго вѣроученія—новымъ движеніемъ христіанскаго сознанія подъ вліяніемъ являвшихся уже тогда—гностицизма

и другихъ ученій, происшедшихъ изъ смѣшенія философскихъ и религіозныхъ элементовъ того времени. Памятниками этого примирительнаго движенія осталось много писаній, выдаваемыхъ за апостольскія,—въ томъ числѣ и Дѣянія (въ которыхъ совершенно сглажены раздѣленіе и вражда партій), а слѣдствіемъ его выработка къ концу II в. совершенно новой формы христіанства, которую можно назвать церковно-вселенскою, или каѳолическою. Идея каѳолической церкви практически осуществлялась въ римской церкви, а лучшее теоретическое выраженіе она нашла въ писаніяхъ извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Іоанновыхъ,—особенно въ его Евангеліи, а главнымъ образомъ въ его ученіи о Словѣ (λόγος); въ немъ новое развитіе христіанскаго сознанія приняло форму законченной христіанской теологіи. «Самое характеристическое отличіе Іоаннова направленія отъ предшествующихъ — *идея логоса*. Она есть соединеніе прежнихъ различныхъ отношеній и противоположностей; благодаря ей, авторъ по своимъ воззрѣніямъ стоитъ выше обоихъ прежнихъ направленій и можетъ соединить іудейство и язычество въ одномъ высшемъ человѣческомъ единствѣ», говоритъ Бауръ. Такимъ образомъ теперь обѣ различныя струи христіанства (павлинизмъ и петринизмъ) слились въ одинъ потокъ, который стройно, сильно и величественно разлился по всему міру,—теперь положено прочное начало и основаніе для дальнѣйшаго развитія единой вселенской церкви и въ ученіи и въ ея внѣшней организаціи. Такова въ общихъ чертахъ первоначальная исторія христіанства по воззрѣніямъ Баура!

Не трудно видѣть, почему Бауръ не можетъ допустить апостольскій соборъ въ такомъ видѣ, какъ разсказывается о немъ въ книгѣ Дѣяній апостол. (15 гл.). По его теоріи христіанство не могло явиться въ формѣ опредѣленной и законченной религіи даже въ главныхъ своихъ чертахъ, а должно было постепенно вырабатываться изъ борьбы двухъ взаимно-противоположныхъ элементовъ — именно іудейскаго направленія и свободнаго Павлова. Борьба партій—это Архимедовъ рычагъ,

движущій первоначальную исторію христіанства; періодъ этой борьбы—по теоріи Баура—творческій, если можно такъ выразиться, періодъ въ исторіи христіанства,—вычеркните его, или представьте его въ иномъ свѣтѣ—Баурова теорія рухнула. Но откуда могла взяться эта борьба, когда въ самомъ началѣ, когда только что были заявлены іудействующими несправедливыя притязанія на свободу христіанскую,—они были отвергнуты собраніемъ всей церкви, и имъ было противопоставлено строго опредѣленное и точное ученіе и норма отношеній христіанства къ закону? Послѣ этого несогласнымъ съ этимъ опредѣленіемъ оставалось только отдѣлиться отъ церкви и составить свое особенное общество; они могли бороться и дѣйствительно боролись съ ученіемъ истинной церкви, но это была борьба съ опредѣленнымъ и точнымъ ученіемъ, по отношенію къ которому они были еретики и противники,—борьба слѣдовательно *вит* церкви, а не *внутри* ея. При такомъ положеніи дѣла очевидно не можетъ быть и рѣчи о развитіи христіанства въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Бауръ. Въ томъ-то и состоитъ все значеніе и важность апостольскаго собора, что онъ далъ возможность христіанамъ выставить твердое и опредѣленное ученіе противъ враговъ нападающихъ на церковь. Очевидно, что Бауру, во что бы то ни стало, необходимо представить апостольскій соборъ въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и отвергнуть подлинность описанія его въ Дѣяніяхъ,—что онъ и старается сдѣлать со всею своею ловкостію и остроуміемъ. Пользуясь главнымъ образомъ нѣкоторыми историческими данными, заключающимися во 2 гл. посланія къ Галатамъ и отчасти въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ о совѣщаніи ап. Павла съ прочими апостолами и вообще объ отношеніяхъ его къ нимъ, и толкуя ихъ по своему, онъ старается доказать, что это совѣщаніе было частное, а вовсе не имѣло формы собора, и что оно кончилось ничѣмъ; прочіе іудействующіе апостолы будто бы не согласились съ Павломъ, онъ съ своей стороны также не уступилъ имъ ни въ чемъ. Отсюда произошло полное и рѣшительное раздѣле-

ніе партій и между ними началась ожесточенная борьба. Очевидно, что этотъ пунктъ чрезвычайно важенъ для Баура, потому что если онъ докажетъ свой взглядъ на апостольскій соборъ и вообще на взаимныя отношенія апостоловъ, то во-первыхъ, онъ получитъ твердое основаніе—отвергать подлинность книги Дѣяній апостольскихъ, какъ несогласной съ подлинными посланіями ап Павла, а слѣдовательно и апостольскую исторію въ томъ видѣ, какъ принимаетъ ее православная церковь,—вовторыхъ, онъ найдетъ полное подтвержденіе своего взгляда на апостольскую исторію—важнѣйшій періодъ въ исторіи христіанства,—а слѣдоват. и на всю исторію его. Поэтому полемика съ Бауромъ должна быть направлена главнымъ образомъ на этотъ именно пунктъ; —для того, чтобы опровергнуть его—нужно обратить особенное вниманіе на его критику апостольскаго собора, прослѣдить здѣсь за нимъ шагъ за шагомъ и разобрать всѣ тѣ мнимыя противорѣчія, которыя онъ находитъ въ этотъ случаѣ между посланіями ап. Павла и Дѣяніями апостольскими, и на которыхъ онъ главнымъ образомъ основываетъ свои воззрѣнія [2]). Мы и попытаемся это сдѣлать.

—

Первое противорѣчіе между апостольскими писаніями Бауръ находитъ относительно формы іерусалимскихъ совѣщаній. По Дѣяніямъ (15 гл.) разсужденія ап. Павла съ іерусалимскимъ обществомъ о значеніи закона Моисеева имѣютъ форму собора, и съ самыхъ древнихъ временъ принимаются за первый христіанскій соборъ;—здѣсь собирается вся церковь (16, 6. 12, 22), происходятъ пренія о предложенномъ вопросѣ, произносятся рѣчи, мѣсто предсѣдателя собранія занимаетъ предстоятель іерусалимской церкви—ап. Іаковъ,—опредѣленіе собора записывается въ особый актъ, и разсылается съ уполномоченными отъ собора лицами въ Антіохію, Сирію и Кили-

[2]) См. Paulus der Apostel 5 Kap. Die Verhandlungen zwischen dem Apost. Paulus und d. ältern Aposteln zu Ierusalem.

кію, гдѣ и возникли споры, вызвавшіе соборъ. Между тѣмъ самъ ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ — по Бауру — «не только ничего не знаетъ обо всемъ этомъ, но даже говоритъ такъ, какъ будто бы онъ напередъ хотѣлъ противорѣчить такому представленію дѣла: я предложилъ имъ благовѣствованіе проповѣдуемое мною язычникамъ, особенно знаменитѣйшимъ (ἀνεθέμην αὐτοῖς τὸ εὐαγγέλιον ὃ κηρύσσω ἐν τοῖς ἔθνεσι, κατ' ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσι (2, 2) [3]). По мнѣнію Баура здѣсь находится рѣшительное противорѣчіе. Неандеръ это противорѣчіе примиряетъ тѣмъ, что ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ говоритъ только о частныхъ разсужденіяхъ съ апостолами (κατ' ἰδίαν), а въ Дѣяніяхъ говорится объ общихъ соборныхъ совѣщаніяхъ [4]). Но на это Бауръ съ своей стороны замѣчаетъ, и справедливо, что при такомъ пониманіи текста посланія къ Галатамъ нѣтъ основанія для примиренія,— если тамъ ничего не сказано о соборныхъ разсужденіяхъ, которыя собственно и рѣшили дѣло, то и самое примиреніе будетъ произвольно. Въ приведенныхъ словахъ ап. Павла видятъ указаніе и частныхъ—наединѣ съ апостолами, и соборныхъ—въ присутствіи всего іерусалимскаго общества, разсужденій апостола—именно словами *предложилъ имъ Евангеліе* (ἀνεθέμην αὐτοῖς τὸ εὐαγγέλιον) указывается на соборъ іерусалимскій. Но и такое объясненіе по мнѣнію Баура несправедливо. Прежде всего *эти* слова вовсе не соотвѣтствуютъ тому описанію собора, какое находится въ Дѣяніяхъ, и не указываютъ на него, а главное затрудненіе въ томъ, что при такомъ пониманіи этого мѣста главныя, соборныя разсужденія, при которыхъ должны также присутствовать и апостолы, совершенно отступаютъ на задній планъ, а эти частныя становятся главными. Поэтому единственно вѣрное объясненіе этого мѣста по его мнѣнію такое: здѣсь разумѣется только одно совѣщаніе апостола Павла и именно частное—съ *знаменитыми* апостолами, Іаковомъ, Петромъ и

[3]) Paulus der Apostel, s. 133.

[4]) Geschicht. Planz. Christ. s. 159.

Іоанномъ, — слова *предложилъ имъ евангеліе* указывают на нихъ, хотя и несовсѣмъ опредѣленно,—а особо *знаменитѣйшимъ* (κατ' ἰδίαν, praecipue, speciell—переводитъ Бауръ) относятся также къ нимъ и только точнѣе опредѣляютъ ихъ, — поясняютъ, кому именно *имъ*. Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: я путешествовалъ въ Іерусалимъ для того, чтобы предложить членамъ тамошней церкви свое благовѣствованіе и обратился спеціально (κατ' ἰδίαν) къ знаменитѣйшимъ не для того, чтобы рѣшить дѣло путемъ частныхъ разсужденій, а потому, что это былъ самый прямой и непосредственный путь для его рѣшенія. Апостолы потому и названы знаменитѣйшими (δοκοῦντες), что они въ глазахъ іерусалимскаго общества христіанъ были самые высшіе авторитеты (но не съ точки зрѣнія Павла, оговаривается Бауръ), и потому послѣ ихъ рѣшенія были уже излишни всякія другія разсужденія. Только объ этихъ переговорахъ съ знаменитѣйшими, т. е. съ Іаковомъ, предстоятелемъ іерусалимскаго общества и съ ап. Петромъ и Іоанномъ, во всемъ этомъ мѣстѣ и идетъ рѣчь. Отсюда Бауръ дѣлаетъ такое общее заключеніе: еслибы іерусалимскія разсужденія были общественныя, соборныя, именно такія, какими описываются они въ Дѣяніяхъ, то Павелъ о нихъ, какъ о самомъ главномъ и существенномъ дѣлѣ, не могъ умолчать,—если же онъ молчитъ, то изъ этого можно заключать, что они вовсе не были такими на самомъ дѣлѣ, и только авторъ Дѣяній въ своемъ собственномъ интересѣ и ради своихъ особенныхъ цѣлей впервые придалъ имъ характеръ общественныхъ соборныхъ совѣщаній, — словомъ изъ частныхъ переговоровъ Павла съ знаменитыми сдѣлался церковный соборъ [5]).

Но уже по одной только чисто формальной сторонѣ такое заключеніе Баура не можетъ быть признано основательнымъ: оно очевидно не выходитъ изъ предыдущихъ его замѣчаній. Заключеніе о несуществованіи факта изъ одного только мол-

[5]) Paulus. s. 134—135.

чанія писателя объ этомъ фактѣ можетъ быть основательно (и то впрочемъ до извѣстной степени, потому что у писателя всегда могутъ быть чисто случайныя, неизвѣстныя и непредвидимыя для читателей причины, препятствовавшія ему говорить объ извѣстномъ фактѣ,—вообще argumentum e silentio — не сильный аргументъ) только въ такомъ случаѣ, когда для писателя есть настоятельная, неотразимая, очевидная нужда говорить объ этомъ фактѣ, и пока не указана и не доказана эта необходимость, есть полное основаніе не придавать такому заключенію никакого значенія. Притомъ Бауръ забываетъ здѣсь возраженіе, которое онъ самъ сдѣлалъ противъ Неандера. Но этого мало. Самое молчаніе ап. Павла во 2 гл. Гал. объ апостольскомъ соборѣ выдумано Бауромъ, — напротивъ въ текстѣ посланія есть прямыя и положительныя указанія на этотъ соборъ. Во 2 ст. 2 гл. посл. къ Галатамъ, какъ это видно уже изъ прямаго смысла рѣчи, несомнѣнно говорится не объ одномъ, а о двухъ различныхъ совѣщаніяхъ ап. Павла въ Іерусалимѣ— Ἀνεθέμην αὐτοῖς, говоритъ онъ, τὸ εὐαγγέλιον ὃ κηρύσσω ἐν τοῖς ἔθνεσι, κατ᾽ ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσι (предложилъ имъ, особо же знаменитѣйшимъ, благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ). Здѣсь Павелъ различаетъ два предложенія Евангелія *имъ* (αὐτοῖς) и знаменитѣйшимъ (τοῖς δοκοῦσι). Кому же первоначально предложилъ онъ свое Евангеліе,—на кого онъ указываетъ мѣстоименіемъ *имъ*? По связи рѣчи и по новозавѣтному словоупотребленію это мѣстоимѣніе поставлено здѣсь вмѣсто собственнаго названія жителей страны, или города, гдѣ происходило описываемое событіе,— а оно происходитъ какъ видно изъ 1 ст. въ Іерусалимѣ (εἰς Ἱεροσόλυμα), слѣдовательно и подъ первоначальными слушателями, которымъ ап. Павелъ предложилъ свое Евангеліе, надобно разумѣть іерусалимлянъ, т. е. вообще христіанъ іерусалимской церкви (ср. Дѣян. 17, 16. 2 Петр. 3, 4. Іоан. 15, 6) *). Потомъ, когда онъ говоритъ особо же знаменитѣйшимъ, подъ которыми разумѣваются апос-

*) Ср. Winer. Gram. Neutest. Spr. 7 Aufl. 1867. § 67, s. 587.

толы— Іаковъ, Петръ и Іоаннъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ, то здѣсь онъ очевидно говоритъ о другомъ (δὲ) отличномъ отъ перваго *предложеніи* своего Евангелія — въ частности апостоламъ. Бауръ, стараясь найти въ самомъ текстѣ основаніе для своего мнѣнія, неправильно переводитъ κατ' ἰδίαν δὲ — предложилъ имъ *именно — спеціально* знаменитѣйшимъ (und zwar speciell). Κατ' ἰδίαν по новозавѣтному словоупотребленію никогда не значитъ *именно, спеціально* (insbesondere, speciell), а *особо отъ другихъ, наединѣ*, и противополагается всегда κοινῇ или δημοσίᾳ, и потому не можетъ имѣть того смысла, какой придаетъ этому слову Бауръ (см. Матѳ. 14, 13. 23. 17, 1. 19. 20, 17. 24, 3. Марк. 4, 34. 6, 31. 32. 7, 33. 9, 2. 28. 13, 3. Лук. 9, 10. 10, 23. Дѣян. 23, 19). Союзъ δὲ также никогда не служитъ подтвержденіемъ сказаннаго уже прежде—*правда, именно*; — напротивъ эта частица весьма часто выражаетъ противоположеніе, или же просто употребляется какъ частица соединительная [7]). Слѣдовательно Гал. 2, 2 по прямому смыслу и правильному словоупотребленію заключаетъ въ себѣ два разныя понятія и обозначаетъ различные факты. Отсюда ясно, что здѣсь ап. Павелъ говоритъ о двухъ различныхъ совѣщаніяхъ — публичномъ соборномъ, участниками котораго были αὐτοῖς, т. е. вся іерусалимская церковь, и частномъ — наединѣ съ апостолами (δοκοῦντες). Такимъ образомъ воззрѣніе Баура противъ подлинности соборной формы іерусалимскихъ разсужденій въ этомъ случаѣ основывается на экзегетической ошибкѣ — на произвольномъ и неправильномъ пониманіи 2 ст. 2 гл. къ Гал. [8]).

---

[7]) Winer. Gramm. Neut. § 53, s. 403. 411—412.

[8]) См. Wieseler's Comment. üb. Brief. an d. Gal. 2, 2. Lekebusch. Composit. u. Ensteh. d. Apostelg. 1854, s. 294. Meyer. Comment. Gal. 2, 2 и Apostelg. 15, 6. Oertel. Paulus in d. Apostelg. 1868, s. 232—238. Ebrard. Wissenschaftliche Kritik d. Ewangel. Geschichte. 1850, s. 698—699. Ебрардъ съ обычною своею вульгарностью приводитъ здѣсь слѣдующій остроумный примѣръ рѣчи параллельной Гал. 2, 2: „если я говорю, что когда я пожелалъ бы поступить въ берлинскій университетъ, то пошелъ бы въ домъ монахъ родныхъ, и ска-

Но и этого мало. Въ посланіи къ Галатамъ есть прямое и совершенно достаточное для цѣли апостола указаніе на содержаніе и результатъ соборныхъ разсужденій. Примѣръ необрѣзаннаго Тита, спутника ап. Павла (ст. 3), котораго въ Іерусалимѣ не принуждали къ обрѣзанію, достаточно ясно характеризуетъ взглядъ іерусалимской церкви на обрѣзаніе и законъ, и выражаетъ сущность соборнаго опредѣленія, какъ оно представлено въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. Такъ это выходитъ и по связи рѣчи. Въ ст. 6 апостолъ снова возвращается къ знаменитѣйшимъ, т. е. старѣйшимъ его апостоламъ и разсужденіямъ съ ними, о которыхъ онъ упоминалъ уже во 2 ст.; между тѣмъ въ ст. 4—5 говоритъ о лжебратіяхъ и ихъ враждѣ противъ свободы христіанской, которые очевидно не апостолы; такимъ образомъ событія, содержащіяся въ ст. 3—5, не могутъ никакимъ образомъ относиться къ частнымъ совѣщаніямъ ап. Павла, и указываютъ на соборныя совѣщанія и обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія ихъ (ср. Дѣян. 15, 5—7). Отсюда ясно, что ап. Павелъ не только упомянулъ о соборныхъ совѣщаніяхъ въ Іерусалимѣ (ст. 2) касательно спорнаго вопроса, но и показалъ, что онъ при полномъ согласіи прочихъ апостоловъ и христіанъ такъ побѣдоносно противосталъ требованіямъ обрѣзывать язычниковъ, заявленнымъ лжебратіями (ст. 4), что они не посмѣли принуждать къ обрѣзанію даже Тита (ἀλλ' οὐδὲ ст. 3) [1]). Такимъ образомъ Титъ извѣстный сотрудникъ ап. Павла въ дѣлѣ евангельской проповѣди служилъ для галатянъ живымъ доказательствомъ, что требованіе обрѣзанія отъ язычниковъ въ Іерусалимѣ было отвергнуто, и христіанская свобода сохра-

---

залъ имъ о своемъ желаніи и особо — моему дядѣ, который замѣняетъ мнѣ отца, — то отсюда слѣдуетъ вопервыхъ, что я говорилъ объ этомъ не *только* съ однимъ дядей, а и съ другими родственниками; вовторыхъ, что я говорилъ объ этомъ съ дядей и съ другими не *вмѣстѣ*, — но что здѣсь должны быть по крайней мѣрѣ два разговора. Такимъ образомъ и ап. Павелъ ясно указываетъ на публичныя разсужденія въ Іерусалимѣ рядомъ съ частными."

[1]) Winer. Grammat. Neutest. s. 411.

нена. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что текстъ посланія къ Галатамъ не только не исключаетъ соборныхъ совѣщаній, о которыхъ говорится въ 5 гл. Дѣяній, но и указываетъ на нихъ.

Въ свою пользу обращаетъ Бауръ то обстоятельство, что ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ не говоритъ опредѣленно о соборномъ рѣшеніи, не пользуется имъ для своей защиты, а между тѣмъ оно-то одно и могло рѣшить дѣло, — «онъ не могъ умолчать о соборныхъ совѣщаніяхъ, если бы они были». [10]) Совершенно справедливо, что ап. Павелъ упоминаетъ о соборныхъ совѣщаніяхъ только мимоходомъ, косвенно, онъ не пользуется ими, какъ оружіемъ противъ своихъ противниковъ, и вообще въ посланіяхъ къ Галатамъ онъ придаетъ гораздо больше значенія своимъ частнымъ сношеніямъ съ апостолами, чѣмъ соборнымъ разсужденіямъ. Но это совершенно естественно, и иначе и быть не могло по самому ходу дѣла.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что посланіе къ Галатамъ, особенно же первыя двѣ главы его, написано апостоломъ въ защиту своего апостольскаго достоинства,—есть личная его апологія противъ взведенныхъ на него іудействующими лжеучителями клеветъ. Эти лжеучители, чтобы вѣрнѣе и удобнѣе распространить свое лжеученіе, начали не съ опроверженія ненавистнаго имъ ученія ап. Павла, не съ полемики съ нимъ въ области вѣроученія, а старались уронить въ глазахъ христіанъ его апостольскій авторитетъ, поколебать довѣріе и уваженіе къ нему лично. «Не должно слушать Павла, говорили они: ибо онъ только вчера, или даже нынѣ явился; Петръ же и сущіе съ нимъ суть первѣйшіе апостолы. Притомъ онъ апостольскій ученикъ, а тѣ Христовы; онъ одинъ, а тѣхъ много, и еще столпы церкви.» Іудействующіе учили въ Галатіи, «что должно обрѣзываться.... и не принимать Павла, все это отвергающаго; потому что этого не запреща-

[10]) Paulus s. 133—134.

ютъ, говорили они, Петръ, Іаковъ и Іоаннъ—первоверховные апостолы и бывшіе со Христомъ.» [11]) Не признавая Павла апостоломъ Христовымъ, равнымъ по достоинству съ другими апостолами, лжеучители говорили, что и ученіе его не божественное, а самимъ имъ измышленное, поэтому не слѣдуетъ слушать и принимать его. Понятно, что и апостолъ Павелъ долженъ былъ вести свою защиту сообразно съ такимъ ходомъ аргументаціи своихъ противниковъ,—иначе онъ не достигъ бы своей цѣли. Такъ именно онъ и дѣлаетъ. Онъ прежде всего доказываетъ и утверждаетъ свое апостольство, свою независимость отъ другихъ апостоловъ и самостоятельность,—указывая сначала на его происхожденіе, и потомъ на свои отношенія къ другимъ старѣйшимъ его апостоламъ, и отсюда уже выводитъ истину и божественность своего ученія. Онъ призванъ къ апостольству Самимъ Іисусомъ Христомъ, и отъ Него получилъ ученіе, которое проповѣдуетъ,—и поэтому оно, какъ ученіе божественное, истинно и непреложно (Гал. I, 1. 6. 8—9. 11. 12. 15—16.). Обращая вниманіе на свои отношенія къ другимъ апостоламъ, ап. Павелъ показываетъ, что онъ никогда не былъ въ подчиненномъ, зависимомъ отъ нихъ положеніи, и не только не заимствовалъ отъ нихъ своего ученія, но даже рѣдко видѣлся съ ними (I, 17—20); и несмотря на все это, когда онъ предложилъ имъ свое ученіе, они признали его истиннымъ, и не нашли нужнымъ что нибудь прибавить и измѣнить въ немъ,—живымъ доказательствомъ чего служитъ необрѣзанный Титъ, вмѣстѣ съ нимъ путешествовавшій въ Іерусалимъ (2, 2—3. 6—9). Даже болѣе,—онъ до такой степени былъ независимъ отъ другихъ апостоловъ, и такъ мало нуждался въ подтвержденіи своего апостольскаго авторитета съ ихъ стороны, что самъ возсталъ противъ верховнаго изъ нихъ—Петра, и обличилъ его, когда тотъ поступалъ неправо (2, 11—21). Такимъ образомъ онъ

---

[11]) Златоустъ. Opera omnia. Парижск. изд 1732 г. Т. X. p. 658.

совершенно опровергъ и уничтожилъ всѣ нареканія и клеветы, взведенныя на него лжеучителями, и вполнѣ защитилъ свое апостольское достоинство и ученіе,—и для его цѣли вовсе не было надобности подробно приводить для этого соборныя совѣщанія и рѣшеніе. Его апостольскій авторитетъ былъ уже совершенно возстановленъ признаніемъ его и его ученія прочими апостолами,—и соборное рѣшеніе не могло прибавить къ этому ничего. Столь важный для всей церкви вопросъ объ отношеніи закона Моисеева и обрѣзанія къ христіанству, рѣшенный на соборѣ апостольскомъ, здѣсь становится *чисто личнымъ вопросомъ ап. Павла*,—[12]) а потому долженъ рѣшаться съ другой, такъ сказать, *личной* точки зрѣнія. Ученіе Павла о свободѣ христіанской отъ закона Моисеева отвергалось іудействующими, какъ произвольное, не имѣющее за себя высшаго авторитета,—потому, какъ скоро доказано апостольское достоинство Павла (а оно доказано, какъ мы видѣли выше), доказана и истина его ученія, тогда апостолъ имѣлъ полное основаніе ожидать со стороны гал. христіанъ безусловной вѣры своему слову,—его слово для нихъ теперь должно быть также важно и обязательно, какъ и «соборное опредѣленіе.» Слѣдовательно ап. Павелъ не имѣлъ причины придавать особенное значеніе іерусалимскому собору и его рѣшенію,—выставлять его на видъ и разсказывать о немъ подробно,—онъ только упомянулъ о немъ вообще и мимоходомъ,—для него гораздо важнѣе были его частныя отношенія къ апостоламъ. Даже напротивъ ап. Павелъ имѣлъ прямыя побужденія говорить объ іерусалимскомъ соборѣ осторожно, не вдаваясь въ его подробности и не выставляя его на видъ, какъ сильное доказательство противъ своихъ противниковъ, потому что они легко могли перетолковать его и обратить въ свою пользу. Сошлись онъ въ подтвержденіе своего ученія прямо на соборъ и соборное опредѣленіе,—враги его могли представить дѣло такъ, что онъ испугался ихъ, не

[12]) Ср. Baumgarten. Apostelg Th. 1. s. 462.

посмѣлъ лично взять на себя отвѣтственность за свое ученіе, а пошелъ посовѣтоваться съ старшими его апостолами, признавалъ зависимость своего ученія отъ нихъ,—между тѣмъ какъ предъ этимъ онъ настойчиво и горячо отстаивалъ свою самостоятельность и свое равенство съ ними. Съ другой стороны не упомяни апостолъ прямо и открыто о своихъ частныхъ дружескихъ переговорахъ съ апостолами,—враги его соборное опредѣленіе могли мотивировать тѣмъ, что Павелъ заранѣе принялъ на себя по требованію другихъ апостоловъ извѣстныя угодныя имъ условія, или призналъ ихъ авторитетъ,—и вотъ поэтому-то и они съ своей стороны согласились сдѣлать уступку въ пользу его ученія и произнесли на соборѣ рѣшеніе благопріятное ему.

Скорѣе бы можно было ожидать, что ап. Павелъ упомянетъ о соборѣ и соборномъ опредѣленіи въ слѣдующихъ главахъ посланія къ Галатамъ 3 и 4, гдѣ онъ разсуждаетъ объ отношеніи закона Моисеева къ оправданію съ чисто-догматической стороны. Но и здѣсь, при томъ состояніи галатійскаго общества, когда писалъ къ нему свое посланіе Павелъ, это было безполезно и нецѣлесообразно. Еслибы онъ въ подтвержденіе своего ученія о свободѣ христіанъ отъ закона привелъ прямо соборное опредѣленіе, то это безъ сомнѣнія было бы очень сильное доказательство, и оно конечно заставило бы замолчать враговъ его, но дѣло въ томъ, что это доказательство было бы чисто внѣшнее,—тутъ согласіе было бы, такъ сказать, вынуждено силою внѣшняго авторитета, и происходило бы не изъ внутренняго убѣжденія и согласія самихъ христіанъ,—и слѣдовательно значеніе и дѣйствіе его было бы чисто случайное, распри и несогласія легко могли снова возникнуть. Да и вообще не въ духѣ ап. Павла—доказывать что бы то ни было такимъ образомъ. Его проповѣдь вообще, и ученіе о свободѣ отъ закона въ частности было неслучайно и основывалось не на внѣшнемъ какомъ нибудь авторитетѣ, а происходило изъ самой сущности, изъ основоположеній христіанства,—и потому для доказательства его

ему не было нужно ссылаться на соборное опредѣленіе. Оно было важно для всей церкви христіанской, потому что устраняло раздѣленіе и несогласіе между двумя великими половинами ея—христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, предупреждало ихъ на будущее время и обезпечивало такимъ образомъ единство и миръ церкви. Но съ точки зрѣнія апостола Павла это ученіе вытекало изъ самой сущности христіанства. Если онъ раньше указывалъ въ подтвержденіе своего ученія на нѣкоторыя историческія обстоятельства, то единственно потому, что вынужденъ былъ къ этому своими противниками, вынужденъ былъ характеромъ ихъ нападеній такъ поставить свою защиту, и какъ скоро миновала въ этомъ надобность, онъ возвращается къ догматическому и вообще теоретическому изложенію своего ученія.

Да наконецъ и само по себѣ невѣроятно, чтобы ап. Павелъ, пришедши въ Іерусалимъ для рѣшенія столь великаго и важнаго вопроса, волновавшаго тогда всю церковь, прежде чѣмъ предложить его на соборное разсмотрѣніе, не поговорилъ объ немъ съ апостолами наединѣ,—не видавшись съ ними столь много времени, онъ естественно теперь постоянно обращался съ ними, дѣлился тѣми мыслями и чувствами, которыя тогда наполняли его душу, разсказывалъ о тѣхъ великихъ успѣхахъ, которыми Богъ благословилъ его апостольскіе труды, и о тѣхъ трудностяхъ, которыя онъ испыталъ въ своемъ великомъ подвигѣ. А съ другой стороны для пользы всѣхъ христіанъ, всей церкви, чтобы предупредить опасность раздѣленія церковнаго, необходимо было придать рѣшенію этого спора характеръ соборнаго опредѣленія, опредѣленія вышедшаго отъ лица всей церкви.

Такимъ образомъ Бауръ прежде всего несправедливо утверждаетъ, будто ап. Павелъ говоритъ объ однихъ частныхъ своихъ разсужденіяхъ съ апостолами, а о соборныхъ не только не говоритъ, но даже исключаетъ ихъ. По буквальному смыслу рѣчи апостолъ въ посланіи къ Галатамъ говорилъ о тѣхъ и другихъ. Нисколько не удивительно и то, что Павелъ

не пользуется соборнымъ рѣшеніемъ для своей защиты и не говоритъ о соборѣ обстоятельно,—сообразно съ его цѣлью, для него важнѣе его частныя отношенія къ апостоламъ, которыя онъ обстоятельно и излагаетъ.

Напротивъ св. Лука (авторъ Дѣян. ап.) смотрѣлъ на этотъ фактъ совершенно съ другой точки зрѣнія. Онъ пишетъ не біографію и апологію Павла, а исторію всей церкви; поэтому ему нѣтъ никакой надобности подробно и точно отмѣчать и разсказывать каждое событіе изъ жизни апостола, если оно не важно для исторіи всей церкви и не имѣетъ прямаго вліянія на ея ходъ и развитіе,—«онъ нигдѣ и никогда не касается исключительно личныхъ обстоятельствъ ап. Павла, потому что онъ всюду смотритъ на него, какъ на орудіе, избранное Господомъ вознесшимся на небо—для управленія церковію и для распространенія ея до концовъ земли»—справедливо замѣчаетъ Баумгартенъ. [13]) Поэтому и фактъ апостольскаго собора важенъ былъ для него по его всеобщему значенію для церкви, потому, что онъ установилъ норму отношенія закона Моисеева къ христіанамъ язычникамъ и норму именно какъ законъ, какъ неизмѣнное правило, исходящее отъ лица всей церкви, слѣдоват. обязательное для всѣхъ христіанъ. Поэтому и его описаніе собора чисто объективное,—онъ и изображаетъ въ своей книгѣ такъ сказать оффиціальную сторону собора—бывшія на немъ разсужденія и постановленное на немъ опредѣленіе. До частныхъ разсужденій ему нѣтъ дѣла.

Изъ всего сказаннаго выходитъ то заключеніе, что разсказъ апостола Павла во 2 гл. посланія къ Галатамъ о формѣ Іерусалимскихъ совѣщаній не только не противорѣчитъ и не исключаетъ разсказа Дѣян. 15 гл., но положительно указываетъ на него и вполнѣ согласуется съ нимъ:—каждый изъ нихъ какъ нельзя болѣе цѣлесообразно и взаимно дополняетъ другой.

Н. Комаровъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

---

[13]) Apostelg. Th. 1. s. 466.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ У ГРЕКОВЪ
СО ВРЕМЕНИ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ ДО НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

II.

ПИСАТЕЛИ.

Общія замѣчанія. Обозрѣніе греческой письменности по отдѣламъ: 1) классической филологіи, 2) догматическаго богословія, 3) каноническаго права, 4) исторіи, 5) церковной археологіи, 6) церковнаго проповѣдничества. Греческія типографіи. Заслуги грековъ въ дѣлѣ просвѣщенія по отношенію къ Россіи.

Обращаемся къ ученымъ и писателямъ греческимъ, о которыхъ будемъ говорить почти по исключительному руководству книги г. Саты.

Подъ турецкимъ владычествомъ греки вовсе не сидѣли сложа руки, какъ до сихъ поръ о нихъ думали, но трудились и трудились весьма много. Они выставили весьма почтенное количество писателей, которые написали огромное количество книгъ. Г. Сата не сдѣлалъ нумераціи писателей, но по нашему собственному приблизительному счету ихъ приведено у него до 700 человѣкъ. Нѣкоторые изъ писателей по своему трудолюбію и по своей плодовитости въ написаніи книгъ могутъ даже поспорить съ средневѣковыми корифеями въ этомъ

отношеніи западной Европы. Правда, за все это время греки не произвели ни въ какой отрасли наукъ ничего оригинальнаго, самобытнаго, великаго или геніальнаго: во все это время они оставались подражателями древнихъ; но не выходя изъ круга подражанія, изъ котораго и не хотѣли выходить, греки заявили себя, насколько здѣсь можно было себя заявить, блистательнымъ образомъ.

Будемъ производить наше, конечно еще не совсѣмъ полное, обозрѣніе писателей въ нѣкоторой системѣ, и начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, которые пріобрѣли право на благодарность не только грековъ, но и всей западной Европы.

1. Классическая филологія.

Мы не можемъ утвердительно сказать, что въ эпоху возрожденія наукъ именно греки навели западную Европу на мысль обратиться къ изученію классической древности [1]). Но то несомнѣнно, что они оказали западной Европѣ самую дѣятельную помощь въ изученіи этой древности, и въ этомъ отношеніи пріобрѣли полное право на благодарность Европы. Въ первыхъ партіяхъ бѣглецовъ изъ Константинополя и изъ другихъ мѣстъ имперіи послѣ 1453 г., счастливыми судьбами оказалось значительное количество людей не только хорошо образованныхъ, но и талантливыхъ. Принятые въ западной Европѣ, гдѣ уже начиналось изученіе классической древности, съ отверстыми объятіями, они тотчасъ же принялись за ея преподаваніе и повели дѣло съ такимъ успѣхомъ, что не только вскорѣ приготовили множество отличныхъ учениковъ, но и пробудили энтузіазмъ къ древности, и такимъ образомъ окончательно пріобрѣли ей права гражданства въ системѣ западно-европейскаго образованія и воспитанія.

---

[1]) Первые греки, публично преподававшіе въ Италіи греческій языкъ, были Мануилъ Хризолора, начавшій свои уроки во Флоренціи въ 1396 г. (Histoire de la Litterature Greque profane, par M. Schoell, 2 edit. VII, 291) и Филаргъ критянинъ, въ 1409 г. выбранный въ папы подъ именемъ Александра V (Сата стр. 28): но первые начатки стремленія къ нему, кажется, были уже ранѣе (Schoell ibidd. p. 269 sqq.).

Изъ этихъ почтенныхъ ученыхъ заслуживаютъ упоминанія:

1) *Ѳеодоръ Гази,* родившійся въ Ѳессалоникѣ и бѣжавшій въ западную Европу послѣ ея взятія турками въ 1430 году, учившій, послѣ собственнаго ученія, въ Сіеннѣ тосканской, въ Феррарѣ въ учрежденной не задолго предъ тѣмъ гимназіи, въ Римѣ, въ Неаполѣ, опять въ Римѣ, опять въ Феррарѣ и умершій ок. 1478—84. Онъ принадлежалъ къ числу ученыхъ наиболѣе содѣйствовавшихъ къ распространенію греческаго языка и классическихъ знаній на западѣ и къ пробужденію вкуса къ нимъ, но въ тоже время ему пришлось испытать неблагодарность до такой степени, что онъ чуть не умеръ съ голода; что касается до самихъ грековъ, то онъ написалъ греческую грамматику [2]), которая болѣе двухъ столѣтій служила у нихъ учебникомъ въ школахъ.

2) *Георгій Трапезунтскій,* родившійся въ Критѣ отъ родителей трапезунтскихъ, пришедшій въ Италію въ 1430 году, учившій въ Венеціи, въ Римѣ, въ Неаполѣ и умершій въ Римѣ въ 1465 или 1486 г. Онъ преподавалъ филологію и философію съ такой славой, что его стекались слушать «итальянцы, французы, германцы и испанцы».

3) *Іоаннъ Аргиропулъ,* родившійся въ Константинополѣ, бѣжавшій изъ него послѣ взятія турками, преподававшій во Флоренціи, гдѣ былъ первымъ профессоромъ греческаго языка въ основанной Медичисами Платоновой академіи, и умершій въ Римѣ въ 1486 г. Объ его преподаваніи, наполнившемъ славою всю Италію, одинъ изъ современниковъ говоритъ, что когда «онъ училъ, то казалось, что воскресаютъ времена древнихъ философовъ.»

4) *Константинъ Ласкарь,* происходившій изъ знатной константинопольской фамиліи, бѣжавшій въ Италію послѣ взятія Константинополя турками, учившій въ Миланѣ, Неаполѣ, умершій въ Мессинѣ ок. 1493 г. Вмѣстѣ съ другимъ Ласкаремъ онъ считается знаменитѣйшимъ изъ греческихъ уче-

---

[2]) Γραμματικὴ Ἑλληνική, въ первый разъ напечатанная въ Парижѣ въ 1516 г.

ныхъ, подвизавшихся на поприщѣ преподаванія классической филологіи; для грековъ онъ написалъ грамматику [3]), которая, совмѣстно съ грамматикою Гази, долго была у нихъ въ школьномъ употребленіи.

5) *Янъ Ласкарь Рандакинъ*, родившійся въ Константинополѣ, привезенный въ молодости отцемъ въ Италію послѣ взятія Константинополя турками, учившій во Флоренціи, для публичной библіотеки которой сдѣлалъ собраніе греческихъ рукописей, въ Парижѣ, въ Венеціи, куда въ 1503 г. посланъ былъ въ качествѣ французскаго посла, опять въ Парижѣ, въ Римѣ, снова въ Парижѣ, куда въ 1517 г. былъ посланъ посломъ отъ папы, снова въ Римѣ и опять въ Парижѣ, гдѣ привелъ въ порядокъ Фонтенеблоскую королевскую библіотеку, еще въ Венеціи, гдѣ во второй разъ былъ французскимъ посломъ, и умершій въ Римѣ въ 1535 г. Какъ выше мы сказали, онъ вмѣстѣ съ Константиномъ Ласкаремъ принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ греческихъ ученыхъ классическо-филологическаго отдѣла.

Кромѣ сейчасъ поименованныхъ могутъ быть еще названы: 6) *Гермогенъ Спартанскій* († послѣ 1478 г.), бывшій первымъ преподавателемъ греческаго языка въ Парижѣ, 7) *Андроникъ Каллистъ* († 1486), который былъ первымъ греческимъ преподавателемъ въ Болоньѣ и преемникомъ Гермогена въ Парижѣ, 8) *Димитрій Халкондилъ*, который былъ во Флоренціи преемникомъ Аргиропула, 9—13), *Маркъ Мусуръ*, *Николай Томей*, *Іоаннъ Мосхъ*, *Францискъ Портъ*, *Емилій Портъ*, и нѣкоторые другіе.

2. Догматическое Богословіе.

Еще до Петра Могилы греки уже имѣли, а послѣ него даже очень много написали систематическихъ книгъ по догматическому богословію.

У Саты указываются [4]):

---

[3]) Erotemata cum interpretatione latina, напечатанныя въ первый разъ въ Миланѣ въ 1476 г.

[4]) Такъ какъ г. Сата, къ сожалѣнію, не снабдилъ своей книги системати-

а) КАТИХИЗИСЫ.

1) *Мелетія Пигаса*, патріарха александрійскаго и блюстителя патріаршаго престола константинопольскаго, умершаго въ 1602 г., Κατήχησις ἐν εἴδει διάλογου, т. е. «Катихизисъ въ видѣ разговора», или въ вопросахъ и отвѣтахъ, остающійся доселѣ неизданнымъ.

2) *Николая Булариса*, керкирейца, умершаго послѣ 1684 года, Κατήχησις ἱερά, ἤτοι τῆς θείας καὶ ἱερᾶς λειτουργείας ἐξήγησις, т. е. «Священный Катихизисъ, или изъясненіе божественной и святой литургіи,» напечатанный въ Венеціи въ 1681 году.

3) *Евгенія Булариса*, Ὀρθόδοξος Ὁμολογία—«Православное Исповѣданіе», напечатанное въ Амстердамѣ въ 1767 году.

4) *Константина Экономоса*, Ἱερὰ κατήχησις—«Священный Катихизисъ», напечатанный въ первый разъ въ Вѣнѣ въ 1814 г. и послѣ много разъ перепечатанный.

б) системы богословія.

1) *Георгія Коресія* хіосца, извѣстнаго своей ревностной полемикой противъ латинянъ и жившаго въ первой половинѣ XVII вѣка—Θεολογίας Σύνταγμα—«Система Богословія», остающаяся въ рукописи.

2) *Григорія Мармекусіана* хіосца, ученика Коресіева, жившаго въ той же первой половинѣ XVII в. Συνοψις τῶν θείων καὶ ἱερῶν δογμάτων τῆς Ανατολικῆς ἐκκλησιας, т. е. «Сокращеніе божественныхъ и священныхъ догматовъ Восточной церкви», напечатанное въ Венеціи въ 1635 г.

3) *Николая Курсулы* закинѳянина, умершаго въ 1652 г., Συνοψις τῆς ἱερᾶς θεολογίας, т. е. «Сокращеніе Священной Богословіи», напечатанное въ Закинѳѣ въ 1864 г,

4) *Виссаріона Макриса* янинца, умершаго въ 1699 году Εἰσαγωγικὴ ἔκθεσις περὶ τῶν τριῶν μεγίστων ἀρετῶν Πίστεως,

---

ческимъ указателемъ и представленныя нами обозрѣнія сдѣланы нами самими, то считаемъ нужнымъ предупредить спеціалистовъ, что мы не можемъ поручиться за полноту и за совершенное отсутствіе пропусковъ.

Ἐλπιδος καὶ Ἀγάπης, т. е. «Предварительное изложеніе о трехъ великихъ добродѣтеляхъ Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви», напечатанное въ Букарестѣ въ 1699 г. (вмѣстѣ съ Православнымъ Исповѣданіемъ Петра Могилы, Врето 1, № 131).

5) *Севаста Кименита* трапезунтянина, умершаго въ 1702 Δογματικὴ διδασκαλία — «Догматическое ученіе», напечатанное въ Букарестѣ въ 1703 г.

6) *Викентія Дамода* кефалонійца, умершаго въ 1752 г., Δογματικὴ—«Догматика», остающаяся въ рукописи.

7) *Θεοκλιτα Поліидеса* ѳракійца, жившаго въ XVIII в., Sacra tuba fidei—«Священная труба вѣры», изданная въ не указанномъ Сатою мѣстѣ въ 1736 г.

8) *Іоанна Контониса* закинѳянина, умершаго въ 1761 г., Συνοπτικὴ Θεολογία—«Сокращенное Богословіе», остающееся не изданнымъ.

9) *Антонія Москонула* кефалонійца, умершаго въ 1788 г., Συνταγματιον Θεολογικὸν—«Сокращенная Система Богословія», остающаяся въ рукописи, и Ἐπιτομὴ τῆς δογματικῆς καὶ ἠθικῆς Θεολογίας—«Сокращеніе догматическаго и нравственнаго богословія», напечатанное въ Кефалоніи въ 1851 г. (in 8°, 510 стр.).

10) *Анѳима патріарха іерусалимскаго*, умершаго въ глубокой старости въ 1808 г., «Система Богословія» на арабскомъ языкѣ, напечатанная въ Лейпцигѣ въ 1791 г.

11) *Спиридона Спинолы* керкирейца, жившаго въ прошломъ вѣкѣ, Διδασκαλία χριστιανικὴ διεξοδικοτάτη—«Ученіе христіанское пространнѣйшее», остающееся неизданнымъ.

12) *Герасима Калогномона* критянина, жившаго въ прошломъ вѣкѣ, Θεωρία Θεολογικὴ—«Богословское созерцаніе», изданное въ Венеціи, въ 1788 г.

13) *Аѳанасія Паросскаго*, умершаго въ 1813 г., Ἐπιτομὴ ἔιτε Συλλογὴ τῶν θείων τῆς πιστεὼς δογμάτων—«Сокращеніе или сведеніе божественныхъ догматовъ вѣры», напечатанное въ Лейпцигѣ, въ 1806 г.

14) *Марка Драгумиса* македонца, умершаго въ 1854 г.,

Ἐπιτομὴ τῆς δογματικῆς θεολογίας—«Сокращеніе догматическаго богословія», остающееся не напечатаннымъ.

Кромѣ цѣлыхъ системъ богословія, греческіе ученые написали множество и даже безчисленное множество *отдѣльныхъ богословскихъ трактатовъ*. По количеству и по достоинству трактатовъ заслуживаютъ упоминанія: 1) *Геннадій Схоларій*, первый патріархъ константинопольскій послѣ взятія Константинополя турками; 2) *Гавріилъ Северъ*, архіепископъ филадельфійскій, жившій въ Венеціи (во второй половинѣ XVI в.); 3) *Мелетій Сиригъ*, извѣстный константинопольскій ученый половины XVII в., исправлявшій катихизисъ Петра Могилы [5]), 4) *Досиѳей, патр. іерусалимскій*, родившійся въ 1641 г. и умершій въ 1708 г., человѣкъ извѣстный своею неутомимѣйшею ревностію, въ особенности противъ латинянъ.

Мы не имѣли у себя подъ руками указанныхъ греческихъ книгъ богословскаго содержанія, да и вообще мы не компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, но мы полагаемъ, что кому-нибудь изъ нашихъ богослововъ не мѣшало бы хорошенько выучиться по-гречески и принять на себя трудъ обстоятельнаго изученія средневѣковой греческой богословіи, затѣмъ, чтобы, въ первыхъ, посмотрѣть, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь такого, что не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію даже и при современномъ трактованіи богословія, вовторыхъ, чтобы дать русскимъ людямъ хотя нѣкоторое понятіе о томъ, что такое это средневѣковое греческое богословіе, и въ третьихъ—чтобы ввести наконецъ его въ общую исторію богословія.

3. Каноническое право.

Отдѣлъ этой науки имѣетъ значеніе не только историческое, но и современно научное. Мы не спеціалистъ въ каноническомъ правѣ, однако нѣсколько его изучали и положительно можемъ сказать, что нынѣ принятый текстъ правилъ соборно-отеческихъ никакъ не можетъ быть признанъ окончательно

---

[5]) О сношеніяхъ Сирига съ Москвой у Муравьева въ Сношен. съ Восток. II, 228 sqq., 293 и 305 sqq.

вѣрнымъ; для установленія этой окончательной приблизительно вѣрности требуются и еще ученыя работы и новые пересмотры и сличенія списковъ [6]). Далѣе, извѣстно, что до сихъ поръ напечатанные памятники частнаго, особенно позднѣйшаго, церковнаго законодательства,—церковные хрисовулы императоровъ и грамоты патріарховъ и частныхъ при нихъ соборовъ, далеко не представляютъ собой всего того, что было въ дѣйствительности; въ этомъ отношеніи отъ новыхъ поисковъ можно ожидать еще очень большихъ, а пожалуй и неожиданныхъ, результатовъ. Итакъ, всякое вновь становящееся извѣстнымъ собраніе правилъ, сдѣланное кѣмъ-нибудь изъ средневѣковыхъ ученыхъ, заслуживаетъ самаго тщательнаго осмотра какъ со стороны текста, такъ и со стороны объема своего содержанія. Но оказывается, что греческая средневѣковая письменность представляетъ не одно таковое собраніе правилъ и вообще памятниковъ законодательства.

Не ограничиваясь собраніями правилъ, греческіе средневѣковые ученые продолжали писать и толкованія на нихъ. Не предполагая, чтобы въ этихъ толкованіяхъ нашлось что-нибудь особенное, новое и важное, мы все-таки думаемъ, что добросовѣстная и тщательная наука и ихъ не найдетъ удобнымъ оставить безъ всякаго вниманія.

У Саты указываются:

а) СОБРАНІЯ ПРАВИЛЪ И ПАМЯТНИКОВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:

1. *Яна Ласкаря* Collectanea juris Graeci, остающіяся ненапечатанными.

---

[6]) Въ подтвержденіе нашихъ словъ позволимъ себѣ указать на одинъ примѣръ. 9-е правило 4 вселенскаго или халкидонскаго собора по принятому тексту читается: Εἰ τις κληρικὸς πρὸς κληρικὸν.... ἀλλὰ πρότερον τὴν ὑκόθεσιν γυμναζέτω παρὰ τῷ ἰδίῳ Ἐπισκόπῳ ἤγουν γνώμῃ αὐτοῦ τοῦ Ἐπισκοποῦ παρ' οἷς ἂν τὰ ἀμφότερα μέρη βάλωνται τὰ τῆς δίκης συγκροτεισθαι. У одного весьма древняго славянскаго переводчика этого правила, очевидно, имѣвшаго подъ руками другой греческій текстъ, оно читается: „но преже да скажетъ вещь свою епископу, да епископъ, повелѣніемъ своимъ призвавъ обѣ страни хотящаяся прѣти, съ начальними своими попы праведнѣ да устроитъ."

2. *Александра Нерулеса*, половины XVI в., Συλλογὴ τῶν ἀποστολικῶν κανόνων, остающееся неизданнымъ.

3. *Мануила Малакса*, половины XVI в., Νομιμον или Номоканонъ, не напечатанный, но довольно извѣстный.

4. *Максима Маргунія*, половины XVI в., Κανονες ἀποστόλων, συνοδων καὶ πατέρων μετα σχολίων, остающіеся не напечатанными.

5. *Матѳея Цигалы*, первой половины XVII в., Συλλογὴ κανόνων, остающееся не напечатаннымъ.

6. *Куліана Критопула*, второй половины XVII в., Συνταγμα κατ' ἀλφαβητον τῶν ἱερῶν καὶ ϑείων κανόνων καὶ νομίμων τοῦ Ματθαίου τοῦ Βλασταρέως, остающееся въ рукописи (въ Моск. Синод. библіот.).

7. *Досиѳея, патріарха іерусалимскаго*, Συναγωγὴ νόμων ἐκ διαφόρων νομιμων, остающееся не напечатаннымъ (въ Моск. Синод. библіот.).

8. *Спиридона Миліи*, половины XVIII в., τῶν ἁγίων Συνόδων Οικουμενικῶν τε καὶ Τοπικῶν δαψιλεστάτη συναθροισις, напеч. въ Парижѣ въ 1761 г., въ двухъ томахъ, fol.

9. *Христофора Кампаниса*, половины XVIII в., Συλλογη Συνοδικη καί υπομνήματα περὶ ἰσχύος τῶν κανόνων, остающееся не напечатаннымъ.

10. *Гавріила Колонны*, половины XVIII в., Συνάθροισις τῶν ἁγιων Συνόδων τῆς Καθολικῆς Ἐκκλησίας, напечатанное въ Венеціи, въ 1761 г., въ двухъ толстыхъ листовыхъ томахъ.

11. *Христофора Артскаго*, половины XVIII в, Συνοψίς πάντων τῶν ἱερῶν κανόνων, остающееся въ рукописи.

12. *Ѳеофила Кампани*, половины XVIII в., Νομοκανον, остающійся не напечатаннымъ.

13. *Спиридона Спиноды*, второй половины XVIII в., Νομικὸν συνταγμάτιον, остающійся не напечатаннымъ.

14. *Аѳанія Леонарда*, второй половины XVIII в., Συλλογὴ πάντων τῶν ἱερῶν καὶ ϑείων κανόνων τῶν τε ἁγίων ἀποστολων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων, αμα δὲ καί τοπικῶν, напечатанное въ неуказанномъ мѣстѣ, въ 1787 г., страницъ 486.

15. Συλλογὴ πάντων τῶν ἱερῶν καὶ θείων κανόνων τῶν τε ἁγίων ἀποστόλων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων ἅμα δὲ καὶ τοπικῶν, приготовленное къ печати и напечатанное неизвѣстнымъ на счетъ митрополита назаретскаго Неофита Пелопоннесскаго, въ Венеціи, въ 1787 г. (Врето I, IV 319).

16. *Никодима Святогорца*, Πηδάλιον, напечатанный въ Лейпцигѣ, въ 1800 г., общеизвѣстный.

b) толкованія.

1. *Ѳомы Дипловатаци*, второй половины XV в., Notae ad sententias synodales и Ectesis canonum Apostolorum, остающіяся не напечатанными.

2. *Яна Ласкаря* in Nili Synopsin canonum Commentaria, Notae ad Synodales sententias, Explanatio canonum Apostolorum, Notae ad Prochiron Harmenopuli, Explanatio regularum Nicephori Constantinopolinati, всѣ пять остающіяся не напечатанными.

Частные трактаты писали: *Янъ Ласкарь* (De ordinatione Graecorum, De jure Graeco et Latino, не напечат.), *Захарій Скордилій* половин. XVI (περὶ συγγενιας βαθμῶν, напеч. въ Венеціи въ 1569 г. [1]).

4. Исторія.

Въ области исторіи, въ разсматриваемый періодъ, греки не ознаменовали себя ничѣмъ особеннымъ. Но тѣмъ не менѣе мы тщательно укажемъ здѣсь всѣ тѣ ихъ историческія сочиненія—какъ по церковной, такъ и по гражданской исторіи, и какъ общія, такъ и частныя,—въ которыхъ повѣствователи или сполна или только отчасти суть очевидцы и которыхъ такимъ образомъ сочиненія, или въ цѣломъ или частію, представляютъ собой первоисточники.

---

[1] У Врето указываются еще Διαταγαι τόμων, напечатанныя въ Константинополѣ въ 1767 г. и представляющія собой опредѣленіе константинопол. патріаршаго собора κατὰ τῶν επι χρημασι γυναῖκας λαμβανόντων (I, № 241).

Всемірная исторія государственная и церковная, общая и частная. Византійская исторія государственная и церковная, общая и частная. Исторія патріархатовъ и митрополичьихъ каѳедръ. Проскинитаріи и описанія монастирей. Исторія и географія отдѣльныхъ мѣстностей въ Греціи. Общая географія Греціи древняя и новая. Исторія быта и нравовъ Греціи въ разныя времена. Исторія просвѣщенія и библіографія. Турки. Епиръ и Кастріоты. Румынія или Молдо-Валахія. Сербія. Россія.

а) ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЦЕРКОВНАЯ:

аа) Общая:

1. *Дорооѣя митрополита монемвасійскаго,* конца XVI—начала XVII вѣка, Χρονογραφος, обнимающій время отъ сотворенія міра до 1629 г. по Р. Х., въ первый разъ напечатанный въ 1630 г. и потомъ много разъ перепечатанный.

2. *Матѳея Цигалы,* Νεα Συνοψις διαφόρων ἱστορίων отъ сотворенія міра до настоящаго времени, напечатанный въ Венеціи, въ 1639 г.

3. *Мелетія митрополита аѳинскаго,* умершаго въ 1714 г., Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία, напечатанная въ Вѣнѣ, въ 1783—84 гг. въ трехъ томахъ, переведенная на простой греческій языкъ (снабженная примѣчаніями и исправленная отъ издателя Георгія Вентоти).

4. *Евстратія Аргенти,* умершаго около 1750 г., Ἐπιτομὴ χρονολογικὴ απο Χριστου γεννησεως μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων остающееся не напечатаннымъ.

5. *Кипріана патріарха александрійскаго,* умершаго въ 1787 г., Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία, остающаяся не изданною.

6. *Четзони Катунскаго,* конца прошедшаго—начала настоящаго столѣтія Ἱστορία (πολύτομος), остающаяся не изданною.

bb) Частная, извѣстныхъ періодовъ времени:

1. *Григорія Хіосскаго* Ἱστορικὸν ὑπομνημάτιον τοῦ ἔτους 1456 г., дважды на печатанное.

2. *Ѳеодосія Зигомалы* Ἱστορικὸν νεόν, обнимающій неизвѣстно какое время, остающійся не напечатаннымъ.

3. *Димитрія Прокопія Памперея,* начала XVII в., Δυο εκατον-τά-δες (неизвѣстно, какія) Ἑλληνικῶν Ἱστοριῶν, остающіяся не напечатанными.

4. *Аѳанасія Ипсиланти*, второй половины XVIII в., Πολιτικὴ καὶ ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία ἀπὸ τῆς ἁλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως μεχρι τοῦ 1798 г., въ 12 книгахъ, недавно напечатанная въ Аѳинахъ или Константинополѣ, какъ сообщалъ намъ В. И. Григоровичъ.

5. *Серпія Макрея*, умершаго въ 1616 г., Ὑπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας ἐν πέντε μέρεσιν, отъ 1750 до 1800 г., остающіяся не напечатанными.

6. *Іакова Аргиропула*, умершаго въ 1850 г., Ἀπομνημονεύματα, остающіяся не изданными.

в) византійская исторія государственная и церковная:

аа) Общая:

1. *Георгія Кодина*, половины XV в., Περὶ τῶν βασιλευσάντων ἐν τῇ Κωνσταντινουπολει μέχρι τῆς παρὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ταύτης ἁλωσεως, напечатанное въ парижскомъ и венеціанскомъ и перепечатанное въ боннскомъ изданіи византійцевъ.

2. *Александра Іеракса*, константинопольскаго великаго логоѳета (второй половины XVI—начала XVII вѣка) Χρονικὸν Βυζαντίδος, остающійся не изданнымъ.

3. *Ѳеоклита Полиидеса*, половины XVIII в., Ἱστορία τῆς ἑλλινικῆς ἐκκλησίας, остающаяся не напечатанною.

4. *Іоанна Стама* или Стама, половины XVIII в., Βυζαντινὴ ἱστορία (Βίβλος Χρονικὴ, περιέχουσα τὴν ἱστοριαν τῆς Βυζαντιδος) изданная въ Венеціи, въ 1767 г., въ шести томахъ [*]).

bb) Частная, извѣстныхъ періодовъ времени и извѣстныхъ событій:

1. *Михаила Дуки* († послѣ 1462 г.), Historia Byzantina отъ начала правленія импер. Іоанна Палеолога (1341 г.) до 1462 г., напечатанная въ парижскомъ, венеціанскомъ и боннскомъ изданіяхъ византійцевъ.

2. *Георгія Францы* († послѣ 1478 г.) Χρονικόν, отъ смерти импер. Алексѣя Ангела Комнена (1203 г.) до 1478 г., напечатанный тамъ же.

3. *Константина Ласкаря*, Ἐπίτομος ἔκθεσις αὐτοκρατόρων

[*]) Врето II, № 131.

ἀπὸ Θεοδώρου τοῦ Λασκάρεως μεχρι Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου (1205—1453), остающееся не изданнымъ.

4. *Леонарда хіосскаго* († 1482 г.) Historia Constantinopoli a Turco expugnata, напечатанная Nyrenbergae, 1544.

5. *Константина Ласкаря* Πραχτικα τῆς ἐν ἁγία Σοφία ὑστάτης συνόδου, μετὰ τὴν τελευτὴν Ἰοάννου Παλαιολόγου, напечатанныя патр. Досиѳеемъ въ изданіи Τόμος καταλλαγῆς.

с) ИСТОРІЯ ПАТРІАРХАТОВЪ.

аа) Константинопольскаго:

1. *Мануила Малакса* († 1581) Πατριαρχικὴ Κωνσταντηνουπολεως Ἱστορία, отъ 1454 до 1578 г., первоначально напечатанная Крузіемъ въ «Турко-Греціи», перепечатанная въ боннскомъ изданіи византійцевъ.

2. *Дамаскина Студита* (половины XVI в.) Κατάλογος χρονολογικὸς τῶν πατριάρχων Κωνσταντινουπόλεως μέχρι Ἱερεμίας (1573), остающійся не изданнымъ.

3. *Филиппа кипрскаго*, протонотарія константинопольскаго въ половинѣ XVII в., Chronicon Ecclesiae Graecae, представляющій собою каталогъ патріарховъ константинопольскихъ отъ ап. Андрея до 1639 г., напечатанный и извѣстный (въ изданіи Генриха Гидарія Lipsiae et Francofurti, 1687, хроника, напечатанная въ одномъ латинскомъ переводѣ, продолжена издателемъ до 1673 г. и снабжена обширными примѣчаніями и многими приложеніями, между которыми особенно заслуживаетъ указанія: Breviarium quoddam rerum ac personarum in Ecclesia Graeca ac urbe Constantinopolitana, ex literis M. Stephani Gerlachii Byzantio anno 1575 Tybingam ad Mart. Crusium missis).

4. *Каллиника*, 4 патріарха константинопольскаго (второй половины XVIII в.), Κατάλογος τῶν μετὰ τὴν ἅλωσιν πατριαρχῶν, остающійся не изданнымъ.

5. *Панкратія Димеру* (второй половины XVIII в.) Κατάλογος πατριαρχῶν, отъ Іереміи 3 до Гавріила 3 (1772—80), остающійся не изданнымъ.

6. *Константина Экономидеса* Ἱστορικὸς κατάλογος τῶν πρώ-

των ἐπισκόπων καὶ τῶν ἐφεξῆς πατριαρχῶν τῆς ἐν Κωνσταντινουπολει Μεγάλης τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας, напечатанный въ Навпліи, въ 1837 г.

(Сочиненія о самомъ Константинополѣ см. ниже).

bb) Александрійскаго.

Евстратія Аргенти († ок. 1750) Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν Ἀλεξανδρείας, остающійся не изданнымъ.

(Объ Александріи и Египтѣ, гдѣ есть и о патріархахъ: 1) *Христофора Гази* (второй половины XVII в.) греческій переводъ арабской хроники Александріи патр. Евтихія; 2) *Нектарія* патр. іерусалимскаго († ок. 1680) Ἐπιτομὴ τῆς ἱεροκοσμικῆς ἱστορίας et caet. et caet., напечатанное въ Венеціи, въ 1677 г., 3) *Константія* 1 патр. константинопол. († 1859) Ἀρχαία Ἀλεξανδρέια, напечатанная въ Москвѣ, въ 1801 г., и Αἰγιπτιακὰ ἤτοι περιγραφὴ ἁπάσης τῆς Αἰγύπτου ἀρχαίας τε καὶ νεωτέρας, напечат. въ Константинополѣ въ 1838 г.

cc) Антіохійскаго.

1. *Макарія* патр. антіохійскаго († 1688) Καταγραφὴ τῶν κατὰ καιροὺς ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων, начиная съ ап. Петра, остающаяся не напечатанною.

2. *Аѳанасія* патр. антіох. († 1728) Ἱστορία τοῦ πατριαρχείου Ἀντιοχείας ἀπὸ ἀπ. Πέτρου μέχρι του 1702, напечатанъ одинъ латинскій переводъ (у Коллара въ Supplem. Lambetii Comment. 1, 451).

3. *Константія* 1 патр. константинопол. Περὶ τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων μέχρι τῆς σήμερον, напечат. въ сборникѣ сочиненій въ Константинопол. въ 1866 г.

dd) Іерусалимскаго.

Досиѳея патр. іерусалимскаго, Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων, напечат. въ Букарестѣ, 1715 г., въ листъ, мелкой греческой печати 1247 стр. Извѣстно, что патріархъ Досиѳей, принадлежащій къ числу тѣхъ людей, которыхъ греки называютъ πολυλογώτατοι, говоритъ въ этой огромной книгѣ обо всемъ на свѣтѣ; такъ какъ онъ, по совершенно справедливому замѣчанію Мелетія аѳинскаго, былъ οὐκ

ἐκ τῶν ἐξακριβούντων, т. е. не изъ числа людей, которые особенно заботятся о точности, то и книгою его, представляющею впрочемъ огромный матеріалъ для церковной исторіи, должно пользоваться съ нѣкоторою осторожностію.

(О святой землѣ и іерусалимскомъ царствѣ: *Хрисанѳа*, патр. іерусал. († 1731) Ἱστορία καὶ περιγραφὴ τῆς ἁγίας γῆς καὶ τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλὴμ, напеч. въ Венеціи, 1728 г., *Стефана Лузиніана* († 1590) Histoire generale des royaumes de Hierusalem, Cypre, Armenie et caet., напеч. Paris, 1586 г. (Проскинитаріи іерусалимскіе см. ниже).

D) ИСТОРІЯ МИТРОПОЛИЧЬИХЪ КАѲЕДРЪ.

aa) Кипрской.

Филѳея, архіепископа кипрскаго († 1759) Συμειώσεις περὶ τῶν Κυπρίων ἐκκλησίας и Ἔκθεσις περὶ τῶν προνομίων αυτης, напечатанныя въ изданіи Кипріана Ἱστορία Κύπρου, о которомъ ниже.

bb) Лакедемонской.

Ананіи Димичанскаго (половины XVIII в.) Κατάλογος τῶν μητροπολιτῶν Λακεδαιμονίας μετὰ τινῶν ἱστορικῶν ἐιδήσεων περὶ Σπάρτης, напеч. у Бушона въ Recherches historiques sur la principauté Françaese de Moree, I, LXXVII—XXX.

cc) Филиппопольской.

Константина іерея и эконома филиппопольскаго Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς Ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως, напечатанный въ Вѣнѣ, въ 1819 г. [1]).

E) ИСТОРІЯ ТРАПЕЗУНТСКАГО ЦАРСТВА ГРАЖДАНСКАЯ И ЦЕРКОВНАЯ, ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ.

1. *Георгія Амируци* трапезунтянина († 1475) Περὶ πολιορκίας καὶ ἁλώσεως Τραπεζοῦντος (1461 г.), письмо къ кардиналу Виссаріону, напечатанное у Воассанада въ Anecdota Graeca V, 389.

2. *Діонисія* трапезунтянина (половины XVIII в.) Ἱστορία τοῦ

---

[1]) Врето II, № 659.

Σουμελα, одного монастыря въ Трапезунтѣ, напечатанная въ Букарестѣ въ 1769 г.

3. *Парѳенія Метаксопула* трапезунтянина (XVIII в.) Ἱστορία τῆς πόλεως Τραπεζοῦντος καὶ βασιλέων αὐτῆς ἀπὸ 718 μέχρι τῆς ἁλώσεως, остающаяся не напечатанною.

ғ) ПРОСКИНИТАРІИ И ОПИСАНІЯ ЗНАЧИТЕЛЬНѢЙШИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

1. Проскинитаріи Іерусалимскіе:

Даніила митр. ефесскаго (второй половины XV в.) напечатанный у Мингарсали въ Graeci Codd. mss. Naniani, Bonon., 1784; *Арсенія Каллуди* (половины XVII в.), напечатанный въ первый разъ въ Венеціи, въ 1633 г. и послѣ тамъ же нѣсколько разъ перепечатанный; *Серафима Писсидія* (второй половины XVIII в.), напечатанный въ Лейпцигѣ, въ 1780 г.; *Хризанѳа Прусскаго* (второй половины XVIII в.), напечатанный въ Вѣнѣ въ 1787; *Константина Экономидеса*, напеч. въ Аѳинахъ, 1850 г.

2. Проскинитаріи Аѳонскіе:

Ѳеодосія Зигомалы (второй половины XVI в.), не напечатанный, *Георгія Коресія* (первой половины XVII в.), не напечатанный, *Іоанна Комнина* († 1719), напечатанный въ Букарестѣ въ 1701 г., перепечатанный Монфокономъ въ Palaeographia Graeca, *Неофита Кавсокаливита* († 1780), напечатанный въ Венеціи, въ неуказанномъ году.

3. Описанія Синая:

Ѳеодосія Зигомалы, не напечатанное, *Нектарія* патр. іерусалим. Ἐπιτομὴ τῆς ἱεροχοσμικῆς ἱστορίας et caet., которое выше.

4. Описаніе монастыря Μέγα Σπήλαιον—Великая пещера, въ Пелопоннесѣ:

Исаіи и *Софронія Мегалоспилеотовъ* (нач. XVI в., Κτιτορικὸν), напеч. въ Венеціи въ 1705 г., *Аргира Вернарди* (нач. XVIII в., Κτιτορικὸν), напеч. въ Венеціи въ 1705 г., *Парѳенія Пелопоннескаго* (XVIII в.), напеч. въ Венеціи въ 1764 г., *Константина Экономидеса*, напеч. въ Аѳинахъ, не указано въ какомъ году.

c) **исторія и географія отдѣльныхъ мѣстностей въ Греціи.**

1. **Константинополя**: *Георгія Кодина*, Παρεκβολαὶ περὶ τῶν πατρίων Κωνσταντινουπολέως (Excerpta de originibus Cpolitanis), Περὶ σχηματογραφίας τῆς Κωνσταντινουπόλεως, Περὶ ἀγαλμάτων, στηλῶν καὶ θεαμάτων, Περὶ κτισμάτων, Περὶ οἰκοδομῆς τοῦ ναοῦ τῆς ἁγίας Σοφίας, всѣ пять напечатанныя въ парижскомъ и всѣ пять перепечатанныя въ боннскомъ изданіи византійцевъ, *Константина* 1 патр. константинопол. Κωνσταντινίας παλαιὰ τε καὶ νεωτέρα ἤτοι περιγραφὴ Κωνσταντινουπόλεως, напеч. въ Константинополѣ, 1844 г.

2. **Адріанополя**: *Кирилла* митр. адріанопол. († 1821), Περιγραφὴ τῆς Ἀδριανουπόλεως καὶ τῶν περὶ τῆς Θρᾴκης μερῶν, напеч. въ Константинопол., въ 1815 г., въ приложеніи къ другому сочиненію.

3. **Θессаліи**: *Георгія Гемиста Плетона* († 1450), Χωρογραφία Θεσσαλίας, остающаяся не напечатанною.

4. **Аѳинъ**: *Діонисія Пирра* († 1853) Περιγραφὴ τῆς πόλεως Ἀθηνῶν, напеч. при Περιηγήσις ἱστορικὴ καὶ βιογραφία автора, въ Аѳинахъ, въ 1848 г.

5. **Пелопоннеса**: *Гемиста Плетона* Διαγραφὴ ἁπάσης Πελοποννήσου, остающееся не напечатаннымъ, *Никиты Нифаки* (полов. XVIII в.), Λακονικὴ χωρογραφία, напечатанная въ Аѳинахъ, въ 1853 г.

6. **Города Скодра или Скутари въ Албаніи**: *Маррина Барлеты* (XVI в.). De expugnatione scodrensi a Turcis libri tres, Venetiis, 1504.

7. **Музакіи Албанской**: *Іоанна Музаки* (XVI в.) Breve memoria della nostra casa Musachi, напечатанная Карломъ Гопфомъ въ изданіи средневѣковыхъ византійскихъ памятниковъ.

8. **Крита**: *Георгія Александра* критянина (первой полов. XV в.) Χωρογεαφία Κρήτης, напечатанное Волтерраномъ въ Commentaria lib. IX и Корнеліемъ въ Creta Sacra, *Антонія Калліери* критянина (XVI в.) Ἱστορία τῆς Κρήτης до 1303 г., остающаяся не напечатанною, *Алоизія Лоллина* (второй половины XVI в.) Elucubratio de Creta, остающееся не напечатан-

нымъ, *Аѳанасія Скира* (первой половины XVII в.) κρητικὸς πολεμὸς, остающаяся не напечатанною, *Анѳима Діакруса* (половины XVII в.) Διηγησις τοῦ Κρητικοῦ πολέμου, напечатанное въ 1679 г. въ неуказанномъ мѣстѣ.

9. Кипра: *Стефана Лузиніана* († 1590) Histoire générale des royaumes de Hierusalem, Cypre, Armenie, jusqu'en l'ana 1572, Paris, 1579, *Ангела Капеліана* кипріанина исторія взятія острова турками, котораго онъ былъ современникомъ, напечатана въ сочиненіи предшествующаго, *Іоанна Созомена* кипріанина (XVI в.) Narratione della guerra di Nicosia fatta nel regno di Cipro da'Turhi l'anno 1570, остающееся не напечатаннымъ, *архимандрита Кипріана* кипріанина (половины XVIII в.) Ἱστορία Χρονολογικὴ τῆς νήσου Κύπρου, αρχομένη ἀπὸ του κατακλυσμοῦ μέχρι τοῦ παρόντος, напечатанная въ Венеціи, въ 1788 г. [10]).

10. Корфу: *Андрея Мустоксида* († 1860) Notizie per servile alla Storia di Corfu, dai tempi eroici fino al secolo XII, остающееся не напечатаннымъ.

11. Кефалоніи: *Марина Пиніатора* († 1818) Ἱστορία τῆς Κεφαλληνιας отъ миѳическихъ временъ до паденія венеціанской власти, остающаяся не напечатанною (по словамъ Саты σύγγραμμα οντως πολυτιμον, т. е. сочиненіе истинно драгоцѣнное).

12. Левкада: *Димитрія Петрицопула* († 1833) Saggio Storico sulle prime eta dell'isola di Leucadia, напеч. въ Венеціи въ 1814 г., и Saggio Storico sull'eta di Leucadia sotto il dominio de'Romani, напеч. въ Венеціи, въ 1824 г., *Евстаѳія Марина* Ὑπομνημα περὶ Λεύκαδος, написанное въ 1623 г. и напечатанное Бугноном въ Nouvelles Recheches sur la Moree, *Спиридона Авлонита* (второй половины XVII в.) Πονημάτιον περὶ Λευκαδος καὶ Νικοπόλεως, остающееся не напечатаннымъ.

13. Лесбоса: *Леонарда Хіосскаго* († 1482) De Lesbo a Turcis capta epistola Pio papae II missa, напечатано у Гопфа.

---

[10]) Врето II, № 202.

14. Родоса: *Еммануила Георгилы* (XV в.) Τὸ θανατικὸν τῆς Ῥόδου, т. е. о взятіи его турками, въ 1498 г., *Георгія Каливы* (первой полов. XVI в.) о взятіи острова Сулейманомъ въ 1522 г., остающееся не напечатаннымъ.

15. Самоѳраки и Еноса: *Іоанна Канавуци* (XV в.) Πραγματεία περὶ Αἴνου καὶ Σαμοθράκης, остающаяся не напечатанною.

16. Иконіи: *Кирилла* митр. адріанопольскаго († 1821) Πίναξ Ἱωρογραφικὸς τῆς μεγάλης ἀρχισατραπίας Ἰκονίου, напеч. въ Вѣнѣ, 1812 г., на двухъ большихъ листахъ и Ἱστορικὴ περιγραφὴ къ предшествующей картѣ, напеч. въ Константинополѣ 1815 г.

н) ОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ ГРЕЦІИ ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ.

1. *Мелетія Аѳинскаго* Γεωγραφία παλαιὰ τε καὶ νέα напечатанная въ Венеціи, въ 1728 г.

2. *Аѳанасія Гази* († 1837) Πίναξ γεωγραφικὸς τῆς Ἑλλάδος μετὰ παλαιᾶ καὶ νέα ὀνόματα, напечатана въ Вѣнѣ, въ 1800 г.

і) ИСТОРІЯ БЫТА И НРАВОВЪ ГРЕЦІИ ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА:

1. *Никандра Никусія* (полов. XVI в.) Ἀποδημίαι или Описаніе странствованій, которое посвящено преимущественно западной Европѣ, но въ которомъ есть кой что и о Греціи; напечатаны только не многія главы.

2. *Іереміи* 2-го патріарха константинопольскаго († 1594) Ἔκθεσις περὶ ἑλληνικῶν ἐθιμῶν, остающееся не изданнымъ.

3. *Ѳеодосія Зигомалы:* Περὶ ἐπισήμων πόλεων καὶ μητροπόλεων ἔκθεσις, Περὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ του Ἄθωνος καὶ περὶ τῆς καταστάσεως τῶν ἀνατολικῶν Ἐκκλησιῶν, Περὶ τῶν πολιορκιῶν καὶ τῆς παρὰ τῶν Οθωμανῶν ἁλωσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς τωρεσινης καταστάσεως τῆς Ἑλλάδος, всѣ три остающіяся не напечатанными.

4. *Христофора Ангела* (перв. половины XVII в.) Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς καταστάσεως τῶν σημερον ἐυρισκομένων Ἑλλήνων, первоначально напечатанное въ Кембриджѣ въ 1619 г., перепечатанное съ латинскимъ переводомъ и съ обширными примѣчаніями Георгіемъ Фелявіемъ въ Лейпцигѣ, безъ означенія года (1671).

5. *Александра Геллади* (нач. XVIII в.) Status praesens Ecclesiae Graecae, напечат. въ Петербургѣ при академіи наукъ, 1714 г.

6. *Александра Фортія* (полов. XVI в.) Κωμωδοδιάλογος— пасквиль на современныхъ чиновниковъ константинопольскаго патріархата и особенно Θеодосія Зигомалу, остающійся не напечатаннымъ.

7. *Дамаскина Студита* (второй половины XVI в.) Κωμωδοδιάλογος κατὰ Ἀρχιέρεων, остающійся не напечатаннымъ.

8. *Неофита Дуки* († 1845) Περὶ ἐκκλησιαστικῆς εὐπρεπείας καὶ τάξεως, παιδείας τε τῶν ἱερέων и пр., остающееся не изданнымъ.

9. *Кирилла К.* Ἀπολογία Ἱστορικὴ καὶ Κριτικὴ ὑπὲρ τοῦ ἱεροῦ κλήρου τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας κατὰ τῶν συκοφαντειῶν τοῦ Νεοφύτου Δουκα, напечатанная въ Пизѣ, въ 1815, [11]) и вѣроятно, написанная противъ предшествующаго сочиненія Дуки.

10. Того же *Неофита Дуки* письмо къ патр. Кириллу περὶ ἐκκλησιαστικῆς εὐπειθείας, напечатанное въ Вѣнѣ въ 1815 г. [12]).

11. *Его же* письмо къ тому же патріарху περὶ Ἐκκλησιαστικῆς Εὐταξίας, напечатанное въ Вѣнѣ, въ 1815 г. [13]).

12. *Константія* 1 патр. константиноп. Περὶ τοῦ μετὰ τὴν ἅλωσιν ἐκ τοῦ κλήρου ἀρετῇ καὶ παιδείᾳ διαπρεπσάντων, напечатанное въ одномъ изъ греч. журналовъ и въ собраніи мелкихъ сочиненій Константія.

к) ИСТОРІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ И БИБЛІОГРАФІЯ:

1. *Димитрія Прокопія Памперея* москопольца Ἐπιτετμηνένη ἀπαρίθμησις τῶν κατὰ τὸν παρελθόντα αἰῶνα λογίων Γραικῶν, καὶ περὶ τίνων ἐν τῷν νῦν αἰῶνι αὐθούντων или De eruditis Graecis, написанное въ 1721 г., напечатанное Фабриціемъ съ латинскимъ переводомъ и указателемъ въ Bibliotheca Graeca, ed. Hamb. t. XI pp. 769—808.

---

[11]) Врето I, № 423.
[12]) Ibid. I, № 424.
[13]) Ibid. I, № 425.

2. *Анастасія Михаила* македонца (нач. XVIII в.) Περὶ καταστάσεως τῶν φιλομαθῶν Ἑλλήνων τῶν ἐν ταῖς ἐπαρχίαις τῆς Εὐρώπης παιδείας χάριν μεταβαινόντων, остающееся не напечатаннымъ.

3. *Георгія Завиры* († 1804) Νέα Ἑλλάς, ἤτοι ἱστορία τῶν πεπαιδευμένων Ἑλλήνων et caet., остающаяся не напечатанною, автографъ которой въ аѳинской публичной библіотекѣ (по словамъ Саты, трудъ драгоцѣнный).

4. *Аѳима Гази* († 1837) Βιβλιοθήκης Ἑλληνικῆς βιβλία δύο, περιέχοντα κατὰ χρονικὴν πρόοδον τὰς περὶ τῶν ἐξόχων Ἑλλήνων συγγραφέων βεβαιοτέρας εἰδήσεις, напеч. въ Венеціи въ 1807 г. Объ этой, какъ предполагаемъ, очень важной книгѣ, у Саты, къ сожалѣнію, не сообщается никакихъ особенныхъ свѣдѣній; вопреки Врето (II, № 413) и не знаемъ—вѣрнѣе ли, она показана у него не въ двухъ, а въ пяти томахъ.

5. *Іаковаки Ризо Нерулоса* Cours de littérature Greque moderne. Geneve, 1827.

6. *Николая Пападопула Комнена* († 1740) Historia Gymnasii Patavini, Venetiis, 1726.

7. *Ѳеодора Анастасія Каваліота* Περὶ τῆς ἐν Μοσχοπόλει Ἀκαδημίας, остающееся не напечатаннымъ.

8. *Харисія Мегдана* Περὶ τοῦ σχολείου τῆς Κοζάνης, Ἑλληνικὸν Πάνθεον, напеч. въ Пештѣ, 1812 г.

9. *Константія* I патр. константинопол. Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχικῆς σχολῆς, напечатанное въ одной константинопольской газетѣ.

По библіографіи у г. Саты указывается всего одинъ трудъ, но если онъ сдѣланъ, какъ слѣдуетъ, о чемъ у Саты не говорится, то онъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Весьма желателенъ подробный и обстоятельный систематическій указатель къ сочиненіямъ Іоанна Златоустаго, но сдѣлать подобный указатель—дѣло весьма не легкое, котораго не взялъ на себя даже многоученый и трудолюбивый Бингамъ. Оказывается, что желаемый указатель составилъ одинъ греческій ученый, именно *Іоаннъ Комнинъ* († 1719 г.), произведеніе котораго

подписывается: Πίναξ ἀκριβὴς κατὰ στοιχεῖον ἐν ᾧδει συμφωνίας πάντων τῶν σποράδην ἐκφερομένων ἐν ἅπασι τοῖς τόμοις τῶν Χρυσοστομικῶν. Если указатель Комнина, дѣйствительно, есть тщательный, какъ онъ самъ его называетъ, то онъ заслуживаетъ того, чтобы быть изданнымъ.

л) ТУРКИ.

1. *Николая Секундина* († 1463) Γενεαλογία τῶν Τούρκων, напечатанная въ Базелѣ въ 1556 г.

2. *Θεодора Гази* Περὶ ἀρχαιολογίας Τούρκων, напечатанное вмѣстѣ съ Халкондилой въ Базелѣ въ 1556 г. въ Simmictis Аллація въ 1653 г.

3. *Лаоника* или *Николая Халкондилы* († ок. 1470—1490) De rebus Turcicis въ X книгахъ, напечатанное въ изданіяхъ византійцевъ.

4. *Θеодора Агалліана* (XV в.) Χρονικὸν σημειωμα περὶ τῶν ὑπὸ τῶν Τούρκων ἐπενεχθέντων κακῶν, остающееся не напечатаннымъ.

5. *Θеодора Спандунина* (XV в.) I. Gommentars dell'origine prencipi Turchi, напеч. во Флоренціи, 1551 г.

6. *Михаила Критопула*, секретаря Магомета 2, Χρονογραφία περὶ τῶν πράξεων τοῦ Πορθητοῦ, остающееся не изданнымъ.

7. *Марина Барлеты* Chronicon Turcicum, напеч. Francofurti, 1578.

8. *Александра Маврокордата* († 1708) Ἀπομνημονεύματα περὶ τῶν Τούρκων αὐτοκρατόρων, напечатанныя г. Лакруа въ Etat de l'Empire Ottoman, 1696.

9. *Николая Маврокордата* († 1730) Περὶ τῆς Ὀθωμανικῆς Αὐτοκρατορίας, остающееся не напечатаннымъ.

м) КПИРЪ И КАСТРІОТЪ.

1. *Марина Барлеты* De vita et laudibus Scanderbergii, напеч. Argentorati, 1537.

2. *Θеодора Спандунина* Χρονικὸν της Ἠπείρου, напечатанный у Гопфа.

3. *Дмитрія Франга* Πολεμοι Γεωργίου τοῦ Καστριώτου, напеч. въ Венеціи, въ 1541 г.

4. *Неизвѣстнаго* сочиненіе противъ Кастріота, напеч. въ Венеціи въ 1480 г. (Саты 110 прим. 4).

5. *Аванасія Стагирита* Ηπειρωτικὰ ἤτοι Ἱστορία καὶ Γεωγραφία τῆς Ηπείρου παλαιὰ τε καὶ νεα, συλλεχθέντα ἐκ πολλῶν συγγραφεων, напеч. въ Вѣнѣ, въ 1819 г.

н) РУМЫНІЯ ИЛИ МОЛДО-ВАЛАХІЯ:

1. *Матѳея* митрополита мирскаго (первой полов. XVII в.) Ιστορία τῶν κατὰ τὴν Οὐγγροβλαχίαν τελεσθέντων, ἀρξαμένη ἀπὸ Σερβάνου βοεβόδα μέχρι Μιχαηλ βοεβοδα, напеч. въ Венеціи въ 1683 и 1768 гг. [14]).

2. *Ставрина* (XVII в.) Ἀνδραναθίαι Μιχαὴλ Βοεβοδα, ἔτι δε καὶ τὰ οσα ἐσυνέβησαν εἰς τὴν Οὐγκροβλαχίαν ἀπο τὸν καιρὸν ὁποῦ ἀφέντεψεν ὁ Σερμπάνος Βοεβοδας ἑως Γαβριηλ Μόγυλα Βοεβοδα, et caet... напеч. въ Венеціи въ 1668 и 1683 гг.

3. *Николая Маврокордата* Περὶ τῆς ἀρχαίας καὶ νέας Δακίας, остающееся не напечатаннымъ.

4. *Кесарія Дапонтеса* († 1789) Δακικαὶ ἐφημερίδες, или о событіяхъ четырехгодичной войны турокъ съ австрійцами до 1739 г., остающіяся не напечатанными.

5. *Даніила Филиппида*, Исторія Румыніи, напеч. въ 1816 г. (У Саты пропущенная, у Ризо Нерулоса р. 132).

6. Исторія Валахіи *Діонисаки*, кажется, не напечатанная (у Саты пропущ., у Ризо Нерулоса р. 133).

7. Τὸ γεσγραφικὸν Ῥουμουνίας, изданное (не указано когда и гдѣ) Филиппидомъ (стр. 619 нач.).

о) СЕРБІЯ.

Тріантафилла Дуки каторійца Ἱστορία τῶν Σέρβων διὰ στίχων ἁπλῶν, напеч. въ Пештѣ, въ 1807 г. [15]).

р) РОССІЯ:

1. *Арсенія* архіепископа елассонскаго, послѣ бывшаго учителемъ въ галицкомъ львовскомъ училищѣ, съ 1584 по 1589 г. архіепископа суздальскаго, съ 1599 г. архіерея при Архан-

[14]) Врето II, № 71.
[15]) Врето II, № 809.

гельскомъ соборѣ въ Москвѣ, умершаго послѣ 1613 г. [16]). «Κοποι καὶ διατριβὴ του ταπεινου ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου, γράφει καὶ τὴν προβίβασιν του πατριαρχοῦ Μοσκοβίας»—Описаніе въ стихахъ путешествія въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи, котораго Арсеній былъ спутникомъ, и о поставленіи перваго русскаго патріарха, напечатанное впервые въ *Описаніи* рукописей турнской библіотеки (I, 433) и послѣ нѣсколько разъ перепечатанное, впрочемъ въ изданіи до сихъ поръ весьма неисправномъ.

2. *Матѳея Византія* Βίος του Δημητρίου του βασιλέως τῆς Μοσκοβίας, Σαντομίρου βοεβόδας καὶ ἀρχόντος τῆς Λεχίας, написанная въ Смоленскѣ въ 1606 г., (вѣроятно, та самая, которая у Врето II № 68 показана напечатанною въ Венеціи въ 1682 г. и о которой Врето замѣчаетъ: «книга эта маленькая поэма въ героическихъ стихахъ»).

(Окончаніе впредь).

Е. Голубинскій.

---

[16]) Исторія Росс. іерархіи I, 179 и 251.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О СОЧИНЕНІЯХЪ СЪ ИМЕНЕМЪ СВ. ДІОНИСІЯ АРЕОПАГИТА.

По поводу монографіи: „Изслѣдованіе объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита. Проф. Кіевск. духовн. академіи *К. Скворцова*". Кіевъ, 1871. 127 стр.

При скудости нашей церковно-исторической литературы, двѣ-три статьи объ одномъ предметѣ составляютъ уже литературу предмета. До послѣдняго времени о св. Діонисіѣ Ареопагитѣ и приписываемыхъ ему твореніяхъ говорилось нерѣдко, но почти всегда одно и тоже. Безъ дальнихъ разсужденій, всѣ они приписывались св. Діонисію Ареопагиту, причемъ игнорировались важнѣйшія возраженія, пускались въ ходъ разныя благовидныя разсужденія и т. д. Они приписывались ему въ разныхъ учебныхъ руководствахъ по церковной исторіи, наприм. Рудакова, свящ. Лаврова и Гапонова, также въ предисловіи къ изданію въ русскомъ переводѣ книги: «О церковной іерархіи» (Спб. 1855, стр. 5—8) и въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ объ нихъ (наприм. *Христ. Чт.* ч. 19, стр. 235; *Воскр. Чт.* 22, 297 и сл.). Первое откровенное слово объ этихъ сочиненіяхъ высказалъ блаж. памяти Филаретъ м. московскій, который въ своей Библейской исторіи отнесъ ихъ къ разряду сомнительныхъ. Послѣ него другой, тоже покойный, Филаретъ архіеп. черниговскій въ извѣстномъ своемъ «Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви», т. I—III, совсѣмъ умолчалъ о нихъ, и этимъ выразилъ конечно не что другое, какъ сомнѣніе въ ихъ подлинности. Таковъ до послѣдняго времени былъ взглядъ на сочиненія, извѣстныя съ именемъ св. Діонисія Ареопагита, которыя для краткости мы будемъ называть просто ареопагитскими сочиненіями.

Собственно *къ литературѣ* нашего *предмета* можно отнести только двѣ журнальныя статьи, какъ сравнительно болѣе содержательныя и обширныя, и наконецъ названную монографію, или диссертацію г. Скворцева. Первая статья, подъ заглавіемъ: «О св. Діонисіѣ и его твореніяхъ» (въ *Христ. Чт.* 1848, ч. 2, стр. 146—178), можетъ служить образцемъ прежнихъ отношеній къ вопросу объ этихъ сочиненіяхъ. Она аподиктически приписываетъ ихъ св. Діонисію, довольствуется тремя-четырьмя сомнительными свидѣтельствами изъ первыхъ четырехъ вѣковъ и почти нисколько не обращаетъ вниманія на существовавшія возраженія противъ подлинности ареопагитскихъ твореній. Изложеніе самаго ихъ содержанія дѣлается принаровительно ко взгляду статьи на нихъ, какъ на сочиненія перваго, или начала втораго вѣка; именно оно дѣлается съ обхожденіемъ предметовъ и мыслей, не подходящихъ подъ взглядъ автора названной статьи. По давности и незначительности для настоящаго времени этой статьи, мы болѣе говорить о ней не считаемъ нужнымъ. Вторая, болѣе обширная, статья о томъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: «О твореніяхъ приписываемыхъ св. Діонисію Ареопагиту», напечатана за 9 лѣтъ тому назадъ въ *Трудахъ Кіевской Дух. акад.* (1863 г., ч. 2, стр. 385—425; ч. 3, стр. 401—439). Она отличается и большею ученостію и большимъ вниманіемъ къ возраженіямъ противниковъ подлинности ареопагитскихъ твореній, хотя и не отрѣшается отъ прежде установившагося на нихъ взгляда. Статья эта принадлежитъ г. Скворцеву. Тому же автору, какъ намъ извѣстно, принадлежитъ и новая, особенная диссертація о томъ же предметѣ, которая,— подъ выписаннымъ выше заглавіемъ, — въ прошломъ 1871 г. вышла отдѣльной книгой и замѣчательна по новому, раскрываемому въ ней, взгляду на творенія съ именемъ Діонисія Ареопагита.

Этими двумя сочиненіями г. Скворцева, особенно послѣднимъ, мы займемся внимательнѣе; потому что чрезъ эти сочиненія, особенно чрезъ послѣднее, русская церковно-историческая литература обязана г. Скворцеву новымъ взглядомъ на ареопагитскія сочиненія.

«Изслѣдованіе объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита» — К. Скворцева обратило на себя нѣкоторое вниманіе вскорѣ по своемъ появленіи въ свѣтъ; потому что объ немъ сдѣланъ былъ критическій отзывъ, впрочемъ малоодобрительный, въ библіографическихъ замѣткахъ

Христіанскаго Чтенія за 1871 г. (№ 11, стр. 841—854). Теперь же это сочиненіе возбуждаетъ къ себѣ еще большее вниманіе; потому что за него, какъ извѣщалось въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, 23 февраля текущаго года присуждена была автору степень доктора богословія. Полученіе степени доктора конечно есть постороннее обстоятельство.

Названное сочиненіе заслуживаетъ полнаго вниманія по важности самаго избраннаго предмета. Избранный предметъ,— рѣшеніе вопроса объ авторѣ и времени происхожденія сочиненій съ именемъ Діонисія Ареопагита, — имѣетъ дѣйствительно не малую *важность;* потому что сочиненія эти составляютъ замѣчательное въ разныхъ отношеніяхъ явленіе въ исторіи литературы древней христіанской церкви и заслуживаютъ полнаго вниманія къ себѣ по содержанію и своему историческому значенію. Сочиненія эти суть слѣдующія: 1) «О небесной іерархіи», небольшое сочиненіе, въ которомъ находятся свѣдѣнія и разсужденія о трехъ степеняхъ и девяти чинахъ ангельскихъ, составляющихъ небесную іерархію; 2) «О церковной іерархіи», въ которомъ кромѣ свѣдѣній о трехъ степеняхъ церковной христіанской іерархіи, находятся еще извѣстія о совершеніи таинствъ крещенія, евхаристіи, мѵропомазанія, о монашествѣ и погребеніи усопшихъ; 3) «О божественныхъ именахъ», самое обширное изъ ареопагитскихъ твореній и 4) «О таинственномъ богословіи» — самое краткое, въ которыхъ, особенно въ первомъ, находятся разсужденія главнымъ образомъ о непостижимости божества, о его сущности, именахъ и свойствахъ Божіихъ, и наконецъ 5) «Десять» или, если считать еще одно — позднѣйшаго происхожденія, одиннадцать «писемъ» о разныхъ предметахъ. Изъ писемъ болѣе замѣчательно письмо седьмое, къ еписк. Поликарпу, въ которомъ находится разсказъ о томъ чудесномъ солнечномъ затмѣніи, какое наблюдалъ Діонисій, вмѣстѣ съ философомъ Аполлофаномъ, въ Иліополѣ. Исчисленныя сочиненія важны потому, что, начиная съ VI столѣтія, во всѣ средніе вѣка, они пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ во всемъ христіанскомъ мірѣ; а въ православной грекѡ-россійской церкви они пользовались такимъ же почти уваженіемъ до послѣдняго времени и всегда имѣли не малое вліяніе въ области религіозной мысли и жизни. Они издавна были довольно распространеннымъ и употребительнымъ чтеніемъ русскаго народа, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ достаточная извѣстность въ об-

ществѣ и то обстоятельство, что они уже издавна переводимы были на русскій языкъ, — въ XIV, XVII и XVIII вѣкахъ [1]). Наконецъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 30-хъ и 50-хъ годахъ, отчасти отдѣльно [2]), или въ *Христ. Чт.* за разные годы [3]), вновь переведены и изданы были всѣ почти сочиненія Діонисія, исключая одного,— самаго большаго и самаго труднаго,— именно: «Объ именахъ Божіихъ.»

Такой значительной извѣстности и употребительности сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія, нѣтъ сомнѣнія, много способствовалъ ихъ *нравственно-назидательный* характеръ, который всегда сохранитъ свое значеніе, какъ бы ни были рѣшаемы вопросы о происхожденіи, писателѣ и времени ареопагитскихъ сочиненій. Возвышенныя представленія о Богѣ и мірѣ духовномъ, о Свящ. Писаніи и его глубокомъ и разнообразномъ смыслѣ, духовныя, таинственныя толкованія церковныхъ учрежденій и богослужебныхъ обрядовъ,— вотъ источникъ той силы нравственнаго назиданія, которою отмѣчены ареопагитскія творенія. Но точка зрѣнія перемѣняется, какъ скоро ставится вопросъ собственно объ *историческомъ значеніи* тѣхъ свѣдѣній, какія можно извлечь изъ ареопагитскихъ сочиненій. Здѣсь интересъ нравственный остается въ сторонѣ, и вступаетъ въ свои права интересъ научный, интересъ строго историческаго знанія.

Большинствомъ критиковъ уже давно, болѣе трехъ столѣтій, такъ-называемыя сочиненія Ареопагита не признаются подлинными его сочиненіями, а считаются произведеніями позднѣйшаго времени. Ихъ происхожденіе относятъ нѣкоторые къ III и IV, а большинство къ V вѣку и даже къ началу VI. Отсюда слѣдуетъ, что если вѣрны эти выводы и сужденія критиковъ, то тѣ свѣдѣнія, какія даютъ намъ ареопагитскія сочиненія о церкви, о состояніи новозавѣтнаго канона, о степеняхъ церковной іерархіи, объ обрядахъ посвященія въ каждую степень, объ обрядахъ при совершеніи таинствъ, о по-

---

[1]) Въ 1371 г. они переведены были Исаіею сербляниномъ. Новый переводъ всѣхъ сочиненій Діонисія сдѣланъ былъ при патріархѣ Іоакимѣ въ 1675 г. Евѳиміемъ, монахомъ Чудова монастыря. Переводъ этотъ готовъ былъ уже къ напечатанію, пересмотрѣнъ и исправленъ, но почему-то не былъ напечатанъ; его подлинникъ донынѣ хранится между рукописями московской патріаршей библіотеки. Въ 1786 и 1787 г. были изданы въ Москвѣ.

[2]) О небесной іерархіи. Изданіе 3. Москва. 1848; О церковной іерархіи. Спб. 1855.

[3]) *Христ. Чт.* 1825. ч. 19 и 20; 1838. ч. 4; 1839. ч. 1; стр. 3 и сл.

священіи и образѣ жизни монаховъ, объ обрядахъ погребенія усопшихъ и т. п., нѣтъ возможности усвоять христіанской церкви I или II вѣка. Исторія церкви вообще, а первыхъ двухъ вѣковъ въ особенности, есть такого рода предметъ, по которому особенно желательны возможно вѣрныя и точныя свѣдѣнія; а всѣ шаткія, тенденціозныя и сомнительныя свѣдѣнія должны быть устраняемы со всевозможною тщательностію, потому что они колеблютъ вѣру, возбуждаютъ сомнѣнія въ истинности даже и того, что несомнѣнно истинно, плодятъ разныя сомнѣнія и недоумѣнія относительно предметовъ христіанской вѣры и исторіи церкви, и всегда поставляютъ въ затруднительное положеніе христіанскихъ апологетовъ предъ лицемъ противниковъ. Посему всякій ученый трудъ, который способствуетъ къ утвержденію однихъ только вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній по исторіи церкви первыхъ вѣковъ, имѣетъ большое значеніе и цѣну. Таковъ есть и послѣдній трудъ г. Скворцева, въ которомъ онъ, дѣлая попытку установить правильный взглядъ на одинъ изъ важныхъ памятниковъ древней христіанской литературы — на сочиненія извѣстныя съ именемъ Діонисія Ареопагита, — чрезъ это въ большей или меньшей степени очищаетъ путь къ безпристрастнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, къ уясненію и правильному изложенію исторіи церкви трехъ первыхъ вѣковъ. Итакъ предметъ, избранный г. Скворцевымъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Но каково раскрытіе избраннаго предмета? Соотвѣтствуетъ ли написанное о немъ сочиненіе г. Скворцева важности предмета? Достигъ ли въ немъ авторъ какихъ-либо твердыхъ и вѣрныхъ выводовъ? Это увидимъ далѣе, — замѣтимъ только, что всякій новый опытъ въ области богословской литературы не можетъ быть пропущенъ критикой безъ строгой провѣрки.

Къ установленію правильнаго взгляда на «Изслѣдованіе объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія» г. Скворцева можетъ служить то немаловажное, еще не замѣченное въ литературѣ, обстоятельство, что разбираемое «Изслѣдованіе» не есть новое сочиненіе, но приблизительно на половину перепечатка вышеназванной статьи того же г. Скворцева, писанной за 8 лѣтъ тому назадъ и помѣщенной въ *Трудахъ Кіевской академіи* за 1863 годъ. Въ томъ обстоятельствѣ, что новая докторская *диссертація* г. Скворцева *есть на половину перепечатка* прежней его статьи, — часто бук-

вально, въ иныхъ мѣстахъ съ значительными сокращеніями, или дополненіями и другими видоизмѣненіями, — повидимому, нѣтъ ничего особеннаго и невыгоднаго для автора. Ту или другую, большую или меньшую, часть прежней своей статьи авторъ могъ, не смущаясь, включить въ свою новую диссертацію, если только его прежняя статья была основательна и заключала въ себѣ вѣрные выводы; а въ новой диссертаціи осталось бы только разъяснить прежніе его выводы и представить новыя доказательства въ подтвержденіе прежде высказаннаго взгляда. Но у автора, въ его новомъ *изслѣдованіи* о сочиненіяхъ извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, этотъ пріемъ перепечатыванія не могъ быть пригоденъ и удовлетворителенъ. Дѣло въ томъ, что въ этой своей новой диссертаціи авторъ отступился отъ своего прежняго мнѣнія объ авторѣ и времени происхожденія ареопагитскихъ сочиненій, проводитъ въ ней иной взглядъ на нихъ и приходитъ къ иному, совершенно не сходному съ прежнимъ, выводу. Въ прежней статьѣ своей авторъ, подобно многимъ своимъ предшественникамъ, имѣвшимъ случай говорить объ ареопагитскихъ сочиненіяхъ, доказываетъ прежнее мнѣніе, что они принадлежатъ именно Діонисію Ареопагиту и написаны въ началѣ II вѣка. «Итакъ, говорилъ авторъ,—Діонисій есть мужъ апостольскій; а это мнѣніе, какъ нельзя болѣе, гармонируетъ съ исторіей и характеромъ сочиненій Діонисія. Разсматривая эти сочиненія, мы дѣйствительно находимъ, что писатель ихъ есть мужъ апостольскій, современникъ Іоанна Богослова, Игнатія Богоносца, Поликарпа смирнскаго... Они написаны въ промежуткѣ, отдѣлявшемъ труды апостоловъ отъ трудовъ александрійскихъ учителей... Вотъ результатъ нашихъ изслѣдованій», заключаетъ авторъ (*Труды Кіев. ак.* 1863. 3, стр. 438—439). А въ своей докторской диссертаціи г. Скворцевъ рѣшительно доказываетъ совершенно другое мнѣніе, что «авторомъ разсматриваемыхъ книгъ долженъ быть св. Діонисій († 264 г.), бывшій пресвитеромъ, а потомъ (съ 248 г.) и епископомъ Александріи, и извѣстный въ исторіи подъ именемъ Великаго» (Изсл. стр. 89). Въ другомъ мѣстѣ онъ еще опредѣленнѣе указываетъ время происхожденія ареопагитскихъ сочиненій, именно: въ послѣднее пятилѣтіе пресвитерства св. Діонисія, т. е. между 243 и 248 годами (стр. 93 прим. 3). При столь противуположныхъ выводахъ изъ изслѣдованій о писателѣ и времени происхожденія ареопагитскихъ сочиненій

у одного и того же автора, въ его прежней статьѣ и въ новой диссертаціи, естественно ожидать, что изъ его прежней статьи въ новую диссертацію, гдѣ проводится совершенно другой взглядъ, могло пригодиться только очень не многое. Но при сличеніи мы нашли, что приблизительно около двухъ третей прежней статьи вошли въ составъ новой диссертаціи; а самая диссертація наполовину содержитъ въ себѣ написанное вновь, а наполовину есть перепечатка изъ прежней статьи. Вообще въ дессертаціи г. Скворцева вновь написана только средина (стр. 55—104); а вся почти первая половина ея (именно стр. 1—8; 9—11; 14—18; 21—36; 39—55) и конецъ (стр. 107—126) составляютъ по большей части только одну перепечатку прежней его статьи. Всматриваясь ближе въ самое содержаніе диссертаціи, мы дѣйствительно убѣждаемся, что она а) составлена бѣгло и наскоро; б) что она собственно не сочинена, а собрана механически, и что во всей диссертаціи поэтому нѣтъ строгой связности, послѣдовательности и цѣльности; в) что раскрываемое въ ней авторомъ новое мнѣніе не доказано строго, отчетливо и убѣдительно, и что она вообще не имѣетъ достаточной основательности и убѣдительности.

а) Дѣйствительно, при внимательномъ чтеніи диссертаціи, не трудно замѣтить, что она *составлена бѣгло и наскоро*, безъ той должной внимательности, какой въ правѣ всякій ожидать отъ диссертаціи, писанной на степень доктора богословія. Бѣглое составленіе диссертаціи видно даже изъ мелочей. Такъ въ тѣхъ отдѣленіяхъ диссертаціи, которыя перепечатаны изъ прежней статьи, нѣкоторыя ошибки, какъ напр. Платону вмѣсто Плотину (*Труды к. ак.* 1863. ч. 2, стр. 393; см. Изсл., стр. 16), исправлены, а другія, даже болѣе выдающіяся, какъ напр. «Аѳанасію ученому библіотекарю» вмѣсто «Анастасію» 2 стр. 391; см. Изсл. 10), такъ и остались безъ исправленія. А это значитъ, что авторъ, назначая для диссертаціи разныя мѣста изъ прежней своей статьи, внимательно не перечитывалъ ихъ. Потомъ и въ новосоставленной части диссертаціи есть такія же ошибки, въ родѣ напр. той, что папа Корнелій называется папою Кирилломъ (стр. 118). Есть не мало и болѣе важныхъ недосмотровъ и ошибокъ, но уже въ другомъ родѣ. Напр. ту свою мысль, что писатель ареопагитскихъ твореній есть св. Діонисій еп. александрійскій, авторъ доказываетъ между прочимъ посланіемъ папы Кая (283—296) къ

еп. Феликсу (стр. 63. 64 — 65) и папы Евтихіана 275 г. (стр. 86); но онъ не замѣтилъ, что эти посланія частію составлены, частію заимствованы изъ посланій папы Льва I составителемъ Лжеисидоровыхъ декреталій. Или увлекшись какою-либо предвзятою мыслію, излагая оную наскоро, не обдумавъ и не свѣривъ ее, какъ должно, съ подлиннымъ текстомъ, авторъ усвояетъ писателю ареопагитскихъ сочиненій странныя и невѣрныя мысли, какова та, что Христосъ «божескія дѣйствія совершалъ какъ человѣкъ, а человѣческія какъ Богъ»; между тѣмъ какъ здѣсь у писателя, хотя и не довольно ясно, выражается та очень простая и вѣрная мысль, что Христосъ и божескія и человѣческія дѣйствія совершалъ какъ Богочеловѣкъ (см. прм. 4, къ Каю, въ концѣ). А въ другомъ мѣстѣ, стараясь усиленно доказать, что писатель ареопагитскихъ сочиненій есть св. Діонисій александрійскій—ученикъ Оригена, авторъ утверждаетъ, что хотя въ Оригеновомъ сочиненіи: *О началахъ* Сынъ Божій изображается подчиненнымъ Отцу, но «ясныя выраженія о равенствѣ Сына Божія съ Богомъ Отцемъ можно найти въ другихъ сочиненіяхъ Оригена» (стр. 77), между тѣмъ какъ такая возможность болѣе, чѣмъ сомнительна, что видно уже изъ того, что самъ авторъ не указываетъ такихъ выраженій. Наконецъ о той же бѣглости составленія диссертаціи свидѣтельствуютъ: недостаточная обработка слога, неполныя и неопредѣленныя, иногда ничего не показывающія указанія источниковъ (напр. Biblioth. veter. Patrum на стр. 86), смѣшеніе лицъ, напр. Новата и Новаціана (стр. 118), ошибки хронологическія, разные недоговоры, поспѣшность въ заключеніяхъ и проч.

б) Не трудно оправдать и другое высказанное нами положеніе, что разсматриваемая диссертація собственно не сочинена, а собрана механически, и потому *въ ней нѣтъ строгой связности, послѣдовательности и цѣльности*. Для этого довольно сдѣлать только бѣглый *очеркъ содержанія* диссертаціи, сопоставляя ее при этомъ съ прежнею статьею автора.

Почти вся *первая половина диссертаціи* (стр. 1—55), состоящей изъ 127 страницъ, есть по большей части только одна перепечатка первой половины прежней статьи г. Скворцева, помѣщенной въ *Трудахъ Кіевск. Академіи* (1863. ч. 2, стр. 385—425).

Сначала авторъ излагаетъ исторію ареопагитскихъ твореній (стр. 1—39). Онъ справедливо передаетъ, что эти творенія

стали извѣстны съ 532 г., когда на нихъ, на частномъ константинопольскомъ соборѣ, сдѣлали указаніе еретики севериане, составлявшіе изъ себя особенную партію монофизитовъ [4]) и присутствовавшіе на этомъ соборѣ. Предсѣдатель онаго Ипатій еп. ефесскій высказалъ тогда сомнѣніе въ ихъ подлинности. Но скоро вѣра въ подлинность ареопагитскихъ твореній сдѣлалась, можно сказать, всеобщею. И потому во всѣ средніе вѣка, отъ VI до XVI, они приписывались св. Діонисію Ареопагиту и принимались всѣми почти безъ исключенія. Но съ XVI вѣка сначала нѣкоторые изъ грековъ, какъ то: Георгій требизонтскій и Ѳеодоръ Газа, потомъ Лаврентій Валла, Эразмъ, Лютеръ и другіе стали подвергать сомнѣнію и оспаривать ихъ подлинность; и вѣра въ нее время отъ времени падала все болѣе. Болѣе поздніе критики и историки стали приписывать ареопагитскія творенія разнымъ лицамъ: Діонисію еп. аѳинскому II в., Діонисію еп. александрійскому III в., Аполлинарію лаодикійскому, извѣстному еретику IV в., Синезію еп. птолемаидскому V в., евтихіанину Петру Фуллону и даже папѣ Григорію Великому. Но такъ какъ ни на одно изъ этихъ мнѣній не находится твердыхъ доказательствъ; то въ настоящее время почти всѣ ученые изслѣдователи относятъ эти сочиненія къ пятому и даже къ началу шестаго вѣка и приписываютъ ихъ неизвѣстному неоплатонику, обратившемуся въ христіанство (Изсл., стр. 1—9; сн. *Тр. к. ак.* 1863. 2, стр. 386—389). Въ послѣднее время только изрѣдка можно слышать слово въ защиту автора этихъ твореній. Къ числу такихъ защитниковъ относятся: Фреппель и Гиплеръ. Сначала авторъ разбираетъ мнѣніе Фреппеля [5]) который въ Діонисіѣ еп. аѳинскомъ и Діонисіѣ еп. парижскомъ признаетъ одно лице—Діонисія Ареопагита, и приписываемыя ему творенія считаетъ подлинными (Изсл. 9—21; снес. ч. 2, стр. 389—395). Въ этомъ разборѣ авторъ показываетъ по преимуществу слабость и нетвердость доказательствъ мнѣнія Фреппеля. Потомъ г. Скворцевъ безъ нужды, и несовсѣмъ на предметъ, разбираетъ то очевидно несостоятельное мнѣніе Гиплера [6]), что писатель

---

[4]) Севериане держались между прочимъ того ложнаго ученія, что тѣло Іисуса Христа подверглось тлѣнію, почему назывались иначе φθαρτολάτραι, т.-е. почитатели тлѣннаго.

[5]) Оно изложено въ Cours d'eloquence sacrée, fait à la Sorbonne pendant l'année 1860—1861. Paris.

[6]) См. *F. Hipler* Untersuchungen üb. Aechth. u. Glaubwürdigkeit der unter diesem Namen vorhandenen Schriften. Regensb. 1862.

ареопагитскихъ твореній жилъ въ IV вѣкѣ; что въ извѣстномъ разсказѣ у писателя въ письмѣ къ Поликарпу «о тмѣ въ спасительномъ крестѣ... отъ девятаго часа до вечера», какую онъ наблюдалъ въ Иліополѣ съ философомъ Аполлофаномъ (пис. 7 см. Migne Patr. Curs. T. III, col. 1081) повѣствуется не о томъ солнечномъ затмѣніи, которое произошло въ день распятія Спасителя на крестѣ, но о томъ явленіи креста на небѣ въ Іерусалимѣ, какое описалъ св. Кириллъ еп. іерусалимскій въ посланіи къ императору Констанцію (См. «Твор. Св. От.» 1855. ч. 25, стр. 394—398) и какое случилось во время того и другаго; что въ извѣстномъ упоминаніи о томъ, какъ «братъ Божій Іаковъ, Петръ—глава богослововъ, Іероѳей, и самъ Діонисій вмѣстѣ съ ними путешествовали въ Іерусалимъ для созерцанія живоначальнаго и богопріявшаго тѣла (σωματος), или, можетъ быть, гроба (если читать σήματος (См. De divin. nomin. c. III. § 2) нужно видѣть указаніе на путешествіе епископовъ въ Іерусалимъ при Константинѣ Великомъ для освященія храма Воскресенія Христова — а не на путешествіе апостоловъ и съ ними Діонисія, для погребенія Божіей Матери, какъ прежде принято было думать (Изсл. 21—36; см. ч. 2, стр. 396—410). Все почти это находится и въ прежней статьѣ г. Скворцева. Вслѣдъ за симъ авторъ дѣлаетъ, лишнія противъ статьи, краткія замѣчанія о томъ, что въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ нужно признать нѣкоторыя позднѣйшія вставки, какъ напр. имена Іакова брата Божія, Петра—главы богослововъ, Іоанна Богослова, Іероѳея и проч. и потомъ малодоказательную замѣтку о несостоятельности того мнѣнія, которое ареопагитскія сочиненія относитъ къ V и даже къ началу VI вѣка (стр. 36—39). Далѣе излагая характеръ и направленіе ареопагитскихъ сочиненій, г. Скворцевъ утверждаетъ, что авторъ писалъ свои сочиненія противъ гностиковъ; но въ нихъ послѣдній не прямо полемируетъ противъ гностиковъ, а опровергаетъ ихъ чрезъ раскрытіе положительнаго, православнаго ученія церкви, — ложному, несовершенному и искаженному ученію гностиковъ противуполагая истинное, совершенное и не искаженное (Изсл. стр. 39—42; см. ч. 2, стр. 410—415). Затѣмъ г. Скворцевъ излагаетъ содержаніе важнѣйшихъ, приписываемыхъ св. Діонисію, сочиненій, именно: «О небесной іерархіи,» «О церковной іерархіи», «Объ именахъ Божіихъ» и «О таинственномъ богословіи» (стр. 42—55; снес. въ *Труд.* ч. 2, стр. 415—425; ч. 3, стр. 420—428), противупоставляя

сначала содержанію каждаго сочиненія соотвѣтствующее ученіе гностиковъ и выводя отсюда заключеніе, что каждое изъ названныхъ сочиненій писано противъ гностиковъ. Содержаніе каждаго сочиненія изложено коротко, неопредѣленно и сбивчиво. Вотъ первая половина диссертаціи, состоящая по большей части, какъ видно изъ свода цитатъ, только въ перепечаткѣ первой половины прежней статьи г. Скворцева.

Бо́льшую часть второй половины — *средину диссертаціи* (стр. 55 — 104) составляетъ ея вновь сочиненное отдѣленіе, въ которомъ авторъ, вопреки своему прежнему взгляду, аподиктически доказываетъ Баратеріево и вмѣстѣ свое мнѣніе, по которому ареопагитскія сочиненія приписываются св. Діонисію еп. александрійскому, извѣстному ученику Оригена. Объ этомъ отдѣленіи рѣчь будетъ далѣе.

Конецъ сочиненія (Изсл. стр. 104—126) составляетъ изложеніе тѣхъ свѣдѣній о совершеніи христіанскихъ таинствъ, какія находятся въ книгѣ «О церковной іерархіи», именно: о храмахъ, о таинствахъ крещенія, Евхаристіи, священства, о монашествѣ (Изсл. стр. 104 — 125; сн. ст. въ *Труд.* ч. 3, стр. 401—420), объ освященіи мура, о помазаніи елеемъ и обрядахъ погребенія умершихъ (Изсл. 125—126). Конецъ диссертаціи, подобно первой ея половинѣ, также по большей части есть только перепечатка прежней статьи г. Скворцева, именно второй ея половины. А въ отдѣленіи объ Евхаристіи (Изсл. 111—118; сн. ч. 3, стр. 404—413) вся перемѣна ограничивается только тѣмъ, что нѣсколько страницъ переставлены,— т.-е. тѣ самыя страницы, которыя въ статьѣ стояли напереди, въ диссертаціи снесены къ концу, а конечныя поставлены на ихъ мѣстѣ. Въ заключеніи авторъ утверждаетъ, что «кромѣ двухъ-трехъ словъ, вставленныхъ рукою сторонней... въ сочиненіяхъ Діонисія нѣтъ ничего такого, что не гармонировало бы съ исторіей третьяго вѣка» и дѣлаетъ замѣчаніе объ ихъ историческомъ значеніи (стр. 127).

Изъ одного представленнаго очерка содержанія диссертаціи, не трудно уже видѣть, что она механически составлена и въ ней недостаетъ связности и цѣльности. Такъ напр. прибавленныя въ диссертаціи сужденія о мнѣніи Фреппеля (стр. 11—14; 18—21), замѣчанія о позднѣйшихъ вставкахъ въ ареопагитскія сочиненія и о несостоятельности мнѣнія, по которому они относятся къ пятому вѣку (стр. 36—39), сужденія о православіи писателя (стр. 100—104) и проч. стоятъ не совсѣмъ

на своемъ мѣстѣ. И все новосоставленное отдѣленіе диссертаціи (стр. 55—104), особенно глава о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ (стр. 62—89) также выдается своею запутанностію, сбивчивостію и недостаткомъ связности и послѣдовательности. Сверхъ сего для каждаго не можетъ не показаться страннымъ, какимъ образомъ тѣ самыя отдѣленія, какъ напр. о крещеніи, Евхаристіи, о священствѣ, монашествѣ, о затмѣніи солнца въ Иліополѣ и проч., которыя писались для доказательства принадлежности ареопагитскихъ сочиненій къ первому вѣку, или къ началу втораго, могли потомъ годиться, иногда безъ всякой перемѣны, для доказательства принадлежности ихъ къ третьему вѣку. Довольно одной послѣдней несообразности, чтобы придти къ той мысли, что довѣряться доказательствамъ и выводамъ разсматриваемой диссертаціи нужно осторожно.

в) Въ диссертаціи г. Скворцева вообще не достаетъ основательности, и *раскрываемое* въ ней *мнѣніе* объ авторѣ и времени происхожденія ареопагитскихъ сочиненій *не доказано строго, отчетливо и убѣдительно.* Попытаемся разобрать новосоставленную часть диссертаціи г. Скворцева,—и сопоставить ее съ прежней его статьей о томъ же предметѣ.

Въ прежней своей *статьѣ* г. Скворцевъ происхожденіе ареопагитскихъ сочиненій отнесъ къ концу перваго и началу втораго вѣка и сочинителемъ ихъ призналъ св. Діонисія Ареопагита. Что доказательства такого мнѣнія не были основательны, это видно уже изъ того, что самъ авторъ чрезъ 8 лѣтъ призналъ ихъ безсиліе и въ своей новой диссертаціи принялъ другое мнѣніе о сочинителѣ и времени происхожденія ареопагитскихъ сочиненій. Свои ученыя мнѣнія измѣнять конечно можно; и это служитъ никакъ не къ порицанію, а скорѣе къ чести автора. Но здѣсь, для заключенія о качествахъ позднѣйшаго труда г. Скворцева, весьма умѣстно указать на одну важную особенность прежняго его труда,—на недостатокъ безпристрастія въ доказательствахъ прежняго его мнѣнія—недостатокъ, который даетъ право не очень довѣряться и тѣмъ выводамъ автора, которые онъ представилъ уже въ своей новой диссертаціи.

Такъ въ прежней статьѣ своей авторъ только слегка коснулся тѣхъ возраженій, которыя не позволяютъ приписать разсматриваемыя сочиненія св. Діонисію Ареопагиту. А такихъ возраженій не мало; и они не безсильны. Такъ въ нихъ

представляется: 1) что свидѣтельства объ ареопагитскихъ сочиненіяхъ у писателей первыхъ четырехъ вѣковъ или подложны (какъ напр. у Климента александрійскаго и Оригена), или бездоказательны, что отчасти призналъ и самъ авторъ, въ своей новой диссертаціи (стр. 18—21).

2) Объ этихъ сочиненіяхъ не упоминаютъ ни Евсевій, ни Іероним, хотя имѣли случаи къ тому.

3) Въ нихъ Діонисій, обращаясь къ Тимоѳею, подъ которымъ не кого разумѣть, кромѣ апостола Тимоѳея, называетъ его чадомъ—τέκνε, и вообще представляетъ его своимъ ученикомъ; тогда какъ послѣдній обратился къ вѣрѣ Христовой прежде Діонисія и долженъ быть уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

4) По ареопагитскимъ сочиненіямъ, весь новозавѣтный канонъ представляется уже составленнымъ. Въ нихъ встрѣчаются ссылки на Апокалипсисъ и Евангеліе Іоанна, какъ общеизвѣстныя книги; между тѣмъ какъ ап. Іоаннъ писалъ ихъ не задолго предъ своею кончиною и тоже—если не послѣ, то не задолго до кончины св. Діонисія, хотя бы предположить оную не при Домиціанѣ ок. 95 г., что болѣе вѣроятно, а при императорѣ Адріанѣ ок. 120 г., какъ иные думаютъ, что весьма сомнительно.

5) Въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ часто упоминаются имена и сочиненія Іуста, Варѳоломея, до небесъ превозносимаго и называемаго великимъ солнцемъ Іерооѳея,—Діонисіева наставника. Но объ нихъ никто и никогда не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Куда и какъ исчезли ихъ сочиненія? При томъ слогъ Іерооѳея въ приписываемыхъ ему откровкахъ (наприм. De div. nomin. c. IV. § 15—17) постоянно одинаковъ съ слогомъ самого писателя ареопагитскихъ сочиненій.

6) Если Діонисій Ареопагитъ есть авторъ сочиненій, извѣстныхъ подъ его именемъ; то какъ онъ могъ часто говорить: древніе учители, древнія преданія? Какіе это древніе учители и какія это древнія преданія, когда сами апостолы,—древнѣйшіе христіанскіе учители, — были современники св. Діонисія?

7) Въ одномъ мѣстѣ (De div. nom. IV, 12) у писателя приводится одно изреченіе: «любовь моя распялась» изъ посланія св. Игнатія Богоносца къ римлянамъ, которое написано не позже 107 или даже 115 года.

8) Въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ не мало есть анахро-

низмовъ. Такъ храмы въ нихъ представляются благоустроенными и обширными не по времени. Богослуженіе изображается столько торжественнымъ и съ столь многими и сложными обрядами, какихъ не могло быть въ первомъ столѣтіи, или въ началѣ втораго. Самые обряды крещенія, Евхаристіи, освященіе мура и погребенія усопшихъ приличествуютъ тоже вѣкамъ позднѣйшимъ, а никакъ не первому и не второму. Еще болѣе обличаютъ анахронизмы отдѣленія о священствѣ и о монашествѣ. Описанные въ нихъ обряды посвященія въ епископа, пресвитера и діакона, по своей сложности и законченности, тоже могутъ приличествовать развѣ только четвертому вѣку. Сверхъ того, у писателя три степени іерархіи такъ точно и строго отдѣлены и разграничены между собою, что такого строгаго разграниченія не видно даже и въ IV вѣкѣ. Особенно объ епископѣ, чтобы его возвысить, говорится въ такихъ изысканныхъ и пышныхъ выраженіяхъ, какія вовсе неизвѣстны были въ первые два, или и три вѣка, какъ наприм. «божественный, богопросвѣщенный іерархъ, божественный священноначальникъ, божественная степень іерарховъ,—іерархическая степень, преисполненная силы совершительной» и т. п.—Кромѣ того, по изображенію писателя, въ его время уже существовало монашество, какъ особый классъ христіанъ, съ установившимися для него обрядами и правилами жизни, которыя, по свидѣтельству всѣхъ прочихъ достовѣрныхъ историческихъ извѣстій древней церкви, принадлежатъ уже по крайней мѣрѣ только четвертому вѣку.

9) Разсматриваемое *вообще ученіе* ареопагитскихъ сочиненій представляетъ довольно полную богословско-философскую систему, очень изысканную, темную и мудреную, болѣе или менѣе чуждую характера ясности, простоты и отечески-пастырской наставительности, который дѣлаетъ очень трогательными, живыми и привлекательными всѣ писанія мужей апостольскихъ. Писатель же, если онъ есть св. Діонисій, долженъ быть современникомъ не только мужамъ апостольскимъ, но и самимъ апостоламъ. Такихъ сочиненій, каковы ареопагитскія, въ первомъ и въ началѣ втораго вѣка писать было еще не для кого, потому что трудно предположить у христіанъ того времени потребность въ такихъ сочиненіяхъ.—И *въ частности* различные отдѣльные предметы догматическаго ученія, наприм. о соединеніи двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, о Троицѣ, о природѣ и происхожденіи зла въ мірѣ, о таинствахъ, особен-

но о священствѣ, объ ангелахъ и проч. излагаются въ такихъ разнообразныхъ, нерѣдко выработанныхъ и точныхъ, часто искусственныхъ и научныхъ выраженіяхъ и мысляхъ, и при такомъ ихъ употребленіи, сочетаніи и сопоставленіи, какія свойственны только четвертому и позднѣйшимъ вѣкамъ.

10) Въ сочиненіяхъ писателя не рѣдко встрѣчаются такія выраженія, какъ наприм. Τριάς, ὑπόστασις, ἀναμόρφωσις (преображеніе), θεολογία, ὑπερουσιότης (пресущественность) и проч., которыя стали употребительны, по крайней мѣрѣ въ усвоенномъ за ними смыслѣ, уже только съ третьяго, или четвертаго вѣка и даже позже. Вообще терминологія ареопагитскихъ сочиненій до того разнообразна, изысканна и не ясна, потому не свойственна первымъ вѣкамъ, что изъ такихъ словъ Балтазаръ Кордерій составилъ цѣлый довольно большой объяснительный словарь, подъ названіемъ: *Onomasticum Dionysianum* (Migne Patr. Curs. T. III. col. 1133—1176.), очень пригодный и нужный для пониманія темныхъ ареопагитскихъ твореній.

11) Наконецъ самый слогъ ареопагитскихъ сочиненій испещренъ разными философскими терминами: положительный, отрицательный, качество, количество, форма, безформенное, множество, единица, сущность и проч. Въ слогѣ писателя почти вездѣ преобладаютъ: темнота, многословіе и крайняя изысканность,—все такія качества, которыя чужды писаніямъ мужей апостольскихъ. Вообще различіе между тѣми и другими сочиненіями въ содержаніи, въ родѣ и характерѣ мыслей, также въ изложеніи и слогѣ, такъ велико, что довольно прочитать двѣ-три страницы изъ какого угодно сочиненія, съ именемъ св. Діонисія, и потомъ напр. изъ посланій Климента Римскаго и Игнатія Богоносца, и тотчасъ невольно должно составиться предположеніе, что—не одного духа и времени съ ними сочиненія, приписываемыя св. Діонисію Ареопагиту.

Таковы главныя возраженія противъ подлинности ареопагитскихъ сочиненій. Но г. Скворцевъ, въ прежней своей статьѣ поставивъ для себя цѣлію присвоить эти сочиненія св. Діонисію Ареопагиту, на большую часть возраженій совершенно не обратилъ вниманія и, значитъ, излагалъ дѣло не безпристрастно. Потомъ хотя, какъ по всему видно, онъ и самъ колебался признать подлинность ареопагитскихъ твореній; но можетъ быть по требованію обстоятельствъ, взявшись защи-

щать ихъ подлинность, онъ, что уже совершенно не понятно почему, въ защитѣ ея показываетъ или незнаніе самыхъ простыхъ вещей, или допускаетъ, сознательно или несознательно, очевидную невѣрность. Такъ, утверждая, для доказательства подлинности ареопагитскихъ твореній, что въ первомъ вѣкѣ было уже монашество, авторъ выписываетъ изъ Евсевія (Ц. И. кн. II гл. 17) извѣстный разсказъ александрійскаго іудея Филона († ок. 40 г. по Р. Х.) — о египетскихъ ѳерапевтахъ, составлявшихъ іудейскую секту, — и, по примѣру Евсевія, ошибка котораго уже давно общепризнана, относитъ оный къ христіанскимъ монахамъ, которые, выходитъ, существовали будто еще въ первомъ вѣкѣ. (*Труды*, 1863, ч. 3, стр. 419—420). Впрочемъ въ новой своей диссертаціи авторъ самъ отказался отъ этого мнѣнія и признаетъ возможнымъ существованіе монашества въ христіанской церкви уже только въ половинѣ III вѣка, во времена св. Діонисія александрійскаго. (Изсл. стр. 121—125). Кромѣ этого авторъ утверждаетъ, что съ первыхъ вѣковъ христіанства существовало посвященіе діаконисъ и ссылается на VIII кн. 9 гл. Постановленій апостольскихъ (*Труды*, ч. 3, стр. 419—420.) между тѣмъ какъ тамъ не говорится объ этомъ. Да если бы и говорилось, то ничего бы это не доказывало; потому что происхожденіе Постановленій апостольскихъ относятъ частію къ III, частію къ IV вѣку.—Или, желая доказать, что уже и въ первомъ вѣкѣ существовало строгое и точное разграниченіе между тремя степенями христіанской іерархіи, авторъ искажаетъ текстъ перваго посланія къ Коринѳянамъ св. Климента Римскаго и усвояетъ ему такія выраженія и такое свидѣтельство, которыхъ у него совсѣмъ нѣтъ. Такъ онъ усвояетъ св. Клименту слѣдующія слова: «какъ въ ветхомъ Завѣтѣ были первосвя-«щенники, священники и левиты, такъ и въ новомъ епископы, «пресвитеры и діаконы; какъ тамъ первосвященнику свое дано «было служеніе, священникамъ свое назначено мѣсто и на «левитовъ свои возложены должности: такъ и здѣсь для каж-«дой изъ іерархическихъ степеней назначено особенное слу-«женіе, особенное мѣсто и особенныя должности.» (*Тр. к. ак.* 1863. ч. 3, стр. 414—415). Между тѣмъ у св. Климента мы находимъ только слѣдующія слова объ іудейской іерархіи: «первосвященнику дано свое служеніе, священникамъ назначено свое мѣсто и на левитовъ возложены свои обязанности» (1 посл. къ Коринѳ. гл. 40). А о существованіи во время св.

Климента трехъ степеней и въ христіанской іерархіи уже только заключаютъ изъ приведеннаго мѣста св. Климента, соображая такъ, что здѣсь святый мужъ исчисляемыя имъ три степени іудейской іерархіи ставитъ вѣроятно въ параллель съ тремя степенями христіанской іерархіи, которыя слѣдовательно должны были тогда уже существовать и о которыхъ онъ упоминаетъ въ другихъ мѣстахъ своего посланія, только не довольно опредѣленно.—Еще въ одномъ мѣстѣ г. Скворцевъ утверждаетъ, что кончина Божіей Матери была въ 48 году (*Тр.* 2, стр. 405; сн. Изсл. 13); въ другомъ мѣстѣ такъ говоритъ: «несомнѣнно, что апостолы присутствовали при успеніи Божіей Матери и были свидѣтелями торжественнаго взятія ея тѣла на небо» (ч. 2, 408; сн. Изсл. стр. 35); тогда какъ и то и другое свѣденіе только вѣроятно, а вовсе не несомнѣнно. Подобныя особенности и мѣста прежней статьи г. Скворцева, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ видно изъ цитатъ, перепечатаны и въ диссертаціи, конечно, не свидѣтельствуютъ объ основательности его изслѣдованія и не могутъ внушить довѣрія къ его ученымъ доказательствамъ и выводамъ, не говоря о прежней статьѣ, даже и въ его докторской диссертаціи.

Остановимъ теперь свое вниманіе исключительно на самой диссертаціи г. Скворцева. Такъ какъ она, за исключеніемъ средины, есть по большей части только перепечатка прежней его статьи, то остается разобрать только это новосоставленное и вмѣстѣ важнѣйшее отдѣленіе диссертаціи автора, въ которомъ онъ доказываетъ то свое новое мнѣніе, что ареопагитскія сочиненія принадлежатъ не Діонисію Ареопагиту, какъ онъ доказывалъ прежде, но св. Діонисію еп. александрійскому.

Общее впечатлѣніе, какое выносится изъ чтенія всего отдѣленія, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ, это то, что мы не убѣждаемся всѣми доводами автора, находимъ ихъ слабыми, а потому затрудняемся согласиться и съ его выводами.

Изложимъ содержаніе этого отдѣленія нѣсколько подробнѣе. Оно раздѣляется на три параграфа или главы, изъ коихъ въ первой говорится «о времени, къ которому нужно относить ареопагитскія сочиненія» (стр. 55—62), во второй—«о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ» (62—89), въ третьей — объ авторѣ сочиненій (89 — 100). Въ четвертой, самой незначительной, главѣ излагается «взглядъ

на его ученіе вообще» (стр. 100—104), именно доказывается, очень недостаточно впрочемъ, что у писателя нѣтъ мыслей неправославныхъ, проникнутыхъ идеями эманатизма и пантеизма, какія у него находятъ нѣкоторые. Относительно важны по содержанію и значительнѣе прочихъ во всей диссертаціи первыя три главы, на которыя и слѣдуетъ обратить вниманіе.

Въ первой главѣ—«о времени, къ которому нужно относить ареопагитскія сочиненія», *время* ихъ *происхожденія* авторъ указываетъ въ промежуткѣ съ одной стороны между-временемъ жизни философа Климента (упоминаемаго въ книгѣ: объ именахъ Божіихъ, кн. V. § 9), подъ которымъ онъ въ прежней статьѣ разумѣлъ писателя «Климентинъ» (Труд. 1863. ч. 3, стр. 432—434), а въ диссертаціи разумѣетъ Климента александрійскаго † ок. 217 г., и съ другой стороны между временемъ жизни св. Григорія Богослова † ок. 390 г., который въ одномъ изъ своихъ словъ указываетъ, повидимому, на книгу: «О небесной іерархіи» св. Діописія, хотя по имени его не называетъ [1]). Это соображеніе можетъ быть и состоятельнымъ и наоборотъ, смотря потому, каковы окажутся послѣдующія соображенія, съ которыми оно поставлено у автора въ близкую связь.

Опредѣливъ границы, между которыми должно искать писателя, авторъ точнѣе опредѣляетъ время его жизни во второй главѣ «*о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ* ареопагитскихъ *сочиненіяхъ*» (стр. 62—89). Эта глава важнѣе всѣхъ прочихъ по содержанію и значенію. Въ ней авторъ сначала говоритъ о римскомъ епископѣ Каѣ (283—296 г.), какъ младшемъ современникѣ и ученикѣ писателя ареопагитскихъ сочиненій, и доказываетъ свою догадку тѣмъ, что сохранившееся посланіе Каія къ еписк. Феликсу сходно по мыслямъ съ 4-мъ письмомъ къ серапевту Каю, которое извѣстно съ именемъ Діонисія, и со второй главой книги: «Объ именахъ Божіихъ» (Изсл. стр. 62—64). Но такъ какъ посланіе Каія къ Феликсу есть подложное, то и доказательство г. Скворцева конечно падаетъ.—Потомъ авторъ много говоритъ объ Іерофеѣ, къ ко-

[1]) Именно въ словѣ на Рождество Христово св. Григорій говоритъ: „Таково святое святыхъ, закрываемое серафимами и прославляемое тремя святыми: святъ, святъ, святъ! Эти слова относятъ я къ одному господству и божеству, какъ другой нѣкто прежде насъ любопытствовалъ объ этомъ весьма краснорѣчиво и возвышенно.“

торому, какъ мудрому своему учителю, писатель ареопагитскихъ сочиненій относится съ величайшимъ уваженіемъ. Объ Іероѳеѣ авторъ высказываетъ очень смѣлыя предположенія, которыя впрочемъ кончаются чисто утвердительными положеніями. Именно авторъ утверждаетъ, что Іероѳей есть не кто другой, какъ знаменитый Оригенъ; что не разъ упоминаемое у писателя сочиненіе Іероѳея: *О богословскихъ элементахъ* (Θεολογικαὶ στοιχειώσεις), въ объясненіе на которое написана книга: «Объ именахъ Божіихъ», есть не что иное, какъ Оригеново сочиненіе: *О началахъ* (Περὶ ἀρχῶν). Но есть ли хоть какія нибудь твердыя доказательства въ пользу этихъ смѣлыхъ предположеній? Можно сказать, что никакихъ: они остаются одними только предположеніями. Правда, авторъ пространно развиваетъ ихъ и придаетъ имъ, повидимому, не малое значеніе; потому что, приступая къ разсужденію объ авторѣ сочиненій, онъ такъ говоритъ: «раскроемъ теперь исто«рію жизни и сочиненій св. Діонисія александрійскаго, и мы «увидимъ подтвержденіе и объясненіе всего, къ чему мы при«шли путемъ столь длиннымъ» (стр. 90). Но на самомъ дѣлѣ, идя этимъ длиннымъ путемъ, авторъ не дошелъ ни до какой опредѣленной цѣли, не пришелъ къ твердымъ выводамъ, и существеннаго сказалъ не много. Кромѣ предположеній, кромѣ: *могло, вѣроятно*,—у него почти ничего нѣтъ.

Чѣмъ авторъ доказываетъ, что Іероѳей есть не кто другой, какъ Оригенъ? Одними предположеніями. «*Остается предположить*, говоритъ онъ, одно изъ двухъ: или вмѣсто этого собственнаго имени стояло въ подлинникѣ другое имя, или же слово Іероѳей было именемъ нарицательнымъ и означало іерея Божія, а кто-либо сдѣлалъ изъ него имя собственное» (стр. 65). «*Надобно предположить*, что въ подлинникѣ стояло, или, по крайней мѣрѣ, разумѣлось имя Оригена. Другаго лица нѣтъ въ цѣломъ періодѣ апологетовъ, которому могли бы идти похвалы, расточаемыя авторомъ. Одинъ Оригенъ носилъ названіе божественнаго» (стр. 66). Вотъ и все.

А чѣмъ авторъ доказываетъ, что сочиненіе Іероѳея: *О богословскихъ элементахъ* есть на самомъ дѣлѣ Оригеново сочиненіе: *О началахъ*? Опять только предположеніями. «Сочиненіе Оригена *могло* имѣть разныя названія. Когда Оригенъ читалъ свои лекціи въ александрійскомъ училищѣ, тогда онъ *могъ* называть ихъ богословскими элементами, или началами; а когда выдавалъ ихъ въ свѣтъ, то *могъ* это довольно длинное

заглавіе замѣнить кратчайшимъ: «о началахъ.» Ученики Оригена также *могли* различно надписывать его сочиненіе, извѣстное имъ изъ училища» (стр. 70). То указанное авторомъ обстоятельство, что у Оригена въ прологѣ къ его сочиненію: «о началахъ» встрѣчается выраженіе: элементы (elementa), конечно не достаточно для доказательства, что это сочиненіе прежде имѣло названіе: «божественные элементы,» какъ автору хочется думать (стр. 71). Сверхъ того, чтобы подтвердить тѣ свои заключенія, что сочиненіе Іерофея: *О богословскихъ элементахъ* въ дѣйствительности есть сочиненіе Оригена: *О началахъ*, на которое книга: «объ именахъ Божіихъ» есть комментарій, и что писатель ареопагитскихъ сочиненій, называющій Іерофея, или что тоже Оригена своимъ наставникомъ, есть поэтому ученикъ и современникъ Оригена, г. Скворцевъ изъ той и другой книги («О началахъ» и «Объ именахъ Божіихъ») приводитъ, поставляя въ параллель, и сличаетъ по нѣскольку мѣстъ (стр. 67—80). Именно авторъ выписываетъ и сличаетъ изъ обѣихъ книгъ мѣста: о непостижимости существа Божія (стр. 67—68), о непостижимости таинства воплощенія Сына Божія (68—70), о природѣ Іисуса Христа (стр. 71—72; 74), о благости и другихъ именахъ и свойствахъ Божіихъ (78—82), и утверждаетъ, что эти мѣста сходны въ обѣихъ книгахъ не только по мыслямъ, но даже и по выраженіямъ. Только авторъ самъ сознается, что сходство сличаемыхъ мѣстъ очень не значительно и потому не достаточно къ подтвержденію тѣхъ предположеній и заключеній, что книга: «Объ именахъ Божіихъ» есть комментарій на сочиненіе Оригена: *О началахъ*, и что писатель первой книги есть ученикъ и младшій современникъ Оригена. Но авторъ нашелъ легкій выходъ изъ этого затрудненія чрезъ свои: *могло* и *вѣроятно*. Онъ утверждаетъ, что въ первоначальной редакціи Оригенова сочиненіе: *О началахъ* много *могло* отличаться отъ извѣстной теперь редакціи—въ переводѣ Руфина,—и что слѣдовательно тогда оно *могло* имѣть больше сходства съ книгою: «Объ именахъ Божіихъ;» но Руфинъ, переводя книгу: *О началахъ*, многое въ ней измѣнилъ и перефразировалъ, при чемъ *по всей вѣроятности* конечно *могли* быть измѣнены тѣ мѣста, которыя прежде имѣли гораздо большее сходство съ книгою: «Объ именахъ Божіихъ,» послѣ чего сходство стало уже весьма незначительно. Только даетъ ли право на высказанныя заключенія автора сходство мыслей и выраженій въ той и другой

книгѣ? По нашему сужденію, весьма сомнительное, даже въ томъ случаѣ, еслибы это сходство было и болѣе близкое. Для такого сходства, полнаго или неполнаго, всякому, хоть бы онъ жилъ черезъ сотни лѣтъ, довольно только выписать изъ Оригена, что подходитъ, или даже только прочитать и усвоить сочиненіе Оригена: *О началахъ* и согласиться съ нимъ въ мысляхъ. А это могло случиться и въ пятомъ и въ шестомъ вѣкѣ со всякимъ, кто болѣе или менѣе увлеченъ былъ идеями Оригена, или даже только идеями неоплатонической философіи, отъ которыхъ не свободенъ былъ какъ Оригенъ, такъ, по видимому, и писатель ареопагитскихъ сочиненій. Потомъ, если послѣдній представляетъ себя ученикомъ Іероѳея или, какъ хочется автору, Оригена; то и отсюда еще не слѣдуетъ навѣрное, что писатель, потому только, что представляетъ себя ученикомъ Оригена, есть непремѣнно младшій современникъ Оригена. Своимъ наставникомъ всякій можетъ называть и людей, жившихъ задолго до насъ. Такъ говорили же фарисеи: «Моисеевы есмы ученицы,» хотя Моисей жилъ до нихъ болѣе, чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ. Чтобы въ словахъ: «не много осталось святыхъ учителей.... такъ что мы «принуждены никогда не видѣть столь великаго свѣтила» (De Div. nom. c. III, § 3), находить съ авторомъ указаніе на случай изгнанія Оригена изъ Александріи при еп. Ираклѣ (стр. 89), для этого приведенныхъ словъ очень не достаточно.

Вотъ и всѣ доводы автора. Насколько они основательны, пусть судитъ читатель. Но автору они представляются достаточными для того, чтобы утверждать, что сочиненіе Іероѳея: *О богословскихъ элементахъ*, комментаріемъ на которое служитъ книга: «Объ именахъ Божіихъ,» есть именно Оригеново сочиненіе: *О началахъ*, и что Іероѳей есть Оригенъ. Посему авторъ въ извѣстномъ упоминаніи (см. De divin. nomin. c. III, § 2) о собраніи Іакова брата Божія, Петра коріѳея богослововъ, Іероѳея гимнолога и самаго Діонисія «для созерцанія живоначальнаго и богопріявшаго тѣла,» съ увѣренностію находитъ указаніе на бострскій соборъ въ Аравіи противъ монархіанина, или иначе антитринитарія Веррилла,—собиравшійся «для разсужденія о человѣческой природѣ и воплощеніи Іисуса Христа» (Изсл. стр. 82—89), на каковомъ соборѣ, по свидѣтельству Евсевія (Ц. И. VI, 33), присутствовалъ Оригенъ и убѣдилъ Веррилла оставить свое заблужденіе. Правда, что это

можетъ быть, и догадка остроумна; но навѣрное утверждать этого нельзя.

Въ слѣдующей главѣ *объ авторѣ сочиненій* (стр. 89—100) г. Скворцевъ, изъ разсмотрѣнія жизни и отчасти несомнѣнно подлинныхъ отрывковъ изъ сочиненій св. Діонисія еп. александрійскаго, дѣлаетъ окончательный выводъ, что авторъ ареопагитскихъ сочиненій есть именно этотъ святый отецъ третьяго вѣка. Въ жизни св. Діонисія александрійскаго справедливо замѣчаетъ г. Скворцевъ такія черты: Діонисій называется философомъ, былъ предпанѣйшимъ ученикомъ Оригена, съ особенною любовію изучалъ посланія ап. Павла, имѣлъ уступчивый и примирительный характеръ, обнаруживаемый и въ борьбѣ съ еретиками и въ самыхъ сочиненіяхъ св. Діонисія. Все это такія черты, которыя дѣйствительно могутъ отчасти идти и къ писателю ареопатитскихъ сочиненій,—но силы несомнѣнныхъ доказательствъ происхожденія оныхъ не отъ кого другаго, какъ отъ св. Діонисія александр., онѣ тоже не могутъ имѣть.

Потомъ написаніе ареопагитскихъ сочиненій св. Діонисіемъ александрійскимъ авторъ усиливается доказать изъ сличенія ихъ съ немногими, большею частію только въ отрывкахъ сохранившимися, несомнѣнно подлинными твореніями св. Діонисія. Но это автору опять очень мало удается. Сначала онъ прибѣгаетъ къ своему: *возможно* и хочетъ увѣрить, что св. Діонисій *могъ* писать многія богословскія сочиненія разнаго содержанія и характера. Если, разсуждаетъ авторъ, «св. Діонисій не менѣе 16 лѣтъ былъ наставникомъ александрійскаго «огласительнаго училища;» «то можно ли сомнѣваться, что онъ написалъ по богословію очень много, несмотря на то, что исторія сохранила очень мало памятниковъ его письменности» (стр. 92)? А слѣдствіе, хотя и не высказанное, должно отсюда выходить конечно такое, что въ этихъ возможныхъ сочиненіяхъ, можетъ быть, могло бы найтись не мало сходнаго съ ареопагитскими сочиненіями. Въ оставшихся же несомнѣнно подлинныхъ сочиненіяхъ св. Діонисія александрійскаго,—въ доказательство того, что писатель сихъ послѣднихъ и писатель ареопагитскихъ твореній есть одно и тоже лицо,—авторъ указываетъ на посланіе св. Діонисія къ Герману (см. Евсев. Ц. И. VI, 40; VII, 11), въ которомъ упоминаются пресвитеры: Тимоѳей, Гаій или Кай и Петръ,—три имени, какія встрѣчаются и въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ (стр. 93—95). Это

обстоятельство повидимому не маловажное. Нужно признаться, что три одинаковыхъ имени въ посланіи св. Діонисія къ Герману,—несомнѣнно подлинномъ,—и въ ареопагитскихъ твореніяхъ довольно убѣдительно говорятъ въ пользу той мысли, что авторъ этого посланія и ареопагитскихъ твореній *можетъ быть* однимъ лицемъ. Но всякій пойметъ также и то, что не особенно трудно встрѣтиться тремъ одинаковымъ именамъ и у двухъ писателей, даже въ разное время жившихъ, особенно если сочиненія хотя одного изъ нихъ имѣютъ значительный объемъ и довольно разнообразны по содержанію, каковы суть ареопагитскія сочиненія.

Потомъ, сверхъ именъ, авторъ сравниваетъ еще два цѣлыя, розысканныя имъ, мѣста изъ Діонисія александрійскаго и изъ ареопагитскихъ сочиненій, находитъ въ этихъ мѣстахъ сходство въ мысляхъ и отсюда заключаетъ, что писатель и тѣхъ и другихъ сочиненій, въ которыхъ встрѣчаются такія сходныя по мыслямъ мѣста, есть одно лицо, — св. Діонисій еп. александрійскій. Но авторъ самъ увидѣлъ и не могъ не сознавать, что оставшіеся отрывки изъ сочиненій св. Діонисія александрійскаго вовсе не представляютъ твердыхъ основаній для защищаемаго имъ мнѣнія. Онъ самъ долженъ былъ признать, что, по характеру содержанія и по слогу, сочиненія св. Діонисія александрійскаго вовсе не походятъ на ареопагитскія сочиненія. Такъ на томъ основаніи, что книга св. Діонисія: «О природѣ» назначалась сыну—Παῖδι, Тимоѳею (*Евсев.* Ц. И. VII, 26), а всѣ важнѣйшія ареопагитскія сочиненія посвящены сопресвитеру Тимоѳею, котораго писатель неоднократно называетъ также сыномъ (Παῖς), авторъ утверждаетъ и желаетъ увѣрить, что писатель книги: «О природѣ» и писатель ареопагитскихъ сочиненій есть одно и тоже лицо,—св. Діонисій александрійскій. Но это основаніе недостаточно, когда авторъ самъ долженъ былъ сознать, что книга «О природѣ,» несмотря на ея философскій характеръ, суда по оставшимся отрывкамъ [*]), отличается простотою, ясностію, отсутствіемъ всякой изысканности въ мысляхъ и чистотою слога,—такими качествами, которыхъ чужды ареопагитскія сочиненія. Простоту книги: «О природѣ» и вообще всю ея разность съ ареопагитскими сочиненіями авторъ объясняетъ тѣмъ, что названная книга писана для Тимоѳея, когда онъ былъ еще отро-

*) Эти отрывки см. Migne Patr. Curs. T. 8. Ser. gr. col. 1249—1269.

комъ, а послѣднія,—когда онъ былъ уже въ порѣ мужества. Но для какого бы возраста ни писалъ одинъ и тотъ же писатель, отличительныя особенности его литературнаго склада всегда скажутся; и скрыть или совершенно измѣнить ихъ пожилому человѣку нѣтъ возможности. Да если и сдѣлать автору эту уступку, то отчего же и всѣ прочія сочиненія во всемъ, можно сказать, отличны отъ ареопагитскихъ? Правда, авторъ хочетъ увѣрить въ сходствѣ тѣхъ и другихъ сочиненій и, въ доказательство, что «Діонисій, когда дѣло касалось богословія, «не имѣлъ обычая писать просто,» приводитъ отрывокъ изъ его толкованія на слова: *да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (стр. 97—98); но, по нашему сужденію, напротивъ, св. Діонисій и въ этомъ отрывкѣ, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, пишетъ и выражается совершенно просто, только объясняетъ въ крайне аллегорическомъ духѣ, чего и естественно ожидать отъ преданнаго ученика Оригена. Итакъ сходство тѣхъ и другихъ сочиненій не велико и даже вовсе сомнительно.

За то *различіе* Діонисіевыхъ и ареопагитскихъ сочиненій, и по характеру содержанія и по слогу, почти такъ же велико, какъ между писаніями мужей апостольскихъ и тѣми же ареопагитскими твореніями. Какія бы вообще ни взять сочиненія св. Діонисія, отрывки ли изъ книги: «О природѣ,» или изъ книги: «Обличеніе и оправданіе» [9]), письма ли [10]),—всѣ они увлекаютъ своею отеческою наставительностію, живостію и обиліемъ чувства, искренности и прямоты, отсутствіемъ всякой напыщенности и многословія, простотою, безыскусственностію и сжатостію, умѣренностію въ употребленіи философскихъ терминовъ и вмѣстѣ содержательностію и богатствомъ мысли. Всѣ же ареопагитскія сочиненія напротивъ облечены таинственностію и искусственною торжественностію, отличаются темнотою и изысканностію въ мысли и выраженіяхъ, многословіемъ, растянутостію и нерѣдкими повтореніями, пріемами почти схоластическими и иногда слишкомъ неважными разсужденіями,—какъ напр. почему пророкъ Исаія былъ очищенъ серафимомъ, а не какимъ-нибудь низшимъ ангеломъ (О неб. іер. гл. 13), почему не одному только (пятому) чину,

---

[9]) См. Твор. св от. т. 17. св. Аѳанас. александр. ч. I, стр. 375—392.

[10]) Ихъ извѣстно 15. См. Patr. Curs. T. VIII, col. 1271—1343. Въ русск. переводѣ нѣкоторыя изъ нихъ можно читать у Евсевія въ его церк. исторіи.

но и всѣмъ прочимъ девяти чинамъ ангельскимъ усвояется наименованіе *силъ* (тамъ же, гл. II) и пр. Сверхъ того они отличаются обиліемъ учено-философскихъ и другихъ трудныхъ словъ, затемняющихъ смыслъ, также сравнительною скудостію мысли, которая прикрывается обиліемъ изысканныхъ, пышныхъ и неясныхъ словъ, но которая почему то не признается людьми, имѣвшими случай вѣроятно только говорить объ ареопагитскихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, а не читать оныхъ. Довольно только однихъ этихъ исчисленныхъ особенностей, или качествъ, которыя характеризуютъ ареопагитскія сочиненія, чтобы не только затрудниться, но и совсѣмъ отказаться приписать ихъ св. Діонисію александрійскому.

Но къ этому есть еще и другія, не маловажныя затрудненія. Не малая часть изъ тѣхъ вышеисчисленныхъ одиннадцати возраженій, которыя не позволяютъ отнести происхожденіе ареопагитскихъ сочиненій къ первому вѣку, или къ началу втораго, не мало затрудняютъ отнести происхожденіе оныхъ и къ половинѣ III вѣка. Такъ, если св. Діонисій есть писатель этихъ сочиненій, то совершенно не понятно, почему ни Евсевій, ни Іеронимъ, ни другіе писатели III—IV вѣковъ не упоминаютъ объ нихъ ни однимъ словомъ, хотя имѣли очень удобные и вызывающіе къ тому случаи, особенно Евсевій? Почему эти сочиненія неизвѣстны были до VI вѣка, и подлинности ихъ не признавалъ Ипатій ефесскій, — предсѣдатель частнаго константинопольскаго собора 532 г.? Отъ чего въ нихъ находятся такое множество именъ изъ апостольскаго вѣка, каковы: Іаковъ братъ Божій, Петръ, Іоаннъ, Тимоѳей, Титъ, Карпъ, Іустъ, Климентъ, Варѳоломей, Поликарпъ, Гаій, Елима и др.? Скажутъ, они внесены позднѣйшею рукою, и эти мѣста можно считать за подложныя. Но тогда такихъ мѣстъ нашлось бы очень много, а не «два—три слова,» какъ утверждаетъ авторъ (Изсл. стр. 127). Притомъ, ничего нѣтъ легче избавляться отъ разныхъ не подходящихъ мыслей и словъ въ какихъ-либо сочиненіяхъ, какъ утвержденіемъ подложности этихъ мыслей и словъ. Но если говорить о ней, то нужно ее доказать. Кромѣ того, хотя авторъ и старается увѣрить, что въ описаніи обрядовъ крещенія, Евхаристіи, мѵропомазанія, посвященія въ разныя іерархическія степени, въ описаніи монашеской жизни, погребенія умершихъ и проч. нѣтъ будто анахронизмовъ, но его доказательства недостаточны и малоубѣдительны.

Чтобы не могли заподозрить насъ въ намѣренномъ умолчаніи о нѣкоторыхъ доводахъ автора, съ цѣлію ослабить ихъ силу,—остановимся нѣсколько еще на одномъ его доводѣ, для доказательства происхожденія ареопагитскихъ сочиненій въ половинѣ III вѣка—доводѣ, которому авторъ, повидимому, придаетъ очень большое значеніе, потому что онъ развиваетъ его довольно внимательно и подробно (на стр. 39—62). Этотъ доводъ авторъ отыскиваетъ въ антигностическомъ направленіи ареопагитскихъ сочиненій. По соображенію автора выходитъ, что писатель цѣлію своихъ сочиненій поставилъ опроверженіе ложныхъ гностическихъ ученій путемъ положительнымъ, т.-е. ложному ученію гностиковъ противупоставляя истинно-христіанское ученіе церкви, а не прямо опровергая гностическія заблужденія. Сочинитель не надѣялся на успѣхъ открытаго опроверженія заблужденій; а думалъ, что если въ возможной полнотѣ и совершенствѣ будетъ философски изложено истинное ученіе церкви, то заблуждающіеся скорѣе могутъ понять его превосходство и отречься отъ своихъ заблужденій въ пользу истины (Изсл. стр. 39—42: сн. 5. Dion. Areop. op. 6, 7). Чтобы доказать, что содержаніе ареопагитскихъ сочиненій дѣйствительно есть антигностическое, авторъ изложенію содержанія каждаго изъ этихъ сочиненій предпосылаетъ изложеніе соотвѣтствующаго ученія изъ гностическихъ системъ (Изсл. стр. 42—55) и потомъ, принявъ навѣрное, что ареопагитскія сочиненія направлены противъ гностиковъ, рѣшительно утверждаетъ, что писатель ихъ жилъ между вторымъ и четвертымъ вѣками, частнѣе въ половинѣ третьяго вѣка, въ то время, когда гностицизмъ сталъ уже разлагаться и ослабѣвать (стр. 55—62), словомъ: онъ есть св. Діонисій еп. александрійскій (стр. 89—100). Но все это могло бы быть убѣдительно въ такомъ только случаѣ, еслибы навѣрное можно было сказать, что ареопагитскія сочиненія направлены не противъ кого другаго, какъ именно противъ гностиковъ. Утверждать же этого никакъ нельзя. Писатель этихъ сочиненій дѣйствительно имѣетъ въ виду какихъ то заблуждающихся противниковъ, съ которыми нужно бороться (Dionys. ep. 6 et 7); но содержаніе сочиненій, по своей общности и очень отдаленному отношенію къ противникамъ, не даетъ почти никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, кто именно и какого это рода были противники,—даже христіане ли они, или нѣтъ. И потому, чтобы съ увѣренностію видѣть въ этихъ противникахъ

именно гностиковъ, и никого другаго, нѣтъ достаточныхъ основаній. Напротивъ все вообще содержаніе ареопагитскихъ сочиненій и разные частные предметы ихъ ученія таковы, что сочиненія эти съ равнымъ правомъ и удобствомъ и съ такою же вѣроятностію,—какъ увидимъ нѣсколько ниже,—можно признать направленными и противъ неоплатониковъ пятаго вѣка. А если послѣднее окажется, даже хотя сколько нибудь, правдоподобнымъ; то сила доказательства о происхожденіи ареопагитскихъ сочиненій въ третьемъ вѣкѣ, заимствуемаго изъ той увѣренности, что они писаны и направлены противъ гностиковъ, понятно, падаетъ сама собою. Больше доказательствъ, въ пользу разбираемаго мнѣнія, у автора нѣтъ никакихъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы не довѣряться *Изслѣдованію* автора и не признавать основательнымъ его мнѣнія, тѣмъ болѣе, что соображенія его, какъ мы видѣли, не всегда безпристрастны. Итакъ положительные результаты диссертаціи автора не велики.

На чемъ же теперь остановиться?

Изъ разныхъ другихъ вышесчисленныхъ мнѣній объ авторѣ и времени происхожденія ареопагитскихъ сочиненій особеннаго вниманія заслуживаетъ, кажется, то *мнѣніе большинства ученыхъ*, по которому эти сочиненія приписываются неизвѣстному бывшему неоплатонику второй половины V вѣка, который, обратившись къ христіанству, не успѣлъ освободиться отъ вліянія надъ нимъ неоплатонической философіи и нѣкоторыя неоплатоническія воззрѣнія соединилъ въ этихъ сочиненіяхъ съ ученіемъ христіанскимъ. За мнѣніе о происхожденіи сихъ сочиненій въ V вѣкѣ, не безъ нѣкотораго вліянія на оныя неоплатонизма, говорятъ ихъ *внѣшнія качества*, перечислить которыя мы имѣли уже случай. Именно: тяжелый, темный и изысканный слогъ, пристрастіе къ риторическимъ пріемамъ и украшеніямъ, многословіе и напыщенность, употребленіе высокаго слога, пристрастіе къ философствованію и философскимъ терминамъ, разные схоластическіе пріемы и разсужденія — все это такія черты въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ и въ ихъ писателѣ, какія вполнѣ идутъ къ V вѣку — вѣку упадка литературнаго вкуса и цвѣтущаго богословскаго знанія, вѣку зарожденія схоластики и борьбы христіанства съ отживающимъ неоплатонизмомъ и оригенизмомъ.

И самое *содержаніе* ареопагитскихъ сочиненій обнаружи-

ваетъ слѣды вліянія на нихъ неоплатонической философіи. Сущность содержанія религіозно-философской системы неоплатониковъ можно изложить такъ. — Богъ изображается въ столь отвлеченныхъ чертахъ, представляется всесовершеннымъ и столько возвышеннымъ надъ всѣмъ въ мірѣ, что Онъ не можетъ вступать въ непосредственное отношеніе къ міру. Потому въ непосредственныя сношенія съ міромъ вступаютъ уже низшія, истекшія изъ Бога сущности: умъ, душа міра и потомъ низшіе, т. е. народные боги языческихъ религій, которые управляютъ разными областями и народами міра, и наконецъ демоны — добрые и злые, за которыми слѣдуютъ уже души человѣческія. Міръ образованъ душею міра, по первообразамъ изъ міра идей, изъ вѣчной матеріи, которая есть злое начало міра и причина зла. Душа человѣческая, будучи божественнаго происхожденія, посылается въ тѣло, какъ въ темницу, для наказанія; и потому она по времени освободится отъ тѣла и одна безъ него возвратится въ міръ идей, къ созерцанію божества. Высшаго познанія божества человѣкъ на землѣ можетъ достигать чрезъ духовно-восхищенное, или экстатическое созерцаніе божественнаго.—Что касается до религіозной системы ареопагитскихъ сочиненій, то въ ней всѣ очевидно ложныя и противныя христіанству понятія устранены. Такъ въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ міръ представляется непосредственнымъ твореніемъ Бога; матерія не признается причиною и источникомъ зла [11]); признается воскресеніе тѣлъ, и тѣло не почитается источникомъ зла и грѣха въ человѣкѣ; правильно, хотя и кратко, раскрывается еще ученіе о Св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія и проч. Все вообще религіозное воззрѣніе ихъ писателя чисто христіанское и православное. Но такъ какъ писатель, повидимому, не успѣлъ освободиться изъ-подъ вліянія неоплатонической философіи, то его изложеніе нѣкоторыхъ частныхъ предметовъ христіанскаго ученія носитъ явные слѣды вліянія оной. Такъ единый Богъ у писателя хотя правильно представляется Творцемъ и благимъ промыслителемъ міра, не разобщеннымъ отъ онаго, что однакожъ вовсе несогласно съ неоплатоническими воззрѣніями; но это потому только, что писатель, ставъ подъ преобладающее вліяніе христіанскихъ понятій, допустилъ здѣсь разумную не-

[11]) Писатель напротивъ довольно настойчиво опровергаетъ это древнее мнѣніе. См. De div. nom. c. IV, § 27, 28.

послѣдовательность и оттого не поставилъ Бога, подобно неоплатоникамъ, въ невозможность входить въ непосредственно-живыя отношенія къ міру, особенно разумному и духовному. Болѣе же всего и по преимуществу, Богъ и непостижимость Его существа изображаются у писателя такими чертами, какія встрѣчаются у неоплатониковъ. Богъ, по изображенію писателя, не есть ни количество, ни качество, ни положеніе, ни отрицаніе, ни душа, ни тѣло, ни свѣтъ, ни мракъ, ни начало, ни конецъ. Онъ есть сущій и выше сущаго и проч. (см. особ. De divin. nomin. и De myst. theol.). Богъ, изображаемый въ такихъ чертахъ, повидимому не совершенно тоже, что Богъ открытый христіанствомъ — живый и присущій всякому вѣрующему, но существо настолько непостижимое, что кажется какъ бы чуждымъ насъ, есть вообще разсудочно-философское понятіе, напоминающее собою божество Плотина или Прокла,— то божество, которое знали неоплатоники или, пожалуй, еще гностики. Ученіе писателя о посредствующихъ существахъ составляетъ, повидимому, косвенное опроверженіе ученія неоплатониковъ о низшихъ второстепенныхъ божествахъ, управляющихъ различными областями міра, и о другихъ посредствующихъ сущностяхъ. Между міромъ и Богомъ, разсуждаетъ писатель книгъ: «О небесной и церковной іерархіи», есть посредствующія существа,—неисчислимыя силы ангельскія, раздѣленныя на девять чиновъ, изъ которыхъ ангелы перваго чина стоятъ окрестъ Бога, ангелы же послѣдняго чина входятъ въ непосредственныя отношенія къ міру, сообщаютъ высшія познанія и божественныя озаренія людямъ и управляютъ разными народами и царствами. Въ ученіи о происхожденіи міра писатель не освободился отъ представленій о первообразахъ, или что тоже, идеяхъ. По его ученію, Богъ далъ бытіе всему сотворенному, по Своей благости и свободной волѣ. Но прежде, чѣмъ все произошло, въ Богѣ существовали всѣ первообразы (παραδείγματα) существующаго, т. е. предсуществовавшія въ Богѣ мысли и хотѣнія, по которымъ Онъ произвелъ все сущее (De div. nomin. c. V, § 8). По этимъ первообразамъ получили бытіе не высшія только, но и низшія сущности міра. Высшіе предметы служатъ прообразами для низшихъ. Такъ, по образцу небесной іерархіи, установлена на землѣ церковная іерархія. Замѣчательны еще мысли писателя о высшемъ источникѣ богопознанія, которыя подробно развиваются у неоплатониковъ и еще раньше у Филона.

Высшимъ источникомъ богопознанія и у нашего писателя признается отрѣшенное отъ всего окружающаго, безсознательное экстатическое созерцаніе божественнаго существа (De div. nom. VII, § 3; II, 7. De myst. theol. I, § 1, 3).

Такимъ образомъ господствующее воззрѣніе писателя ареопагитскихъ сочиненій есть чисто христіанское и потому ученіе его признавалось церковію за истинное; но нельзя отрицать, что способъ раскрытія изложенныхъ нами частныхъ предметовъ ученія носитъ на себѣ печать вліянія неоплатонизма.

Посему весьма вѣроятно, что неизвѣстный писатель, бывшій неоплатоникъ, V вѣка, принявши христіанство, и въ своихъ христіанскихъ сочиненіяхъ удержалъ нѣкоторыя неоплатоническія воззрѣнія или ненамѣренно, не отличивъ ихъ отъ чисто христіанскихъ понятій, — или намѣренно, съ примирительною цѣлію, желая согласить уважаемую прежде имъ философію съ христіанствомъ и привлечь къ христіанской вѣрѣ враждебныхъ ей и еще довольно сильныхъ и вліятельныхъ въ то время послѣдователей неоплатонизма. Но такъ какъ, за исключеніемъ немногихъ принимаемыхъ, — какъ болѣе согласныхъ съ христіанскимъ ученіемъ, — воззрѣній, писатель отвергалъ большую часть неоплатоническихъ ученій; то, дѣйствуя въ примирительномъ духѣ, онъ имѣлъ въ виду и полемическую цѣль. Противополагая подразумѣваемому ученію неоплатониковъ положительное изложеніе системы христіанскаго вѣроученія, писатель даетъ чрезъ это въ своихъ сочиненіяхъ косвенное опроверженіе системы неоплатонизма, представляя лучшее и истинное въ замѣнъ худшаго и ложнаго. Такимъ образомъ, несмотря на то, что ареопагитскія сочиненія стоятъ подъ вліяніемъ неоплатонизма, они все-таки удерживаютъ антинеоплатоническое направленіе.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что съ достаточною вѣроятностію можно признать за ареопагитскими сочиненіями ихъ антинеоплатоническое направленіе, не мало конечно ослабляется вышеизложенное предположеніе г. Скворцева объ ихъ будто несомнѣнно-антигностическомъ направленіи, въ которомъ онъ находитъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ своего мнѣнія о происхожденіи этихъ сочиненій въ половинѣ третьяго вѣка. И кромѣ того, вообще доказательства въ пользу этого предположенія у автора очень шатки. Они сводятся, какъ мы видѣли, къ тому, что тѣ подразумѣваемые предметы религіознаго ученія противниковъ, какіе косвенно опровергаются у писателя

ареопагитскихъ сочиненій, встрѣчаются именно у гностиковъ. Но почти всѣ тѣ предметы религіозно-философскаго ученія, какіе авторъ могъ указать у гностиковъ,—въ болѣе или менѣе сходномъ или различномъ изложеніи, съ одинаковыми или разными подробностями, — встрѣчаются и у неоплатониковъ. Такъ крайне отвлеченное представленіе о Богѣ, какъ существѣ безконечно возвышенномъ надъ міромъ и оттого не могущемъ входить въ непосредственныя сношенія съ онымъ,— и по характеру и по содержанію,—одинаково и у гностиковъ и неоплатониковъ. А неоплатоническое представленіе о низшихъ богахъ, какъ управителяхъ разными областями міра и какъ существахъ, посредствующихъ между Богомъ и міромъ, соотвѣтствуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гностическому ученію объ эонахъ, подъ которыми у нѣкоторыхъ гностиковъ понимались именно эллинскіе народные боги. Потомъ представленія о матеріи, какъ исключительной причинѣ зла, о нуждѣ умерщвлять тѣло разными подвигами, которые являясь исключительными средствами для освобожденія души отъ него, какъ бы изъ темницы и проч., свойственны какъ неоплатоникамъ, такъ и гностикамъ. Пристрастіе къ аллегорическимъ объясненіямъ и къ символамъ тоже свойственно какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Посему ареопагитскія сочиненія, въ которыхъ находится косвенное опроверженіе этихъ ученій, удобно и съ равнымъ правомъ можно считать косвеннымъ опроверженіемъ и гностицизма и неоплатонизма, признавать ихъ за сочиненія, имѣющія противугностическій и антинеоплатоническій характеръ. Но послѣднее направленіе болѣе вѣроятно, если взять во вниманіе содержаніе, слогъ и разныя другія особенности ареопагитскихъ сочиненій, по которымъ удобнѣе относить ихъ не къ третьему, а къ пятому вѣку.

Вообще больше вѣроятныхъ данныхъ въ пользу мнѣнія о происхожденіи ареопагитскихъ сочиненій въ пятомъ вѣкѣ отъ неизвѣстнаго неоплатоника, обратившагося въ христіанство. Впрочемъ мы указываемъ только на вѣроятность этого мнѣнія, а не рѣшаемся утверждать его окончательно [12]).

---

[12]) Слѣдуетъ замѣтить вообще, что и доселѣ никакое принятое мнѣніе описателѣ и времени происхожденія ареопагитскихъ сочиненій пока еще не установилось; и потому изложенное нами мнѣніе не исключаетъ и другихъ мнѣній. Такъ почти на однихъ и тѣхъ же доводахъ и основаніяхъ, возможно, кажется, приписать эти сочиненія какому-либо бывшему оригенисту V вѣка, кото-

Не выйдетъ ли какихъ затрудненій съ принятіемъ этого мнѣнія? Если принять, или признать даже только вѣроятнымъ, это мнѣніе, легко могутъ возникнуть такіе вопросы: не пострадаетъ ли тогда авторитетъ ареопагитскихъ сочиненій, особенно же,—что гораздо важнѣе,—не пострадаетъ ли авторитетъ церковнаго ученія о нѣкоторыхъ предметахъ, особенно авторитетъ ученія объ іерархіи и девяти чинахъ ангельскихъ, которое находитъ для себя подтвержденіе между прочимъ въ этихъ сочиненіяхъ? Кажется, нисколько.

Что касается до сочиненій, то авторитетъ ихъ, хотя бы отнести ихъ и къ пятому вѣку, будетъ по прежнему очень значителенъ. Они во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ древней христіанской литературы. Такъ какъ церковь всегда уважала эти сочиненія, за содержащееся въ нихъ ученіе; то они навсегда останутся важнымъ историческимъ памятникомъ того, какъ излагались—примѣрно въ пятомъ вѣкѣ—важнѣйшіе предметы христіанскаго и церковнаго ученія. Эти сочиненія замѣчательны какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ нѣсколько систематическаго изложенія догматовъ христіанства и какъ опытъ примиренія, въ духѣ Оригеновой школы, христіанскаго ученія съ философскими умозрѣніями. Но особенно эти сочиненія и писатель ихъ замѣчательны тѣмъ, что отъ нихъ ведетъ свое начало очень плодотворное въ восточной церкви мистическое направленіе, которое развиваетъ въ своихъ послѣдователяхъ внутреннее, сердечное и искреннее благочестіе. А такое благочестіе не ограничивается исполненіемъ только внѣшнихъ дѣлъ благочестія, но стремится достигнуть чистоты души и сердца, благодатнаго освященія всего существа человѣческаго. Потомъ, благодаря тому, что такое богословско-мистическое направленіе стало въ связь съ христіанскимъ богослуженіемъ и руководило его разумѣніемъ, въ восточной церкви всѣ обряды богослуженія не остались внѣшними только дѣйствіями, но удержали таинственный смыслъ и духовное значеніе. По влія-

---

рый, усвоивъ и принявъ церковное ученіе, тоже не могъ совсѣмъ освободиться отъ воззрѣній и направленія Оригеновой школы, имѣлъ пристрастіе къ аллегоріямъ и символизму и имѣлъ отчасти въ виду примиреніе христіанства съ платонической философіей. Это мнѣніе, хотя и высказывалось, но, кажется, никѣмъ еще не было раскрыто и провѣрено. А оно представляется довольно вѣроятнымъ, и тоже стоитъ вниманія.

нію ареопагитскихъ и подобныхъ имъ сочиненій, христіанское обрядовое богослуженіе сдѣлалось училищемъ благочестія и мысль христіанская возвышалась отъ внѣшняго и чувственнаго къ духовному и божественному. Вообще ареопагитскія сочиненія, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали духу и потребностямъ времени; оттого они скоро почти всѣми были приняты и пріобрѣли глубокое уваженіе къ себѣ. А мистическое направленіе въ богословіи скоро пріобрѣло такихъ послѣдователей, которые были первыми людьми своего времени. Изъ нихъ довольно назвать: св. Максима Исповѣдника † 662 г., писавшаго объясненія на ареопагитскія сочиненія, Георгія Пахимера, который составилъ парафразъ опыхъ, Николая Кавасилу и Симеона архіепископовъ ѳессалоникійскихъ (14 в.), которые писали свои объясненія на церковное богослуженіе. Что касается до историческихъ и догматическихъ свѣдѣній въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ, то свѣдѣнія эти всегда могутъ имѣть не маловажное значеніе, къ какому бы вѣку они ни относились, ко второму ли, къ третьему или къ пятому. Итакъ отъ указаннаго мнѣнія авторитетъ ареопагитскихъ твореній не страдаетъ, если только еще—въ другомъ отношеніи—не возвышается.

Тѣмъ менѣе можетъ пострадать авторитетъ церковнаго ученія объ іерархіи, о девяти чинахъ ангельскихъ и другихъ предметахъ. Такъ, не говоря объ обрядахъ посвященія и другихъ, ученіе о богоучрежденности христіанской іерархіи, о раздѣленіи ея на три степени, ученіе о правахъ епископа, какъ посвятителя въ прочія степени, какъ раздаятеля и источника для нихъ благодати, изложено въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ дѣйствительно опредѣленно, ясно и довольно подробно, особенно по сравненію съ тѣмъ, какъ оно изложено въ писаніяхъ мужей апостольскихъ и у большей части писателей третьяго вѣка, исключая развѣ Кипріяна еп. карѳагенскаго. Но не потерпитъ ущерба это ученіе и тогда, если признать, что ареопагитскія сочиненія, въ которыхъ оно такъ излагается, принадлежатъ не ко II или III, а къ V вѣку. И безъ нихъ, писанія отцевъ и учителей церкви первыхъ трехъ вѣковъ вполнѣ достаточны къ тому, чтобы убѣдиться, что ученіе объ іерархіи по сущности и тогда было то же самое; только въ первомъ, второмъ или и въ третьемъ вѣкѣ оно не излагалось еще въ такой полнотѣ, опредѣленности и законченности, въ какой излагалось въ пятомъ вѣкѣ. Еслибы предположить, что арео-

пагитскія сочиненія утратились; тогда, для доказательства того, что изложенное ученіе объ іерархіи, только въ другой формѣ, было извѣстно и принято уже въ первомъ и во второмъ вѣкѣ, совершенно было бы достаточно книгъ Свящ. Писанія, писаній мужей апостольскихъ, также нѣкоторыхъ другихъ историческихъ памятниковъ,—и потеря ареопагитскихъ сочиненій не была бы чувствительна. То же самое нужно сказать и относительно ученія о девяти чинахъ ангельскихъ. Если относить ареопагитскія сочиненія къ пятому вѣку; тогда нужно будетъ опять допустить только небольшое ограниченіе относительно первыхъ вѣковъ, именно придется признать только то, что ученіе о мірѣ ангельскомъ признавалось и было извѣстно и въ первомъ и во второмъ вѣкѣ, какъ это извѣстно изъ писаній того времени, но оно не въ томъ видѣ излагалось, какъ въ пятомъ вѣкѣ. Опять придется сказать, что сущность ученія была одна, — и прежде и послѣ, — но послѣ, т.-е. въ пятомъ вѣкѣ форма и частности прибавились другія. И самъ писатель ученіе о девяти чинахъ ангельскихъ,—изъ за котораго, кажется, особенно отстаивали подлинность ареопагитскихъ сочиненій,—основываетъ не на какомъ либо тайномъ апостольскомъ преданіи, или особенномъ откровеніи, подобномъ пророческому, но или на свящ. Писаніи, или на своемъ личномъ сужденіи. Извѣстно, что въ разныхъ мѣстахъ свящ. Писанія ветхаго и новаго завѣта упоминаются всѣ девять чиновъ ангельскихъ. Писатель же съ своей стороны только раздѣлилъ ихъ на три степени и поставилъ въ опредѣленномъ порядкѣ, отчасти на основаніи свящ. Писанія, отчасти на основаніи филологическаго толкованія наименованій каждаго ангельскаго чина, отчасти по своему личному сужденію. И своему мнѣнію онъ придаетъ весьма небольшое значеніе. «Мы отвѣчаемъ», говоритъ онъ въ концѣ книги: *О небесной іерархіи*, «искреннимъ признаніемъ, что мы не имѣемъ полнаго знанія о предметахъ премірныхъ и имѣемъ нужду въ другомъ руководителѣ и наставникѣ касательно сего предмета» (гл. XV, § 9). Ученіе о девяти чинахъ ангельскихъ, какъ и о многомъ другомъ, держится не на авторитетѣ ареопагитскихъ сочиненій, но на общемъ авторитетѣ церкви.— Извѣстія же относительно ученія церковнаго о крещеніи, Евхаристіи и муропомазаніи, свѣдѣнія объ обрядахъ этихъ таинствъ, о происхожденіи и положеніи монашества, въ обширномъ смыслѣ сего слова, въ достаточной степени полу-

чаются изъ разныхъ другихъ источниковъ и еще меньше зависятъ отъ авторитета ареопагитскихъ сочиненій.

Между тѣмъ едва ли не опасеніе за этотъ авторитетъ и заставило г. Скворцева защищать принятое имъ мнѣніе объ авторѣ ареопагитскихъ сочиненій и присвоить оныя одному изъ великихъ отцевъ церкви третьяго вѣка, св. Діонисію александрійскому, — мнѣніе, которое, какъ мы видѣли, трудно признать вѣроятнымъ. Впрочемъ, отчего бы и какъ бы это ни случилось, трудъ г. Скворцева во всякомъ случаѣ имѣетъ свое значеніе и составляетъ не малую заслугу для общества и русской богословской науки. За г. Скворцевымъ остается та заслуга, что важный вопросъ объ авторѣ ареопагитскихъ сочиненій онъ первый вывелъ изъ той неподвижности, въ какой онъ доселѣ находился, и поставилъ его прямо и открыто. Онъ первый въ своей докторской диссертаціи рѣшился прямо высказать и защищать, хотя извѣстное и прежде, но у насъ еще новое, мнѣніе, что писатель ареопагитскихъ сочиненій есть св. Діонисій александрійскій († 264 г.) и что все содержаніе оныхъ составляетъ косвенную полемику противъ гностиковъ. Представленныя имъ доказательства, какъ мы видѣли, недостаточны и малоубѣдительны, потому не внушаютъ довѣрія и къ сдѣланнымъ у него выводамъ. Но безъ ошибокъ рѣдко гдѣ обходится. За то весьма важное дѣло — открытая и прямая постановка важнаго вопроса. Теперь, благодаря г. Скворцеву, уже нѣтъ возможности по заученному повторять, что ареопагитскія сочиненія несомнѣнно принадлежатъ св. Діонисію Ареопагиту, и относить ихъ къ первому или второму вѣку. Прошло время и того, чтобы въ ученыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи церкви перваго и втораго вѣка, безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, ссылаться на такъ наз. сочиненія св. Діонисія Ареопагита, по нимъ изображать состояніе христіанской жизни, ученія, іерархіи, богослуженія и обрядовъ того времени и чрезъ то распространять анахроническія и вообще неправильныя свѣдѣнія въ церковно-исторической области. По крайней мѣрѣ вопросъ о важныхъ по своему значенію сочиненіяхъ, съ именемъ св. Діонисія Ареопагита, теперь открытъ для свободныхъ и безпристрастныхъ ученыхъ изслѣдованій всякому желающему.

Свящ. І. Смирновъ.

ДЛЯ СЕМИНАРСКОЙ ПЕДАГОГІИ.

О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦѢНКѢ УЧЕНИЧЕСКИХЪ УСПѢХОВЪ И ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

Отъ редакціи.

Предлагаемъ вниманію читателей, въ особенности наставниковъ духовныхъ семинарій и лицъ, имѣющихъ наблюденіе за состояніемъ и ходомъ семинарскаго образованія, *записку*, составленную однимъ изъ членовъ правленія м—ской семинаріи по поводу возбужденнаго въ правленіи вопроса о сравнительной оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ и письменныхъ упражненій. Составитель *записки*, отправляясь отъ внѣшняго частнаго повода—отъ разсужденій о болѣе правильной оцѣнкѣ баллами ученическихъ отвѣтовъ и сочиненій, входитъ во внутреннія, весьма существенныя стороны семинарскаго образованія, и предлагаетъ серьезныя мѣры къ наиболѣе солидной его постановкѣ, не выходя притомъ изъ предѣловъ семинарскаго устава, но сообразуясь съ существующими условіями семинарскаго образованія. Можетъ быть, мѣры предлагаемыя авторомъ записки не могутъ быть во всей полнотѣ приняты и послѣдовательно проведены при настоящемъ состояніи семинарій; тѣмъ не менѣе въ нихъ вѣроятно найдется не мало пригоднаго для приложенія къ практикѣ. Во всякомъ случаѣ самое возбужденіе и разъясненіе вопросовъ, которыхъ касается записка, можетъ быть весьма не безполезно для семинарской педагогіи. Ко второй половинѣ записки, имѣющей быть напечатанной въ слѣдующей книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія*, мы присоединимъ и съ своей стороны нѣсколько замѣчаній о современномъ состояніи семинарскаго образованія.

Принятая въ настоящее время въ духовныхъ семинаріяхъ оцѣнка ученическихъ успѣховъ не можетъ быть признана удовлетворительною. Она основывается на данныхъ, слишкомъ отрывочныхъ и случайныхъ, значительно стѣсняетъ наставниковъ при самомъ преподаваніи, и можетъ давать воспитанникамъ не мало поводовъ къ различнымъ злоупотребленіямъ. Сообразно съ требованіемъ устава, полагается, чтобы воспитанникамъ помѣсячно выставляемы были отмѣтки по каждому предмету. При концѣ года эти отмѣтки складываются, и для вывода средняго балла сумма ихъ дѣлится на ихъ число. Для того, чтобы поставить мѣсячную отмѣтку, наставнику нужно спросить каждаго ученика въ мѣсяцъ по крайней мѣрѣ разъ, а лучше конечно два и три раза. Для тѣхъ предметовъ, на которые назначается еженедѣльно по три—по четыре урока, это еще представляется довольно удобнымъ. Но для тѣхъ предметовъ, на которые еженедѣльно полагается по одному или по два урока, это весьма неудобно. Въ классѣ, состоящемъ изъ 50 и болѣе учениковъ, наставнику приходится такимъ образомъ спрашивать каждый урокъ по 8 по 10 и болѣе учениковъ. При этомъ у наставника едва ли можетъ оставаться довольно времени на разъясненіе предмета, да и самое спрашиваніе учениковъ онъ по необходимости долженъ производить очень спѣшно, чтобы только имѣть возможность выставить каждому спрошенному ученику какую-нибудь отмѣтку. Въ виду такихъ неудобствъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ по всѣмъ, а въ иныхъ по нѣкоторымъ предметамъ, отступая нѣсколько отъ буквы устава, довольствуются тѣмъ, чтобы каждому ученику выставляема была отмѣтка по предмету не за мѣсяцъ, а за два или за три мѣсяца. Это конечно представляетъ болѣе удобства для преподавателя; въ два мѣсяца онъ болѣе имѣетъ возможности узнать учениковъ, или по крайней мѣрѣ присмотрѣться къ нимъ, нежели въ одинъ мѣсяцъ. Но все-таки и здѣсь сужденіе учителя объ ученикахъ основывается на весьма недостаточныхъ данныхъ. Изъ восьми-десяти уроковъ наставникъ спрашиваетъ у ученика одинъ-два урока, и по нимъ дѣлаетъ заключеніе объ остальныхъ. Уроки могутъ быть не одинаковой трудности. Ученикъ, отвѣчающій на *5* по менѣе трудному уроку предъ ученикомъ отвѣчающимъ на *4* по уроку болѣе трудному можетъ имѣть иногда только преимущество счастія или удачи. Тотъ же ученикъ одинъ урокъ готовитъ лучше, другой хуже. Быть спро-

шеннымъ тогда, когда урокъ приготовленъ лучше, самими учениками считается не за свидѣтельство знанія, а только за удачу и счастіе. Такимъ образомъ въ этихъ отвѣтахъ и отмѣткахъ самое широкое мѣсто имѣетъ случайность, и ученики привыкаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на какую-то лотерею. При этомъ между учениками составляется, и большею частью довольно удачно, множество примѣтъ и соображеній относительно того, кого въ какой классъ какой наставникъ долженъ спросить. И сколько бы какой наставникъ ни видоизмѣнялъ принятый имъ порядокъ спрашиванія, сообразительные ученики успѣютъ подмѣтить въ немъ существенныя черты и примѣниться къ нему. Отъ этого между учениками образуется привычка не равно готовить уроки, одинъ урокъ приготовляется болѣе, другой менѣе внимательно, или вовсе не приготовляется. Такое неравенство къ годовому экзамену въ нѣкоторой степени сглаживается; но только въ нѣкоторой степени,—такъ какъ ученики къ экзамену готовятся болѣе или менѣе поспѣшно, и на самомъ экзаменѣ привыкаютъ разсчитывать на случай или удачу. Въ этомъ лотерейномъ взглядѣ на наставническія и экзаменныя отмѣтки нельзя не обратить особеннаго вниманія и на то, что онъ можетъ давать фальшивые стимулы образованію нравственнаго характера юношей, пріучаетъ ихъ неправильно относиться къ труду, къ исполненію обязанностей, къ пользованію временемъ, подрываетъ въ нихъ чувство долга и справедливости. Наконецъ эта помѣсячная или двухмѣсячная оцѣнка ученическихъ успѣховъ, кромѣ своей случайности, имѣетъ ли какую опредѣленность? Изъ отмѣтокъ наставническихъ въ цѣляхъ педагогическихъ желательно было бы узнавать не только то, *какъ* ученикъ успѣвалъ за тотъ или другой мѣсяцъ по тому или другому предмету, но и то, *въ чемъ* именно онъ успѣвалъ удовлетворительно или неудовлетворительно. Частныя отмѣтки, стоящія въ балловой вѣдомости предъ фамиліей каждаго ученика, должны были бы давать ясныя данныя не только для вывода общаго годоваго балла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для сужденія о томъ, *что* именно,—*какія* части или отдѣлы въ какой наукѣ ученикъ знаетъ лучше или хуже,—на *какія* части науки должно быть по этому обращено особенное вниманіе при повѣркѣ знаній ученическихъ на экзаменѣ,—*какія* части науки, не довольно удовлетворительно изученныя въ продолженіи года, ученикъ долженъ вновь получше повторить при переходѣ изъ одного

класса въ другой, чтобы имѣть возможность лучше слѣдить за курсомъ въ слѣдующихъ классахъ и т. д. Обо всѣхъ этихъ весьма важныхъ педагогическихъ требованіяхъ и соображеніяхъ при существующихъ теперь помѣсячныхъ или двухмѣсячныхъ аттестаціяхъ воспитанниковъ, основанныхъ на отвѣтахъ ихъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ урокамъ, и думать невозможно. При существующей системѣ, если мы находимъ, что у извѣстнаго ученика въ ноябрьской аттестаціи стоитъ 5—отлично, въ январьской 3—хорошо, въ апрѣльской 4—очень хорошо, изъ этого рѣшительно нѣтъ никакой возможности узнать, что именно, какія части курса ученикъ знаетъ отлично, и какія очень хорошо, или просто хорошо; такъ что эти 5, 4 и 3 и вообще всѣ эти аттестаціи служатъ не то что настоящимъ показателемъ опредѣленныхъ знаній и успѣховъ ученическихъ по тому или другому предмету, а скорѣе какими-то отвлеченными отрывочными памятными замѣтками учителей объ ученикѣ, поставленными въ разное время года, изъ которыхъ собственно составлять какое-либо общее опредѣленное мнѣніе о знаніяхъ учениковъ въ извѣстномъ предметѣ весьма трудно.

Гораздо болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости и цѣлямъ педагогическимъ та аттестаціонная система, гдѣ оцѣнка успѣховъ ученическихъ извлекается не изъ отрывочныхъ по-урочныхъ отвѣтовъ, а изъ отвѣтовъ учениковъ на общихъ повтореніяхъ болѣе или менѣе цѣльныхъ и значительныхъ отдѣловъ курса. Тамъ, гдѣ эта система представляется наиболѣе упорядоченною, дѣло это обыкновенно производится такимъ образомъ. Каждый наставникъ дѣлитъ весь курсъ, назначенный къ изученію въ извѣстномъ классѣ, на нѣсколько отдѣловъ, соображаясь съ содержаніемъ самой науки, преподаваемой имъ,—съ внѣшнимъ объемомъ тѣхъ или другихъ частей курса, и съ степенью развитія воспитанниковъ, съ степенью подготовки ихъ къ умственному труду. Какъ скоро какой-либо изъ этихъ отдѣловъ достаточно разъясненъ наставникомъ ученикамъ начинается, репетиція по этому отдѣлу. На репетиціи наставникъ внимательно испытываетъ каждаго ученика, на сколько имъ твердо и сознательно усвоено пройденное, предлагая ему вопросы не изъ одного-какого-нибудь урока, а изъ той и другой и третьей части пройденнаго отдѣла, и обращая вниманіе не только на то, какъ твердо выучена ученикомъ та или другая часть пройденнаго, но и на

то, на сколько сознательно усвоенъ имъ весь пройденный отдѣлъ въ его цѣльности и послѣдовательной связи однихъ частей съ другими. Здѣсь наставникъ, при спрашиваніи учениковъ, имѣетъ удобный случай, если оказывается надобность, повторить вкоротцѣ прежде говоренное ученикамъ при разъясненіи частныхъ уроковъ и особенно выяснить имъ ту общую связь частей предмета—тотъ общій смыслъ пройденнаго отдѣла, которыя легко могли ускользать у нихъ изъ вниманія или быть совсѣмъ не поняты ими при слушаніи отдѣльныхъ уроковъ, вновь объяснить трудныя для пониманія мѣста въ курсѣ и т. д. Здѣсь же наставникъ имѣетъ возможность узнавать, что кѣмъ-либо изъ учениковъ пріобрѣтается въ дополненіе къ принятому учебнику и класснымъ объясненіямъ чрезъ самостоятельное чтеніе книгъ, относящихся къ предмету. Для этого наставникъ предварительно, при самомъ назначеніи репетиціи, можетъ указать ученикамъ, что въ особенности изъ имѣющихся подъ руками въ ученической библіотекѣ книгъ было бы полезно почитать имъ по назначаемому къ репетиціи отдѣлу науки [1]). Такимъ образомъ наставникъ въ продолженіе

---

[1]) На этотъ предметъ стоитъ обратить особенное вниманіе. Чтеніе книгъ, вмѣстѣ съ изученіемъ курсовъ по разнымъ предметамъ и письменными упражненіями, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ умственному развитію воспитанниковъ. Поэтому такого важнаго предмета нельзя оставлять безъ вниманія и руководства на случай и произволъ. Весьма утѣшительно, что въ преобразованныхъ семинаріяхъ почти вездѣ заводятся ученическія библіотеки. Но этого еще мало. Нужно болѣе обращать вниманія на то, чтобы ученики могли пользоваться этими библіотеками съ наибольшею для себя пользою. Мы не того конечно желаемъ, чтобы всѣмъ воспитанникамъ было оффиціально приказываемо въ извѣстное время прочитывать извѣстныя книги, и кромѣ нихъ ничего другаго читать не позволялось. Въ этомъ дѣлѣ воспитанникамъ во всякомъ случаѣ должна быть предоставлена извѣстная самостоятельность, при которой только и можетъ развиться у нихъ интересъ къ чтенію. Но наставники должны помогать воспитанникамъ своею опытностью, указывая, что въ особенности полезно имъ (и отдѣльно тому или другому изъ учениковъ въ особенности хорошихъ) читать и въ какой постепенности. При этомъ конечно нужно сообразоваться не только съ возрастомъ и развитіемъ воспитанниковъ, но и съ тѣмъ, сколько они имѣютъ для чтенія свободнаго времени. Нѣтъ надобности заразъ указывать имъ, и притомъ всѣмъ—и наиболѣе способнымъ и посредственнымъ—много книгъ для чтенія. Лучше въ указаніяхъ дѣлать разграниченія, что по преимуществу рекомендуется читать всѣмъ, и что съ пользою могутъ читать лучшіе воспитанники, если у нихъ окажется довольно свободнаго времени. Потомъ на репетиціяхъ наставники должны обращать вниманіе не только на изученіе учебника, но и на то, что и какъ тѣмъ или другимъ воспитанникомъ читается въ дополненіе къ учебнику. Полезно было бы также дѣлать наблюденія лицамъ завѣдующимъ ученическими библіотеками, какія книги болѣе разбираются воспитанниками для чтенія, и какія менѣе. Такимъ образомъ при надлежащемъ вниманіи и хорошемъ руководствѣ это дѣло могло бы быть поставлено такъ, что дѣйствительно было бы важнѣйшимъ средствомъ къ правильному образованію воспитанниковъ.

репетиціи внимательно и обстоятельно переспрашиваетъ всѣхъ учениковъ одного за другимъ. Тѣ изъ учениковъ, которые въ свое время почему-либо не могли приготовить репетиціи, по извѣстному отдѣлу, должны сдать ее послѣ,—но непремѣнно должны сдать, чтобы имѣть въ балловой вѣдомости отмѣтку за каждый пройденный отдѣлъ науки. Недостатокъ такой отмѣтки не можетъ быть вознагражденъ никакими другими самыми лучшими отмѣтками по другимъ отдѣламъ. Каждый ученикъ въ продолженіе года непремѣнно долженъ сдать всѣ репетиціи, и за каждый пройденный отдѣлъ имѣть особую отмѣтку. Вотъ эти-то отмѣтки и принимаются во вниманіе при общей оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ. При концѣ года онѣ складываются, сумма ихъ дѣлится на число пройденныхъ отдѣловъ, и полученное частное число составляетъ баллъ, показывающій годовой успѣхъ ученика по извѣстному предмету.

Преимущество такой системы предъ системою поурочнаго спрашиванія и помѣсячныхъ аттестацій учениковъ очевидно, и притомъ преимущество не въ аттестаціонномъ только, но и вообще въ педагогическомъ отношеніи. Повтореніе пройденнаго вообще представляется однимъ изъ лучшихъ педагогическихъ средствъ къ твердому и точному усвоенію изучаемаго предмета. И чѣмъ болѣе правильно, осмысленно и соразмѣрно съ силами и развитіемъ учениковъ дѣлаются такія повторенія, тѣмъ лучше достигаются педагогическія цѣли. Повтореніе цѣлыхъ отдѣловъ науки представляетъ въ этомъ отношеніи лучшую систему. Здѣсь ученикъ не только возобновляетъ и утверждаетъ въ своей памяти частности преподаннаго отдѣла науки, но и приводитъ эти частности въ связное и осмысленное цѣлое; отъ отрывочныхъ знаній, усвояемыхъ изъ отдѣльныхъ уроковъ, переходитъ къ пониманію цѣлыхъ частей курса, и это далѣе къ концу года облегчаетъ ученику сознательное усвоеніе цѣлаго курса. Что существеннаго изъ разъясненій наставника могло быть не замѣчено или не понято учениками на частныхъ урокахъ, наставникъ имѣетъ удобный случай припомнить или уяснить имъ при общемъ повтореніи цѣлаго отдѣла. Здѣсь же, какъ мы сказали, наставникъ имѣетъ удобный случай узнавать и то, что кѣмъ-либо изъ учениковъ самостоятельно чрезъ чтеніе книгъ пріобрѣтается по извѣстному предмету въ дополненіе къ принятому учебнику и класснымъ объясненіямъ. Послѣдовательное и обстоятельное изученіе наукъ по частямъ, правильно и соразмѣрно съ условіями

учебнаго времени и силами учащихся расположенное въ продолженіи учебнаго года, всего лучше можетъ пріучать воспитанниковъ и вообще къ правильному и соразмѣрному труду, къ разумному пользованію временемъ. Наконецъ, что касается собственно до *оцѣнки* ученическихъ успѣховъ по различнымъ предметамъ, въ этомъ отношеніи репетиціонная система имѣетъ несравнимыя преимущества предъ принятою въ семинаріяхъ системою поурочнаго спрашиванія. Здѣсь оцѣнка обстоятельная, основанная не на отрывочныхъ отвѣтахъ по двумъ-тремъ урокамъ изъ цѣлой половины курса, а на сознательномъ усвоеніи и тщательномъ испытаніи цѣлыхъ отдѣловъ курса. Здѣсь оцѣнка равномѣрная и справедливая, устраняющая всякіе поводы къ злоупотребленіямъ и жалобамъ со стороны учениковъ. Ни одинъ ученикъ не можетъ жаловаться на случайную неудачу или пристрастіе наставника, на то, что его спросили когда онъ не разсчитывалъ быть спрошеннымъ, или что его спросили на урокѣ трудномъ, а другихъ спрашивали на легкомъ. Всѣ ученики испытываются по однимъ и тѣмъ же, т. е. по всѣмъ отдѣламъ курса, и какіе въ какомъ отдѣлѣ кому наставникъ предложитъ вопросы, этого ученики заранѣе не могутъ знать, и потому каждый ученикъ долженъ стараться съ равною тщательностію приготовить весь отдѣлъ. Если ученикъ по болѣзни или по другой уважительной причинѣ пропустилъ какой нибудь урокъ, онъ можетъ вознаградить пропущенное при повтореніи цѣлаго отдѣла, къ которому этотъ урокъ относится. Если ученикъ по уважительной причинѣ не могъ въ назначенное время приготовить репетицію по извѣстному отдѣлу, съ него потребуютъ эту репетицію послѣ, и такимъ образомъ у него самого не произойдетъ пропуска въ изученіи предмета, и наставникъ не будетъ лишенъ возможности провѣрить знанія его по той части предмета, которую онъ пропустилъ. Наконецъ нельзя не обратить особеннаго вниманія и на то, что аттестаціи успѣховъ ученическихъ по отдѣламъ курса имѣютъ такую опредѣленность, какой вовсе не могутъ имѣть помѣсячныя аттестаціи. Когда напр. по предмету, раздѣленному на четыре отдѣла, у ученика за первую репетицію поставлено 4, за вторую 2, за третью 3, за четвертую — 5, изъ этого мы узнаемъ не только то, что ученикъ разъ отвѣчалъ наставнику очень хорошо, въ другой разъ посредственно, въ третій хорошо, въ четвертый отлично, но и то узнаемъ, какая именно изъ частей науки ученикомъ въ свое время

изучена очень хорошо, и какая только посредственно. И это также весьма важно не только для точной аттестаціи учениковъ, но и для пріученія ихъ къ правильному веденію своего дѣла. При повѣркѣ знаній ученическихъ на экзаменахъ, экзаменныя коммиссіи по отмѣткамъ репетицій, которыя должны быть у нихъ передъ глазами, могутъ лучше сообразить, изъ какихъ частей предмета какого ученика нужно внимательнѣе спросить. Наставникъ, инспекторъ или надзиратель извѣстному ученику заранѣе могутъ посовѣтовать, на какіе отдѣлы предмета ему нужно обратить особенное вниманіе предъ экзаменами при концѣ года, чтобы уравнять свои знанія, не потерпѣть неудачи на экзаменѣ, и быть въ состояніи успѣшно слѣдить за курсомъ далѣе въ слѣдующемъ классѣ. Вообще эта система представляетъ самыя удобныя условія не только для правильной оцѣнки ученическихъ успѣховъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ для правильнаго, соотвѣтственнаго съ разумными цѣлями педагогіи, расположенія и веденія ученическихъ занятій.

При этомъ въ поясненіе изложенной системы нужно еще сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

1) Когда устрояется въ заведеніи правильная система общихъ репетицій, и на нихъ основывается главнымъ образомъ оцѣнка ученическихъ успѣховъ по изучаемымъ предметамъ, при этомъ нѣтъ надобности совсѣмъ оставлять и тотъ порядокъ, по которому ученикъ считается обязаннымъ отъ одного класса къ другому приготовлять заданный ему и только что объясненный наставникомъ урокъ;—и наставникъ, кромѣ спрашиванія *всѣхъ* учениковъ на общихъ повтореніяхъ цѣлыхъ отдѣловъ, можетъ и отдѣльно спрашивать того-другаго ученика по извѣстному уроку. Своевременное подготовленіе учениками каждаго отдѣльнаго урока будетъ много помогать имъ и въ изученіи цѣлыхъ отдѣловъ къ репетиціямъ, и вообще будетъ для нихъ весьма полезно въ томъ отношеніи, что пріучитъ ихъ трудиться постепенно, не тратя попусту времени, и не откладывая дѣла до дальняго конца, когда заразъ сдѣлать все назначенное можетъ иногда оказаться трудно. Притомъ своевременное освѣженіе въ памяти къ слѣдующему классу всего того, что говорится наставникомъ при объясненіи каждаго отдѣльнаго урока, имѣетъ также большую пользу. Въ этихъ видахъ и наставникъ, не дожидаясь общей репетиціи цѣлаго отдѣла, съ большею пользою можетъ иногда у того-у другаго ученика спросить и отдѣльный урокъ, чтобы повѣрить, на

сколько ясно ученики понимаютъ преподаваемое имъ, насколько внимательно слѣдятъ за классными объясненіями, и насколько разумно пользуются своимъ внѣклассными временемъ для постепеннаго изученія курса. При этомъ наставникъ можетъ обращать особенное вниманіе именно на такихъ учениковъ, какихъ особенно нужно пріучать — внимательно слѣдить за классными объясненіями и разумно пользоваться временемъ. Но только какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ объ успѣхахъ учениковъ по этимъ отрывочнымъ поурочнымъ спрашиваніямъ нѣтъ надобности (потому что нѣтъ и возможности) дѣлать,—и отмѣтокъ за эти частные отвѣты не нужно сейчасъ заносить въ балловую вѣдомость. Наставнику для себя конечно нужно замѣчать ихъ, и онъ можетъ принимать ихъ въ соображеніе при самыхъ общихъ репетиціяхъ, оцѣнивая вообще способности, внимательность и усердіе учениковъ, но опредѣленную аттестацію ученику по изученію имъ того или другаго отдѣла наставникъ долженъ ставить на общей репетиціи этого отдѣла, принимая во вниманіе возможно болѣе обстоятельныя данныя для сравнительной оцѣнки учениковъ. Такимъ образомъ поурочное спрашиваніе учениковъ должно имѣть только общее значеніе—педагогическое, но не аттестаціонное. Аттестаціонное же значеніе должно быть усвоено отвѣтамъ учениковъ на общихъ репетиціяхъ [2]). Поэтому на общихъ репетиціяхъ по каждому отдѣлу наставникъ непремѣнно долженъ переспросить всѣхъ учениковъ извѣстнаго класса, — а поурочно ему нѣтъ надобности спрашивать всѣхъ въ продолженіе извѣстнаго періода времени. Здѣсь по своимъ соображеніямъ онъ можетъ спрашивать когда и сколькихъ учениковъ и какихъ именно найдетъ нужнымъ въ цѣляхъ педагогическихъ.

2) При устроеніи правильной системы общихъ репетицій, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ отдѣляется для нихъ особенное внѣклассное время. Но въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ на это особеннаго времени взять негдѣ, и каждый наставникъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и репетиторъ своего предмета, эти репетиціи должны идти конечно въ обыкновенное классное время, и при этомъ нѣтъ надобности совершенно отдѣлять классовъ репетиціонныхъ отъ классовъ преподаванія; нѣтъ надобности рас-

---

[2]) Можно пожалуй еще для большей точности и для поощренія учениковъ къ внимательнѣйшему изученію отдѣльныхъ уроковъ и изъ частныхъ поурочныхъ спрашиваній выводить *къ концу года* общій баллъ, придавая ему такое же напр. значеніе, какъ одному изъ репетиціонныхъ балловъ.

полагать дѣло такъ, чтобы извѣстное число классовъ по каждому предмету назначалось сплошь на преподаваніе, на разъясненіе уроковъ наставниковъ, и затѣмъ извѣстное число сплошь на репетицію пройденнаго отдѣла. Такимъ образомъ выходило бы, что ученики цѣлые мѣсяцы въ классѣ почти только бы слушали наставниковъ, а затѣмъ наставники цѣлыя недѣли въ классѣ только бы спрашивали учениковъ. При такомъ распредѣленіи дѣла, у наставника и учениковъ могло бы теряться много времени; классы, состоящіе почти сплошь или изъ однихъ разъясненій наставника или изъ однихъ спрашиваній, были бы монотонны и утомительны; и у учениковъ въ иное время приходилось бы слишкомъ много, въ иное слишкомъ мало дѣла, а это бы могло быть вредно и для здоровья и для нравственнаго образованія молодыхъ людей. Болѣе удобнымъ представляется расположить дѣло такъ, чтобы классы репетиціонные не отдѣлялись отъ классовъ преподаванія. Кончено наставникомъ разъясненіе извѣстнаго отдѣла науки, начинается репетиція по этому отдѣлу; но и преподаваніе не прерывается, не всѣ классы употребляются наставникомъ на спрашиваніе учениковъ. Наставникъ половину класса можетъ употребить на спрашиваніе учениковъ, а половину на разъясненіе дальнѣйшихъ частей предмета. Такимъ образомъ пока пройдетъ у всѣхъ учениковъ репетиція по одному отдѣлу предмета, наставникъ успѣетъ разъяснить имъ слѣдующій отдѣлъ, и не теряя времени за одною репетиціею начать другую. Такимъ образомъ у наставника и учениковъ въ продолженіи учебнаго года будетъ идти правильный круговоротъ занятій. И каждый классъ будетъ болѣе представлять разнообразія и педагогической пользы, и будетъ болѣе легокъ для учениковъ и наставниковъ, когда дѣло въ немъ будетъ распредѣлено такъ, что ученики услышатъ отъ наставника и нѣчто новое и затѣмъ возвратятся воспоминаніемъ къ прежде пройденному, и наставникъ половину класса будетъ употреблять на разъясненіе предмета, а другую половину на спрашиваніе учениковъ.

При этомъ нужно обратить только особенное вниманіе на то, чтобы репетиціи по разнымъ предметамъ были у учениковъ правильно расположены въ продолженіи года, чтобы не приходилось имъ заразъ готовить репетиціи по нѣсколькимъ предметамъ, чтобы ученики не были въ иныя недѣли слишкомъ обременяемы работой, а въ иныя не остались совсѣмъ

безъ дѣла. Такое распредѣленіе репетицій на первыхъ порахъ можетъ представиться весьма труднымъ, неудобо-исполнимымъ; но въ сущности, при нѣкоторомъ ознакомленіи съ дѣломъ, оно можетъ устроиться очень удобно. Мы знаемъ такія заведенія, въ которыхъ, при полутораста ученикахъ въ классѣ, преподается въ продолженіи года по двѣнадцати и даже по четырнадцати предметовъ. Каждый изъ этихъ предметовъ дѣлится на 3, на 4, на 5 отдѣловъ. Такимъ образомъ у каждаго ученика оказывается въ годъ около пятидесяти репетицій. И однако же инспекторъ классовъ, раздѣливъ учениковъ по группамъ, находитъ возможнымъ расположить ихъ занятія такъ, что ни у одного воспитанника въ продолженіи цѣлаго года никогда не совпадаетъ не только нѣсколькихъ, но даже и двухъ репетицій. Въ семинаріи, гдѣ въ каждомъ классѣ находится около 50 воспитанниковъ и преподается шесть или семь предметовъ, это устроить гораздо легче. Если раздѣлить каждый предметъ на три— на четыре, а иные и на пять отдѣловъ, у учениковъ прійдется въ годъ около двадцати пяти и никакъ не болѣе тридцати репетицій. Между тѣмъ въ учебномъ году, за исключеніемъ времени экзаменнаго и праздничнаго, найдется около тридцати учебныхъ недѣль. Если отсюда выбросить три-четыре недѣли въ началѣ курса, когда еще ни по одному предмету ничего не пройдено и нечего повторять, все-таки останется въ году около двадцати пяти учебныхъ недѣль. Такимъ образомъ здѣсь число учебныхъ недѣль совпадаетъ съ числомъ репетицій и при этомъ очень удобно расположить дѣло такъ, чтобы у каждаго ученика приходилось на недѣлю по одной репетиціи.

Сдѣлать же это можно слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ учебнаго года наставники извѣстнаго класса, раздѣливши свои предметы на нѣсколько отдѣловъ, и сообразивши примѣрно, сколько времени потребуется на преподаваніе того или другаго отдѣла, должны столковаться между собою, кому когда— въ какомъ мѣсяцѣ удобнѣе начать репетицію по тому или по другому отдѣлу. При этомъ на каждый мѣсяцъ (или на каждыя четыре недѣли, хотя и не къ ряду одна за другою слѣдующія), должны быть назначаемы репетиціи не болѣе, какъ по четыремъ предметамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при началѣ же учебнаго года ученики каждаго класса должны быть раздѣлены для репетицій на четыре группы. Затѣмъ въ классѣ должно быть вывѣшено росписаніе, какой группѣ въ извѣстномъ мѣ-

сяцѣ на какую недѣлю назначается репетиція по тому или другому изъ четырехъ предметовъ. Число группъ здѣсь будетъ совпадать съ числомъ недѣль и съ числомъ предметовъ; и такимъ образомъ на каждую группу въ недѣлю будетъ приходиться по одной репетиціи. Если число всѣхъ предположенныхъ наставниками въ извѣстномъ классѣ репетицій будетъ значительно меньше числа учебныхъ недѣль въ году, можно на иные мѣсяцы назначать вмѣсто четырехъ по три предмета или репетиціонный кругъ брать не въ четыре, а въ шесть и восемь недѣль. При этомъ нѣкоторыя недѣли въ учебномъ году у учениковъ будутъ оставаться совсѣмъ безъ репетицій, для отдыха или для сосредоточенія труда на письменныхъ упражненіяхъ. Сообразно съ объемомъ предметовъ и числомъ предположенныхъ въ каждомъ изъ нихъ отдѣломъ, по иному предмету извѣстной группѣ прійдется сдавать репетицію чрезъ два мѣсяца;—по иному, гдѣ объемъ курса и число репетицій меньше, репетиціи будутъ повторяться иногда черезъ два, а иногда черезъ три мѣсяца,—а въ тѣхъ предметахъ, гдѣ объемъ курса и число репетицій больше, репетиція можетъ приходиться иногда черезъ два, а иногда черезъ одинъ мѣсяцъ.

Для примѣра прилагаемъ здѣсь росписаніе репетицій по группамъ для I, IV и VI классовъ семинаріи, въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, примѣнительно къ числу и характеру предметовъ, и къ степени развитія воспитанниковъ въ каждомъ изъ означенныхъ трехъ классовъ, и сообразно съ расположеніемъ учебнаго времени въ слѣдующемъ 1872—1873 учебномъ году.

№ 1-й. Росписаніе репетицій для 1-го класса.

Предметы изученія.	Число репетицій въ году по каждому предмету.
Словесность.....	5 репетицій
Исторія.....	4 „
Математика.....	4 „
Свящ. Писаніе.....	3 „
Латинскій языкъ.....	5 „
Греческій языкъ.....	5 „ „
Новые языки.....	2 „ „
Всего въ году.....	28 репетицій

1-я репетиція

(отъ 20-го сентября до 20-го октября).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Словесность.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.	Математика.
2-я группа.	Латинскій языкъ.	Словесность.	Математика.	Греческій языкъ.
3-я группа.	Математика.	Греческій языкъ.	Словесность.	Латинскій языкъ.
4-я группа.	Греческій языкъ.	Математика.	Латинскій языкъ.	Словесность.

2-я репетиція

(отъ 20-го октября до 20-го ноября).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Словесность.	Латинскій языкъ.	Исторія.	Свящ. Писаніе.
2-я группа.	Латинскій языкъ.	Словесность.	Свящ. Писаніе.	Исторія.
3-я группа.	Исторія.	Свящ. Писаніе.	Словесность.	Латинскій языкъ.
4-я группа.	Свящ. Писаніе.	Исторія.	Латинскій языкъ.	Словесность.

3-я репетиція

(отъ 20-го ноября до 20-го декабря).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Математика.	Новые языки.	Греческій языкъ.	Латинскій языкъ.
2-я группа.	Новые языки.	Математика.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.
3-я группа.	Греческій языкъ.	Латинскій языкъ.	Математика.	Новые языки.
4-я группа.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.	Новые языки.	Математика.

4-я репетиція

(январь и февраль).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Словесность.	Греческій языкъ.	Исторія.	Свящ. Писаніе.
2-я группа.	Греческій языкъ.	Словесность.	Свящ. Писаніе.	Исторія.
3-я группа.	Свящ. Писаніе.	Исторія.	Словесность.	Греческій языкъ.
4-я группа.	Исторія.	Свящ. Писаніе.	Греческій языкъ.	Словесность.

5-я РЕПЕТИЦІЯ.

(мартъ и апрѣль).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Словесность.	Лат. языкъ и исторія.	Греческій языкъ.	Математика.
2-я группа.	Лат. языкъ и исторія.	Словесность.	Математика.	Греческій языкъ.
3-я группа.	Греческій языкъ.	Математика.	Словесность.	Лат. яз. и исторія.
4-я группа.	Математика.	Греческій языкъ.	Лат. языкъ и исторія.	Словесность.

6-я РЕПЕТИЦІЯ

(май).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля
1-я группа.	Словесность и латинск. языкъ.	Свящ. Писаніе и греч. языкъ.	Исторія.	Математика и новые языки.
2-я группа.	Свящ. Писаніе и греч. языкъ.	Словесность и латинск. языкъ.	Математика и новые языки.	Исторія.
3-я группа.	Исторія.	Математика и новые языки.	Словесность и латинск. языкъ.	Свящ. Писаніи и гр. языкъ.
4 я группа.	Математика и новые языки.	Исторія.	Свящ. Писаніе и греч. языкъ.	Словесность и латинск. языкъ.

№ 2-й. Росписаніе репетицій для 4-го класса.

Предметы изученія.	Число репетицій въ году.
Психологія и обзоръ философ. ученій	5 репетицій
Физика.	4 „ „
Свящ. Писаніе .	4 „ „
Латинскій языкъ .	4 „ „
Греческій языкъ .	4 „ „
Новые языки	2 „ „
Всего въ году. .	. 23 репетиціи.

1-я РЕПЕТИЦІЯ

(октябрь).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Психологія.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.	Физика.
2-я группа.	Латинскій языкъ.	Психологія.	Физика.	Греческій языкъ.
3-я группа.	Греческій языкъ.	Физика.	Психологія.	Латинскій языкъ.
4-я группа.	Физика.	Греческій языкъ	Латинскій языкъ.	Психологія.

2-я репетиція

(ноябрь).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Свящ. Писаніе.	„	Физика.	Психологія.
2-я группа.	„	Свящ. Писаніе.	Психологія.	Физика.
3-я группа.	Физика.	Психологія.	Свящ. Писаніе.	
4-я группа.	Психологія.	Физика.	„	Свящ. Писаніе.

3-я репетиція

(декабрь три недѣли).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.
1-я группа.	Лат. языкъ.	Греч. языкъ.	Нов. языки.
2-я группа.	Греч. языкъ.	Лат. языкъ.	Нов. языки.
3-я группа.	Нов. языки.	Греч. языкъ.	Лат. языкъ.
4-я группа.	Лат. языкъ.	Нов. языки.	Греч. языкъ.

4-я репетиція

(отъ 10-го января до 6 го февраля).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Психологія.	Греческій языкъ.		Свящ. Писаніе.
2-я группа.	Греческій языкъ.	Психологія.	Свящ. Писаніе.	Греческій языкъ.
3-я группа.	„ „	Свящ. Писаніе.	Психологія.	„ „
4-я группа.	Свящ. Писаніе.	„	Греческій языкъ.	Психологія.

5-я репетиція

(отъ 7-го февраля до 17-го марта).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Физика.	Свящ. Писаніе.	Латинскій языкъ.	
2-я группа.	Свящ. Писаніе.	Физика.	„ „	Латинскій языкъ.
3-я группа.	Латинскій языкъ.		Физика.	Свящ. Писаніе.
4-я группа.	„ „	Латинскій языкъ.	Свящ. Писаніе.	Физика.

6-я РЕПЕТИЦІЯ

(отъ 18-го марта до 30-го апрѣля).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Латинскій языкъ.	Новые языки.	Психологія.	Греческій языкъ.
2-я группа.	Новые языки.	Латинскій языкъ.	Греческій языкъ.	Психологія.
3-я группа.	Психологія.	Греческій языкъ.	Латинскій языкъ.	Новые языки.
4-я группа.	Греческій языкъ.	Психологія.	Новые языки.	Латинскій языкъ.

7-я РЕПЕТИЦІЯ

(маій).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Психологія.	Свящ. Писаніе.	„	Физика.
2-я группа.	Свящ. Писаніе.	Психологія.	Физика.	
3-я группа.	„	Физика.	Психологія.	Свящ. Писаніе.
4-я группа.	Физика.		Свящ. Писаніе.	Психологія.

№ 3-й. Росписаніе репетицій для 6-го класса.

Предметы изученія.	Число репетицій въ году.
Догматическое богословіе . .	4 репетиціи
Нравственное богословіе	2 „ „
Пастырское руководство.	3 „ „
Гомилетика . . .	3 „ „
Свящ. Писаніе	3 „ „
Церковная исторія. . . .	3 „ „
Педагогика. . . , ...	2 „ „
Всего въ году.	. . . 20 репетицій.

1-я РЕПЕТИЦІЯ

(отъ 15-го октября до 15-го ноября).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Догматическое богословіе.	Церковная исторія.	Гомилетика.	Свящ. Писаніе.
2-я группа.	Церковная исторія.	Догматическое богословіе.	Свящ. Писаніе	Гомилетика.
3-я группа.	Гомилетика.	Свящ. Писаніе.	Догматическое богословіе.	Церковная исторія.
4-я группа.	Свящ. Писаніе.	Гомилетика.	Церковная исторія.	Догматическое богословіе.

2-я репетиція
(отъ 15-го ноября до 15-го декабря).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Пастырское руководство.	Нравств. богословіе.	Педагогика.	Догматическое богословіе.
2-я группа.	Нравственное богословіе.	Пастырское руководство.	Догматическое богословіе.	Педагогика.
3-я группа.	Педагогика.	Догматич. богословіе.	Пастырское руководство.	Нравств. богословіе.
4-я группа.	Догматическое богословіе.	Педагогика.	Нравственное богословіе.	Пастырское руководство.

3-я репетиція
(январь — февраль).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Свящ. Писаніе.	Церк. исторія.	Гомилетика.	„
2-я группа.	Церк. исторія.	Свящ. Писаніе.		Гомилетика.
3-я группа.	„	Гомилетика.	Свящ. Писаніе.	Церковная исторія.
4-я группа.	Гомилетика.		Церковная исторія.	Свящ. Писаніе.

4-я репетиція
(мартъ — апрѣль).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Пастырское руков.	Педагогика.	„	Догматич. богосл.
2-я группа.	Педагогика.	Пастыр. руковод.	Догматич. богословіе.	„ „
3-я группа.		Догматич. богословіе.	Пастырское руковод.	Педагогика.
4-я группа.	Догматич. богословіе.	„ „	Педагогика.	Пастырское руковод.

5-я репетиція
(май).

	1-я недѣля.	2-я недѣля.	3-я недѣля.	4-я недѣля.
1-я группа.	Догмат. богосл. и Гомилетика.	Церковная исторія.	Свящ. Писаніе.	Нравств. Богословіе и паст. руководство
2-я группа.	Церковная исторія.	Догмат. богослов. и Гомилетика.	Нрав. богослов. и пастыр. руководство.	Свящ. Писаніе.

3-я группа.	Свящ. Писаніе.	Нрав. богосл. и паст. руковод.	Догматич. богосл. и Гомилетика.	Церковная исторія.
4-я группа.	Нрав. богослов. и пастырск. руковод.	Свящ. Писаніе.	Церковная Исторія.	Догматич. богосл. и Гомилетика.

Въ объясненіе представленныхъ здѣсь росписаній считаемъ не лишнимъ присоединить слѣдующія замѣчанія:

1) Въ каждомъ классѣ при началѣ курса оставляется нѣсколько недѣль безъ репетицій. Это потому, что въ началѣ курса ученикамъ еще нечего репетировать. Въ это время наставникамъ представляется всего удобнѣе и полезнѣе почаще спрашивать учениковъ на отдѣльныхъ урокахъ, чтобы лучше ознакомиться съ учениками и пріучить ихъ внимательнѣе относиться къ дѣлу. Впрочемъ иные наставники могутъ начинать репетиціи съ самаго начала курса, назначая ученикамъ повторить не вновь что-либо проходимое, а прежде въ предшествующихъ классахъ пройденное по извѣстному предмету, что иногда бываетъ весьма полезно для дальнѣйшаго изученія предмета. Такъ напр. въ первомъ классѣ семинаріи наставники, не приступая къ репетированію собственно ими преподаваемыхъ предметовъ, могутъ съ большою пользою напередъ въ самомъ началѣ курса назначить ученикамъ повтореніе тѣхъ предметовъ училищнаго курса, которыхъ основательное знаніе необходимо для дальнѣйшаго изученія семинарскаго курса, напр. наставникъ словесности найдетъ весьма полезнымъ назначить ученикамъ повторить русскую грамматику, наставники латинскаго и греческаго языковъ латинскую и греческую грамматику, наставникъ математики — ариѳметику. Сообразно съ этимъ въ представленномъ росписаніи для перваго класса начинаются репетиціи почти съ половины сентября мѣсяца: подобное же можетъ представится по инымъ предметамъ и въ другихъ классахъ.

2) Въ низшихъ классахъ, гдѣ ученики еще мало развиты и мало пріучены къ большимъ повтореніямъ, репетиціи полезнѣе дѣлать чаще, и каждый предметъ дѣлить на большее число отдѣловъ съ тѣмъ, чтобы самые отдѣлы были дробнѣе. Въ высшихъ классахъ, гдѣ ученики болѣе зрѣлые и болѣе привыкшіе самостоятельно пользоваться временемъ, репетиціи могутъ быть рѣже, отдѣловъ въ каждомъ предметѣ меньше,

но за то самые отдѣлы должны быть собственнѣе. Соотвѣтственно съ этимъ въ представленномъ росписаніи, при одинаковомъ числѣ предметовъ, для перваго класса назначено 28 репетицій, для четвертаго 23 репетиціи, а для шестаго только 20 репетицій.

3) По какимъ предметамъ въ каждомъ классѣ должно быть назначаемо репетицій больше и по какимъ меньше, это конечно должно зависѣть отъ содержанія и объема предмета. Съ внѣшней же стороны здѣсь должно быть принимаемо во вниманіе число недѣльныхъ уроковъ, назначаемыхъ на тотъ или другой предметъ. По какому предмету число уроковъ больше, тамъ должно быть больше отдѣловъ и больше репетицій; по какому предмету меньше уроковъ, меньше должно быть отдѣловъ и репетицій.

4) Въ нѣкоторыя недѣли нѣкоторымъ группамъ назначается въ росписаніи по двѣ репетиціи. Кто внимательно просмотритъ росписаніе, тотъ вѣроятно примѣтитъ, что это дѣлается въ немногихъ случаяхъ, безъ большаго обремененія для учениковъ и по особеннымъ соображеніямъ. Такъ напр. въ 1-мъ классѣ на послѣднюю репетицію почти на каждую недѣлю записано каждой группѣ по два предмета. Тоже можетъ быть признано было бы полезнымъ сдѣлать и по другимъ классамъ потому, что въ послѣдній учебный мѣсяцъ, чтобы время ни по одному предмету не пропадало даромъ, и чтобы по каждому предмету все пройденное было прорепетировано, вѣроятно каждый наставникъ пожелаетъ имѣть репетицію. И учениковъ конечно не обременитъ то, что въ продолженіе всего учебнаго года они имѣли на недѣлѣ по одной репетиціи, а въ послѣдній мѣсяцъ передъ экзаменомъ будутъ имѣть по двѣ.

5) Время начала и окончанія каждой репетиціи для различныхъ классовъ въ представляемомъ росписаніи назначается различно. Первая репетиція въ одномъ классѣ назначается съ 20 сентября, въ другомъ съ 1 октября, въ третьемъ съ 15 октября. Въ репетиціяхъ втораго полугодія въ одномъ классѣ назначаются опредѣленные сроки отъ 16 января до 6 февраля, отъ 7 февраля до 17 марта, отъ 18 марта до 30 апрѣля (за исключеніемъ не учебнаго времени), въ другихъ же классахъ назначается неопредѣленно на одну репетицію январь и февраль, на другую мартъ и апрѣль и т. д. Это мы сдѣлали, чтобы яснѣе показать, какъ разнообразно и свободно можетъ быть располагаемъ въ продолженіе учебнаго года порядокъ

репетицій. Еслибы даже въ каждомъ классѣ число репетицій противъ предположеннаго нами было увеличено на 4, на 6, на 8 и тогда ихъ удобно было бы, не обременяя учениковъ и не смѣшивая предметовъ, росписать въ продолженіе учебнаго времени.

6) Вообще же, конечно, наше росписаніе представляется только для примѣра. Войдя въ смыслъ дѣла, наставники каждаго класса и начальство заведенія могутъ, конечно, примѣнительно къ непосредственно представляющимся имъ учебнымъ условіямъ, составлять росписаніе на каждый годъ самое точное, и постепенно, руководствуясь указаніями опыта, усовершать систему распредѣленія общихъ репетицій.

7) Необходимымъ представляется здѣсь сдѣлать еще слѣдующее разъясненіе: по инымъ предметамъ, по которымъ на каждую недѣлю назначается въ извѣстномъ классѣ по три по четыре урока, для наставника не будетъ затруднительно прорепетировать въ недѣлю группу учениковъ, состоящую изъ 12—15 человѣкъ. Но по такимъ предметамъ, которые имѣютъ всего въ извѣстномъ классѣ по одному, по два урока, этого конечно нельзя выполнять съ надлежащею внимательностью. Въ такомъ случаѣ, или по какой-нибудь другой причинѣ (напр. по болѣзни наставника) можно конечно для нѣсколькихъ учениковъ назначенной группы переносить репетицію и на другую и на третью недѣлю. То обстоятельство, что на слѣдующихъ недѣляхъ будутъ для этой группы назначены по росписанію новыя репетиціи, не можетъ служить здѣсь важнымъ затрудненіемъ. Если ученику въ иную недѣлю придется сдать и двѣ и даже три репетиціи, все-таки ему придется собственно къ этой недѣлѣ готовить *вновь* только одну репетицію, назначенную по росписанію, а другія перенесенныя съ предшествовавшихъ недѣль ему нужно только легко повторять. И это будетъ для учениковъ не обременительно и не безполезно. Такимъ образомъ назначеніе репетиціи по извѣстному предмету на извѣстную недѣлю каждый ученикъ долженъ понимать такъ, что ему нужно къ этой недѣлѣ приготовить назначенную репетицію,—но будетъ ли его наставникъ репетировать на этой самой или на слѣдующей недѣлѣ—это зависитъ отъ соображеній наставника. Послѣ всего сказаннаго не можетъ, кажется, представляться серьезныхъ недоумѣній относительно предлагаемой системы, и серьезныхъ препятствій къ введенію ея въ семинаріи.

МИѲОЛОГИЧЕСКІЕ СЮЖЕТЫ

НА ХРИСТІАНСКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

Разсматривая памятники христіанскаго искусства, дошедшіе до насъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства, мы нерѣдко рядомъ съ изображеніями на нихъ лицъ и событій, взятыхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, находимъ также изображенія разныхъ сюжетовъ, взятыхъ изъ языческой миѳологіи. Такъ вмѣстѣ съ изображеніями пророковъ и апостоловъ, Добраго Пастыря, или же взятія пророка Иліи на небо и проч., часто на памятникахъ христіанскаго искусства встрѣчаются и такія изображенія, каковы изображенія миѳическаго Орфея, Феникса, Улисса предъ островомъ сиренъ, эмблемъ четырехъ временъ года, или даже изображенія разныхъ языческихъ божествъ, каковы, наприм., изображенія геніевъ и викторій, нимфъ и наядъ и даже кентавровъ, каріатидъ, гиппокамповъ, телемоновъ [1]) и проч. Но изъ этого двойственнаго характера изображеній, встрѣчающихся на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ, нельзя заключать о какомъ нибудь двоевѣрномъ направленіи вѣрующихъ первохристіанской церкви; было бы грубымъ заблужденіемъ, на основаніи этого явленія, утверждать, что первые вѣрующіе, принявъ высочайшія истины Богооткровенной религіи, вмѣстѣ съ тѣмъ старались удержать и старыя вѣрованія язычества. Въ такомъ случаѣ духъ христіанъ, при стремленіи ихъ совмѣстить въ себѣ новыя понятія со старыми, отжившими, не былъ бы на столько крѣпокъ и непоколебимъ, чтобы могъ выдержать напоръ такихъ ужасныхъ гоненій, какія христіане терпѣли со стороны языческой власти и общества. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только припомнить, какую грандіозную картину неимовѣрнаго терпѣнія и безропотной покорности волѣ Божіей, или же восторженнаго

[1]) Dictionnaire des antiquités chrétiennes... par l'abbé Martigny. 1865, pag. 217–218, 534, 487, 643.

шествія на пытки, представляютъ время первыхъ вѣковъ христіанства, чтобы убѣдиться, что на это не способенъ былъ духъ, не оживленный единою мыслію, или сердце, не горящее единымъ всепоглощающимъ желаніемъ, исключающимъ всѣ другія желанія и симпатіи. Нѣтъ сомнѣнія, что первенствующіе христіане, допуская языческія изображенія на разнообразныхъ памятникахъ своего искусства, не могли соединять съ ними языческихъ представленій. Очевидно, эти изображенія имѣли другой смыслъ для христіанъ, чѣмъ какой они имѣли для язычниковъ, вызывали въ душѣ ихъ другія понятія и чувства, другіе образы и представленія, отличающіеся чисто христіанскимъ характеромъ. Интересно разобрать и объяснить то христіанское значеніе, съ какимъ миѳологическіе сюжеты являлись на древнехристіанскихъ археологическихъ памятникахъ. Мы намѣрены представить опытъ такого объясненія, если не всѣхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ изображеній, взятыхъ изъ языческой миѳологіи и встрѣчающихся на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ, каковы изображенія *Орфея, играющаго на лирѣ, Улисса предъ островомъ сиренъ, Феникса, изображенія языческихъ божествъ и эмблемъ четырехъ временъ года*, и наконецъ *зодіакальнаго круга*.

1. Орфей играющій на лирѣ.

Образъ Орфея встрѣчается на самыхъ древнихъ памятникахъ христіанскаго искусства и въ такой постановкѣ, въ какой представляла его классическая миѳологія и искусство. По миѳологіи игра Орфея на лирѣ до такой степени могущественно очаровывала всѣхъ и все, что при звукахъ Орфеевой лиры не только укрощались дикіе звѣри, плѣнялись люди и умилостивлялись боги, но даже укрощалась буря и ярость моря, останавливалось самое теченіе рѣкъ, сообщалась чувствительность даже скаламъ и слухъ лѣсамъ и дубравамъ, которыя будто сходили съ своихъ мѣстъ и слѣдовали за играющимъ Орфеемъ. Эти миѳологическія данныя воспроизводились и на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ,—и чтобы видѣть, какъ точно было это воспроизведеніе, укажемъ на два фреска, открытые на кладбищѣ Каллиста, которые по своему стилю и изяществу исполненія настолько хороши, что знатоки относятъ ихъ даже ко временамъ Нерона. Въ первомъ изъ нихъ Орфей представленъ въ срединѣ осміугольника, раздѣленнаго на восемь ровныхъ перегородокъ, въ которыхъ попеременно изображены различныя событія изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, вмѣстѣ съ животными, относящимися къ главному сюжету. Орфей сидитъ на скалѣ между двумя деревьями и играетъ на лирѣ, кругомъ его множество животныхъ разнаго рода, какъ дикихъ, такъ и домашнихъ,

каковы левъ, медвѣдь, барсъ, лошадь, баранъ, черепаха, павлинъ, змѣя и проч. Всѣ они обратили къ Орфею свои головы и кажется, совершенно заслушались его игры на лирѣ; самыя деревья, между которыми онъ сидитъ, представлены наклонившимися къ нему, какъ бы вслѣдствіе того поэтическаго очарованія, какое на всѣхъ производитъ Орфеева лира. Одежда его состоитъ изъ туники два раза опоясанной на животѣ и по чресламъ, а сверхъ туники надѣта сага [2]), на ногахъ родъ тѣхъ кальсоновъ, *anaxytis*, которые, по восточному обыкновенію, спускались до подошвъ и служили для нихъ обувью. На каждой ногѣ эта одежда украшена узкою полосою изъ цвѣтной матеріи, подобной тѣмъ пурпуровымъ полосамъ, которыя столь часто встрѣчаются на туникахъ и мантіяхъ лицъ, изображенныхъ въ катакомбахъ. На головѣ—родъ персидской тіары.

Почти такъ же Орфей изображенъ и на другомъ фрескѣ,—не большая разница замѣчается только въ аксессуарахъ, наприм. туника на Орфеѣ представлена еще болѣе тѣсною и съ узкими рукавами, потомъ на ней накинута длинная мантія, которая, ниспадая съ плечь, совершенно покрываетъ Орфея отъ пояса до подошвъ; такую мантію въ древности обыкновенно носили музыканты, какъ это видно изъ свидѣтельства Горація, Тибулла и Овидія [3]). Недавно на кладбищѣ Каллиста открытъ еще третій фрескъ, изображающій тотъ же образъ Орфея, играющаго на лирѣ, а съ теченіемъ времени, вѣроятно, откроются еще многіе и другіе, если судить по той важности, которую этотъ сюжетъ имѣлъ въ глазахъ первенствующихъ христіанъ. Кромѣ того, изображеніе Орфея встрѣчается на многихъ христіанскихъ лампахъ, въ рѣзьбѣ на камняхъ, на оборотной сторонѣ нѣкоторыхъ медалей Антонина Благочестиваго и Марка Аврелія, чеканенныхъ въ Александріи [4]) и проч.

На первый разъ, какъ мы уже замѣтили, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ миѳологическій образъ встрѣчается на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ на ряду съ изображеніями библейскихъ пророковъ и святыхъ Новаго Завѣта. Но побужденія, которыми руководились въ данномъ случаѣ христіанскіе художники и пастыри первохристіанской церкви, не могли имѣть ничего общаго съ миѳологическими идеями языческой древности и отличались чисто христіанскимъ характеромъ. Всѣ они сводятся къ тремъ слѣдующимъ главнымъ мотивамъ:

---

[2]) Верхнее военное платье древнихъ, родъ хитона.

[3]) *Horat.* de art. poet. vers. 215. *Tib.* Lib. III. Eleg. 4, v. 35. *Ovid.* Fast. Lib. VI, v. 687.

[4]) Dictionnaire par Martigny, pag. 489.

Прежде всего, здѣсь имѣло мѣсто сходство идей, разсѣянныхъ въ поэзіи, приписываемой Орфею, съ ученіемъ Библіи и Евангелія. Хотя утверждаютъ, что сочиненія Орфея въ ихъ настоящей формѣ не восходятъ къ той эпохѣ, къ которой исторія, или преданіе относитъ существованіе ихъ мнимаго автора, что они будто, благодаря усердію и подлогу людей набожныхъ, получили многія вставки во времена относительно новѣйшія: но для нашей задачи это предметъ совершенно посторонній; для насъ важенъ только тотъ историческій фактъ, который свидѣтельствуетъ, за что, именно, дали мѣсто сюжету, заимствованному изъ классической миѳологіи, первенствующіе христіане и самые пастыри церкви. Впрочемъ нѣкоторые ученые, наприм. аббатъ Греппо и другіе полагали, что поэмы, приписываемыя Орфею, были сочинены во всякомъ случаѣ согласно съ древними источниками, которые, быть можетъ, сохранились при помощи одного преданія. Даже положимъ, что вставки въ поэмахъ Орфея, относящіяся къ тайнамъ христіанской вѣры, могли быть сдѣланы въ первые вѣка христіанства, все же нисколько не представляется необходимымъ прибѣгать къ предположенію подлога, или обмана для того, чтобы объяснить тѣ возвышеннѣйшія религіозныя чувства, которыми дышатъ нѣкоторыя изъ гимновъ Орфея, а особенно это столь ясное выраженіе истины единства Божія, представляющейся въ этихъ гимнахъ въ формахъ самыхъ разнообразныхъ и поэтическихъ. Едва ли можно подозрѣвать въ дѣтскомъ легковѣріи такихъ просвѣщенныхъ и искреннѣйшихъ людей, каковы были св. Іустинъ и Климентъ Александрійскій, которые утверждали, что Орфей дѣйствительно исповѣдывалъ и другихъ научалъ нѣкоторымъ истинамъ христіанской вѣры. Извѣстно, что первая дѣятельность Іустина была отмѣчена рѣшительнымъ характеромъ политеизма; онъ даже не довольствовался почитаніемъ боговъ, всѣми признанныхъ, но прибавилъ къ богатому и безъ того каталогу греческаго пантеона еще триста шестьдесятъ новыхъ, а потомъ, когда во II вѣкѣ, не получивши удовлетворенія своей духовной жажды отъ языческой философіи и религіи, перешелъ къ вѣрѣ Христовой и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ сильнѣйшихъ ея апологетовъ, онъ засвидѣтельствовалъ, что эта внезапная перемѣна въ его прежнихъ мнѣніяхъ, особенно относительно идеи о природѣ и единствѣ Божіемъ, произошла вслѣдствіе того знакомства съ книгами Моисея, которое онъ пріобрѣлъ во время путешествія своего въ Египетъ [5]). Здѣсь весьма важно и существенно особенно то обстоятельство, что этотъ историческій урокъ христіанскимъ апологетомъ былъ указанъ грекамъ, одному

[5]) Justin. M. ad Graec. cohort. XIV.

изъ наиболѣе просвѣщеннѣйшихъ народовъ языческой древности, которые, зная поэзію Орфея лучше, чѣмъ какой-либо другой народъ, отнюдь не упустили бы случая отнести къ вставкамъ, еслибы только онѣ существовали, тѣ мѣста въ поэмахъ Орфея, изъ которыхъ св. Іустинъ бралъ себѣ оружіе для подрыва ихъ старинныхъ заблужденій. Греки этого не сдѣлали, и молчаніе ихъ въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе знаменательно.

Между другими отрывками Орфеевой поэзіи, которые приведены христіанскимъ апологетомъ для подтвержденія своихъ разсужденій, находятся слѣдующіе стихи, обращенные Орфеемъ къ сыну его, Музею, съ цѣлію исправить прежде данныя ему наставленія,—вотъ эти любопытные стихи въ переводѣ на латинскій языкъ, на которомъ они находятся въ различныхъ сборникахъ [6]):

Solis canto piis, procul, oh! procul este profani!
Tu, Musaee, audi, lunae sate stirpe silentis,
Pernitiosa prius, vitae adversa futurae,
Ex me cognosti: sed nunc te vera docebo.
Inspectans Verbum divinum, huic totus inhaere.
Pectoris hoc mentem sacri, gressusque guberna.
Incedens recta. Regemque hunc orbis adora.
Unicus est, per se existens, qui cuncta creavit.

т. е. «Я пою для однихъ благочестивыхъ, прочь нечестивые! Ты, Музей, сойди съ кроткой луны и послушай! Прежде до тебя дошли отъ меня пагубныя ученія относительно истины будущей жизни; нынѣ я дамъ тебѣ ученіе болѣе справедливое; созерцая божественное Слово, прилѣпись къ нему вполнѣ; образуй по этому началу твой духъ и поступки; ходя въ правотѣ, почитай Царя вселенной; Онъ есть единый, существующій самъ собою, Онъ, Который сотворилъ всѣ вещи.»

Кромѣ втораго стиха, въ которомъ указывается на сидерическое происхожденіе Музея, всѣ другіе, какъ мы видимъ, особенно послѣдній, отличаются удивительною точностію, даже можно сказать — безупречностію христіанскаго богослова.

Не менѣе убѣдительно свидѣтельство знаменитаго александрійскаго пресвитера Климента, который объ измѣненіи въ идеяхъ Орфея о божествѣ [7]) говоритъ слѣдующее: «Ѳракіянинъ Орфей, истолкователь священныхъ вещей и поэтъ въ одно и тоже время, послѣ того, какъ научалъ людей идолопоклонству, свято отрекся отъ своего прежняго ученія», и затѣмъ передастъ стихи, приписываемые Орфею, и выражающіе мысли аналогическія съ мыслями гимна приведеннаго св. Іустиномъ. Кромѣ того, Блаженный Ѳеодоритъ [8]) сохранилъ еще другой отрывокъ изъ со-

[6]) Aringhi Roma Subterranea, t. II, p. 561.
[7]) Clement. Alexandr. Hort. ad gent.
[8]) Lib. III. De princ. X, 1.

чиненій Орфея, содержащій ученіе о высотѣ и величіи божества, по истинѣ изумительное по сходству его съ ученіемъ Новаго Завѣта о томъ же предметѣ. Чтобы яснѣе провести параллель между тѣмъ и другимъ ученіемъ, припомнимъ для этого одно мѣсто изъ перваго посланія апостола Павла къ Тимоѳею, гдѣ сходство апостольскаго представленія о Богѣ съ представленіями Орфея выступаетъ довольно замѣтно. Такъ апостолъ говоритъ: *Блаженный и единъ сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ имѣяй безсмертіе и во свѣтѣ живый неприступномъ, Его же никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ; Ему же честь и держава вѣчная; аминь* (1 Тим. VI, 15—16). А вотъ что говоритъ о Богѣ вышеупомянутый пѣвецъ Ѳракіи: «Богъ совершенъ, Онъ для одного Себя сотворилъ всѣ вещи; Онъ видитъ все, но никто изъ людей не можетъ его видѣть, Онъ никѣмъ не видимъ; потому что мы окружены внѣшнимъ туманомъ, этому препятствуетъ наша смертная природа, слабость нашихъ органовъ и узы нашей плоти. Пребывая на вершинѣ Олимпа, Онъ сидитъ на золотомъ престолѣ, своими ногами онъ попираетъ землю и простираетъ свою руку до послѣднихъ предѣловъ океана... Хотя Онъ пребываетъ на небѣ, но безъ Него ничего не совершается въ самыхъ глубинахъ земли; Онъ управляетъ началомъ, срединою и концемъ...»

Вторая причина, объясняющая, почему первые христіане воспроизводили на своихъ памятникахъ образъ Орфея, играющаго на лирѣ, заключается въ томъ мнѣніи, весьма распространенномъ въ первые вѣка христіанства, что Орфей, подобно сивилламъ, былъ виновникомъ истинныхъ предсказаній о Богѣ и объ Іисусѣ Христѣ. Блаженный Августинъ свидѣтельствуетъ, что это вѣрованіе было въ ходу въ его время, да и самъ онъ нисколько не оспариваетъ его, когда говоритъ: «Сивиллы, а равно и Орфей почитаются предсказателями, или истолкователями истинныхъ вещей о Сынѣ Божіемъ» [*]). Въ глазахъ язычниковъ свидѣтельства такого рода должны были имѣть чрезвычайную силу, потому что они, подобно свидѣтельству Орфея, совпадали со множествомъ другихъ предсказаній, которыя столь глубоко озабочивали языческій міръ предъ рождествомъ Іисуса Христа возвѣщеніемъ о *чрезвычайномъ событіи*, о *новой эрѣ*, о *новомъ золотомъ вѣкѣ* и проч. Кто рѣшится, наприм. легкомысленно трактовать столь извѣстное преданіе о томъ, что Августъ, послѣ отвѣта, полученнаго имъ отъ Пиѳіи Дельфійской, построилъ на мѣстѣ Капитолія, именно тамъ, гдѣ теперь возвышается церковь *Santa Maria d'Ara coeli*, алтарь съ такимъ посвященіемъ: ARA.

---

[*]) Contra Favst. liber XVII, cap. 15.

PRIMOGENITI. DEI [10]). Кто не знаетъ также предсказаній сивиллы эритрейской, акростихи которой переведенные Цицерономъ на латинскій языкъ за долго до рожденія Спасителя, Константинъ Великій приводилъ съ такимъ уваженіемъ въ своей извѣстной рѣчи *Ad coetum sanctorum* [11])? Кому неизвѣстны и слѣдующіе стихи, заимствованные первыми христіанами и самимъ императоромъ Константиномъ (въ выше упомянутой рѣчи) изъ 4-й эклоги Виргилія, въ которыхъ, какъ они думали, заключалось предсказаніе о пришествіи Мессіи:

Ultima Cumaei venit jam carminis aetas;
Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo.
Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna;
Jam nova progenies coelo demittitur alto.

т. е. «Настали уже послѣдніе годы для кумейскаго оракула,— всецѣло открывается великій рядъ вѣковъ. Уже Дѣва явилась, и царство Сатурна возобновляется; уже послано съ высоты неба первородное существо.»

Замѣтимъ, что этотъ отрывокъ часто ставили въ параллель даже съ нѣкоторыми пророчествами Исаіи, и Лактанцій, который одинъ изъ всѣхъ церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ былъ человѣкомъ самымъ свѣдущимъ въ римской литературѣ, приводитъ оттуда много стиховъ, которымъ онъ приписываетъ пророчественное значеніе и выражается о Виргиліѣ такимъ образомъ: «Маронъ первый изъ насъ недалекъ былъ отъ истины» [12]). Какъ бы то ни было, но извѣстно, что всѣ усилія ученыхъ комментаторовъ уловить настоящій предметъ означенной небольшой поэмы Виргилія (гороскопа), до сихъ поръ остаются безъ удовлетворительнаго результата; между тѣмъ въ ней, кромѣ нѣкоторыхъ миѳологическихъ выраженій, нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы строго примѣнить къ рожденію Спасителя міра. Нѣкоторые предполагаютъ, что Виргилій какимъ нибудь образомъ зналъ священныя книги евреевъ и заимствовалъ изъ нихъ предсказанія о рожденіи Спасителя, — могъ знать, напримѣръ, при помощи перевода семидесяти, который былъ сдѣланъ за долго до него и былъ распространенъ во всѣхъ частяхъ римскаго міра.

Наконецъ, надобно принять во вниманіе то исключительное положеніе первохристіанской церкви среди враждебнаго ей міра языческаго, которое нерѣдко располагало ее облекать поклоненіе истинному Богу аллегорическими покровами. Къ числу та-

[10]) Ioan. Antioch. lib. X, p. 98, въ 23 томѣ Ecrivains de l'hist. bysantine. Svidas ap. Fabric. Biblioth. graec. ad voc. Hesychius, et coet.
[11]) Apud Euseb. orat. Ad coetum Sanctorum. cap. XVIII и XIX.
[12]) Lactant. Divin. inst. VII, 24, 1, 5.

кихъ аллегорическихъ изображеній на памятникахъ древне-христіанскаго искусства принадлежитъ и образъ Орфея, играющаго на лирѣ. Такимъ образомъ, въ глазахъ первыхъ вѣрующихъ Орфей имѣлъ значеніе не по извѣстнымъ миѳологическимъ мотивамъ, но потому, что могъ служить самымъ вразумительнымъ намекомъ, самымъ прозрачнымъ символомъ высочайшихъ истинъ Богооткровенной религіи. И надобно замѣтить, что свѣтила первохристіанской церкви, каковы Ѳеофилъ антіохійскій и Климентъ александрійскій, въ лицѣ, или въ миѳѣ Орфея, укрощающаго дикихъ звѣрей звуками своей лиры, видѣли символическій образъ Бога, сдѣлавшагося плотію, который привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ людей сладостію своего Божественнаго Слова,—къ такому сближенію могло подавать поводъ то обстоятельство, что Самъ Іисусъ Христосъ возвѣстилъ объ этомъ Божественномъ привлеченіи къ себѣ людей, которое имѣло нѣкогда исполниться: *когда Я буду вознесенъ отъ земли*, говоритъ Онъ, *всѣхъ привлеку къ себѣ* (Іоан. XII, 32). Пророческія книги Ветхаго Завѣта, въ особенности книга Исаіи, описываютъ картину чудесъ, которыя должны были осуществиться съ пришествіемъ Мессіи,—но эту картину также напоминалъ миѳъ о тѣхъ чудесныхъ дѣйствіяхъ, какія производила лира пѣвца ѳракійскаго. Подобные пріемы сближеній, открываемые первыми христіанами между нѣкоторыми ветхозавѣтными пророчествами и дѣйствіями Орфеевой лиры, содѣйствовали къ тому, чтобы образъ Орфея сдѣлать въ глазахъ ихъ самымъ популярнымъ и прозрачнымъ образомъ, сквозь покровы котораго они созерцали Божественнаго Искупителя. Все, что ни говорилось въ древности объ Орфеѣ, господствовавшемъ, такъ сказать, надъ цѣлою природою посредствомъ гармоническихъ аккордовъ своей лиры, а равно и всѣ художественныя изображенія его, все это не представляется ли какъ бы отраженіемъ слѣдующихъ пророческихъ словъ Исаіи о Божественномъ отпрыскѣ жезла Іессеева? «Во время его царствованія, говоритъ пророкъ, волкъ будетъ жить съ агнцемъ, леопардъ будетъ лежать подлѣ козленка; телка, левъ, овца будутъ пребывать вмѣстѣ, и достаточно будетъ ребенка управлять ими. Медвѣдь и волъ будутъ кормиться одной пищей; ихъ дѣти будутъ спать одинъ подлѣ другаго; левъ и быкъ будутъ ходить на однихъ пастбищахъ. Грудной младенецъ будетъ играть съ аспидомъ, и недавно отнятый отъ груди положитъ руку въ пасть василиска. Не будутъ дѣлать зла и вреда на святой горѣ Моей, потому что познаніе Бога, безмѣрное, какъ море, затопитъ землю» (Исаіи, XI, ст. 6 и сл.). Лактанцій [13]), объяснивъ приведенное мѣсто изъ

[13]) Lactant. Institut. divin. lib. VII. c. 24.

пророка Исаіи, ставитъ его въ параллель такіе со[illegible]ими отрывками изъ сочиненій сивиллы кумейской и эритрейской, — отрывками, представляющими, дѣйствительно, удивительнѣйшее сходство съ приведеннымъ мѣстомъ изъ пророка Исаіи.

Но, сближая символическій образъ Орфея съ лицемъ Спасителя, самые знаменитые изъ древнихъ отцевъ церкви старались съ этою цѣлію выставить и объяснить то непреодолимое вліяніе, ту тайную и всемогущую силу, которую Божественное Слово имѣло на сердца человѣческія, спящая ихъ, дѣйствуя на нихъ образовательно. Подлинно, говоритъ блаженный Іеронимъ [14]), слава и величіе прикровеннаго Божества, сіявшее на человѣческомъ лицѣ Спасителя,—съ перваго раза было весьма способно привлекать къ Нему тѣхъ, кто смотрѣлъ на Него. Въ самомъ дѣлѣ, если магнитъ и янтарь имѣютъ силу посредствомъ притяженія привлекать къ себѣ кольца, солому и прочіе предметы, то не гораздо ли больше Господь всѣхъ тварей могъ привлекать къ себѣ тѣхъ, кого хотѣлъ?» А въ другомъ мѣстѣ тотъ же учитель церкви [15]), говоря о божественномъ величіи Искупителя и всемогуществѣ Его совершенно Божественнаго взора, выражается почти тѣми же словами, какими Филостратъ, извѣстный лемноскій софистъ описываетъ физіономію Орфея. Взглядъ Орфея, говоритъ Филостратъ, выражаетъ геніальность и вдохновеніе совершенно божественное (ib.). Религіозное чувство его пѣсней всецѣло дышетъ въ пламенномъ выраженіи его лица. А вотъчто говоритъ объ Іисусѣ Христѣ блаженный Іеронимъ: «нѣчто огненное и небесное свѣтилось въ Его глазахъ и величіе Божества сіяло на Его лицѣ.» Подобныя мысли объ Іисусѣ Христѣ развиваетъ и Оригенъ въ своей XX бесѣдѣ на XXIX гл. евангелиста Матѳея. Еще подробнѣе и полнѣе это объясненіе символическаго образа Орфея представлено у Климента александрійскаго, который, сказавъ объ Орфеѣ и о томъ могуществѣ, которое приписывали его пѣснямъ, показываетъ насколько болѣе непреодолимаго и благодѣтельнаго имѣетъ Божественное слово Спасителя. «Но могущество моего пѣвца, говоритъ онъ, не ограничивается для меня столь обыкновенными чудесами; онъ пришелъ, какъ Избавитель, разорвать узы жестокаго рабства, сокрушить тиранію, которою демонъ тяготѣлъ надъ людьми и, привлекая насъ кротко подъ сладостное и благодѣтельное иго религіи и любви къ Богу, Онъ снова призываетъ къ небу, истинному нашему отечеству, наши сердца, прибитыя къ землѣ. Онъ одинъ, — да, одинъ изъ всѣхъ Орфеевъ съумѣлъ укротить животныхъ самыхъ трудныхъ для побѣжденія, т.-е. людей,—птицъ, изображающихъ

[14]) Hieron. In Matth. IX, 19.
[15]) Martigny. p. 487.

людей безсмысленныхъ,—змѣя, представляющаго человѣка коварнаго,—львовъ—людей хищныхъ. Безчувственны камни и скалы, но гораздо безчувственнѣе, чѣмъ скала, человѣкъ окованный невѣжествомъ. Но всѣхъ этихъ звѣрей, столь лютыхъ, эти камни столь твердые, небесныя пѣсни нашего Спасителя преобразовали въ людей, полныхъ кротости. Смотрите, какое могущество звуковъ новаго Орфея, который изъ камней сдѣлалъ людей, и изъ дикихъ звѣрей сдѣлалъ людей тихихъ и кроткихъ»[16])! Почти такъ же смотритъ на символическій образъ Орфея и церковный историкъ Евсевій въ своемъ панегирикѣ Константину Великому [17]), такъ примѣняя къ Спасителю образъ Орфея: «Спаситель человѣкъ, говоритъ онъ, посредствомъ человѣческаго тѣла, которое Онъ благоволилъ соединить съ Своимъ Божествомъ, явился для всѣхъ спасительнымъ и благодѣтельнымъ, подобно Орфею грековъ, который искусствомъ своей игры на лирѣ укрощалъ дикихъ звѣрей и дѣлалъ ихъ ручными. Греки, говорю я, воспѣваютъ эти чудеса и думаютъ, что вдохновенные звуки мнимо-божественнаго поэта дѣйствовали не только на животныхъ, но даже вдыхали чувство въ деревья, которыя, при звукахъ его голоса, оставляли свое мѣсто и слѣдовали за нимъ. Тоже происходитъ въ этомъ случаѣ отъ слова Искупителя,—слова, исполненнаго Божественной мудрости, которое, внѣдряясь въ сердца человѣческія, исцѣляетъ въ нихъ всѣ пороки. И усвоенная Искупителемъ человѣческая природа, подъ Его рукою, отзывается, какъ выспренняя лира, очаровываетъ, плѣняетъ и восхищаетъ отнюдь не животныхъ, лишенныхъ разума, но созданія человѣческія, получившія съ неба разумную душу, исправляетъ и смягчаетъ терпкіе нравы грековъ и варваровъ, обуздываетъ инстинкты самые безпорядочные и дикіе»... Впрочемъ, не трудно было бы привести изъ твореній св. отцевъ и учителей церкви еще множество другихъ свидѣтельствъ, которыя, подобно предшествующимъ, объясняютъ, что первохристіанская церковь считала образъ Орфея символическимъ покровомъ, подъ которымъ она созерцала Спасителя. Такъ мы могли бы сослаться на многихъ извѣстныхъ отцевъ церкви [18]) но для нашей цѣли достаточно и того, что нами приведено выше,—прибавимъ только нѣсколько словъ къ приведенному выше свидѣтельству св. Іустина съ цѣлію показать, сколько возможно, полную идею о величайшемъ разнообразіи и богатствѣ тѣхъ прекрасныхъ и поэтиче-

---

[16]) Clement. Alexandr. Cohort. ad gent.

[17]) De laud. Constantini Magni XV.

[18]) *Григорія Нисскаго* Orat. in Hexamer, *Иринея Ліонскаго*, Advers. haeret. l. c. 8. *Іоанна Златоуста* Homil. XII in cap. II. Genes homil XXII. in cap. VI. homil XIX. in cap. IX. *Кассіодора*, in psalm. XLIX.

скихъ комбинацій, какія для св. отцевъ и церковныхъ писателей первохристіанской церкви представляла чудесная исторія еракійскаго пѣвца и мнимыя чудеса, производимыя его лирой. Христіанскій апологетъ сравниваетъ «людей праведныхъ и добродѣтельныхъ съ музыкальными инструментами, съ лирами, которыхъ струны, сотрясающіяся подъ божественнымъ смычкомъ, сошедшимъ съ неба, заставляютъ небесныя наставленія проникать до внутреннѣйшей глубины сердца»[19]).

Не забудемъ также, что подъ именемъ Орфея иногда въ первохристіанской церкви означали еще Давида, царя—пророка и псалмопѣвца, который всегда и повсемѣстно признавался первыми вѣрующими за одинъ изъ безспорнѣйшихъ образовъ Спасителя. Извѣстный христіанскій поэтъ Григорій Писидъ, константинопольскій діаконъ, жившій въ VII вѣкѣ, въ своей поэмѣ о сотвореніи міра, объясняя слова Давида: *простираяй небо яко кожу* (Псал. CIII, 3) говоритъ:

Tu pellis instar explicavisti polum
Namque tuus Orpheus illa contrectans lyrae,
Deum canentis, nancupat pellem polum.

т.-е. «Ты развернулъ полюсъ подобно кожѣ, ибо твой Орфей, сотрясая струны своей лиры, прославляющей Бога, называетъ полюсъ (неба) кожею (шатромъ).»

Таковы мотивы, которыми объясняется смыслъ изображеній миѳологическаго сюжета Орфея на древнихъ христіанскихъ кладбищахъ и другихъ памятникахъ христіанскаго искусства! Мы видимъ, что какъ ни употребителенъ былъ этотъ образъ Орфея въ первохристіанской церкви и какъ ни велико было то значеніе, которымъ онъ пользовался въ глазахъ первыхъ вѣрующихъ и святыхъ отцевъ, все же это было не болѣе, какъ только наглядный символъ, подобно всѣмъ другимъ символическимъ знакамъ, къ которымъ первые христіане прибѣгали во времена гоненій отъ язычниковъ. Впрочемъ, блаженный Августинъ, въ извѣстной книгѣ своей *о градѣ Божіемъ*[20]), говоритъ, что даже въ языческой древности Орфей, Музей, Линусъ и проч., сами будучи идолопоклонниками, никогда не получали отъ другихъ Божескихъ почестей. Самое высокое почитаніе, какое только Орфей имѣлъ у язычниковъ, это—почитаніе, оказанное ему императоромъ Александромъ Северомъ, который, по разсказу историка Ламприда, поставилъ его образъ въ своей божницѣ вмѣстѣ съ Аполлоніемъ тіанскимъ, Іисусомъ Христомъ, Авраамомъ и Александромъ Великимъ—странное соединеніе, которое лучше всего можетъ характеризовать духъ того переходнаго

[19]) Cohort. XIV. ad Graec. Iustin. M.
[20]) De civit. Dei Lib. XVIII. c. 14.

времени, когда политеизмъ въ виду всѣхъ древнихъ заблужденій, происшедшихъ изъ него, и новыхъ вѣрованій, имъ отвергнутыхъ, сомнѣвающійся въ себѣ самомъ и ищущій вѣры повсюду, кромѣ себя, пытался между самыми противоположными мнѣніями установить родъ страннаго соглашенія, соединяя имена и образы, и тѣмъ какъ бы примиряя разнородныя ученія! Но если статуи, или образы лицъ, указанныхъ Лампридомъ, и были поставлены означеннымъ императоромъ въ большой божницѣ, *lararium majus*, по достоинству высшей, чѣмъ та, которая называлась *lararium secundum*, служившая, вѣроятно (какъ думаетъ Греппо) только залою библіотеки или музея, назначеннаго вмѣщать въ себѣ бюсты великихъ людей, все же это обстоятельство не даетъ намъ основанія считать божественными тѣ почести, какія относились собственно къ Орфею.

Мы должны замѣтить только, что какъ бы ни важно было значеніе Орфея въ глазахъ первохристіанской церкви по причинѣ сходства его ученія съ ученіемъ христіанскимъ и тѣхъ остроумныхъ сближеній, которыя были проводимы между нимъ и лицемъ Спасителя, и какъ бы ни были велики тѣ потребности прикровеннаго ученія объ истинахъ вѣры, которыя обусловливались гоненіями отъ язычниковъ; все же какъ лице миѳологическое на памятникахъ христіанскаго искусства Орфей не могъ бы явиться согласно съ древне-языческими типами его, еслибы первые христіане не имѣли идеи объ особенномъ руководствѣ Провидѣнія Божія по отношенію къ язычникамъ въ дохристіанскія времена. Христіане первыхъ вѣковъ, какъ показываютъ самыя неопровержимыя свидѣтельства, особенно древнѣйшихъ церковныхъ писателей, допускали мысль о спасеніи язычниковъ имѣвшихъ познаніе о Богѣ и соблюдавшихъ законъ естественный: такихъ свидѣтельствъ очень много можно найти въ твореніяхъ отцовъ церкви, особенно греческихъ. Довольно сказать, что многіе изъ нихъ, основываясь на словахъ апостола Петра (1 Петр. III, 19), который говоритъ, «что *Іисусъ Христосъ сходилъ проповѣдывать душамъ, бывшимъ въ темницѣ*», полагали, что извѣстное число язычниковъ приняли проповѣдь Сына Божія въ адѣ, когда Онъ сходилъ туда въ промежутокъ времени между Его смертію и воскресеніемъ. Разсказывалась, напримѣръ, даже такая исторія, будто Платонъ (греческій философъ) явился одному христіанину, считавшему его нечестивымъ, и открылъ ему, что онъ Платонъ былъ первый изъ увѣровавшихъ въ то время въ Сына Божія [21]). Каковъ бы ни былъ этотъ фактъ самъ по себѣ, онъ весьма характерно представляетъ мнѣнія первыхъ вѣковъ о спасеніи язычниковъ, если онъ нисколько не

[21]) Martigny p. 394.

считался противнымъ вѣрѣ. Есть также преданіе, что императоръ Траянъ былъ освобожденъ отъ наказаній ада по молитвамъ св. Григорія Великаго (ib).

II. Улиссъ предъ островомъ сиренъ.

На памятникахъ древне-христіанскаго искусства встрѣчается еще языческій образъ, образъ Улисса предъ островомъ сиренъ, воспроизведенный также согласно съ миѳологическимъ преданіемъ. Конечно, присутствіе такого миѳологическаго сюжета на христіанскихъ памятникахъ было бы непонятно, еслибы мы не имѣли положительныхъ свидѣтельствъ древнѣйшихъ отцевъ церкви, изъ которыхъ видно, что первенствующіе христіане смотрѣли на этотъ языческій образъ совсѣмъ не такъ, какъ язычники, и что, если они допускали изображать его на своихъ памятникахъ, то это было слѣдствіемъ крайней необходимости, которая заставляла ихъ скрывать отъ язычниковъ прямое и непосредственное выраженіе предметовъ вѣры, чтобы не подвергнуть ихъ поруганію, и облекать свои вѣрованія таинственными покровами символическаго языка, частію заимствованнаго даже изъ области языческаго искусства. Вотъ что говорилъ объ этомъ сюжетѣ съ церковной каѳедры Максимъ, епископъ турскій [22]), жившій въ V вѣкѣ: «Мірскія басни разсказываютъ, что тотъ самый Улиссъ, который въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ служилъ игрою прихоти моря, не имѣя силы возвратиться въ свое отечество, былъ нѣкогда прибитъ волнами къ мѣсту, откуда слышно было пѣніе морскихъ сиренъ. . Это пѣніе до того было очаровательно, что тѣ, которые только слышали его, плѣнялись имъ непреодолимо, и противъ воли не могли направить корабля своего къ желаемой пристани, но, заслушавшись очаровательной мелодіи, неслись по водамъ къ собственной погибели. Улиссъ же, желая избѣгнуть этого опаснаго обольщенія, заткнулъ уши своихъ товарищей воскомъ, а себя самого велѣлъ привязать къ мачтѣ своего корабля. Итакъ, если вымыселъ утверждаетъ, что Улиссъ освободился отъ опасности, заставивъ привязать себя къ дереву корабля своего, то не съ большею ли справедливостію мы должны возвѣстить объ истинномъ событіи, а именно о томъ, что въ этотъ день (бесѣда была произнесена въ великій четвертокъ) человѣческій родъ всецѣло освободился отъ опасности смерти древомъ креста Христова? Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ Господь былъ пригвожденъ ко кресту, мы съ закрытыми ушами проходимъ обольстительныя опасности міра; мы не останавливаемся больше предъ пагубными звуками мір-

[22]) Homil. 1. De passione et Cruce Domini.

скихъ пѣсней и не допускаемъ отклонить себя отъ пути жизни лучше затѣмъ, чтобы пасть въ сѣти сладострастія. Древо креста возвращаетъ въ небесное отечество не только того человѣка, который пригвожденъ къ нему, но оно силою своею защищаетъ также и другихъ стоящихъ подлѣ него подъ его сѣнію. А что крестъ приводитъ насъ въ небесное отечество послѣ многихъ мірскихъ опасностей, Господь Самъ объявилъ объ этомъ, когда разбойнику повѣшенному на крестѣ сказалъ: «*нынѣ будешь со Мною въ раю.*» Разбойникъ этотъ послѣ долгаго скитанія и крушеній въ мірѣ не могъ бы войти въ небесное отечество рая, откуда былъ выгнанъ первый человѣкъ, еслибы онъ не былъ пригвожденъ къ древу креста. Ибо что̀ древо (мачта) въ кораблѣ, то крестъ въ церкви, которая одна умѣетъ проходить цѣлою посреди обольстительныхъ и вредныхъ опасностей міра. Такимъ образомъ, въ этомъ суднѣ (въ церкви) всякій, кто будетъ пригвожденъ къ древу креста, или оградитъ свои уши Божественными писаніями, нисколько не будетъ бояться обольстительныхъ нападеній сладострастія. Въ самомъ дѣлѣ, желаніе изнѣженнаго сладострастія, ослабляющее твердость и крѣпость духа, о которомъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ забываютъ,—что это другое, какъ не сладостный образъ сиренъ? Итакъ, Спаситель нашъ былъ пригвожденъ ко кресту, чтобы освободить весь человѣческій родъ отъ крушеній этого міра».

Надобно полагать, что это мистическое толкованіе епископа турскаго было извѣстнымъ въ христіанской церкви съ самыхъ первыхъ вѣковъ ея. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что оно было принято за долго до св. Максима. Извѣстный археологъ Де-Росси открылъ одинъ памятникъ, относящійся къ III вѣку [22]), который какъ нельзя лучше доказываетъ это, представляя намъ вещественное изображеніе того приключенія съ Улиссомъ, которое разсказано и объяснено св. Максимомъ въ мистическомъ смыслѣ,—это обломокъ скульптуры, нѣкогда украшавшей одинъ саркофагъ на кладбищѣ Каллиста,—на этомъ обломкѣ изображенъ корабль, а на немъ Улиссъ съ товарищами, привязанный къ корабельной мачтѣ: вокругъ нихъ три сирены, представленныя въ крылатомъ корпусѣ женщинъ съ ногами птичьими; одна изъ нихъ—держитъ въ рукахъ двѣ флейты, другая—лиру, а третья—доску, или свитокъ. Это изображеніе представлено совершенно согласно съ миѳологическимъ разсказомъ объ Улиссѣ; на христіанское происхожденіе этого памятника указываетъ монограмма собственнаго имени: TYRANJO, въ которой буквы T и Y расположены такъ, что изображаютъ двойной образъ креста. Кромѣ того, что бук-

[22]) Bulletin archeolog. 1863. pag. 85.

ва Т, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляетъ одну изъ первоначальныхъ формъ, принятыхъ въ первохристіанской церкви для изображенія креста Христова [24]), ученый Франсуа Ленорманъ доказываетъ (въ своей диссертаціи о надписяхъ на скалѣ Синайской), что и буква Y заключаетъ въ себѣ также таинственное значеніе.

Такъ образъ Улисса, привязаннаго къ мачтѣ своего корабля, весьма очевидно, былъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ символовъ, которыми первые христіане — въ тѣ времена, когда въ употребленіи было прикровенное ученіе о предметахъ вѣры (disciplina arcani),—пользовались для того, чтобы имѣть предъ собою образъ креста Спасителя и дѣло искупленія, совершенное Распятымъ на немъ.

III. Фениксъ.

Миѳическій образъ Феникса встрѣчается хотя довольно рѣдко, но на весьма древнихъ памятникахъ христіанскаго искусства. Условный типъ, подъ которымъ представляли эту миѳическую птицу, былъ слѣдующій: носъ долгій и остроконечный, грудь выдающаяся, хвостъ не много продолговатый, перья и общій видъ—не похожія ни на одну изъ дѣйствительныхъ птицъ. По крайней мѣрѣ, такой типъ можно составить себѣ по изображеніямъ феникса на трехъ медаляхъ, описанныхъ археологомъ Мюнтеромъ [25]). На первой изъ этихъ медалей, по происхожденію, александрійской, которая представляетъ портретъ Антонина Пія, фениксъ изображенъ съ лучеобразнымъ нимбомъ вокругъ головы и съ надписью по гречески — ΑΙΩΝ, *вѣчность*. Другая, которая есть не что иное, какъ бронзовая монета Констанса, представляетъ феникса на кострѣ, держащаго въ носу своемъ вѣнецъ. Третья изображаетъ феникса на глобусѣ, который держитъ въ рукѣ своей императоръ Константинъ. Послѣднія двѣ медали имѣютъ другую надпись, которая читается такъ: FELIX TEMPORVM REPARATIO. Кромѣ того, по описанію, представленному нами выше, мы должны признать миѳическій образъ феникса въ той птицѣ, которая устремила свой взоръ къ Спасителю, восходящему на небо, въ мозаикѣ абсида церкви святыхъ Косьмы и Даміана въ Римѣ, каковой памятникъ имѣетъ весьма большое значеніе, потому что онъ относится къ 350 году по Рождествѣ Христовѣ. Точно такъ же еще мозаика св. Пракседы представляетъ феникса на пальмовомъ деревѣ; наконецъ тотъ же самый образъ представляется въ любопытныхъ фрескахъ одного христіанскаго кладбища, отчасти открытаго близъ церкви св. Назарія въ Миланѣ. Что дѣйствительно на всѣхъ трехъ этихъ памятникахъ въ представленномъ образѣ надобно

[24]) См. „Руковод. для Сельск. Паст.“ 1870 г. № 40.
[25]) Symbola veteris ecclesiae artis opere expressa. Altona. 1825.

видѣть миѳическую птицу. Феникса—это несомнѣнно доказывается надгробною урною нѣкотораго Марція Гермеса, описанною археологомъ Фабретти, на которой Фениксъ изображенъ на кострѣ съ каждой стороны надгробнаго титула, и имѣетъ типъ совершенно одинаковый съ изображеніями его на означенныхъ памятникахъ [26]).

Какими же мотивами руководились первые вѣрующіе въ изображеніи феникса на разныхъ памятникахъ христіанскаго искусства? Какой смыслъ придавали этому миѳическому образу?—Мы должны припомнить здѣсь ту баснословную исторію о Фениксѣ, которая разсказывалась въ отдаленнѣйшія времена классической древности. Тацитъ, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и сильныхъ умовъ языческой древности, вотъ что писалъ въ своей исторіи конца царствованія Тиверія: «Въ консульство Павла Фабія и Вителлія, послѣ длиннаго ряда вѣковъ явилась въ Египтѣ Фениксъ — чудесная птица, послужившая предметомъ весьма многихъ разсужденій для ученыхъ туземныхъ и греческихъ. Я разскажу здѣсь факты, въ которыхъ они всѣ согласны... Фениксъ посвящена Богу солнца. Тѣ, которые описывали эту птицу, единодушно говорятъ, что она не похожа на другихъ птицъ, ни по виду, ни по перьямъ. Относительно продолжительности ея жизни преданія различны. По самому вѣроятному изъ нихъ, она жила пять сотъ лѣтъ,—по другимъ—тысячу четыреста шестьдесять одинъ годъ. Говорятъ, въ первый разъ Фениксъ явилась въ царствованіе Сезостриса, потомъ въ царствованіе Амазиса, наконецъ въ царствованіе Птоломея, третьяго изъ царей македонскихъ; и каждый разъ она направляла свой полетъ въ городъ Геліополь, посреди безчисленнаго кортежа птицъ всякаго рода, которыя были привлечены къ ней новымъ видомъ ея... Утверждаютъ, что Фениксъ, приближаясь къ смерти, строитъ себѣ въ отечественной странѣ гнѣздо, откуда долженъ родиться ея наслѣдникъ, и сообщаетъ своему ложу оплодотворяющую силу. Первая забота молодой птицы, первое употребленіе, какое она дѣлаетъ изъ своей силы, направлены къ тому, чтобы отдать своему родичу обязанности погребенія. Изумительное благоразуміе руководитъ при этомъ Фениксомъ. Прежде, чѣмъ пуститься съ смертными останками въ далекій путь, Фениксъ нагружаетъ себя смирною и испытываетъ свою силу и крѣпость на длинныхъ перелетахъ, и когда видитъ, что крѣпости ея достаточно для того, чтобы отправиться съ ношею въ далекій путь, она возлагаетъ на себя смертные останки своего родича и отправляется сжечь ихъ на алтарѣ, посвященномъ солнцу»... (Annal. VII, 28.) Это представленіе о Фениксѣ глубоко

[26]) Inscriptionum antiquarum explicatio. Romae 1699. p. 378. n. XXXI.

лежало въ сознаніи древнихъ народовъ; поэтому неудивительно, что оно встрѣчается и у нѣкоторыхъ изъ церковныхъ учителей. Св. Климентъ римскій, одинъ изъ древнихъ учителей церкви, говоритъ о фениксѣ слѣдующее: «Посмотримъ, что происходитъ въ странахъ восточныхъ, т. е. въ Аравіи. Есть птица, по имени фениксъ, которая представляется единою въ своемъ родѣ и живетъ пять сотъ лѣтъ; а когда приближается къ смерти, она готовитъ себѣ гробницу изъ ладана, смирны и другихъ ароматовъ, въ которую, при наступленіи момента смерти, она входитъ и умираетъ. Но изъ ея гніющей плоти раждается червь, который, питаясь веществомъ смерти, получаетъ крылья. И — тотчасъ, какъ только онъ окрѣпнетъ, онъ поднимаетъ на себя смертное ложе, въ которомъ покоятся кости его предка, и съ этою ношею направляетъ свой полетъ изъ страны Аравійской въ Египетскій городъ Геліополь. Прибывши на мѣсто, въ виду многочисленныхъ зрителей, молодой фениксъ полагаетъ эти останки на алтарь, посвященный солнцу и возвращается туда, откуда прилетѣлъ. Жрецы тщательно вычисляютъ время и находятъ, что птица прилетѣла спустя пять сотъ лѣтъ»[27]). Приведенныхъ свидѣтельствъ достаточно для того, чтобы понять, въ какомъ смыслѣ употреблялся образъ миѳическаго феникса на древнихъ археологическихъ памятникахъ, какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ. Фениксъ, самъ собою возрождающійся къ жизни изъ своего трупа, служитъ для язычниковъ символомъ вѣчности,—а христіане сдѣлали изъ этого образа самый живой и поразительно наглядный символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ этомъ смыслѣ св. Климентъ развиваетъ мистическое значеніе феникса въ своихъ двухъ посланіяхъ къ Коринѳянамъ [28]). Подобныя мысли о значеніи образа феникса выражаетъ также блаженный Августинъ [29]). Еще Іовъ говоритъ: «*я умру на ложѣ моемъ и умножу дни мои, подобно пальмѣ* (или подобно фениксу) in nidulo meo moriar, et sicut palma multiplicabo dies (Іов. 29, 18.) Тертуліанъ, приводя слова Іова, замѣняетъ пальму словомъ *phoenix*: *sicut phoenix multiplicabo dies*. Не сомнѣнно, что Іовъ исповѣдалъ вѣру въ утѣшительную истину будущаго воскресенія тѣлъ. Но такъ какъ пальма и птица фениксъ на греческомъ языкѣ выражается однимъ словомъ φοῖνιξ: то часто на древнѣйшихъ мозаикахъ, какъ, напримѣръ, въ мозаикѣ св. Пракседы, приведенной нами выше, а равно и на саркофагахъ, въ рѣзьбѣ на камняхъ [30]), пальмовое дерево и фениксъ изобража-

---

[27]) Martygny. p 535.
[28]) Epistol. I. c. 24—26. II. c. 9.
[29]) Hexameron. I. V c. 22.
[30]) Perret. Les catacombes de Rome. Paris. Vol. IV. pl. XVI. 68.

ются вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что въ древности и тому и другому приписывали общія свойства обновленія, или самовозрожденія, силы и счастія [31]). Примѣры такого совмѣстнаго изображенія означенныхъ символовъ мы имѣемъ еще на одномъ изъ фресковъ древней капеллы святой Фелицаты, открытой въ Римѣ въ 1813 году близъ бань Тита. Фрескъ, изображающій мученицу съ ея семью сыновьями, замученными вмѣстѣ съ нею за вѣру, представляетъ два пальмовыхъ дерева, и на каждомъ изъ нихъ сидитъ фениксъ [32]). Но особенно это совмѣстное изображеніе двухъ символовъ феникса и пальмоваго дерева всегда имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда на какомъ либо древнемъ памятникѣ изображается апостолъ Павелъ; таковы изображенія апостола на днѣ одной чаши, описанной Буонарроти,—на двухъ саркофагахъ, описанныхъ Арингги и Маффеемъ, въ мозаикахъ, украшающихъ церковь св. Пракседы и св. Цициліи и проч. [33]). Столь часто повторяющаяся и почти не имѣющая исключенія особенность изображеній апостола Павла въ соединеніи двухъ означенныхъ символовъ можно принять какъ бы за священную формулу древне-христіанскаго искусства, выражавшую собою особенно глубокое уваженіе первыхъ вѣрующихъ къ апостолу языковъ: двойнымъ символомъ воскресенія—пальмы и феникса хотѣли почтить того, кто былъ главнымъ и самымъ усерднымъ проповѣдникомъ столь утѣшительной истины будущаго воскресенія мертвыхъ, какъ это видно изъ апостольскихъ посланій св. Павла, изъ его рѣчи въ ареопагѣ и изъ многихъ мѣстъ *Апостольскихъ Дѣяній*.

Съ образомъ феникса на памятникахъ христіанскаго искусства иногда соединялся еще другой символъ воскресенія, именно: виноградная лоза, какъ наприм. въ миланской катакомбѣ. Что виноградная вѣтвь изображалась на христіанскихъ памятникахъ въ такомъ значеніи, въ этомъ мы увѣряемся изъ многихъ свидѣтельствъ отцевъ церкви и въ особенности изъ свидѣтельствъ св. Кирилла Іерусалимскаго. «Если виноградныя вѣтви, говоритъ св. Кириллъ, и вѣтви другихъ деревьевъ, хотя бы отдѣльныя отъ ствола, начинаютъ расти снова, когда ихъ сажаютъ въ землю, то неужели человѣкъ, для котораго сотворены всѣ эти вещи, одинъ не воскреснетъ?» (Оглаш. XVIII). Отсюда понятно, почему образъ феникса на памятникахъ древне-христіанскаго искусства иногда употреблялся въ значеніи символа, указывающаго на таинство крещенія, возрождающаго человѣка къ новой блаженной жизни, которое въ Евангеліи называется таинствомъ

---

[31]) Plin. Hist. nat. XII. 4.
[32]) Mai. Dict. prelimin. des miniatures du Virgile du Vatican. Rome. 1835.
[33]) Martigny, p. 535.

возрожденія (Іоан. III, 5. 1 Тим. III, 5.) Такимъ образомъ крещеніе, прообразуя будущее воскресеніе, само въ свою очередь означается подъ символомъ мистической птицы феникса, олицетворяющаго идею воскресенія. Чтобы сдѣлать образъ феникса еще болѣе характернымъ символомъ будущаго воскресенія тѣлъ, иногда украшали его голову лучеобразнымъ нимбомъ, который представлялся въ древности вообще знакомъ прославленія и совершенства. Хотя символъ феникса какъ нельзя болѣе у мѣста на погребальныхъ памятникахъ христіанскихъ: но исторія христіанскаго искусства показываетъ, что примѣры изображенія феникса на надгробныхъ камняхъ очень рѣдки. Впрочемъ, извѣстно, что св. Цецилія желала украсить этимъ символомъ гробницу св. Максима, чтобы чрезъ то выразить вѣру, которую св. Максимъ постоянно исповѣдывалъ въ утѣшительную истину будущаго воскресенія.

IV. Языческія божества и эмблемы четырехъ временъ года.

Изображенія нѣкоторыхъ языческихъ божествъ довольно часто встрѣчаются въ живописи на христіанскихъ гробницахъ и саркофагахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанской церкви,—но не въ другомъ какомъ либо значеніи, а только отчасти въ видѣ символическаго намека на извѣстные христіанскіе предметы и представленія, а главнымъ образомъ въ видѣ декоративныхъ аксессуаровъ, самихъ по себѣ совершенно безразличныхъ, которыхъ образчики, поэтому, могли быть безопасно заимствованы первыми христіанскими художниками и изъ области античнаго искуства. Никакого болѣе серьезнаго значенія упомянутыхъ изображеній на памятникахъ древне-христіанскаго искуства указать нельзя; нельзя, напримѣръ, предполагать, чтобы христіанскіе художники, когда воспроизводили изображенія подобныя означеннымъ, имѣли намѣреніе выражать христіанскія истины баснями языческой миѳологіи. Такъ думаютъ и утверждаютъ люди самые компетентные въ дѣлѣ изученія памятниковъ христіанскаго искуства въ продолженіи первыхъ вѣковъ христіанства [34]).

Всѣ указанныя изображенія, заимствованныя изъ языческой миѳологіи, можно раздѣлить на два разряда: на изображенія, имѣвшія чисто *декоративный* характеръ, и на изображенія съ характеромъ *символическимъ*. Къ первымъ относятся изображенія *Кентавровъ*, *Каріатидъ*, *Телемоновъ*, *Гиппокамповъ*, которыхъ декоративное употребленіе на христіанскихъ памятникахъ продолжалось далеко даже въ средніе вѣка, какъ это можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія декорацій гробницы Евгенія IV въ Ва-

[34]) De-Rossi. De christianis monumentis IXΘΥΝ exhibentibus. Paris. 1855. p. 14. not. 3.

типанской базиликѣ. Сюда же надобно прибавить еще изображенія *Нимфъ* и *Нядъ*, играющихъ въ водѣ, и божества рѣкъ, которыя съ обыкновеннымъ своимъ аттрибутомъ, съ урною въ рукахъ, постоянно встрѣчаются въ изображеніяхъ библейскаго сказанія о взятіи пророка Иліи на небо. Всѣ эти античные образы, встрѣчающіеся на христіанскихъ памятникахъ, иногда до такой степени сообщаютъ послѣднимъ характеръ памятниковъ языческихъ, что только опытный глазъ ученыхъ изслѣдователей можетъ различать одни памятники отъ другихъ,—почему ученый Пассери нашелъ нужнымъ составить нѣсколько основательныхъ правилъ для руководства при изученіи подобнаго рода христіанскихъ памятниковъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что императоръ Константинъ терпѣлъ изображенія ложныхъ божествъ на своихъ медаляхъ только до тѣхъ поръ, пока жили въ его имперіи враги его. Но, какъ только съ смертію Лициніи въ 323 году онъ сдѣлался единовластнымъ владыкою римской имперіи, онъ съ величайшимъ усердіемъ началъ уничтожать означенныя изображенія, заимствованныя изъ языческой миѳологіи,—а послѣ основанія Константинополя сдѣлалъ еще болѣе—вмѣсто прежнихъ изображеній онъ заставилъ чеканить на своихъ монетахъ и на монетахъ своихъ сыновей чисто христіанскіе знаки, каковы, напримѣръ, монограмма Христова имени, крестъ и проч.

Къ изображеніямъ втораго рода относятся изображенія *Геніевъ*, *Викторій* и эмблематическихъ фигуръ, олицетворявшихъ *четыре времени года*. Изображенія *геніевъ* встрѣчаются на памятникахъ христіанскаго искусства весьма часто и совершенно согласно съ древнимъ типомъ ихъ, въ видѣ прекраснѣйшихъ дѣтей, иногда въ туникахъ, какъ напримѣръ, на эпитафіи Руфина, иногда въ хламидахъ, какъ на гробницѣ св. Максимина. Обыкновенно, ихъ постановка состоитъ въ томъ, что они стоятъ въ срединѣ саркофага и держатъ въ рукахъ доску, или картель съ эпитафіею. Такъ, на одномъ веронскомъ саркофагѣ два крылатыхъ генія поддерживаютъ картель, въ срединѣ которой изваянъ крестъ [35]). Кромѣ того, иногда они изображались на колоннахъ погребальныхъ урнъ въ положеніи обрывающихъ виноградъ, и особенно на кругообразныхъ стаканахъ—съ пальмовою вѣтвію въ рукѣ. Весьма вѣроятно, что христіане первыхъ трехъ вѣковъ думали переноситься отъ этихъ образовъ къ безплотнымъ силамъ міра ангельскаго.

Что же касается до изображеній *викторій*, то они встрѣчаются на первоначальныхъ христіанскихъ памятникахъ гораздо рѣже, чѣмъ образы *геніевъ*, а если и встрѣчаются,

---

[35]) Maffeus. Verona illustrata. Verona. 1732. part. III, p. 54.

то почти преимущественно на гробницахъ христіанскихъ воиновъ и мучениковъ, гдѣ они обыкновенно имѣютъ въ одной рукѣ пальмовую вѣтвь, а въ другой вѣнецъ. Несмотря на очевидное языческое происхожденіе этихъ изображеній, первые христіане сообщали имъ чисто христіанское значеніе, употребляя ихъ для выраженія прославленія побѣды христіанъ и особенно мучениковъ надъ языческимъ міросозерцаніемъ и обычаями [36]).

Наконецъ, по примѣру древнихъ народовъ вообще и въ особенности римлянъ, первые христіане имѣли обыкновеніе изображать на своихъ памятникахъ, особенно на гробницахъ и на стѣнахъ своихъ усыпальницъ, также эмблемы *четырехъ временъ года*. Такъ, онѣ представлены въ барельефѣ на саркофагѣ Юнія Басса, на надгробной урнѣ, описанной археологомъ Буонарроти. Но съ особеннымъ изяществомъ онѣ изображены въ живописи украшающей сводъ кладбища Понтіена [37]); онѣ размѣщены здѣсь въ четырехъ рамкахъ вокругъ *Добраго Пастыря*, который изображенъ въ срединѣ, и олицетворяютъ главныя времена года въ слѣдующихъ образахъ. *Весна* олицетворена подъ образомъ дитяти посреди правильно распланированнаго сада; одно колѣно дитя склонило къ землѣ, а въ рукахъ держитъ—въ одной—стебель распустившейся лиліи, въ другой—зайца, и какъ будто приноситъ эти два предмета въ жертву Богу [38]). *Лѣто* представлено подъ образомъ жнеца, который снимаетъ серпомъ созрѣвшій хлѣбъ съ корня. *Осень* представлена подъ образомъ собирателя винограда, приставляющаго лѣстницу къ дереву, около котораго вьется виноградная лоза. Это дерево, по всей вѣроятности, есть вязъ, который въ древности обыкновенно служилъ подставкою для виноградныхъ кустовъ [39]). Наконецъ, *зима* представлена подъ образомъ юноши, стоящаго предъ большимъ пламенемъ и держащаго въ правой рукѣ какой-то трудно опредѣлимый предметъ, а въ лѣвой—зажженный факелъ, указывающій на продолжительность ночей въ это время года и на необ-

---

[36]) Martigny, pag. 218.

[37]) Bosio. Roma Subterranea p. 139.

[38]) Кромѣ того, Монфоконъ указываетъ еще на одинъ саркофагъ изъ окрестностей Рима, на которомъ эмблемою весны такъ же представляется заяцъ, или козленокъ Но на другихъ памятникахъ изображеніе зайца служитъ олицетвореніемъ мѣсяца октября, который былъ временемъ охоты за зайцами, хотя у языческихъ поэтовъ этимъ временемъ считается вообще вся зима, почему Кальпурній и называетъ зайцевъ *niveos lepores*. См. Eclog. VII, vers. 58, Virgil Georg. lib. I vers 308.—Horat. lib. I. Sat. II. vers. 105.

[39]) Virgil. Georg. lib. I. vers. 2. Plin. lib. XVI. Cap. 7.

ходимость свѣта, чтобы разогнать темноту [40]). Тотъ же сюжетъ воспроизведенъ еще въ великолѣпномъ фрескѣ на кладбищѣ св. Каллиста. Здѣсь фигуры, олицетворяющія времена года, мало различаются другъ отъ друга и расположены по двѣ съ двухъ сторонъ *Добраго Пастыря*. *Зима* представлена земледѣльцемъ, въ туникѣ и шапкѣ, съ заступомъ на плечѣ, между большимъ пламенемъ и обнаженнымъ деревомъ. *Осень* изображена въ видѣ юноши, держащаго въ одной рукѣ виноградную кисть, а въ другой — рогъ изобилія. — *лѣто* подъ образомъ жнеца, покрытаго одеждою болѣе, чѣмъ лицо, фигурирующее самую зиму, что будетъ понятно, когда мы вспомнимъ тѣ палящіе лучи лѣтняго солнца, которые особенно даютъ себя чувствовать на востокѣ и заставляютъ человѣка болѣе, чѣмъ когда-либо, защищать свое тѣло одеждою. *Весна* олицетворена подъ образомъ юноши, собирающаго розы, и вмѣсто всякой одежды украшеннаго только развѣвающеюся перевязью. Но великолѣпнѣе всего эмблемы четырехъ временъ года изображены въ прекраснѣйшей живописи, украшающей сводъ одного крипта, въ недавнія времена открытаго на кладбищѣ Претекстата [41]). Весь сводъ раздѣленъ горизонтально на четыре параллельныхъ пояса, соотвѣтствующіе четыремъ временамъ года. Самый верхній изъ нихъ, изображающій время зимы, украшенъ лавровыми деревьями; второй за нимъ, изображающій осень, украшенъ виноградными вѣтвями, согнувшимися подъ тяжестію созрѣвшихъ на нихъ плодовъ; третій поясъ, изображающій лѣто, украшенъ колосьями хлѣбныхъ растеній, — четвертый очаровываетъ зрѣніе прекраснѣйшими цвѣтущими розами, которыя служатъ здѣсь представительницами весны. Кромѣ того, на протяженіи трехъ послѣднихъ поясовъ разсѣяны еще изображенія птицъ, летающихъ въ воздухѣ и птенцовъ ихъ, сидящихъ въ гнѣздахъ. Четыре земледѣльческія сцены, соотвѣтствующія четыремъ временамъ года, изображенныя на четырехъ большихъ аркахъ, которыя поддерживаютъ сводъ, придаютъ означенной живописи еще болѣе великолѣпія и законченности. Судя по особенному изяществу этихъ фресковъ, ученые относятъ ихъ ко времени первыхъ Антониновъ.

Изъ представленнаго описанія легко видѣть, что эмблемы четырехъ временъ года, встрѣчающіяся на памятникахъ христіан-

---

[40]) Надобно замѣтить, что у грековъ четыре времени года, называвшіяся на ихъ языкѣ Ὧραι, олицетворялись подъ образами женскими, а у римлянъ подъ образомъ молодыхъ рабовъ (Монфоконъ). Нѣкоторые медальоны, принадлежащіе кабинету герцога тосканскаго вмѣстѣ съ портретомъ Коммода представляютъ четыре времени года — одни подъ образами четырехъ геніевъ, а другіе подъ образами четырехъ женщинъ.

[41]) De-Rossi Bullet. archeolog 1863. p. 3.

скаго искусства, тѣже самыя, какія употреблялись язычниками: это естественно,—такъ какъ всякій художникъ, поэтъ, или живописецъ, для выраженія строя извѣстныхъ идей, безразличныхъ самихъ по себѣ, долженъ допускать образы употребительные и общепонятные и усвоить болѣе, или менѣе уже установившійся языкъ условныхъ знаковъ, иначе онъ будетъ не понятъ. Впрочемъ, чтобы ясно опредѣлить христіанское значеніе изображеній четырехъ временъ года, встрѣчающихся на христіанскихъ памятникахъ, христіанскіе художники всегда дополняли ихъ одною весьма характерною подробностію, которая всецѣло отличаетъ означенныя изображенія, сами по себѣ безразличныя, отъ такихъ же изображеній на языческихъ памятникахъ: это образъ *Добраго Пастыря*, почти неизмѣнно сопровождавшій символическія изображенія временъ года. Нѣтъ сомнѣнія, что соединеніе этихъ двухъ символовъ вмѣстѣ выражаетъ то неизмѣнное попеченіе, которое Небесный Пастырь душъ прилагаетъ къ тому, чтобы пасти и оберегать своихъ словесныхъ овецъ, смотря по разнымъ временамъ года, различнымъ образомъ и въ различныхъ мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Добрый Пастырь не представляетъ ли намъ весьма живой образъ Божественнаго Провидѣнія о человѣкѣ? Кромѣ того, мы знаемъ, что правильная послѣдовательность годовыхъ временъ и тѣ особенныя благодѣянія, которыя они попеременно приносятъ на землю, были однимъ изъ весьма обыкновенныхъ мотивовъ, которыми первые христіане возбуждались къ благодарности и любви къ Божественному Провидѣнію. Такъ, эти мотивы особенно наглядно выражены въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ изъ апологіи Минуція Феликса [42]). «Что сказать объ этой безпрерывной перемѣнѣ годовыхъ временъ,—читаемъ мы въ означенной апологіи,—перемѣнѣ столь необходимой для всѣхъ произведеній земли? Весна съ своими цвѣтами, лѣто съ своими жатвами, осень съ своими плодами, зима съ своими оливками не возвѣщаютъ ли намъ Отца и Виновника всего этого? Такой порядокъ тотчасъ нарушился бы, еслибы онъ не былъ установленъ Верховною мудростію. Съ какою предусмотрительностію все расположено! Пріятная температура весны слѣдуетъ за морозами зимы, прохлада осени за жарами лѣта, такъ что мы постепенно и непримѣтно переходимъ отъ одного времени года къ другому и предохранены отъ опасности, которая произошла бы для нашего тѣла въ случаѣ внезапнаго перехода отъ суроваго холода къ чрезмѣрному жару.»

Наконецъ, изъ свидѣтельства св. отцевъ и учителей церкви мы узнаемъ, что эмблемы четырехъ временъ года, встрѣчающіяся

---

[42]) Martigny. p. 585.

на памятникахъ христіанскаго искусства, въ глазахъ первыхъ вѣрующихъ служили однимъ изъ многочисленныхъ символовъ будущаго воскресенія тѣлъ. Такъ, Тертулліанъ говоритъ: «Вся эта правильная смѣна вещей есть образъ воскресенія мертвыхъ» [43]). Но еще съ большею энергіею онъ представляетъ тоже сближеніе въ другомъ мѣстѣ. «Этотъ міръ, такъ говоритъ онъ здѣсь, со всѣхъ сторонъ предлагаетъ вамъ свидѣтельство и образъ человѣческаго воскресенія. Каждый день свѣтъ погасаетъ и снова загарается; темнота слѣдуетъ за темнотой; звѣзды гаснутъ и опять появляются; времена года начинаются снова, когда они окончились» [44]). Точно такъ же и Оригенъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что время зимы означаетъ смерть, какъ весна есть образъ новой жизни [45]).

V. *Зодіакальный кругъ.*

Хотя число памятниковъ христіанскаго искусства, на которыхъ встрѣчаются изображенія знаковъ зодіака, не велико; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, надобно навѣрное полагать, что эти изображенія въ практикѣ христіанскаго искусства были въ весьма распространенномъ употребленіи. По мнѣнію ученаго аббата Каведони, въ изображеніи зодіакальныхъ знаковъ на христіанскихъ памятникахъ надобно видѣть намекъ на непостоянство человѣческихъ вещей, которое Екклесіастъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: *И восходитъ солнце и заходитъ солнце и въ мѣсто свое влечется: сіе возсіявая тамо, идетъ къ югу, и обходитъ къ сѣверу: обходитъ окрестъ, идетъ духъ (вѣтръ) и на круги своя возвращается* (I, 5). Такъ въ этомъ смыслѣ знаки зодіака изображены на одномъ христіанскомъ браслетѣ, описанномъ ученымъ Каведони. Археологъ Ботарри представляетъ другой христіанскій памятникъ, на которомъ изображенъ человѣкъ, стоящій подлѣ горы и указывающій пальцемъ на сегментъ зодіакальнаго круга, гдѣ замѣтны еще четыре звѣзды,—подлѣ этаго лица представляется еще новый образъ вооруженной женщины. Ученые полагаютъ, что это изображеніе служило эмблемою силы, необходимой для достиженія небеснаго отечества, которое изображено здѣсь четырьмя звѣздами. Крутая и обрывистая гора представляла образъ тяжелаго, тернистаго пути добродѣтели [46]).

Но, чтобы уяснить себѣ общіе мотивы изображенія зодіакальныхъ знаковъ на памятникахъ древне-христіанскаго искусства, необходимо замѣтить, что въ первые вѣка христіанства народ-

---

[43]) De resurrect. carn. cap. XII.
[44]) Apolog cap. XLVIII.
[45]) In Epistol. S. Paul. ad Rom. V, 6.
[46]) Martigny. p. 672.

ныя мнѣнія о добромъ, или зломъ вліяніи звѣздъ на жизнь человѣка весьма глубоко коренились въ душѣ многихъ христіанъ, и сильно озабочивали ихъ суевѣрное чувство, которое, при всемъ обновляющемъ дѣйствіи Богооткровенной религіи, не могло вдругъ отрѣшиться отъ старыхъ преданій и похоронить себя навѣки. Наглядными доказательствомъ этого могутъ служить астрологическія таблицы, которыя были повсемѣстно распространены въ тогдашнемъ мірѣ и заключали въ себѣ счастливыя, или злополучныя предсказанія, связанныя съ каждымъ часомъ дня и ночи. Какъ ни суевѣрны и какъ ни нелѣпы были предсказанія, помѣщавшіяся въ означенныхъ таблицахъ, и какъ ни противны они были духу христіанской религіи, несмотря на то эти таблицы отнюдь не исключались изъ книгъ, составлявшихся прямо для употребленія христіанъ. До какихъ размѣровъ увеличивали значеніе астрологическихъ таблицъ, какую важность придавали предсказаніямъ, помѣщеннымъ въ нихъ, даже въ средѣ христіанъ, весьма характерно показываетъ это одна интересная надгробная надпись, относящаяся къ 364 гогу по Р. Х. [47]). Это эпитафія на гробницѣ одного дитяти, по имени Симплиціуса, который не прожилъ двухъ дней по рожденіи. И вотъ эпитафія, по этому случаю, говоритъ, что это сугубо печальное происшествіе случилось *въ четвертомъ часу ночи VIII майскихъ идъ (римскихъ), въ день Сатурна, въ двадцатую луну, подъ знакомъ козерога*. Столь мелочная отмѣтка времени, по справедливому замѣчанію Росси, обличаетъ очевидное намѣреніе объяснить столь преждевременную и прискорбную для родителей кончину младенца печальнымъ вліяніемъ той планеты, подъ которой онъ родился. Въ самомъ дѣлѣ, въ астрологическихъ таблицахъ, какъ оказывается, замѣчено, что «все то, что случается въ этотъ день Сатурна и въ этотъ часъ, будетъ ли то ночью или днемъ, мрачно и тяжко, и что тѣ, которые раждаются подъ такимъ вліяніемъ, подвержены великимъ опасностямъ.»

П. Овсянскій.

---

[47]) De-Rossi. Inscriptiones christianae urbis Romae 1857—1861. t. I. p. 92.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1872.

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Стр.

Слово на 12 января 1872 г. въ московскомъ университетѣ. *Прот. Н. А. Серіевскаго*..... 3

Изъ публичныхъ апологетическихъ чтеній объ основныхъ истинахъ Христіанской Вѣры: 1. О церкви.— 2. О послѣдней судьбѣ человѣка и міра. *Его же*.. 9

Мормоны. Религіозная секта въ Америкѣ. *Д. Семенова*. Гл. I—XVI 41, 228, 362, 539

О соединеніи духовныхъ академій съ университетами. По поводу передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 25 декабря 1871 года... 82

Къ вопросу о духовно-судебной реформѣ. *Л. Б*..... 110

Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго русскаго просвѣщенія. *П. А. Безсонова*.. 121, 283

Памяти графа М. М. Сперанскаго. *П. Б—ва*.... 159

Идеалъ нравственно-христіанской жизни и дѣятельности въ изреченіяхъ Христовыхъ о блаженствѣ. *Свящ. М. М. Воздвиженскаго* 175, 347, 482

Слово предъ погребеніемъ тѣла Н. А. Милютина, бывшаго члена коммисссіи по крестьянскому вопросу, статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. *Прот. Н. А. Серіевскаго*... 191

Слово предъ погребеніемъ тѣла В. Н. Никольскаго, ординарнаго профессора московскаго университета. *Его же*... 197

Стр.

Взглядъ на церковную реформацію въ Англіи. *Н. К. Соколова*..... 201

Объ устройствѣ церковно-археологическихъ музеевъ. *И. Д. Мансветова*..... 259

Еще о соединеніи духовныхъ академій съ университетами. По поводу передовой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 11 февраля 1872 г.... 323

Слово въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (19 февраля 1872 г.). *Прот. Н. А. Серіевскаго*..... 339

Тюремный вопросъ. *Свящ. И. Г. Свиткина*..... 386, 570

Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ (книга г. Ключевскаго). *Н. А. Попова*.... 410

Слово при гробѣ И. М. Соколова, бывшаго профессора московскаго университета. *Прот. Н. А. Серіевскаго*. 427

Обозрѣніе Абхазскихъ приходовъ въ 1871 г. Путевыя записки *преосвящ. Гавріила, епископа имеретинскаго*..... 433

Отчетъ о конгрессѣ для организаціи автономіи католической церкви Венгріи въ отношеніи ко всѣмъ угорскимъ греко-католикамъ и особенно въ отношеніи къ угорскимъ русскимъ 450, 624

Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора (19 февраля 1872 г.). *Преосвящ. Гавріила епископа имеретинскаго*..... 477

Англійскій богословъ бывшій римскій католикъ. («О затрудненіяхъ дня и какъ ихъ встрѣтить?» Восемь бесѣдъ Е. С. Фулькса.) *М. М. Сухотина*..... 512

Общества вспомоществованія и человѣколюбія въ древнемъ Римѣ..... 597

По поводу возстановленія Болгарскаго Экзархата. (Сказано въ засѣданіи Славянскаго Комитета 11 мая). *Н. А. Попова*..... 651

Краткій очеркъ исторіи Армянской восточной церкви. Съ предисловіемъ *Н. О. Эмина*..... 657

Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени

Стр.

взятія Константинополя турками до настоящаго столѣтія. *Е. Е. Голубинскаго*

Статья I. Школы..... 699

» II. Писатели..... 818

Полемическая противо-протестантская дѣятельность ученыхъ грековъ братьевъ Лихудовъ. *Д. Г. Извѣкова*..... 731

Нѣсколько словъ о возможности учрежденія миссіи между киргизами Средней Орды. *Свящ. І. Сотникова.* 771

Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ. (Опытъ разбора отрицательныхъ воззрѣній Баура на апостольскую исторію). *Н. Комарова*..... 791

Русская литература о сочиненіяхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. По поводу «Изслѣдованія» проф. Скворцова. *Свящ. І. А. Смирнова*..... 842

Для семинарской педагогіи. О сравнительной оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ и письменныхъ упражненій. 877

Миѳологическіе сюжеты на христіанскихъ памятникахъ. *Н. Озерецкаго*..... 897

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Св. Ипполита сочиненіе «О философскихъ умозрѣніяхъ» или «Обличеніе всѣхъ ересей.» Книга первая. Гл. II — Книга четвертая — Гл. IV. *Переводъ свящ. П. А. Преображенскаго*..... 7—38